

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

2/25/1
11. 25
ГОДЪ VI-й

Миссионерское обозрѣніе
МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

—♦♦♦— 1-й полугодіе
Іюль—Августъ 1901 годъ.

«Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ
посылаю вы». Іоанн. XX, 21.

«Идите паче ко овцамъ погнѣ-
шимъ дому Израилева». Мат. X. 6.

«Скорбь ми есть велія по братіи
моей». Римл. IX, 1—3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 136.
1901.

BX460

M67

July-Dec,
1901

Star 1 Excl

SM

Чѣмъ отличается православная вѣра отъ западныхъ исповѣданій,

А такой вопросъ многіе изъ русскихъ образованныхъ людей скажутъ—обрядами. Нелѣпость подобнаго отвѣта до того очевидна, что онъ не заслуживаетъ и вниманія. Однако, немногимъ ближе къ истинѣ иное сужденіе, которое присуще людямъ богословски-просвѣщеннымъ. Они скажутъ намъ о *filioque*, о главенствѣ папы и другихъ догматахъ, кои отвергаются православіемъ, и о тѣхъ догматахъ,—общихъ православію и латинству,—которые отвергаютъ протестанты. Выходитъ, что православіе лишено содержанія, составляющаго его исключительную принадлежность, одинаково чуждую европейскимъ исповѣданіямъ. Между тѣмъ историческое происхожденіе послѣднихъ, выработавшихся одно изъ другого, заставляетъ думать, что всѣ они одинаково чужды тѣхъ или иныхъ сокровищъ Христовой истины, потому что сомнительно допустить, чтобы изъ ереси могла выработаться другая, не сохранивъ въ себѣ извѣстной доли первой и не возвращаясь всетаки къ истинной Церкви.

Славянофильскіе богословы въ лицѣ Хомякова впервые постарались отмѣтить разность истинной Церкви отъ западныхъ исповѣданій не по тѣмъ или инымъ догматическимъ частностямъ, а со стороны общаго превосходства внутренняго идеала истинной Церкви надъ Церквями инославными. Въ этомъ огромная заслуга Хомякова предъ богословскою наукою, и предъ Церковью, и предъ просвѣщеннымъ Западомъ, который оцѣнилъ ее такъ же единодушно, какъ и русскіе литераторы, интересующіеся религіями. Оцѣнка эта обнаруживается всего убѣдительнѣе тѣмъ, что всѣ европейскіе богословы, относящіеся съ симпатіей къ православію, говорятъ о немъ именно въ хомяковской формулировкѣ вѣроисповѣдныхъ разностей. Въ частности старокатолики, тяготеющіе

къ православной Церкви и завязавшіе продолжительную официальную переписку о сближеніи съ нами своей общины, излагаютъ именно хомяковскіе взгляды на главные вопросы, раздѣляющіе, по ихъ мнѣнію, насъ и старокатолицизмъ. Мы разумѣемъ мысль о *filioque*, какъ о нововведеніи, прежде всего противномъ церковной дисциплинѣ, которая велитъ „*блужсти единеніе духа въ союзъ мира*“, и на *пресуществленіе* въ евхаристіи, какъ на понятіе, чуждое церковному преданію (которое учитъ о *преложеніи*) и заимствованное у западныхъ теологовъ.

Среди всѣхъ богословскихъ сочиненій, писанныхъ русскими, небольшой томъ Хомякова является самымъ популярнымъ какъ среди нашего просвѣщеннаго общества, такъ и за границей. Не станемъ поэтому воспроизводить подробно его положеній. Напомнимъ, что онъ рассматриваетъ разность вѣроисповѣданій въ ихъ ученіи о 9-мъ членѣ Символа Вѣры—въ ученіи о Церкви. Раскрывая православное ученіе объ этой истинѣ, совершенно искаженное и почти утраченное всѣмъ инославнымъ Западомъ, Хомяковъ весьма ясно показываетъ нравственную цѣнность нашего духовнаго идеала, превосходство, вообще, нашей вѣры надъ инославіемъ, которое утратило одну изъ наиболѣе святыхъ и возвышающихъ душу истинъ христіанства. Разумѣя подъ Церковью не столько власть, сколько *взаимный союзъ душъ*, восполняющихъ друга друга своимъ таинственнымъ общеніемъ со Христомъ, Который открывается вѣрующимъ не по одиначѣ, но въ ихъ взаимной любви, по ихъ единству (вселенскій соборъ), Хомяковъ вноситъ во всѣ требованія церковной дисциплины и въ самое познаніе божественной истины (что обусловлено авторитетомъ церковнаго преданія),—вноситъ духъ радостный, чуждый рабства, уносящій насъ въ необъятную широту общенія съ цѣлымъ міромъ вѣрующихъ, съ цѣлой вѣчностью.

Признавая безъ дальнихъ словъ, что православное ученіе о Церкви Хомяковымъ изложено правильно, и что онъ вообще достаточно обнаружилъ превосходство православія надъ западными исповѣданіями, утратившими понятіе о нравственномъ *союзѣ вѣрующихъ* и въ ихъ религіозной жизни и религіозномъ познаніи и низведшими царствіе Божіе на степень или личнаго (индивидуальнаго) подвига, или внѣшне-

правовой государственной организации, — признавая это и преклоняясь передъ богословской и миссіонерской заслугой Хомякова, мы утверждаемъ, однако, что его опредѣленіе православія, или — что то же — истиннаго богооткровеннаго христіанства въ противовѣсъ европейскимъ исповѣданіямъ, неполно. Намъ давно хотѣлось его восполнить.

На самомъ дѣлѣ разность между нашей вѣрой и инославіемъ лежитъ гораздо глубже.

Догматъ Церкви является, конечно, однимъ изъ важнѣйшихъ; наше общеніе черезъ Церковь должно воспроизводиться въ сознаніи вѣрующаго человѣка постоянно. Но и помимо этого въ опредѣленіи прямого отношенія каждой личности къ Богу и къ своей жизни чувствуется глубокая разность между инославнымъ европейцемъ и православнымъ христіаниномъ. Разностью этой проникнуты даже мелочи. Возьмемъ руководства духовной жизни. Одни изъ нихъ, по которымъ мы учимся въ школахъ и которыя составляютъ содержаніе нашей богословской науки, догматической и моральной, заимствованы у католиковъ и протестантовъ; у насъ опущены только извѣстные всѣмъ и осужденные церковными авторитетами прямые заблужденія инославія. Другія руководства нашей духовной жизни, общія образованнымъ людямъ и народу, — какъ современникамъ, такъ и предкамъ нашимъ по вѣрѣ до IX вѣка и ранѣе, — составляютъ содержаніе богослужебныхъ молитвъ, гимновъ и нашу святоотеческую мораль.

Но замѣчательное дѣло! Между обоими родами этихъ руководствъ почти нѣтъ внутренней связи. Нашихъ прологовъ, нашихъ догматическихъ гимновъ (стихирь и каноновъ), нашихъ Четій-Миней не знаютъ дипломированные богословы, а если иногда и знаютъ, то не какъ религіозные мыслители, по какъ простые богомольцы, какъ любители церковнаго пѣнія. Между тѣмъ эта славянская литература въ толстыхъ, неуклюжихъ книгахъ есть главная и почти единственная питательница и создательница дѣйствительной, живой русской вѣры и не только простонародной, но и просвѣщенной. Однако богословская наука не можетъ даже подступить къ ней, хотя бы изъ психологическаго интереса.

Возьмемъ теперь наиболѣе совершенныхъ христіанъ, руководителей христіанской жизни среди насъ: іеросхимонаха

Амвросія, о. Іоанна, еп. Теофана. Они не узкіе фанатики, они благодарные воспитанники семинарій и академій, но отыщите въ ихъ поученіяхъ заимствованія или ссылки на наше школьное и ученое богословіе. Не найдете, кромѣ случайныхъ огороховъ!

Предложите имъ цѣлыя горы ученыхъ томовъ въ помощь ихъ поученіямъ, они отнесутся къ нимъ съ уваженіемъ, и, повѣрьте, не найдутъ, что позаимствовать. То же испытываетъ и обыкновенный христіанинъ, желающій осмыслить то или иное явленіе своей религіозной жизни. — *Очевидно, что создавшаяся по западнымъ принципамъ богословская наука наша, хотя бы и чуждая западныхъ заблужденій, такъ далека отъ дѣйствительной духовной жизни православныхъ христіанъ, такъ не-сродна ей, что не только не можетъ руководить послѣдней, но даже и приблизиться къ ней.*

Этого не могло бы быть, еслибъ только въ ученіи о Церкви заключалась разнь западнаго богословія отъ православнаго; но это произошло оттого, что западные религіи измѣнили самое понятіе о христіанской жизни, о ея цѣли, ея условіяхъ.

Будучи ректоромъ академіи, я задалъ одному умному студенту тему: „сравнить христіанское правоученіе по епископу Теофану и Мартенсену ¹⁾“. Мартенсенъ—маститый протестантскій проповѣдникъ, признаваемый за лучшаго моралиста-теолога, притомъ наиболѣе свободнаго отъ вѣронсповѣдныхъ заблужденій. Еп. Теофанъ—просвѣщенный русскій богословъ, бывшій ректоръ Петербургской академіи. И что-же? Оказалось, что христіанская мораль подъ перомъ этихъ двухъ авторовъ явилась въ совершенно различномъ, нерѣдко до противоположности различномъ видѣ. Итогъ разностей формулированъ такъ.

Еп. Теофанъ учитъ тому, какъ построить жизнь по требованію христіанскаго совершенства, а западный епископъ (*sit venia verbo*) беретъ изъ христіанства то и настолько, что и насколько совмѣстимо съ условіями современной культурной жизни. Значитъ, первый смотритъ на христіанство, какъ на *вѣчный* устой истинной жизни и требуетъ отъ каждого

¹⁾ См. „Православный Собесѣдникъ“ за 1899 г. или „Сборникъ сочиненій студентовъ Казанской Дух. Академіи“, т. I, 1900 г.

ломать себя и жизнь до тѣхъ поръ, пока она не войдетъ въ эту норму, а второй смотритъ на основы современной культурной жизни, какъ на фактъ непоколебимый, и лишь въ области существующихъ частныхъ разновидностей его указываетъ тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе *одобрительны* съ христіанской точки зрѣнія. Первый требуетъ нравственнаго героизма, подвига, второй высматриваетъ, чтобы изъ христіанства годилось намъ въ нашемъ теперешнемъ жизненномъ устройствѣ? Для перваго,—человѣка, призваннаго къ загробной вѣчности, въ которой начнется истинная жизнь,—исторически сложившійся механизмъ современной жизни—ничтожный *призракъ*, а для второго ученіе о будущей жизни—возвышенная, облагораживающая идея, идея, помогающая намъ лучше и лучше устраивать здѣсь *реальную* жизнь.

Въ разности этихъ двухъ учителей добродѣтели сказалась и разность западно-европейскихъ религій и православной вѣры. Послѣдняя исходитъ изъ понятія христіанскаго совершенства или святости и съ этой точки зрѣнія даетъ оцѣнку наличной дѣйствительности, а Западъ утверждаетъ на *status quo* жизни и выгадываетъ тотъ *minimum религиозныхъ отправлений*, при которыхъ можно спастись, если и въпрямь существуетъ вѣчность.

„Вы указываете не на ложныя вѣрованія, а на пониженное религиозное настроеніе Запада!“—скажутъ намъ.

Да!—отвѣтимъ мы;—*пока* мы говорили о настроеніи, о вырожденіи западной религиозной жизни и мысли; сейчасъ укажемъ и на высокій принципъ, ими утраченный.

Христіанство есть подвигъ добродѣтели; христіанство есть жемчужина, для приобрѣтенія которой благоразумный купецъ Евангелія долженъ былъ распродать все свое имущество. Исторически подъ этимъ самоотверженнымъ рѣшеніемъ, подъ взятіемъ креста разумѣлись, повидимому, различные подвиги: во время земной жизни Спасителя—вступленіе въ число учениковъ, слѣдовавшихъ за Нимъ; далѣе—исповѣданіе вѣры и мученичество; затѣмъ, отъ IV вѣка и по XX—отшельничество и монашество. На самомъ дѣлѣ эти разные виды подвига были лишь условіями одной идеи, одной цѣли—постепеннаго достиженія на землѣ духовнаго совершенства, т. е. свободы отъ страстей, или безстрастія, и обладанія всѣми добродѣтелями, какъ того просятъ себѣ

всѣ вѣрующіе въ Ефремовой молитвѣ, многократно повторяемой Великимъ постомъ въ сопровожденіи многочисленныхъ поклоновъ. „*Сія есть воля Божія—святость ваша*“, говоритъ апостолъ, а достигнуть ея можно—лишь сдѣлавъ ее главнѣйшей, единственной цѣлью жизни, *если жить для того, чтобы достигать святости*. Въ этомъ заключается истинное христіанство; это—сущность православія въ отличіе отъ инославія западнаго. Восточныя ереси въ этомъ отношеніи, а слѣдовательно по существу, гораздо ближе къ православію, чѣмъ западныя (разумѣемъ наиболѣе сильную восточную ересь монофизитовъ, къ которой близко примыкаютъ армяне). *Духовное совершенство личности* остается и у нихъ цѣлью христіанской жизни, а разность возникаетъ только въ ученіи объ условіяхъ къ достиженію этой цѣли.

Но развѣ западные христіане говорятъ, что стремиться къ нравственному совершенству не нужно? Неужели они станутъ отрицать, что христіанство заповѣдуетъ намъ совершенство?

Сказать они этого не скажутъ, но не въ этомъ видятъ они сущность христіанства; да и въ пониманіи совершенства и въ способахъ достиженія его они разойдутся съ нами на каждомъ словѣ; они даже не поймутъ насъ ни въ чемъ и не согласятся съ тѣмъ, что именно нравственное совершенство личности есть цѣль христіанской жизни, а не просто богопознаніе (какъ полагаютъ протестанты) или благоустройство Церкви (паписты), за что, по ихъ мнѣнію, самъ Богъ даетъ человѣку нравственное совершенство въ качествѣ возмездія.

Нравственное совершенство *достигается* путемъ самодѣятельной, сложной работы надъ собой, внутренней борьбой, лишеніями, въ особенности же самоуничиженіемъ. Православный христіанинъ, искренно и усердно выполняющій духовную дисциплину, уже тѣмъ самымъ проходитъ значительную часть этого подвига, потому что наша дисциплина вся устроена именно такъ, чтобы служить постепенному умерщвленію страстей и приобрѣтенію благодатнаго совершенства. Этому способствуетъ содержаніе нашихъ богослужебныхъ молитвъ, подвиги говѣнія, постовъ и тотъ почти монашескій строй православной жизни, который указанъ нашимъ уставомъ и котораго строго держались наши предки до Петра и держатся донинѣ люди, живущіе началами культуры.

Говоря короче, *православная вѣра есть вѣра аскетическая*; православное богословское мышленіе—то, которое не остается мертвымъ достояніемъ школы, но вліяетъ на жизнь и распространяется въ народѣ,—оно есть изслѣдованіе о путяхъ духовнаго совершенствованія. Съ этой именно точки зрѣнія разсматриваются въ нашихъ стихирахъ и канонахъ какъ догматическія опредѣленія, такъ и событія священной исторіи, а равно и заповѣди и ожиданіе страшнаго суда.

Конечно, все это не чуждо и западнымъ исповѣданіямъ, но тамъ *спасеніе* понимается, какъ внѣшнее воздаяніе за извѣстное количество добрыхъ дѣлъ (внѣшнихъ—же), или за несомнѣнную вѣру въ Божество Іисуса Христа (протестантизмъ). Тамъ не разсуждаютъ и не умѣютъ разсуждать о томъ, какъ постепенно должна освобождаться душа отъ своего подчиненія страстямъ, какъ мы восходимъ отъ силы въ силу къ безстрастію и полнотѣ добродѣтелей. Есть тамъ и аскеты, но жизнь ихъ проникнута мрачнымъ, бессознательнымъ выполненіемъ давно установленныхъ дисциплинарныхъ требованій, за что имъ обѣщано прощеніе грѣховъ и будущая вѣчная жизнь. А то, что эта *вѣчная жизнь уже явилась*, какъ говоритъ св. апостоль Іоаннъ, что это блаженное общеніе съ Богомъ достигается неуклоннымъ подвижничествомъ еще здѣсь, какъ говоритъ пр. Макарій Великій,—всего этого Западъ не понимаетъ.

Непониманіе становится все грубѣе и безнадежнѣе. И современные западные богословы потеряли мысль о томъ, что цѣль христіанства, цѣль пришествія Христова на землю есть *именно нравственное совершенство личности*. Они какъ бы помѣшались на вымыслѣ, будто Христосъ Спаситель пришелъ на землю для того, чтобы принести счастье какому-то человечеству какихъ-то будущихъ вѣковъ, тогда какъ Онъ со всею ясностью сказалъ о томъ, что Его послѣдователи должны нести крестъ страданій, и что преслѣдованіе ихъ міромъ, ихъ родными братьями, дѣтьми и даже родителями будутъ постоянны, а въ концѣ вѣковъ умножатся съ особой силой. То благоустройство, котораго ждутъ на землѣ поклонники „суевѣрія прогресса“ (по удачному выраженію С. А. Рачинскаго), обѣщано Спасителемъ въ жизни будущей, но ни латиняне, ни протестанты не хотятъ съ этимъ мириться по той простой причинѣ (говоря откровенно),—что плохо

вѣрятъ въ воскресеніе и сильно вѣрятъ въ благополучіе настоящей жизни, которую, напротивъ, апостолы называютъ исчезающимъ паромъ (Іак. 4, 14). Вотъ почему псевдо-христіанскій Западъ не хочетъ и не можетъ понять отрицанія этой жизни христіанствомъ, которое велитъ намъ подвизаться „*свивекшись ветхаго челоуѣка съ дѣлами его и облекшись въ новаго, который обновляется въ познаніи по образцу Создавшаго его*“ (Кол. 3, 9).

„Христіанство есть любовь къ ближнему, а любовь—состраданіе въ скорбяхъ“,—замѣтятъ современные христіане и особенно христіанки: „аскетизмъ же выдуманъ монахами“.

Не буду спорить противъ перваго положенія, какъ спорилъ Леонтьевъ; даже скажу такъ: если-бъ была возможна любовь безъ духовнаго подвижничества, безъ боренія внутренняго и безъ внѣшнихъ подвиговъ, то и послѣдніе и первое были бы не нужны. Но любовь изсякла у людей именно тогда, когда они заговорили устами Лютера. Исполнилось слово: „и за умноженіе беззаконія изсякнетъ любви многихъ.“ Гдѣ нѣтъ подвига, гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ воцаряются страсти и беззаконія, а гдѣ царитъ грѣхъ, тамъ изсякаетъ любовь и люди начинаютъ ненавидѣть другъ друга (Матѣ. 24, 10). Обращаюсь къ второму положенію. Правда, любовь выражается прежде всего въ состраданіи, но не столько внѣшнимъ бѣдствіямъ ближнихъ, сколько ихъ грѣхсвности, а такое состраданіе доступно только плачущему о собственныхъ грѣхахъ: т. е. челоуѣку подвизающемуся.

„Аскетизмъ выдуманъ монахами“... Одна московская дама выразилась еще рѣшительнѣе: „всю вашу религію выдумали попы; я признаю только Иверскую и мученика Трифона (I'iverskaya et Tirphon le martyr), а прочее все глупости“. Но эти фразы показываютъ прежде всего, что наши образованные люди не понимаютъ слова аскетизмъ.

Понятіемъ этимъ вовсе не предрѣшается строй нашей жизни, и само по себѣ оно не включаетъ въ себя ни дѣвства, ни постовъ, ни отшельничества. Аскетизмомъ, или духовнымъ подвижничествомъ, называется жизнь, исполненная работы надъ собой, такая жизнь, цѣлью которой является уничтоженіе своихъ страстей: блуда, самолюбія, злобы, зависти, объяденія, лѣности и пр. и наполненіе души духомъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, которая никогда не бываетъ

одинокимъ добродѣтелю, а лишь спутницею и совершительницею перечисленныхъ свойствъ души.

Конечно, христіанинъ, желающій идти такимъ путемъ, самъ увидитъ, что придется ему и отъ свѣтской разсѣянности удалаться, и плоть смирять, и помногу Богу молиться—но эти подвиги ни имѣютъ никакой конечной цѣнности въ очахъ Божіихъ, а получаютъ ее только для насъ самихъ я какъ условіе для стяжанія даровъ духовныхъ. Гораздо большую цѣнность имѣютъ *подвиги духовные, совершающіеся въ сознаніи человека*: самоукореніе, самоуничтоженіе самопротівленіе, самопринужденіе, внутрь пребываніе, зрѣніе загробнаго міра, стояніе въ чувствахъ, бореніе съ помыслами, покаяніе и исповѣданіе, гнѣвъ на грѣхъ и на искушеніе и пр., упражненія—все, что такъ мало знакомо современнымъ образованнымъ людямъ и стольпонятно и извѣстно всякому народному начетнику, прежнему и теперешнему. Вотъ тотъ алфавитъ духовный, о которомъ говоритъ святитель Тихонъ ¹⁾, и *въ этомъ-то и состоитъ существеннѣйшее содержаніе истиннаго христіанства, какъ подвига жизни*,—содержаніе, забытое западными исповѣданіями, но составляющее центръ православной богословской литературы, которая истолковываетъ все Откровеніе божественное, всѣ событія и изреченія Библии прежде всего въ примѣненіи къ этимъ ступенямъ духовнаго совершенствованія. Воплотившійся, смирившійся и возскорбѣвшій о грѣхѣхъ нашемъ Спаситель принесъ намъ въ лицѣ Своемъ и въ общеніи съ Собой возможность именно *этого духовнаго дѣланія*, и въ немъ заключается наше спасеніе. Но одни совершаютъ его (Фил. 2, 12) добровольно и сознательно, проходя духовную жизнь, другіе проходятъ послѣднюю почти помимо воли, исправляясь посылаемыми отъ Бога страданіями и исполняя церковную дис-

¹⁾ „Два рода ученыхъ и мудрыхъ людей: одни учатся въ школахъ отъ книгъ, и множайшіе отъ нихъ суть безумѣйшіе паче простыхъ и безграмотныхъ, яко и алфавита христіанскаго не знаютъ; умъ острять, слова исправляютъ и красятъ, но сердца своего исправить не хотятъ. Другіе учатся въ молитвѣ со смиреніемъ и усердіемъ и просвѣщаются отъ Духа Святаго и суть мудрѣйшіе паче философовъ вѣка сего; суть благочестивіи и святіи, и Богу любезніи; сии хотя алфавита не знаютъ, но добро все разумѣютъ; просто, грубо говорятъ, но красно и благопріятно живутъ. Симъ, христіанине, подражай“ (III. 193).

циплину, третьи только передъ смертію очищаютъ раскаяніемъ свою разсѣянность и получаютъ просвѣщеніе за гробомъ, сущность же христіанскаго подвига заключается въ аскетизмъ, въ работѣ надъ своей душой; въ этомъ же состоитъ и сущность христіанскаго богословія.

Если прослѣдить *осъ* заблужденія Запада,—какѣтъ, которыя вопли въ его вѣроученіе, такъ и присущія его нравамъ, передаваемые намъ черезъ „окно Европы“; то увидимъ, что они всѣ коренятся въ непониманіи христіанства, какъ подвига постепеннаго самоусовершенствованія челоѣка.

Таково латино-протестанское ученіе объ искупленіи, какъ отмщеніи на Іисусѣ Христѣ оскорбленнаго Адамомъ божественнаго величія,—ученіе выросшее изъ феодальныхъ понятій о рыцарской чести, возстановляемой пролитіемъ крови оскорбителя; таково матеріальное ученіе о таинствахъ; таково ихъ ученіе о новомъ органѣ божественнаго Откровенія въ видѣ римскаго папы, каковъ бы ни былъ онъ по своей жизни; ученіе о заслугахъ должныхъ и сверхъ—должныхъ. Таково же, наконецъ, ученіе протестантовъ о спасающей вѣрѣ, съ отверженіемъ всей церковной организаціи.

Въ этихъ заблужденіяхъ ясенъ взглядъ на христіанство, какъ на нѣчто чуждое нашему сознанію и совѣсти, нѣчто условное, какъ на конкордаты съ Божествомъ, неизвѣстно почему требующимъ отъ насъ признанія какихъ-то непонятныхъ формулъ и воздающимъ за это вѣчнымъ спасеніемъ. Чтобы оградить себя отъ естественно поднимающихся возраженій, западные богословы усилили ученіе о полной будто-бы непостижимости не только Существа Божія, но и божественнаго закона и требовали въ лицѣ схоластиковъ, въ лицѣ Лютера и въ лицѣ даже современнаго Ричля, признать разумъ врагомъ вѣры и бороться съ ними, въ то время какъ стцы Церкви, въ лицѣ Василія Великаго и даже Исаака Сирина, считаютъ врагомъ вѣры не разумъ, а глупость челоѣческую, разсѣянность, невниманіе и упрямство. Если отъ ложныхъ религіозныхъ вѣрованій перейдемъ къ нравственнымъ убѣжденіямъ западниковъ, то у нѣкоторыхъ изъ нихъ найдемъ просто извращеніе христіанскихъ заповѣдей, и эти извращенія такъ въѣлись въ укладъ западной жизни общественной и личной, что никакія культурныя пертурбаціи, опрокинувшія христіанскіе алтари, разрушившія королевскіе

престолы, не могли опровергнуть однако этихъ дикихъ и безнравственныхъ предразсудковъ.

Такъ, Господь заповѣдуетъ всепрощеніе, а западная мораль—месть и пролитіе крови; Господь велитъ смиряться и считать себя грѣховнѣе всѣхъ, а Западъ ставить выше всего „чувство собственнаго достоинства“, Господь велитъ радоваться и веселиться, когда насъ поносятъ и изгоняютъ, Западъ требуетъ „возстановленія чести“; Господь и апостолы называютъ гордость „бѣсовскою“, западники—благородствомъ. Послѣдній русскій нищій, иногда даже полувѣрующій иноходецъ, тайно поклоняющійся керемети, лучше различаетъ добро и зло, чѣмъ подобные моралисты тысячелѣтней западной культуры, такъ печально смѣшавшей обрывки христіанства съ ложью классицизма.

И въ основаніи всѣхъ заблужденій лежитъ неразумнѣе простой истины, что христіанство есть религія аскетическая, что *христіанство—ученіе о постепенномъ исторженіи страстей, о средствахъ и условіяхъ постепеннаго усвоенія добродѣтелей; условія эти—внутреннія, заключающіеся въ подвигахъ, и—отвнѣ подаваемые, заключающіеся въ нашихъ догматическихъ вѣрованіяхъ и благодарныхъ священнодѣйствіяхъ, у которыхъ едино назначеніе: врачевать человѣческую грѣховность и возводитъ насъ къ совершенству.*

Антоній, Епископъ Уфимскій.

Уральскіе іеговисты.

(Публичная лекція, читанная въ Казани 18 марта 1901 года).

Въ концѣ минувшаго лѣта въ Баранчинскомъ заводѣ, за Ураломъ, мѣстный священникъ о. Архангельскій, казначей завода,—онъ же и церковный староста,—Зотовъ, заводскій мастеръ Вороновъ и уставщикъ механическаго цеха Блиновъ получили чрезъ уличныхъ мальчишекъ неизвѣстно кѣмъ присланные подарки, въ жестяныхъ коробкахъ, въ видѣ футляровъ для браслетъ или другихъ золотыхъ вещей, съ кнопками сверху для ихъ открытія. Всѣ получившіе, въ виду необычайности доставленія этихъ подарковъ, поостереглись вскрыть ихъ и заявили объ этомъ въ волостное правленіе. По произведенному правленіемъ дознанію выяснилось, что одинъ Баранчинскій обыватель усиленно добивался купить динамиту у рабочихъ на Кушвинскомъ и Благодатскомъ заводахъ, предлагая большія по его средствамъ деньги. Тогда, по распоряженію заводскаго начальства, при требуемыхъ предосторожностяхъ, жестянки были вскрыты и оказались наполненными динамитомъ. При этомъ кнопки были приспособлены такъ, что если надавить ихъ, то неизбежно послѣдовалъ бы взрывъ. Установлено также съ полною несомнѣнностію, что это—дѣло особаго рода сектантовъ, которыхъ прежде называли обществомъ „Десного братства“, послѣдователями „Сіонской вѣсти“, а теперь общепризнаннымъ ихъ названіемъ стало „іеговисты“, какъ и сами себя они называютъ.

Дѣло о покушеніи ихъ на жизнь другихъ при посредствѣ динамита,—безпримѣрное и въ лѣтописяхъ сектантства,—естественно взволновало окрестныхъ жителей, заинтересовало и многихъ другихъ: кого по обязанностямъ службы, кого по соприкосновенію съ сектантами и опасенію, кого по

ученой любознательности, а кого и по религіознымъ мотивамъ. Въ настоящее время оно находится въ рукахъ судебной власти, отъ которой и ожидается рѣшающее слово.

Мѣсяца два-три спустя послѣ этого происшествія, мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ гор. Казани намъ предъявлены были рукописи сектантскаго содержанія, присланныя однимъ изъ зауральскихъ слѣдователей,—съ отдѣльнымъ требованіемъ спросить насъ о нихъ въ качествѣ эксперта. При этомъ означенный слѣдователь интересовался характеромъ секты іеговистовъ,—предложивъ нѣсколько по сему вопросовъ,—и вредностію ея особенно въ гражданскомъ прошеніи. Видимо, начато и производится какое-то новое о нихъ дѣло,—хотя самое дѣло не было намъ предъявлено, и мы о немъ ничего не знаемъ. Всѣ рукописи оказались, дѣйствительно, писанными іеговистами, содержать ихъ ученіе и наглядно характеризуютъ іеговистовъ не только прежняго времени, но и современныхъ намъ.

Обстоятельства эти,—и особенно первое, и побуждаютъ насъ ознакомить съ вѣрованіями этой крайне своеобразной секты и съ отношеніями ея послѣдователей къ Церкви, государству и обществу.

Лично мы стали ознакомляться съ этой сектой ровно 25 лѣтъ назадъ по нѣкоторымъ печатнымъ сообщеніямъ, а главное по рукописямъ ея основателя, который присылалъ намъ свои произведенія. И современные его послѣдователи,—какъ ниже увидимъ, тоже не оставляютъ насъ безъ вниманія. Кромѣ того въ теченіе послѣднихъ 20 почти лѣтъ намъ пришлось прочитать десятки судебныхъ дѣлъ Екатеринбургскаго, Троицкаго и частію Пермскаго окружныхъ судовъ. Этими путями и другими, случайными, скопилось у насъ очень много рукописнаго матеріала, на основаніи котораго, при воспоминаніи прочитанныхъ дѣлъ и данныхъ нами экспертизъ, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны ¹⁾,—мы имѣемъ полную возможность вѣрно охарактеризовать означенную секту, освѣтивъ ее съ тѣхъ сторонъ, которыя представляются существенно важными и интересными.

Признаться, когда мы впервые стали ознакомляться съ произведеніями ея основателя, то подумали, что это не болѣе,

¹⁾ См. Миссіон. Обзор. 1899 годъ. январь и апрѣль.

какъ сумасбродный бредъ разстроеннаго воображенія, который практическаго значенія имѣть не можетъ и не будетъ, который не заразитъ собою другихъ и о которомъ поэтому едвали стоитъ и говорить.—Очень можетъ быть, что и многіе изъ васъ, выслушавъ предлагаемое чтеніе, вынесутъ изъ этой залы то же впечатлѣніе.—И однако, оказывается,—мы ошибались. Болѣе 50 лѣтъ слышится этотъ бредъ по ту сторону Урала,—такой болѣзненный бредъ,—въ которомъ не легко даже и разобраться, а тѣмъ болѣе найти убѣдительное слово для его обличенія и облегченія мятущихся. И этотъ бредъ увлекъ многихъ. Теперь уже, по исчисленію мѣстныхъ дѣятелей,—тысячи разсѣянныхъ по восточной сторонѣ Урала и сосредоточенныхъ на зауральскихъ заводахъ, болѣютъ этимъ. Отсюда болѣзнь давно уже проникла на сѣверовостокъ до Верхотурья и на югъ до Троицка (Оренбургской губерніи). Въ послѣдніе годы она стала появляться и въ Мензелинскомъ уѣздѣ (Уфимской губерніи) ¹⁾. Значитъ, и здѣсь, въ этомъ какъ бы бреду есть что-то заманчивое для простодушныхъ, есть нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ простой бредъ. Увлеченные этимъ представляютъ уже цѣлое сплоченное общество подъ извѣстной кличкой. Нѣкоторые же изъ нихъ, подъ силою и вліяніемъ воспринятыхъ сумасбродныхъ вѣрованій, доходятъ до того, что въ большемъ углу своихъ избъ, вмѣсто св. иконъ, держатъ тетрадки основателя секты ²⁾; святые же и Божественныя имена христіанскія всѣ они подвергаютъ, какъ увидимъ ниже, невыразимымъ глумленіямъ.

Такимъ образомъ волей-неволей приходится отнестись ко всему этому съ большимъ вниманіемъ и посмотрѣть на іеговистовъ, какъ на организованную уже секту, разливающую въ народъ зловредный ядъ, о которомъ вы сейчасъ изволите услышать,—такой ядъ, который мѣстами просто коробитъ душу.—Ясно, что мы беремъ на себя нелегкую задачу,—сказать правду и умолчать о многомъ, что не можетъ быть и передано.

¹⁾ Около трехъ лѣтъ назадъ производилось дѣло объ одномъ распространителѣ сектантства, ученіе котораго представляетъ смѣшеніе штундистскихъ и іеговистскихъ понятій. При производствѣ предварительнаго слѣдствія слѣдователь спрашивалъ нашего заключенія

²⁾ Выяснилось по одному дѣлу троицкаго окружнаго суда.

Основателемъ секты іеговистовъ былъ человѣкъ образованный, нѣкто Ильинъ, капитанъ артиллеріи. По происхожденію своему онъ официально значился сыномъ солдата, но самъ себя онъ называлъ незаконнымъ сыномъ какого-то шведскаго генерала Паткуля и польской уроженки Тенчинской. Первоначальное воспитаніе Ильинъ получилъ православное; но въ молодыхъ годахъ нѣкоторое время онъ былъ въ Полоцкѣ, въ іезуитскомъ коллегіумѣ, и большую часть времени прожилъ въ католической обстановкѣ. Поступивъ въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ на службу, онъ увлекался чтеніемъ тогдашняго мистическаго журнала „Маякъ“, о которомъ писалъ его редактору, что онъ „не въ силахъ удержать порывъ своего восторга предъ тружениками истинно благихъ и достохвальныхъ произведеній“. Въ 1842 году онъ самъ уже явился сотрудникомъ „Маяка“, напечатавъ статью, подъ названіемъ „Умовый взглядъ на общую азбуку въ природѣ человѣка къ пополненію житницы истиннаго просвѣщенія, первое зерно человѣческаго знанія“. Но секретъ здѣсь не въ этой общей азбукѣ, о которой можно не болѣе какъ только мечтать, а въ другомъ; авторъ въ своемъ предисловіи къ „умовому взгляду“ дѣлаетъ уже скачекъ со всѣмъ въ другую сторону; онъ говоритъ и о соединеніи науки съ вѣрой и объ объединеніи всѣхъ вѣръ подъ знаменемъ одной „миротворной, братопророческой, клевето-ангельской вѣры“. Вскорѣ онъ получилъ яко-бы откровеніе, что сущность такой всемірной вѣры состоитъ въ одной только любви. При этомъ онъ сталъ усвоить исключительное значеніе разнымъ откровеніямъ, видѣніямъ, восхищеніямъ, снамъ, гласамъ съ неба. Естественно, что его мистицизмъ долженъ далеко переступить за ограду богооткровенной религіи и привести въ область чистыхъ фантазій и сумасбродствъ. Это, какъ увидимъ, и случилось.

Съ такими задатками душевнаго настроенія Ильинъ былъ перемѣщенъ на службу въ Оренбургъ, а оттуда вскорѣ въ Екатеринбургъ и назначенъ въ Баранчинскій заводъ. Здѣсь онъ сначала не разрывалъ своей связи съ православною Церковію, сближался даже съ лицами духовнаго званія, вступалъ съ ними въ особую дружбу и родство. Но ясно, что это не могло долго продолжаться. Въ 1846 году Ильинъ началъ уже нападать на Церковь, пропагандируя свое уче-

ніе. Сводъ этого ученія онъ изложилъ въ сочиненіи подъ названіемъ „Сіонская вѣсть“ или „Лучъ свѣта разсвѣта“. Любытно посвященіе этого сочиненія: „Тебѣ, всепросвѣщенѣйшій и преблагороднѣйшій Человѣкъ—Еврей, корень и потомокъ Давыдовъ, Царь царей, Свѣтозарная звѣзда, Денница, Господь-Богъ пророковъ святыхъ, Богъ еврейскаго народа, Богъ Ильи и Ильина, или мой, Предвѣчный Человѣкобогъ и Аперъ-Эйехъ Ісусе! Прими, Родимушка, сію книгу отъ меня, раба Твоего, какъ дань Тебѣ, Царю моему, повели перевести ее на всѣ языки и положить въ народный архивъ царства Твоего“.

Вмѣстѣ съ этимъ и пропаганда его стала совершенно открытой. Ильинъ задумалъ прежде всего обратить къ себѣ всѣхъ безпоповцевъ, которые, будучи лишены церковно-іерархическаго авторитета, болѣе податливы могли быть, по его мнѣнію, къ воспріятію новаго ученія. Надежды Ильина не осуществились, а проповѣдникъ былъ преданъ суду и, по опредѣленію суда, сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ Соловецкомъ монастырѣ онъ описалъ свои дорожныя впечатлѣнія плаванія по Бѣлому морю. Сначала стоялъ непроглядный туманъ, но потомъ

„Мгла прошла, все скрылось,
Нѣтъ небесъ, ни суши,
Море шевелилось.
Вдругъ вѣтеръ превратился
Въ ураганъ ужасный,
Всякъ засуетился,
Видя рокъ несчастный;
Кто спускалъ, кто натягалъ,
Весь корабль нашъ залило,
Въ волны занырялъ.
И такъ насъ носило
Девять сутокъ сряду
И съ небесъ валило
Снѣгъ, крупы и граду.
Что со мною было,
Даже вспомнить страшно;
На меня валило
Сундуки и брашно“.

Про жизнь въ Соловкахъ Ильинъ писалъ, что тамъ

„Различныхъ скорбей много причиняли,
Кости мнѣ ломали,

Яду поддавали,
 Смердь и чадъ пускали,
 Рывкали, стучали“.

На самомъ же дѣлѣ житіе тамъ было такое, что хотя

„И во сто глазъ стерегли,
 Но зажать лучъ истины
 Въ семь лѣтъ не могли.
 Богъ моей рукою
 Написаль книгъ до ста,
 Силою святою
 Разсылалъ ихъ просто“.

Одинъ караульный солдатъ былъ уличенъ въ содѣйствіи жъ распространенію этихъ книгъ и понесъ должное наказаніе, а Ильинъ былъ переведенъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Въ 1883 году онъ былъ помилованъ и послѣдніе годы своей жизни проживалъ въ г. Митавѣ,—разсылая по разнымъ мѣстамъ свои сочиненія, писалъ даже въ Парижъ къ евреямъ. Въ нихъ онъ называлъ себя возродителемъ новозавѣтнаго іудейства и призывалъ послѣднихъ къ вступленію въ свое братство,—или въ царство Іеговы,—именуя ихъ въ настоящемъ видѣ сонмищемъ сатаны. Было и письмо къ Ротшильду. Ильинъ умеръ около 10 лѣтъ назадъ.

Проникнутый мистицизмомъ, Ильинъ въ основаніе своего ученія и положилъ единственную богодухновенную книгу Апокалипсисъ,—наиболѣе трудную для объясненія, какъ описывающую пророчески послѣдніе дни міра и притомъ наполненную образами, которые всякой можетъ прилагать къ своему времени и истолковывать примѣнительно къ своимъ личнымъ взглядамъ. Ее и одну ее онъ назвалъ „Книгой съ неба“. Въ уста своихъ послѣдователей онъ влагаетъ слѣдующую пѣснь, на голосъ „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже“ (Тропарь Преображенію Господню): „Преобразился Ты, нашъ Господи Ісусе, на островѣ Патмосѣ, открылъ намъ Твою человѣкобожескую славу и міроправительный планъ Твой, показалъ намъ ясно и понятно, что будетъ происходить въ мірѣ семъ, какія появятся разныя христіанства и деспотизныя шарлатанства“. При этомъ, останавливая свое вниманіе на этой таинственной книгѣ, Ильинъ усвоилъ себѣ особый даръ прозрѣнія, вообразилъ себя посланникомъ Іе-

говы, „возродителемъ новозавѣтнаго іудейства“. „Это дѣло“, — т. е. проповѣданіе сектантства, — „не мое, а Твое“ (т. е. Иеговы); я только имѣю уши къ словамъ Твоимъ. Благодарю Тебя, Боже Ісусе, отъ всей моей искренней любви къ Тебѣ, что Ты, показавъ мнѣ Евсеево тамуженіе, ¹⁾ положилъ предъ глазами моими рядомъ и отвѣтъ ему Твой“. Еще на первыхъ порахъ, въ предѣлахъ Екатеринбургa у Ильина оказались и два помощника, — такіе же „просвѣщенные тайнами природы“, такіе же пропагандисты, — лѣсничій Нижне-Туринскаго завода и одинъ изъ служившихъ въ Уральскомъ горномъ управленіи (фамиліи ихъ помѣчены конечными только буквами) ²⁾. И вотъ:

„Три вѣстника святыни,
Предсказанныхъ Тобой,
Ужъ дали гласъ святой
Грозу твою вѣщаютъ
На блудный Вавилонъ“.

Что же, спрашивается, вѣщали эти вѣстники и что вѣщаютъ ихъ преемники и послѣдователи настоящаго времени? Къ чему ихъ привело ихъ прозрѣніе? Въ какую сторону направленъ провозглашенный принципъ любви этой общечеловѣческой религіи, и насколько онъ выдержанъ въ общемъ?

Духъ есть Богъ, училъ Христосъ Спаситель (Іоан. 4, 24), и люби ближняго, какъ самого себя (Матѣ. 19, 19 и 22, 39). Богъ есть любовь, и кто говоритъ, что любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ ложь, проповѣдывалъ св. Іоаннъ, возлюбленный ученикъ и наперсникъ Христовъ (1 Іоан. 4, 20), тотъ самый, который получилъ и „книгу съ неба“ (Апокалипсисъ) и начерталъ откровенія о судьбахъ міра и Церкви. Кто же есть мой ближній? Не человѣкъ одного только вѣрованія, а всякій, оказавшій милость (Лук. 10, 37), и мало того, любите и враги ваша, слышали новое въ свое время слово изъ устъ Божественнаго Учителя самовидцы и слуги Его (Матѣ. 5, 44). Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына

¹⁾ Излюбленное выраженіе Ильина и его послѣдователей.

²⁾ „Лучъ свѣта“, рук. наш. библ. См. въ Прав. Собес. 1876 г. ч. 2 стр. 100.

Своего Единороднаго не пощаждѣ, но за всѣхъ насъ предаль Его (Іоан. 3, 16). И больше той любви никто не явить на землѣ и никто не имѣлъ, какъ Тотъ, Кто душу Свою положилъ за весь міръ, оставивъ и намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его (1 Петр. 2, 21).

Вотъ сущность христіанскаго ученія о Богѣ и о широтѣ и самопожертвованіи любви.

Богословіе Ильина слишкомъ своеобразное, сильно рѣжущее ухо, любовь же его, какъ увидимъ, слишкомъ узкая и эгоистичная, переходящая въ ненависть. О Богѣ онъ училъ, какъ о человѣкѣ, Христа Спасителя называлъ распятымъ Іеговой, человѣкобогомъ, причемъ и многихъ другихъ считалъ богами. Въ одной изъ своихъ статей, озаглавленной: „Рожонъ, выставленный отъ новозавѣтныхъ іудеевъ противъ христіанской Езавели“,—Ильинъ спрашиваетъ: „кто же такіе боги?“, и даетъ отвѣтъ: „люди же, только безсмертные и просвѣщенные таинствами природы, музыкою и разными языками, короли, безсмертные мудрецы, или маги“.... „И еврейскій Богъ боговъ есть человѣкъ же, говорилъ лицомъ къ лицу съ нашими предками, ходилъ, ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ ними и даже боролся съ Яковомъ, имѣлъ не только всѣ части человѣческаго тѣла, но и душу. Имя его Егова, что значитъ наимудрѣйшій мудрецъ изъ всѣхъ мудрецовъ и глава всѣхъ маговъ“. Въ статьѣ: „Тяжелое дѣло еврейскаго Бога съ народомъ Его“, объясняется что значитъ, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію. „Женщина есть портретъ мужчины, а мужчина есть портретъ Бога, слѣдовательно Богъ есть человѣкобогъ“. А между тѣмъ эти безсмертные люди, таинствами природы просвѣщенные, на дѣлѣ—чисто воображаемые. Ибо „на дѣлѣ каждый видитъ, что всякому человѣку такое же назначеніе въ природѣ, какъ и подобнымъ ему (!) обезьянамъ и другимъ животнымъ и растеніямъ, т. е. зарождаться, возрасть до опредѣленной величины и снова уничтожаться или разлагаться на составные первоначальные элементы. Вотъ почему и по прошествіи многихъ тысячъ лѣтъ никто никогда не видѣлъ безсмертнаго человѣка“. Въ приведенныхъ словахъ слышится уже чистѣйшій матеріализмъ и въ сущности безбожіе, причемъ и самое „безсмертіе“ является развѣ только

безсмертіемъ въ родѣ, или, скорѣе,—безсмертіемъ по дѣяніямъ, т. е. не личное, а какое-то другое, по существу совсѣмъ и не безсмертіе. Такое же ученіе и у современныхъ іеговистовъ, которые превзошли даже въ этомъ своего учителя. Вотъ что читаемъ въ одной изъ ихъ тетрадокъ, описывающей бесѣду съ православнымъ миссіонеромъ Екатеринбургъ (Романовскимъ): „вашего Духа—Бога, если за тысячнымъ солнцемъ еще квадранціонъ верстъ пройдешь, то и тамъ вашего Бога не найдешь. А нашъ Богъ ходитъ по землѣ и заходитъ къ друзьямъ своимъ (Лук. 2, 23. 12, 4. Іоан. 15, 15. Книга съ неба 3, 23) и ужинаетъ у нихъ вмѣстѣ съ ними (Книга съ неба 3, 20), подобно тому, какъ онъ заходилъ къ Аврааму и обѣдалъ у него подъ дубомъ и послѣ ходилъ и стоялъ съ нимъ у Содома (18, 1—8. 29. 19, 1), боролся съ Яковомъ (1 Моис. 32, 24—32), заходилъ къ Мельхиседеку, къ Адаму и Еввѣ, къ Каину и Авелю, Іову, Валааму и Магомету, обѣдалъ на Синаѣ съ 75 израильтянами (2 Моис. 24, 11—18), перстомъ своимъ написалъ скрижали (2 Моис. 31, 15. 32, 16) и являлся Іоанну (К. С. 1, 13—18). Нашъ Богъ—человѣкъ и даже еврей, и даже обрѣзанный, но только предвѣчно безсмертный¹⁾; онъ воскрешаетъ своихъ друзей и дѣлаетъ ихъ такими же неумирающими“. Далѣе, относительно этихъ „неумирающихъ“, безсмертныхъ людей Ильинъ писалъ только, что они „братія и сестры святымъ пророкамъ, клеветы ангеламъ его“, и больше ни слова.—Видится, что онъ окутывалъ густымъ туманомъ предносящихся въ его воображеніи какихъ-то „безсмертныхъ“ людей, тогда какъ, по его же словамъ, всѣ смертны безъ надежды воскресенія. Такихъ безсмертныхъ клеветовъ ангеламъ Ильинъ находилъ въ свое время, какъ мы видѣли, трехъ,—которые всѣ, къ слову замѣтимъ, умерли.

Современные послѣдователи Ильина, подъ влияніемъ этихъ смутныхъ понятій о безсмертіи,—при уничтоженіи личности,—получили полную возможность расширить и кругъ этихъ „безсмертныхъ“ людей. Таковыми безсмертными друзьями Іеговы являются, уже, по ихъ представленіямъ: „Мельхиседекъ, Енохъ, Ілія, Моисей, Сусловъ—московскій мѣща-

¹⁾ Какъ же это, когда „всякому человѣку назначеніе въ природѣ“ умирать; выходить, что и Богъ—смертенъ. Такъ ли это?

нинъ, два раза убитый и два раза воскресшій ¹⁾, Яковъ Бэмъ—нѣмецъ башмачникъ, Иванъ Гуссъ, Іеронимъ Пращскій—сожженные живыми, Іоаннъ Замолвкинъ—Донской казакъ, учитель Пиеагора (такъ!), за 500 лѣтъ до Рождества Христова леталъ по міру на стрѣлкѣ,—Пиеагоръ, Зараостръ, Антипасъ—сожженный живымъ въ раскаленномъ быкѣ, въ капищѣ, Шарри—еврей изъ Митавы—и проч. И изъ женщинъ: Маріамъ, Деввора, Мать Христова, Іоанна Хуза,—снабжавшая Христа деньгами (Лук. 8, 3), Марія Магдалина, Марія Клеопова, Княгиня Медичи, сожженная живой въ Римѣ за отступничество отъ сатаны къ Еговѣ, Елизавета Криднеръ—русская, изъ православныхъ, она въ Швейцаріи въ 1814 году накормила 10,000 человѣкъ одной краюшкой хлѣба,—и великое множество другихъ.—„У Еговы“,—чтото же,—распятого человѣкобога Христа,—есть и Отецъ,—„тоже человѣкъ, но только безсмертный, и тѣло его похоже на камень Япмосардъ“ (Кн. С. 4, 3. 5, 1. 12, 21). „Это богословіе согласно и съ писаніемъ еврейскихъ пророковъ, и съ Алкораномъ, и съ Буддійскимъ священнымъ писаніемъ“.

И все это подтверждаетъ тотъ же матеріализмъ и безбожіе, при странной спутанности и очевидныхъ противорѣчіяхъ въ вопросѣ о безсмертіи, которыя и возможно только объяснить тѣмъ же отрицаніемъ личнаго безсмертія и тѣмъ же матеріализмомъ.

Отсюда и внѣшнія проявленія этой „Миротворной“ религіи заключаются въ томъ, чтобы

„Ни алтарей, ни церквей не создавать,
А на всякомъ мѣстѣ Бога прославлять.
Ни обрядовъ, ни поповъ не сочинять,
Ибо всякій братъ есть царь и іерей“.

И это потому, что „истинный законъ заключается не въ обрядахъ и не въ канонахъ, и не въ крючковатыхъ тонахъ, не въ катавасныхъ тропаряхъ и кондакахъ“. Вмѣсто всего этого

„Хороводы и парады,
Разныя хваленія;
Ибо это суть обряды
Богославленія“.

¹⁾ Одинъ изъ первыхъ хлыстовскихъ ересіарховъ, о распятіи котораго на стѣнѣ Московскаго Кремля и о воскресеніи передается въ сказаніяхъ хлыстовъ.

Для этихъ хороводовъ составлены и особаго рода гимны. Вотъ, напримѣръ гимнъ двухорный съ музыкою: „Эпитафія на православныхъ кладбищахъ“, пѣтъ на голосъ: „Близъ Ревеля баронъ, любитель псовъ“. А вотъ и еще гимнъ: „Догмать покаянія безъ духовника, или бомба Божіей артиллеріи“,—пѣтъ на голосъ: „Чѣмъ тебя я огорчила“. А вотъ и „Маршъ лаодикійскихъ побѣдителей къ Сіону“, (т. е. іеговистовъ къ Іерусалиму, въ которомъ наступитъ для нихъ земное 1000-лѣтнее царство,—о чемъ сейчасъ услышите),—пѣтъ на голосъ! „Я посѣю молода-младенька цвѣтиковъ маленько“ и много другихъ подобныхъ. Услаждаются ли этими гимнами и составляютъ ли іеговисты хороводы теперь, это намъ неизвѣстно; но они бредятъ ими въ будущемъ своемъ земномъ царствѣ „безсмертныхъ“ людей, въ Іерусалимской республикѣ. Это царство составляетъ ихъ конечныя чаянія, и вотъ какое оно будетъ, по ихъ описаніямъ. „Отъ Іерусалима до китайскаго города Кантона проведена будетъ желѣзная дорога съ роскошными станціями и прелестнѣйшими садами“. Здѣсь въ этихъ садахъ

«Хороводы дамъ, дѣвицъ,
Кроткихъ, мудрыхъ, и пѣвицъ
Вьются Божимъ вензелемъ
И поютъ Ему объ Немъ»,
Всюду слышится игра
Аллилуіа и Ура!»

А люди будутъ жить въ безмятежномъ спокойствіи, во всеобщей любви, въ полной свободѣ и равенствѣ, при совершенномъ довольствѣ земными благами.

„Нѣтъ полицій, ни судей,
Всюду святость у людей.
Нѣтъ ни стражей, ни солдатъ,
Самъ Господь хранитъ нашъ градъ.
Нѣтъ тутъ демонамъ мольбы,
Въ честь ихъ праздниковъ, гульбы,
Нѣту варварскихъ наукъ,
Школъ рекрутскихъ, буйства штукъ.
Нѣтъ кинжаловъ, ни штыковъ,
Въ знать, въ убійство игровъ.
Съ нами Богъ.
Нѣтъ рапортовъ, льстей властямъ,
Подсудырья ихъ страстямъ.
Всѣ равны въ однихъ чинахъ.

Нѣтъ прелюдій для трамблянствъ,
 Маскарадовъ, пиршествъ, пьянствъ.
 Нѣтъ воровъ, пройдохъ, плутовъ,
 Богословій отъ поповъ (попы-то тутъ при чемъ?).
 Съ нами Богъ“.

Но это пока болѣе отрицательное,—чего нѣтъ и не будетъ. Что же будетъ-то? А вотъ что:

„Злата, бронзы, серебра,
 Драгоценностей, добра
 Намъ, какъ горы, навалилъ
 И все въ братство подарилъ.
 Съ нами Богъ.

Урожайные года
 Сдѣлалъ сряду навсегда.
 Сотворилъ отъ зноя тѣнь,
 Ночью-жъ свѣтло такъ, какъ день.
 Градомъ, льдомъ ничто не бьетъ.
 Облачнымъ огнемъ не жжетъ.
 И даль дождь не заливной,
 А кропящій, какъ росой“.
 Съ нами Богъ“.

И свирѣпыя животныя измѣнили свои инстинкты,

„Стали волки, тигры, львы,
 Какъ овечки же, смиры.
 Съ нами Богъ“¹⁾.

Такъ фантазировалъ Ильинъ, не знающій другихъ благъ, кромѣ земныхъ, и другого счастья, кромѣ вѣшняго довольства. Современные его послѣдователи и въ этомъ превзошли своего учителя. Ихъ фантазія дошла до невозможныхъ предѣловъ, въ мусульманскомъ нѣсколько вкусѣ. Имъ мало показалось одной тысячи лѣтъ такой жизни. Навязывался, видимо вопросъ: что же дальше-то? Въ отвѣтъ видится дальнѣйшая игра неудержимой фантазіи, только прозой, а не стихами. „Послѣ тысячи лѣтъ Егова совсѣмъ истребитъ сатану изъ бытія со всѣми принадлежащими ему людьми“ (выходить, что Ильинъ еще не совсѣмъ рассчитался съ сатаной и съ сатанистами, и они могутъ портить счастье обитателей 1000 лѣтняго царства!), сдѣлаетъ новую землю, въ миллионъ разъ большую этой и безъ океана и морей (!), и поселится на ней съ своими безсмертными людьми на 88 тысячъ лѣтъ. Послѣ же сего Онъ опять сдѣлаетъ новую

¹⁾ „Лучъ Свѣта“, см. Прав. Собес. цитованную статью за 1876 голь.

землю... Онъ станетъ по временамъ передѣлывать землю все лучше и лучше, до безконечнаго; уму непостижимаго совершенства—(тутъ ужъ и фантазія начинаетъ отказываться). Городъ Іерусалимъ на преображенную землю (это въ который разъ?) будетъ спущенъ съ неба, сдѣланный небесными людьми, т. е. жителями другихъ планетъ,—(значить, іеговистамъ извѣстно, что есть жители и на другихъ планетахъ?),—украшенный драгоцѣнными камнями, а улицы вымощены прозрачнымъ золотомъ, въ длину, ширину и вышину на 2000 верстъ (широкія и высокія уллицы!), окруженный огромною стѣною изъ яшмы, съ 12 воротами изъ 12 жемчужинъ (!), и на анеомезисахъ (флигеляхъ) имена 12 апостоловъ израильскихъ (а не христіанскихъ? Какихъ же израильскихъ?).—Сей городъ съ неба еще Авраамъ ожидалъ. Посреди города будетъ дворецъ Егова, а храма и никакихъ жертвоприношеній не будетъ. Изъ-подъ дворца будетъ протекать рѣка по всѣмъ улицамъ, и на берегахъ ея будутъ расти дивныя фруктовыя деревья, приносящія плоды каждый мѣсяцъ (!). Отъ ѣды сихъ фруктовъ люди не станутъ ни старѣть, ни умирать, а на всю нескончаемую вѣчность оставаться безсмертными (да, вѣдь, они и сейчасъ есть?... Притомъ, у Ильина для этого придумано только одно дерево „Артубахъ“, которое „всѣмъ по вкусу, всѣмъ сластитъ, и питаетъ, и живить“ (Прав. Собес. стр. 107),—мужчины въ возрастѣ 34 лѣтъ, а женщины 16 лѣтъ... Вотъ въ какой городъ Іерусалимъ приглашаетъ Егова на нескончаемое жительство каждаго человѣка!“¹⁾).

Но приглашеніе остается пока только приглашеніемъ. А такъ какъ этотъ Іерусалимъ еще въ далекомъ будущемъ, въ столь далекомъ, неизвѣстномъ, что и современные іеговисты едва ли дождутся его наступленія, а скорѣе всѣ „разложатся на первоначальные составные элементы“, то нужно же и настоящимъ людямъ дать какое-нибудь утѣшеніе въ жизни. Видится, Ильинъ это предвидѣлъ, почему и здѣсь, на нашей землѣ создаетъ своимъ послѣдователямъ обольстительный идеалъ и рисуетъ заманчивую идиллію. Издѣсь

„Въ законъ же далъ Его любовь,
Чтобъ всѣ мы шли бы безъ чиновъ,

¹⁾ См. Миссіон. Обозр. 1900 г. февр. стр. 278—279.

Чтобъ стали быть одной семьей
 Въ свободномъ равенствѣ, въ любви,
 Чтобъ въ дружбѣ были всѣ крѣпки,
 Ласкались бы, какъ голубки“.

Ибо „только эгоисты могутъ говорить, что можно спастись стѣ смерти, и будучи богачемъ, господиномъ, владыкомъ, властелиномъ, или бариномъ ¹⁾.“

„Ну, такъ веселитесь,
 Радостно рѣзвитесь,
 Други и другини
 Божіей святыни.

.....
 Обнимай братъ брата
 Въ двѣ руки, въ два хвата,
 А сестра сестрицу,
 Даму и дѣвицу,
 Съ цѣлованьемъ—милованіемъ,
 Голубкамъ подобно.

Дѣточки—малютки,
 Бѣгать перестаньте,
 Къ маменькамъ пристаньте!
 Старичекъ увялый,
 Отъ трудовъ усталый,
 Старушечка мила,
 Въ коей слаба сила,
 Не лежите, не сидите,
 На младыхъ опритесь.
 Потихохоньку ходите,
 Вмѣстѣ веселитесь“ ²⁾.

Насколько и какъ наслаждаются этой идилліей современные іеговисты, мы того не знаемъ. Знаемъ только изъ одного судебного дѣла Верхотурскаго уѣзда о братіяхъ Уфимцевыхъ, ³⁾ что вѣру свою они—іеговисты называютъ „легкой, ни въ чемъ грѣха не признающею“, почему и держать,

¹⁾ Прав. Собес. стр. 101.

²⁾ Прав. Собес. стр. 102.

³⁾ См. о немъ въ Миссіон. Обзор. 1899 г. апрѣль, стр. 409—410.
 Наша экспертиза.

вмѣсто законныхъ женъ, сожительницъ, а совращаемыхъ спаиваютъ водкой. „Здѣсь хорошо живемъ и тамъ хорошо поживемъ“, говорятъ они, тамъ, то—есть въ 1000-лѣтнемъ царствѣ.

Эта-то легкость вѣры, эти фантастическіе рассказы о царствѣ полнаго равенства, при всѣхъ благахъ жизни, эти воображаемыя ласканія и веселье и составляютъ заманчивую обольстительную сторону сектантства. Кому бы изъ людей темнаго, людскаго міра не захотѣлось пожить при такой обстановкѣ, хоть и не теперь, а въ далекомъ будущемъ? Вотъ тотъ секретъ, которымъ можно объяснить жизненность сумасброднаго ученія іеговистовъ.

Проф. Н. И. Ивановскій.

(Продолженіе будетъ).

Антиканоническій характеръ аветрійской іерархіи ¹⁾).

КАКЪ извѣстно, бѣглый попъ Іеронимъ помазалъ перешедшаго въ расколъ Амвросія мѣромъ, чѣмъ и былъ законченъ чинопріемъ. Естественно возникаетъ вопросъ: правиленъ ли такой чинопріемъ по существу, т. е. возможно ли послѣ мѣропомазанія оставлять присоединяющагося къ Церкви неправославнаго клирика въ сущемъ санѣ. Вопросъ очень трудный для яснаго и точнаго рѣшенія, такъ какъ церковныя правила, повелѣвающія принимать неправославныхъ клириковъ чрезъ мѣропомазаніе, не говорятъ о томъ, сохранялись или нѣтъ въ подобныхъ случаяхъ священныя степени за клириками, присоединявшимися къ православной Церкви. Такъ, въ 7 правилѣ 2 Вселенскаго собора читаемъ: „Присоединяющихся къ православію и къ части спасаемыхъ изъ еретиковъ пріемлемъ по слѣдующему чиноположенію и обычаю. Аріанъ, македоніанъ, савваціанъ и новацианъ, именующихъ себя чистыми и лучшими, четыренадесятниковъ, или тетрадитовъ, и аполлинаристовъ, когда они даютъ рукописанія и проклинаятъ всякую ересь, не мудрствующую, какъ мудрствуетъ святая Божія каволическая и Апостольская Церковь, пріемлемъ, запечатывая, то есть, помазуя святымъ мѣромъ во-первыхъ чело, потомъ очи и ноздри и уста и уши, и запечатывая ихъ, глаголемъ: печать дара Духа Святаго“. О томъ же способѣ принятія неправославныхъ въ Церковь говорится и въ 7 правилѣ Лаодикійскаго собора: „Обращающихся отъ ереси, то есть, новацианъ, или фотиніанъ, или четыренадесятниковъ, какъ оглашенныхъ, такъ и вѣрныхъ, по ихъ мнѣнію, пріимати не прежде, какъ проклянутъ всякую ересь, особенно же ту, въ которой они находились: и тогда уже глаголемые у нихъ вѣрные, по изученіи символа вѣры, да

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ май.

будутъ помазаны святымъ мироу и тако причащаются святымъ таинъ“¹⁾ (ср. 96 пр. 6-го Всел. собора). Какъ видимъ, указанныя правила, говоря о принятіи еретиковъ чрезъ мѣропомазаніе, не упоминаютъ о томъ, рукополагались ли нѣтъ въ послѣдствіи присоединившіеся къ Церкви еретическіе и раскольническіе клирики. Умолчаніе правила о столь важномъ обстоятельстве даетъ поводъ апологетамъ австрійской іерархіи утверждать, будто бы вышеозначенныя правила только объясняютъ или дополняютъ 8 правило 1 Вселенскаго собора, повелѣвающее оставлять неправославныхъ клириковъ по переходѣ въ православную Церковь въ прежнихъ степеняхъ священства. Но на самомъ-то дѣлѣ все заставляетъ насъ думать иначе, именно, что какъ лаодикійскій помѣстный соборъ, такъ и Вселенскіе 2-й и 6-й соборы нашли неудобнымъ принимать еретическихъ и раскольническихъ клириковъ тѣмъ чиномъ, какой опредѣленъ былъ въ 8 правилѣ 1 Вселенскаго собора, а потому и установили иной способъ чинопріятія. Мы знаемъ, что въ различное время способы принятія еретическихъ и раскольническихъ клириковъ въ православную Церковь были не одинаковы; не можетъ быть ничего удивительнаго и въ томъ, что 1 Вселенскій соборъ установилъ не тотъ чинопріемъ, какой былъ опредѣленъ на послѣдующихъ соборахъ. Говоря такъ, т. е., что 8 правило 1 Вселенскаго собора не служитъ дополненіемъ 7 правила Лаодикійскаго собора, 7 правила 2 Вселенскаго собора и 96 правила 6-го Вселенскаго собора, мы въ то же время утверждаемъ, что послѣднія правила несомнѣнно опредѣляютъ тотъ чинопріемъ, по смыслу котораго неправославные клирики, принятые при переходѣ въ православную Церковь чрезъ мѣропомазаніе, должны быть снова рукополагаемы въ священныя степени. Доказать справедливость даннаго положенія мы можемъ, пользуясь соображеніями отчасти догматическаго, а отчасти каноническаго характера.

По ученію ап. Павла, мѣропомазаніе „извѣствуетъ насъ во Христѣ“ (2 кор. 1, 21), т. е. утверждаетъ насъ во Христѣ, укрѣпляетъ наши духовныя силы; отсюда сіе таинство столь необходимо для человѣка, что, по ученію св. отцевъ, не

¹⁾ Книга правилъ, стр. 47, 180.

мвропомазанный не можетъ даже именоваться христіаниномъ; „удостоившись святаго мвропомазанія, вы,—говорить св. Кириллъ Іерусалимскій оглашеннымъ,—нарицаетесь христіанами, оправдывая возрожденіемъ и самое имя: ибо прежде, нежели вы сподобились оныя благодати, вы сего наименованія собственно достойными не были, а стремились къ тому, чтобы быть вамъ христіанами“¹⁾. Симеонъ Солунскій, изъясняя слова молитвы: „во еже быти тымъ (принявшимъ помазаніе мвра) предъ Тобою знаемымъ, домовнымъ гражданиномъ... И познаваемымъ чрезъ святое сіе знаменіе отъ святыхъ ангель и архангель и вся небесныя силы,“ говоритъ: „этимъ выражается, что чрезъ мвро мы дѣлаемся подобными ангеламъ и чрезъ него вѣдомы имъ“. „Смотри,—продолжаетъ Симеонъ Солунскій,—какъ мы, вѣрные, дѣлаемся чрезъ божественное мвро тѣмъ-то новымъ: „Да будутъ Тебѣ, говоритъ (молитва), родъ избранный, царское священство, народъ святой тѣ, кои запечатлѣны симъ пречистымъ мвромъ Твоимъ“, т. о. чрезъ сіе мы приедемъ на себя печать Св. Троицы; а кто не помазанъ симъ божественнымъ мвромъ, не имѣетъ сей печати. Но какой еще величайшій даръ даетъ намъ молитва, которую я изложилъ всю, чтобы мы узнали дары, подаваемые чрезъ мвро? „И имѣли, говоритъ, Христа Твоего, освящаясь въ жилище Тебѣ—Богу и Отцу во Святомъ Духѣ“. Вотъ чрезъ него и Христосъ въ сердцахъ нашихъ и мы содѣлаваемся жилищемъ и храмомъ Бога Отца и Сына Его Іисуса Христа и Святаго Духа. Т. о. мвромъ симъ довершается крещеніе, и мы дѣлаемся чрезъ него храмами Троицы. Поэтому оно преподается послѣ крещенія и низводитъ на насъ Духа, что явилъ надъ собою и Спаситель, когда крестился во Іорданѣ. Чрезъ сіе же мвро мы дѣлаемся духовными и благодатствованными и запечатлѣнными печатію Божественныя Троицы: такъ какъ мы освящаемся, очищаемся и возрождаемся въ святой водѣ Ея именемъ, а чрезъ мвро приедемъ печать Ея и дары, и какъ не крещенный остается нечистымъ и не возрождается въ жизнь вѣчную, такъ не помазанный послѣ крещенія не имѣетъ печати и знаменія Св. Троицы,

¹⁾ Св. Кирилла іерусалимскаго Тайноводств. поученія, III, 5. По словамъ св. Иринея мвропомазаніе „пища жизни“—Иринея противъ ересей, кн. 4, 28 л.

не приѣмлетъ и благодати Духа“ ¹⁾. Если т. о., по смыслу священнаго Писанія, ученію Кирилла Іерусалимскаго и Симеона Солунскаго, мѣропомазаніе довершаетъ крещеніе, а не мѣропомазанный не можетъ даже именоваться христіаниномъ, то трудно предположить, чтобы человѣкъ, не сподобившійся таинства св. мѣропомазанія, могъ получить благодать хиротоніи,—чтобы не совершенный христіанинъ могъ сдѣлаться раздаятелемъ благодатныхъ даровъ вѣрующимъ. Св. ап. Павелъ заповѣдалъ ученику своему Тимоѣю рукъ не возлагать ни на кого поспѣшно (1 Тим. 5, 22), и это, конечно, потому, что дары священства приличествуетъ раздавать лицамъ, наиболѣе способнымъ къ сему великому, трудному и отвѣтственному служенію людямъ, не только испытаннымъ въ словѣ и ученіи, но и могущимъ быть *„образомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ“* (1 Тим. 4, 12), а всѣ сии качества, потребныя для кандидата священства, не иначе могутъ быть внѣдрены въ душѣ послѣдняго, какъ при помощи подаваемой въ таинствѣ мѣропомазанія благодати Духа Святаго, немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей. Отсюда прямой выводъ тотъ, что не мѣропомазанный не имѣетъ права быть клирикомъ церковнымъ и тѣмъ болѣе достигать высшихъ ступеней церковной іерархіи, а потому необходимо думать, что правила церковныя, повелѣвающія мѣропомазывать приходящихъ къ Церкви неправославныхъ клириковъ, тѣмъ самымъ не дозволяютъ оставлять ихъ въ прежнихъ степеняхъ іерархіи, а повелѣваютъ вновь хиротонисать. „Какъ скоро Церковь принимаетъ кого-либо изъ еретиковъ чрезъ мѣропомазаніе, говоритъ проф. В. Соколовъ, то не можетъ быть рѣчи, чтобы они сохраняли въ этихъ случаяхъ принадлежащія имъ іерархическія степени. По самому существу таинства священства и мѣропомазанія первое не можетъ быть признано дѣйствительнымъ у того, кто не считается правильно сподобившимся благодатныхъ даровъ мѣропомазанія, а потому, когда Церковь принимала аріанъ, македоніанъ, наваціанъ, и др., „запечатлѣвая, то есть, помазуя св. мѣромъ“, она несомнѣнно уже не признавала дѣйствительными ихъ священ-

¹⁾ Писанія св. Отцовъ и учителей Церкви, относящіяся къ толкованію Прав. Богослуженія, т. II, 86—87 стр.

ныхъ степеней ¹⁾. „Епископы, пресвитеры и діаконы, которые принимаются въ Церковь чрезъ мѣропомазаніе,—замѣчаетъ арх. Сергій,—должны быть вновь возводимы въ священныя чины, если признаются того достойными“ ²⁾. Но мы имѣемъ и прямое доказательство того, что въ древности (въ половинѣ V вѣка) неправославные клирики, принятые въ православную Церковь чрезъ мѣропомазаніе, рукополагались вновь въ священныя степени. Доказательствомъ симъ служить посланіе константинопольскаго собора къ патріарху антиохійскому Макарію, которое, какъ имѣющее рѣшающее значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ, приводимъ въ оригиналѣ и переводахъ.

...Ἀρειανούς καὶ Μακεδονιανούς καὶ Νоваτιανούς... δεχόμεθα... χρισμένους πρῶτον τῷ ἁγίῳ μύρῳ... καὶ μετὰ ταῦτα, ὡς σπουδαῖοι λαῖκοί, χειροτονοῦνται ἐκεῖνοι, οἱ ἦσαν παρ' αὐτοῖς τὸ πρότερον εἴτε πρεσβύτεροι, εἴτε διάκονοι, εἴτε ὑποδιάκονοι, εἴτε ψάλται, εἴτε ἀναγινώσται ³⁾.

...Аріаны, Македоніаны и Новаціаны... приѣмлюще... помазуемъ ихъ первѣе святымъ мѣромъ... и потомъ тщаливіи мірєтїи чєловѣцы поставляются въ санъ, въ немже бѣша, или прєзвїтерї, или діакони, или ино что ⁴⁾.

...Arianos quidem, et Macedonianos, et Novatianos... recipimus... unctos primum sancto chrismate... et postea, ut probati laici, ordinantur illi, qui inter eos prius sive presbyteri, sive diaconi, sive subdiaconi, sive cantores, sive lectores fuerant ⁴⁾.

...Аріанъ, Македоніанъ, Новаціанъ... принимаемъ..., помазуя ихъ напередъ святымъ мѣромъ... потомъ же, какъ честные міряне, рукополагаются они въ ту степень, какую имѣли, то есть, въ прєсвїтера, или діакона, или другую степень.

Посланіе написано вскорѣ послѣ константинопольскаго собора (второго Вселенскаго), а посему съ полнымъ правомъ можно полагать, что оно дополняетъ и разъясняетъ чинопрїемъ, который былъ опредѣленъ 96 правиломъ 2-го Все-

¹⁾ Іерархія англик. еписк. Ц. В. Соколова, Богосл. В., 1897 г., декабрь, стр. 346.

²⁾ Бесѣды объ основныхъ истинахъ св. правосл. вѣры, Сергій арх. Влад., 205 стр.

³⁾ Συνοδικόν sive Pandectae canonum. T. Secundus. Annotationes, p. 100.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Кормчая, гл. 33, 293 л.

ленскаго собора, въ томъ смыслѣ, что неправославные клирики, принимаемые въ пр. Церковь, остаются въ ней, какъ „честные люди“, „потщаливіи чловѣцы“, — „*probatī laici*“, „*στοβαῖοι λαῖκοι*“, то есть, какъ простые міряне, и потомъ уже рукополагаются въ тотъ санъ, въ которомъ состояли въ своихъ обществахъ. Какъ видимъ, „посланіе“ въ самомъ основаніи разрушаетъ все зданіе австрійской старообрядческой іерархіи, такъ какъ по нему и Амвросій, принятый въ общество старообрядцевъ Бѣлой Криницы чрезъ мѣропомазаніе, долженъ считаться не епископомъ, не „митрополитомъ всѣхъ древле-православныхъ христіанъ“, а „простолюдиномъ“, простымъ міряниномъ, а въ такомъ случаѣ—очевидно, и вся происшедшая отъ Амвросія,—„простолюдина“, — „іерархія“ должна считаться недѣйствительною, мнимою, самозванною.

„Посланіе константинопольскаго собора къ ант. патріарху Макарію“, подрывающее въ корнѣ австрійское священство, апологеты австрійской Бѣлокриницкой іерархіи всячески стараются перетолковать въ свою пользу, а то и прямо—таки отвергнуть его; такъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: „потщаливіи мірстіи чловѣцы поставляются въ санъ, въ немже бѣша“ рѣшительно нельзя понять. Если эти потщаливіи—мірстіи лица, къ чему выраженіе въ немже? А если это такія лица, которыя уже были рукоположены въ извѣстные саны въ своихъ обществахъ, то къ чему выраженіе—мірстіи? Такое смѣшеніе понятій мы,—заявляетъ апологетъ австрійскаго священства,—не можемъ однако приписать собору, это не болѣе и не менѣе, какъ ошибка переводчика“ ¹⁾. Но для всякаго непредубѣжденнаго читателя „посланія“ ясно, что противорѣчія въ немъ никакого нѣтъ. Именуемые клирики являются послѣ мѣропомазанія въ православный Церкви простыми мірянами и, какъ таковые, поставляются въ тѣ священныя степени (недѣйствительныя съ православной точки зрѣнія), которыя имѣли въ своихъ еретическихъ или раскольническихъ обществахъ.

Другой апологетъ австрійскаго священства и членъ оного. Швецовъ, именуемый Арсеній епископъ Нижегородскій, по поводу словъ „посланія“ „потщаливіи мірстіи чловѣцы...“ говоритъ: „Здравое понятіе сихъ словъ должно быть таково:

¹⁾ „Братское Слово“, 1895 г., т. II, 665 стр.

слова „потщаливіи мірстіи челоувѣцы поставляются въ санъ“ значать: „дозволяется присоединенныхъ отъ ереси мірянъ поставлять въ священный санъ, не смотря на то, что раньше они пребывали въ ереси“. Въ какой же поставляются санъ? въ тотъ, „въ немже бѣша“, т. е. не въ тотъ, въ которомъ пребывали въ ереси, ибо въ ереси они были мірянами, а въ тотъ, въ который поставлены были нѣкогда у православныхъ міряне: „или пресвитеры, или діаконы, или ино что“, но мѣста которыхъ за выbytіемъ или смертію остаются теперь праздными. Въ этотъ именно санъ, „въ немже бѣша“ у православныхъ священныя лица, оставившіе теперь свои мѣста праздными, и поставляются присоединившіеся чрезъ мѣропомазаніе міряне“¹⁾. Но такое словоизвѣтіе раскольническаго апологета не имѣетъ никакой силы убѣдительности уже по одному тому, что имъ предполагается въ „посланіи“ пропускъ („у православныхъ“ послѣ слова „бѣша“), каковой не можетъ быть допускаемъ въ такомъ документѣ, какъ официальное посланіе цѣлаго собора, посланіе, написанное по очень важному вопросу, долженствующее по тому самому отличаться ясностью и точностью; притомъ же изъ самаго текста „посланія“ нетрудно видѣть, что глаголь „бѣша“ (ἦσαν) прямо и непосредственно относится къ предшествующему выраженію „поставляются въ санъ“, слѣдовательно, смыслъ разсматриваемаго мѣста „посланія“ будетъ тотъ, что простые міряне поставляются въ тотъ именно санъ, который они имѣли якобы въ своихъ обществахъ.

Въ противоположность апологетамъ австрійскаго священства, многіе ученые какъ древніе, такъ и новыя толкуютъ „посланіе“ константинопольскаго собора п. Макарію въ томъ смыслѣ, что имъ повелѣвается инославныхъ клириковъ, принятыхъ въ православную Церковь чрезъ мѣропомазаніе, снова рукополагать въ священныя степени. Севасть Арменодулъ въ 4 книгѣ своей говоритъ: „Нѣкое разглаголаніе ми, боголюбезнѣйшій пресвѣтеръ Антоній, о прилагающихся православію и части спасаемыхъ отъ еретикъ, како приѣмлемъ сія? приѣмлемъ дающія книжицы и анаѣматствующія всякую ересь; печатствуемые или помазуемые первѣ святымъ мѣромъ, и посемъ яко тщаливіи людины хиротонисуются во

1) „Миссіонерское Обозрѣніе“, 1898 г., ноябрь, стр. 1447.

оное, еже бѣша у самихъ первѣе, аще діаконы, аще иподіаконы, аще же псалмочетцы“. Захарій Копистенскій пишетъ: „Синодъ никейскій въ правилѣ осьмомъ повелѣваетъ, посвятивши ихъ (принять) чрезъ вложеніе. Судъ патріарховъ о томъ въ Арменопули въ книгѣ 4-ой, а ставятъ они тако, а по сихъ яко грѣшніи ласковѣ рукоположиться имѣють на онъ степень, на которомъ первѣе у своихъ были, либо пресвитеры, либо діаконы, или иподіаконы, или псалмочетцы. Есть-ли мѣромъ святымъ мѣровати велить соборъ, а яко на искорѣ снову потреба ихъ хиротонисати“. Несомнѣнно, говоритъ проф. В. Соколовъ, что въ этомъ документѣ („посланіи“) (второй половины 5 вѣка) говорится о существовавшемъ тогда въ константинопольской Церкви обычаѣ принимать новаціанскихъ клириковъ въ церковное общеніе посредствомъ мѣропомазанія, послѣ чего и рукоположенія совершались надъ ними вновь“ ¹⁾.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго мы приходимъ къ тому заключенію, что тѣ клирики, кои принимаются въ Церковь чрезъ мѣропомазаніе, должны быть снова хиротонисаны, если пожелаютъ сохранять за собою священныя степени, полученныя ими въ неправославныхъ обществахъ; посему и Амвросій (если допустить, что онъ перешелъ изъ ереси въ православіе) долженъ былъ быть снова возведенъ въ Бѣлой Криницѣ во всѣ тѣ священныя степени, какія имѣлъ въ греческой Церкви, въ противномъ случаѣ онъ является не іерархическимъ лицомъ, а простолудиномъ ²⁾.

¹⁾ Іерархія англик. еписк. Церкви. В. Соколова. Богосл. В. 1897 г., октябрь, стр. 35.

²⁾ Обратимъ вниманіе на то противорѣчіе, въ которомъ находятся поповцы, оправдывающіе чинопріемъ, посредствомъ котораго они приняли въ свое общество Амвросія. Противорѣчіе заключается въ томъ, что поповцы чрезъ допущеніе подобнаго чинопріема въ одно и то же время признаютъ благодать въ православной Церкви и не признаютъ: признаютъ, когда принимаютъ входящихъ къ нимъ клириковъ правосл. Церкви въ ихъ степеняхъ священства и не признаютъ, когда надъ тѣми же клириками довершаютъ мѣропомазаніе, считая такимъ образомъ мѣропомазаніе, совершенное въ правосл. Церкви, недѣйствительнымъ. Явное сіе противорѣчіе происходитъ отъ того, что подобно всѣмъ раскольникамъ поповцы въ слѣпомъ ожесточеніи противъ правосл. Церкви очень склонны признать ее безблагодатною, почему и довершаютъ надъ переходящими къ нимъ изъ правосл. Церкви клириками

Остается намъ рѣшить вопросъ, какъ смотрѣть на Аристиново толкованіе 8 правила 1 Вселенскаго собора, толкованіе, служащее единственнымъ оправданіемъ законности яко-бы того чинопріема, который совершенъ былъ надъ Амвросіемъ въ Бѣлой Криницѣ. По мнѣнію лучшаго нашего канониста проф. И. Бердникова, Аристинъ въ данномъ толкованіи смѣшалъ опредѣленія различныхъ соборовъ; именно, къ тому, что сказано о новаціанахъ въ 8 правилѣ 1 Вселенскаго собора, онъ механически присоединилъ то, что сказано о тѣхъ же раскольникахъ въ опредѣленіяхъ 2-го и 6-го Вселенскихъ соборовъ; совершенно вѣрно понимая 8 правило 1 Вселенскаго собора въ томъ смыслѣ, что имъ повелѣвается принимать новаціанскихъ клириковъ въ ихъ степеняхъ священства, Аристинъ въ дополненіе и объясне-

мвропомазаніе, считая безблагодатнымъ таинство мвропомазанія, совершенное въ православной Церкви. Но держась послѣдовательно такого взгляда, поповцы должны были бы „довершать“ и другія таинства православной Церкви, т. е. должны были бы, напр., снова рукополагать всѣхъ переходящихъ къ нимъ изъ правосл. Церкви поповъ и самого Амвросія, что уже невозможно было сдѣлать поповцамъ до-амвросіевскаго времени по недостатку лицъ, могущихъ передавать благодать хиротоніи. Вотъ почему тѣ же поповцы всѣхъ переходящихъ къ нимъ клириковъ православной Церкви принимаютъ въ сущемъ санѣ, т. е. въ прямое себѣ противорѣчіе признаютъ благодать за таинствомъ правосл. Церкви. Желая во что бы то ни стало избѣжать упрека въ допущеніи столь явнаго противорѣчія въ своемъ ученіи, поповцы проповѣдуютъ такое нечестивое ученіе, будто-бы Амвросій (а по примѣру его и всѣ переходившіе въ расколъ клирики правосл. Церкви) въ православной Церкви получилъ одну только форму таинства хиротоніи, а содержаніе—благодать сего таинства сообщена была Амвросію будто-бы при самомъ переходѣ въ расколъ. Но православная Церковь въ своемъ догматическомъ ученіи не раздѣляетъ правильной формы таинства отъ благодати, преподаваемой въ семъ таинствѣ настолько, чтобы допускать возможность существованія одной какой-либо стороны таинства въ отдѣльности и независимо; отъ другой. По ученію правосл. Церкви, разъ таинство совершено правильно по внѣшней формѣ лицомъ, имѣющимъ на то право, то и благодать признается несомнѣнно присутствующей въ семъ таинствѣ, а такъ какъ хиротонія, совершенная надъ Амвросіемъ патріархомъ константинопольскимъ, по формѣ была совершенно правильна, то посему и благодать сего таинства должна считаться несомнѣнно присутствовавшею на Амвросіи до перехода его въ Бѣлую Криницу.

ніе правила приводить совершенно иное постановленіе о тѣхъ же раскольническихъ клирикахъ послѣдующихъ соборовъ, чрезъ каковое смѣшеніе постановленій различныхъ соборовъ и получился у него тотъ чинопріемъ, слѣдующій которому старообрядцы, принимая въ свое общество клириковъ православной Церкви, оставляли ихъ въ прежнихъ степеняхъ священства, хотя довершали надъ ними мѣропомазаніе, полученное въ православной Церкви ¹⁾.

По мнѣнію же проф. И. Нильскаго, Аристинъ превратно понималъ смыслъ словъ правила: „по возложеніи рукъ“ (*χειροθετούμενος*), именно, разумѣя подъ „возложеніемъ рукъ“ мѣропомазаніе, которое въ первые вѣка христіанства совершалось чрезъ возложеніе рукъ ²⁾.

Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія того примѣчательнаго явленія, что наиболѣе благоразумные изъ самихъ старообрядцевъ въ свое время ясно сознавали несостоятельность чинопріема, посредствомъ котораго принимались въ ихъ общество клирики православной Церкви. Даже самъ учредитель старообрядческой іерархіи—инокъ Павелъ,—человѣкъ, ревностно преданный расколу, долго не могъ отказаться отъ той вполне справедливой мысли, что если приходящаго въ расколъ клирика принимать въ сущемъ санѣ, то уже не слѣдуетъ такового вновь мѣропомазывать, ограничившись только отреченіемъ отъ ересей. Такъ именно разсуждалъ Павелъ въ Москвѣ на соборѣ, созванномъ старообрядцами-поповцами для обсужденія возникшаго у нихъ вопроса о пріисканіи „древлеправославнаго“ архіерея. Тутъ Павелъ настойчиво указывалъ на необходимость принятія

¹⁾ „Православный Собесѣдникъ“, 1888 г., мартъ.

²⁾ „Христіанское Чтеніе“, 1860 г., январь. „О послѣдней попыткѣ раскольниковъ найти себѣ епископа“ И. Нильскаго, 32 стр., прим. 1. Замѣтимъ, что нѣкоторые старообрядцы также думаютъ, что подъ возложеніемъ рукъ въ 8 правилѣ 1 Вселенскаго собора разумѣется мѣропомазаніе (см. „Братское Слово“, 1895 г., т. II, стр. 474). Противъ такого пониманія правила слѣдуетъ замѣтить, что съ 4 вѣка возложеніе рукъ составляетъ отдѣльное отъ мѣропомазанія дѣйствіе и потому не можетъ быть отождествляемо съ мѣропомазаніемъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ 68 правила кареагенскаго собора, по которому младенцы, крещенные въ раскольническихъ обществахъ (слѣдовательно, уже мѣропомазанные), должны были приниматься въ православную Церковь чрезъ возложеніе рукъ.

будущаго „древлеправославнаго“ архіерея третьимъ чиномъ¹⁾, на что несогласны были другіе поповцы, требовавшіе, чтобы будущій архіерей былъ принять вторымъ чиномъ, и, что для насъ важнѣе всего, въ доказательство справедливости своего мнѣнія указывали не на какіе-либо каноны церковные, а на своихъ предковъ, которые приходившихъ къ нимъ изъ Великороссійской Церкви поповъ принимали чрезъ мвропомазаніе. Присутствовавшіе на соборѣ должны были т. о. сдѣлать одно изъ двухъ: или согласиться съ основывающимся на церковныхъ правилахъ мнѣніемъ Павла, т. е. согласиться на принятіе будущаго архіерея третьимъ чиномъ и въ такомъ случаѣ осудить съ давнихъ поръ практиковавшійся въ ихъ обществѣ способъ принятія бѣглыхъ отъ православной Церкви поповъ, или послѣдовать примѣру своихъ предковъ, т. е. принять будущаго архіерея вторымъ чиномъ, но оставить въ такомъ случаѣ въ небреженіи церковныя правила, противорѣчащія такому чинопріему. Старообрядцы рѣшились на послѣднее, не желая осудить своихъ предковъ: „если нынѣ попустится по третьему чину принять епископа, говорили они, то уничтожится наше древлеблагочестивое, донынѣ неизмѣнно влекущееся священство, и будетъ иное новое и неблагочестивое“²⁾. Высказанное Пав-

1) Въ этомъ случаѣ Павелъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ инока Никодима, извѣстнаго ходатая по вопросу о дарованіи старообрядцамъ законныхъ священниковъ, который ясно сознавалъ въ свое время неосновательность приѣма въ свое общество бѣглыхъ поповъ чрезъ мвропомазаніе. Извѣстно, что на соборѣ, созванномъ въ Москвѣ въ концѣ 18 вѣка для рѣшенія вопроса о томъ, какимъ чиномъ принимать бѣглыхъ отъ Великороссійской Церкви поповъ,—вторымъ, или третьимъ, лучшая часть старообрядцевъ, къ которой принадлежалъ Никодимъ и большинство представителей отъ петербургскихъ бѣглопоповцевъ, доказывала совершенно вѣрную мысль, что, если „перемазывать“ поповъ, то нужно перекрещивать ихъ, а въ такомъ случаѣ и вновь рукополагать, что однако не соотвѣтствовало тогдашней практикѣ бѣглопоповцевъ, принимавшихъ бѣглыхъ поповъ чрезъ мвропомазаніе, но съ оставленіемъ въ сущемъ санѣ.

2) Исторія Бѣлокр. священства Н. И. Субботина, „Бр. Сл.“, 1886 г., т. I, 25 стр. Орловскіе старообрядцы діаконо夫скаго согласія также считали невозможнымъ допустить принятіе епископа вторымъ чиномъ; они говорили, что „дѣйствіемъ мвропомазанія, равно какъ и крещеніемъ уничтожается самая хиротонія, такъ что по мвропомазаніи подобаетъ уже изнова хиротонисати, добавляя при этомъ еще и то, что „священнику епископа мвромъ помазывать есть дѣло ни съ чѣмъ не совмѣстимое. „Братское Слово“, 1886 г., т. I, 445 стр.

ломъ мнѣніе о способѣ принятія еретическаго архіерея раздѣляли и старообрядцы, жившіе за границей. На соборѣ въ Задунайскомъ старообрядческомъ скиту 23 іюля 1846 г. прибывшіе изъ различныхъ сосѣднихъ селеній старообрядцы-поповцы постановили, чтобы „греческаго митрополита Амвросія, согласно 95 правилу 6-го Вселенскаго собора и 69 и 70 кареагенскаго, принять третьимъ чиномъ“, причемъ въ оправданіе такого чинопріема указывали на нѣкоторые историческіе факты: говорили, что на 7 Вселенскомъ соборѣ патріархъ Тарасій принималъ многихъ иконоборческихъ епископовъ третьимъ чиномъ, что и въ Россіи Даниилъ епископъ Беретенскій, хиротонисанный митрополитомъ Исидоромъ, ставленникомъ римскаго папы, принять былъ кievскимъ митрополитомъ Іоной третьимъ чиномъ. Даже послѣ принятія Амвросія въ Бѣлую Криницу вторымъ чиномъ нѣкоторые изъ старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, высказывались противъ совершеннаго надъ Амвросіемъ чинопріема. Такъ, извѣстный дѣятель въ расколѣ, авторъ „Окружного посланія“, Иларіонъ Ксеносъ, говорилъ своимъ единовѣрцамъ: „по моему мнѣнію, не слѣдовало бы митрополита Амвросія принимать вторымъ чиномъ, а нужно бы принять третьимъ, какъ подцерковника. Это было сдѣлано ради мира церковнаго. Ибо въ противномъ случаѣ многіе старообрядцы, по своей закоренѣлости, не согласились бы признать его за истиннаго архипастыря“ ¹⁾.

При принятіи Амвросія въ Бѣлую Криницу была допущена еще особенность, противная духу церковныхъ канонѣвъ, на что старообрядцамъ австрійскаго согласія указываютъ противораскольническіе полемисты. Эта особенность состоитъ въ томъ, что Амвросій, — митрополитъ греческой Церкви — *принятъ былъ* въ Бѣлую Криницу *былымъ попомъ* Іеронимомъ. Въ правилахъ церковныхъ не находятся ясныя указанія на то, какое число епископовъ потребно въ томъ случаѣ, когда къ Церкви присоединяется неправославный архіерей. Но изъ того, что 12 правило кареагенскаго собора повелѣваетъ одного епископа судить собору изъ 12 епископовъ, можно съ полнымъ правомъ заключать, что и прини-

¹⁾ „Братское Слово“, 1895 г., т. I, стр. 76. „Изъ моихъ воспоминаній“ Дударева.

мать еретическаго или раскольническаго архіерея можетъ и долженъ только соборъ епископовъ, потому что какъ въ первомъ случаѣ, — т. е. когда судять епископа, — епископъ является лицомъ подсудимымъ, и собору принадлежитъ право оставить или не оставить за подсудимымъ его епископскій санъ, такъ и во второмъ случаѣ, — когда неправославный архіерей присоединяется къ православной Церкви, — по отношенію къ присоединяющемуся епископу соборъ епископовъ православной Церкви является высшей судебной инстанціей, и отъ него зависитъ рѣшеніе принять или не принять приходящаго епископа въ сущемъ санѣ. Пресвитеру же правилами церковными давалось въ древности право только на частной исповѣди примирять съ Церковію православныхъ христіанъ, кающихся въ своихъ тайныхъ прегрѣшеніяхъ (52 апост. пр.); когда же исповѣдь и самые подвиги покаянія совершались открыто предъ всею Церковью, то они совершались подъ личнымъ управленіемъ епископа. Сюда относились подвиги покаянія грѣшниковъ, обличенныхъ въ явныхъ и соблазнительныхъ грѣхахъ, а также подвиги покаянія лицъ, приносившихъ раскаяніе въ своемъ отступленіи отъ Церкви и просившихъ принятія снова въ нѣдра ея. „*Совершенія мѣра и освященія дѣвъ, говорится въ 6 правилѣ кареагенскаго собора, да не творитъ пресвитеръ. И примиряти съ Церковію кающихся, открыто, на литургіи, да не будетъ позволено пресвитеру*“¹⁾. Амвросій, при переходѣ въ Бѣлую Криницу, торжественно, предъ всѣмъ народомъ, приносилъ раскаяніе въ грѣхѣ, — принадлежности къ греческой Церкви, — проклиная мнимыя ереси православной Церкви; такое покаяніе, какъ „совершенное открыто“, должно было совершаться по правилу предъ епископомъ, а не предъ бѣглымъ попомъ.

Стараясь оправдать такой антиканоническій поступокъ Амвросія, апологеты австрійскаго священства тѣщя уничтожить всякое различіе между архіереемъ и іереемъ въ дѣлѣ принятія въ Церковь еретиковъ и раскольниковъ, причемъ ссылаются на 46 правило лаодикійскаго собора, повелѣвающее, чтобы готовящихся ко крещенію испытывали въ знаніи символа вѣры и главныхъ истинъ христіанскихъ

¹⁾ Книга правилъ, 208 стр.

какъ епископы, такъ и пресвитеры ¹⁾. Говорятъ также, что священникъ можетъ разрѣшить грѣхи епископа, а слѣдовательно, можетъ будто бы и принимать епископа отъ ереси.

Совершенно вѣрно то, что священникъ можетъ разрѣшать тайные грѣхи епископа, но тотъ же іерей не имѣетъ никакого права распоряжаться архіерейскимъ саномъ, каковое право принадлежитъ только собору епископовъ. Іеронимъ (если бы только, конечно, онъ не былъ бѣглымъ попомъ) могъ отпустить тайные грѣхи Амвросія, но онъ не имѣлъ никакого права „объявлять достоинство митрополита Амвросія“, не имѣлъ никакого права принимать Амвросія въ сущемъ санѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ превосхитилъ недарованную ему власть, забывъ слова апостола: *кійже въ званіи, въ немже признанъ бысть, въ томъ да пребываетъ*“ (1 Кор. 7, 3).

Забылъ Іеронимъ и 7 пр. каре. собора, повелѣвающее „примирять со олтаремъ“, хотя и пресвитеру, но не иначе, какъ „съ разрѣшенія епископа“.

Защитники австрійской іерархіи по обыкновенію стараются найти въ исторіи церковной примѣры, оправдывающіе будто бы пріемъ Амвросія митрополита однимъ іеромонахомъ; присемъ указываютъ между прочимъ на препод. Савву и

¹⁾ Въ старопечатномъ Потребникѣ въ чинѣ крещенія приходящихъ отъ ересей читается: „внегда хотятъ приводимы бывати къ православнои вѣрѣ, предваривъ убо подобаетъ сотворити того оглашенника, оглашена молитвою и дѣйствомъ пресвитерскимъ. Первѣе повелитъ тѣмъ архіерей или іерей преклоняти колѣна предъ дверьми церковными и знаменуетъ приходящихъ трижды“. Не указано, говорятъ, различія между архіереемъ и іереемъ, слѣдов., какъ архіерей, такъ и іерей можетъ принять приходящаго отъ ереси архіерея. Но для всякаго очевидно, что иное дѣло приготовленіе къ таинству крещенія, иное дѣло принятіе приходящаго къ Церкви неправославнаго архіерея. Научить основнымъ истинамъ христіанской вѣры, конечно, можетъ и іерей, но послѣдній ни въ коемъ случаѣ не можетъ единичною своею властью оставить приходящаго къ Церкви неправосл. архіерея въ сущемъ санѣ,—какъ-бы возвратитъ ему епископское достоинство; послѣднее—въ силахъ сдѣлать только соборъ епископовъ правосл. Церкви: „Яко же невозможно ему (іерею) хиротонисати, сицени испадшаго на степень священства возвращати“, говорится въ Номоканонѣ (л. 57).

Максима, не имѣвшихъ священнаго сана, но присоединившихъ будто-бы къ православной Церкви патріарховъ Іоанна и Пирра.

На это нужно прежде всего замѣтить, что препод. Савва и Максимъ имѣли возможность принять отъ ереси патріарховъ уже потому, что сами принадлежали къ истинной Церкви, въ которой сохранилась преемственно отъ апостоловъ идущая законная іерархія, отъ которой могли получить полномочіе на принятіе еретическихъ архіереевъ въ православную Церковь. Іеронимъ же во всемъ мірѣ не имѣлъ единомысленнаго съ собою епископа, къ которому стоялъ бы въ подчиненіи и отъ котораго могъ бы получить то или иное полномочіе. Посему первые, если даже допустить фактъ совершеннаго ими принятія еретическихъ епископовъ, дѣйствовали согласно повелѣніямъ своей церковной власти, послѣдній же при присоединеніи Амвросія въ расколъ дѣйствовалъ — если не самовольно, то по приказанію простыхъ мірянъ, что служить еще къ большому его осужденію.

Но препод. Савва и Максимъ не присоединяли къ православной Церкви патріарховъ, а только убѣдили ихъ оставить ересь и войти въ ограду Церкви Христовой, а кто присоединялъ ихъ къ Церкви, о томъ ясныхъ историческихъ свѣдѣній нѣтъ. О патріархѣ Іоаннѣ въ Четьи-Минейхъ (подъ 5 ч. декабря) говорится: „Іоаннъ постыдися, вкупѣ же убояся толикихъ многихъ боговдохновенныхъ отецъ, съ святымъ Саввою пришедшихъ, отвержеса Севира и всея ереси. И утишишася отцы святіи“. О патріархѣ же Пиррѣ подъ 21 января говорится: бывшу же собору богомудрый Максимъ одолѣ Пирру. Препрѣнъ убо бывъ Пирръ, приста къ правовѣрнымъ и принять бысть отъ Церкви“.

Итакъ, подведя итоги всему сказанному нами о чинопріемѣ Амвросія въ Бѣлую Криницу, мы должны снова повторить, что при принятіи Амвросія въ расколъ допущена была важная погрѣшность противъ церковныхъ правилъ, погрѣшность, состоящая въ томъ, что „перемазаннаго“ Амвросія оставили въ сущемъ санѣ, тогда какъ по соображеніямъ догматико-каноническаго характера неправославный клирикъ, принятый въ Церковь чрезъ мѣропомазаніе, дол-

женъ быть снова возводимъ во всѣ свящ. степени ¹⁾. Принявъ Амвросія чрезъ мѣропомазаніе, съ оставленіемъ въ сущемъ санѣ, старообрядцы сами произнесли тяжкій приговоръ надъ Амвросіемъ и всей происшедшей отъ него „іерархіей“, такъ какъ принятый Іеронимомъ чрезъ мѣропомазаніе Амвросій долженъ считаться простымъ міряниномъ, а какъ таковой, онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ сдѣлаться возстановителемъ въ обществѣ старообрядцевъ истиннаго, хриstopредаднаго священства.

Свящ. Н. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Замѣтимъ еще, что всѣ правила, которыя издавались Церковію въ различныя времена относительно тѣхъ или иныхъ способовъ принятія еретич. и раскольнич. клириковъ, могутъ примѣняться только въ православной Церкви: „аще приступятъ къ Церкви“, говорится о еретикахъ и раскольникахъ въ 8 пр. 1 Всел. собора, старообрядческое же общество не можетъ приводить сіи правила въ оправданіе своихъ дѣйствій, такъ какъ оно до перехода въ Б. Кринуцу Амвросія не представляло даже и вида истинной Церкви Христовой, а было только самочиннымъ сборищемъ людей, находившихся подъ клятвою отцевъ собора 1666—67 гг.

О соблазнахъ полемической литературы.

(По поводу опубликованія „Отвѣта“ графа Л. Н. Толстого).

I.

Въ прошлой юньской книжкѣ помѣстили мы статью „Новая исповѣдь гр. Л. Н. Толстого“, въ которой предали гласности и разобрали съ точки зрѣнія православія извѣстный „Отвѣтъ“ яснополянскаго ересіарха на синодальное о немъ постановленіе отъ 22 февраля. Поступившіе въ редакцію отзывы отъ читателей разныхъ классовъ вмѣняютъ „Миссіонерскому Обзорѣнію“ *въ заслугу* предъ Церковью и обществомъ опубликованіе и разоблаченіе этого документа.—Всѣ наши корреспонденты согласны въ томъ, что въ „Отвѣтѣ“ яснополянскій лжеевангелистъ „собственноручно написалъ смертный приговоръ и ископалъ погребальную яму своему философско-богословскому суемудрію“. „Миссіонер. Обзорѣніе“,—пишетъ намъ профессоръ Пѣвницкій изъ Кіева,—оказало большую услугу людямъ благомыслящимъ, раскрывъ предъ обществомъ грубыя, кощунственныя нелѣпости новаго лжеучителя, который договорился до того, что когда явится антихристъ, сынъ сопротивленія, то ему не останется говорить ничего болѣе дерзновеннаго“.

Важно опубликованіе „Отвѣта“ и въ томъ отношеніи, что онъ служить самою лучшею апологіей справедливости и безусловной неизбѣжности синодальнаго акта 22 февраля, который до этого огромной массѣ людей, не вполне знавшихъ религіозныя убѣжденія Льва Николаевича, казался несправедливымъ, излишнимъ и несоотвѣтственнымъ. А теперь даже нѣкоторые изъ апологетовъ гр. Толстого становятся его обвинителями, откровенно заявляя, что не *прочитай* они „Отвѣта“ никогда бы и никому на свѣтѣ не псвѣрили, чтобы могиканъ нашей литературы, великій мастеръ слова былъ способенъ дойти до *такого паденія мысли и чувства*,—до та-

кой религіозной нетерпимости и фанатизма:— „нельзя было и подумать,—пишетъ намъ одинъ почитатель графа, — чтобы изъ-подъ пера нашего талантливаго художника могла вылиться такая поражающая злоба и пошлость, въ отношеніи всего, что свято и дорого не родному только православію, а всему христіанскому міру, погряшшему, по безумному глаголу гр. Толстого, будтобы въ обманѣ и колдовствѣ“.

Мы предприняли напечатаніе „Отвѣта“ и разбора его единственно въ заботахъ о достодожномъ служеніи интересамъ миссіи отечественной Церкви и, конечно, всесторонне взвѣсили и обсудили послѣдствія, могущія произойти отъ опубликованія святотатственнаго писанія гр. Толстого въ смыслѣ вреда и пользы для общества и народа.

Конечно, редакція наша могла и ошибаться въ пониманіи этого сложнаго, запутаннаго явленія въ нашей церковно-общественной жизни, но вѣдь „Миссіонерское Обозрѣніе“ журналъ подцензурный и едвали можно сомнѣваться, чтобы разрѣшившая намъ напечатаніе „Отвѣта“ духовная власть была не компетентна въ рѣшеніи вопроса о томъ, что полезнѣе для интересовъ Церкви,—опубликованіе „отвѣта“ и открытое безбоязненное разоблаченіе религіозныхъ лжемудрованій яснополянскаго кумира нашей интеллигенціи, или же умалчиваніе о его богохульствахъ.

Однако существуетъ сомнѣніе на счетъ цѣлесообразности опубликованія подобнаго рода документовъ и вообще пользы печатной полемики съ разрушителями авторитета Церкви. Отголоскомъ такихъ взглядовъ на данный вопросъ служить дневникъ князя Мещерскаго отъ 22 іюня въ № 47 „Гражданина“, гдѣ маститый публицистъ выступилъ съ выраженіемъ опасеній относительно соблазновъ полемической литературы.

На возраженіи „Гражданина“ можно бы и не останавливаться, если-бы въ немъ не слышался голосъ издавна распространеннаго—и не у свѣтскихъ только людей—предубѣжденія противъ печатной полемики въ вопросахъ вѣры, такъ что въ дневникѣ ставится одинъ изъ пререкаемыхъ вопросовъ, на правильности рѣшенія котораго покоится успѣхъ православной апологетики и полемики,—«о роли и о дѣйстви печати по отношенію къ разрушителямъ авторитета Церкви». А между тѣмъ почтенный нашъ публицистъ

даетъ рѣшеніе этому важному вопросу слишкомъ одностороннее и далеко не соотвѣтствующее современнымъ духовнымъ потребностямъ чадъ Церкви и истинной религіозности ¹⁾).

¹⁾ Вотъ это мнѣніе князя Мещерскаго; приводимъ его въ подлинникъ.

Есть въ настоящее время мнѣніе въ высшихъ сферахъ нашей церковной іерархіи, съ которымъ никакъ нельзя помириться. Оно заключается въ признаніи не только возможнымъ, но и полезнымъ обнародывать въ печати самыя выдающіяся нападки на нашу Церковь ея внутреннихъ враговъ, съ приложеніемъ къ нимъ догматическихъ опроверженій...

Въ силу этого мнѣнія появилось въ печати и читалось милліонами лицъ безтактное письмо графини Толстой, направленное противъ посланія Святѣйшаго Синода, конвоированное отвѣтнымъ ей посланіемъ петербургскаго митрополита; вѣроятно, въ силу этого мнѣнія появилось въ епархіальномъ журналѣ „*Вѣра и Разумъ*“ крайне неприличное посланіе какого-то анонима; уже безъ всякихъ комментаріевъ, и, наконецъ, въ силу этого же мнѣнія до меня дошелъ слухъ о признаваніи будто бы полезнымъ печатать отвѣтное посланіе Синоду самого графа Толстого, съ приложеніемъ къ нему догматическихъ возраженій...

Признаюсь, прихожу въ глубокое смущеніе отъ этой новизны во взглядахъ иныхъ нашихъ іерарховъ на вопросъ о роли и о дѣйствіи печати по отношенію къ разрушителямъ авторитета Церкви...

Ихъ разсужденіе такое: все равно, запрещено или допущено чье-либо печатное нападеніе на Церковь, его всѣ читаютъ, даже болѣе того, разъ оно запрещено, его больше стараются прочитать, чѣмъ разрѣшенное; если это такъ, то не лучше ли вмѣсто того, чтобы антицерковную статью, печатаемую за границую, читали безъ опроверженій, печатать ее у насъ, но съ тѣмъ, чтобы читающіе ее могли въ то же время прочитать и возраженіе на эту антицерковную статью.

Повторяю, не нахожу способа мириться съ такою логикой, вслѣдствіе которой, очевидно, всѣ печатающіяся за границею противъ Государя и Его правительства статьи должны быть перепечатываемы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, но съ приложеніемъ опроверженій за подписью губернатора...

Логика такая: тамъ, за границею, дѣлается опытъ по отношенію къ намъ тайнаго соблазна; въ отвѣтъ на него у насъ будетъ сдѣланъ опытъ явнаго соблазна, но съ аккомпаниментомъ морали...

Я, напримѣръ, не читаю заграничныхъ запрещенныхъ у насъ изданій ни здѣсь, ни за границею, но мнѣ извѣстную запрещенную статью подносятъ въ текстъ русскаго изданія: я его прочту, несомнѣнно, но прочту ли опроверженіе, его конвоирующее, это еще неизвѣстно... И если такихъ, какъ я, сотни тысячъ, то спрашивается, какая практическая польза этого печатанія запрещенной вещи; вѣдь

Разсужденія князя Мещерскаго заключаютъ въ себѣ, цѣлый рядъ недоразумѣній и отличаются тѣмъ, къ сожалѣнію, обычнымъ у насъ характеромъ фарисейскаго мышленія и отношенія къ вопросамъ вѣры и Церкви, при которыхъ, подъ видомъ заботъ о Церкви, мы искони привыкли оберегать лишь свой личный душевный покой и религіозный міръ, вздымаемый злохуленіями еретиковъ, такъ какъ послѣднимъ мы, маловѣрующіе, безсильны противопоставить и свои скудныя богословскія знанія, и свои слабыя религіозныя убѣжденія, и свою грѣшную жизнь. Отсюда и страхъ предъ соблазномъ, опять таки покоящійся на нашей лѣности изучить пререкаемый вопросъ, пересмотрѣть свой религіозный міръ, измѣнить свою нехристіанскую жизнь... Намъ думается, что и Церковь, и народъ тутъ ни при чемъ,—они за себя сами во всю нашу церковно-историческую жизнь стояли и стоятъ. А чего же смущаться тѣмъ, если козлица отдѣляется отъ овецъ теперь же, въ нѣдрахъ земной Церкви, страдающей отъ присутствія нехристей среди христіанъ болѣе, чѣмъ отъ злохуленій явныхъ еретиковъ? *Подобаетъ быти ересемъ*,—и Толстой явился, по попущенію Божію, съ его оскорбитель-

ясно, что не будь запрещенная вещь напечатана у насъ съ опроверженіемъ, никто изъ сотенъ тысячъ ея бы не прочиталъ, но разъ она напечатана, изъ ста тысячъ сотни двѣ получаютъ хорошее впечатлѣніе отъ опроверженія, а десятокъ тысячъ людей соблазняется и смутится запрещенною, но напечатанною вещью и опроверженія не прочтутъ... Это одно соображеніе.

Но другое еще практичнѣе и проще и убѣдительнѣе...

Всякое запрещенное произведеніе графа Толстого заграничное изданіе прочтутъ десятки и сотни тысячъ русскихъ интеллигентовъ, на которыхъ никакое опроверженіе не подѣйствуетъ, но милліоны людей его не прочтутъ. Если же вы напечатаете то же произведеніе у насъ съ опроверженіемъ, то первое прочтутъ милліоны, а опроверженіе прочтетъ половина одного милліона. Въ результатъ получатся милліоны смущенныхъ не графомъ Толстымъ, а тѣми, которые его перепечатали съ опроверженіемъ...

Мнѣ скажутъ: слабымъ нужно утверждать въ минуту соблазна. Да,—отвѣчу я,—слабымъ нужно утверждать, но не этимъ путемъ печатной полемики, а путемъ постояннаго дѣйствія на души умныхъ и сильныхъ пастырей Церкви. Путь полемики въ печати двухъ утверждаетъ, а 200 соблазняетъ и сбиваетъ съ толку! Статьи въ журналѣ „*Вѣра и Разумъ*“ читали сотни тысячъ, платя за экземпляръ газеты по 3 рубля, а объясненіе высокочтимаго харьковскаго іерарха, почему онъ допустилъ сіи статьи къ печати, никто не прочтетъ“...

нымъ для насъ богохульствомъ, какъ мщеніе намъ за нашу духовную безпечность... Зачѣмъ прятать эту кару Божию отъ вѣрующихъ и невѣрующихъ? Въ Церкви должно быть все—наго и объявлено...

Князь Мещерскій говоритъ, что „есть въ настоящее время мнѣніе въ высшихъ сферахъ нашей церковной іерархіи“... и проч... Но это—мнѣніе не „настоящаго“ времени, — а *исконное*: Церковь никогда не секретничала съ еретическими мудрованіями, а всегда со времени соборовъ, подробно и всенародно излагала ихъ и опровергала, не боясь соблазновъ. Иначе невозможна и борьба съ лжеученіями, немыслима и подготовка воинствующихъ мечемъ слова Божія.

Это всякому должно быть извѣстно, кто интересовался исторіей вѣковой борьбы нашей Церкви съ расколомъ и сектами и заглядываетъ въ современную полемическую литературу, гдѣ подробно излагаются и опровергаются еретическія мудрованія всякихъ лжеучителей, и никто еще не удостовѣрилъ того факта, чтобы печатная полемика порождала соблазнъ, или вредила интересамъ Церкви. Если угодно, то кощунственные словоизверженія „Отвѣта“ гр. Толстого, представляющаго краткую выписъ изъ его раннихъ сочиненій, давно опубликованы и разобраны на страницахъ нашего же журнала и въ другихъ органахъ духовной печати. Къ сожалѣнію, свѣтское общество и печать не интересуются нашей литературой.

Далѣе: князь Мещерскій слишкомъ односторонне и неполно изложилъ „разсужденіе иныхъ нашихъ іерарховъ“, руководившее опубликованіемъ „выдающихся нападокъ“. Мотивы къ этому гораздо сложнѣе и значильнѣе, чѣмъ полагаетъ кн. Мещерскій.

Такъ какъ статья „Гражданина“ выпущена въ качествѣ предостереженія, на счетъ напечатанія „Отвѣта“ Толстого, то на мотивахъ къ его опубликованію мы здѣсь и остановимся.

Прежде всего основаніемъ къ опубликованію „Отвѣта“ гр. Толстого послужило особое, безпримѣрное положеніе яснополянскаго еретика и въ Церкви, и государствѣ, и обществѣ, а затѣмъ широчайшее распространеніе „Отвѣта“ въ читающей публикѣ, такъ что тутъ не можетъ быть и рѣчи объ опытѣ *тайнаго* соблазна, — соблазнъ получился гораздо ранѣе печатнаго опубликованія у насъ этого документа и притомъ

самый явный. При этомъ въ обществѣ были увѣрены, что гр. Толстой, подобно супругѣ своей, направилъ „Отвѣтъ“ членамъ Синода, и разъ послѣдовала отвѣдь графинѣ Толстой, то люди обоихъ лагерей, естественно, съ нетерпѣніемъ ждали такой же отвѣди и на отвѣтъ Льва Николаевича. А когда отвѣди не появлялось, то порождались не только недоумѣніе, но и соблазнъ... А что не могъ Синодъ или его члены отвѣчать официально на подпольный документъ, это, полагаемъ, понятно всякому. Между тѣмъ поклонники яснополянскаго хулителя Церкви старались внушать легкомысленнымъ и немощнымъ чадамъ Церкви, что „церковники молчатъ, потому что имъ нечего отвѣтить, ибо Левъ Николаевичъ сказалъ правду, прижалъ ихъ къ стѣнѣ“... Можно ли было молчать, въ виду возводимыхъ гр. Толстымъ въ его „Отвѣтъ“ столь тяжкихъ и несправедливыхъ обвиненій на церковную власть, какъ ложь, клевета, неправда?.. Вѣдь это значитъ равнодушно мириться съ явнымъ оплеваніемъ родной Церкви и ея представителей, нашихъ духовныхъ отцовъ! Кому неизвѣстна пущенная еще во время апрѣльскихъ смуть среди молодежи нашей клевета, появившаяся и въ заграничной прессѣ, и въ Толстовскихъ листкахъ, что де правительство выпустило на студентовъ казаковъ, а на Толстого—поповъ. Смута толстовскаго дѣла просачивается и въ народъ. Вотъ почему представлялось необходимымъ новую исповѣдь, такъ откровенно и рѣшительно изложенную ересіархомъ Толстымъ въ его „Отвѣтъ“,—широко распространить въ читающей средѣ и сдѣлать ее достояніемъ богословствующей мысли вѣрующихъ, чтобы вызвать и ихъ на духовную борьбу съ выявившимся чрезъ дѣло о гр. Толстомъ огромнымъ антицерковнымъ теченіемъ въ нашей интеллигенціи. Наша Церковь располагаетъ великими внутренними силами вѣрующаго чувства и разума, но силы эти дремлютъ, не одушевлены, не сплочены, и именно, благодаря отсутствію въ обществѣ вѣрующихъ людей живого и дѣятельнаго отношенія къ церковнымъ нуждамъ и религіознымъ опасностямъ, а равно и благодаря тому, что въ нашей свѣтской печати нѣтъ честнаго и трезваго сознанія своего долга въ отношеніи вопросовъ вѣры и Церкви ¹⁾).

¹⁾ Не такого узкаго, бюрократическаго взгляда держался покойный М. Н. Катковъ, по вопросу о значеніи и долгѣ печати въ отношеніи Церкви. Правда, что М. Н. Катковъ могъ говорить и желать,

Антицерковный либеральный лагерь не дремлетъ; онъ дѣйствуетъ всѣми устными и письменными средствами и силами для пропаганды своихъ вредныхъ для Церкви и государства ученій, а мы, вѣрные сыны Церкви, Царя и отчизны, въ своемъ благодушіи ничего не видимъ, ничего не знаемъ, и знать не хотимъ. У насъ горсть толстовцевъ 8 тыс. духоборъ совратили, а мы хватились лишь по выѣздѣ этой массы несчастныхъ за границу на явную погибель. Одинъ англійскій ученый пишетъ, что „для англичанина и американца трудно понять, какъ это одинъ лжеучитель можетъ въ Россіи совратить 8 т. человекъ, а потому ему безконечно болѣе жалъ того одного англичанина, который, прочитавъ „Еван-

какъ вѣрный сынъ Церкви, глубоко понимавшій зиждательное значеніе для Россіи православія, то, къ сожалѣнію, не можетъ быть осуществимо, до тѣхъ поръ, пока печать не будетъ въ рукахъ честныхъ мыслителей, патріотовъ и вѣрующихъ людей, а нынѣшняя наша свѣтская пресса въ своемъ большинствѣ или въ рукахъ евреевъ, или невѣрующихъ космополитовъ, готовыхъ въ угоду антицерковному духу времени предать Самого Христа даже и не за тридцать сребренниковъ. Вотъ что сказалъ назадъ тому 25 лѣтъ М. Н. Катковъ по настоящему вопросу.

„Гласность относительно вопросовъ церковныхъ важнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли жизни. Нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живого слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его... Эта насильственная недоступность, въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и Церкви, есть главная причина того безплодія, которымъ поражена русская мысль и все наше образованіе; она же съ другой стороны есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства. Неужели намъ суждено всегда обманывать себя и хитросплетенною ложью официальныхъ фразъ убаюкивать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустію должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли... Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ ин-

геліе Толстого“ повѣсилъ, убѣдившись, что нѣтъ будущей жизни“.

Ироническій тонъ разсужденій о „конвоированіи“, „аккомпаниментѣ морали“ способенъ свидѣтельствовать лишь *о недоверіи*, если не къ истинѣ исповѣдуемаго авторомъ дневника православнаго ученія, то къ силѣ и искусству нашихъ пастыреучителей и апологетовъ Церкви. Иначе едва ли можно такъ рѣшительно утверждать, что будто-бы „никакое опроверженіе не подѣйствуетъ на эти сотни тысячъ русскихъ интеллигентовъ, прочитавшихъ произведеніе гр. Толстого“, или что „путь полемики въ печати *двухъ* утверждаетъ, а 200 соблазняетъ“.

„Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій, и человѣческое никто не знаетъ, только духъ человѣческій“, говоритъ Св. Писаніе. Почему знать, а можетъ быть, слово правды церковной на кого-нибудь да и воздѣйствуетъ, не теперь—такъ послѣ, а вѣдь и „о единомъ кающемся грѣшникѣ велия радость бываетъ на небеси“. Душа человѣческая—потемки.

Никакъ нельзя согласиться съ предположеніемъ кн. Мещерскаго, рѣшительно ни на чемъ не основанномъ, что „Отвѣтъ“ будутъ читать, а опроверженіе, рядомъ предложенное, оставлять безъ вниманія. По себѣ никому о другихъ судить нельзя,—психологія же какъ върующей, такъ и отчаянной души человѣческой говоритъ совершенно обратное. „Отвѣтъ“ гр. Толстого написанъ тономъ, столь вызывающимъ, оскорбительнымъ какъ для всего христіанскаго міра, такъ и для

интересовъ въ народѣ, чѣмъ грозитъ намъ не очень далекая будущность Россіи. Признаки этого упадка замѣчаются и теперь, и намъ, живущимъ среди общества и имѣющимъ возможность наблюдать жизнь въ самой жизни, а не въ искусственныхъ препаратахъ, признаки эти замѣтнѣе, нежели официальнымъ дѣятелямъ, которые, по своему положенію, иногда при всей доброй волѣ, не могутъ усмотрѣть, не только оцѣнить многихъ характеристическихъ явленій въ народной жизни. Никакое праздное, дерзкое и ложное слово, провавшееся при свободѣ, не можетъ быть такъ вредно, какъ искусственная и насильственная отчужденность мысли отъ высшихъ интересовъ окружающей дѣйствительности. При свободѣ мнѣнія, всякая ложь не замедлитъ вызвать противодѣйствіе себѣ, и противодѣйствіе тѣмъ сильнѣйшее, тѣмъ благотворнѣйшее, чѣмъ рѣзче выразится ложь. Но нѣтъ ничего опаснѣе и губительнѣе равнодушія и апатіи общественной мысли („М. Н. Катковъ“ Любимова, стр. 80).

каждого просто порядочнаго человѣка, что, прочитавъ „Отвѣтъ“, никакъ нельзя не заинтересоваться даже самому индифферентному человѣку тѣмъ, „какъ же и что отвѣчаютъ новому лжеевангелисту церковники“. Для вѣрующихъ и колеблющихся опроверженіе составляетъ насущную душевную потребность.

Тѣмъ же *недовѣріемъ*, дышетъ и то—оригинальное, острое, но не убѣдительное сравненіе, гдѣ кн. Мещерскій говоритъ, что будтобы, вслѣдствіе такой логики („иныхъ нашихъ іерарховъ“), „*все* печатающіяся за границей противъ Государя и Его правительства статьи должны быть перепечатываемы въ „Правительственнымъ Вѣстникъ“ и въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, но съ сопровожденіемъ опроверженій за подписью Губернаторовъ“.

Не споря о томъ, насколько умѣстно допущенное здѣсь сравненіе апостольской миссіи и авторитета іерарховъ Церкви съ ролью губернаторовъ, мы спросимъ почтеннаго публициста: а что, если бы какой-нибудь важный въ государствѣ сановникъ, да еще и „властитель думъ народныхъ“—оказался бы фарисейскимъ вѣрноподданнымъ; состоя на службѣ, онъ фактически измѣнилъ бы Царю и родинѣ, занимался бы подъ сурдинку пропагандой противоправительственныхъ идей и распространеніемъ оскорбительныхъ для Государя и отечества памфлетовъ, то вѣдь навѣрное было бы объявлено въ „Правительственномъ Вѣстникъ“ о вѣроломныхъ дѣйствіяхъ и измѣнѣ такого недостойнаго сановника, да еще съ присоединеніемъ и мѣръ законнаго взыскація? И никто бы вѣдь этимъ не соблазнился? Не это ли сравненіе ближе подходитъ къ Толстому? Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что гр. Толстой занялъ въ обществѣ именно такое фарисейское вѣроломное положеніе, въ силу котораго онъ неуязвимо, уже много лѣтъ, ведетъ вредную, оскорбительную для всей св. Руси противоцерковную (о противоправительственной мы не говоримъ) пропаганду, числясь въ то же время до акта 22 февр. православнымъ, прячась за свою писательскую славу, выдавая себя за поборника и глашатая христіанскаго ученія и обольщая простодушныхъ своимъ „фальсифицированнымъ христіанствомъ“. Благодаря этому толстовская исторія создала то вавилонское столпотвореніе, ту психопатію поклоненія графу, и именно, какъ борцу противъ Церкви, а не

писателю; поклоненіе это распространяется, какъ протестъ противъ Церкви, въ огромной части интеллигентнаго общества! Неужели Церковь должна молча сносить это?

Въ такой чрезвычайный моментъ въ жизни Церкви для раскрытія правды въ Толстовскомъ дѣлѣ, для успокоенія общества, для разсѣянія предубѣжденій противъ важнаго историческаго акта 22 февраля, а равно и для разсѣянія невольныхъ заблужденій среди многихъ и многихъ, относительно религіозныхъ воззрѣній яснополянскаго лжеевангелиста, единственно вѣрною, испытанною мѣрою и является въ данномъ случаѣ широкое распространеніе въ обществѣ критики лжеученія, основанной на собственномъ признаніи и *самообвиненіи* гр. Толстого во всѣхъ его преступленіяхъ противъ Церкви. Обнародованіемъ „Отвѣта“ духовная власть исполнила свой долгъ предъ истиной и обществомъ. И намъ—мірянамъ надо всячески споспѣшествовать заботамъ архипастырей и пастырей нашихъ, въ дѣлѣ духовнаго воинствованія ихъ съ врагами роднаго православія и упроченія мира церковнаго. На этомъ мы и закончимъ нашу замѣтку по вопросу, затронутому „Гражданиномъ“, уступая мѣсто поступившимъ въ редакцію по данному же вопросу нижеслѣдующимъ письмамъ мірянина и священника.

В. Скворцовъ.

II.

Не знаю, русскимъ ли только православнымъ людямъ свойственно, или это—свойство большинства вѣрующихъ людей нашего времени—укрывать свою вѣру въ потаенныхъ закоулкахъ сердца, тщательно окутывая ее и оберегая отъ всякихъ дуновеній критической мысли? Въ самомъ дѣлѣ, часто приходится встрѣчать людей болѣе или менѣе религіозныхъ, которые боятся какого-либо прикосновенія критики къ сокровищницѣ ихъ вѣрующаго сердца. Цѣня сокровище, дорожа имъ, они словно не вѣрятъ въ его дѣйствительную прочность, думаютъ, что чувство вѣры неизбѣжно изсякнетъ подъ дѣйствіемъ анализирующаго разсудка. Грустно бываетъ наблюдать это явленіе особенно тогда, когда

робѣющими и прячущимися оказываются люди съ сознаниемъ настолько развитымъ, чтобы не допускать этого раздвоенія вѣры и мысли, этого боязливаго отношенія къ запросамъ критики или къ натиску голаго отрицанія. Невольно въ такихъ случаяхъ зарождается сомнѣніе въ доброкачественности самой вѣры такихъ людей, которая передъ лицомъ сознанія отказывается дать отчетъ въ своемъ упованіи.

Такое грустное чувство вызвала въ насъ статья Гражданина (№ 47), въ которой авторъ дневника (кн. Мещерскій) упрекаетъ нѣкоторыхъ нашихъ архипастырей за оглашеніе въ печати рѣзкихъ нападокъ на Церковь. Авторъ приходитъ въ смущеніе „отъ этой новизны во взглядахъ иныхъ нашихъ іерарховъ на вопросъ о роли и дѣйстви печаті по отношенію къ разрушителямъ авторитета Церкви.“ Рѣчь идетъ о письмѣ графини Толстой съ отвѣтственнымъ письмомъ С. Петербурскаго митрополита, объ отвѣтѣ гр. Толстого Синоду, о письмѣ неизвѣстнаго къ архіеп. Амвросію...

Что касается письма графини, а тѣмъ болѣе отвѣта Толстого Синоду, то опубликованіе ихъ было дѣломъ не только благоразумія, но и нравственнаго долга. „Безтактное“ письмо графини, быстро расходившееся у насъ въ рукописи и распространенное печатно за границей, требовало отповѣди, если не ради восторженныхъ читателей его, то ради чадъ Церкви, коимъ приходилось выслушивать очень нелестныя замѣчанія по адресу іерарховъ... Полный достоинства, ясный мудрый отвѣтъ митрополита Антонія снялъ тяжкое бремя съ множества вѣрующихъ душъ...

Не обратить вниманія на отвѣтъ гр. Толстого было бы уже преступленіемъ, такъ какъ въ немъ (не говоря о прочемъ) возводятся на Синодъ такія обвиненія, которыя, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, смущали преданнѣйшихъ Церкви сыновъ... Въ данномъ случаѣ пройти молчаніемъ обвиненіе значило показать *равнодушіе къ истинѣ* и презрѣніе къ цѣлому сонму вѣрующихъ, да и не однихъ вѣрующихъ...

Отъ частныхъ фактовъ перехожу къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ. Неужели авторъ „Дневника“ думаетъ, что при такомъ все усиливающемся напорѣ мысли, какой мы наблюдаемъ и въ культурномъ обществѣ, и въ простомъ народѣ, мы—православные можемъ, *сметемъ* ограничиться этой „*трой про себя*“? Сектантство, широкой волной разливающееся

по лицу земли русской (см. всеподдан. докладъ оберъ-прокурора Св. Синода), расколъ, культурные *измѣ* всѣхъ сортовъ,—все это съ силой проторгается наружу, переполнивъ сердца и утробы своихъ исповѣдниковъ. Одно сектантство съ успѣхомъ опровергаетъ разсужденія автора, полагающаго, что укрывательствомъ еретическихъ писаній можно умалить соблазны (порождаемые, кстати сказать, главнымъ образомъ „жизнью не по вѣрѣ“ самихъ православныхъ). Это укрывательство лишь набрасываетъ тѣнь на укрывателей, вызывая естественное сомнѣніе въ ихъ духовной силѣ и стойкости, и — что печальнѣе всего — покрываетъ ржавчиной тотъ *духовный мечъ*, который врученъ имъ Господомъ воинствъ. И не будетъ у насъ тѣхъ „сильныхъ“ пастырей, которыхъ желаетъ видѣть авторъ статьи, если имъ не придется воинствовать съ облегающими насъ соблазнами, уповая *на силу Божию, а не на ухищренія человѣческія*. И тому почину въ смыслѣ открытаго, безбоязненнаго объясненія съ противниками Церкви, который сдѣлалъ своимъ мудрымъ письмомъ Петербургскій архипастырь, можно только радоваться. Еще больше нужно радоваться тому, что благое дѣло не ограничилось починомъ, а нашло себѣ достойныхъ продолжителей среди тѣхъ же іерарховъ: появился отвѣтъ Толстого Синоду, сопровождаемый прекрасной статьей другаго іерарха епископа Сергія (ректора с.-петербургской академіи). И въ этомъ дѣлѣ безбоязненной, открытой борьбы съ заблужденіемъ можно, славу Богу,—не говоря о дерзновеніи вѣры и упованіи на Того, Кто, будучи Истиной, истинѣ и споборствуетъ, — можно опереться на факты русской дѣйствительности, достаточно осязательные и для не особенно внимательнаго къ знаменіямъ времени ума. Наряду съ развитіемъ и разлитіемъ въ обществѣ началъ невѣрія и матеріализма со всѣми неизбѣжными послѣдствіями ихъ сказывается и иное теченіе, не укрывшееся, конечно, отъ зоркаго ока тѣхъ архипастырей, которые смѣло взглянули въ глаза врагу и открыто выступили противъ него. Разумѣю тѣхъ „новыхъ людей“ земли русской, о которыхъ предсказывалъ Достоевскій и на которыхъ указываетъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи Мережковской. Пусть этихъ людей немного, но они есть, и этого довольно, чтобы уповательно обращать взоръ на будущее нашей родной страны. Борь-

ба закалить силы, а Господь умножить дарованія, если мы не будемъ трусливо забиваться въ уголь и зарывать въ землю уже полученные таланты, прежде всего при этомъ, конечно, помня, что Царствіе Божіе не въ словѣ, а въ силѣ (духовной), и что слово получаетъ силу отъ „жизни по вѣрѣ“.

Да, наконецъ, пусть ихъ противниковъ будетъ много, пусть публикуемые еретическіе документы переведутъ въ лагерь этихъ противниковъ тѣхъ, кто раньше числился только среди чадъ Христовой Церкви! Чего же тутъ худого? Вѣдь пойдутъ туда только тѣ маловѣры и двоевѣры, о которыхъ Господь изрекъ: „Знаю твои дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ, о если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“ (Апок. III, 15—16). Что же Церкви въ этихъ людяхъ съ „двоящимися мыслями“? Они служатъ только нравственнымъ балластомъ въ церковномъ обществѣ... Да и для нихъ самихъ лучше опредѣлиться даже въ другую сторону (холода), чтобы впослѣдствіи, можетъ быть, уже сознательно и твердо вступить въ ряды членовъ Церкви.

„Не миръ пришелъ Я принести на землю“, а мечъ, сказалъ Господь. „Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ матерью его, и невѣстку съ сверковью ея. И враги человѣку—домашніе его“ (Мѡ. X. 36). И пусть, пусть наступаетъ это благословенное раздѣленіе, имѣвшее мѣсто въ первые славные вѣка христіанства, когда Христосъ не былъ пустымъ звукомъ для носящихъ святое имя Его! И чѣмъ скорѣе наступитъ оно, тѣмъ лучше, ибо „какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ?“ (2 Кор. VI, 15). А мы по наущенію духа лукаваго нашли мерзкую въ очахъ Господнихъ общую почву, на которой сходится вѣра съ невѣріемъ, гдѣ именующій себя христіаниномъ протягиваетъ руку взаимообщенія отрицателю Христа или двоедушному его исповѣднику! Мы даже нерѣдко хвалимся этой преступной *лжестеримостью*, свидѣтельствующею не о нашемъ человѣколюбіи, а лишь о нашей *измѣнѣ* Христу,—въ *Комѣ единственно* и заповѣдано намъ единеніе. Успокаиваясь своей сонной мыслью на опеку внѣшняго закона, мы сохраняемъ видъ благочестія, отвергнувъ силы его, въ коей уже не видимъ нужды. Что лучше для Церкви: малое, но вѣрное стадо, или же стадо многочисленное, исполнен-

ное „волковъ въ одеждѣ овчей“? Но не умалилось бы и стадо (вѣрное), а приумножалось бы непрерывно, если бы связь общенія церковнаго зиждилась на живомъ и живительномъ началѣ христіанской любви и свободы. Нѣтъ, замалчиваніе злохуленій еретичества свидѣтельствовало бы лишь о недостаткѣ дерзновенія вѣры... А если проявляется недовольное дерзновеніе вѣры со стороны официальныхъ охранителей вѣры, то какъ же остановить и въ обществѣ тотъ духъ невѣрія, которымъ обуреваются людскія совѣсти?

Не пререканія или упрека заслужилъ благой починъ первосвященника нашей Церкви, а сыновней признательности и всяческаго содѣйствія отъ насъ—духовныхъ дѣтей его.

Не съ холодающимъ словомъ почтительно-ироническаго недоумѣнія слѣдовало бы обратиться къ досточтимому архипастырю, а съ ободрительнымъ и радостнымъ возгласомъ: „Дерзай, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, ибо на св. Руси насъ, правовѣрующихъ—не малое стадо, а Отецъ нашъ благоволилъ дать Царство (Лк. XII, 32) и малому стаду!“

М. А. Н—съ.

1 іюля 1901 г.

Вышній Волочекъ.

III.

Не мало встрѣчается нынѣ въ обществѣ людей, коимъ очень не по вкусу опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе такихъ выдающихся по своей откровенной наготѣ произведеній антихристіанской мысли, какъ письмо графини С. А. Толстой или отвѣтъ Л. Толстого на посланіе св. Синода. Причинъ тому нѣсколько. Для иныхъ это невыгодно и нежелательно, какъ всякое разоблаченіе того, что выгодно дѣлать подъ сурдинку, подъ соблазнительнымъ покровомъ „запрещенія“. Для другихъ же такой „новый“ приемъ борьбы „въ открытую“ просто непріятенъ, какъ всякое явленіе, нарушающее видимое спокойствіе и тишину. Есть и такіе, которые по принципу неодобрительно относятся ко всякой „новизнѣ“, гдѣ бы она ни проявилась.

Во всякомъ случаѣ одно изъ этихъ настроеній нашло свой отголосокъ въ печати. Кн. Мещерскій въ *Гражданинѣ* (№ 47) вооружается противъ принятаго приема разоблаченія лжи. Въ этомъ онъ видитъ *только* соблазнъ. Онъ пишетъ:

„Признаюсь, прихожу въ глубокое смущеніе отъ этой новизны во взглядахъ иныхъ нашихъ іерарховъ на вопросъ о роли и о дѣйствіи печати по отношенію къ разрушителямъ авторитета Церкви. Ихъ разсужденіе такое: все равно, запрещено или допущено чье-либо печатное нападеніе на Церковь, его всѣ читаютъ, даже болѣе того, разъ оно запрещено, его больше стараются прочитать, чѣмъ разрѣшенное; если это такъ, то не лучше ли вмѣсто того, чтобы антицерковную статью, печатаемую за границей, читали безъ опроверженій, печатать ее у насъ, но съ тѣмъ, чтобы читающіе ее могли въ то же время прочитать и возраженіе на эту антицерковную статью.

Повторяю, не нахожу способа мириться съ такою логикою, вслѣдствіе которой, очевидно, всѣ печатающіяся за границей противъ Го-оударя и Его правительства статьи должны быть перепечатываемы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, но съ приложеніемъ опроверженій за подписью губернатора“...

То, что очевидно для кн. Мещерскаго, ложно въ самой своей основѣ. Такъ логически разсуждать можетъ лишь тотъ, кто *смѣшиваетъ* понятіе Церкви и Государства, для кого нѣтъ различія между функціями того и другого учрежденія. Логическая ошибка, характерная для многихъ такъ называемыхъ консерваторовъ.

У Церкви и у Государства орудія борьбы съ врагами ихъ различны. Государство имѣетъ въ своихъ рукахъ мечъ, Церковь же для отраженія своихъ враговъ можетъ пользоваться только словомъ (мечемъ духовнымъ), и только имъ однимъ. Это не освобождаетъ христіанское Государство отъ *обязанности* своимъ мечемъ ограждать Церковь отъ нападеній, но это послѣднее обстоятельство въ свою очередь не лишаетъ Церковь присущаго ей *права во всякъ* случаяхъ пользоваться *своимъ* оружіемъ въ той мѣрѣ, въ какой это признается необходимымъ церковной властью.

Эти азбучныя истины приходится напомнить, въ виду приведеннаго кн. Мещерскимъ сравненія.

Если губернаторъ будетъ печатать и опровергать революціонныя прокламаціи,—это будетъ очевидная для всѣхъ нелѣпость. Если же предстоятель Церкви возвышаетъ свой голосъ, чтобъ изобличить и раскрыть невидимую для мно-

гихъ ложь противоцерковной пропаганды, то для всѣхъ истинныхъ сыновъ Церкви очевидно, что это не только право, но и обязанность того, кто поставленъ „блюсти свое стадо“.

Но, поясняя далѣе свое неудачное сравненіе, кн. Мещерскій переноситъ центръ тяжести вопроса на почву обычнаго у насъ страха передъ соблазномъ.

„Логика такая, продолжаетъ онъ свою рѣчь: тамъ, за границею, дѣлается опытъ по отношенію къ намъ тайнаго соблазна; въ отвѣтъ на него у насъ будетъ сдѣланъ опытъ явнаго соблазна, но съ аккомпаниментомъ морали“...

Для кого же соблазнъ? Есть люди, для которыхъ учительное слово ихъ архипастыря, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, есть ничто иное, какъ „аккомпаниментъ морали“ и только. Это слово они и не читаютъ ¹⁾; можетъ ли *ихъ* соблазнить какая-либо кощунственная выходка? И есть люди, съ любовью внимающіе слову и указаніямъ своего архипастыря; въ этомъ словѣ они видятъ не аккомпаниментъ запрещенной статьи, а авторитетный *судъ* представителя и предстоятеля Церкви, голосъ котораго въ извѣстныхъ, возмущающихъ церковную жизнь, случаяхъ они жаждутъ слышать. И этихъ людей никогда не соблазнить неприкрытая нагота антихристіанской мысли; она способна внушить имъ ужасъ и отвращеніе къ себѣ, способна усилить въ нихъ чувство любви и привязанности къ матери—Церкви ²⁾.

Для этихъ людей, вѣрующихъ, покорныхъ Церкви и ея уставамъ, послушныхъ Богомъ установленной іерархіи, представляетъ опасность соблазнъ иного рода: соблазнъ *молчаливою* попустительства и бездѣйствія церковной власти по отношенію къ лицамъ и идеямъ, подтачивающимъ зданіе Церкви. Но о такомъ соблазнѣ теперь не можетъ быть и рѣчи.

¹⁾ Какъ сознается самъ кн. Мещерскій: „мнѣ извѣстную запрещенную статью подносятъ въ текстъ русскаго изданія: я его прочту несомнѣнно, но прочту ли опроверженіе его конвоирующее, это еще неизвѣстно“...

²⁾ Живой примѣръ этому видимъ въ ниже напечатанномъ письмѣ гр. Владиміра Бобринскаго, который пишетъ, что св. Церковь ему стала особенно дорога по прочтеніи грубыхъ нападокъ на нее Л. Толстого.

Если хотите, есть еще одинъ видъ соблазна, болѣе опасный даже, чѣмъ предъидущій. Это *соблазнъ лжи*, сознательно или бессознательно распускаемой всюду о Церкви и о церковной іерархіи и никѣмъ не опровергаемой. Вотъ самый яркій примѣръ тому. Когда отвѣтъ Л. Толстого св. Синоду ходилъ въ рукописи по рукамъ, что въ немъ болѣе всего соблазняло истинныхъ сыновъ Церкви? То мѣсто въ отвѣтѣ, гдѣ графъ заявляетъ, что Церковью не принималось никакихъ мѣръ увѣщанія по отношенію къ нему. Смущеніе людей православныхъ усиливалось тѣмъ болѣе, что неоткуда было ждать авторитетнаго опроверженія того, что распространялось всюду, но только привилегированнымъ, нелегальнымъ путемъ. Положеніе невыносимое, способное принести Церкви вреда въ тысячу разъ больше, чѣмъ какое угодно печатное издѣвательство надъ ней. И только теперь, когда отвѣтъ Л. Толстого напечатанъ, стало возможно разсѣять тотъ истинный соблазнъ, который смутилъ многихъ и многихъ православныхъ людей. Это и сдѣлалъ авторитетный голосъ митрополита Антонія.

Все это упускаютъ изъ виду или не хотятъ видѣть защитники системы молчанія. Ихъ смущаетъ только соблазнъ небывалаго прежде, открытаго глумленія надъ Церковью, что во всякомъ случаѣ составляетъ меньшее зло и менѣе опасно для Церкви, чѣмъ иные указанные нами виды соблазна.

Свящ. І. Фудель.

10 іюля 1901 г.
Москва.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Должно ли погребать по чину православной Церкви лицъ, крещенныхъ въ православіи, но затѣмъ уклонившихся въ расколъ?

Дать вполне опредѣленный и прямой отвѣтъ на поставленный вопросъ, какъ по отсутствію точныхъ на сей предметъ указаній въ законѣ, такъ и по крайней сложности самаго вопроса, весьма трудно. Нужно различать въ семъ вопросѣ двѣ стороны: внѣшнюю—формальную и внутреннюю, касающуюся существа дѣла. 1) Статья 209¹ Улож. о наказ. (по прод. 1891 г.) воспрещаетъ, подъ угрозой строгой отвѣтственности, погребать христіанъ безъ соблюденія христіанскаго обряда. Статья же 196 того же Уложенія (по прод. 1895 г.) говоритъ, что раскольникъ, дозволившій себѣ совершать духовныя требы для лицъ православнаго исповѣданія, подвергается наказаніямъ, въ сказанной статьѣ опредѣленнымъ. Такъ какъ засимъ лица, родившіяся и крещенныя въ православной вѣрѣ, а потомъ уклонившіяся въ расколъ, какъ по точному смыслу всѣхъ до настоящаго предмета относящихся узаконеній (т. IX Зак. о сост., изд. 1899 г. ст. 947; т. XIV Уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г., ст. 56; ук. Прав. Сен. 11 дек. 1891 г. № 14740, по вопросу объ условіяхъ записи раскол. брак. въ полиц. метрич. кн.—см. Мисс. Об. 1900 г. Дек. стр. 778—779; рѣш. Прав. Сен. по дѣлу Леціуса. 1891 г. № 10,—о томъ, что самовольный переходъ изъ православія въ какое-либо вѣроученіе не можетъ создать законной принадлежности къ сему вѣроученію и т. п.), такъ и дѣйствующей практикѣ, не признаются принадлежащими къ расколу, то казалось бы, что на основаніи приведенныхъ статей 209¹ и 196 Улож. о нак. надобно допустить, что эти лица, въ случаѣ смерти, должны быть погребаемы православными священниками по чину православной Церкви. Нѣкто-

рныя епархіальныя начальства, придерживаясь такого пониманія сказанныхъ статей закона, возбуждали уголовное преслѣдованіе противъ раскольническихъ требоисправителей, погребавшихъ по раскольническому обряду уклонившихся изъ православія въ расколъ лицъ. Но судебныя мѣста, исходя изъ той мысли, что погребеніе по раскольническому обряду подобныхъ лицъ составляетъ лишь одно изъ послѣдствій уклоненія ихъ въ расколъ, а такое уклоненіе не подлежитъ преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ, прекращали возбуждаемыя епархіальными начальствами дѣла. Если же такимъ образомъ нѣтъ гарантій въ успѣшномъ преслѣдованіи раскольническихъ требоисправителей, погребавшихъ уклонившихся въ расколъ православныхъ, то и не можетъ быть рѣчи объ обязательномъ погребеніи сихъ лицъ по православному обряду. При такомъ положеніи дѣла, какія бы повудительныя мѣры ни употребляли православные священники, къ тому, чтобы уклонившіеся въ расколъ отпѣваемы были и погребаемы по чину православной Церкви, ихъ старанія будутъ втунѣ; заблуждающіеся родные умершихъ всегда будутъ обращаться съ просьбою объ ихъ погребеніи къ своимъ требоисправителямъ.

2) Но допустимъ, что сказанные родственники обратятся съ просьбою о погребеніи уклонившагося въ расколъ къ православному священнику. Долженъ ли онъ будетъ исполнить эту просьбу? Бывшихъ въ расколѣ, говорится въ Высочайшемъ повелѣніи 3 ноября 1838 г., не возбраняется погребать отпѣваніемъ священническимъ, по установленнымъ правиламъ, въ предположеніи, что или сами они предъ смертію раскаялись въ своемъ заблужденіи, или родственники ихъ будутъ о томъ просить, согласно съ желаніемъ умершаго присоединиться къ Церкви, предупрежденнымъ смертію. Законъ такимъ образомъ не возбраняетъ погребать по чину православной Церкви лишь тѣхъ умершихъ въ расколѣ, которые предъ смертію принесли раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ. Не раскаявшихся же, значить, погребать по сему чину не слѣдуетъ. И такое требованіе закона вполнѣ отвѣчаетъ существу дѣла. Въ требникѣ Петра Могилы, въ статьѣ, носящей заглавіе: „Наказаніе о памятехъ усопшихъ“ находятся слѣдующія мѣста. „О еретикахъ же, непокаятельно отшедшихъ, не молимся, о сихъ бо Господь рече: иже вос-

хулить на Духа Святаго не имать отпущенія въ вѣки, но повиненъ есть вѣчному Суду (Марк. гл. III, зач. 14)“... „Согласно превеличїи божественнїи вселенстїи учителя поучаютъ, яко и отъ апостоловъ святыхъ преданы и душеполезны и спасительны суть *въ правой вѣрѣ отшедшимъ* церковныя молитвы, божественныя литургїи и милостыня“... И дѣйствительно, отпѣваніе уклонившихся въ расколъ и умершихъ безъ покаянія и приобщенія св. Таинъ въ православныхъ храмахъ и по чину православной Церкви, отъ которой они отпали, благодатную помощь которой отвергли, какъ не вѣрующіе въ ея святость и спасительность ея молитвъ, развѣ не противорѣчило бы достоинству этой Церкви“... „*Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ, малою, да молится*“, говоритъ св. апостоль Іоаннъ, другъ и наперсникъ Христовъ (1 Посл. Іоанна, гл. V, ст. 16). А нераскаянность что же иное есть, какъ не грѣхъ смерти? И эти слова принадлежать тому апостолу, который проповѣдывалъ любовь! „Церковь, пишетъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, благословляетъ именемъ Божиимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получить отъ нея ни молитвъ, ни благословенія, и вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея“ (отвѣтъ графинѣ С. А. Толстой 16 марта 1901 г.).

Пастыри церковные, коимъ Христомъ Спасителемъ дапа великая власть вязать и рѣшить (Іоан. XX, 22 и 23), должны помнить, что они призваны руководить вѣрующихъ къ ихъ духовному совершенству, къ единству вѣры, къ святости жизни и вѣчному спасенію (Ефес. IV, 11—13), и что въ этомъ своемъ служеніи они отдадутъ предъ судомъ Божиимъ самый строгій отчетъ, ибо кому много ввѣрено, съ того больше и взыщется (Лук. XII, 48). На ихъ обязанности лежитъ посему вѣчно быть на стражѣ стада Христова, проповѣдывать слово, настоять во время и не во время и т. д. (2 Тим. IV, 1 и 2). Лишая уклонившагося въ расколъ погребенія по чину православной Церкви, они всегда должны думать, не были ли они виновниками его уклоненія, принимали ли отвѣтственныя мѣры къ предупрежденію такого несчастія и т. п. Что

скажетъ имъ ихъ совѣсть? Престарѣлый апостолъ Іоаннъ, забывъ немощи и старость свою, предпринимаетъ путь въ горы къ разбойникамъ, чтобы спасти изъ безднъ грѣха и погибели одного юношу, проповѣдію апостола обращеннаго ко Христу. Трогательно и полно притягательной силы сказаніе о семъ. Апостолъ бѣжитъ за юношею, падаетъ предъ нимъ на колѣна, цѣлуетъ ему руки, умоляя возвратиться въ нѣдра Церкви. И юноша покался и душевно возродился.

В. Я—чѣ.

Имѣеть ли право судебный слѣдователь въ воскресеніе вызывать священника къ допросу?

Священникъ К—ой епархіи Н—въ.

По данному вопросу существуетъ опредѣленіе гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената отъ 6 марта 1878 г. за № 8746; означенное опредѣленіе Правительствующаго Сената состоялось въ виду того, что мировой судья 2-го ялтинскаго округа вызвалъ къ допросу въ свою камеру во вторникъ первой недѣли великаго поста двухъ иноковъ Херсонесскаго монастыря. Послѣ надлежащихъ сношеній по сему дѣлу съ Святѣйшимъ Синодомъ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: „разъяснить судебнымъ мѣстамъ и лицамъ, что духовныхъ и монашествующихъ лицъ не слѣдуетъ вызывать ни въ качествѣ тяжущихся сторонъ, ни въ качествѣ свидѣтелей, *въ тѣ дни и часы*, когда ими по своему званію исполняется церковное богослуженіе, а *въ первую и послѣднюю недѣли великаго поста* они вовсе освобождаются отъ призыва въ судъ. Лицамъ этимъ не слѣдуетъ также ставить въ вину неявку въ судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною такой неявки было исполненіе ими, въ назначенное для явки время, обязательныхъ духовныхъ требъ“.

Спб. епарх. миссіонеръ Н. Булаковъ.

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

По поводу отвѣта Св. Синоду гр. Л. Н. Толстого.

I.

Мысли Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго и писъмо гр. Бобринскаго.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пущенный графомъ въ публику отвѣтъ его Синоду появился, наконецъ, съ небольшимъ и несущественнымъ сокращеніемъ, въ печати („Миссіон. Обзор.“ іюнь, стр. 806—814). Возможно стало сказать теперь по поводу его нѣсколько словъ.

Въ своемъ отвѣтѣ графъ въ сущности вполне подтверждаетъ справедливость постановленія о немъ Синода, хотя и дѣлаетъ противъ него нѣкоторыя возраженія. Возраженія эти отлично разобраны въ трехъ прекрасныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ и принадлежащихъ: а) ректору здѣшней академіи епископу Сергію, б) В. М. Скворцову и в) М. А. Н—ву.

Въ одномъ изъ этихъ своихъ возраженій графъ Толстой съ беззастѣнчивою смѣлостію называетъ лживымъ утвержденіе Синода, что въ отношеніи къ нему со стороны Церкви были дѣлаемы попытки его вразумленія, не увѣнчавшіяся однако успѣхомъ. Въ упомянутыхъ статьяхъ и еще въ брошюрѣ московскаго протоіерея І. Соловьева: „Посланіе Св. Синода о графѣ Львѣ Толстомъ“ въ опроверженіе этого

обвиненія сдѣланы вполне вѣрные указанія. Я же въ настоящей своей замѣткѣ хочу лишь дополнить эти указанія свидѣтельствомъ лица сторонняго, къ числу „церковниковъ“, въ смыслѣ толстовскомъ, совсѣмъ не принадлежащаго. Разумѣю печатаемое ниже письмо ко мнѣ графа Владимира Бобринскаго. Графъ Бобринскій мнѣ совсѣмъ неизвѣстенъ, и письмо свое написалъ ко мнѣ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго имъ отвѣта Синоду графа Толстого. Недавно я испросилъ разрѣшеніе обнародовать это письмо. Свое согласіе на это графъ Бобринскій выразилъ въ своемъ второмъ ко мнѣ письмѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Если вы, Владыко, найдете нужнымъ для пользы Церкви, сослаться на мое письмо и даже опубликовать его, то я на это вполне согласенъ, такъ какъ это согласіе есть долгъ мой предъ правдой и передъ св. Церковію, которая особенно мнѣ стала дорога по прочтеніи грубыхъ и необстоятельныхъ нападокъ Льва Николаевича“ (Письмо отъ 12 іюня, изъ Богородицка, Тульск. губ.).

Во имя долга предъ правдой и Церковію и я призналъ пужнымъ обнародовать это письмо, чтобы подтвердить неправду графа Толстого. Вотъ текстъ этого письма:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь.

Вчера вечеромъ я прочиталъ ходящій по рукамъ отвѣтъ гр. Л. Н. Толстого на посланіе Синода, и въ первыхъ строкахъ меня болѣзненно поразило заявленіе Льва Николаевича о томъ, что Церковію не принималось никакихъ мѣръ увѣщанія по отношенію къ нему. Левъ Николаевичъ даже называетъ лживымъ утвержденіе о семъ Синода.

Въ виду этого рѣзкаго и серьезнаго, по существу дѣла, упрека, я считаю долгомъ своимъ сообщить Вашему Высокопреосвященству то, что я слышалъ отъ самого гр. Л. Н. Толстого по данному вопросу.

Около года тому назадъ я былъ у Льва Николаевича и, зная, что его нѣсколько разъ посѣтилъ въ Ясной Полянѣ священникъ тульской тюрьмы, я между прочимъ спросилъ его, какое на него произвелъ впечатлѣніе этотъ священникъ. Изъ отвѣта Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что тюремный

священникъ, повидимому, вполне хорошій и искренно вѣрующій человекъ, и что онъ съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдуетъ, но удовольствіе это для него отравляется сознаниемъ, что онъ присылается нашимъ архіереемъ для *его утѣшанія*. Я рѣшаюсь о семъ сообщить Вамъ не изъ полемическихкихъ цѣлей, а ради правды. Если бы я умолчалъ, то совѣсть мучила бы меня, и я постоянно чувствовалъ бы, что убоялся генія и всемірной славы великаго писателя и не исполнилъ своего долга для возстановленія истины.

У васъ, Владыко, вѣроятно, имѣется много вѣскихъ доказательствъ по вопросу, котораго я коснулся, но мнѣ кажется, что приводимое мною свидѣтельство самого Льва Николаевича имѣетъ въ данномъ случаѣ большое значеніе. Это обстоятельство извинитъ меня за непосредственное и непрошенное обращеніе мое къ предстоятелю русской Церкви.

Считаю долгомъ оговориться, что я позволилъ себѣ коснуться дѣла Л. Н. Толстого лишь въ виду счастливаго исключенія, въ которомъ находится этотъ писатель въ смыслѣ отсутствія карательныхъ мѣръ со стороны властей.

Испрашивая себѣ святительскаго благословенія, остаюсь Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Архипастыря, покорный слуга

Графъ *Владиміръ Бобринскій*.

Москва, 23 апрѣля 1901 года.

Положительная часть отвѣта графа Толстого, изложеніе его вѣры, читается съ чувствомъ ужаса и глубокаго къ нему сожалѣнія. Исторію о воплощеніи Христа, ученіе объ Искупленіи и признаніи Христа Богомъ графъ Толстой считаетъ „величайшемъ кощунствомъ“, значитъ, зачеркиваетъ всеѣмъ христіанство. Когда я прочиталъ все это, прочитавъ еще сдѣланное мнѣ сообщеніе о его заявленіи, что „если бы ему разрѣшили напечатать все его сочиненія о религіи то отъ православной Церкви въ короткое время остались бы одни клочья“, меня объялъ страхъ за этого несчастнаго человека. Пронеслась предъ мыслию моею личность Юліана Отступника, хотѣвшаго стереть съ лица земли ученіе Христа, изъ Бога развѣнчаннаго имъ въ простого человека-галилеянина, вспомнились его конечная гибель и историческій позоръ, прозвучали слова пророчества Исаіина на царя вавилонскаго: „на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ по-

«ставлю престоль мой, буду подобенъ Вышнему“... и это пророческое мemento: „нынѣ же во адъ снидеси и во основанія земли“... Отъ безумнаго богохульства графа сердце мое болѣзненно сжалось. Вѣдь это богоборство и объявленіе войны Самому Христу, Сыну Бога Живаго, Судіи живыхъ и мертвыхъ!.. Всегда съ недоумѣніемъ читавшія мною доселѣ грозныя слова апостола Павла: „Кто не любитъ Господа Иисуса Христа, анаеема, марап-аеа“ (1 Кор. XVI, 22) вдругъ какъ-то прояснились для меня. Да, кто отрекся отъ Господа Иисуса Христа, тотъ не любитъ Его. Кто отрекается отъ Христа, отъ того и Христосъ отрекается (Матѣ. X, 33; 2 Тимое. 11, 12). Отреченіе отъ Христа, какъ Бога, съ утвержденіемъ, что признавать Его Божественное достоинство есть кощунство, равносильно въ сущности произнесенію на Него анаеемы, и есть въ то же время какъ бы самоанаематствованіе, отлученіе себя отъ Бога, лишеніе себя жизни Божіей, Духа Божія. „Никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, говорить апостолъ, какъ только Духомъ Святымъ, и никто, говорящій Духомъ Божіимъ, не произнесетъ анаеемы на Иисуса“ (1 Кор. XII, 3).

Графъ же Л. Н. Толстой такую анаеему произнесъ. Не Духомъ Божіимъ, очевидно, говорить онъ.

Митрополитъ *Антоній*.

1901 г. Іюня 30.

II.

Сужденія о еретичествѣ гр. Л. Н. Толстого въ католическомъ мірѣ.

На торжествѣ посвященія католическаго епископа графа Шембека его дядя гр. Георгій Мошынскій произнесъ знаменательную рѣчь, въ которой высказалъ слѣдующія достойныя вниманія сужденія о еретичествѣ гр. Л. Толстого. Приводимъ выдержки изъ этой рѣчи.

„Ты, навѣрно, преосвященный отче, не обманешь возложенныхъ на тебя надеждъ, ибо ты входишь „черезъ двери въ овечье стойло“, ибо ты знаешь, что Христосъ есть „дверь для овецъ“ (св. Ев. отъ Іоанна, гл. X). Ты не долженъ забывать и о томъ, что на пастырскомъ пути твоёмъ ты повсемѣстно встрѣтишь затрудненія и опасности. Ты не можешь забыть о томъ, что старый врагъ Господа Бога и Церкви Христовой нынѣ открыто ведетъ войну противъ авторитета истины откровенія Божія. Несмотря на поверхностныя *разницы* во взглядахъ людей на истину и жизнь,—взглядахъ, обусловливаемыхъ чаще всего требованіями общественнаго или же officialнаго положенія даннаго лица,—взгляды эти, въ сущности распадаются на двѣ только категоріи. Такъ, съ одной стороны, видна вѣра въ личнаго, единого во Троицѣ Святой Бога, вѣра въ безсмертіе души человѣческой, въ свободную волю человѣка и отвѣтственность его за его дѣянія; съ другой — отрицаніе Бога, отрицаніе безсмертія души, свободной воли и отвѣтственности человѣка. Богомъ у этихъ апостоловъ прогресса не является Существо совершеннѣйшее и могущественнѣйшее, но неумолимая логика историческихъ фактовъ. Согласно ихъ ученію, какъ законъ, такъ и нравственность и религія не вытекаютъ изъ Божественнаго Откровенія, но являются лишь результатомъ накопленнаго въ теченіи вѣковъ опыта, вѣнцомъ чего до *настоящаго времени* служить христіанство.

„Казалось бы, что мы приближаемся къ моменту, когда многіе „лжепророки предстанутъ и многіхъ прельстятъ“ (Ев. Мат., гл. XXIV).

„Только черезъ Польшу полякъ можетъ заслужиться и спасти свою безсмертную душу“. Такъ говорили отцамъ на-

шимъ лжепророки польской поэзіи, забывъ о томъ, что „Христосъ есть дверь для овецъ“, и что „нѣсть подѣ небесами другого Имени, въ которомъ мы могли бы найти свое спасеніе“. Апостолы либеральной литературы увѣряютъ насъ теперь, что, будучи людьми XIX вѣка, они „привыкли обходить религіозныя начала, какъ предметы неподвижныя, какъ памятники старины и какъ дѣло личныхъ убѣжденій того или другого человѣка“. Легче, однако, обойти религіозныя начала въ стилистической работѣ, чѣмъ убѣдить людей, что неподвижнымъ предметомъ, памятникомъ старины и дѣломъ личныхъ убѣжденій является то, что отъ сотворенія міра составляло, главнымъ образомъ, содержаніе жизни, движенія и развитія человѣчества и останется этимъ до конца дней.

„Религія является въ процессѣ развитія человѣчества факторомъ настолько необходимымъ, что общество, выбросившее изъ души и совѣсти человѣческой Бога, вынуждено изваять себѣ Его изъ камня, слѣпить изъ глины или же изъ исторической эволюціи, какъ это сдѣлали варшавскіе католики-консерваторы, увѣряя насъ, что „христіанская культура должна быть почитаема лучшимъ цвѣтомъ европейской цивилизаціи“. Религія является потребностью человѣческаго сердца настолько необходимою, что общество, пренебрегающее заповѣдью Христа — „если кто хочетъ слѣдовать за Мною, пусть отречется отъ самого себя, возьметъ крестъ свой и поступаетъ, какъ я поступаю“, — что общество, не усматривающее нравственной правды въ единственномъ ея источникѣ святой—вселенской Церкви и пренебрегающее ея апостольствомъ,—что такое общество вынуждено всегда, въ концѣ-концовъ, искать этой правды у апостоловъ гордыни, лжи и тщеславія, о которыхъ Христосъ Богъ говоритъ: „кто не дверью входитъ въ стойло овечье, но другимъ путемъ, тотъ—воръ и убійца“. Общество, которое устанетъ въ прославленіи во Св. Троицѣ Единого Бога, вынуждено бить поклоны передъ „глашатаями истины“, для которыхъ театральныя подмостки или же эквилибристика составляютъ единственное поприще для самопожертвованія, красивая фраза является единственною нравственною заслугою, а Богомъ — національное прошлое, которому они и отдадутъ божескую честь, восклицая въ религіозномъ экстазѣ: „тебѣ. великое

святое прошлое, тебѣ, кровью искупленное,—да будетъ слава и честь на всѣ времена!“ Не забудемъ, что Слово Божіе является единственнымъ источникомъ святости, что въ Словѣ Божіемъ, а не въ прошломъ заключается животъ — живѣть человѣческой. Не забудемъ, что „кто приложилъ руку къ сохѣ, но оглядывается назадъ, тотъ не достоинъ Царства Божія“. Поэтому, кто изъ прошлаго дѣлаетъ національную святыню, кто идеаль свой ставитъ за своими плечами, тотъ сегодня не сумѣетъ указать народу другого пути, какъ путь безсмысленнаго прозябанія или же отчаянія, завтра же не будетъ въ состояніи поставить другого указательнаго на его пути столба, какъ безнадежное сомнѣніе о будущемъ. Мы должны имѣть въ виду, что ни карманныхъ, ни политическихъ прорѣхъ нельзя заплатать прорѣхами совѣсти, а послѣднихъ—патріотизмомъ. Намъ не нужны другія святыни и другіе идеалы, кромѣ тѣхъ, которыя намъ предлагаетъ святая вселенская Церковь, которая въ источникъ своей всеобщей любви къ паствѣ Христовой черпаетъ тоже, какъ любовь ко всѣмъ созданнымъ Божіимъ Провидѣніемъ народамъ, такъ и признаніе ихъ природныхъ правъ, не забывая никогда о томъ, что первымъ проявленіемъ благодати Духа Святого по отношенію къ апостоламъ было надѣленіе ихъ различностью языковъ, дабы каждый человѣкъ „изъ всякаго народа“ могъ быть поучаемъ въ его природной рѣчи. Увы! и идеалы вселенской Церкви Христовой оказываются недостаточными для нашихъ „апостоловъ“ литературной нравственности, признающихъ только одну вселенскую солидарность лжи противъ правды и одинъ только нравственный союзъ человѣчества — *бунтъ человѣческой гордыни противъ Божьяго Откровенія*. Поэтому, присоединяясь къ общему поклоненію Европы таланту графа Льва Толстого, наши католическіе литераторы объявили его самымъ выдающимся представителемъ общечеловѣческой правды,—правды полной и безусловной, проявляющейся, по ихъ мнѣнію, во внутренней жизни творческаго духа!

Польша связана нынѣ съ Россіей не только механическими узами администраціи и политики, не только силою штыковъ, но еще—и несравненно притомъ сильнѣе—безчисленными жизненными артеріями, соединяющими польскій народъ, какъ славянъ, съ народомъ, являющимся единственнымъ представителемъ сла-

внѣштва въ ареопатъ европейскихъ державъ, ибо одинъ только *русскій* народъ сумѣлъ создать политическую силу и обезпечить себѣ дѣйствительную независимость. Поэтому, разбирая опасности, угрожающія нашему христіанскому развитію, мы не имѣемъ права упускать изъ виду зловѣщихъ тучъ, собирающихся со стороны русскаго общества. Однимъ изъ наиболѣе грозныхъ бѣдствій, угрожающихъ намъ съ этой стороны, нужно счесть появленіе въ русской литературѣ графа Льва Толстого. Оставивъ твердую почву правды Откровенія, пренебрегши апостольствомъ Церкви Христовой, отвергнувши Божественность Сына Господня, осмѣявши установленныя Спасителемъ св. Тайны, онъ употребилъ во вредъ Россіи и всего человѣчества весь громадный запасъ благороднѣйшихъ стремленій своихъ и прошелъ черезъ русское общество, какъ зловѣщій ураганъ, какъ полчище татарское, разрушая направо и налево все, что составляетъ нравственную, политическую и экономическую суть жизни человѣческой, оставляя послѣ себя разрушеніе, пустыню и безнадѣжность... Всякая власть, какъ свѣтская, такъ и духовная сдѣлалась для него разбоемъ, а св. Тайны—обманомъ. Умный человѣкъ не долженъ, по его мнѣнію, переступать вѣрой своей тѣсный кругъ чувствъ своихъ и своего ума. Человѣческое бытіе начинается и кончается тлѣнной жизнью. Безсмертнымъ является одно только человѣчество, и въ немъ только человѣкъ безсмертенъ, какъ окончательный результатъ его прошлаго и какъ одинъ изъ факторовъ дальнѣйшаго его развитія въ будущемъ. Въ этомъ ученіи нѣтъ мѣста ни для личнаго Бога, ни для свободной воли и отвѣтственности человѣка. Непротивленіе злу сдѣлалось поэтому послѣднимъ словомъ распространяемаго графомъ Львомъ Толстымъ нравственнаго ученія. Эта пагубная теорія ведущая къ уничтоженію всѣхъ условій общественнаго строя и вытѣсняющая изъ души человѣческой понятіе о свободной волѣ, а поэтому подрывающая въ корнѣ необходимый факторъ человѣческаго творчества,—теорія эта сдѣлалась отраженіемъ понятій громаднаго большинства русской интеллигенціи, обладающей въ большинствѣ случаевъ поверхностнымъ религіознымъ образованіемъ. Даже признающіе Церковь православную моралисты часто не знаютъ того, что „вѣра безъ дѣяній—мертва“, что нельзя удостоиться

отпущенія грѣховъ независимо отъ поступковъ своихъ, разъ для этого нужны: покаяніе, исповѣдь и удовлетвореніе. Они какъ-бы не знаютъ, что закоренѣлыхъ лжецовъ и преступниковъ самъ апостолъ исключилъ изъ среды вѣрныхъ, говоря: „а кто бы Церкви не послушалъ—да будетъ, яко язычникъ и мытарь“. Съ чувствомъ національнаго превосходства хвалятся серьезные русскіе мыслители тѣмъ, что русскій человѣкъ „существо и цѣль вѣры своей полагаетъ не въ практической жизни, а въ душевномъ спасеніи и любовью церковнаго союза ищетъ обнять всѣхъ—отъ живущаго по вѣрѣ праведника до того разбойника, который, несмотря на его дѣла, прощенъ былъ въ одну минуту“. Они именуютъ безъ колебанія единственно *логичнымъ и правильнымъ* взглядъ, что человѣкъ, „живущій въ праздности, безчестіи, лжи, развратѣ и беспорядочности“, а слѣдовательно человѣкъ, ведущій грѣшную и не христіанскую жизнь—„является язычникомъ, а не христіаниномъ“. Они увѣряютъ насъ даже, что грѣшники, упорствующіе во лжи и преступленіи, по словамъ Спасителя якобы, „предваряютъ нерѣдко церковныхъ праведниковъ въ Царствѣ Божіемъ“. Даже серьезные русскіе мыслители не могутъ понять того, „какъ можно согласить милость съ негодованіемъ—съ тѣмъ, что считается порокомъ, преступленіемъ, нарушеніемъ закона?“ И гордятся они тѣмъ, что русскій не различаетъ понятія о преступленіи, составляющемъ результатъ злой воли человѣческой, отъ понятія о преступленіи, являющемся независимо отъ этой воли—Божіимъ попущеніемъ. Часто русскіе мыслители забываютъ о томъ, что понятія о добрѣ, злѣ, правдѣ и лжи не зависятъ отъ переменныхъ условій времени и мѣста, но неизбѣжно покоятся на постоянной основѣ Божественнаго Откровенія. Поэтому, со спокойной совѣстью, они мирятся съ фактомъ, что „каждому изъ такихъ словъ,—какъ долгъ, законъ, порокъ и преступленіе,—каждая партія въ каждую минуту придаетъ особенное значеніе, и что между людьми сегодня называютъ правдою и доблестью то, за что завтра казнятъ, какъ ложь и преступленіе“. Иначе, впрочемъ, и не могутъ говорить въ обществѣ, котораго, опять-таки,—наиболѣе серьезные мыслители, вмѣсто того, чтобы искать начало Церкви въ постановленіяхъ Спасителя,—смотреть на нее, какъ на историческое произведеніе народнаго духа, и утвер-

ждають, что старія учрежденія „освящены въ народномъ мнѣніи тѣмъ авторитетомъ, который даетъ исторія и... одна только исторія“.

„Поэтому. вмѣсто того, чтобы признать правду Откровенія главнымъ содержаніемъ Церкви, выдающійся русскій моралистъ учить своихъ соотечественниковъ, что „существенное въ каждомъ вѣроисповѣданіи едва-ли возможно выразить, выяснить на бумагѣ или въ опредѣленной формулѣ; самое существенное, самое упорное и драгоцѣнное въ Церковномъ вѣрованіи—неуловимо, недоступно опредѣленію, подобно разнообразію свѣта и тѣней, подобно чувству, сложившемуся изъ безконечнаго ряда послѣдовательныхъ ощущеній, представленій и впечатлѣній; самое существенное связано и сплетено множествомъ такихъ тонкихъ корней съ психическою природою каждаго племени и съ общими сложившимися въ немъ началами нравственнаго міросозерцанія, что невозможно отдѣлить одно отъ другого“. „Всякая форма, исторически образовавшаяся,—говоритъ тотъ же русскій моралистъ,—выросла въ исторіи изъ историческихъ условій и есть логическій выводъ изъ прошедшаго, вызванный необходимостью“. Естественное дѣло, что тамъ, гдѣ историческая необходимость составляетъ высшее право,—тамъ не можетъ быть и рѣчи ни о безусловной правдѣ вѣры, ни о свободной волѣ человѣка, ни объ его отвѣтственности. Поэтому, въ силу естественной послѣдовательности, знаменитый русскій моралистъ долженъ былъ придти къ теоріи о „непротивленіи злу“, что онъ и сдѣлалъ дѣйствительно, выразивъ это наиболѣе рельефно слѣдующими словами: „сохрани Боже, порицать другъ друга за вѣру; пусть каждый вѣруетъ по своему, какъ ему сроднѣе“. „Въ этомъ искреннемъ признаніи заключается публичное самообвиненіе въ незнаніи основныхъ началъ христіанскаго катехизиса, согласно которымъ человѣкъ вовсе не рождается въ вѣрѣ, но во грѣхѣ первородномъ; вѣра же въ святую, неизмѣнную, всегда и для всѣхъ одинаковую, правду Откровенія Божія, вовсе не природна ему и не беретъ своего начала въ его умѣ, но нисходитъ на него только благодатью Таинства Крещенія.

„Русскій епископатъ не согласился съ мнѣніемъ, что не слѣдуетъ порицать человѣка за его вѣру, и не только осу-

диль графа Льва Толстого за его,—въ силу первороднаго грѣха врожденныя ему,—матеріалистическія вѣрованія, но, что еще болѣе, примѣнилъкъ нему самое высокое наказаніе, какимъ располагаетъ Церковь, а именно: исключилъ его изъ среды вѣрныхъ, ставъ такимъ образомъ на одну почву съ католическими епископами.—Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный епископъ Новодворскій первый забилъ тревогу, указавъ въ цѣломъ ряду замѣчательныхъ статей, напечатанныхъ въ польскомъ „Католическомъ Обозрѣніи“, на нехристіанское и матеріалистическое направленіе взглядовъ знаменитаго и популярнаго русскаго писателя. Поступивъ въ данномъ случаѣ вопреки мнѣнію почти всей русской интеллигенціи, православный епископатъ фактически доказалъ неправильность сужденія, выраженного четыре года тому назадъ однимъ извѣстнымъ русскимъ мыслителемъ, утверждавшимъ, что православное духовенство неспособно подняться выше уровня русскаго народа и что, вышедши изъ послѣдняго, оно не отличается отъ него ни образомъ жизни, ни добродѣтелями, ни даже недостатками, и что оно „съ народомъ стоитъ и падаетъ“. (С.-Петербург. Вѣд. № 182).

III.

Голоса изъ среды мірянъ

1) Письмо въ редакцію.

Вашъ отецъ діаволъ, и вы хотите исполнить похоти отца вашего. Онъ былъ человекоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ лжю, говоритъ свое, ибо онъ лжеецъ и отецъ лжи (Іоан. 8, 44).

Эти грозныя слова нашего Спасителя невольно пришли мнѣ на память при чтеніи грубо-дерзкаго и кощунственно-пошлаго „отвѣта“ Льва Толстого на посланіе Синода о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе назватьъ ту богохульную, чуть не площадную брань по адресу православной Церкви и ея спасительныхъ

благодатныхъ установленій,—брань, которою уснащаетъ свое произведеніе „великій писатель“? Кто читалъ подпольныя изданія Льва Николаевича Толстого, тотъ уже давно пересталъ вѣрить въ существованіе у прославленнаго писателя самаго обыкновеннаго чувства уваженія къ убѣжденіямъ людей противоположнаго лагеря. Въ данномъ же случаѣ дѣло идетъ и не объ убѣжденіяхъ, а о томъ, что дороже всякихъ убѣжденій, что выше всѣхъ земныхъ сокровищъ (Матѣ. 6, 19 — 20; 13, 45 — 46), — что составляетъ жизнь многихъ миллионовъ православныхъ людей. И вотъ это божественное достояніе, эту святую вѣру, принесенную нашимъ Христомъ Спасителемъ съ неба, аристократъ-графъ, вельможа православнаго русскаго государства, обливаетъ грязью хуже всякаго грубаго и необразованнаго сектанта-мужика, пылающаго ненавистью къ православію.

Возражать ли графу Толстому по поводу его кощунствъ въ „отвѣтъ“ на посланіе Синода? Но развѣ можно говорить съ человѣкомъ, который не понимаетъ вашего языка!.. Вѣдь графъ измыслилъ свое собственное евангеліе и не хочетъ знать того благовѣстія, которое признается вѣрующимъ православнымъ міромъ. Ясное дѣло поэтому, что увѣщаніе его теперь съ православно-евангельской точки зрѣнія было бы „метаніемъ бисера“; *поучающій кощунника*, — говоритъ премудрый, — *наживетъ себѣ безславіе, и обличающій нечестиваго нятно себѣ* (Притч. 9, 7). Поэтому лучше всего оставить, въ силу этихъ словъ св. Писанія, на отвѣтственности Толстого всѣ его ругательства противъ православной Церкви, которымъ сдѣлають надлежащую оцѣнку безпристрастная и неумолимая исторія и здравое общественное мнѣніе. Если и стоитъ что возразить прославленному богослову изъ Ясной Поляны, такъ это только указать на неправду и на тѣ противорѣчія, которыми исполненъ его настоящій „отвѣтъ“.

Толстой считаетъ постановленіе Синода о немъ незаконнымъ, умышленно-двусмысленнымъ, произвольнымъ, неосновательнымъ, неправдивымъ, клеветою и подстрекательствомъ къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ. Графъ на эпитеты подобнаго рода вообще не скупится; не даромъ одинъ изъ его безразсудныхъ поклонниковъ, возражая г. Мереж-

ковскому, называетъ Толстого „мужикомъ, выковавшимъ русское государство“. Но въ такомъ случаѣ какъ назвать съ безпристрастной точки зрѣнія „отвѣтъ“ самого Толстого? Въѣдѣ *idée fixe* Толстого составляетъ непротивленіе злу. Если же, по взгляду графа, священнослужители православной Церкви являются гнусными обманщиками и гипнотизерами (sic!), и всѣ ихъ церковныя дѣйствія, а въ частности посланіе Синода, представляютъ одно сплошное зло,—то зачѣмъ же графъ возстаетъ, вопреки своимъ основнымъ принципамъ, противъ этого зла, зачѣмъ онъ съ такой мрачною злобой и въ такихъ непозволительныхъ выраженіяхъ обрушивается на служителей Христовыхъ и домостроителей Таинъ Божіихъ (1 Коринѣ. 4, 1)?

Обругивая посланіе Синода, Толстой для своей брани не представляетъ рѣшительно никакихъ основаній. Онъ голословно утверждаетъ, что посланіе Синода „не удовлетворяетъ тѣмъ церковнымъ правиламъ, по которымъ можетъ произноситься такое отлученіе“. Какія это церковныя правила, графъ благоразумно умалчиваетъ, опасаясь, вѣроятно, чтобы не оказаться такимъ же канонистомъ, каковъ онъ, какъ экзегетъ и богословъ.

Забывая всякую сдержанность, Толстой говоритъ, что посланіе „представляетъ изъ себя то, что на юридическомъ языкѣ называется клеветой,—такъ какъ въ немъ заключаются заведомо несправедливыя утвержденія“... Ниже Толстой, вопреки этому заявленію, блистательно доказываетъ, что въ посланіи Синода о немъ не было не только никакой клеветы, а наоборотъ, одна вопіющая на небо правда. Нужно быть глубоко благодарнымъ высшему іерархическому правленію нашей Церкви за то, что оно сняло овечью шкуру съ хищника, губителя многихъ человѣческихъ душъ: благодаря посланію Синода о Толстомъ и „отвѣту“ на него графа, теперь всякій можетъ увидѣть всю его кощунственную неприкровенность. Спрашивается теперь, кто же въ этомъ дѣлѣ является клеветникомъ и притомъ нагло извращающимъ факты?

Далѣе Толстой жалуется, что посланіе Синода „вызвало у людей *непросвѣщенныхъ* (толстовствомъ?) и *неразсуждающихъ* (какъ Толстой?) озлобленіе и ненависть“ къ нему, доходящая до угрозъ убійства и высказываемая въ получаемыхъ имъ.

гр. Толстымъ, письмахъ. Что же это значить? Вѣдь читающей публикѣ, конечно, извѣстно вызывающее письмо, которое графиня Толстая въ февралѣ мѣсяцѣ этого года послала Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, гдѣ она заявляетъ, что распоряженіе Синода вызоветъ „негодование въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ,—добавляетъ безапелляціонно графиня Толстая,—такія изъясненія, и имъ не будетъ конца отъ всего міра“. Теперь же изъ устъ ея супруга мы слышимъ совершенно противоположное: графу Толстому, оказывается, пишутъ озлобленныя письма, дышашія угрозами и убійствомъ. Кому вѣрить? Если говорить правду графиня, то не правъ графъ; а если правдиво пишетъ графъ, то въ такомъ случаѣ искажаетъ истину графиня. Едва ли можно считать это обстоятельство маловажнымъ: неужели можно стать настолько мелкимъ, чтобы допускать въ серьезныхъ вещахъ неправду, столь ясно бросающуюся въ глаза? Но допустимъ, что и графъ, и графиня пишутъ правду, т. е. первый получаетъ письма враждебныя, а вторая—сочувственныя. Все-таки и при такомъ положеніи вещей Левъ Толстой никоимъ образомъ не можетъ утверждать, что именно посланіе Синода вызвало къ нему озлобленіе и ненависть въ людяхъ *непросвѣщенныхъ и неразсуждающихъ*. Со стороны графа утвержденія подобнаго рода суть ничто иное, какъ недобросовѣстная натяжка. Нѣтъ, не посланіе Синода озлобило противъ графа насъ, людей вѣрующихъ, а самъ онъ вызвалъ это озлобленіе у насъ своими грѣшными и кощунственными писаніями о религіи, въ которыхъ съ сатанинскою дерзостью обругиваетъ самыхъ священныя вѣрованія православныхъ христіанъ и осмѣиваетъ дорогія для вѣрующаго сердца имена; да, всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ, и въ вопляхъ негодованія противъ Толстого исключительно виноватъ самъ онъ. Теперь, стоя на краю могилы, графъ только пожинаетъ плоды своей противохристіанской и анархической дѣятельности. И совершенно напрасно графъ указываетъ на то, что письма, направленные къ нему, наполнены неприличными ругательствами: подпольныя писанія самого Толстого такъ неприкровенны, оскорбительны и грубы, что предъ ними блѣднѣетъ всякая ругань; только христоненавистныя богохуленія еврейскаго Талмуда

могутъ соперничать съ толстовскимъ кощунствомъ. Графъ далъ въ этомъ отношеніи плачевный примѣръ и, указывая на сучекъ въ глазѣ ближняго, не замѣчаетъ въ то же время у себя цѣлаго бревна. Самъ же Толстой въ „отвѣтъ“ поучаетъ, что люди должны поступать съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы съ ними поступали, а самъ же первый не слѣдуетъ этому божественному правилу. Становясь на его точку зрѣнія, нужно признать, что эти ругательства суть „простыя и объективныя“ названія вещей и предметовъ ихъ настоящими именами. И во всякомъ случаѣ, что извинительно человѣку непросвѣщенному и неразсуждающему, то не извинительно человѣку просвѣщенному и талантливому, который свои богодарованныя способности употребляетъ на то, чтобы священныя для всего христіанскаго міра вѣрованія поносить „гнилыми словами“ (Ефес. 4, 29). Затѣмъ, нужно быть слишкомъ наивнымъ, чтобы не понять, съ какою цѣлью Толстой пишетъ „отвѣтъ“ на постановление Синода о немъ; этотъ его „отвѣтъ“, какъ и прежнія писанія на ту же тему, въ частности и письмо графини Толстой, именно и являются самымъ ужаснымъ подстрекательствомъ къ дурнымъ чувствамъ противъ богопоставленныхъ пастырей Церкви.

Толстой увѣряетъ, что онъ „никогда не заботился о распространеніи своего ученія“,—но непосредственно затѣмъ ослабляетъ свое увѣреніе, признаваясь, что онъ „самъ для себя выразилъ въ сочиненіяхъ свое пониманіе ученія Христа и не скрывалъ (sic!) эти сочиненія отъ людей, желавшихъ познакомиться съ ними, но никогда самъ не печаталъ ихъ; говорилъ же людямъ о томъ, какъ я понимаю ученіе Христа только тогда, когда меня объ этомъ спрашивали. Такимъ людямъ я говорилъ то, что думаю, и давалъ, если у меня были, мои книги“. Можно ли писать болѣе умышленно двусмысленнымъ образомъ? Графъ, очевидно, потерялъ все гражданское мужество и начинаетъ въ оправданіе своего недостойнаго и преступнаго поведенія говорить явно несообразныя вещи. Что собственно означаетъ объясненіе Толстого, что онъ писалъ свои сочиненія самъ для себя? Если бы Толстой дѣйствительно не желалъ распространять своего зловреднаго ученія, то онъ имѣлъ всѣ средства сдѣлать это; каждый авторъ за печатаніе и изданіе своихъ произведеній посторонними лицами, не испросившими у него предвари-

тельно согласія на издательство, всегда можетъ привлечь виновныхъ къ законной отвѣтственности. Между тѣмъ Толстой не только не поступалъ такъ, а наоборотъ, предоставилъ широкое право печатать свои сочиненія, причемъ, чрезъ посредство близкихъ себѣ лицъ, взималъ съ издателей довольно значительныя деньги. Столь лицемѣрное поведение Толстого нельзя даже и объяснить его ученіемъ о непротивленіи злу, а просто тонкой хитростью и желаніемъ скрыться за спиной другихъ на случай отвѣтственности предъ закономъ за распространеніе ученій, подрывающихъ государственную религію. Какъ бы тамъ ни было, но такой образъ дѣйствій нельзя назвать благороднымъ: истинные учителя міра такъ не поступали.

Толстой, называя постановленіе Синода произвольнымъ, недоволенъ тѣмъ, что относительно всѣхъ другихъ образованныхъ невѣрующихъ людей не издано такого же постановленія Синода, какое сдѣлано о немъ. Но въ данномъ случаѣ графъ рассуждаетъ вопреки самымъ элементарнымъ требованіямъ здраваго смысла. Нельзя всѣхъ больныхъ лѣчить однимъ и тѣмъ же лѣкарствомъ; эта истина справедлива въ отношеніи болѣзней тѣлесныхъ и духовныхъ. Невѣріе есть духовный недугъ. Бываетъ невѣріе по легкомыслію, отъ духовной неразвитости, изъ желанія порисоваться, — и бываетъ невѣріе отчаянно-сознательное, когда человѣкъ не вслѣдствіе страстнаго какого-либо увлеченія отрицаетъ Царство Божіе, а наоборотъ, въ силу дьявольской гордости не хочетъ подчинить спасительной вѣрѣ своего ума, плѣннаго сатаной, — и не только не хочетъ вѣрить, но и находитъ демоническое удовольствіе въ томъ, чтобы колебать вѣру въ другихъ людяхъ. Само собой понятно, что Церковь въ своихъ заботахъ о спасеніи ввѣренныхъ ей чадъ не можетъ одинаково относиться ко всѣмъ этимъ невѣрамъ: къ однимъ она можетъ отнестись болѣе снисходительно, а къ другимъ — менѣе. И апостоль говоритъ: *къ однимъ будьте милостивы съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ спасайте, исторгая изъ огня* (Луд. 22, 23).

Толстой считаетъ постановленіе Синода неосновательнымъ, такъ какъ главнымъ поводомъ его появленія „выставляется большое распространеніе моего, совращающаго людей, лжеученія, тогда какъ мнѣ хорошо извѣстно, что людей, раздѣ-

ляющихъ мои взгляды, едва-ли есть сотня, и распространеніе моихъ писаній о религіи, благодаря цензурѣ, такъ ничтожно, что большинство людей, прочитавшихъ постановленіе Синода, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что мною писано о религіи, какъ это видно изъ полученныхъ мною писемъ“. Но графъ, очевидно, забылъ извѣстную исторію о Закавказскихъ духоборахъ, гдѣ не сотня, а нѣсколько тысячъ людей погибли, заразившихъ его лжеученіемъ. Графъ Толстой со своими приспѣшниками просто смѣется надъ цензурой, и его писанія въ огромномъ количествѣ расходятся среди нашего отечества подпольными и запрещенными путями. Притомъ извѣстное ученіе можно распространить безъ всякихъ писаній чрезъ одну устную проповѣдь; Чертковъ, Хилковъ, Бодянский и К^о прекрасно доказали эту истину надъ несчастными духоборами-постниками, превративъ покорныхъ дотолѣ правительству людей въ озвѣрѣлыхъ анархистовъ. Тлетворная зараза толстовства прямо, такъ сказать, носится въ воздухѣ и отравляетъ всѣ классы общества. Неужели у Толстого совѣсть совсѣмъ сожжена (1 Тим. IV, 2), и не дрожитъ его сердце при мысли о томъ, чему онъ учить и куда ведетъ тотъ народъ, единеніе съ которымъ будто бы ему такъ дорого? Трусами будетъ устлана, слезами и кровью полита та страна, гдѣ толстовцы успѣютъ свить себѣ революціонное и разрушительное гнѣздо.

Нѣтъ, малодушною ложью и противорѣчіями исполнены нападки Толстого на постановленіе Синода о немъ! Оправдывая свое отступленіе отъ православной Церкви, Толстой положительно начинаетъ путаться. „По нѣкоторымъ признакамъ усумнившись въ правотѣ Церкви, я посвятилъ,—говорить онъ,—нѣсколько лѣтъ на то, чтобы изслѣдовать теоретически и практически ученіе Церкви“. Какъ же графъ, спрашивается, изслѣдовалъ ученіе Церкви? Отвѣтъ на это Толстого весьма интересенъ и поучителенъ. „Теоретически я перечиталъ,—пишетъ Толстой въ своемъ „отвѣтѣ“, — все, что могъ, объ ученіи Церкви, изучилъ и критически разобралъ догматическое богословіе, практически же строго слѣдовалъ, въ продолженіе болѣе года, всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы“. Неизвѣстно, что читалъ объ ученіи Церкви и какъ изучалъ графъ Толстой догматическое богословіе,—несомнѣнно одно,

что это чтеніе и изученіе было чрезвычайно одностороннимъ и потому недостаточнымъ. По крайней мѣрѣ, изъ писаній Толстого о религіи видно, что онъ плохой догматистъ, мало знающій церковный историкъ и весьма неудовлетворительный экзегетъ. За доказательствами ходить далеко не нужно. Въ томъ же „отвѣтѣ“ на синодальное посланіе Толстой, напр., утверждаетъ, что молитва общественная въ храмахъ прямо запрещена Христомъ, причемъ въ доказательство ссылается на Матѣ. 6, 5—13. Если бы графъ получше вдумался въ этотъ текстъ, то понялъ бы, что Христосъ Спаситель запрещаетъ здѣсь молитву не храмовую, общественную, а молитву тщеславную, совершаемую для того, чтобы видѣли посторонніе люди и прославляли молящихся. Если и въ комнату войдешь для молитвы и затворишь за собой двери, — то коль скоро сдѣлаешь сіе по тщеславію, затворенныя двери не принесутъ тебѣ никакой пользы (Св. Златоустъ). При изгнаніи торжниковъ изъ храма, событіи, которое признаетъ и Толстой, Господь Іисусъ Христосъ торжественно объявилъ, что домъ Отца Его (храмъ) назовется домомъ молитвы у всѣхъ народовъ (Мар. 21, 13). Непосредственные очевидцы и слушатели Христа Спасителя во всякомъ случаѣ лучше понимали Его ученіе о храмовой молитвѣ, чѣмъ понимаетъ это ученіе графъ Толстой; а они, по свидѣтельству евангелиста Луки, пребывали всегда въ храмѣ, прославляя и благословляя Бога (24, 53), то есть возносили общественныя благодарственно-хвалебныя молитвы Богу за Его великія милости къ роду человѣческому, проявленныя въ искупительномъ подвигѣ Сына Божія. Въ такомъ же родѣ и прочія мнимобиблейскія доказательства, которыя Толстой приводитъ противъ существующаго строя православной Церкви. Если игнорировать библейскую исторію и археологію и не подчинять разнузданнаго разума правиламъ строгой герменевтики, то можно дойти въ толкованіи священнаго текста до всевозможныхъ нелѣпостей. Научнымъ безсиліемъ Толстого объясняется отчасти, по нашему мнѣнію, то отчаянное и ослѣпленное озлобленіе, съ какимъ онъ устремляется на утвержденный семью благодатно-таинственными столбами Домъ Божій (Притч. 9, 1), котораго не могутъ поколебать всѣ силы ада. Восемнадцативѣковая слишкомъ исторія воинствующей Церкви Христовой могла бы сказать графу въ

этомъ отношеніи весьма много назидательнаго. Прекрасная литературная форма, въ какую Толстой воплощаетъ свои антихристіанскія сочиненія, не дѣлаетъ ихъ болѣе доказательными; отвратительное кушанье останется отвратительнымъ, хотя бы оно было подано на самомъ художественномъ золотомъ блюдѣ. И читая толстовскія религіозныя писанія, невольно вспоминаешь философа Діогена, который, увидя красиваго юношу, произносившаго срамныя слова, воскликнулъ: „Какъ тебѣ не стыдно вынимать свинцовый мечъ изъ ноженъ слоновой кости!“

„Практическое изслѣдованіе“ ученія Церкви Христовой Толстымъ заключалось въ томъ, что онъ строго слѣдовалъ въ продолженіе болѣе года (выше графъ говоритъ, что онъ посвятилъ на это „нѣсколько лѣтъ“) всѣмъ предписаніямъ Церкви, соблюдая всѣ посты и всѣ церковныя службы. Графъ сознается, что онъ началъ изучать теоретически и практически ученіе Церкви потому, что усумнился по нѣкоторымъ признакамъ (какимъ?) въ ея правотѣ. Не трудно предвидѣть, чѣмъ должно было окончиться „практическое изученіе“ православія Толстымъ при его душевномъ настроеніи. *Сомнѣвающийся подобенъ морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой. Да не думаетъ такой человекъ получить что-нибудь отъ Господа* (Іак. I, 6—7). Въ существѣ дѣла графъ въ своемъ строгомъ слѣдованіи всѣмъ предписаніямъ Церкви просто-на-просто злостно лицемерилъ: онъ, быть можетъ, спѣшилъ къ началу всякаго церковнаго богослуженія, усердно языкомъ вычитывалъ церковныя молитвы, и въ то же время его сердце, омрачаемое неправыми умствованіями (Премудр. I, 3), далеко отстояло отъ Господа и отъ Христа Его.

Можетъ ли такой постъ быть благопріятенъ Господу, когда человекъ по внѣшности какъ будто смиряетъ себя и говоритъ, что онъ первый изъ грѣшниковъ, а внутренно не знаетъ мѣры своимъ мнимымъ достоинствамъ, *ставитъ себя въ мысляхъ выше всѣхъ*, творить изъ себя судію вселенной, готоваго судить и пересуждать всѣхъ и все? Но со страхомъ ли Божиимъ и смиренною вѣрою графъ приступалъ къ божественной чашѣ, не съ предательскимъ ли намѣреніемъ „повѣдать святую тайну“ врагамъ Христовымъ? Давая Іудино лобзаніе нашему Спасителю, графъ въ то же самое время, можетъ быть, обдумывалъ, какъ искуснѣе предать въ сво-

ихъ литературныхъ произведеніяхъ Сына Божія современнымъ духовнымъ іудеямъ для новаго распятія? При такомъ душевномъ настроеніи Толстому, конечно, нестерпимо тяжело было оставаться вмѣстѣ съ другими учениками Христа за трапезой Господней; онъ не чувствовалъ животворныхъ волнъ благодати Божіей и не допустилъ въ свою горделивую душу Христа, Бога нашего. Вѣдь извѣстно, какъ Іуда предатель вмѣстѣ съ кускомъ отъ божественной трапезы принялъ въ себя сатану (Іоан. 13, 26—27); не случилось ли того же и съ нашимъ несчастнымъ богоотступникомъ въ тотъ годъ, когда графъ производилъ свои эксперименты надъ святынею Господнею? О, тогда понятно, почему онъ такъ вѣроломно началъ свою богоборную дѣятельность, почему графу Толстому такъ ненавистенъ православный требникъ, гдѣ содержатся молитвословія для отраженія діавола и злыхъ дѣйствій его!

П. И. Б—въ.

25 мая 1901 г. Спб.

2) *Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому.*

Вы, Левъ Николаевичъ, начинаете гнѣваться и даже похваляться, что можете изъ христіанства сдѣлать „одни ключья“. Вы больше сдѣлали на этомъ вами избранномъ пути. Вы сняли со Христа самую багряницу, то есть, сдѣлали больше, чѣмъ Его мучители. Но вѣдь и Юпитеръ бываетъ неправъ, когда входитъ въ гнѣвъ. На что же гнѣваетесь и чѣмъ похваляетесь? Вамъ не нравится культъ христіанства? Вы воюете противъ выработанныхъ въ Церкви формъ богочтенія? Вамъ противенъ этотъ живой храмъ, храмъ столь благоукрашенный? Охотно вѣримъ и даже прямо видимъ ко всему этому ваше нерасположеніе до раздраженія. О вкусахъ, говорятъ, не спорять. Но война, графъ, по вашимъ собственнымъ убѣжденіямъ, есть насиліе, есть варварство, есть бессмыслица? Итакъ, начавъ свою проповѣдь міру внушеніемъ мира и любви, вы нынѣ выступаете Наполеономъ I и далеко не первымъ Донкихотомъ! Не такъ-

ли? А *parvis magna comparentur*. Положимъ, вамъ не нравятся, графъ, современные наряды, какъ глупо выработанныя формы, и вы вправѣ ходить стоящимъ ближе къ природѣ крестьяниномъ. Но, согласитесь, осуждая формы въ другихъ, вы подчиняетесь же формѣ и не хотите жить хотя бы Діогеномъ?! Но, воля ваша, даже своимъ крестьянскимъ нарядомъ вы уже далеко ушли отъ циплика, напимѣръ, или первобытнаго человѣка и логически вправѣ тѣ предки осудить васъ за вашу культуру. Но вамъ можно ли воевать противъ формъ, когда онѣ плодъ культуры? Можно ли воевать противъ усовершенствованнаго земледѣлія?! Если пѣтъ, если объ усовершенствованіи сохи, бороны, плуга, цѣпа, граблей, вѣяльной лопаты и т. под. можно, съ вашего позволенія, заботиться, то ужели незаконно, ужели глупо употреблять усовершенствованныя формы въ своемъ обществѣ только человѣку?! мнѣ не нравится пестрядь, глаза мои не выносятъ красной рубахи, для старыхъ моихъ плечъ тяжелъ армякъ, а ваши лапти совсѣмъ не грѣютъ ногъ, особенно въ грязную осеннюю пору. Позвольте же мнѣ одѣться по своему и какъ требуетъ того мое званіе! Отъ этихъ реальныхъ картинъ вашей философіи перейдемъ же, графъ, теперь къ вашей вѣрѣ, распубликованной въ послѣднемъ № 27 „Церковнаго Вѣстника“. Суди васъ Богъ вашъ, въ ней оказываются пробѣлы подѣ давленіемъ той же вашей философіи и допущены въ жару такой же воины за простоту нагого человѣка. Въ ней недостаетъ прежде всего понятія вашего о личности Бога съ Его свойствами и дѣйствіями, какъ Существа живого, въ общеніи съ Которымъ вы питаете надежду жить за гробомъ. Выработайте себѣ такое понятіе для полноты вашихъ убѣжденій въ вѣрѣ, хотя бы ради того, что вы ее создали умомъ, живущимъ логически вѣрною истинною. Если же вы стоите противъ понятія о Богѣ личномъ, о существѣ живомъ, то въ такомъ случаѣ вы поклоняетесь идеѣ, а эта вѣ мышленія ничто. Чему же тутъ поклоняться?! Видимое дѣло, вы не въ силахъ освободить свою мысль отъ идей Бога и, какъ человѣкъ притомъ нравственный, не можете сказать съ безумными: *нѣтъ Бога!* Но повторяю, можно ли поклоняться идеѣ да еще съ надеждою за то получить отъ нея блаженное существованіе хотя бы только въ бытіи духа, безъ соединенія

его съ тѣломъ? Нѣтъ, графъ, вамъ необходимо выработать себѣ понятіе о существѣ Бога живаго, а не хвататься за тѣнь мышленія, если не хотите принять его, какъ данное изъ книги природы и изъ Божественнаго Откровенія. Это вамъ совсѣмъ необходимо, чтобъ видѣть, насколько вы правы въ поднятой вами брани противъ Церкви съ установившимся въ ней отъ дней древнихъ Богопочтеніемъ. Я раздѣляю, графъ, вашу вѣру въ Бога, какъ Духа, и съ вами исповѣдую въ Немъ свойство любви. Но съ такою вѣрою я прямо пуждаюсь въ рѣшеніи неотразимо поднимающагося вопроса о взаимоотноеніи между Богомъ Духомъ, притомъ существомъ любящимъ, и человѣкомъ, фактическая мизерность котораго такъ всеобща и жалка! и вы, графъ, ставите себѣ этотъ вопросъ, но рѣшить его детально какъ будто боитесь и только отталкиваете отъ себя, отрицая установившіяся формы богопочтенія. Это, глубокомыслящій графъ, новый пробѣлъ въ вашей вѣрѣ отъ ума. Вы не хотите вѣрить въ богоустановленіе Церкви! Пусть будетъ по вашему разуму! Но хотя бы отъ разума укажите мнѣ формы спасительнаго взаимоотноенія между Богомъ—Духомъ и человѣкомъ—духо-плотію, между Богомъ—Любовію и человѣкомъ—существомъ всяческой брани, въ немъ самомъ гнѣздящейся! Укажите мнѣ формы отношенія такого Бога и къ такому человѣку! Укажите мнѣ формы отношенія такого жалкаго существа, какъ человѣкъ, къ Богу—существу для человѣческаго ничтожества недостижимому?! Быть можетъ, не такъ безпомощны въ человѣческомъ родѣ гении, таланты, великіе мыслители, что могутъ воспарить къ Богу Духу? А масса-то, графъ, масса-то, при своемъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ безсиліи ужели затѣмъ только приходитъ въ міръ, чтобы полюбоваться на счастливецъ и вѣчно оставаться въ тѣмъ крошечной, то есть, внѣ блаженнаго общенія съ Богомъ—Любовію?! Пожалуйте, графъ, вашего покорнѣйшаго слугу! Нѣтъ, если вы не рѣшите моего назойливаго вопроса о формахъ взаимоотноенія между Богомъ и человѣкомъ, тѣмъ болѣе, когда вы своею проповѣдію противъ Церкви будете смущать меня, тогда *убійственна* ваша вѣра отъ ума, зла въ лицѣ своихъ исповѣдниковъ, какъ война Бонапарте, и несмысленна въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова! Въ вашей брани, графъ, есть прямое безспіе. Богъ Духъ, а человѣкъ —

духо-плоть. Теперь, приступаю къ вамъ, начертите вашимъ тяжеловѣснымъ перомъ формы отношенія между такими существами! Когда вы изъ вашей вѣры такія формы исключите, то между Богомъ и человѣкомъ выросте бездну и не дадите мѣста никакому взаимообщенію между ними. Если, напротивъ, признавая нужду въ такомъ общеніи, попытаете заполнить ту бездну, тогда неизбежно придете къ историческому факту религіознаго культа у всѣхъ народовъ. Молитвы и священнодѣйствія въ религіозныхъ культахъ не имѣютъ ничего общаго ни съ суевѣріемъ, ни тѣмъ болѣе съ понятіемъ о колдовствѣ. Вотъ, пять-шесть человѣкъ, одинъ послѣ другого, пришли съ своими нуждами къ господину Льву Николаевичу Толстому и каждый на свой манеръ выражаетъ нужду, изливая свою душу. Гдѣ же тутъ суевѣріе? Гдѣ же тутъ колдовство? Ни того, ни другого здѣсь нѣтъ, хотя бы всѣ просители и суетно пришли къ графу съ своими нуждами. Когда человѣкъ изливаетъ такъ или иначе свою душу передъ Богомъ, то разнится фактъ такого взаимообщенія его съ Богомъ отъ взаимообщенія съ людьми только тѣмъ, что господинъ осязаемъ, а Господь — Духъ. Въ этомъ различіи, графъ, соблазнъ вашъ, притомъ высказываемый къ соблазну всего міра да еще съ ожесточеніемъ, совсѣмъ излишнимъ для Юпитера. Объяснимся дальше. Вся Богослужебная обрядность Церкви—это формы духа, облеченныя въ плоть, потому что человѣку безъ плоти ни плакать, ни радоваться нельзя, ни тѣмъ болѣе вознестись хотя бы только мыслію и сердцемъ на небо, ибо эти въ тѣлѣ и тѣломъ проявляютъ свое бытіе, потому что самъ Духъ воплотился, чтобы спасти живущихъ во плоти; однимъ словомъ, формы богочтенія въ Церкви неизбежно нужны потому, что однѣ онѣ въ возможности для человѣка, а въ томъ числѣ и символически выражаемыя. Спаситель осуждалъ въ фарисеяхъ исключительность формы, но, проповѣдуя поклоненіе Богу духомъ и истиною. Самъ и постился, и молился, и храмъ посѣщалъ, и праздники чтилъ. Въ мышленіи человѣкъ любитъ рогатый силлогизмъ и на дѣлѣ увлекается сильными ощущеніями крайнихъ положеній, забывая, что *medio tutissimus ibis*. Не такъ ли графъ?! Если вы не отвергнете историческій фактъ религіознаго культа у всѣхъ народовъ, неотразимо покоящійся въ самомъ человѣкѣ, вашей могучей мысли останется тогда легкая задача избрать

для своей вѣры,—который лучше, разумнѣе, который вѣрнѣе можетъ даровать вамъ блаженное общеніе съ Богомъ за предѣлами могилы.

П. В—й.

Кострома.
12 Іюля 1901 года.

3) О главномъ сомнѣніи гр. Л. Н. Толстого.

„Я не понимаю таинствъ, въ нихъ нѣтъ смысла, они суть колдовство“. Такъ сказалъ гр. Толстой въ своемъ отвѣтѣ Св. Синоду. Справедливо, что онъ ихъ не понимаетъ, ибо ихъ никто не понимаетъ, отъ этого и называютъ ихъ *таинствами, тайнымъ, непостижимымъ*. Что же онъ хочетъ сказать? Все равно, какъ если бы кто сказалъ: „я не хочу геометріи, потому что она есть геометрія“.

„— Они — колдовство“, утверждаетъ онъ. Значить, онъ признаетъ, что они *есть*. Можно ли назвать какимъ-нибудь именемъ и даже опредѣлить качества того, *чего нѣтъ*, не существуетъ?! Итакъ, по его же признанію въ христіанствѣ содержатся тайныя вещи, именующіяся у христіанъ *таинствами*. Только онъ ихъ не хочетъ и порицаетъ („колдовство“), христіане же ихъ хвалятъ и хотятъ. Еще что сказалъ онъ о нихъ, и даже что онъ единственно о нихъ сказалъ? То, что они суть *колдовство*. Радуюсь, что суть ихъ, какъ непостижимости, онъ схватилъ въ этомъ словѣ, но какія онъ приписалъ имъ качества? Колдовство есть *злое, ко злу направленное и чрезъ злого человека*. Но таинства—всѣ „во врачеваніе души и тѣла“ и, кажется, совершаются чрезъ добрыхъ людей. Онъ не видитъ колдуна, а толкуетъ о колдовствѣ; не видитъ вреда (врачевательство) и все же кричитъ о колдовствѣ. Онъ хочетъ кричать. Ну, добрая воля. Кричи,—пожалуй, твой крикъ уже безвреденъ...

Но, можетъ быть, его задача показать, что таинство *са виду похоже на колдовство и такъ же ничего не содержитъ въ себѣ, какъ и подлинное колдовство, что таинства суть пустыя безсодержательности, немощныя вещи*? Таковая мысль содер-

жала-бы рационализмъ и утверждала бы невѣріе его собственно не въ христіанскія таинства, но вообще во все чудесное и таинственное въ мірѣ. „Ничего нѣтъ, кромѣ Иловайскаго, Иловайскій же достовѣренъ“. Это есть *построеніе* ума, *предрасположеніе* ума, на которое можно отвѣтить только: „у меня не такое“. Кто любитъ капусту, а кто—супъ съ картофелемъ; одинъ читаетъ Иловайскаго, другой—Пушкина. Толстой такъ не любитъ все чудесное, что въ передѣлываніяхъ Евангелія даже не остановился вниманіемъ на чудесномъ, сверхъестественномъ *Откровеніи* (Апокалипсисѣ) Іоанна Богослова. Но онъ хочетъ чуда? Согласенъ указать его: такое чудо есть творческо-художественный геній самого отрицателя чудесъ. Вполнѣ чудо, что я не имѣю такого. Вѣдь зачаты-то мы съ нимъ довольно одинаково, и родители наши были довольно равные люди; тѣ и другіе — обыкновенные, сѣренскіе люди. Считая „по обыкновенному“, всѣ безъ исключенія люди должны бы родиться приблизительно одинаково и разниться не болѣе, чѣмъ березы въ березовой рощѣ. Но какая между ними разнища! Мнѣ подъ 50 лѣтъ и хотъ я пытался писать повѣсти, но даже и малой повѣстухи не вышло. А онъ, глядь-ко, въ двадцать слишкомъ лѣтъ написалъ вдохновенное „Дѣтство и отрочество“. И вотъ, его даръ сравнительно съ моимъ великое есть *чудо*, и онъ есть *чудо* по необъяснимости происхожденія и необъяснимой природѣ.

Не боишься ли ты Бога, что получивъ отъ Него чудесный даръ, съ магическимъ дѣйствіемъ на души человѣческія, ты его употребилъ на отрицаніе всѣхъ прочихъ чудесъ Божіихъ, которыя предназначены служить людямъ въ скорбяхъ ихъ и въ бѣдахъ, для утѣшенія и для поддержанія.

Мірянинъ.

4) *Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому.*

Я, какъ познакомился съ вами, Левъ Николаевичъ, по вашимъ писаніямъ видѣлъ, что вы сначала искали истину, затѣмъ, когда вамъ не могли отвѣтить на ваши вопросы, вы обрушились на тѣхъ, кто не могъ вамъ отвѣтить и послѣдовали за сектантами, засѣвшими гдѣ-то на Дону, затѣмъ обратились за отвѣтомъ къ буддистамъ. Я слыхалъ, что вы увлекались общемою молитвою сектантовъ, а теперь высказываетесь противъ общей церковной молитвы, основанной на словахъ Христа: „если два или три собрались во имя Мое, тамъ и Я посреди васъ“. Однимъ словомъ, вы шатались во всю свою жизнь, отыскивая истину и, не отыскавъ ея, обрушились не на исполнителей, а на ученіе Христа, которымъ вы пользуетесь во всѣхъ своихъ писаніяхъ, какъ истиннымъ. Отказавшись отъ истиннаго ученія Христа, передѣлавъ его такъ, какъ вамъ хотѣлось, вы такъ и останетесь, и будете неустановившимся человѣкомъ до дня своей смерти, такъ какъ вы отказались отъ истиннаго Бога, сказавшаго: „Я и Отецъ одно и тоже, Я жизнь и истина“. Вы говорите, что любите истину больше всего на свѣтѣ, но вѣдь Евангеліе всецѣло истинно, и искажать его, ради вами выдуманной истины, нечестно. Вы говорите, что вы желаете служить всѣми силами души Господу, а Того Господа, Котораго христіане признаютъ, вы не признаете; но интересно было бы подробнѣе знать, какого вы нашли *новаго* бога теперь, на которомъ и успокоились на склонѣ дней. -

Вы писали мнѣ какъ-то, что я обладаю искренностію убѣжденій и вотъ теперь, когда вы задумали пошатнуть тѣ искреннія убѣжденія, которыя для многихъ служили и служатъ основою жизни, позвольте и мнѣ изложить вамъ мои искреннія убѣжденія. Я не могъ согласиться со многими писаніями, которыя были направлены противъ васъ: масса изъ нихъ была безсодержательна, неубѣдительна, являлась не опроверженіемъ вашего ученія, а самозащитою, пустымъ наборомъ словъ, а между тѣмъ немудрено доказать ложь вашихъ писаній, если бы всѣ говорили искренно и не называли бы лжи истиною въ угоду развращенному человечеству. Я съ вами буду говорить по простотѣ такъ,

какъ я самъ убѣжденъ, и буду говорить про вашу неправду не потому, что это ложью считаютъ другіе, а потому, что вы неправы—по моему глубокому убѣжденію. Хороши ваши писанія противъ разврата: Крейцера Сонета, Воскресенье, изданное въ Россіи: они сослужили службу человѣчеству, но ваши религіозныя писанія, ваши нападки на Церковь христіанскую возмутительны и лживы.

Да, я искренно убѣжденъ, что вы, увлекшись бичеваніемъ плохихъ послѣдователей Христа, обрушились на самую вѣру христіанскую, не зная ея и толкуя по своему то, что для васъ не ясно, что вы не могли уразумѣть по своему самолюбію и гордости. Сознаться, Левъ Николаевичъ, что вы страшно самомнительны и не любите, если съ вами не соглашаются, а это уже указываетъ на заблужденіе. Не радуйтесь тому, что вамъ аплодируетъ міръ, въ грѣхѣ лежащій, міръ продажный, развращенный, такъ называемые образованные люди, люди, не знающіе горя, сытые, живущіе на чужой счетъ. Всѣ послѣдователи исчезнутъ, какъ дымъ, истаетъ слава эта, какъ воскъ предъ лицемъ огня. Вы не признаете Христа такъ, какъ признаютъ Его истинные послѣдователи, и не хотите дѣлать того, что Онъ намъ велѣлъ творить въ Свое воспоминаніе, не признаете того, что Онъ Своимъ послѣдователямъ велѣлъ блюсти все, что заповѣдовалъ,—учить лишь тому, чему Онъ училъ... Вы говорите, что вы должны обличать религіозный обманъ, потому что вы вѣруете въ Бога и христіанское ученіе, но въ послѣднее, то вы не вѣрите, какъ слѣдуетъ, и знаете его такъ же, какъ сектантъ-иконоборецъ и духоборецъ, но не какъ вѣрный христіанинъ. Можете вы сколько угодно злобиться на называющихъ себя христіанами и не исполняющихъ этого ученія, можете указывать на ихъ недостатки, но порицать Церковь, установленную Христомъ, всѣмъ Имъ установленныя таинства и молитву общую—постыдно, безчестно!!

Весь христіанскій людъ смотритъ на Евангеліе, какъ на истину, и всецѣло признаетъ его, а вы признаете только то, что вамъ нравится, что вы понять могли, хотя говорите, что видите весь смыслъ жизни въ исполненіи воли Божіей, выраженной въ христіанскомъ ученіи. Но въ немъ вѣдь рѣшительно сказано, что второе пришествіе Христа будетъ; въ Евангеліи запрещается осуждать другихъ, что вы дѣ-

лаете; въ немъ сказано: просите и дано будетъ вамъ; въ немъ не уничтожается бракъ, а дозволяется; въ немъ предлагается прощать согрѣшившимъ несчетное число разъ... Гдѣ же ваше исполненіе воли Божіей?

Я говорю это, какъ христіанинъ, имѣющій вѣру меньше горчичнаго зерна, убѣдившійся, что всѣ дѣла мои и жизнь моя на благо ближняго принадлежать Христу. Который познается только людьми, знающими горе, знающими тяжелый трудъ, имѣющими понятіе о голодѣ, но не разжирѣвшими отъ бездѣлья, пресытившимися благами жизни на чужой счетъ.

Если плохи исполнители, то плохо и самое дѣло. Вотъ вашъ выводъ. Можно ли его назвать разумнымъ? Я понимаю и скажу спасибо, если вы будете порицать меня, какъ христіанина, за то, что я не исполняю заповѣдей своей вѣры, какъ слѣдуетъ, но несправедливо порицать самую вѣру. Нужно отличать дѣло отъ исполнителей, Церковь отъ людей, къ ней принадлежащихъ, вѣру отъ исповѣдующихъ ее. Я могу съ убѣжденіемъ сказать, что вы не могли знать Бога, потому что вы всю вашу жизнь со дня рожденія были сыты до отвала, вы не имѣете понятія о томъ, что значить быть голоднымъ, что значить быть въ безвыходномъ положеніи, не знаете безысходнаго горя, отъ котораго нѣтъ возможности избавиться собственными своими силами, а кто это испыталъ, тотъ скажетъ, что истинный Богъ Тотъ, Который сказалъ: „все, что просите во имя Мое съ вѣрою, дастся вамъ“, Тотъ, Который сказалъ: „по вѣрѣ вашей будетъ вамъ“, и вотъ кто получалъ отъ Него по вѣрѣ просимое, знаетъ Его... Нужно ли вамъ было просить, нужно ли вамъ было вѣрить? Нѣтъ! За васъ приказывали, а затѣмъ вы приказывали, и все вамъ исполняли ко вреду души вашей.

Постыднымъ считается брать чужое орудіе и употреблять его противъ того, кого обезоружили, а вы во всѣхъ вашихъ писаніяхъ приводите истины, сказанныя Христомъ, на нихъ основываете свои писанія, а Давшаго эти истины вы унижаете въ глазахъ людей не крѣпкихъ вѣрою и даете силу врагамъ ученія Христа, которыхъ всегда было много. Отнимать послѣднюю укрѣпу въ жизни человѣка грѣшно, а вы отнимаете и якорь, и руль, и весла отъ той утлой ладьи, которую представляетъ собою человѣкъ нашего времени, и

бросаете ее (ладью эту) въ бурное море жизни для гибели. Человѣчно ли это?

Какой Богъ далъ вамъ это право? Скажите вы, стяжавшій славу великаго писателя земли русской? Вы, отбирающій якорь и руль у слабаго, ломающій по своему ученіе Христа? Но что вы предъ силою креста, если духъ зла бѣжитъ отъ него! — Ничто: но мнѣ жаль васъ, какъ силу и талантъ, жаль, какъ христіанина, бросившаго свою вѣру, жаль потому, что горе и отвѣтственность великія ждутъ васъ, какъ соблазнитель „сихъ малыхъ“. Неужели, по вашему, Христосъ лжецъ и обманщикъ, какъ говорили евреи, распявшіе его? Но не забывайте, что Онъ сказалъ, что Церковь, которую Онъ стяжалъ Своею кровью, не одолѣютъ и врата ада...

Васъ, Левъ Николаевичъ, „опьяняетъ“ поклоненіе и всяческія славословія безбожныхъ, пристрастныхъ современниковъ, которые въ васъ опознали себя, но вамъ, а равно и вашему потомству дорого должно быть одобреніе грядущихъ поколѣній, и знайте, что сознаетъ вѣрующее грядущее поколѣніе всю вашу неправду, и тогда память о васъ будетъ недобрая, и пошлетъ вамъ грядущее поколѣніе проклятіе за то, что вы талантъ, — данный вамъ отъ Бога, направили на зло человѣчеству, стремясь пошатнуть вашими богохульными писаніями основную вѣру русскаго народа, въ которой онъ еще не окрѣпъ, потому что мало истинныхъ христіанъ въ средѣ старшихъ братьевъ и масса такихъ учителей, какъ вы — хромающихъ на обѣ ноги.

Вы говорите, въ концѣ вашего „отвѣта“ Св. Синоду, что исповѣдуете христіанство, и въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдуете его, спокойно и радостно живете и спокойно и радостно приближаетесь къ смерти. Значитъ, вы свое спокойствіе возлюбили больше всего на свѣтѣ и можете сказать, что счастливы, слѣдовательно, вы обрѣли свое собственное личное спокойствіе, но люди истины и чести тогда бываютъ счастливы и спокойны, когда счастливы будутъ всѣ окружающіе ихъ люди, и *н сятаго* счастья очень много на русской землѣ, и не дай Богъ быть такимъ счастливецомъ, ибо эта животная добродѣтель ничего общаго не имѣетъ съ христіанскимъ ученіемъ, и дойти до такой добродѣтели не значитъ найти истину. Христіанство безъ Господа Христа не можетъ на-

зываются христіанствомъ; это какая-то новая секта, подходящая подъ ваши истины, и ясно, что вы не христіанинъ. Въ своемъ „Отвѣтъ“ вы противорѣчите себѣ на каждомъ шагу; то говорите, что вѣрите въ христіанство, а то говорите, что можно полюбить истину больше, чѣмъ христіанство, и потому, значить, христіанство не истина; такимъ образомъ вы исповѣдуете христіанство въ той мѣрѣ, какъ оно вамъ по вкусу, не противорѣчитъ вашему умствованію. Левъ Николаевичъ, вы готовитесь идти къ тому Богу, отъ Котораго вы изошли, значить, вѣруете въ вѣчную жизнь души, но не вѣрите въ истину, сказанную Христомъ; „вѣрующій въ меня не погибнетъ и будетъ имѣть жизнь вѣчную,“ а потому будетъ ли имѣть ее ваша душа?.. По истинѣ ужасно то, что вы для того, чтобы выместить злобу на тѣхъ, кто съ вами не согласенъ, дѣлаете ужасное зло, искажаете истину, данную Христомъ. И вамъ были сказаны слова Христа: „горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“... Вы съ своими религіозными писаніями напоминаете мнѣ кабатчика, который, держась либеральныхъ идей, раскинулъ по нѣсколькимъ губерніямъ кабаки, въ которыхъ забираютъ водку за мужицкіе зипуны. Вы говорите, что вы не печатаете своихъ произведеній; но вѣдь это, Левъ Николаевичъ, ложь. Вѣдь вы печатали для публики въ заграничномъ изданіи свое „Воскресеніе“, гдѣ ласмѣхаетесь надъ святѣйшимъ таинствомъ, утвержденнымъ Самимъ Господомъ Иисусомъ. По вашей вѣрѣ вы называете себя вѣрующимъ, но, право, это самообманъ и вашей вѣрѣ ничтожная цѣна.

Дятель.

Казань.

4) Письмо въ редакцію по поводу письма графини С. А. Толстой.

Достоважаемый
господинъ редакторъ.

Вскорѣ по появленіи въ печати письма графини Толстой къ владыкѣ митрополиту Антонію и отвѣта его на письмо ея у меня явилось большое желаніе по поводу содержанія письма графини излить свою душу, да и трудно было оставаться равнодушнымъ, чувствуя обиду, наносимую порицаніемъ графиней Толстой нашего духовнаго православнаго строя. Написавъ свое письмо я рѣшилъ отправить его въ какую-либо газету или журналъ, но, сообразивъ, что молчать по сему вопросу всѣ публицисты, я бросилъ мое рѣшеніе: нечего — моль-де разговаривать съ господами редакторами, не напечатаютъ.

Въ настоящее время, съ жадностью прочтя три трактата по дѣлу Толстого въ іюньской книжкѣ редактируемаго вами журнала, я вспомнилъ о своемъ отзывѣ и рѣшилъ препроводить его вамъ на усмотрѣніе ваше, и просить васъ напечатать и мое мнѣніе, какъ члена Церкви, такъ жестоко оскорбляемой Толстыми.

По прочтеніи опубликованнаго письма графини Толстой къ высокопреосвященному митрополиту Антонію, отъ 26 февр. с. г. и его отвѣта отъ 16 марта, я, какъ членъ Церкви, считаю себя вправѣ отнестись съ порицаніемъ къ написанному графиней. Въ этомъ письмѣ высказались все ея невѣдѣніе, вся скудость религіознаго образованія ея; но кромѣ того она крайне заблуждается, думая, что актъ Святѣйшаго Синода по отношенію къ мужу ея вызоветъ негодованіе во многихъ. Напротивъ, всякій не отщепенецъ отъ вѣры православной, хотя и грѣшникъ, отъ нихже первый есмь азъ, получилъ чувство удовлетворенія отъ сознанія того, что стоящіе на стражѣ православія и церковнаго благочинія, въ широкомъ значеніи этого слова, отсѣкаютъ непотребный

членъ отъ стада Христова въ устраненіе того, чтобы и другіе пасомые не блзнились. Слѣдовательно, отдѣльные случаи несочувствія и негодованія къ этому законному и справедливому дѣянію собора архипастырей нашей св. Церкви есть только знаменіе того, что Толстой, къ большимъ слезамъ матери-Церкви, не одинъ а таковыхъ, можетъ быть, и много. Что дѣлать, по нивѣ Божіей отъ древняго вѣка бродить князь міра, собирая жатву свою, но стражи должны — по возможности, исторгать злое сѣмя, дабы не заражалось и все поле; наступить еще тягчайшее время, когда силѣ князя міра трудно будетъ противостоять. — Кто постигнетъ, кто познаетъ это грядущее.

Смѣшно желаніе графини, и изъ какого источника истекаетъ оно: понадобилось ей непременно, по кончинѣ мужа, отпѣваніе тѣла его священникамъ въ храмѣ ¹⁾. На что это нужно такому челоуку, какъ Левъ Николаевичъ? Для глазъ свѣта, для людей, чтобы не оставались на вѣкъ памятными въ потомствѣ черные годы осужденной дѣятельности умершаго? Но вѣдь такое желаніе есть тоже проявленіе кощунства? А это угроза подкупа священника? Тутъ уже приходится только руками развести и недоумѣвать: хорошо же понятіе у графини о содержаніи, значеніи и цѣли обряда и отпѣванія умершихъ. Такъ сосудъ скудельный, долго надержанный пахучимъ содержимымъ, самъ уже отъ себя, отъ своихъ краевъ начинаетъ издавать тотъ же ароматъ или смрадъ... Если мужъ своими вліяніемъ и примѣромъ увлекъ въ соблазнъ протеста (столь впрочемъ по содержанію своему жалкаго) жену свою, то, какъ знаменитый писатель, разливая въ твореніяхъ своихъ ядъ заманчивый и обольстительный, онъ увлечетъ и отравитъ много и много нестойкихъ умовъ, склонныхъ къ глумленію, кощунству и къ отрицанію. Хорошо и умѣстно по поводу сейчасъ сказаннаго вспомнить басню Крылова о разбойникѣ и писателѣ, попавшихъ въ адъ: адскій костеръ подъ разбойникомъ давно потухъ, потому что разбойникъ отнялъ у убитаго имъ лишь пѣсколъко лѣтъ жизни, и съ кончиною разбойника кончи-

¹⁾ А между тѣмъ самъ Левъ Толстой въ отвѣтъ Св. Синоду заявляетъ, что онъ будто бы ранѣе сдѣлалъ распоряженіе не совершать надъ нимъ погребенія. Не въ одно говорятъ супруги Толстые... Ред.

лись и злодѣянія его; но вотъ отъ яда вреднѣйшаго по направленію писателя зло широко разлилось по свѣту и до сихъ поръ расплывается по лицу земли, а потому и костеръ подъ этимъ писателемъ не потушается, но еще болѣе и болѣе разгорается.

Очень жаль, что графиня не посовѣтовалась съ мужемъ относительно содержанія письма къ митрополиту ¹⁾); несомнѣнно, что онъ не одобрилъ бы такое содержаніе письма. Графиня Толстая всею своею выходкой съ письмомъ живо напомнила намъ ту библейскую женщину, нетерпѣливую и азартную, которая въ истерическомъ порывѣ просила мужа своего изречь хулу предъ лицомъ Бога и умереть. Жаль, что супругъ-то графини Левъ Николаевичъ ни мало не похожъ на многострадальнаго праведника Іова. А жепы ихъ, право, подобны другъ другу въ томъ отношеніи, что ни та, ни другая не потщились влить въ сердце мужей утѣшеніе въ скорбяхъ ихъ, не призывали ихъ смириться предъ попущеніемъ Божиимъ, не брали на себя желанія раздѣлить несчастія мужей, напротивъ, одна вызывала мужа на хулу предъ Богомъ, а другая по поводу хулы мужа повела какой-то лепетъ о брильянтахъ и звѣздахъ; право, здѣсь, въ послѣдней рѣчи слышится что-то крайне мѣщанское!

Оканчивая нашъ бѣглый взглядъ на неумѣстное письмо графини, по существу нескромное для автора и обидное для читателя православнаго, остается только преклониться предъ методичностію въ дѣйствіяхъ Св. Синода. Предварительно Св. Синодъ обращался къ „еретику-человѣку съ неоднократнымъ наказаніемъ“ т. е. увѣщаніемъ, наставленіемъ; но эти наказанія не коснулись души глубоко падшей въ тину ожесточеннаго отрицанія, и тогда только Св. Синодъ „повѣдалъ всѣмъ братьямъ Церкви“ объ отпаденіи одного изъ членовъ ея, а за тѣмъ и остановился въ дальнѣйшахъ мѣропріятіяхъ своихъ, ожидая покорности со стороны непослушнаго брата, а въ концѣ концовъ, если неправый, а тѣмъ болѣе вредный не изберетъ пути праваго, то, конечно, св. Церкви придется признать въ Левѣ Николаевичѣ язычника „и мытаря“.

Въ заключеніе не можемъ удержаться, чтобы не вспомнить самимъ же яснополянскимъ отступникомъ написанное

¹⁾ А мы иного мнѣнія на этотъ счетъ.

поучительнѣйшее именно для него же самого произведение „Власть тьмы“, гдѣ „мудрость міра сего находитъ себѣ осмѣяніе, а высокое и великое открывается младенцамъ“; пусть графъ Толстой вспомнить выведеннаго въ этой драмѣ мужичка Акима, простота котораго соединяется съ удивительнымъ величіемъ христіанина; преступный сынъ его Никита проситъ во имя Христа прощенія у отца своего въ совершенныхъ злодѣяніяхъ, и христіанинъ—простецъ съ умиленіемъ спѣшитъ отвѣтить преступному сыну: „Богъ проститъ. Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ,—Богъ-то, Богъ-то! Онъ—во!“ Какое въ этомъ простецѣ упованіе, какая вѣра въ Спасителя Христа. О, если бы такое же покаянное дерзновение ко Христу осязало и грѣшную душу великаго творца этого типа.

Московский врачъ О. Н.

Москва 30 мая 1901 г.

IV.

Историческая справка.

По городу ходитъ Апологія графа Л. Н. Толстого (отъ 4 апрѣля 1901 года) ¹⁾.

Эта Апологія подтверждаетъ лишь извѣстное Толстовское вѣроученіе, отрицающее святую Соборную и Апостольскую Церковь Христову съ ея благодатными таинствами, божественными догматами и священными обрядами.

Прослушавъ этотъ катехизисъ, мнѣ представился евангельскій волкъ хищникъ въ одеждѣ овчей. Слово Божіе предостерегаетъ насъ: *Внемлите же отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волки хищницы* (Мтѣ. 7, 15).

Невольно мысли переходятъ къ другому совопроснику *тыка сего*,—А. И. Герцену... Но какая разница между тѣмъ и другимъ!

¹⁾ Въ настоящее время эта Апологія напечатана въ *Миссіонерскомъ Обзорѣ* 1901 г., іюнь, стр. 806—814.

Покойный Л. Н. Майковъ свидѣтельствовалъ, и его свидѣтельство врѣзалось въ мое сердце, что въ бытность свою въ Лондонѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, онъ посѣтилъ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ Герцена. Спутникъ Майкова, желая блеснуть своимъ образованіемъ предъ тогдашнимъ кумиромъ, сталъ говорить ему, что Россія погрязла въ самомъ грубомъ суевѣріи, и для примѣра привелъ богомольное поклоненіе вѣрующихъ чудотворной иконѣ Божіей Матери,—этой „доскѣ“ (!) въ Казанскомъ соборѣ.

Къ величайшему изумленію „образованнаго“ человѣка, Герценъ, выслушавъ его, такъ разразился:

„Какое вы имѣете право, милостивый государь, глумиться надъ тѣмъ, что составляетъ святыню для милліоновъ, и оскорблять ихъ самыя высокія чувства. Если мы съ вами потеряли вѣру, то это наше несчастье“.

Приведенное свидѣтельство Л. Н. Майкова вполне подтверждаетъ и самъ Герценъ. Вспомнимъ, какъ скорбѣлъ онъ о томъ, что его отдѣляетъ отъ И. В. Кирѣевского *церковная стѣна*, и какъ умиленно передаетъ Герценъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдующій рассказъ И. В. Кирѣевского:

„Я разъ стоялъ въ часовнѣ,—говорилъ Кирѣевскій Герцену,—смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося Ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святые черты, и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... Вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ во прахъ, и на святую икону, тогда я самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными. Она съ милосердіемъ и любовію смотрѣла на этихъ простыхъ людей... И я палъ на колѣни и смиренно молился Ей.“

Этотъ трогательный до слезъ рассказъ Герцена о Кирѣевскомъ, помѣщенный въ книгѣ *V Жизни и Трудовъ М. П. Погодина* (стр. 472), уладилъ послѣдніе дни жизни Царствен-

наго Страдальца, Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича.

17 мая 1899 года я имѣлъ счастье получить изъ Аббасъ-Тумана, за подписью Свинына, слѣдующую телеграмму:

„Наслѣдникъ Цесаревичъ съ глубокимъ вниманіемъ прослушалъ незабвенныя строки въ память Кирѣвскаго и Герцена. Спасибо, спасибо вамъ.“

Аббасъ-туманскою телеграммой я подѣлился съ преосвященнымъ Назаріемъ и съ С. А. Рачинскимъ, и послѣдній 26 мая того же 1899 года изъ своего Татова писалъ мнѣ.

„Очень вамъ благодаренъ за вѣсточку про Аббасъ-Туманъ: «О Царственномъ страдальцѣ, обреченномъ недугомъ на постоянное изгнаніе, мы слышимъ такъ мало! Дай Богъ, чтобы закатъ Его юныхъ дней продолжали озарять его высокія думы о вѣчныхъ вопросахъ, разрѣшеніе коихъ, увы, для него приближается.“

Наконецъ, какъ трогательно, на примѣръ, описаніе Герцена похоронъ его друга и родственника Вадима Пассека! въ Симоновомъ монастырѣ:

„Въ Симоновѣ,—повѣствуетъ Герценъ,—покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ Мельхиседекъ, бывшій пріятелемъ съ Вадимомъ, и эта дань уваженія была хороша. Когда гробъ опустили въ могилу, архимандритъ подошелъ ко вдовѣ и сказалъ:

„— Довольно, это не наше, въ церковь за мной, молиться Богу.

„И мы взошли въ церковь уже безъ покойника, уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость религіи. Въ эти минуты человѣкъ все готовъ сдѣлать, чтобы найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ все. Когда мыслитель, гражданинъ говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрять, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести — назовутъ эгоистомъ. А когда религія рѣзко говоритъ: „оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно“, тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинуюсь слѣпо.“

Не суетное авторское тщеславіе (ибо въ сей *Справкѣ* являюсь лишь *простою книжника скорописца*) руководило

мною, но упованіе, что содержимое въ „Исторической Справкѣ“ *доброе и полезное* можетъ запастъ въ душу кому-либо изъ юныхъ, которые въ настоящее время составляютъ предметъ серьезной заботы Правительства нашего ¹⁾.

Николай Барсуковъ.

V,

Московское общество трезвости и графъ Л. Н. Толстой.

Московское общество трезвости, по предложенію гг. Ворсуняка и Замятина, поддержанныхъ священникомъ В. Любимовымъ, въ противность мнѣнію своего предсѣдателя, доктора Коровина и вице-предсѣдателя Ветчинкина, большинствомъ $\frac{7}{8}$ всѣхъ членовъ, исключило изъ своихъ списковъ, какъ почетнаго члена общества, графа Л. Н. Толстого.

То общество, которое большинствомъ $\frac{7}{8}$ всего состава своихъ членовъ не пожелало имѣть Л. Н. Толстого своимъ членомъ.—вполнѣ вправо. Такова среда. Таково мнѣніе. Въ этой средѣ мнѣніе такого большинства, какъ $\frac{7}{8}$ всего состава общества—безусловно должно быть уважаемо. Очевидно, что гг. Ворсунякъ, Замятинъ, о. В. Любимовъ—люди убѣжденные, вѣрующіе и ихъ убѣжденіе и вѣру принимаютъ $\frac{7}{8}$ всего общества трезвенниковъ. Они не хотятъ быть въ обществѣ съ гр. Л. Н. Толстымъ. Ну, пусть и не будутъ. Толстой, очевидно, долженъ уйти.

Теперь частью лже-либеральныя, частью жидовскія русскія газеты начинаютъ осмѣивать и общество трезвости и гг. Ворсуняка, Замятина и о. Любимова, говоря, что они такіе-то и такіе, и одинъ-де „портной“, а другой „свѣчникъ“. Выставляются они и невѣжественными и смѣшными за то, что не захотѣли быть въ одномъ обществѣ вмѣстѣ съ Л. Н. Толстымъ.

¹⁾ Моск. Вѣд. № 186.

Вотъ какъ, напр., въ „С.-Петербург. Вѣд.“ разсуждаетъ В. Авсе́нко:

Что этотъ фактъ принадлежитъ къ области тьмы, и тьмы сугубой—о томъ, кажется, одинаково съ нами мыслить вся русская печать. Слѣдовательно, о чемъ же спорить? Тьма проявилась грубо и самоувѣренно, въ тонѣ вызова, обращеннаго къ величайшему изъ современныхъ русскихъ писателей, и къ тѣмъ, кто считаетъ его таковымъ. Для гр. Толстого, быть можетъ, это безразлично, хотя трудно думать, чтобы при его слабомъ здоровьѣ подобные печальные инциденты проходили, не оставляя впечатлѣнія. Но во всякомъ случаѣ для литературы, для интеллигенціи, для просвѣщенія фактъ имѣетъ несомнѣнно прискорбное значеніе. Мы огорчились имъ именно потому, что фактъ указалъ на тьму, существующую даже въ столичномъ мѣщанствѣ. Авторъ упомянутой статьи находить, что эта тьма „не такъ уже темна“, какъ намъ кажется; мы же, напротивъ, думаемъ, что эпизодъ въ обществѣ трезвенниковъ показалъ ее очень темною, и даже злокачественною, такъ какъ она ищетъ схитрить и прикрыться. Она выдвигаетъ на видъ сомнѣнія православно-вѣрующихъ, но дѣлаетъ это такъ неумѣло, что весьма явственно выступаетъ наружу враждебность темныхъ, но очень самоувѣренныхъ и довольныхъ своей темнотой людей противъ интеллигенціи вообще.

Справедливую отвѣдь даетъ гг. поклонникамъ Толстого газета „Свѣтъ“.

Непонятно одно, за что и почему, спрашивается, гг. Ворсуняка и К° клеймятъ просвѣщенные люди невѣжественными представителями тьмы? Что они чуждаются Толстого, какъ еретика и ругателя дорогой для нихъ матери Церкви? Войдите же въ пониманіе души этихъ оскорбленныхъ Толстымъ людей, у которыхъ отношеніе къ святынь вѣры другое, чѣмъ у интеллигентныхъ. Послѣдней досадно, что Ворсунякъ ей не сочувствуетъ и не поклоняется ей кумирамъ, за то онъ невѣжа. Вотъ вамъ и свобода убѣжденій!

Но свобода, такъ свобода не для одного Толстого, а я для всего общества. Дайте же право каждому думать и чувствовать.

Графъ Л. Толстой давно уже, добрыя 20 лѣтъ, началъ разсказывать о „своей вѣрѣ“. Всѣ слушали,—и вѣротерпимость была полная, даже проявляли индифферентизмъ. Ему никто не мѣшалъ. Мало-помалу отъ „своей“ вѣры онъ перешелъ къ „нашей“ вѣрѣ. Онъ сталъ нападать на православіе, глумиться надъ нимъ, кощунствовать надъ „нашими“ вѣрованіями, т. е. графъ Л. Н. Толстой нарушилъ всѣ условія вѣротерпимости и уваженія къ чужимъ вѣрованіямъ. Только тогда, когда уже стало нестерпимо отъ нападокъ, заявили во всеуслышаніе, что Л. Н. Толстой отпалъ отъ православія. Заявили въ формѣ въ высшей степени мягкой, заявили только фактъ.

Заявить объ этомъ было обязанностью всѣхъ и каждого. Какъ же было не сказать, что человекъ, „дѣйствующій“ противъ православія, „нападающій“ на него, „клеветующій“ на него направо и налево, „унижающій“ россійскую православную Церковь по всему міру

и распространяющій противъ нея хулы въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ—не принадлежитъ болѣе къ православной Церкви. Не требовали ни каръ, ни преслѣдованій. Чего же больше? Это и есть полная вѣротерпимость: „твое“ при тебѣ, а „моего“ не тронь.

Тогда графъ Л. Н. Толстой написалъ свое послѣднее письмо отъ 4 апрѣля, которое разошлось по рукамъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, имѣется теперь чуть не въ каждомъ домѣ, потому что оно составляя курьезъ дня, не велико и легко списывается; и напечатано къ тому же съ нѣкоторыми сокращеніями въ журналѣ „Миссіонерское Обозрѣніе“, слѣдовательно, получило полную, унижающую (такъ оно недостойно по тону и замыслу великаго писателя) Толстого гласность. Въ этомъ письмѣ графъ Толстой глумится, какъ сорвавшійся школьникъ, надъ православіемъ и христіанствомъ. Это не рѣчь умнаго, здороваго атеиста, это рѣчь бессмысленнаго, за худалаго, озлобленнаго, 17-ти лѣтняго нигилиста-гимназиста. Разумъ всей міровой исторіи, разумъ всего человѣчества сказался въ христіанствѣ. Худо оно или хорошо, но земля пока не дала ничего вышшаго. Православныхъ надо считать на землѣ до 250 милліоновъ, а всѣхъ христіанъ, прибавляя къ православнымъ римско-католиковъ, англичанъ и лютеранъ—свыше 800 милліоновъ. Всѣ эти христіане стоятъ во главѣ человѣчества и во главѣ земной жизни. И вотъ всему этому христіанству графъ Л. Н. Толстой бросаетъ свою дерзкую проповѣдь: что христіанство—шарлатанство, а таинства—колдовство. Что же на это сказать? Можно только пожалѣть, что мальчикъ (хотя ему и 70 лѣтъ, но такъ говорить можетъ только ребенокъ) самъ не знаетъ, что онъ говоритъ. Мы совершенно увѣрены, что очень, очень близко время, когда надъ всею этою исторіей съ вѣрою графа Л. Н. Толстого и вѣрою графини Толстой, надъ всѣми этими онучами, поддевками, переодѣваніями въ мужика, шутками богача-барина, который съ голыми ногами пародируетъ мужика и пахнетъ землею, гордеца-вельможи, который, зорко охраняя свои имущественные интересы, проповѣдуетъ нищенство и коммуны—будутъ хохотать, взявшись за бока. Все это очень, очень смѣшно. Не смѣшно только, а серьезно въ этомъ одно: какимъ образомъ возможно въ Россіи, что гениальный художникъ, гордецъ, самолюбецъ, баринъ, мѣсто которому по его талантамъ въ первыхъ рядахъ своего народа и своего государства, мало-по-малу затирается, не уважается и въ то время, когда всякая бездарность лѣзетъ впередъ, онъ, мало-по-малу, влекомый жаждой дѣятельности, популярности, общественности, сродныхъ каждому гению, находитъ исходъ своему гордому и непреклонному самолюбію, не въ общей сферѣ адоровой государственной жизни, а въ исключительныхъ условіяхъ загнанности, мщенія, глубокой обиды и озлобленія. Когда мы изслѣдуемъ этотъ вопросъ, мы поймемъ, чѣмъ мы виновны передъ нашими великими людьми, и многое, многое простимъ имъ.

Но пока все это разберется, и пока мы только видимъ со стороны Толстого одно озлобленіе и одно грубое кощунство, противъ святѣйшаго достоянія, которымъ владѣетъ русскій народъ, противъ вѣры православной, какъ же можно порицать гг. Ворсуняка, Замя-

тина, о. Лебедева, что они не хотятъ быть въ обществѣ съ лицомъ, которое глубоко оскорбляетъ ихъ самыя святыя вѣрованія? Желая свободы для господина Толстого, мы еще болѣе должны желать свободы и притомъ правильной, добытой большинствомъ голосовъ, для цѣлаго общества.

Со скрижалей сердца.

Написано не чернилами, но на
скрижаляхъ сердца плотяныхъ (2
Кор. 3, 3).

Надѣюсь, что будетъ также обращено вниманіе и на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія нашего юношества.

Эти слова Вѣнценоснаго Вождя православной Россіи, собственноручно начертанныя 11 іюня на Всеподданнѣйшемъ докладѣ новаго, маститаго министра народнаго просвѣщенія объ основахъ реформы нашей средней школы, какъ свѣтлое сіяніе краснаго солнышка, озарили нашъ заволоченный грозовыми тучами духовный горизонтъ. Они разсѣяли тотъ мракъ, который угрожающе стоялъ надъ благотѣльнымъ начинаніемъ назрѣвшей школьной реформы... Не одни церковники, но многіе и многіе недоумѣвали, не видя въ выработанныхъ основахъ школьной реформы, особыхъ заботъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи молодого поколѣнія. Печать, заповнившая страницы и столбцы всевозможными проектами, какъ бы намѣренно замалчивала этотъ, казалось бы, коренной вопросъ реформы,—о религіозно-нравственныхъ христіанскихъ началахъ школьнаго обученія и воспитанія. Грѣхи реформируемой теперешней школы, сухой, *мертвящей* и материализирующей душу молодаго поколѣнія, коренятся не въ одномъ только уродливо поставленномъ классицизмѣ, а и въ томъ, что наша школа, все обученіе и воспитаніе въ ней были незначительны, относительно христіанскихъ вообще и въ частности нашихъ историческихъ, исконныхъ православно-русскихъ началъ, а университетская на-

ука,—прямо или косвенно,—не только противоцерковна, но и *атеистична*... Отсюда прошедшее чрезъ эту школу и науку молодое поколѣніе, составляющее нынѣ нашу молодую интеллигенцію, соль современнаго общества, въ подавляющемъ большинствѣ или индифферентно къ вопросамъ вѣры и Церкви, или прямо враждебно. Отсюда симпатіи къ сектантству, увлеченіе всякимъ уродливымъ нововѣріемъ, вродѣ толстовства, блужданіе религіозной мысли и нравственное слабосиліе... Несправедливо было бы обвинять въ этихъ грѣхахъ школы одно законоучительство, ибо можетъ ли быть значительнымъ руководящее вліяніе одного пастыря-священника въ заведеніи, гдѣ ему отведено для уроковъ Закона Божія ничтожное время и узкія рамки чуть-ли не послѣдней спицы въ колесницѣ, и гдѣ и само начальство-то бываетъ изъ инновѣрцевъ...

Прискорбно, что выработанныя комиссіей основы также обошли этотъ краеугольный камень, на которомъ должно покоиться истинное образованіе и воспитаніе будущихъ русскихъ гражданъ—христіанство, религіозность и нравственность. А потому среди радостныхъ упованій на благоплодность задуманной реформы, невольно подрывалась вѣра въ жизнѣтельность новыхъ основъ...

Нѣтъ, наша реформируемая нынѣ средняя школа должна стоять не только на выработанныхъ министерской комиссіей генераль-адъютанта Ванновскаго многообобщающихъ основахъ, но и на „недвижимомъ, Христе, камени заповѣдей Твоихъ“, какъ учить сему Церковь въ одномъ изъ своихъ чудныхъ пѣснопѣній; этого требуетъ наша русская историческая правда, наша самобытность, этого желаетъ Царь, Вѣнценосный Выразитель народныхъ думъ и чаяній.

Сыновній поклонъ до земли отъ русскихъ православныхъ отцовъ и матерей Благочестивѣйшему Царю нашему за слова спасительнаго для Россіи завѣта объ *усиленіи* въ реформируемой школѣ *религіозно-нравственнаго воспитанія* нашего юношества.

Прекрасныя и полезныя соображенія по поводу царскаго завѣта нашли мы въ „Гражданинѣ“ (№ 50).

Многіе изъ русскихъ православныхъ людей будутъ долго вспоминать охватившее ихъ души волненіе при чтеніи сообщенія „Правительственнаго Вѣстника“, отъ 23 іюня 1901 г..

о предстоящемъ преобразованіи средней школы,—пишетъ одинъ родитель (В. Задонскій). Они испытали въ обратномъ смыслѣ Гетевское „Himmelhoch jauchzung, zum Tode betrübt“. т. к. не конецъ, а начало наводило смертельную скорбь. Какъ!—думалъ нетепѣливый читатель, — мертвечину мертвыхъ языковъ замѣняютъ другой мертвечиной и только? Изъ массы приобретаемыхъ свободныхъ часовъ удѣляютъ всѣ часы *полностью* „второстепенному“, а о Слово Божіе—опять ни звука; опять скупаются удѣлить Ему хотя одну лишнюю минуту?! Но тутъ же, при дальнѣйшемъ чтеніи сообщенія, возмущеніе души внезапно замѣняется такимъ миромъ, такой радостью и утѣшеніемъ, какихъ русскіе люди уже давно не испытывали! Этотъ миръ навѣяли слова нашего Государя: „Надѣюсь, что будетъ также обращено серьезное вниманіе и на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитаніе нашего юношества.“

Разъ убрали изъ школы „мертвое“ и приобрѣли чистое, свободное мѣсто, то не впадайте вновь въ пагубную ошибку и заполняйте теперь это свободное мѣсто живымъ! Но живое и единое на потребу человѣку—это Слово Божіе. Поэтому вы должны дать Слову Божію *первенствующее* мѣсто въ вашей новой школѣ. Т. е., вы должны: 1) сильно расширить программу преподаванія Закона Божія. Кромѣ строгаго требованія отъ ученика знанія исторіи ветхаго и новаго заветовъ, знанія катехизиса, знанія богослуженія и молитвъ, ученикъ долженъ изучить на урокахъ Закона Божія: 2) само Священное Писаніе, 3) Исторію Церкви, такъ же подробно и такъ же основательно, какъ исторію своего отечества. Ученикъ долженъ изучать 4) житіе святыхъ, 5) вмѣсто языческихъ философовъ—творенія великихъ нашихъ учителей Церкви и главныхъ апостоловъ. И, наконецъ, 6) ученикъ долженъ пройти курсъ Богословія настолько подробно, чтобы, по выходѣ изъ школы, онъ имѣлъ твердое и ясное знаніе своей православной вѣры. Благодаря этому знанію, онъ сумѣетъ понять тупость и ограниченность современныхъ лжепророковъ и философовъ, а слѣдовательно сумѣетъ и не поддаться ихъ пошлomu пустословію.

Вотъ какой курсъ Закона Божія необходимъ въ средней школѣ. Русскій ученикъ—прежде всего христіанинъ, а христіанинъ прежде всего долженъ знать, и хорошо знать,—

Законъ Божій. И только при этихъ условіяхъ изъ ученика можень выйти честный и полезный гражданинъ своей родины, т. е. то, къ чему школа его готовить.

Не беспокойтесь: включеніе въ программу этихъ важнѣйшихъ для человѣка предметовъ изученія не займетъ мѣста, нужнаго для расширенія занятій по другимъ полезнымъ отраслямъ знанія. Пусть живой Законъ Божій, сверхъ удѣленныхъ ему часовъ, занимаетъ мѣсто только мертвой латыни. Мѣсто же мертваго греческаго языка въ старой программѣ—достаточно крупное, чтобы вполне удовлетворительно заполнить его свѣжими, хорошими предметами обученія общеобразовательнаго свойства.

Вѣдь ваша задача, по слову нашего обожаемаго Государя,—„обратить *серьезное* вниманіе на религіозное воспитаніе юношества“. Такъ вотъ: основательное изученіе Закона Божія, ознакомленіе съ могучими примѣрами безупречной жизни нашихъ святыхъ подвижниковъ, чтеніе дивныхъ рѣчей и сочиненій, полныхъ правды и мудрости, нашихъ учителей Церкви, вниманіе въ глубокіе доводы апологетовъ въ защиту христіанства, сумѣвшіе одолѣть предубѣжденія такихъ сильныхъ умовъ, какими были древніе греки и римляне,—все это „воспитываетъ“ юную душу, углубляетъ ее, просвѣщаетъ, приглашаетъ къ подражанію по мѣрѣ силъ. А потому и не жалѣйте, что надо расширить преподаваніе Закона Божія именно до упомянутыхъ размѣровъ“. Да простятъ благомыслящіе педагоги это слово отца, которому дорого и близко христіанское воспитаніе дѣтей.

Мы глубоко убѣждены, что привели единственный способъ правильнаго рѣшенія вопроса о преобразованіи нашей средней школы. Враги *христіанскаго* воспитанія юношества будутъ осмѣивать этотъ способъ. Они скажутъ, что изъ средней школы хотятъ сдѣлать духовныя академіи, что изъ одной крайности впадаютъ въ другую, что дѣтей собираются мучить философскими тонкостями (будто христіанская истина!), или скажутъ что-нибудь подобное.

Но пора не обращать вниманія на остроуміе враговъ Церкви, пора знать ихъ избитые приемы, пускаемые ими въ ходъ, чтобы „испортить“ всякое благое начинаніе и пора, перекрестившись, взяться за дѣло—твердой рукой.

Изложенныя соображенія г. Задонскаго заслуживаютъ

серьезнаго вниманія. Можно не соглашаться съ деталями его проекта, но точка зрѣнія и основная мысль автора безусловно правильная. Какъ не знать образованному молодому человѣку, будущему гражданину, отцу семейства, исторіи судебъ своей матери-Церкви! А питомцы нынѣ реформируемой средней школы и, конечно, университетовъ безусловно не знаютъ ея. Лучше поступиться въ программѣ закона Божія разными богословскими и катихизическими тонкостями, ибо вѣра не отъ знанія,—но усилить преподаваніе церковной общей и русской исторіи, которая есть лучшая учительница вѣры. Наша нынѣшняя интеллигенція, въ школѣ не пообрѣтаетъ *никакихъ*, напр., свѣдѣній по исторіи русскаго раскола и сектъ и пробавляется во всю жизнь летучими свѣдѣніями газетныхъ исторіографовъ о вѣрованіяхъ и жизни многихъ милліоновъ русскихъ людей. Отсюда поверхностность и извращенность взглядовъ у нашей интеллигенціи на расколъ и секты и на борьбу съ ними Церкви нисколько не оправдываемая самою исторіей. А вѣдь изъ этой интеллигенціи наши администраторы, судьи, писатели...

Утѣшительно, что разрѣшеніе великой царской задачи объ усиленіи религіозно-нравственнаго воспитанія передано министерствомъ въ руки такихъ авторитетовъ, какъ высокопреосвященный митрополитъ Антоній и г. оберъ-прокуроръ Св. Синода.

Надѣмся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что и въ настоящей книжкѣ мы отвели много мѣста толстовской эпопее. Мы считали долгомъ дать возможность мірянамъ высказать свой взглядъ на это дѣло. Читатели сами видятъ, какъ велики скорбь и негодованіе мірянъ по поводу „Отвѣта“ гр. Толстого. Мы не сочувствуемъ рѣзкости тона некоторыхъ писемъ, но и не считали себя въ правѣ поддѣлывать языкъ сердца. Напрасно графиня Толстая хвалилась, что ея супругу *всѣ*, кромѣ „Москов. Вѣд.“, сочувствуютъ... Далеко не всѣ...

В. Скворцовъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа съ штундо-баптистами о судѣ Церкви
надъ грѣшниками.

I.

Въ селѣ Дубоваткѣ,—тихомъ и мирномъ православномъ уголкѣ,—въ послѣдніе годы „завелись“ штундисты. Они принесли съ собою споры и сомнѣнія въ вѣрѣ. Вслѣдствіе ихъ „толковъ“, многіе дубоватцы стали колебаться въ истинахъ православной Церкви; еще болѣе объявилось такихъ, которые негодовали на сектантовъ и съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда въ ихъ село миссіонера.

Я былъ въ селѣ Господскомъ, когда ко мнѣ привезли письмо отъ дубоватскаго батюшки. Въ письмѣ батюшка просилъ меня пріѣхать въ его приходъ и помочь людямъ разобраться въ пререкаемыхъ истинахъ вѣры.

Я поспѣшно направилъ въ Дубоватку. По пріѣздѣ въ село, меня тотчасъ же окружили ревнители православія. Въ ихъ сообществѣ, по указанію батюшки, пошли мы въ земское училище. Народъ тамъ поджидалъ насъ большой толпой. Въ училищѣ же находились мѣстные штундисты. Ими „заправлялъ“ Андрей Кривой. Онъ, уже по уходѣ въ секту, научился грамотѣ. Читать онъ начиналъ безъ букваря, по старымъ газетнымъ листкамъ, которыми была оклеена изба его. Естественнo, Андрей мало былъ начитанъ въ Словѣ Божіемъ; плохо понималъ его, но самоувѣренностью отличался страшнoю. Онъ воображалъ, что, вмѣстѣ съ буквами, онъ постигъ „всю евангельскую истину“,—и это придавало ему гордости предъ народомъ.

Едва я вошелъ въ училище и установился за столомъ, Андрей грозно подступилъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Это почему вы вчера не пріѣхали къ намъ? Мы васъ ждали, ждали,—всѣ глаза проглядѣли. Только обезпокоили насъ напрасно...

Я пристально всмотрѣлся въ лицо Андрея: оно выражало дѣтскій задоръ и напускную гнѣвливость. Я рѣшилъ „мирно“ уладить дѣло. Я сказалъ:

— Простите, братцы, Христа ради, что я запоздалъ у вашихъ сосѣдей, въ Господскомъ. Цѣлыхъ три дня прожить тамъ. Дѣлъ было много. Я еще вчера пріѣхалъ бы къ вамъ, если бы былъ свободенъ.—Съ другой стороны, до нынѣшняго дня я не приказывалъ вамъ собираться. Это вы по собственной волѣ прождали меня... Во всякомъ случаѣ повѣрьте, что не по лѣни до сихъ поръ я не являлся къ вамъ: было некогда...

Андрею стало стыдно, что онъ „съ грубостью“ подступилъ ко мнѣ. Онъ совсѣмъ измѣнившимся голосомъ произнесъ:

— Ничего, ничего, не безпокойтесь! Я только къ слову помянулъ, что мы васъ долго ждали...

Православные грамотѣи возревновали за меня. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Видишь ты, птица, къ слову позволяетъ себѣ съ грубостью обращаться къ ученому человѣку!.. Не пріѣхалъ и не пріѣхалъ: значить нельзя было. А то ломается.

Я попросилъ всѣхъ не терять спокойствія и благодушія. Пропѣли молитву. Потомъ, желая дать сектантамъ ходъ, я спросилъ Андрея:

— Какіе случилось, что ты, другъ, человѣкъ степенный, разсудительный ушелъ изъ Церкви православной и присталъ къ какимъ-то *новымъ* людямъ, которыхъ не знали благочестивые отцы наши? Это меня удивляетъ...

— Не удивляйтесь моему уходу отъ православныхъ. Были на то важныя причины.

— Расскажи, Андрей, про это подробнѣй. Мы съ интересомъ послушаемъ.

— Послушаемъ!—заголосили въ народѣ. Правда, интересно. Расскажи, Андрей, мы сообразимъ, что къ чему...

Андрей не безъ важности осмотрѣлъ „собраніе“. Потомъ съ достоинствомъ заговорилъ:

— Изъ Церкви православной вышелъ я года три,—вотъ

съ тѣхъ поръ, какъ занялся чтеніемъ Евангелія. Вычиталь-
я въ Библии, что людямъ надо жить по-Божьи; посмотрѣлъ
на міръ, на наши порядки,—и разсуждалъ, что мы живемъ
не по Евангелію. И заболѣло у меня сердце. И рѣшилъ я
поступить по слову: „*выйдите изъ среды*“ таковыхъ (2 Кор-
6, 17). И я вышелъ. Вотъ и весь сказъ...

Андрей остановился, обтерся платкомъ и пристально
всматривался въ народъ.

Я переспросилъ его:

— Такъ ты, другъ, вышелъ изъ Церкви Христовой. Куда
же ты пришелъ?

Андрей улыбнулся:

— Я вышелъ изъ Церкви Христовой? Въ ней я и не
былъ до послѣдняго времени. Развѣ Церковь можетъ со-
стоять изъ пьяницъ, воровъ, блудниковъ, ругателей?

— Конечно, воры разбойники и пьяницы, *одни* не соста-
вляютъ *всей* Церкви Христовой. Но развѣ въ Церкви право-
славной всѣ плохіе члены? Развѣ мало у насъ праведниковъ?

— Что толку въ вашихъ праведникахъ. На одного хо-
рошаго человѣка у насъ придется сто дурныхъ. Развѣ это—
Церковь?

И Андрей хитро посмотрѣлъ на своихъ братьевъ. Тѣ
охотно принялись „чернить“ Церковь православную.

Я остановилъ хулителей.

— Постойте, сказалъ я. Если мы будемъ пальцами ука-
зывать на грѣшниковъ,—мы ихъ лишь раздразимъ. Не
лучше ли намъ оторваться отъ этой обыденной жизни и
начать говорить отъ *Слова Божія*. Покажите, въ самомъ дѣлѣ,
иде написано, что грѣшники не могутъ быть въ Церкви Хри-
стовой?

— Какое мѣсто грѣшникамъ въ Церкви Христовой? за-
вопилъ Андрей. Развѣ затѣмъ Спаситель искупилъ насъ,
чтобы мы продолжали валяться въ грязи?..

Я отвѣтилъ:

— Безъ сомнѣнія, Христосъ искупилъ насъ честною
Своею кровію затѣмъ, чтобы мы были святы и непорочны
предъ нимъ (Еф. 5, 25—27; 1, 17—18; 1 Кор. 1, 30). Но имѣ-
емъ ли мы силу твердо стоять въ своемъ званіи? Ужели
людямъ, по немощи согрѣшающимъ, *нѣтъ* мѣста въ Церкви
Христовой? Гдѣ это сказано?

Андрей не перебивалъ меня; я продолжалъ свою рѣчь:

У ап. Павла читаемъ: „*Въ большомъ домѣ есть сосуди не только золотыя и серебряныя, но и деревянныя и глиняныя; и одни въ почетномъ, а другіе въ низкомъ употребленіи*“ (2 Тим. 2, 20). Видимъ отсюда, что въ „большомъ домѣ“ Божіемъ—Церкви, есть люди *разныхъ* качествъ. Никого Богъ отъ Себя не отвергаетъ, если люди сами не бѣгутъ отъ него.—Такъ и Христосъ училъ. Свое земное царство или Церковь онъ уподоблялъ полю, засѣянному пшеницей, на которомъ, по злобѣ врага рода человѣческаго, выросли плевелы; сравнивалъ Христосъ Церковь съ *неводомъ*, захватившимъ рыбъ всякаго сорта, и съ десятью дѣвами, которыя всѣ были не безъ порока предъ своимъ женихомъ (Мѣ. 13, 24—51; 25, 1—13).—Не ясно ли изъ этихъ сравненій Господа, что земная Церковь всегда, рядомъ съ праведниками, терпитъ у себя дурныхъ людей, и эти дурные люди святости Церкви *не порочатъ*, потому что Христову Церковь даже врата ада не одолѣютъ (Мѣ. 16, 18)? А если такъ,—зачѣмъ было сектантамъ уходить отъ насъ? Неужели, друзья, выйдя изъ среды насъ, вы пришли въ такое общество, гдѣ члены *безгрѣшны* предъ Господомъ?..

— Что говорить, отвѣтилъ Андрей, люди—всѣ со грѣхомъ, какъ написано: „*если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ*“ (Іоан. 1, 8. 10).

— Вотъ видишь, другъ Андрей, какимъ ты благоразумнымъ человѣкомъ бываешь, когда захочешь! Это—правда, что на свѣтѣ безгрѣшныхъ людей нѣтъ; нѣтъ, стало быть, ихъ и въ новомъ нашемъ обществѣ. А если такъ,—зачѣмъ ты забѣжалъ въ него?

— Забѣжалъ я къ новымъ своимъ друзьямъ потому, что замѣтилъ у нихъ больше евангельской *строгости* въ жизни. И у насъ есть грѣшники, въ этомъ нужно признаться, махнувъ рукой, сказалъ Андрей: Ну, только своимъ грѣшникамъ мы поблажки не даемъ. Церковь у насъ строго судить ихъ по написанному: „*если согрѣшишь противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово; если же не послушаетъ ихъ, скажи Церкви; а если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь*“ (Мѣ. 18, 15—17).

Видите, какъ Христосъ постановилъ: грѣшниковъ надо обличать, вразумлять; а если не слушаютъ, отдавать ихъ суду Церкви; а если и Церковь не послушаетъ, то для насъ они становятся мытарами и язычниками. А у васъ, въ православной Церкви, *никакого* суда надъ грѣшниками нѣтъ. Это—не по Евангелію...

— Остановимся, другъ, внимательнѣе на прочитанныхъ тобою словахъ Господнихъ. Разберемъ ихъ и тогда ужъ посмотримъ: правда ли у православныхъ нѣтъ евангельскаго суда надъ грѣшниками? Начнемъ читать изъ Евангелія Матвея гл. 18, ст. 14: „*нѣтъ воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ*“. Такъ: Господь и въ міръ пришелъ для того, чтобы грѣшниковъ спасти (Мѣ. 18, 11; Іоан. 12, 47; Лк. 19 10). И этихъ кающихся грѣшниковъ онъ отъ Себя не гонитъ (Іоан. 6, 37); не должна и Церковь *убить* ихъ, быть жестокой въ обращеніи съ ними. Потому всѣ свои сношенія съ грѣшниками Церковь должна направлять къ тому, чтобы привести ихъ къ *раскаянію*, къ сокрушенію о грѣхахъ, а не къ ожесточенію и отчаянію (Мѣ. 18, 14). Вотъ почему судомъ, даннымъ Церкви надъ грѣшниками, злоупотреблять нельзя. Его надо *строго* производить по Евангельскимъ правиламъ. А по этимъ правиламъ *кто* долженъ творить судъ и расправу въ Церкви надъ грѣшниками? Вотъ *первый* вопросъ, который мы съ тобой, другъ Андрей, должны разрѣшить.

— Что за вопросъ? отвѣтилъ Андрей. Написано: „*скажи Церкви*“...; значитъ, *вся* Церковь должна судить согрѣшившихъ братьевъ.

— Отвѣтъ не ясенъ и не точенъ,—сказалъ я. Церковь состоитъ изъ *многихъ* людей. Есть въ ней пастыри и учителя (Еф. 4, 11); есть „простолюдины“, по выраженію апостола (І Кор. 14, 16). Такъ *кому же* принадлежитъ право суда въ Церкви?

— Въ своемъ обществѣ,—отвѣтилъ Андрей,—мы *все* судимъ грѣшниковъ. И это, по нашему убѣжденію, согласно съ словами Господа (Мѣ. гл. 18, ст. 17).

— Меня удивляетъ, возразилъ я, что вы *все* присвоете себѣ право суда надъ грѣшниками. Этого права намъ, *простымъ христіанамъ*, Господь не далъ. Въ Евангеліи отъ Іоанна онъ говоритъ апостоламъ:.. „*примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ*

останутся“ (Іоан. 20, 22—23). Смотри, другъ: не *всѣмъ* христіанамъ, а только апостоламъ передалъ власть „прощать“ и „вязать“ грѣхъ людямъ. Значить, и надъ Церковью, въ Ев. Мѣ. гл. 18, ст. 17, надо разумѣть апостоловъ же.—Какимъ же родомъ, вопреки Писанію, вы *все* попали въ апостоловъ (1 Кор. 12, 29)?

— Мы не выдаемъ себя за апостоловъ, отвѣтилъ Андрей, а только усматриваемъ изъ свящ. Писанія, что и „простолюдины“ могутъ *прощать* согрѣшающихъ братьевъ. Вонъ у ап. Павла написано: „если кто огорчилъ, то не меня огорчилъ, но частію (чтобы не сказать много) и *всѣхъ* васъ. Для такого довольно сего наказанія отъ многихъ, такъ что вамъ ужъ лучше простить его и утѣшить“... (2 Кор. 2, 5—7 ст.). Изъ этихъ словъ апостола мы усматриваемъ, что „многіе“ могутъ наказывать и могутъ прощать грѣшниковъ. Такъ у насъ и дѣлается...

— Какъ у васъ дѣлается,—это для насъ, православныхъ, не имѣетъ обязательной силы, сказалъ я. Но что вы искажаете святое Писаніе,—это мы сейчасъ вамъ покажемъ.

Ап. Павелъ, правда, говоритъ, что коринтскій кровосмѣшникъ „огорчилъ“ *всѣхъ* христіанъ. Какимъ образомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самъ же апостолъ. Онъ учитъ, что во Христѣ *всѣ* мы составляемъ *единую* Церковь Божию. Эта Церковь по своему составу подобна тѣлу человѣческому (ср. 1 Кор. 12 гл.). Какъ въ тѣлѣ, когда „страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ и *всѣ* члены“ (1 Кор. 12, 26),—такъ и въ Церкви: появляется одинъ грѣшникъ, съ нимъ наносится оскорбленіе или укоръ *всѣмъ* вѣрующимъ. *Все* мы виноваты, что не могли брата нашего удержать отъ грѣха, и это доставляетъ намъ печаль, скорбь, обиду.—Свое огорченіе на грѣшниковъ мы выражаемъ тѣмъ, что, по заповѣди апостола, „держимъ ихъ на замѣчаніи“ (2 Сол. 3, 14). Наблюдаемъ за жизнью грѣшниковъ, сокрушаемся объ ихъ беззаконіи; молимся за нихъ Богу (Мѣ. 5, 44; Іоан. 16); но, какъ братья, въ душѣ прощаемъ имъ грѣхъ ихъ (2 Кор. 6, 10).—Въ этой скорби о грѣхопаденіяхъ нашихъ ближнихъ, въ *воздержаніи* отъ дружескаго общенія съ ними и состоятъ въ *сущности* *всѣ* наши права надъ грѣшниками. Огорчатъсѣ ими мы можемъ и должны; однако, по заповѣди Христовой, мы обязаны прощать людямъ согрѣшенія ихъ противъ насъ до

„сѣдмизды сѣмидесяти разъ“, то есть безъ конца (Мѡ. 18, 21—22). А отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что *право* удерживать на грѣшникахъ вины ихъ *предъ Богомъ* принадлежить не намъ, а преемникамъ апостоловъ—пастырямъ Церкви.

Въ этомъ убѣждаемся мы, помимо Евангелія, изъ ученія ап. Павла. Если бы *вся* Церковь могла судить согрѣшающихъ братьевъ, то онъ такъ бы и говорилъ, какъ имѣющій „умъ Господень“ (1 Кор. 2, 16). А то онъ пишетъ Тимоѳею: „*обвиненіе на пресвитера не иначе принимай, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ. Согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, чтобы и прочіе страхъ имѣли*“ (1 Тим. 5, 19—20). Ясно отсюда, что власть суда въ Церкви ап. Павелъ передаетъ своему ученику и сотруднику Тимоѳею; прочимъ же христіанамъ, въ согласіи съ заповѣдью Господа (Мѡ. 18, 15—16), онъ предоставляетъ право быть лишь „свидѣтелями“ на согрѣшающихъ братьевъ, — даетъ имъ возможность высказывать свой *совѣщательный* голосъ за или противъ подсудимыхъ, но *судить* и *рядить* въ Церкви—этого права „простолюдинамъ“ не предоставилъ. Значитъ, если вы, сектанты, поступаете иначе, то только потому, что вы разрушили апостольскій строй въ Церкви и дѣлаете то, что каждому *кажется* „справедливымъ“ (Ср. Суд. 17, 6), за отсутствіемъ у васъ *правильныхъ*, Богомъ поставленныхъ пастырей. Не такъ ли?..

— Разумѣется, не такъ,—отвѣтилъ Андрей. Вы умаляете право вѣрующихъ. Апостолъ всей Коринтской Церкви писалъ „извергнуть развращеннаго изъ среды“ себя (1 Кор. 5, 13), а вы всѣ *полномочія* отдаете *однимъ* пастырямъ: Это—не по Слову...

— Да, мои рѣчи не совпадаютъ съ вашими сектантскими словами; но *Словомъ Божиимъ* онъ подтверждаются.—Въ самомъ дѣлѣ, что означаютъ слова апостола: „*изверните развращеннаго изъ среды васъ*“ (1 Кор. 5, 13)? О какомъ „изверженіи“ пишетъ апостолъ?

— Вотъ чудной вопросъ задаете вы намъ! воскликнулъ Андрей. Вы—человѣкъ русскій; небось, понимаете, что значить слово „извергнуть“...

— Я то, благодареніе Богу, понимаю; да хочу увѣриться, что и вы-то, сектанты, понимаете значеніе этого слова.

Андрей сказалъ:

— „Извергнуть“ грѣшника изъ Церкви—значитъ *выгнать* его вонъ изъ общества христіанъ.

— Разберемъ, другъ, твой отвѣтъ. Во первыхъ, ты *ни однимъ словомъ* не сказалъ мнѣ, *кто же имѣетъ власть извергать* грѣшниковъ изъ Церкви? А я тебѣ уже показалъ отъ Слова Божія, что эта *власть* принадлежитъ *однимъ* пастырямъ, а не всѣмъ „простолюдинамъ“. — Затѣмъ *не ясно* изъ твоихъ рѣчей, что значить „изгнать“ грѣшника изъ общества христіанъ. Значить ли это грѣшнаго человѣка *совсѣмъ* выгнать изъ города или слободы куда-нибудь въ чистое поле, или какъ иначе надо понимать твои слова?

— Разумѣется, изъ слободы грѣшниковъ гнать не нужно, — отвѣтилъ Андрей. Довольно ихъ изъ Церкви выпроводить...

— А что значить, по твоему выраженію, *выпроводить* кого-либо изъ Церкви? Должны ли мы такого человѣка *не пускать* въ церковныя собранія, — запретить ему слушать Слово Божіе и проповѣди пастырей Церкви, или по другому прикажешь понимать твои слова?

— Нѣтъ, въ раздумьи сказалъ Андрей, отъ Слова Божія и отъ церковныхъ поученій грѣшниковъ отрывать не слѣдуетъ. Пускай себѣ ходятъ вмѣстѣ съ вѣрующими молиться; только *нѣтъ съ ними вмѣстѣ не надо* (1 Кор. 5, 11).

— Опять, Андрей, ты не заплатилъ мнѣ своего *дола*: ты такъ и не показалъ, что *всѣ* христіане могутъ судить грѣшниковъ предъ Богомъ. Здѣсь, для ясности, оговорюсь: подъ словомъ „судить“ я разумѣю не *обличеніе*. Обличать другъ друга за проступки мы *всѣ* обязаны (1 Кор. 5, 12; 12, 24). Я спрашиваю: *откуда* вы достали себѣ *право удерживать грѣхи* на ближнихъ предъ Богомъ? Ты мнѣ на это *ничего* не отвѣчаешь. Значить, чувствуешь, что вы *самозванствуете*, когда *судите* въ своемъ обществѣ *всѣ*. — Теперь ты еще прибавляешь, что, по ученію апостола, съ пьяницами, блудниками, ворами, христіане не должны *нѣтъ* вмѣстѣ. Разсмотримъ, понимаешь ли ты и эту заповѣдь апостола?..

II.

По просьбѣ батюшки, мы прервали бесѣду. Пропѣли „Отче нашъ“, „Подъ твою милость“... Потомъ я напомнилъ слушателямъ, до чего мы дошли: власть вязать и рѣшить грѣхи въ Церкви принадлежитъ не всѣмъ вѣрующимъ, а

только пастырямъ, какъ преемникамъ апостоловъ (Іоан. 20, 22—23).

Андрей перебилъ меня:

— Да хоть бы пастыри-то судили у васъ кого-нибудь. А то въ православіи мы *никакого* суда надъ грѣшниками не видимъ. Это—ужь слабость и ведетъ къ распущенности...

Я возразилъ:

— Неправду ты сказалъ, Андрей, что въ православной Церкви *никакого* суда надъ грѣшниками нѣтъ. Церковь наша, какъ любящая мать, всѣ способы употребляетъ, чтобы *искоренить* зло и грѣхъ изъ среды дѣтей своихъ и *наказать* болѣе порочныхъ и упорныхъ изъ нихъ. Въ этихъ видахъ она *наставляетъ* и *убѣждаетъ* вѣрующихъ жить достойно своего званія (1 Тим. 5, 1—2; 2 Тим. 4, 2); „грѣшниковъ *призываетъ*“ примириться съ Богомъ (1 Кор. 5, 20); *обличаетъ* ихъ кротостью (2 Сол. 3, 18), а упорныхъ изъ нихъ—*со властію* и *строго* (1 Тим. 5, 20; Тим. 1, 13; 2, 15)...

— Только обличаетъ да обличаетъ, замѣтилъ Андрей. Однимъ *словомъ* многого не сдѣлаешь. Нѣтъ, вы бы *знали* отъ себя грѣшниковъ; поступали бы съ ними, по заповѣди апостола: „*Кто, называясь братомъ, остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злоречивымъ, или пьяницею, или хищникомъ, съ такимъ даже и не вѣсть вѣсть*“ (1 Кор. 5, 11). Вотъ такъ бы поступали, васъ грѣшники боялись бы. А то вы распустили народъ...

— Прости, Андрей, но въ тонѣ твоего голоса слышится фарисейство. Ты думаешь, что особую чистоту предъ Богомъ проявишь, если въ *тѣлесныхъ* дѣлахъ не будешь сообщаться съ грѣшниками. Ты хочешь быть *святѣе* самого Христа. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ не гнушался входить въ близкое общеніе съ падшими людьми, чтобы привести ихъ къ покаянію. Вотъ, по свидѣтельству ев. Луки, въ домъ Симона Фарисея онъ ублажилъ грѣшную женщину, которая возлила ему на ноги *алавастровый „сосудъ съ мромъ“* (Лк. 7, 37—48). Онъ сказалъ этой кающейся грѣшницѣ: „*прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много*“ (—ст. 47). Событіе для насъ весьма назидательное: Христосъ не убоился внѣшняго общенія съ грѣшницею,—чего же намъ бояться кающихся братій,—грѣшниковъ, подобныхъ намъ?

Припомните и другой подходящий къ нашему разговору

евангельскій разсказъ. Пришли въ храмъ два человѣка помолиться—фарисей и мытарь. Фарисей считалъ себя праведникомъ, а мытарь сокрушенно лишь твердилъ: „*Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!*“ (Лк. 18, 10—14). Что же? *грѣшный* мытарь не осквернилъ святого храма и молящихся въ немъ; напротивъ, Господь оправдалъ этого кающагося мытаря, а гордеца фарисея осудилъ. На этомъ основаніи и мы, православные, не боимся, когда на молитву къ намъ приходятъ грѣшники. Мы знаемъ, что коль скоро они пришли молиться,—такъ ничего дурного въ храмѣ не сдѣлають; *внѣшнимъ* же прикосновеніемъ къ намъ они не оскверняютъ насъ,—какъ не осквернила Христа грѣшница, слезами омывавшая Ему ноги и волосами головы отиравшая ихъ (Лк. 7, 43—48)...

— Про евангельскую грѣшницу, слезами омывавшую ноги Спасителя, сказалъ Андрей, толкъ другой. Мы говоримъ вѣдь про людей, которые „называются братьями“. Съ *такими* грѣшными христіанами намъ не надо ѣсть вмѣстѣ...

— А какъ же мы читаемъ въ Евангеліи, возразилъ я: когда апостолы „*возлежали и ѣли*, Иисусъ сказалъ: истинно говорю вамъ, одинъ изъ васъ, ядущій со Мною, предастъ меня“ (Мр. 14, 18). Замѣчаемъ отсюда, что предатель Христа *нѣ* вмѣстѣ съ апостолами, но не осквернилъ ихъ общества, хотя и былъ имъ братомъ по призванію.—Значить, одною ѣдою или питьемъ *никто* осквернить насъ не можетъ.—Да и Господь грѣшника, преслушавшаго Церковь, не называлъ *сквернымъ*, а повелѣлъ его только считать за язычника и мытаря (Мѣ. 18, 17). Съ язычниками же и мытарями Господь не чуждался *нѣ* вмѣстѣ (ср. Мѣ. 10, 10—11; Лк. 7, 34—36).

— Такъ, по вашему понятію, замѣтилъ Андрей, ап. Павелъ *ошибся*, когда не велѣлъ христіанамъ „*даже ѣсть вмѣстѣ*“ съ тяжкими грѣшниками изъ братьевъ?

— Нѣтъ, другъ, апостолъ не ошибся, а ты не умѣешь понимать его Писаній. Припомни, что сказалъ о пищѣ апостолъ коринѳянамъ: „*пища не приближаетъ насъ къ Богу: ибо ѣдимъ ли мы, ничею не приобщаемъ; не ѣдимъ ли, ничею не терпимъ*“ (1 Кор. 8, 8). Отсюда слѣдуетъ, что чрезъ ѣду, *саму по себѣ*, мы не можемъ сродниться съ ближними или отдаляться отъ нихъ. Не можемъ посредствомъ *одной* ѣды стать участниками въ чужихъ грѣхахъ (Мѣ. 10, 11). Все зависитъ

отъ того *расположенія душевнаго*, съ которымъ мы приступаемъ къ пищѣ: если, вкушая трапезу съ тяжкими грѣшниками, мы тѣмъ хотимъ выразить имъ нашу любовь и сочувствіе,—мы грѣшимъ противъ Бога, какъ участники въ чужихъ грѣхахъ (1 Кор. 8, 12); а если мы ѣдимъ въ кругу грѣшниковъ-братевъ по *необходимости*,—мы остаемся чистыми и непорочными: пища сама по себѣ насъ не оскверняетъ (Рим. 14, 20)...

— Вообрази, Андрей, что грѣшникомъ является мужъ какой-либо бѣдной женщины, у которой есть малыя дѣти. Этотъ грѣшный, грубый мужъ *силой* заставляетъ жену и дѣтей ѣсть *вмѣстѣ* съ нимъ. Жена повинуется мужу, по *необходимости* раздѣляетъ съ нимъ трапезу, хотя и *не сочувствуетъ* грѣхамъ его. Что, эта женщина идетъ противъ Евангелія? А не бываетъ ли такъ, что жена своимъ терпѣніемъ и любовью *спасаетъ* грѣшнаго мужа (1 Кор. 7, 16)?... Да. Не о простой *тѣлнной* пищѣ, не о простыхъ обѣдахъ говоритъ апостолъ въ посл. къ коринѣянамъ, Онъ имѣетъ въ виду *главнымъ образомъ* яденіе нами Тѣла Христова и питіе Его Крови. Вотъ если кто къ хлѣбу Господню и къ чашѣ Его приступаетъ безъ разсужденія,—тотъ тяжело согрѣшаетъ. Ибо Христосъ сказалъ: „*Ядущій Мою Плоть и Пьющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ, а Я въ немъ*“ (Іоан. 6, 56). Такъ обр. черезъ вкушеніе Тѣла Господня и Питіе Крови Его мы *тѣлнѣйшимъ* образомъ соединяемся со Христомъ,—становимся *однимъ тѣломъ* съ Нимъ (1 Кор. 11, 23—29). Понятно, кто, не искусивъ себя довольно, осмѣливается приступать къ хлѣбу Господню,—тотъ ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, какъ кощунникъ, какъ Іуда предатель. Грѣшать и всѣ другіе христіане, когда *равнодушно, безъ душевной скорби* приступаютъ къ чашѣ Господней *вмѣстѣ* съ *злостными* грѣшниками: черезъ то они дѣлаются какъ бы *сообщниками* этихъ грѣшниковъ, пріобщаютъ ихъ *вмѣстѣ* съ собою къ святому Тѣлу Господа,—что Богу противно (1 Кор. 10, 21). Потому-то апостолъ Павелъ и возбраняетъ вѣрующимъ „ѣсть *вмѣстѣ*“ съ тяжкими грѣшниками,—разумѣется, ѣсть не простую, *неосвященную* пищу, а прежде всего—Тѣло и Кровь Господню.

Далѣе, запрещеніе апостола относится и къ такъ называемымъ въ древнія времена „вечерямъ любви“ или „вечерямъ Господнимъ“ (ср. Кор. 11, 20). Эти вечера устраи-

лись христіанами послѣ причастія изъ остатковъ принесеннаго для причастія хлѣба. Вкушавшіе святые остатки выражали сердечную любовь ко Христу и другъ къ другу: этимъ они внѣшне показывали свое братство во Христѣ. Разумѣется, тяжкихъ грѣшниковъ до такихъ священныхъ вечерей нельзя было допустить,—и ихъ не допускали.

Въ настоящее время „вечери Господни“ въ Церкви Христовой прекратились, по множеству вѣрующихъ. Нельзя стало съ должнымъ благоговѣніемъ кормить огромную толпу людей: ибо при апостолахъ и то случались безпорядки на вечерахъ Господнихъ (1 Кор. 11, 20—22). Потому грѣшники, въ наши дни, даже если бы хотѣли, не могутъ присутствовать за священной ѣдой. Слѣдовательно, и заповѣди апостола о неяденіи на вечерахъ любви совмѣстно съ грѣшниками *мы не нарушаемъ*.

Изъ сказаннаго еще разъ убѣждаемся, что христіанскихъ грѣшниковъ не нужно „вонъ гнать“ изъ Церкви,—не нужно обходить ихъ назиданіемъ и своею любовью. Напротивъ, ихъ-то особенно надо привлекать къ богослуженіямъ. Только безъ должнаго раскаянія тяжкихъ грѣшниковъ не нужно допускать до Св. Причастія.—Это и означаетъ заповѣдь апостола въ 1 Кор. 5, 11 ст.

— Но какой же страхъ христіанамъ отъ такого лишенія чаши Господней? возразилъ Андрей. Кто будетъ знать, что, положимъ, я отлученъ отъ причастья, если я про то никому не скажу?... По нашему, строже бы надобно обходиться съ грѣшниками...

— Вижу, другъ, что ты весь еще въ узахъ фарисейскихъ. Тебѣ не нравится, что у насъ отлучаютъ „отъ чаши“ *тайно*. А между тѣмъ нашъ порядокъ основанъ на словахъ Христовыхъ. Господь говорилъ: „не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ“ (Іоан. 7, 24). Этимъ „праведнымъ“ судомъ у насъ и судятъ. Въ нашей Церкви избѣгаютъ такого порядка, при которомъ каждый судилъ бы и рядилъ о моихъ духовныхъ дѣлахъ. Возможно, что нашлись бы люди, которые насмѣялись бы надъ ближнимъ, поругались бы ему. Вотъ, для избѣжанія такихъ печальныхъ явленій, у насъ дѣлаютъ все *тайно*... Ты боишься, Андрей, что это не строго,—другіе о томъ не узнаютъ? А Богъ-то узнаетъ все! Чего же страшнѣе быть отлученнымъ Церковью отъ любви Божіей, отъ

благодати Христовой? Развѣ *человѣческій* судъ можетъ принести людямъ какія-нибудь болѣе тяжкія лишенія?

Одумайся, Андрей, пойми, *отлученіе отъ причастія* есть самое тяжелое и *страшное наказаніе для христіанина*. Это отлученіе въ православной Церкви примѣняется нерѣдко. Только *посторонніе* люди о томъ не знаютъ.—Значить, ты *неправильно* выразился, когда сказалъ, что въ нашей Церкви *никакого суда надъ грѣшниками нѣтъ...*

Андрей задумался; потомъ сказалъ:—все-таки *полнаго* отлученія грѣшниковъ отъ Церкви у васъ не бываетъ...

— О какомъ *полномъ* отлученіи говоришь ты? Если пасть Церкви лишилъ христіанина причастія Тѣла и Крови Христовыхъ,—этотъ христіанинъ *тѣмъ самымъ* удаленъ отъ тѣснѣйшаго общенія со Христомъ. А безъ Христа, безъ Божіей благодати люди—то же, что сухія вѣтви. Правда, и вѣтви сухія висятъ на деревѣ, пока ихъ не сломятъ, и отлученный отъ причастія христіанинъ *наружно* пребываетъ въ Церкви. Но что въ томъ? Безъ благодатныхъ даровъ Св. Духа люди—что *опыльные* члены: виситъ, напр., изсохшій палецъ на рукѣ, но жизни въ немъ нѣтъ,—и этому пальцу кровь, текущая въ жилахъ руки, не помогаетъ.—То же бываетъ и съ отлученными отъ причастія христіанами, въ случаѣ ихъ *нераскаянности...*

— А не бываетъ у васъ такъ,—растерянно спросилъ Андрей,—чтобы какого-либо грѣшника *навсегда* изгоняли изъ Церкви, и это изгнаніе совершали бы *торжественно, все-народно?*

Я отвѣтилъ:

— *Навсегда* мы *никогда* не изгоняемъ изъ Церкви: изгнанные *нынѣ* грѣшатъ, а завтра могутъ покаяться и *опять* придти ко Христу. Христосъ же приходящихъ къ Нему не изгоняетъ вонъ (Іоан. 6, 37). Какъ же мы будемъ знать ихъ?...

Что же касается *торжественныхъ* отлученій отъ Церкви,—то они, временами, у насъ совершаются. Напр., ежегодно, въ *недѣлю Православія*, у насъ анаеѳематствуютъ, или отлучаютъ отъ Церкви, всѣхъ еретиковъ-лжеучителей.

Андрей замѣтилъ:

— Однажды я слышалъ это отлученіе, когда былъ за обѣдней, на архіерейскомъ служеніи, въ губернскомъ городѣ. Только я не слыхалъ, чтобы тогда *по имени* кого отлу-

чали. А безъ именъ какую силу имѣеть отлученіе отъ Церкви?

— *Полную* силу имѣеть и то отлученіе отъ Церкви, которое произносится безъ именъ,—отвѣтилъ я. Вѣдь надъ людьми царствуетъ Господь. Онъ видитъ дѣла наши и распрѣдѣляетъ всѣхъ по достоинству,—кого направо, кого налѣво (Іов. 34, 11; Іер. 17, 10; Мѣ. 16, 27; Рим. 2, 6; Откр. 20, 12, 13). Если какой братъ ложно учить о Богѣ, о Церкви—и не кается въ своемъ заблужденіи,—такого члена Церкви торжественно отлучаетъ отъ общенія съ собою. И пусть этотъ заблудившійся христіанинъ наружно будетъ считать себя сыномъ Церкви: Господь духовно отсѣчетъ его отъ Себя, какъ сухую вѣтвь, и сочтетъ въ Церкви Своей членомъ *омертвѣлымъ* (2 Т. 2, 19; 1 Тим. 5, 24—25; Кол. 3, 25). Значить, для правды Божіей не обязательно нужно, чтобы тебѣ *отдѣльно* сказали, что ты—не въ Церкви. Если ты имѣешь умъ,—ты самъ сообразишь, гдѣ ты; Бога же своимъ лицемѣріемъ въ обманъ не введешь...

— Все это такъ, возразилъ Андрей. Только изъ Писанія мы не видимъ, чтобы при *апостолахъ* кого по вашему обряду отлучали...

— Если хорошенько вникнешь въ Писаніе,—тамъ увидишь отлученія, подобныя нашимъ,—отвѣтилъ я.—Въ посланіи къ коринѳянамъ ап. Павелъ, напр., пишетъ: „кто не любитъ Господа Иисуса Христа, анаѳема, маран-аѳа“ (1 Кор. 16, 22). Смотри: апостолъ никого не называетъ по имени, а всякъ самъ соображай: любитъ онъ или не любитъ Господа? Если не любитъ,—такъ онъ *отлученъ* отъ Церкви апостольскимъ судомъ, хотя ему объ этомъ судѣ никто не говорилъ лично.

То же находимъ мы въ посланіи къ галатамъ. Апостолъ пишетъ: „кто *благословляетъ* вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема“ (—1, 9). Опять разсуждай, христіанинъ, какъ ты учишь.—Если—*противъ* Евангелія, *по-сектантски*,—не такъ, какъ Церковь Христова *всегда* учила,—то ты уже подъ анаѳемой апостольской; ты—уже *отверженный* членъ Церкви (Тит. 3, 10).—Въ *такомъ* смыслѣ исключены изъ Церкви, *тредъ до раскаянія*, всѣ еретики, лжеучители-сектанты. А ты, Андрей, говоришь, что у насъ *никакого* суда Церкви надъ грѣшниками нѣтъ?

— Да я не слыхалъ про такой судъ; потому и говорю...

— Если не слыхалъ, такъ я объявляю тебѣ отъ имени Церкви: *ты и братья твои, какъ лжеучители, искажающіе истину Христову, уже отъсѣчены отъ общенія съ Господомъ, пока не раскаяетесь...*

Въ толпѣ православныхъ послышались скорбныя восклицанія:

— Боже милостивый! Какой страхъ... Побойся Бога, Андрей!...

Женщины набожно крестились.

Я продолжалъ рѣчь:

— А чтобы *осязательно* показать, что въ Церкви православной отлучаютъ тяжкихъ грѣшниковъ и по *именамъ* даже въ наши дни,—я сошлюсь на недавно изданное посланіе Святѣйшаго Синода. Въ этомъ посланіи епископы православной русской Церкви произносятъ судъ надъ лжеученіями гр. Толстого. Толстой—великій еретикъ. Онъ искажилъ все Св. Писаніе. Онъ не вѣритъ во Христа, какъ Бога, не признаетъ Дѣвы Маріи Богородицей и многія другія ереси содержитъ. За всѣ эти заблужденія Св. Синодъ призналъ его *отпадшимъ* отъ Церкви и распорядился, безъ раскаянія Толстого, даже не хоронить его, въ случаѣ смерти.— Вотъ вамъ и *поименный* судъ православной Церкви надъ грѣшниками-еретиками! Судъ строгій, тяжкій, но вполне заслуженный графомъ...

— Противъ этого суда надъ графомъ по Евангелію *мы ничего* не возразимъ, сказалъ Андрей. Это—по Божьи. Знамо, коли не хочешь быть въ Церкви,—ступай, куда знаешь!...

— Вотъ то-то и есть, другъ! А ты говоришь, что у насъ *никакого* евангельскаго суда надъ грѣшниками нѣтъ?—Теперь знай, что *есть* этотъ судъ въ православной Церкви, и ты *первый* осужденъ уже, какъ лжеучитель...

Если же мы *кротко* поступаемъ съ вѣрующими, но согрѣшающими христіанами,—такъ это потому, что Христосъ велѣлъ *щадить* кающихся грѣшниковъ (Лк. 6, 37; 1 Кор. 4, 5). Этихъ грѣшниковъ *по именамъ* у насъ не предають всенародной огласкѣ—въ надеждѣ, что они *сами собой*, подѣ воздействием Церкви, покаются.

Андрей обдумывалъ свое положеніе и болѣе не возражалъ мнѣ. Я сжато *повторилъ* то, о чемъ мы бесѣдовали.—

Христосъ грѣшниковъ въ Своей Церкви велѣлъ *судить*. Но судъ этотъ производятъ *не всѣ вѣрующіе*, а только *пастыри Церкви*. Вѣрующіе при этихъ судахъ выступаютъ лишь въ качествѣ „свидѣтелей“, *совѣтниковъ* пастырей.

Въ чемъ же долженъ состоять самый судъ церковный?

— Въ *обличеніи* и *увѣщаніи* грѣшниковъ прежде всего; потомъ въ отлученіи *тяжкихъ* изъ нихъ отъ св. Причастія. А если и эта *строгая* мѣра не подѣйствуетъ, напр., на лжеучителей, сектантовъ,—ихъ *вовсе*, впредь до раскаянія, *исключаютъ* изъ состава Церкви. Такое исключеніе *упорныхъ* грѣшниковъ *ежегодно* производится у насъ въ *недѣлю Православія*; но бываетъ оно и въ другихъ важныхъ случаяхъ, напр., по дѣлу писателя графа Толстого.

А отсюда слѣдуетъ такой выводъ: намъ—христіанамъ не должно бояться *наружно* вступать въ житейскія сношенія съ грѣшниками. Такія сношенія насъ не оскверняютъ. Надо лишь помнить, что *дружбы, пріятельства душевнаго* съ людьми, осужденными Церковью, водить не слѣдуетъ.—Поэтому и за сектантовъ будемъ усердно молить Господа, чтобы Онъ сжалился надъ ними и призвалъ ихъ снова въ Свою святую православную Церковь. Отъ дружбы же съ ними и братскаго единомыслія будемъ уклоняться.

Д. Боголюбовъ.

Московскія соборы о старобрядцахъ.

Соборъ 4 Февраля.

Догматическое заблужденіе попа Никиты о тайнѣ Тѣла Христова. Свящ. С. Муретовъ.

Первоучители раскола говорили про Никона, что онъ прилѣпился къ римскому костелу, исполняетъ постановленія нечестивыхъ латинскихъ папъ и вводитъ латинство: троеперстіе, троегубую аллилуіа, четвероконечный крестъ, архіерейское благословеніе по трисвятомъ, замѣну слова Херувимской пѣсни „приносяще“ на „припѣвающе“.—Ложность и несправедливость этого обвиненія будутъ вполне очевидны, когда мы обратимъ вниманіе на ученіе самихъ первоапостоловъ раскола о тайнѣ Тѣла Христова, ученіе, несомнѣнно, латинскаго происхожденія и содержанія. Обвиненіе падаетъ на главу обвинителей и обличаетъ ихъ ложь и пристрастность въ отношеніяхъ къ п. Никону. Поэтому о. референтъ справедливо нашелъ полезнымъ говорить „о заблужденіи первоучителей раскола о тайнѣ Тѣла Христова“ въ особомъ рефератѣ послѣ соборнаго 2-го Февраля, специально посвященнаго догматическимъ заблужденіямъ глаголемыхъ старобрядцевъ ¹⁾).

Что въ вопросѣ о времени пресуществленія св. даровъ, говорилъ о. референтъ, первоучители раскола стоятъ на почвѣ латинскаго заблужденія, въ этомъ мы убѣдимся, сопоставивъ воззрѣніе латинской Церкви, православной и, наконецъ, „столповъ“ старобрядчества. Повѣствованіе евангелистовъ и ап. Павла объ установленіи Евхаристіи Христомъ, съ заповѣдію „творить сіе въ Мое воспоминаніе“, служило для восточныхъ и западныхъ христіанъ первыхъ вѣковъ основаніемъ къ совершенію сего таинства; тогда всѣ вѣрили,

¹⁾ Рефератъ напечатанъ во второй книгѣ приложенія къ «Миссіон. Обзоръ».

что хлѣбъ и вино пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христову, и никто не задавался вопросомъ о времени пресуществленія. Только схоластическіе богословы среднихъ вѣковъ, измыслившіе для каждого таинства матерію (вещество) и форму (слова), въ первый разъ задумались надъ вопросомъ: какими словами пресуществляются св. дары на литургіи? Рѣшеніе католической Церкви извѣстно: тайнодѣйственную силу она приписала словамъ Христа. Противъ этого возражалъ еще Николай Кавасила (14 в.), утверждая, что творческая сила словъ Христа приводится въ дѣйствіе лишь по молитвѣ священника. Разногласія повторились на Флорентійскомъ соборѣ (15 в.); во время преній обнаружилось, что и греки въ молитвѣ о ниспосланіи Св. Духа, и латиняне въ молитвѣ о вознесеніи даровъ въ пренебесный жертвенникъ видѣли только прошеніе о благодатныхъ плодахъ св. Таинъ для причащающихся, а не прошеніе о пресуществленіи. Въ 15-же вѣкѣ греческіе богословы пришли къ мысли, что словамъ Христа принадлежитъ освятительная сила только въ связи съ молитвою священника о ниспосланіи Св. Духа на дары, а въ 17 вѣкѣ все значеніе признали только за этой молитвой, а за словами Христа оставили лишь значеніе основанія для призванія Св. Духа. Такова исторія вопроса, важнаго не только въ теоретическомъ, но и практическомъ отношеніи, ибо такимъ или инымъ рѣшеніемъ его устанавливался моментъ, съ котораго Тѣлу и Крови Господней подобало воздавать боголѣпное поклоненіе. Но ни латинскіе богословы, усвоившіе силу пресуществленія только словамъ Христа, ни греческіе—только молитвѣ священника, не справедливы. Истина въ срединѣ и настоящее рѣшеніе вопроса таково: освященіе даровъ начинается благодарственною молитвою къ Богу Отцу за твореніе и искупленіе, продолжается повтореніемъ словъ Христовыхъ при установленіи Евхаристіи и кончается молитвою священника о ниспосланіи Св. Духа на дары съ благословеніемъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Это — православное рѣшеніе вопроса, имѣющее для себя оправданіе въ ученіи св. о.о.: Василия Вел., Ефрема Сирина, Кирилла Алекс., Григорія Нисскаго, Нила Синайскаго и мн. др.

Первоучители раскола рѣшили вопросъ въ латинскомъ духѣ: діаконъ Феодоръ весьма опредѣленно выражается объ

этомъ такъ: „о предложеніи св. даровъ Христовыми словесы вѣрую быти и исповѣдую..., а до того времени простъ хлѣбъ и вино пребываетъ въ приносѣ (посл. изъ Пустозерска къ сыну Максиму). По свидѣтельству того же діакона Θεодора, Аввакумъ и Лазарь мнѣть неподобно, будто бы дары освящаются и прелагаются еще на проскомидіи, до начала литургіи, Аввакумъ и Лазарь дѣйствительно, держались такого мнѣнія, что видно изъ „росписи...“ Лазаря и 2-го посл. Аввакума къ боярынь Морозовой. Съ нимъ единомышленнымъ былъ и попъ Никита Пустосвятъ, откровенно заявившій въ челобитной царю Алексѣю Михайловичу, что хлѣбъ и вино пресуществляются отъ начала литургіи, когда священникъ готовится учинить закланіе агнца, по тропарѣ „Искупилъ ны еси“. Образовалось подобное ученіе подъ вліяніемъ латинянъ, упрекавшихъ греческую Церковь въ тройственномъ приношеніи и освященіи даровъ на проскомидіи, великомъ входѣ и во время словъ: «и сотвори убо хлѣбъ сей»... Правда странность его была замѣчена еще діаконъ Θεодоромъ, написавшимъ въ опроверженіе цѣлую книгу (до насъ не дошла). Полное обличеніе этого заблужденія мы находимъ у Симеона Полоцкаго въ его „Жезлѣ Правленія“.

Таковы учителя раскола, совершавшіе таинства и не понимавшіе ихъ, „желающіе быть законоучителями и не понимавшіе „ни яже глаголятъ, ни о нихже утверждаютъ“ (1 Тим. 1, 6—7). Оставьте этихъ лжеучителей, закончили о. С. Муретовъ словами Симеона Полоцкаго, и возвратитесь къ Матери вашей Церкви, истинное ученіе которой, какъ солнце на небѣ, сіяетъ“.

Заранѣе можно было предвидѣть, что возраженій по поводу читаннаго не послѣдуетъ со стороны старообрядцевъ: требовалось очень основательное знакомство съ исторіей предмета, а противъ приведенныхъ свидѣтельствъ и соображеній о. С. Муретова возразить было нечего. Г. Дегтеревъ (старообрядецъ) посему ограничился лишь выраженіемъ благодарности о. референту, распространился о хорошихъ сторонахъ реферата, поставивъ послѣдній образцовымъ, и въ заключеніе спросилъ: „добрую ли цѣль преслѣдовали вы, о. С.? Вы знаете, что теперь никто изъ старообрядцевъ такъ не учитъ; не хотѣли ли вы только упрекнуть насъ этимъ заблужденіемъ?“ Получивъ успокоительный отвѣтъ, г. Дег-

теревъ еще разъ благодарилъ о. Муретова. Благорили референта и православные, прося почаще выступать на кафедре.

Собесѣдованіе 11 февраля.

Разборъ воззрѣній старообрядцевъ на измѣненія въ обрядовой сторонѣ церковнаго богослуженія. Свящ. Разумовскій.

Возраженій противъ обрядовыхъ измѣненій старообрядцы выставляютъ много; собрать и разобраться въ нихъ—дѣло кропотливое и нелегкое. О. Разумовскій съ любовью отнесся къ своему труду, и недоумѣнія разрѣшилъ прекрасно. Правда, рефератъ его получился нѣсколько обширенъ для даннаго мѣста, но своихъ достоинствъ чрезъ это не потерялъ и утомителенъ не былъ. Передать содержаніе его въ порядкѣ развиваемыхъ лекторомъ мыслей—трудно; мы напередъ извиняемся предъ читателями и ограничимся сообщеніемъ лишь слѣдующаго: старообрядцы обвиняютъ Никона за исправленіе книгъ, чиновъ и обрядовъ; здѣсь видятъ они искаженіе православія, уклоненіе отъ древняго благочестія и здѣсь же находятъ достаточный поводъ къ отдѣленію отъ Церкви. Ссылаясь на Никона Черногорца и Максима Грека, они говорятъ: Церковь измѣнила преданія и чрезъ то впала въ ересь,—но не хотятъ понять того, что разумѣли указанныя лица подъ преданіями. Безъ сомнѣнія, преданія догматическія, ибо, по Васил. В., еретикъ только тотъ, кто „вѣрою чуждъ“. Признакомъ же вѣры, понимаемой какъ „уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“, является невидимость,—таковы догматы православной Церкви, за ними и нужно признать неизмѣняемость. Все же, что видимо,—не вѣра и подлежитъ измѣненію. Старообрядцы, смѣшавъ догматъ съ обрядомъ, провозгласили послѣдній неизмѣняемымъ и чрезъ то стали въ противорѣчіе съ церковной практикой. Ап. Павелъ, хотя и говоритъ, чтобы въ Церкви было все „благообразно и по чину“, но чиновъ не установилъ; ихъ устанавливаетъ Церковь по дарованной ей власти, притомъ постепенно совершенствуя ихъ на лучшіе.

Отсюда понятно разнообразіе чиновъ и обрядовъ въ древней Церкви (измѣненія въ чинѣ литургіи, времени празднованія Пасхи и др.). Старообрядцы говорятъ, что это было давно, но они забываютъ, что Церковь никогда не старѣется, но вѣчно юнѣетъ. Кому же принадлежитъ право измѣненія чиновъ и обрядовъ? Церковной власти,—но старообрядцы ошибаются, утверждая, что Церковь учащая измѣнила православіе на еретичество. Такъ говорятъ они только потому, что православіе полагаютъ въ двуперстіи, а ересь—въ троеперстіи, хотя каждому извѣстно, что обрядъ еретичества въ себѣ заключать не можетъ. Безъ церковной власти и ея руководства ничего измѣнять нельзя, по 64 пр. VI в. с. Старообрядцы говорятъ, что православные злоупотребляютъ понятіями догмата и обряда, но злоупотребляютъ скорѣе они, называя догматомъ то, что не болѣе, какъ обрядъ. Наконецъ, говорятъ они, что православные, выражаясь объ обрядахъ, какъ „о ненужныхъ“, тѣмъ самымъ низводятъ значеніе ихъ, но они забываютъ, что «ненужными» мы называемъ обряды только по сравненію съ догматами, отдѣляя такимъ образомъ существенное отъ несущественнаго. Итакъ, старообрядцы обвиняютъ насъ въ ереси, но сами отвергли іерархію, седмеричное число таинствъ, признали Церковь одолѣнною, восхитили себѣ право учительства, наконецъ, порвали съ нами общеніе только изъ-за различія въ чинахъ и обрядахъ, хотя это различіе было и въ древней Церкви, но единеніе тамъ не прерывалось. Въ заключеніе о. референтъ приглашалъ раздорниковъ соединиться съ Церковію и возстановить нарушенный миръ.

О. Мина.—Имѣетъ ли Церковь право измѣнять обычаи и обряды? Не желаетъ ли кто изъ старообрядцевъ побесѣдовать объ этомъ?

Детеревъ (стар.)—Вопросъ ставить такъ нельзя, но коль скоро онъ поставленъ, дѣлать нечего, отвѣчаю: имѣетъ. Бѣда въ томъ, что о. референтъ называлъ старообрядческую церковь еретическою; не поговорить ли намъ посему о догматическихъ заблужденіяхъ, а не объ обрядовыхъ разностяхъ. Вѣдь не стоитъ опѣживать комара, верблюда же поглощать.

О. Мина.—Объ этомъ бесѣдовали въ прошлый разъ. Скажите лучше, П. Тр., на какомъ существенномъ основаніи отдѣлились отъ насъ старообрядцы?

Деятевъ.—Пусть разсудить насъ въ этомъ дѣлѣ вселенскій соборъ. Вы желаете его?

О. Мина.—Желаю, только тогда вотъ какое недоразумѣніе произойдетъ: соберется соборъ, обратимся къ нему мы, вы, окружники, бѣглопоповцы, противоокружники, а потомъ придетъ безпоповецъ, да и скажетъ: оо. патріархи, васъ нужно сначала перекрестить! Какъ же тогда быть, для кого соборъ составитися? Ну, Василій Пименычъ (стар.), вы желаете вселенскаго собора?

Вас. Пим.—Никогда.

О. Мина.—Петръ Тр., вы говорите не дѣло. (Обращаясь къ Вас. Пим.)—Скажите, В. П., можетъ Церковь измѣнять чины и обряды?

В. Пим.—Можетъ измѣнить отъ предположеннаго порядка, но ничего противнаго не внося. Вы похулили имя Царя Славы, назвали Его равноухимъ. Признаете ли Его Богомъ? Вы приняли новое Евангеліе съ двумя ижами и впали въ сугубый порокъ. У васъ воцарился антихристъ; объ этомъ пишетъ даже и вашъ Степанъ Яворскій: „антихристъ священство истребить“.

О. Мина.—Онъ не могъ этого говорить, потому что самъ былъ епископъ. Безъ священства Церковь быть не можетъ, я вѣрующій только въ крайней нуждѣ, въ темницѣ и т. п. можетъ обойтись безъ священника, уповая на милосердіе Божіе. У васъ такой нужды нѣтъ. Потомъ: или будетъ уничтожено священство, тогда уничтожатся и таинства, а если уничтожатся таинства, тогда откуда будемъ ждать помощи? Припомни-ка притчу о плевелахъ, да и поразмысли надъ ней.

На этомъ кончилось собесѣдованіе. По православному обычаю, о. прот. К. І. Богоявленскій послѣ объясненія Евангелія просилъ прощенія у слушателей: „можетъ быть, говорилъ онъ, кого-нибудь оскорбилъ необдуманнѣйшимъ словомъ, или неосторожно,—простите меня! Васъ же осѣняю святымъ Евангеліемъ, призывая благословеніе Божіе“. За нимъ прощались и другіе руководители бесѣды.

О. К.

Собесѣдованіе со старообрядцами 18-го марта.

О таинствѣ причащенія — противъ безпоповцевъ. Священникъ В. Быстрицкій.

Опредѣливъ сущность причащенія, какъ таинства, въ которомъ вѣрующій подъ видомъ хлѣба и вина невидимо пріобщается Тѣла и Крови Господней, о. лекторъ обратилъ особенное вниманіе на важность сего таинства. Какъ для тѣла, говорилъ онъ, необходимы свѣтъ, воздухъ, пища и питіе, такъ и для души необходимы особая пища и питіе, могущія укрѣпить ее и возрастить въ жизнь вѣчную. Истинное брашно и питіе души—Тѣло и Кровь Господня, по слову Спасителя: „Я—хлѣбъ небесный... Плоть Моя—истинная пища и Кровь Моя—истинное питіе... кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки..., если не будете вкушать Плоти Сына Человѣческаго,—живота не имѣете въ себѣ“... Т. о. въ таинствѣ крещенія мы соединяемся со Христомъ, дѣлаемся еднородными Ему (Кирилль Іерусал.); это единеніе очищаетъ душу отъ грѣховъ и тѣлу даетъ въ хлѣбѣ залогъ будущаго прославленія (Ириней Ліонскій); причащеніе согреваетъ насъ теплотою любви, укрѣпляетъ силу доброй воли, умножаетъ добродѣтели, душу утучняетъ (Больш. Катихиз.); посему-то и приступать къ сему великому таинству нужно со страхомъ и трепетомъ, искушая себя, дабы не оказаться ядущими и піющими недостойно.

Таинство причащенія всегда признавалось и существовало въ Церкви. Отрицать его могутъ только лишенные разума враги Божіи (см. соч. І. Златоуста, Кирилль Іерус.), забывшіе заповѣдь Христа—совершать сіе таинство въ Его воспоминаніе и наше спасеніе (кн. о Вѣрѣ). Безпоповцы заблуждаются, говоря, что можно спастись и безъ причащенія, добродѣтельнымъ житіемъ, какъ святые подвижники. Ничто не можетъ замѣнить евхаристической жертвы, и никакая другая жертва не чиста предъ Лицемъ Божиимъ (Толк. Апостолъ). Что касается святыхъ подвижниковъ, то о нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, что они причащались въ ближайшихъ Церквахъ (у Ефрема Сирина), другіе брали запасные дары (у Василія В.), а если про остальныхъ и не говорятъ писатели житій, что они причащались, то исключительно потому, что

объ этомъ и говорить не слѣдовало, ибо безъ причащенія не только подвижникомъ содѣлаться, но и христіаниномъ никто нарешися не можетъ (Іосифъ Волоцкій). Заблуждаются безпоповцы и въ томъ, что съ лѣтъ Никона патріарха антихристъ потребилъ истинную жертву,—нѣтъ, она будетъ и при антихристѣ, вѣрные будутъ причащаться ея и получать помощь и спасутся въ горахъ и въ вертепахъ (Ефремъ Сиринъ—слово объ антихристѣ).

Я обращаюсь ко всѣмъ старообрядцамъ со словомъ Христа: еще не снѣсте Плоти Сына человѣческаго и не пиете Крове Его, живота не имате въ себѣ“. Покайтесь и обратитесь къ Матери нашей Церкви!

Устное собесѣдованіе было непродолжительно. На поставленный о. Быстрицкимъ вопросъ: могутъ ли показать намъ безпоповцы свое упованіе на спасеніе?—Василій Пименовичъ (стар.) отвѣчалъ: наша надежда отъ Евангелія отъ Матвея и Іоанна, гдѣ говорится: если учителя твои неправы, то Богъ тебѣ—Учитель, и, если ты былъ дивенъ въ житіи, то великая тебѣ похвала, хотя и не имѣешь ты учителя (толкованія изъ кн. Маргаритъ). О. Пр. Виноградовъ и о. Христофоръ Макимовъ разъяснили старообрядцу, что такихъ словъ въ Евангеліи совсѣмъ нѣтъ, что тутъ идетъ рѣчь объ учительствѣ, а не о таинствѣ причащенія, и что, если ихъ учитель Богъ, то они послушались Его, ибо Господь говорить: „еще не снѣсть Плоти Сына человѣческаго..., живота не имате въ себѣ“.

На этомъ послѣднемъ собесѣдованіи оо. миссіонеры прощались съ своимъ сотоварищемъ іером. Миною, получившимъ назначеніе настоятеля Гуслицкаго монастыря. Еяснивъ важность и значеніе миссіонерскихъ трудовъ о. Мины, преосвященный владыка Парфеній благословилъ его на прощаніе иконою Спасителя, пожелавъ ему добрыхъ плодовъ и на новомъ поприщѣ служенія.

О. К.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Благочинническіе миссіонерскіе сѣзды въ Харьковской Епархіи.

Живое сознаніе духовенствомъ Харьков. епархіи потребности и пользы миссіонерскихъ собраній; свои преимущества благочинническихъ и уѣздныхъ миссіонерскихъ сѣздовъ. Духовная чуткость села и воспримчивость народа къ пропагандѣ лжеученій.—Предъявляемая нашей современностью новыя задачи пастырской миссіи и необходимость миссіонерскаго саморазвитія.—Программа вопросовъ обсуждаемыхъ на благочинническихъ сѣздахъ Харьковск. епархіи.—Общее состояніе православныхъ приходовъ съ религіозно-церковной, нравственно-просвѣтительной и общественно-бытовой сторонъ.—Движеніе сектантства.—Какъ ведутся доклады пастырями о годовыхъ трудахъ и плодахъ своей миссіи среди сектантовъ.—Главный принципъ и единообразіе способовъ борьбы съ народнымъ вольномысліемъ и съ заблужденіями расколо-сектантства.—Постановленія о томъ, какъ должно вестись проповѣдничество церковное и внѣбогослужебное, и школьное обученіе Закону Божію.—Какъ относиться приходскимъ пастырямъ къ отпавшимъ, какія бесѣды рекомендуется имъ вести съ заблудшими.—Организація библіотекъ.—Способы и мѣры къ возвышенію нравственнаго уровня православной приходской среды.—

Заключеніе.

Благочинническіе миссіонерскіе сѣзды въ Харьковской епархіи существуютъ лѣтъ пять. Они собираются ежегодно, осенью, во всѣхъ округахъ. На нихъ участвуютъ *все* священники, за исключеніемъ тѣхъ, которые остаются въ извѣстныхъ приходахъ, *по очереди*, для требоисправленія. Нужно сказать, что потребность въ этихъ сѣздахъ съ каждымъ годомъ чувствуется духовенствомъ осязательнѣе. Въ текущемъ году были сѣзды, какъ первый Сумской, на которыхъ присутствовали *почти* все священники округа. Это явленіе само уже свидѣтельствуетъ, какъ *жаждутъ* пастыри взаимныхъ свиданій, — дружескихъ разговоровъ по поводу состоянія своихъ паствъ и духовнаго воздѣйствія на нихъ.

То же обстоятельство лучше всего говоритъ, насколько мудро поступилъ маститый Харьковскій архипастырь Амвросій, узаконивъ для *всей* епархіи благочинническіе миссіонерскіе сѣзды.—Жизнь требуетъ именно больше всего *благочинническихъ* собраній духовенства. На эти собранія *ближе* и

удобнѣ являться священникамъ округа. На благочинническихъ сѣздахъ священники другъ другу все *известны*. Это обстоятельство облегчаетъ для нихъ взаимный обмѣнъ мыслей,—дѣлаетъ ихъ болѣе откровенными и общительными ¹⁾. Если же на какомъ-либо сѣздѣ принимаются *оригинальные*, полезные, но неизвѣстныя другимъ постановленія,—эти постановленія въ слѣдующій годъ дѣлаются достояніемъ другихъ сѣздовъ епархіи. Ихъ своевременно оповѣщаются по всемъ благочинническимъ округамъ Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ, который для всехъ сѣздовъ служить объединяющимъ и направляющимъ центромъ.

Такимъ образомъ, благодаря благочинническимъ сѣздамъ духовенства, въ Харьковской епархіи *твердо и неуклонно* преслѣдуется миссіонерское развитіе всехъ священниковъ. На этихъ сѣздахъ, сколько возможно, бываетъ епархіальный миссіонеръ. Въ 1900 году онъ посѣтилъ, напр., 17 сѣздовъ. Вездѣ онъ старался пробудить въ священникахъ жажду миссіонерскихъ познаній; вездѣ дѣлился съ своими братьями и соработниками выводами миссіонерской науки и практики по поводу тѣхъ или другихъ жизненныхъ явленій. И надобно было видѣть радость священниковъ, когда они, чрезъ обмѣнъ мыслей, разрѣшали наболѣвшія у нихъ недоумѣнія. Надо было видѣть, какъ торжествовали скромные деревенскіе пастыри, сознавая, что въ великомъ дому Божіемъ и они оказываются *сознательными* дѣателями.

Нельзя не возблагодарить Бога за то, что Онъ *благовременно* посылаетъ дѣлателей на жатву Свою. Эта жатва такъ волнуется *свирѣпыми* вѣтрами, что требуетъ *немедленной* и тщательной обработки своей. Современная жизнь духовная характеризуется *неустойчивостью*, сомнѣніемъ, которыя проникаютъ даже до дна народнаго. Люди на нашихъ глазахъ дѣлаются полуграмотными. Они читаютъ книжки, умственно просыпаются и невольно, озираясь кругомъ, спрашиваютъ себя: такъ ли они живутъ? Почему, на какомъ основаніи, существуетъ у нихъ то или другое?..

Это явленіе въ народной жизни надобно бы признать *желательнымъ*. Но бѣда въ томъ, что полуграмотные крестьяне

¹⁾ Не оспаривая своихъ преимуществъ благочинническихъ миссіонерскихъ собраній, мы должны замѣтить, что въ другихъ епархіяхъ болѣе прививаются уѣздные или окружные сѣзды, которые вводятъ въ взаимообщеніе большее число мѣстныхъ дѣателей миссіи и тѣмъ представляютъ для сужденій гораздо болѣе богатый опытъ и разнообразныя наблюденія, а поэтому здѣсь возможенъ болѣе полный и плодотворный обмѣнъ мнѣній съ людьми новыми для благочинія: чрезъ уѣздные сѣзды вѣрнѣе достигается и объединеніе дѣателей миссіи даннаго района, относительно способовъ, приемовъ, мѣропріятій. Этого нельзя замѣнить ни личностью миссіонера, ни тѣмъ паче циркулярнымъ руководствомъ комитета.

Ред.

за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній *не всегда* обращаются къ своимъ пастырямъ. Часто кто побойчѣй изъ нихъ, зазываетъ къ себѣ въ хату слушателей и начинаетъ, по образному выраженію малороссовъ, „крутить мозгами“ по поводу разныхъ предметовъ вѣры и жизни. Толкованіе получается уродливое, дикое, порою ни съ чѣмъ несообразное. Но невзыскательные слушатели довольствуются и имъ. И вотъ на селѣ уже готово ложное мнѣніе. Оно поддерживается и распространяется въ *тайнѣ*, какъ святыня. Оно мутитъ умственно-религіозный покой обывателей.

Это явленіе создаетъ особаго рода *чуткость* духовную на селѣ. Зараженные такою чуткостью все разсматриваютъ съ точки зрѣнія своей идеи. Они дѣлаются *восприимчивыми* ко всякой пропагандѣ. И бѣда, если люди, потерявшіе духовное равновѣсіе, попадутъ на югъ къ нѣмцамъ колонистамъ, или въ экономіи богатыхъ штундистовъ, вроде братьевъ Мазаевыхъ. Тамъ изъ ихъ колеблющагося состоянія разрабатываютъ настоящую штунду. Человѣкъ вдругъ потеряетъ дружелюбное расположеніе къ старинному своему быту, къ вѣрованіямъ православной Церкви. На все обыденное смотритъ, какъ на обманъ, и воображаетъ себя мудрецомъ, постигшимъ „тайну отъ вѣка“... И что хуже всего,—такой *самооболѣщенный* человѣкъ заразу души своей, свой критицизмъ болѣзненный постарается всѣми силами привить къ родичамъ, къ друзьямъ и знакомымъ.—Такъ штундовый пожаръ появляется тамъ, гдѣ о немъ и не думали. Поэтому онъ застаетъ *врасплохъ* и пастырей, и крестьянъ. Всѣ теряются. Не знаютъ, что предпринять противъ *неожиданнаго* зла. А зло это, пользуясь временнымъ замѣшательствомъ окружающей среды, быстро крѣпнетъ и становится на ноги. Тайно, а иногда и явно, его поддерживаютъ извѣстные штундовые вожаки. Они *фанатизируютъ* своихъ послѣдователей, поселяютъ въ душѣ ихъ злобу и недовѣріе ко всему,—что дѣлаетъ крайне затруднительнымъ пастырское воздѣйствіе на нихъ духовенства.

При такихъ печальныхъ жизненныхъ явленіяхъ, естественно, духовенству надобно стоять на стражѣ, во всеоружіи миссіонерскаго знанія и опыта. То обстоятельство, что сектантство въ епархіи проникло далеко не во всѣ уѣзды, не должно усыплять пастырей Церкви. Разъ на селѣ горитъ одинъ домъ, то искры отъ него могутъ поджечь и самый отдаленный конецъ построекъ. Надобно всѣмъ стоять съ препоясанными чреслами, готовыми встрѣтить разбушевавшуюся стихію должнымъ отпоромъ. А это сравненіе штунды съ огнемъ не должно считать преувеличеніемъ: по умственному *переходному* состоянію своему и вслѣдствіе постоянного взаимобобщенія, народъ нашъ представляетъ удобную почву для сѣянія среди него всякихъ лжеученій. Тутъ и штунда гнѣ-

здится, и хлыстовство проникаетъ въ дома, подѣ видомъ *черничества*, а недавно на одномъ благочинническомъ собраніи было доложено, что въ хуторъ Благодатный, Богодуховскаго уѣзда, прислано письмо какого-то *игеовиста*. Было предъ всѣми прочитано это письмо. Какія бредни можетъ проповѣдывать человѣкъ, до какого явнаго *анархизма* онъ подчасъ доходить, наученный не менѣе дикими и невѣжественными вожаками!..

Итакъ, Церковь Христова въ наши дни, несомнѣнно, переживаетъ тяжелое испытаніе. Врагъ усиленно сѣетъ плевелы среди русскаго народа. Вырывать эти плевелы, помимо божественной благодати, требуется *человѣческое искусство*. А откуда оно явится у сельскихъ смиренныхъ батюшекъ?— Со школьной скамьи они не могли его вынести. Въ школѣ всѣмъ намъ даются *начатки* познаній. Эти начатки, безъ воздѣлыванья, отъ времени исчезаютъ, и мы стоимъ предъ Господомъ „и несчастны, и жалки, и нищи“... (Откр. 3, 17). Господь однако не отталкиваетъ насъ отъ Себя. Онъ зоветъ всѣхъ духовныхъ дѣятелей „купить“ у него „золото огнемъ очищенное“.—И вотъ Церковь святая учитъ насъ прежде всего просить у Бога премудрости—благодати, насъ вразумляющей и наставляющей на всякую истину. Затѣмъ св. Церковь велитъ намъ всѣмъ „познать истину“. Въ частности, пастырямъ она приказываетъ чрезъ апостола „вникать въ себя и въ ученіе; заниматься симъ постоянно“ (1 Тим. 4, 16). Такъ поступая, пастыри будутъ истинными духовными *врачами*, способными пѣлить духовные недуги своихъ пасомыхъ.

Но вникать самостоятельно въ ученіе Христово, безъ *особаго* дарованія и руководства, невозможно: даръ истолкованія Слова Божія дается не всѣмъ (1 Кор. 12, 10). Тѣмъ болѣе не всѣ умѣютъ „наставлять противниковъ“ (2 Тим. 2, 25). Для того требуется даръ Божій, опытное руководство и личное усердіе къ изученію свящ. Писанія и различныхъ религіозныхъ заблужденій. — Въ этихъ видахъ желательно, чтобы болѣе опытные, болѣе одаренные отъ Бога пастыри дѣлились бы сокровищами своихъ познаній съ своими братьями и соработниками. Тогда будетъ исполненъ законъ Христовъ (Гал. 6, 2), и древнее Писаніе найдетъ свое приложеніе: „*же-льзо же-льзо острить, и человекъ изошряетъ взлядъ друга своего*“ (Притч. 27, 17).—Но если всякому человѣку важно и нужно „изошрять“ свой взлядъ на вещи, тѣмъ болѣе это необходимо для священниковъ, духовныхъ *врачей*, которымъ приходится лѣчить болѣзни новыя, еще недостаточно обслѣдованныя. А такой *новой* болѣзнью и надобно признать тѣ сектантскія вѣянія, которыя теперь усиленно распространяются среди русскаго народа.

Съ другой стороны, поприще духовнаго дѣланія необычайно тернисто, требуетъ много воодушевленія и вѣры въ

дѣло. Къ пастырямъ Церкви предъявляются разнообразныя требованія. Пастыри должны быть и *учителями* народа, и *воспитателями* его въ доброй жизни, и *проводниками* въ народную среду всякихъ начальственныхъ распоряженій. И все это пастыри должны выполнять не чрезъ полицію, а мѣрами нравственнаго воздѣйствія, духомъ любви и кротости. Понятно, что для того требуется *выдающаяся* энергія, могущая вѣра и пастырское призваніе. Этими качествами, къ счастью, и обладаютъ многіе наши пастыри. Среди нихъ не мало людей, которые души свои полагаютъ за овецъ своихъ... Но вѣдь и стальные ножи притупляются. И такіе свѣточіи добродѣтели, какъ св. ап. Петръ, въ иную минуту могутъ колебаться и преткаться о „камень преткновенія“. Тѣмъ болѣе подвержены искушеніямъ *обыкновенные* пастыри, плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ. А что сказать про людей слабыхъ, съ недостаточно закаленнымъ характеромъ? Такіе люди часто имѣютъ нѣжное сердце: болятъ о недугахъ своихъ пасомыхъ; сокрушаются по поводу своей слабохарактерности; усердно просятъ Бога о помощи и, какъ утопающіе, безпокойно смотрятъ по сторонамъ, ища для себя опоры и воодушевленія. Для всѣхъ такихъ людей съѣзды, братскія совѣщанія являются кладомъ, источникомъ мужества и воодушевленія. На съѣздахъ менѣе искусные въ пастырскомъ дѣланіи пріобрѣтаютъ нужныя имъ указанія; на съѣздахъ люди закаляютъ свою энергію и пріобрѣтаютъ побужденіе къ новымъ трудамъ. Кто изъ дѣятелей миссіи не встрѣчалъ такихъ людей, не слышалъ ихъ слезныхъ признаній по поводу своей немощности, не былъ свидѣтелемъ тѣхъ обѣтовъ, которые давались ими предъ лицомъ своихъ собратій.

Миссіонерскіе съѣзды въ Харьковской епархіи ведутся по очень широкой программѣ. На съѣздахъ состояніе приходовъ подвергается обсужденію съ разныхъ сторонъ. Въ то же время на засѣданіяхъ съѣздовъ тщательно обсуждаются *пастырскія мѣропріятія* по поводу тѣхъ или иныхъ печальныхъ сторонъ въ жизни прихожанъ.—Лучше всего однако съзанятіями благотворительныхъ миссіонерскихъ собраній въ Харьковской епархіи можно ознакомиться чрезъ разсмотрѣніе ихъ программы,—которая представляетъ для интересующихся дѣломъ миссіи несомнѣнное значеніе. Вотъ эта

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на благотворительныхъ миссіонерскихъ съѣздахъ Харьковской епархіи.

1) Общее состояніе прав. приходовъ округа съ религіозно-церковной, нравственно-просвѣтительной и общественно-бытовой сторонъ.

а) Отношеніе прихожанъ къ храму Божію и богослуженію. Ревнуютъ ли они о благолѣпіи святыни церковной? Исправно ли говѣютъ и причащаются ежегодно? Почитаютъ ли церковные праздники и

день воскресный отдыхомъ отъ работъ? Охотно ли и благоговѣнно принимаютъ у себя священниковъ съ молебнами и др. требамъ? Какъ относятся крестьяне къ добрымъ стариннымъ обычаямъ освященія домовъ, колодцевъ (криницъ) и т. п.? Развѣты ли въ приходахъ поминовеніе усопшихъ и поставленіе свѣчей предъ св. иконами? Соблюдаются ли церковные посты и уставы, въ частности касательно ежедневныхъ домашнихъ молитвъ? Не замѣтно ли какихъ-либо сектантскихъ сужденій среди прихожанъ о православномъ религіозно—церковномъ строѣ жизни?

б) Благочестивы ли вообще прихожане? Какія христіанскія добродѣтели процвѣтаютъ между ними? Развѣты ли скромность, цѣломудріе, трезвость, милосердіе, привѣтливость и почтительность къ пастырямъ и начальству? Какіе грѣхи и порочныя наклонности распространены въ народѣ? Сокращаются ли они постепенно или съ годами увеличиваются?

в) Много ли грамотныхъ въ приходѣ? Гдѣ и какъ они обучались? Что читаютъ и откуда берутъ книги? Любятъ ли назидаться въ Словѣ Божіемъ и участвовать на вѣббогослужебныхъ соборѣдованіяхъ? Расположены ли къ школѣ и охотно ли посылаютъ въ нее дѣтей? Правильны ли и насколько осмысленны сужденія прихожанъ о Богѣ, святыхъ Его, о значеніи церковныхъ таинствъ и обрядовъ? Не осталось ли какихъ-либо суевѣрій и языческихъ понятій въ народѣ, вредно отражающихся на его христіанской жизни?

г) Сообразенъ ли складъ народной жизни съ ученіемъ Церкви и Евангелія? Характеристика общественныхъ и семейныхъ нравовъ. Взглядъ народа на „мірскія“ повинности, на женщину, дѣтей—работниковъ, на нищихъ и сиротъ. Облагораживается ли постепенно этотъ взглядъ или грубѣетъ—и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ? Не существуютъ ли какихъ-либо пагубныхъ и соблазнительныхъ обычаевъ въ приходѣ, сопровождающихъ празднованіе великихъ церковныхъ празднико́въ, а также совершеніе браковъ, погребенія, крещенія, молебствій и проч.?

д) Соображенія о мѣрахъ къ усиленію истинной церковности въ народѣ, евангельскаго благочестія и разумной грамотности. Мѣры для искорененія суевѣрій и развитія въ народѣ добрыхъ нравовъ и обычаевъ. Пастырское церковное и вѣцерковное учительство. Его желательный характеръ, въ зависимости отъ современнаго состоянія крестьянской жизни и въ виду распространяемыхъ въ народѣ сектантскихъ лжеученій. Существуютъ ли въ округѣ какія-либо церковно-миссіонерскія библіотеки и пополняются ли онѣ новыми книгами? Какія книги и печатныя періодическія изданія надобно считать особенно пригодными для служителей Церкви?—Общіе итоги пастырской дѣятельности въ приходѣ за годъ.

2) Движеніе сектантства въ округѣ.

а) Въ какихъ селахъ округа и какіе сектанты (раскольники—какого толка?) существовали въ истекшемъ году? Не появилось ли гдѣ новыхъ сектантовъ? Каковы ихъ руководители, вѣроученіе и образъ жизни? Чѣмъ вызвано появленіе этихъ сектантовъ? Каковы ихъ руководители, вѣроученіе и образъ жизни? Чѣмъ вызвано появленіе этихъ сектантовъ? Въ старыхъ сектантскихъ селахъ не измѣнилось ли вѣроученіе и правоученіе отступниковъ церковныхъ? Не замѣчалось ли между ними какихъ-либо волненій, опасныхъ для Церкви православной, и не было ли событій, возбуждающихъ фанатизмъ въ сектантахъ? Какія причины того и другого? Не пріѣзжали ли въ округъ сектантскіе вожаки изъ сосѣднихъ губерній или съ Кавказа? Что извѣстно о цѣли и результатахъ этихъ посѣщеній? Устраняли ли сектанты богослужебныя собранія въ истекшемъ году?

Кто были руководителями этихъ собраний и не присутствовали ли на нихъ православные христіане? Извѣстно ли объ этихъ собраніяхъ гражданскому начальству? Какія мѣры оно принимало къ прекращенію ихъ? Достигли ли эти мѣры своей цѣли? Если нѣтъ, то почему? Что въ особенности удерживаетъ нынѣ сектантовъ въ ихъ заблужденіяхъ? Въ какомъ состояніи находится ихъ внутренняя организація? Авторитетны ли ихъ вожаки и какими средствами они достигаютъ вліянія на народъ? Существуетъ ли между сектантами взаимопомощь, и въ чемъ она проявилась въ минувшемъ году? Нѣтъ ли какихъ-либо признаковъ начинающагося разложенія сектантскихъ общинъ? Не замѣтно ли съ ихъ стороны желанія сблизиться съ Церковью православную? Какъ вообще относятся нынѣ православные къ сектантамъ? Продолжается ли въ округѣ сектантская пропаганда? Насколько она опасна, кѣмъ и какими средствами ведется? Общее число въ каждомъ приходѣ сектантовъ (или раскольниковъ мужского и женскаго пола, и сколько не крещенныхъ дѣтей) съ краткой характеристикой наиболѣе упорныхъ изъ нихъ и вліятельныхъ въ своей средѣ.

б) Какія пастырскія мѣры были принимаемы для борьбы съ сектантствомъ въ истекшемъ году? Что сдѣлано для возвышенія благолѣпія церковныхъ службъ и для распространенія полемическихъ свѣдѣній въ народѣ? По какой системѣ и какъ именно велась проповѣдь Слова Божія? Въ какомъ духѣ преподавался Законъ Божій въ школахъ? Бывали ли особенныя бесѣды съ сектантами? Гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, о чемъ, и каковы ихъ результаты? Заведена ли при церкви *лѣтопись* болѣе важныхъ событій изъ жизни прихода и сектантства? Что особенно вредитъ нынѣ дѣлу пастырской миссіи въ приходѣ?—Общее состояніе этой миссіи; ея успѣхи за годъ, и ближайшія задачи въ будущемъ.

Изъ разсмотрѣнія изложенной программы легко заключить, что въ Харьковской епархіи для *вспѣхъ* благочиническихъ сѣздовъ указана самая серьезная и нужная работа. Тамъ, гдѣ нѣтъ раскола и сектантства, священники изслѣдуютъ состояніе своихъ приходовъ съ тѣхъ сторонъ, которыя наиболѣе способствуютъ зарожденію по селамъ расколо-сектантства. Въ этихъ видахъ тщательное вниманіе обращается на уровень религіозныхъ познаній въ приходахъ, — на то, соотвѣтствуетъ этотъ уровень православному ученію, или нѣтъ?

Помимо состоянія вѣроученія въ народѣ, сѣзды много вниманія удѣляютъ *нравственному* быту своихъ прихожанъ. Обсуждаются хорошія и дурныя стороны въ жизни крестьянъ,—то, чѣмъ порождаются эти стороны, и какое вліяніе онѣ имѣютъ на благосостояніе Церкви Божіей въ данной мѣстности.

Если въ округѣ есть сектанты, — священники докладываютъ собранію объ ихъ вѣроученіи, бытѣ, вліяніи на православныхъ,—о томъ, какіе пункты вѣроученія и жизни сектантами особенно истолковываются и распространяются въ средѣ православныхъ?

Затѣмъ сѣзды заслушиваютъ рассказы священниковъ о

томъ, что ими *сдѣлано* въ обличеніе сектантовъ и въ огражденіе православныхъ отъ уклоненія отъ Церкви? Этотъ отдѣлъ *наиболѣе интересуетъ* членовъ съѣздовъ. Всѣ священники съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за тѣмъ, какъ ведется въ данной мѣстности проповѣдь; о *какихъ* вопросахъ и какъ она трактуетъ; *когда* и *какія* бесѣды батюшки устраивали съ сектантами и т. д. При этомъ замѣчено, что если доклады дѣлаются въ *общей формѣ*, безъ указанія *точного* хода разсужденій по извѣстному предмету,—то такіе доклады выслушиваются безъ удовольствія, по необходимости—и даже со скукою. Чтобы устранить со съѣздовъ подобные недостатки, а вмѣстѣ чтобы придать совѣщаніямъ характеръ въ полномъ смыслѣ *школы взаимнаго обученія*,—епархіальный миссіонеръ *повсемѣстно предлагалъ священникамъ съ Библіей въ рукахъ* *разсказывать о своихъ проповѣдяхъ и противосектантскихъ бесѣдахъ.*

Трогательно было видѣть, какъ въ кругу своихъ собратьевъ батюшки вели повѣсть о своихъ трудахъ въ приходахъ, иногда сильно зараженныхъ заблужденіями раскола или штунды. Чаше всего, при началѣ дѣла, докладчики сильно стѣснялись. Епархіальный миссіонеръ и члены съѣздовъ братски ободряли ихъ, давая имъ понять, что здѣсь происходитъ не *казенный* допросъ, а именно дружескій обменъ мыслей. Поэтому стѣсняться нечего, такъ какъ доклады своимъ авторамъ *никакихъ формальныхъ* непріятностей принести не могутъ. Это заявленіе ободряетъ священниковъ, и они уже *спокойно* начинаютъ разсказывать, какъ они пастырствовали и миссіонерствовали въ приходахъ за годъ. Выяснялось, что батюшки нелѣпно проповѣдуютъ за богослуженіями; нерѣдко говорятъ на противосектантскія темы, случается, лицомъ къ лицу бесѣдуютъ съ сектантами. Но на съѣздахъ же обнаружилось, что *немногіе* священники имѣютъ представленіе собственно о *миссіонерскихъ бесѣдахъ* съ сектантами и раскольниками. Это объясняется тѣмъ, что такіе бесѣды стали устраиваться въ епархіи лишь за послѣдніе годы. Однако и своими *личными* силами сельскіе священники успѣли во многихъ случаяхъ *пріобрѣсти* себѣ необходимыя свѣдѣнія и кое-какой опытъ для обличенія отступниковъ церковныхъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вопросъ самими докладчиками не могъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, они прямо заявляли о томъ епархіальному миссіонеру и просили его помощи и содѣйствія. Такъ было на Бѣлопольскомъ съѣздѣ, когда шелъ вопросъ о войнѣ съ христіанской точки зрѣнія и о присягѣ. Также происходило на другихъ собраніяхъ, когда поднималась рѣчь о *святости Церкви*, о крещеніи младенцевъ, объ иконахъ и другихъ оспариваемыхъ сектантами предметахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ съѣзды обращались въ глубоко осмысленныя аудиторіи, въ которыхъ епархіальный миссіонеръ докладывалъ слушателямъ выводы.

православнаго Богословія и миссіонерской практики по извѣстному вопросу. Батюшки слушали докладчика и здѣсь же дѣлали ему свои замѣчанія по поводу того, что казалось имъ неяснымъ или слабо обоснованнымъ. Въ концѣ концовъ собранія съѣздовъ принимали характеръ *дружескихъ совѣщаній*, на которыхъ каждый чувствовалъ себя, какъ дома, и говорилъ то, что подсказывали ему умъ и сердце...

Было одно и такое засѣданіе миссіонерскаго съѣзда (Богородицкое 1-е), на которое приглашались сектанты. Батюшки общими силами дѣлали имъ пастырскія увѣщанія. Сектанты остались непреклонными. Но члены съѣзда лично увидѣли, что такое русская штунда, какъ велико ея упорство, насколько трудна борьба съ ней; а потому какъ *осторожно* всѣмъ священникамъ надобно совершать свое пастырское дѣланіе.

На благоточиническихъ миссіонерскихъ съѣздахъ Харьковской епархіи установлены болѣе или менѣе *однообразные* способы борьбы съ народнымъ вольномысліемъ и съ существующимъ среди крестьянъ расколо-сектантствомъ. Эти способы борьбы—по преимуществу *пастырскаго* характера. Въ большинствѣ они являются *примѣненіемъ* къ Харьковской епархіи тѣхъ мѣръ, которыя выработаны на Казанскомъ Всероссийскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ и на двухъ мѣстныхъ епархіальныхъ съѣздахъ. Это потому, что всю задачу своихъ изысканій наши благоточиническіе миссіонерскіе съѣзды полагаютъ въ томъ, чтобы *сознательно и убѣжденно* усвоить себѣ то, что рекомендуютъ для борьбы съ расколосектантствомъ извѣстные дѣятели всероссійской миссіи. Въ этихъ видахъ, на благоточиническихъ миссіонерскихъ съѣздахъ священники особенно стараются сдѣлать постановленія, *предупреждающія* появленіе тамъ и здѣсь сектантства. Такимъ краеугольнымъ постановленіемъ, отъ примѣненія котораго зависить *вся судьба* миссіи, повсемѣстно признается изреченіе Христа Спасителя: „*овцы Мои слушаютъ голоса Моего... и онѣ идутъ за Мною*“ (Іоан. 10, 27). Пастырю надобно быть во *всѣхъ отношеніяхъ* образцомъ вѣры и жизни для своихъ пасомыхъ; тогда они *устыдятся* бѣжать отъ него. А если и при хорошемъ пастырѣ кто-нибудь заштундуется, то это *уже* воля Божія: и отъ Христа ушелъ Іуда и погибъ позорной смертію. Добрый пастырь долженъ оплакать погибшую овцу; но онъ долженъ всячески остерегать другихъ овецъ отъ гибели. Съ этой цѣлью ему надлежитъ, какъ учить Святѣйшій Синодъ, *благоговѣнно и неспѣшно* совершать церковныя богослуженія; сопровождать эти богослуженія *проповѣдью*, по возможности, *живою*. Въ проповѣдяхъ надо изъяснять прежде всего евангельскія и апостольскія чтенія, *примѣнительно* къ народнымъ нуждамъ.

Необходимо изъяснять вѣрующимъ и порядокъ богослу-

женія, чтобы по возможности всѣ понимали, что они видятъ и слышать во св. храмѣ. Затѣмъ, такъ какъ всѣ наши богослуженія сопровождаются пѣніемъ, и отъ хорошаго пѣнія зависитъ чаще всего соотвѣтствующее настроеніе молящейся души, то нужно *всесторонно* стараться объ изгнаніи изъ Церквей дьячковскаго унисоннаго пѣнія. Желательно въ этихъ видахъ привлекать на клиросы школьниковъ, такъ какъ ихъ согласное пѣніе болѣе всего можетъ радовать сердца родителей и придавать благолѣпіе церковному богослуженію.

Эти *непреложныя* истины на съѣздахъ никогда не встрѣчали *никакихъ* возраженій, и только рѣчь шла о томъ, какъ достигъ всесторонней красоты богослуженія при бѣдности многихъ Церквей и при недосугѣ многихъ священниковъ? Рѣшено, что добрый благочестивый пастырь *всегда* найдетъ время истово отправить богослуженіе; а школьники своими прекрасными голосами помогутъ ему обставить это богослуженіе особой торжественностью и задухновенностью.

Пѣніе школьниковъ хорошо еще и тѣмъ, что оно замѣтно привлекаетъ весь народъ къ *длительному* участію въ богослуженіяхъ и отгоняетъ отъ разсѣянныхъ скуку, на которую жалуются порою сектанты, какъ на что-то будто бы свойственное нашему богослуженію. Школьники, со временемъ, будутъ взрослыми людьми. Они, конечно, запомнятъ то, чему ихъ обучали въ училищѣ, и такимъ образомъ незамѣтно, но вѣрно привьется по деревнямъ *общецерковное* пѣніе, о которомъ такъ много заботятся высшія власти.

Такъ какъ, далѣе, съ развитіемъ грамотности усиливается любознательность въ народѣ, желаніе всему найти смыслъ и *библейское* основаніе, то пастыри не должны ограничиваться одною церковною проповѣдью. За церковнымъ богослуженіемъ всего нельзя сказать; съ другой стороны, многія благочестивыя души, особенно въ праздники, жаждутъ усиленнаго богомыслія. Поэтому на съѣздахъ постановлено *повсемѣстно* совершать воскресныя вечерни и сопровождать ихъ *внѣбогослужебными* бесѣдами. На этихъ бесѣдахъ необходимо въ *системѣ* и разъ, и два, и болѣе разобрать съ *положительной* стороны всѣ тѣ пункты, которые пререкаются сектантами и которые смущаютъ иныхъ православныхъ. При этомъ рекомендовано, безъ *крайней* нужды, не излагать сектантскихъ возраженій, а имѣть ихъ проповѣднику въ головѣ. Народу же сообщать выводы, которые разрѣшаютъ въ православномъ смыслѣ то или другое сектантское возраженіе.

Постановлено также, чтобы священники *тщательный* готовились къ внѣбогослужебнымъ бесѣдамъ; чтобы они вели ихъ *непремѣнно* на *заранье* обдуманныя темы,—въ виду того, что слушатели могутъ дѣлать пастырю возраженія или заявлять о своихъ недоумѣніяхъ. И, конечно, будетъ весьма

печально, если пастырь не отвѣтитъ вопрошающимъ, и тѣмъ свергнуть ихъ въ совопросничество и сомнѣніе.

Для довершенія учительства въ приходахъ, священникамъ на сѣздахъ вмѣнено въ обязанность Законъ Божій въ церковно-приходскихъ школахъ проходить въ смыслѣ *библейско-апологетическомъ*. Особенно это необходимо, по распоряженію Св. Синода, дѣлать въ селахъ, гдѣ есть штундисты или раскольники. *Какъ и почему* въ школахъ Законъ Божій надобно проходить *апологетически*,—на это, во время засѣданій сѣздовъ, епархіальнымъ миссіонерамъ дѣлались пространныя указанія. Было говорено, что современная русская жизнь характеризуется развитіемъ грамотности въ народѣ и значительнымъ передвиженіемъ рабочихъ силъ изъ одного мѣста въ другое. Эти обстоятельства развиваютъ въ народѣ *пытливость*,—стремленіе знать, почему люди живутъ такъ, а не иначе. Такая сама по себѣ прекрасная черта въ направленіи народной мысли становится источникомъ многихъ бѣдъ для православной Церкви, вслѣдствіе малограмотности народа и крайней его неразвитости въ религіозно-правствепномъ отношеніи. Людей пытливыхъ, случайно попавшихъ на югъ Россіи, ловко вербуютъ хитрые сектанты, давая имъ извѣстнаго рода книжечки и поселяя въ головахъ ихъ мучительные вопросы о церковно-религіозномъ строѣ жизни православныхъ. Возвращаясь на родину, эти затуманенные сектантскими вопросами рабочіе приносятъ съ собою ядъ сектантскаго вольномыслія и тѣмъ готовятъ удобную почву для развитія среди русскаго народа сектантства.

Съ указаннымъ зломъ трудно бороться епархіальной миссіи. Скрытые въ началѣ, а послѣ закоренѣлые сектанты *почти* не поддаются миссіонерскихъ увѣщаніямъ. Да и мудро миссіонерамъ гоняться за распространителями сектантскаго вольномыслія. Въ дѣлѣ борьбы съ этимъ вольномысліемъ могутъ и *должны* епархіальной миссіи оказать свою помощь *церковно-приходскія школы*. Онѣ вызваны къ жизни для насажденія въ народѣ православнаго образа мыслей,—для противодѣйствія развивающемуся въ народѣ ложному рационализму.—Этой цѣли церковно-приходскія школы удобнѣе могутъ достигъ чрезъ цѣлесообразное преподаваніе Закона Божія ученикамъ. Необходимо, чтобы преподаваніе Закона Божія дѣтямъ имѣло въ виду укрѣпить въ ихъ сознаніи законность и необходимость тѣхъ православно-церковныхъ порядковъ, въ которыхъ они растутъ и крѣпнуть. А для сего мало указывать дѣтямъ, особенно въ сектантскихъ селеніяхъ, *что такое* иконы, какъ съ ними надо обращаться, или *для чего* мы ставимъ свѣчи передъ св. образами. Надо, по *теперешнимъ жизненнымъ требованіямъ*, еще показать: откуда взяли начало иконы? какъ учить о нихъ Слово Божіе, или

на какомъ основаніи ставимъ мы свѣчи передъ св. образами? Отвѣты на эти вопросы *безусловно необходимо* прочитывать по Библии не разъ и не два, а *много* разъ, какъ только позволять обстоятельства. Тогда дѣти со школьной скамьи узнаютъ, что наши порядки *заимствованы или основаны* на Библии. Лучшие изъ учениковъ запомнятъ даже библейскія мѣста, говорящія въ пользу того или другого церковнаго ученія.

И это—не праздная мечта. Интересы Церкви требуютъ *неотложнаго* примѣненія указанной постановки преподаванія Закона Божія. Съ другой стороны, опытъ показываетъ, что во многихъ сектантскихъ приходахъ священники съ успѣхомъ примѣняютъ *библейско-апологетическій* способъ преподаванія Закона Божія. Автору лично приходилось видѣть школы, гдѣ дѣти свободно отыскивали по Библии свидѣтельства въ пользу того или другого церковнаго ученія. Правда, такихъ школъ немного; но пора, *давно пора*, всѣмъ церковно-приходскимъ школамъ перейти отъ разговоровъ къ дѣлу, отъ проектовъ къ настоящему библейско-апологетическому преподаванію Закона Божія. Тогда церковная наша миссія въ школахъ найдетъ лучшихъ себѣ сотрудниковъ и въ народъ внесень будетъ тотъ свѣтъ, о которомъ давно хлопочутъ миссіонеры.

Итакъ, жизнь требуетъ, чтобы церковныя школы были не просто разсадниками *безразличной* грамотности, а чтобы онѣ были *питомниками* строгаго и чистаго православнаго христіанства. Для сего Законъ Божій необходимо поставить на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять по требованію современности.

Къ утѣшенію священниковъ, должно сказать, что имъ не придется много раздумывать надъ вопросомъ: *какъ поставить преподаваніе Закона Божія въ библейско-апологетическомъ смыслѣ?* Вопросъ этотъ обсуждался на 3-мъ Казанскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Одинъ изъ членовъ съѣзда, наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и миссіонеръ Полтавской епархіи свящ. І. Ольшевскій, обработалъ и программу преподаванія Закона Божія въ указываемомъ выше направленіи. Эта программа напечатана въ извѣстныхъ „Дѣянiяхъ съѣзда“ В. М. Скворцова. Въ ней *все* указано, *иди* и на что нужно обратить вниманіе законоучителямъ. И, конечно, эту программу всякій священникъ можетъ примѣнять по своему усмотрѣнію. Законоучитель *особенно* долженъ изучать тѣ пункты, которые волнуютъ данную мѣстность. Но *непремѣнно* нужно, чтобы эти пункты въ *старшихъ отдѣленіяхъ*, при повтореніи уроковъ особенно, проходились по Библии. Разумѣется, законоучителямъ придется основательно ознакомиться съ опроверженіемъ различныхъ сектантскихъ мудрованій.

При этомъ необходимо добавитъ, что законоучители

при преподаваніи должны *избѣгать* произношенія словъ: „сектанты учать“, „штундисты думаютъ“ и т. п. Нѣтъ: пусть, *безъ крайней необходимости*, и имени сектантовъ не будетъ произносимо, чтобы преждевременно не заинтересовать дѣтей ложными ученіями. Можно достигать цѣли законоучительства и въ томъ случаѣ, если батюшки у себя въ головахъ будутъ держать извѣстныя сектантскія возраженія, а на нихъ въ *положительной* формѣ давать отвѣты. Напр., при ознакомленіи дѣтей съ устройствомъ скиніи,—внушать, что скинія была первымъ храмомъ; ее велѣлъ устроить Самъ Богъ. Въ скиніи были *изображенія* херувимовъ. Эти изображенія (иконы) освятилъ Самъ Господь. Предъ ними люди кланялись. Христосъ, приходя въ храмъ, училъ почитать храмовую святыню. Апостолы тоже молились передъ ней (Дѣян. 22, 17). Въ этомъ смыслѣ надобно пройти съ дѣтьми, *при повтореніи въ старшей группѣ*, ученіе и о другихъ пререкаемыхъ штундистами предметахъ въ развивающейся нынѣ миссіонерской литературѣ.

Что касается селъ съ раскольничьимъ населеніемъ, то, при преподаваніи Закона Божія, тамъ нужно имѣть въ виду программу свящ. Плотникова, напечатанную въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“. А пособіемъ для прохожденія курса по этой программѣ можетъ служить учебникъ по обличенію раскола того же автора ¹⁾.

Конечно, порядкомъ преподаванія Закона Божія, рекомендуемый здѣсь, потребуетъ *времени и труда*. Это извѣстно. Но несомнѣнно и то, что обстоятельства времени требуютъ отъ всѣхъ церковныхъ дѣятелей *неустанныхъ усилій* и хлопотъ. Дѣло преподаванія Закона Божія важнѣе ремесла, вышиванія и др. *прикладныхъ* знаній. Поэтому священники и должны принять къ сердцу тѣ совѣты, какіе предлагаетъ имъ миссія.

Этотъ докладъ епархіальнаго миссіонера, разъясняемый на сѣздахъ *всесторонне*, батюшки вездѣ принимали къ свѣдѣнію и общались, по возможности, осуществлять его въ церковныхъ школахъ.

Такимъ образомъ, по постановленіямъ благочинническихъ миссіонерскихъ сѣздовъ, священники харьковской епархіи должны питать народъ духовною пищей и въ церквахъ, и по домамъ, и въ школахъ. Вездѣ они должны преслѣдовать одну цѣль—укрѣпить въ православіи своихъ овецъ и оберегать ихъ отъ уклоненія въ сектантство или расколъ.

Что же касается расколо-сектантовъ, то оставлять ихъ безъ пастырскаго воздѣйствія *никакъ не должно*. Надобно употреблять всѣ *духовныя* мѣры для завязыванья дружескихъ

¹⁾ А главное—брошюра о. Плотникова: „Дополнительныя свѣдѣнія по Закону Божію“ и „Дополнительные уроки“ С.-Петербургскаго миссіонера М. И. Чельцова.

сношеній съ ними. Это не значитъ однако, чтобы священники, подражая епархіальному миссіонеру, устраивали публичные бесѣды съ церковными отщепенцами. Нѣтъ: на сѣздахъ постановлено, чтобы *такихъ* бесѣдъ священники *избѣгали*, такъ какъ среди нихъ мало лицъ, подготовленныхъ къ веденію публичныхъ бесѣдъ. Кромѣ того, расколо-сектанты могутъ слишкомъ глумиться надъ священниками, что въ интересахъ Церкви не можетъ быть желательнымъ. Священники *публично* поучаютъ народъ въ *положительной* формѣ. Допускаются при этомъ *сдержанные* и *скромные* вопросы, а не споры. Частно же, по домамъ, полезно съ сектантами или раскольниками вступать въ *дружескій* разговоръ по поводу извѣстнаго разногласія. Причемъ, хотя бы священника оспаривали, ему необходимо проповѣдуемую истину отстоять отъ Библии или старопечатныхъ книгъ до конца и всесторонне. Если же церковные отщепенцы избѣгаютъ встрѣчъ съ священникомъ, полезно вліять на нихъ чрезъ миссіонеровъ—сотрудниковъ, людей *твердыхъ въ православіи и благочестивыхъ*. Такихъ людей надобно всемѣрно изыскивать и готовить въ приходѣ, а также за труды поощрять ихъ, по усмотрѣнію и усердію священниковъ.

Въ помощь себѣ, кромѣ православныхъ сотрудниковъ, священники употребляютъ *церковно-миссіонерскія библіотеки*. Онѣ составляютъ по личнымъ соображеніямъ пастырей и по указанію, въ случаѣ нужды, епархіальнаго миссіонера. Въ такихъ библіотекахъ, во всякомъ случаѣ, *должны быть всѣ изданія* журнала „Миссіонерскаго Обзорнія“. Для распространенія въ народѣ это—самый подходящий матеріалъ. Изъ болѣе же крупныхъ изданій постановлено въ миссіонерскія библіотеки *пріобрѣтать* книгу Оболенскаго „Критическій разборъ вѣроисповѣданій русскихъ сектантовъ рачіоналистовъ“,—какъ сравнительно позднюю, по времени появленія, и содержащую въ себѣ почти все, что можно сказать въ защиту того или другого православнаго ученія.—Кромѣ названной книги, рекомендовано *пріобрѣтать* въ церковныя миссіонерскія библіотеки и другія богословскія сочиненія, смотря по средствамъ и нуждамъ выписывающихъ.

Въ обличеніе же раскольниковъ рѣшено *пріобрѣтать* мелкія изданія Братства Петра Митрополита, сочиненія проф. Н. И. Ивановскаго, Архим. Павла и учебникъ свящ. Плотникова по обличенію раскола. Выписки Озерскаго есть во всѣхъ раскольничьихъ приходахъ.—Этихъ руководствъ достаточно *на первый разъ* для обличенія нашихъ малограмотныхъ раскольниковъ.

Не ограничиваясь однѣми церковными библіотеками, миссіонерскіе сѣзды постепенно во *всѣхъ округахъ* открываютъ *благочинническія* миссіонерскія библіотеки. Въ составъ этихъ библіотекъ входятъ книги по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ; въ этихъ библіотекахъ, ежегодно пополняе-

мыхъ новыми книгами, можно найти все, что потребуется священникамъ. Такія библіотеки *основаны* уже и успѣшно дѣйствуютъ въ 5-мъ Старобѣльскомъ округѣ, въ 1-мъ Старобѣльскомъ, въ 4-мъ Изюмскомъ и въ др. округахъ.

Помимо разсужденій о томъ, *какія* знанія необходимы, *какъ* и *откуда* ихъ почерпнуть пастырямъ Церкви для утвержденія въ вѣрѣ своихъ пасомыхъ и для обличенія „противящихся“,—на сѣздахъ самое серіозное вниманіе удѣлялось *нравственному* состоянію приходовъ. Дознано, что многіе люди бѣгутъ изъ Церкви православной потому, что не находятъ христіанской жизни среди своихъ единовѣрцевъ, или поражаются черствостью и безсердечіемъ многихъ православныхъ богачей.

Для борьбы съ этимъ зломъ постановлено, чтобы священники чаще, по всякому *подходящему* случаю, изображали православнымъ евангельскій образъ жизни и нравственнаго поведенія. Тогда никто не скажетъ, что Церковь *потворствуетъ* беззаконникамъ и закрываетъ глаза на ихъ поступки.

Для поддержки же бѣдняковъ въ приходахъ и для оказанія помощи пострадавшимъ отъ разныхъ напастей рекомендовано дѣлать пастырскія воззванія прихожанамъ о помощи. Эту помощь отовсюду надо приобрѣтать и деньгами, и хлѣбомъ, и холстомъ, и другими пожертвованіями. Въ то же время пастырямъ Церкви необходимо брать на себя ходатайства о пристройствѣ калѣкъ и увѣчныхъ по богадѣльнямъ.—Такое отношеніе священниковъ къ обездоленнымъ членамъ приходовъ *неизбѣжно* подниметъ авторитетъ ихъ въ глазахъ народа и послужитъ лучшимъ противодѣйствіемъ распространяемому сектантами мнѣнію о священникахъ, что они будто бы заботятся только о себѣ, а не о вѣранныхъ ихъ попеченію духовныхъ дѣтяхъ.

Дѣлались на благочинническихъ миссіонерскихъ сѣздахъ и другія постановленія, которыя, по сравненію съ изложенными, имѣютъ мѣстное значеніе и носятъ частный характеръ. Мы не будемъ поэтому приводить ихъ въ *общей* характеристикѣ сѣздовъ. Скажемъ въ заключеніе, что на сѣздахъ ни *одной нужды* приходской не оставалось безъ вниманія. Все обсуждалось, всему указывалось должное направленіе. Вотъ почему сѣзды такъ и дороги духовенству, что они устраиваются въ его интересахъ, для пополненія его познаній и для укрѣпленія пастырской энергіи въ добрѣ.—Эти же сѣзды и для епархіальной миссіи служатъ лучшимъ подспорьемъ и утѣшеніемъ. Когда становится очевиднымъ, что тѣ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ полагаются силы епархіальныхъ миссіонеровъ, дороги и духовенству,—тогда невольно прибавляется вѣры въ миссіонерское дѣло и хочется душу положить за родную нашу Церковь въ ея борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами...

Харьковскій епархіальный миссіонеръ Д. Боголюбовъ.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Новая папская булла.—Порядокъ и формула отлученія еретиковъ въ англиканской церкви.—Исламъ и бабизмъ.

Изъ Рима въ „Neue Freie Presse“ сообщаютъ о папскомъ посланіи, написанномъ и разосланномъ Львомъ XIII генераламъ и пріорамъ духовныхъ орденовъ и учрежденій. Тяжелыя оскорбленія, нанесенныя нѣкоторымъ орденамъ и другимъ духовнымъ учрежденіямъ, поразили папу глубокой печалью. Права Церкви нарушены, ея дѣятельности нанесенъ ударъ, потому что нападки на духовенство оскорбляютъ въ то же время и Церковь. Папа напоминаетъ, что онъ испробовалъ всѣ средства, чтобы удержать націи, виновныя въ этихъ недостойныхъ преслѣдованіяхъ, спасти ихъ отъ тяжелыхъ послѣдствій ихъ собственнаго безумія. „Но мы напрасно льстили себя надеждой“, пишетъ онъ дальше, „что наши жалобы будутъ услышаны“. Именно тотъ народъ, который всегда пользовался особеннымъ благоволеніемъ и заботливостью папы, принялъ на дняхъ законы, противъ которыхъ св. отецъ еще такъ недавно его предостерегалъ. Во имя своихъ священныхъ обязанностей и по примѣру своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, папа торжественно отвергаетъ эти законы, противорѣчащіе евангельскимъ правиламъ и всѣмъ традиціямъ Церкви, ея исключительному праву основывать духовныя учрежденія для своей защиты. Такіе законы могутъ быть внушены только ненавистью къ Церкви, а ихъ истинная цѣль—искорененіе въ обществѣ живительнаго дѣйствія ученія Христа. Далѣе папа воздастъ хвалу добродѣтелямъ всѣхъ членовъ орденовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, добродѣтелямъ, которые не спасли ихъ, однако, отъ преслѣдованій. Онъ указываетъ на множество учрежденій, созданныхъ духовными орденами и заслужившихъ уваженіе и признательность со стороны общества; въ особенности цѣнить онъ заслуги тѣхъ религіозныхъ обществъ, которые всегда повиновались его волѣ, хотя бы и съ опасностью жизни, какъ это было во время китайскихъ событій прошлаго года. Чтобы укрѣпить мужество духовенства, папа указываетъ на тотъ фактъ, что среди выдающихся личностей послѣдняго столѣтія было не мало безпристраст-

ныхъ умовъ, отдававшихъ справедливость дѣятельности духовныхъ орденовъ и защищавшихъ неприкосновенность ихъ свободы. Если Господь допускаетъ такія страданія, то только для того, чтобы укрѣпить мужество духовенства, нерѣдко дремлющее въ періоды безмятежнаго спокойствія. Вотъ почему папа совѣтуетъ духовенству удвоить рвеніе въ дѣлахъ вѣры, молитвы и благотворительности. Пусть оно вспомнитъ о великихъ и достойныхъ подражанія примѣрахъ своихъ предшественниковъ, переживавшихъ такія же печальныя времена. Необходимы люди, исполненные великихъ добродѣтелей, обладающие апостольской чистотой сердца, чтобы спасти и привести къ стопамъ Спасителя нынѣшнее слабое и испорченное поколѣніе. Дай Богъ вамъ быть именно такими людьми! Христіанская любовь къ ближнимъ предписываетъ орденскому духовенству хранить твердость духа, чувство собственного достоинства и въ то же время кротость и снисхожденіе. „Вспомните, говоритъ папа въ заключеніе, великія слова. *Vince in bono malum!* и повторяйте со Христомъ: *Pater dimitte illis!* Уповайте на Бога! Папа за васъ, и весь католическій міръ съ вами!“

* * *

Д-ръ Сентъ-Джорджъ Майвартъ въ очеркахъ своихъ „преимство католицизма“ и „новѣйшіе апологеты“, напечатанныхъ въ 1900 г., доказывалъ, что католику позволительно придерживаться нѣкоторыхъ отрицаемыхъ Римомъ мнѣній и все таки не опасаться быть признаннымъ за это еретикомъ. Таковы, напримѣръ, вопросы относительно безсѣмennaго зачатія Іисуса Христа и приснодѣвственности Пресвятой Дѣвы, относительно евангелическаго разсказа о воскресеніи Іисуса Христа и о дѣйствительной передачѣ потомству первороднаго грѣха; объ искупленіи, какъ дѣйствительномъ удовлетвореніи за грѣхи о вѣчныхъ мукахъ грѣшниковъ, о боходухновенности и подлинности св. Писанія, о правѣ автентическаго истолкованія Католическою Церковью св. Писанія; о неизмѣнности разумѣнія Церковью основныхъ догматовъ своего ученія и т. под. Какъ въ ученіи этого ученаго иновѣрнаго намъ еретика, такъ въ отношеніи къ нему католической Церкви много сходства съ нашимъ еретикомъ гр. Толстымъ.

Когда статьи эти дошли до свѣдѣнія папскаго представителя въ Англіи архіепископа Вестминстерскаго кардинала Вогана, то онъ обратился къ д-ру Майварту съ требованіемъ отречься отъ своихъ заблужденій. Майвартъ отказался исполнить это требованіе, не смотря на троекратное напоминаніе, и тогда архіепископъ разослалъ подчиненнымъ ему священникамъ посланіе, въ которомъ, перечисливъ погрѣшности ученія д-ра Майварта, заключаетъ: „такъ какъ онъ

симъ сдѣлалъ свою ортодоксальность сомнительной и укрѣпилъ это подозрѣніе, уклонившись подписать исповѣданіе вѣры, трижды посылавшееся ему мною, то я нынѣ считаю своимъ долгомъ приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и симъ воспреещаю ему приближаться къ дарамъ, а священникамъ—давать ему причастіе, доколѣ онъ вновь не докажетъ своего возвращенія къ ортодоксальности“. Далѣе архіепископъ прибавляетъ: „д-ръ Майвартъ утверждаетъ, что существуютъ лица, называющія себя католиками, однако придерживающіеся указанныхъ еретическихъ воззрѣній; если это вѣрно, то имъ необходимо помнить, что они въ дѣйствительности уже перестали быть католиками (отпали отъ Церкви), и если они принимаютъ причастіе, то совершаютъ это въ нарушеніе законовъ Церкви, кощунственно и на погибель своей души“. Къ циркуляру этому приложена формула отреченія, составленная архіепископомъ для еретика, которую послѣдній, однако, подписать не пожелалъ.

Вотъ эта формула, которая по существу изложеннаго въ ней догматическаго ученія настолько ортодоксальна, что можетъ быть полезна и для нашихъ миссіонеровъ при полемикѣ съ толстовцами.

„Симъ свидѣтельствую, что, признавая католическую Церковь верховной и непогрѣшимой хранительницей христіанской вѣры, я подчиняюсь ей въ моихъ сужденіяхъ, вѣруя во все, чему она учитъ, и осуждая все, что она осуждаетъ. И въ частности я твердо вѣрую и исповѣдую, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, едиnorodный Сынъ Божій, рожденный отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ въ полнотѣ времени, ради людей и нашего спасенія, сошелъ съ неба, былъ зачатъ Святымъ Духомъ и рожденъ Дѣвой Маріей, т. е. что отцомъ Іисуса Христа былъ не человѣкъ, и что св. Іосифъ не былъ Его дѣйствительнымъ, но только названнымъ или пріемнымъ отцомъ.

Посему я вѣрую и исповѣдую, что Благословенная Дѣва Марія зачала и родила Сына Божія несказаннымъ образомъ по дѣйствію Святаго Духа и положительно безъ потери или поврежденія своего дѣвства, и что она дѣйствительно и во истину, какъ называетъ ее справедливо католическая Церковь, „Приснодѣва“, т. е. что она была Дѣвой до рожденія Христа, пребыла Дѣвой во время рожденія и осталась Дѣвой послѣ того, неизмѣнно сохраняя свое святое и непорочное дѣвство отъ начала и навѣки.

Я осуждаю и отрицаю поэтому, какъ ложное и еретическое, мнѣніе тѣхъ, кто сомнѣвается или отрицаетъ дѣвственное рожденіе Христа и вѣчное дѣвство Благословенной Маріи, Матери Бога, и утверждаю, что такое мнѣніе теперь и всегда будетъ существенно противно ученію святой католической Вѣры (Никейскій и Апостольскій символъ вѣры, конститущія Павла IV „Cum Quorundam“ и Климентъ VIII „Dominici Gregis“).

Вѣрую и исповѣдую, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, послѣ Своего рожденія и погребенія, возсталъ изъ мертвыхъ и что Тѣло Его, прославленное Воскресеніемъ, то же самое, въ которомъ Онъ пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ. Я отвергаю и осуждаю мнѣніе, какъ ложное, еретическое и противное святой католической вѣрѣ нынѣ и во вѣки, мнѣніе, что Тѣло Христова сгнило въ могилѣ или подверглось тамъ тлѣнію.

Твердо вѣрую и исповѣдую, въ согласіи съ святымъ Брентскимъ соборомъ, что первый человѣкъ Адамъ, нарушившій заповѣдь Божию въ раю, немедленно утратилъ свою святость и праведность, въ коихъ былъ сотворенъ, что этимъ прегрѣшеніемъ онъ вызвалъ гнѣвъ и осужденіе Божіе, что это прегрѣшеніе Адама поразило не только его самого, но и его потомство, и что грѣхомъ этимъ святость и праведность, полученныя имъ отъ Бога, были утрачены не только для себя одного, но и для насъ (Тридентскій Соборъ, засѣданіе V).

Твердо вѣрую и исповѣдую, что Господь нашъ умеръ на Крестѣ не съ тѣмъ (какъ училъ Социнъ), чтобы только дать примѣръ или „наглядный урокъ“ вѣрности до самой смерти, но что онъ дѣйствительно отдалъ себя какъ „искупленіе за всѣхъ“, „вознесъ грѣхи наши въ Своемъ Тѣлѣ на древо“, т. е. давъ истинное и полное удовлетвореніе оскорбленному правосудію Божию за первородный грѣхъ и за грѣхи всѣхъ людей, и что грѣхи эти сняты не инымъ чѣмъ, какъ заслугою „Единого Посредника, Господа нашего Іисуса Христа“ (1 Тим. 2, 5), примирившаго насъ съ Богомъ Своею Кровью и „сообщившаго намъ праведность, освященіе и искупленіе“ (1 Корин. 1, 30; Трент. Соб. Засѣд. V).

Я осуждаю и отрицаю, какъ ложныя и еретическія, всѣ ученія, которыя отрицаютъ реальность и передачу по наслѣдству первороднаго грѣха и полную достаточность той жертвы, которою человѣкъ примиренъ съ Богомъ въ видѣ Крови Христовой.

Твердо вѣрую и исповѣдую, что души людей послѣ смерти будутъ судимы Богомъ, причемъ оправданныя „пойдутъ въ жизнь вѣчную“, а обвиненныя „въ вѣчную муку“ (Матѣ. XXV, 46). Я отвергаю, какъ ложныя и еретическія, всѣ доктрины, которыя учатъ, что души, находящіяся въ аду, могутъ эвентуально спастись, или что состояніе ихъ въ аду можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, а не мукой (Конституція Латеранскаго Собора IV).

Въ согласіи съ св. Тридентскимъ и Ватиканскимъ Соборомъ, я принимаю всѣ книги ветхаго и новаго заветъа со всѣми ихъ частями такъ, какъ онѣ установлены на IV засѣданіи Тридентскаго Собора и содержатся въ древнемъ латинскомъ изданіи Вульгаты, и твердо вѣрую и исповѣдую, что названныя Писанія священные и каноничныя вовсе не потому, что будучи старательно составлены однимъ только человѣческимъ прилежаніемъ, онѣ затѣмъ были одобрены авторитетомъ Церкви, и не просто потому, что заключаютъ въ себѣ откровеніе безъ всякой примѣси заблужденія; но потому, что будучи написаны по внушенію Святаго Духа, онѣ составлены такимъ образомъ Самимъ Богомъ и, какъ таковыя, посланы Церкви. Вслѣдствіе этого во всѣхъ вопросахъ вѣры и морали, относящихся до построенія христіанскаго ученія, я вѣрую, что истинный смыслъ св. Писанія тотъ, который установила и устанавливаетъ св. наша Матерь Церковь, которой принадлежитъ окончательное рѣшеніе объ истинномъ смыслѣ и истолкованіи св. Писанія (Трент. Соб., засѣд. IV. Ватик. Соборъ. Догматич. Учрежден. Католич. Вѣры, глава II кан. 2).

Твердо вѣрую и исповѣдую, что откровенное Богомъ ученіе вѣры было дано не какъ философская система, подлежащая усовершенствованію человѣческой изобрѣтательности, но что оно дано, какъ Божественное приданое Христовой Невѣстѣ, чтобы вѣрно соблюдать его и неизмѣнно исповѣдывать, и что, вслѣдствіе этого, тотъ смыслъ священныхъ догматовъ, который установленъ однажды нашею Св. Матерью Церковью, долженъ сохраняться на всѣ времена, и что не позволительно уклоняться отъ этого смысла подъ предлогомъ или притязаніемъ болѣе глубокаго разузнанія ихъ. Я отвергаю, какъ ложное и еретическое, утвержденіе, что по мѣрѣ успѣховъ знанія будетъ возможно когда либо дать доктринамъ, исповѣдуемымъ Церковью какой-либо иной смыслъ, кромѣ того, какой имъ приданъ и

придается Церковью, и что вслѣдствіе сего смыслъ и разумъ ея ученія когда-нибудь будетъ измѣненъ или обращенъ (Догм. Учр. Ватикана о Кат. Вѣрѣ, гл. IV, кан. IV').

Сверхъ того я осуждаю и отрекаюсь отъ всѣхъ прочихъ словъ и положеній, которые въ статьяхъ, напечатанныхъ мною въ „Двухнедѣльномъ Обзорѣннѣ“ и „XIX вѣкѣ“, или въ иныхъ моихъ писаніяхъ будутъ найдены противными въ отношеніи вѣры и морали ученію св. католической Церкви согласно опредѣленію апостолической епископіи, и во всѣхъ такихъ случаяхъ подчиняюсь суду сказанной епископіи, принимая все то, что она пріемлетъ, и осуждая то, что она осуждаетъ.

* *
*

Выступая съ преодолювающей—хотя бы и до времени—силою противъ христіанства въ Африкѣ, исламъ породилъ въ самомъ сердцѣ своемъ новое ученіе, угрожающее его мощи и подрывающее самые жизненные его источники. Этотъ врагъ мусульманства—бабизмъ; мѣсто возникновенія его—Персія.

Изъ 7 милліоновъ персовъ 3 принадлежатъ нынѣ къ этой сектѣ, широко распространившейся также по Кавказу, Бухарѣ, Средней и Малой Азіи, гдѣ число послѣдователей ея достигаетъ 2 милліоновъ человѣкъ.

Персы принадлежатъ къ шіитской вѣтви ислама и исповѣдуютъ, что „послѣ 12 имамовъ (мусульманскихъ первосвященниковъ) дверь познанія истины закрыта для людей“. Это ученіе, такимъ образомъ, становится на пути всякаго исканія истины, утверждая, что двери познанія ея разъ навсегда закрыты Аллахомъ, и что поиски ея, слѣдовательно, являются преступнымъ бунтомъ противъ воли и велѣній Бога. Вражда ко всякому научному изслѣдованію, ко всякой перемѣнѣ въ чемъ бы то ни было, презрѣніе къ иностранцамъ и иностранному, умственный, нравственный, общественный и государственный застой и проч.—всему этому Персія обязана въ значительной степени именно этой, освященной исламомъ, доктринѣ „закрытой двери“.

Какъ протестъ противъ нея и возникъ бабизмъ. Основателемъ его былъ Мирза-Али-Магометъ, родившій въ Ширазѣ въ 1819 году и обезглавленный въ 1852 году по повелѣнію покойнаго шаха персидскаго Насреддина. Названіемъ своимъ бабизмъ обязанъ слѣдующему. Однажды, во время проповѣди, какой-то шіитскій улема произнесъ обычную формулу, что двери познанія истины закрыты. Присутствовавшій въ мечети юный Мирза-Али-Магометъ внезапно воскликнулъ: „Нѣтъ, дверь познанія истины всегда открыта, и я—эта дверь“. Дверь по персидски бабъ. Это событіе имѣло мѣсто 12 мая 1844 года, — и послужило днемъ порожденія новой мусульманской секты, бабизма, послѣдователи котораго и по настоящее время ежегодно празднуютъ этотъ день.

Съ этого времени юный реформаторъ былъ названъ

Дверью (Бабъ), черезъ которую Богъ открываетъ людямъ знаніе и истину, столь долго находившіяся въ пренебреженіи. Бабу было тогда 25 лѣтъ отъ роду. И всѣ, кто, изнемогая подъ моральнымъ гнетомъ ислама, жаждалъ услышать живое слово Аллаха, устремились къ новому махди (пророку) со всѣхъ концовъ Персіи. Движеніе быстро возрастало и ширилось. Подъ вліяніемъ шиитскаго духовенства, Мехметъ, шахъ персидскій, для подавленія ереси рѣшилъ прибѣгнуть сначала къ миролюбивымъ средствамъ: онъ послалъ въ Ширазъ главу шиитскаго духовенства Великаго Тегеранскаго мушдегида со свитой искусныхъ шиитскихъ богослововъ, съ приказомъ вступить съ Бабомъ въ публичное состязаніе. Шахъ не сомнѣвался, что на первомъ же словоперіи вожди мусульманства докажутъ народу, что Бабъ—ложный махди, лже-пророкъ, обманщикъ, вѣроломный отрицатель священныхъ доктринъ ислама, заслуживающій отъ народа только побіенія камнями. Каково же было всеобщее изумленіе, когда послѣ немногихъ публичныхъ бесѣдъ съ Бабомъ, мушдегидъ торжественно объявилъ, что Бабъ настоящій махди, дѣйствительный посланецъ Божій, пришедшій проповѣдать истину.

Немедленно вслѣдъ за этимъ мушдегидъ отказался отъ своего званія и сталъ странствовать по всей Персіи, проповѣдуя всюду новую религію, которая быстро стала привлекать къ себѣ лучшія силы страны. Въ виду того, что новая ересь казалась опасною для государственнаго спокойствія, а секта принимала угрожающіе размѣры, правительство задержало Баба, и онъ былъ отведенъ въ Тарвизъ и посаженъ тамъ въ тюрьму. Но черезъ короткое время самъ смотритель тюрьмы вмѣстѣ съ тюремною стражею обратился въ послѣдователя ученій своего арестанта. Тогда Баба переехалъ въ Макоунъ. Здѣсь, въ тюремной кельѣ онъ написалъ свои учительныя священныя книги.

Арестъ Баба поднялъ на ноги всѣхъ его послѣдователей. Они стекались въ Макоунъ со всѣхъ концовъ Персіи, чтобы только взглянуть на него. Всюду начались смуты и волненія, потекла кровь. Ежедневно происходили схватки между правительственными солдатами и вновь обращенными, и убитые считались тысячами. Въ концѣ концовъ правительство рѣшило покончить съ пророкомъ и предписало убить его; 27-го іюня 1852 года пророкъ былъ обезглавленъ въ Таврисѣ.

Смерть махди дала движенію новый могучій толчокъ. Тогда противъ бабистовъ начались жестокія, беспощадныя преслѣдованія. Шахъ Насреддинъ рѣшилъ затопить движеніе въ крови; но это не удалось ему. Въ концѣ своего царствованія онъ, по совѣту русскаго и британскаго посланниковъ, прекратилъ гоненія сектантовъ. Нынѣ царствующій

шахъ не слѣдуетъ примѣру своего родителя, и бабизмъ, оставаясь оффиціально воспрещенною ересью, на дѣлѣ молчаливо терпится.

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключается ученіе этой ереси.

Бабъ не могъ сполна отрѣшиться отъ традицій ислама. Да онъ и не желалъ замѣнить исламъ новой религіей; онъ хотѣлъ лишь преобразовать его. Преемникъ же его, Бега, произвелъ настоящій переворотъ. Онъ подорвалъ самыя основанія мусульманства, пропитавъ свое ученіе широкимъ духомъ свободы. Онъ пытался преобразовать бабизмъ такъ, чтобы онъ могъ стать естественнымъ, неизбѣжнымъ завершеніемъ всякой вообще религіи. Хотя это и не удалось ему, однако ученіе его, дѣйствительно, исполнено духа высокаго самоотреченія.

Согласно священнымъ учительнымъ книгамъ, написаннымъ Бегомъ, величайшая благодать состоитъ въ единеніи и всеобщей гармоніи человѣческаго рода. Бабизмъ стремится при этомъ не къ политическому господству, а къ обладанію человѣческими сердцами. Вслѣдствіе этого онъ отвергаетъ всякое насиліе и завоеваніе. Всѣ люди равны и братья, нѣтъ ни малыхъ ни великихъ, ни знатныхъ ни черни. Всѣ люди — дѣти одной великой родины — матери земли, почему раздѣленіе на государства не имѣетъ важности. Всякій народъ хорошъ предъ лицомъ Аллаха, нѣтъ ни избранныхъ расъ, ни избраннаго народа. Всѣ человѣческія племена — бѣлое, черное, желтое — безъ различія — равны. Необходимо уважать женщину; у нея есть свои неотъемлемыя права; нельзя брать ее въ жены безъ ея согласія. Бабизмъ проповѣдуетъ единобрачіе. Онъ разрѣшаетъ взять вторую жену только въ томъ случаѣ, если первая жена неплодна; но и это не должно служить для ея униженія. Воспрещается брать наложницъ. Если мужъ собирается путешествовать, то долженъ получить для этого согласіе своей жены; если же онъ уѣдетъ помимо ея согласія, то жена, въ случаѣ невозвращенія его въ теченіи 9 мѣсяцевъ, въ правѣ выйти замужъ вторично. Она вправе требовать развода, если мужъ не остается ей вѣренъ. Жена можетъ имѣть свое собственное отдѣльное имущество. Бабизмъ устанавливаетъ также особую форму наслѣдованія: въ случаѣ неявки надлежащаго наслѣдника, доля его поступаетъ въ распоряженіе особаго судилища, которое вѣдаетъ общественныя дѣла, тяжбы и воспитаніе бѣдныхъ дѣтей и сиротъ.

Браки допускаются безъ различія вѣроисповѣданій и національности. Бега говоритъ: „Нѣтъ для васъ особаго отечества; отечество ваше — вся вселенная, ибо всѣ плоды и вѣтви одного и того же дерева“. Рабство и работорговля воспрещаются самымъ рѣшительнымъ образомъ. Занятіе науками

и изученіе иностранныхъ языковъ признаются необходимыми.

Фатализмъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понимается исламомъ, отрицается. То, что подчинено законамъ природы, неизмѣнно и непоколебимо, человекъ же, по скольку онъ стремится къ свѣту и истинѣ, можетъ измѣняться и преслѣдовать.

Послѣдователи бабизма обязаны уважать законы той страны, гдѣ они живутъ; но за наилучшій образъ правленія признается республика, или такое государственное устройство, которое обезпечиваетъ всѣмъ равныя права. Всякій обязанъ работать, но немощные и бѣдные должны получать помощь отъ общины, почему каждый бабистъ долженъ вносить для этой цѣли средства отъ трудовъ своихъ. Война, за вѣру (yilad), должна исчезнуть, и Бега указываетъ на третейскій международный судъ, какъ на способъ разрѣшенія всякихъ международныхъ распрей.

Таковы въ краткихъ чертахъ заповѣди бабизма относительно общественно-государственной жизни. Въ области личной нравственности онъ воспрещаетъ ложь, лицемеріе, аскетизмъ, безбрачіе и проч.

Въ области обрядовъ бабизмъ не знаетъ ни исповѣди, ни крещенія, ни посредничества святыхъ. Обрѣзаніе предписывается частью какъ гигиеническая мѣра, частью ради избѣжанія преслѣдованія со стороны мусульманъ. Молитва необходима, но не обязательна каждый день... Бабисты собираются вмѣстѣ въ какомъ-либо домѣ, произносятъ краткую молитву, затѣмъ поютъ священные гимны и читаютъ учительныя книги Баба и Беги.

Вотъ главная молитва бабистовъ: „Исповѣдую Господи, что ты открылъ мнѣ свѣтъ истины. Свидѣтельствую, что нѣтъ истины, кромѣ нея. Вѣрую, что никто не въ силахъ ни воздать тебѣ достойной хвалы, ни даже вообразить Тебя. О, Господи, Боже мой, не отврати отъ лица Твоего человека, который въ Тебѣ одномъ положилъ все упованіе свое“.

Бабисты признаютъ трехъ пророковъ Божіихъ: Моисея, Иисуса и Магомета. Паломничество къ святымъ мѣстамъ и молитвы за умершихъ они считаютъ излишними; Бега советуетъ жертвовать въ пользу немощныхъ и сиротъ тѣ деньги, которые предназначаются для путешествія ко святымъ мѣстамъ. Въ теченіи года установлено 19 дней, въ которые обязательно поститься. Бабисты вѣрятъ въ загробную вѣчную жизнь, но не признаютъ ни рая, ни ада. Каждый получить отъ Бога воздаяніе по дѣламъ его, но людямъ не открыто отъ Аллаха, въ какомъ видѣ все это осуществится.

Такова новая религія, которая стремится преобразовать всю Персію сверху до низу, и свободный и гуманный духъ, которой рѣзко отличается ее отъ ислама.

Е. А. Е.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа 1899 г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній. В. Давыденко.

Харьковская епархія принадлежитъ къ числу немногихъ епархій, въ которыхъ дѣло противосектантской миссіи наиболѣе правильно и прочно организовано. Сектантство здѣсь съ первыхъ дней своего появленія встрѣтило дружный и энергичный отпоръ со стороны приходскаго духовенства, руководимаго своимъ высокопросвѣщеннымъ архипастыремъ. По мѣрѣ развитія сектантства усиливались и мѣры противодѣйствія ему. Въ настоящее время приходская и благочинническая миссія въ Харьковской епархіи, объединяемая подъ руководствомъ Миссіонерскаго Совѣта, какъ главнаго общепархіальнаго миссіонерскаго органа, представляетъ собою уже значительную силу. Но и сектантство не дремлетъ, а изыскиваетъ все новыя и новыя средства совращенія, опираясь на своихъ вожakovъ, въ лицѣ которыхъ духовенство видитъ теперь предъ собою не невѣжественныхъ крестьянъ, а искусившихся въ полемикѣ пропагандистовъ, получившихъ даже образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и специальныхъ цтундовыхъ семинаріяхъ. Поэтому пастырямъ и миссіонерамъ надлежитъ еще тѣснѣе сплотиться, внимательнѣе слѣдить за дѣятельностью врага и все болѣе и болѣе усовершенствоваться въ приѣмахъ борьбы съ нимъ. Въ этихъ видахъ и признано было необходимымъ устраивать, хотя въ три года разъ, засѣданія миссіонерскаго совѣта съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній, чтобы пастыри-миссіонеры могли здѣсь провѣрять свою дѣятельность примѣрами другихъ и къ личному опыту присоединять руководственные указанія авторитетныхъ дѣятелей миссіи. Описанію перваго такого миссіонерскаго съѣзда и посвящена вышеозаглавленная книжка г. Давыденко. Въ *первой* главѣ книжки излагаются совѣщанія и рѣшенія съѣзда по вопросамъ о внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ правильнаго и успѣшнаго веденія бесѣдъ съ сектантами, въ частности по вопросамъ о способахъ привлеченія сектантовъ на собесѣдованія о способахъ противодѣйствія со стороны

приходскихъ пастырей сектантской пропагандѣ, о мѣстѣ, времени и методѣ собесѣдованія съ сектантами. Въ виду того, что вожаки сектантовъ, боясь на бесѣдахъ публичнаго посрамленія, стараются отвлечь отъ публичныхъ собесѣдованій своихъ темныхъ послѣдователей, для чего внушаютъ имъ, что священники и миссіонеры суть агенты полиціи, привлекающіе штундистовъ къ судебной отвѣтственности за одно участіе въ собесѣдованіяхъ, съѣздъ призналъ въ высшей степени вреднымъ для дѣла миссіи прибѣгать къ содѣйствію полиціи для привлеченія сектантовъ на бесѣды, какъ рекомендовалъ это Казанскій миссіонерскій съѣздъ въ согласіи съ 186 ст. улож. и 5 § постановленій епископовъ Юго-Зап. края. Въ дѣлѣ миссіи, болѣе чѣмъ въ другомъ какомъ, нужны мѣры терпѣливой кротости и евангельской любви, поэтому, по мнѣнію съѣзда, въ случаѣ неэффективности обычныхъ мѣръ привлеченія сектантовъ на бесѣды—каковы: объявленія чрезъ волостныя правленія, чрезъ благочинныхъ, становыхъ, сотскихъ, церковный благовѣстъ и проч., должно—прибѣгать къ внѣбогослужебнымъ собесѣдованіямъ и къ частнымъ бесѣдамъ въ домахъ сектантовъ. Пастырь, противодействуя въ своемъ приходѣ сектантской пропагандѣ утвержденіемъ въ вѣрѣ православныхъ и сохраненіемъ ихъ отъ заблужденій, не долженъ, по мнѣнію съѣзда, уклоняться и отъ открытой и непосредственной борьбы съ воинствующимъ сектантствомъ, поэтому онъ не долженъ ограничиваться церковнымъ учительствомъ въ формѣ положительнаго выясненія истинъ православнаго вѣроученія, а долженъ прибѣгать и къ собесѣдованіямъ съ сектантами публичнымъ и частнымъ. — Методы и приемы правильной постановки публичныхъ собесѣдованій были предметомъ тщательной разработки съѣзда какъ путемъ теоретическихъ сужденій, такъ и путемъ живыхъ, устныхъ бесѣдъ по различнымъ вопросамъ вѣры, пререкаемымъ сектантами.

Во *второй* главѣ „записки“ излагается представленный съѣзду епархіальнымъ миссіонеромъ Боголюбовымъ очеркъ появленія и движенія штундизма въ Харьковской епархіи въ связи съ исторіей этой секты вообще, съ наименованіемъ главнѣйшихъ пропагандистовъ и вожаковъ каждой отдѣльной общины епархіи и съ характеристикою религіозно-нравственнаго состоянія и внутренней организаціи штундистскихъ общинъ. Здѣсь приводятся въ извѣстность пункты, зараженные сектантствомъ, указываются имена и фамиліи вожаковъ сектантства и совращенныхъ ими лицъ, чѣмъ дается знать, съ какой стороны угрожаетъ врагъ, кого слѣдуетъ болѣе опасаться и на комъ—миссіи—останавливать особое вниманіе.

Въ *третьей* главѣ излагается представленное съѣзду

епархіальнымъ миссіонеромъ Боголюбовымъ вѣроученіе штундистовъ и еужденія членовъ сѣзда по главнѣйшимъ вопросамъ вѣры, пререкаемымъ и извращаемымъ сектантами. Вопросы эти были взяты непосредственно изъ опыта и въ своемъ рѣшеніи были направлены къ обвиненію сектантовъ, причемъ не ставилось цѣлью входить въ основательное выясненіе всѣхъ сторонъ вѣроученія штундистовъ и не имѣлось въ виду излагать всѣ ихъ возраженія, а преслѣдовалась лишь та цѣль, чтобы ознакомить духовенство съ лучшими методическими приѣмами собесѣдованій съ заблуждающимися. Предметомъ особенно тщательнаго обсужденія были вопросы: о свящ. Преданіи, о поклоненіи Богу духомъ и истиною, о молитвенномъ призваніи святыхъ, о почитаніи мощей, о богослужебныхъ молитвахъ и о почитаніи св. иконъ, причемъ, кромѣ общихъ теоретическихъ сужденій, по нѣкоторымъ изъ означенныхъ вопросовъ участниками сѣзда были проведены примѣрные бесѣды.

Четвертая и пятая главы представляютъ краткій очеркъ возникновенія и современнаго состоянія толстовщины въ Харьковской епархіи, съ чѣмъ ознакомилъ сѣздъ протоіерей Т. И. Буткевичъ, бывшій руководителемъ совѣщаній по вопросу о мѣрахъ борьбы съ этимъ видомъ сектантства. По наблюденіямъ о. Буткевича, посѣтившаго въ 1899 многія селенія Харьковской епархіи, зараженные толстовщиной, секта эта въ настоящее время замѣтно утратила свой острый характеръ и не проявляетъ открыто своей прежней фанатичной ненависти къ православной Церкви и духовенству, но это объясняется отчасти тѣмъ, что толстовцы въ настоящее время совершенно утратили интересъ къ религіознымъ вопросамъ, а все вниманіе сосредоточиваютъ на социальныхъ вопросахъ. Не надо начальства, войны, судовъ, не нужно платить податей, отбывать сельскія повинности, — вотъ о чемъ главнымъ образомъ мечтаютъ въ настоящее время толстовцы.

Въ 6, 7, 8, и 9 главахъ „записки“ излагаются сужденія сѣзда о хлыстовщинѣ и скопчествѣ въ ихъ прошломъ и настоящемъ развитіи въ Харьковской епархіи съ наименованіемъ приходовъ зараженныхъ этими видами сектантства, съ изложеніемъ вѣроученія этихъ сектъ и съ разборомъ главнѣйшихъ пунктовъ лжеученія скопцовъ.

Въ *десятой* главѣ излагаются краткія свѣдѣнія о состояніи раскола въ Харьковской епархіи.

Въ *одиннадцатой* главѣ излагаются сужденія сѣзда о мѣрахъ поднятія религіозно-нравственнаго уровня въ православномъ населеніи и — борьбы съ злѣйшимъ врагомъ Церкви штундо-толстовщиной.

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть изъ этого краткаго очерка содержанія „Записки“ г. Давыденко, сужденія

Харьковскаго миссіонерскаго съѣзда имѣютъ не узко только мѣстный интересъ; въ нихъ затрогиваются и рѣшаются существеннѣйшіе вопросы всей вообще миссіонерской практики. Рѣшеніе же этихъ вопросовъ подѣ руководствомъ такихъ извѣстныхъ дѣятелей миссіи, какъ протоіерей Т. И. Буткевичъ и епархіальный миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, служить лучшимъ ручательствомъ, что въ „Запискѣ“ г. Давыденко каждый пастырь и миссіонеръ найдетъ много полезнаго и поучительнаго для себя. Въ то же время епархіальные миссіонерскіе съѣзды въ столь обстоятельномъ и содержательномъ отчетѣ о харьковскомъ съѣздѣ должны найти наилучшую программу и руководство для своихъ занятій.

А. Орловъ.

К. Сильченковъ. *Къ вопросу о психологическихъ основахъ христіанства: о возможности и значеніи научно-художественнаго изображенія Господа нашего Иисуса Христа.* Сергіевъ Посадъ 1897.

Въ виду того, что въ интеллигентномъ обществѣ широко распространяются разныя антихристіанскія доктрины, а низшіе народныя слои болѣею частью пребываютъ въ религіозномъ невѣжествѣ,—богословская наука и литература поставлены въ необходимость вести упорную борьбу ради защиты и сохраненія въ неприкосновенной неизмѣнности драгоцннѣйшаго достоянія человѣчества—ученія Господа Иисуса Христа. Какой же характеръ должна по существу своему носить эта защита? Г. Сильченковъ въ выше названномъ сочиненіи справедливо находитъ, что въ богословско-литературныхъ трудахъ послѣдняго времени весьма слабо раскрываются положительныя стороны христіанства, и что въ самой богословской наукѣ значительно преобладаетъ полемическій элементъ, въ ущербъ положительному выясненію христіанскаго идеала. Такое положеніе дѣла автору представляется ненормальнымъ; да и въ богословской литературѣ все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль о преимущественной необходимости полного и всесторонняго разъясненія именно положительныхъ основъ христіанскаго вѣроученія. Но едвали можно исполнѣ согласиться съ мнѣніемъ г. Сильченкова о ненужности—и даже нѣкоторомъ вредѣ—самой широкой разработки отрицательно-апологетическаго элемента въ современномъ богословіи. Правда, что становится въ борьбѣ съ антихристіанскими и антицерковными писателями на ихъ точку зрѣнія—значить, если воспользоваться допущеннымъ г. Сильченковымъ сравненіемъ,—„выступать, покидая свои неприступныя твердыни, на борьбу со врагами въ зара-

нѣ избранное, въ качествѣ, конечно, наиболѣе для нихъ удобнаго, и занятое ими поле,—гдѣ успѣхъ борьбы съ ними болѣе сомнителенъ“ (2). Но вѣдь и сидѣніе за прочными стѣнами неприступной крѣпости еще не даетъ побѣды надъ врагомъ; напротивъ, оно даетъ ему поводъ считать себя непобѣдимымъ и поощряетъ его къ еще большей дерзости. Кромѣ того, богословская наука и литература ставятъ себѣ цѣлью не только охраненіе истинныхъ религіозныхъ понятій среди вѣрующихъ, но и вразумленіе заблудшихъ, а также и приобрѣтеніе возможно большаго числа новыхъ членовъ для Церкви Христовой. А для этого уже недостаточно только положительнаго высненія христіанскаго вѣроученія, — что существенно необходимо для духовно-нравственнаго развитія всякаго уже истинно-вѣрующаго человѣка, твердо исповѣдующаго Христово ученіе;—для просвѣщенія же заблуждающагося или колеблющагося, нетвердаго въ вѣрѣ Христовой необходимо разсѣяніе его сомнѣній, полное опроверженіе его ложныхъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій. Такимъ образомъ широкая и цѣлесообразная постановка этого чисто миссіонерскаго дѣла требуетъ и широкаго развитія богословско-полемиической и апологетической науки и литературы. При такомъ только условіи возможна побѣда надъ врагами христіанства и Церкви и на томъ полѣ, которое они сами выбираютъ для борьбы. Послѣ этого необходимаго замѣчанія переходимъ къ анализу сочиненія.

Основная идея христіанства, которая отвѣчаетъ самымъ глубокимъ стремленіямъ человѣческаго духа, и которая именно и дала христіанской вѣрѣ ту, поистинѣ чудесную, до сихъ поръ различно (и часто превратно) объясняемую побѣду надъ невѣріемъ и скептицизмомъ древняго міра, — есть *идея о Богочеловѣкѣ*, идея совершенно новая для древняго человѣчества, ярко и несравнимо отличающая христіанство отъ всевозможныхъ религіозно-нравственныхъ и философскихъ ученій всѣхъ временъ и народовъ. Въ частныхъ чертахъ христіанскаго вѣроученія, правда, можно замѣтить нѣкоторое *внѣшнее* сходство съ разными философскими и религіозными системами древняго міра, и это сходство богооткровенной религіи съ чисто-человѣческими измышленіями указываетъ только, что въ христіанствѣ нѣтъ ничего чуждаго и противорѣчащаго человѣческой психикѣ, и что оно во всей своей цѣлости находится въ строгой гармоніи съ ней. Но ни въ какомъ человѣческомъ ученіи нельзя встрѣтить идеи о Богочеловѣкѣ. Эта идея, осуществленная въ новозавѣтной исторіи человѣчества, произвела радикальный переворотъ въ умственномъ и нравственнымъ состояніи древняго міра и дала человѣческой культурѣ новыя основы и новыя средства для ея существованія и развитія. Частнѣе,—на идеѣ о Христѣ-Богочеловѣкѣ, представляющемъ Собой

безгранично высокій идеалъ человѣческихъ совершенствъ, основано ученіе о живой и дѣятельной любви къ ближнему, и это ученіе, взятое безъ отношенія къ его Божественному Учителю, уже утрачиваетъ свою жизненность, дѣлаясь теоретическимъ, мертвымъ и только *похожимъ* на ученіе Христа „лишь по внѣшнему виду, какъ трупъ походить на человѣка“. Все, что было истиннаго въ философскихъ и религіозно-нравственныхъ ученіяхъ древняго міра, не могло въ силу одной только своей истинности прочно привиться и войти въ сознаніе народныхъ массъ до пришествія Спасителя; но съ Его пришествіемъ тѣ же отвлеченныя, мертвыя истины были одухотворены, оживлены силой Христовой вѣры. „стали дорогою собственностью человѣчества, сдѣлались доступными для всѣхъ, проникли въ народные массы: чрезъ христіанство онѣ легли въ основу умственнаго и нравственнаго перерожденія человѣчества“ (19).

Какой же смыслъ имѣетъ идея Богочеловѣчества для нашего разума, и въ чемъ заключается все великое значеніе ея осуществленія для направленія человѣческой дѣятельности? Спаситель міра явился на землю какъ Богъ и въ то же время какъ человѣкъ, и такимъ образомъ далъ человѣчеству полную возможность 1) удовлетворить исконному, коренному своему стремленію приблизиться къ Богу, познать Его, насколько позволяютъ это ограниченныя силы человѣка, и 2) направить свою дѣятельность на осуществленіе истиннаго человѣческаго идеала, недосягаемымъ Выразителемъ котораго былъ Самъ Христосъ.

Все нравственное ученіе христіанства основано на любви къ Богочеловѣку, а любовь къ Нему невозможна безъ *познанія* Христа, какъ *человѣка*: „въ степени дѣйствительнаго познанія и пониманія Христа возрастаетъ любовь къ Нему человѣка“ (24). Но познаніе Его „всего менѣе можетъ быть отвлеченнымъ“; оно совершается чрезъ приближеніе къ Спасителю, чрезъ уподобленіе Ему, чрезъ совершенствованіе собственной человѣческой природы. Это — основной путь познанія Христа, доступный всякому человѣку, требующій для своего совершенія совокупной дѣятельности всѣхъ духовныхъ силъ его, хотя и съ преобладаніемъ его личной *воли*, направляющей эту дѣятельность. Работа, совершаемая такимъ образомъ, является болѣе всего *личнымъ* достояніемъ человѣка. Но такое познаніе Христа, хотя и наиболѣе полное, не является, однако, исключительнымъ. У человѣка есть полная возможность участвовать въ *общечеловѣческой* работѣ созиданія образа Спасителя, — воспринимать отъ ближнихъ и сообщать имъ съ своей стороны то, что достигается личнымъ духовно-нравственнымъ трудомъ. Средствомъ къ тому служатъ наука и искусство, какъ болѣе спеціальныя функціи *ума* и *сердца* человѣка. И дѣйствительно, „исторія

христіанской науки, литературы и искусства представляет намъ цѣлый рядъ опытовъ воспроизведенія Лица Богочеловѣка; не было другого предмета, который бы привлекъ въ этомъ отношеніи столько вниманія“ (25).

Переходя затѣмъ къ главному предмету своего сочиненія, г. Сильченковъ прежде всего выясняетъ смыслъ и значеніе научно-художественнаго воспроизведенія Личности Спасителя.

Полное и всестороннее познаніе безконечнаго идеала Богочеловѣка, само собою разумѣется, недостижимо для ограниченныхъ силъ человѣка; въ его познаніи образъ Христа отражается не во всей своей полнотѣ, познаніе Христа является неизбѣжно субъективнымъ, индивидуальнымъ, а потому болѣе или менѣе одностороннимъ и недостаточнымъ. А если таково человѣческое познаніе Богочеловѣка, то, естественно, таково же должно быть—и на самомъ дѣлѣ есть—и изображеніе Его въ человѣческихъ произведеніяхъ—научныхъ и художественныхъ. Полнѣйшее и единственное достойное Божества изображеніе Богочеловѣка,—именно, въ св. Евангеліи,—принадлежитъ Божеству—Св. Духу; св. Евангеліе даетъ намъ все необходимое для уразумѣнія Личности Сына Божія. Отсюда мы видимъ, что задача познанія и изображенія Богочеловѣка побуждаетъ насъ „углубляться въ черты евангельскаго повѣствованія о Христѣ, изучать ихъ, разбирать, сопоставлять, прояснять данными самонаблюденія, за краткими указаніями усматривать и чувствомъ близкой Спасителю своему души угадывать многое, что не сказано“ (31), всегда при этомъ имѣя въ виду „создавшійся уже и общій для всей Церкви Христовой образъ Его“. Дѣятельность человѣка въ этомъ направленіи не имѣетъ границъ, такъ какъ св. Евангеліе даетъ безконечное обиліе матеріала для воссозданія образа Спасителя, а св. Церковь, только нормируя эту дѣятельность, отнюдь не стѣсняетъ ея. И въ этой общечеловѣческой дѣятельности заключается проявленіе братства людей и истинный залогъ ихъ единенія.

Наконецъ, обращаясь къ рѣшенію вопроса объ условіяхъ и границахъ познанія и изображенія Богочеловѣка, г. Сильченковъ доказываетъ, что человѣческій разумъ никогда не можетъ достигнуть *адекватнаго* познанія, а потому и *полнаго, реальнаго* изображенія Личности Христа, ибо человѣкъ можетъ изобразить только *человѣческое* естество Сына Божія, но не можетъ изобразить Его *Божеское* естество. Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы видимъ постоянное и неискоренимое стремленіе человѣка къ *антропоморфическому* изображенію Божества и Божіе соизволеніе на это, выразившееся главнымъ образомъ въ сошествіи Сына Божія на землю и принятія Имъ именно *человѣческаго*, наиболѣе понятнаго *человѣку*, естества, а съ другой—невозможность точнаго и

полнаго (реальнаго) представленія Богочеловѣка. Какъ же гений человѣка можетъ достойно разрѣшить эту трудность? Въ отвѣтъ на это г. Сильченковъ цитируетъ слова проф. М. Д. Муретова: „Христосъ можетъ быть изображаемъ символически и условно, въ видѣ ли монограммы, или аллегорической фигуры, или наконецъ, православной иконы греческо-русской... Истинное Православіе знаетъ только образъ или икону Христа, а не картину или портретъ“. Православная Церковь, согласно духу христіанскаго вѣроученія, не стѣсняя религіозно-художественнаго творчества человѣка, лишь налагаетъ на него извѣстныя нормы, т. е. не вводя во всеобщее церковное употребленіе какихъ-либо разъ навсегда утвержденныхъ образцовъ для воспроизведенія съ нихъ неизмѣнныхъ, точныхъ механическихъ копій, даетъ только необходимый для искусства законъ, каковымъ и является вышеуказанный *символизмъ*. Онъ состоитъ въ употребленіи въ словесныхъ произведеніяхъ извѣстныхъ принятыхъ Церковію научно-богословскихъ терминовъ и формулъ, а въ произведеніяхъ художественнаго творчества—особыхъ иконописныхъ символовъ, каковы, напр., нимбъ или сіяніе вокругъ Лика Спасителя.

Сходясь въ своей задачѣ, христіанская наука и искусство пріобрѣтаютъ могущественное вліяніе на духовную жизнь христіанскаго общества, а эта жизнь знаменуется великимъ дѣломъ созиданія Христа въ сердцѣ человѣка, противопоставленіемъ христіанскаго идеала всѣмъ ложнымъ идеаламъ, порожденнымъ въ современномъ человѣчествѣ невѣріемъ, матеріалистическими доктринами и разнаго рода религіозными лжеученіями.

Сочиненіе г. Сильченкова касается вопроса, мало еще разработаннаго въ богословской литературѣ,—вопроса отношеній христіанскаго вѣроученія къ художественному творчеству человѣка.

Что касается изложенія г. Сильченкова, то оно, не отличаясь, правда, изяществомъ и легкостью стиля, мѣстами проникнуто сильнымъ религіознымъ воодушевленіемъ, вполне искупающимъ недостатки тяжеловатаго изложенія. Мы рекомендуемъ читателямъ это произведеніе, такъ какъ оно уже по самому предмету своему, расширяетъ религіозно-нравственный кругозоръ читателя, стремясь внести свѣтъ богословской науки въ такую область человѣческой дѣятельности, которая до сихъ поръ весьма рѣдко подвергалась научно-богословскому разсмотрѣнію. Книжка эта въ кругу интеллигентныхъ читателей антицерковнаго направленія можетъ имѣть миссіонерское, *подводящее* значеніе.

А. Ф —нз..

Соборное посланіе св. апостола Іакова. Опытъ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія. Іеромонаха Георгія (Ярошевскаго). Кіевъ. 1901. 1—VIII+299+1—XVII.

Почти о каждомъ новозавѣтномъ документѣ на Западѣ написаны цѣлыя десятки и даже сотни ученыхъ изслѣдованій. Не то у насъ, въ Россіи. Еще доселѣ о нѣкоторыхъ посланіяхъ и даже Евангеліяхъ нѣтъ ни одного цѣльнаго и солиднаго сочиненія. Но мало-по-малу этотъ прискорбный пробѣлъ русской богословской науки восполняется. Предъ нами книга, принадлежащая перу молодого ученаго и представляемая имъ въ качествѣ магистерской диссертациі, посвященная всестороннему историко-критическому и экзегетическому анализу соборнаго посланія св. апостола Іакова. Это первый въ нашей литературѣ серьезный опытъ научнаго изслѣдованія этого замѣчательнаго, въ высшей степени поэтическаго, апостольскаго творенія. По своему содержанію, названное сочиненіе распадается на двѣ части: исагогическую и экзегетическую. Первая посвящена вопросамъ о подлинности посланія, писателѣ, мѣстѣ и времени написанія, поводѣ къ написанію, читателей посланія и т. д. Авторъ основательно разбираетъ современные возраженія противъ апостольскаго происхожденія (Шпиттле и др.). Онъ старается доказать, что писатель посланія — Іаковъ, братъ Господень, лицо отличное отъ Іакова Алфеева, апостола изъ 12. Напрасно авторъ усиливается отнести появленіе посланія ко времени до апостольскаго собора: никакихъ чисто-іудейскихъ церквей не существовало и до этого времени, ибо прозелиты изъ язычниковъ появляются въ самое раннее время даже въ Іерусалимской Церкви.

Что касается экзегезиса, то толкованіе текста ведется авторомъ связано и обстоятельно. Онъ хорошо изучилъ лучшіе западные комментаріи, а по мѣстамъ представилъ самостоятельныя объясненія. Вообще сочиненіе о. Георгія можетъ быть весьма полезнымъ для занимающихся св. Писаніемъ и въ частности для миссіонеровъ. Посланіе ап. Іакова затрогиваетъ, или лучше сказать, рѣшаетъ многіе боевые въ миссіонерской полемикѣ вопросы, которые превратно толкуются современными рационалистами. Таковы вопросы объ оправданіи, о законѣ, о судѣ, о клятвѣ, о таинствѣ елеосвященія и т. д. Правда, не всѣ эти вопросы одинаково обстоятельно освѣщены въ сочиненіи о. Георгія, но тѣмъ не менѣе желающій найдетъ много новыхъ и дѣльныхъ сужденій.

Михаилъ Леоновичъ.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Возрожденіе иконописи. И отдѣльнымъ людямъ, и цѣлымъ народамъ необходимо знать и бережно охранять источники, которыми питается душа. За долгій періодъ, ознаменованный прививками западныхъ началъ, въ большинствѣ языческихъ, затуманились многія основныя понятія, пошатнулись многіе зиждительные устои русской жизни; въ особенности такъ называемое образованное общество утратило не только общія руководящія жизненныя начала, но и способность правильно оцѣнивать тѣ или иныя наглядныя явленія. Такъ дальше дѣло идти не можетъ, и всестороннее оздоровленіе русской жизни грозно выдвигается самою жизнью на очередь, какъ вопросъ неотложный.

Къ счастью, потребность въ жизненной правдѣ и чувство народнаго самосохраненія нашли пламенный откликъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего образованнаго общества. Создано „Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III“, закинула работа нѣсколькихъ духовно-просвѣтительныхъ братствъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи; наконецъ, недавно учредилось „Русское собраніе“, многосторонняя программа котораго посвящена выясненію и осуществленію исконныхъ русскихъ творческихъ началъ.

Главное зиждительное начало русской жизни—наше родное православіе: безъ него Россія утратила бы свой самобытный смыслъ и народъ нашъ превратился бы въ стадо западно-европейское или азіатское, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Благороднѣйшія усилія просвѣщенныхъ классовъ къ тому, чтобы выполнить долгъ передъ многомилліоннымъ кредиторомъ нашимъ,—русскимъ народомъ, должны быть направлены къ поддержанію вѣры, составляющей основу нашей жизни. Кто знаетъ? Быть можетъ, недалекъ уже день, когда съ этимъ вопросомъ, кореннымъ изъ коренныхъ для всего человѣчества, будетъ связанъ вопросъ о самомъ существованіи святой Руси, которой придется грудью отстаивать небесную истину на землѣ противъ цѣлаго союза народовъ, на дѣлѣ влывшихъ уже въ язычество!..

У насъ ошибочно принято считать Церковью только одно духовенство,—и темныя стороны церковной дѣйствительности вмѣнять въ вину одному этому сословію. Между тѣмъ, и по ученію свящ. Писанія, и по жизненной правдѣ, мы всѣ несемъ нравственную отвѣтственность за положеніе Церкви, и служить ей должны всѣ, кто не отпалъ отъ нея. Если этого не понимаютъ опьяненные малымъ знаніемъ или непомерною гордынею люди, считающіе себя образованными, то глубоко сознають эту правду и сыны народа, и Отецъ народа—русскій Царь.

На дняхъ, съ высоты Престола раздался призывъ къ работѣ въ одной изъ существеннѣйшихъ сферъ нашей вѣры,—въ области религіозно-художественной. Весьма знаменательны въ своей краткости слова этого Высочайшаго указа:

„Благолѣпіе храмовъ Божіихъ и украшающихъ оныя святыхъ иконъ издревле составляетъ предметъ душевной потребности православнаго русскаго народа. Въ Монаршихъ заботахъ о процвѣтаніи русской иконописи и охраненіи въ ней плодотворнаго вліянія художественныхъ образцовъ нашей старины, признали Мы за благо учредить, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Нашимъ, комитетъ попечительства о русской иконописи“.

Комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, графа С. Д. Шереметева, управляющимъ дѣлами назначенъ извѣстный ученый, академикъ Н. П. Кондаковъ, а членами комитета — представители Святѣйшаго Синода и министерствъ Императорскаго Двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Кромѣ того, будутъ привлекаться специалисты по разнымъ отраслямъ иконописнаго дѣла. Комитету предоставляется открывать иконописныя школы, содѣйствовать учрежденію артелей иконописцевъ, издавать руководства и пособія для иконописцевъ и образцовые снимки съ православныхъ иконъ, имѣющихъ наибольшее религіозно-художественное значеніе (лицевой подлинникъ), содѣйствовать сбыту иконъ, устраивать музеи и собранія.

Возвращеніе святѣйшаго Іоакима III на Константинопольскій патриаршій престолъ и посланіе Антонія Еп. Уфимскаго.

По поводу радостнаго для всей Церкви возвращенія Свят. Іоакима III на Константинопольскій патриаршій престолъ, въ уфимскомъ кафедральномъ соборѣ было отслужено преосвященнымъ Антоніемъ благодарственное молебствіе послѣ воскресной литургіи (3 іюня); предъ молебнымъ Владыка въ прочувствованномъ словѣ разъяснилъ значеніе событія. — Затѣмъ владыка, какъ личный знакомецъ патриарха, привѣтствовалъ его нижеслѣдующимъ посланіемъ, начинающимся обычнымъ на Востокѣ обращеніемъ къ блаженнѣйшему.

Всесвятѣйшій мой повелитель и владыка, вселенскій патриархъ, божественнѣйшій, богоблагодатнѣйшій и всякое, какое только есть для меня, божественное и высокое имя и предметъ.

Какъ свѣтъ быстро восходящаго солнца, озаряя поверхность земли, радуется всю живую тварь, такъ легкокрылая вѣсть о твоёмъ возвращеніи на важнѣйшій престолъ церковный заставила радостно вострепетать не только великую Церковь Царя-Града, но и всю правовѣрующую вселенную. Поистинѣ мы дождались какъ бы возвращенія тѣхъ дорогихъ христіанскому сердцу временъ древности, когда паства искала себѣ учителемъ мужа святаго и умѣла находить его въ далекихъ пустыняхъ, когда іерархи Церквей ничего не знали, кромѣ общаго спасенія душъ и, пребывая тѣломъ на землѣ, умомъ своимъ не оставляли неба; когда чуждые всякаго земного разсчета и страха, спокойно шли они за истину въ изгнаніе и на смерть и, моляся о людяхъ, вопіяли съ Моисеемъ: *„прости имъ грѣхъ ихъ, а если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей (Исх. 32, 32).*

Думали мы съ печалью, что навсегда прошли тѣ времена, но вотъ снова возвеличивается смиренномудренная святость. Аванасій торжественно возвращается въ Александрію, храмъ Анастасіи оглашается вновь словомъ богоглаголиваго Григорія, Златоустъ восторжествовалъ надъ мысленною Евдоксией, и ликующая паства лобызаетъ края его пустынническаго хитона. Обогащается вновь священная столица отъ далекой пустыни, но и пустыня Аѳонская не обнищеваетъ, потому что духъ твой, о красота Вселенской Церкви, по прежнему остается чуждъ міра и того, что въ мірѣ, и по прежнему лобызаетъ священныя высоты Аѳона, возносясь отъ нихъ къ высотамъ небесныхъ престоловъ въ умиленномъ славословіи Искупителя и въ пламенной молитвѣ о благостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всѣхъ.

Тамъ радуются святые ангелы, хранители Церквей, здѣсь благодарственно молятся люди, видя на вершинѣ церковныхъ престоловъ святаго пустынника, а долу слышится жалобный вопль искусителей демоновъ, низвергаемыхъ въ тартаръ твоею святительскою молитвой и далеко отгоняемыхъ отъ Церкви, какъ нѣкогда второй Аѳанасій, тотъ адамантъ горы Аѳонской, гналъ ихъ отъ своей обители вопившихъ: о горе, побиваетъ насъ Аѳанасій своею молитвой.

Да умножается же, владыко, и да украшается твоя архіерейская власть. Будетъ ли твое правленіе долготѣнно и богато внѣшней славой,—тогда оно обогатитъ духовно вселенную, какъ правленіе Великаго Василия, ибо въ славѣ своей ты научишь обуювшій родъ человѣческій вѣрѣ, смиренномудрію и воздержанію. Будетъ ли твое правленіе полно скорбей и препятствій для всякихъ внѣшнихъ преобразованій, но тогда, подобно Теодору Студиту, какъ добровольный мученикъ обогатишь ты духъ нашъ примѣромъ дерзновеннаго исповѣданія и надолго умножишь въ людяхъ упованіе на Христа и презрѣніе къ благамъ внѣшнимъ.

Да славится въ тебѣ и эллинская народность, да умножается въ ней и чрезъ нее въ прочихъ православныхъ народахъ древній духъ христіанскаго церковнаго, а не внѣшняго и правового общежитія (politisismos), да даруетъ оно снова разнымъ народамъ проповѣдниковъ Евангелія, обличителей лжи, учителей постнаго подвига.

Въ этомъ благородномъ и самоотверженномъ первенствѣ да познается ея сила, взамѣнъ политическихъ интригъ, къ сожалѣнію, обуювшихъ православныя народности въ послѣднее время и уподобившихъ Христово достояніе западнымъ еретикамъ, которые, говоря такъ много о человѣколюбіи, обнаруживаютъ лишь животную борьбу за богатства міра и жажду наслажденій.

Сіе печальное растлѣніе ты уничтожишь, какъ цѣлитель ослабѣвшаго народа, Великій Моисей; ты возвратишь намъ соревнованіе только въ томъ, чтобы пріобрѣтать Христа, Котораго благодать отпечатлѣна на твоёмъ преподобномъ ликѣ. Всѣмъ христіанамъ православнымъ ты напомнишь собою, своею равноапостольною жизнью и громоноснымъ словомъ, что мы первѣе всего сыны Вселенской Церкви, нити нешвеннаго хитона Христова, члены Его Пречистаго Тѣла.

Печально наше время: умножились страсти, померкла вѣра, но никакая тьма не можетъ воспрепятствовать горящему свѣточу и никакое заблужденіе времени не можетъ воспрепятствовать дѣйствию благодатной силы, которую стяжалъ подвижникъ Божій молитвою и постомъ. Ты прославивъ снова святую Церковь и возвратишь время соборовъ, время чудесъ, время забвенія людьми зѣмныхъ преградъ и время общаго ихъ единенія въ Церкви Вселенской. Духомъ

своимъ слышу я „громкій голосъ какъ бы многочисленнаго народа, который говорилъ: Аллилуія! спасеніе, и слава, и честь, и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его! (Апок. 19, 1). Молитва твоя да совершить сѣ, а отъ твоего раба прими сѣ орудіе молитвы, именуемое духовнымъ мечомъ¹⁾.

Смиренный *Антоній*, *Божією милостію Епископъ Уфимскій и Мензелинскій*.

Торжество закладки храма и Общепархіальнаго дома въ Москвѣ.

14 іюня сего 1901 года состоялась закладка храма во имя св. Благовѣрнаго Князя Владиміра, устраиваемаго при обширномъ и весьма важномъ по цѣли—зданіи для многообразныхъ церковно-епархіальныхъ нуждъ Московской епархіи. Зданіе воздвигается на землѣ Петровскаго монастыря, что въ Лиховомъ пер., въ Каретномъ ряду. Зданіе будетъ въ два большихъ этажа и третій полуподвальный.

Въ первомъ этажѣ будутъ находиться: Православное Миссіонерское Общество, Кирилло-Мееодіевское Братство, Духовно-цензурный Комитетъ, Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, Церковно-археологическій музей и помѣщенія для продажи духовно-нравственныхъ, учебныхъ и противосектанскихъ книгъ отдѣломъ Общ. Люб. Дух. Просв. по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ, Братствомъ св. Петра Митрополита, Кирилло-Мееодіевскимъ Братствомъ и для торговли свѣчами и деревяннымъ масломъ. Во второмъ этажѣ, въ самомъ центрѣ зданія, будетъ устроенъ храмъ во имя св. Благовѣрнаго Князя Владиміра, а въ непосредственной близости съ нимъ, и какъ бы его продолженіе, помѣстится обширное зало (на 1500 чел.) для богословскихъ чтеній, образцовыхъ собесѣдованій съ народомъ, а также для торжественныхъ собраній обществъ и братствъ. Тутъ же будетъ другое, меньшее зало для очередныхъ собраній разныхъ отдѣловъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и другихъ учреждений,—обширныя и безопасныя въ пожарномъ отношеніи помѣщенія: для цѣнной Епархіальной Библіотеки съ бесплатной читальной залой, для библіотеки братства св. Петра Митрополита, для Правленія эмеритальной кассы для духовенства Московской епархіи и, наконецъ, квартира для священника церкви св. Владиміра. Устройство

¹⁾ При письмѣ посылались аметистовыя четки.

этого зданія обязано инициативой высокопреосвященному митрополиту.

Церковно-епархіальныя учрежденія доселѣ были разбросаны по разнымъ, нерѣдко довольно отдаленнымъ мѣстамъ; иныя изъ нихъ человѣку, случайно поимѣвшему надобность въ которомъ-либо, трудно было даже и найти. Съ постройкой настоящаго Общеепархіальнаго зданія всѣ эти неудобства разъ навсегда исчезнутъ, и всѣ церковно-епархіальныя учрежденія Москвы будутъ объединены въ одномъ зданіи.

Въ своей прекрасной рѣчи при закладкѣ владыка митрополитъ выяснилъ, что, помимо этого чисто внѣшняго удобства, объединеніе въ одномъ зданіи всѣхъ главнѣйшихъ просвѣтительныхъ учреждений является дѣломъ, исполненнымъ глубокаго внутренняго смысла и миссіонерскаго значенія,—и потому въ высшей степени отраднымъ.

Церковь—учрежденіе Божественное; она вѣчна и незыблема, ибо основана на твердомъ незыблемомъ основаніи и руководится вѣчными и непреходящими, высшими религіозно-нравственными цѣлями. Но, будучи таковою, Церковь не сторонится отъ обществъ человѣческихъ и ихъ состояій; она, напротивъ, сама идетъ на встрѣчу тѣмъ особеннымъ запросамъ, которые въ каждомъ религіозномъ обществѣ въ извѣстное время сказываются съ наибольшею настоячивостью. Это особенно приложимо къ столичному населенію, какъ наиболѣе образованному и скорѣе отражающему на себѣ вѣянія даннаго времени. Такъ, напр., нельзя не отмѣтить, что настоящій вѣкъ характеризуется, по преимуществу предъ всякимъ инымъ періодомъ, необыкновеннымъ подъемомъ и развитіемъ вѣры въ чистый разумъ, желаніемъ все понять и уяснить своимъ собственнымъ умомъ,—и въ то же время дерзновеннымъ отрицаніемъ того, что несогласно или необъяснимо естественными законами мышленія. Умственная гордость, вмѣстѣ съ развитіемъ самолюбія, само собою, исключаетъ проявленіе живой сердечной вѣры. Холодный разсудокъ погашаетъ въ душѣ человѣка всякія искры вѣры. Поэтому многихъ изъ современныхъ интеллигентовъ уже не удовлетворяютъ указанія на авторитетъ и необходимость вѣры для ихъ жизни. Личное „я“—вотъ для нихъ авторитетъ и предметъ поклоненія. И немудрено поэтому слышать даже отъ титулуемыхъ „великими“ писателей фразы, указывающія на самообожаніе („я въ Богъ и Богъ во мнѣ“—выр. гр. Л. Н. Толстого).

Было бы несправедливо говорить, что современные интеллигентные люди не интересуются вопросами высшаго порядка и особенно религіозными. Религія прирождена человѣку, и онъ не можетъ изгнать изъ своей души религіозныхъ стремленій. Но, не имѣя правильныхъ понятій о вѣрѣ и религіи,—онъ шатается въ религіозныхъ вопросахъ, хва-

таясь за всякое новое—модное ученіе, особенно съ раціональной окраской. Подобное состояніе представляет весьма удобную почву для сѣянiя на ней разнаго рода лжеученiй и антихристіанскихъ направленiй легкаго раціоналистическаго характера, чѣмъ и объясняется появленіе всякихъ самовольныхъ -- непризванныхъ учителей и ихъ успѣхъ. Церковь Христова въ лицѣ своихъ пастырей, особенно столичныхъ городовъ, должна помочь свѣтскому обществу разобратся въ той массѣ всякаго чуждаго наслоенiя на чистоту христіанскаго вѣроученiя, какимъ характеризуется „духъ нашего времени“, и показать этому обществу ученіе вѣры Христовой, которое содержитъ православная Христова Церковь, во всемъ ея непреерекаемомъ величii. Кромѣ того, колеблющихся нужно удержатъ въ оградѣ Церкви, сомнѣвающихся утвердить, ищущихъ истины наставить, а уклонившихся опять возвратить на путь спасенiя. Для своевременнаго и энергичнаго дѣйствiя въ этомъ направленiи необходимо организовать внутреннее миссіонерство. А устроить эту внутреннюю миссію только и можетъ тѣсный, братскiй союзъ всѣхъ дѣятелей духовнаго міра съ архипастырями во главѣ. Вотъ это - то внутреннее объединеніе и сплоченіе всѣхъ наличныхъ силъ духовенства съ вышеуказанными цѣлями и имѣется въ виду епархіальною властію Москвы, которая задалась цѣлю сосредоточить всѣ церковно-просвѣтительныя свои учрежденiя въ одномъ мѣстѣ.

Да благословитъ же Богъ Церковь Московскую на ея новыя и трудныя подвиги. Пусть это зданіе, увѣнчиваемое куполомъ церкви во имя Равноапостольнаго Просвѣтителя древней земли Русской, явится символомъ братскаго объединенiя съ просвѣтительными цѣлями не только Москов. столичнаго духовенства, но и всѣхъ тѣхъ, кому дороги безцѣнные завѣты Христовой вѣры и святой Церкви!

Торжество закладки общеепархіальнаго дома приурочено было ко времени епархіальнаго сѣзда благочинныхъ всей московской епархіи, которые, въ числѣ болѣе ста душъ, приняли участіе въ крестномъ ходѣ на мѣсто постройки новаго зданiя.

Послѣ молитвеннаго торжества, въ митрополитанскихъ покоехъ Чудова монастыря предложена была владыкою митрополитомъ трапеза всему московскому духовенству и депутатамъ сѣзда. Присутствовавшiй въ числѣ почетныхъ гостей чиновникъ особыхъ порученiй при г. Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода, редакторъ нашего журнала В. М. Скворцовъ сказалъ, рѣчь (экспромптъ) приблизительно слѣдующаго содержанiя.

„Высокопреосвященнѣйшiй владыка и досточтимые отцы сего освященнаго собора московской Церкви!

„Благое дѣло, коему положено сегодня начало, близко соприкасается съ задачами миссіи, скромнымъ служителемъ которой состою и я, а поэтому благословите приобщиться къ вашему знаменатель-

ному въ настоящемъ, многообѣщающему въ будущемъ торжеству своимъ миссіонерскимъ словомъ привѣта и благожеланія.

Простите, если начну издадека,—съ безспорныхъ истинъ: Москва—сердце Россіи. Сердце—главное сосредоточіе жизни каждаго организма, а слѣдовательно, и нашего церковно-государственнаго. По вѣковой народной мудрости сердце—не камень, а и камень капля долбитъ... Нечего удивляться, если тлетворныя вѣянія нашего лукаваго времени болѣзненно отражаются и на сердцѣ Россіи, выражаясь въ неправильномъ біеніи, въ слабыхъ тонахъ. Врачи, когда приступаютъ къ лѣченію немощствующаго организма, прежде чѣмъ предписать тѣ или другія средства лѣченія прислушиваются къ состоянію сердца. Присматриваются, прислушиваются къ сердцу Россіи и дѣятели миссіи, врачующіе современные духовные недуги, которыми одержимо наше русское общество и народъ: а что Москва? коснулись ли ея и въ какой мѣрѣ недуги нашего времени, какъ и чѣмъ она отражаетъ эпидемію, ограждаетъ себя отъ прироженія болѣзненныхъ повѣтрій?

Прислушиваясь къ голосу и настроенію провинціи, я долженъ, не обинуясь, доложить ея думы о Москвѣ, какъ о духовно немощствующей и даже страждущей, едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ другіе центры нашей церковно-государственной жизни: въ интеллигентныхъ классахъ общества бушуютъ огромною волною всякіе измы, въ народныхъ массахъ крѣпнутъ расколъ и секты. Угнѣздившееся въ Москвѣ вѣковое зло—расколъ въ послѣдніе годы ухитрился создать распорядительный центръ.

Подступила къ сердцу Россіи и окраинская лютая немощ—штунда. Въ Москвѣ главный потокъ и того лжеученія, которое такъ дерзновенно возстало на Господа и на Христа и на Его св. достояніе,—Церковь Божию! Все это недуги изнурительные, болѣзненно отражаясь на сердцѣ Россіи—Москвѣ, они способны расслаблять и весь нашъ церковно-государственный организмъ.

И вотъ въ такое-то страдное время, переживаемое духовнымъ настроеніемъ современной Россіи, благодаря чуткой отзывчивости къ духовнымъ потребностямъ своей паствы высокопреосвященнаго первосвятителя Москвы, сердце Россіи заявляетъ свою жизненную деятельность усиленнымъ біеніемъ пульса: открыта цѣлая сѣть систематическихъ вѣбогослужебныхъ праздничныхъ бесѣдъ для народа, организованы богословскія чтенія для интеллигенціи, проектируется учрежденіе специальной кафедрѣ миссіонера—проповѣдника, а вотъ устраивается общепархіальный домъ и Церковь и главнымъ образомъ для цѣлей миссіи.

„Когда Петербургъ, а затѣмъ и Кіевъ учреждали свои многопалатныя религіозно-просвѣтительныя общества, устраивали зданія для народно-просвѣтительныхъ цѣлей, взоры ревнителей православія обращались и на Москву, а что же де Бѣлокаменная? Но Москва подражать не любитъ, она—самобытна, а если, что она предпринимаетъ, то и осуществляетъ въ большемъ, въ московскомъ масштабѣ—и создаетъ нѣчто неподражаемое. Такимъ является и создаваемое нынѣ зданіе *общепархіальнаго дома*, грандіознаго по плану, величественнаго по идеѣ и назначенію. Ничего подобнаго нѣтъ въ Россіи среди епархіальныхъ сооружений и быть не можетъ нигдѣ помимо Москвы. Этотъ рукотворенный памятникъ заботѣ епархіальной власти о преуспѣяніи современной духовно-просвѣтительной миссіи пусть же будетъ и символомъ возсозданія въ сердцѣ Россіи—Москвѣ образцоваго состоянія внутренней миссіи, дабы Москва служила примѣромъ и опорой для внутренней миссіи другихъ епархій, такъ чтобы „настоящій домъ“ былъ въ широкомъ смыслѣ *общепархіальнымъ*“.

„Посѣщая Москву и изучая въ этомъ „средоточіи“ и епархіальныя и миссіонерскія учрежденія иноепархіальные посѣтители пусть и поучаются здѣсь всему образцовому, а наипаче же искусству по-

боронія враговъ Церкви оружіемъ неподкупной правды, шитомъ непреоборимой вѣры, силою духовнаго меча, — Слова Божія, „во славу Божию и на пользу св. Церкви“.

Послѣ рѣчи В. М. Скворцова архидіаконъ провозгласилъ обычное многолѣтіе.

Зданіе вчернѣ предполагается окончить въ этомъ году. Предполагается, что настоятелемъ новой Церкви будетъ миссіонеръ.

Обрядъ возведенія на кафедру католическаго митрополита.

10 іюня въ Петербургѣ въ римско-католической церкви св. Екатерины происходила рѣдкая церемонія—присяга католическихъ епископовъ и врученіе папскаго палліума (т. е. возведеніе въ санъ архіепископа) Болеславу Клопотовскому, епископу луцко-житомирскому, бывшему нѣкогда инспекторомъ Императорской римско-католической духовной академіи въ Петербургѣ, назначенному теперь архіепископомъ могилевскимъ, митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.

Множество богомольцевъ переполнило церковь, куда пускали по билетамъ.

Богослуженіе началось въ 10 час. Открытый алтарь утопалъ въ тропической зелени пальмъ и латаній. Въ бѣлыхъ стихаряхъ по обѣимъ сторонамъ престола стояли здѣсь клирики и студенты духовной академіи, въ бархатныхъ фіолетовыхъ одеждахъ профессора академіи и въ цвѣтныхъ сутанахъ члены могилевскаго капитула—каноники и прелаты, въ числѣ ихъ первый членъ, папскій протонотаріусъ ксендзъ Мацулевичъ, инспекторъ академіи Ретке и пр. Тутъ же находились мѣста для почетныхъ лицъ и прихожанъ. Официально присутствовали: директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій т. с. Мосоловъ, вице-директоръ камергеръ Альбединскій и нѣкоторые чиновники, а также привезшіи изъ Рима папскія буллы г. Манасевичъ-Мануйловъ.

Въ числѣ присутствовавшихъ находились главноуправляющій вѣдомствомъ Императрицы Маріи ген.-ад. графъ Протасовъ-Бахметевъ, генералъ Жилинскій, д. с. с. Ивашкевичъ и др.

Встрѣченный торжественно всѣмъ клиромъ, при звукахъ органа и пѣніи хора, епископъ Клопотовскій вошелъ въ храмъ съ Невскаго проспекта главнымъ входомъ. Онъ былъ въ красномъ одѣяніи (кардинальнѣйшій цвѣтъ, присвоенный могилевской архидіоцезіи), съ драгоцѣннымъ Высочайше по-

жалованнымъ при назначеніи архіепископскимъ перстнемъ на рукѣ.

Митрополитъ Клопотовскій занялъ мѣсто у рѣшетки алтаря противъ престола, окруженный членами капитула. Изъ ризницы въ облаченіи вышелъ въ это время съ посохомъ въ рукѣ ректоръ католической духовной академіи епископъ-суффраганъ Карлъ Недзялковскій съ священниками и сталъ у престола. Митрополитъ Клопотовскій у престола прочиталъ тогда присягу Государю Императору, которую и подписалъ на поставленномъ столикѣ. Присягу митрополита скрѣпилъ т. с. Мосоловъ. Епископъ Недзялковскій совершилъ мессу, въ концѣ которой митрополитъ снова подошелъ къ престолу. Здѣсь были прочитаны папскія буллы инспекторомъ духовной академіи папскимъ прелатомъ Ретке (о назначеніи епископа Клопотовскаго архіепископомъ-митрополитомъ) и каноникомъ Малецкимъ (о предоставленіи паллума и разныхъ правъ архіепископской власти).

Послѣ торжественнаго облаченія въ священныя одежды митрополита Клопотовскаго епископъ Недзялковскій возложилъ на него *Pallium*. *Pallium* — это бѣлый шерстяной неширокій шарфъ, полоса бѣлой матеріи съ черными крестами. Ежегодно въ день св. Агнесы 9 февраля нов. ст., папа въ латеранскомъ соборѣ освящаетъ двухъ совершенно бѣлыхъ безъ пятнышекъ ягнятъ, которыхъ, разукрашенныхъ лентами, представляютъ ему каноники латеранской базилики. По освященіи ягнята поручаются попеченію сестеръ монастыря св. Агнесы, на которыхъ уже цѣлые вѣка лежить обязанность ухода за такими ягнятами и стрижка съ нихъ шерсти, изъ которой ткутъ палліумы. Прежде это была мантия, а теперь родъ воротника, лежащаго на плечахъ, съ короткими концами, падающими на грудь и на спину.

Другой внѣшній знакъ архіепископскаго сана—преднесеніе креста съ распятіемъ во время богослуженія.

Пока митрополитъ принималъ поздравленія отъ официальныхъ лицъ, прелатовъ, профессоровъ и студентовъ академіи, подходившихъ подъ благословеніе, епископъ Недзялковскій удалился въ ризницу разоблачаться.

Въ полномъ облаченіи, окруженный атрибутами своего сана, митрополитъ Клопотовскій въ свою очередь принялъ присягу епископа Недзялковскаго, назначеннаго епископомъ луцко-житомірскимъ. Прочитана была присяга Государю Императору, затѣмъ профессоръ каноникъ Теплякъ прочиталъ папскую буллу, и епископъ Недзялковскій, стоя на колѣняхъ, принесъ присягу папскому престолу, послѣ чего митрополитъ Клопотовскій приступилъ къ совершенію торжественной первой своей архіепископской мессы. Послѣ евангелія ксендзъ Чететъ съ каеэдры оповѣстилъ по-польски.

по-французски и по-нѣмецки переводъ папской буллы о назначеніи митрополита Клопотовскаго, а затѣмъ митрополитъ обратился съ своей кафедрѣ съ краснорѣчивымъ словомъ къ своей паствѣ, убѣждая ея быть твердой въ вѣрѣ и послушаніи Церкви и проводя ту мысль, что та только наука истинна, которая освящена вѣрою. Митрополитъ привѣтствовалъ также свой клиръ и академію и затѣмъ благословилъ паству. Послѣ литургіи было воспѣто *Te Deum*, прекрасное исполненіе котораго закончилось молитвою за Государя и Царствующій домъ.

Витебскій миссіонерскій епархіальный съѣздъ. 4—9 іюня въ Витебскѣ, съ благословенія мѣстнаго преосвященнаго епископа Тихона, происходили засѣданія витебскаго перваго миссіонерскаго съѣзда. Въ составъ членовъ съѣзда входили мѣстные дѣятели миссіи, во главѣ съ епархіальнымъ миссіонеромъ (о. Антоній Сченсновичъ), приходскіе священники, преподаватели семинаріи, нѣсколько учителей народныхъ школъ, во главѣ съ епархіальнымъ наблюдателемъ (о. Н. Серебрянниковымъ), всего до 40 членовъ. Предсѣдателемъ съѣзда избранъ былъ законоучитель полоцкаго кадетскаго корпуса свящ. о. Н. Околовичъ. Руководителемъ съѣзда былъ редакторъ нашего журнала В. М. Скворцовъ, командированный г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода для участія въ совѣщаніяхъ съѣзда и обревизованія миссіонерской дѣятельности мѣстнаго братства и консисторіи.

Занятія съѣзда отличались большимъ оживленіемъ и принесли несомнѣнную пользу дѣлу мѣстной миссіи. Одно изъ засѣданій съѣзда посвящено было публичной бесѣдѣ съ раскольниками. Закончился съѣздъ публичною лекціей В. М. Скворцова на тему о томъ: „когда и какъ отпаль отъ Церкви гр. Л. Н. Толстой и его послѣдняя исповѣдь“. Лекція привлекла огромную массу слушателей разныхъ классовъ общества.

Въ ознаменованіе столѣтія со времени учрежденія едино-вѣрія съѣздомъ постановлено создать церковь въ м. Рѣжицѣ, — центръ мѣстнаго раскола. На это св. дѣло откликнулись присутствовавшіе на съѣздѣ купцы-единовѣрцы Кузнецовъ и Никоновъ щедрою жертвою по 1,000 р. каждый. Подробности совѣщаній и постановленій Витебскаго съѣзда сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Памяти почившаго миссіонера.

28 іюня внезапно скончался извѣстный въ борьбѣ съ расколомъ дѣятель-миссіонеръ изъ мірянъ-начетчиковъ, Егоръ Антоновичъ Антоновъ, трудившійся не только устно, но и письменно. Проф. Н. Н. Субботинъ въ „Моск. Вѣд.“ посвятилъ теплыя строки памяти почившаго достойнаго ратоборца. Покойный былъ крестьяниномъ Тверской губерніи. Еще въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ родителями, уклонившимися отъ православной Церкви, онъ былъ „перемазанъ“ въ австрійскій расколъ. Грамотѣ обучила его мать; потомъ онъ выучился хорошо писать по-уставному и, по порученію тогдашняго раскольниковческаго архіепископа Антонія Шугова, занимался у себя въ деревнѣ перепиской раскольниковскихъ сочиненій, которыя Антоній усердно распространялъ для поддержанія раскола, а затѣмъ поступилъ уже въ писцы къ Антонію въ его канцелярію, гдѣ и началъ служить вмѣстѣ съ явившимся тогда же въ Москву Онисимомъ Швецовымъ, нынѣшнимъ лжеепископомъ раскольниковъ.

Это было въ шестидесятыхъ годахъ, во время возбужденныхъ въ австрійскомъ расколѣ изданіемъ *Окружнаго Посланія* интересныхъ и замѣчательныхъ движеній. За всѣми тогдашними событіями въ расколѣ молодой писецъ Антонія слѣдилъ съ живѣйшемъ участіемъ; какъ человѣку выдающихся способностей и умѣвшему грамотно писать, ему поручили даже составленіе разныхъ бумагъ (между прочимъ, онъ составлялъ благодарственный адресъ раскольниковъ извѣстному Верховскому за его благопріятствующія расколу сочиненія); но какъ именно разумный и притомъ безпристрастный человѣкъ, онъ не могъ не усмотрѣть, въ какія противорѣчія запутались раскольники австрійскаго согласія, споря изъ-за *Окружнаго Посланія*, и началъ питать сомнѣнія относительно правильности и законности австрійскаго священства, даже сталъ читать, безъ предубѣжденія и охотно, православныя сочиненія противъ раскола, за что его товарищъ Швецовъ, сильно негодовалъ на него. Окончательно же рѣшимостью оставить расколъ онъ былъ обязанъ встрѣчамъ и свиданіямъ съ отцомъ архимандритомъ Павломъ (Прускимъ).

Въ 1876 году, по порученію Антонія и по собственному желанію, онъ присутствовалъ на замѣчательной въ своемъ родѣ, происходившей въ домѣ старообрядца Жарова, бесѣдѣ отца Павла со Швецовымъ, кончившейся посрамленіемъ этого послѣдняго, и потомъ на его же бесѣдѣ у А. В. Смирнова съ Иваномъ Зыковымъ, кончившейся также рѣшительнымъ пораженіемъ этого безпоповщинскаго наставника. На

Егора Антоновича эти бесѣды произвели такое сильное впечатлѣніе, что вскорѣ же онъ явился къ отцу Павлу въ Никольскій монастырь и, побесѣдовавъ съ нимъ, остался здѣсь навсегда. Предъ обращеніемъ къ Церкви, вѣрнѣе, предъ возвращеніемъ своимъ въ православную Церковь, въ которой былъ крещенъ, написалъ онъ, по совѣту отца Павла, и подалъ Антонію свои извѣстные, сильно смутившіе старообрядцевъ, вопросы о Церкви и іерархіи, неоднократно потомъ изданные братствомъ св. Петра Митрополита.

Для братства покойный былъ неутомимѣйшимъ и полезнымъ слугою, сначала въ должности продавца при братской книжной лавкѣ, гдѣ велъ нерѣдко и бесѣды со старообрядцами, а съ не очень давняго времени въ должности заведующаго Хлудовскою бібліотекою, книжнымъ братскимъ складомъ и разсылкой братскихъ изданій. Многіе и изъ ученыхъ, посѣщавшіе Хлудовскую бібліотеку для занятій, безъ сомнѣнія, хранятъ о немъ добрую память за его привѣтливость, внимательность и готовность, съ какими онъ исполнялъ ихъ требованія.

Все время, оставшаеся отъ этихъ трудныхъ по братству занятій, посвящалъ покойный сочиненіямъ противъ раскола, которыя, можно сказать, и составляютъ главный подвигъ его жизни, которыми и воздвигъ онъ себѣ достойный памятникъ.

Видя склонность и способность Егора Антоновича къ литературнымъ занятіямъ, приснопамятный отецъ архимандритъ Павелъ старался поощрять его къ этимъ занятіямъ, помогая своими совѣтами и указаніями, особенно поручалъ разсмотрѣніе новѣйшихъ раскольниковскихъ сочиненій, которыхъ въ послѣднее время стало являться очень много. Имъ дѣйствительно разобраны и весьма основательно опровергнуты сочиненія самыхъ видныхъ нынѣшнихъ раскольниковскихъ писателей—Швецова, Перетрухина, Леханикова и др. Наиболѣе цѣннымъ изъ этихъ трудовъ его были *отвѣты на 105 вопросовъ*, поданныхъ раскольниками австрійскаго согласія на бесѣдахъ, происходившихъ въ домѣ Шумова.

Къ составленію этихъ отвѣтовъ покойный приступилъ по порученію отца Павла, который находилъ, что вопросы нельзя отставить безъ отвѣта. *Отвѣты* Егора Антоновича вызвали весьма обширное раскольниковское сочиненіе, изданное подъ заглавіемъ: *Разборъ отвѣтовъ на сто пять вопросовъ*, надъ составленіемъ котораго трудились всѣ наилучшіе раскольниковскіе писатели (съ помощію и нераскольниковскихъ), и въ которомъ излита вся злоба раскола на Православіе.

Въ послѣднее время Егоръ Антоновичъ былъ занятъ разсмотрѣніемъ этого *Разбора*, и одна часть этого труда его, первоначально напечатанная въ *Братскомъ Словѣ*, была издана годъ тому назадъ, а вторая, печатавшаяся въ *Душеполезномъ Чтеніи*, только что явилась въ прошломъ мѣсяцѣ. Всѣ его

сочиненія составляютъ цѣнный вкладъ въ противораскольническую литературу и служатъ весьма полезнымъ пособіемъ для противораскольническихъ миссіонеровъ.

Братство св. Петра Митрополита и вообще миссіонерство противъ раскола понесло въ его лицѣ тяжелую потерю. Всѣ противораскольнические дѣятели, безъ сомнѣнія, со скорбію прочтутъ извѣстіе о неожиданной кончинѣ этого горячо преданнаго Церкви ратоборца противъ враждующаго на Церковь раскола и помолятся объ упокоеніи его кроткой и смиренной души.

Нѣмецкая газета „Tägliche Rundschau“ объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ названной газеты помѣщена статья, проникнутая искреннимъ восхищеніемъ свѣтлою личностью русскаго пастыря. Автора этой статьи поражаетъ удивительно простой и скромный паружный видъ человѣка, котораго глубоко чтятъ многіе милліоны. „Отецъ Іоаннъ,—говоритъ онъ,—который выслушалъ покаяніе милліоновъ людей, находился у кровати тысячъ болящихъ и умирающихъ, видѣлъ, выслушалъ и успокоилъ многія множества труждающихся и обремененныхъ, который одинаково чувствуетъ себя какъ во дворцѣ, такъ и въ грязнѣйшей хижинѣ послѣдняго бѣдняка; который для всѣхъ все,—онъ вездѣ не только утѣшитель, но и дѣйствительный помощникъ. Не пересчитать тѣхъ денегъ, которыя проходятъ черезъ его руки на различныя добрыя дѣла. Многочисленныя полезныя учрежденія, больницы, пріюты, благотворительныя общества, церкви и т. п. содержатся или поддерживаются помощью кронштадскаго пастыря. А тамъ, гдѣ не нужны деньги, является на помощь превосходная душевная діагностика отца Іоанна, который никогда не откажетъ въ добромъ совѣтѣ, въ утѣшеніи, благословеніи, совмѣстной молитвѣ—сегодня въ Кронштадтѣ, завтра въ Петербургѣ, а черезъ два, три дня постѣ того, быть-можетъ, уже за тысячи верстъ оттуда. Приходится положительно удивляться,—замѣчаетъ авторъ статьи,—откуда у семидесятипятилѣтняго старца берется сила, чтобы выдержать этотъ постоянный сверхчеловѣческій трудъ“. Въ заключеніе своей характеристики кронштадскаго пастыря авторъ статьи, перечисливъ разнообразныя труды его, говоритъ: „Все это происходитъ благодаря его бодрости духа, которую русскій человѣкъ повсюду ищетъ, и которую онъ обрѣлъ въ отцѣ Іоаннѣ царящей надъ его немощною плотью“.

Отъ редакціи.

Вынужденное объясненіе.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ №№ 182 и 189 помѣщены *два письма* за подписью гг. Костюкова и Ожигова, по поводу напечатанія редакціей „Миссіонер. Обзорѣнія“ объявленія въ № 9023 „Новаго Времени“.

Суть упомянутыхъ писемъ вкратцѣ такова:

Усмотрѣвъ въ означенномъ нашемъ объявленіи „усиленную“, почему-то „странную“ рекламу іюньской книжки нашего журнала, за счетъ будто бы помѣщеннаго въ этомъ выпускѣ „Отвѣта“ гр. Л. Н. Толстого Св. Синоду, авторы объявили „Миссіонер. Обзорѣніе“ *органомъ оффиціальной Церкви*, надѣленнымъ поэтому „свободой обсужденія чего угодно и какъ угодно“ и владѣющимъ *всѣми* способами къ распространенію критическихъ статей противъ „великаго писателя“ (до даровой раздачи ихъ въ храмахъ включительно). При этомъ въ письмахъ выражены не то упрекъ, не то недоумѣніе по поводу пониженія нами цѣны іюньскому выпуску и по поводу того, почему де журналъ нашъ не прибѣгаетъ „къ такой же широкой огласкѣ“ своихъ статей, обличающихъ ученія *другихъ* враговъ Церкви.

Соль же этихъ писемъ заключена въ послѣднихъ строкахъ перваго письма: „какія странныя сплетенія преслѣдуютъ, порой русскаго писателя: темные русскіе люди, въ лицѣ портныхъ и лавочниковъ, подвергаютъ его остракизму, а противники его лжи, рукоположенные носители догматовъ Церкви, торгуютъ его именемъ“.

Отнюдь не имѣя въ виду входить въ полемику съ авторами изложенныхъ писемъ, а лишь *по долгу предъ правдой* мы, къ свѣдѣнію редакціи „С.Петербургскихъ Вѣдомостей“ и другихъ (немногихъ впрочемъ) газетъ, перепечатавшихъ эти письма, считаемъ нужнымъ разъяснить слѣдующее:

1) „Миссіонерское Обзорѣніе“ никогда не имѣло и не имѣетъ приписываемаго ему г. Костюковымъ значенія и назначенія — *оффиціального органа Церкви*. Нашъ журналъ — *частное, подцензурное изданіе*, 6 лѣтъ назадъ нами основанное и лично руководимое. Отсюда само собою, полагаемъ, ясно, насколько справедливы разсужденія г. Костюкова „о рукоположенныхъ носителяхъ“, о „свободѣ, способахъ“ проч...

2) Объявленіе наше было *обычнымъ*, ничего общаго съ „торговлей именемъ великаго писателя“ не имѣющимъ, редакціоннымъ оповѣщеніемъ о *продолженіи изданія* нашего журнала въ наступавшемъ новомъ полугодіи, а не объ *іюньской* только книжкѣ съ „Отвѣтомъ“ гр. Толстого. На статью „Новая Исповѣдь“, а не на „Отвѣтъ“ указано въ объявленіи, какъ на выдающуюся и ярко характеризующую направленіе и живое содержаніе „Миссіонер. Обзорѣнія“.

3) Понижая обычную при розничной продажѣ книжекъ журнала цѣну іюньскаго выпуска, мы этимъ преслѣдовали ужъ, конечно, не *коммерческія* цѣли, а *миссіонерскія*, имѣя въ виду облегчить возможность интересующимся познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ дѣломъ отпаденія отъ Церкви гр. Толстого и съ *обличеніемъ* его лжеученія (а не съ „Отвѣтомъ“, который давно извѣстенъ всѣмъ интересующимся помимо „Миссіон. Обзор.“), тѣмъ болѣе, что эти подробности не сдѣлались достояніемъ общей печати.

4) „Широкою огласку“ полемическихъ и апологетическихъ статей журнала, обличающихъ лжеученія „другихъ“ враговъ Церкви, каковы раскольники и сектанты, редакція, по мѣрѣ возможности, производитъ, но не черезъ газеты, конечно, такъ какъ послѣднихъ отщепенцы изъ народа не читаютъ, а путемъ изданія и распространенія копѣчныхъ выпусковъ „Народно-Миссіонерской бібліотечки“.

Въ заключеніе два слова по поводу упрёка второго письма, почему—де мы не заявили въ объявленіи, что „Отвѣтъ“, гр. Толстого сокращенъ у насъ на сто строкъ. Но вѣдь мы и не объявляли, что „отвѣтъ“ напечатанъ *полностью*? Да по существу онъ и не сокращенъ, а лишь въ концѣ ругательно-отрицательной части *нецензурная*, оскорбительная для всякаго христіанина фразы и выраженія изложены въ примѣчаніи *in extenso*. Но въ томъ-то и дѣло, что не въ „Отвѣтъ“ главный интересъ и цѣль нашего объявленія.

Р. С. Надѣмся, что почтенныя редакціи, познакомившія своихъ читателей съ письмами гг. Костюкова и Ожигова, не откажутъ въ интересахъ безпристрастія, перепечатать и наше настоящее объясненіе.

Редакторъ-издатель В. Скворцовъ.

Опечатка. Въ іюньской книжкѣ на стр. 869 въ 10 строкъ вмѣсто невозможное слѣдуетъ читать новозавѣтное.

КЪ СВѢДѢНІЮ настоятелей церквей и монастырей, епархіальныхъ братствъ и свѣчыхъ заводовъ.

Прискорбная, но неоспоримая правда, что нынѣ чрезвычайно трудно даже въ большихъ городахъ приобрѣсти чистое оливковое деревянное масло для возжиганія лампадъ въ храмахъ Божіихъ и въ домахъ набожныхъ христіанъ и въ св. обителяхъ, для снабженія освященнымъ масломъ благочестивыхъ паломниковъ.

Лампадное масло для Россіи покупается за границей (въ Италіи) нѣсколькими оптовыми торговцами-спекулянтами, которые перепродаютъ его менѣ крупными количествами мелкимъ перекупщикамъ, отъ послѣднихъ уже масло идетъ въ продажу по мелочнымъ лавкамъ. Переходя изъ рукъ въ руки, переливаясь изъ посуды въ посудину, лампадное масло подвергается такимъ превращеніямъ (фальсификаціи), отъ которыхъ становится неузнаваемымъ, хотя тщательно украшается этикетками *Галлипольскаго*, т. е. самаго лучшаго.

Несмотря на то, что покупаемое для церквей оливковое лампадное масло проходитъ чрезъ руки цѣлорада спекулянтовъ-торговцевъ, торговля каждому изъ нихъ оставляетъ извѣстную долю пользы и всетаки торговля въ раздробъ, ведется не только не *дороже*, но иногда и *дешевле*, чѣмъ покупается масло оптовыми торговцами отъ заграничныхъ фирмъ. Это обстоятельство наглядно указываетъ существованіе примѣсей (фальсификацію) въ продаваемомъ церквамъ маслѣ дешевыхъ негодныхъ веществъ. Такія подмѣси сообщаютъ маслу дурныя свойства, каковы: образованіе значительныхъ осадковъ при отстоѣ, нагаръ на фитилѣ, трескъ при горѣніи, зловоніе и копоть. Отъ послѣдней чернѣютъ

и портятся живопись иконъ и позолота въ украшеніяхъ храмовъ, не говоря о зараженіи въ нихъ воздуха. Образованіе же осадковъ, негодныхъ для питанія пламени лампадъ, даетъ ощутительный убытокъ, доходящій до 10 процентовъ.

Но кромѣ приведенныхъ недостатковъ фальсифицированного масла, оно прямо невыгодно, такъ какъ оно сгораетъ *быстрѣе чистаго масла*, благодаря примѣси веществъ, содержащихъ легко воспламеняемыя тѣла; а потому въ одинаковый срокъ горѣнія такого масла требуется значительно болѣе, чѣмъ масла чистаго, а при одинаковой цѣнѣ обоихъ продуктовъ, ясно, что это дѣлаетъ чистое масло болѣе выгоднымъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что чистое масло горитъ болѣе яркимъ и ровнымъ пламенемъ.

Такое положеніе дѣла съ фальсификаціей продукта, имѣющаго столь важное, святое назначеніе создало давно назрѣвшую потребность, чтобы православные духовенство взяло *въ свои руки пріобрѣтеніе лампаднаго масла изъ первыхъ и надежныхъ рукъ* и обставило сбытъ по церквамъ епархіи такими условіями, которыя бы служили ручательствомъ за доброкачественность продукта, оставляя въ пользу потребителей, т. е. православныхъ церквей и монастырей тѣ выгоды, которыя нынѣ совершенно напрасно остаются въ рукахъ безчисленныхъ перекупщиковъ-спекулянтовъ.

Въ нѣсколькихъ епархіяхъ мѣстные епархіальные братства и свѣчныя заводы сдѣлали начинъ, взявъ уже въ свои руки это доброе и многополезное дѣло. Пріобрѣтая изъ *первыхъ* рукъ, у оптовыхъ торговцевъ, деревянное масло, они и снабжаютъ имъ церкви епархіи тѣми же путями и способами, которыми храмы снабжаются и церковными свѣчами.

Извѣстный не только въ Европѣ, но и Америкѣ своимъ производствомъ деревяннаго оливковаго масла и хлѣбною торговлею нашъ **Торговый Домъ ІОСИФЪ ПИНЬОНЕ и СЫНОВЬЯ** въ Генуѣ, имѣющій свои фабрики въ Генуѣ и въ Самньердаренѣ (близъ Генуи) для производства и очистки деревяннаго масла,—съ прошлаго

года рѣшилъ пойти на встрѣчу благимъ начинаніямъ православнаго духовенства въ дѣлѣ борьбы съ вредною эксплуатаціею въ торговлѣ фальсифицированнымъ лампаднымъ масломъ.

Нашъ Торговый Домъ уполномочилъ своего товарища А. Ф. Ботту (бывшаго русскаго вицеконсула) войти въ непосредственное сношеніе съ духовенствомъ по снабженію православныхъ Церквей чистымъ лампаднымъ масломъ прямо съ нашей фабрики и складовъ, минуя всякія посредства спекулянтовъ-перекупщиковъ, что дастъ возможность въ интересахъ церквей удешевить продажу. Гарантируя чистоту и доброкачественность нашего масла, мы предоставляемъ покупателямъ возвращать за нашъ счетъ любой боченокъ, если бы масло оказалось не соотвѣтственнымъ образцу (маркѣ), по которому затребованъ продуктъ. Относительно сроковъ уплаты денегъ, доставки, возмѣщенія возможной утечки масла въ пути и проч. дѣлается все возможное во благо потребителей, т. е. православныхъ церквей. Образцы масла по первому же требованію высылаются бесплатно. Приобрѣтать масло можно боченками разнаго вѣса.

Первые же опыты снабженія церквей и монастырей, начатыя нами только въ этомъ году, доставили полное одобреніе маслу нашей фабрики, какъ *прекрасному*, и вполнѣ исправной доставкѣ на мѣсто *).

Съ требованіями обращаться по адресу: г. Ростовъ на Дону, А. Ф. Ботта.

*) Давая мѣсто на своихъ страницахъ настоящему объявленію по предмету, имѣющему столь важное значеніе въ религіозномъ и церковно-экономическомъ отношеніяхъ, редація сочла долгомъ предварительно убѣдиться въ достовѣрности публикуемыхъ данныхъ, путемъ ознакомленія съ образцами и отзывами одобрительными.

Ред.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается, С.-Петербургъ, 2 августа 1901 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній

Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.

До какихъ пагубныхъ и нелѣпыхъ вѣрованій доходятъ сектанты, оставивъ вѣру Церкви ¹⁾).

 ГОСПОДЬ нашъ Иисусъ Христосъ, проповѣдуя людямъ спасеніе, говоритъ: *Я—свѣтъ міру* (Іоан. 9, 5); *Я есмь путь, истина и жизнь* (Іоан. 14, 16). Сказалъ ли Онъ это только о Своемъ Лицѣ? Нѣтъ, Онъ сказалъ это и о Своемъ словѣ—ученіи и о той жизни, какую далъ вѣрующимъ въ Него и о всемъ дѣлѣ, какое совершилъ на землѣ (Іоан. 17, 4). Поэтому слово Его есть истина (Іоан. 17, 17): *Я, говоритъ Спаситель, на то и родился, на то и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ* (Іоан. 18, 37). Слово Его есть свѣтъ, который свѣтитъ всему міру (І Іоан. 2, 18; 2 Петр. 1, 19). Жизнь, какую Спаситель далъ вѣрующимъ, состоитъ въ познаніи Его: *Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя Единого Истиннаго Бога и посланнаго Тобою Иисуса Христа* (Іоан. 17, 3). Знаемъ, говоритъ св. апостолъ Іоаннъ Богословъ, *что Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истинномъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная* (І Іоан. 5, 20).

Гдѣ же нынѣ хранится эта истина Христова? Гдѣ сосредоточивается и продолжается эта спасительная жизнь Христова послѣ вознесенія Его на небо? Она—въ Церкви Христовой. Спаситель, вознесшись на небо, не оставилъ на произволъ людей ни Своего ученія, ни всего дѣла Своего, ради котораго и нисходилъ на землю, т. е. спасенія міра. Онъ учредилъ на землѣ Церковь и ей-то оставилъ Свое слово, Ей поручилъ продолжать и дѣло спасенія людей до скончанія вѣка. И Церковь сильна совершить это дѣло и сохранить Его слово въ неповрежденности, потому что Спаси-

¹⁾ Читано 22 ноября 1900 г. въ кievской народной аудиторіи.

тель не отдѣлился отъ нея, но невидимо пребываетъ съ нею, какъ Глава, и потому также, что въ ней пребываетъ Духъ Святый. Церковь поэтому живетъ и дѣйствуетъ силою Главѣ—Христа и силою Духа Святаго. Такова и есть православная Церковь, потому что она отъ временъ апостольскихъ преемственно и неповрежденно сохраняетъ св. вѣру Христову, священноначаліе, св. таинства и все прочее. Поэтому тѣмъ, которые спрашиваютъ: гдѣ нынѣ хранится истина Христова и жизнь Христова? мы отвѣчаемъ—въ православной Церкви Христовой. Въ ней и нынѣ свѣтъ ученія Христова свѣтитъ,—и тьма не объяла его (Іоан. 1, 5); истина сохраняется и благоговѣствуется; жизнь Христова продолжается и утверждается. Можно еще сказать, что истина Христова написана и сохраняется въ Евангеліи. Но кто само Евангеліе сохранялъ въ грѣшномъ мірѣ и будетъ сохранять до скончанія вѣка? Церковь, конечно. Поэтому-то ап. Павелъ и говоритъ о Церкви, что она есть столпъ и утвержденіе истины: *сіе пишу тебѣ, говоритъ онъ Тимоѳею, надѣясь скорѣ прійти къ тебѣ, чтобы, если замедлю, ты зналъ, какъ должно поступать въ домъ Божіе, который есть Церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины* (І Тим. 3, 14—15). Въ этомъ изреченіи апостола заключаются слѣдующія частныя мысли. Апостолъ Павелъ, въ виду опасности разномыслія между христіанами и совращенія неутвержденныхъ въ вѣрѣ, выражаетъ заботу о храненіи вѣрующими истины евангельской. Не только должно знать и хранить истину, но и жить по ней; ибо истина Христова и жизнь Христова нераздѣлимы. Апостолъ при этомъ не указываетъ на училища, на учителей, на мудрецовъ, у которыхъ также ищутъ познанія истины; а указываетъ на Церковь Божію, въ которой хранить истину Самъ Духъ Святый (Іоан. 14, 16. 26). Только Церковь апостолъ признаетъ вѣрною и надежною хранительницею истины, потому и называетъ ее столпомъ и утвержденіемъ истины. Условіемъ же познанія и усвоенія сей истины онъ ставитъ постоянное, неуклонное пребываніе въ Церкви Христовой: необходимо *жизни въ дому Божіи*, т. е. жить по руководству Церкви,—тою жизнью, какую указываетъ Церковь. Такимъ образомъ, по мысли апостола, чтобы сохранить правую вѣру Христову, Его ученіе и чтобы жить истинно Христовою жизнью,—должно жить въ Церкви со всѣми членами ея одною общео

церковною жизнью и не уклоняться отъ нея, иначе утратишь и жизнь истинно христіанскую и самую истину Христову.

Св. Иринеѣ Ліонскій (во 2 в.) говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Не должно искать истины у другихъ, которую легко получить отъ Церкви; ибо апостолы, какъ богачъ въ сокровищницу, вполне положили въ нее все, что относится къ истинѣ; такъ что всякій желающій беретъ отъ нея питье жизни“ (Противъ ересей кн. III. гл. 4). „Въ Церкви Богъ положилъ апостоловъ, пророковъ, учителей и всѣ прочія средства дѣйствованія Духа, Коего не причастны всѣ тѣ, которые не согласуются съ Церковію, но сами себя лишаютъ жизни худымъ ученіемъ и самымъ худшимъ образомъ жизни. Ибо гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, и гдѣ Духъ Божій, тамъ Церковь и всякая благодать, а Духъ есть истина“ (тамъ же гл. 24).

Поэтому не хранятъ вѣры тѣ, которые отдѣляются отъ Церкви. „Можно ли думать тому, кто не придерживается единства Церкви, что онъ хранитъ вѣру?—спрашиваетъ св. Кипріанъ, еп. Карфагенскій. Можно ли надѣяться тому, кто противится и поступаетъ наперекоръ Церкви, что онъ находится въ Церкви?... Неужели, собираясь, они думаютъ, что и Христосъ находится съ ними, когда они собираются внѣ Церкви Христовой? Да хотя бы таковыя претерпѣли и смерть за исповѣданіе имени,—пятно ихъ не омоется и самую кровію; неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданіями. Не можетъ быть мученикомъ, кто не находится въ Церкви; не можетъ достигнуть царства, кто оставилъ Церковь, имѣющую царствовать“ (Изъ слова о единствѣ Церкви).

Это сказано о всѣхъ вообще уклонившихся отъ вселенской Церкви Христовой, въ какой бы странѣ они ни были. Это же справедливо и относительно нашихъ русскихъ сектантовъ, кто бы они ни были и какимъ бы именемъ ни назывались; ибо, отдѣлившись отъ православной русской Церкви, этой части вселенской Христовой Церкви, они отдѣлились и отъ сей послѣдней. Они имѣютъ у себя Евангеліе и думаютъ, что могутъ познать истину изъ Евангелія, независимо отъ руководства Церкви. Но, какъ сказано выше, само Евангеліе нельзя правильно понять и истолковать безъ

руководства Церкви; нельзя постигнуть истину Христову, не живя жизнью Христовою въ Церкви.

Что наши сектанты идутъ путемъ заблужденія, — мы не будемъ этого доказывать на основаніи свящ. Писанія. Путь ихъ, или правильнѣе, — многіе пути ихъ достаточно уже открылись въ исторіи, и исторія есть лучший обличитель ихъ. Мы предлагаемъ посмотрѣть, до какихъ заблужденій дошли сектанты, идя своимъ путемъ. Сектантство — явленіе сложное, въ немъ есть элементы — религіозный, моральный, семейный, общественно-бытовой, государственный. Мы остановимся собственно на религіозной сторонѣ его и посмотримъ, до какихъ пагубныхъ и нелѣпыхъ вѣрованій доходятъ сектанты, оставивъ вѣру Церкви.

Когда люди удаляются отъ Церкви, то они уносятъ съ собою въ рукахъ Евангеліе, а въ сердцѣ недовольство; иногда прямо таки ожесточеніе противъ православной Церкви и стремленіе толковать Евангеліе произвольно, въ духѣ своего настроенія, а не по руководству Церкви. Можно ли ожидать, чтобы подъ влияніемъ этихъ побужденій могло явиться у нихъ доброе ученіе, согласное съ духомъ Евангелія? Съ чего они начинаютъ? Прежде всего стараются выискать въ Евангеліи побольше мнимыхъ обличеній противъ православной Церкви, и это для того, чтобы оправдать свое отдѣленіе отъ нея и успокоить свою совѣсть, ибо отдѣлившіеся никогда не бываютъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, спокойны въ душѣ за свою участь и увѣрены въ своей правотѣ. И вотъ по ихъ произвольному толкованію выходитъ, что православная Церковь это — Церковь языческая или іудейская. Какимъ образомъ? Читаютъ они въ свящ. Писаніи, положимъ, извѣстныя мѣста объ идолахъ и толкуютъ, что это — иконы; капища — это храмы православные; начертаніе антихриста, о которомъ говорится въ Откровеніи Іоанна Богослова, это — крестное знаменіе; книжники и фариसेи это — священники; саранча, вышедшая изъ кладеза бездны, „и волосы у ней, какъ волосы у женщины“ (Откр. 9 гл.) — тоже священники и т. д. До какихъ нелѣпыхъ толкованій доходятъ сектанты, — можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ Откровеніи написано, что Іоаннъ Богословъ въ видѣніи видѣлъ, какъ явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ

двѣнадцати звѣздъ (12 гл., 1). Кто же—эта жена? Это, объясняютъ сектанты, Кіево-Печерская Лавра съ двѣнадцатью куполами! Еще дальше идутъ они, когда приправляютъ текстомъ Слова Божія самыя хулы свои на Церковь и св. таинства,—такія хулы, о которыхъ *не мѣтъ есть глаголати*. Вотъ первые опыты самовольнаго толкованія Слова Божія; это—первые, ближайшіе результаты отдѣленія отъ Церкви. Не будемъ удивляться сему, если примемъ во вниманіе слова Спасителя: народъ сей ослѣпилъ глаза свои и окаменилъ сердце свое (Іоан. 12, 40). Когда человѣкъ дойдетъ до такого состоянія, то онъ и съ Евангеліемъ въ рукахъ, видя, не видитъ и не разумѣетъ подлиннаго смысла Евангелія.

Но все же нужно признавать, что уклонившіеся отъ Церкви хотятъ вѣрить и ищутъ спасенія. Но какъ вѣровать и какъ спастись внѣ Церкви? По Евангелію, говорятъ. И вотъ люди, оставившіе вѣру Церкви, стремятся опредѣлить свои вѣрованія на основаніи только Евангелія и устроить свое спасеніе по руководству одного Евангелія, безъ руководства Церкви. Что же изъ этого можетъ выйти? Всегда изъ этого выходитъ слѣдующее: когда человѣкъ отринулъ Церковь, тогда онъ или говоритъ себѣ: „не нужно мнѣ никакой Церкви; я—самъ себѣ Церковь; Христова Церковь не внѣ, а внутри, въ сердцѣ“, или же, отвергнувъ Церковь православную, устрояетъ свою особую якобы настоящее-апостольскую Церковь. Въ первомъ случаѣ человѣкъ хочетъ спастись самъ собою, безъ всякаго внѣшняго руководства, хочетъ имѣть общеніе съ Господомъ непосредственно и получить Духа Святаго безъ посредства таинствъ и вообще какихъ-либо внѣшнихъ учрежденій. „Буду, говорить, жить по духу, а не по плоти“. Въ зависимости отъ этого настроенія такой человѣкъ и Слово Божіе склоненъ понимать и объяснять „по духу“, т. е. въ переносномъ (иносказательномъ) смыслѣ. Во второмъ случаѣ отдѣлившіеся понимаютъ, что спастись можно только въ Церкви апостольской, ищутъ ея и, такъ какъ православную Церковь не признаютъ за таковую, то создаютъ свою особую Церковь, со всѣми внѣшними учрежденіями и обрядами, какія находятъ въ Евангеліи, и увѣрены, что эта ихъ Церковь и есть настоящая апостольская Церковь. Слово Божіе они объясняютъ не только духовно, но и буквально. Такимъ образомъ, хотя у тѣхъ и другихъ

Евангеліе одно, но каждый обращается съ нимъ по своему и каждый создаетъ свою особую вѣру по своему настроенію и разумѣнію. Въ этихъ двухъ направленіяхъ развивается все сектантство: одни хотятъ содержать вѣру духовную, безъ пресвитеровъ, безъ таинствъ, обрядовъ и всякихъ внѣшнихъ учрежденій (это — мистическое сектантство); другіе хотятъ создать Церковь мнимо-апостольскую съ учрежденіемъ пресвитерства, нѣкоторымъ подобіемъ таинствъ, съ обрядами (раціоналистическое сектантство). Но тѣ и другіе одинаково уклонились отъ смысла и духа Евангелія и доходятъ въ концѣ концовъ до такихъ вѣрованій, которыя ничего евангельскаго уже не содержатъ въ себѣ. Скажемъ сначала о первыхъ.

I.

Сектанты исходятъ изъ того положенія, что для спасенія нужна одна вѣра. „Чтобы быть спасеннымъ, буквально, напр., говорятъ пашковцы, стоитъ только вѣровать и быть убѣжденнымъ, что ты спасенъ“ (Секта пашковцевъ. Терлецкій, 1891 г. стр. 15). Единственнымъ наружнымъ средствомъ, содѣйствующимъ спасенію, признается Слово Божіе. Не нужно, говорятъ они, Церкви, не нужно руководителей, пастырей, священниковъ: всѣ — священники; не нужно никакихъ таинствъ, обрядовъ, постовъ и т. д.

„Но позвольте, скажете вы, какъ же не нужно, когда объ этомъ говорится въ Словѣ Божіемъ?“ На это тѣ сектанты, которые менѣе послѣдовательны въ развитіи своего принципа, скажутъ вамъ: „Да, говорится; но все это не нужно для спасенія. Ни воспріятіе св. таинствъ, ни символъ вѣры, ни что даже сама Церковь не можетъ спасти тебя“ (тамъ же 50 стр.). За то другіе, которые проводятъ принципъ духовнаго пониманія Слова Божія болѣе послѣдовательно, какковы, напримѣръ, духовные штундисты, скажутъ вамъ: „Нѣтъ, то, о чемъ говорится въ Евангеліи, нужно понимать духовно; ибо Слово Божіе есть Духъ и жизнь. Напр., говорится о томъ, что при апостолахъ хрістіане крестились водою; это они крестились Словомъ Божіемъ: вода — Слово Божіе. Въ Писаніи сказано, что Іисусъ Христосъ взялъ хлѣбъ и, благословивъ, преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: примите, ядите: сіе есть Тѣло Мое“; это Спаситель преподаль

имъ духовный хлѣбъ—слово Свое. Сказано далѣе: и взявъ чашу и благодаривъ, подалъ имъ и сказалъ: пійте изъ нея всѣ, ибо сіе есть Кровь Моя; чаша эта не есть наружная, а духовная, чаша страданій“ и т. д. все духовно.—Но чѣмъ же вы увѣрены, что правильно понимаете Слово Божіе? опять спросите ихъ. Чѣмъ увѣрены? Самъ Духъ Святыи непосредственно наставляетъ насъ и открываетъ намъ разумѣніе Слова Божія, ибо Слово Божіе есть Духъ. „Читая свящ. Писаніе, говорятъ пашковцы, мы не одни: Господь съ нами; Онъ съ нами говорить, и мы съ Нимъ можемъ бесѣдовать (тамъ же стр. 61). И вотъ сколько ни говорите съ ними по Евангелію, все у нихъ выходитъ духовно: хожденіе Иисуса Христа и ап. Петра по водамъ—это хожденіе т. е. наставленіе Петра по Слову Божію; насыщеніе 5 и 4 тыс. человѣкъ хлѣбомъ—это насыщеніе ихъ Словомъ Божіимъ; исцѣленіе сухорукаго—это исправленіе человѣка, который былъ нечистъ на руку; воскрешеніе мертвыхъ—это воскрешеніе грѣшниковъ Словомъ Божіимъ, т. е. обращеніе ихъ къ вѣрѣ; исцѣленіе слѣпыхъ—это исцѣленіе слѣпыхъ умомъ, т. е. уразумѣніе ими Слова Божія и т. д. Вы видите, что тутъ совершенно превращается Евангеліе. Благодаря такому „духовному“ перетолкованію Евангелія и вѣрѣ въ непосредственное мнимое озареніе отъ Духа Святаго у сектантовъ получается удивительная путаница религіозныхъ понятій, искусственность доказательствъ, полнѣйшее смѣшеніе истины съ вымыслами. И все это выдается за непосредственное внушеніе отъ Духа Святаго. И это, говоримъ, не есть толкованіе, принадлежащее двумъ-тремъ лицамъ, надуманное на досугѣ: изъ такихъ толкованій складываются вѣрованія цѣлой группы тѣхъ сектъ, которыя хотятъ понимать христіанство исключительно духовно.

Впрочемъ, одни изъ нихъ, напр., штундисты, молокане, пашковцы принципъ духовнаго пониманія Евангелія не проводятъ послѣдовательно до конца; они стоятъ на половинѣ своего пути. Именно у нихъ еще пощажена отъ „духовнаго“ перетолкованія значительная часть евангельской исторіи. Иисусъ Христосъ, апостолы, Богородица у нихъ еще признаются реальными историческими лицами, жизнь и дѣятельность ихъ признается историческимъ фактомъ, бывшимъ XIX вѣковъ назадъ. Но спрашивается: гдѣ же граница ду-

ховному перетолкованію Евангелія? Почему и что именно должно понимать духовно, а что буквально? Почему за одно ужъ не понимать духовно всѣ чудеса Христовы и самое лицо Его,—Его рожденіе, преображеніе, смерть, воскресеніе и вознесеніе и не стать бы толковать, что Христосъ и нынѣ какъ-нибудь духовно рождается, преобразается, умираетъ, воскресаетъ, возносится? Почему не толковать духовно всегда того, что сказано въ Евангеліи объ апостолахъ, Пресвятой Богородицѣ и другихъ?.. Такъ какъ необходимо въ этомъ случаѣ руководство для правильнаго пониманія Евангелія можетъ дать только Церковь, а она отвергается, то, очевидно, у людей, желающихъ понимать Евангеліе и все христіанство духовно, нѣтъ границы „духовному“ перетолкованію Евангелія, нѣтъ вѣрнаго руководства, которое предохранило бы ихъ отъ дальнѣйшаго заблужденія.—Опять, когда человѣкъ думаетъ быть въ непосредственномъ общеніи съ Господомъ помимо Церкви и воображаетъ, что получаетъ озареніе непосредственно отъ Духа Святаго, то что удержать его отъ дальнѣйшаго заблужденія и помѣшаетъ дойти до того момента, когда онъ вообразитъ, что достигъ уже общенія съ Господомъ и скажетъ: Христосъ уже во мнѣ! Я — Христосъ! Духъ Святыи во мнѣ дѣйствуетъ; я — пророкъ, апостолъ, и станетъ выдавать не только свои объясненія Евангелія, но всѣ свои рѣчи за откровеніе отъ Духа Святаго?.. Говоримъ это къ тому, что путь, которымъ идутъ сектанты, и принципъ, которымъ они руководствуются, логически ведутъ къ этимъ послѣдствіямъ. И дѣйствительно, мы видимъ на дѣлѣ, что сектанты, наприм, хлысты, скопцы, малеванцы, духоворы, идя послѣдовательно своимъ путемъ, договорились именно до этого безумія. Благодаря своей вѣрѣ въ непосредственное общеніе съ Господомъ и Духомъ Святымъ, они не могли остановиться на полпути, на однихъ только пунктахъ заблужденія, но идутъ дальше, перетолковываютъ „духовно“ все Евангеліе до конца и создаютъ такія вѣрованія, которыя ничего евангельскаго уже не содержатъ въ себѣ, а въ концѣ концовъ отрицаютъ и самое Евангеліе, которымъ на первыхъ порахъ по отдѣленіи отъ Церкви еще думали спастись.

Смотрите, во что вѣруютъ хлысты. Лѣтъ 200 назадъ въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, на р. Вязь-

мѣ, Ковровскаго у., Владимірской губерніи, на гору Городину, среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, на огненной колесницѣ сошелъ съ неба во славу Своей Самъ Государь Саваоѣ. Силы небесныя вознеслись на небо, а Саваоѣ остался на землѣ въ образѣ человѣческомъ, принявъ тѣло Данилы Филиппова, — крестьянина, бѣжавшаго изъ военной службы и бродяжничаващаго по разнымъ мѣстамъ Костромской, Вологодской и Нижегородской губерніи. Этотъ-то Данило Филипповъ сталъ для своихъ многочисленныхъ послѣдователей „живымъ богомъ“. Около него вскорѣ объявился сынъ божій Иванъ Тимофеевъ Сусловъ, крестьянинъ Муромской области, Стародубской волости, деревни Моксаковой. Вслѣдъ за нимъ является лжебогородица, дочь посадскаго человѣка изъ Нижегородской области, села Лендука. Лжехристость окружилъ себя 12 апостолами и сталъ принимать отъ людей божеское поклоненіе. Данило Филипповъ умеръ, а по вѣрованію его послѣдователей вознесся на небо, 1 янв. 1700 г. Сусловъ умеръ 16 лѣтъ спустя. Но послѣ нихъ явленія новыхъ лжехристовъ не прекратились въ сектантствѣ. Послѣ Суслова сектантская среда выдѣлила изъ себя лжехриста Прокопія Лупкина, а жену его Акулину Иванову стали почитать за Богородицу ¹⁾).

Въ Оренбургской губерніи въ 80-хъ годахъ объявились христами братья Иванъ и Семенъ Утицкіе, главари хлыстовъ. Ив. Утицкій въ молодости велъ себя плохо, занимался воровствомъ; но потомъ пріубожился и сталъ доказывать, что на него находитъ благодать свыше, что онъ имѣетъ даръ откровенія и творить чудеса; наконецъ объявляетъ себя христомъ и распинается на собраніи: при пѣніи собравшихся онъ раскинулъ руки по сторонамъ и стоялъ безъ движенія, то закрывая, то открывая глаза,—стоялъ такъ съ вечера до полуночи; одни поддерживали его за руки, другіе—за бока, а женщины заливались слезами, думая, что Утицкій и вправду за нихъ распинается; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока лжехристость свалился на полъ. Семенъ Утицкій также выдалъ себя за христа, а одного старика Сергѣя за

¹⁾ Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ кн. проф. Ивановскаго: *Секта хлыстовъ*. Казань, 1898 г.

Бога Отца; также распинался, прижавшись къ стѣнѣ и раскинувъ руки по сторонамъ; а люди рыдали, вѣруя, что это Христосъ распинается за нихъ („Мисс. Об.“ 1897 г., іюль, кн. 1., стр. 583—586).

Въ настоящее время поволжскіе хлысты имѣютъ своего бога саваоа, — крестьянина лѣтъ 60; жена его почитается за богородицу; три сына его — за евангелистовъ; деревня ихъ служить для хлыстовъ землей обѣтованной. Лжехриста представляетъ другой крестьянинъ, лѣтъ 40; мѣсто жительства его почитается Іерусалимомъ. Есть у нихъ евангелисты Іоаннъ Богословъ — молодой парень и ап. Іаковъ, братъ Господень; есть лжепророки и лжепророчицы. Послѣдователи ихъ вѣруютъ въ нихъ слѣпо. „Цари и князи, говорятъ они, и всѣ люди желали видѣть и слушать Христа; но не видѣли; а мы малые только подумали, и онъ самъ явился къ намъ“ („Мисс. Обзор.“ 1899 г., май, стр. 535).

Въ нашемъ краѣ въ самое послѣднее время объявилъ себя „царемъ надъ царями, богомъ, во плоти пришедшимъ“ Кондрать Малеванный, Таращанскій мѣщанинъ, и увлекъ массу послѣдователей. Послѣ его явился новый лжехристосъ — Иванъ Лысенко, кр. с. Вербова, Сквирскаго уѣзда.

Было бы очень долго перечислять всѣхъ этихъ лжехристовъ, явившихся въ сектантствѣ. Довольно сказать объ этихъ явленіяхъ словами сектантовъ.

„Онъ — Христосъ пречистой плоти Своей подвигомъ земной кончилъ; а въ другихъ плотяхъ избранныхъ Онъ еще кончаетъ; а въ иныхъ плотяхъ избранныхъ еще начинается“ (Ивановскій. Секта хлыстовъ. 1898 г., стр. 9).

„Духъ Христовъ, говорятъ сектанты, и теперь живетъ въ насъ. Но такъ какъ духъ не можетъ жить безъ плоти, то онъ вселяется въ вѣрныхъ своихъ. Поэтому мы поклоняемся живому богу. Души апостоловъ, какъ и духъ христовъ, также переходитъ отъ плоти въ плоть“ („Мисс. Об.“. 1900 г., іюль — авг., 145).

Что же нужно, по вѣрованію сектантовъ, для того, чтобы въ человѣкѣ воплотился Христосъ?

На это сектанты отвѣчаютъ:

„Богъ тогда Христа рождаетъ,

Когда все въ человѣкѣ умираетъ“.

Другими словами: чтобы и нынѣ Христосъ воплотился въ комъ-нибудь, объясняютъ хлысты, необходимо умереть для грѣха и воскреснуть для духа. „Всѣ отъ себя отрекись и предайся волѣ Божіей. Тайственная смерть — состояніе безстрастія и святости“ (Ивановскій, 10 стр.). Когда такимъ-то духовнымъ образомъ человѣкъ умираетъ, тогда въ немъ Христосъ воскресаеъ. Такъ, напр., превратился изъ хлыста въ христа поволжскій крестьянинъ Кожевниковъ въ 80-хъ годахъ. На собраніи послѣ пѣнія стиховъ Кожевниковъ началъ неистово визжать и бѣсноваться; а братія пѣли пасхальные стихи до тѣхъ поръ, пока тотъ успокоился. Это успокоеніе означало, что Кожевниковъ переродился уже въ христа и какъ бы воскресъ. Онъ тутъ же сталъ пророчествовать, прозрѣвать, тутъ же избралъ 12 апостоловъ. Между тѣмъ толпа, стоявшая внѣ избы, плакала и молилась новому лжехристу на дворѣ, пока онъ, сжалившись надъ ними, сподобилъ допустить къ себѣ въ избу и принять въ свое царство. Тогда толпа, ликуя, повалила въ избу съ пѣніемъ: „воскресеніе твое видѣвши“ („М. Об.“. 1897 г., іюль, стр. 586—587). Такъ хлысты превращаются въ христовъ; а какъ порождаются у нихъ богородицы, это объяснилъ одинъ лжепророкъ: „пришелъ я вотъ хотя бы къ Ефросинѣ Ефремовнѣ; она меня приняла, обогрѣла, накормила и упокоила, значить, она какъ бы обновила или прямо сказать — родила меня, ну и почитается за богородицу“ („М. Об.“. 1899 г., май, 542) ¹⁾.

Въ общемъ до такихъ же вѣрованій дошли и духоборы, которые идутъ тѣмъ же „духовнымъ“ путемъ. По ихъ вѣрованію, Иисусъ Христосъ былъ простой человѣкъ. „Христосъ былъ Сынъ Божій въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и всѣ духоборы называются сынами Божіими“. „Онъ родился отъ Божіей Матери, говорятъ они, какъ рождаются и у насъ. Творилъ ли онъ чудеса тѣлесныя, т. е. воскрешалъ ли мертвыхъ, давалъ ли слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ и проч., мы того не знаемъ; но вѣруемъ, что сами были грѣхами мертвы, слѣпы, глухи, а Онъ насъ оживилъ и грѣхи про-

¹⁾ Всѣ вышеизложенные свѣдѣнія опубликованы на основаніи-судебно-слѣдственныхъ протоколовъ и потому не подлежатъ сомнѣнію.

стиль. Онъ распялся плотію, воскресъ же духомъ; а плотію воскресъ ли и какою,—того не знаемъ, и знать намъ не нужно“. Ясно, что духоборы не признаютъ Иисуса Христа вторымъ Лицомъ Пресвятой Троицы, Икупителемъ въ истинномъ смыслѣ. То, что говорится о Христѣ въ Евангеліи, то самое, по ихъ представленію, совершается въ душѣ каждаго духобора. Поэтому въ душѣ каждаго духобора совершается духовное рожденіе и воскресеніе Христа и воспроизводятся всѣ чудеса въ духовномъ смыслѣ ¹⁾.

Вы видите, что здѣсь уже нѣтъ вѣры въ Единого Господа Иисуса Христа. Люди, оторвавшись отъ Церкви и по этому самому отпавши отъ Христа, идя своимъ путемъ, дошли до того, что стали искренно вѣровать во многихъ христовъ, воплощающихся по временамъ въ разныхъ лицахъ. Здѣсь мы видимъ вѣру въ перевоплощеніе Христа, видимъ, какъ сектантъ, потерявъ Христа—Сына Божія, превращается самъ для себя въ Христа. Въ этомъ пунктѣ люди дошли до самообожанія. Какъ это съ ними случилось? Это объясняется тѣмъ путемъ, какимъ идутъ сектанты: задумавъ спастись внѣ Церкви, они начали съ духовнаго перетолкованія Евангелія. Это съ психологическою необходимостью повело ихъ далѣе къ тому, что они постепенно извратили все Евангеліе, потеряли подлинный историческій смыслъ его, вложили въ него свой смыслъ и значеніе соотвѣтственно своему заблужденію. Въ результатѣ получилось то, что они постепенно потеряли вѣру въ евангельскую исторію, а потомъ и въ Самого Иисуса Христа, о Которомъ повѣствуетъ Евангеліе. На мѣсто Иисуса Христа сектантъ поставилъ самого себя; стремясь достигнуть общенія съ Богомъ непосредственно, внѣ Церкви, онъ постепенно приходитъ къ мысли, что Духъ Св. уже обитаетъ въ немъ, что отъ Него онъ непосредственно получаетъ внушенія, а отъ этого момента много ли осталось до того, когда такой человѣкъ скажетъ: я-то и есть Христосъ; я—пророкъ Духа Святаго; я—апостоль. Достаточно только незначительнаго повода или случая, который направилъ бы сбившуюся съ пути мысль въ эту сторону. Такъ-то люди, оторвавшись отъ Церкви, *остались безъ Христа, отпали отъ благодати* (Гал. 5, 4), и дошли до изо-

¹⁾ Читай о духоборахъ въ „Мисс. Об.“. 1897 г., июнь кн. 1, стр. 497—517.

брѣтенія своихъ христовъ, апостоловъ, пророковъ и бого-
родицъ.

Спрашивается, что же въ концѣ концовъ осталось у
этихъ людей отъ Евангелія, на которомъ они, повидимому,
такъ твердо желали стоять по отдѣленіи отъ Церкви? Что
осталось отъ св. таинствъ, отъ Церкви, отъ всего, о чемъ
повѣствуетъ Евангеліе? Ничего, кромѣ однихъ наименованій
Христосъ, апостолъ, Богородица, пророкъ, которыя они взяли
изъ Евангелія, но въ которыя вложили свой смыслъ. По-
ставивъ на мѣсто Господа лжехриста, люди вмѣсто Еванге-
лія стали руководствоваться собственными измышленіями, а
Евангеліе отвергли. Хлысты о свящ. Писаніи открыто гово-
рятъ, это „тенета, которыя опутываютъ людей“ (Ивановскій,
стр. 13); а духоборы Библию называютъ хлопотницей. Лже-
богъ Данило Филипповъ призналъ книги свящ. Писанія не-
нужными для спасенія, сложилъ ихъ въ мѣшокъ и бросилъ
въ Волгу. Вмѣсто нихъ далъ своимъ послѣдователямъ извѣст-
ныя заповѣди.

Что осталось у сектантовъ отъ Церкви? Когда спраши-
ваютъ ихъ о Церкви, они говорятъ: „гдѣ Христосъ (разу-
мѣется лжехристосъ сектантскій), тамъ и Церковь; а гдѣ со-
брались саваоѣ, христосъ, богородица, апостолы, пророки
(разум. сектантскіе), то здѣсь уже составляется соборная
апостольская церковь“. Этой-то церкви передана тайна (т. е.
истинное ученіе); „міру же тайна не дана, не дана потому,
что въ немъ живетъ сатана“ („М. Об.“. 1899 г., май, 540).

Св. таинства замѣнены у нихъ кощунственными обрядами.
Что, напр., совершается вмѣсто таинства св. причащенія? Въ
однихъ мѣстахъ сектанты на собраніяхъ ѣдятъ хлѣбъ и
пьютъ квасъ и это вмѣняютъ себѣ, какъ причастіе, въ дру-
гихъ—причащаются водою и хлѣбомъ, по мѣстамъ—кусоч-
ками калача и изюмомъ. Самарскіе хлысты глотаютъ пламя
и дымъ отъ зажженной свѣчи; оренбургскіе причащаются
слюной лжехриста (Ивановскій, стр. 23—25).

Духоборы, отвергнувъ Евангеліе, руководствуются такъ
называемою у нихъ „животною книгою“, которая предста-
вляетъ смѣсь псалмовъ Давида, искаженныхъ библейскихъ
повѣствованій съ бессмысленными измышленіями руководи-
телей; смѣсь эта въ видѣ стиховъ и сказаній составлялась
въ теченіе цѣлыхъ поколѣній и устно передается изъ рода

въ родъ среди духоборовъ. Эти-то сказанія и почитаются у нихъ за истинное ученіе Христово. О Церкви духоборы говорятъ: „наша Церковь построена не на горахъ и долинахъ, не въ селахъ и городахъ; наша Церковь построена въ душахъ и сердцахъ“. О причащеніи говорятъ: „мы причащаемся Словомъ Божиимъ,—причащаемся, когда безъ страха, съ дерзновеніемъ исповѣдуемъ Слово Божіе предъ людьми“. Прочія таинства, воскресеніе умершихъ, будущую жизнь отвергаютъ и ничему этому не вѣрятъ. Вотъ что осталось у нихъ отъ Евангелія, отъ Церкви, отъ св. таинствъ.

Мы сказали, что сектанты напрягаются достигнуть непосредственнаго общенія съ Духомъ Святымъ. Легче всего воображаемое полученіе Духа достигается на собраніяхъ. Здѣсь они „набираются“ или „напоются“ Духа разными способами: иногда лжепророкъ дуетъ на присутствующихъ, и тѣ воображаютъ, что получили отъ него Духа. Когда бывало Семень Утицкій дунетъ на кого-либо, тотъ, увѣряли сектанты, ясно чувствуетъ, что получилъ отъ него даръ духа. Большею частію сектанты рыдаютъ, бѣгаютъ „на кругъ“, вертятся, въ судорогахъ корчатся и т. д., пока духъ не обнаружится въ нихъ воображаемымъ пророчествомъ или странными языками, на самомъ дѣлѣ безсмысленными глаголами. До какихъ уродствъ доходятъ сектанты въ своемъ напряженіи получить духа, это показываетъ особая секта „сопуновъ“, названная такъ потому, что этого рода сектанты, чтобы передать другъ другу духа, сопятъ и фыркаютъ другъ на друга. Зато сектанты изъ лицъ образованныхъ возбуждаютъ въ себѣ духа болѣе приличнымъ образомъ. Извѣстный Пашковъ даетъ такое наставленіе своимъ послѣдователямъ. „Вы, говоритъ онъ, всѣ оправданы, искуплены, освящены, однимъ словомъ—спасены. Итакъ радуйтесь всегда о Господѣ! Если вы получили Духа Святаго, а вы Его получили, если вы чувствуете Его присутствіе въ себѣ, если вы увѣрены, что Онъ—въ васъ, то вы не требуйте, чтобы кто училъ васъ. Что такое значить радоваться о Господѣ? Это означаетъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, погружаться въ созерцаніе. Что касается до меня, то я дѣлаю это такъ. *Сажусь въ кресло и погружаюсь въ это созерцаніе.* Вотъ что значить поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, поясняетъ Пашковъ, и вотъ какихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ“!! (Секта пашковцевъ. Терлецкій, 14—15 стр.).

Но самообольщеніе сектантовъ не ограничивается этимъ. Вѣра въ непосредственное, помимо Церкви, общеніе съ Духомъ Святымъ естественно ведетъ къ тому, что они всѣ поступки свои дурные и хорошіе приписываютъ Духу, который будто бы дѣйствуетъ въ нихъ. Вотъ какъ они учатъ объ этомъ: „Въ таинственно воскресшемъ человѣкѣ (разумѣется, сектантѣ) вселяется Духъ. И тогда человѣкъ, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ уже не онъ, а Духъ; и во всѣхъ вещахъ своей воли не имѣетъ. Мы и сами знаемъ, что иные наши поступки не сходны съ писаннымъ закономъ, и намъ тяжело и скорбно такъ поступать. Что же намъ дѣлать? Своей воли не имѣемъ. Сила, во мнѣ дѣйствующая, не даетъ мнѣ покою ни днемъ, ни ночью, водить меня туда и сюда. Вы скажете: какъ можно Духу Святому тобою дѣйствовать, толикій грѣшникъ! Кто вамъ сказалъ? Вы скажете: сами знаемъ твой грѣхъ. Грѣхъ знаете, но милость Божию со мною не знаете. Неужели я васъ прельщаю и обманываю“ (Ивановскій, 11 стр.). Здѣсь уничтожается различіе между добрымъ дѣломъ и худымъ; ибо то и другое приписывается Духу Святому; съ человѣка снимается отвѣтственность за его поступки; уничтожается нравственная вѣняемость; дается просторъ всякому непотребству подъ прикрытіемъ того, что всякое дѣйствіе человѣка — отъ Духа Святаго. Этимъ освящается въ сектантствѣ сознательный развратъ, и намъ становится понятнымъ, почему сектанты придаютъ священное значеніе своимъ ужаснымъ развратнымъ радѣніямъ, о которыхъ они выражаются такъ, что это „работа Господу“. Тутъ уже развратъ возводится въ культъ.

Послѣ всего сказаннаго узнаете ли въ лицѣ этихъ „духовныхъ“ христіанъ послѣдователей Господа Нашего Іисуса Христа и Его Евангелія? А вѣдь они, отдѣляясь отъ Церкви, весь міръ увѣряютъ, что хотятъ служить Богу по Евангелію. Таковъ конецъ „духовнаго“ сектантскаго пути. На нихъ исполняются слова ап. Павла: *какъ они не заботились имѣть Бога въ разумъ, то и предалъ ихъ Богъ превратному уму—дѣлать непотребства* (Рим. 1, 28). Такимъ образомъ сектантскій путь по своимъ принципамъ есть путь нравственнаго разложенія, а конецъ Его—погибель (Фил. 3, 19).

Свящ. Д. Слюсаревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Уральскіе іеговисты ¹⁾.

ТО какъ вѣрить въ Бога, кто какою признаетъ свою вѣру,—легкой или трудной, а тѣмъ болѣе у кого какія мечтанія въ воображаемомъ будущемъ, это, могутъ сказать, совсѣмъ не важно и только развѣ любопытно.—Пусть вѣрятъ, какъ хотятъ, и бредятъ, чѣмъ хотятъ; это насъ не касается и никакого практическаго значенія для насъ не имѣетъ. Такъ!.. Но позволимъ замѣтить, что это составляетъ основу и почву для выводныхъ заключеній, имѣющихъ прямо уже жизненный характеръ и практическое и для насъ всѣхъ значеніе. Спустимся поэтому и мы съ высоты отвлеченныхъ вѣрованій и изъ области мечтаній къ жизни дѣйствительной, отъ будущаго мечтательнаго царства къ дѣйствительному государству, въ коемъ живемъ и мы, и они—іеговисты. Являются вопросы: какъ относятся они къ православной Церкви и къ существующему общественному строю и до чего доходятъ въ порывѣ своихъ фантастическихъ бредней. Въ отвѣтъ на эти вопросы картина получается совсѣмъ другая: дѣтская, повидимому, наивная идиллія смѣняется тяжелой драмой, на языкѣ—грязный пасквиль, а на дѣлѣ—проявленіе неудержимой злобы и фанатизма, такъ что и малѣйшія капли положенной въ основу ученія любви совершенно испаряются, о ней и помина даже нѣтъ.

Обращаемся снова къ основателю секты. Отношеніе Ильина не только къ православной Церкви и ея таинствамъ, но и къ святому Евангелію и всему христіанству—кошунственные до цинизма, возмутительнымъ образомъ дѣйствующія на религіозное чувство. Новый завѣтъ сектаторъ называетъ костью, брошенною для раздора, всѣхъ православныхъ называетъ дѣтьми Езавели (нечестивой еврейской царицы), волко-агнцами, талмудистами, эгоистами, сатанистами, ошуйными, отмѣченными числомъ имени антихриста 666; пра-

¹⁾ „Мисс. Обзор.“, іюль—августъ, стр. 14—28.

вославные храмы называетъ капищами, святыя иконы—простыми досками, священниковъ—торгашами. Съ не меньшимъ ожесточеніемъ возстае онъ и противъ правительства: Синодъ и Сенатъ считаетъ за сонмъ губителей, царей—за деспотовъ, за сыновъ тьмы и на троны ихъ вопіеть о мщеніи, „чины и красные штаны—за дурь и прелесть сатаны, защиту вѣрь—войной, гоньбой,—за звѣрство, за разбой“. Далѣе, въ сочиненіяхъ Ильина достается и ученымъ, и журналистамъ, и медикамъ, и мелкимъ чиновникамъ, и солдатамъ, и купцамъ, и мужикамъ, и частнымъ лицамъ. „Гдѣ разногласіе, пишетъ онъ, противорѣчія, соборные споры и вздоры, инквизиція или безчеловѣчіе, грѣхоискупленіе или грѣхопотачка, талмудные разные обряды, обливанье, купанье, масляницы или разгулы, дворянства, крестьянства, ранги, саны, гильдіи, сіятельства, блистательства, святѣйшество, суперъ-инте-ейшество, прео-оберъ-прото-архіе-священно-мандритство или загонянье въ рай и адъ, панство и чванство, разстрѣлы, повѣсы, каторги, кнутобой, палкодеръ, канканья, пуллерскія и пушечныя игры, табачная, кабачная, сифилитическая и свиная мерзость, отшельничество, или мошенничество, или вериги, баронство, фанфаронство, ненависть и злость, — тамъ кинута адская кость“. „Я вижу, что сатана три великія чуда сотворилъ: христіанъ во псовъ, гейденовъ въ звѣрей, а жидовъ въ сатаническое сонмище превратилъ“. „Радуйтесь и веселитесь, еговисты, когда возненавидятъ и погонятъ васъ сатанисты. Возрадуйтесь еговисты, когда завоюютъ всѣ сатанисты, когда возстанутъ войной на Егову жида, христіане, магометане и буддисты, по когда мечемъ Еговы, голодомъ, язвами, травлями, градомъ, бурями, холодомъ, засухой, потопами, обвалами, провалами и огнемъ истребятся всѣ безчеловѣчныя жида и двуногіе псы или сатанисты“ („Дивныя предсказанія Еговы“, рукоп. наш. библ.).

„Ну, такъ слышишь ли ты, православный, доскопоклонный сатанистъ (у раскольничьихъ или дониконіанскихъ святыхъ) Ивановскій, что я не самозванецъ, а возвѣститель въ мірѣ вѣщанія Бога моего Еговы, а не свои вымыслы и не молоканъ и не создатель еще новой секты, а разрушитель всѣхъ сектъ въ человѣчествѣ. А изъ сего ясно слѣдуетъ (!), что никакими твоими изрыганіями на сіи вѣщанія

Еговы чрезъ меня не защититъ тебѣ матушку вторую дочь всемірной христіанской блудницы“ (Первая дочь, по Ильину, римская Церковь). „*Моя молитва къ Еговѣ по случаю лжесвидѣтельства и адскихъ небылицъ, возведенныхъ на меня доскопоклоннымъ сатанистомъ Н. Ивановскимъ въ С.-Петербургъ*“ (12 лѣтъ назадъ была прочитана тамъ нами публичная лекція). „Возлюбленный мною другъ (?), отецъ, царь и Богъ мой Егова! Если по плану Твоему въ сей послѣдней битвѣ Твоей съ сатаной надо, чтобъ двуногій песъ Н. Ивановскій лаялъ и изрыгалъ бы на меня всякъ золь глаголь изъ-за Тебя, то пусть изрыгаетъ еще, а если же не надо, то наложи на него намордникъ на всю нескончаемую вѣчность. Аминь“. („Эссенція изъ чудо книжки Божіей“).

Но не въ лицахъ, конечно, главный интересъ дѣла, а въ огульномъ осужденіи всего общественнаго строя и всѣхъ людей не іеговистовъ, въ государствѣ живущихъ. Лучшею иллюстраціею этого осужденія служить „Эпитафія на православныхъ кладбищахъ, изъ разговора Езавели съ Ураніей (небесной, безсмертной), гимнъ двухорный“. *Надмогильная надпись:*

Е з а в е л ь.

Сей царь великъ въ наземномъ царствѣ былъ. Дѣла отдалъ въ Синодъ, въ Сенаты, а самъ все пушки, бомбы лилъ. И каждый день игралъ въ солдаты. Настроилъ узъ и крѣпостей, наставилъ множество судей и всѣхъ сковаль онъ деспотизмомъ. Дѣла его всѣ прелихіа.

У р а н і я.

Презвѣрскія и препустыя. И великій сей монархъ превратился въ смрадный прахъ, иль въ мерзость въ позлащенномъ гробѣ.

Е з а в е л ь.

А сей мертвецъ былъ славный генераль, украшенный крестами; онъ каждый день въ бостонъ иль въ вистъ игралъ, и семь разъ въ годъ священъ понами; и дисциплину соблюдалъ; того онъ гналъ и погублялъ, кто гласъ его не чель за свято. Служилъ онъ такъ, какъ православный.

У р а н і я.

Какъ съ властью плуть, разбойникъ явный, сей деспотъ, шарлатанъ, иль чортъ изъ христіанъ сталъ смрадный прахъ и комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ былъ бравый офицеръ, усердный къ выправкѣ солдатской; маршировалъ онъ въ тотъ самый манеръ, которымъ шелъ начальникъ хватской. Причастіе каждый годъ глоталъ. Въ бильярдъ, и въ вистъ, и въ штоссъ игралъ, ѣлъ колбасу и въ постъ, и въ святки, жилъ такъ, какъ баринъ просвѣщенный.

Уранія.

Лаодикійствъ обуморенный! И военный вертопрахъ превратился въ смрадный прахъ и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ былъ нижній чинъ, солдатъ, штыкомъ кололъ онъ вражью спину, какъ фронтовикъ, ходилъ въ разводъ, въ парадъ и слѣпо вѣрилъ командиру. Молился онъ на барабанъ; грѣхи съ него снялъ попъ-болванъ и въ рай отправляетъ по приказу, какъ воинъ вѣры православной.

Уранія.

Но не пророковъ, а химерной. — Не Христовъ онъ воинъ былъ, звѣрству, діаволу служилъ и превратился въ прахъ, какъ звѣрь же

Езавель.

А сей мертвецъ ученый человѣкъ, наукою служилъ онъ міру; надъ химіей корпѣлъ онъ весь свой вѣкъ, искалъ отъ смерти элексиру. Хоть не нашелъ онъ элексиръ, за то открылъ премного силъ меркурныхъ, фосфорныхъ, магнитныхъ, и въ рай отправленъ былъ попами.

Уранія.

Лежитъ на вѣки съ мертвецами. Какъ не пилъ онъ воды живой, превратился въ смрадный гной и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ былъ славный журналистъ, писалъ онъ критику, романы, хоть ложь внушалъ, какъ хитрый атеистъ, но просвѣщались имъ болваны. Особо дамъ онъ восхищалъ, когда тремблянство прославлялъ, завязку львицъ, тигрицъ со львами, и въ рай снесли его съ крестами.

Уранія.

Тѣ мертвецы, что стали псами. Какъ мѣшаль онъ свѣтъ со тьмой, превратился въ смрадный гной и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ изъ медиковъ былъ хватъ, съ латынью полной семинарской, отъ немощей онъ зналъ весь аппаратъ и былъ съ доскою христіанской. Всѣхъ бѣдныхъ даромъ онъ лѣчилъ, по табеллѣ и въ храмъ ходилъ и, помирая, причастился.—Пошелъ на лоно къ Аврааму.

Уранія.

Въ подземную сырую яму. Не Христу служилъ цѣльбой, превратился въ смрадный гной и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ управой управлялъ, блюлъ благочинія порядокъ, и только добротный даръ онъ бралъ, нахопомъ вовсе не былъ падохъ. Законъ въ крючки не превращалъ, того отнюдь не погублялъ, кто въ праздникъ не далъ поздравленья.

Уранія.

Сего не можетъ быть явленья. Но, положимъ, былъ таковъ, все-жъ не былъ рабъ Христовъ, и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ чиновникъ штатскій былъ, во всемъ въ покорности начальству, окладомъ и наградой только жилъ, и взятки всѣ дарилъ капральству. Какъ мало образованъ былъ, то и къ заутрени ходилъ, курить немножко предъ причастьемъ,—и въ мясопустъ онъ заговлялся.

Уранія.

Съ любовью-жъ Божьею не знался. И чиновникъ полмонахъ превратился въ смрадный прахъ и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ былъ лавочникъ-купецъ, вель торгъ свой праведно, съ изливой, зналъ правила святыхъ отецъ и къ нимъ онъ прибѣгалъ съ молитвой. Попа онъ славно угошалъ, а тотъ грѣхъ ему прощалъ, святилъ его водой и масломъ и въ рай отправилъ съ подорожной.

Уранія.

Но съ семиглавой или ложной. Не въ Христовыхъ былъ торгахъ, превратился въ смрадный прахъ и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ былъ мастеръ цеховой, трудами жилъ, кормилъ семейство, не склоненъ былъ на плутни, на разбой и проклиналъ войну, злодѣйство. Иконы златомъ обложилъ, по праздникамъ и въ храмъ ходилъ, пѣвалъ Владычицу басисто и въ поминанникѣ записанъ.

Уранія.

Но въ книгу жизни онъ не вписанъ. Не въ Христовыхъ былъ трудахъ, превратился въ смрадный прахъ и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ пречестный мужичекъ, въ ватагѣ не былъ онъ бурлацкой, хранилъ себя и каждый пятакъ отъ грѣшной прелести кабацкой. Грѣхи исправно всѣ сдавалъ, попомъ яицъ, колбасъ давалъ, служилъ молебны Голендухамъ и всѣмъ мощамъ творилъ поклоны.

Уранія.

Чтилъ демоновъ и съ нихъ иконы. И какъ слѣпецъ ходилъ впотьмахъ, превратился въ смрадный прахъ и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

Сей патріархъ святитель церкви былъ, блюлъ семиглавыя уставы; онъ крестныхъ ходовъ много учредилъ и жилъ, какъ столбняки и аввы. Духовъ нечистыхъ изгонялъ, велики знаменья являлъ и чудотворныя иконы. Дѣла его суть всѣ святые.

Уранія.

Пресуевѣрныя, пустыя. И язычникъ-іерархъ превратился въ смрадный прахъ и сталъ ничтожный комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ святитель-архіерей, свѣтилъ свѣчами и крестами, могъ текстъ развить на сто проповѣдей и барынь привлекалъ словами. Пилъ только хересъ да чихирь, дарилъ иконы въ монастырь. Слылъ святъ и ѣздилъ на шестеркѣ; предъ смертью сорокъ разъ пилъ тайны.

Уранія.

И сорокъ тысячъ сдеръ съ Украйны. И какъ бредней талмудистъ, хитротайный атеистъ, сталъ смрадный прахъ и комъ навоза.

Езавель.

А сей мертвецъ былъ православный попъ, расколу не давалъ потачки, иконоборцевъ жегъ, влагая въ снопы и раздиралъ на конской скачкѣ. И есть преданіе о немъ, что черта сдѣлалъ онъ конемъ и, сѣвъ верхомъ, на немъ катался. Сей попъ святой ужъ, нѣтъ сомнѣнья.

Уранія.

Проклятый изъ всего творенья.—Мѣсть нѣтъ ему въ мірахъ; онъ засохъ, какъ гной и прахъ и будетъ вверженъ въ огонь на вѣчность.

Езавель.

А сей мертвецъ—монахъ изъ столбняковъ. Достигшій святости великой посредствомъ рѣдки, пареныхъ грибовъ, и въ жизни въ юдоли съ веригой. Хоть попъ его не причащаль, за то ужъ ангель посѣщаль и приносилъ дары изъ церкви на день святыхъ пасхи.

Уранія.

Все это ложь, чуха и сказки. Сей монахъ язычникъ былъ, и, какъ дикарь, въ болотѣ жилъ и въ адъ отправился, какъ лживый.

Езавель.

А сей мертвецъ мучитель звѣрскій былъ, иль инквизиторъ полатыни, онъ склепы, узы строилъ, заводилъ вездѣ въ монашеской святыни. И въ нихъ раскольниковъ давилъ во имя благодати Господней, за что и сталъ изъ всѣхъ святѣйшимъ.

Уранія.

Изчадѣмъ тьмы, изъ всѣхъ мерзѣйшимъ. И антихристъ сей святой будетъ вверженъ сатаной въ склепъ огненный и адъ крошечный.

Езавель.

А сей мертвецъ оберъ-палачъ презлой, иль инквизиторскій помощникъ. Святымъ онъ сталъ за тотъ поступокъ свой, что склепныхъ мучить былъ охотникъ. Онъ пьяница прегорькій, на мученья очень бойкій. Сивуху жъ всю въ немъ освятили.

Уранія.

И черти хоромъ загладили: со клятыми упокой, въ темномъ адѣ, подъ землей Оберъ-нашего дружочка.

Езавель.

А это кровь. Тутъ мучень, пораженъ отступникъ, еретикъ взятый, небесной книгой быль онъ зараженъ, и братскимъ равенствомъ объятый, какихъ-то трехъ звѣрей нашель, отъ православія ушель путемъ страдальческимъ или третьимъ, и сгибъ съ ученѣмъ извращеннымъ.

Урапія.

Воскресъ и взять къ преображеннымъ, ибо пить воды живой, знался съ свѣтомъ, а не съ тьмой, и на конѣ съ Христомъ пріѣдетъ.

Мы привели полностью эту примѣчательную въ своемъ родѣ, весьма характерную „Эпитафію“, чтобы показать, до какого фанатически—ненавистнаго глумленія доходилъ уже родоначальникъ секты іеговистовъ надъ тѣми, кто не носилъ этой клички, — отъ царя и до солдата, отъ патріарха до „попа“, отъ купца до цехового и мужика,—и что завѣщаль онъ своимъ послѣдователямъ.

Но глумленіе—глумленіемъ, а есть и нѣчто болѣе активное, при чемъ фанатизмъ переходитъ, или, по меньшей мѣрѣ, направляется къ тому, чтобы дѣйствовать, а не сидѣть, какъ говорится, сложа руки. Ильинъ является и проповѣдникомъ борьбы съ „сатанинскимъ міромъ“. Вотъ „Утренняя заря въ военныхъ лагеряхъ царя святыхъ“.

Повѣстка.

„Эй, дружки и друзья, божья братская семья! Пробудитесь всѣ спокойно, нарядитесь, какъ пристойно. Ужъ взошла наша заря на восточный небосклонъ, гдѣ стоитъ гора Сіонъ. Намъ пора предъ нимъ явиться, отъ него благословиться и начать его дѣла, взять въ десницу его мечъ, и враговъ рубить и сѣчь и направо, и налѣво, по призыву намъ Халева, не щадя ужъ никого.“

— Каеолическій Талмудъ, артикулы сектъ и смуть, атеизмъ, плутизмъ невѣрья, всѣ химеры суевѣрья, иль дѣла чертовскихъ рукъ. Въ ночь могли мы отдохнуть, а теперь опять маршъ въ путь, по колючкамъ и по терну, чрезъ злодѣйства, живодерню,—прямо въ царствіе любви, въ міръ безсмертныхъ тамъ людей, нашихъ братьевъ и друзей. Тамъ насъ примутъ съ торжествомъ, съ ними жъ въ равенствѣ простомъ, расцѣлуютъ и обнимутъ, тлѣнныя лохмотья скинутъ и одѣнутъ насъ въ виссонъ; на главы навѣютъ вѣнковъ. въ знакъ веселія въ вѣкъ вѣковъ. И введутъ въ дворцы въ палаты,

угощать всѣмъ, чѣмъ богаты отъ всей искренней любви. Тамъ мы станемъ поживать. Городъ съ неба ожидать, тотъ, что спустится отъ Бога, послѣ Гога и Магога,—Новый Іерусалимъ.—Аманъ“.

А вотъ и „Призывъ братьевъ къ сраженію“, — пѣтъ на голосъ „чижикъ, гдѣ ты былъ“

„Бросимъ, братцы, все земное, все ошуйное, пустое, станемъ тлѣнность скидывать, а безсмертье надѣвать. Оторвемся отъ Урала, чтобъ печаль сердца не жала, а пойдемъ теперь впередъ, куда Агнецъ поведетъ: — хоть чрезъ Ирода Преторью, чрезъ Синодъ и Консисторью, седмиглавью въ зубы впасть, въ Инквизицію попасть, въ когти панской пропаганды, въ арестантскія команды, въ заточенье въ монастырь, подъ Родѣновскій костыль (кнутъ). Ибо Богъ далъ повелѣнье, чтобъ мы начали сраженье въ самой адской сторонѣ, средь столицы при Невѣ. А какъ эта битва съ тьмою будетъ страшною, большою и въ неслышанный примѣръ для народовъ и для вѣръ, то небесный Богъ всемогущій, далъ и мечъ намъ двоеострый, артиллерію свою съ чудо бомбами въ строю, крѣпкій щитъ изъ вѣчной вѣры, отражать всѣ лжи химеры, шлемъ спасенія надѣлъ изъ его премудрыхъ дѣлъ,—чтобъ однихъ на смерть сразили, изъ вселенной истребили, а въ другихъ же смерть изгнать и безсмертіе имъ дать. И велѣлъ намъ храбро драться, вспять нейти и не сдаваться, волко-агнство побѣждать... Присмотрѣ дѣлать братъ за братомъ, не въ грѣхахъ, а чтобъ былъ хватомъ, въ битвѣ храбръ, иль не хромалъ. Для любви-бъ (!) все оставлялъ: чинъ, богаство, честь и славу, всю ошуйную державу, домъ, жену, дѣтей, отцовъ, или мертвыхъ—мертвецовъ. А кто станетъ братомъ ложнымъ, счесть того не сыномъ Божиимъ, изъ безсмертныхъ исключить и вновь къ смертнымъ приобщить. Кто-жъ окажется Іудой, съ седмиглавой тайной блудой, иль измѣнить въ сей войнѣ сдать живого сатанѣ. Если врагъ начнетъ кориться, иль захочетъ извиниться, то рѣшать Христу давать (?), на себя же власть не брать: „не въ моей власти спасенье, у Христа проси прощенья“,—„въ огонь поди ты отъ меня“, говорить Господь, не—я (?)*. Такъ должно врагу отвѣтить, и не лстить, и не привѣтить,—чтобъ антихристъ могъ понять, сколь грѣшно на насъ возстать. Если-жъ врагъ въ войнѣ устанетъ и въ отрядъ же нашъ пристанетъ, то товарищемъ принять, братомъ же его не звать. Гдѣ-жъ придется намъ такъ жутко, что на умъ нейдетъ ужъ шутка, то на помощь Бога звать, руки къ небу простирать. За побѣду-жъ—малу-ль, многу—съ музыкой пѣтъ славу Богу, танцемъ Божиимъ плясать, Господу ура кричать ¹⁾“.

Въ добавленіе ко всему есть и „предсказаніе на послѣднюю седмину“, относящееся къ нашему именно времени и даже прямо къ минувшему году. „Въ 1870 году будутъ по всей

¹⁾ „Лучъ свѣта“, ч. 5 и 6 рукоп. нашей бібліотеки.

землѣ сильныя мятежи; въ 1873 году упадетъ комета; въ 1892 году воскреснетъ король Матвѣй (?); въ 1896 г. упадутъ съ небесъ луна и звѣзды и, наконецъ, въ 1900 году послѣдуетъ страшный судъ. Впрочемъ, во всѣхъ городахъ, съ 1870 по 1900 г. будутъ происходить страшныя возмущенія, войны за вѣру, собраніе израильтянъ въ ихъ обѣтованную землю и потомъ пришествіе Антихриста“,—значить, послѣдняя брань съ „сатанинскимъ міромъ“.

Таково отношеніе Ильина къ Церкви, государству и обществу, ко всему, что выходитъ за предѣлы его „новозавѣтнаго іудейства“. И какъ бы ни понимали мы его борьбу за Ураломъ, или на берегахъ Невы, его „бомбы“ и „артиллерию вѣры“, во всякомъ случаѣ то—несомнѣнно, какимъ возбуждающимъ образомъ могло все это дѣйствовать на сердца и умы людей необразованныхъ и не могущихъ отличить образной формы выраженій отъ внутренняго смысла, который подъ этимъ скрытъ, съ какой силой могло и можетъ оно фанатизировать ихъ и, подъ видомъ любви и равенства, вести къ ожесточенію и изувѣрству. При этомъ и упоминаемое имя Халева есть историческое, и его „направо и налѣво“ хорошо извѣстно.

И на самомъ дѣлѣ, что было еще нѣсколько прикровенно у основателя секты, то стало ясно у современныхъ его послѣдователей. Напитавшись духомъ своего первоучителя, они съ открытою уже наглостью обнаруживаютъ свои, фанатизма исполненныя, отношенія и къ вѣрѣ христіанской, и къ существующему общественному строю, и къ частнымъ людямъ,—ведя какъ-бы дѣйствительно *послѣднюю брань* съ „сатанинскимъ“ міромъ и не стѣсняясь при этомъ никакими средствами. Здѣсь безбожіе соединяется уже прямо съ анархизмомъ, и *секта іеговистовъ* является, подъ покровомъ вѣры, *партією анархистовъ*.

Описаніе ихъ отношеній начнемъ опять съ частныхъ лицъ. Полтора года назадъ мы лично столкнулись съ іеговистами на бесѣдѣ, въ Нижнемъ Тагилѣ. Тамъ намъ показали тетрадку, написанную пѣккой Марьей Михайловой Ручьевой (бывшей тутъ же на бесѣдѣ, во главѣ другихъ, — дѣвицей по виду лѣтъ 30) и присланную Екатеринбургскому миссіонеру (г. Романовскому), подъ названіемъ: „Разговоръ уральскихъ іеговистовъ съ достопоклоннымъ миссіонеромъ“

г. Екатеринбург, котораго сатана избралъ для поддержанія всѣхъ 666 христіанъ его“. На бесѣдѣ съ нами Ручьева постоянно говорила намъ: „вы все талмудите, вы все талмудите“... „Досталось Романовскому, достанется и вамъ; еговисты не молчатъ“. И, дѣйствительно, досталось. Мѣсяца два—три спустя, мы получили письмо изъ завода Кушвы, подписанное 43 лицами. Озаглавливается оно такъ: „Посланіе еговистовъ Его Превосходительству, Профессору, Доктору смертной заразнойной богословіи, Езавелиной медицины г. Ивановскому“. Содержаніе письма слѣдующее: „Ну-ка, Панъ-Шайтанъ, Докторъ волшебной медицины, сыми-ка вѣковая бѣльма съ глазъ твоихъ, и ты ясно увидишь, что Егова, а не умершій капитанъ (Ильинъ) повелѣлъ намъ не слушаться того богословія, о которомъ Егова говорить, что онъ глухъ, слѣпъ, съ мѣднымъ лбомъ, съ каменнымъ сердцемъ принялъ богословское ученіе отъ волшебной Езавели. Попробуемъ-ка выбить изъ ушей твоихъ седмглавыя заклепки 7 ударами 100-пудовымъ молотомъ, и ты услышишь, что Егова проповѣдуетъ миръ, свободу и благоденствіе всѣмъ народамъ (?) на тысячу лѣтъ, а не секту какую-то, какъ ты смолоть, похожую на духоборческую. А такъ какъ мы есть сильнѣйшіе борцы за Егову, защитники Его отъ всякаго изрыганія и хулы на Него, посылаемъ тебѣ „коль въ горло“, дабы ты могъ подавиться. Мы, нижеподписавшіеся, увѣрены, что если сей коль остановится въ гортани твоей, то онъ не дастъ болѣе изрыгать всякую ложь и хулу на Егову и Его еговистовъ. Ей, истинно, аминь“. — „Хвались же ты, мудрецъ, что лгать ты молодецъ. А если въ Книгѣ съ неба (3, 17—18) ты прочтешь, то за истину почтешь, что ты слѣпъ и нагъ съ богословіей твоей. Хвались же, дуралей, и хвастай, всѣмъ крича: „вивать!“ Что сумасбродъ твой сей тебя навѣки ввергнетъ въ адъ“. Подписали: Николай Дм. Кузнецовъ, Фѣдоръ Кон. Гущинъ, Иванъ Ив. Слободчиковъ и другіе, въ числѣ 45 человѣкъ, При письмѣ приложена тетрадка, подъ названіемъ: „Коль въ горло, вбиваемый 7 ударами 100-пудовымъ молотомъ истины“. Въ немъ примѣчательна ругань уже на всѣхъ и на все. „Ударъ III. Извѣстно даже китайцамъ, что каждая изъ 666 блудныхъ дочерей сатанински-христіанской религіи утверждаетъ свое адское блужденіе текстами священ-

наго Писанія (на что и іеговисты не скупы),—то неужели такое адское разногласіе въ христіанскомъ писаніи отъ Егвы, а не отъ сатаны?“ „Ударъ V. Заруби на носъ всякому философу и талмудисту, что человѣчество идетъ впередъ, ибо сзади чертъ пушками оное претъ... Безъ люциферова просвѣщенія люди превращаются въ дикихъ звѣрей, а съ его просвѣщеніемъ въ красиво-нарядныхъ чертей или въ двуногихъ псовъ, адски-транспцендентально суевѣрныхъ поповъ и чудотворныхъ талмудистовъ сатанинскихъ перегородокъ въ человѣчествѣ“... „Всѣ гимназіи, семинаріи, университеты и академіи (духовныя и брѣховныя) Люциферъ для того создалъ, чтобъ многіе миллионы людей попали въ огненный провалъ“... „Подъ именемъ поклоненія Христу Адо-наю и Брамуту (основателю Буддизма) весь міръ поклоняется исконному плуту. Кн. С. 13, 38. Лук. 4, 6—7. 2 Коринѣ. 4, 4. Кн. С. 12, 9. 20, 2. 1 Паралип. 21 и 22, 1.“ Далѣе, въ упомянутыхъ мною въ началѣ присланныхъ тетрадкахъ, написанныхъ на гектографѣ,—то же глумленіе надъ Церковью и христіанствомъ. Нѣсколько картинъ представляютъ изображеніе „ошуйнаго христіанства“ и Церкви,—въ видѣ женщины, сѣдящей на семиглавомъ звѣрѣ. Вотъ одна изъ подписей подъ картиной, надъ которой надписано: „Божья загадка за 1870 лѣтъ, а нынѣ очевидная истина“. — „Благочестивый читатель или читательница! Помажь очи твои Келурріемъ Христовымъ, и ты ясно увидишь, въ какой православной вѣрѣ сидитъ баба на Седмиглавомъ Звѣрствѣ, которая облечена въ царскую порфиру и червленицу, украшена золотомъ, драгоценными камнями и жемчугомъ, и держитъ золотую чашу или большой бокалъ въ рукѣ своей, наполненную сифилитической мерзостью блуда ея, и на челѣ ея написано имя *Таинство, Вавилонъ Великій, Порождательница блудницъ и мерзостей земныхъ*... Итакъ, кто не совсѣмъ еще оглохъ, или ослѣпъ отъ поповскихъ очарованій сего седмиглаваго блудилища, отъ ихъ пушечныхъ громовъ, многозвоновъ, толстобасныхъ и сладкогласныхъ катавасій, торжественныхъ загонаній въ рай кровопійцъ, мошенниковъ и пьяницъ..., тотъ долженъ вострепетать и немедленно отпасть отъ союза съ ней, сжечь все ся священное Писаніе и всѣ талмуды и уставы ея и пристать къ братопроороческому и клеветоангельскому братству Христову“... Но мы должны

воздержаться отъ сообщенія всѣхъ мерзко-пакостныхъ выраженій послѣдователей этой „клевето-ангельской (!) вѣры“, которыя просто мутятъ душу... Кто составлялъ эту возмутительно-пасквильную „Божью загадку“, — неизвѣстно, но свидѣтелями, подписавшими ее, поименованы 37 человѣкъ; поименованы и „распространители сего вопроса“, указанъ и адресъ, куда и къ кому обращаться, — именно въ Баранчинскій заводъ такому-то. Наконецъ, по Верхотурскому дѣлу братьевъ Уфимцевыхъ обнаружены такія кощунственныя богохуленія, прямо Христа Спасителя и Его Пречистой Матери касающіяся, — что ихъ совершенно невозможно перedать.

Все, доселѣ сказанное, касается Церкви и религіи, а вотъ и нѣчто другое. „Ударъ VII“ тетрадки „Коль въ горло“ озглавливается: „Символъ общечеловѣческой братопроphetической, клеветоангельской или Иисусовой религіи“... „Заживо мертвые или осатанѣлые прокуроры, судьи и чудотворные талмудисты адскихъ перегоронокъ въ челоѣчествѣ. Если это наше благовѣстіе (!) не отъ Егoвы, то докажите намъ, что оно отъ сатаны... Но какъ сатана не позволить вамъ оправдать насъ, то поэтому мы теперь требуемъ суда Кесарева“ (слѣдуетъ цитаты изъ священныхъ книгъ).

Это требованіе „суда Кесарева“ оканчивается уже оффиціальными заявленіями, съ угрозами начальствующимъ лицамъ, — причемъ задѣвается мѣстами и самое имя Кесаря. — 1898 года, марта 18 дня два іеговиста (Мечевъ и Кривошцовъ) представили слѣдующее „Объявленіе свидѣтелей Апокалиптической Иисусовой истины“. „Всѣмъ друзьямъ смертнаго или сатанинскаго міра сего и въ особенности принадлежащимъ къ *Верне-Туринскому Волостному Правленію*“. — „Мы, нижеподписавшіеся обыватели, отказываемся отъ всѣхъ вашихъ общественныхъ податей и постановленныхъ сборовъ и возлагаемыхъ обязанностей. Потому что мы не желаемъ пользоваться никакимъ вашимъ заведеніемъ и учрежденіемъ, или церквями и ея торжественными обрядами, нарядами и красивыми или презабавными процессіями“... „Деспотическая власть сама вынуждаетъ противиться повелѣнію Кесаря“ (!)... „Итакъ, скажите намъ, хотя по Алеутской совѣсти, отъ Бога ли эти власти? Если вы признаете ихъ отъ Бога, Егoвы или Иисуса Христа, то почему же вы не желаете исполнять по-

велѣній Его въ „Книгѣ, съ Неба“ присланной, повѣрить словамъ Его, сказаннымъ: 17, 4—5. 19, 8,—что съ этою блудницею, которая сидитъ на Седмиглавомъ Звѣрствѣ, блудятъ не только всѣ народы и племена, но даже и цари земные, и упиваются ея блуднымъ виномъ всѣ живущіе на землѣ. Но мы еще разъ повторяемъ, что съ сихъ поръ мы рѣшительно отказываемся отъ всѣхъ вашихъ учрежденій, повинностей и деспотическихъ постановленій, а также не желаемъ быть зачисленными ни въ какія дѣла смертныхъ царей вашихъ“. Подобное же объявленіе послано и въ „*Баранчинское Волостное Правленіе, старшинѣ Соловьеву*, съ поясненіемъ, что они, іеговисты, отказываются платить и на Христолюбивое воинство, въ защиту оной православной матушки блудницы Езавели“ (№ 13-й). Далѣе идетъ „*Отвѣтъ на злодѣйскій умыселъ земскаго начальника Метаньева*“.—„По объявленіи намъ вашего дѣвольскаго постановленія, чрезъ вѣрнаго слугу Соловьева—(сей песь К. С. 22, 15 пролаялъ на насъ за то, что мы не сѣли въ его заразительную нечистотою камору),—въ которомъ ты высказываешь свою самовластную дерзость и страшную хулою отвергъ міротворческія повелѣнія безсмертнаго Царя царей, Егови, и призналъ ихъ за бессмыслицу, заарестовалъ насъ за то только, что мы неопровержимо доказали изреченіями Егови, что вы суть слуги сатаны... А поэтому, никакой образованный человѣкъ не согласится признавать васъ здравомыслящими. Если и 100-пудовымъ молотомъ невозможно пробудить, какъ мертвеца, спящаго непробуднымъ вѣчнымъ сномъ“, то вотъ „*Побудка*“: „Изъ человѣколюбія нашего даже и ко врагамъ нашимъ предостерегаемъ васъ ходить. Что если вы не перестанете гнать и изрыгать хулу на апокалипсическіе глаголы Егови, то будете истреблены Еговою, какъ порожденіе Ехиднино, или какъ адски-хитрые защитники матушки Езавели—мамзели, и будете взорваны динамитомъ всемірныхъ истребителей рабства и грабительства. Ей, истинно. А посему ждемъ отвѣта, не тяни до лѣта! Боже Егова, если и сей злодѣй утаитъ намъ отзывъ свой, съ намѣреніемъ всячески издѣваться надъ нами, и не доведетъ до свѣдѣнія Государя Императора Николая Александровича (ибо мы теперь требуемъ суда Кесарева), то такому злодѣю давай уже смертный толчекъ въ шею“. — Опять слѣдуютъ подписи 10 лицъ. Еще и

молитва къ Еговѣ: „Возлюбленный Богъ мой Егова, поражай безпощадно тѣхъ сатанистовъ, кои возстанутъ на уничтоженіе, или на утаеніе призыва Твоего“. Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что ученіе и дѣяніе іеговистовъ не были доведены путемъ официальнымъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что и на многочисленныя ихъ произведенія и на открытыя заявленія посмотрѣли легко, какъ на бредъ только фантазіи. Теперь оказывается, что и слово динамитъ произносилось не даромъ, аллегорія переходитъ въ дѣйствительность и къ этому страшному средству начинаютъ прибѣгать на дѣлѣ,—о чемъ въ самомъ началѣ мы и сказали. Этого довольно: слово сказано и дѣло дѣлается...

Изложеннаго матеріала, полагаемъ, совершенно достаточно для того, чтобы получить ясное представленіе объ основанной Ильинымъ сектѣ „Деснаго братства“ или „Іеговистовъ“. Секту эту можно охарактеризовать двумя-тремя словами такъ: это—съ одной стороны, безбожіе, съ глумленіемъ надъ священными лицами и предметами соединенное, а съ другой—соціальный анархизмъ, на почвѣ фантастическихъ бредней о полномъ равенствѣ и благополучіи въ воображаемомъ земномъ царствѣ какихъ-то безсмертныхъ и нестарѣющихъ людей.

Остается въ заключеніе послѣдній вопросъ: какъ со всѣмъ этимъ быть? Чѣмъ считаться съ религіознымъ и общественнымъ безобразіемъ? Когда дѣло идетъ о какой бы то ни было сектѣ, то прежде всего указываютъ на миссіонеровъ, какъ на людей, призванныхъ къ словесной борьбѣ съ нею. Въ данномъ случаѣ,—сказать по правдѣ,—эта борьба, прямо для уясненія въ глазахъ заблудившихся, едва ли и возможна, такъ какъ трудно найти въ ней точку соприкосновенія; мы и они точно на двухъ полюсахъ живемъ, или даже на двухъ планетахъ, и въ нашихъ понятіяхъ и въ нашемъ даже языкѣ общаго мало, и идеалы наши тоже слишкомъ далеко расходятся. Мы совсѣмъ не думаемъ, да и представить не можемъ никакого тысячелѣтняго царства, никакой Іерусалимской республики съ городскими улицами, вымощенными драгоценными камнями на 2000 верстъ въ длину, широту и высоту, желѣзной дорогой отъ Іерусалима до Кантона и мно-

гаго тому подобнаго. И на самомъ дѣлѣ, что вы будете говорить, на примѣръ, о Богѣ, когда въ сущности іеговистъ никакого Бога и не признаетъ, а признаетъ только какого-то „человѣко-бога“, или иначе „безсмертнаго человѣка“, при общей всѣмъ людямъ смертности? Развѣ только то можете сказать, что *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. 13, 1). Что вы будете говорить о поставленіи рядомъ Моисея и Суслова, Иліи и донского казака Замолвкина,—учителя Пинеагора, Матери Христа и Елизаветы Криднеръ, Евангелія и буддійскаго богословія? Какъ вы объясните всю нелѣпость подобныхъ сопоставленій? Что вы скажете о Іерусалимѣ, съ неба спущенномъ, и о людяхъ съ другихъ планетъ? Развѣ то только,—что опять мы и говорили,—что ярая іеговистка и пропагандистка Ручьева съ своими друзьями,—выходить, не о себѣ заботятся и о *своемъ* спасеніи, а о какихъ-то невѣдомыхъ, воображаемыхъ только людяхъ. Какая же имъ-то отъ этого польза?

Что вы будете говорить про Божественное откровеніе, въ священномъ Писаніи заключенное, когда іеговисты всю Библию признаютъ испорченною, кромѣ „Книги съ неба“, и говорятъ о какой-то своей библии,—имѣя, вѣроятно, въ виду сумасбродныя тетрадки Ильина? Какимъ путемъ будете вы опровергать эти сумасбродства фанатиковъ, вообразившихъ себя безсмертными, „тайнствами натуры просвѣщенными“ людьми,—которыхъ такъ легко вызвать на прямые богохуленія?... Видится, что миссіонеру требуется здѣсь крайняя осторожность, чтобы не отяготить слухъ свой и другихъ и не поставить себя въ положеніе весьма затруднительное и совсѣмъ неудобное... Но все это не освобождаетъ, конечно, и миссіонера отъ всякихъ заботъ, но заботъ другого рода. Если трудно бороться непосредственно съ іеговистами, пропитанными уже фанатизмомъ, то задача его состоитъ въ томъ, чтобы вліять на православныхъ, имѣющихъ съ ними соприкосновеніе,—дабы они не увлекались ихъ красивыми словами о равенствѣ, свободѣ и полномъ земномъ счастьи. Для этого-то и необходимо,—разъясняя истинныя о семъ понятія съ христіанской точки зрѣнія и неосуществимость со стороны соціальной,—ознакомлять въ тоже время со всѣми сумасбродствами сектантовъ и съ ихъ невѣріемъ въ Бога и полнымъ матеріализмомъ и возмутительными глумленіями.

Прямо къ безбожію никто не поидеть, а отъ глумленія отвратится всякой, не до конца испорченный. А что до любви, то не трудно объяснить, что любить другъ друга можно и помимо іеговизма, во имя Христа, Единороднаго Сына Божія, душу Свою за насъ положившаго. И эта любовь выше и самоотверженнѣе любви іеговистовъ только къ самимъ себѣ, любви *эгоистической*.

Но разъ мы видѣли, что подъ завѣсою религіознаго сектантства кроются тенденціи чисто соціальныя, на почвѣ безбожія водружается знамя анархизма, то и центръ тяжести въ борьбѣ съ подобнымъ явленіемъ переносится уже на другихъ лицъ, и ослабленіе и прекращеніе его становится задачей тѣхъ, кто призванъ блюсти внѣшній порядокъ и охранять строй государственной жизни,—да и мы проживемъ тихое житіе. Но не здѣсь, не въ этой залѣ входитъ въ обсужденіе способовъ къ ослабленію съ этой стороны общества іеговистовъ, а равно и другихъ, кое въ чемъ на нихъ похожихъ,—также подъ маскою вѣры скрывающихъ земныя социалистическія цѣли:—также проповѣдующихъ уничтоженіе полицій и судей, при непротивленіи даже злу,—хотя инстинктивно всякій изъ нихъ этому противится и въ обиду себя не даетъ ¹⁾,—также при этомъ возстающихъ и на Церковь, глумящихся надъ ея таинствами и отвергающихъ Божество Господа Іисуса Христа.

Профессоръ И. Ивановскій.

¹⁾ По этому поводу мы слышали отъ человѣка вполне достовѣрнаго рассказъ о томъ, какъ одинъ молодой человѣкъ, вѣхавшій по желѣзной дорогѣ, изъ Нижняго въ Москву, въ вагонѣ 3 класса громко проповѣдывалъ ученіе Толстого о непротивленіи злу. Всѣ слушали эту проповѣдь. Но случилось, что на одной станціи, по выходѣ его изъ вагона, его мѣсто заняла какая-то женщина и уступить не хотѣла. Молодой человѣкъ сталъ угрожать жалобою кондуктору. Тогда одинъ изъ спутниковъ, не рѣшавшійся прежде вступить въ споръ, громко,—чтобы всѣ слышали, сказалъ: „какъ же вы, господинъ, сейчасъ проповѣдывали о непротивленіи злу, какъ ученикъ Льва Николаевича, а сами первый и хотите противиться злу?!...“ Молодой проповѣдникъ тотчасъ же ушелъ въ уголокъ вагона и всю дорогу уже молчалъ. Какъ легко рѣшаются иногда мудреные вопросы.

Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Толстого въ молодости и въ старости.

(По поводу книги Д. С. Мережковского: „Л. Н. Толстой
и Достоевскій“).

До самаго послѣдняго времени—до изданія извѣстнаго синодальнаго посланія—одни изъ громаднаго большинства читающей публики знали Л. Н. Толстого, какъ талантливаго беллетриста, какъ извѣстнаго автора „Анны Карениной“, „Войны и Мира“ и проч.; другіе—зачитывались и восхищались его философско-богословскими произведеніями послѣднихъ лѣтъ. Посланіе синодальное, привлекиши всеобщее вниманіе къ Толстому, довело его до высокой степени напряженія; вся читающая Россія заинтересовалась имъ и стала знакомиться съ сочиненіями не одного только періода его писательства: читаются и перечитываются нынѣ произведенія гр. Т—го во всей ихъ совокупности. У такихъ читателей невольно возникаютъ теперь вопросы: одинъ ли и тотъ же Л. Н. Толстой, какъ авторъ романовъ и какъ авторъ послѣднихъ по времени его произведеній? Что за душевный переворотъ, происшедшій у него? Вопросы эти вполне естественны и законны. Отвѣтъ на нихъ даетъ въ книгѣ своей Д. С. Мережковскій: „Христосъ и Антихристъ въ русской литературѣ. Л. Толстой и Достоевскій“. Книга эта въ высшей степени важна и гѣмъ еще, что въ ней авторомъ дается полная, всесторонняя характеристика Л. Н. Толстого, какъ религіозно-нравственнаго мыслителя. Авторъ—г. Мережковскій—свѣтскій писатель, далеко не церковный мыслитель. Поэтому въ какомъ-либо пристрастіи его къ „клерикализму“ заподозрѣть не можетъ даже самая придирчивая критика. Значить, всѣ сужденія почтеннаго автора о Л. Толстомъ и характеристику послѣдняго должно почестъ не иначе какъ за результатъ одного только всесторонняго изученія произведеній самаго Л. Толстого и литературы о немъ.

Свою рѣчь о Л. Толстомъ г. Мережковскій начинаетъ съ констатированія факта, что „въ русскомъ обществѣ, отчасти и въ критикѣ, утвердилось мнѣніе, будто бы въ концѣ семидесятыхъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ съ Л. Толстымъ произошелъ глубокій нравственный и религіозный переворотъ, который въ корнѣ измѣнилъ не только всю его личную жизнь, но и умственную и писательскую дѣятельность, какъ бы переложилъ его существованіе на двѣ половины: въ первой онъ—только великій писатель, можетъ быть и великій человѣкъ, но всетаки человѣкъ отъ міра сего, съ человѣческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнѣніями, слабостями; во второй—онъ выходитъ изъ всѣхъ условій историческаго быта и культуры; одни говорятъ, что это христіанскій подвижникъ, другіе—безбожникъ, третьи—фанатикъ, четвертые—мудрецъ, достигшій высшаго нравственнаго просвѣтленія, какъ Сократъ, Будда, Конфуцій,—основатель новой религіи“. Самъ Л. Толстой какъ бы подтверждаетъ свое перерожденіе. „Пять лѣтъ тому назадъ, писалъ онъ въ 1879 г. въ своей „Исповѣди“, со мною стало случаться очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать. Эти остановки жизни всегда выражались одинаковыми вопросами: зачѣмъ? Ну, а потомъ? Я будто жилъ-жилъ, шель-шель, и пришелъ къ пропасти; я ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ гибели.—Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни.—И вотъ я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни“. Л. Толстой сталъ жить тогда въ общеніи съ рабочимъ народомъ, и вотъ съ нимъ случился переворотъ. „Жизнь нашего круга—богатыхъ ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусство—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя.—Я возненавидѣлъ себя и призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно стало“. Этотъ переворотъ въ жизни Толстого подтвер-

ждается и всѣми близкими къ нему людьми. Братъ его жены, между прочимъ, писалъ, что „измѣнилась не только его, Л. Н., жизнь и отношеніе ко всѣмъ людямъ и ко всему живому, но измѣнилась и вся мыслительная его дѣятельность; что *весь Левъ Николаевичъ сдѣлался олицетворенною идеею любви къ ближнему*“.

Жена же его писала брату въ началѣ 1881 г., что Л. Н. Толстой „сталъ христіанинъ самый искренній и твердый“.

Несмотря на такія ясныя, искреннія свидѣтельства, Д. С. Мережковский не видитъ въ духовной жизни Толстого такого глубокаго переворота. Онъ обращается къ произведеніямъ самого Толстого, которыя всѣ представляютъ точнѣйшую его автобіографію, его внутреннія переживанія. Въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности“ 24-хъ лѣтній Толстой вспоминаетъ мысли и идеи 14—15-ти лѣтняго возраста, когда онъ стремился уяснить себѣ вопросъ о назначеніи человѣка, о безсмертіи и будущей жизни; вспоминаетъ, какъ онъ, помогая однажды слугѣ выставлять рамы въ окнахъ, почувствовалъ умиленіе христіанскаго самопожертвованія и хотѣлъ „измучиться, оказывая эту услугу Николаю“, какъ онъ рѣшилъ тогда „скорѣй-скорѣй, сію-же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе и какъ сожалѣлъ, что „дурень былъ онъ прежде“, и радовался тому, какъ онъ можетъ быть хорошъ и счастливъ въ будущемъ. Тогда же онъ рѣшилъ исправить себя и все человѣчество. Съ этою цѣлію для себя онъ написалъ на разлинованномъ листѣ обязанности къ Богу и къ ближнимъ, рѣшивъ непреклонно выполнять ихъ. Вслѣдствіе однѣхъ и тѣхъ же мыслей о смерти и будущихъ мукахъ, онъ однажды, „чтобы приучить себя къ страданію, несмотря на страшную боль, держалъ по 5 минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева, или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ“; другой разъ, наоборотъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей онъ бросилъ уроки и дня три „занимался тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-либо романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ“. Одинъ Толстой, сознательный, смиряется и кается, другой—безсознательный, злой и сильный—„воображаетъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины и съ гордымъ сознаніемъ своего до-

стоинства смотреть на остальныхъ смертныхъ“, испытывая утонченное, сладострастное, горделивое наслажденіе даже въ самоотвращеніи. Который изъ двухъ Толстыхъ болѣе искренній?

Если мы сопоставимъ взглядъ самого Л. Толстого изъ разныхъ эпохъ его жизни, то увидимъ, прежде всего, что молодое стремленіе его къ добру („Дѣтство, отрочество и юность“) было только умствованіями; первая попытка начать практически осуществлять добро окончилась разочарованіемъ и неудачей, такъ какъ при разлиновкѣ бумаги для записи его обязанностей къ Богу чернила размазались въ продолговатую лужу. Это разочарованіе съ возрастомъ усиливается, и Нехлюдовъ (въ „Воскресеніи“) уже называетъ „глупостью все то, что онъ зналъ и чему онъ вѣрилъ и что любилъ; любовь, самопожертвованіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастье“, думалъ онъ, но и они въ дѣйствительности дали ему, какъ онъ замѣтилъ черезъ годъ одно „сухое, разумное довольство“. Нехлюдовъ убѣждается въ концѣ концовъ, что онъ не умѣетъ дѣлать добро людямъ, и что мужики тоже недоувѣрчиво смотрятъ на добродѣтельные попытки барина. Другой герой — Оленинъ, сознающій себя безгранично свободнымъ и не успѣвшій еще разочароваться, такъ какъ любилъ себя (и только себя) и вѣрилъ въ себя, видитъ правду и счастье жизни въ сближеніи человѣка съ природой и опрощеніи себя, а потому презираетъ своихъ московскихъ пріятелей, живущихъ иною культурною жизнью. Больше всего воплощаетъ въ себѣ этотъ философски-циническій взглядъ на жизнь толстовскій Ерошка, тоже любящій свободу, желающій жить внѣ человѣческихъ, культурныхъ понятій о добрѣ и злѣ, законы которыхъ онъ выводитъ для себя изъ природы. „По моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Что Богъ далъ, то и лопаешь. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что *все одна фальшь*. Сдохнешь, — трава вырастетъ, *вотъ и все*“. Любовь къ живому какъ будто сближаетъ съ христіанствомъ чувства Ерошки, какъ и Оленина въ другомъ случаѣ, когда онъ тоже чувствовалъ любовь ко всему; но въ сущности это — язычество, соприкасающееся съ христіанствомъ настолько, насколько могутъ соприкасаться двѣ противоположныя край-

ности. Добродѣтельныя стремленія, вытекающія изъ этой языческой мудрости, терпятъ неудачу, такъ какъ не имѣютъ основы во внутреннемъ человѣкѣ. Оленинъ, какъ Иртеневъ и Нехлюдовъ, также испыталъ это. Пожертвовавъ своею любовью къ женщинѣ, онъ потомъ даже понять не могъ, какъ „могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ“, а отсюда слѣдовало, что самоотверженіе—вздоръ и дичь и совершенно излишне, такъ какъ въ душѣ *искренно* чувствуется только одна *любовь къ себѣ*. Вотъ въ этомъ *дѣйствительно искреннемъ* сознаніи героевъ Толстого (иначе—его самого) и заключается начало и *корень* всѣхъ возрѣній и выводовъ толстовскаго ученія; *любовь къ себѣ* или, наоборотъ, *ненависть*—это двѣ главныя пружины, на которыхъ все движется въ сочиненіяхъ Л. Толстого.

Есть и другое начало, которое движетъ героями повѣстей Толстого, это—честолюбіе; Оленинъ мечтаетъ о флигель-адъютанствѣ подобно тому, какъ самъ Толстой, по собственному признанію, мечталъ о георгіевскомъ крестѣ. Неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ, по нерасположенію одного изъ начальниковъ, онъ вышелъ въ отставку, и въ своихъ произведеніяхъ всегда мститъ типу такихъ начальниковъ. Въ годъ освобожденія крестьянъ онъ намѣревался выдвинуться на идейномъ поприщѣ, работая для крестьянъ въ качествѣ мірового посредника, но какъ прежнія его попытки дѣлать добро, такъ и эта „были только любительствомъ, *охотою*“. Женитьба—вотъ первый серьезный шагъ въ жизни Л. Толстого. Съ этого времени у него начинаются заботы объ устройствѣ дома, семьи. Даже свой писательскій талантъ въ то время онъ употреблялъ, какъ средство для благоустройства своего дома. Всѣ свидѣтели этого времени, а также и собственные письма Толстыхъ, говорятъ о домашнихъ заботахъ. Здѣсь выразилась у Толстого любовь къ жизни вообще. Съ этой стороны онъ достигъ полного счастья и осуществленія своихъ идеаловъ, такъ что говорилъ гр. Соллогубу: „если бы пришла волшебница и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать“. Но, достигнувъ этого безотчетнаго, непосредственнаго благополучія, онъ вдругъ вздумалъ заглянуть въ потустороннюю долину, и здѣсь онъ испытываетъ, какъ и Соломонъ, суету и то-

мленіе духа. „Я какъ будто, говорилъ онъ, жилъ-жилъ, шель-шель и пришелъ къ пропасти“; „я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня... ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ и я хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей“. Этотъ страхъ смерти былъ не болѣе, какъ обратной стороной любви Л. Толстого къ жизни.

Разбирая взгляды Толстого на смерть, можно видѣть, что на смерть онъ смотритъ, какъ на *уничтоженіе* всего, какъ на переходъ въ абсолютное *ничто*, за которымъ ничего *нѣтъ*; взглядъ этотъ, конечно, языческій, приводящій къ нирванѣ буддистовъ. Въ этомъ отношеніи даже великій язычникъ новаго времени, Гете, стоитъ ближе къ христіанству, ибо онъ говоритъ о цѣли жизни дѣлать *преходящее непреходящимъ*.

Въ такомъ духѣ Толстой пишетъ о смерти брата своего Николая, который, по его словамъ, предъ смертью вскопчилъ и съ ужасомъ прошепталъ: „что это? — это, замѣчаетъ Л. Толстой, онъ увидѣлъ свой переходъ въ *ничто*“. Мережковский справедливо сопоставляетъ этотъ взглядъ Толстого на смерть и будущую жизнь со взглядомъ еретиковъ жидовствующихъ (XVI в.), которые говорили: „А что то царство небесное? А что то второе пришествіе? А что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто,—инъ по та мѣста и былъ“. А Ерошка у Толстого еще прямѣе говоритъ: „умру—травка вырастетъ“. Взглядъ—чисто языческій. Тертуліанъ, говоритъ г. Мережковский, утверждаетъ, что душа человѣка по природѣ христіанка, но, кажется, у Л. Толстого она урожденная язычница. „Если бы, продолжаетъ онъ, глубина его сознанія соотвѣтствовала глубинѣ его стихійной жизни, онъ понялъ бы, наконецъ, что ему нечего бояться и стыдиться своей души язычницы, что она дана ему Богомъ“.

Во второй половинѣ своей жизни Толстой разсмотрѣлъ эту свою тѣлесную стихійность и рѣшилъ подчинить ее сознанію, какъ нѣчто „преступное, злое, то, чему не слѣдуетъ быть. Онъ рѣшилъ, по замѣчанію Мережковского, „до конца возненавидѣть душу свою, чтобы спасти ее“. Теперь онъ уже всю культурную жизнь обозвалъ „баловствомъ“, и ему, по собственному признанію, стало все ясно“.

„Но 3—4 года спустя это ясное снова затуманилось“, говоритъ Д. С. Мережковский, замутилось въ частности, когда

въ 1882 во время московской переписи онъ убѣждалъ богатыхъ людей соединиться для совмѣстной благотворительной дѣятельности и спасти сначала Москву, а потомъ и всю Россію. Здѣсь, по собственному признанію, Толстой чувствовалъ нѣкоторую фальшь и неловкость (стр. 52). Настоящій взглядъ на частную благотворительность открылся Толстому изъ простаго ариѳметическаго подсчета. Онъ видѣлъ, что его работникъ Семенъ подавалъ нищему 3 коп. и просилъ у него 2 сдачи, но когда у него двухъ копѣекъ не оказалось, то Семенъ, перекрестившись, оставилъ ему Господа ради всѣ 3 коп. Толстой зналъ, что у Семена сбереженій 6 р. 50 коп., а у него, Толстого, 600 т. р.; отсюда слѣдовалъ выводъ, что Толстой долженъ былъ бы единовременно подавать нищему по 3 тыс. руб., но онъ здался въ софизмы. Если, говорилъ онъ самъ себѣ, если я и 100 т. р. дамъ, то не буду еще въ состояніи дѣлать добро, ибо у меня останется еще 500 т. р. Вотъ когда, говорилъ онъ, я все отдамъ, разорву „слабую паутину“ собственности, тогда я буду въ состояніи дѣлать добро, иначе же я, та вошь, пожирающая листъ дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и хочу дѣлать его“. Онъ понялъ, что не возненавидѣлъ себя, когда оставилъ у себя деньги, и вотъ онъ рѣшилъ освободиться отъ нихъ, освободиться отъ собственности.

Бытописатель Толстого Берсъ говоритъ, что предположеніе, будто онъ умолчалъ о томъ, что было не въ пользу Л. Н., невѣрно, потому что въ жизни Л. Н. *нѣтъ даже ничего такого, что приходилось бы скрывать*. У величайшихъ святыхъ были минуты паденья, справедливо замѣчаетъ Д. С. Мережковскій, надъ апостоломъ виситъ грѣхъ отступничества, а здѣсь вдругъ такая непорочность, что даже самъ Толстой возвѣстилъ, что у него тайнъ нѣтъ, „и пусть всѣ знаютъ, что онъ дѣлаетъ“. Но каковъ же въ данномъ случаѣ Толстой, съ такою смѣлостью заявляющій о своей чистотѣ, и кто онъ,—святѣй или безстыдникъ, презирающій людей?—До вопроса о раздачѣ имущества имѣется подробная его исповѣдь, но съ этого момента онъ вдругъ умолкаетъ—и навсегда. Изъ писемъ Берса мы узнаемъ, что онъ рѣшилъ непремѣнно роздать имущество, но встрѣтилъ протестъ со стороны жены, которая хотѣла даже учредить опеку надъ имуществомъ. Предстояло, такимъ образомъ, принести Тол-

стому величайшую жертву, о которой говорить Спаситель: *«иже любитъ отца, или мать, или жену... нѣсть Мене достоинъ»*...; „врази челоуѣку домашніе его“; слабая паутина оказалось крѣпко сотканной на плоти и крови. Св. угодники Божіи, напр., Алексѣй челоуѣкъ Божій и др., въ данномъ случаѣ все оставляли для Господа; недаромъ чтить ихъ народъ, какъ своихъ не только святыхъ, но и героевъ, богатырей духа, разорвавшихъ узы плоти. Близокъ сердцу народному дядя Власть, который „роздалъ все имѣніе, самъ остался босъ и голъ и собирать на построеніе храма Божьяго пошелъ“; близокъ былъ бы народу и сдѣлался бы народнымъ героемъ, — теперь лишь *костюмирующійся* въ народную одежду — Л. Толстой. „Вотъ, что должно было бы совершиться, — говоритъ Д. С. Мережковский, — великій писатель русской земли долженъ былъ сдѣлаться *подвижникомъ* русскаго народа, — явленіе небывалое, единственное въ нашей культурѣ“. — Недаромъ взоры всего народа устремлены на Толстого и не только на то, что онъ пишетъ, но и что дѣлаетъ. Но того, чего можно было ожидать, не случилось: Толстой *дѣйствительнымъ* подвижникомъ народа не сдѣлался, а лишь рисуется такимъ у своихъ почитателей (послѣдній портретъ Рѣпина). Не желая противиться женѣ насиліемъ, говоритъ Берсъ, Л. Н. сталъ относиться къ своей собственности такъ, какъ будто ея не существуетъ, и отказался отъ своего состоянія, сталъ игнорировать его судьбу и *пересталъ* имъ пользоваться, *если не считать* того, что онъ живетъ въ яснополянскомъ домѣ. Вышла новая фальшь: Л. Н. вознамѣрился, оставаясь верблюдомъ, пролѣзать въ ушко иглы, оставаясь богатымъ, „не брать денегъ въ руки, не носить ихъ при себѣ“, — однимъ словомъ, не противиться злу, присѣвъ у дороги, отдохнуть, быть только наблюдателемъ жизни, сваливъ всю тяжесть ея и черную работу на другихъ, въ частности на жену. Такъ же, какъ на отношеніе къ имуществу, народъ обращаетъ вниманіе на другія стороны жизни Толстого, — его домашнюю обстановку, пищу, одежду и работу.

Всѣ наблюдатели отмѣчаютъ „выдержанность и солидность стариннаго барства“ въ домѣ Толстыхъ и „неуловимую благородную простоту“. Л. Толстой не пользуется услугами лакея, онъ самъ убираетъ свою комнату, напоминающую простотою кабинетъ Паскаля, самъ даже возитъ на себѣ воду. Эту свою комнату Толстой не позволилъ перестроить,

увѣряя жену, что многіе дѣтели живутъ и работаютъ въ несравненно худшихъ помѣщеніяхъ, чѣмъ онъ. Но, замѣчаетъ Мережковскій, едва ли многіе дѣтели пользуются такой комнатою, какъ кабинетъ Толстого. Онъ уединенъ, лишень украшеній, но за то ничто не развлекаетъ вниманія Толстого, ни даже какая-нибудь бездѣлушка, ни какой-либо звукъ съ улицы. За это спокойствіе, „располагающее къ размышленію“, можно отдать многое. „Это—блаженство и глубокая *тиа*“, замѣчаетъ Мережковскій, и какъ она рѣдко, какъ трудно достижима въ большихъ городахъ. Рабочая комната въ Ясной Полянѣ еще удобнѣе. Она въ затѣнѣ стариннаго парка изъ вѣковыхъ березъ и въ ней прохладно, какъ въ погребѣ. „И все въ домѣ соотвѣтствуетъ благородному утонченному вкусу хозяина, его любви къ *роскошной простотѣ*“.

Въ отношеніи пищи Толстой вегетеріанецъ. Но можно изъ писемъ и словъ жены его и родныхъ видѣть, чего стоитъ этотъ столъ. Вѣдь Толстой не постничаетъ такъ, какъ вегетеріанствовали святые, или даже какъ нашъ бѣдный русскій мужичекъ. Нѣтъ, графиня Толстая сама сознается, какихъ усилій стоило ей достигнуть того, чтобы столъ былъ почти настолько же разнообразенъ, изысканъ и вкусенъ, какъ и мясной. Опять *роскошная простота*. „Если бы, говоритъ Мережковскій, Толстой, подобно дядѣ Власу, ходилъ по большимъ дорогамъ, или, какъ онъ это совѣтовалъ старшему сыну, нанялся въ батраки къ мужику, ему не удалось бы съ такою точностью соблюдать вегетеріанскій постъ, можетъ быть, даже пришлось бы поневолѣ съѣсть запретную „убоину“, какую-нибудь селедку или печенку со Смоленскаго“ (стр. 65). — Одежда его проста, какъ и пища, но она сшита, опять таки по особо выработанному графиней покрою, такъ удобно, что гости Толстыхъ охотно промѣниваютъ свои сюртуки и пиджаки на блузы Л. Н. И въ этой одеждѣ свойственно ему даже нѣкоторое щегольство, замѣчаетъ Д. С. Мережковскій. Въ юности огорчался онъ тѣмъ, что лицо у него „совсѣмъ какъ у простого мужика“. Теперь онъ этимъ хвастаетъ. Онъ любитъ рассказывать, какъ на улицахъ и въ незнакомыхъ домахъ принимаютъ его за настоящего мужика или даже за бродягу“. Въ юности онъ мечталъ получить Георгія, теперь онъ интересуется болѣе

современными знаками отличія, но не все ли равно какими, говорит Мережковский. Толстой любитъ запахъ навоза, но и любитъ французскіе духи. Въ бѣльѣ у него всегда лежить саше. „Такъ Л. Н. изобрѣлъ новый утонченный способъ наслаждаться ароматами: послѣ навоза запахъ цвѣтка и духовъ еще употѣлнѣе“ (стр. 68). Точно также физической работой Л. Н. поддерживаетъ аппетитъ, чтобы послѣ работы блюда всегда дѣлались вкуснѣе.

Еще одну весьма характерную черту отмѣчаетъ Д. С. Мережковский у Л. Н.,—это любовь къ своему *тѣлу, плоти*. Описывая еще первыя смутныя впечатлѣнія дѣтства при купаньи въ корытѣ, Л. Н. говоритъ, что „въ первый разъ замѣтилъ и *полюбилъ свое тѣло*“. Вронскій тоже испытывалъ радостное *сознаніе* своего *тѣла*. „Кажется, говоритъ Мережковский, ни въ комъ эта чистая животная радость плотской жизни, знакомая древнимъ, теперь сохранившаяся только у дѣтей, не выражалась съ такою откровенною, первобытною и невинно-безстыдною обнаженностью, какъ во Л. Толстомъ“. Къ старости эта плотность ничуть не уменьшается у Толстого. Готовясь къ смерти, онъ больше думаетъ о плотскомъ, о славѣ и земномъ безсмертіи. Кто не былъ у Толстого, начиная отъ великихъ писателей, кончая разбойникомъ Чуркинымъ? „Радостно узнавать про вліяніе на другихъ людей, потому что только тогда убѣждаешься, что огонь, который въ тебѣ,—настоящій,—настоящій, если зажигаетъ“,—вотъ его слова. Или: „Я не заслужилъ генерала отъ артиллеріи, за то сдѣлался генераломъ отъ литературы“. „Такъ сумѣлъ онъ соединить утонченнѣйшую роскошь и *нгу плоти* съ послѣдней роскошью и *сладострастїемъ духа*—*славой*. Гдѣ же, однако, заповѣдь Христа объ отреченіи отъ собственности, о совершенномъ смиреніи и совершенной бѣдности, какъ единственномъ пути въ царствіе Божіе? Гдѣ этотъ соединяющій путь, какъ бы мостъ, перекинутый надъ пропастью, которую вырыли между нашей вѣрою и вѣрою русскаго народа преобразованія Петра? Гдѣ великій писатель земли русскои въ образѣ великаго подвижника?“—съ горечью вопрошаетъ Мережковский (стр. 75).

Самыя добрыя дѣла Толстой творить не безъ плотскаго удовольствія. Погорѣвшій мужикъ просить лѣсу для постройки. Л. Н. съ Берсомъ самъ отправляется рубить его.

Мужикъ уныло глядитъ издали. Л. Н. и Берсъ работаютъ съ увлеченіемъ. „Л. Н., замѣчая мою радость, говоритъ Берсъ, нарочно уступалъ мнѣ работу, какъ будто этимъ онъ хотѣлъ мнѣ открыть новыя *ощущенія*“. Когда мужикъ былъ отправленъ, Л. Н. сказалъ: „Развѣ можно сомнѣваться въ необходимости и *удовольствіи* такой помощи?“ Мужики, по признанію самого Толстого, смотрятъ на него только, какъ на рога изобилія, а на его работы, какъ на господскую забаву. Точно также въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“ Л. Толстой, чтобы услышать похвалу, чтобы найти удовольствіе, рассказываетъ извозчику, какъ онъ однажды, забывъ сказать одинъ грѣхъ духовнику, вторично поэтому поѣхалъ къ нему и окончилъ исповѣдь; и когда вмѣсто ожидаемой похвалы себѣ Толстой услышалъ отъ возницы: „А что, баринъ, ваше дѣло—господское?“—то ему сдѣлалось стыдно. Такъ всю жизнь боролся, мучился этотъ человѣкъ, но не одержалъ послѣдней побѣды, не разрушилъ, какъ ему казалось, „слабой паутины“ собственности, плоти и крови, не сдѣлался народнымъ подвижникомъ, а наоборотъ, погрязъ въ этой плоти, прикрывшись отъ нея чужимъ именемъ.

Толстой былъ одинокъ, какъ человѣкъ, онъ не приобрѣлъ друга. Ни Фетъ, ни Тургеневъ не были дружны съ нимъ до конца дней своихъ. Единственно о смерти кого изъ писателей пожалѣлъ Толстой,—это о Достоевскомъ, съ которымъ онъ не былъ лично и знакомъ. Послѣ смерти его онъ говорилъ, что „*опора* какая-то отскочила отъ меня“; Толстой почувствовалъ, что это былъ „самый близкій, дорогой, нужный ему человѣкъ“. Достоевскій съ его вѣрующимъ сердцемъ и гениальнымъ умомъ дѣйствительно могъ бы быть имъ для Толстого. Но съ другой стороны—Достоевскій во всемъ представляетъ яркую противоположность Л. Н. Толстому. Для лучшей обрисовки послѣдняго укажемъ немного на умственное развитіе и на писательскій талантъ ихъ обоихъ.

Толстой главное вниманіе сосредоточиваетъ на *внѣшности*, на *плоти* предметовъ и ее подчеркиваетъ. Черезъ внѣшнее онъ стремится проникнуть во внутреннюю сторону душевной жизни своихъ героевъ. Вотъ онъ, напр., подчеркиваетъ „верхнюю губку“ на ротикѣ Болконской, по его мнѣнію, характерную; тонкую шею у Верещагина, бѣлую ручку у На-

полеона и т. д. Внѣшнія, тѣлесныя описанія ему и удаются гораздо лучше, чѣмъ выясненіе внутреннихъ, духовныхъ причинъ. Каждый его герой такъ описанъ, что стоитъ предъ нами, какъ живой; его поступки до того ясно объяснены у Толстого изъ внѣшнихъ причинъ, что это искусство можно назвать у него *ясновидѣніемъ* плоти. По раздѣленію человѣка ап. Павломъ на три части: духъ, душу и тѣло, Толстого можно назвать изобразителемъ тѣлесно-духовнаго, или душевнаго человѣка, т. е. „той стороны плоти, которая обращена къ духу, говоритъ Д. С. Мережковский, и той стороны духа, которая обращена къ плоти,—таинственной области, гдѣ совершается борьба между звѣремъ (животной стороной) и Богомъ въ человѣкѣ“. Эта борьба есть собственная трагедія Толстого. „Онъ, вѣдь, самъ по преимуществу человѣкъ душевный, ни *язычникъ*, ни *христіанинъ* до конца, а вѣчно воскресающій, обращающійся и не могущій воскреснуть и обратиться въ христіанство, полу-язычникъ, полу-христіанинъ“ (стр. 197).

Замѣчательно то, что когда Толстой выходитъ изъ предѣловъ описанія тѣлесно-духовной природы, душевнаго человѣка, талантливость его уменьшается, а есть такія мѣста въ его произведеніяхъ, гдѣ талантъ его какъ будто изсякаетъ. Это тамъ, гдѣ ему приходится описывать самыя внутреннія, глубокія духовныя причины, а не тѣлесно-душевные. Напр., отношеніе къ болѣзни Наташи отца ея графа Ростова и сестры Сони Толстой описываетъ такъ: «какъ бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери, *если бы онъ не зналъ, что если она не поправится, то онъ не пожалѣетъ еще тысячъ и повезетъ ее за границу...* Что бы дѣлала Соня, *если бы у нея не было радостнаго сознанія того, что она не раздѣвалась три ночи для того, чтобы быть наготовѣ исполнить въ точности всѣ предписанія доктора и что она теперь не спитъ ночи для того, чтобы не пропустить часы, въ которые нужно давать пилюли...* И даже ей радостно было то, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показывать, *что она не вѣритъ въ лѣченіе*». Или вотъ примѣръ въ такомъ же родѣ: «досадую на жену *за то, что сбывалось то, чего онъ ждалъ, именно то, что въ минуту пріѣзда, тогда какъ у него сердце захватывало отъ волненія при мысли о томъ, что съ братомъ ему приходи-*

лось заботиться о ней *вмѣсто того*, чтобы бѣжать тотчасъ же къ брату,—Левинъ ввелъ жену въ отведенный имъ номеръ». Это — топтаніе на мѣстѣ щецеляваго старца Акима, мѣтко подчеркиваетъ Мережковскій. Есть въ такихъ случаяхъ прямо грамматическія неправильности, которыя могъ бы исправить любой учитель. Напр., «ему и въ голову не приходило, *чтобы* такое веселое для него препровожденіе времени *могло бы* быть для кого-нибудь не весело». Этого двойного повторенія *бы* не допустить и порядочный ученикъ. Но удивительно то, что эта небрежность объясняется изъ тѣлесно-душевнаго склада писателя, становящагося слабымъ даже въ стилѣ, когда онъ начинаетъ трактовать о вещахъ духовныхъ. Замѣчательно также то, что эти шероховатости стиля остались послѣ семикратной переписки произведеній Толстого его женой и его собственныхъ корректуръ. Чѣмъ ближе Толстой къ тѣлу, тѣмъ глубже и вѣрнѣе его психологія.

Вслѣдствіе этого же тѣлесно-душевнаго склада писателя, у Толстого нѣтъ изображенія духа эпохи, въ которой вращаются его герои. Въ «Аннѣ Карениной», повидимому, романъ 60-хъ—70-хъ годовъ, нѣтъ духа эпохи, не говорится ничего объ идеяхъ, которыми жило общество, его герои — сами по себѣ. Въ «Войнѣ и Мирѣ» опять, кромѣ внѣшнихъ чертъ, нѣтъ никакой историчности эпохи. Жизненную программу любого изъ героевъ этого романа, его интересы можно перенести въ какую угодно эпоху.

Изъ этого же склада Толстого можно объяснить и его взгляды на міръ и религію. Вездѣ герои его проповѣдуютъ свое тожество и одинаковость съ животнымъ міромъ и даже больше: превосходство послѣдняго. Ерошка говоритъ, что звѣрь *«умнѣе* человѣка... *онъ все знаетъ»*. Это смѣшеніе человѣка съ звѣремъ, какъ извѣстно, было съ незапамятныхъ временъ у всѣхъ язычниковъ. Наоборотъ, семиты выработали идею Божества, недоступнаго людямъ, Бога-ревнителя, Бога огнемъ поѣдающаго, откуда проистекали и нравственныя, по мнѣнію Мережковскаго, выводы отреченія отъ міра, умерщвленія плоти и т. п. Но это семитическое вѣяніе не уничтожило звѣря и плоти; мало того, у христіанскаго чело-вѣчества есть идея о святой плоти. Эта-то идея объ «образѣ звѣриномъ» въ образѣ человѣческомъ, въ «образѣ и подобіи

Божіи» и составляет родникъ творчества у Толстого; «тутъ, думаетъ Мережковскій, у него просвѣтъ и выходъ въ какую-то другую бездну, въ другое небо» (стр. 254). Эти семитическіе и аріійскіе взгляды сквозятъ въ разсужденіяхъ Толстого. «Добродѣтель несовмѣстима съ бифштексомъ», — это такой же рабскій и плотскій законъ, говоритъ Мережковскій, какъ и тотъ, который повелѣвалъ умиловлять Бога кровавыми жертвами. Но и у семитовъ древній пророкъ Исаія возгласилъ свободный принципъ: *милости хочу*, а не жертвы. Если и перестанутъ люди вкушать отъ убоины, то потому, что *захотятъ* это сдѣлать. Изъ жалости Толстого ко всякой «Божьей твари» (отсюда вегетеріанство) вытекаетъ не нравственное дѣйствіе (которое тогда нравственно, когда *свободно*), а въ сущности ветхій завѣтъ, религіозное созерцаніе.

Л. Толстой стремится заглянуть въ бездну. Его интересуетъ вопросъ, когда онъ начался («Первыя воспоминанія»), и онъ приходитъ къ выводу, что отъ пятилѣтняго ребенка до него одинъ шагъ, отъ новорожденнаго до пятилѣтняго страшное разстояніе, отъ зародыша до новорожденнаго пучина, а отъ несуществованія до зародыша уже непостижимость. Въ эту бездну плоти никто изъ писателей не заглянулъ такъ глубоко, какъ онъ. Мережковскій полагаетъ, что Толстой «въ нашъ вѣкъ всеобщаго идолослуженія предъ безумной плотью, хотя и смутно, но предчувствовалъ ту глубину религіознаго созерцанія, гдѣ открывается въ религіи, такъ же какъ древнимъ открылась въ искусствѣ, — святость всякаго тѣла, духовность всякой плоти. Іуда, объясняетъ онъ, потому не принялъ таинства крови и плоти, что для него, истаго іудея съ представленіемъ о Богѣ поядающемъ, какъ огонь, было кощунствомъ подумать, что Богъ Самъ становится жертвой. «Онъ не понялъ, что Духъ и Слово можетъ быть плотью и кровью. Другіе приняли, но тоже не поняли, что кровь и плоть можетъ быть Духомъ и Словомъ» (стр. 269).

Мережковскій увѣренъ, что Толстой въ «пучинѣ» и «непостижимости» всего живого увидѣлъ тотъ свѣтъ, который ведетъ къ выходу въ другую половину міра, въ другое небо. „Еще бы одинъ шагъ, говоритъ онъ, и Толстой бы узналъ, что небо внизу и небо вверху (земного шара) одно и то же небо». Но онъ этого шага не сдѣлалъ. Небо подземное ему по-

казалось язычествомъ, и онъ устремился къ небу надземному, которое онъ одно призналъ христіанскимъ.

Герои Достоевскаго, въ силу преобладанія въ писателѣ духовныхъ началъ, всѣ отличаются развитіемъ личности (изъ «я»). «Я обязанъ заявить *своеволие*», говоритъ Кирилловъ. Они стоятъ за *свою* истину, за *своего* Бога. По этой же причинѣ у Достоевскаго нѣтъ эпоса, а скорѣе трагедія; у него не узнаешь по внѣшней сторонѣ рѣчи, кому она принадлежитъ, — Карамазову-отцу или старцу Зосимѣ, но по звуку, по внутреннему звучанію рѣчи это всегда можно сдѣлать. Оттого же Достоевскій, въ сравненіи съ Толстымъ, мало описываетъ внѣшность своихъ героевъ; ихъ обрисовываютъ звуки ихъ голоса. Всѣ дѣйствія своихъ героевъ Л. Толстой объясняетъ внѣшне, физиологически; наоборотъ, у Достоевскаго преобладаетъ духовная сторона. Раскольниковъ стоитъ на лѣстницѣ, ожидая, пока сердце не перестанетъ биться. но оно, не переставая, билось все сильнѣй и сильнѣй. — «А тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ». То же чувство безплотности испытывается въ извѣстные моменты и всѣми другими героями Достоевскаго.

Но если Достоевскій мало занимается внѣшностью своихъ героевъ, то онъ подробно зато описываетъ внутреннія ихъ состоянія и, что еще замѣчательнѣе, онъ съ такою же мелочною, реальною подробностью описываетъ привидѣнія, являющіяся его героямъ, съ какою Толстой описываетъ физиономику своихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи особенно поразительно описаніе привидѣнія въ образѣ скорпіона, видѣннаго чахоточнымъ Ипполитомъ („Идіотъ“), а также длинный разговоръ Ивана Карамазова съ чортомъ (у Толстого привидѣній нѣтъ).

Такимъ образомъ Толстой, замѣчаетъ Д. С. Мережковский, — величайшій изобразитель человѣческаго тѣла въ словѣ; онъ первый (послѣ скульпторовъ) дерзнулъ обнажить человѣческое тѣло отъ всѣхъ культурно-историческихъ покрововъ; снова задумался арійскою думою о соединеніи образа Божьяго и звѣринаго въ образѣ человѣческомъ, — о Богѣ—звѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ всѣми произведеніями Толстого вѣетъ еще и семитскій ужасъ предъ этимъ звѣремъ, отвращеніе и ужасъ предъ обнаженнымъ тѣломъ, передъ человѣческимъ „мясомъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Толстой первый, хотя еще и слишкомъ смутно, предчувствовалъ воз-

возможность окончательной побѣды надъ этимъ ужасомъ, возможность уже не безплотной святости, а святой плоти, не безтѣлесной духовности, а духовнаго тѣла,—болѣе духовнаго и болѣе святого, чѣмъ даже во времена самаго донынѣ совершеннаго изъ всѣхъ обожествленій плоти,—древнееллинскаго“.

„Такъ же, какъ Л. Толстой въ бездну плоти, заглянулъ Достоевскій въ бездну духа и показалъ, что верхняя бездна равняется нижней, что одну ступень человѣческаго сознанія отъ другой, одну мысль отъ другой отдѣляетъ иногда точно такая же „пучина“, „непостижимость“, какъ „человѣческій зародышъ—отъ небытія“. И онъ боролся съ не меньшимъ, чѣмъ ужасъ плоти, съ ужасомъ духа,—слишкомъ яркаго и остраго сознанія („слишкомъ сознавать—это болѣзнь“),—съ ужасомъ всего отвлеченнаго, призрачнаго, фантастическаго и въ то же время *безпощадно-реальнаго, дѣйствительнаго*... Достоевскій показалъ, что человѣческое сознаніе подобно направленному лучу въ ночное небо самаго яркаго свѣта; пока земные туманы и облака все еще покрывали небо, лучъ свѣта ими задерживался, и людямъ казалось, что у неба есть дно, что свѣту сознанія идти дальше некуда; но когда облака разсѣялись, и за ними открылось темное ясное небо, то управлявшіе свѣтомъ увидѣли, что чѣмъ ярче и длиннѣе лучъ, тѣмъ глубже мракъ неба, и что у этой глубины нѣтъ вовсе дна. Достоевскій одинъ изъ первыхъ понялъ окончательно, что между разумомъ и сердцемъ есть согласіе, соединеніе, что лишь высшая ступень научнаго сознанія можетъ дать людямъ высшую степень религіознаго чувства“.

Свою характеристику Л. Толстого г. Мережковскій общаетъ въ одномъ мѣткѣ и совершенно справедливомъ названіи его „тайновидцемъ плоти“. Плоть, плотность, душевность и совершенное отсутствіе высшей духовности—вотъ основа жизни и дѣятельности героевъ его повѣстей и главное содержаніе, а равно и основное начало его философско-богословскихъ писаній. При такомъ взглядѣ на Л. Толстого,—онъ для насъ становится понятнымъ и не самопротиворѣчащимъ, объяснимыми являются происхожденіе и содержаніе его юношескихъ беллетристическихъ и старческихъ богословскихъ противохристіанскихъ сочиненій!

Свящ. М. Лисицынъ.

Нѣсколько правды въ статьѣ г. Шарапова: „Гдѣ правда?“ ¹⁾.

Г. Шараповъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ вѣрный, истинный другъ старообрядцевъ, пріемлющихъ такъ называемое австрійское священство. Послѣдователями поповщинскаго раскола онъ, можно сказать, прямо восторгается, восхваляетъ ихъ, ставитъ въ разныхъ отношеніяхъ въ образецъ православнымъ. Превозноситъ г. Шараповъ и раскольническую духовную литературу. „Я, говоритъ онъ, прочиталъ много старообрядческихъ полемическихъ книгъ, былъ пораженъ глубокой ученостію и великолѣпной эрудиціей ихъ богослововъ“.

Необходимо, однако, замѣтить и твердо помнить, что г. Шараповъ любитъ и защищаетъ не всю австрійщину, а лишь такъ называемыхъ *окружниковъ*. Объ этомъ ограниченіи объекта своихъ симпатій онъ неукоснительно заявляетъ и со всю рѣшительностію.

Въ своемъ отвѣтѣ на письмо епископа Антонія (Храповицкаго) г. Шараповъ писалъ: „Русскій Трудъ“ проводитъ строгую между раскольническими группами разницу“. Подраздѣляя раскольниковъ по общепринятому порядку на поповцевъ и безпоповцевъ, г. Шараповъ въ томъ же своемъ отвѣтномъ письмѣ, между прочимъ, говоритъ: „старообрядцы поповцы дѣлятся по отношенію ихъ къ господствующей Церкви на три группы. Во первыхъ, австрійцы, или австрійское согласіе, основавшее свой особый церковный центръ въ Бѣлой Криницѣ, въ Австріи. Огромная часть этихъ старообрядцевъ молится за Государя, поминая Его имя на проскомидіи, и присоединилась къ „окружному посланію“, смыслъ коего тотъ, что господствующая Греко-Россійская Церковь сохраняетъ тайнства и благодать апостольскаго преем-

¹⁾ Ст. г. Шарапова: „Гдѣ правда?“ напечатана въ „Миссіонер. Обзор.“ за текущій годъ въ мартовской книжкѣ.

ства, но общеніе съ нею невозможно, во—1, изъ-за ея обрядовъ и новшествъ, во—2 и главнымъ образомъ, изъ-за каноническихъ отступленій понтиковскаго періода. Другая, меньшая часть, неокружники или противокружники отвергли „окружное посланіе“ и остались на почвѣ старой нетерпимости и фанатизма. По ихъ вѣрованію, русская „никоніанствующая“ Церковь лишена благодати, предалась антихристу и т. д. Съ этою группою разговоровъ быть не можетъ, да и серьезныхъ элементовъ здѣсь нѣтъ“ (третья группа бѣглопоповцы) ¹⁾. Итакъ, только „окружниковъ“ г. Ш.—въ считаетъ истинно-доблестными, истинно-церковными и истинно-русскими людьми“ ²⁾. „Окружники“, по своимъ догматамъ, чисто православные люди. Никакихъ даже „мнѣній“, отличныхъ отъ Церкви, т. е. несогласныхъ съ канонами и преданіемъ церковнымъ, у нихъ нѣтъ. Раздѣляютъ ихъ съ нами единственно ихъ непокорство русской церковной власти и обряды ³⁾. Къ „окружному посланію“ присоединилась, по словамъ г. Шарапова, огромная часть поповцевъ. Количество ихъ онъ считаетъ *цѣлыми милліонами* ⁴⁾.

Рѣшительно и очень самоувѣренно подраздѣляетъ г. Шараповъ раскольниковъ на группы и съ видомъ настоящаго знатока современнаго раскола характеризуетъ направляющую ему группу „окружниковъ“, состоящую изъ нѣсколькихъ милліоновъ. Но такъ ли все это? Не подновляетъ ли въ данномъ отношеніи г. Шараповъ типъ Донъ-Кихота, хотя, такъ сказать, и съ другого конца? Тотъ сражался съ мельницами, а этотъ не защищаетъ ли призраки? Посмотримъ.

О раздѣленіи раскольниковъ на группы вотъ что, напр., говорится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора за 1891 годъ (стр. 169—170): „раскольники, пріемлющіе австрійскую и бѣлокриницкую лжеіерархію, подраздѣляются на двѣ партіи. Дѣлятся они начали со времени изданія (въ 1862 году) такъ называемаго окружнаго посланія, творцомъ котораго былъ пріобрѣтшій большую извѣстность въ исторіи раскола старообрядецъ Иларіонъ, по про-

¹⁾ См. „Р. Тр.“ 1898 г., № 16.

²⁾ „Мис. Обзор.“ 1901 г., Мартъ, стр. 329.

³⁾ „Р. Тр.“ 1898 г., № 16.

⁴⁾ „Мис. Обзор.“ 1901 г., Мартъ, стр. 324.

званію Ксеносъ. Окружное посланіе вызвало нескончаемыя споры, пререканія и раздоры, въ которыхъ приняли участіе всѣ старообрядцы по австрійскому согласію,—и духовныя, и міряне, раздѣлившись на противоокружниковъ и окружниковъ, а послѣдніе, въ свою очередь, на истинныхъ окружниковъ и мнимоокружниковъ. Наиболѣе многочисленную партію составляютъ мнимоокружники, хотя формально и принимающіе окружное посланіе, но совершенно не дорожающіе имъ. Для завѣдыванія внутренними и внѣшними своими дѣлами они имѣютъ въ Москвѣ „Духовный совѣтъ“, состоящій, главнымъ образомъ, изъ мірянъ. Номинальнымъ главою мнимоокружниковъ считается лжеархіепископъ московскій Савватій¹⁾, а дѣйствительными заправителями и вершителями всѣхъ дѣлъ въ этой партіи являются свѣтскіе члены совѣта, богатые московскіе коммерсанты, у которыхъ духовныя его члены и самъ Савватій находятся въ непрекословномъ послушаніи. — Во главѣ партіи истинныхъ окружниковъ стоитъ братство Честнаго Креста. Хотя это братство учреждено въ подражаніе и по образцу православныхъ братствъ, однако учредители его, должностныя лица и члены—всѣ міряне.

Сопоставляя рѣчи г. Шарапова о дѣленіи раскольниковъ на партіи сейчасъ приведенною выдержкою изъ всеподданнѣйшаго отчета г. синодальнаго Оберъ-Прокурора за 1891 г. (изд. 1893 г.) касательно того же предмета, видимъ, что г. Шараповъ, по незнанію, а можетъ быть и намѣренно, не договариваетъ очень важнаго и существеннаго. Онъ умалчиваетъ о дѣленіи окружниковъ на дѣйствительныхъ послѣдователей окружнаго посланія и на мнимыхъ приверженцевъ его, называемыхъ также лжеокружниками. Этихъ послѣднихъ, какъ замѣчается и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, между окружниками наибольшая часть. Казалось бы, почитателю раскола не знать этого дѣленія непростительно, а знать и умалчивать объ этомъ—еще того болѣе.

Мнимоокружники, какъ сказано о нихъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, лишь формально принимаютъ окружное посланіе, на дѣлѣ же совершенно не дорожатъ имъ. Но сказать про лжеокружниковъ, что они совершенно не дорожатъ окруж-

¹⁾ Нынѣ умершій.

нымъ посланіемъ и лишь формально принимаютъ его, мало: они въ разчетахъ на тотъ или другой интересъ для своей партіи всегда готовы даже совсѣмъ отказаться отъ него. И было уже нѣсколько случаевъ, когда лжеокружники формально отказывались отъ окружнаго, предавали его уничтоженію и даже проклятію. Изъ этихъ случаевъ скажемъ здѣсь о томъ, который имѣлъ мѣсто въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и который намъ болѣе извѣстенъ.

Ближайшею причиною, побудившею лжеокружниковъ формально отказаться въ указанное время отъ окружнаго посланія и предать послѣднее уничтоженію, было тогдашнее внутреннее состояніе противокружнической партіи, точнѣе же говоря, іерархическія въ этой партіи неустройства.

Какъ извѣстно, у окружниковъ и у противокружниковъ есть свои епископы. У противокружниковъ къ 1884 году освободилось мѣсто московскаго епископа. Естественно, что каждому изъ противокружническихъ іерарховъ желательно было занять богатую московскую кафедру. И вотъ изъ-за желанія обладать этою кафедрою началась между противокружническими епископами вражда, взаимныя препирательства, безобразныя ссоры, доходившія до проклятій другъ друга. У каждаго изъ епископовъ были приверженцы, питавшіе другъ къ другу не меньшую вражду и ненависть, какъ и ихъ духовные владыки.

Возмущенные этими безобразными ссорами, нѣкоторые противокружники (въ числѣ пятидесяти), 10 октября 1884 года, подали московскому архіепископу окружниковъ Савватію прошеніе, въ коемъ высказали желаніе соединиться съ обществомъ окружниковъ и изложили условія, на которыхъ могло бы произойти это соединеніе. Главнымъ изъ этихъ условій они поставили общесоборное уничтоженіе окружнаго посланія. Савватій ничего не могъ отвѣтить на ихъ просьбу, а обѣщаль лишь предложить оную на обсужденіе духовному совѣту ¹⁾. Духовный совѣтъ, мечтая о во-

¹⁾ Подчиненіе Савватія духовному совѣту простиралось до того, что ему не позволялось не только назначить куда-либо дьячка, но даже нанять прислугу для себя безъ вѣдома и дозволенія совѣта; ему безъ дозволенія того же совѣта запрещено было выѣзжать изъ Москвы, предписано было, чтобы всѣ присылаемыя ему письма и посланія представлялись совѣту для указаній относительно отвѣтовъ. Такъ

двореніи мира въ старообрядчествѣ и вовсе не дорожа посланіемъ, готовъ былъ согласиться на его уничтоженіе, или точнѣе, на подтвержденіе прежде изданныхъ (1863, 1864 и 1868 г. г.) актовъ объ уничтоженіи посланія. Но нужно замѣтить, что за каждымъ уничтоженіемъ посланія, изданнымъ отъ того или другого епископа или отъ собора, слѣдовало обыкновенно возстановленіе и подтвержденіе посланія тѣми же епископами и тѣмъ же соборомъ. Противъ уничтоженія окружнаго возстали—было свѣтскія раскольническія власти изъ купцовъ и Пафнутій, лжеепископъ казанскій, нѣкогда и прежде сильно ратовавшій за окружное посланіе. Но скоро свѣтскіе верховные рѣшители старообрядческихъ дѣлъ по своимъ дипломатическимъ соображеніямъ, въ виду чаемаго сліянія партій и ожидаемыхъ отсюда благъ для старообрядчества, изъявили благосклонное согласіе на изданіе духовнымъ совѣтомъ грамоты въжелаемомъ противоокружниками смыслѣ. Равнымъ образомъ и Пафнутій казанскій, какъ оказалось, нѣкогда ратовалъ за окружное посланіе совсѣмъ не по убѣжденію, а только по враждѣ къ Антонію Шутову, котораго ненавидѣлъ за его безпоповскія убѣжденія и лично, какъ соперника, предвосхитившаго себѣ честь первенства между старообрядческими епископами. Теперь, когда Антонія не существовало, онъ не затруднился пожертвовать окружнымъ посланіемъ. Итакъ, Савватій съ своимъ духовнымъ совѣтомъ и съ согласія почти всѣхъ епископовъ-окружниковъ, 1 декабря 1884 года, снова предали окружное посланіе уничтоженію.

Отрекаясь же отъ окружнаго посланія, Савватій и его духовный совѣтъ, очевидно, отрекались и отъ изложенныхъ въ ономъ ученій и, слѣдовательно, принимали противоположныя имъ, т. е. противоокружническія. А противоокружники проповѣдуютъ и исповѣдуютъ, что подъ именемъ *Иисуса* Великороссійская Церковь вѣруетъ въ иного Бога, что

обращались московскіе раскольники съ своими владыками. Очевидно, и по ихъ понятіямъ, эти владыки не болѣе какъ куклы, для того только наряженные въ архіерейскія одежды, чтобы тѣшить ихъ самолюбіе. См. „Странникъ“ 1886 г. въ статьѣ г. Преображенскаго „Современный расколъ“, стр. 329. Статья эта составлена по журналу „Братъ Слово“ за 1884 и 1885 годы. Этою статьею „Странника“ и продолженіемъ ея за слѣдующіе годы журнала мы и пользуемся.

крестъ четвероконечный есть печать антихриста, что молиться и приносить просфору за предержавшую власть не должно. Такимъ образомъ, уничтожая посланіе, Савватій и его духовный совѣтъ навлекали на все старообрядчество великій позоръ, ибо являлись возстановителями старыхъ нечестивыхъ, возмутительныхъ раскольническихъ ученій, которыя достопочтенный авторъ окружнаго (Иларіонъ Ксеносъ) съ такимъ тщаніемъ, съ столь великими, хотя и тщетными, усиліями старался опровергнуть и исторгнуть изъ старообрядчества.

Все это, полагаемъ, не безызвѣстно г. Шарарову. Зачѣмъ же онъ тогда утверждаетъ, что окружники — чисто-православные люди не только „по своимъ догматамъ“, но у нихъ нѣтъ никакихъ даже и „мнѣній“, отличныхъ отъ Церкв.? Но скажутъ, это — мнимые окружники, лжеокружники. Конечно, это такъ; но г. Ш.—ву слѣдовало бы это самому оговорить и со всею опредѣленностію, и — повторяемъ — странно, что онъ этого не дѣлаетъ. Ниже мы будемъ имѣть случай сказать, насколько чисто-православные люди по догматамъ своимъ и старообрядцы партіи истинныхъ окружниковъ. Теперь же скажемъ о томъ, къ какимъ ближайшимъ послѣдствіямъ привело уничтоженіе окружнаго посланія.

Уничтоженіе окружнаго посланія возбудило въ этой партіи споры и несогласія, внесло безпорядокъ туда, гдѣ до того все казалось стройнымъ и, повидимому, прочно организованнымъ, слѣдовательно, послужило къ существенному вреду самой партіи.

У окружнаго посланія нашлись защитники, изъ коихъ главнымъ явился епископъ Сильвестръ Балтскій, ученикъ и другъ автора посланія (Ксеноса) и непоколебимо вѣрный этому посланію. Онъ вскорѣ же по изданіи духовнымъ совѣтомъ акта объ уничтоженіи окружнаго прислалъ въ Москву рѣшительный протестъ противъ всякихъ уступокъ противокружникамъ и умолялъ всѣхъ окружниковъ не срамить себя предъ міромъ уничтоженіемъ окружнаго посланія. Грамота Сильвестра съ любовію принята была ревнителями посланія. Вслѣдъ за Сильвестромъ и нѣкоторые попы стали отрицать правильность дѣйствій духовнаго совѣта касательно окружнаго посланія. Искренніе окружники въ особенности смущаются тѣмъ, что уничтожителей посланія самъ учредитель ихъ

нынѣшней іерархіи, митрополитъ Амвросій, въ грамотѣ отъ 28 октября 1863 года, передалъ проклятію, которое поэтому всею тяжестью своею легло и на новыхъ уничтожителей посланія.

Когда дѣло объ окружномъ посланіи приняло острый характеръ, окружниками рѣшено было созвать нарочитый соборъ своихъ епископовъ, который, дѣйствительно, и состоялся въ сентябрѣ 1885 года. На соборъ прибыло пять раскольническихъ епископовъ и въ числѣ ихъ Сильвестръ Балтскій. Послѣдній, прослышавъ, что на соборѣ И. Шиббаевъ, купецъ, вліятельнѣйшее лицо въ лжеокружной партіи, и Савватій замышляютъ подвергнуть его суду за распространеніе посланія, пригласилъ съ собою въ Москву двухъ извѣстныхъ въ Стародубѣй начетчиковъ, готовыхъ твердо стоять за окружное посланіе,—Е. Бушева и Г. Максимова. Собралось также не мало раскольническихъ поповъ. Собранія собора, открытыя 9 сентября, происходили въ обширной квартирѣ Савватія.

Еще ранѣе перваго собраннаго засѣданія вышеупомянутые стародубскіе начетчики Бушевъ и Максимовъ имѣли продолжительныя препирательства съ нѣкоторыми изъ защитниковъ изданнаго духовнымъ совѣтомъ подтвержденія прежнихъ уничтоженій окружнаго посланія. Эти послѣдніе утверждали, что духовный совѣтъ и послѣ сего подтвержденія вполне признаетъ истинность ученія, изложеннаго въ окружномъ посланіи. Бушевъ отвѣчалъ, что долгъ истинныхъ пастырей требуетъ учить тому, что признаютъ за истину. Защитники духовнаго совѣта представляли еще въ его оправданіе, что будто бы онъ призналъ только, что прежнія соборныя уничтоженія окружнаго были дѣйствительно изданы, но съ этимъ, будто бы, отнюдь не соединялъ признанія правильности означенныхъ опредѣленій. Бушевъ отвѣчалъ: „Полно-те, отцы, оправдывать то, чего нельзя оправдать! Ложь духовный совѣтъ гогорить, когда утверждаетъ, что будто бы прежнія соборныя опредѣленія объ уничтоженіи посланія доселѣ не были отвергнуты. Никто изъ истинныхъ окружниковъ ихъ не признавалъ и не признаетъ, а считаетъ грязными бумаженками“. Бушевъ прямо заявилъ, что когда на соборѣ дѣло коснется окружнаго посланія, то говорить правду въ его защиту онъ не по-

боится не только Шибаева, но и самого Солдатенкова.—Шибаевъ и Савватій съ духовнымъ совѣтомъ поняли, что съ такими настойчивыми людьми, какъ Сильвестръ и Бушевъ, спорить опасно. Поэтому признали за лучшее совѣмъ не возбуждать на соборѣ дѣла объ окружномъ посланіи и о разсылкѣ Сильвестромъ посланій въ его защиту; даже просили чрезъ нѣкоторыхъ лицъ и самого Сильвестра съ его спутниками, чтобы они на соборѣ не возбуждали этого дѣла. Послѣдніе согласились.

Между тѣмъ, Шибаеву съ сторонниками всетаки хотѣлось открыть сношенія съ противоокружниками и открыть, для большей авторитетности, отъ имени собора. Но не было надежды, чтобы Сильвестръ согласился допустить эти сношенія на желаемыхъ Шибаевымъ условіяхъ, т. е. съ отреченіемъ отъ окружнаго посланія. Придумали было порѣшму издать отъ собора только письменное порученіе духовному совѣту, что бы онъ по соборному уполномочію открыть сношенія съ противоокружниками о примиреніи. Составлено было въ такомъ смыслѣ соборное постановленіе, гдѣ съ намѣреніемъ не упоминалось ни единственнымъ словомъ объ окружномъ посланіи, равно какъ не говорилось и о томъ, на какихъ условіяхъ соборъ желаетъ устроить примиреніе. Но хитрость эта не удалась. Сильвестру разъяснили лукавую цѣль опредѣленія и дѣйствительный его смыслъ, и онъ потребовалъ, чтобы въ опредѣленіи было упомянуто, что причиною раздѣленія обѣихъ, ищущихъ соединенія сторонъ, служить окружное посланіе, а также и о томъ, на какихъ основаніяхъ можетъ быть возстановлено желаемое соединеніе. Рѣшено было сдѣлать Сильвестру уступку и исправить опредѣленіе въ угодномъ ему смыслѣ, имѣя въ виду, что по отъѣздѣ его изъ Москвы можно будетъ не стѣсняться этими поправками: важно то, чтобы имѣть отъ собора порученіе и дѣйствовать именемъ собора. Порученіе это подписалъ и Сильвестръ.

По отъѣздѣ Сильвестра, Шибаевъ съ Савватіемъ и прочими членами совѣта, дѣйствительно, стали распускать слухи, что послѣдній соборъ, значить и Сильвестръ, призналъ, согласно грамотѣ, изданной духовнымъ совѣтомъ 1 декабря 1884 года, дѣйствительными и имѣющими силу акты объ уничтоженіи окружнаго посланія: ибо—де и самъ Сильвестръ

на соборѣ не призналъ нужнымъ возставать противъ законности изданной совѣтомъ грамоты объ уничтоженіи окружнаго посланія. Мало того, начали даже говорить, что Сильвестръ не только отрекся отъ окружнаго посланія, но и просилъ у собора прощенія за давнее несогласіе съ прочими епископами. Вотъ къ чему привели, какъ и можно было предвидѣть, малодушіе и уклончивость Сильвестра, согласившагося на лъстивыя просьбы Шибаева—не возбуждать на соборѣ вопросовъ объ окружномъ посланіи!..

Духовный совѣтъ лжеокружниковъ не замедлилъ воспользоваться даннымъ ему отъ собора порученіемъ—войти въ сношеніе съ противоокружниками по вопросу о примиреніи. Въ 1885 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Москвѣ соборъ и противоокружническихъ епископовъ. Къ этимъ-то епископамъ, по приказанію Шибаева, и написано было „приглашеніе“ и, разумѣется, совершенно не въ томъ духѣ, какъ требовалось въ „порученіи“ собора отъ 9 сентября: въ „приглашеніи“ ни разу не упоминалось ни объ окружномъ посланіи, ни объ условіяхъ примиренія. Однако хитроумный Шибаевъ съ своимъ духовнымъ совѣтомъ очень ошибся, думая фразами провести противоокружниковъ. Противоокружники всегда хорошо понимали выгоды своего положенія относительно окружниковъ,—они и теперь знали, что эти послѣдніе, отрекаясь отъ окружнаго посланія послѣ того, какъ 20 лѣтъ имѣли изъ-за него распрю и вражду съ противоокружниками, этимъ самымъ отдають себя имъ въ руки, запутываются въ противорѣчіяхъ и не могутъ требовать съ ихъ стороны никакихъ уступокъ или условій, а должны, какъ повинившіеся въ своей окружнической ереси, только искать у нихъ прощенія и подчиниться чинопріятію, какое имъ предложить.

На „приглашеніе“ противоокружники сначала послали письменный, искусно составленный отвѣтъ, въ которомъ ярко были выставлены тѣ противорѣчія, въ какихъ запутались окружники. Вскорѣ послѣ письменнаго отвѣта противоокружники два раза являлись къ Савватию для устныхъ бесѣдъ; но оба раза были не приняты и имъ даже пригрозили дворниками, если опять явятся.

Итакъ, игра съ противоокружниками никакой пользы лжеокружнической партіи не принесла. А между тѣмъ по-

слѣдніе своимъ заискиваніемъ предъ первыми сдѣлали вызовъ и истиннымъ окружникамъ: распря въ окружнической партіи поднялась съ новой силой. Слухъ, который Шibaевъ и Савватій всюду распространяли относительно Сильвестра, что и онъ будто бы на соборѣ отрекся отъ окружного посланія и просилъ у собора прощенія за бывшее несогласіе съ прочими епископами и за распространение своихъ писемъ въ защиту посланія, дошелъ до Сильвестра и возмутилъ его своей несправедливостію.

Для защиты посланія отъ нападокъ духовнаго совѣта истинные окружники составили въ Москвѣ особое братство, или вѣрнѣе, возобновили существованіе прежде учрежденнаго братства. Объ этомъ-то братствѣ Сильвестръ писалъ (въ 1885 г.) своимъ московскимъ друзьямъ: „благодареніе Богу, что братство наше *возобновляется*“. Вступить въ члены этого братства и постоять за окружное посланіе изъявили готовность даже нѣкоторые духовныя лица, не взирая на то, что этимъ должны навлечь на себя гнѣвъ Савватія и духовнаго совѣта, именно: попъ Константинъ, архидіаконъ Исихій, будучи еще письмоводителемъ духовнаго совѣта и главнымъ секретаремъ при Савватіи, и діаконъ попа Елифана Василій. Первое собраніе возобновленнаго братства (во имя Честнаго Креста) состоялось еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ (22 ч.) 1885 года. Въ собраніи этомъ была отслужена панихида по авторѣ окружного посланія Иларіонѣ Георгіевичѣ, чѣмъ собравшіеся хотѣли именно заявить духовному совѣту и всѣмъ лжеокружникамъ—гонителямъ и уничтожителямъ посланія, что не признаютъ произнесенныхъ ими незаконныхъ уничтоженій знаменитаго произведенія Иларіона Георгіевича. Панихиду совершалъ упомянутый попъ Константинъ съ дьяконами Исихіемъ и Васи́ліемъ; пѣли общимъ хоромъ всѣ ревнители окружного посланія, коихъ набралось болѣе сорока человѣкъ. Послѣ панихиды было прочитано нѣсколько избранныхъ мѣстъ изъ окружного посланія и др. сочиненій Иларіона. При чтеніи произнесено было много восхваленій послѣднему, — говорили: онъ отдѣлилъ насъ отъ безпоповцевъ и освободилъ отъ ихъ заблужденія, а духовный совѣтъ и самъ впалъ, и другихъ толкаетъ въ это заблужденіе. Немало также произнесено было осужденій Шibaеву съ духовнымъ совѣтомъ, что они, чис-

лясь окружниками и даже находясь во главѣ ихъ, тщатся уничтожить окружное посланіе и истребить его изъ памяти.

Достойно примѣчанія слѣдующее. На собраніи братства (22 ноября) присутствовали нѣкоторые изъ лжеокружниковъ и азартно спорили съ истинными окружниками. При спорѣ одинъ изъ лжеокружниковъ (Инвалидовъ), вынувъ изъ кармана книжку „Братскаго слова“ и держа ее въ рукахъ кричалъ: „вы собираетесь служить по отступникѣ! Вѣдь авторъ окружнаго посланія похвалялъ великороссійскую Церковь и называлъ ее соборною Церковію!“ Случай этотъ, говорилъ въ свое время достопочтенный Н. И. Субботинъ ¹⁾, любопытенъ въ томъ отношеніи, что подтверждаетъ наше соображеніе о томъ, почему Ксеносъ, при всемъ своемъ расположеніи къ православной Церкви, не рѣшился на присоединеніе: если и теперь одни только извѣстія о его расположеніи къ Церкви приводятся врагами окружнаго посланія въ доказательство, что посланіе, писанное мнимымъ „отступникомъ“, подлежитъ осужденію,—то какъ бы онъ уронилъ авторитетъ посланія въ глазахъ раскольниковъ, если бы дѣйствительно присоединился къ Церкви, т. е. сдѣлался, по мнѣнію раскольниковъ, дѣйствительнымъ отступникомъ? Уронить свое посланіе онъ боялся всего больше на свѣтѣ, и эта боязнь погубила его, — заставила умереть на порогѣ Церкви, но не въ Церкви...

Не смотря на гоненія, воздвигнутыя духовнымъ совѣтомъ на членовъ братства, имѣющаго своею задачею отстоять окружное посланіе, въ январѣ мѣсяцѣ 1886 года было второе собраніе братчиковъ въ квартирѣ Боева. На собраніи этомъ признали нужнымъ обратиться съ вопрошеніями къ противоокружническому московскому епископу Іову: находить ли онъ въ окружномъ посланіи какія-либо ереси? если находить, то какія именно? а если не находить, то правильно ли онъ отдѣляется отъ нихъ — окружниковъ? Такіе же точно вопросы, за подписомъ Боева, Бриллиантова, А. Егорова и др.,—всего пятнадцати человѣкъ,—разосланы были

¹⁾ Другу раскола, г. Шарапову, такъ тшачемуся заявлять о своемъ въ отношеніи раскола правдолюбіи и безпристрастіи, не дѣлаетъ никакой чести, что онъ не въ состояніи оказывается даже упомянуть имени Н. И. Субботина *sine ira et studio*.

и другимъ противоокружническимъ епископамъ, а также многимъ вліятельнымъ лицамъ въ средѣ противоокружниковъ. На нѣкоторыхъ вопросы произвели впечатлѣніе въ пользу примиренія съ окружниками; но впечатлѣнію этому много повредило то обстоятельство, что сами же окружническіе епископы неоднократно уничтожали посланіе. А потомъ явились и отвѣты, составленные однимъ изъ противоокружниковъ, совсѣмъ подорвавшіе силу вопросовъ.

Отвѣты написаны очень рѣзко, но за то и очень ярко представляютъ противорѣчія, въ которыхъ запутались окружники. У противоокружниковъ, какъ уже и замѣчалось выше, весьма твердая почва для борьбы съ окружниками. Они всегда могутъ отвѣтить послѣднимъ: „обратитесь съ вашими вопросами прежде къ своему духовному совѣту, — спросите его, какое онъ имѣетъ понятіе о посланіи; если онъ скажетъ вамъ, что признаетъ посланіе справедливымъ, то спросите его, почему онъ уничтожаетъ посланіе; если же скажетъ, что признаетъ посланіе несправедливымъ, то спросите, почему онъ находится въ раздѣленіи съ нами, отвергающими его“? Эти мысли, обыкновенно высказываемыя противоокружниками, ставятъ искреннихъ окружниковъ въ безотвѣтное положеніе, коль скоро они не порываютъ еще окончательной связи своей съ духовнымъ совѣтомъ лжеокружниковъ.

Въ сентябрѣ 1887 г. въ Москвѣ былъ соборъ лжеокружническихъ архіереевъ по дѣламъ двухъ запрещенныхъ изъ ихъ партіи епископовъ (Силуана донского и Алексѣя самарскаго) за разныя безобразныя дѣянія послѣднихъ. На этомъ же соборѣ фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго и Пафнутій казанскій. У него къ тому времени особенно обострилась вражда къ Паисію саратовскому.

Предъ самымъ закрытіемъ этого собора на имя его поступила отъ противоокружниковъ очень непріятная для лжеокружниковъ бумага, озаглавленная „извѣщеніе“. Въ „извѣщеніи“ этомъ противоокружники, между прочимъ, писали: „(съ нашей стороны) подано было (въ ноябрѣ 1885 г.) Савватію (письменное) разъясненіе (неправоты окружнаго посланія); но къ удивленію, ни Савватій, ни духовный совѣтъ въ теченіе 15 мѣсяцевъ не могли дать никакого возраженія. II затѣмъ въ истекшемъ февралѣ мѣсяцѣ сего 1887 года

отъ нашей худости въ духовный совѣтъ было подано шесть вопросовъ съ просьбою разрѣшить заключающіяся въ нихъ сомнѣнія о правотѣ состоянія общества окружниковъ и доказать правоту посланія божественнымъ писаніемъ. И съ подація нашихъ вопросовъ протекло уже немало времени, а никакихъ отвѣтовъ не послѣдовало. Секретарь духовнаго совѣта Перетрухинъ всѣмъ похваляется, что составилъ на наши вопросы отвѣты, но намъ не вручаетъ ихъ; мы его о семъ нѣсколько разъ просили, но онъ только хвалится. Онъ имѣетъ значеніе среди васъ, окружниковъ, вмѣсто профессора, а отвѣтовъ намъ никакихъ не даетъ. Это, значитъ, пустой похвальбишка, который за мзду что угодно готовъ написать, а противъ правды у него и словъ никакихъ нѣтъ. Изложивъ несостоятельность окружниковъ въ сношеніяхъ съ противоокружниками, авторы „извѣщенія“ дѣлаютъ слѣдующее весьма непріятное для окружниковъ заключеніе: „Всѣмъ ясно видно, что ложное ученіе (окружнаго посланія) вы не въ силахъ оправдать, потому что лжи нѣтъ никакого оправданія. И вы хотѣли себя оправдать уничтоженіемъ, которое вами совершено было три раза, а Анастасій, вашъ епископъ, съ своими попами на соборѣ въ Кишиневѣ ²⁾ окружное не токмо уничтоженію, но даже и проклятію предаль, а Сильвестръ балтовскій, напротивъ, уподобляетъ (окружное) даже Евангелію Христову. О, увы, вашего безумія!.. О, вашего непостоянства и коловратности!.. У еретиковъ того не было, что нынѣ у васъ содѣвается! Метаются, яко рыба на сушѣ: то уничтожаете, то крѣпко его держитесь!“...

Такъ язвительно характеризуютъ противоокружники лжеокружниковъ, и у послѣднихъ, дѣйствительно, „нѣтъ никакого оправданія“. Таковыми безотвѣтными за свое позорное отношеніе къ окружному посланію должны, конечно, казаться лжеокружники и другу раскола г. Шарапову. Между тѣмъ, изъ такихъ-то лживыхъ почитателей окружнаго посланія и состоитъ, можно сказать, почти вся окружническая партія. Ихъ, дѣйствительно, громадное количество, начиная съ мо-

²⁾ Разумѣется соборъ, открытый 6 мая 1887 года, на которомъ лжеокружники потерпѣли полнѣйшее пораженіе отъ противоокружниковъ.

сковскаго архіепископа и духовнаго при немъ совѣта. Москва—главнѣйшій центръ современнаго раскола, и на Москву устремленъ внимательный взоръ всего старообрядческаго міра. Въ ней и законоположники и верховные вожди раскола.

Но г. Шарповъ, какъ надо полагать къ его же чести, дружить не съ лживыми почитателями окружнаго посланія, такъ позорно ему измѣняющими, а съ искренними его послѣдователями. Предположить противоположное значило бы прямо оскорбить почтеннаго публициста.

Но какъ ничтожно количество искреннихъ окружниковъ, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшемъ центрѣ раскола,—въ Москвѣ, можно судить по слѣдующему явленію. Представителями истинныхъ, окружниковъ въ Москвѣ, какъ и намъ извѣстно, являются члены московскаго такъ называемаго „Братства Честнаго Креста“. Они, т. е. члены братства, имѣютъ обыкновеніе въ нѣкоторые нарочитые дни собираться, между прочимъ, для служенія панихиды по авторѣ окружнаго посланія, Иларіонѣ Ксеносѣ. Собирались они и въ 1886—1887 гг. Заблаговременно они обращались къ московскимъ духовнымъ властямъ съ просьбою о присылкѣ имъ, братчикамъ, попа для служенія панихиды по Ксеносѣ и прочимъ ревнителямъ окружнаго посланія. Но московскія власти, поголовно принадлежащія къ лжеокружникамъ, не дозволили ни одному попу отслужить для братчиковъ панихиду, и панихида служилась безъ попа. Фактъ очень краснорѣчивый!.. Вотъ до чего дошла вражда къ драгоценному творенію Ксеноса, къ его пресловутому „окружному посланію“ у московскихъ лжеокружниковъ!.. Только крайняя близорукость или намѣренное закрытіе глазъ могутъ не замѣчать такой фанатической вражды послѣднихъ къ творенію Ксеноса и расточать громкія похвалы окружникамъ, ненавидящимъ окружное посланіе, отмечающимъ его.

Заслуживаютъ, однако, справедливаго упрека и сами истинные окружники и притомъ за измѣну тому же окружному посланію. Дѣйствительно, они мужественно защищаютъ это послѣднее и готовы считать оное чуть не Евангеліемъ; но тѣмъ удивительнѣе, что они далеко не во всей полнотѣ содержатъ изложенное въ немъ ученіе. Они не дорожатъ и самымъ существеннѣйшимъ въ этомъ ученіи. Въ доказательство этого мы укажемъ на слѣдующее.

Въ половинѣ 80-тыхъ годовъ бывшій въ то время еще раскольническимъ священно-инокомъ Арсеній (Онисимъ Швецовъ) особенно ревностно распространялъ имъ же возстановленное и развитое лжеученіе Павла Бѣлокриницкаго о подвременномъ рожденіи Сына Божія. Въ октябрѣ 1888 года окружническіе архіереи для суда надъ еретикомъ Швецовымъ собрались въ Москвѣ. Предъ соборомъ этимъ Швецовъ повинился въ своей ереси и далъ очень тяжелое для его самолюбія, при его извѣстности въ расколѣ, обязательство—не издавать никакихъ богословскихъ сочиненій, такъ сказать, безъ предварительной цензуры духовнаго совѣта и епископовъ, вполнѣ имъ, однако, презираемыхъ.

Къ великому позору окружнической партіи, на соборѣ выяснилось, что въ еретичествѣ повиненъ не одинъ только Швецовъ, и что у послѣдняго находятся соучастники и защитники даже изъ числа именуемыхъ епископовъ. Въ числѣ соучастниковъ Швецовской ереси оказались и „братчики“, выдающіе себя ревнителями окружнаго посланія, съ ихъ владыкой Сильвестромъ во главѣ. Послѣдній подъ давленіемъ членовъ братства, зачитывающихся сочиненіями Швецова, на соборѣ показалъ себя двоедушнымъ. На первомъ засѣданіи собора Сильвестръ былъ противъ Швецова, а уже на второмъ—повелъ иную тактику. Онъ заявилъ, что съ пререкаемымъ вопросомъ вовсе незнакомъ и поэтому отказывается входить объ немъ въ какія-либо разсужденія. „Признаніе поистинѣ неожиданное и позорное для раскольническаго архіерея!“—справедливо говоритъ Н. И. Субботинъ. Хорошъ же архіерей, не понимающій, кто правъ,—тотъ ли, кто, по символу, исповѣдуетъ Сына Божія рожденнымъ отъ Отца „прежде всѣхъ вѣкъ“, или тотъ, кто, вопреки символу, учитъ и доказываетъ, что Сынъ Божій родился вмѣстѣ съ вѣками? Чему же научить своихъ пасомыхъ раскольническій архіерей, не имѣющій понятія даже объ основныхъ догматахъ православной вѣры?!...“

Своимъ соучастничествомъ въ ереси Швецова „братчики“, выдающіе себя ревнителями окружнаго посланія, — повторяемъ,—навлекли на себя великій позоръ. „Окружное посланіе и бѣлокриницкій уставъ! Ксеносъ и Швецовъ! Что тутъ общаго?—спрашиваетъ Н. И. Субботинъ. И не оскорбляютъ-ли именуемые „братчики“ память злополучнаго Ксеноса, соеди-

няя его безукоризненное имя съ именемъ Швецова, защищая въ одно время и изложенное въ окружномъ посланіи ученіе и еретическія измышленія швецовскихъ сочиненій! Бѣдный Ксеносъ! возстань, и виждь, и внемли, что творять, и какъ безумствуютъ глаголаные защитники твоего достлюбезнаго посланія, выдающіе себя за твоихъ единомышленниковъ и почитателей. Ты готовъ былъ до пролитія крови защищать „гонимаго Іисуса“ Сына Божія, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, прежде всѣхъ мгновеній времени, „ибо,—говорилъ ты,—никогда не было ни одного секунда, въ который бы Отецъ не имѣлъ Сына“, а они, эти глаголемые твои почитатели, и Сильвестръ, на котораго возлагалъ ты столько надеждъ, проповѣдуютъ вмѣстѣ съ Швецовымъ, что Сынъ рожденъ отъ Отца „въ первомъ изреченіи: да будутъ вѣцы“, а дотолѣ Отецъ не имѣлъ Сына, что „рожденіе Сына и исхожденіе Св. Духа совершилось съ настаніемъ вѣковъ, во главѣ которыхъ стоитъ (какой-то) вѣкъ Божія днесъ“...

Какъ сказано выше, Швецовъ въ ересяхъ своихъ повинился предъ соборомъ окружническихъ архіереевъ (въ октябрѣ 1888 г.) и просилъ у собора прощенія. Оказалось, однако, что покаяніе Швецова было фальшивое. Впослѣдствіи онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Исповѣданіе вѣры“, въ которомъ „предаетъ проклятію и анаемѣ“ всѣхъ тѣхъ, кто мудрствуетъ не такъ, какъ онъ („Миссіонер. Обзор.“ 1901 г. Апрѣль, стр. 576).

И. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

Еще по поводу „отвѣта“ гр. Л. Н. Толстого
Св. Синоду.

1) *Справедливо ли учить гр. Толстой, что любовь пріобрѣтается „молитвой, состоящей въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога“?*

(Открытое письмо къ бывшему единомышленнику графа Толстого
М. А. Н—ову).

Дорогой М.! Поставленный выше вопросъ, ты согласишься, очень важенъ для каждаго человѣка, жаждущаго имѣть любовь въ себѣ! И потому для такого человѣка весьма интересно и важно знать, правъ ли графъ Толстой, указывая жаждущимъ въ этомъ отношеніи свой путь спасенія?

Въ іюньской книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ я прочиталъ отвѣтъ гр. Л. Н. Толстого на постановленіе о немъ Св. Синода и замѣчанія на этотъ отвѣтъ преосвящ. Сергія, епископа Ямбургскаго, и твои. Все, написанное вами, очень хорошо и справедливо и проникнуто духомъ христіанскаго благожелательства къ Толстому. Но и преосвящ. Сергій, и ты мало остановились на разборѣ того именно пункта въ ученіи гр. Толстого, который указанъ мною въ заглавіи письма и который нельзя оставить безъ тщательнаго разсмотрѣнія. Вѣдь гр. Толстого многіе почитаютъ учителемъ духовно-нравственнаго возрожденія, а на самомъ дѣлѣ его ученіе о возрожденіи оказывается очень жалкимъ и скуднымъ, и если сравнить его съ ученіемъ такихъ нашихъ подвижниковъ православія, какъ извѣстные тебѣ оптинскіе старцы Леонидъ и Макарій, то оно покажется даже просто

дѣтскимъ лепетомъ. Однако, прежде чѣмъ подробно разбирать отмѣченный мною пунктъ отвѣта гр. Толстого на постановленіе Синода, для большей цѣльности изложенія, я коснусь нѣсколько самого отвѣта графа въ его цѣломъ.—Въ своемъ отвѣтѣ Левъ Николаевичъ какъ бы подвелъ итогъ своей послѣдней 20 лѣтней дѣятельности.—въ немногихъ, но вполне опредѣленныхъ словахъ выразилъ сущность своихъ сужденій о Церкви, Евангеліи и вѣрѣ православной. Это—какъ бы символъ его собственной вѣры. И онъ увѣренъ, что его отношеніе къ православной вѣрѣ и Церкви „раздѣляютъ почти всѣ образованные люди“. Мало того—онъ даже рѣшается сказать, что и самъ Синодъ лишь „говорить, что онъ вѣритъ“ въ истины православія. Такую увѣренность въ обвиненіи оставляю на совѣсти гр. Толстого,—она ему нужна, вѣроятно, для того, чтобы самому тверже чувствовать подъ собою почву, или просто для успокоенія смятенной души. „Символъ вѣры“ гр. Толстого сводится къ слѣдующему: Во 1-хъ, онъ не вѣритъ въ Пресвятую Троицу, въ божественность Иисуса Христа, въ грѣхопаденіе и искупленіе человечества, въ благодатные Дары Св. Духа, въ Страшный судъ, въ рай и адъ; во 2-хъ, онъ вѣруетъ въ Единого Бога-Духа, Бога-Любовь, въ безсмертіе души (что видно изъ его словъ „я долженъ дѣлать усилія, чтобы не желать плотской смерти, т. е. *рожденія къ новой жизни*, и вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо *моей* вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его,—непонятно только, почему графъ не хочетъ назвать это „раемъ“ и „адамъ“?), вѣритъ въ то, что смыслъ жизни каждаго человѣка заключается только въ увеличеніи въ себѣ любви, и что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство—молитва..., состоящая въ восстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости отъ воли Бога.

Отрицаніе божественности Христа и Его искупительнаго подвига—не ново, конечно. Еще фарисеи и саддукеи, Иродъ и Пилать, языческіе ученые глумились надъ этою основною истиною христіанства. Прочти, напр., IX главу Евангелія отъ Іоанна, да и другія главы того же Евангелія. Гр. Толстой только дополнилъ собою сонмъ этихъ отрицателей.

Отчего это многіе не могутъ никакъ принять „Христа,

пришедшаго во плоти“,—вопросъ очень интересный. Зависитъ это во всякомъ случаѣ не отъ умственнаго развитія ихъ,—но я сейчасъ не буду касаться его, чтобы не отклониться отъ своего главнаго предмета.

И такъ, обращаюсь къ тому пункту ученія гр. Толстого, что смыслъ жизни каждаго человѣка заключается только въ увеличеніи въ себѣ любви и что для преуспѣянія въ любви есть только одно средство—молитва, состоящая въ возстановленіи и укрѣпленіи въ своемъ сознаніи смысла своей жизни и своей зависимости только отъ воли Бога.

Пунктъ этотъ очень слабъ, а несостоятельность его подрываетъ и все прочее въ ученіи гр. Толстого и отнимаетъ у него всякое жизненное значеніе. Дѣло въ томъ, что гр. Толстой указываетъ человѣку чрезвычайно высокую задачу жизни, а средство для ея осуществленія предлагаетъ самое жалкое и несоотвѣтствующее цѣли.

Цѣль заключается въ достиженіи любви, а средство состоитъ въ постоянномъ напominаніи себѣ, что любовь—есть смыслъ жизни, и что мы зависимъ только отъ воли Бога. И во 1-хъ, почему это напominать себѣ о смыслѣ своей жизни—графъ называетъ молитвой и утверждаетъ, что именно такой молитвѣ училъ насъ Господь Іисусъ Христосъ? Но кто же даже изъ малыхъ дѣтей не знаетъ, что молитва—это есть наша бесѣда съ Богомъ, наше обращеніе къ Богу съ мольбой, съ благодарностью, съ прославленіемъ, а никакъ не „напominаніе себѣ самому“ о чемъ бы то ни было! Толстой вѣруеть въ Бога-Духа, въ Бога-Любовь... Любовь можетъ быть только у Любящаго. Любящій не можетъ не быть существомъ разумнымъ, внимающимъ и понимающимъ. А если такъ, то почему бы гр. Толстому не допускать возможности молитвы въ общепринятомъ значеніи этого слова? Вѣдь этой же именно молитвѣ училъ насъ Іисусъ Христосъ, когда, обращаясь къ Отцу Небесному, восклицалъ: „Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ“, и потомъ при воскресеніи Лазаря: „Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня!“.. и потомъ въ саду Геесиманскомъ: „Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“.. и, наконецъ, на крестѣ: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлають“! и во многихъ другихъ случаяхъ.

Но этой освященной примѣромъ Христа и естественно вытекающей изъ вѣрующаго сердца молитвы графъ не признаетъ, молитвою же именуетъ какое-то „напоминаніе себя“. И вотъ онъ учитъ, что этимъ „напоминаніемъ себя“ можно увеличивать въ себя любовь, мало того,—это есть единственное средство для возростанія въ любви.—Такое утверждение противорѣчитъ всему опыту человѣчества. Многіе люди обладали и обладают любовью, но кто же изъ нихъ приобрѣталъ ее тѣмъ, что постоянно *напоминалъ себя*, что въ любви заключается смыслъ его жизни?

Неужели этимъ напоминаніемъ можно побѣдить свои грѣховныя страсти и привычки? Неужели оно одно можетъ ободрить, утѣшить, успокоить, очистить и обрадовать наше сердце? Да наконецъ, что насъ можетъ побудить постоянно напоминать себя, что въ любви смыслъ нашей жизни, если мы не вѣримъ въ существованіе живого личнаго Бога, не чувствуемъ своей отвѣтственности предъ Нимъ, не считаемъ себя обязанными исполнять Его заповѣди?

Не такъ просто приобрѣтается любовь въ дѣйствительности, какъ изображено это въ теоріи гр. Л. Н. Толстымъ.

Кто хочетъ приобрѣсти любовь, тотъ не можетъ ограничиться однимъ напоминаніемъ себя, что въ любви заключается смыслъ его жизни. Онъ долженъ много потрудиться и поработать надъ собой, а главное—воспринять въ себя благодать Господа Иисуса Христа и Святаго Его Духа, безъ которой невозможно усвоеніе совершенной любви. Л. Н. Толстой полагаетъ, что настроеніе любви создается самимъ человѣкомъ, а на самомъ дѣлѣ оно создается въ немъ дѣйствіемъ Божиимъ подъ непремѣннымъ условіемъ и его личныхъ усилій. Богъ есть не идея, какъ ты хорошо сказалъ, а живая сила, живая и дѣйствующая на насъ и въ насъ, при нашемъ на то произволеніи. И эта-то сила и создаетъ нашего внутренняго человѣка.

Здѣсь я долженъ оговориться. Не оспаривая того, что смыслъ нашей жизни заключается въ любви, я долженъ прибавить, что любовь составляетъ лишь частичное содержаніе смысла нашей жизни. Полный же истинный смыслъ жизни, по христіанскому ученію, состоитъ въ *достиженіи святости*, т. е. такого состоянія сердца, при которомъ оно наиболѣе уподобляется Богу и которое и есть то царствіе Бо-

жїе, которое находится внутри насъ... При этомъ состояніи сердца, чистомъ, мирномъ и свѣтломъ, человѣкъ испытываетъ живое и радостное ощущеніе своего общенія съ Богомъ, Христомъ, всѣми праведниками, всѣми людьми, всѣмъ міромъ. Это есть предвѣщеніе того блаженства, которое ожидаетъ по смерти каждаго праведника. И конечно, любовь составляетъ необходимый и высшій элементъ этого блаженства. Но любовь эта—не безпредметная, а имѣющая своимъ объектомъ вполне опредѣленные Существа—Бога, Христа, святыхъ и проч.

Вотъ это-то состояніе сердца и достигается великою борьбою, о которой ты, читавшій Исаака Сирина, имѣешь, конечно, ясное понятіе. Но для гр. Толстого вся эта область внутренней жизни какъ будто не существуетъ. Онъ какъ будто хочетъ приобрести любовь *логическимъ*, а не психологическимъ путемъ, если можно такъ выразиться.

Я не буду подробно распространяться о томъ, какую борьбу приходится выдержать человѣку, прежде чѣмъ онъ достигнетъ христіанскаго настроенія сердца. Борьба эта, какъ извѣстно, очень мучительная, очень трудная, требующая большого вниманія и искусства. Сердце—то же поле. Его необходимо очищать отъ грѣховныхъ привычекъ и влеченій, замѣнять добрыми привычками исполненія заповѣдей Христовыхъ. Работа эта медленная, кропотливая, утомительная, да и бесплодная, если Богъ не освѣжитъ сердце дождемъ Своей благодати. А дождь этотъ для вѣрующаго несомнѣнно посылается Богомъ и прежде всего въ таинствахъ, надъ которыми такъ глумится, не понимая силы ихъ, гр. Л. Н. Толстой. Но кромѣ таинствъ есть еще одно необходимое условіе для христіанскаго усовершенствованія нашего сердца; это—живое и постоянное общеніе съ живымъ и всемогущимъ Икупителемъ и Спасителемъ нашимъ—Иисусомъ Христомъ. Только любя Его, только вѣруя въ Его постоянное при насъ присутствіе, только возлагая на Него всю свою надежду, только молясь Ему непрестанною молитвою о помощи, мы можемъ побѣждать самихъ себя, сохранять бодрость духа, не впадать въ малодушіе и отчаяніе, не чувствовать себя одинокими. Онъ слышитъ насъ, Онъ жаждетъ нашего спасенія, Онъ протягиваетъ намъ руку помощи, Онъ, пострадавшій за насъ, съ безконечною любовью

береть на Себя всѣ наши немощи и исцѣляетъ ихъ,—такъ вѣруеть православная Церковь, такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ. И вотъ эта-то сила всемогущаго Христа и созидаетъ въ насъ настроеніе любви, а не то жалкое „напоминаніе себѣ о смыслѣ своей жизни“, въ спасительность котораго такъ вѣруеть гр. Толстой!

Но если и Христосъ съ его всемогуществомъ столь часто оказывается безсильнымъ предъ злою волею человѣка, то какую пользу принесетъ человѣчеству проповѣдуемое Толстымъ средство укрѣпленія въ любви? Оно останется пустымъ звукомъ, и только!

Вотъ то небольшое, что я хотѣлъ сказать и высказалъ—сознаю, что неполно—относительно ученія Л. Н. Толстого о способѣ пріобрѣтенія любви. Его ученіе объ этомъ предметѣ слишкомъ отвлеченно и не обосновано на нравственномъ опытѣ жизни. Христіанства онъ совсѣмъ не понялъ,—онъ представилъ его себѣ отвлеченною идеею добра, тогда какъ на самомъ дѣлѣ христіанство есть *святая жизнь*, созидающаяся и въ душѣ отдѣльнаго человѣка, и въ исторіи всего человѣчества. И въ христіанствѣ важно не столько ученіе Христа, сколько Самъ Христосъ, Сынъ Божій, за насъ пострадавшій и насъ спасающій, съ нами пребывающій и имѣющій пребыть до скончанія вѣка.

Однимъ словомъ, христіанство есть взаимодействіе живыхъ, реальныхъ силъ,—нашей души, Пресвятой Троицы и святыхъ угодниковъ Божіихъ,—взаимодействіе, имѣющее свою задачу возсоздать въ насъ новое сердце, чистое и святое, по образу Божію, и еще здѣсь на землѣ возрастить въ немъ царствіе Божіе. Вотъ что слѣдуетъ помнить намъ, православнымъ, и, не обольщаясь пустою и безплодною философіею гр. Толстого, въ умѣ и сердцѣ и на устахъ имѣть одно—„Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, имиже вѣси судьбами, спаси мя недостойнаго“!

Священникъ *Сергій Четвериковъ*.

Оптина пустынь.
Іюля 5-го дня 1901 г.

2) Письмо въ редакцію отъ бывшаго единомышленника гр. Толстого.

Милостивый государь г. редакторъ.

Узнавъ себя въ „пламенномъ послѣдователѣ“ гр. Л. Н. Толстого и издателѣ брошюры „Николай Палкинъ“ („Мисс. Об.“ іюнь, стр. 804), я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу воспоминаемаго Вами инцидента съ названной брошюрой.

Предоставляя всякому, на основаніи извѣстныхъ ему фактовъ, такъ или иначе оцѣнивать утвержденіе Л. Н. Толстого, что онъ никогда не заботился о распространеніи своего ученія,—я, съ своей стороны, долженъ сказать, что въ *данномъ случаѣ* брошюра „Николай Палкинъ“ была издана мною *по собственному побужденію, хотя и не противъ желанія Льва Николаевича.*

Такъ мною было показано (устно и письменно) и на допросѣ (1890 г.). Что для Льва Николаевича дѣло кончилось благополучно, этого, я думаю, нельзя ставить ему въ вину.

Къ моей участи Левъ Николаевичъ далеко не былъ равнодушенъ. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ нѣсколько разъ навѣщалъ моихъ родныхъ; искалъ (но безуспѣшно) и свиданія со мной... По его просьбѣ посѣтила меня въ тюремной больницѣ попечительница оной. Наконецъ, Левъ Николаевичъ хотѣлъ взять меня на поруки, но, не смотря на предложенную имъ крупную сумму, требуемую отъ поручителя, ходатайство его относительно меня было отклонено.

Затѣмъ, какъ ни непріятно мнѣ касаться личныхъ отношеній къ графинѣ, едва ли требовавшихъ огласки и едва ли что важное уясняющихъ, но разъ вы заговорили о нихъ въ печати, то и я вынужденъ откликнуться на ваши слова, Графиня, дѣйствительно, была враждебно настроена ко мнѣ изъ-за „Николая Палкина“, и послѣ изданія этой брошюры мы видались съ Л. Н. не у него въ домѣ, какъ прежде, а у общихъ нашихъ знакомыхъ. Но въ 1891 г. между мною и графиней произошло примиреніе...

Считаю нелишнимъ отмѣтить еще одну черту въ этомъ дѣлѣ. Когда я, по выходѣ изъ тюрьмы, свидѣлся съ Л. Н., онъ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ меня о моихъ

переживаніяхъ въ заточеніи и выразилъ особенную радость, увидавъ, что у меня не было никакого озлобленія противъ заточителей.

Я надѣюсь, что въ интересахъ истины вы не откажетесь дать мѣсто въ вашемъ журналѣ этому моему разъясненію. Если нужно быть справедливымъ относительно соратника, то тѣмъ болѣе по отношенію къ противнику.

М. А. Н—въ.

Вышній-Волочекъ,
Тверской губ.
1-го іюля.

3) *Еще убѣжденное слово одного изъ раскаявшихся послѣдователей
гг. Л. Н. Толстого.*

„Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы; возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Мене, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, и обрящете покой душамъ вашимъ: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“ (Мф. XI, 28—30).

Мы всѣ—рабы Божіи, купленные *дорогою цѣною*,—кровью Владыки; поэтому и самый гордый изъ насъ долженъ смириться и изъявить полную готовность стать въ ряды рабовъ Божіихъ и взять на себя исполненіе воли Божіей. Сказалъ Господь: „иго Мое *благо и бремя Мое—легко*“. Сказалъ: „иго и бремя“,—оттого, что послушаніе заповѣдямъ не легко для плотского человѣка, для грѣхολюбивой нашей плоти (которая есть „*ветхій Адамъ*“, истлѣвающій въ похотяхъ), ибо плоть—сѣдалище *самолюбія (эгоизма), тлнн, сонливости, похоти блудной и чревной*. Но Спаситель сказалъ: „иго Мое—легко и благо“, ибо кто взялъ искренно *иго Его, т. е. крестъ свой*, рѣшился жить въ кротости, долготерпѣніи, смиреніи, *любленіи враговъ*,—тотъ скоро ощутитъ въ себѣ *духовную сладость* отъ исполненія заповѣдей и узнаетъ *по опыту*, что сладость эта, нисходящая свыше, несравнимо выше всѣхъ благъ земныхъ. *Земныя* блага и наслажденія всѣ, *безъ исключенія*, скудны, скоропреходящи, или прямо приводятъ скоро къ сытости и горечи. Въ самомъ дѣлѣ,—вотъ земная слава,—что это за

жалкая выдумка дьявола, чтобы отманить душу человѣка отъ неувядаемой славы духовной, — неувядаемой отъ того, что она, — если до конца, до исхода изъ тѣла, преслѣдовалась *черезъ крестный подвигъ*, — идетъ вслѣдъ за человѣкомъ въ *вѣчную, загробную жизнь*. А земная слава! Ее и сами люди часто признавали за ложь, призракъ ума, т. е. просто за миражъ, *кажимость*, обманъ. Богъ безчисленно избличалъ передъ людьми этотъ *подлый обманъ дьявола*: сколько развѣнчанныхъ честолюбцевъ и героевъ, — Наполеоновъ, Македонскихъ Александровъ, Навуходоносоровъ! (Особенно это очевидно въ безсиліи нынѣшнихъ мелкихъ честолюбцевъ: поэтовъ, кропателей бумаги, слѣпцовъ, ведущихъ другихъ слѣпцовъ въ ямы).

Женская любовь, т. е. *плотская* любовь (не супружество ¹⁾) — давно самими міролюбцами проклята, ибо добрая половина горя земного: преступленій, жестокостей, слезъ, разореній, безумствъ, самоубійствъ — происходитъ изъ-за похоти нашей плоти. И мое самоубійство приготавливалось на почвѣ (такъ называемой) „романической“, по просту говоря, — на почвѣ злыхъ похотѣній плотскихъ, хотя въ корнѣ обуславливалось отсутствіемъ вѣры (вѣра не могла, какъ чистая голубица, низойти въ сердце, опоганенное страстями, о которыхъ и говорить непристойно: такъ онѣ представляются мерзкими, изъ нихже *мерзѣйшій своеволюство и блудъ*).

Богатство! но не даромъ сказано (Іаковлево посланіе, V глава): „послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихся на васъ. Богатство ваше *сгнило*“. Горе богатымъ не только потому, что имъ трудно ²⁾ „внйти въ царство Божіе“, но и на землѣ имъ *плохо*, ибо жестокосердіе — обычное послѣдствіе роскоши, а *жестокосердіе есть великая скорбь и тѣснота сердца*. Не захочетъ быть богатымъ тотъ, кто понимаетъ цѣну чистаго, безмятежнаго и любящаго сердца.

Зачѣмъ же человѣкъ приплѣпляется сердцемъ своимъ къ этому лживому и суетному міру? Возьмите на себя иго Христово — благое и легкое; отъ Него научитесь кротости и смиренію и обрящете душевный покой.

¹⁾ Въ которомъ возможно и цѣломудріе, и воздержаніе, и даже противоестественныя отношенія.

²⁾ Сказано: трудно — но не невозможно.

Что же остается за вычетомъ „похоти плоти, похоти очей и гордости житейской“ (посланіе Іоанново I, II, 16), т. е. плотской любви, славы и богатства? Женское тѣло умираетъ, и изъ *красавицы дѣлается смердящій, кишащій червемъ, трупъ*. Слава человѣковъ—преходить, обманывается, заводитъ въ страсти ненасытимыя и жестокія: зависть, ругательства, злобу, убійства. Явно, что слава, какъ и похотѣнія,—обманы дьявола-невидимки, и онаго „человѣкоубійцу и отца лжи“ узнаемъ наилучше „по плодамъ“. Богатство—то уже явно ничтожность, ибо не уносится въ могилу: еще слава длится нѣсколько мгновеній. Но что значить 10,000 лѣтъ сравнительно съ вѣчностью, въ которую идемъ и о которой *«не знаютъ»* не почитаемъ для себя ущербомъ, униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Богатство—что можетъ быть презрѣннѣе его? Отъ того-то сребролюбіе хуже и неисцѣлимѣе и блуда, и честолюбія, ибо безумнѣе этихъ послѣднихъ страстей, хотя и послѣднія приводятъ къ безумствамъ и къ потерѣ ума (сумасшествію).

Что же остается еще въ этомъ мірѣ суетномъ, гдѣ господствуетъ свирѣпо и безжалостно „князь тьмы“, дьяволъ?

Ахъ! вотъ что: „гуманность“, „свобода, равенство и братство“, пантеизмъ, социализмъ и еще несмѣтные „измы“. Этими „измами“, какъ микробами, заражены умы современныхъ людей. Но все это, все огульно, есть *дребезги* единой цѣлостной истины, а по тому самому—*ложь* и ложь тѣмъ болѣе опасная, что она имѣетъ благовидность. Всѣ эти умственные вѣтры, которые, какъ сквозняки, дуютъ сквозь умы, вышедшіе изъ послушанія вѣрѣ истинной и единой (православной). Ложь каждаго изъ этихъ „измовъ“ можно *доказать*, да она уже доказана и *опытами исторіи*, что особенно назидательно, и вліяніемъ ихъ на души: *всегубительность* этого вліянія, *помимо прочаго и спеціальнаго*, наилучше выражается въ *нервности* и въ нервныхъ болѣзняхъ людей, зараженныхъ „измами“. И я, пока былъ въ „измахъ“, былъ психопатъ, невзрастеникъ, всячески блудствовалъ, т. е. былъ жертва того же дьявола, „отца лжи“. Когда же Господь даровалъ мнѣ блаженство вѣры, я пришелъ въ *цѣлость* (изъ дребезговъ), *здоровость* (изъ нервности), получилъ *силы* для борьбы съ дьяволомъ, *силница* котораго, *какъ безплотнаго*, и хитрость и злоба, какъ твари разумной, огромны. Итакъ, опять *по плодамъ*

можно видѣть, что всѣ „измы“—ложь, и распространять „измы“—значить сѣять ложь, соблазны, и что вѣра—благодрагоднѣйшее и безусловное. Поэтому, кто, какъ Толстой, мой бывшій лжеучитель и кумиръ, подобно Арію, портитъ чистоту вѣры Христовой и сѣетъ безвѣріе, тотъ—„лучше бы ему не родиться“, ибо, отнимая вѣру, онъ отнимаетъ здоровье, здравомысліе, бодрость и жизнь, и что всего страшнѣе, вводитъ человѣка въ область сатанину, гдѣ онъ становится жертвою „отца лжи“ и гибнетъ душою для вѣчности. Такъ погибъ изъ-за Толстого и его *седмижды проклятаго ученія*—Евдокимъ Дрожжинъ и растригшійся священникъ Аполловъ, да и они ли одни!! Злая, многострадальная смерть Аполлова особенно явно обнаружила, что его покарала десница Божія за отступленіе отъ благодатной истины ко лжи явной—толстовству.

Плакать и рыдать надо о Толстомъ тѣмъ, кто его любитъ, а не рукоплескать ему, ибо эти рукоплесканія одурманиваютъ его.

М. С—ко.

4) Письмо гр. Л. Н. Толстому по поводу его отлученія отъ Церкви.

Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу своей повредитъ?

Или какой выкупъ дать человѣку за душу свою? (Мрк. VIII, 31, 37).

Какая неожиданность постигла васъ, графъ! Васъ, котораго безбожная, зараженная ложными матеріалистическими идеями интеллигенція (дѣти, братья и сестры вашихъ героев барпчей, которыхъ вы вѣрно оцѣнили) превознесла до небесъ, которому собираются ставить послѣ смерти памятникъ превыше всѣхъ памятниковъ, чадолюбивая православная Церковь исключила изъ числа своихъ членовъ, заявила публично, что не желаетъ имѣть съ вами никакихъ сношеній впредь до вашего покаянія. За что же это? За то, что вы отреклись отъ благодати Божіей, признаете Христа человекомъ, а не Богомъ, Церковь обманщицей, а все то, что она предлагаетъ и проповѣдуетъ, великой и далеко не не-

винной глупостью. За что превознесла васъ интеллигенція? За то, что вы съ великой художественностью проповѣдуете высшую нравственность, непротивленіе злу, за вашу жизнь и добрыя дѣла.

Кто же правъ? Вы описали въ лицахъ всю ложь человѣческихъ отношеній, но вы просмотрѣли, что вся эта ложь есть продуктъ маловѣрія и невѣрія, т. е. того, что вы проповѣдуете, и что на вѣрѣ прежде всего зиждется увлекающая васъ правда народная. Развѣ Корчагины и имъ подобные есть истинные члены Церкви Христовой? Развѣ не сдѣлала ихъ такими гордость, честолюбіе, чревоугодіе, блудъ и прочее, что признается Церковью величайшими изъ пороковъ. Вы говорите: посмотрите, какіе безнравственные эти люди; но зачѣмъ жить иначе, если Христосъ только великій человѣкъ, и если нѣтъ воскресенія и загробной жизни. Вѣдь великій для васъ, а для меня болѣе великій Будда, Магометъ, или кто-либо изъ философовъ; и не все ли равно, какъ жить въ этой кратковременной жизни, если все это окончится вѣчной смертью. Зачѣмъ я буду себя стѣснять, подчинять какимъ-то принципамъ, которые выдумалъ какой-то Христосъ, и не все ли равно, если мои братья отъ этого тоже начнутъ дѣлать гадости и даже погибнуть; конечный удѣлъ всѣхъ одинаковъ. „Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“,—иронизируетъ апостолъ Павелъ (1 Кор. XV, 32). Да и послушаютъ ли люди тогда вашей проповѣди о нравственности? Нѣтъ. Поговорять, какъ это хорошо; ради самолюбія и тщеславія сдѣлаютъ даже доброе дѣло, даже уйдутъ въ народъ, а лучше все-таки не будутъ, что и докажутъ потомъ на дѣлѣ. Будутъ говорить о непротивленіи злу, а сами первые воспротивятся; будутъ дѣлать добро однимъ и вредить другимъ, кто будетъ говорить имъ правду въ глаза и задѣнетъ ихъ самолюбіе; потому не будутъ нравственны, что все это безсмыслица безъ общаго воскресенія и загробной жизни. Взгляните-ка поглубже въ свою душу, не то ли самое окажется и на ея днѣ? ¹⁾ Нѣтъ, графъ, не правы вы,—Христосъ-Богъ, воскресеніе и загробная жизнь должны быть; обь

¹⁾ А церковь можетъ указать тысячи подвижниковъ, достигшихъ истиннаго совершенства, побѣдившихъ въ себѣ всѣ страсти, кромѣ одной—безпредѣльной любви къ Богу и ближнему.

этомъ говорили пророки, объ этомъ говорилъ Самъ Христосъ, объ этомъ говорили Его ученики, объ этомъ говорить разумъ человѣческій, и только эта увѣренность можетъ явиться достаточнымъ стимуломъ для *истиннаго* совершенствованія и *истинныхъ* добрыхъ дѣлъ; разрушьте эту увѣренность, разрушится и нравственность, не будетъ и добрыхъ дѣлъ; останется одна ложь, зло, тьма и смерть. И какими добрыми дѣлами можно загладить то великое преступленіе, если соблазнить хотя бы единого изъ братьевъ своихъ, лишить его св. вѣры и ввергнуть здѣсь въ тьму и ложь, а тамъ въ муку вѣчную. Одна душа дороже тысячи тѣлъ; гибель одной души нельзя искупить спасеніемъ тысячи людей отъ голода, болѣзни и даже смерти тѣлесной. А вы своими лжеученіями погубили тысячи душъ! Не разрушайте же этихъ основъ; вы очень умны, но вы и очень горды, душевные очи ваши помрачены; помните, что вы человѣкъ, а человѣку свойственно ошибаться, и что многіе великіе умы на склонѣ своихъ лѣтъ сознавали свое заблужденіе и приходили къ тѣмъ взглядамъ, которыхъ держится наша мать и наставница, святая Соборная и Апостольская Церковь. Отказавшись отъ благодати Божіей, вы очутились во власти великаго грѣха и заблужденія, во власти діавола, и не отдѣлаться вамъ отъ нея собственными человѣческими силами; и только тѣ средства, которыя указалъ Богъ и святая Церковь для успѣшной борьбы съ врагомъ рода человѣческаго, могутъ помочь вамъ въ этомъ. Средства эти—единеніе съ Церковью, молитва, таинства и постъ, постъ не потому, что человѣкъ не имѣетъ права отнимать жизнь,—вѣдь и растеніе живетъ, а страданіе при помощи науки можно свести до минимума,—а потому, что постъ измѣняетъ функцію мозга и дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ къ познанію абсолютной истины.

Извѣстный вамъ врачъ Анраксинъ

Нижній-Новгородъ.

5) *Открытое письмо Толстому отъ любящаго читателя.*

Дорогой и неоцѣненный, бывшій братъ мой по вѣрѣ, Левъ Николаевичъ!

Скорбить св. Русь по тебѣ, скорблю и я, какъ бывшій братъ твой по духу. Мы были въ нѣдрахъ одной и той же матери Церкви, питались одними и тѣми же дарами благодати и проникались одною и тою же вѣрою, надеждою и любовію. Возрастая, мы вели съ тобою дружбу и единеніе; и невинны и чисты были наши отношенія. Бывало, начнешь ты свои сердечные рассказы,—съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ тебя и восхищался твоею поэзіею, этимъ Божьимъ даромъ! Я говорилъ: „о, если бы Всевышній развилъ и укрѣпилъ твой даръ къ общей пользѣ... Да не коснется злой рокъ твоего сердца и не угасить золотыхъ искръ небеснаго дара“. Прошло время, а ты поддался злему вѣянію... Оно росло, и ты удалялся отъ меня, не смотря на мой призывъ не покидать меня. Что мои мольбы, что мои совѣты?! «Я самъ отвѣчаю за себя и знаю, куда иду», говорилъ ты мнѣ на призывъ мой. И вотъ, ты ушелъ отъ меня въ далекую сторону... О, какъ не скорбѣть мнѣ! Я плачу и рыдаю по тебѣ, и сердце мое трепещетъ жалостію, при воспоминаніи о тебѣ... Я рвусь къ тебѣ... А ты... Богъ тебѣ Судья! Одна надежда на Него... Онъ, Творецъ нашъ, все видитъ: Онъ видитъ и тебя, и твои тайныя мысли, и видитъ, куда ты пришелъ... Неужели ты не слышишь голоса Его и не внимаешь,—какъ Онъ, не хотая смерти грѣшника, даетъ тебѣ отсрочку за отсрочкой, призывая подъ благодатную сѣнь Церкви Христовой?! Вернись, дорогой братъ мой: вспомни золотое время! Неужели поздно?! Ты говоришь издалика: «нѣтъ мнѣ возврата къ тому, отъ чего оторвался я съ такою болью». Правда, тяжело и больно разставаться съ своими кумирами но неужели же нѣтъ возврата? Отецъ замотавшагося въ чужой далекой сторонѣ сына все же не теряетъ надежды на его возвращеніе, и эта надежда ободряетъ и поддерживаетъ его въ тоскливой разлукѣ. И тѣмъ радостнѣе, тѣмъ живѣе бываетъ минута свиданья съ возвратившимся, казалось, погибшимъ сыномъ. Вспомни, братъ, притчу Христа. Да, представляю, какъ трудно тебѣ разстаться съ тѣмъ, что ты изобрѣлъ, какъ истину. Но милый, былой другъ мой!

Истина одна и та же отъ вѣка. Она—свѣтлѣ солнца, неизмѣнна, вѣчна. Предъ нею должны склониться всѣ заблужденія человѣческаго генія: она—не отъ людей, а отъ Творца. Она—отвергнутый тобой Христосъ Богочеловѣкъ! Итакъ, прочь всѣ заблужденія! Черезъ нихъ я потерялъ любимаго брата; и стоитъ онъ вдали, у края стремнины, а между тѣмъ душа его дороже міра. Братъ мой! Дай мѣсто святой, божественной истинѣ: да возсіяетъ она и въ твоемъ ослѣпленномъ умѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи! Да погибнетъ ложь и заблужденіе!.. Дорогой братъ мой! Я плачу и томлюсь по тебѣ: душа моя рвется къ тебѣ на встрѣчу во Христѣ и Церкви. Вернись же, любимый мой; вернись въ прежней простотѣ, искренности и любви... Воскресни душой! Я простираю къ тебѣ руки издалека; прости и ты... Приди, единымъ сердцемъ и усты прославимъ милосердаго Бога, и обнимемъ другъ друга съ любовью, припадемъ другъ къ другу и выплачемъ бывшее горе и радость свиданія!.. И какая то будетъ радость мнѣ и братьямъ моимъ!

О, Боже! Возврати на путь истины и спасенія дорогаго брата!

П. П. Т.

1901 г. 8 августа.

Съ береговъ Чернаго моря.

6) *Раскольникъ старообрядецъ о Л. Н. Толстомъ.*

Какъ-то однажды прошлой зимой посѣтилъ меня одинъ видный въ расколѣ начетчикъ—мой знакомецъ. По обычаю—о многомъ мы съ нимъ побесѣдовали. А въ концѣ бесѣды онъ передалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Л. Н. Толстымъ. Разсказъ объ этомъ онъ началъ съ укоризнѣ православію. Вотъ это его повѣствованіе...

— Вамъ, о. Константинъ, своихъ-то, церковныхъ, надо бы утвердить покрѣпче, а то они ничего не знаютъ. Просто иной лба перекрестить не умѣетъ, не только молитвы читать. У насъ какъ-то лучше: всякій свой обрядъ знаетъ, а у васъ нѣтъ. Намедни я какъ-то ѣхалъ съ однимъ помѣщикомъ, человѣкъ видно ученый, много читалъ и говорилъ обо всемъ такъ хорошо, а какъ коснулось дѣло до религіи,—ничего ровно не знаетъ. Чай, говорить, я не попъ, знать-то мнѣ объ этомъ. Ну, какой же онъ христіанинъ послѣ этого! Тол-

стого мнѣ книжку тычетъ и возводитъ его чуть не въ Златоуста. Вотъ, говоритъ, почитай, какъ умные-то люди толкуютъ и пишутъ. Я говорю: баринъ, самъ видѣлъ этого твоего Толстого и говорилъ съ нимъ, и потому хорошо знаю его писаніе. Твой Толстой и въ Христа-то не вѣруеть, какъ должно, а разводитъ свои рацеи и свое поученіе излагаетъ народу, котораго не дай Богъ держаться и лихому татарину. Еретикъ онъ и богохульникъ!

— А вы дѣйствительно были у Л. Н. Толстого? прервалъ я старообрядца.

— Какъ же, былъ; нарочно ѣздилъ къ нему въ Ясную Поляну.

— Что же васъ интересовало видѣть Толстого?

— Да просто пригласилъ онъ меня къ себѣ, ну я и поѣхалъ. Дай, думаю, побесѣдую съ нимъ, какой онъ человѣкъ.

— Значить, вы знакомы были съ нимъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, а вышло это такъ, случайно какъ-то. Приѣхалъ я въ Москву, — во Владимірѣ до этого былъ; пошелъ праздникъ, я и пошелъ за службу. Служилъ еще владыка архіепископъ Савватій тогда. Постоялъ я до каеизмъ и вышелъ охолодиться изъ моленной. Вижу: подходятъ къ моленной 4 человѣка, изъ нихъ одинъ одѣтый какъ-то просто, по-мужичьи, а трое въ шляпахъ, съ тросточками и ссвѣмъ кургузые по одеждѣ-то. Подошли они ко мнѣ и спрашиваютъ: можно, говоритъ, посмотрѣть намъ вашу службу? — „А вы кто будете такіе?“ — спрашиваю я ихъ. — Мы, говорятъ они, пришли полюбопытствовать, какъ у васъ совершается богослуженіе. — „Да кто же вы доподлинно-то будете такіе, спрашиваю я: російскіе, или еще какой другой вѣры?“ — Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Я — Толстой, русскій; а это мои спутники — французы“. Вотъ, думаю себѣ, не знаю, зачѣмъ принесло смущать нашихъ богомольцевъ. Погодите, говорю имъ, я сейчасъ доложу о васъ. Вошелъ я въ моленную, дошелъ до клироса, вижу, — стоитъ Климентъ Аеиногеновичъ Перетрухинъ.

Въ то время при Савватіи онъ былъ у насъ его секретаремъ въ духовномъ совѣтѣ. Я и говорю ему, что какіе-то чужестранцы пришли и хотятъ видѣть наше богослуженіе. Одинъ назвалъ себя — Толстымъ, а другіе три съ нимъ тощенькіе на видъ. Перетрухинъ вышелъ со мною къ нимъ,

спросилъ ихъ кое о чемъ, какъ и я, а потомъ велѣлъ имъ подождать, пока онъ доложитъ о нихъ архіепископу Савватію. Пока онъ ходилъ въ моленную и совѣтовался съ архіепископомъ, Толстой спрашивалъ меня: давно ли началась служба, и долго ли еще будутъ служить? Всегда ли такъ подолгу служить? часто ли архіепископъ служить такія долгія и утомительныя службы? и пр. въ этомъ родѣ; я отвѣчалъ ему на его вопросы. Потомъ Толстой и говоритъ французамъ: „они служатъ по древнему чину, такъ, какъ у насъ на всей Руси служили до патріарха Никона всѣ архипастыри, начиная съ патріарховъ. Этотъ древній порядокъ богослуженія только у нихъ однихъ сохранился. У нихъ и книги старыя, не тѣ, что теперь существуютъ въ православныхъ церквахъ“. Въ это время пришелъ Перетрухинъ и передалъ позволеніе нашего архіепископа впустить Толстого съ французами въ моленную, но съ тѣмъ, чтобы они стояли и не молились. Толстой со спутниками вошли въ моленную, постояли около часа и отправились къ выходу, я и Перетрухинъ пошли ихъ проводить; на дворѣ они остановились, хвалили нашу службу, пѣніе, порядокъ. Толстой выразилъ желаніе видѣть у себя архіепископа Савватія и просилъ Перетрухина передать Савватію его желаніе. При этомъ онъ просилъ и Перетрухина пріѣхать къ нему, и меня, за компанію съ ними. Конечно, я не поѣхалъ бы къ нему—чего съ еретикомъ толковать!—но когда потомъ владыка Савватій съ Перетрухинымъ поѣхали къ Толстому и пробыли у него часа три, разгорѣлось и у меня желаніе съѣздить къ нему, и я нарочно ѣздилъ. Вотъ какъ я узналъ этого барина, и вотъ почему я попалъ къ нему въ домъ.

— Какое же впечатлѣніе вынесли вы и Савватій отъ посѣщенія графа Толстого?—Дурное или хорошее?

— Не знаю, что и сказать, о. Константинъ. Туманное какое-то свиданіе произошло. Высить себя онъ высоко, говорить слова какія-то несуразныя, не подходящія. При мнѣ у него были какіе-то люди, которые и по русски, и еще на какомъ-то языкѣ говорили съ нимъ. По моему, о. Константинъ, Толстой совсѣмъ не церковный человѣкъ и въ ученіяхъ св. отецъ вовсе не начитанъ. У него какая-то своя особенная вѣра, не христіанская, которую онъ и распространяетъ между простаками, несвѣдущими въ Писаніи. Ничего хорошаго я не нашелъ у него. А владыка Савватій такъ отозвался о

немъ: „дурить, говорить, баринъ. Возмечталъ о себѣ, что онъ все знаетъ и лучше знаетъ всѣхъ, а въ самомъ христіанствѣ на вершокъ не хватаетъ“. И вѣрно, о. Константинъ! Коли Толстой все знаетъ и всякія книги читалъ, почему же онъ ни разу не перекрестился, когда мы съѣли чай пить и обѣдать? Съѣлъ и ѣстъ себѣ, точно татаринъ. И другіе всѣ за нимъ также. Сейчасъ видно, что онъ или вовсе не читалъ поученія св. отецъ о крестномъ знаменіи, или же читалъ, да отмечаетъ его и ни во что поставляетъ преданія св. отецъ. Какой же онъ учитель послѣ этого?! А слушали его при мнѣ пришедшіе, точно оракула или какого пророка. По моему, его ученіе по нраву только несвѣдущимъ въ религіи лицамъ. Вотъ я ѣхалъ съ помѣщикомъ, онъ ничего не знаетъ, для него это подходяще, а намъ его слова, что вода по теченію. Хвалятъ его на всѣ лады и повсюду, а вотъ какъ я посмотрѣлъ на него, да послушалъ его рѣчей,—пустота одна выходитъ. Намъ, христіанамъ, научиться у него нечему. Самъ онъ никогда Богу не молится, св. книгъ у него и въ заводѣ нѣтъ на столѣ, причащенія не признаетъ,—да ничего у него нѣтъ христіанскаго. Мутить народъ своими пустыми рѣчами и только. А еще предложилъ мнѣ записаться въ члены какого-то своего общества и 50 руб. выложить ему на столъ. Какъ же! Такому человѣку да такую сумму денегъ и не знай на что вручить, это надо быть слабоумнымъ.

— Словомъ, Л. Н. Толстой не понравился вамъ?

— Да нечему и нравиться въ немъ! Я думалъ, онъ хорошо начитанъ св. отецъ писанія и хорошо толкуетъ его по всѣмъ статьямъ христіанскаго закона, а у него ничего этого нѣтъ, онъ, замѣсто этого, свои *наія словеса* проповѣдуетъ людямъ. Смутьянъ онъ, по моему, и предтеча антихриста. Безпоповцы и говорить-то съ нимъ не стали бы, не то ѣхать къ нему и тратиться на это. А сколько вѣдь, о. Константинъ, разныхъ простаковъ почитаютъ его да приводятъ его слова и писаніе насупроть даже Евангелія Господа нашего Ісуса Христа. Прямо очумѣлые эти люди! Не знаю, за что и преклоняются передъ нимъ. Конечно, слѣпота и невѣдѣніе ихъ въ этомъ.

Такъ закончилъ мой собесѣдникъ свой отзывъ о Толстомъ и его почитателяхъ.

Пензенскій епарх. миссіонеръ свящ. К. Поповъ.

Разговоры ереди друзей по поводу романа „Воскресеніе“ Л. Н. Толстого ¹⁾.

(Картинка съ натуры).

 ОПРОСЪ о водвореніи свободныхъ братскихъ отношеній между людьми,—сказалъ блѣднолицый господинъ,—кажется вамъ неразрѣшимымъ потому лишь, что вы упорно держитесь своего взгляда на законы царящаго въ мірѣ зла, для уничтоженія или ослабленія какового будто бы необходимы извѣстныя сдерживающія начала въ видѣ церковной дисциплины и государственныхъ репрессій, т. е. должна быть извѣстнаго рода узда. Все это чистѣйшая выдумка: Толстой страшно вѣритъ въ силу добра; онъ думаетъ, что люди болѣе добры, чѣмъ злы, зло что-то призрачное, созданное нашимъ больнымъ воображеніемъ. Въ дѣйствительности, по мѣрѣ того, какъ мы освободимъ себя отъ подобной иллюзіи, зло не будетъ имѣть рокового значенія для людей.

— Однако изъ романа этого не видать, чтобы зло было призрачно въ жизни людей. Напротивъ, при описаніи мрачной стороны послѣдней, Толстой убѣждаетъ насъ въ томъ, что зло дѣйствительно царитъ въ мірѣ, и что поэтому на наши добрыя склонности приходится полагаться съ крайней осторожностью. Въ особенности рѣзко подчеркиваетъ Толстой послѣднее, когда разсуждаетъ о совѣсти и разумѣ,—этихъ, по его мнѣнію, источникахъ добра.

„Обыкновенно думаютъ,—пишетъ Толстой въ разсматриваемомъ нами романѣ,—что воръ или убійца, признавая свою профессію дурною, долженъ стыдиться ея. Прѣисходитъ обратное. Люди, судьбою и своими грѣхами и ошибками поставленные въ извѣстное положеніе, какъ бы оно ни было правильно, составляютъ себѣ такой взглядъ на жизнь

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“, Апрѣль, 519—532.

вообще, при которомъ ихъ положеніе представляется имъ хорошимъ и уважительнымъ“. Или выше читаемъ: „Всякому человѣку для того, чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною. И потому, каково бы ни было положеніе человѣка, онъ непремѣнно составитъ себѣ такой взглядъ на людскую жизнь вообще, при которомъ его дѣятельность будетъ казаться ему важною и хорошою“ (166 стр.).

Значить, не совѣсть руководить поведеніемъ человѣка, не совѣсть вмѣняетъ субъекту совершенные противъ нея промахи, а общественное положеніе, занимаемое человѣкомъ. Это ужъ совершенно новая точка зрѣнія даже и въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о степеняхъ развитія совѣсти у человѣка и при этомъ приводилась бы въ указаніе жизнь дикаря, у котораго совѣсть находится на самой низкой ступени, который считаетъ хорошими поступки, по нашему понятію (при оцѣнкѣ совѣсти) глубоко безнравственные, а равно, если бы имѣлась въ виду мертвая или сожженная совѣсть, каковая бываетъ у закоренѣлыхъ преступниковъ. Но вѣдь Толстой толкуетъ вообще о совѣсти человѣка,—о совѣсти судьи, тюремщика, блудника, убійцы и т. д.; онъ говоритъ о совѣсти христіанина, возстановленной благодатью крещенія, совѣсти значительно болѣе развитой, чѣмъ совѣсть дикаря. И что же оказывается: совѣсть эта настолько эластична, что легко приспосабливается ко всевозможнымъ условіямъ жизни человѣка и даже контролируется этими послѣдними. Естественно, что при такомъ взглядѣ на совѣсть, люди извѣстнаго круга не только могутъ держаться своихъ преступныхъ профессій, ничтоже сумняся, но еще считать ихъ „важными и хорошими“. Хорошо вору воровать, разбойнику убивать, хорошо судѣ или чиновнику взятки брать.

Наше, слѣдовательно, установленное вѣками понятіе о совѣсти совершенно неприменимо въ данномъ случаѣ, и такіе моменты дѣйствія послѣдней, какъ „проснувшаяся совѣсть“, „мучительный голосъ совѣсти“ раскаявшагося преступника, по Толстому, не должны имѣть существеннаго значенія. Остается только добавить, что совѣсть есть одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ челоѣчества, которые, вмѣстѣ съ

религією, должны пасть въ послѣдствіи, расшатанные наукою и просвѣщеніемъ, какъ думаютъ объ этомъ позитивисты.

— Толстой не можетъ этого думать, Игн. Ив., коль скоро пробужденіе совѣсти въ Нехлюдовѣ послужило поворотнымъ пунктомъ въ направленіи всей остальной его дѣятельности. Кромѣ того на совѣсти, при указаніи разума, Толстой, какъ видно, и желалъ бы обусловить новую жизнь, открекшись отъ старыхъ условій, развитыхъ на почвѣ закона, принудительныхъ и стѣснительныхъ для совѣсти.

— Другими словами, на полной анархіи? На безусловной свободѣ личности, даже въ нравственныхъ ея чувствахъ?—сказалъ Игн. Ив.

— Я васъ не понимаю,—заволновался въ свою очередь слѣднотный господинъ. Толстой проповѣдуетъ о подчиненіи воли человѣка волѣ Божіей, а если для васъ необходима еще узда, такъ слѣдуйте христіанскому ученію, слѣдуйте Тому, Кто исполнялъ волю Бога.

— Прекрасно, но вѣдь ученіе Христа налагаетъ все же извѣстное бремя на людей. Для вѣрующихъ оно есть тотъ же законъ, требующій безусловнаго подчиненія. Оно есть „путь, истина и жизнь“, какъ сказалъ о себѣ Христосъ,—спасающій и возрождающій человѣка къ новой благодатной жизни. Человѣкъ, какъ несовершенное существо, способенъ уклоняться отъ своего естественнаго закона — велѣнія совѣсти, причемъ въ его ограниченномъ сознаніи могутъ развиваться совершенно ложныя, превратныя представленія о жизни. И вотъ, чтобы предупредить человѣка отъ этихъ превратностей и чтобы сдѣлать его совѣсть живою, одобряющею въ благихъ поступкахъ и укоряющею за дурныя, — Богъ далъ человѣку законъ въ видѣ откровенія. Законъ или заповѣди,—Божіи велѣнія, данныя для нашего руководства въ жизни. Лишь при свѣтѣ закона человѣкъ можетъ знать, какіе его поступки важны и хороши, а какіе, напротивъ, дурны. Самъ собою человѣкъ оцѣнивать ихъ не можетъ. Оцѣнка совѣсти, исключительно опирающаяся на нее, приводитъ къ страшнымъ заблужденіямъ. Относительно законовъ или заповѣдей Божіихъ, данныхъ для нашего руководства въ жизни, мы, между прочимъ, можемъ вынести поучительный для себя урокъ изъ слѣдующаго евангельскаго повѣствованія. Когда одинъ богатый юноша спросилъ Христа, что ему нужно дѣ-

лать для того, чтобы наследовать жизнь вѣчную, Господь вѣдь не сказалъ ему: слушайся голоса своей совѣсти, живи по указаніямъ своего разума,—нѣтъ, а обратить его вниманіе на исполненіе заповѣдей Божіихъ. «Сія вся сохранихъ отъ юности моя»,—отвѣтилъ искренно юноша. И Господь возлюбилъ его за эту искренность. Но юноша просилъ большаго у Небеснаго Учителя,—просилъ указать ему идеаль жизни, котораго еще не вѣдалъ подзаконный народъ. «А если хочешь быть совершенъ, — говоритъ Спаситель юношѣ,—иди, продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ и иди вслѣдъ Мене», т. е. возьми крестъ, чтобы имѣть сокровища на небеси.

— Но представьте себѣ, — сказалъ Влад. Ник., что для насъ современныя внѣшнія условія жизни—то же, что для евангельскаго богача богатство, преграждающее ему путь ко спасенію. Толстой такъ и думаетъ и потому-то говоритъ, что если мы не порвемъ связи съ данными условіями жизни, то закабалимъ себя въ рабство «грѣхамъ и ошибкамъ». И дѣйствительно, на чемъ зиждутся интересы нашей жизни, какъ не на томъ, что составляетъ благо животной личности что относится къ служенію мамонѣ. Заѣдаетъ и поглощаетъ насъ «общество», которое въ видѣ неумолимаго деспота тяготѣетъ надъ «человѣкомъ общества», заѣдаетъ бездушный формализмъ, который преимущественно царитъ надъ служилыми людьми; заѣдаетъ насъ внѣшній лоскъ и свѣтское приличіе, замѣнившее прямоту и искренность; заѣдаютъ чины и ранги, сдѣлавшіеся вывѣскою порядочнаго человѣка; заѣдаетъ карьеризмъ, проникшій даже въ педагогику, даже духовенство заботится не о погибающихъ въ невѣжествѣ, а бредитъ наградами — камилавками и крестами; заѣдаетъ нажива, погоня за рублемъ,—вотъ идеалы, лучше сказать грѣхи нашего времени, въ которыхъ не можетъ не задыхаться мало-мальски чуткая человѣческая душа, и съ которыми разорвалъ разумно связь кн. Нехлюдовъ, отдавшій всецѣло новой идеѣ—служенія людямъ.

— Положимъ разорвать связь съ нашими несовершенными внѣшними условіями жизни, вродѣ того, что не служить нигдѣ, не принимать участія въ усовершенствованіи данныхъ условій жизни—еще не столь трудно, улыбаясь, говорилъ Андрей Петровичъ, мужчина лѣтъ 38, до сего мо-

мента лишь наблюдавшій за ходомъ преній. Въ особенности легко для человѣка, незнакомаго ни съ какимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ кн. Нехлюдовъ, весь интересъ жизни котораго сосредоточивался въ пустыхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ; напротивъ, для такого человѣка весьма трудно приняться за настоящее дѣло, опредѣлить свое истинное назначеніе въ жизни. Фраза, брошенная вами, Вл. Ник., насчетъ служенія людямъ, фразой и останется, коль скоро человѣкъ не знаетъ, что ему предпринять потомъ; «куда идти»? Жить ли своимъ трудомъ, т. е. сѣсть на землю, или примкнуть къ какой-нибудь земледѣльческой колоніи?

— Оказывается, что ни того, ни другого сдѣлать не удалось,—замѣтила вторая курсистка, а не удалось потому, что ужъ больно крѣпко вросли въ насъ корни барства, привычка жить на чужой счетъ,—на счетъ народа.

— Я нахожу ваше замѣчаніе довольно удачнымъ; дѣйствительно, барства много въ Нехлюдовѣ. Чувство самодовольства, любоваться своими поступками и считать ихъ хорошими—это черта не смиреннаго простолюдина, знакомаго со всевозможными лишеніями въ жизни, это чисто барская черта, это духовная гордость—возвеличеніе себя передъ другими. Этимъ же отчасти объясняется и оптимизмъ толстовской морали.

Человѣку, вкусившему доступныя ему блага жизни и незнакомому съ нуждами ея, легко заключить, что жизнь дана намъ для радостей. Идея креста, борьбы со страстями, сознаніе грѣховности своей природы—отсюда глубочайшее смиреніе у этихъ лицъ обыкновенно только на умственныхъ счетахъ значится и рѣшается всегда въ примирительномъ духѣ, чтобы, такъ сказать, не портить хорошаго радостнаго настроенія. Отсюда понятно, почему для Толстого пріятнѣе, что человѣкъ „чаще бываетъ добръ, чѣмъ золъ, чаще уменъ, чѣмъ глупъ, чаще энергиченъ, чѣмъ апатиченъ“ и т. д. Точно также пріятно сказать ему, что „природа (красота міра Божія) дана намъ для блага всѣхъ людей,—красота располагаетъ къ миру, согласію и любви“. Все это, повторяемъ, пріятно, и даже, пожалуй, выгодно для Толстого утѣшать читателя въ сладкихъ грезахъ о жизни, въ какихъ пребываютъ невинныя дѣти. Но только все это, отлично мы знаемъ, далеко отъ дѣйствительности: въ дѣйствитель-

ности, напротивъ, гораздо меньше радости, чѣмъ горя, меньше удачъ, чѣмъ неудачъ, меньше хорошихъ нашихъ дѣйствій, чѣмъ дурныхъ и т. д., что же касается природы, то и въ нее, по толкованію св. отцевъ, вторгся грѣхъ человѣческій и произвелъ всякія нестроенія. Такъ, вражда, свойственная людямъ, „живущимъ страстями и похотѣми“,—не чужда и неразумнымъ тварямъ. Уже на самой низкой ступени животной жизни идетъ безпощадное истребленіе сильнѣйшими слабыми. Въ болѣе высшихъ существахъ практикуется нѣчто вродѣ систематическихъ войнъ для истребленія въ массѣ себѣ подобныхъ.

Грозныя явленія природы по временамъ сопровождаются страшными бѣдствіями для людей, въ видѣ засухи, голодовокъ и мора.

Если солнце признается источникомъ органической жизни, то съ другой стороны оно же служить и причиною смерти, убивая тмы живыхъ существъ своими жгучими лучами и иссушая влагу. Самъ же Толстой приводит нѣсколько случаевъ смерти арестантовъ отъ солнечнаго удара.

Изъ всего сказаннаго нами видно, насколько одностороненъ взглядъ Толстого на природу: въ природѣ нѣтъ полного мира.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ идеѣ мира является настоящая англо-трансваальская война! А равно, какъ далеко отъ мира современный милитаризмъ Германіи! Можетъ быть внутреннее состояніе общества болѣе мирно настроено. Увы! въ томъ же романѣ Толстого мы встрѣчаемъ противорѣчія этому на каждой страницѣ. Вотъ и извольте при этихъ данныхъ жизни лелѣять розовыя мечты, предаваться непонятнымъ восторгамъ радости, какъ это дѣлаетъ Нехлюдовъ.

— А по моему лучше безпричинно радоваться („непрестанно радуйтесь“, говоритъ ап. Павелъ), чѣмъ впадать въ уныніе и хандрить, чѣмъ пребывать въ томъ пессимистическомъ настроеніи, которое переживаетъ въ настоящее время интеллигентное общество, разнервничавшееся до крайней степени. Толстой, какъ художникъ, уже давно познакомилъ насъ съ этой странной болѣзнью, имя которой *унадохъ духа*. Болѣзнь эта тѣмъ особенно вредна, что она многихъ впечатлительныхъ личностей, утратившихъ вѣру, привела

къ самоубійству. Толстой и самъ когда-то былъ на пути къ самоубійству. Переживъ благополучно опасный для себя кризисъ и оглядываясь назадъ, онъ, конечно, не можетъ не жалѣть малодушныхъ людей; онъ глубоко скорбитъ о всемъ, такъ сказать, строѣ нашей мысли и дѣятельности. Къ тому-жъ послѣдняя, будучи не въ силахъ, какъ было выше замѣчено, облагодѣтельствовать человѣчество; путемъ разныхъ реформъ, путемъ экономического подъема, путемъ распространенія естественно-научныхъ знаній, какъ бы атрофировалась,—получилась извѣстная реакція, упадокъ духа. Толстой, какъ реформаторъ, указываетъ совершенно новые пути жизни, хотя ужъ извѣстные людямъ почти 2000 лѣтъ назадъ,—это возвратъ къ христіанству, исканіе правды Божіей прежде всего. Христіанство одно способно вдохнуть энергію въ разслабленную нашу мысль и нашу дѣятельность. Для Нехлюдова, какъ представителя извѣстнаго общества, то „воскресеніе“ тѣмъ болѣе должно быть знаменательнымъ событіемъ въ его жизни, что онъ прежде не вѣрилъ ни въ добро, ни въ правду, и вдругъ попалъ на слѣдъ истины—позналъ Бога. Въ немъ проснулся духовный человѣкъ съ присущими ему чисто духовными радостями, и Нехлюдовъ возрадовался, какъ приведенный въ Евангеліи купецъ, обрѣтшій драгоцѣнную жемчужину, которую отчаялся найти, какъ блудный сынъ, возвратившійся послѣ долгихъ мытарствъ порочной жизни подъ кровъ любящаго отца; онъ, наконецъ, возрадовался вообще, какъ всякій идейный человѣкъ, взлелѣявшій свою идею съ болью въ сердцѣ. Отсюда всѣ дѣйствія Нехлюдова сопровождаются чувствомъ какъ бы непрерывной радости.

— Много же, однако, вы приписываете Нехлюдову,—сказалъ Игнатій Ивановичъ,—но собственно нечему особенно радоваться, такъ какъ изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Нехлюдова, вполне заурядныхъ, не видать, чтобы онъ или Толстой, указали міру, какъ вы думаете, какіе-то новые пути жизни. Посмотримъ все же на эту дѣятельность, или какъ Толстой любитъ называть, „дѣло жизни“.

С. Бронницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

День въ раскольниковомъ скиту ¹⁾.

(Изъ монахъ путевыхъ воспоминаній).

II.

О. Паисій предложилъ мнѣ осмотрѣть „обитель“. Тотъ же послушникъ открылъ намъ дверь, которая изъ общей моленной вела налѣво въ другую келлію; здѣсь одни монахи отправляли вечернее правило, а другіе уже спали на койкахъ. Монахи въ этой келліи были почти всѣ—дряхлые старики, по слабости своей неспособные жить въ отходныхъ келліяхъ. Они-то, во время богослуженія, приходили молиться черезъ дверь, которою и мы вошли. Изъ этой комнаты о. Паисій съ тѣмъ же послушникомъ повелъ меня въ помѣщавшееся у восточной части моленной училище, „гдѣ же обучаются дѣти христіюбивыхъ и благоговѣйныхъ мужей изъ разныхъ весей: чтенію, пѣнію по крюкамъ, письму по церковнославянски и всякой древле-отеческой премудрости“.

Въ то время, когда мы вошли, извѣстный читателю начетчикъ о. Досіеѣй занимался съ двумя учениками. Увидѣвъ насъ, онъ всталъ и низко поклонился.

— Не обезсудьте на нашъ безпорядокъ! промолвилъ онъ. Убранство училища было не богато: въ переднемъ углу, на полкѣ, стояла икона настолько темная, что я никакъ не могъ разсмотрѣть ея лика, передъ ней висѣла фарфоровая лампадка; въ углу — битая изъ глины, небольшая печь, одинъ большой некрашенный столъ, нѣсколько табуретокъ и шкафъ съ книгами, въ кожаныхъ переплетахъ,—составляли всю обстановку, а висѣвшій въ заднемъ углу келліи чугунный рукомошникъ съ деревянной лаханью подъ нимъ довершали убранство этого „храма старообрядческихъ наукъ“. На столѣ лежали азбуки и псалтири Почаевского изданія, возлѣ которыхъ валялись длинныя деревянные указки, тутъ

¹⁾ „Миссіонер. Обзор.“, Мартъ. 361—371.

же разбросаны были въ безпорядкѣ какія-то тетрадки, писанныя учениками церковнославянскими буквами, и двѣ какой-то странной формы чернильницы, изъ которыхъ торчали гусиные перья ¹⁾).

Меня удивило то обстоятельство, что такъ поздно происходили занятія о. Досиеей съ учениками.

— Почему это, о. Досиеей, вы такъ поздно занимаетесь? спросилъ я его.

— А вотъ почему: это — лукавые и неключимые рабы, сирѣчь лѣнтяи,— при этомъ онъ показалъ рукою на сидѣвшихъ за столомъ за раскрытыми книгами мальчиковъ,— которые, по небреженію и лѣности своей (продолжалъ онъ), не возмogli изучить даннаго имъ урока, а посему они и сѣдятъ до позднія ноши, и азъ тщетно тружуся съ ними.

— Ну-ка, Теодоръ, прочти, обратился онъ къ одному изъ учениковъ, да смотри—благозвучнѣе и не борзяся, а то какъ разъ кума въ гости пожалуетъ!

— Какая кума? спросилъ я его.

— А вотъ кака! показалъ онъ на висѣвшую на крючкѣ двухвостку, сдѣланную изъ толстой сыромятной кожи.

— Для чего же это нужно?

— Какой же вы несвѣдущій, коли таковыхъ вещей не разумѣете! Смотрите! показалъ онъ пальцемъ на прибитую къ стѣнѣ бумажку, на которой крупными церковнославянскими буквами было написано: „Зачало премудрости страхъ Господень“... „Аще любиши сына, наказуй его жезломъ по часту, и рука, біющая его, да не ослабѣетъ“. Вотъ это и есть орудіе, снова показалъ онъ на плетъ, внушающее страхъ Господень.

Ученикъ, боясь, какъ бы „кума не пожаловала“, прокашлялся и медленно, нараспѣвъ, началъ читать 38 псаломъ въ Псалтири, водя указкой по словамъ: „Отъ всѣхъ беззаконій моихъ избави мя: поношеніе безумному далъ мя еси. Ослаби ми да почію“, дочитывалъ онъ псаломъ, „прежде даже не отыду“...

— Тыква! неожиданно вскричалъ о. Досиеей, мальчики

¹⁾ Старообрядческіе переписчики для списыванія книгъ обыкновенно употребляютъ гусиные перья, находя ихъ очень удобными и безгрѣшными, въ смыслѣ ихъ природной фабрикаціи.

оба вздрогнули, такъ что у нихъ и указки выпали изъ рукъ.

— Лжеши, самарійское отродье! Не смѣй по-никоіански читать: „не отъиду“, а читай по древнему преданію: „не отъиду“, при этомъ о. Досіеѣй на букву „и“ такъ и взвизгнулъ. Мальчикъ поправился и прочиталъ сквозь слезы: „Ослаби ми да почію, прежде даже не отъиду, и къ тому не буду“. Онъ еще прочиталъ какой-то псаломъ и, кончивъ его, остановился.

— Добре, Θεодоръ! Иди съ миромъ почивай,—видимо за него заступаясь, сказалъ ему о. Паисій. Мальчикъ, сдѣлавъ три земныхъ поклона сперва учителю, а потомъ столько же о. Паисію, вышелъ изъ келліи.

— А эфтотъ каково занимается? спросилъ о. Паисій, показывая на мальчика, который остался въ школѣ и сидѣлъ за раскрытой книгой.

— Зла злѣйшее, прости, отче, Христа-ради! Этотъ „угланъ“ въ ученіи и чтеніи зѣло косноязыченъ... А ну-ка, мытаревъ сынъ, прочти хоть по складамъ свой урокъ! приказалъ ему о. Досіеѣй. Мальчикъ тотчасъ же началъ:

— „Глаголь—слово—добро—ердь, *Господь*, покой—рцы—онъ—ро, *про*; слово—вѣди—ять—*свѣ*; просвѣ; ща—есть—*ше*, просвѣще, нашъ—иже—ніе, *просвѣщеніе*, мыслете—онъ—мо—е, *мое*, и—слово—покой—слово—иже—си, и спаси, твердо—есть—те, и спасите, люди—ерль, *и спаситель*, мыслете—онъ—мой, *мой*; како—онъ—ко, глаголь—онъ—го, кого, слово—я—ся, *когося*, у буки—онъ—бо,—ю, *убою*...

— А прочти-ка по верхамъ! приказалъ вторично мальчику о. Досіеѣй.

— Господь... просвѣщеніе... мое и спаситель мой кого...ся „убою“.

— Кого ты убьешь? Читай: „убою!“ поправилъ его учитель.—Ну, читай дальше, „невѣгласъ!“

— Господь зашу... заши... зашу... путался ученикъ, не зная, какъ выговорить трудное для него слово и тряся, какъ въ лихорадкѣ, боясь „кумы“, которая висѣла прямо передъ его глазами на крючкѣ.

— Дуракъ!! прогремѣлъ о. Досіеѣй, но за плетку взятыся, какъ видно было, постѣснился меня.

— Тыква!. Сирѣчь глупая голова, перевелъ онъ, нако-

нець, непонятное для меня слово. Читай: Господь защититель животу моему...

— Наказаніе мнѣ съ нимъ, обратился учитель къ о. игумену, который все время сидѣлъ у стола, перебирая лѣстовку, словно бѣсъ лютый обуялъ имъ.

— Надо завтра Евангеліе прочитатъ надъ нимъ, авось нечистая сила его и оставитъ,—сказалъ о. Паисій. Да и Михайло Максимычъ посмотритъ на это. Вѣдь ты не видалъ, какъ это дѣлають? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ не видалъ,—отвѣчалъ я.

— Да гдѣ вамъ видать въ вашемъ Вавилонѣ! ¹⁾ Нешто ваши попы знаютъ, какъ изгнать бѣса нечистаго!—Гдѣ имъ! пренебрежительно воскликнулъ онъ и при этомъ такъ заносчиво посмотрѣлъ на меня, что по одному его взгляду можно было подумать, что о. Паисій уже не съ первымъ бѣсомъ имѣетъ дѣло и что онъ такъ же легко можетъ выгнать бѣса изъ человѣка, какъ кухарка изъ кухни блудливую кошку, за хвостъ да и на морозъ: ступай, моль, провѣтрись.

— А что, „отчинька“, ²⁾ читатъ мнѣ или ужъ довольно? обратился къ своему учителю мальчикъ. О. Досиѣей, какъ бы не слыша мальчика, съ важностью молчалъ.

— Отпусти его, отче! сказалъ о. Паисій.—Ему надо завтра пораньше встатъ да помолитъся, чтобы приготовитъ къ слушанію св. Евангелія.

— Добре! Ступай, юнецъ, почій! сказалъ о. Досиѣей. Мальчикъ очень истово помолился на образъ и сдѣлавши, какъ и Теодоръ, тому и другому старцу по три земныхъ поклона, повернулся къ двери.

— Стой! закричалъ на него о. Досиѣей.—Куда повернулся? Къ бѣсу! Изъ тебя хотятъ изгонять его, а ты самъ къ нему поворачиваешься! Иди и „вставай на поклоны!“ Возьми лѣстовку, да во славу Божію откланяйся „четыредесять“ ³⁾ поклоновъ.

¹⁾ Раскольники — монахи живущихъ въ міру называютъ „вавилонянами“, а самый міръ „Вавилономъ“, утверждая, что въ этомъ именно Вавилонѣ въ настоящее время и царствуетъ антихристъ. Не смотря на это, они отъ христіюбцевъ—взвильонянъ принимаютъ милостыню въ видѣ кредитныхъ билетовъ, крупчатки, изюму, меду, масла, штуками ситца, сукна и т. п. предметовъ домашняго обихода.

²⁾ Ласкательное слово „отче“.

³⁾ Сорокъ.

Мальчикъ послушно всталъ предъ образомъ, положилъ передъ собой подручникъ и со слезами на глазахъ началъ неторопливо откланивать поклонъ за поклономъ, а чтобы онъ не обманулъ и вмѣсто сорока не откланялся бы тридцать, для этой цѣли о. Досиѣей сѣлъ на табуретъ и по своей лѣстовкѣ самъ повѣрялъ число поклоновъ.

— Чередомъ клади на себѣ крестное знаменіе! — Не жалѣй своихъ,—постукивай... ¹⁾ А то смотри, хоть и зла „кума“, но она дастъ ума! начитывалъ провинившемуся мальчику о. Досиѣей.

Я никакъ не могъ понять, какъ этотъ мальчикъ могъ повернуться къ бѣсу и, не желая помѣшать производившему контроль надъ поклонами о. Досиѣю, а потому и обратился съ вопросомъ къ о. игумену.

— Скажите, пожалуйста, о. Паисій, за что же на этого мальчика о. Досиѣей наложилъ епитимію?

— Никакихъ же вы христіанскихъ порядковъ не знаете! упрекнулъ меня о. игумень. — Никола, уходя отселева, повернулся на лѣвую руку, а на лѣвой, извѣстно, бѣсъ сидитъ, а на правой ангелъ. За это его и заставили помолиться, а ежели не учить ихъ христіанскому житію, что изъ нихъ выйдетъ?!—Онодысь пріѣхалъ къ намъ его отецъ, богатыющій человекъ и шибко богобоязненный, привезъ даже бадейку меду въ обитель для братіи, спаси его Христосъ! Поклонился этакъ мнѣ въ ноги, батюшка, говоритъ, о. Паисій, научите вы, говоритъ, моего Николку уму-разуму, да страху Божьему, да пуще всего чтенію, у насъ, говоритъ, наставникъ нашъ Иванъ Семенычъ ничего не умѣетъ читать—прости Христа-ради! Найдеть ему „головщикъ“ Евангеліе, чтобы онъ заранѣе вытвердилъ; ужъ онъ твердитъ—твердитъ и то путемъ прочитать не умѣетъ. „Головщикъ“ подскажетъ, когда кончитъ Евангеліе,—кончитъ, а не подскажетъ, такъ онъ и до доски прочитаетъ.—Одно слово—безтолковый! Племянника я, говоритъ, недавно женилъ, вѣнчалъ Иванъ Семенычъ. Въ часовню-то много понабралось

¹⁾ У старообрядца, который усердно постукиваетъ пальцами во время моленія по плечамъ и по животу, т. е. не жалѣетъ своей плоти, сначала образуются масляныя пятна, а черезъ годъ, много черезъ два, на тѣхъ мѣстахъ подрясника образуются дыры.

народа-то, „антиресно“ вѣдь „каждому“ посмотрѣть на богатую „свальбу“; тутъ и никоньяне должно были. Началь онъ читать Евангеліе, да такъ-то громогласно! Надо полагать, себя показать передъ никоньянами захотѣлъ, что де не все одни попы да дьякона бываютъ громогласны, думалъ онъ, а мы хотя молъ и мужики, но тоже не лыкомъ шиты и въ грязь лицомъ не ударимъ. „Бысть бракъ“, загремѣлъ онъ, тутъ надо сказать: „въ Канѣ“, а онъ сдуру-то да и брякни: „въ банѣ“, а народъ, извѣстно, дикой! Ну, прыскать да смѣяться во всѣхъ углахъ. Поговорилъ я ему опосля-то: не совался бы, ты, говорю, Иванъ Семенычъ, со своей шубой грамотой-то, лучше бы было,—право!

— Прости, говорить, Христа-ради, не разглядѣлъ! Буква то „како“, вишь на „буки“ то ужъ очинно смахиваетъ, а очки то я, говорить, у себя дома на „божничкѣ“ забылъ.

А что очки? Отговорка одна! Хоть десятокъ навѣсь ему, говорить, на носъ-то, все равно не лучше прочитаетъ—знаемъ! Поговорилъ я ему порядкомъ, а смѣху-то не убавилось: отъ никоніанъ-то намъ срамъ одинъ! А чтобы этого не было, отецъ-то Досіеей и старается просвѣтить ихъ свѣтомъ ученія, спаси его Господи и помилуй, проговорилъ о. Паисій и при этомъ набожно посмотрѣлъ на стоявшій въ углу образъ.—Правда, онъ строгонекъ маленько, да что подѣлаешь, на то и въ Писаніи сказано: „Зачало премудрости страхъ Господень“.

Пока мы разговаривали, сопровождавшій насъ послушникъ приготовилъ для меня постель, состоящую изъ кошмы, обшитой бѣлымъ холстомъ и подушки съ какой-то неопредѣленного цвѣта ситцевой наволочкой.

Поговоривши кое объ чемъ житейскомъ, о. Паисій предложилъ мнѣ на завтрашній день сѣздить къ „матушкамъ“ въ скитъ, который находился всего въ двухъ верстахъ отъ мужского, но я отклонилъ его предложеніе, ссылаясь на оставленныхъ стада барановъ и недостатокъ для нихъ корма. О. Паисій, пожелавъ намъ спокойной ночи, ушелъ вмѣстѣ съ послушникомъ; о. Досіеей занялся чтеніемъ, а я, утомленный, скоро заснулъ.

Спать я довольно крѣпко, но меня разбудилъ какой-то необыкновенный звукъ, похожій на то, какъ будто ломали что-то. Мнѣ пришло въ голову, ужъ не ворота ли у конюшни

какіе-нибудь бродяги разбиваютъ, чтобы увести скитскихъ и нашихъ лошадей. Вскочивъ съ постели, поспѣшно одѣвшись, я вышелъ изъ училища, направляясь къ западной сторонѣ молебни, откуда происходили эти необыкновенные звуки. Скоро мнѣ представилась слѣдующая картина: на двухъ столбахъ съ перекладиной висѣла на веревкѣ, судя по звуку, хорошо просушенная деревянная доска, аршина полтора длиною и вершковъ десяти шириною. Какой-то монахъ, съ зажженнымъ пучкомъ лучины въ зубахъ, со всего плеча, и совсѣмъ усердіемъ, молотилъ дубиной по этой доскѣ; отъ этихъ ударовъ, казалось, весь лѣсъ трещалъ, но „звонарь“ не унимался. Когда я увидѣлъ эту импровизированную колокольную, опасеніе мое за кражу лошадей само собою разсѣялось.

Монахи, услышавъ призывъ къ молитвѣ, шли одинъ за другимъ въ молебню: одни—съ лучиной, а другіе—ощупью. Сонъ мой былъ уже нарушенъ, и я, движимый любопытствомъ, вошелъ въ молебню, въ которой горѣло всего три лампадки, отчего повсюду царилъ полумракъ. Монахи, спавшіе въ молебнѣ ¹⁾, вставали: первые изъ нихъ умывались, другіе одѣвались, а нѣкоторые уже клали „началь“, такъ что о. игуменъ едва успѣвалъ каждому сказать: „Богъ проститъ, Богъ благословитъ“.

Когда братія были всѣ готовы, о. Паисій произнесъ:

— Извольте класть началь!

По окончаніи коего, онъ, обернувшись лицомъ къ братіи, сказалъ:

— „Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Простите мя отцы святіи и братія!“

— „Аминь, Богъ проститъ, отче святыи!“ отвѣчала вся братія въ одинъ голосъ.

— Господи Исусе Христе. Сыне Божій, помилуй насъ. Благословите!

¹⁾ Раскольники не находятъ предосудительнымъ спать въ молитвенныхъ домахъ и цѣлыми повалками иногда въ ночь на большіе праздники спать у самыхъ иконъ. Въ одномъ селѣ грамотный старообрядецъ, недовольный этимъ небрежнымъ обычаемъ, однажды сказалъ мнѣ: хотъ бы и не было показано въ уставѣ утромъ кадить св. иконы, все равно необходимо надо покадить потому, что наши молебники спать, какъ свиньи: хотъ топоръ съ топорщикомъ повѣсь,—не безпокойся, не упадетъ.

— Аминь, Богъ благословить, отче святыи!

При этомъ и братія кланялись игумену съ тѣми же словами. Послѣ этого о. игумень, сдѣлавъ передъ иконами три поясныхъ поклона, провозгласилъ:

— „Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Благослови, о. Мельхиседекъ, замолитвовать!“

— Аминь, Богъ благословить, отче святыи!

— „Замолитвъ святыхъ отецъ нашихъ“, и проч., а пока о. игумень замолитвовать, одинъ старичекъ-монахъ, взявъ подручникъ съ той же молитвой „Исусовой“, поклонился въ ноги о. игумену:

— Благослови, отче святыи, прочести полунощницу!

— Аминь, Богъ благословить, отче, потрудиcь Христа ради во славу Божію! чуть слышно проговорилъ послѣднія слова о. Паисій.

Голосъ чтеца плавно и четко раздавался въ мрачной молельнѣ: онъ прочиталъ все, что полагалось по уставу, а также и 17-ю каѳисму цѣликомъ, но къ аналою не подходилъ и книги не открывалъ; оказалось, что этотъ монахъ былъ совершенно неграмотный, не знавшій, какъ говорится, „аза—въ глаза“, но онъ довольно порядочно читалъ, почти всегда вѣрно дѣлалъ ударенія и останавливался на точкахъ; онъ жилъ въ скитахъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, наизусть зналъ все старообрядческое пѣніе и числился въ „обители“ не послѣдней спицей въ колесницѣ, а въ страдную или въ другую рабочую пору, когда другіе грамотные монахи были на работахъ, былъ просто незамѣнимымъ помощникомъ въ моленіи о. Паисію.

Когда была окончена полунощница, о. игумень съ тѣми же благословеніями, молитвами и замолитвами началъ служить утреню. Зажгли свѣчи и лампы. Экса—псалмы ¹⁾ читалъ самъ о. игумень, которое и прочиталъ безукорѣзненно. Я уже послѣ узнать, что у старообрядцевъ шестопсалміе всегда читаютъ сами настоятели.

Пропѣли „Богъ Господь“ и начали читать каѳисмы. Когда чтецъ дочитывалъ послѣднюю славу послѣдней каѳисмы, о. Ефремъ (онъ былъ въ санѣ подъигумена) испросилъ у о. Паисія благословеніе „кадильницу раздуть“.

¹⁾ Шестопсалміе.

Нужно замѣтить, что старообрядцы, когда кадятъ иконы, держать кадильницу не просто въ рукѣ, какъ попало, а въ „крестѣ“, какъ они говорятъ. Представьте себѣ, что о. Ефремъ сложилъ персты (двухперстнымъ сложеніемъ) какъ бы для изображенія на себѣ крестнаго знаменія: въ трехъ перстахъ, большомъ, безыменномъ и мизинцѣ онъ держалъ самый конецъ ручки, а указательнымъ и среднимъ поддерживалъ ручку снизу и такимъ образомъ выходило, что онъ дѣйствительно держалъ кадильницу въ двухперстномъ сложеніи.

Когда о. игуменъ запѣлъ „Хвалите имя Господне“, о. Ефремъ, вставши на срединѣ молельни, сдѣлалъ передъ Распятіемъ три поясныхъ поклона и испросилъ у игумена благословеніе „иконы покадить“. Онъ прежде всего покадилъ Распятіе, передъ которымъ клалъ поклоны, а потомъ сталъ кадить и другія иконы. Покончивши съ кажденіемъ иконъ, онъ зашелъ и на кухню, гдѣ покадилъ квашню, какъ видно поджидавшую его и уже стоявшую раскрытой, горшки, припасы и овощи, принесенныя для приготовленія на кухню, не забылъ также покадить и въ печь, въ которой въ то время горѣли сухія березовыя дрова. Когда онъ вышелъ изъ кухни, „отцы и братія“ стояли уже съ разстегнутыми рясами ¹⁾, подрясниками и даже рубашками. Приготовившись, такимъ образомъ, они держали въ рукахъ тѣльные кресты, преимущественно кипарисовые, оправленные мѣдью или оловомъ, величиною отъ одного до двухъ вершковъ. Импровизированный дьяконъ, какъ и слѣдовало ожидать, покадилъ крестъ прежде у о. настоятеля, а потомъ у монаховъ и послушниковъ. Дошла, наконецъ, очередь до старичка—монаха, который сидѣлъ въ креслѣ, имъ самимъ устроенномъ и, навалившись на печку, крѣпко спалъ. Подошедши къ нему, о. Ефремъ очень неделикатно дернулъ старца за „каптырь“ и закричалъ ему въ самое ухо:

— О. Иринархъ! Крестъ покадить!

О. Иринархъ, не разслышавъ, какъ слѣдуетъ, для какой дѣли его будятъ, и, не вставая съ кресла, началъ спросонья спѣшно класть поясные поклоны.

¹⁾ У раскольниковъ—монаховъ ряса застегивается на 12 пуговицъ, по числу якобы 12-ти апостоловъ; откуда они это взяли,—я не могъ узнать.

— Эва, принялся молиться, когда не требуется!—Крестъ добывай, тебѣ говорятъ! закричалъ на него о. Ефремъ, не обращая вниманія на происходившее богослуженіе. Понялъ, наконецъ, должно быть, о. Иринархъ, для чего его разбудили, забормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, не торопясь, началъ заскоружлыми руками разстегивать свою рясу, чтобы достать для кажденія свой громадный кипарисовый крестъ.

— Охти—миѣ грѣшному! воскликнулъ о. Ефремъ.—Скамейка у тебя была, такъ ты падалъ съ нея, неудобно, вишь, тебѣ спать-то было, а теперь на-ко пойди! Креслы устроилъ, чтобы за службой спать; какъ „янаралъ“ какой развалится, да и храпить на весь „храмъ Божій“! Неча сказать, „улеботворилъ“ сонному бѣсу; это ему, окаянному, чай по губѣ!

Покончивъ съ кажденіемъ креста у „янарала“, онъ отошелъ отъ него на лѣвый клиросъ, чтобы поставить кадильницу на прежнее мѣсто.

— Ты, дяденька, навѣрно, не знаешь, кто такой сонный бѣсъ? спросилъ меня мальчикъ лѣтъ 15-ти, одѣтый въ черный подрясникъ, старшій и лучшій изъ учениковъ о. Досиѣея, пѣвецъ и будущій поборникъ „древняго“ благочестія.

— Нѣтъ, не знаю! Объясни пожалуйста!

— А объ этомъ въ Патерикѣ писано, понизивъ свой голосъ до таинственного шепота началъ повѣствовать мальчикъ: тамъ говорится, что одинъ святой и прозорливый старецъ молился въ церкви и видѣлъ, что бѣсъ ходилъ между братіей со стклянкой и перышкомъ, помазывая очинюкамъ, отчего тѣ предавались сну и уже не слушали церковнаго пѣнія и чтенія. Вотъ этотъ бѣсъ и о. Иринарху мажетъ очи, чтобы онъ крѣпче спалъ, до того вѣдь онъ—окаанный усыпить его проклятымъ своимъ снадобьемъ, что у него и слюна выйдетъ на мантию—ей-ей! А въ носу то у него сопить, яко кимвалы доброголасны! хихикнулъ мальчикъ въ кулакъ, видимо довольный своей остротой, отошелъ отъ меня и мимоходомъ дернулъ за бороду успѣвшаго уже уснуть о. Иринарха.

Мальчикъ этотъ жилъ въ скиту уже 7 лѣтъ, звали его Иоанномъ, но сверстники, его соученики, забывая церковно-славянскій выговоръ, котораго такъ строго придерживался ихъ учитель о. Досиѣей, часто, по деревенской привычкѣ, называли его Ивакомъ и даже Ванькой, за что и получали

отъ строгаго ментора удары двухвостки, или же подвергались епитиміи отъ 40 до 100 земныхъ поклоновъ.

Служба шла обычнымъ порядкомъ. Грамотныхъ монаховъ и послушниковъ было достаточно, а потому чтецы часто смѣнялись одинъ за другимъ. Каждый разъ тотъ, которому приходилось читать, бралъ „подручникъ“, кланялся въ ноги о. игумену и испрашивалъ благословія „прочести“. О. Паисій всегда неизмѣнно отвѣчалъ монахамъ: Аминь, Богъ благословить, „брате“, а послушникамъ: „чадо“. Когда, напри- мѣръ, читали каноны на утренѣ, то послѣ каждого ирмоса читалъ новый чтецъ, и всѣ они довольно сносно читали, а если который ошибался, тогда о. Досіеѣй безъ церемоніи громко замѣчалъ.

Тотъ самый мальчикъ Іоаннъ, который рассказывалъ мнѣ про соннаго бѣса, благословившись, началъ читать: „Хвалите Господа съ небесъ“.

Первый часъ читалъ о. Мельхиседекъ.

— Позовите-ка о. Евфросина! приказалъ о. игумень. О. Евфросинъ, старшій поваръ, немедленно предсталъ передъ о. Паисіемъ.

— Вотъ что, брате Евфросине, громко началъ говорить о. настоятель, — ты сегодня рыбки-то свари получше, да манной каши не забудь сварить, да смотри, пироги пропекай, какъ слѣдуетъ, а то ты „обнаковенно“ всегда её засушишь, какъ на сухари. Гость-то у насъ, самъ знаешь, небывалый.

— Добре, отвѣчалъ ему о. Евфросинъ.

— Ступай, Богъ благословить. А самъ началъ читать молитву по окончаніи перваго часа:

„Христе, Свѣте истинный, иже просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ... Нашимъ рыбакамъ теперь должно не до рыбы, прервавъ чтеніе, посяматривая въ окно, промолвилъ о. Паисій. Да знаменается на насъ свѣтъ лица твоего, Господи... Вишь, дождь какой пошелъ! Яко да въ немъ ходяще узримъ свѣтъ... Если бы балаганъ-то былъ, такъ хорошо бы имъ было; сожечь какой-то негодяй! Неизреченныя твоя славы, яко благословенъ еси и т. д.“

Когда окончили первый часъ, о. Ефремъ громогласно провозгласилъ:

— „Спаси, Господи, и помилуй раба своего черноризца“

Паисія о Христвъ съ братію!“ (поклонъ). Братія всѣ въ одинъ голосъ речитативомъ начали читать:

— „Избави его, Господи, отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, отъ всякія болѣзни душевныя и тѣлесныя (поклонъ), и прости ему всякое согрѣшеніе (поклонъ) вольное и невольное (поклонъ), и насъ помилуй милости твоея ради, яко благо и человѣколюбецъ (поклонъ) ¹⁾“.

Игуменъ, обратившись лицомъ къ братіи, приложилъ руки къ сердцу и сдѣлалъ имъ поясной поклонъ съ словами:

— „Спаси васъ, Господи, и помилуй!“

Послѣ этого уже самъ игуменъ началъ всѣхъ поминать по имени. Когда братія говоритъ этотъ стихъ „Избави его Господи“, лицо, за кого молятся, кланяется съ ними вмѣстѣ и шепчетъ про себя: „Услыши, Господи, молитву рабъ своихъ молящихся Тебѣ“, послѣ окончанія сказаннаго стиха, беретъ „подручникъ“ и кланяется въ ноги игумену, говоря:

— Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Богъ спасетъ, отче свѣтый, на святой молитвѣ,—а также и братія кланяется.

— А Митрея Филимоныча, отче, забылъ помянуть? Онъ недавно намъ елею прислалъ, спаси его Господи! сказалъ молодой монашекъ, исправлявшій должность помощника „головщика“.

— Ой! простите Христа-ради! Забылъ, грѣшный я человѣкъ, нашего благодѣтеля! какъ бы извиняясь, воскликнулъ о. игуменъ.

За то, что забыли за него помолиться, или ужъ онъ осо-

¹⁾ Моленіе о здравіи благотворителей и всѣхъ своихъ собратій въ старообрядческихъ скитахъ производится: 1) по окончаніи вечерни, 2) послѣ ужина, 3) по окончаніи повечерницы, 4) на слѣдующее утро послѣ чтенія перваго часа, 5) по окончаніи молебна (молебны они служатъ ежедневно и по нѣскольку въ разъ) и 6) послѣ обѣда. Это заздравный стихъ, съ пятью поклонами, общепринятый у всѣхъ старообрядцевъ, къ какому бы толку они ни принадлежали. Они считаютъ обязанностью помолиться за каждое присутствующее въ молебнѣ лицо, если-бы молящихся было и громадное количество. Молятся они также и за неприсутствующихъ за службой, но лишь за тѣхъ, которые у скитанъ заслуживаютъ чѣмъ-либо особаго уваженія: родствомъ, заступничествомъ передъ полиціей, богатыми подаяніями и т. п. хорошими качествами.

бенный былъ щедрый жертвователь, который обыкновенно ежегодно елѣю по 4 пуда и свѣчъ восковыхъ по 3 пуда жертвовалъ въ „обитель“, за него вмѣсто одного „стишка“, прочитали три. Эта честь выпадаетъ на долю только однимъ именинникамъ.

Независимо отъ заздравныхъ стиховъ, молятся они и за упокой. Заупокойный стихъ начинается слѣдующими словами:

— Покой, Господи, душу усопшаго раба своего (имя-рекъ) (поклонъ). Братія въ одинъ голосъ читаютъ (тѣмъ же речитативомъ, какъ и заздравный стихъ):

— „Елика въ житіи семь яко человекъ согрѣши, ты же яко человекъколюбецъ Богъ прости его и помилуй (поклонъ), и вѣчныя муки избави (поклонъ), небесному царствію причастника учини (поклонъ) и душамъ нашимъ полезное сотвори“ (поклонъ).

Кланяться и благодарить за молитву считается у нихъ обязательнымъ, а потому вмѣсто умершаго кланяется его родственникъ или знакомый.

Когда совершенно было заздравное и заупокойное моленіе, вся братія въ одинъ голосъ съ игуменомъ во главѣ начали читать: „Богородице Дѣво радуйся“ и послѣ каждого тропаря поясной поклонъ (въ посты земной), прочитавъ „Богородице Дѣво радуйся“ 10 разъ, а въ 11—й „Отче нашъ“, тоже съ поклономъ. Такимъ образомъ, 50 разъ прочитаютъ „Богородицу“ и 5 разъ „Отче нашъ“ ¹⁾, а чтобы не смѣшаться въ счету, для этой цѣли у каждого монаха и послушника есть специальная лѣстовка, называемая „богородичною“. Шитьемъ лѣстовокъ занимаются въ „женской обители матушки“. Для стариковъ „ступеньки“ на лѣстовкѣ дѣлаются болѣе крупными, чѣмъ у молодыхъ, въ виду того, что у старыхъ людей не такъ уже чувствительны руки къ осязанію, и вмѣсто одной „ступеньки“ другой старикъ пожалуй начнетъ отмахивать сразу по 2 да по 3 штуки.

Не отдыхая нисколько, „отцы“ начали служить часы. Послѣ псалма „Благослови душе моя Господа“, о. Досиѣей, благословившись, вышелъ на средину молельни читать апостолъ. Когда онъ читалъ, мнѣ показалось, что онъ свой носъ

¹⁾ Это моленіе Пресв. Богородицѣ совершается у нихъ ежедневно

ватою заткнулъ, до того онъ старался гнусить, видимо находя въ этомъ какую-то особенную прелесть и удовольствіе.

Послѣ прочтенія апостола, о. игумень вышелъ на средину келліи, гдѣ на особомъ аналоѣ лежало Евангеліе. Во время пѣнія „Слава тебѣ Господи“, онъ поклонился о. Ефрему въ ноги съ молитвой Иисусовой, говоря:

— Благослови, отче святыи, „прочести“ Евангеліе на изгнаніе духа нечистаго, гнѣздящагося въ рабѣ Божиѣмъ Николѣ!

— Аминь, Богъ благословить, молитвами евангелиста Луки, отче святыи! отвѣтствовалъ о. Ефремъ.

О. игумень очень осторожно снялъ съ Евангелія покрывавшій его шелковый платокъ и еще осторожнѣе началъ развертывать его, такъ какъ кромѣ покрывала оно было завернуто еще въ голубой шелковый же платокъ. Евангеліе было въ бархатномъ переплетѣ, изданіе Филарета Патріарха, совершенно чистое и почти какъ новое.

О. Досіеѣй махнулъ рукой своему ученику, который, по ихъ мнѣнію, былъ одержимъ лютымъ бѣсомъ. Мальчикъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему страшно было отъ того сознанія, что онъ, по словамъ такихъ популярныхъ старцевъ, коимъ нельзя не повѣрить, имѣетъ въ себѣ бѣса, а потому онъ и былъ такъ разстроенъ и взволнованъ. Когда онъ склонился у аналоя, какъ бы изображая собою живой аналой, зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ. О. игумень, взявъ Евангеліе, положилъ его на спину мальчика и началъ читать медленно, а мальчикъ такъ дрожалъ, что лежавшее на его спинѣ Евангеліе, такъ и прыгало, несмотря на всѣ усилія о. игумена удержать оное. Отъ сильнаго дрожанія мальчика онъ съ трудомъ могъ разбирать слова, несмотря на крупную печать въ Евангеліи.

— Вишь, нечистая сила! Евангеліе-то должно быть не въ силамъ тяжело супостату. Нѣтъ, губитель, сколько ни крѣпись, а супротивъ о. Паисія тебѣ не устоять! Вражеская сила! злобно острилъ, по адресу бѣса, сидѣвшаго въ мальчикѣ, какой-то старичокъ, твердо вѣрившій, что де если уже о. Паисій взялся выживать врага рода человѣческаго, то противъ его не только какой-нибудь тамъ маленькій бѣсишка, а самъ сатана и тотъ спасовалъ бы.

Евангеліе, наконецъ, было прочитано. Мальчикъ выпря-

мился весь въ слезахъ и блѣдный, какъ скатерть, стоялъ, нервно перебирая лѣстовку. О. Паисій приказалъ ему поцѣловать ту строку въ Евангеліи, гдѣ кончалось прочитанное зачало. Мальчикъ, перекрестившись, поцѣловалъ, затѣмъ дрожа и шатаясь, отошелъ отъ аналоя въ сторону.

Во время пѣнія шестой пѣсни молебновъ послышался за дверями мужской голосъ, говорившій молитву Іисусову.

— Кто-то „молитствуется!“ зашептали монахи между собою—и одинъ изъ нихъ такъ же, какъ и намъ вчера, отворивъ дверь, сказалъ:

— Аминь, святой молитвѣ!

Въ келлію вошелъ какой-то крестьянинъ, помолился на иконы три поклона и всталъ, какъ вкопанный. О. Паисій, увидѣвъ его, подошелъ къ нему.

— А! Данило Тимофейчъ! Милости просимъ! Крестьянинъ, какъ и мой Терентій, началъ ему класть въ ноги три земныхъ поклона.

— Прощенье бы мнѣ прочитатъ надо, отче! сказалъ онъ.

— Только на тебѣ одѣжа-то не христіанская, промолвилъ о. Паисій, оглядывая крестьянина съ ногъ до головы. — Сними „спинжакъ“ то свой басурманскій, вѣдь ихъ нѣмцы носятъ, нѣмецкая эта одѣжа. По настоящему-то въ ней не полагается къ намъ и ходить-то даже.

— Да я коней пошелъ искать, мы тутъ на „Липовой“ дорогѣ уголь жгемъ, да я и не думалъ, что къ вамъ дойду, такъ невзначай пришлось побывать, оправдывался мужикъ, которому видимо очень хотѣлось прочитатъ у о. Паисія прощенье и очистить себя отъ грѣховъ и „заміръщенія“ хоть сколько-нибудь.

— О. Герасимъ! обратился онъ къ одному среднихъ лѣтъ хромому монаху.—Нѣтъ-ли у тебя какого кафтанишка? Дай, Бога ради, мнѣ только прощенье прочитатъ! Въ „спинжакъ“ то грѣшно, сказываетъ о. Паисій.

— Кафтана-то нѣту, а ряса есть: она у меня въ своей келліи, нешто тебѣ долгонька развѣ будетъ?

— Ничего, какъ-нибудь ладно! успокоилъ его жаждавшій искупленія грѣховъ крестьянинъ.

— Ну, такъ я, Данилушка, сбѣгаю за ней, и о. Герасимъ заковылялъ, выходя изъ молельни, желая угодить знакомому

человѣку; онъ скоро сходилъ къ себѣ въ „отходную“ келлію, неся въ рукахъ старенькую черную рясу.

— Вотъ, Богъ благословить, родимый, надѣвай, подавая рясу крестьянину, промолвилъ о. Герасимъ. — „Бытто“ настоящій „изъ пустыни старецъ“, шутилъ простодушный монахъ.

Крестьянинъ надѣлъ рясу, которая волочилась по полу на цѣлую четверть. Ребята, увидѣвъ комичнаго новаго монаха, прыснули со смѣху, но о. Досіеѣй, покосившись на шалуновъ, погрозилъ имъ своей громадной лѣстовкой, согнутой вдвое. Крестьянину прочитано было такое же прощенье съ молитвами и поклонами, какъ и вчера Терентію. О. Паисій велѣлъ ему дожидаться обѣда.

— „Спинжакъ-то“ вынеси въ сѣни; не подобаешь ему здѣсь быть! строго сказалъ о. Паисій.

Крестьянинъ безропотно исполнилъ приказаніе о. игумена и, заметая пыль подоломъ своей рясы, вышелъ въ сѣни, чтобы повѣсить тамъ негодную въ скиту „нѣмецкую одежду“.

Служба затянулась до половины девятаго. Я, желая провѣрить свои часы съ скитскими, посмотрѣлъ на висѣвшіе на заборкѣ старинные часы въ корпусѣ; они показывали половину четвертаго. Я удивился, что такъ врутъ они. Отъ наблюдательнаго взора о. Досіеѣя не скрылось мое удивленіе по поводу разницы въ часахъ и, когда кончилось богослуженіе, онъ подошелъ ко мнѣ съ книгою въ рукахъ.

— Я замѣтилъ, началъ онъ говорить чисто по-русски, — что вы удивились, видя разницу вашихъ часовъ съ нашими. У насъ они идутъ совершенно вѣрно: ваши часы идутъ по уставу Петра Великаго, а наши по уставу св. отцовъ. Которые вѣрнѣй? — Скажите! Не дожидаясь отвѣта, онъ раскрылъ книгу, въ которой читалъ: „Во осьмой часъ ночи параклесіархъ ¹⁾ клеппетъ въ великое било, еже собиратися братіи и начати утрення.“ Развѣ бываетъ въ восьмой часъ ночь по вашимъ часамъ? Бываетъ утро или вечеръ, и что бы вышло, еслибы мы начали по вашимъ часамъ служить въ восьмой часъ утреню?! Она у насъ продолжается восемь часовъ; слѣдовательно, мы бы окончили

¹⁾ Звонарь.

ее въ три часа дня. При этомъ начетчикъ расхохотался, обнаживъ свои испорченные зубы. — Теперь поймите, продолжалъ онъ, что во времена до-петровскія ровно въ полночь было шесть часовъ и ровно въ полдень шесть, а потому и разница во времени въ шести часахъ. Мы же, во всемъ послѣдую древнеотеческому законоположенію и преданію св. отцовъ, и этого не смѣемъ нарушить, потому и заводимъ свои часы по установленному чину, не согласуясь съ временемъ „антихристовымъ“. Такъ-то, Михайло Максимычъ! — и при этомъ о. Досіеѣй тряхнулъ своей кудластой головой и, повернувшись, пошелъ отъ меня, чтобы положить на мѣсто книгу.

Я подозвалъ къ себѣ Терентія и сказалъ ему, что нужно ѣхать къ стаду. Ему видимо не хотѣлось уѣзжать отъ „старичковъ“, а поэтому онъ ничего на это мнѣ и не отвѣтилъ, а только лѣнливо чесалъ за ухомъ. О. Паисій, услыжавъ, что я собираюсь ѣхать, подошелъ ко мнѣ и громко запротестовалъ:

— Что вы, Михайло Максимычъ, трудились — трудились, стояли всю службу, да голодомъ отъ насъ и поѣдете? — Нѣтъ, мы безъ обѣда васъ не отпустимъ, да и лошадей вашихъ вамъ не отдадимъ, усмѣхнулся онъ, а вотъ пока на столы накрываютъ, такъ лучше идите-ка послушайте нашего слѣпца, время-то за бесѣдой и пройдетъ для васъ незамѣтно. Слепой тутъ же сидѣлъ въ молельнѣ, рядомъ съ о. Иринархомъ, одержимымъ соннымъ бѣсомъ, ворочая бѣльмами своихъ безжизненныхъ глазъ. Одѣтъ онъ былъ въ черную рясу. Верхушка его головы была гладко выстрижена, а лицо его все изрыто было оспой, отъ которой онъ еще въ дѣтствѣ потерялъ зрѣніе.

— Потрудись, брате Ларіонъ, повѣждь намъ Господа ради о послѣднемъ времени и соблазнахъ антихристовыхъ! обратился къ слѣпому о. Паисій, а потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ на ухо такъ громко, что слѣпой не могъ не слышать: воистину сладкоглаголивъ, а наипаче и памятенъ; добре рекъ царь и псалмопѣвецъ Давыдъ: „Господь умудряетъ слѣпца“. Книгъ не видалъ, а книжнаго поучить, да и разумъ св. Писанія вѣсть (знаетъ).

М. Ошенинъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа съ штундо-баптистами о Христовомъ священствѣ,

I.

БЫЛА глухая осень. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Дулъ пронзительный, холодный вѣтеръ. — Въ такую пору я заѣхалъ въ одну штундовую деревню. Быстро узнали, что пріѣхалъ „минсинеръ“. Ко мнѣ на квартиру стали стекаться любопытные и скучающіе отъ вынужденнаго бездѣлья крестьяне. Всѣ старались узнать: скоро ли будетъ беседа съ сектантами?

Появились, подъ вечеръ, штундисты. Они пожелали „ознакомиться“ со мной. Ими руководилъ молодой еще пресвитеръ, Алексѣй Пареевичъ. Это былъ худощавый, блѣдный, со впалыми глазами человѣкъ. Онъ говорилъ съ вѣсомъ; волноваться напрасно не любилъ. Здоровья былъ плохого.

Войдя въ домъ, онъ важно поздоровался со всѣми. Мнѣ едва кивнулъ головой. Насъ познакомили. Хозяинъ усадилъ всѣхъ за чай. Разговорились.

Алексѣй Пареевичъ находилъ, что православная Церковь поступила „мудро“, заведя миссіонеровъ. Тѣмъ на деревняхъ стоитъ страшная. Народъ волнуется разными религіозными вопросами. Кто успокоить взволнованные умы? „Священники поработены *своими* дѣлами“...

Здѣсь Алексѣй Пареевичъ остановился и пристально посмотрѣлъ на моего сосѣда—батюшку.

— Да, у священниковъ много службъ церковныхъ; имъ даны школы. Надо „по земнотѣ“ хлопотать. Что говорить?— Всѣ мы—люди...

Алексѣй Пареевичъ, на удивленіе, разсуждалъ благора-

зумно и безпристрастно. Я это высказалъ ему. Онъ слегка наклонилъ голову и продолжалъ:

— Ну, и то сказать, въ нашемъ округѣ нѣтъ священниковъ—знатоковъ Писанія. Всѣ они не могутъ разрѣшить нашихъ сомнѣній. Они сами неопытны въ защитѣ своей Церкви. Вотъ тутъ миссіонеры и необходимы. Это — кладъ для православныхъ...

-- А давно вы служите?—спросилъ меня Алексѣй Пареенычъ.

— Совсѣмъ еще не служилъ. Только выхожу на дѣланіе...

— То-то васъ не видно было въ нашихъ мѣстахъ!

И Алексѣй Пареенычъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы желая опредѣлить, что я за человѣкъ?

— О чемъ же, позвольте узнать, вы хотите побесѣдовать съ нами?—спросилъ онъ предъ уходомъ.

— Да о Церкви Божіей думалъ я поговорить съ вами. Вѣдь это—срамъ: всѣ мы—русскіе люди, а сколько у насъ споровъ о вѣрѣ!...

— О Церкви... какъ-то разсѣянно протянулъ Алексѣй Пареенычъ. Церковь—дѣло большое. Обо всемъ сразу не переговоришь. Надо или о *составѣ* Церкви бесѣдовать, или о *судѣ* церковномъ, или о *святости* Церкви. Это все — отдѣльныя вещи...

Я понялъ, что собесѣдникъ мой былъ правъ. Мнѣ стало стыдно за свою неопытность. Я охотно согласился съ высказаннымъ мнѣ замѣчаніемъ. Мы рѣшили, съ утра, бесѣдовать о составѣ Церкви Христовой, или точнѣе—о первой ея половинѣ, *пастыряхъ*.

Когда штундисты ушли, квартирный хозяинъ поучительно замѣтилъ мнѣ:

— Вы, господинъ, не смотрите, что сектанты наши, на видъ, такіе разсудительные да тихіе. Не даромъ у нихъ—синяки подъ глазами. Я такъ полагаю,—это отъ внутренней злости. Сердиты они на всѣхъ,—и на власть, и на міръ, что ихъ не слушаютъ да ходу не даютъ имъ. Вотъ они и прикидываются пока—что овечками. А дайте имъ волю, власть,—они насъ живьемъ въ могилу закопаютъ!.. Знаю я этихъ блаженныхъ людей.

Я чувствовалъ, что хозяинъ мой говорилъ не безъ осно-

ванія; но опытно я еще не зналъ настоящаго характера штундистовъ. Потому и рѣшилъ безпристрастно и лично ознакомиться съ сектантами и „пока—что“—наблюдать, соображать и все записывать себѣ на память.

Утромъ дождь не переставалъ лить, часовъ съ 10, народъ ужъ толпился у „въѣзжей“. Не замедлилъ туда придти и я. Людей было много и въ комнатѣ, и въ сѣняхъ. Меня поджидали. Съ трудомъ протискался я къ столу. Все разомъ смолкло. Проглѣли молитву „Отче нашъ“. Прямо противъ меня установились сектанты во главѣ съ Алексѣемъ Пареевичемъ. У многихъ изъ нихъ въ рукахъ были карманныя евангельца.

Я сталъ говорить о томъ, какъ Господь пострадалъ и искупилъ людей отъ грѣховъ и отъ гнѣва Божія. ИскуПЛЕННЫЕ КРОВІЮ Спасителя и по милости нашего Господа, люди, составили изъ себя *святую Церковь* (Дѣян. 20, 28; Еф. 5 25. 26. 27). Въ эту Церковь Господь положилъ все, что нужно намъ для спасенія (Еф. 1, 22. 23; Іоан. 7, 37—39). Кто хочетъ быть сыномъ Божиимъ,—приходи въ Церковь и облакайся въ Божію благодать (Іоан. 7, 37. 38). А кто же изъ христіанъ не хочетъ быть въ общеніи съ Богомъ и не жаждетъ спасающей благодати?—Вотъ почему всѣмъ намъ *прежде всего* надобно *испытать*, гдѣ находится эта святая Церковь Божія? И испытать это надо на основаніи Слова Божія,—по тѣмъ признакамъ, какими надѣлилъ Богъ Свою истинную святую Церковь. Мы вѣруемъ, что *такую* Церковью является въ мірѣ Церковь *православная*...

— Пойдите!—рѣшительно перебилъ меня Алексѣй Пареевичъ.—Вы не говорите намъ *ничего* противъ Писанія. Изъ Слова Божія мы усматриваемъ, что есть Церковь *Христова*, есть *христіане* (Дѣян. 11, 26); про *православіе* же мы нигдѣ ничего не находимъ...

Я былъ изумленъ поступкомъ Алексѣя Пареевича. Я ждалъ отъ него большей сдержанности. Я надѣялся, что меня выслушаютъ до конца. Но я увидѣлъ, что сектанты ничего такъ не жаждутъ, какъ „уловить“ меня на словахъ и уронить въ глазахъ народа значеніе моей проповѣди...

Съ грустью я отвѣтилъ Алексѣю Пареевичу.

— Хорошо сказалъ премудрый Сирахъ: *прежде нежели выслушаешь. не отвѣчай, среди рѣчи не перебивай* (—11, 8).

Вы, Алексѣй Пареевичъ, не слушаетесь голоса премудраго и не даете мнѣ *сполнѣ* высказаться. За это—грѣхъ на васъ.— Но обращаюсь къ вашему возраженію: *первые* христіане именовались, дѣйствительно, просто *христіанами* (Дѣян. 11, 26). Тогда въ Антиохіи ихъ общество только еще нарождалось; между ними не было раздѣленій. А то ли мы видимъ теперь? Теперь христіанъ на землѣ много; одни изъ нихъ зовутся католиками; другіе—лютеранами; иные—молочанами, баптистами, штундистами. Видите, сколько толковъ появилось въ христіанствѣ? Поэтому мы, *истинные* послѣдователи Христа, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ христіанъ, усваиваемъ себѣ имя *православныхъ*. И названіе это мы выдумываемъ не „отъ себя“, а беремъ его изъ свящ. Библии. Въ Пс. 32, 1 мы читаемъ: „*радуйтесь, праведные, о Господѣ: правымъ прилично славословить*“. Итакъ, по словамъ прор. Давида, есть „*правое славословіе*“ Господа. Въ сокращеніи и по славянски „*правое славословіе*“ замѣняется однимъ именемъ „*православіе*“. Отсюда и Церковь наша называется „*православною*“, т. е. Церковью *право*, вѣрно преподающею и содержащею „*слово истины*“ (2 Тим. 2, 15).

Слушатели православные одобрительно загудѣли. Они требовали, чтобы „штундисты“ не перебивали меня, а ждали бы своей очереди говорить.

И я продолжалъ рѣчь:

— Итакъ, всѣмъ христіанамъ необходимо точно знать, гдѣ на землѣ существуетъ истинная, *правая* Церковь Божія? *Первою* примѣтою такой Церкви апостолы считаютъ существованіе въ ней истиннаго, *праваго* священства...

Алексѣй Пареевичъ, не дождавшись вопроса, опять заговорилъ:

— Не могу терпѣть.—Вы все не по Библии говорите. Про какое-то Христово священство толкуете... Да развѣ у Христа есть священство?

Я уже не удивлялся возбужденности Алексѣя Пареевича. Я насторожился и ждалъ отъ него „перебивокъ“. Поэтому я спокойно отвѣтилъ:

— Есть, другъ, и у Христа священство. Въ посл. къ Евреямъ мы читаемъ: „*Сей, какъ пребывающій вѣчно, имѣетъ и священство непреходящее* (—7, 24). Видите, у Христа есть даже „*непреходящее священство*“! Другими словами: *свя-*

щенство Аарона было *временное* (Евр. 7, 11. 12); Христово же священство—*вѣчное*. Отъ Христа это священство, чрезъ апостоловъ, передано служителямъ Его истинной, правой Церкви. У ап. Павла мы читаемъ: „*напоминаю тебѣ,—* пишеть онъ Тимоѳею, *возвѣщать даръ Божій, который въ тебѣ чрезъ мое руковожденіе*“ (2 Тим. 1, 6). Этотъ „даръ“ или „дарованіе“, по словамъ того же апостола, передается вѣрующимъ „*съ возложеніемъ рукъ священства*“ (Тим. 4, 14). Значить, и послѣ Христа, въ Церкви Его есть *священство*, которое передается чрезъ *правильное*, преемственное руковожденіе. Это священство въ Словѣ Божіемъ именуется иначе *пресвитерствомъ*. Такъ мы и читаемъ въ кн. Дѣяній Апостольскихъ: „*рукоположивши пресвитеровъ къ каждой церкви, Павелъ и Варнава помолились съ постомъ и передали ихъ Господу, въ Котораго утѣрвали*“ (Дѣян. 14, 23). О пресвитерахъ же многократно говорить въ посланіяхъ ап. Павелъ (I Тим. 5, 17; Тит. 1, 5). Убѣждены ли вы, что безъ *истинныхъ* пресвитеровъ Церковь Божія не можетъ стоять на землѣ?

— Да, убѣждены, вѣруемъ въ это... У насъ въ Церкви есть *истинные* пресвитеры,—тѣ самые, про которыхъ написано въ 1 посл. ап. Павла къ Тимоѳею гл. 3, ст. 1—7.

Я возразилъ:

— У ап. Павла въ прочитанномъ вами мѣстѣ не о пресвитерахъ говорится, а о *епископахъ*. Это—не одно и то же...

— По нашему убѣжденію, епископъ и пресвитеръ—одно и то же...

— Неправда. Въ посл. къ Коринѳянамъ апостолъ пишеть: „*сколько, напр., различныхъ словъ въ міръ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія*“ (I Кор. 14, 10). Это замѣчаніе апостола истинно, а, слѣдовательно, истинно и то, что епископъ и пресвитеръ—не одно и то же. Иначе бы они назывались *однимъ именемъ*.

— А какъ же, возразилъ Алексѣй Парѣнычъ, пресвитеры иначе именуются у апостола *предстоятелями*? Да и вы назвали ихъ *священниками*? Значить, можно давать имъ разныя имена...

— Можно, безъ сомнѣнія, но только такія, которыя описываютъ *права* или *обязанности* именно пресвитеровъ, а не смѣшиваютъ ихъ съ другими должностными лицами. Пресвитеровъ апостолъ называетъ „*предстоятелями*“, потому

что за службой они стояли *впереди* христіанъ и во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ не было епископовъ, *предсѣдательствовали*. А называлъ ли апостолъ пресвитеровъ хоть однажды діаконами?—Нѣтъ: пресвитеръ есть пресвитеръ, а діаконъ — діаконъ. Какъ у васъ: староста—самъ собой, а десятичники—сами по себѣ...

Послѣднее сравненіе было особенно понятно народу. Послышались голоса:

— Вишь, епископъ и пресвитеръ — одно и тоже... Много чести!—Небось, десятскій и земскій—разныя лица!..

— Путаются!—промолвилъ ближайшій мой сосѣдъ, православный начетчикъ.

Я продолжалъ утверждать, что епископъ и пресвитеръ — не одно и то же.

— Въ посл. къ Филиппійцамъ, говорилъ я, мы читаемъ: „*смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ по образу, какой имѣете въ насъ*“ (—3, ст. 17). Какой же „образъ“ имѣла Церковь Христова при апостолахъ? Въ ней *впереди* всѣхъ находились апостолы (чит. особ. Дѣян. 15 гл.). За ними стояли пресвитеры (тамъ же, Дѣян. 14, 23 и др.) и уже потомъ діаконы (Дѣян. 6 гл. и др.). Были, значить, въ апостольскія времена *три* степени (ср. I Тим. 3, 13) служителей алтарей Божіихъ. Эти *степени*—апостоловъ, пресвитеровъ и діаконівъ—должны быть и въ наши дни. Только, изъ смиренія, преемниковъ апостольскихъ Церковь именуетъ „епископами“, „блюстителями“, а не апостолами. Остальныхъ же лицъ она называетъ прежними именами. А если *истребить* апостольскую степень изъ среды вѣрующихъ, — тогда христіане будутъ жить не по образу Апостольской Церкви, а по своимъ вымысламъ,—что—грѣхъ (Кол. 2, 18; 1, 8; ср. Гал. 1, 9).

Наконецъ, и въ посл. къ Евреямъ написано: *безъ всякаго прекословія меньшій благословляется большимъ*“ (—7, 7). А въ посл. къ Титу читаемъ: „*для того я оставилъ тебя въ Критъ, чтобы ты довершилъ недоконченное и поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, какъ я тебя приказывалъ*“ (—1, 5 ст.).

Ясно отсюда, что Титъ долженъ былъ „*поставить*“ или „*благословить*“ во всѣ города Крита пресвитеровъ. А какъ бы онъ это сдѣлалъ, если бы онъ былъ тоже пресвитеромъ? Тогда выходило бы, что *равный благословляетъ равнаго*, а это — противъ Писанія (Евр. 7, 7). Значить, Титъ былъ выше про-

стого пресвитера; но не былъ онъ въ *точномъ смыслѣ* апостоломъ. Онъ былъ *сотрудникомъ, сподвижникомъ* ап. Павла (2 Кор. 8, 23), или по другому названію—епископомъ въ Церкви Критской.

Вотъ на основаніи этихъ соображеній и необходимо признать въ Церкви Христовой *три священныя степени* служителей Божіихъ, а не двѣ.

— Допустимъ,—упавшимъ голосомъ замѣтилъ Алексѣй Пареевичъ. Но мнѣ непонятно: какъ же епископъ епископа можетъ ставить, когда высшій долженъ благословлять низшаго?

— Такъ, отвѣтилъ я, какъ рассказано въ 1-й гл. кн. Дѣяній объ избраніи въ апостолы св. Матеея.—Въ Церкви православной не одинъ епископъ ставитъ епископа, а *соборъ* святителей Христовыхъ избираетъ и поставляетъ въ епископы достойныхъ лицъ. Такой порядокъ согласенъ съ Словомъ Божиимъ.

— Такъ!—разсѣянно протянулъ Алексѣй Пареевичъ.—Но какимъ же манеромъ вы истолкуете слова ап. Павла: „*епископъ долженъ быть одной жены мужъ*“..., а у васъ архіереи не женаты. Развѣ это по Писанію!—И думаю я, что тутъ рѣчь про пресвитеровъ...

— Ап. Павелъ не обязываетъ всѣхъ людей *непретѣнно* жениться. Правда, онъ пишетъ: „*епископъ долженъ быть одной жены мужъ*...“ (Тим. 3, 2). Но это не значитъ, что епископъ *обязательно* долженъ жениться, а значитъ только то, что епископъ, по еврейскому обычаю, не могъ *одновременно* на двухъ женахъ жениться или, въ случаѣ *вдовства*, повторить свой бракъ. Апостолъ даже отъ простыхъ христіанъ не требуетъ, чтобы они всѣ были женаты. Въ посл. къ Коринѣянамъ дѣвство онъ ставитъ для всѣхъ *желаннымъ* состояніемъ. „*Желаю*, говоритъ онъ, *чтобы всѣ люди были, какъ я*“ (1 Кор. 7, 7). т. е. *не женатые*. Какъ же послѣ того онъ сталъ бы *насилловать* произволеніе епископовъ?

И въ Церкви православной, на первыхъ порахъ, допустились къ служенію женатые епископы. Послѣ же, когда жизнь стала труднѣй и ревность по вѣрѣ у христіанъ ослабѣла,—стали ставить въ епископы только людей не женатыхъ или вдовцовъ.—Какой въ этомъ грѣхъ? Какое нарушеніе апостольской заповѣди? А вы лучше, Алексѣй Пар-

еенычъ, сознайтесь, что, во 1-хъ, вы поступили противъ Писанія, уничтоживъ въ Церкви служеніе епископское; а во 2-хъ, докажите, что ваши пресвитеры—не самозванцы, а настоящіе, *правильные* „предстоятели“ Церкви, отъ самихъ апостоловъ получившіе на то власть...

Алексѣй Пареенычъ стихъ.—Онъ задумчиво сказалъ:

— Слышно, что и у насъ хлопочутъ объ епископахъ...

— Хлопотать вы хлопочите, только заранѣе знайте, что хлопоты ваши пропадутъ по пустому. Если загасить въ комнатѣ огонь, а спичекъ и огнива нѣтъ,—такъ огня опять не зажжешь. Вы оторвались отъ апостольской Церкви, — нѣтъ у васъ и *правильнаго, преемственнаго* руковозложенія надъ пресвитерами.

— Какъ нѣтъ? Мы пресвитеровъ избираемъ по Писанію—*трезвыхъ, честныхъ, цѣломудренныхъ, учительныхъ...*

— Противъ этого я, пожалуй, спорить не буду, хотя нужно еще очень доказать, что ваши пресвитеры *всѣ* честны,—не воры, не пьяницы, не блудники. Но *правильно ли* они поставлены на дѣло? *Кто* ихъ рукоположилъ быть пресвитерами въ Церкви?—Вотъ важные вопросы...

II.

Алексѣй Пареенычъ молчалъ. Онъ, видимо, усиливался понять суть моихъ вопросовъ. Въ ожиданіи отвѣта и чтобы не томить людей молчаніемъ, я попросилъ слушателей православныхъ пропѣть „Вѣрую во Единого Бога, Отца Вседержителя...“ Пѣли дружно, складно. Я отдыхалъ отъ напряженной бесѣды и отъ духоты. Сектанты между собою совѣщались.

По окончаніи пѣнія Алексѣй Пареенычъ переспросилъ:

— Такъ вы желаете знать, какимъ манеромъ мы ставимъ себѣ пресвитеровъ?

— Да.

— По апостольскимъ правиламъ.

— Въ томъ-то и вопросъ весь, чтобы вы разъяснили мнѣ эти правила,—сказалъ я. Вы слышали уже, что въ Церкви Божіей должно быть *непрерывно-преемственное*, отъ апостоловъ идущее руковозложеніе надъ пастырями. Это значитъ, чтобы вы показали намъ, *какъ* благодатная струя священства, отъ *какого* апостола и *какимъ* путемъ течетъ на вашихъ пресвитеровъ?

— Хитрую задачу вы мнѣ задаете! — пожавъ плечами, сказалъ Алексѣй Пареенычъ. Едва ли это нужно для спасенія...

— Напрасно вы такъ думаете? — отвѣтилъ я. Если бы священство не нужно было христіанамъ для спасенія, — Христосъ и апостолы не заводили бы его въ Церкви. А если они его завели, — ясно, что оно *необходимо нужно* всѣмъ христіанамъ. Но мало ли кто можетъ *присвоить* себѣ честь священническую? Однако никто не можетъ быть священникомъ, а только званный отъ Бога, какъ Ааронъ (Евр. 5, 4). Итакъ, покажите, отъ *какого* апостола и *чрезъ какихъ* преемниковъ ваши пресвитеры получили честь священническую?

— Это вы хотите, чтобы мы исторію доказывали истинность своихъ пресвитеровъ? — обиженно замѣтилъ мнѣ Алексѣй Пареенычъ. Исторіи мы не вѣримъ и доказывать ею *ничего* не будемъ...

— Напрасно вы такъ сердитесь на исторію, — сказалъ я. Ап. Іоаннъ пишетъ: „если мы принимаемъ *свидѣтельство* *человѣческое*, *свидѣтельство Божіе* больше...“ (I Іоан. 5, 9). Отсюда видно, что христіане свою вѣру должны доказывать *прежде всего* „свидѣтельствомъ Божіимъ“. Но апостолъ говоритъ, что мы „*принимаемъ* *свидѣтельство* *человѣческое*“. Свидѣтельствомъ Божіимъ мы уже доказали вамъ, что вы разрушили апостольскій строй Церкви, ибо у васъ нѣтъ *трехъ* степеней священнослуженія. Теперь постарайтесь намъ доказать, что хоть двѣ-то степени вы сохранили отъ апостоловъ...

— Изъ новаго завѣта мы не видимъ нужды въ такихъ доказательствахъ, — гордо возразилъ мнѣ Алексѣй Пареенычъ.

Очевидно, онъ чувствовалъ затруднительность своего положенія и рѣшилъ упорствомъ прикрыть свою пустоту. Я усиливался сдвинуть его съ ложнаго пути. — Я сказалъ:

— Въ новомъ завѣтѣ какъ разъ *есть* примѣръ тому доказательству, какого я требую отъ васъ. [Вотъ ев. Матѳеей, желая убѣдить христіанъ, что Спаситель нашъ *по плоти* произошелъ изъ рода Давидова, составляетъ, *на основаніи исторіи*, цѣлую родословную Его (Матѳ. 1 гл.); также и Лука поступаетъ, возводя родословіе Христа до Адама и даже до Бога (Гл. 3, 23—38 ст.). Покажите же вы, подражая еван-

гельскому примѣру, отъ *какого* апостола взяли начало ваши пресвитеры?..

Алексѣй Парёнычъ хитро улыбался. Съ видомъ непобѣдимаго книжника рылся онъ въ Евангельцѣ. Наконецъ громко и какъ-то особенно возбужденно прочиталъ: *отходя въ Македонію, я просилъ тебя пребыть въ Ефесѣ, и увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословіями безконечными, которыя производятъ больше споры, нежели Божіе назиданіе въ вѣру*“ (I Тим. 1, 3—4 ст.). Вотъ вамъ и родословія! Апостолъ не велитъ христіанамъ заниматься ими...

— Да, *безконечными* родословіями, которыми занимались люди, стараясь доказать свое происхожденіе отъ разныхъ ангеловъ, ап. Павелъ не велитъ намъ заниматься. Но я прошу васъ указать мнѣ *конечную* родословную вашихъ пресвитеровъ, по подобію евангелистовъ Маттея и Луки. Развѣ это трудно? Развѣ „за угломъ“ протекала прошлая жизнь вашей общины (ср. Дѣян. 26, 26)?

— Ну, и вѣдливый вы человѣкъ! шутливо сказалъ Алексѣй Парёнычъ. Развѣ вы не понимаете, что люди мы неученые и исторій не знаемъ? Однако слышалъ отъ нашихъ руководителей, что наши пресвитеры взяли свое начало изъ *англиканской* церкви. А у англичанъ ихъ пресвитеры — отъ апостоловъ. Вотъ вамъ и „человѣческое“ доказательство!...

— Такъ бы давно и говорили! облегченно замѣтилъ я своему собесѣднику. А то — „человѣческимъ исторіямъ не вѣримъ“... Это — праздные слова ваши. Если бы исторія Церкви говорила въ вашу пользу, вы бы на память заучили ее. А теперь предъ исторіей вы оказываетесь въ положеніи раковъ на мели. Положеніе жалкое и незавидное!.. Вы цѣпляетесь за англичанъ. Чѣмъ вы докажете, что отъ нихъ именно, а не отъ нѣмцевъ позаимствовали вы свою вѣру? Это во 1-хъ. А во 2-хъ, и англичане — плохая для васъ опора. У нихъ самихъ дѣло *нечистое*. Они прежде всего не считаютъ священства *таинственнымъ* и *благодатнымъ* дѣйствіемъ (см. 25 членъ ихъ вѣроисповѣданія). А безъ Божіей благодати какое значеніе для христіанъ имѣетъ священство? Вотъ почему Слово Божіе насъ учитъ, что въ священствѣ человѣкъ получаетъ благодать Божію, помогающую ему „достойно“ пресвитерствовать (I Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; Дѣян.

20, 28 и др.). Англичане этой вѣры въ священство не содержатъ, а потому самое пресвитерство ихъ *безблагодатное, не евангельское*. Затѣмъ, англичане цѣлыхъ 112 лѣтъ, съ 1549 по 1661 г., не признавали въ сущности епископства, какъ чина высшаго надъ пресвитерствомъ. Стало-быть, благодатный источникъ для священства они, подобно вамъ, утратили. Послѣ его неоткуда было достать имъ самимъ. Какъ же они могли сообщить его вамъ?... Такимъ образомъ ваша зацѣпка за англичанъ — суетная. Напрасно вы хотите опереться съ своими пресвитерами на англійскую церковь, которая сама подлежить осужденію за свои лжеученія...

— Про англичанъ я только между прочимъ упомянулъ, — конфузливо замѣтилъ Алексѣй Парёнычъ. Правда, въ исторіи я ничего не понимаю и не могу отъ исторіи оправдать своего пресвитерства.

— То-то вотъ и есть! — наставительно замѣтилъ я Алексѣю Парёнычу. Отъ Слова Божія мы видѣли, что вы неправы, когда уничтожили въ Церкви епископство, которое замѣнило намъ апостольство. То же Слово Божіе требуетъ, чтобы пресвитеры и діаконы имѣли *правильное, преемственное апостольское* руковозложеніе. Вы попытались доказать это голословной ссылкой на англичанъ. Ваша ссылка на „человѣческое свидѣтельство“ нисколько не помогла вамъ: англичане сами не правы предъ судомъ Слова Божія и предъ исторіей истинной Церкви Божіей. Куда же послѣ того обращаться вамъ? — Господь нашъ *единъ, едина* вѣра въ Него; *одна* должна быть *истинная* Церковь на землѣ (Еф. 4, 5). Эта Церковь и есть наша *общая родная* мать — православная Церковь. Бросьте свои заблужденія и съ искреннимъ раскаяніемъ припадите къ ней. Она, милостивая, пожалѣетъ васъ и матерински заключить въ свои святыя объятія...

Бесѣда наша на этомъ закончилась. Православные громко благодарили меня. Сектанты стояли удрученные. Алексѣй Парёнычъ съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ списки епископовъ, дѣйствительно, ведущихъ свое начало отъ апостоловъ. Эти списки, приложенные къ церковной исторіи Робертсона, произвели на сектантовъ сильное впечатлѣніе...

Д. Боголюбовъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

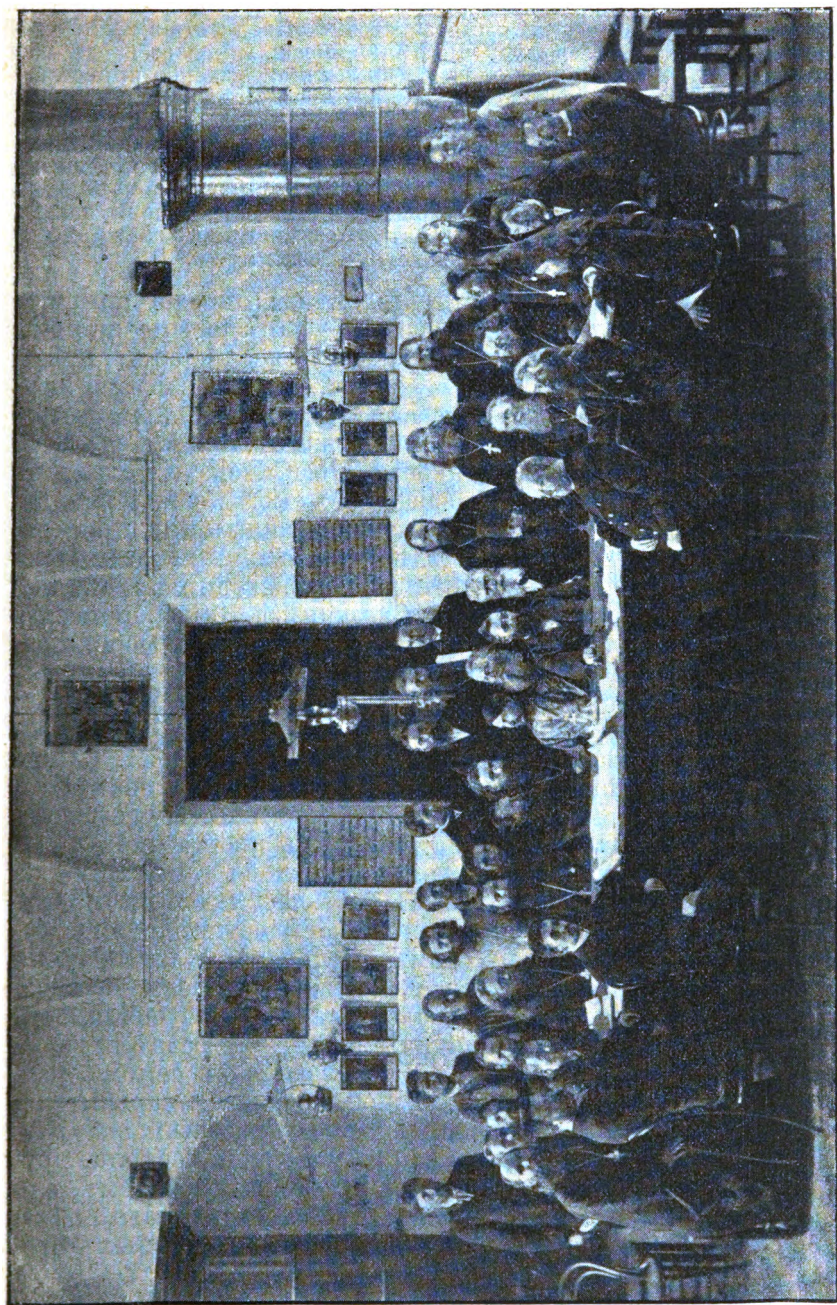
Витебекій епархіальный миссіонерекій съѣздъ и главнѣйшія изъ его постановленій.

Какъ уже извѣстно читателямъ „Миссіонер. Обзорѣнія“, съ 5-го по 9-е іюля сего года въ г. Витебскѣ происходилъ епархіальный миссіонерскій съѣздъ, устроенный по инициативѣ новаго преосвященнаго полоцкаго Тихона. Событіе это, безъ сомнѣнія, займетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ лѣтописяхъ мѣстной церковно-епархіальной жизни, такъ какъ съѣздъ этотъ—еще первый только за все время существованія полоцкой епархіи. Говорить же о значеніи этого событія для дѣла полоцкой миссіи, конечно, нѣтъ нужды: стоитъ только принять во вниманіе то обстоятельство, что съѣзды епархіальные всегда являются лучшею практической школой для миссіонеровъ и самымъ естественнымъ средствомъ духовнаго единенія дѣятелей миссіи, столь необходимаго въ ихъ трудной борьбѣ съ врагомъ Церкви православной.

Составъ участниковъ миссіонерскаго съѣзда заранѣе былъ опредѣленъ полоцкимъ противораскольническимъ комитетомъ: обязательное участіе на съѣздѣ принимали—предсѣдатель комитета и его помощникъ, епарх. наблюдатель, два преподавателя семинаріи—члены комитета, епархіальные миссіонеры—противораскольническій и латышскій, законоучитель полоцкаго кадетск. корпуса, бывшій епарх. миссіонеръ и 20 мѣстныхъ миссіонеровъ, въ числѣ которыхъ были священники, учителя народныхъ школъ и крестьяне-начетчики, всего около 30 человекъ. Приглашены были къ участію и единовѣрческіе священники.

Еще до открытія съѣзда противораскольническій миссіонерскій комитетъ, выработавъ программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на съѣздѣ, предложилъ всѣмъ участникамъ съѣзда и лицамъ, интересующимся дѣломъ миссіи, представить ему свои соображенія по поводу всѣхъ или нѣкоторыхъ вопросовъ программы. Вотъ эта программа.

1. Современное внутреннее и внѣшнее состояніе раскола въ епархіи и способы собиранія свѣдѣній о расколѣ и сектантствѣ
2. Духовно-нравственныя мѣры, употребляемыя духовенствомъ епар-

Первый миссионерскій съѣздъ Полоцкой епархіи. (Снимокъ сдѣланъ во время занятій съѣзда).

хія къ ослабленію раскола и сектантства. 3. Препятствія, встрѣчаемыя духовенствомъ епархіи въ дѣлѣ миссіи, и способы къ ихъ устраненію. 4. Предохранительныя мѣры къ огражденію православныхъ отъ зараженія расколомъ и сектантствомъ и способы увѣщанія отпадшихъ. 5. Обсужденіе распоряженій высшей власти по дѣламъ миссіонерскимъ съ цѣлью выработки способовъ для проведенія ихъ въ жизнь. 6. Собесѣдованія публичныя и частныя, ихъ значеніе въ дѣлѣ миссіи и лучшіе способы веденія бесѣдъ. 7. Рѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ миссіонерской практики. 8. Отношеніе школы къ миссіи. 9. Когда и какъ пользоваться содѣйствіемъ гражданской власти въ отношеніи къ раскольникамъ и сектантамъ.

5-го іюня утромъ участники съѣзда, представившись преосвященному и получивъ отъ него благословеніе на предстоящій трудъ, собрались въ семинарской церкви, гдѣ о. протоіереемъ Соколовымъ въ сослуженіи съ 16 священниками былъ совершенъ молебенъ. На молебнѣ присутствовалъ командированный изъ С.-Петербурга чиновникъ особыхъ порученій при г. оберъ-прокурорѣ Св. Синода и редакторъ „Миссіон. Обзорѣнія“ В. М. Скворцовъ. Изъ церкви всѣ перешли въ образцовую школу, гдѣ и должны были происходить засѣданія съѣзда, и здѣсь выбрали предсѣдателя съѣзда (о. прот. Околовичъ) и дѣлопроизводителей (преподаватели семинаріи Бѣляевъ, Слезкинъ и Никифоровскій). Предъ началомъ засѣданія прибылъ въ залу преосвященный Тихонъ, и послѣ пѣнія всѣми присутствовавшими тропаря „Днесъ благодать св. Духа“ владыка объявилъ съѣздъ открытымъ, предложивъ приступить къ занятіямъ, причемъ архипастырь указалъ о. о. и г. г. членамъ на В. М. Скворцова, какъ на лицо испытанной опытности въ дѣлахъ миссіи, и просилъ его принять на себя руководительство съѣздомъ при обсужденіи вопросовъ, намѣченныхъ программой.

Послѣ этого преподавателемъ духовной семинаріи по кафедрѣ раскола и сектантства В. В. Бѣляевымъ была произнесена рѣчь ¹⁾ на тему „Сравнительная малоуспѣшность современной борьбы съ русскимъ расколомъ и главнѣйшія причины ея“. Въ своей рѣчи г. Бѣляевъ, указавъ на несомнѣнный для всѣхъ фактъ сравнительной малоуспѣшности современной миссіи, всѣ причины послѣдней раздѣлилъ на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ заключаются въ самомъ расколѣ, какъ болѣзнь крайне сложной, упорной и заразительной—это *невѣжество* раскольниковъ, *религіозный индифференцизмъ* въ расколѣ и *давность* существованія раскола, другія причины заключаются въ самой борьбѣ съ расколомъ, или точнѣе въ современномъ положеніи миссіонерскаго дѣла, требующемъ устраненія нѣкоторыхъ весьма серьезныхъ пре-

¹⁾ Весьма содержательная, строго обработанная и коснувшаяся насущныхъ нуждъ миссіонерскаго дѣла. Рѣчь эта напечатана въ Полоц. епарх. вѣд.

пятствій въ дѣлѣ успѣшнаго развитія миссіонерства, — это *малочисленность* миссіонеровъ, ихъ тяжелое *одиночество* въ дѣятельности, при холодной безучастности приходскаго духовенства и общества къ интересамъ миссіи, и полная матеріальная необезпеченность миссіонеровъ.

Послѣ рѣчи г. Бѣляева на кафедрѣ взошелъ В. М. Скворцовъ и произнесъ рѣчь приблизительно такого содержанія.

„Явившись на вашъ сѣздъ по порученію высшаго начальства, я не исполнилъ бы своего долга, если бы не привѣтствовалъ открывшагося сѣзда пожеланіемъ ему успѣха. Послѣ обстоятельной рѣчи г. Бѣляева, рѣчи многогранной, я не буду утомлять вниманія собранія своимъ словомъ, а послѣ объясненій, которыя вы слышали отъ преосвященнаго владыки, мнѣ немного придется говорить и про домо *ша...* Изъ словъ архипастыря явствуетъ, что я являюсь среди васъ въ роли испытаннаго дѣятеля миссіи, я же съ своей стороны лишь долгомъ считаю предупредить членовъ сѣзда, что на меня надо смотрѣть, какъ на друга миссіи и вашего покорнѣйшаго слугу. За симъ я долженъ сказать два слова, почему и зачѣмъ сюда посланъ. Вашъ сѣздъ есть первый починъ не только для епархіи, но и для всего сѣверо-западнаго края, и высшая власть, въ лицѣ г. оберъ-прокурора Св. Синода, командировала меня содѣйствовать по мѣрѣ возможности вящему успѣху перваго опыта. Сѣверо-западный край давно обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что здѣсь въ дѣлѣ миссіи паритъ тишина, тогда какъ по сосѣдству, на юго-западѣ, въ центральной Россіи, во Псковѣ, не только нѣтъ тишины, но тамъ бываютъ бури какъ среди отщепенцевъ, такъ и среди вѣрныхъ сыновъ Церкви. Эта тишина смущаетъ, такъ какъ она бываетъ всякая: есть зловѣщая тишина передъ бурей, есть такая тишина, которая свидѣтельствуетъ о тихой пристани, наконецъ, тишина можетъ быть и кажущаяся отъ нечувствительности къ бурямъ... Когда было напечатано извѣщеніе о сѣздѣ, на него нельзя было не обратить вниманія, такъ какъ загадка о тишинѣ разрѣшалась. Самая лучшая разгадка ея въ живомъ обмѣнѣ мыслей. Для послѣдней цѣли и созванъ вашъ сѣздъ, который является наилучшимъ средствомъ къ поднятію миссіонерскаго духа въ дѣятеляхъ и къ оживленію самаго дѣла. Но миссіонерское дѣло въ епархіяхъ, чтобы идти успѣшно, должно быть поставлено въ тѣсную связь съ братствами и консисторіями, какъ административными центрами, которые должны способствовать дѣлу миссіи, а кромѣ того еще и съ кафедрой раскола. Если же эти четыре силы, т. е. миссіонерство, братство, консисторія и кафедра раскола, будутъ находиться въ взаимодѣйствіи, тогда миссія будетъ поставлена правильно и достигнетъ благихъ результатовъ. Въ этихъ видахъ высшее начальство, поручивъ мнѣ принять участіе въ совѣщаніи сѣзда, возложило на меня въ то же время нѣслѣдовать миссіонерскую дѣятельность мѣстнаго братства и консисторіи, а также и постановку кафедры раскола. Таковы мои обязанности.

Обращаясь опять къ задачамъ сѣзда, я къ тому, что сказано въ предшествующей рѣчи, прибавлю двѣ черты. Вашъ сѣздъ обращаетъ на себя вниманіе еще и въ томъ отношеніи, что происходитъ послѣ двухъ важныхъ событій въ жизни русской Церкви, — послѣ празднованія 100-лѣтія единовѣрія и послѣ акта Св. Синода о гр. Толстомъ, который объявленъ отпавшимъ отъ Церкви. Эти же событія обратили на себя общественное вниманіе, и сѣзду нельзя не остановиться на нихъ. Единовѣріе должно быть предметомъ вашихъ занятій. До рѣчи г. Бѣляева я не зналъ, что витебская губернія по числу раскольниковъ занимаетъ шестое мѣсто, и что въ ней 100 ты-

сая раскольниковъ. При такомъ количествѣ послѣднихъ нельзя не обратить особеннаго вниманія на единовѣріе, которое является однимъ изъ могучихъ средствъ для ослабленія раскола. Взгляды общества, а къ сожалѣнію, иногда и самаго духовенства на единовѣріе, какъ на нѣчто низшее сравнительно съ православіемъ, какъ на „ступень“ и „унію“, ложенъ. Св. Синодъ посланіемъ своимъ по поводу юбилея единовѣрія уничтожилъ самое названіе „единовѣріе“ и раздѣленіе на „мы“ и „вы“, признавъ единовѣрцевъ чадами единой православной Церкви, содержащими старые обряды, и намъ, миссіонерамъ, единовѣріе должно называть православнымъ старообрядчествомъ. Вопросъ о состояніи единовѣрія въ полоцкой епархіи долженъ быть поднятъ на сѣздѣ, и необходимо выяснитъ, какъ дѣйствовать православнымъ и единовѣрцамъ совмѣстно, чтобы единовѣріе росло.

За симъ можетъ ли Витебскій миссіонерскій сѣздъ, если только онъ желаетъ стоять на высотѣ своихъ задачъ, пройти молчаніемъ столь захватывающій все наше такъ называемое интеллигентное общество, вопросъ объ отпаденіи отъ Церкви нашего знаменитаго писателя гр. Л. Н. Толстого и о борьбѣ съ его лжеученіемъ? Въ теченіе долгихъ лѣтъ яснополяскій учитель распространялъ свое пагубное суемудріе подспуднымъ, подпольнымъ путемъ, выдавая его подъ оболѣстительною личиною „истиннаго христіанства“. Синодальный актъ 22 февраля снялъ фарисейскую маску съ этого непризнаннаго лживаго пророка, всенародно назвавъ собственнымъ именемъ и самого графа, какъ еретика и отступника, и ученіе его, какъ богохульную ересь, ниспровергающую всѣ основы христіанской вѣры. Теперь графъ, раздосадованный, уязвленный въ самую главу мужественнымъ высокосправедливымъ дѣяніемъ высшей нашей власти, въ своемъ „Отвѣтѣ“ Св. Синоду, забывъ свое смиреннолукавое ученіе о непротивленіи, открыто и безбоязненно бросилъ дерзкій оскорбительный вызовъ всему христіанскому міру; а своими безумными богохульными глаголами зачеркиваетъ все христіанство, какъ сплошную религіозную ложь, обманъ и колдовство. „Отвѣтъ“ представляетъ квинтъ-эссенцію всего того, что было высказано яснополяскимъ проповѣдникомъ въ разныхъ его трактатахъ на разные манеры въ теченіи 20 лѣтъ отступничества отъ Церкви. Напряженная общественная мысль либеральныхъ антицерковныхъ слоевъ съ жадностью подхватила новую исповѣдь гр. Толстого, какъ вѣщее слово лжепророка. „Отвѣтъ“ широко волною распространяется въ читающей и мыслящей средѣ, захлебываются имъ и наши сектанты,—молokane и штундисты. Но вотъ вопросъ: „Отвѣтъ“ читали ли и знаютъ ли пастыри? А между тѣмъ каждому изъ пастырей и миссіонерствующей братіи нужно быть готовымъ дать отвѣтъ вопрошающимъ по поводу открытыхъ злохуленій гр. Толстого на Христа и Церковь Его.

Не только земскій врачъ или начальникъ, но и сельскій писарь, и фельдшеръ, и прибывшій изъ столицы лакей или кучеръ знатнаго барина — и тѣ не преминутъ хвастнуть предъ сельскимъ пастыремъ своимъ знакомствомъ съ новомоднымъ вопросомъ о толстовскомъ дѣлѣ и еретическимъ мудрованіемъ яснополянскаго учителя. Что же и какъ отвѣчать пастырю на эти вопрошенія, вотъ вопросъ настоятельной миссіонерской нужды. Миссія должна теперь же для воинствованія противъ толстовства вооружить своихъ дѣателей острымъ мечемъ слова истины. Къ сожалѣнію, и въ полемической литературѣ и въ миссіонерской практикѣ у насъ мало чего сдѣлано для противотолстовской миссіи. Нашъ органъ спѣшитъ придти на помощь миссіи въ этой новой ея борьбѣ съ опаснѣйшей изъ всѣхъ нашихъ сектъ, напечатаніемъ въ имѣющей на дняхъ выйти юньской кн. „Миссіонер. Обзоръ“ Отвѣта Толстого и разбора его. А здѣсь на сѣздѣ, если угодно будетъ, подѣлимся нашими посильными соображеніями и наблюденіями по данному вопросу.

Въ заключеніе своей рѣчи В. М. Скворцовъ выразилъ признательность Владыкѣ, какъ инициатору перваго въ сѣверо-западномъ краѣ съѣзда, и всѣми присутствовавшими Его Преосвященству было дружно пропѣто „многая лѣта“.

По отбытіи преосвященнаго изъ зала съѣзда, о. предсѣдатель въ краткихъ чертахъ представилъ исторію постепеннаго развитія миссіонерства въ полоцкой епархіи. Далѣе, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ были заслушаны представленныя оо. миссіонерами письменные доклады и устные сообщенія о состояніи раскола и сектантства и миссіонерской дѣятельности въ различныхъ округахъ епархіи. Послѣ этого съѣздъ приступилъ къ выработкѣ постановленій по всѣмъ пунктамъ программы. Отмѣтимъ изъ нихъ наиболѣе существенныя и имѣющія общій интересъ въ епархіи. Относительно состоянія расколосектантскихъ съѣздовъ, между прочимъ, установлено слѣдующее. Начало раскола въ витебской губ. относится къ первой четверти XVIII в., когда раскольники, выходя изъ Великороссіи, спасаясь отъ преслѣдованій, нашли себѣ хорошій пріютъ въ Польшѣ, въ составъ которой входили и всѣ настоящія бѣлорусскія губерніи. Точное число всѣхъ раскольниковъ не установлено, такъ какъ всѣ практиковавшіеся способы собиранія свѣдѣній не достигали цѣли; оно колеблется между 90,000 и 100,000. Подавляющее большинство раскольниковъ — едосѣвцы, раздѣляющіеся на „слабовѣровъ и крѣпковѣровъ“; встрѣчаются также филипповцы и поморцы; есть также и бѣглопоповцы, управляемые за неимѣніемъ поповъ головщиками (особенно въ г. Витебскѣ и уѣздѣ); наконецъ, среди нѣкоторыхъ раскольниковъ замѣчается тяготѣніе къ австрійскому священству. — Что же касается до внутренняго состоянія раскола полоцкой епархіи, то признано постепенное ослабленіе прежняго фанатизма раскольниковъ и замѣтное по мѣстамъ сближеніе ихъ съ православными; но въ общемъ же расколъ полоцкой епархіи представляетъ изъ себя еще крѣпкую силу. — Съѣздъ предложилъ миссіонерамъ заняться наиболѣе тщательнымъ изученіемъ вѣрованій и внутренней жизни раскола, а также составленіемъ возможно точныхъ списковъ раскольниковъ, при этомъ постановилъ просить преосвященнаго ходатайствовать предъ гражданскою властью о содѣйствіи со стороны сельскихъ, общественныхъ и полицейскихъ управленій духовенству въ составленіи списковъ раскольниковъ, доставленіемъ статистическихъ данныхъ. Оживленныя пренія вызвали вопросъ объ организаци мѣстной миссіи, причемъ выяснилось, что главнѣйшимъ препятствіемъ, встрѣчаемымъ духовенствомъ епархіи въ дѣлѣ миссіи, является именно недостаточность существовавшего доселѣ устройства миссіи. Между дѣятелями миссіи нѣтъ живого общенія, нѣтъ также и руководящаго распоря-

дательнаго центра. До настоящаго времени дѣла миссіи вѣдаются частью духовной консисторіей, частью противораскольническимъ комитетомъ, открытымъ при Витебскомъ Св. Владимірскомъ братствѣ въ 1894 г. Съ братствомъ комитетъ не имѣетъ никакой органической связи, а сфера дѣятельности консисторіи и комитета не разграничена. Составъ комитета состоитъ изъ лицъ, практически и жизненно не связанныхъ съ миссіонерствомъ. Окружные миссіонеры въ своей дѣятельности не имѣютъ организованнаго плана и инструкцій; не получаютъ они и никакого вознагражденія за свои труды, и ихъ матеріальная необеспеченность должна была неизбежно стражаться и на энергіи ихъ дѣятельности. На сѣздѣ постановлено было увеличить содержаніе миссіонера епархіальнаго до 2000 р., учредить должность второго епарх. противораскольническаго миссіонера, назначить не менѣе 10 окружныхъ миссіонеровъ изъ числа приходскихъ священниковъ, съ содержаніемъ по 300 руб. въ годъ, и нѣсколько миссіонеровъ-сотрудниковъ. Для руководственнаго объединенія дѣятельности всѣхъ миссіонеровъ и священниковъ въ борьбѣ съ расколомъ сѣздъ призналъ необходимымъ сосредоточить все миссіонерское дѣло въ миссіонерскомъ комитетѣ, какъ руководящемъ и распорядительномъ центрѣ мѣстной миссіи, при чемъ былъ выработанъ и проектъ реорганизации комитета. Въ основу его легли правила херсонской миссіи съ тѣмъ измѣненіемъ, что большинство возложенныхъ тамъ на епархіальнаго миссіонера, какъ центральное звено въ мѣстной миссіи, распорядительныхъ обязанностей здѣсь возложено на комитетъ. Въ составъ комитета въ качествѣ обязательныхъ членовъ входятъ епархіальные миссіонеры и наблюдатель, членъ консисторіи по миссіонерскому столу, преподаватель по каедрѣ раскола, членъ отъ братства, предсѣдательствуетъ въ комитетѣ предсѣдатель братства. Для вспомоцествованія обращающимся изъ раскола и для выдачи пособій миссіонерамъ-сотрудникамъ сѣздъ постановилъ образовать особый фондъ миссіонерскій и источниками для сего указалъ: 1) сборъ въ церквахъ въ день св. Троицы и св. Духа; 2) часть прибыли свѣчнаго епарх. завода (единовременно 1000 р. и ежегодно 800 р.); 3) пожертвованія отъ монастырей; 4) пожертвованія отъ церковно-приходскихъ попечительствъ. Затѣмъ, сѣздъ предложилъ ввести изученіе раскола въ число предметовъ всѣхъ женскихъ духовныхъ училищъ, и медицину—въ дух. семинаріи, имѣя въ виду возможность сближенія духовенства съ раскольничьей массой чрезъ врачеваніе ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Особенное вниманіе сѣздъ обратилъ на школы въ центрахъ раскола. Въ витебской епархіи, благодаря почтенному наблюдателю о. Нилу Серебренникову, бывшему миссіонеру, установилось вполне живое взаимоот-

ношеніе между школой и миссіей, что, къ сожалѣнію, не вездѣ достигается въ другихъ епархіяхъ. Съѣздомъ приняты мѣры къ увеличенію числа церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и къ изысканію средствъ на содержаніе ихъ. Предположено открыть новыя школы въ 37 пунктахъ епархіи и на содержаніе ихъ назначить изъ казенныхъ средствъ по 500 р. церковно-приходской школѣ и по 150 р. — школѣ грамоты. Затѣмъ, съѣздъ предложилъ ввести преподаваніе исторіи и обличенія раскола (въ краткомъ видѣ) во второклассныя школы и озаботиться объ открытіи возможно большаго количества женскихъ ц.-приходскихъ школъ въ епархіи, въ противовѣсъ тайнымъ раскольничьимъ школамъ.

По вопросу о мѣрахъ къ огражденію православныхъ отъ зараженія расколомъ на съѣздѣ выяснилось, что случающіяся совращенія въ расколъ происходятъ: 1) путемъ брачныхъ сожителствъ раскольниковъ съ православными; 2) вслѣдствіе неправильной записи въ расколъ дѣтей, рожденныхъ отъ незаконнаго сожителства раскольниковъ съ православными; 3) вслѣдствіе найма раскольниками въ услуженіе православныхъ рабочихъ и 4) вслѣдствіе зазорныхъ поступковъ въ жизни православныхъ мірянъ и духовенства. Для устраненія случаевъ совращенія въ расколъ православныхъ съѣздомъ приняты соотвѣтственныя мѣры.

Съ достоюдолжнымъ вниманіемъ съѣздъ остановился и на вопросѣ о *единовѣрціи* въ полоцкой епархіи; при этомъ на съѣздѣ выяснилось слѣдующее: всѣхъ единовѣрческихъ приходовъ въ полоцкой епархіи — 8, общее же число единовѣрцевъ простирается до 3000 челов. Единовѣрцы, какъ это видно изъ донесеній образованной на съѣздѣ комиссіи единовѣрческой, въ общемъ соблюдаютъ синодальныя правила единовѣрія, считаютъ себя единовѣрными православнымъ, присутствуютъ на миссіонерскихъ бесѣдахъ и охотно посѣщаютъ школу. Миссіонерская дѣятельность единовѣрческаго духовенства незначительна, что зависитъ отъ матеріальной его необезпеченности и отъ отсутствія при единовѣрческихъ приходахъ, крайне бѣдныхъ, хорошихъ пастырей. На съѣздѣ, между прочимъ, было постановлено открыть *два новые единовѣрческіе прихода* — въ г. Рѣжипцахъ и деревнѣ Липушкахъ. На закладку рѣжипцаго единовѣрческаго храма единовѣрцы — купецъ Иванъ Мокѣвичъ *Дюбинъ*¹⁾ и владѣлецъ имѣнія „Зоско“ Кириллъ Николаевичъ Кузнецовъ, по личной просьбѣ Вас. Мих. Скворцова и о. предсѣдателя съѣзда, изъявили согласіе пожертвовать по 1000 р. Съѣздъ признать благополезнымъ пред-

1) У насъ по ошибкѣ въ прошлой замѣткѣ о витебскомъ съѣздѣ (іюль — августъ) названъ Никоновъ вмѣсто Дюбинъ. Ред.

полагаемый храм устроить въ память исполнившагося 27 окт. 1900 г. столѣтія единовѣрія.

По вопросу о сектантствѣ на сѣздѣ было выяснено, что въ полоцкую епархію начинаетъ проникать изъ сосѣдней псковской штундизмъ. Сѣздъ постановилъ предложить всему духовенству епархіи зорко слѣдить за временно прибывающими въ ихъ приходы сектантами и всѣми извѣстными мѣрами противодѣйствовать усиленію въ епархіи сектантства. Кромѣ того рѣшено было учредить должность епарх. противосектантскаго миссіонера, совмѣстивъ ее съ должностъю латышскаго миссіонера.

Въ заключеніе на сѣздѣ было признано необходимымъ устраивать возможно чаще епархіальныя миссіонерскіе сѣзды, въ виду ихъ несомнѣнной пользы и, кромѣ того, ходатайствовать предъ начальствомъ о командированіи на епарх. сѣздъ въ г. Орлѣ 16-го сентября обоихъ епархіальныхъ миссіонеровъ и одного изъ окружныхъ.

Всѣхъ засѣданій сѣзда—утреннихъ и вечернихъ было 9. 7-го іюня предъ началомъ засѣданій въ семинарской церкви была совершена о. ректоромъ арх. Кирилломъ въ сослуженіи 14 іереевъ торжественная панихида по случаю первой годовщины смерти кіевскаго митрополита Іоаннікія и по усопшихъ дѣятеляхъ мѣстной миссіи, — архіепископахъ Василии и Саввѣ, епископахъ: Викторинѣ и Александрѣ, священноархимандритѣ Павлѣ, іеромонахѣ Мелитонѣ, о. Константинѣ Голубевѣ, преподавателѣ духовной семинаріи И. Т. Никифоровскомъ и скончавшемся въ этомъ году окружномъ миссіонерѣ Невельскаго уѣзда о. Іоаннѣ Габовичѣ. На панихидѣ присутствовали: В. М. Скворцовъ, участники сѣзда и воспитанники семинаріи во главѣ съ г. инспекторомъ В. А. Демидовскимъ. Передъ началомъ панихиды В. М. Скворцовъ произнесъ прочувствованную поминку, произведшую глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Воспроизводимъ эту рѣчь почтеннаго оратора приблизительно.

„Возлюбленные отцы и братія! Сегодня исполнилась первая годовщина со дня смерти приснопамятнаго іерарха русской Церкви, первенствующаго члена Св. Синода, преосвященнѣйшаго Іоаннікія, митрополита кіевскаго. Участникамъ сѣзда пришла благая мысль совершить въ этомъ св. храмѣ молитву объ упокоеніи души усопшаго іерарха, и не вотще: приснопамятный митрополитъ очень и очень много потрудился въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ въ имперіи. Его имя, какъ миссіонера, должно быть поставлено, на ряду съ незабвенными святителями—Филаретомъ московскимъ, Григоріемъ пetersбургскимъ и Платономъ Левшинимъ. На мою долю выпало въ теченіе 10 лѣтъ быть ближайшимъ сотрудникомъ покойнаго Іоаннікія въ его многотрудной борьбѣ съ штундой въ юго-западномъ краѣ. Мало того, я близко зналъ покойнаго вообще: я видѣлъ его труды, поучался у него, переживалъ тяжкіе дни послѣднихъ страданій святителя и былъ при его кончинѣ. Онъ былъ суровъ видомъ; рѣдко

онъ поднималъ всегда опущенныя долу рѣсницы, но когда въ оживленіи рѣчи открывалъ свои замѣчательные молніеносные глаза, въ нихъ свѣтились такой умъ, такая энергія, такая проникаемость, что нельзя было выдержатъ этого взгляда тому, у кого хоть нѣсколько была нечиста совѣсть. По внѣшнему величію онъ былъ именно такимъ, какими искони привыкъ видѣть русскій народъ своихъ архипастырей. Но подъ этою суровостію скрывалось необычайно доброе, золотое сердце, хотя въ дѣлѣ онъ былъ весь законность неумолимая, справедливость неподкупная. О любви его много говорить не нужно: о ней говорятъ рукотворные и нерукотворные памятники, во множествѣ разбѣянные во всѣхъ мѣстахъ его архипастырскаго служенія. Кому не извѣстны устроенные имъ пріюты для бѣдныхъ духовнаго аванія, его заботы объ улучшеніи быта семинаристовъ и т. д. Среди многихъ его правилъ однимъ, которому онъ не измѣнялъ во время своей общественной дѣятельности, было—никогда не увеличивать мѣры наказаній, налагаемыхъ опредѣленіями консисторій. Но для насъ, участниковъ сѣзда, особенно дороги его заслуги въ дѣлѣ православной миссіи: ему первому принадлежить идея о томъ, что бороться съ расколомъ и сектантствомъ нужно не одному, а соединенными силами пастырей и мірянъ; онъ первый призвалъ къ жизни такія важныя миссіонерскія учрежденія, какъ дерковныя братства, изъ которыхъ первымъ является основанное имъ въ Саратовѣ Крестовоздвиженское братство; онъ первый призналъ необходимость миссіонерскихъ кружковъ и осуществилъ эту идею; онъ самъ лично принималъ участіе въ бесѣдахъ, отправляясь на нихъ безъ панаги и знаковъ архіерейскаго достоинства. Мнѣ лично приходилось слышать отъ него много интересныхъ разсказовъ о его чисто семейныхъ бесѣдахъ съ раскольниками, и я очень жалую, что онъ своевременно не были мною записаны. Онъ первый призвалъ къ жизни теперь всѣми признанные миссіонерскіе сѣзды. Первый такой сѣздъ былъ въ Кіевѣ въ 1894 году. Эта его идея въ настоящее время осуществляется, крѣпнетъ, расширяется и принеситъ несомнѣнные плоды: Помолимся же да упокоитъ Господь въ селеніяхъ праведныхъ душу іерарха, всю жизнь, все средства отдавашаго на благо Церкви, на поддержаніе духовенства, сословія бѣднаго, много трудящагося, забитаго.

Вмѣстѣ съ покойнымъ Іоанніемъ помянемъ въ нашей молитвѣ іерарховъ полоцкой епархіи, потрудившихся на томъ же поприщѣ—архіепископа Василія, епископовъ Викторина и Александра. Они, какъ извѣстно, обратили въ лоно православной Церкви сотни заблуждавшихся, и не ихъ вина, если обращенные вновь возвратились къ прежнему мраку. Какъ молодое, пересаженное на новую почву, дерево требуетъ особенно тщательнаго ухода со стороны садовника, такъ и новообращенные нуждаются въ сугубо внимательномъ попеченіи со стороны миссіонеровъ. Къ сожалѣнію, послѣдняя идея не привилась еще вполне къ жизни. Молитвенно помянемъ и покойныхъ миссіонеровъ полоцкой епархіи и хорошо вамъ извѣстнаго преподавателя мѣстной семинаріи Ивана Тарасовича Никифоровскаго. Онъ возжегъ свѣточъ миссіонерства въ епархіи, онъ, можно сказать, животь свой положилъ на это дѣло. Его нѣтъ уже между нами, но труды его не умерли. Въ нашихъ собраніяхъ чувствуется его духъ среди пастырей, бывшихъ его учениковъ. Недолго пришлось ему поработать, и Господь отозвалъ его въ свои обители. Если бы онъ былъ живъ донынѣ, миссія въ епархіи была бы въ полномъ расцвѣтѣ. Особенно пріятно видѣть въ этомъ молитвенномъ собраніи воспитанниковъ, будущихъ пастырей Церкви, такъ какъ дѣятельность пастыря есть по преимуществу дѣятельность миссіонерская. На васъ мы смотримъ съ надеждою; васъ мы ждемъ на ниву миссіонерскую. Пусть помянутые дѣятели будутъ для васъ примѣромъ, вашими свѣточами. Свѣтъ ихъ путь увлекаетъ васъ, и дай Богъ вамъ идти въ сіяніи этого свѣта. Итакъ, братія, помолимся“.

9-го іюня въ 12 ч. дня всѣ участники съѣзда собрались въ семинарской церкви, куда прибылъ и преосвященный Тихонъ. Послѣ благодарственного молебна епарх. латышскій миссіонеръ о. Петръ Лѣпинъ поблагодарилъ Владыку за устройство перваго епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда, указывая на важное значеніе съѣзда и выражая надежду на улучшеніе дѣла мѣстной миссіи. Затѣмъ, о. председатель съѣзда обратился съ рѣчью къ В. М. Скворцову и выразилъ ему благодарность за живое участіе и опытное руководство на съѣздѣ и при этомъ поднесъ отъ лица участниковъ ему икону Спасителя. Затѣмъ, въ квартирѣ епархіальнаго наблюдателя о. Нила Серебренникова, состоялась скромная братская трапеза, во время которой лились самыя искреннія и душевныя рѣчи дѣятелей миссіи, вошедшихъ между собою въ братское общеніе. Особенно много сказано сердечныхъ словъ дорогому гостю В. М. Скворцову, отъ лица всѣхъ участниковъ съѣзда преподавателемъ семинаріи Д. Т. Никифоровскимъ была поднесена на память фотографическая группа дѣятелей съѣзда. Подъ живымъ впечатлѣніемъ благотворнаго участія на съѣздѣ В. М. Скворцова постановлено было просить Его Преосвященство выразить г. Оберъ-Прокурору Св. Синода благодарныя чувства съѣзда за „милостивое его вниманіе къ дѣламъ мѣстной миссіи. Желаніе съѣзда Владыкою было удовлетворено.

Вечеромъ 10-го іюня въ 7 час. вечера въ открытомъ засѣданіи съѣзда В. М. Скворцовымъ была предложена бесѣда на тему: „когда и какъ отпалъ отъ православной Церкви графъ Л. Н. Толстой и его послѣднія исповѣдь“. Громадная зала была переполнена собравшимися слушателями изъ интеллигентной публики, которая съ большимъ вниманіемъ выслушала длившуюся до 10 часовъ оживленную бесѣду лектора. Преосвященный, присутствовавшій на бесѣдѣ, по окончаніи ея благодарилъ В. М. Скворцова за предложенный имъ обстоятельный разборъ лжеученій графа, замѣтивъ, что всѣ присутствовавшіе на бесѣдѣ, безъ сомнѣнія, уже не могутъ увлечься ученіемъ Толстого. Затѣмъ, Владыка предложилъ пропѣть ирмосъ „Утвержденіе на Тя надѣющихся“, и огромная зала огласилась громогласнымъ пѣніемъ.

Такъ закончился первый полоцкій епархіальный съѣздъ, и всѣ участники съѣзда, не только ободренные, но и одушевленные, разъѣхались по своимъ мѣстамъ, чтобы съ новой энергіей припяться за свое трудное дѣло.

Можемъ смѣло надѣяться, что если добрыя постановленія съѣзда будутъ осуществлены на дѣлѣ, мѣстная миссія пойдетъ впередъ съ гораздо большимъ успѣхомъ и скоро дастъ видныя благіе результаты.

Дѣлопроизводитель съѣзда *В. Бѣляевъ*.

Борьба съ сектой странниковъ Олонецкой епархіи.

Село Шунга не безызвѣстно въ исторіи раскола: оно дало одного изъ основателей Поморскаго толка, Данилу Викулича, по имени котораго и самый толкъ называется еще даниловскимъ. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ жителей Шунги, а также и ближайшихъ къ ней приходовъ, стали давать пріютъ послѣдователямъ секты странниковъ, бѣгуновъ. Ютась въ домахъ пристанодержателей, послѣдніе начали возвращать въ свой толкъ и православныхъ. Зло распространялось, охватило восемь приходовъ и пытается заразить своимъ тлетворнымъ ядомъ и другіе густонаселенные приходы Заонежья. Поэтому епархіальное начальство и миссія обратили на него особенное вниманіе и стали принимать разныя мѣры.

Въ 1899 г. въ Шунгѣ во время крещенской ярмарки впервые открыты публичныя бесѣды съ раскольниками. Въ этихъ бесѣдахъ принимаютъ участіе епархіальный миссіонеръ, два окружныхъ и одинъ помощникъ миссіонера. Пріѣзжали послушать и принять участіе нѣкоторые изъ сосѣднихъ священниковъ. Были бесѣды и въ настоящемъ году (6 и 7 января), только имѣли специальный характеръ,—направлены были противъ странничества. Вотъ программа, по которой онѣ происходили. 1) Кто такіе скрытники (мѣстное названіе) или странники? когда они появились? чему учатъ? какъ живутъ? полезны или вредны они для Церкви и государства? 2) можно ли спастись въ мірѣ или нѣтъ? удаляются ли скрытники отъ міра и по-иночески ли живутъ? Можно ли спастись въ вѣрѣ скрытниковъ? 3) Предтечи второго прішествія Христова на землю—Енохъ и Ілія. Когда они явятся? въ какомъ видѣ? долго ли будутъ жить на землѣ и приходили ли они вторично на землю или нѣтъ? 4) Кто такой антихристъ? когда онъ явится и долго ли будетъ царствовать? Есть ли онъ теперь въ мірѣ?—Трудно судить, какую пользу принесутъ бесѣды, произведенныя по этой программѣ, но несомнѣнно, что онѣ произвели доброе впечатлѣніе на слушателей: особенно сильно поразило ихъ ученіе странниковъ объ антихристѣ и распутная ихъ жизнь.

Вопросъ о борьбѣ со странничествомъ былъ поднятъ затѣмъ на 2-мъ и 3-мъ сѣздахъ миссіонеровъ Олонецкой епархіи, бывшихъ въ г. Петрозаводскѣ въ 1899 и 1900 г. Наконецъ къ обсужденію его рѣшено было привлечь самихъ священниковъ, въ приходахъ которыхъ есть странники. Поэтому, съ благословенія бывшаго преосвященнаго Назарія, бывшимъ епарх. миссіонеромъ, священникомъ К. Плотниковымъ, были приглашены въ Шунгу на 8 января сего 1901 г. 13 священниковъ, а 14-го преосвященный послалъ лично,

такъ что всѣхъ участниковъ шунгскаго миссіонерскаго собранія вкупѣ съ миссіонерами было 18 человекъ.

Послѣ молитвы, пропѣтой всѣми участниками собранія, епархіальнымъ миссіонеромъ было прочитано слѣдующее воззваніе преосвященнаго епископа Назарія:

„Священникамъ заонежскихъ приходовъ, возлюбленнымъ о Христѣ братьямъ.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ нашей епархіи іереи Божіи съ великою пользою ведутъ борьбу съ расколомъ. Нужно ли говорить, что миссіонерскій трудъ приходскаго пастыря въ предѣлахъ вѣренной ему паствы—самый святой, самый достолюбезный, самый надежный трудъ? Кто лучше можетъ знать, чѣмъ кто боленъ, въ чемъ кто нуждается въ приходѣ, какъ не пастырь добрый—приходскій священникъ! Отъ васъ, други мои, зависитъ главный успѣхъ и епархіальной миссіи. Помогайте миссіи, давая ей необходимыя свѣдѣнія о положеніи въ вашихъ приходахъ раскола; миссія поможетъ вамъ своею опытностію въ борьбѣ съ нимъ, своими знаніями, своею нравственною поддержкою; помогите вы другъ другу,—и Господь будетъ вашимъ помощникомъ и водителемъ.

Въ настоящій разъ я приглашаю васъ собраться въ Шунгу и здѣсь совмѣстно съ епархіальнымъ миссіонеромъ и другими миссіонерами обсудить мѣры для борьбы съ странничествомъ, гнѣздящимся во многихъ приходахъ Заонежья, а равно и другіе вопросы, сопрікосновенные съ расколомъ. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами“.

Послѣ прочтенія этого воззванія епархіальный миссіонеръ обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой выяснилъ причины и цѣль созванія ихъ въ Шунгу и просилъ высказать откровенно свои мысли по имѣющимъ быть предложенными вопросамъ и указать мѣры, принимаемыя каждымъ въ борьбѣ со странничествомъ. Быть можетъ, говорилъ онъ, какая-либо изъ этихъ мѣръ будетъ пригодна и для другихъ іереевъ, борющихся съ тѣмъ же зломъ. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ участниковъ собранія замѣтилъ: „какъ же узнать и гдѣ найти странниковъ? Вѣдь они скрываются“. Когда же епархіальный миссіонеръ сказалъ, что кромѣ скрытниковъ въ подлинномъ смыслѣ есть еще пристанодержатели, которые живутъ въ обществѣ, исполняютъ общественныя повинности и т. д.,—то о. о. собранія не удовлетворились этимъ и продолжали настаивать на указанномъ вопросѣ. Поэтому прежде обсужденія вопроса о мѣрахъ борьбы со странничествомъ былъ поставленъ вопросъ: *какимъ образомъ можно узнавать пристанодержателей и странниковъ?* Отвѣтъ былъ данъ такой: пристанодержателей можно узнавать, главнымъ образомъ, по слухамъ, исходящимъ отъ благона-

дежных мірянъ-сосѣдей, и по религіознымъ убѣжденіямъ подозрѣваемыхъ въ пристанодержательствѣ лицъ, а также по устройству домовъ, характерныя особенности которыхъ слѣдующія: а) внутреннія ставни въ окнахъ домовъ, устраиваемыя съ тою цѣлю, чтобы лучше скрыть дѣйствія скрывающихся въ комнатахъ лицъ, б) двойной входъ въ домъ, в) въ комнаткахъ иконки на восточной стѣнѣ, закрывающіяся дощечкой какъ ставнемъ, г) почти всегда, т. е. днемъ и ночью, открытыя, а если запертыя, то не заложеныя двери на скотный дворъ, д) если есть тайникъ на чердакѣ, то имѣетъ два окна съ внутренними ставнями и е) проведенный снизу звонокъ. Дѣйствительныхъ же странниковъ можно узнавать по внѣшнему виду, такъ какъ крайне отрицательный и враждебный ко всему міру характеръ ученія ихъ налагаетъ на своихъ послѣдователей особый отпечатокъ: послѣдователь странничества всегда почти угрюмаго вида, глядитъ изъ подлобья, сторонится отъ людей и ходитъ не по дорогѣ, а стороной.

Рѣшивъ такимъ образомъ поставленный вопросъ, оо. собранія занялись обсужденіемъ *мѣръ для борьбы со странничествомъ*. Такъ какъ странники рѣдко попадаютъ на глаза священникамъ, то бесѣды съ ними могутъ быть случайныя. Но пристанодержатели всегда на виду, да они-то и придаютъ обществу странниковъ твердость и устойчивость; поэтому съ ними и нужно прежде всего бороться. Правда, пастырскія убѣжденія мало дѣйствуютъ на пристанодержателей, такъ какъ они часто держатъ странниковъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ; однако неуспѣхъ этотъ не долженъ ослаблять пастырской ревности. Бесѣдуя съ пристанодержателями, необходимо бесѣдовать съ колеблющимися и всѣми склонными къ странничеству, а равно и православными прихожанами, разъясняя имъ неправоту ученія странниковъ и излагая православное ученіе, при чемъ стараться не только укрѣпить ихъ въ православіи, но и приготовить изъ нихъ борцовъ противъ странничества. Затѣмъ оо. собранія признали полезнымъ давать для чтенія и раздавать бесплатно прихожанамъ книги, брошюры и листки, направленные противъ странничества. Но такъ какъ такихъ сочиненій напечатано очень мало, то епархіальный миссіонеръ пригласилъ участниковъ собранія къ составленію ихъ, на что нѣкоторые и изъявили свое согласіе. Далѣе собраніе признало полезнымъ пользоваться рознью и враждою, существующею между раскольниками разныхъ толковъ, и съ этою цѣлю рѣшило натравлять ихъ другъ на друга, такъ чтобы они сами обличали другъ друга и такимъ образомъ ослаблялись. Наконецъ, въ противовѣсъ увѣреніямъ странниковъ, что они проводятъ иноческую, воздержную жизнь, оо. собранія признали необходимымъ указывать на бесѣдахъ и въ частныхъ разгово-

рахъ нравственные недостатки и вообще раскрывать всю ихъ нравственную грязь.

Послѣ рѣшенія вопросовъ о странничествѣ участники собранія занялись обсужденіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, встрѣтившихся въ ихъ приходской миссіонерской практикѣ.

1) *Доноситъ ли епархіальному начальству о всякомъ отдѣльномъ случаѣ соображенія въ расколъ, какъ это требуется § 4, п. 6 инструкціи приходскимъ священникамъ Олонецкой епархіи?* Изъ высказанныхъ по этому вопросу мнѣній оказалось, что священники, боясь отвѣтственности, затрудняются выполнить этотъ § инструкціи. Напрасно епархіальный миссіонеръ ссылаясь на недавніе указы Св. Синода и духовной консисторіи, на примѣры нѣкоторыхъ священниковъ, — ничто не помогло: почти всѣ остались при своемъ мнѣніи.

2) Въ виду того, что нѣкоторые хозяева училищныхъ квартиръ отъ земства не дозволяютъ производить противораскольническія чтенія и собесѣдованія въ этихъ квартирахъ, оо. собранія признали необходимымъ ходатайствовать предъ уѣздными земскими управами, чтобъ онѣ сдѣлали зависящее распоряженіе по этому вопросу.

3) *Дѣлать ли въ метрическихъ книгахъ запись о смерти раскольниковъ, если въ погребеніи ихъ причтъ не принималъ участія?* Отвѣтъ: записи не дѣлать, а о каждомъ подобномъ случаѣ сразу же доносить епархіальному начальству.

Въ заключеніе оо. собранія признали необходимымъ изъ числа мѣръ, полезныхъ въ борьбѣ съ расколомъ, но еще не вошедшихъ въ приходскую миссіонерскую практику, непременно ввести слѣдующія: а) произносить за богослуженіемъ проповѣди, направленные къ раскрытію раскольническихъ заблужденій, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; б) на религиозно-нравственныхъ чтеніяхъ читать статьи и противораскольническаго содержанія; в) въ миссіонерскихъ дневникахъ приходскаго духовенства помѣщать свѣдѣнія о всемъ выдающемся въ жизни мѣстнаго раскола, о затрудненіяхъ, встрѣчающихся при исполненіи миссіонерскихъ обязанностей и т. д., о чемъ до этого времени въ нихъ не сообщалось; г) такъ какъ низшіе члены причта, не смотря на постановленіе 2-го съѣзда миссіонеровъ Олонецкой епархіи, еще не принимаютъ участія въ приходской миссіи, то постараться привлечь ихъ къ этому и д) хотя на 1-мъ съѣздѣ тѣхъ же миссіонеровъ было постановлено заводить приходскія противораскольническія бібліотеки, но до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ это постановленіе не приведено въ исполненіе, то поэтому озаботиться о скорѣйшемъ его выполненіи.

Таковы постановленія *перваго* миссіонерскаго собранія, бывшаго въ Олонецкой епархіи. Немного этихъ постановленій, но они сдѣланы самими священниками и вызваны жизнію, поэтому скорѣе и охотнѣе будутъ приводиться въ исполненіе, что въ высшей степени и желательно. *К. П.*

БИБЛИОГРАФІЯ.

Голубинскій Е. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. М. 1896 г.
49 стр. ц. 50 коп.

Книжка эта какъ-то замолчена нашей печатью. О ней упомянулъ, или—вѣрнѣе говоря—по поводу ея поговорилъ лишь г. Добромисловъ въ „Мисс. Сборн.“ за 1896 г. № 2—3. Причина этому, вѣроятно, та, что ее отождествили съ тѣми статьями проф. Е. Голубинскаго, которыя съ этимъ же самымъ заглавіемъ печатались въ 1892 г. въ журналѣ „Богосл. Вѣстн.“ Эти же статьи г. Голубинскаго имѣютъ несовсѣмъ-то пріятную извѣстность; отсюда—нежеланіе говорить и распространять и вышеназванную брошюру. — „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, разумѣется, имѣетъ общее съ статьями г. Голубинскаго „Богосл. Вѣстн.“: оно входитъ лишь какъ одна часть и при томъ незначительная тѣхъ статей, но представляетъ не выборку изъ нихъ, а отдѣльный цѣлостный оттискъ изъ напечатаннаго авторомъ въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1895 г.

Въ этой книжкѣ своей г. Голубинскій сказалъ въ началѣ, что „расколъ старообрядчества возникъ у насъ изъ-за того, что предки наши приравняли обряды и обычаи церковные къ догматамъ вѣры, и что это приравненіе дало имъ основаніе думать о позднѣйшихъ грекахъ, будто греки эти отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ“...; устанавливаетъ то положеніе практическаго значенія, „что въ полемикѣ съ старообрядцами подлежитъ доказывать несправедливость приравненія обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры, и что вмѣстѣ съ этимъ будетъ доказана и несправедливость мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ“.

Важность выясненія старообрядцамъ выставленныхъ авторомъ положеній признаютъ и миссіонеры, и не разъ, конечно, на бесѣдахъ они и дѣлали это выясненіе; т. об. Голубинскій не новое что-либо говорить имъ. Они бы хотѣли выслушать, какъ поставить дѣло и что бы предпринять, чтобы это выясненіе приводило старообрядцевъ къ желаемому признанію;

но Голубинскій ничего объ этомъ не говоритъ, да едва ли что и можно сказать основательное: Голубинскій ограничивается болѣе скромною задачею,—онъ доказываетъ неосновательность 1) мнѣнія русскихъ о грекахъ, какъ допустившихъ у себя еретическія новшества, 2) приравненія обрядовъ къ догматамъ и 3) выясняетъ, откуда произошли разности въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ сравнительно съ греческими. Такимъ образомъ, Голубинскій берется за дѣло обличенія раскола. Обличеніе это онъ ведетъ чисто историческимъ путемъ. Цѣлымъ рядомъ документовъ и свидѣтельствъ онъ основательно изобличаетъ старообрядцевъ. Съ этой-то стороны его книжка для миссіонера пріобрѣтаетъ немаловажное значеніе. Въ ней онъ найдетъ доказательства самыя рѣшительныя, что греки послѣ Флорентійской уніи не только не усвоили латинскихъ ересей, но и не могли ихъ воспринять, найдетъ разборъ противныхъ сему мнѣній. Вторая глава обогатитъ читателя свидѣтельствами изъ святоотеческихъ писаній и историческихъ книгъ, что обряды и обычай въ древней Церкви были очень разнообразны и изъ-за разности въ нихъ никто не отдѣлялся; изъ этой же главы читатель извлечетъ, что единоувѣріе, какъ церковное единеніе въ вѣрѣ при разности богослужебнаго текста и обрядовъ, имѣетъ свое основаніе въ практикѣ древней Церкви.—Среди приводимыхъ авторомъ соображеній и свидѣтельствъ есть и новыя; а присущій ему критическій анализъ заставляеть довѣряться его положеніямъ и выводамъ.

Въ виду этого всего мы смѣло можемъ порекомендовать эту книжку автору всѣмъ миссіонерамъ; можемъ посовѣтовать давать ее для чтенія и раскольникамъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ „носятся съ Голубинскимъ“, и гдѣ вопросы о грекахъ поднимаются на бесѣдахъ. То же, что книжка вышла изъ свѣтской цензуры, должно придать ей въ глазахъ раскольника еще большую силу убѣдительности.

М. Чельцовъ.

Отношеніе богословской науки къ всемірнымъ задачамъ Богочеловѣка. *(Вступительная лекція проф. богословія свящ. А. М. Клитина, читанная 24-го Января 1901 года въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ).* Одесса. 1901.

Борьба человѣка противъ Бога (знаменательный образъ который данъ намъ въ таинственномъ бorenіи патріарха Іакова), стремленіе его стать независимымъ ни отъ кого владыкою вселенной, примиреніе человѣчества и Божества во Христѣ и созиданіе Царства Божія возглавленнымъ во Христѣ

человѣчествомъ—такова глубочайшая тема исторіи, разсматриваемой съ религіозной точки зрѣнія. Вся міровая жизнь въ христіанскомъ освѣщеніи сводится къ этому одному глубочайшему принципу—Богочеловѣчества. Въ немъ находятъ свой высшій смыслъ и дѣйствительное значеніе всѣ стороны человѣческой дѣятельности: наука и культура, мораль и право, искусство и цивилизація. Задача богословской науки состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ связь между всѣми этими родами человѣческаго творчества и возвести ихъ къ одному принципу, создать высшій христіанскій синтезъ, гдѣ идея Богочеловѣчества служить мостомъ отъ царства человѣческаго разума къ царству Божіей правды. Блестящую попытку такого синтеза представилъ покойный Вл. Соловьевъ. На ту же точку зрѣнія становится и свящ. Клитинъ въ своихъ лекціяхъ. И нельзя не признать основательности такого взгляда. Со времени блестящихъ культурныхъ успѣховъ; гордое человѣчество хотеть создать свое, чисто-земное міросозерцаніе. Отвергнувъ потустороннее существованіе, оно думаетъ ограничиться землей; мысли о небѣ мѣшаютъ этому, поэтому прочь всякій идеализмъ, все трансцендентное! Для богословской науки предстоить, такимъ образомъ, нелегкая апологетическая задача: показать суетность этой новой вавилонской башни до небесъ и безмысленность жизни безъ Бога. Такова объективная сторона дѣла. Но авторъ долженъ еще имѣть въ виду и считаться съ субъективными условіями преподаванія, примѣняться къ своимъ слушателямъ. „Время жизни нашей учащейся молодежи есть самое дорогое время жизни человѣчества. Это время развивающихся идеаловъ, основъ и устоевъ жизни, время борьбы съ собою, самоопредѣленія въ дѣйствіяхъ, стремленій къ самообразованію, время колебаній и сомнѣній горячихъ, увлеченій, это время пробужденія и значительнаго подъема всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ человѣка... Здѣсь потребны тонкая наблюдательность и чуткость къ разнаго рода процессамъ духовно-физической жизни, энергія и твердость духа и глубокій, всесторонній анализъ внутренней борьбы... Чѣмъ разрѣшится борьба плоти и духа? Какой рядъ идей утвердится въ духѣ и опредѣлитъ его содержаніе? Куда пойдетъ молодая душа? Здѣсь рѣшается судьба всѣхъ надеждъ будущей исторіи даннаго народа. Отсюда-то и открывается великое служеніе богословской науки въ отношеніи къ высшимъ запросамъ человѣческаго духа въ періодъ особенно сильнаго ихъ возбужденія“. Только она можетъ дать человѣку самостоятельныя убѣжденія. „Только христіанская наука указываетъ неизсякаемый для всего міра источникъ живыхъ силъ во Христѣ, который есть путь, истина и жизнь. Кто жаждетъ, пусть идетъ ко Мнѣ и пьетъ (Іоан. VII, 37),—такъ зоветъ къ Себѣ Спаситель всякую душу, жаждущую высшихъ убѣжденій,

ищущую истины. Такой воды, такого источника жизни не можетъ дать никакая философія“. „Въ кругѣ высшихъ христіанскихъ идей и событій получаютъ свою правильную оцѣнку всѣ философскія ученія и современныя идеи“.

Пожелаемъ же почтенному автору полного успѣха на новомъ поприщѣ! Молодежь чутка ко всему высокому, ея свѣжія силы воспримчивы ко всему идейному. Нужно только сумѣть затронуть лучшія струны ея души...

Михаилъ Леоновичъ.

Александръ Аннинскій. Исторія Армянской Церкви (до XIX вѣка). Нишиневъ. Николаевская ул. № 106. 1900 г. Цѣна 2 р.

Доселѣ въ нашей литературѣ появлялись отдѣльныя статьи и цѣлыя сочиненія лишь по частнымъ вопросамъ армянской церкви и не было полной ея исторіи. Настоящій почтенный трудъ автора представляетъ полную обстоятельную исторію армянской церкви. Руководящая идея этого труда заключается въ томъ, чтобы на почвѣ исторіи рѣшить вопросъ: православна ли армянская церковь, откуда происходятъ наблюдаемыя теперь ея особенности, и были ли клеветами тѣ обвиненія, которыя выставляли противъ армянъ греки.

Обозрѣвая исторію армянской церкви, авторъ дѣлитъ ее на пять періодовъ. Первый періодъ простирается отъ обращенія армянъ въ христіанство, относимаго къ 317 или 318 году, до отдѣленія армянской церкви отъ вселенской, всецѣло и рѣзко обнаружившагося въ постановленіяхъ Довинскаго противохалкидонскаго собора 527 г., когда армянамъ было запрещено путешествовать въ Іерусалимъ на богомолье и входить въ общеніе съ греками и когда было рѣшено армянскаго католикоса титуловать патріархомъ. Названный историческій періодъ армянской церкви характеризуется направленіемъ вполне православнымъ. Хотя армянскіе іерархи и не были на 2-омъ вселенскомъ соборѣ, однако символъ армянскій составленъ былъ въ духѣ никео-цареградскаго. Богослуженіе армянской церкви до Исаака Великаго было греческое и совершалось по греческимъ книгамъ. Въ совершеніи таинствъ нѣтъ никакихъ признаковъ присутствія тѣхъ особенностей, важныхъ по своему внутреннему смыслу, которыя замѣчаются въ армянской церкви позже. Были лишь отступленія частныя, не касавшіяся сущности вѣроученія. Церковное управленіе Арменіи имѣло тотъ же строй, какъ и въ другихъ церквахъ Востока того времени. Второй періодъ, начинающійся Довинскимъ соборомъ 527 г. продолжается до

859 года, когда Арменіи была дана автономія. Довинскій соборъ полагаетъ такую рѣзкую грань, которая дѣлитъ всю исторію армянской церкви собственно на два періода, — всѣ остальные, указываемые авторомъ, — 3-й, 4-ый и 5-ый періоды составляютъ въ сущности лишь видоизмѣненіе 2-го, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ политическихъ обстоятельствъ. На соборѣ въ Довинѣ уже видно извращеніе вселенскаго ученія касательно лица Иисуса Христа. Соборъ постановилъ признавать въ Христѣ одну природу и, чтобы нагляднѣе выразить мысль объ этомъ единствѣ, подтвердилъ праздновать Рождество Христово и Богоявленіе въ одинъ день, 6 января, постановилъ совершать таинство евхаристіи на прѣсныхъ хлѣбахъ и на одномъ винѣ, безъ примѣси воды, и другое. До крайняго обособленія достигла армянская церковь въ 552 г., въ каковомъ на соборѣ было установлено для армянъ новое лѣтосчисленіе и составленъ особый армянскій календарь, и въ 726 году, когда на соборѣ Маназкертскомъ была произнесена анаѳема на соборъ Халкидонскій и на всѣхъ, „кто говоритъ, что Христосъ былъ человекомъ по природѣ, и твореніемъ и тлѣннымъ по плоти и подверженнымъ страданію и смертнымъ по природѣ человѣческой.“ Въ теченіе второго періода исторіи армянской церкви выяснились догматическія разности ея вѣроученія, вызвавшія отдѣленія многихъ ея единомышленниковъ (католиковъ Агваніи, Грузіи и др.), и армянская іерархія получила свое полное устройство.

Третій періодъ исторіи армянской церкви простирается отъ возстановленія армянскаго царства до покоренія его турками, окончательно завершился въ 1071 году. Означенный періодъ не представляетъ по существу чего-либо новаго въ развитіи вѣроученія. Армяне то входятъ въ тѣсное сближеніе съ церковью греческою, то обостряютъ свои отношенія до того, что не считаютъ даже христіанами пріемлющихъ Халкидонскій соборъ, и, по приказанію католика Аноніи, устанавливаютъ вторичное крещеніе для послѣдователей Халкидонскаго собора; то во главѣ іерархіи вновь являются лица съ православнымъ образомъ мыслей, сочувствующіе грекамъ, но не достигающіе единенія съ ними. Въ такомъ двусмысленномъ и колеблющемся состояніи армяне попадаютъ подъ власть турокъ — сельджуковъ. Отсюда начинается четвертый періодъ исторіи армянской церкви, продолжающійся до 1440 г., когда на соборѣ въ Эчміадзинѣ былъ рѣшенъ вопросъ о перенесеніи каяедры католика съ окрайны, изъ Киликіи, во внутрь восточной Арменіи, въ древній центръ церковнаго управленія Эчміадзинъ. Въ этотъ періодъ произошли очень важныя перемѣны въ направленіи армянской богословствующей мысли. Вслѣдствіе перенесенія церковнаго центра на окраину Арменіи, высшая армянская іерархія вошла въ ближайшее соприкос-

новеніе съ греками, лучше познакомилась съ ихъ вѣроученіемъ и такимъ обр. перестала проявлять фанатическую ненависть къ греческому исповѣданію. Съ другой стороны, благодаря крестоносцамъ, армяне входятъ въ близкія отношенія съ западными христіанами, проникаются уваженіемъ къ латинской вѣрѣ, благоговѣніемъ къ папѣ, теряютъ самоувѣренность въ непогрѣшимости своей церкви, проявляютъ сознаніе въ своихъ заблужденіяхъ и обнаруживаютъ самое искреннее стремленіе къ единенію съ Церковью вселенскою. Хотя попытки къ этому единенію не привели ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ, но онѣ отличаются совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ прежде. Мы уже не видимъ того религіознаго фанатизма, самоувѣренности и задора, какъ въ предшествующіе періоды, а видимъ самое искреннее желаніе познать истину.

Возвращеніемъ каяедры католикаса въ Эчміадзинъ начинается 5-ый и послѣдній періодъ исторіи армянской церкви, разсматриваемый авторомъ, простирающійся до начала XIX столѣтія. Этотъ періодъ характеризуетъ авторъ, какъ время самыхъ позорныхъ іерархическихъ смутъ и унижительной зависимости отъ мусульманъ. Раздираемые борьбою личныхъ интересовъ, высшіе армянскіе іерархи потеряли сознаніе высоты и отвѣтственности своего служенія, заглушили стремленіе къ познанію Божественной истины, и сами дошли, и свою паству довели до поразительно низкаго нравственнаго уровня. Тѣснимые то мусульманами, то персами, армяне обращали свой взоръ на западъ и писали жалобныя посланія папамъ, прося защиты и доказывая согласіе вѣры армянской съ латинской, а нѣкоторые даже принимали унію съ латинцами, но все это было скорѣе дѣломъ внѣшней необходимости, чѣмъ плодомъ живого сознанія истины. Съ начала 18-го столѣтія армянскіе католикосы обращаются за покровительствомъ къ Россіи, отнесшейся къ нимъ очень сочувственно. Къ концу столѣтія успѣхъ этихъ сношеній былъ столь великъ, что въ 1796 г. рескриптомъ гр. В. Зубову, назначенному главнокомандующимъ персидской экспедиціей, предписано было, между прочимъ, и возстановленіе армянскаго царства, осуществленію какого плана помѣшала смерть Екатерины.

По смерти католикаса Гукаса Россія въ первый разъ приняла участіе въ избраніи эчміадзинскаго патріарха, представляя своего кандидата, и съ этого времени начинается новый періодъ въ исторіи армянской церкви.

Н. III.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Предостереженіе г. Министра Вн. Дѣлъ старо- обрядцамъ.

Во время пребыванія своего въ Нижегородской губ. г. Министръ Вн. Дѣлъ обратился къ старообрядцамъ въ Городцѣ съ рѣчью, которая изложена въ *Прав. Вѣстникѣ* такъ: „Я очень радъ былъ услышать отъ мѣстныхъ властей, что вы не допускаете отступленій отъ закона 1883 года, по силѣ котораго вамъ дарованы нѣкоторыя права и возложены на васъ извѣстныя обязанности. Согласно даннымъ мнѣ Государемъ Императоромъ указаніямъ, предупреждаю васъ, что при условіи спокойнаго и законмѣрнаго пользованія вами этими правами и точнаго исполненія лежащихъ на васъ обязанностей васъ никто изъ мѣстныхъ властей не будетъ преслѣдовать, но малѣйшая попытка ваша выйти изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя вы поставлены закономъ 1883 г., немедленно повлечетъ за собою самое строгое воздѣйствіе“.

Глубокій интересъ и вниманіе, проявленные г. Министромъ при путешествіи его по Волгѣ, къ мѣстнымъ историческимъ церковнымъ памятникамъ, подробные разспросы о храмахъ и религіозномъ состояніи и воспитаніи населенія, а также высокое уваженіе высокаго сановника къ православному духовенству (министръ всегда бралъ у священниковъ благословеніе и діаконамъ подавалъ руку), проявившееся вездѣ при посѣщеніи православныхъ храмовъ и учрежденій г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, егермейстеромъ Д. С. Сипягинымъ,—дали основаніе мѣстному духовенству и обществу быть убѣжденными, что православное и религіозное воспитаніе населенія нашего отечества составляетъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ заботъ ближайшихъ исполнителей державной воли нашего Государя Императора, и что тщетными должны остаться всѣ ухищренія и вождѣлнія раскола занять незаконное, дерзающее положеніе относительно господствующей Церкви.

Некрологъ.

Видимо рѣдѣетъ слишкомъ немногочисленная наша дружина „воинствующихъ мечемъ Слова Божія“!.. Одни, не устоявъ подъ тяжестью миссіонерскаго крестоношенія, сами уходятъ съ этой чреды служенія Церкви и народу на инныя поприща, другихъ отзываетъ въ Свою пренебесную „страну далечу“ Начальникъ жизни и смерти... Давно ли мы на страницахъ „Мисс. Обзор.“ помянули добрымъ словомъ почившаго добраго дѣятеля въ миссіонерскомъ вертоградѣ Егора Антоновича Антонова, нынѣ предлежитъ намъ печальный долгъ заносить въ Миссіонерскій синодикъ новую невознаградимую утрату во истину славное имя приснопамятнаго *о. протоіерея Іоанна Григорьевича Виноградова*, скончавшагося 14 іюля. Кто изъ миссіонерствующей братіи и изъ среды воссоединившихся съ Церковію не зналъ и не любилъ о. Іоанна Виноградова, какъ плѣнительную красу миссіи, какъ дивный образецъ истиннаго миссіонера-пастыря! О. Павелъ Прусскій и о. Іоаннъ Виноградовъ—эти два незабвенныхъ имени стоятъ рядомъ, какъ московскія свѣтила миссіи, возженные рукою великаго Филарета, какъ два непреодолимыхъ въ борьбѣ съ московскимъ могучимъ расколомъ столпа. Оба изъ безвѣстной среды,—первый изъ раскольничьихъ трущобъ, второй—изъ пономарскихъ низминъ,—безъ высшаго образованія, скромные, смиренные по характеру, стяжали себѣ всероссійскую извѣстность исключительно благодаря лишь самоотверженному подвигу миссіонерскаго служенія. Почившій о. Іоаннъ всю свою долгую жизнь (онъ скончался на 73 году жизни и на 53 году священства) посвятилъ неустанной пастыре-миссіонерской проповѣди Слова Божія и св. подвигу привлеченія въ ограду Церкви заблудшихъ, коснѣющихъ во тьмѣ раскола. Безконечная изъ года въ годъ лѣтопись воссоединенныхъ въ лоно Церкви о. Виноградовымъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о замѣчательной успѣшности и благоплодности миссій этого приснопамятнаго пастыря-миссіонера. Но какъ о. Іоаннъ поборалъ упорство раскольниковъ, чѣмъ плѣнялъ въ послушаніе Церкви сердца и волю отщепенцевъ и возрождалъ во Христѣ этихъ многочисленныхъ своихъ духовныхъ чадъ? Вотъ глубокойинтересный для миссіонеровъ вопросъ. Изслѣдованіе и характеристика миссіонерской столь поучительной и практики, и литературной полемической дѣятельности приснопамятнаго о. Іоанна должна составлять одну изъ ближайшихъ задачъ близко знавшихъ почившаго дѣятеля миссіи, здѣсь же мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ одно:—любовью, терпѣніемъ и кротостью, убѣжденіемъ побѣждать о. Іоаннъ вра-

говъ православія и водворялъ строптивыхъ овецъ въ церковную ограду. Кто хоть разъ лично видалъ о. Іоанна и бесѣдовалъ съ нимъ, тотъ сразу пойметъ, въ чемъ сила обаянія пастырской личности и слова проповѣди почившаго незабвеннаго о. миссіонера. Открытое, ласковое лицо, тихій кроткій взглядъ очей, привѣтливая улыбка устъ, вниманіе, сострадательная отзывчивость ко всѣмъ требовавшимъ его духовной или матеріальной помощи, искренняя участливость ко всякому безъ лицепріятія и лицеизрѣнія и въ скорби и радости, умная, ясная, мягкая, снисходительная къ ошибкамъ заблудшихъ и потому благодушная, задушевная, убѣжденная бесѣда безъ гнѣва и раздраженія невольно привлекали сердца всѣхъ и каждого и внушали безусловное довѣріе къ слову пастыря-миссіонера. Эти свойства его чистой души и ангельскаго характера сдѣлали покойнаго миссіонера однимъ изъ извѣстнѣйшихъ и любимыхъ пастырей во всей Москвѣ, а въ то же время и законоучителемъ въ лучшихъ по педагогическому строю московскихъ учебныхъ заведеній, — каковы лицей, женская классическая гимназія Фишеръ.

По окончаніи курса въ Виѣанской семинаріи первымъ студентомъ, о. Іоаннъ по семейнымъ обстоятельствамъ не пошелъ въ академію, а принялъ санъ священства и началъ пастырскую и вмѣстѣ учительскую службу въ г. Коломнѣ, и оттуда черезъ 9 лѣтъ переведенъ въ Москву, сначала къ Тихвинской, а потомъ Параскевіевской церкви, что въ Охотномъ ряду, а затѣмъ Сергіевской. Здѣсь въ полной мѣрѣ развернулись недюженные таланты почтеннаго іерея, какъ проповѣдника, законоучителя и борца противъ раскола. О. Іоаннъ первый не только въ Москвѣ, но и вообще, съ благословенія м. Филарета, положилъ починъ заведенію вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ и раскольниками. Тогда это дѣло было и новымъ, и крайне труднымъ, при отсутствіи выработанныхъ методовъ и полемическихъ пособій. О. Іоаннъ владѣлъ даромъ живого импровизированнаго находчиваго слова и не оставлялъ слушателей безъ проповѣди ни при одной праздничной службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. протоіерей оставилъ миссіи цѣнныя литературныя работы. Такъ еще въ 70 годахъ напечатано было имъ объемистое изслѣдованіе. „О Теодоритовомъ словѣ“, извѣстны также его цѣлый рядъ другихъ работъ по разнымъ вопросамъ расколовѣдѣнія и миссіонерской практики. При Сергіевской Церкви, гдѣ почившій служилъ послѣдніе 13 лѣтъ, о. Іоаннъ оставилъ по себѣ рукотворенный памятникъ, — прекрасную аудиторію для миссіонерскихъ собесѣдованій. Почившій пастырь-миссіонеръ состоялъ почетнымъ членомъ московской академіи, что для приходскаго пастыря безъ высшаго образованія составляетъ рѣдкую честь.

Чувствуя старческія немощи и слабость силъ, о. Іоаннъ

готовился къ переходу въ иной міръ, какъ глубоко вѣрующій христіанинъ. За три недѣли до смерти онъ пособоровался, а послѣдніе 13 дней ежедневно приобщался Св. Тайнъ. Всѣ предсмертныя распоряженія сдѣланы имъ съ радостнымъ спокойствіемъ духа и живою вѣрою и свѣтлыми чаяніями жизни будущаго вѣка. Такъ живутъ и умираютъ истинные миссіонеры и мужественные борцы за правду вѣры православной! Да послужить же свѣтлый образъ почившаго о. Іоанна и образцомъ, и утвержденіемъ для миссіонерствующей братіи, которая да вознесетъ теплыя свои молитвы объ упокоеніи праведной души незабвеннаго своего старшаго соратника; миссія же сохранить о немъ вѣчную память!

В. Скорцовъ.

Миссіонерскій синодикъ.

Прекрасный обычай сталъ входить въ жизнь миссіонерскихъ нашихъ съѣздовъ. Это совершеніе молитвеннаго поминовенія по всѣмъ почившимъ дѣятелямъ миссіи. Въ Витебскѣ совершалось такое поминовеніе служеніемъ панихиды, а въ Нижнемъ-Новгородѣ миссіонерскимъ съѣздомъ, состоявшимся 20—25 августа,—совершена была литургія, а послѣ панихиды по всѣмъ усопшимъ „проповѣдникамъ вѣры православной“, начиная съ патріарха Никона и кончая новопреставленными протоіереемъ Іоанномъ и раб. Георгіемъ (Антоновымъ). На томъ же съѣздѣ преосвященнымъ Назаріемъ подана благая мысль составить общій миссіонерскій синодикъ всѣхъ почившихъ извѣстныхъ дѣятелей всероссійской миссіи. Судя по наскоро составленнымъ синодикамъ на Витебскомъ и Нижегородскомъ съѣздахъ, число извѣстныхъ дѣятелей-миссіонеровъ незначительно, а, слѣдовательно, составить общемиссіонерскій синодикъ не представитъ особыхъ затрудненій. Нашъ журналъ, какъ органъ миссіи, долгомъ считаетъ пойти на встрѣчу въ дѣлѣ осуществленія этой прекрасной идеи. Долгъ миссіонеровъ мѣстныхъ составить по каждой епархіи такой синодикъ, съ краткимъ описаніемъ жизнедѣятельности и заслугъ на поприщѣ мѣстной миссіи почившихъ дѣятелей. Списки эти редакція наша долгомъ сочтетъ напечатать на страницахъ „Мисс. Обзор.“ и издать особо. Такъ объединится въ духъ и молитвѣ семья нынѣшнихъ миссіонеровъ съ почившими собратьями. Да будетъ!

В. С.

Къ вопросу объ увѣковѣченіи памяти почившихъ миссіонеровъ.

(Письмо въ редакцію).

Досточтимый г. редакторъ! Изъ августовской книжки журн. „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ узнали мы въ „Стародубѣ“ о смерти Егора Антонова. Не стало еще одного борца въ рядахъ миссіонерствующей братіи. Съ великою скорбію встрѣтило наше „Стародубье“ эту трудно-вознаградимую для миссіи потерю, но „еще и весь міръ пріобрѣщаемъ, и тогда во гробъ вселимся“,—неизбѣжный удѣлъ нашего земного бытія. Хотя и незнакомъ намъ лично почившій труженникъ, но мы всегда имѣли съ нимъ духовное общеніе, когда въ рукахъ нашихъ былъ мечъ его произведеній и разборовъ, которыми мы часто вооружались для борьбы съ враждующимъ расколомъ.

Насколько сильны и незамѣнимы были для дѣла миссіи его разборы, считаю долгомъ рассказать объ одномъ весьма недавнемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ нашемъ центрѣ „Стародубья“—п. Клинцахъ. Одинъ изъ мѣстныхъ раскольниковъ А. Б—въ, подъ вліяніемъ чтенія полемики и бесѣдъ усумнился въ правотѣ раскола и рѣшилъ принять православіе. Желая удержать А. Б—ва въ расколѣ, присные его направили колеблющагося южика къ бѣлокриницкому уставщику Е. Борисову, который увѣщевалъ Б—ва и далъ ему для прочтенія заграничную брошюрку Швецова „Показанія“. Прочитавъ эти „Показанія“, А. Б—въ отложилъ свое присоединеніе къ Церкви и, придя однажды въ братскую лавку, заявилъ, что теперь лишь онъ понялъ, какъ обманываютъ ихъ, старообрядцевъ, и при этомъ Б—въ сослался на Швецовскую книжку „Показанія“. Не желая разубѣждать А. Б—ва, сидѣлецъ лишь просилъ его прочесть разборъ этихъ „Показаній“, который и далъ ему на домъ для чтенія. Недѣли черезъ двѣ А. Б—въ отправился съ разборомъ къ Е. Борисову—уставщику и сказалъ ему „вотъ лжетъ же твой Швецовъ въ „Показаніи“, да и не только лжетъ, а еще и тексты св. Евангелія по своему передѣлываетъ и при этомъ показалъ замѣченные мѣста. Провѣривъ указаннныя мѣста по Евангелію, уставщикъ Борисовъ былъ крайне смущенъ и въ свою защиту сказалъ лишь, что это навѣрно вышла опечатка въ Швецовской книжкѣ. Вскорѣ послѣ этого А. Б—въ присоединился къ Церкви.

Помянувъ молитвенно усопшаго новопреставленнаго раба Божія Георгія, обращаемся къ вамъ, г. редакторъ, съ всепожорѣйшею просьбой, возьмите на себя трудъ открыть при редакціи сборъ пожертвованій на учрежденіе въ память почившаго какого-либо добраго дѣла (что вы найдете луч-

шимъ и смотря по собранной суммѣ). Письму же этому не откажите дать мѣсто въ „Мисс. Обзор.“, не откликнутся ли на призывъ нашего сердца и другіе собраты — труженики миссіонеры? Пусть наши скудные лепты будутъ вѣнкомъ на свѣжую могилу почившаго соработника-миссіонера.

Прилагаемая же болѣе чѣмъ скудная лепта пусть будетъ началомъ предполагаемаго сбора.

Псаломщикъ единовѣрч. церкви *Иванъ Чередниковъ*.

19 августа 1901 года,

П. Клины .

Р. S. Редакція съ полнымъ сочувствіемъ отзывается на этотъ благой призывъ въ дѣлѣ увѣковѣченія памяти скромныхъ по положенію, но великихъ по идеѣ своего служенія дѣятелей миссіи. Нѣтъ болѣе забытыхъ въ обществѣ и обездоленныхъ въ Церкви и государствѣ служенія и служителей, какъ миссія и миссіонеры. Такъ, напр., среди современнаго потока благотворительныхъ щедротъ на всевозможныя учрежденія, дѣла и начинанія, слыхалъ ли кто, чтобы были пожертвованія на нужды противъ сектантской и противораскольнической миссіи, въ пользу св. дѣла обращенія ко-снѣющихъ во тьмѣ и сѣни смертныхъ грѣховъ и заблужденій? Не говоритъ ли это объ упадкѣ духа ревности по вѣрѣ въ нашемъ обществѣ христіанъ и о недостаткѣ сознанія важности миссіонерскаго служенія въ Церкви. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, сами-то мы, миссіонеры, дружно нести тяготы и памятовать другъ о другѣ и при жизни, и по смерти. Охотно открываемъ пріемъ пожертвованій на увѣковѣченіе памяти приснопамятныхъ миссіонеровъ не только Егора Антоновича, но о. протоіерея Іоанна Виноградова. Для обсужденія вопроса, какъ и чѣмъ увѣковѣчить ихъ память,—предоставляемъ въ журналѣ мѣсто для заявленій и возбудимъ этотъ вопросъ на предстоящемъ окружномъ Орловскомъ съѣздѣ, имѣющемъ состояться съ 16—23 сентября.

Редакція въ основу жертвы въ память новопреставленныхъ кладетъ и свою лепту, въ суммѣ 50 руб.

Возраженіе на статью «Современные пропагандисты раскола» ¹⁾.

Въ январьской и февральской книжкахъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» за текущій годъ помѣщена статья — «Современные пропагандисты раскола», въ которой авторъ г. Вельскій описываетъ исторію построенія въ посадѣ Мелекесѣ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской епархіи, храма во имя св. Бл. князя Александра Невскаго, «появленіе и усиленіе раскола Федосѣевскаго (безбрачнаго) толка, борьбу съ этой вредной сектой бывшаго Самарскаго епископа, нынѣ Московскаго митрополита Владиміра, и послѣдующую борьбу православія съ Марковскимъ толкомъ. Кто такой г. Вельскій, — мы не знаемъ, — да это и неважно; а важно то, что г. Вельскій въ указанной статьѣ все, касающееся построенія въ посадѣ Мелекесѣ новаго храма, усиленія, якобы, раскола Федосѣевскаго безбрачнаго толка, а равнымъ образомъ и о борьбѣ съ расколомъ, сообщилъ въ превратномъ, искаженномъ видѣ и своею неправдою нанесъ оскорбленіе не столько Марковымъ, сколько православной Самарской миссіи. Имѣя подъ руками подлинныя дѣла изъ Самарской Духовной Консисто́ріи о построеніи въ посадѣ Мелекесѣ новаго храма во имя св. Бл. князя Александра-Невскаго, а также дѣло изъ канцеляріи г. Самарскаго губернатора, который, по порученію г. оберъ-прокурора Св. Синода, производилъ негласное дознаніе въ посадѣ Мелекесѣ по жалобѣ жителей посада Мелекеса — Сироткина, Таратина и Сорокина на неправильныя, якобы, дѣйствія Мелекесскаго городского головы Маркова по дѣлу о постройкѣ храма, — равнымъ образомъ имѣя подъ руками записку Преосвященнаго Гурія, который принималъ близкое участіе въ построеніи въ посадѣ Мелекесѣ новаго храма, нравственнымъ долгомъ почитаемъ разоблачить неправильныя свѣдѣнія г. Вельскаго о положеніи православія въ Самарской епархіи вообще и въ частности въ посадѣ Мелекесѣ. Долгомъ почитаемъ сказать, что Преосвященный Гурій, спустя почти годъ послѣ моего перехода изъ Саратова на должность Самарскаго епархіальнаго миссіонера, нарочито для изученія состоянія раскола въ Мелекесѣ и для борьбы съ нимъ — командировалъ меня въ посадѣ Мелекесѣ,

¹⁾ Редакція наша, свято охраняя принципъ *audiat et altera pars*, — съ удовольствіемъ даетъ мѣсто настоящему возраженію, не смотря на стѣснительный для печатнаго органа объемъ статьи. Разъ г. Марковъ — не раскольникъ, а единовѣрецъ, то для насъ совершенно ясно, что мы ошиблись, помѣстивъ на страницахъ миссіонерскаго органа статью г. Вельскаго, въ чемъ и выражаемъ искреннее сожалѣніе.

Редакція.

гдѣ я, пробывъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, изучилъ Мелекесскій расколъ на мѣстѣ и могу тоже правдивое слово сказать противъ статьи г. Вельскаго.

Итакъ, изложимъ сначала (на основаніи дѣла Сам. Дух. Консисторіи 1890 — 1894 гг. № 392, отношенія Самарскаго губернатора оберъ-прокурору Св. Синода отъ 29 октября 1892 г. № 1323) исторію построенія въ посадѣ Мелекесѣ новаго храма во имя св. Бл. князя Александра Невскаго. Жалобы Сироткина и Таратина на неправильныя, будто-бы, дѣйствія по постройкѣ церкви въ посадѣ Мелекесѣ начали поступать со второй половины 1890 года, а между тѣмъ дѣло построенія Мелекесскимъ посадскимъ обществомъ каменнаго храма во имя св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго начато и послѣдовательно велось посадскимъ управленіемъ съ марта 1881 г.

8-го марта 1881 года въ Мелекесской думѣ былъ возбужденъ, а 2-го апрѣля 1881 года рѣшенъ утвердительно вопросъ о сооруженіи въ память мученической кончины Государя Императора Александра II-го каменнаго храма, посвященнаго имени святаго Благовѣрнаго князя Александра-Невскаго, а предварительно небольшою часовни въ честь того же святаго. Постановленіе это, доведенное чрезъ Министра Внутреннихъ дѣлъ до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, удостоилось изъясненія Высочайшей благодарности, объявленнаго въ посадской думѣ 5-го Мая 1881 г. Въ исполненіе означеннаго постановленія Мелекесская посадская управа въ 1882 г. окончила постройку часовни, израсходовавъ на этотъ предметъ 1469 р. 12 коп. Засимъ посадское общественное управленіе озаботилось собираніемъ средствъ для постройки храма, отпустивъ единовременно на этотъ предметъ 3000 руб. и опредѣливъ дѣлать съ 1882 г. отчисленія изъ общественныхъ суммъ по 500 р. ежегодно. Благодаря такимъ отчисленіямъ, увеличеннымъ съ 1883 г. до 1200 рублей, а съ 1887 г. до 1700 руб., уже къ 1886 г. составилъ капиталъ въ 7000 р., а за все время съ 1883 г. по 1891 г. посадское общественное управленіе, посредствомъ указанныхъ отчисленій и сбора добровольныхъ пожертвованій собрало сумму въ 19393 руб. 20 коп. Съ весны 1887 г. начата заготовка кирпича и 11-го сентября того же года думой принятъ для сооруженія церкви проектъ академика Шервуда. — Представленіемъ отъ 21 мая 1888 г. за № 439 Мелекесскій посадскій голова ходатайствовалъ предъ Преосвященнымъ Серафимомъ о разрѣшеніи на постройку двухпрестольнаго каменнаго храма по проекту академика Шервуда, вмѣстимостью на 1200 человѣкъ. Проектъ этотъ, требовавшій для своего выполненія около 150,000 рублей и составленный, очевидно, слишкомъ роскошно и совершенно несоотвѣтственно потребностямъ и

средствамъ посада Мелекеса, былъ впослѣдствіи оставленъ, и 9-го февраля 1890 г. посадская дума рѣшила, взамѣнъ перваго своего ходатайства, просить разрѣшеніе на постройку каменнаго храма съ однимъ престоломъ въ честь св. Благовѣрнаго князя Александра-Невскаго. Проектъ церкви съ исчисленіемъ смѣты на сумму 25000 рублей составленъ Самарскимъ епархіальнымъ архитекторомъ Хилинскимъ, который и имѣлъ наблюденіе за производствомъ постройки. Это ходатайство было представлено Преосвященному Серафиму отношеніемъ посадскаго головы отъ 17 марта 1890 года за № 270, взамѣнъ перваго ходатайства отъ 21 мая 1888 г., которое еще оставалось неразрѣшеннымъ со стороны Самарской Духовной Консисторіи. Въ промежутокъ времени между этими двумя ходатайствами посада Мелекесъ былъ постигнута бѣдствіемъ: 19 іюля 1889 г. пожаръ истребилъ половину посада, причѣмъ сгорѣла и старая деревянная Никольская церковь. Въ церковной оградѣ былъ сложенъ заготовлявшійся для постройки церкви кирпичъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ пожара въ Мелекесъ прибылъ Самарскій вице-губернаторъ (нынѣ Самарскій губернаторъ) и подаль совѣтъ обратитъ заготовленный кирпичъ въ продажу частнымъ лицамъ. Къ такому рѣшенію представлялось двоякое основаніе: постройку церкви, въ то время еще не разрѣшенную, во всякомъ случаѣ приходилось отложить на годъ, между тѣмъ какъ погорѣльцы сильно нуждались въ строительныхъ матеріалахъ и кромѣ того-кирпичъ, который былъ бы оставленъ еще въ теченіи цѣлаго года безъ употребленія, на открытомъ воздухѣ могъ испортиться. И дѣйствительно, заготовленный на церковь кирпичъ, 3 года простоявъ на открытомъ воздухѣ и подвергнувшись разрушительному дѣйствію пожара, не былъ пригоденъ на постройку храма; къ тому же въ общественныхъ кирпичныхъ сараяхъ въ то время имѣлось свѣже-изготовленнаго кирпича до 300,000 шт., что вполне было достаточно для закладки храма.

Такимъ образомъ продажа заготовленнаго кирпича была разрѣшена Самарскимъ губернаторомъ, да имъ же, а не Марковымъ и не самовольно, и поданъ былъ совѣтъ продать кирпичъ,—и по причинамъ довольно уважительнымъ. А г. Вельскій пишетъ, что «православные увидѣли своими глазами, что строители-раскольники издѣваются надъ православіемъ и изъ церковнаго кирпича строятъ не церковь, а конюшни, кабакъ и др. Говорили, что заготовленный кирпичъ на церковь былъ лучшаго качества, а поставленный новый и купленный плохого качества и разной мѣры. Но по заключенію завѣдующаго постройкою храма, епархіальнаго архитектора Хилинскаго, который все время наблюдалъ за постройкой,—новый кирпичъ былъ не хуже прежняго и

признанъ былъ вполне пригоднымъ для этой постройки. (См. дѣло стр. 62.)

Далѣе, протоколомъ Самарской Духовной Консistoriи отъ 25 мая 1890 г., утвержденнымъ Преосвященнымъ Серафимомъ 6-го іюля того же года, послѣдовало разрѣшеніе на постройку каменнаго храма на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной Никольской церкви. При этомъ въ 3-мъ пунктѣ консисторскаго опредѣленія было постановлено: «въ составъ коммисіи по постройкѣ церкви, каковая имѣтъ быть утверждена думою, отъ духовнаго вѣдомства назначить священника Старо-Никольской церкви (сгорѣвшей) Андрея Иванова». 22 іюля 1890 г. мѣстнымъ благочиннымъ, священникомъ Люстрицкимъ, была произведена въ посадѣ Мелекесѣ, на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, закладка каменнаго храма; при чемъ благочинный, донося консисторiи о совершеніи закладки, въ рапортѣ своемъ отъ 28 іюля 1890 г. за № 247—писалъ, что имъ «произведена закладка новаго каменнаго храма во имя св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго».—Въ это самое время, когда послѣ 9-лѣтнихъ подготовительныхъ хлопотъ Мелекесское посадское управленіе, съ головою Марковымъ во главѣ, приступило къ дѣйствительному выполненію своего постановленія, начинаетъ поступать рядъ жалобъ и доносовъ, направленныхъ къ тому, чтобы всѣми средствами опорочить Маркова въ глазахъ гражданскаго и епархіальнаго начальства и заставить устранивъ его отъ дѣла постройки церкви.—Первая жалоба недовольныхъ, поданная Преосвященному Серафиму въ видѣ безыменнаго доноса, подписанная „православные жители посада Мелекеса“ и помѣченная числомъ 25 іюня 1890 г., была препровождена Преосвященнымъ къ Самарскому губернатору при отношеніи отъ 24 августа 1900 г. за № 7265. Засимъ въ теченіе 1890 и 1891 гг. послѣдоваль цѣлый рядъ жалобъ, поданныхъ по тому же предмету Преосвященному Сергію, епископу Чебоксарскому, временно-управлявшему епархіею, а затѣмъ и Преосвященному Владиміру. Подъ всѣми этими прошеніями во главѣ подписавшихся стоятъ имена: врача Сироткина и купца Таратина, т. е. тѣхъ самыхъ лицъ, которые въ 1892 г. обратились съ жалобой къ оберъ-прокурору Св. Синода. Содержаніе всѣхъ этихъ жалобъ сводится къ слѣдующимъ обвинительнымъ пунктамъ: Марковъ, будучи, по заявленію жалобщиковъ, закоренѣлымъ раскольниковъ и врагомъ православія, самовольно сталъ во главѣ постройки церкви, незаконно продавалъ и присвоилъ себѣ церковный кирпичъ, учредилъ безъ надлежащаго разрѣшенія кружечный сборъ и подписки, самовольно распорядился страховою преміею въ 6000 рублей, полученною за сгорѣвшую церковь и, наконецъ, самовольно, будто-бы, заложилъ храмъ во имя св. Благовѣрнаго князя Александра

Невскаго, между тѣмъ какъ со стороны консисторіи разрѣшеніе на постройку церкви послѣдовало подъ условіемъ освященія ея во имя Святителя и Чудотворца Николая. Вслѣдствіе этихъ жалобъ Преосвященный Владиміръ отношеніемъ отъ 5 іюня 1891 г. за № 5871 просилъ Самарскаго губернатора сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы все дѣло постройки церкви было изъято изъ вѣдѣнія комиссіи, составленной посадскою думою и передано строительной комиссіи, составленной распоряженіемъ епархіальнаго начальства подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника. Въ видѣ мотивовъ къ такой просьбѣ было приведено, что Его Преосвященство, согласно съ заключеніемъ консисторіи, находитъ: во 1-хъ, дѣйствія учрежденной при посадской думѣ комиссіи и въ частности дѣйствія предсѣдателя сей комиссіи посадскаго головы Маркова во многомъ неправильными и самочинными и во 2-хъ, что такая передача необходима для болѣе успѣшнаго хода сей постройки.—Вслѣдствіе сего Самарскій губернаторъ Свербеевъ предложеніемъ отъ 15 іюля 1891 г. за № 807, предписалъ Мелекесской посадской управѣ о передачѣ дѣла и капиталовъ по постройкѣ церкви, согласно требованію Преосвященнаго Владимира.

На это предложеніе посадскій голова представленіемъ отъ 30 іюля 1891 г. за № 666 довелъ до свѣдѣнія губернатора, что имѣющая быть учрежденною отъ епархіальнаго начальства строительная комиссія еще не составлена, и что по учрежденіи таковой и по полученіи отъ нея требованія о передачѣ вышеуказаннаго дѣла, вопросъ объ этой передачѣ будетъ безотлагательно внесенъ на рѣшеніе думы. Затѣмъ, какъ видно изъ копій журнала засѣданія Мелекесской посадской думы отъ 29 октября 1891 года, представленной Самарскому губернатору при отношеніи отъ 6 ноябля 1891 г. за № 887, дума, по обсужденіи этого вопроса, уклонилась отъ исполненія обращеннаго къ ней требованія и сдѣлала слѣдующія постановленія, клонившіяся къ тому, чтобы оставить веденіе строительнаго дѣла на прежнихъ основаніяхъ въ своемъ завѣдываніи. Нигдѣ не выражая прямого отказа исполнить это требованіе, но имѣя въ виду, что старый составъ думы, ведшій дѣло постройки, вскорѣ долженъ передать свои полномочія новому составу думы, и что работы по постройкѣ храма уже прекращены на зимнее время 1891 г., почему и не представляется надобности въ спѣшномъ рѣшеніи вопроса, посадская дума постановила вопросъ о передачѣ дѣла по сооруженію новаго каменнаго храма оставить открытымъ и своевременно внести на рѣшеніе новаго состава думы. Отсрочивъ, такимъ образомъ, передачу строительнаго дѣла, дума въ томъ же засѣданіи уполномочила посадскую управу на покупку строительныхъ матеріаловъ, которые потребуются въ 1892 г., мотивируя

это постановление тѣмъ соображеніемъ, что для дальнѣйшаго безостановочнаго веденія постройки благовременная заготовка строительныхъ матеріаловъ необходима, безразлично, будетъ ли въ дальнѣйшемъ завѣдывать постройкою коммиссія, избранная думою, или же епархіальная коммиссія.—Войдя затѣмъ въ обсужденіе вопроса о законности дальнѣйшаго существованія и дѣйствій учрежденной ею строительной коммиссіи, дума постановила, что эта коммиссія должна существовать, вести порученное ей дѣло и всѣ ея дѣйствія въ предѣлахъ предоставленныхъ ей полномочій должны почитаться законными до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшенъ новымъ составомъ думы отсроченный вопросъ о передачѣ строительнаго дѣла. Приведенное постановление Мелекесской посадской думы, состоявшееся 29 октября 1891 года, представлено было на усмотрѣніе губернатора. Такое постановление Мелекесской думы Самарскимъ губернаторомъ отмѣнено не было, и вотъ въ 1892 г., трудами учрежденной думою строительной коммиссіи, церковная постройка закончена была вчера.

Послѣ Свербеева — вице-губернаторъ Брянчаниновъ въ вступленіи въ должность Самарскаго губернатора, не призналъ полезнымъ настаивать на устраненіи Мелекесской посадской думы и головы Маркова отъ постройки церкви, что объясняется тѣмъ, что, по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, губернаторъ пришелъ къ убѣжденію, что 1) жалобы, подаваемые съ 1890 года, вытекаютъ не изъ чувства искренняго религіознаго рвенія, а являются только средствомъ борьбы мелкихъ личныхъ интересовъ, чуждыхъ дѣламъ вѣры, 2) что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неправильностей, которыя укажемъ ниже, обвиненія возводимыя на Маркова, являются неосновательными, 3) что приостановка дѣятельности существующей строительной коммиссіи въ самый разгаръ постройки отдалило бы ея окончаніе по крайней мѣрѣ еще на одинъ годъ, и 4) что поэтому для успѣшнаго и мирнаго окончанія дѣла, начатаго и почти уже доведеннаго до конца Мелекесскимъ посадскимъ общественнымъ управленіемъ, желательно дать этому дѣлу совсѣмъ иное направленіе, чѣмъ то, которое дано ему со стороны Самарской Духовной консисторіи.

Посадскій голова, Константинъ Григорьевъ Марковъ, представитель богатой купеческой семьи, весьма вліятельный въ посадѣ Мелекесѣ, занимаетъ должность посадскаго головы уже въ теченіе 18 лѣтъ. Отецъ Маркова и его родня принадлежать къ старообрядчеству, но самъ Марковъ приписанъ къ Самарской единовѣрческой церкви. Судить, насколько искренно его присоединеніе къ единовѣрцію, я не берусь; но во всякомъ случаѣ—говорить, что онъ врагъ православія, что онъ содѣйствуетъ укорененію раскола въ

посадѣ Мелекесѣ и его округѣ,—совершенно будетъ ложно: данныхъ для этого нѣтъ никакихъ. О людяхъ нужно судить по ихъ дѣламъ, и я думаю, что закоренѣлый раскольникъ и врагъ православной Церкви едва ли взялъ бы на себя починъ и дѣятельное участіе въ дѣлѣ построенія православнаго храма, которое Марковъ велъ неустанно съ 1891 г. и съ многими для себя непріятностями.—Большія денежные средства Маркова и «личная неопороченная репутація» (слова губернатора) ставятъ его выше подозрѣній въ какихъ-либо корыстныхъ денежныхъ интересахъ въ бывшемъ дѣлѣ или въ расхищеніи цековнаго имущества, въ чемъ и противники его не обвиняли.—Побужденія, заставлявшія Маркова такъ дорожить своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ, объясняются, по моему мнѣнію, очень просто. Построеніе храма въ честь св. Благовѣрнаго князя Александра Невского въ посадѣ Мелекесѣ было съ самаго начала поведено, какъ дѣло общественное, долженствовавшее ознаменовывать въ глазахъ мѣстнаго населенія память о мученической кончинѣ покойнаго Государя.

При самомъ возникновеніи этого предположенія, когда дума располагала еще весьма гадательными средствами для его осуществленія, она поспѣшила довести о своемъ намѣреніи до Высочайшаго свѣдѣнія, за что и удостоилась изъясненія Высочайшей благодарности. Марковъ, какъ чловѣкъ, любящій почетъ, привыкшій занимать первое мѣсто во всякомъ общественномъ дѣлѣ посада, чванливый, какъ большинство лицъ, вышедшихъ въ люди благодаря своему богатству, естественно дорожилъ тѣмъ, чтобы крупное общественное дѣло, начатое имъ и на которое, по его мнѣнію, обращено Высочайшее вниманіе, было окончено подъ его руководствомъ; а съ тѣхъ поръ какъ проявились попытки устранить его отъ этого дѣла, онъ, естественно, смотрѣлъ на него—какъ на дѣло личнаго самолюбія.—Главные его обвинители, врачъ Сироткинъ и купецъ А. Таратинъ, питаютъ къ нему личную вражду. Сироткинъ, бывший прежде врачомъ при посадскомъ общественномъ управленіи, но затѣмъ изъ-за чего-то разсорившійся съ Марковымъ, питаетъ къ нему непримиримую вражду и съ 1890 г. неустанно преслѣдовалъ его газетными корреспонденціями и жалобами. Таратинъ—зажиточный купецъ, добивающійся преобладающаго вліянія въ посадѣ, не можетъ достигнуть его, пока не сломитъ значенія Маркова, съ которымъ онъ по богатству и вліянію тягаться не можетъ. Вотъ настоящая личная подкладка тѣхъ настойчивыхъ, но по большинству неосновательныхъ обвиненій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ.

Самарскій епархіалън. миссіонеръ свящ. Д. Александровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Миссіонерскія новости.

Миссіонеръ *Олонецкой* епархіи священникъ о. Константинъ Плотниковъ оставилъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, миссіонерское служеніе, и должность эта въ означенной епархіи числится вакантною. Олонецкій миссіонеръ получаетъ изъ суммъ Св. Синода 2000 р.

Вакантными состоятъ должности миссіонеровъ въ *Оренбургской* (миссіонеры требуются, по желанію мѣстнаго преосвященнаго, въ священномъ санѣ) епархіи и *Тамбовской*.

Въ *Казанской* епархіи на должность противораскольничьяго миссіонера назначенъ кандидатъ казанской академіи г. Василевскій.

Именные иконы.

Аеонскій Ильинскій скитъ, сочувствуя дѣлу утвержденія въ вѣрѣ православнаго русскаго народа, съ благословенія высокопреосвященнаго Лустина, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, вѣлѣдствіе ходатайства херсонскаго епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда, предпринялъ изданіе именныхъ иконъ, подъ руководствомъ епархіальнаго миссіонера М. А. Кальнева. Цѣль изданія—сблизить народъ, особенно молодое подрастающее поколѣніе, съ Св. Церковію, возбудить въ православныхъ людяхъ чувство благоговѣнія къ святымъ, имя которыхъ они носятъ, и къ ихъ священнымъ изображеніямъ, научить народъ молиться своимъ святымъ покровителямъ, знать ихъ жизнь и труды, дабы, взирая на кончину ихъ жизни, подражали вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7). Значеніе именныхъ иконъ, которыми пастыри будутъ снабжать каждаго крещаемаго младенца, болѣе подробно объяснено въ статьѣ „Именные иконы“, помѣщенной въ № 24 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1901 годъ.

Именные иконы, наклеенныя на толстомъ и прочномъ картонѣ, издаются въ 12 красокъ, величиной въ 3×4 вершка; внизу лицевой стороны каждой иконы напечатанъ тропарь святому, на оборотной сторонѣ иконы напечатаны житіе святого и форма выписи акта о рожденіи новокрещеннаго. Пока издано до 150 иконъ святыхъ, имена коихъ болѣе употребительны въ народѣ; но Ильинскій Аеонскій скитъ приложить всѣ заботы къ дальнѣйшему дополненію изданія иконами и другихъ святыхъ православной Церкви. Питая полную надежду на сочувственное отношеніе къ этому святому дѣлу со стороны приходскихъ пастырей, Ильинскій Аеонскій скитъ намерѣн возможнымъ издавать именные иконы по слѣдующей, вполнѣ доступной для народа, цѣнѣ: отъ 1 до 10 по 5 к.; отъ 10 до 100—4½ к.; а отъ 100 до 1000 и далѣе по 4 коп. за каждый экз. безъ пересылки, расходъ на которую, соотвѣтственно почтовому и желѣзнодорожному тарифамъ, будетъ исчисляться на счетъ покупателей.—Заказъ можно получать и наложеннымъ платежемъ.

Со всѣми требованіями обращаться: Одесса, въ Аеонское Ильинское подворье, Пушкинская улица.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 12 сентября 1901 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.

Лжехристианство Толстого предъ судомъ свѣтской критики.

 6 книжкѣ журнала „Миръ Искусства“ напечатанъ докладъ Д. С. Мережковского, читанный имъ въ литературно-философскомъ обществѣ 6 февраля 1901 г. Читатели наши въ свое время ознакомлены были съ краткимъ содержаніемъ этого доклада, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими чтеніе его въ обществѣ ¹⁾. Теперь, въ виду появленія въ свѣтскомъ журналѣ этой весьма важной для нашихъ апологетическихъ и полемическихъ цѣлей свѣтской критики религіозныхъ воззрѣній яснополянскаго проповѣдника, мы считаемъ полезнымъ подробно остановить вниманіе читателей нашихъ на этомъ произведеніи Д. С. Мережковского, сказавшаго столь извѣстное и правдивое слово о догматикѣ и религіи гр. Толстого.

Д. С. Мережковскій въ своемъ докладѣ задѣваетъ самую Ахиллесову пятую всей толстовской догматики, мутный источникъ ея, изъ котораго вытекаетъ и „непротивленіе злу“, и представленіе о Богѣ, о благодати, о таинствахъ и цѣли существованія человѣка.

Авторъ доклада прекрасно выражаетъ всю сущность толстовства слѣдующими словами проф. Аміеля ²⁾.

„Когда не мечтаешь уже о томъ, что имѣешь передъ со-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“, февраль 1901 г., стр. 236.

²⁾ Аміель—профессоръ философіи Женевскаго университета, род. 1821 г., умеръ 1881 г. Не выдѣляясь при жизни изъ числа другихъ ученыхъ и писателей, Аміель приобрѣлъ обширную извѣстность посмертнымъ изданіемъ его дневника, который онъ велъ въ теченіе 30 лѣтъ. Трудъ этотъ поражаетъ глубиною содержанія, красотою изложенія и искреннею задумчивостью. На русскій языкъ переведенъ дочерью Л. Н. Толстого подъ его редакціей и съ его предисловіемъ.

Ред.

бою свободными десятки лѣтъ, годъ, мѣсяцъ, когда считаешь уже десятками часовъ, и будущая ночь несетъ въ себѣ угрозу неизвѣданнаго, очевидно, что отказываешься отъ искусства, науки, политики и довольствуешься бесѣдой съ самимъ собой, а это возможно до конца. Внутренняя бесѣда эта—одно, что остается приговоренному къ смерти, казнь котораго откладывается. Онъ, этотъ приговоренный, сосредоточивается въ себѣ самомъ.—Онъ уже не дѣйствуетъ, а созерцаетъ.—*Какъ заяцъ, онъ возвращается умирать къ своему жилищу*; и жилище это—есть совѣсть, его мысль. Пока онъ можетъ держать перо и имѣть минутку уединенія, онъ сосредоточивается передъ этимъ отзвукомъ самого себя и бесѣдуетъ съ Богомъ.—Это, впрочемъ, не нравственное изслѣдованіе, не покаяніе, не призывъ. Это только „аминь“ *покорности*.—„Дитя мое, отдай мнѣ свое сердце“.—Отреченіе и согласіе мнѣ менѣе трудны потому, что *я ничего не хочу. Я бы желалъ только не страдать*. Христосъ въ Геосиманскомъ саду просилъ о томъ же. Сдѣлаемъ же то же, что и Онъ. „Впрочемъ, пусть будетъ не моя воля, но Твоя“,—и будемъ ждать“.

Страхъ смерти и чувство неизбежности ея—вотъ основной камень толстовскаго представленія о Богѣ. Безконечная покорность и страхъ умирающаго зайца, отвѣчающаго на послѣдній смертельный ударъ охотника: „да будетъ воля твоя“—вотъ источникъ толстовской морали, доведенный имъ до послѣдней крайности. Но какъ это далеко отъ христіанской любви къ Богу. *Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ*, говоритъ ученикъ Іисуса, возлежавшій на груди Его,—что *мы имѣемъ дерзновеніе*.—*Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе, боящійся же не совершенъ въ любви*“ (1 Іоан. 4, 17—18). Могутъ ли стать рядомъ съ такими словами нравственные взгляды Толстого? Имѣетъ ли его любовь „дерзновеніе“ и изгоняетъ ли она страхъ? „Нѣтъ, справедливо говоритъ Мережковский, сама она вся—отъ страха, отъ „мученія страха“, отъ послѣдней степени этого мученія, которая есть даже не просто страхъ смерти и страданія, а *страхъ страха*... „Дитя, отдай мнѣ твое сердце“, говоритъ Господь. „На, возьми, да будетъ воля Твоя“, а въ тайнѣ мысль самая страшная: я знаю, что ты господинъ жестокій,—жнешь, гдѣ не сѣялъ,

собираешь, гдѣ не разсыпалъ; если я тебѣ и не отдамъ моего сердца,—ты все равно возьмешь его, возьмешь насильно: такъ на-же, возьми, „да будетъ воля Твоя“.—Не отдѣляется ли здѣсь одинъ волосокъ величайшую покорность отъ величайшаго бунта?—справедливо замѣчаетъ Мережковский.

„Смерть и страданія, какъ пугалы, со всѣхъ сторонъ ухаютъ на человѣка и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся въ любви“. „Пугалы смерти и страданій насильно загоняютъ человѣка, какъ звѣря, какъ того кабана, котораго травить дядя Ерощка ¹⁾—въ капканъ любви, въ законъ любви“. Невольно при этомъ припоминается „первая ступень“ Толстого, гдѣ онъ со свойственной ему пластичкой описываетъ, какъ загоняютъ быка на скотобойнѣ въ стойло, гдѣ его и убиваютъ. Также пластично и въ тѣхъ же самыхъ образахъ рисуется Толстой и смерть Ивана Ильича. Въ предсмертныхъ мученіяхъ Иванъ Ильичъ „бился, какъ бьется въ рукахъ палача приговоренный къ смерти, зная, что онъ не можетъ спастись. Онъ плакалъ о безпомощности своей, о своемъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей, о жестокости Бога“. Тайна смерти, тайна Бога и есть та „черная дыра“, черный узкій мѣшокъ, куда „суется съ болью“ умирающаго Ивана Ильича ²⁾, „все дальше просовывается и не можетъ просунуть сила невидимая, непреодолимая“, нѣчто безобразное и безобразное. Такой Богъ—даже не Онъ, а Оно. Въ предсмертномъ бреду князя Андрея ³⁾ „за дверью стоитъ оно“. Что-то ужасное, уже надавливая съ другой стороны, ломится въ дверь. Что-то нечеловѣческое—смерть ломится въ дверь“.

Такой Богъ лишаетъ человѣка достоинства, низводитъ на степень животного, ставитъ въ самое унижительное положеніе человѣческую душу и тѣло.

Ужасъ, животный страхъ и печаль—вотъ тѣ чувства, которыя должно возбуждать такое представленіе о Божествѣ. Андрея Болконскаго предъ Аустерлицкимъ боемъ—*страшитъ*

¹⁾ Герой разсказа—„Казаки“.

²⁾ Герой повѣсти „Смерть Ивана Ильича“.

³⁾ Князь Андрей Болконскій одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа „Война и миръ“.

и печалитъ мысль, что его, можетъ быть, завтра не будетъ, что тѣло его выбросать, какъ падаль.

„Меня не будетъ—вотъ крикъ только животнаго себялюбія предъ смертью, крикъ только обнаженного человѣческаго тѣла, даже не тѣла, а „мяса“. И „дальше и кромѣ этого ничего не было“.

„Есть ли это, однако, послѣднее освобожденіе, побѣда духа надъ плотью?“—основательно ставить вопросъ Мережковский. „Вѣдь нѣчто новое, рѣшающее здѣсь произошло сначала въ тѣлѣ; душа только отражаетъ то, что уже произошло въ тѣлѣ; только объясняетъ слабость тѣла, какъ „слабость любви“, какъ сознаніе своего страшнаго одиночества и беззащитности; но собственно *отъ себя* ничего не прибавляетъ. И здѣсь, какъ вездѣ, какъ всегда у Л. Толстого, не тѣло слѣдуетъ за душою, а наоборотъ,—душа за тѣломъ: что сначала въ тѣлѣ, то потомъ въ душѣ. Тѣлесное первоначально, духовное, или, лучше сказать, „душевное“—производно. Душевное вытекаетъ изъ тѣлеснаго, какъ слѣдствіе изъ причины. Тѣло уходитъ изъ жизни въ не-жизнь, опускается въ „черную дыру“,—и душа влечется за тѣломъ; тѣло тянетъ душу. Воскресеніе духа есть только умираніе тѣла, не начало чего-то новаго сверхъживотнаго, а только конецъ стараго, животнаго,—отрицаніе плоти—одно отрицаніе, безъ утвержденія того, что за плотью.

Здѣсь происходящее въ душѣ такъ связано съ происходящимъ въ тѣлѣ, что одно невозможно безъ другого, одно исчезаетъ за другимъ. Если бы Брехуновъ не замерзъ, то просто не сумѣлъ бы вспомнить своихъ любовныхъ мыслей о Никитѣ ¹⁾ и, по всей вѣроятности, остался бы такимъ же кремнемъ, какимъ былъ до замерзанія, тѣломъ бы воскресъ, а духомъ снова умеръ бы. Эта любовь не въ жизнь, а изъ жизни“.

И дѣйствительно, и у князя Андрея только тогда началось „пробужденіе отъ жизни“, когда болѣзнь его приняла дурной характеръ, а онъ въ бреду увидѣлъ себя умершимъ. Послѣ этого любовь къ жизни и къ людямъ показалась ему далекою и чуждою, слишкомъ живою. „Тогда онъ еще жалѣлъ жизнь, хотѣлъ вернуться въ жизнь, думалъ, что жизнью можно утолить безконечную жажду любви: теперь онъ понялъ

¹⁾ Дѣйствующія лица въ разск. „Хозяинъ и работники“.

до конца, что жизнь не нужна для любви, такъ же какъ любовь не нужна для жизни, что сама любовь есть только отрицаніе всей земной жизни.—Все, всѣхъ любить,—думаетъ князь Андрей—значить никого не любить, значить не жить этою землею жизнью“. „И чѣмъ больше—прибавляетъ Л. Толстой уже отъ себя,—проникался онъ этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая, когда у насъ нѣтъ любви, стоитъ между жизнью и смертію“.—„Всѣхъ любить—значить никого не любить“—вотъ любовь для насъ, живыхъ, непонятная, и страшная, страшнѣе всякой ненависти. Намъ кажется, замѣчаетъ Мережковский, что это вовсе не любовь, а скорѣе отсутствіе любви.

И дѣйствительно, взглядъ князя Андрея на все живое становится „холоднымъ, почти враждебнымъ“. Наташа, Марья робѣютъ подъ этимъ взглядомъ, чувствуютъ, что онъ больше не любитъ ихъ и что ихъ любовь ему не нужна... И эта-то ужасающая насмѣшка мертваго надъ живыми, этотъ отталкивающий холодъ, это безконечное презрѣніе и вражда ко всему живому, по мнѣнію князя Андрея, по мнѣнію Л. Толстого, и есть именно „та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ“.

Эта любовь дѣлаетъ кн. Андрея холоднымъ и безсердечнымъ къ своимъ сестрамъ и безучастнымъ къ сыну своему Николушкѣ. И какъ странно для насъ тутъ еще его воспоминаніе объ Евангеліи!—„Мари, ты знаешь Еван...“—но онъ вдругъ замолчалъ.

— „Что ты говоришь?

— „Ничего. Не надо плакать здѣсь,—сказалъ онъ, тѣмъ же холоднымъ взглядомъ глядя на нее.

„Когда княжна Марья заплакала, онъ понялъ, что она плакала о томъ, что Николушка останется безъ отца... „Да, имъ это должно казаться жалко,—подумалъ онъ. А какъ это просто! „Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ“, сказалъ онъ самъ себѣ и хотѣлъ тоже сказать княжнѣ: „но нѣтъ, они поймутъ это по своему, они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ, всѣ эти мысли, которыя кажутся намъ такъ важны, что онѣ—не нужны. Мы не можемъ понимать другъ друга!“—и онъ замолчалъ“.

„Донынѣ казалось намъ, живымъ, справедливо замѣчаетъ Мережковский, что Христосъ пришелъ проповѣдывать ученіе Свое не мертвымъ, а живымъ, и что живые могутъ понять Его. Но вотъ оказывается, что это ошибка, что все живое для Христа „не нужно“,—между Христомъ и жизнью нѣтъ никакого соединенія;—„мы не можемъ понимать другъ друга“. Только умирающіе, почти мертвые могутъ Его понимать. Княземъ Андреемъ и Л. Толстымъ окончательно отвергнуто это слово: „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“,—„у Бога всѣ живы“; для кн. Андрея и Л. Толстого Богъ есть Богъ только мертвыхъ,—у Бога всѣ мертвы. „Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ“?—Нѣтъ,—„пусть мертвецы хоронятъ живыхъ“; Христосъ не „смертью смерть“, а смертью жизнь поправилъ. Для кн. Андрея и Л. Толстого не смерть есть жизнь, а жизнь есть смерть. „Да будетъ и на землѣ, какъ на небѣ, воля Твоя“?—Нѣтъ, у князя Андрея и Л. Толстого молитва иная: да будетъ воля Твоя на небѣ, только на небѣ, потому что на землѣ ея вовсе быть не можетъ, потому что вся земля есть то, что противъ воли Твоей, и воля Твоя въ томъ, чтобы земли вовсе не было“.

— „Мари, ты знаешь Еван....“—но онъ вдругъ замолчалъ“.—„Мы не можемъ понимать другъ друга“.—Какое страшное молчаніе! Сколько въ немъ жестокости! Была ли вообще на землѣ большая жестокость, большее проклятiе жизни? И въ этомъ-то проклятiи, которое вѣдь въ концѣ концовъ есть, можетъ быть, лишь обратная сторона циническаго, животнаго себялюбiя—„все это ужасно просто, гадко;—всѣ вы живете и думаете о живомъ, а я...“—заключается, по мнѣнію Л. Толстого, вся „благая вѣсть“ Евангелiя.—Полно, не злая ли вѣсть?—мѣтко замѣчаетъ авторъ доклада.

Богъ есть „Ничто“, какое-то безличное *Оно*, сила неопредѣленная, неумолимая; къ ней не только нельзя обращаться, но даже нельзя выразить ее никакими словами. Такому Богу нельзя молиться, потому что между нимъ и живыми людьми не можетъ быть никакого общенiя.

„Всякое понятное воображеніе о томъ, что я познаю Бога—напримѣръ, что Онъ творецъ, или милосердъ, или что нибудь подобное—удаляетъ меня отъ Него и прекращаетъ мое приближеніе къ Нему“,—говоритъ Л. Толстой въ заграничной брошюрѣ „Понятiе о Богѣ“—*Concept de Dieu*.

Geneve 1889.—Ежели эту логику довести до конца, то неминуемо получится та самая трагедія, которую переживаетъ умирающій князь Андрей: никакими мыслями, никакими чувствами живые люди не могутъ приблизиться къ Богу, Который есть само отрицаніе всего живого, всего существующаго, есть послѣднее Ничто,—любить Бога значить любить Ничто, погружаться въ Нирвану, въ небытіе.—„Мари, ты знаешь Еван...“—да нѣтъ, не стоитъ съ живыми говорить объ этомъ,—все равно не поймутъ, не услышатъ:—„мы не можемъ понимать другъ друга“; надо молча до конца проклясть всѣхъ живыхъ и умереть, чтобы соединиться съ Богомъ. „Мѣстоименіе „Онъ“ уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога; „Онъ“ какъ-то умаляетъ Его“,—продолжаетъ Л. Толстой въ той же заграничной брошюрѣ, какъ будто доканчивая мысли князя Андрея.

„Не черезъ свободную, безстрашную сыновнюю любовь къ Отцу Небесному, а развѣ только черезъ животный Ерошкинъ ужасъ, ужасъ голаго человѣческаго тѣла, человѣческаго мяса, черезъ „аминь“ послѣдней покорности, аминь дрожащей твари можно приблизиться къ такому Богу, дѣлаетъ вполне прямой выводъ Мережковский. Будь только Л. Толстой до конца послѣдователенъ, онъ и пришелъ-бы къ этому неизбежному выводу, онъ сказалъ бы себѣ: кому я стану молиться: Господи, помилуй меня? кому я скажу: „Отецъ мой Небесный“? Мнѣ этого некому сказать, потому что всякое понятіе о Богѣ, а слѣдовательно и то, что Онъ Отецъ, „прекращаетъ мое приближеніе къ Нему“. Вѣдь Богъ для меня не „Онъ“, а „Оно“, я могу только бояться Его, какъ умирающій заяцъ боится охотника или того звѣря, который гонится за нимъ. Я не могу вѣрить въ Отца Небеснаго, Котораго проповѣдывалъ людямъ Христосъ. Я не знаю, кто я, но во всякомъ случаѣ, я не христіанинъ.—И когда, замѣчаетъ Мережковский, Л. Толстой сказалъ бы это себѣ, началась бы великая трагедія уже не только въ его бессознательной стихійной жизни и художественномъ творествѣ, но и въ его религіозномъ сознаніи,—*наша трагедія*“.

Но Л. Н. боится этого крайняго, неизбежнаго вывода и отступаетъ передъ нимъ на любимую дорогу срединныхъ представленій, вродѣ отреченія отъ имущества, вегетаріанства и непротивленія злу.

„Христіанство,—говорить Л. Толстой,—представляется людямъ въ видѣ сверхъестественной религіи, тогда какъ *въ немъ нѣтъ ничего таинственнаго, мистическаго, ни сверхъестественнаго*, а оно есть только ученіе о жизни, соотвѣтствующее той степени *матеріальнаго* развитія, тому возрасту, въ которомъ находится человѣчество. И для доказательства этой именно мысли объ отсутствіи въ „истинномъ христіанствѣ“ чего бы то ни было мистическаго, сверхъ-разумнаго пишетъ свою главную религіозную книгу: *„Царство Божіе внутри васъ, или христіанство, не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизненопониманіе“*,—можно бы сказать опять таки проще, откровеннѣе: какъ новое не религіозное, а *практическое жизненопониманіе*“.

Далѣе Д. С. Мережковскій отмѣчаетъ рядъ противорѣчій въ догматикѣ Толстого. Религія, по выраженію послѣдняго, есть ученіе объ отношеніи человѣка къ *первопричинѣ* міра—къ Богу. А Богъ для него—Нѣчто далекое, чуждое, неумолимое, непонятное. Съ другой же стороны въ христіанствѣ нѣтъ ничего непонятнаго, слѣдовательно относящагося къ Богу; значить, по Толстому, *христіанство есть религія безъ Бога,—религія безъ религій*.

Изъ этого противорѣчія Толстой выбрался опять своимъ срединнымъ путемъ. Онъ не захотѣлъ, какъ логически того требовалъ разумъ, вывести, что Богъ есть Ничто. Онъ не все и не ничто, а ни то, ни се. Это не Богъ живыхъ и даже не Богъ мертвыхъ, а Богъ полуживыхъ, полумертвыхъ, современныхъ полувѣровъ, для которыхъ въ сущности даже не интересно, Есть Онъ, или нѣтъ Его, не интересно это и для Толстого. Въ своемъ практическомъ христіанствѣ, онъ можетъ обойтись и безъ Бога, имя Котораго, по собственному признанію, почти не употребляетъ отдѣльно, а лишь въ выраженіяхъ—„жить по Божьи“ и т. п., такъ что Богъ является здѣсь даже не существительнымъ, а лишь *прилагательнымъ*.

Вотъ почему и не церемонится Толстой съ ученіемъ о Богѣ, о св. Троицѣ:—вѣдь это только прилагательное. Догматъ о св. Троицѣ, по нему, „*ни для кого и ни для чего не можетъ быть нуженъ—нравственная правила изъ него вывести невозможно никакого*“. Такимъ образомъ, справедливо заключаетъ Мережковскій, „Богъ у Толстого есть удобный и услов-

ный математическій знакъ, x въ нравственныхъ уравненіяхъ.

Когда уравненіе рѣшено, x становится добромъ, и даже не безкорыстнымъ добромъ, а опредѣленною, насущною полезностью a , b или c : „любовь къ ближнему,—говоритъ Л. Толстой съ поразительною даже у него беззаастѣнчивостію,—*есть выодное, полезное дѣло*“. И еще грубѣе, еще циничнѣе: „Христосъ училъ людей не дѣлать глупостей“. Все ученіе Христа оказывается только ученіемъ здраваго смысла, общедоступнаго, какъ дважды два четыре, подсчитываніе человѣческихъ польвъ, нѣчто, можетъ быть, въ высшей степени практическое, но вѣдь и несомнѣнно же дешевое, коротенькое, какъ трехкопѣчная арифметика для сельскихъ школъ.

Разъ вступивъ на эту большую дорогу религіознаго опошленія, Л. Толстой неминуемо долженъ былъ дойти до того же, до чего теперь доходятъ всѣ идущіе по религіознымъ большимъ дорогамъ,—до почти сознательнаго безбожія.

И ежели тутъ сохраняется „почти“, ежели все еще называетъ онъ свое безбожіе религіей и не говоритъ въ сердцѣ своемъ съ окончательнымъ цинизмомъ: „нѣтъ Бога“ (кто знаетъ. впрочемъ,—можетъ быть, уже и говоритъ?),—то только потому, что такъ мало думаетъ о Богѣ, такъ забылъ о Немъ,—что не устаиваетъ онъ эту жалкую метафизическую развалину, „тѣнь тѣни“ даже послѣднимъ велокодушнымъ ударомъ, послѣднимъ отрицаніемъ.

Вотъ весь пройденный Л. Толстымъ религіозный путь относительно догмата о Богѣ вообще: началъ онъ тѣмъ, что повѣрилъ въ ничто, кончилъ тѣмъ, что не вѣритъ ни во что; началъ съ незапамятно-древняго буддійскаго нигилизма; кончилъ даже не вчерашнимъ, а третьегондшнимъ, отрыгнувшимся русскимъ базаровскимъ нигилизмомъ“.

„То же самое, что съ Богомъ-Отцемъ, говоритъ далѣе авторъ, произошло у Толстого и съ Сыномъ Божиимъ“.

„Сынъ знаетъ Отца; рабъ не знаетъ Господина; работникъ отчасти знаетъ, отчасти не знаетъ хозяина; онъ больше умуствуетъ, хвастаетъ тѣмъ, что знаетъ барина: „я знаю, что Ты человекъ жестокий, жнешь, гдѣ не сѣялъ, собираешь, гдѣ не разсыпалъ, вотъ же Тебѣ Твой талантъ“. Это расчетъ хозяина и работника. Работникъ не можетъ „войти въ радость господина своего“, а развѣ только въ прибыль хозяина.—

„Мужиковъ надо держать вотъ какъ!“—говариваль, показывая свой крѣпкосжатый кулакъ Николай Ростовъ, тоже хозяинъ. И небесный Хозяинъ у Л. Толстого держать работниковъ своихъ „вотъ какъ“: онъ загоняетъ ихъ, какъ зайцевъ, ухающими пугалами смерти и страданій „на дорогу любви“. Какая же однако любовь, какая свобода, ежели „пугалы“?—«Я какъ-то думаль,—признается Л. Толстой, какъ больно, что люди живутъ не по Божьи, и вдругъ мнѣ стало ясно, что какъ бы человѣкъ ни жилъ, онъ всегда живетъ такъ, что законъ не будетъ нарушенъ, только проигрышъ остается за человѣкомъ. Онъ же не исполниль, какъ человѣкъ—исполниль его, какъ животное, какъ, еще ниже, кусокъ разлагающейся плоти. Для меня это стало ясно и утѣшительно», говоритъ Толстой. Страшная ясность, неимовѣрная утѣшительность, замѣчаетъ Мережковский. Вѣдь не можетъ Л. Толстой не сознавать, что отъ начала міра до возникновенія толстовской религіи, никто, или почти никто, даже самъ онъ, Л. Н-чъ, закона любви такъ, какъ онъ его понимаетъ, сознательно не исполниль. И, слѣдов., почти все человѣчество, не болѣе, какъ „разлагающаяся плоть“, смрадная падалъ. И этого находить онъ съ точки зрѣнія той самой любви, которую проповѣдываль Богъ на землѣ, не только яснымъ, разумнымъ, справедливымъ, но и „утѣшительнымъ“.—Господь не хочетъ гибели грѣшныхъ, но чтобы *все спаслись*. „Истинно, истинно говорю вамъ, ангелы на небесахъ радуются о единомъ грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Такъ для Бога, такъ для Сына Божьяго.

Но не такъ съ хозяйской, толстовской точки зрѣнія. „Ихъ надо держать вотъ какъ!“ Почти все живое погибнетъ, туда ему и дорога... Было ли, справедливо замѣчаетъ Мережковский, когда-либо вообще произнесено не болѣе жестокое, а только болѣе жесткое, грубое, холодное „нехристіанское“ слово о христіанской любви. „Этотъ человѣкъ никогда никого не любилъ вспоминается слово Тургенева и слово князя Андрея: „всѣхъ любить, значить никого не любить“. „Вотъ, что такое эта любовь—не любовь свободная, любовь изъ подъ палки, изъ подъ плети, изъ подъ ухающихъ пугалъ. „Дитя мое, отдай мнѣ свое сердце,—вѣдь все равно, если не отдашь, проигрышъ за тобою, ты будешь кускомъ разлагающейся плоти“. Но, заканчиваетъ Мережковский ха

рактеристику ученія Толстого о любви, „ежели я не могу быть сыномъ Отца Небеснаго, то не хочу быть и „работникомъ“ такого Хозяина—пусть ужъ лучше я буду по прежнему рабомъ, дрожащею тварью, даже „кускомъ разлагающейся плоти“—это все таки менѣе позорно и жестоко“.

Слишкомъ религіозное, евангельское понятіе о сыновности людей Богу въ концѣ концовъ оказывается не удобнымъ для „христіанства“ Л. Толстого, и онъ всѣми силами старается вытравить это понятіе изъ Евангелія. Въ книгѣ „Ученіе 12 Апостоловъ“, перевода греческій подлинникъ, повсюду тщательно замѣняетъ онъ слово „Сынъ“ словомъ „отрокъ“, вмѣсто „Иисусъ, Сынъ Божій“,—„Иисусъ, отрокъ Божій“. Мало того: противъ всякой очевидности, съ непостижимымъ цинизмомъ, онъ утверждаетъ, что Христосъ никогда не считалъ себя единороднымъ Сыномъ Божиимъ. „Иисусъ, увѣряетъ онъ, считалъ себя такимъ же человѣкомъ, какъ и другіе люди.—Въ опроверженіе этого Мережковский указываетъ на слѣд. мѣста Евангелія: *„дана мнѣ всякая власть на землѣ и на небѣ. Я и Отецъ—одно“*. Это ли еще не прямо, не ясно? Да за что же наконецъ и распятъ былъ Иисусъ?—„И вставъ, первосвященникъ сказалъ Ему: что же ничего не отвѣчаешь? что они противъ Тебя свидѣлствуютъ?—Иисусъ молчалъ. И первосвященникъ сказалъ Ему: заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?—Иисусъ говоритъ ему: ты сказалъ; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ.—Тогда первосвященникъ разодралъ одежды свои и сказалъ: Онъ богохульствуетъ! на что еще свидѣтелей? вотъ, теперь вы слышали богохульство Его!—Какъ вамъ кажется?—Они же сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти“ (*Матвея XXVI, 62—66*). Послѣ такихъ свидѣтельствъ—утверждать, будто бы во всемъ Евангеліи нѣтъ ни одного мѣста, изъ котораго слѣдовало бы заключить, что Христосъ считаетъ себя „не человѣкомъ, какъ всѣ“, а Сыномъ Божиимъ,—едва ли возможно, по выраженію Л. Толстого—„безъ дурного желанія“.

О Третьей Упостаси Св. Троицы—Духъ Святомъ, Толстой не любитъ говорить. Она для него не существуетъ, какъ не признаетъ онъ и благодати Духа Святаго.

„Итакъ христіанство—не только безъ Бога Отца, но и

безъ Сына Божьяго, христіанство безъ Христа, заключаетъ обзорѣніе догматики Толстого авторъ доклада. „Соль—добрая вещь, но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее?“ Ни въ землю, ни въ навозъ не годится; — вонъ выбрасываютъ ее“. Кажется, толстовское „христіанство“ и есть именно эта самая прѣсная изъ всѣхъ прѣсныхъ вещей,—эта соль, переставшая быть соленою, которая ни въ землю, ни въ навозъ не годится, и которую «вонъ выбрасываютъ».

Религіозное опошленіе, ложь до упомомаченія, сведеніе всѣхъ слишкомъ опасныхъ безплодныхъ вершинъ и глубинъ къ одной практически полезной сельско-хозяйственной плоскости—вотъ прямые результаты ученія Толстого.

Послѣ обзорѣнія догматической части ученія Толстого о томъ, что есть Богъ, о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, отношенія Бога къ человѣку слѣдуетъ у Мережковскаго вытекающій изъ догматическихъ положеній разборъ нравственнаго ученія Толстого. Если *такъ* вѣрить, то *какъ* же жить?

Здѣсь Толстой, оказывается, тоже идетъ своимъ серединнымъ путемъ между евангельскимъ „не печетесь“ и ветхозавѣтнымъ „въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю“...

Л. Толстой, говоритъ Мережковскій, по своему обыкновенію, чтобы соединить оба предѣла, оскотчиваетъ, притупляетъ ихъ религіозныя, слишкомъ для него острые жала. Того и другого беретъ по немножку: немножку робкаго буддійскаго „недѣланія“, вмѣсто слишкомъ смѣлой евангельской безпечности, немножку практической англосаксонской дарвиновской борьбы за существованіе, вмѣсто слишкомъ грознаго ветхозавѣтнаго, „въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой“, — и получается благоразумная обезпеченность, всеобщая сытость.

„Попробуй кормиться, одѣваться, отопляться и кормить, одѣвать, отоплять другихъ,—въ статьѣ „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“ соблазняетъ Л. Толстой человѣка, и ты почувствуешь, что ты дома, что тебѣ свободно, прочно, *итти большіе некуда*.—„Исполнять законъ жизни—значитъ „выпускать зарядъ энергіи, принимаемый въ видѣ пищи, мускульнымъ трудомъ“.—„Человѣкъ прежде всего есть машина, которая заряжается пдою для того, чтобы кормиться. Четыре дѣйствія машины—„четыре упряжки: 1) до завтрака; 2) отъ завтрака

до обѣда; 3) отъ обѣда до полдника, и 4) отъ полдника до вечера“. Машина заряжается, чтобы кормиться, кормится, чтобы снова заряжаться—и такъ безъ конца,—„итти больше некуда“. Богъ и человѣкъ—не Отецъ и Сынъ, не Господинъ и рабъ, даже не Хозяинъ и работникъ, а только механикъ и машина, вродѣ сельскохозяйственныхъ машинъ новѣйшаго устройства подъ фирмой „Трудолюбіе или Торжество Земледѣльца“, паровыхъ американскихъ молотилокъ и вѣялокъ. Зарядилъ, пустилъ въ ходъ, и готово, — человѣкъ работаетъ, исполняетъ „четыре упряжки,—выпускаетъ „мускульнымъ трудомъ“ и евангельскою любовью „зарядъ энергіи, принятый въ видѣ пищи“.

Съ такую же легкомысленною грубостью русскаго нигилиста шестидесятыхъ годовъ, какъ живую душу Евангелія—ученіе о Богѣ и о Сынѣ Божьемъ, — умерщвляетъ Л. Толстой и живое тѣло христіанства,—тайнства и обряды.

„Въ условіяхъ земного міра, справедливо замѣчаетъ Мережковскій, не можетъ быть души безъ тѣла, разума безъ плоти,—не можетъ быть и религіи безъ тайнства. Обрядъ въ тайнствѣ—это прозрачно-стыдливый покровъ, покрывающій паготу слишкомъ священнаго, слишкомъ страшнаго въ „духовномъ тѣлѣ“—въ тайнствахъ религіи. У машинной религіи Л. Толстого нѣтъ живой души, живого стыдящагося тѣла, и потому она не требуетъ никакихъ покрововъ, никакихъ обрядовъ, она совершенно голая, безплотная и бездушная. Обряды всякой религіи—это тѣ ступени, по которымъ миллионы и миллионы, вѣка и вѣка восходили къ Богу; пусть древнія ступени обрушились, заглохли, заросли сорными травами, такъ что теперь уже я не могу по нимъ восходить; я все-таки ихъ чту, я плачу надъ ними, я ихъ цѣлую, какъ самыя святыя воспоминанія, какъ мертвое и однако все еще для меня живое, потому что слишкомъ родное, тѣло. Пусть мать моя умерла, но и мертвое тѣло ея для меня не менѣе, а, можетъ быть, даже именно въ минуту послѣдняго цѣлованія еще болѣе свято, чѣмъ живое“.

„Вовсе не надо быть вѣрующимъ, не надо понимать таинственной символической музыки обрядовъ, надо только имѣть уваженіе къ самымъ дорогимъ воспоминаніямъ своего дѣтства, своего народа, да наконецъ и всего человѣчества, къ этимъ древнимъ ступенямъ, ведущимъ къ Богу—

для того, чтобы почувствовать въ издѣвательствахъ Л. Толстого надъ христіанскими таинствами и обрядами нѣчто возмутительное. Вѣдь стоитъ прочесть лучшія страницы Л. Толстого, описаніе похоронъ матери, говѣнія, исповѣди, причащенія, въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, чтобы увидѣть, до какой степени православная Церковь *и для него была матерью*. Пусть онъ думаетъ теперь, что она умерла. Неужели это даетъ ему право кощунствовать—обнажать мертвое тѣло матери и ругаться надъ нимъ? Это стыдно, страшно, этого нельзя вынести“, справедливо заключаетъ Мережковский. „Неужели, продолжаетъ онъ, послѣ Тюбингенской школы могло бы прельстить самыхъ желторотыхъ матеріалистовъ остроуміе, вся соль котораго заключается въ томъ, чтобы вмѣсто слова крестить, употреблять слово „купать“, вмѣсто причащаться, „сѣсть съ ложки хлѣба съ виномъ“ и т. п. Вѣдь это напоминаетъ *барскую беззлѣность* нашихъ крѣпостныхъ временъ къ вѣрѣ „*подлая народа*“.

Православное ученіе заключаетъ еще въ себѣ ученіе объ окончательномъ своемъ идеалѣ, о царствѣ славы, о торжествѣ добра надъ зломъ, о будущемъ блаженствѣ, которое наступитъ въ этомъ царствѣ послѣ кончины міра. Какой же окончательный идеалъ даетъ своимъ послѣдователямъ Толстой?

Въ послѣднемъ романѣ Толстого „Воскресеніи“ есть попытка указать такой идеалъ. Толстой выставилъ фарисейски-мертвую фигуру англичанина, также мертво проповѣдывавшаго „глаголы жизни вѣчной“, и результаты отъ такой проповѣди—наглый смѣхъ рабочихъ надъ „Словомъ жизни“, не возбудившій въ сердцѣ Нехлюдова, воскресающаго героя Толстого, никакого возмущенія ни на мертвенную проповѣдь англичанина, ни на животный цинизмъ каторжныхъ; онъ самъ на сторонѣ этихъ людей, хохочущихъ надъ словами Евангелія. Въ его жалобѣ—эгоистической семьи, приличной человѣческой жизни—тотъ же отвѣтъ англичанину одного изъ каторжниковъ: „онъ-бы самъ попробовалъ (подставить щеку)!. Не *сонъ* ли это души *вмѣсто воскресенія*, справедливо замѣчаетъ Мережковский. И Л. Толстой, повидимому, не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія. Нехлюдовъ у него ходитъ за англичаниномъ, *какъ во снѣ*, садится на скамью *машинально* и также *машинально* открываетъ Евангеліе и послѣ (машиналь-

наго?) прочтенія XVIII гл. *Ме. воскресаетъ*, по словамъ Толстого, „засыпая, потому что ему и дѣлать больше нечего“. „Давно не испытанный имъ восторгъ охватилъ душу и онъ (Нехлюдовъ) понялъ, что исполняя люди это ученіе и на землѣ установится Царствіе Божіе, и люди получаютъ наибольшее благо, которое доступно имъ, понялъ все это и воскресъ“.

„Но что же собственно произошло въ Нехлюдовѣ“?—спрашиваетъ Мережковский, а съ нимъ и всякій читавшій романъ Толстого и вдумывавшійся въ воскресеніе Нехлюдова. Какой же восторгъ? „Именно религіознаго восторга ни капли, живого огня ни искры; такимъ же холодомъ, „тлетворнымъ духомъ“ вѣетъ отъ умствованій Нехлюдова надъ притчей о виноградаряхъ, о Хозяинѣ и Работникѣ, какъ и отъ практическихъ правилъ американца Симонсона для топки печей съ „наименьшей тепловой энергіей“, или отъ мерзостнаго воляпюка англичанина—апостола русскихъ варваровъ. Чѣмъ утолилъ Нехлюдовъ свои угрызенія и свой стыдъ въ дѣлѣ Масловой, чѣмъ заглушилъ хохотъ каторжныхъ надъ словами Евангелія?“ Если весь романъ направленъ былъ къ тому, чтобы показать, какъ Нехлюдовъ постепенно умираетъ, засыпаетъ—на основаніи послѣднихъ, самыхъ слабыхъ и незначительныхъ во всемъ произведеніи, *семидесяти строкъ*, мы должны повѣрить, что онъ все-таки воскресъ?—Или совершилось тутъ чудо Божіе, подобно воскрешенію мертвеца Лазаря? „Благодать“, какъ сказали бы вѣрующіе, сошла на Нехлюдова? Но Толстой самъ не вѣритъ въ такія чудеса“. И, хотя онъ и увѣряетъ на 70 строкахъ, что Нехлюдовъ все-таки воскресъ, всякій правдивый читатель не видитъ этого воскресенія, а, напротивъ, догадывается, чувствуетъ, что отъ Нехлюдова, какъ отъ четырехдневнаго мертвеца, „уже смердитъ“, и что никогда не выйдетъ онъ изъ гроба.

Но если вѣрно свидѣтельство великаго писателя, что „единственное отношеніе самой даровитой, самой сильной части русскаго народа ко Христу—звѣрскій хохотъ, и если это не клевета, то, значить, погибъ русскій народъ и умеръ второю смертью, какъ и Нехлюдовъ. Правъ князь Андрей, что жизнь—есть смерть, а благая вѣсть Христова—„воскресеніе“ есть отрицаніе жизни, буддійская нирвана, которая и есть собственно конечный идеалъ Толстого. Но какой идеалъ?—Сонъ, мертвость, ничего недѣланіе, непротивленіе, погруже-

ніе въ себя и въ самое необходимое. Нѣтъ ничего жизненнаго въ этомъ ученіи, и Толстовскимъ послѣдователямъ, выполнѣвъ усвоившимъ такой идеаль, останется одно самоубійство.

Итакъ вотъ общіе выводы дѣлаемыя Мережковскимъ изъ ученія Толстого. „Л. Толстой не вѣритъ въ Бога, не вѣритъ въ Сына Божьяго, не вѣритъ во Христа Спасителя міра, не вѣритъ даже въ „самаго мудраго и праведнаго изъ людей, человѣка Иисуса“—не вѣритъ ни во что“. (Недаромъ еще Тургеневъ называлъ его нигилистомъ). „Л. Толстой хотѣлъ отдѣлать нравственность отъ религіи (отъ догматическаго христіанскаго ученія); но когда порвалъ ихъ живую связь, то и нравственность, какъ религія, въ рукахъ его истлѣла—и отъ христіанства ничего не осталось“.

Еще только одинъ человѣкъ въ современной Европѣ дошелъ до такого же богохульства, какъ Л. Толстой,—это Фридрихъ Нитче.

Религіозныя судьбы Л. Толстого и Нитче поразительно противоположны и подобны: оба исходятъ они изъ одного и того же взгляда на ученіе Христа, какъ на буддійскій нигилизмъ, какъ на вѣчное *нѣтъ* безъ вѣчнаго *да*,—умерщвленіе плоти безъ воскресенія, отрицаніе жизни безъ ея утвержденія. Отсюда обѣ трагедіи—и Л. Толстого, и Нитче, съ тою разницею, что у перваго слѣпая и ясновидящая безсознательная стихія шла противъ сознанія, а у втораго наоборотъ—сознаніе шло противъ безсознательной стихіи. Это-то противорѣчіе и довело обоихъ до богохульства, которое оба они старались приписать за религію. Нитче—тайный ученикъ, явный отступникъ; Л. Толстой—явный ученикъ, тайный отступникъ Христа.

На нихъ оправдалось слово Достоевскаго, что „природа человѣческая не выноситъ богохульства и, въ концѣ концовъ, сама же себѣ всегда и отомститъ за него“. Нитче отомстилъ себѣ ужаснымъ; Л. Толстой—смѣшнымъ; Нитче—религіознымъ самоотрицаніемъ, безуміемъ; Л. Толстой религіозною серединою, пошlostью, неудачными усиліями мёртваго старца Акима воскреснуть,—смѣшнымъ, которое въ такомъ человѣкѣ, можетъ быть, страшнѣе страшнаго.

Святи. М. Лисицынъ.

„Каковы дѣла, такова и вѣра“.

(Къ миссіонерской методикѣ).

ЧЕНЬ часто отъ штундистовъ и другихъ сектантовъ и даже отъ суемудрствующихъ интеллигентовъ приходится слышать такое возраженіе: „каковы дѣла, такова и вѣра“. Возраженіе это обыкновенно сектантами высказывается въ отвѣтъ на приглашеніе православнаго миссіонера возвратиться и присоединиться къ истинной вѣрѣ православной, а интеллигентами при защитѣ сектантства. „Вы оставили,—приблизительно такъ говоритъ миссіонеръ,—вѣру истинную, православную и этимъ лишили себя надежды на спасеніе. Нѣтъ иного имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись, кромѣ имени Иисуса Христа, нашего Спасителя (Дѣян. 4, 12). Нѣтъ иной вѣры, исповѣданіе которой доставило бы человѣку возможность спасенія, кромѣ истинной вѣры христіанской православной. Поэтому, если вамъ дорого спасеніе вашей души, если вы искренно хотите познать истинную вѣру и перестать блуждать въ потемкахъ сектантскаго суемудрія, вы должны возвратиться къ оставленной вами вѣрѣ православной, вѣрѣ вашихъ отцовъ и дѣдовъ, вѣрѣ единой спасительной“...

Штундистъ, обыкновенно, перебиваетъ и возражаетъ: „вы хотите, чтобы мы возвратились въ православіе, это значить—чтобы мы опять стали такими же порочными, такими же пьяницами и пр., какими мы были раньше и каковы доселѣ православные? Напрасно вы называете свою вѣру истинной; дерево узнается по плодамъ: „не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые“ (Мѣ. VII, 18). Каковы дѣла, такова и вѣра: православные дѣлаютъ худыя дѣла, ведутъ жизнь порочную, значить, и вѣра ихъ худая, неправая, неистинная... Да и что такое вѣра? Въ посланіи ап. Іакова, въ вашей же славянской книгѣ, въ 1 гл. 27 ст., сказано: „вѣра чистая и нескверная

предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра“¹⁾. Кто имѣетъ такую истинную вѣру, тотъ и знаетъ Бога, какъ сказано въ посланіи Іоанна 2 гл. 3—4 ст.: „а что мы познали Его, узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ заповѣди Его; кто говоритъ: „я позналъ Его“, но заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжець и нѣтъ въ немъ истины“, и еще въ 3 гл. 6 ст. сказано: „всякій согрѣшающій не видѣлъ Его и не позналъ Его“, и въ 4 гл. 8 ст. „кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога“. Вотъ мы, когда начали вести новую жизнь по Евангелію, тогда и познали Бога и истинную вѣру, а православные, которые все еще остаются великими грѣшниками, доселѣ не познали Бога и не имѣютъ истинной вѣры. И почему вы не явились къ намъ съ своею проповѣдью тогда, когда мы валялись по шинкамъ? Идите туда, тамъ вы своихъ православныхъ много найдете, ихъ и обращайтесь къ истинной вѣрѣ“.

Нетрудно видѣть, что возраженіе это основано на смѣшеніи различныхъ понятій, соединяемыхъ съ словомъ „вѣра“. Штундисты имѣютъ спутанное, сбивчивое, неясное понятіе о вѣрѣ, они не различаютъ, не представляютъ ясно и отчетливо различныхъ значеній слова „вѣра“ и смѣшиваютъ понятія: „вѣра“ и „дѣла“, а также—„вѣра, какъ вѣроисповѣданіе“ и „вѣра, какъ внутренняя сердечная увѣренность“. Поэтому, отвѣтъ православнаго на приведенное выше возраженіе прежде всего должно состоять въ разъясненіи и разграниченіи тѣхъ понятій, какія обозначаются словомъ „вѣра“.

Слово „вѣра“ употребляется въ двоякомъ значеніи: собственномъ (субъективномъ) и несобственномъ (объективномъ). Въ собственномъ смыслѣ вѣра есть извѣстное внутреннее психическое состояніе, состояніе внутренняго убѣжденія, увѣренности въ истинности чего-либо. Понимаемая въ этомъ (субъективномъ) смыслѣ, вѣра бываетъ *теоретическая* и *пра-*

¹⁾ Въ этомъ случаѣ штундисты, вопреки своему обыкновенію пользоваться русскимъ переводомъ книгъ св. Писанія, *напримѣно* читаютъ первыя слова 27 ст. по славянскому тексту, такъ какъ употребленное здѣсь слово „вѣра“ (въ рус. пер. стоитъ болѣе близкое къ подлиннику „благочестіе“) даетъ имъ возможность смѣшивать вѣру съ дѣлами и утверждать, что вѣра заключается въ дѣлахъ.

жизненная. Первая состоитъ въ холодномъ довѣріи, признаніи и принятіи нашимъ умомъ извѣстныхъ истинъ. Вторая представляетъ собою глубокое, сердечное усвоеніе принятыхъ умомъ истинъ, *всестоящее проникновеніе* ими, выражающееся въ практическомъ ихъ осуществленіи. Въ несобственномъ (объективномъ) смыслѣ вѣроу называється религія, вѣроисповѣданіе, вѣроученіе; такъ, напр., мы говоримъ: вѣра христіанская, еврейская, магометанская, языческая и т. д., обозначая при этомъ словомъ „вѣра“ совокупность истинъ (предметовъ, объектовъ вѣры), составляющихъ извѣстное вѣроученіе.

Это разграниченіе понятій необходимо сдѣлать для того, чтобы выяснитъ правильный смыслъ сужденія: „каковы дѣла, такъ и вѣра“, приводимаго сектантами въ качествѣ возраженія. Сужденіе это можетъ быть признано правильнымъ и неправильнымъ, смотря по тому, какой смыслъ соединяется съ словомъ „вѣра“. Если подъ вѣрой разумѣть вѣру въ смыслѣ субъективномъ, вѣру, какъ внутреннее, личное, живое, сердечное убѣжденіе, то означенное сужденіе будетъ совершенно правильно. Въ этомъ случаѣ оно имѣетъ такой смыслъ: чѣмъ глубже, сильнѣе, сердечнѣе у кого-либо вѣра, тѣмъ больше она будетъ выражаться и проявляться въ добрыхъ дѣлахъ, въ добромъ поведеніи; слѣдовательно, здѣсь дѣла являются показателемъ степени и силы личной субъективной вѣры каждаго. Но сектанты, приводя это сужденіе въ качествѣ возраженія, подъ вѣрой понимаютъ религію, вѣроисповѣданіе православное христіанское и толкуютъ: „дѣла православныхъ нехороши, слѣдовательно и вѣра ихъ неправая“. Понимаемое въ такомъ смыслѣ, сужденіе это совершенно неправильно, потому что можно быть исповѣдникомъ истинной религіи, но плохимъ, который, принимая истины извѣстнаго вѣроученія холоднымъ умомъ, плохо усваиваетъ ихъ сердцемъ и слабо проявляетъ въ жизни. Истинность вѣроученія не зависитъ отъ хорошей или худой жизни исповѣдниковъ его; нравственный уровень исповѣдниковъ служить только показателемъ степени усвоенія ими истиннаго вѣроученія, но не опредѣляетъ собой достоинства самаго вѣроученія.

Однако же одѣланное разъясненіе для штундиста будетъ мало убѣдительно. Доводы отъ разума онъ неохотно при-

маеть; будучи не въ состояніи что-либо возразить, онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно замѣчаетъ: „это вы говорите отъ своей головы“, и приглашаетъ собесѣдника „не мудрствовать сверхъ того, что написано“ (1 Кор. IV, 6). Единственнымъ источникомъ и руководствомъ въ вѣрѣ и жизни штундистъ признаетъ одно только св. Писаніе, ему одному онъ довѣряетъ, на немъ старается утвердить все свое ученіе. Поэтому и православный миссіонеръ для того, чтобы доводы его были убѣдительны для штундиста, долженъ всѣ ранѣе высказанныя сужденія обосновать на св. Писаніи.

Прежде всего нужно показать, что и въ св. Писаніи слово „вѣра“ употребляется въ разныхъ смыслахъ, въ смыслѣ религіи, вѣроисповѣданія и въ смыслѣ внутренняго сердечнаго убѣжденія. Въ первомъ смыслѣ это слово употребляется въ посланіи къ Ефес. IV гл. 5 ст.: „одинъ Господь, *одна вѣра*, одно крещеніе“, въ 2 Петр. 1 гл. 1 ст.: „принявшимъ съ нами равно *драгоцѣнную вѣру*“, въ посланіи Іуды ст. 3: „подвизаться за *вѣру*, однажды преданную святымъ“, ст. 20: „назидая себя на *святѣйшей вѣрѣ* вашей“.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ при словѣ „вѣра“ стоятъ опредѣлительныя слова, которыя показываютъ, во 1-хъ, что здѣсь вѣра употребляется въ смыслѣ вѣроисповѣданія, религіи, вѣроученія; во 2-хъ, хотя религія есть много на землѣ, но истинная религія, истинная вѣра православная христіанская „одна“, „драгоцѣнная“, „святѣйшая“, „однажды преданная святымъ“, ее-то и нужно исповѣдывать для спасенія.

Гораздо чаще встрѣчается въ св. Писаніи слово „вѣра“ въ смыслѣ субъективномъ, какъ внутренняя увѣренность. Нѣтъ нужды приводить всѣхъ этихъ мѣстъ, достаточно указать нѣсколько такихъ, изъ которыхъ наиболѣе ясно можно усмотрѣть различіе между вѣрой субъективной и вѣрой въ смыслѣ религіи. Такъ въ Ев. Лук. XVII гл. 5 и 6 ст. читаемъ: „и сказали апостолы Господу: *умножь въ насъ вѣру*. Господь сказалъ: если бы вы имѣли *вѣру въ зерно горчичное* и сказали смоковницѣ сей: исторгнись и пересадись въ море, то она послушалась бы“. Господь Іисусъ Христосъ, удивляясь вѣрѣ сотника Капернаумскаго, сказалъ: „истинно говорю вамъ, и въ Израилѣ не нашелъ я *такой вѣры*“ (Мѣ. VIII, 10), а женщину Хананеянку, просившей объ исполненіи бѣсноватой дочери, отвѣчалъ: „о женщина, *велика вѣра* твоя“

(Мѡ. XV, 28). Изъ приведенныхъ мѣстъ, гдѣ слово „вѣра“ употребляется въ субъективномъ смыслѣ, ясно видно, что личная субъективная вѣра у каждаго бываетъ различна; она можетъ умножаться, можетъ, подобно зерну горчичному, сначала быть маленькой, едва замѣтной, а потомъ возрасти до необычайной силы, можетъ, слѣдовательно, въ большей или меньшей степени проявляться и обнаруживаться въ дѣлахъ. Объ этой именно вѣрѣ и можно сказать: „какова вѣра, таковы и дѣла“, а не о той, которая—„одна“ и „однажды преданная святымъ“.

Говоря о различіи вѣры теоретической и вѣры практической, или *вѣры* и *дѣлъ*, слѣдуетъ сослаться на посланіе Іакова, 2 гл. 14—26 ст. Читая это мѣсто, православный долженъ обратить вниманіе штундиста прежде всего на то, что здѣсь ясно различаются „вѣра“ и „дѣла“, между тѣмъ какъ ранѣе штундистъ, на основаніи 27 ст. 1 гл., смѣшивалъ эти понятія и все твердилъ: „вѣра состоитъ въ томъ, чтобы пощщать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и себя хранить неоскверненными отъ міра“. Затѣмъ нужно выяснитъ, въ какомъ смыслѣ употребляетъ апостолъ здѣсь слово „вѣра“. Подъ вѣрой онъ понимаетъ вѣру теоретическую, сухую, состоящую въ холодномъ признаніи и принятіи нашимъ умомъ истинъ вѣры. „Ты вѣруешь, что Богъ *единъ*“, говоритъ апостолъ, указывая этимъ предметъ вѣры теоретической. Для выясненія того же понятія о вѣрѣ, можно привести слова ап. Павла изъ посл. къ Евр. XI гл. 6 ст.: „безъ вѣры невозможно угодить Богу, ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ *есть*, и ищущимъ Его *воздастъ*“. Правда, одной вѣры теоретической, сухой, холодной, для спасенія недостаточно, ибо „какая польза, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ; можетъ ли эта вѣра спасти его“ (ст. 14), и „бѣсы вѣрують и трепещуть“ (ст. 19). Но для спасенія необходима совмѣстно съ добрыми дѣлами и истинная вѣра. „*Безъ вѣры*, сказано у ап. Павла, *невозможно* Богу угодить“. „Видите ли, говоритъ ап. Іаковъ, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не *вѣрою только*“ (ст. 24); отсюда видно, что оправданіе достигается дѣлами и вѣрою. Въ актѣ нашего спасенія вѣра и дѣла также должны быть неразрывно связаны и неотдѣлимы, какъ сила неотдѣлима отъ дѣйствія; одно обу човли-

вается другимъ,—вѣра дѣлами и наоборотъ,— и взаимно усовершенствуется. „Видишь ли, говоритъ апостолъ, неосновательный человѣкъ, что вѣра его (Авраама) содѣйствовала дѣламъ и дѣлами вѣра достигла совершенства“ (ст. 22). Это истинную вѣру, содѣйствующую добрымъ дѣламъ, и должны принять штундисты для спасенія.

Важное значеніе при обличеніи штундистовъ, смѣшивающихъ вѣру съ дѣлами и все спасеніе полагающихъ въ однихъ только дѣлахъ, можетъ имѣть указаніе на то, что добрыя дѣла были и у язычниковъ. Апостолъ говоритъ, что „язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ“, и этимъ „они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣлствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Рим. II, 14—15). Однако же добрыя дѣла не могли ихъ спасти и оказались недостаточными для спасенія. Это ясно видно изъ примѣра Корнилія Сотника, исторія обращенія котораго излагается въ X гл. кн. Дѣяній апостольскихъ. Корнилій былъ мужъ „благочестивый и боящійся Бога со всеѣмъ домомъ своимъ, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу (ст. 2)“. Но для спасенія ему этого было мало, нужно было еще познаніе истинной вѣры. Поэтому въ видѣніи ему было приказано позвать Симона Петра, который „скажетъ тебѣ слова, которыми спасешься ты и весь домъ твой“ (ст. 6).

Раскрывая ту мысль, что истинность и достоинство вѣроисповѣданія не зависятъ отъ такой или иной жизни исповѣдниковъ его, что истинное вѣроученіе не можетъ ручаться за всецѣлую святость содержащихъ это вѣроученіе, можно указать на религію ветхозавѣтную иудейскую. Религія эта была истинная, богооткровенная, но она не могла насильственно охранить іудеевъ отъ маловѣрія и беззаконія. И не смотря на всеобщую развращенность и упадокъ народа іудейскаго ко времени пришествія Сына Божія на землю, Господь не уничтожилъ истиннаго вѣроисповѣданія іудейскаго. Онъ никогда не говорилъ, что оттого сдѣлался развращеннымъ народъ іудейскій, что вѣра его не хороша. Ап. Павелъ, изображая въ посл. къ Рим. III, 17—25 ст., какъ іудеи, хвалясь закономъ, являются на дѣлѣ преступниками и нарушителями его, говоритъ: и такъ что же? Если

нѣкоторые и невѣрны были, невѣрность ихъ уничтожить ли вѣрность Божию. Никакъ (Рим. IV, 3—4). „Ибо мы знаемъ, говоритъ онъ далѣе, что законъ святъ и заповѣдь свята, и праведна, и добра, а я плотянь, преданъ грѣху“ (Рим. VII, 12—14). Поэтому, если православные, содержащіе истинную православную вѣру не всегда живутъ по вѣрѣ и иногда погрѣшаютъ, то это должно быть поставлено имъ въ вину и отнесено на ихъ счетъ, но нисколько не относится къ ихъ вѣрѣ, которая всегда остается истинной, „драгоценной“, „святѣйшей“ вѣрой. „Если, ища оправданія во Христѣ, мы и сами оказались грѣшниками, то неужели Христосъ есть служитель грѣха? Никакъ. Ибо если я снова созидаю, что разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ“ (Гал. II, 17, 18).

Что касается ссылки штундистовъ на 27 стихъ 1 гл. посл. Іакова, который они читаютъ по славянскому переводу, и который служить основаніемъ для смѣшенія вѣры съ дѣлами, то православному достаточно въ этомъ случаѣ тотъ же стихъ прочесть по русскому переводу, гдѣ вмѣсто слова „вѣра“ стоитъ „благочестіе“. Если бы штундисты могли пользоваться подлиннымъ текстомъ греческимъ, то увидѣли бы, что стоящее въ греческомъ подлинникѣ слово *θρησκεία* правильно переведено по-русски словомъ „благочестіе“, чѣмъ по-славянски „вѣра“; послѣднее есть переводъ греч. слова *πίστις*, въ подлинникѣ въ данномъ мѣстѣ отсутствующаго.

Относительно же ссылки на I Іоан. 11, 3—4. III, 6. IV, 7—8, гдѣ говорится: „а что мы познали Его, узнаемъ изъ того, что соблюдаемъ заповѣди Его“ и „всякій согрѣшающій не видѣлъ Бога и не позналъ Его“, то здѣсь нужно обратить вниманіе на слово *познать* и выяснить, въ какомъ смыслѣ оно употребляется. Познаніе можетъ быть теоретическое и практическое; можно познать одною только мыслью, но можно познать и опытно, самимъ дѣломъ. Когда въ 2 Кор. V гл. 21 ст. Іисусъ Христосъ называется „не знавшимъ грѣха“, то здѣсь, очевидно, имѣется въ виду познаніе практическое. Христосъ не зналъ грѣха не въ томъ смыслѣ, что Онъ не имѣлъ о немъ понятія, а въ томъ, что Онъ его не дѣлалъ, былъ грѣху непричастенъ. Въ такомъ же смыслѣ слово „познать“ употребляется и въ приведенныхъ мѣстахъ перваго посл. Іоанна; имъ обозначается *близкое и тѣсное об-*

щеніе съ Богомъ чловѣка, который соблюдаетъ заповѣди Божіи, и наоборотъ, удаленіе, отчужденность отъ Бога всякаго грѣшника. Кто соблюдаетъ заповѣди Божіи, любить брата своего, тотъ не только имѣетъ теоретическое познаніе о Богѣ, но онъ и опытно знаетъ Бога, такъ какъ испытываетъ на себѣ дѣйствіе благодатной силы Божіей, помогающей ему въ совершеніи добрыхъ дѣлъ. Грѣшникъ же, хотя и знаетъ Бога, т. е. имѣетъ понятіе о Немъ, но своими грѣхами онъ „далече Его творитъ отъ себя“, въ моментъ совершенія грѣха онъ впѣ общенія съ Богомъ, ибо „кое общеніе свѣту ко тьмѣ“ (2 Кор. VI, 14)?

Наконецъ, по поводу язвительнаго упрека штундиста и совѣта обратиться съ проповѣдью объ истинной вѣрѣ къ православнымъ, ведущимъ порочную жизнь, можно указать на слова апостола: „кто ты, осуждающій чужого раба? Предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ. И будетъ возставленъ, ибо силенъ Богъ возставить его“ (Рим. XIV, 4). То, подлинно, нехорошо, что нѣкоторые изъ православныхъ ведутъ жизнь порочную, но если спросить такого православнаго, хорошую ли онъ жизнь ведетъ, то онъ скажетъ, что нехорошую, и будетъ винить себя лишь одного и будетъ каяться, подобно мытарю, въ надеждѣ, что Богъ, Которому онъ служитъ, возставитъ падшаго. А штундисты, которые обвиняютъ во всемъ православіе и православныхъ, которые хвалятся тьмѣ, что они не пьянствуютъ, не ссорятся, не безчинствуютъ, и надѣются на свои внѣшнія дѣла благочестія, не подобны ли евангельскому фарисею? Можетъ быть, въ очахъ людей фарисей и лучше мытаря, но въ очахъ Божіихъ мытарь, по неложному слову Спасителя, оправдится больше, нежели фарисей (Лук. XVIII, 14). Православные по естественной чловѣческой немощи (I Иоан. I, 8) иногда погрѣшаютъ, допускаютъ грѣхи нравственнаго паденія, въ которыхъ они каются, врачуются Божественной благодатью въ таинствѣ покаянія и постепенно усовершенствуются, а штундисты сознательно и намѣренно впадаютъ въ тяжкій грѣхъ противъ вѣры, грѣхъ отдѣленія отъ вѣры и Церкви и хулы на Духа Святаго, выну пребывающаго въ Церкви,—грѣхъ, который „не простится, по слову Спасителя, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій“ (Мѣ. XII, 32).

В. Тележкій.

Насколько правды въ статьѣ г. Шарапова: „Гдѣ правда?“ ¹⁾

Въ своей статьѣ: „Гдѣ правда?“ г. Шараповъ объясняетъ, за что именно онъ симпатизируетъ старообрядцамъ. Старообрядцы,—пишетъ онъ,—„цѣльные, коренные люди... истинно доблестные, истинно церковные и истинно русскіе люди“... „Посреди всеобщаго разложенія церковнаго, гражданскаго и бытового,—продолжаетъ онъ,—эти нѣсколько миллионовъ русскихъ людей держатся твердо, недоступные никакимъ соблазнамъ (отдѣльныхъ людей не считаю), хранить русскія преданія, даже истинную церковность въ ея внѣшнемъ проявленіи, ея древнемъ богослуженіи, обрядахъ, традиціяхъ“... „Они сохранили русскую церковную обстановку, у нихъ . уставность богослуженія, правильныя отношенія клира и народа, истовое благочестіе, крѣпкая церковная и бытовая связь“.

Въ своихъ замѣчаніяхъ и возраженіяхъ на статью г. Шарапова редакция журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ достаточно раскрыла, какъ безпочвенны и незаслуженны комплименты, высказываемые г. Шараповымъ по адресу старообрядцевъ.

Почитать старообрядцевъ за цѣльныхъ, коренныхъ, доблестныхъ русскихъ людей за то, что они твердо хранятъ „внѣшнюю церковную обстановку“, можетъ лишь до крайности предвзятая мысль. Конечно, и г. Шарапову извѣстно, что *доблестъ русская* древней Руси состояла не въ храненіи только церковной обстановки, и думать иначе, дѣйствительно, было бы обидно для древней Руси. Затѣмъ, въ древней Руси уставъ богослужебный былъ другой, чѣмъ какого теперь держатся раскольники. Послѣднимъ нравится только тотъ церковный укладъ, который сложился въ XVII вѣкѣ со второй его половины. Уставъ же богослужебный, который принять былъ

¹⁾ Окончаніе. См. „Мисс. Обзор.“ Сент., стр. 233—248.

у насъ при кн. Владиміръ, нынѣшніе раскольники и признавать не хотятъ. Совершенно также справедливо замѣчаетъ „*Миссіонер. Обзорніе*“, что, „придавая столь существенное, „коренное“ значеніе „церковной обстановкѣ“, г. Шараповъ долженъ volens-nolens признать за „цѣлостныхъ, коренныхъ, доблестныхъ христіанъ“ чотырдесятниковъ, новаціанъ, донатистовъ и др. древнихъ раскольниковъ, ратовавшихъ за „церковную обстановку“... Онъ долженъ воспѣть хвалебную пѣснь и фарисеямъ, изъ-за охраненія „церковной обстановки“ постоянно обличавшихъ Христа, какъ нарушителя ея“.

Восхваляетъ г. Шараповъ раскольниковъ за „уставность у нихъ богослуженія“. На эту сторону въ современномъ расколѣ чаще всего указываютъ апологеты раскола и мнятъ, что это такой аргументъ въ пользу раскола, противъ котораго православнымъ, якобы, и возразить нечего. Но безпристрастный наблюдатель долженъ признать справедливость замѣчанія „*Миссіон. Обзорнія*“, что при обычномъ старообрядческомъ богослуженіи уставность и истовость его отсутствуютъ.

Мы и имѣемъ въ виду привести здѣсь свидѣтельство того, насколько современные раскольники „цѣльные, истинно доблестные и истинно церковные люди“, насколько „недоступны они никакимъ соблазнамъ, хранятъ русскія преданія, истинную церковность въ ея внѣшнемъ проявленіи, въ ея древнемъ богослуженіи, обрядахъ и традиціяхъ“, — свидѣтельство, представляемое такими авторитетными съ точки зрѣнія апологетовъ раскола.

Свидѣтельство это можетъ быть названо цѣлымъ, хотя небольшимъ, сочиненіемъ и озаглавляется оно такъ: „Въ Московскій духовный совѣтъ отъ московскаго старообрядческаго братства имени честнаго и животворящаго Креста Господня всенижайшее предложеніе“.

Сочиненіе это издано названнымъ братствомъ и перепечатано въ „*Братскомъ словѣ*“ г. Субботина (1889 г. № 8). Позволяемъ себѣ надѣяться, что г. Шараповъ не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ „всенижайшее предложеніе“ братчиковъ съ комментаріями на оное Николая Ивановича.

Сочиненіе братчиковъ начинается выписками свидѣтельствъ изъ св. Писанія и отеческихъ твореній о томъ, что необходимо слѣдуетъ имѣть всякое тщаніе о соблюде-

ніи священныхъ правилъ, и что на всѣхъ, „въ небреженіи полагающихъ священныя правила“, отъ св. отецъ изречена страшная клятва. Затѣмъ именуемые братчики, обращаясь къ духовному совѣту, говорятъ: „Но у насъ, т. е. въ обществѣ старообрядцевъ, соборныя правила св. апостолъ и св. отецъ *ни во что не вѣнчаются*, не токмо мірянами, но и нѣкоторыми пастырями нашими; обряды и преданія св. древне-православной Церкви *едва ли не вездѣ разрушаются* и въ грѣхъ не вѣнчаются (братчики, конечно, хотѣли сказать, что *разрушеніе* обрядовъ и преданій „въ грѣхъ не вѣняется, а по недостатку грамотности сказали нелѣпость, что „и въ грѣхъ не вѣнчаются“ самые обряды и проч.); уже божественная служба во многихъ священныхъ храмахъ съ нѣкоторымъ нарушеніемъ церковнаго устава совершается, конечно, по собственному произволу причта и сильныхъ людей нынѣшняго міра, прилежащихъ болѣе къ угожденію плоти, а не ко спасенію души. А все это происходитъ, ово отъ невѣдѣнія писанія и божественныхъ законовъ, ово отъ насилія инославныхъ властей, ово же отъ ухищренія новыхъ учителей, которые извращаютъ во многомъ божественное писаніе въ своихъ новѣйшихъ книжкахъ, каковы книжки Павла Прусскаго съ его учениками, *иже не мало нынѣ безусловно послѣдуютъ изъ нашихъ христіанъ*. А болѣе всего сія вся проистекаетъ отъ нерадѣнія и совершенной безпечности нашихъ духовныхъ властей, и нѣціи отъ сихъ сами болятъ симъ недугомъ, и болѣе изъ нихъ пекутся не о спасеніи своихъ и нашихъ душъ, а о пріобрѣтаніи временныхъ сластей и богатства. И того ради нынѣ прилично есть къ нимъ изрещи пророческое реченіе сіе: „и *жрецы Его (Господни) отвергошася закона моего, и оскверниша святая моя, между святыми и скверными не различаху, и между чистыми и чистыми не раздѣляху*“ (Іезек. гл. 22)...

Останавливаясь на этомъ вступленіи въ „предложеніе“, Н. И. Субботинъ дѣлаетъ слѣдующія справедливыя и весьма горькія для раскольниковъ замѣчанія. Извѣстно, говорить онъ, что раскольники особенно сильно нападаютъ на православныхъ вообще и на православное духовенство въ частности за неполнѣе истовое отправленіе церковныхъ службъ, за нарушеніе постовъ и другія отступленія отъ церковныхъ правилъ и уставовъ и въ этомъ именно поставляютъ одну

изъ главныхъ причинъ своего отдѣленія и отчужденія отъ Церкви, своихъ же „христіанъ“ и особенно своихъ пастырей наипаче восхваляютъ за истовое, точное соблюденіе всѣхъ „древлеправославныхъ“ уставовъ и святоотеческихъ канонъ, поставляя свое духовенство въ примѣръ православному. Никогда не думая,—продолжаетъ Николай Ивановичъ,—защищать слабости и недостатки, примѣчаемые въ православномъ обществѣ и въ православномъ духовенствѣ, доказывая только, что вины частныхъ людей никакъ не могутъ быть поставляемы въ вину всей Церкви и служить предлогомъ къ отдѣленію, мы обыкновенно замѣчаемъ старообрядцамъ, что они тѣмъ менѣе имѣютъ право указывать на недостатки православныхъ и православнаго духовенства въ оправданіе своего отъ Церкви отдѣленія, что въ ихъ собственной средѣ и особенно въ средѣ ихъ именуемаго духовенства примѣчаются не меньшіе недостатки и несомнѣнно большія нарушенія существенно важныхъ церковныхъ правилъ. Замѣчанія эти, разумѣется, принимались раскольниками съ недовѣріемъ, считались чуть не клеветой, хотя они основывались на несомнѣнныхъ примѣрахъ и событіяхъ. Но вотъ теперь сами старообрядцы,—не одинъ кто-нибудь изъ старообрядцевъ, а цѣлое общество, цѣлое „братство“,—свидѣтельствуетъ, и свидѣтельствуетъ предъ своими духовными властями, предъ своимъ духовнымъ совѣтомъ, что въ ихъ старообрядческомъ обществѣ „соборныя правила св. апостолъ и св. отецъ ни во что не вмѣняются не только мірянами, но и нѣкоторыми пастырями, — „обряды и преданія ихъ древле-православной Церкви едва ли не вездѣ разрушаются“, и это разрушеніе древле-православныхъ обрядовъ и преданій даже „и въ грѣхъ не вмѣняется“, что даже и божественная служба „совершается съ нарушеніемъ церковнаго устава“. Нужно ли искать лучшаго свидѣтельства о томъ, что наши старообрядцы, кичащіеся строгимъ соблюденіемъ своихъ уставовъ и обрядовъ и поставляющіе это соблюденіе сущностію самой вѣры, въ дѣйствительности разрушаютъ ихъ „едва ли не вездѣ“ и въ самой даже „божественной службѣ“, когда это именно они сами о себѣ свидѣтельствуютъ? Правда, и тутъ они желаютъ часть вины сложить, по пословицѣ, съ больной головы на здоровую,—говорятъ, что причиною „разрушенія“ въ старообрядчествѣ древле-православ-

ныхъ уставовъ и обрядовъ служить, между прочимъ, „насиліе инославныхъ властей“ и „ухищренія новыхъ учителей, которые извращаютъ (?) во многомъ божественное писаніе въ своихъ новѣйшихъ книжкахъ, каковы книжки Павла Пруссаго съ его учениками“. Но нелѣпость этого объясненія очевидна сама собою. Ну, какимъ образомъ „насиліе инославныхъ властей“ можетъ внести въ старообрядчество „разрушеніе уставовъ и преданій?“ Когда и существовало „насиліе“, оно только побуждало раскольниковъ еще крѣпче держаться своихъ уставовъ и обрядовъ. А теперь гдѣ это насиліе? Не стыдно ли особенно говорить о „насиліи инославныхъ властей“ старообрядчеству въ Москвѣ, которую, разумѣется, „предложеніе московскихъ братчиковъ имѣетъ въ виду по преимуществу, когда всякому извѣстно, что въ Москвѣ расколь пользуется даже особымъ покровительствомъ „инославной“ власти, и благодѣтельная полиція тщательно ограждаетъ разныхъ Савватіевъ во время совершенія ихъ торжественныхъ служеній? Еще нелѣпѣе указаніе на православныхъ писателей и преимущественно на о. арх. Павла, что будто они виноваты въ томъ, что современное старообрядчество повсюду „разрушаетъ“ древле-православные уставы и обряды. Гдѣ же эти писатели, и особенно о. Павелъ, учатъ нарушать церковные уставы и обряды? Пусть укажутъ это гг. братчики. И какъ православные писатели могутъ имѣть вліяніе на то, что творится въ старообрядческомъ обществѣ? Братчики проговорились, что „книжкамъ Павла Пруссаго и его учениковъ“ нынѣ многіе старообрядцы „безусловно послѣдуютъ“. Но эти лица, безусловно послѣдующія симъ книжкамъ, не могутъ уже считаться старообрядцами; поэтому братчики напрасно и говорятъ объ нихъ. Они изволили упомянуть еще, будто православные писатели „извращаютъ во многомъ божественное писаніе въ своихъ книжкахъ“. Но если имъ понадобилось упомянуть о развратителяхъ божественнаго писанія, своими книжками еще болѣе совращающихъ старообрядчество съ праваго пути, то они должны бы назвать своего Швецова, открытою главою проповѣдующаго въ своихъ сочиненіяхъ злыя и нечестивѣйшія ереси, которыми онъ погубляетъ души своихъ читателей и почитателей. Видно, впрочемъ, что и сами братчики, упомянувъ здѣсь о „насиліи инославныхъ властей“ и о книжкахъ

православныхъ писателей, чувствовали, что говорить неправду, ибо вслѣдъ затѣмъ съ похвальной откровенностію признаются, что главные виновники развращенія въ современномъ старообрядчествѣ—сами старообрядческія духовныя власти. „А болѣе всего (пишутъ они) сія вся проистекають отъ нерадѣнія и совершенной безпечности нашихъ духовныхъ властей, и нѣціи отъ сихъ сами болятъ симъ недугомъ, и болѣе изъ нихъ пекутся не о спасеніи своихъ и нашихъ душъ, а о приобрѣтеніи временныхъ сластей и богатствъ“. Такъ вотъ истинные развратители старообрядчества,—и вотъ рекомендація, данная самими старообрядцами ихъ духовенству, которое нѣкоторые близорукіе люди даже изъ православныхъ хотятъ поставить въ примѣръ православному духовенству.

Вслѣдъ за вступленіемъ въ „предложеніи“ исчисляются *нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ* нарушеній церковныхъ уставовъ и каноновъ, примѣчаемыя братствомъ въ современномъ старообрядчествѣ и поставляемыя на видъ духовному совѣту ¹⁾. „Предложеніемъ“ братчиковъ указывается на десять слѣдующихъ нарушеній:

1-е нарушеніе. У насъ нынѣ иноки и инокини живутъ по многимъ мѣстамъ безъ надзора духовныхъ высшихъ властей въ полномъ самоволіи и безчиніи, среди воѣхъ соблазновъ міра, и не имѣя у себя ничего общаго и законнаго монастырскаго порядка... И сего ради житіе (монастырское) до конца растлѣвается и разоряется, и руганію достойно является предъ всѣмъ міромъ, и страшному поруганію подвергается.

2-е нарушеніе „предложеніе“ видитъ въ общеніи съ еретиками и прежде всего, конечно, съ православными.

3-е нарушеніе—въ несоблюденіи постовъ.

4-е нарушеніе... У насъ многіе нынѣ не только міряне, но и иноки и причетники, о, коль со многими безстрашіемъ стоятъ и празднословятъ и на смѣхъ другъ друга подвижаютъ во св. храмѣ, даже и въ алтарѣ, и входятъ и исходятъ отовсюду весьма безвременно; а къ тому же нѣціи и

¹⁾ Въ „Брат. Словѣ“ (№ 8-й) „предложеніе“ приводится полностью. У насъ же оно излагается въ сокращеніи.

крестное знаменіе полагають на себѣ не истово, но махающе сѣмо и овамо, не на спасеніе себѣ, а на радость бѣсамъ...

5-е нарушеніе... У насъ нынѣ многіе священнослужители всенощное бдѣніе совершаютъ вечеромъ... А по окончаніи всенощной мнози ужинають, а потомъ служить обѣдню не алчны...

6-е нарушеніе... У насъ многіе, вмѣсто храмовъ Божіихъ, посѣщаютъ капища Бахуса, училища разврата, кабаки и трактиры, и погибають, какъ скоты и звѣри, безъ христіанскаго напутствія...

7-е нарушеніе... У насъ многіе не обращаютъ вниманія на строгое запрещеніе всѣмъ христіанамъ власы брать своихъ постригати или брить... Кстати сказать и о женскихъ излишнихъ и безчинныхъ украшеніяхъ и одѣяніяхъ, какъ свойственныхъ мужамъ, которыя 62-мъ правиломъ шестаго вселенск. собора строго осуждаются; а особенно чуждо и богомерзко есть въ иностранныхъ и пышныхъ одеждахъ ходить во св. храмъ для молитвы всѣмъ мужамъ и женамъ, потому что здѣсь мы должны Бога молить, а не людей блазнить и привлекать на себя взоры немощныхъ. Но у насъ многіе нынѣ,—о, коль дерзостно!—нарушаютъ сей благочестивый обычай христіанскій, не лучше нечестивыхъ въ семь беззаконномъ и блудолюбномъ обычаѣ упражняются, и съ немалымъ трудомъ стоятъ и кланяются, какъ окованные узники въ этихъ страшныхъ и непристойныхъ христіанскому роду костюмахъ... Кромѣ сего, женскій полъ невозбранно допускается въ храмы Божіи, съ надѣтыми на головахъ шляпами и шапками, чѣмъ весьма возмущается христіанская совѣсть. И все это остается безъ малѣйшаго замѣчанія отъ нашихъ пастырей, по ихъ излишней добротѣ, или потому, что у нѣкоторыхъ есть свои дѣти, и домашніе ихъ прежде другихъ являются поругателями священныхъ сихъ законныхъ и богоугодныхъ преданій св. Церкви и ея непремѣннаго устава.

8-е нарушеніе указывается въ несоблюденіи требованій относительно чинопріятій приходящихъ въ ихъ общество какъ отъ православной Церкви, такъ и изъ другихъ раскольниковскихъ толковъ.

9-е нарушеніе (укоренившійся) проклятый обычай, во еже со псами во единой хранилѣ христіанамъ жити и ясти

всякую скверну, а особенно курить табакъ... Многіе нынѣ не ходятъ во св. храмы молиться Богу, потому что безъ куренія табака они не могутъ пробыть и единого часа. А нѣкоторые изъ причетниковъ и дѣти нашихъ нѣкоторыхъ пастырей сами занимаются этою мерзостію. Можетъ быть, поэтому они и небрегутъ ни о чемъ, и ускоряютъ службу церковную, и совершаютъ безвременно, поютъ и читаютъ небрежно, оставляютъ поученіе, благословеніе хлѣбовъ и маслопомазаніе... Нѣкоторые духовные отцы наши впали въ сластолюбіе и безвременное нѣкоторыхъ напитковъ употребленіе...

10-е нарушеніе. Правилами вселенскихъ соборовъ строго воспрещается епископу, пресвитеру и діакону и всѣмъ инокамъ и причетникамъ, не имущимъ своихъ женъ, имѣть сожительствующихъ женъ у себя въ одномъ дому. Но у насъ нынѣ правила эти нарушаются безъ всякаго страха Божія, а особенно они разрушаются посредствомъ такихъ мірскихъ людей, которые, не зная закона Божія, и очернивше свою совѣсть безчестными страстями, и не стыдясь своего недостойнства (очень смѣлый намекъ,—замѣчаетъ г. Субботинъ,—на одного властнаго мірскаго члена въ духовномъ совѣтѣ), дерзаютъ поставлять худую свою волю выше благоизволенія всѣхъ духовныхъ нашихъ властей, которыя нерѣдко, какъ плѣнники, нынѣ у насъ находятся въ зависимости у сильныхъ людей міра сего. А посему наша св. Церковь не утверждается, но паче разоряется отъ такихъ неправильныхъ дѣятелей...

Таковы погрѣшности, недостатки и пороки, существующіе въ хваленомъ старообрядческомъ обществѣ и съ такою откровенностію обличаемые г. г. братчиками въ ихъ „предложеніи“ духовному совѣту. Нельзя не замѣтить, говорить Н. И. Субботинъ, что въ этихъ обличеніяхъ они представили чрезвычайно мрачную картину религіозно - нравственнаго состоянія, въ какомъ, по ихъ признанію, находится современное старообрядчество и особенно старообрядческое именуемое духовенство. Мы, продолжаетъ г. Субботинъ,—не станемъ говорить подробно о нравственныхъ недостаткахъ, хотя г.г. братчики, отличающіеся, должно быть, высокими качествами нравственности и непричастные никакимъ порокамъ, отзываются чрезвычайно рѣзко о нравственномъ состояніи старообрядчества, утверждая, что нынѣшніе старообрядцы, „вмѣсто храмовъ Божіихъ“, любятъ посѣщать капища

Бахуса, училища разврата, кабаки и трактиры, и погибають, какъ скоты и звѣри, безъ христіанскаго напутствія, что сами духовные отцы ихъ „впали въ сластолюбіе и безвременное нѣкоторыхъ (?) напитоковъ употребленіе“, что у нихъ нарушаются даже правила, возбраняющія епископамъ „имѣть сожительствующихъ женъ у себя въ одномъ дому“... Пусть во всемъ этомъ обличаютъ раскольническихъ владыкъ, поповъ, причетниковъ и мірянъ хорошо знакомые съ ними и, должно быть, признающіе себя въ правѣ обличать ихъ, г. г. Боевы, Бриллиантовы, Антоны Егоровы...

Но всего примѣчательнѣе и всего важнѣе, — продолжаетъ г. Субботинъ — указанныя въ обличеніяхъ г. г. братчиковъ поистинѣ удивительныя „нарушенія“ современными старообрядцами „древлеправославныхъ“ обрядовъ и церковныхъ уставовъ, въ соблюденіи которыхъ они, однако, полагаютъ самую сущность вѣры и за мнимое нарушеніе которыхъ именно и отдѣляются отъ Церкви. Минуя указанное братчиками и давно извѣстное общее разстройство такъ называемаго церковнаго порядка и управленія, особенно у нынѣшнихъ поповцевъ, имѣющихъ свою іерархію, — разстройство, достигшее до такихъ крайностей, что ихъ монахи и монахини составляютъ позоръ и поруганіе предъ всѣмъ міромъ, — и что сами ихъ „владыки“ находятся, — какъ „плѣнники“, въ рукахъ „мірскихъ людей“, не знающихъ закона Божія и очернившихъ свою совѣсть безчестными страстями, — мы укажемъ собственно на разстройство въ богослуженіи, чинностію и строгою уставностію котораго старообрядцы по преимуществу кичатся ¹⁾, разстройство, какого трудно было и ожидать. Оказывается, по свидѣтельству братчиковъ, хорошо (а не такъ, какъ г. Шараповъ) знающихъ дѣло, что у нынѣшнихъ старообрядцевъ всенощныя бдѣнія совершаются не утромъ, а съ вечера, вообще церковныя службы отправляются „безвременно и ускоренно“, „поютъ и читаютъ небрежно, оставляютъ поученіе, благословеніе хлѣбовъ и масло-

¹⁾ И за которое, — напомнимъ лишній разъ — г. Шараповъ особенно ихъ восхваляетъ и превозноситъ. „Старообрядцы, говоритъ онъ, правы во всей обстановкѣ. Они сохранили всю древне-русскую церковную обстановку: у нихъ уставность богослуженія, правильное отношеніе клира и народа (а „владыки“, какъ „плѣнники“?), истовое благочестіе“.

помазаніе“, словомъ, произвольно дѣлають всякія отступленія отъ церковнаго устава; оказывается, что у нихъ, не смѣя сдѣлать поклона якобы въ неуставленное время, „не только міряне, но и иноки и причетники, со многими безстрашіемъ стоятъ и празднословятъ и на смѣхъ другъ друга подвизаютъ во св. храмѣ, даже и въ алтарѣ, и входятъ и исходятъ отовсюду весьма безвременно“. О безвременныхъ шатаніяхъ раскольниковъ во время службы и о безчинномъ стояніи въ церкви, правда, было извѣстно и прежде; но вотъ что поистинѣ поразительно и неожиданно: по свидѣтельству такихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ расколыническіе братчики, нынѣшніе старообрядцы даже „и крестное знаменіе полагають на себѣ *не истово*, но махающе сѣмо и овамо, не на спасеніе себѣ, а на радость бѣсамъ“. Итакъ, основной догматъ старообрядчества—крестное знаменіе—нынѣшніе старообрядцы не оставили безъ „нарушенія“! Ужели послѣ этого старообрядцы не прекратятъ своихъ укоризнъ православнымъ за нѣкоторые отступленія отъ церковныхъ уставовъ ¹⁾ и, сами такъ открыто нарушая эти уставы, будутъ попрежнему указывать въ сихъ отступленіяхъ якобы законную причину своего отдѣленія отъ Церкви? Имѣя въ рукахъ „предложеніе“ расколыническаго братства расколыническому духовному совѣту, вѣдь каждый православный имѣетъ право сказать обличителю-расколынику: врачу! испѣлися самъ!

„Предложеніе“ свое братчики не только представили духовному совѣту, но и разослали въ копіяхъ ко всѣмъ старообрядческимъ „владыкамъ“, послали даже въ Бѣлую Криницу къ Афанасію. Нѣкоторые изъ этихъ „владыкъ“ прислали братству благодарственные письма за его ревность по „древлеправославію“.

Г. Шараповъ, какъ мы имѣли уже случай высказать, утверждаетъ: „между (расколыническими) епископами и священниками, изъ которыхъ я многихъ знаю, есть люди истинно-огромной нравственной величины и духовнаго подвига“...

¹⁾ Ужели и г. Шараповъ продолжитъ утверждать, что, въ случаѣ возстановленія церковнаго единства между православными и расколыниками, послѣдніе принесутъ (въ это единство) то, что мы потеряли, но что они такъ упорно и бережно хранятъ,—церковную *обстановку*?.. Но вѣдь это утвержденіе походило бы на упрямство ослѣпленнаго фанатика..

„Я прочиталъ много старообрядческихъ полемическихъ книгъ, былъ пораженъ глубокой ученостью и великолѣпной эрудиціей ихъ богослововъ“...

„Миссіонер. Обзоръніе“ спрашиваетъ г. Шарапова, гдѣ онъ обрѣлъ въ расколѣ епископовъ и священниковъ „огромной нравственной величины и духовнаго подвига“ и старообрядческихъ богослововъ „великолѣпной эрудиціи“? Кто эти великаны? Ужъ не Арсеній ли Швецовъ съ Картушинымъ? Вѣдь мы тоже ихъ знаемъ и сочиненія читали и лишь можемъ удивляться добротѣ и дружеской щедрости на похвалы нашего публициста“.

На предложенные г. Шарапову вопросы послѣдній,—намъ думается,—непремѣнно долженъ отвѣтить. Иначе его рѣчи о великанахъ между раскольническими именуемыми епископами и богословами должны будутъ оказаться ничего не выражающими пустыми звуками, по меньшей мѣрѣ не приличествующими серьезному публицисту. Вонъ и раскольники съ презрительными насмѣшками относятся къ голословнымъ утвержденіямъ, къ не выполняемымъ обѣщаніямъ. Противокружники, какъ объ этомъ говорилось уже у насъ, въ своемъ поданномъ (въ 1887 году) въ духовный совѣтъ „извѣщеніи“ между прочимъ писали: „секретарь духовнаго совѣта Перетрухинъ всѣмъ похваляется, что составилъ на наши вопросы отвѣты, но намъ не вручаетъ ихъ, мы его о семъ нѣсколько разъ просили, но онъ только хвалится. Онъ имѣетъ значеніе среди васъ, окружниковъ, вмѣсто профессора, а отвѣтовъ намъ никакихъ не даетъ. Это, значить, пустой похвальбишка, который за мзду что угодно готовъ написать, а противъ правды у него и словъ никакихъ нѣтъ“.

Значить, всякій хорошо понимаетъ, что недостаточно что-либо сказать, а надо сказанное и доказать. Поэтому и вамъ, г. Шараповъ, непремѣнно слѣдуетъ *доказать*, что въ своей статьѣ „Гдѣ правда?“ вы говорили правду.

И. П.

Изъ жизни безпоповцевъ за послѣднія десяти- лѣтїя.

Отъ редакціи. О безпоповцахъ, о ихъ жизни и тревоженіяхъ за послѣднее время очень недостаточно извѣстно. Причина этого заключается, конечно, не въ томъ, что жизнь ихъ текла и течетъ мирнымъ безмятежнымъ русломъ; нѣтъ,—а въ томъ, что безпоповцы живутъ сравнительно замкнутою жизнію, обдѣлываютъ свои дѣла и дѣлишки въ тиши и не любятъ шумѣть, кричать, волноваться на глазахъ предъ другими, особенно православными. А жизнь ихъ мятежна и теперь, каковой она была и въ прежнія столѣтія. Объ этомъ съ наглядностію свидѣтельствуютъ тѣ ихъ собранія, съѣзды, которые очень нерѣдко устраиваются по мѣстамъ и на которыхъ составляются разныя постановленія, рѣшенія и т. под. Въ нашей редакціи въ настоящее время имѣются постановленія и рѣшенія, сдѣланныя на собраніяхъ 1888 г. петербургскихъ безпоповцевъ, 1890 и 1892 гг. сибирскихъ и 1897 г. донскихъ. Постановленія петербургскихъ и сибирскихъ собраній сообщены намъ о. В. А. Прозоровымъ, а донскихъ о. Евг. М. Овсянниковымъ. Въ виду важности этихъ постановленій мы съ величайшей охотой помѣщаемъ ихъ на страницахъ „Миссіон. Обзор.“, въ увѣренности, что они охотно прочтутся нашими подписчиками.

Печатавъ въ подлинникахъ эти постановленія, мы не нашли нужнымъ дѣлать къ нимъ подстрочныхъ примѣчаній: таковыя требовались развѣ только для раскрытія того, что всѣ тѣ цитаты, которыя приводятся въ постановленіяхъ изъ старинныхъ книгъ, не подтверждаютъ желательнаго составителямъ постановленій. Такъ для обоснованія правильности своихъ *безпоповщинскихъ* собраній и ихъ различныхъ правъ ссылаются на правила соборовъ, тракующихъ о соборахъ *епископовъ*; для установленія правъ для своихъ *наставниковъ-мірянъ* приводятся правила, регулируюція отношенія *епископовъ и пресвитеровъ* и т. под. Раскрыть эту ложь безпопов-

щинскихъ постановленій и цитать легко сдѣлать всякому, да она и сама по себѣ ясна: ни одна старопечатная книга не содержитъ въ себѣ ничего такого, что бы направлялось къ упорядоченію и узаконенію различныхъ сторонъ жизни безпоповцевъ,—не содержитъ потому, что каждая изъ этихъ книгъ трактуетъ о порядкахъ и правилахъ Церкви Христовой и православныхъ христіанъ, живущихъ съ епископами и священниками и седмеричнымъ числомъ таинствъ.

Печатаемые нами матеріалы, надѣмся, пополняютъ въ достаточной степени оцутительный пробѣлъ въ литературѣ о расколѣ старообрядства,—какъ бы опущеніе изъ вниманія жизни немалой части въ расколѣ,—жизни безпоповцевъ

а) Соборному совету С.-Петербургскихъ христіанъ поморскаго сословія, въ составъ шести настоятелей и семи попечителей молитвеннаго новооткрытаго дома на Лиговкѣ, происходившему 10-го мая 1888 г., предложены на обсужденіе слѣдующіе вопросы:

1-й вопросъ. Какимъ законнымъ порядкомъ выбирать отца духовнаго на управленіе духовныхъ требъ?

Отв. Указанное лицо на отечество слѣдуетъ объявить его отцу духовному, и ежели отецъ дозволить къ выбору на отечество, тогда предложить обществу.

2-й вопросъ. Какимъ порядкомъ указанное лицо должно получить благословеніе на отечество?

Отв. Назначенное лицо съ согласія общества и при отцѣ его духовномъ и еще двухъ отцахъ духовныхъ, на основаніи свят. апост. пр. 1-е лис. 1-й, и при цѣломъ обществѣ благословить съ цѣлованіемъ Евангелія, такъ какъ поступаетъ къ дѣлу служенія благодати; при этомъ долженъ высказать: долженъ хранить своихъ прихожанъ по закону добраго пастыря; въ случаѣ общество раздѣлится на двѣ партіи, то по большинству голосовъ долженъ быть выборъ отца, или, помолившись Богу, метнуть жребій, по правилу свят. апост. (Дѣяній зач. 2-е) и четь-минеи 13-го сентября и 15-го августа; въ случаѣ нужды можетъ и при одномъ отцѣ и при обществѣ благословить на отечество, но дополнить подписью удостовѣренія заочными двумя отцами, и новоблагословен-

ному отцу выдать удостовѣреніе, за подписью трехъ отцовъ и попечителей; прописать въ этомъ удостовѣреніи, что избранный такой-то отецъ, для исполненія навсегда духовныхъ требъ, крещенія, покаянія, и на соборную молитву, или избранъ по нуждѣ исправлять только такія-то требы.

3-й вопросъ. Какъ поступать съ такими отцами, которые благословятся безъ вѣдома общества келейно и единолично?

Отв. Такое самочиніе противно 23-му прав. собора антиохійскаго и Іереміи гл. 23. стр. 21: „не посылахъ пророки, а они течаху“. Запретить отечествовать, а ежели окажется достойнымъ, то за невѣдѣніе дать малую епитимію, и допустить на отечество.

4-й вопросъ. Какъ поступить съ тѣми настоятелями, которые получаютъ благословеніе при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ безъ согласія общества?

Отв. Также прав. корм. 23-е антиохійскаго собора. Такогого настоятеля не признавать, какъ не имѣвшаго удостовѣренія на отечество, а по разслѣдованію, ежели окажется достойнымъ, и съ согласія общества дать малую епитимію и выдать удостовѣреніе на отечество.

5-й вопросъ. Которые отечествуютъ и исполняютъ духовныя требы, не имѣя нужды, самовольно и безъ благословенія?

Отв. При состояніи законно имѣющаго настоятеля самовольно отечествуютъ, таковые уподобляются Корею, Дафану и Авирону. Дѣйствія ихъ всегубительства (числѣ гл. 16 ст. 32-я) да уцѣломудрятъ самочинниковъ на страхъ Божій и на послушаніе, по апост. заповѣди: вся благообразно и по чину да бываютъ. Не внимающіи повинны церковному отлученію, и тому же подлежатъ и всѣ съ ними общающіе въ молитвѣ (10-е и 2-е прав. свят. апост.); восхищающія недарованное отлучить отъ сообщенія съ вѣрными; а примутъ покаянія и смирятъ себя, допустить въ сообщеніе, но на будущее отечествовать запретить и не благословлять, яко тать, и не имѣя страха Божьяго.

6-й вопросъ. Которые окажутся настоятели, скажутъ, что они благословеніе получили отъ умершаго отца и другаго вѣрнаго доказательства не представляютъ, а общество желаетъ принять на служеніе, требуется вновь благословить на основаніи Корм. прав.?

Отв. Слѣдуетъ благословить вновь, какъ бездоказанное благословеніе. Кор. пр. 85-е 6-й всел. соб.

7-й вопр. Которые настоятели мудрствуютъ при моленіи, крестное знаменіе въ молитвѣ переносятъ Сына Божія на лѣвое плечо, какому подлежать наказанію?

Отв. Вразумить безчинныя по апостолу (зач. 272-е); не послушаютъ—подлежать отлученію, и съ таковымъ развратникомъ, упорникомъ, блазнителемъ закона Божія не сообщаться ни въ моленіи, и питіи и яденіи, дондеже покается, но во отечество не поставлять; крайне постыдно избраннымъ христіанамъ имѣть настоятелемъ столь грубѣйшаго невѣжду.

8-й вопр. Какъ принимать въ сообщеніе Федосѣева и Филипова согласія?

Отв. Сихъ согласій Свят. Духъ обличилъ устами Павла апост., которыя возбраняють жениться, лжесловесниками, отступниками вѣры и ученіемъ бѣсовскимъ (зач. 284-е), и не внидѣть во градъ Божій всяко скверно, и творяи мерзость и лжу (Г. 21-я ст. 27); но по снисхожденію для любви христіанской приходящаго въ сообщеніе подробно распросить, не имѣлъ ли хулы, ругательства брака; ежели не окажется, дать малую епитимію отцу духовному, а оказавшаго по невѣжеству лицомъFROM, ругателемъ, учителемъ, т. е. Ересиархомъ, такого подвергнуть исправленію, не менѣе шести мѣсяц. поста съ 1000 правиломъ.

9-й вопр. Какъ принимать, которые брачились у инославныхъ?

Отв. Принять въ руководство поморскій Епитимейникъ, въ коемъ подробно объясняется.

10-й вопр. Можно ли принять въ общеніе лицъ, которыя имѣють отцовъ духовныхъ другого по вѣрѣ согласія?

Отв. Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ (67-й псал. и 9-е прав. сардійск. собор.), непріобщенному приобщаясь самъ не приобщенъ, желающія войти въ общеніе непорочной Христовой Церкви и отрѣшиться отъ ученія слѣповодовъ и безпутниковъ. Таковыхъ христіанъ увѣщевать, чтобы имѣли отцовъ своихъ духовныхъ своего согласія, а по тріекратному увѣщеванію окажется ослушникъ, такового отлучить отъ сообщенія.

11-й вопрос. Можно ли допустить при крещеніи воспріемникомъ Федосѣва и Филипова согласія?

Отв. Кто порицаетъ бракъ и обязываетъ дѣвствовать (таковое дѣвство свят. Златоустъ сквернѣйши блуда созналъ, — г. 9-я о дѣвст.), съ таковыми не повелѣваетъ ясти, пити и молитися, не точію духосовершенствоу таинства, и таковыхъ допустить нельзя.

12-й вопрос. Которые христіане не признають за грѣхъ сообщеніе съ инославными въ питіи и яденіи и исправиться не желаютъ, т. е. (допускають) закоренѣвшее безстрашіе и тяжкое преступленіе закона Божія?

Отв. Такіе вольномыслители, рабы страстей, ложно именуются христіанами. Св. пр. Іоаннъ Лѣствичникъ замѣтилъ, что христіанинъ есть тотъ, который подражаетъ Христу, сколько силы человѣческаго естества подражать позволяютъ словами, дѣлами и помышленіями (степен. 1-й стихъ 4-й); вышедшіе изъ ограды спасительнаго ковчега блуждаютъ, яко скоть (свят. апост. зач. 68-е и 78-е), и свят. Іоаннъ Златоустъ созналъ врагами Божиими, повинными общему съ зловѣрными гнѣву и мщенію (маргар. о лжеучит.). Преподоб. Ѳеодоръ Студитъ примѣнилъ ихъ травѣ, дровамъ, соломѣ (2-й части посл. 32-е). По свят. Евангелію считаются соблазнителями, т. е. соблазняютъ другихъ въ это скверненіе. Посему безъ боязни себя пасущіе обличаются не оправданными блазнителями и сквернящимися; и да возмется нечестивый и да не видитъ славы Господней. Совершенно таковыхъ отлучить отъ сообщенія христіанъ, и приноса не принимать, и въ дома ихъ не входить, какъ ослушниковъ закона святоотеческаго, которыхъ проклятію предають.

13-й вопрос. Которые христіане ходять со своими сосудами къ роднымъ или знакомымъ въ гости, къ инославнымъ и въ трактиры, въ клубы, — какъ поступить съ таковыми?

Отв. Свят. отцы воспретили не одно общеніе въ питіи и яденіи, но и дружелюбное единеніе, особенно съ отступившими въ зловѣріе; не возбраняется посѣщать инославныхъ въ видахъ душеполезныхъ разъясненій: да дастъ благодать слышащимъ (зачал. 226-е); въ публичныя заведенія входъ допускается странникамъ, для чего и устраивались таковыя заведенія, мѣстные жители, посѣщающія публичныя заведенія со своими сосудами, представляютъ изъ себя безстраш-

ныхъ невоздержниковъ, плѣнниковъ безчинныхъ похотей и соблазотворцевъ,—примѣнять въ руководство поморскій Епитимейникъ и Мониинской уставъ.

14-й вопросъ. Какъ поступить съ такими христіанами, которые являются въ моленную въ теченіе всего года только на Пасху въ первой день и на Рождество Христово?

Отв. Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ (Іоаннъ зач. 21-е), и примѣнить прав. 6-го вселен. собора, отлучающаго отъ соборной молитвы; отъ сообщенія съ вѣрными въ молитвѣ отлучить до исправленія; на таковыхъ изреченіе Христово: тако убо ни теплъ, ни студень, изблевати ты отъ устъ моихъ имамъ (г. 3-я ст. 16).

15-й вопросъ. Какъ принять въ сообщеніе явныхъ блудниковъ и прелюбодѣевъ?

Отв. Отлучить отъ сообщенія въ моленіи, и питіи и яденіи, приносить отъ нихъ не принимать и въ дома ихъ отцу духовному и причту не входить; покаются и себя смирятъ, принять въ сообщеніе, примѣняясь правиламъ Василия Великаго (22. 38. 59. 77. 88. и 6-го вселенск. собора прав. 87-е).—Ѳеодоръ Студитъ подтвердилъ. Есть божественные законы и правила, которыми руководствуется всякій благочестивый и нельзя ни прибавить и ни убавить что-нибудь.

16-й вопросъ. Которые въ родствѣ сочетались бракомъ, или безъ брака сошлись по согласію, какъ съ ними поступить, и слѣдуетъ ли отъ нихъ дѣтей крестить?

Отв. Въ законновоспрещенномъ родствѣ сочетавшіеся повинны бракорасторженію, по прав. 6-го вселен. собора, 53 и 54, Васил. Велик. 11-й отвѣтъ, и 78-е прав.; посему брачующихъ въ родствѣ—отлучить таковыхъ отъ сообщенія вѣрныхъ, дондеже разойдутся и покаются, а до ихъ исправленія, приносу въ Церковь не принять, и въ дома ихъ не входить исправлять требы, и на покаяніе не принять, развѣ при смертномъ случаѣ, младенцевъ отъ нихъ крестить въ притворѣ моленной, а гдѣ нѣтъ моленной, — въ другомъ домѣ христіанскомъ.

17-й вопросъ. Который отецъ тайно брачить кромѣ моленной Федосѣевцевъ, Филиповцевъ, а также и своего согласія, какому подлежить наказанію?

Отв. Добръ законъ есть, еще кто его законнѣ творить (зач. 279-е), слѣдовательно, долженъ всякій настоятель спо-

собствовать дѣлу, закону; но въ разномысленныхъ, требующихъ только форму, вопреки прав. 10-го свят. апост., таковымъ настоятелямъ строго запретить впредь не дѣлать; не послушаютъ, — отлучить, примѣняясь прав. Корм. подцерковному 2-го чина ереси, и отъ отечества отлучить до исправленія (лист. 411 на обор. пр. 27. Градск. зак.) и бракосопряженія единовѣрныхъ въ частныхъ домахъ при имѣющемся молитвенномъ домѣ считать неумѣстными и неблагообразными.

18-й вопросъ. Можно ли совершить бракъ вѣрнаго съ невѣрной?

Отв. Строго воспретить по прав. Корм. 6-го вселенск. собора 72.

19-й вопросъ. Который настоятель совершить бракъ вѣрнаго съ невѣрной, чему повиненъ?

Отв. Отлученію и запрещенію отечествовать до исправленія; ежели таковой настоятель и потомъ будетъ совершать таковыя браки, отлучить навсегда отъ отечества, и отъ сообщенія въ моленіи, какъ сотворившаго вопреки прав. 6-го вселен. собора 72.

20-й вопросъ. Можно ли допустить вѣрнаго съ невѣрной для сожитія единымъ родительскимъ благословеніемъ?

Отв. Беззаконное дѣло привлекаетъ не благословеніе, а клятву, которой причастны и родители, беззаконно благословившіе; посему строго воспретить, а родителей подвергнуть за таковое преступленіе шестинедѣльному посту съ 1000 поклонами и вмѣнить въ обязанность родителямъ обратитъ невѣрную въ православіе.

21-й вопросъ. По нуждѣ можно ли крестить обливаніемъ?

Отв. За великую нужду совершить трикратное поливаніе съ произношеніемъ богословской троичной молитвы и допускается при смертномъ случаѣ, гдѣ невозможно совершить погруженія, т. е. нѣтъ близко воды или сосуда, или находится въ инославныхъ, или въ больницѣ, но отнюдь да не служить въ обычай по примѣру западныхъ, на безнужныя дѣйствія крещенія обливаніемъ.

22-й вопросъ. Слѣдуетъ ли христіанину имѣть отца духовнаго?

Отв. Иже кто въ мірѣ живетъ, а отца духовнаго не имѣетъ, нѣстъ тотъ христіанинъ, по прав. сына церковнаго. обязательно внушить прихожанамъ.

23-й вопросъ. Которые не имѣютъ отцовъ духовныхъ, какъ съ таковыми поступить?

Отв. Внушить, чтобы озаботились имѣть отца духовнаго; не послушаютъ, подлежатъ отлученію до исправленія.

24-й вопросъ. Кто не былъ на исповѣди много лѣтъ и помретъ безъ исповѣди, можно ли по немъ пѣть погребеніе и поминать?

Отв. Два случая внезапной смерти: первый живетъ человѣкъ, трудится, торгуетъ, работаетъ и получаетъ внезапную смерть,—хотя бы долгія лѣта не исповѣдался, таковыхъ нельзя лишать поминовенія: дѣло исповѣди есть средство покаянія самому себѣ, Ефремомъ Сиринымъ изъявленное. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ усугубить заупокойныя пособія. Второй случай, еще ли кто идетъ, или въ домѣ своемъ, или въ публичномъ мѣстѣ въ безчувственномъ пьянствѣ, блудѣ, прелюбодѣйствахъ, т. е. явныхъ безбожниковъ, чуждыхъ благодати, и случится имъ внезапная смерть, таковыхъ не поминать.

25-й вопросъ. Кто у инославныхъ бываетъ воспріемникомъ лично или по его согласію записанъ въ метрики, какому наказанію подлежитъ?

Отв. Отлученію до исправленія и 6 недѣль посту; въ случаѣ, если записанъ въ инославную метрическую книгу, безъ согласія и вѣдома его, наказанію подлежитъ.

26-й вопросъ. Кто брѣетъ или стрижетъ бороду, какъ съ таковыми поступать?

Отв. Воспрещенное закономъ Божиимъ и свят. Церковію предано проклятію, лишаются соборнаго христіанскаго погребенія, и таковыхъ отлучить отъ общей молитвы, а въ случаѣ смерти и съ покаяніемъ, погребеніе пѣть заочное, а въ молитвенный храмъ тѣло не вносить.

27-й вопросъ. Развратившіе христіане на куреніе или нюханіе табаку какому наказанію подлежатъ?

Отв. Естестворугательные табачные похотники, равные по винѣ съ брадобритіемъ, отлучить съ вѣрными въ молитвѣ, и ежели не оставятъ это пристрастіе, то и на покаяніе не принять; Іоаннъ Злат. естественный законъ созналъ равно за Божій законъ.

28-й вопросъ. Кто стрижетъ голову не обычно, т. е. придерживаясь обычаю или моды инославныхъ, какъ мужчины, такъ и женщины, какому подлежатъ наказанію?

Отв. Мужской полъ увѣщевать, — не послушаютъ, то въ моленной поставить позади всѣхъ, чтобы не соблазнялъ братій своихъ, и дозволить обще молиться, а женскій отлучить отъ сообщенія въ молитвѣ до исправленія (прав. 15-е Корм. лист. 43-й, — жена стригущая власы проклята есть, и книга Левит. гл. 19-я стр. 27).

29-й вопр. Кто дерзаетъ произносить хулу на святыхъ иконы, книги и проч., а также на духовныхъ отцевъ?

Отв. Хула на два разсужденія: 1-е, — хула на книгу и икону и утварь церковную въ работѣ мастерствъ изображеній слѣдуетъ вразумленію, 2-е, — хула на святое писаніе, икону и прочее, охулившаго на Духъ святыни, таковыхъ продержателей отлучить въ моленіи и не сообщаться въ питіи и яденіи, не принимать ихъ въ домъ, и въ ихъ не входить, и приноса не принять, яко ругателей святыни, и хулителей на Духъ святой, по 73-му прав. свят. Василия Великаго.

(Продолженіе будетъ).

Болгарская ересь богомиловъ ¹⁾.

II.

Если болгарская ересь или секта богомиловъ, сильно зараженная духомъ пропаганды, распространилась въ свое время во многихъ государствахъ, то естественно было предположить, что она не минетъ и предѣловъ Россіи. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что между Церковію русскою и болгарскою очень рано установились тѣсныя отношенія. Болгарія, будучи просвѣщена православною вѣрою раньше Россіи, по своему родственному съ русскимъ языку и славянской письменности, сдѣлалась естественною и лучшею посредницею между русскими и греками; изъ Болгаріи явились къ намъ и славянская грамота, и церковныя книги, и богослужебные напѣвы, и первые христіанскіе учителя и священники. По свидѣтельству Якимовской лѣтописи, болгарскій царь Симеонъ посылалъ въ Россію „іереи учены и книги довольны и дьяконовъ и демественниковъ“. Поэтому неудивительно, что современныя религіозныя движенія, происходившія въ болгарской Церкви, такъ или иначе отражались и въ русской. Между пришедшими къ намъ изъ Болгаріи священниками весьма легко могли оказаться и послѣдователи возникшей тамъ секты богомиловъ. Всего вѣроятнѣе они-то и были первыми насадителями на русской почвѣ сектантскаго вольномыслія въ видѣ богомильской ереси. Черезъ 60 лѣтъ послѣ крещенія Руси, слѣдовательно, еще при жизни св. князя Владиміра, одинъ изъ такихъ ересееучителей былъ осужденъ въ Кіевѣ. Это былъ монахъ, скопецъ Адріанъ, который, по извѣстію Никоновской лѣтописи ²⁾, въ 1004 году, явившись въ Кіевѣ, началъ хулить православную Церковь, ея уставы и обряды, а также епископовъ, пре-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ апрѣль стр. 493—506.

²⁾ Ч. I, стр. 112. Ср. Степенная книга, ч. I, стр. 166.

свитеровъ и иноковъ. Тогдашній митрополитъ кievскій Леонтій, по происхожденію грекъ или воспитанный въ духъ греческой Церкви болгаринъ, естественно не могъ терпѣть такого ученія, которое греческая и болгарская Церкви отвергли, какъ еретическое, и потому возсталъ противъ Адріана со всею пастырскою ревностію. Еретикъ былъ обличенъ, отлученъ отъ Церкви, заключенъ въ темницу, гдѣ онъ созналъ наконецъ свою вину и раскаялся. Вотъ первое лицо съ характеромъ еретика или сектанта въ исторіи русской Церкви, не отмѣченное, впрочемъ, въ лѣтописи названіемъ еретика, вѣроятно, потому, что еретикъ раскаялся! Въ 1123 году, по свидѣтельству той же лѣтописи ¹⁾, явился въ Кіевъ другой еретикъ—Дмитръ. На этотъ разъ лѣтописецъ не говоритъ, въ чемъ состояла ересь Дмитра, и только называетъ его злымъ еретикомъ. Исторіографъ Татищевъ ²⁾ замѣчаетъ, что Дмитръ отвергалъ церковные уставы, за что кievскимъ митрополитомъ Никитою и былъ сосланъ въ городъ Синелець и заключенъ въ темницу.

Изъ приведенныхъ извѣстій о первыхъ еретикахъ, явившихся въ русской Церкви, можно видѣть, что Адріанъ и Дмитръ имѣли нѣкоторыя общія еретическія воззрѣнія; но отсюда еще не видно, какой именно ереси они держались. Во всякомъ случаѣ, эти воззрѣнія не могли возникнуть среди собственно русскихъ христіанъ. Въ Россіи, въ XI вѣкѣ, могли явиться враги всѣхъ церковныхъ установленій, но, какъ мы имѣли случай говорить, только изъ язычниковъ, а не изъ христіанъ. Притомъ же Адріанъ и Дмитръ возставали противъ установленій православной Церкви, а въ первые времена христіанства въ русскомъ народѣ скорѣе могли явиться ревнители церковнаго благоустройства, нежели враги; простое чувство любить внѣшность, и русскій народъ искони любилъ внѣшнее благоустройство церкви. Подъ названными двумя еретиками обыкновенно разумѣютъ богомиловъ, пришедшихъ къ намъ изъ Болгаріи, съ которой Россія, какъ сказано, находилась въ самой тѣсной связи ³⁾. Если наши

¹⁾ Ч. II, стр. 56.

²⁾ „Исторія Россійская“, кн. II, стр. 228.

³⁾ См. К. Истоминъ, „Историческое изслѣдованіе о богомилахъ“. 1865 г. Харьковъ, стр. 110. 111. П. Мельниковъ, „Тайныя секты“, Русскій Вѣст. 1868 г. т. 75, стр. 16—17.

лѣтописцы, упоминая объ Адріанѣ и Дмитрѣ, не излагаютъ догматическихъ или теоретическихъ основаній ихъ богомилской ереси, а указываютъ только на отступленія ихъ отъ внѣшняго церковнаго благоустройства, т. е., другими словами, только выставляютъ на видъ практическія послѣдствія, вытекающія изъ основной мысли богомиловъ, не приводя этой послѣдней,—то въ объясненіе этого слѣдуетъ замѣтить, что для простыхъ наблюдателей жизненныхъ явленій, какими были наши лѣтописцы, прежде всего бросается въ глаза несообразность воззрѣній, относящихся именно къ внѣшней жизни, внутреннія же основанія этихъ воззрѣній или совсѣмъ бываютъ недоступными для нихъ, или мало обращаютъ на себя ихъ вниманіе. А что Адріанъ и Дмитръ дѣйствительно были богомилы, это доказывается сличеніемъ богомилскаго ученія съ воззрѣніями нашихъ еретиковъ. Немного сказано у лѣтописцевъ о воззрѣніяхъ Адріана и Дмитра, но это немного совершенно сходно съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ ученія богомиловъ. Адріанъ былъ скопецъ, и богомилы допускали оскотленіе; онъ былъ монахъ, и богомилство среди монашествующихъ евхитовъ или мессалианъ нашло себѣ хорошій пріемъ ¹⁾; наконецъ, оба еретика отвергали все внѣшнее благоустройство церкви, а это одна изъ главныхъ особенностей богомилской ереси, хотя и внѣшняя только, а не внутренняя.

Кромѣ приведенныхъ двухъ случаевъ богомилской пропаганды на русской почвѣ, къ сожалѣнію, наши лѣтописцы почти больше не упоминаютъ о ней. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что этой пропаганды не было и въ дѣйствительности. Какъ на своей родинѣ, въ Болгаріи, такъ, разумѣется, и у насъ въ Россіи, богомилы, при всемъ противоудѣствіи русской церковной власти, продолжали распространять свое ученіе, но по всей вѣроятности съ величайшею осторожностію и скрытностію, чѣмъ и объясняется молчаніе объ этомъ лѣтописцевъ. Что богомилскія идеи пропагандировались среди русскихъ не только въ XI—XII вѣкахъ, но и въ послѣдующія столѣтія, и такимъ образомъ получили среди нихъ большое распространеніе,—это подтверждается сохра-

¹⁾ Анна Комненъ „Alexias“ pag. 486.

нившимися у насъ отъ древнихъ лѣтъ памятниками нѣкогда бывшихъ на Руси богомиловъ.

Сюда прежде всего относятся списки обличительной „Бесѣды Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь Богомилу“, какъ кажется, извѣстныя у насъ еще въ XI вѣкѣ. Въ одной Кормчей, писанной въ XV или XVI вѣкѣ, изложены, хотя въ краткихъ, но довольно опредѣленныхъ чертахъ, всѣ главнѣйшіе пункты богомилской ереси ¹⁾. Очевидно, все это дѣлалось въ видахъ предостереженія русскихъ людей отъ еретиковъ, пропагандировавшихъ среди нихъ свое ученіе.

Всего легче богомилскія идеи проникали въ Россію путемъ такъ называемой „апокрифической“ или „отреченной“ литературы. Нѣкоторые произведенія изъ этой литературы, о которой многіе на Руси говорили, что она наполнена „болгарскими баснями“ ²⁾, очень рано стали переходить къ намъ изъ Болгаріи. Уже Авраамій Смоленскій, жившій въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка, читалъ глубинныя книги, т. е. апокрифическую книгу „глубина“. Въ XIII и XIV вѣкахъ къ переводнымъ апокрифамъ присоединились апокрифическія сказанія русскаго сочиненія, появлявшіяся подъ вліяніемъ первыхъ. Къ XV столѣтію апокрифическія произведенія до такой степени умножились, что митрополитъ Кипріанъ призналъ необходимымъ составить списокъ какъ истинныхъ книгъ, признанныхъ Церковію, такъ и „отреченныхъ“. Съ этихъ поръ списокъ отреченныхъ книгъ, также какъ и истинныхъ въ русской Церкви, получилъ какъ-бы каноническое значеніе, потому что вносился въ церковныя книги, напр., въ молитвенники и уставы, съ цѣлью предохранить духовенство и народъ отъ чтенія апокрифовъ ³⁾. Несмотря на то, не только народные грамотеи, но и духовныя лица съ особенною любовью читали апокрифическія сочиненія. Церковные дьяки, въ родѣ Семейки Григорьева, держали у себя для чтенія „книги недобрыя, ересныя, да при-

¹⁾ „Книга, глаголемая Кормчія, рекше правило закону“. Рукопись Московской дух. академіи.

²⁾ Въ свое время князь Курбскій жаловался: „нынѣшняго вѣка мяншіеся учителя больше *съ болгарскія басты*, ибо паче въ *баскія бредни* упражняются, прочитають и похваляютъ, неже въ великихъ учителей разумѣхъ наслаждаются“.

³⁾ См., напр., описаніе Рум. муз. № CCCCXIX, стр. 716. 717.

говоры и рафли, тетради гадательныя“. Апокрифическія сказанія вносились въ церковные сборники и помѣщались здѣсь рядомъ съ статьями, принятыми Церковію. Иногда даже апокрифы, особенно нравственнаго содержанія, безсознательно помѣщались въ сборникахъ святоотеческихъ твореній, въ „измарагдахъ“, „златоустахъ“ и „торжественникахъ“, имѣвшихъ церковное употребленіе ¹⁾).

Въ дошедшихъ до нашего времени древнихъ рукописяхъ находится немало апокрифическихъ сказаній съ богомильскимъ содержаніемъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ ²⁾).

Въ одной статьѣ Соловецкаго сборника, подъ заглавіемъ: „сказаніе о семи планитахъ“, говорится, что въ тотъ день, когда Богъ сотворилъ солнце, луну и звѣзды, „испаде отъ славы сатана“. Увидя небо и землю украшенными, Сатанаилъ задумалъ устроить и устроилъ себѣ престолъ на облакахъ, вознесся на небо и сдѣлался воеводою ангельскому чину. Богъ велѣлъ архангелу Михаилу свергнуть противника—Сатанаила долу. Михаилъ, видя въ немъ печать великаго Божества, сначала не осмѣлился было даже посмотрѣть на него; и только когда Господь снялъ съ него Божество, Михаилъ свергнулъ Сатанаила, какъ уже простого человѣка, съ неба со всѣми его силами. Съ этого времени онъ началъ называться сатаною или діаволомъ. Господь снялъ съ него *иъ* и далъ его ангеламъ и архангеламъ; Михъ сталъ именоватьсѣ Михайломъ, и далъ ему Господь старшинство надъ всѣмъ небеснымъ воинствомъ. Когда небеса утвердились, сатана прошелъ землю и поселился въ адѣ подъ землею; другіе же злые духи частію остались на землѣ, а частію обитаютъ въ воздухѣ и творятъ всякое зло людямъ.

Связь этого сказанія съ ученіемъ богомиловъ очевидна и не требуетъ подробнаго аналогическаго сближенія. Какъ по богомильскому ученію, архангелъ Михаилъ является побѣдителемъ, низложителемъ Сатанаила и за то, по волѣ верховнаго Божества, отнимаетъ отъ его имени священное окончаніе *иъ*, такъ точно разсказывается и въ приведенномъ апокрифѣ.

Въ рукописномъ сборникѣ Пермской духовной семинаріи,

¹⁾ Прав. Собесѣдникъ, 1861 г., ч. I. стр. 278 и дл.

²⁾ Прав. Собесѣдникъ, 1861 г., ч. I, стр. 258—265.

извѣстномъ у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ „Христовъ дневникъ“, сообщается одно космогоническое преданіе, въ которомъ тоже находимъ довольно ясныя слѣды богомильскихъ воззрѣній. „Когда не было ни неба, ни земли, гласить это преданіе, было одно море Тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь (въ образѣ птицы - гоголя является здѣсь Сатанаилъ). Богъ повелѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о камень, и у Него явились ангелы. Гоголь также ударилъ камень о камень, и у него явились ангелы—десятый чинъ,—его собственный. Далѣе—гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ—второе Лицо. Богъ велѣлъ гоголю принести пять земель, гоголь принесъ, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка, Богъ скрылся; діаволь воспользовался этимъ случаемъ и создалъ людей уродливыхъ. Богъ прогнѣвался на Сатанаила, отнялъ у него *илъ* и отдалъ его вождю своихъ небесныхъ силъ *Михъ*. Такимъ образомъ, стали враждебныя силы—сатана и Михаилъ“.

Въ списокъ апокрифической бесѣды трехъ святыхъ передается слѣдующее. Прежде земли пребывалъ Господь Саваоѣ, безначальный Отецъ, „въ трехъ комарехъ на воздухѣхъ“. И отрыгнувъ Онъ отъ сердца и родилъ возлюбленнаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, а изъ устъ Своихъ испустилъ Духа Своего Святаго въ образѣ голубинѣ. Затѣмъ словомъ Своимъ Господь создалъ небо хрустальное на столбахъ желѣзныхъ, озера, облака, звѣзды, свѣтъ, вѣтры, рай, морозъ, громъ, молнію, солнце и море Тиверіадское. И сошелъ Господь по воздуху на море Тиверіадское, увидѣлъ на томъ морѣ гоголя (извѣстный образъ сатаны въ мифологической космогоніи) плавающего и спросилъ его: „кто ты?“ Гоголь отвѣчалъ: „я сатана“. Господь повелѣлъ сатанѣ погрузиться въ море и вынуть оттуда землю и камень. Камень Господь переломилъ на двое, одну половину камня изъ лѣвой руки далъ сатанѣ, а изъ другой ударомъ жезла сотворилъ архангела Михаила, Гавріила и ангеловъ. Сатана же изсѣкъ изъ камня бѣсовскую безчисленную силу боговъ“.

Сличая содержаніе и этого апокрифическаго сказанія съ ученіемъ богомиловъ, мы замѣчаемъ въ немъ весьма явственныя оттѣнки богомильскихъ дуалистическихъ воззрѣній. Таково сказаніе о безначальномъ Богѣ Отцѣ, пребывавшемъ

прежде земли въ трехъ комарехъ на воздухѣхъ, отрыгнувшемъ отъ сердца Своего Сына Божія, испустившаго изъ устъ Своихъ Духа Святаго,—таково особенно представленіе о сатанѣ, какъ участникѣ въ твореніи міра и творцѣ отдѣльнаго, сатанинскаго царства существъ.

Путемъ такой именно апокрифической письменности богомильскія идеи отъ русскихъ книжниковъ проникали и въ простой народъ. Богомильскій дуализмъ и до сихъ поръ живетъ среди русскаго народа. Извѣстны, напримѣръ, народные сказанія о происхожденіи горъ отъ сатаны, во время творенія міра Богомъ, о происхожденіи мошекъ отъ сатаны, о собраніи Богомъ птицъ (извѣстно космогоническое значеніе тѣхъ или другихъ птицъ), для содѣйствія Ему въ твореніи рѣкъ и озеръ ¹⁾ и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, (напримѣръ, въ Нижегородской губ., въ селѣ Павловѣ) нѣрѣдко можно слышать въ народѣ чисто богомильскія мнѣнія о двухъ царствахъ—Божіемъ и сатаниномъ, о Богѣ Савооеѣ, какъ „старшемъ“ Богѣ, и объ Иисусѣ Христѣ, какъ „младшемъ“ Богѣ, о созданіи человѣческаго тѣла сатаною, души же—Богомъ ²⁾. Богомильскія дуалистическія воззрѣнія такъ глубоко вкоренились въ народномъ сознаніи, что донныѣ составляютъ даже нравственно-догматическую основу міросозерцанія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ. Напримѣръ, толкъ бѣгуновъ, или странниковъ, возникшій около половины XVIII вѣка, весь міръ раздѣляетъ на два царства: *Божіе и сатанино* ³⁾.

¹⁾ Терещенки „Бытъ русскаго народа“, V, 44—47.

²⁾ Прав. Собесѣдникъ 1861 г., ч. I, стр. 267. Ср. Историко-статистическое описаніе Смоленской губерніи, стр. 36.

³⁾ Ивановскій. Руководство по исторіи русскаго раскола въ 1886 г. Казань, стр. 117. 118.—Въ „разглагольствіи Тюменскаго странника“, составленномъ бѣгуномъ Василиемъ Москвиннымъ (въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія), такъ изображены эти два царства. Въ царствіи Божіемъ: 1) Богъ истинный, Творецъ всея твари, Зиждитель, Вседержитель, Пастырь, Руководитель и всему міру Хранитель и Спаситель; 2) Духъ Святыи, истинный, животворящій; 3) Градъ небесный, Сіонъ вышній, Іерусалимъ и райскія обители въ немъ и проч. Въ царствѣ сатаниномъ: 1) Противникъ Божій, антихристъ, дьяволъ, сынъ погибельный, седьмиглавыи змій, древній клеветникъ, судія сатанинъ, титанъ, преисподній бѣсъ; 2) Духъ ложный, противный, погибельный и убивательный; 3) Великій градъ адскій, темный вавилонъ и адовы темницы въ немъ и проч.

Всѣ приведенныя нами данныя даютъ полное право заключать о широкомъ распространѣніи въ Россіи богомилства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о вліяніи его на образованіе русскихъ религіозныхъ сектъ. Хотя на этотъ послѣдній предметъ нѣтъ почти никакихъ прямыхъ историческихъ указаній, при посредствѣ которыхъ можно было бы прослѣдить постепенный переходъ ученія богомиловъ въ ученіе русскихъ сектантовъ, тѣмъ не менѣе весьма значительное сходство и даже тождество, замѣчаемое между тѣми и другими, утверждаетъ насъ въ справедливости сдѣланнаго заключенія.

Обиліе апокрифическихъ книгъ съ богомилскимъ содержаніемъ, въ связи со многими другими благопріятными для порожденія анти-церковнаго движенія условіями, способствовало появленію и распространенію въ Россіи разныхъ „ересей и шатаній“. Конечно, гдѣ больше совмѣщалось этихъ благопріятныхъ условій, тамъ сектантское своемысліе сильнѣе и раньше обнаруживалось и скорѣе проникало въ народъ. Въ XIV и XV вѣкахъ въ Псковѣ, враждовавшемъ съ Новгородскими владыками-архіепископами ¹⁾, и въ Новгородѣ, отличавшемся изстари духомъ мятежной вольности, боровшемся за церковную независимость съ Московскими митрополитами и наиболѣе подверженномъ либеральному западно-европейскому вліянію, — впервые открываются тѣ противо-церковныя движенія, которыя перешли и въ послѣдующія столѣтія. Разумѣемъ ереси или секты стригольниковъ и жидовствующихъ. Въ ученіи этихъ сектъ весьма замѣтны слѣды богомилскихъ идей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Священникъ Н. Стеллецкій.

¹⁾ Въ особенности изъ-за такъ называемаго мѣсячнаго суда, для котораго Новгородскій архіепископъ имѣлъ право пріѣзжать въ Псковъ (ровно какъ Московскій митрополитъ въ Новгородъ) въ извѣстные сроки, причемъ вѣдались судныя пошлины съ народа по дѣламъ, подлежащимъ церковному суду.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Должно ли дѣтямъ раскольниковъ и сектантовъ непрекословно и слѣпо слушаться своихъ родителей въ вопросахъ вѣры и совѣти?

Прошедшія школу дѣти старообрядцевъ и сектантовъ перѣдко сознають правоту греко-россійской православной Церкви, но медлятъ присоединиться къ ней, а иногда и совсѣмъ остаются коснѣть въ душепагубномъ расколѣ, ссылаясь въ свое оправданіе на то, что они живутъ по родительскому благословенію, что родители *благословили* ихъ умирать въ той вѣрѣ, въ которой родились, или что они не смѣютъ преступить родительскаго благословенія. Мы—дѣти должны слушаться своихъ родителей и боимся родительскаго гнѣва и проклятія. Что на это долженъ отвѣтить пастырь или миссіонеръ по руководству свящ. Писанія и ученія св. отцевъ? Вопросъ этотъ, такъ часто встрѣчающійся миссіонерамъ, затронуть на страницахъ одного епархіальнаго органа. Пастырь или миссіонеръ должны разъяснить, что *почитать родителей*, слушаться ихъ—дѣло благое и полезное: тому учить слово Божіе. Пятая заповѣдь даннаго на Синаѣ закона Божія повелѣваетъ намъ: *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтєнь будешь на земли* (Исх. 20 гл. 12 ст.). Премудрый говоритъ къ чадамъ: *дѣломъ и словомъ почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословеніе отъ нихъ, ибо благословеніе отца утверждаетъ домы дѣтей, а клятва матери разрушаетъ до основанія* (Сирах. 3, 8—9 ст.).

Въ новомъ завѣтѣ—Самъ Христосъ Спаситель, отвѣчая на вопросъ одного богатаго юноши: *что благо сотворю, да имамъ животъ вѣчный*, между прочими заповѣдями подтвердилъ и сію: *чти отца и мать* (Мѡ. 19, 19).

А о томъ, какъ исполнять эту заповѣдь, поучаетъ насъ избранный сосудъ божественной благодати, св. первоверховный апостолъ Павелъ, говоря: *чада, послушайте родителей своихъ во всемъ: сіе бо угодно есть Господеву* (Колосс. 3, 20 ст.). Но слова св. апостола отнюдь не означаютъ того, чтобы всегда и во всемъ, даже если бы намъ приказывали сдѣлать что-либо и худое, неприличное, безнравственное, исполняли волю родителей. Св. Златоустъ на приведенныя слова апостола даетъ слѣдующее толкованіе: „Если же апостолъ Павелъ многое заповѣдуетъ о родителяхъ и велитъ *во всемъ* имъ повиноваться, ты не дивись. Онъ велитъ имъ повиноваться только въ томъ, что не противно благочестію; ибо святое дѣло воздавать имъ всякое иное почтеніе. Когда же потребуетъ себѣ болѣе надлежащаго, не должно имъ повиноваться“ (Св. Злат. Бесѣд. на Ев. Мате. бес. 35).

Какъ извѣстно, раскольники-родители брачатъ своихъ дѣтей „по родительскому благословенію“ своднымъ бракомъ, невѣдомымъ св. соборной и апостольской Церкви, брачатъ по самоизмышленному при пѣннѣ каноновъ обряду, а не по чиноположенію церковному,—слѣдовательно, творятъ то, что противно благочестію, жертвуя цѣломудріемъ и честію своихъ дѣтей. Очевидно, этому не училъ св. апостолъ, когда говорилъ онъ дѣтямъ: *чада послушайте родителей своихъ во всемъ*? Ибо онъ не могъ поучать идти противъ установленій святой Церкви: ясно, что дѣтямъ слѣпо исполнять совѣты и приказанія родителей, благословляющихъ на блудническое сожитіе, т. е. на сводный бракъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

Не обязаны заповѣдью Господнею дѣти слушать и такіе наставленія, какъ напримѣръ, не ходить въ церковь къ божественной службѣ, удаляться отъ христопреданнаго священства, не принимать церковныхъ таинствъ, коими освящаемся,—ибо все это совѣты не богоугодные, душепагубные.

Такимъ образомъ, всѣ наставленія и совѣты родителей дѣти должны принимать съ полною покорностію имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти совѣты и наставленія даются о *Господѣ* (Еф. VI, 1),—тѣ же приказанія родителей, которыя противны вѣрѣ и нравственности, законамъ церковнымъ и гражданскимъ, для дѣтей къ исполненію не обязательны.

Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть

праведно (Ефес. зач. 232). Вотъ какъ тотъ же св. апостолъ разумѣетъ сказанное имъ: *послушайте во всемъ*. Это значить—*послушайте о Господѣ*; св. Іоаннъ Златоустъ объясняетъ это апостолъ сказалъ: „о Господѣ“, то-есть, — въ чемъ не окажешься противникомъ Богу. Если язычникъ будетъ или еретикъ отецъ твой, болѣе повиноватися не подобаетъ: сіе дѣло не будетъ уже о Господѣ (Бес. апост. ст. 1798 Ефес. бес. 21).

Итакъ, Златоустовы уста—Христовы и Павловы уста отверсты въ наше назиданіе и поученіе: мы должны оказывать родителямъ послушаніе и повиновеніе только въ томъ, что не противно Богу, что не противорѣчитъ ученію св. Евангелія.

Согласно этому и въ Толковомъ Евангеліи, печатанномъ при патріархѣ московскомъ Іосифѣ, читаемъ: „Егда убо вреждають на добродѣтель и благочестіе или отецъ, или мати, или чада, или братія, или друзи, тогда оставить ихъ подобаетъ, и не токмо же оставлять, но и ненавидѣти, яко враги истины и яко супротивники закону Христову (Поуч. въ нед. 2-ю по вс. св. л. 170 об.).

Не мните, глаголетъ Господь, *яко приидохъ воверещи миръ на землю: не приидохъ воверещи миръ, но мечъ. Приидохъ бо разлучити челоуѣка на отца своего, и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою. И ерази челоуѣку на домашніе его* (Мѣ. 10, 34—36). *Толкованіе*: „Не вездѣ бо есть добро соединеніе, но бываетъ иногда и раздѣленіе добро; ниже всякое умирненіе похвально, не бываетъ множицею и мира на поврежденіе, и далече божественныя любви отгоняющъ: егда убо миримся о разрушеніи истины, прегрѣшно есть и неподобно зѣло. Таковъ бо миръ не прииде Христосъ вложить, но супротивное паче“ *хочетъ насъ другъ отъ друга добраго ради отлучатися*. Не всякое бо мированіе и совокупленіе добро, но бываетъ, егда и распря, и разлученіе—веліе и божественно дѣло. Никто же убо симъ образомъ любовію да прилежитъ къ лукавымъ, ниже мира имѣти съ ними; но еще отецъ, или мати, еще братія супротивни обрящутся закону Христову, сопротивимся имъ яко врагомъ истинѣ“.

Иже любитъ отца или мать паче Мене, несть Мене достоинъ. „Не яже къ роду отчужденіе и омерзѣніе приводя сія глаголетъ, ниже родителя и чада ненавидѣти законить, но множае онѣхъ того любити. Не повелѣваетъ бо Христосъ

сихъ всѣхъ ненавидѣти, понеже и се зѣло жестоко есть: но егда хотятъ множае паче Христа любити ихъ, и егда повреждають насъ и отлучають отъ любви Божія, тогда ненавидѣти ихъ подобаетъ. Еже бо любити родители и чада паче Христа—въ бѣды насъ приводитъ и въ глубины погубленія“ (Толк. Еванг. гл. 165 и 166).

Отсюда ясно, что неразсудительно поступаютъ тѣ, кои, напримѣръ, присоединившись и повѣнчавшись въ Церкви, снова уходятъ въ расколъ или секты, ссылаясь на то, что на повѣнчаніе ихъ въ Церкви не было благословленія родительскаго. Такіе люди тяжело согрѣшаютъ. *Лучше бы имъ не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди* (2 Петр. 2, 21). Такіе люди волю родителей неправовѣрующихъ ставятъ выше благой и всеовершенной воли Господа. *Судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать ихъ болѣе, нежели Бога?* (Дѣян. 4, 19).

Что касается того, что нѣкоторые изъ дѣтей раскольниковъ въ дѣлѣ обращенія въ православіе не столько боятся лишиться благословенія родителей—старообрядцевъ, сколько подпасть подъ ихъ проклятіе, то слѣдуетъ выяснитъ, что страхъ этотъ не у мѣста. Премудрый Соломонъ говоритъ на это: *какъ воробей вспорхнетъ, какъ ласточка улетитъ, такъ незамуженное проклятіе не сбудется* (Притч. Сол. 26, 2). Вспорхнулъ воробей, улетѣла ласточка—и слѣдъ простылъ, такъ и суетная клятва, каковою въ данномъ случаѣ нельзя не признать и клятву родителей, которая потому и не должна быть страшною для дѣтей. Іисусъ Христосъ говоритъ: *иже любитъ отца или мать паче Мене нѣсть Мене достоинъ* (Мѣ. 10, 37).

Историческая справка.

Таинство брака должно быть совершено въ приходской церкви жениха (т. X, ст. 25 Свод. зак., изд. 1887 г.), хотя Кормчая книга дозволяетъ совершать бракосочетаніе и въ той церкви, въ приходѣ которой живетъ невѣста. Если женихъ и невѣста живутъ въ разныхъ приходахъ, то троекратное оглашеніе дѣлается въ обѣихъ церквяхъ, и если никто не объявитъ никакихъ препятствій, то причтъ выдаетъ жениху или невѣстѣ для представленія тому причту, который имѣетъ совершать таинство брака, такъ называемое «предбрачное свидѣтельство», или же увѣдомляетъ объ объявленномъ или другомъ какомъ-либо препятствіи (тамъ же ст. 26 и 27). Но что дѣлать, если женихъ или невѣста, а часто и тотъ, и другой не принадлежать и не пишутся въ исповѣдныхъ росписяхъ ни въ какомъ приходѣ?

Въ настоящее время всѣ лица, поступившія въ гражданскую и военную службу, не пишутся уже въ исповѣдныхъ росписяхъ того прихода, изъ котораго они поступили на службу и въ которомъ родились; не пишутся также ушедшіе изъ прихода и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не возвращавшіеся. Въ большихъ городахъ много проживаетъ лицъ и семействъ, которые и родились, и выросли въ данномъ городѣ, но, не имѣя собственныхъ домовъ, переходятъ, иногда даже нѣсколько разъ въ годъ, изъ квартиры на квартиру и, слѣдовательно, изъ одного прихода въ другой, почему не пишутся ни въ какомъ приходѣ. Исполняютъ ли долгъ исповѣди и причастія св. Таинъ такія лица, никому неизвѣстно. Хотя, конечно, исполняютъ, но не всѣ¹⁾; такъ, многіе

¹⁾ Въ 1880 г. въ „Харьк. Епарх. Вѣдом.“ была напечатана резолюція преосвященнаго, обращенная къ духовникамъ священно-церковно-служителей, слѣдующаго содержанія: „предписывается духовникамъ епархіи на будущее время представлять списокъ духовныхъ лицъ, какъ бывшихъ у нихъ у исповѣди, такъ и не бывшихъ“. Мѣстные харьковскія газеты распоряженіе это перепечатали такъ: „предписывается духовникамъ на будущее время доносить какъ о бывшихъ, такъ и о не бывшихъ у исповѣди“. Въ такой же редакціи это было напечатано и въ нѣкоторыхъ столичныхъ газетахъ.—Послѣдствіемъ этого было то, что въ великій постъ въ 1880 г., въ городѣ

св. долгъ сей исполняютъ въ той церкви, въ приходѣ которой въ великій постъ придется имъ квартировать и, хотя нѣкоторые и записываются въ исповѣдную тетрадь, но не вносятся въ „исповѣдныя росписи“. Всѣ такія лица, желая вступить въ бракъ, не могутъ ни отъ какого бы то ни было причта получить „предбрачное свидѣтельство“. А потому, получивши отъ всѣхъ причтовъ отказъ въ повѣнчаніи ихъ, многіе вступаютъ въ незаконное сожительство, въ такъ называемый „гражданскій бракъ“, или вступаютъ въ секту штундистовъ. А потому, въ видахъ поднятія нравственно-религіознаго состоянія православнаго народа, какъ всему духовенству, такъ и миссіонерамъ, при помощи гражданской власти, необходимо принять мѣры къ тому, чтобы 15—18 ст. Уст. Дух. Конс., 18—23 Уст. о пред. и пресѣч. прест., т. XIV Свод. зак. изд. 1890 г., ст. 207—210 Улож. о наказ. изд. 1885 г. не на бумагѣ только существовали, а были бы исполняемы въ точности. Наши миссіонеры должны помнить слова, сказанныя Спасителемъ книжникамъ и фари́сеямъ (Мѡ. гл. 23, 15).

Во всѣхъ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ заведеніяхъ всѣ воспитанники и воспитанницы исполняютъ долгъ исповѣди и причастія св. Таинъ въ церквахъ, состоящихъ въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они учатся; нѣкоторые же, съ разрѣшенія своего начальства какъ и тѣ, гдѣ нѣтъ церквей въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они учатся, говѣютъ въ приходскихъ церквахъ, о чемъ и представляютъ своему начальству свидѣтельства отъ приходскихъ священниковъ. Не знаемъ, представляютъ ли такія свидѣтельства учителя и воспитатели. Всѣ, состоящіе въ военной службѣ, говѣютъ въ своихъ полковыхъ церквахъ, а всѣ тѣ, которые по какимъ-либо причинамъ исполняли этотъ св. долгъ въ приходскихъ церквахъ, представляютъ своему начальству свидѣтельства отъ приходскихъ священниковъ. Такія свидѣтельства слѣдовало бы представлять своему на-

Харьковѣ, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, исполнили св. долгъ исповѣди и причастія св. Таинъ не бывшіе въ теченіе двухъ и трехъ лѣтъ, и ни въ одномъ изъ прошедшихъ годовъ не было въ Харьковѣ столько говѣющихъ, какъ въ этомъ 1880 г., какъ въ Великій, такъ въ Петровъ и Успенскій посты.

чальству и всѣмъ состоящимъ на коронной службѣ и по пайму. Въ прежнее время слѣдователь, при допросѣ подсудимаго и свидѣтелей спрашивалъ, бываютъ ли они ежегодно у исповѣди и причастія св. Тайнъ, а въ настоящее время объ этомъ не спрашиваютъ. Спрашивается, будетъ ли правдивымъ, по совѣсти христіанской, тотъ свидѣтель, который, быть можетъ, нѣсколько лѣтъ не исполнялъ этого св. долга. Какъ будетъ обсуждать проступокъ подсудимаго присяжный засѣдатель, тоже не исполнявшій этого св. долга въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не говоримъ уже о защитникахъ, дѣлающихъ часто изъ чернаго бѣлое! По указу Св. Синода 23 августа 1857 г., всѣ купцы при объявленіи капиталовъ представляли отъ причтовъ свидѣтельства о принадлежности своей къ православной Церкви и объ исполненіи ежегодно св. долга исповѣди и причастія св. Тайнъ, и это не стѣсняло ихъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая 1866 г. ¹⁾ на имя предсѣдателя комитета министровъ князя Гагарина, между прочимъ сказано: „православному русскому духовенству въ предоставленномъ ему кругу дѣятельности предложить наипаче послужить къ охраненію православнаго народа русскаго отъ вредныхъ лжеученій и обнаружившихся въ послѣднее время стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все искони священное для нашего отечества, на ученіе вѣры, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе установленнымъ властямъ“... Но одно духовенство, безъ содѣйствія гражданской власти и гражданскихъ чиновниковъ, не въ силахъ всего исполнить, и потому въ томъ же рескриптѣ Государь Императоръ благоволилъ указать „тѣ главныя пачала, которыя, при твердомъ и неуклонномъ соблюденіи ихъ начальствами всѣхъ частей государственнаго строя, послужатъ предѣломъ дальнѣйшему распространенію зла“.

Пора уже нашему гражданскому начальству и гражданскимъ чинамъ за одно дѣйствовать съ духовенствомъ по охраненію господствующей православной христіанской вѣры и религіозно-нравственнаго состоянія русскаго народа; первѣе всего необходимо *возстановить законное значеніе прихода, а*

¹⁾ Ук. Св. Син. 15 іюля 1866 г., № 1328.

духовенство возстановить тогда и значеніе „исповѣдныхъ росписей“.

По духу и смыслу нашихъ, доселѣ не отмѣненныхъ, церковно-гражданскихъ постановленій, каждый приходъ долженъ имѣть свои предѣлы-границы; каждый православный христіанинъ долженъ *непретѣнно* принадлежать къ какому-нибудь приходу, и всѣ требы, если такой прихожанинъ живетъ въ своемъ приходѣ, должны быть исполняемы его приходскимъ священникомъ.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 4 февраля 1734 г. (Полн. собр. зак. 16 апр. № 7226) повелѣно, чтобы всѣ православные, начиная съ семилѣтняго возраста, въ великій и другіе посты, ежегодно исповѣдывались и приобщались св. Тайнъ въ своихъ приходскихъ церквахъ. Кто же въ теченіе года будетъ внѣ своего прихода въ отлучкѣ, тотъ обязанъ исполнять христіанскій долгъ исповѣди и причастія св. Тайнъ въ церкви того прихода, въ которомъ онъ будетъ проживать и въ удостовѣреніе того, что это имъ исполнено, долженъ представить своему приходскому священнику свидѣтельство отъ того священника, у котораго онъ исповѣдывался и св. Тайнъ приобщался. Въ томъ же указѣ въ пунктѣ 3-мъ сказано: „Понеже многіе, какъ о томъ безызвѣстно есть, приходскіе всякихъ чиновъ люди исповѣдываются не въ тѣхъ приходахъ, въ коихъ жительствоуютъ, у священниковъ, но иные въ соборныхъ, иные же въ другихъ приходахъ, того ради, какъ тѣмъ соборнымъ, такъ и прочимъ другихъ приходовъ священникамъ, абіе же по исповѣди сообщать за своими руками именныя росписки, по которымъ въ тѣхъ настоящихъ приходахъ приобщивъ ихъ, кто удостоенъ будетъ св. Тайнъ въ церкви предъ всѣми, вписать въ роспись исповѣдавшихся, и для того никто не долженъ и никому отнюдь не попускать приобщаться при другой церкви, кромѣ своей приходской, чтобы изъ этого не могли укрыться и отъ двойнаго оклада избѣгать раскольники“ ¹⁾. На этихъ указахъ основаны статьи Свод. зак. 18—23, Уст. о пред. и пресѣч. прест. т. XIV изд. 1890 г., 207—210 Улож. о наказ. изд. 1885 г. и ст. 15—18 Уст. дух. конс.

Возстановить значеніе прихода, прихожанина и прихо-

¹⁾ Денежные штрафы за небытіе у исповѣди отмѣнены въ 1801 г.

жанъ его слѣдовало бы такъ. Всякій православный христіанинъ проживающій въ извѣстной мѣстности, долженъ избрать себѣ извѣстный приходъ, и писаться въ „исповѣдныхъ вѣдомостяхъ“ этого прихода, пока не заявитъ мѣстному причту о своемъ желаніи перечислиться въ другой какой-либо приходъ. Но до такого перечисленія, хотя бы они по собственнымъ дѣламъ, по службѣ или по какимъ-либо другимъ причинамъ отлучались въ разные мѣста имперіи и даже за границу, должны числиться и писаться въ исповѣдныхъ росписяхъ того прихода ¹⁾, ежегодно представляя причту свидѣтельства объ исполненіи св. долга исповѣди и причастія св. Тайнъ и о перемѣнахъ въ семействахъ. Избравши же другой приходъ, должны заявить своему причту, который выписку изъ своихъ росписей препроводить къ причту избраннаго ими прихода, а у себя исключить ихъ. Полагаю, что только при соблюденіи упомянутыхъ постановленій, исповѣдныя росписи приходскихъ церквей могутъ, на основаніи 265 и 268 ст. Уст. дух. конс. и 1356 ст. т. X. ч. II изд. 1876 г., служить подкрѣпленіемъ доказательствъ рожденій и браковъ въ случаяхъ пропусковъ и ошибокъ въ метрическихъ книгахъ. Исповѣдныя же росписи о состоящихъ на службѣ по отбытію воинской повинности церквей арміи и флотовъ и церквей, состоящихъ при казенныхъ, учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, суть только списки, удостовѣряющіе, что записанныя въ нихъ лица исполнили св. долгъ исповѣди и причастія св. Тайнъ.

Если бы все вышесказанное исполнялось на дѣлѣ, то не было бы свидѣтелей, нарушающихъ присягу, и наши присяжные засѣдатели и защитники добросовѣстно, по чистой христіанской совѣсти, исполняли бы свои святыя обязанности. Также точно всѣ бы, желающіе вступить въ бракъ, свободно получали, въ случаѣ нужды, предбрачныя свидѣтельства, отъ тѣхъ причтовъ, въ приходѣ которыхъ они записаны въ исповѣдныхъ росписяхъ, и священники свободно совершали бы браки, не боясь никакой отвѣтственности.

Протоіерей *Іоаннъ Чижевскій*.

¹⁾ Слѣдовало бы въ паспортныхъ книжкахъ и во всѣхъ другихъ документахъ, удостовѣряющихъ личность, прописывать, какого онъ или она прихода.

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

Разговоры ереди друзей по поводу романа „Воскресеніе“ Л. Н. Толстого ¹⁾.

(Картинка съ натуры).

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ свою Нехлюдовъ началъ проявлять, какъ мы знаемъ, съ того момента, когда съ нимъ произошелъ „благодѣтельный кризисъ“, т. е. когда онъ убѣдился (?), что суды, тюрьмы—зло, что служить, гдѣ бы то ни было,—значить участвовать въ общемъ насиліи. Дѣятельность эта началась съ его ходатайства за „отверженныхъ“ предъ сильными міра сего, предъ людьми, строго охраняющими сословные интересы, и для которыхъ „служба“ особенно дорога и выгодна.

Читатель, привыкшій ждать новыхъ словъ и новыхъ дѣлъ отъ всѣхъ извѣстныхъ ему героевъ, разумѣется, рассчитывалъ, что и Нехлюдовъ, какъ прозелитъ, станетъ развивать среди своего круга эти новыя идеи; но расчетъ читателя оказался невѣренъ: Нехлюдовъ смотритъ съ высоты своего нравственнаго превосходства на общество, не желаетъ расточать бисера предъ людьми, погибшими въ кастовыхъ предразсудкахъ.

Въ чемъ же, однако, выражается нравственное превосходство Нехлюдова предъ послѣдними? Въ томъ, что онъ, какъ человѣкъ богатый, пожертвовалъ своимъ кошелькомъ и нанялъ ловкаго адвоката для защиты подсудимой Масловой. Адвокатъ этотъ, по отзывамъ присяжныхъ, можетъ все сдѣлать: и черное обѣлить, и бѣлое очернить,—человѣкъ, слѣдовательно, съ низкимъ уровнемъ нравственности. Ясно, что

¹⁾ См. „Мисс. Обзоръ“, Сентябрь, стр. 267—273.

Нехлюдовъ въ этомъ случаѣ ничѣмъ не выдѣлялся изъ своей братіи богатыхъ вліятельныхъ людей; напротивъ, онъ съ ними совершенно слился, въ особенности, когда прибѣгнулъ къ всеильной протекціи,—къ помощи кузинъ, тетушекъ. Положимъ, все это дѣлаётъ Нехлюдовъ, движимый состраданіемъ къ несчастнымъ, но дѣлаетъ не прямымъ, открытымъ, честнымъ путемъ нравственнаго вліянія на лицъ своей среды, путемъ убѣжденія и т. под.

Нѣтъ, подумаетъ читатель, Нехлюдовъ—не новый чело-вѣкъ. Онъ не можетъ служить образцомъ идейной молодежи, которая восторгается прямою и искренностью всѣхъ излюбленныхъ ея героевъ. Кому въ самомъ дѣлѣ изъ послѣднихъ можно уподобить Нехлюдова. Рѣшительно никому. Онъ не произноситъ пылкихъ обличительныхъ рѣчей, какъ Чацкій, напр., вызывающій этими рѣчами большое смущеніе въ обществѣ. Онъ не блещитъ краснорѣчіемъ, какъ Рудинъ, заставляющій юныхъ слушателей переживать сильныя волненія подѣ впечатлѣніемъ новыхъ, хотя и неопредѣленныхъ, нарождающихся идей. Онъ не находитъ себѣ поклонниковъ, какъ Базаровъ, или какъ Райскій, у которыхъ подобныя идеи вылились въ болѣе конкретныя, чѣмъ у перваго, формы. Нѣтъ, Нехлюдовъ, скажетъ читатель, посредственная личность, шаблонный герой. Своимъ разглагольствованіемъ о „страданіяхъ“ онъ подчасъ наводитъ зѣвоту на веселое общество, портитъ аппетитъ гастрономовъ. Одна лишь Маріетта изъ кокетства продѣлываетъ съ нимъ комедію. Всѣ же остальные отнеслись къ его новому міровоззрѣнію даже какъ бы съ сожалѣніемъ и вовсе не придавали его проповѣди того важнаго значенія, которое приписываетъ ей самъ авторъ, видя въ передѣланной имъ христіанской морали толчокъ къ возрожденію общества отъ „грѣховъ-ошибокъ“.

Вотъ первый дебютъ Нехлюдова въ роли новатора толстовскаго ученія. Но всего интереснѣе, насколько ему удастся приложить къ жизни это ученіе въ дальнѣйшей своей дѣятельности.

Мы ужъ видѣли, что по означенному ученію Нехлюдовъ не признаетъ никакого смысла въ наказаніи преступниковъ, хотя бы мѣрами лишенія ихъ свободы совершать преступленія. Онъ мотивируетъ свой взглядъ тѣмъ, какъ мы знаемъ, что многіе изъ преступниковъ не суть порочные члены,

какими считаетъ ихъ общество, — многіе изъ нихъ даже выше самихъ судей; во-вторыхъ, многіе осуждаются невинно, и въ третьихъ, есть люди, „воспитывавшіеся въ извѣстной средѣ, гдѣ совершаемые ими поступки не считаются преступленіями“, словомъ, нѣтъ преступниковъ, а есть только, пожалуй, ненормальныя личности, въ ненормальности которыхъ виновато само общество, и, слѣдовательно, лишать такихъ свободы, дѣло несправедливое и потому нежелательное. Такъ это значится на умственныхъ счетахъ Нехлюдова; но въ дѣйствительности у того же Нехлюдова значится иначе: въ дѣйствительности у него преступники и есть преступники, прочие члены общества. И онъ поэтому старался положеніе Масловой устроить такъ, чтобы оградить ее отъ дурныхъ вліяній развращенныхъ каторжниковъ, съ этой цѣлью онъ сблизилъ ее съ лучшими изъ приговоренныхъ къ ссылкѣ и, главнымъ образомъ, съ невинно осужденными. Во вторыхъ, онъ ввелъ ее въ общество совершенно невинныхъ младенцевъ. Нечего говорить, насколько важно въ нравственномъ отношеніи для Масловой было это сообщество дѣтей. Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что Маслова, вслѣдствіе разныхъ интригъ, лишилась потомъ своего мѣста больничной сидѣлки. Тогда Нехлюдовъ исходатайствовалъ позволеніе причислить Маслову къ кружку политическихъ ссыльныхъ, которые, по образованію и по нравственнымъ качествамъ, съ точки зрѣнія Нехлюдова, «были выше самихъ судей» и занимали привилегированное положеніе въ тюрьмѣ.

Всѣ эти мѣры, конечно, дѣлаютъ честь воспитательнымъ способностямъ Нехлюдова; но въ общемъ онѣ противорѣчатъ созданной имъ на умственныхъ счетахъ теоріи жизни.

— Я не вижу никакого противорѣчія въ дѣйствіяхъ Нехлюдова, — сказалъ блѣднолицый господинъ. — Разъ онъ признаетъ, что въ преступленіяхъ «отверженныхъ» виновато общество, то отчего-жъ въ самомъ дѣлѣ не создать для несчастныхъ новую среду. Нехлюдовъ такъ и дѣлаетъ, когда вводитъ Маслову въ среду болѣе или менѣе здоровыхъ людей.

— Это ужъ другой вопросъ, Андрей Михайловичъ, чѣмъ должна быть тюрьма, чѣмъ общество въ отношеніи названныхъ преступниковъ, вопросъ этотъ не касается нашего об-

сужденія, да не думаю, чтобы и Нехлюдовъ имѣлъ его въ виду въ данномъ случаѣ. Онъ просто дѣлалъ то, что дѣлали до него люди и что будутъ дѣлать. Онъ желалъ оградить Маслову отъ развращающаго вліянія порочныхъ людей; такъ и должно быть по логикѣ здраваго смысла; онъ желалъ вліянія на нее оздоравлиющаго труда—и подыскалъ этотъ трудъ.—Что-жь, значить, новаго сдѣлалъ Нехлюдовъ?

— По моему все старое,—отвѣтилъ кто-то изъ компаніи. Что тюрьмы развращаютъ преступниковъ, т. е. не тюрьмы, а среда болѣе развращенныхъ преступниковъ развращаетъ менѣе развращенныхъ, и что преступники развращаютъ другъ друга,—объ этомъ писалось давно, это можете знать по извѣстнымъ „запискамъ изъ мертваго дома“ Достоевскаго. А равно нѣтъ ничего новаго въ томъ, что тюрьмы должны представлять собою родъ исправительныхъ заведеній, въ которыхъ преступники нравственно дисциплинировались бы. Однако по Толстому оказывается, что подобные институты невозможны. «Усовершенствованіе тюремъ, говоритъ онъ, стоило бы дороже того, что тратится на народное образованіе», это ужъ, дѣйствительно, ново, хотя опять въ теоріи. На практикѣ же Нехлюдовъ и здѣсь погрѣшаетъ или совершенно путается, не зная, какъ выйти изъ противорѣчій прочитанныхъ имъ теорій. Нужно замѣтить, что Нехлюдовъ вообще былъ склоненъ дѣйствовать быстро, подъ впечатлѣніемъ разныхъ теорій, въ суть которыхъ, повидимому, онъ мало вникалъ. А потому и впадалъ въ разные курьезы, какъ, напр., это вышло, когда онъ вздумалъ проповѣдывать мужикамъ теорію Г. Джорджа, вздумалъ на основаніи этой теоріи устроить нѣчто вродѣ земельной общины. Но попытка его оказалась весьма неудачна.

— Да, Нехлюдовъ въ этомъ отношеніи слишкомъ поспѣшилъ,—замѣтилъ студентъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, предъ безграмотными мужиками пускаться въ разъясненія какихъ бы то ни было современныхъ теорій, которыхъ у насъ столько, что и по названіямъ трудно перечестъ. Кромѣ того Нехлюдовъ отступалъ отъ данной теоріи, думая примѣнить ее на частномъ случаѣ. Собственно говоря, какъ я понимаю, Г. Джорджъ является однимъ изъ сильныхъ сторонниковъ государственности, тогда какъ Нехлюдовъ по своимъ воззрѣніямъ анархистъ, врагъ всякихъ общественныхъ союзовъ и коопе-

рацій. Г. Джорджъ проповѣдуетъ націонализацию земли, что само собою предполагаетъ тотъ или другой государственный строй жизни. Землю онъ ставитъ собственностью государства, и только при этомъ положеніи теорія его имѣетъ смыслъ. Слѣдовательно, попытка Нехлюдова ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить въ пользу разсматриваемой теоріи. Съ своей землей онъ, конечно, могъ что угодно дѣлать, но только, какъ филантропъ. Это самое и поняли мужики непосредственнымъ чутьемъ своего здраваго смысла.

— «Да отдай мужикамъ (землю), вотъ и все,—сказалъ беззубый старикъ на объясненія Нехлюдова». И сколько Нехлюдовъ ни бился растолковывать мужикамъ свои мысли, они остались при своемъ мнѣніи, или будь какъ филантропъ, или отдай землю въ аренду по подходящей для мужиковъ цѣнѣ,—но съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь, молъ, не суйся.

— Изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій видно,—началь Игнатій Ивановичъ,—что Нехлюдовъ дѣйствовалъ вообще поспѣшно и во многомъ противорѣчилъ своимъ воззрѣніямъ на жизнь. Подчеркивая этотъ фактъ, я нахожу, что Нехлюдовъ далеко не воскресъ въ смыслѣ толстовскаго ученія, хотя онъ и силится убѣдить насъ, что будто бы покончилъ съ своимъ прошлымъ и съ барствомъ по преимуществу. Но это неправда: барство глубоко пустило въ немъ корни. Стоить, напр., возвратиться въ Петербургъ, какъ эта старая жизнь барства снова забираетъ его въ руки: «Въ эту среду, говоритъ Толстой, влекли Нехлюдова его привычки, влекли и родственныя, дружескія отношенія. Не смотря на все свое *отвращеніе* къ этой средѣ,—средѣ, гдѣ, по его мнѣнію, «такъ старательно сокрыты были страданія, несомыя милліонами людей, для обезпеченія удобствъ и удовольствій малаго числа, что люди этой среды не видятъ и не могутъ видѣть этихъ страданій и потому и жестоки, и преступны въ своей жизни», не смотря и на то, что самъ Нехлюдовъ достаточно насмотрѣлся на человѣческія страданія и, движимый состраданіемъ, отказался отъ «обезпеченныхъ удобствъ» жизни,—не смотря на все это, такъ глубоко презираемая имъ среда, въ которой онъ воспитался, была всеже мила Нехлюдову, и только въ ней онъ чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ».

Описывая это душевное состояніе своего героя, Толстой высказалъ глубокую мысль. А именно то, что грѣхи человѣка, подъ разными видами страстей и привычекъ, будутъ мучить этого человѣка при всякомъ положеніи его жизни, такъ какъ окончательная побѣда надъ ними зависить отъ воли Божіей; но человѣкъ собственными усилиями, безъ помощи благодати Божіей, никогда не освободится изъ-подъ власти тяготящаго надъ нимъ зла.

Съ точки зрѣнія своей новой вѣры, Нехлюдовъ, видимо, отрицаетъ законъ зла, противоборствующій закону духа. Послѣднимъ, между прочимъ, и объясняется его Нехлюдовское самодовольство, самолюбованіе «хорошими» своими поступками и отсутствіемъ въ немъ христіанскаго смиренія. Теперь интересно бы узнать, въ чемъ состоитъ эта его новая вѣра, и есть ли она въ самомъ дѣлѣ у Нехлюдова? На такой важный вопросъ Толстой, по обыкновенію, даетъ неопредѣленные туманные отвѣты. Влагая въ мысли Нехлюдова слѣдующія насчетъ вѣры соображенія, онъ говоритъ:— „Дѣло, которое дѣлается нашей жизнью, — все дѣло, весь смыслъ этого дѣла *непонятенъ и не можетъ быть мнѣ понятенъ*. Все это понять, понять все дѣло хозяина — не въ моей власти. Но дѣлать его волю, *написанную въ моей совѣсти*, — это въ моей власти, и это я знаю, — несомнѣнно, и когда дѣлаю, я несомнѣнно спокоенъ“.

Подумайте, друзья, что это за опредѣленіе вѣры у Толстого, на которой желаетъ обосновать свою жизнь Нехлюдовъ! Если это говорится въ отношеніи Бога, какъ Творца и Промыслителя, то, конечно, планы Его домостроительства намъ неизвѣстны: „Не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ во Своей власти, говоритъ Спаситель. Но что касается воли Божіей, которую мы должны исполнять, и которая такъ ясно, опредѣленно выражена въ жизни и ученіи Іисуса Христа, то мы не можемъ не знать ее. Иначе какъ же исполнять то, чего не знаешь“? Толстой ищетъ опредѣленія воли Божіей въ нашей совѣсти. Но о совѣсти у насъ была рѣчь, и мы убѣдились, что по Толстому совѣсть не можетъ быть безошибочнымъ указателемъ нашихъ поступковъ. И преступникъ, совершая свои преступленія, не чувствуетъ иногда угрызеній совѣсти и бываетъ спокоенъ.

какъ спокоенъ Нехлюдовъ, занимаясь дѣлами филантропіи. Кто же изъ двоихъ исполняетъ волю Божию?

— Философія Нехлюдова насчетъ вѣры,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ,—потому и неясна, что онъ самъ еще не былъ твердо увѣренъ ни въ своей дѣятельности, ни въ томъ, что въ немъ произошелъ благой кризисъ. Опредѣленіе онъ началъ разсуждать о вѣрѣ значительно позднѣе и, главнымъ образомъ, съ того момента, когда «машинально открылъ подаренное ему англичаниномъ Евангеліе». Собственно Евангеліе было главной причиной его духовнаго пробужденія, опредѣленіемъ смысла его жизни, а то, что раньше съ нимъ было, послужила лишь преддверіемъ къ послѣднему. «Въ этомъ все,—думалъ Нехлюдовъ,—я жилъ и всѣ мы живемъ въ нелѣпой увѣренности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана намъ для нашего наслажденія. А вѣдь это очевидно нелѣпо. Вѣдь если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы, какъ грибы, родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что намъ дурно, какъ будетъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на землѣ установится Царствіе Божіе, и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ. *Ищите Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится*». Не то же ли вы говорите, Игнатій Ивановичъ,—закключилъ Владиміръ Николаевичъ, что воля Божія опредѣлена ученіемъ Христа?

— Да, ученіемъ и жизнью Христа,—сказалъ я, причемъ разъясняю, что какъ во взглядѣ на лицо Христа, такъ и на Его ученіе,—я расхожусь съ Толстымъ. Христосъ прежде всего Богочеловѣкъ. Его ученіе есть откровеніе воли посланшаго Его Отца. Только Единородный Сынъ, равновѣчный Отцу, посланъ Отцемъ въ міръ,—мы же не посланы, а рождены во времени. Посему выраженіе Толстого «посланъ», относящееся ко всякому человѣку, надо считать ложнымъ; ибо этимъ выраженіемъ онъ насъ ставитъ какъ бы въ равновѣчность Христу, что, между прочимъ, и разъясняетъ Толстой въ своемъ сочиненіи «О жизни».

— И мнѣ думается, что у Толстого много странностей,—послышался голосъ одного изъ собесѣдниковъ, человѣка до-

вольно зрѣлыхъ лѣтъ. И въ проповѣди, и въ частныхъ разговорахъ съ Толстымъ мнѣ приходилось замѣчать, что онъ отрицаетъ божественность Христа, словомъ, отрицаетъ догматическую часть христіанскаго ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же говоритъ, что воля Бога выражена только въ ученіи Христа; и что если бы люди исполняли это ученіе,—царствіе Божіе водворилось бы на землѣ.

Одно изъ двухъ: если Толстой долженъ признать ученіе Христа за откровеніе отъ Бога, или же считать его за плодъ человѣческаго разума, за произведеніе мудреца, моралиста-философа и т. п., которое, какъ таковое, всегда должно быть несовершенно. Двоевѣріе же Толстого, какая-то недосказанность совсѣмъ непослѣдовательны и вредятъ дѣлу; разъ ученіе Христа—истина (какъ думаетъ и Толстой), то всѣ другія ученія, какъ то: философскія, моральныя, научно-соціальныя и т. д., — будутъ лишь относительно истинны по степени приближенія къ данной истинѣ, и даже ложны, если противорѣчатъ истинѣ. Далѣе, если людей, какъ творцовъ названныхъ ученій, мы величаемъ мудрецами, философами, міровыми геніями и воздвигаемъ въ честь ихъ памятники, то Христа съ Его божественнымъ ученіемъ мы должны прославлять, какъ Бога, воздавать поклоненіе и молитвы ему въ храмъ своего сердца и быть членами Церкви, которую Онъ установилъ, живя на землѣ.

Вотъ къ чему приводятъ нашъ разумъ и совѣсть въ дѣлѣ исканія истины. А двоевѣріе, какъ у Толстого, не можетъ быть оправдано ни совѣстью, ни разумомъ.

— Держась одинаковаго съ вами образа мыслей въ вопросѣ о вѣрѣ, говорилъ Игнатій Ивановичъ, я позволю себѣ резюмировать ходъ нашихъ разговоровъ. Изъ всего сказаннаго выяснилось, что поголовное отрицаніе Толстымъ существующихъ успѣховъ жизни, ея законовъ и идеаловъ ни на чемъ не основано. Безусловный индивидуализмъ и анархія въ сущности враги прогресса и жизни, такъ какъ идутъ противъ ея естественнаго теченія и развитія. Прогрессъ жизни или то, что называется Царствомъ Божіимъ, разумѣется, не можетъ быть безъ участія людей, какъ сыновъ этого царства. Участіе наше должно выражаться въ активной дѣятельности на пользу общую, на достиженіе высшаго блага. Притча евангельская, которую Толстой приводитъ въ

концѣ романа, служить нагляднымъ доказательствомъ того, какой смыслъ мы должны придавать своей службѣ и чѣмъ должны руководствоваться въ общей, такъ сказать, міровой работѣ.

Изъ той же притчи мы можемъ видѣть, что Царство Божіе или жизнь въ Христѣ въ сущности предметъ нашихъ упований. Это основанное Христомъ царство далеко не водворилось среди всѣхъ людей, а не водворилась потому, что міръ еще въ злѣ лежитъ. Поэтому-то мы, всѣ вѣрующіе хрістіане, просимъ въ молитвѣ Отца Небеснаго: „Да прійдетъ царствіе Твое“.

Оно не водворилось и потому, что не всѣ люди ищутъ его. Большая часть изъ насъ, какъ справедливо думаетъ Толстой, заняты исключительно собственнымъ благополучіемъ, холятъ и лелѣютъ свои страсти и тѣмъ только увеличиваютъ зло. А есть и такіе, которые хотя и борются со зломъ, но способомъ не дѣйствительнымъ для зла. Я разумѣю собственно тѣхъ нашихъ альтруистовъ, которые сосредоточили мысль исключительно на матеріальномъ благѣ, дѣлая его основою для нравственности.

Такимъ образомъ мечта о золотомъ вѣкѣ, которою заняты были еще древніе мудрецы, и пророчества Исаи о томъ, что мечи раскуютъ на орала, что агнецъ возляжетъ рядомъ съ волкомъ,—остается пока и теперь мечтою. Человѣчество въ лучшихъ своихъ представителяхъ, мы видимъ, давно искало пути, жаждало, такъ сказать, водворенія Царства Божія на землѣ, а Христосъ говорилъ, что оно уже приблизилось для отдѣльныхъ личностей, для большей или меньшей группы людей, оно и въ наше время есть среди истинныхъ послѣдователей Христа. Но среди хрістіанскихъ народностей (не говоря ужъ о человѣчествѣ въ его цѣломъ) оно далеко не водворилось. И это, не смотря на всѣ блестящія побѣды современной науки, которая, съ пользою для человѣка, открыла многіе невѣдомые ему прежде законы природы, которая утилизировала силы послѣдней, облегчила средства путей сообщенія и тѣмъ послужила хотя къ внѣшнему объединенію разноплеменныхъ народностей, которая при посредствѣ печатнаго станка установила обмѣнъ мыслей, сгладила національную обособленность, сроднила, такъ сказать, людей другъ съ другомъ,—все это, безспорно, огромныя завоеванія

ума человѣческаго, и тѣмъ не менѣе все это относится лишь къ внѣшнему, мишурному счастью нашему; тогда какъ внутренній строй жизни людей, область нравственныхъ чувствованій остается почти безъ измѣненій. Съ одной стороны, при всѣхъ благахъ культуры, большая часть людей совершенно удалена отъ этихъ благъ и пребываетъ въ бѣдности, коснѣетъ въ невѣжествѣ, которое нерѣдко влечетъ многихъ въ преступленія и пороки. Съ другой стороны, и сами обладатели означенныхъ благъ не могутъ сказать, что они счастливы. Напротивъ, если вѣрить Толстому, эти люди, пребывающіе въ довольствѣ и роскоши, чрезвычайно бѣдны духомъ. Гдѣ-жъ въ такомъ случаѣ наше истинное счастье, гдѣ покой душамъ нашимъ? Въ соблюденіи заповѣдей Христовыхъ, отвѣчаетъ Евангеліе, въ отреченіи отъ себя и слѣдованіи за Христомъ, Который Своею безгрѣшною жизнью содѣлался для насъ вѣчнымъ идеаломъ. Но заповѣди отреченія вовсе не налагаютъ на насъ обязательнаго удаленія отъ міра со всѣми его соблазнами, чего требуетъ Толстой отъ своихъ послѣдователей, причемъ къ числу соблазновъ относитъ всякаго рода государственную и общественную службу. Мы видимъ, что этого безусловнаго отказа отъ службы не должно быть, на основаніи высшаго блага. Хотя съ другой стороны нельзя не согласиться и съ Толстымъ въ томъ смыслѣ, что многія гражданскія обязанности сопряжены съ большимъ соблазномъ и поэтому требуютъ отъ насъ борьбы. Но вѣдь борьба, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть тотъ же законъ жизни. „Царство Небесное нудится“, говорится въ Евангеліи, и только при усилии восхищаютъ его. Чтобы называться послѣдователемъ Христовымъ, — нужно объявить открытую войну всѣмъ соблазнамъ міра и тьмы, да послужить свѣточемъ каждый своей средѣ.

Особенно тяжелый подвигъ налагаютъ на христіанина обязанности начальника. «Начальствующій (поется на стихирѣ въ Великій вторникъ) долженъ быть, какъ подначальный»; быть начальникомъ значить быть меньше всѣхъ, всѣмъ служить». Болій васъ, говоритъ Христосъ, да будетъ всѣмъ слуга. И Господь за тѣмъ пришелъ, чтобы всѣмъ служить и «положить душу Свою за многія души». Несомнѣнно, что этотъ подвигъ, окруженный массою соблазновъ, для смиреннаго христіанина, наиболѣе тяжелъ, въ виду чего многіе

изъ такихъ смиренныхъ людей отказывались отъ роли начальника. Такъ, напримѣръ, преп. Сергій долго не хотѣлъ принимать санъ игумена, а св. Тихонъ Задонскій тяготился омофоромъ епископа. Отсюда опять не слѣдуетъ, что существующія должности и власти должны быть устранены, а слѣдуетъ лишь то, что на означенныя должности желательно имѣть истинныхъ христіанъ, каковы были названные святые и множество другихъ праведниковъ, оставившихъ по себѣ память добрыхъ начальниковъ и мудрыхъ правителей.

Равно также весьма желательно, въ интересахъ высшаго блага, имѣть въ подчиненіи достойныхъ христіанъ. Это тѣмъ болѣе важно, что при настоящихъ условіяхъ жизни гораздо больше является желающихъ начальствовать, нежели подчиняться.

Стремленія подобнаго рода и желаніе «властвовать другъ надъ другомъ» могло развиваться въ каждомъ изъ насъ отъ нехристіанскаго взгляда на цѣль жизни и въ ложномъ попятіи, что будто бы легче управлять, чѣмъ быть управляемымъ. Все это противорѣчитъ идеѣ Царствія Божія. Какъ же избѣжать подобныхъ противорѣчій? Избѣжать это можно воспитаніемъ христіанской воли въ себѣ. Это, по моему, одинъ изъ наиважнѣйшихъ современныхъ вопросовъ жизни.

Проведите христіанскія начала прежде всего въ семью. затѣмъ въ школу и, наконецъ, въ общество, съ тѣмъ, чтобы эти начала были душою прогресса. И всѣ ненормальности семейнаго и школьнаго воспитанія, съ его эгоизмомъ и карьеризмомъ во главѣ, отпадутъ.

При этомъ необходимымъ условіемъ успѣха семейнаго воспитанія является непосредственное дружественное общеніе родителей съ дѣтьми; посредство нянекъ, боннь, гувернантокъ и гувернеровъ должно быть изгнано. Подобная же близость должна существовать между учащими и учащимися въ школѣ. А такъ какъ школа должна быть помощницей семьи и собственно должна пополнять пробѣлы воспитанія послѣдней, то между нею и семьей непремѣнно долженъ быть заключенъ тѣсный союзъ подъ знаменемъ воспитанія христіанской воли въ человѣкѣ.

Итакъ, гг.,—обратился Игнатій Ивановичъ къ компаніи,—вотъ, по моему, задачи жизни или очередные вопросы нашего времени, призывающіе людей на общее плодотворное

дѣло. Изъ насъ, собравшихся здѣсь, быть можетъ, кому-либо придется занять роль воспитателя дѣтей. Въ болѣе глубокомъ смыслѣ воспитателемъ можетъ быть каждый человѣкъ по отношенію другъ друга и въ свою очередь быть воспитываемымъ этимъ другимъ. Или, какъ говорить апостолъ языковъ: «другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ». Притомъ мы всѣ, по милости Божіей, занимаемъ ту или иную общественную должность, т. е. служимъ. Служимъ мы, правда, по необходимости,—изъ-за куска насущнаго хлѣба. Послѣднее, по моему, опять зло, хотя, быть можетъ, и меньшее, чѣмъ изъ-за карьеры и чиновъ, но все же зло. Однако изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны бросить занимаемая нами должности, напротивъ, должны служить и служить по долгу совѣсти, служить людямъ, потому что, служа, мы какъ бы невольно связаны со всѣми дѣломъ взаимопомощи, несеніемъ общей тяготы. Служить, главное, Богу, служить Ему со страхомъ и радостью, служить человѣчеству для водворенія Царства Божія на землѣ. Но при этомъ не надѣяться исключительно на свои силы, не думать вмѣстѣ съ Толстымъ, что человѣкъ *можетъ*,—нѣтъ, а ввѣрять себя помощи Божіей, подчинять себя Богу. И вотъ такая-то наша служба наиболѣе достойная и необходимая въ виноградникѣ Христа.

— Игнатій Ивановичъ! вы...

И молодой человѣкъ задумался, когда они остановились вдвоемъ на поворотѣ къ какому-то переулку, гдѣ должны были разойтись въ разныя стороны.

— Да вамъ собственно куда?—спросилъ учителя Игнатій Ивановичъ.

— Мнѣ на М—ую.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія: мнѣ на В—ую, — впрочемъ надѣюсь завтра съ вами видѣться.

— Непремѣнно. Ужъ слишкомъ много разныхъ, серьезныхъ вопросовъ затронуто было нынѣ на собраніи. Знаете, надо обдумать, очень, очень много,—волнуясь, говоритъ учитель, устремляя свои мечтательные глаза на Игнатія Ивановича.

— Что-жъ, очень радъ буду, — приходите. И дружески

пожавъ руку учителю, съ обычной торопливой походкой ринулся вдоль переулка.

Молодой человѣкъ, медленно, понутивъ голову шагаль по большой улицѣ. Онъ, дѣйствительно, былъ взволнованъ и разсѣянъ. Онъ какъ бы не замѣчалъ сильнаго уличнаго движенія и неловко на ходу толкался съ публикой. Тѣмъ не менѣе, подойдя къ храму Христа Спасителя, онъ снялъ шапку, перекрестился, вздохнулъ и на минуту остановился, собираясь съ мыслями.

Былъ такой часъ ночи, когда со всѣхъ увеселительныхъ мѣстъ: театровъ, клубовъ, маскарадовъ, загородныхъ таинственныхъ гостиницъ, вродѣ Яра и Стрѣльны, — возвращалась подгулявшая праздная публика. Всевозможные экипажи, отъ извозицъ до каретъ включительно, сновали по улицамъ и переулкамъ, особенно много ихъ скопилось на главныхъ улицахъ. Скрипъ полозьевъ по замерзшимъ мостовымъ, безпрестанные окрики возницъ: „стой! держи направо! налѣво!“ — сливались въ одинъ общій гулъ. Молодой человѣкъ, погруженный въ свои думы, не замѣчалъ, что происходило вокругъ него, не слыхалъ ни тѣхъ окриковъ, которыми предупреждали неосторожныхъ пѣшеходовъ возницы, перебѣгавшихъ черезъ улицу, ни того, какъ чей-то грубый голосъ вдругъ крикнулъ почти надъ самымъ его ухомъ: „Эй! посторонись! пьяный что-ли?“ И въ тотъ же моментъ лихая пара, покрытая попоною, пронеслась близъ его плеча. Онъ даже чувствовалъ теплое дыханіе на себѣ разгоряченныхъ лошадей, такъ что малѣйшее неловкое движеніе молодого человѣка могло бы грозить ему гибелью. И это заставило его на минуту придти въ себя.

„Однако мнѣ надо позаботиться о ночлегѣ, — подумалъ учитель, вѣдь сегодня и мнѣ негдѣ главы приклонить. Вотъ здѣсь, помнится, гдѣ-то были недорогіе номера гостиницы“. Молодой человѣкъ перешелъ на противоположную сторону улицы и остановился возлѣ небольшого двухъэтажнаго дома, одной стороной выходившаго на бульваръ, а другой, большой, тянувшейся по переулку. Входъ въ номера былъ съ переулка, тускло освѣщенный висячимъ надъ дверью фонаремъ. Также слабо была освѣщена и лѣстница, ведущая во второй этажъ дома, куда и поднялся молодой человѣкъ.

— Коридорный! есть свободные номера? — крикнулъ онъ довольно громко.

— Есть, пожалуйста! послышался чей-то хрипчатый голосъ. И темная фигура, поднявшись во весь ростъ, зашумѣла въ углу, гдѣ, вѣроятно, дремала передъ тѣмъ сидя на табуретѣ, поджидая запоздалыхъ гостей.

— А документы съ вами? — спросилъ, подойдя къ учителю, черноватый высокаго роста, среднихъ лѣтъ человекъ, съ блѣднымъ лицомъ и съ покраснѣвшими отъ безсонницы глазами.

— Документовъ со мной нѣтъ, — отвѣчалъ учитель.

— Безъ документовъ нельзя-съ.

— Да вѣдь мнѣ только ночевать, какихъ-нибудь 3 — 4 часа провести здѣсь.

— Невозможно-съ, ни подъ какимъ видомъ-съ, больно строго стало, — насъ штрафуютъ-съ оченно.

— Странно! какъ же быть, не ночевать же на улицѣ!

— Не можемъ знать-съ. Потому начальство не приказываютъ никого пущать безъ документа-съ.

Молодой человекъ взглянулъ на часы. Было въ началѣ третьяго утра. Какъ разъ черезъ два съ половиной часа долженъ отправляться поѣздъ. „Самое лучшее ѣхать на вокзалъ, подумалъ онъ спускаясь назадъ по лѣстницѣ. Жаль только, что завтра не увижусь съ Игнатіемъ Ивановичемъ, ну да время еще впереди побесѣдовать о всякихъ интересныхъ для меня вопросахъ, если на то будетъ воля Божія.“

На улицахъ стояла тишина и учитель удивился, что онъ дремалъ, сидя въ саняхъ и разбуженный извозчикомъ лишь у самага вокзала.

С. Бронницкій.

Наблюденія и впечатлѣнія миссіонера.

(Изъ отчета г. Тульскаго миссіонера).

Резолюціею преосвященнѣйшаго Питирима, епископа Тульскаго, отъ 4-го октября 1900 года, я былъ назначенъ исполняющимъ обязанности Тульскаго епархіальнаго миссіонера. Такъ какъ я прибылъ на службу въ г. Тулу (на должность преподавателя по кафедрѣ раскола) только дней за 5 до сего назначенія (28 сент.), то понятно, что состояніе Тульскаго раскола и сектантства было для меня—почти terra incognita. Но разъ состоялось опредѣленіе меня на такую нравственно-отвѣтственную должность, я счелъ своею обязанностью немедленно ознакомиться по крайней мѣрѣ съ общимъ состояніемъ расколо-сектантства въ епархіи, насколько подобное ознакомленіе было доступно для меня, съ одной стороны на основаніи имѣющейся (конечно, очень небольшой) печатной литературы о мѣстномъ религіозномъ разномысліи, и съ другой стороны путемъ собранія свѣдѣній о немъ отъ лицъ, прикосновенныхъ къ сему дѣлу.

Въ послѣднемъ отношеніи я оказался сравнительно въ благопріятныхъ условіяхъ, потому что не задолго (менѣе, чѣмъ за годъ) до моего прибытія въ Тулу миссіонерское дѣло въ Тульской епархіи, благодаря инициативѣ и попеченіямъ преосвященнѣйшаго Питирима, начало становиться на болѣе твердую почву. При Тульскомъ епархіальномъ братствѣ было организовано специальное миссіонерское отдѣленіе, и въ помощь епархіальному миссіонеру назначены два помощника изъ священниковъ мѣстностей, наиболѣе зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ (кромѣ еще единовѣрческаго священника г. Тулы). Скоро я узналъ, что расколо-сектантство въ Тульской епархіи, хотя и не представляетъ собою какой-нибудь грозной и опасной силы, но тѣмъ не менѣе по временамъ прорывается наружу въ болѣе или менѣе подозрительныхъ и вызывающихъ на предосторожность явле-

ніяхъ. Къ послѣднему заключенію меня привели скоро особенно два обстоятельства. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года я былъ приглашенъ въ качествѣ эксперта къ судебному слѣдователю по дѣлу извѣстнаго мѣстнаго безпоповщинскаго расколуучителя Дениса В. Ботова, изъ коего (дѣла) я узналъ, что въ лицѣ Ботова Тульскій расколъ имѣетъ очень виднаго и упорнаго своего представителя и пропагандиста путемъ литературнымъ—путемъ распространенія подпольныхъ раскольническихъ сочиненій, наполненныхъ ругани и хулы на православную Церковь. Другимъ же обстоятельствомъ было то, что какъ изъ дѣлъ совѣта братства, такъ и отъ одного своего помощника, я освѣдомился, что въ Тульскую епархію начинаетъ проникать одинъ изъ опаснѣйшихъ видовъ современнаго сектантства—*штунда*. Выходя изъ общаго положенія, что ядъ всякой заразы, начавшейся въ организмъ и своевременно не захваченной, постепенно отравляетъ организмъ, а также на основаніи своихъ личныхъ наблюденій за распространеніемъ современнаго раціоналистическаго сектантства (штунды и пашковщины) въ двухъ епархіяхъ (Тверской и Черниговской), я придалъ послѣднимъ свѣдѣніямъ весьма важное значеніе и потому рѣшилъ начать свою миссіонерскую дѣятельность (если не громко такъ будетъ выразиться) съ ознакомленія съ зачатками штундизма въ епархіи и борьбы съ нимъ. Съ этою цѣлю я рѣшилъ посѣтить ту мѣстность, въ которой проявился штундизмъ. Владыка, которому я сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ, вполне одобрилъ ихъ, при чемъ ободрилъ меня и благословилъ, замѣтивъ, что вожди раціоналистическаго сектантства опасны, какъ волки для мирнаго стада пасомыхъ. Но прежде, чѣмъ повѣствовать о началѣ своего дѣла, скажу еще нѣсколько словъ о современномъ расколо-сектантствѣ въ Тульской епархіи. Хотя расколо-сектантство въ епархіи не представляетъ собою, какъ сказано немного выше, какой-нибудь грозной и опасной силы, но всетаки оно имѣетъ здѣсь представителей самыхъ разныхъ сектъ и направленій. Здѣсь имѣются и раскольники-старообрядцы, съ подраздѣленіемъ ихъ на поповцевъ и безпоповцевъ (съ дробленіемъ въ свою очередь этихъ на болѣе мелкіе толки), и сектанты-мистики, каковы хлысты и скопцы, и, наконецъ, сектанты-раціоналисты, каковы педавно

проявившіеся штундисты ¹⁾. Раскольники-старообрядцы проживают преимущественно въ двухъ уѣздахъ—Каширскомъ, въ которомъ ихъ насчитывается 165 человѣкъ, и Алексинскомъ, гдѣ ихъ 293 человѣка,—слѣдовательно, въ обоихъ уѣздахъ 458 человѣкъ, изъ коихъ безпоповцевъ 388 человѣкъ, поповцевъ по австрійскому священству 70 человѣкъ. Кромѣ того, немалочисленное общество старообрядцевъ находится въ самомъ гор. Тулѣ. Сектанты-мистики проживаютъ въ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ; всего ихъ 356 чел., изъ коихъ 291 *хлыстовъ* (32 чел. въ Одоевскомъ уѣздѣ и 259 въ Бѣлевскомъ) и 65 скопцовъ—всѣ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Сектанты-раціоналисты (разумѣю штундистовъ) зародились въ с. Аеанасьевѣ, Алексинскаго уѣзда; о нихъ сейчасъ и будетъ подробное повѣствованіе на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ.

13 января 1901 года, вечеромъ, я отправился въ с. Аеанасьево, куда и прибылъ 14 числа утромъ, переночевавъ въ г. Алексинѣ. С. Аеанасьево находится въ 20 верстахъ отъ г. Алексина. Прихожанъ этого села насчитывается до 1400 человѣкъ обоого пола. Кромѣ земледѣлія, многіе изъ прихожанъ занимаются отхожими промыслами—слесарнымъ, столярнымъ, плотничнымъ, печнымъ, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Такой характеръ промысла и былъ одной изъ главныхъ причинъ,—почему въ с. Аеанасьево занесенъ былъ штундизмъ. Нѣкоторые аеанасьевскіе крестьяне, какъ извѣстно, ходятъ на промыслы, для работъ на фабрикахъ, въ г. Харьковъ, гдѣ штундизмъ и вообще раціоналистическое сектантство свило себѣ уже довольно прочное гнѣздо. Одинъ изъ такихъ крестьянъ былъ Косьма Степановъ Игнаточкинъ, который и явился виновникомъ занесенія штунды въ с. Аеанасьево; а въ настоящее время стоитъ во главѣ соблазнившихся, именуюсь даже пресвитеромъ. Объ немъ, какъ виновникѣ возникновенія штунды въ означенномъ

¹⁾ Невольно является потребность сдѣлать замѣчаніе, что толстовство, не смотря на то, что самъ глава его проживаетъ въ Тульской губ., не имѣетъ здѣсь какого-нибудь успѣха и распространенія,—по крайней мѣрѣ среди крестьянскаго населенія. Благодареніе за сіе Господу Богу!

селѣ, мы узнали слѣдующее. Когда Косымъ Игнаточкину было только 15 лѣтъ (т. е. приблизительно въ 1875 году), онъ ушелъ въ г. Харьковъ, гдѣ поступилъ рабочимъ на кафельный заводъ; случилось такъ, что владѣльцами этого завода были нѣмцы, каковое обстоятельство является главною причиною его отпаденія отъ православной Церкви. По крайней мѣрѣ мѣстный священникъ с. Аванасьева, о. Митрофанъ Пашковскій, опредѣленно заявилъ, что Игнаточкинъ заразился въ г. Харьковѣ отъ нѣмцевъ. Проработавъ въ Харьковѣ 15 лѣтъ, онъ вернулся на родину и скоро поступилъ на кафельный же заводъ въ г. Тулу. Лѣтъ 7 тому назадъ (т. е. въ 1893 году) онъ началъ было свои сектантскія убѣжденія, вынесенныя изъ г. Харькова, распространять среди аванасьевскихъ крестьянъ, но не имѣлъ успѣха, одною изъ причинъ чего было и то обстоятельство, что самъ онъ былъ поведенія зазорнаго, причемъ еще былъ бѣденъ и потому не могъ оказывать какого-либо вліянія на своихъ односельчанъ. Но года два тому назадъ (т. е. въ 1898 г.) случилось обстоятельство, поднявшее авторитетъ Игнаточкина въ глазахъ его односельчанъ,—именно: онъ получилъ наслѣдство отъ тетки въ суммѣ 1000 руб. Тогда онъ началъ устраивать у себя собранія, на которыхъ читалъ и объяснялъ Евангеліе въ сектантскомъ направленіи. Крестьяне посѣщали эти собранія сначала изъ любопытства, а Игнаточкинъ пользовался этимъ и задавалъ имъ вопросы, особенно смущающіе совѣсть вѣрующихъ; мало этого: онъ сталъ раздавать имъ брошюры сектантскаго характера. Особенно часто онъ вступалъ въ бесѣду съ мѣстнымъ волостнымъ писаремъ, чрезъ котораго, думается, надѣялся болѣе вѣрно вести свою сектантскую пропаганду. Такимъ образомъ, дѣйствуя въ продолженіе цѣлаго лѣта, Игнаточкинъ успѣлъ возбудить интересъ къ себѣ. Проживши лѣто 1898 года въ с. Аванасьевѣ, онъ опять отправился въ Тулу, гдѣ на кафельномъ заводѣ Ратаевой, что въ Гончарахъ, продолжалъ свою сектантскую дѣятельность, устраивая даже бесѣды съ нѣкоторыми заводскими рабочими. Среди этихъ рабочихъ были и аванасьевскіе крестьяне, одинъ изъ коихъ и сдѣлался скоро первою жертвою сектантской дѣятельности Игнаточкина. Таковою жертвою сдѣлался крестьянинъ *Захаръ Барановъ*. Увлеченный въ штундизмъ, Захаръ Барановъ скоро сдѣлался довольно фа-

нати́чнымъ его послѣдователемъ, такъ что началъ совращать свою жену въ штунду, но когда та оставалась непреклонною, то онъ сталъ притѣснять ее и бить, но, благодареніе Богу, пока эта невольная страдальца остается вѣрною православной Церкви. Хотя Барановъ въ прошломъ (1900) году и пріобщился Св. Тайнъ, но сдѣлалъ это совершенно по-сектантски, не ради исполненія долга христіанскаго, но ради надругательства надъ св. Тайнствомъ, потому что въ тотъ же день онъ напился пьянымъ. Какъ болѣе выдающійся сектантъ, онъ среди своихъ одновѣрцевъ именуется діакономъ. Кромѣ Баранова, поддались нѣкоторому вліянію Игнаточкина и еще нѣсколько его односельчанъ, работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ на кафельномъ заводѣ, каковы: Захаръ Слѣповъ, Василій Жаровъ, Теодоръ Слѣповъ; но они еще не уклонились совершенно въ штундизмъ, а находятся въ нѣкоторомъ колебательномъ состояніи и обнаруживаютъ свое неуваженіе къ православной Церкви, напр., въ томъ, что не снимаютъ шапки предъ христіанской святыней. Понятно, эти лица требуютъ особенно бдительнаго вниманія со стороны мѣстнаго священника.—Что касается семейства самого Игнаточкина, то жена его Степанида Васильева вполнѣ увлеклась ученіемъ мужа, а дѣти его еще малолѣтніе (старшему—12 лѣтъ, другому 7 и третьему 1 годъ), хотя уже, по словамъ священника, второго сына можно назвать „маленькимъ штундистомъ“, а первый учился въ земской школѣ и пока ничѣмъ не обнаруживаетъ сектантскаго вліянія на него отца. Самъ же Косьма Игнаточкинъ открыто и безъ всякаго стѣсненія заявилъ о своей принадлежности къ сектантству въ прошломъ 1900 году, въ праздникъ Богоявленія Господня. Когда священникъ въ этотъ день былъ съ св. крестомъ въ домѣ Игнаточкина, то послѣдній не хотѣлъ цѣловать св. креста,—и на вопросъ священника, почему онъ не подходитъ ко кресту,—отвѣтилъ: „крестъ—духовный, мы—баптисты“ ¹⁾. Это обстоятельство вызвало священника на продолжительную бесѣду съ Игнаточкинымъ, въ которой онъ еще болѣе обна-

¹⁾ Извѣстно, что штундисты всегда любятъ прикрываться именемъ баптистовъ, потому что послѣднимъ допущена свобода вѣроисповѣданія; но такое дозволеніе относится къ баптистамъ—нѣмцамъ. Это и разъяснено въ прошлаго днямъ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 3 апрѣля.

ружили свои вполне сектантскія убѣжденія. По показанію крестьянъ, у Игнаточкина, во время побывокъ его въ деревнѣ, а также и у Захара Баранова нерѣдко собираются всѣ совращенные или еще только увлекающіеся его ученіемъ, для чтенія Евангелія и для молитвы. Какъ сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ (совершенно случайно, именно при бесѣдѣ съ Барановымъ), у нихъ совершается даже своя Евхаристія, что показываетъ, что въ Аванасьевѣ организуется уже довольно правильная сектантская община. Принимая во вниманіе, что общее религіозно-нравственное настроеніе аванасьевскихъ крестьянъ стоитъ весьма не высоко, нужно очень опасаться, что сектантская пропаганда сумѣетъ свить себѣ здѣсь довольно прочное гнѣздо. По отзыву мѣстнаго священника, аванасьевскіе крестьяне въ религіозномъ отношеніи довольно индифферентны, о предметахъ вѣры судятъ легко, въ церковь ходятъ довольно рѣдко, особенно мужчины. Такое религіозно-нравственное состояніе ихъ объясняется между прочимъ тѣмъ, что многіе изъ нихъ отправляются на отхожіе промыслы въ г. Харьковъ. Но тѣ, которые ходятъ на заработки въ Москву, очень религіозны. Но при всемъ томъ, пока еще общее настроеніе,—настроеніе, такъ сказать, массы въ Аванасьевскомъ приходѣ,—не въ пользу штундистовъ. Объ этомъ довольно ясно свидѣлствуетъ слѣдующее обстоятельство. Наканунѣ моего пріѣзда въ Аванасьево, именно 13-го января сего 1901 года, здѣсь былъ сельскій сходъ. На этомъ сходѣ крестьяне заявляли священнику, что Игнаточкинъ, несомнѣнно, совратилъ въ штунду Захара Баранова и продолжаетъ распространять ее среди аванасьевскихъ крестьянъ, о чемъ они согласны составить приговоръ, съ просьбою, куда слѣдуетъ, о выселеніи Игнаточкина изъ Аванасьева. Кромѣ того, еще въ прошломъ году, нѣкоторые изъ крестьянъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Игнаточкинымъ, заявляли Тульской полиціи о попыткахъ его къ совращенію своихъ односельчанъ. Въ настоящее время Игнаточкинъ проживаетъ въ г. Тулѣ на кафельномъ заводѣ Ратаевой.

Таковыя свѣдѣнія о штундизмѣ въ с. Аванасьевѣ собраны мною на мѣстѣ отъ священника и другихъ лицъ въ день моего пріѣзда въ означенное село.

На другой день пріѣзда, т. е. на 15 число, въ 9 часовъ утра назначена была бесѣда въ храмѣ, о которой чрезъ

мѣстное волостное правленіе сдѣлано было оповѣщеніе аанасьевскихъ крестьянъ и другихъ сосѣднихъ. По удару колокола, стали въ храмъ стекаться довольно многочисленные слушатели. Подходя къ храму и войдя въ него съ чувствомъ искренняго желанія послужить по силѣ св. дѣлу разъясненія Христовой истины противъ заблужденій штундизма, я невольно и съ тоской на душѣ припомнилъ вышеприведенный отзывъ мѣстнаго священника объ аанасьевскихъ крестьянахъ, что они „въ религіозномъ отношеніи индифферентны, о предметахъ вѣры судятъ легко и въ церковь ходятъ довольно рѣдко“, вспомнилъ особенно потому, что какъ на подтвержденіе этого отзыва я обратилъ вниманіе на скудную церковную обстановку храма, который при полуторотысячномъ населеніи прихода могъ бы благоукраситься очень благолѣпно.—Предметомъ бесѣды былъ избранъ такой пунктъ ученія православной Церкви, который наиболѣе подвергается нападкамъ со стороны раціоналистическихъ сектантовъ, — и особенно со стороны штундистовъ, именно: „о почитаніи и призываніи въ молитвахъ святыхъ и о святыхъ иконахъ“. Соотвѣтственно такой темѣ, предъ началомъ бесѣды былъ отслуженъ молебенъ Пресв. Богородицѣ и всѣмъ святымъ. Къ моему утѣшенію, на бесѣду набралось народу довольно много (человѣкъ до 300). Въ началѣ бесѣды были сдѣланы предварительныя краткія замѣчанія о недругахъ русской православной Церкви—расколѣ и сектантствѣ, а затѣмъ сообщены болѣе подробныя свѣдѣнія о штундизмѣ, его происхожденіи, съ присоединеніемъ характеристики штунды, какъ вѣры „нѣмецкой“—и уже по одному этому чуждой православной русской душѣ. Послѣ этого были указаны главные пункты заблужденій штундизма,—и наконецъ уже подробно опровергнуто штунд. заблужденіе, заключающееся въ отрицаніи религіознаго почитанія святыхъ и призыванія ихъ въ молитвахъ. Необходимость религіознаго почитанія святыхъ была выяснена на основаніи Слова Божія и изъ исторіи ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви. По окончаніи разъясненія этого догмата было предложено всѣмъ, имѣющимъ какое-либо сомнѣніе, или колебаніе, или даже простое недоразумѣніе относительно него, высказаться, чтобы чрезъ живой обмѣнъ мыслей еще болѣе выяснить со всѣхъ сторонъ это ученіе.—Довольно долго продолжалось молчаніе, и я уже намѣревался закон-

чить свою бесѣду благодарственною Господу Богу молитвою. Но вотъ среди слушателей послышались слова: „Захарь, а Захарь, что-жъ ты не выходишь, вѣдь это тебя касается, противъ твоей вѣры“. Въ народѣ произошло движеніе, и глаза всѣхъ устремились въ одну сторону, гдѣ былъ тотъ, котораго именovali Захаромъ. Я, конечно, тотчасъ же догадался, что этотъ Захарь — никто иной, какъ именуемый штундистскій діаконъ, Захарь Барановъ, совращенный Игнаточкинымъ. Мнѣ весьма захотѣлось видѣть его и побесѣдовать съ нимъ, какъ виднымъ представителемъ зарождающагося въ Аванасьевѣ штундизма, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей; но не совсѣмъ-то, какъ видно, хотѣлось этого самому Захару Баранову, потому что, не смотря на приглашеніе народа, а затѣмъ и мое—побесѣдовать, онъ не выходилъ. Но слушателямъ, очевидно, весьма было желательно послушать, какъ будетъ Барановъ защищать „свою“ вѣру,—и поэтому они начали его выдвигать изъ толпы впередъ. Тутъ я нашелъ благовременнымъ замѣтить, что хотя и мнѣ самому желательно поговорить о вѣрѣ съ Захаромъ, но вѣдь невольно его заставить нельзя, потому что это дѣло совѣсти, свободы: желаетъ бесѣдовать, пусть выступить, а если не желаетъ, то нужно оставить его въ покоѣ, можетъ быть, онъ побесѣдуетъ со мною одинъ на одинъ — на дому. Съ одной стороны, можетъ быть, вслѣдствіе такого моего предложенія, а съ другой побуждаемый народомъ, Захаръ вышелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и жена Игнаточкина — Степанида. Штундистскій діаконъ — высокій, худощавый крестьянинъ, съ довольно истощеннымъ лицомъ и блуждающими глазами. Когда онъ подошелъ къ аналою, то я спросилъ его:

— Согласенъ ли ты съ ученіемъ православной Церкви, что нужно почитать и призывать въ молитвѣ святыхъ?

На этотъ вопросъ, очевидно, все еще желая уклониться отъ дальнѣйшей бесѣды, Захаръ отвѣтилъ: мы *со встмъ* согласны“, а на мое замѣчаніе, что всѣ указываютъ на него, какъ несогласнаго съ вѣрою православной Церкви: „вѣдь почему-нибудь да указываютъ“,—онъ отвѣтилъ: „не знаемъ, почему, мы вѣры христіанской“.

— Да вѣдь и мы вѣры христіанской — православной, а потому ходимъ въ христіанскій православный храмъ, гдѣ совершаются службы Господу Богу и приносится безкров-

ная жертва, а ты, говорить, не ходишь—и давно. Правда ли это?

— Да не хожу болѣе года, я молюсь дома.

— Почему не ходишь туда, гдѣ „единими усты и единымъ сердцемъ прославляется и призывается Богъ и единый ходатай Бога и человѣковъ—Господь Иисусъ Христосъ“

— Да потому, что я въ церкви ничего не понимаю, что тамъ читають и поють, тамъ все по славянски, а я не понимаю.

— Правду ли ты говоришь?! Въ церкви нашей совершается богослуженіе на такомъ языкѣ, который весьма близокъ намъ и въ большей части понятенъ. Ну, напр., неужели ты не понимаешь, когда поють „Отче нашъ“, „Вѣрую во единого“, или „Достойно есть“, „Господи помилуй“ и другое многое, многое?!

Захаръ, помолчавъ, сказалъ: „но многое и непонятно, а я дома читаю Евангеліе на русскомъ языкѣ“.

— А что услышишь непонятнаго, да захочешь понять—о томъ спросилъ бы своего священника, который для того и поставленъ къ своей паствѣ, чтобы учить ее.

— Да не спрашиваешься, а дома-то молимся по Евангелію и по-понятному, а церковь тамъ, гдѣ два или три собораны во имя Христа.

— „Во имя Христа“, т. е. кто собирается, вѣруя и исповѣдуя *все то*, чему училъ І. Христосъ; развѣ будетъ значить собираться во имя Христа, если собирающіеся будутъ прямо отрицать его ученіе. Такъ І. Христосъ ясно училъ, что „аще не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго и не пиете Крови Его, живота не имате въ себѣ; затѣмъ заповѣдалъ совершать апостоламъ и ихъ преемникамъ святѣйшее таинство евхаристіи, въ которой преподается истинная плоть и истинная кровь Христова и безъ котораго никто не можетъ спастись. А это-то святѣйшее Таинство и совершается только въ православной Церкви. Вы же, не ходящіе въ церковь, лишаетесь этого таинства и, слѣдовательно, не можете имѣть надежды на спасеніе.

— И у насъ совершается евхаристія, и мы вкушаемъ хлѣбъ и вино „въ воспоминаніе“.

Изъ этихъ словъ я и узналъ, что у афанасьевскихъ штундистовъ совершается „своя“ евхаристія.

— Да вы и можете на своей незаконной и неистинной евхаристіи вкушать только хлѣбъ и вино; тогда какъ І. Христосъ заповѣдалъ своимъ вѣрующимъ вкушать Тѣло и Кровь Свою, и какъ Самъ Онъ сказалъ Своимъ апостоламъ: „сіе есть Тѣло Мое“, „сія есть Кровь Моя“, такъ и въ православной Церкви, подъ видомъ хлѣба и вина, преподается истинное Тѣло Христово и истинная Кровь Его, указывая на что, священникъ обыкновенно и произноситъ: „пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя Новаго Завѣта“.

— І. Христосъ далъ ученикамъ хлѣбъ и вино, а не Тѣло и Кровь, и велѣлъ дѣлать это „въ воспоминаніе“, а у васъ во оставленіе грѣховъ.

Въ отвѣтъ на эти слова собесѣдника пришлось подробно разъяснить бесѣду Іисуса Христа „о хлѣбѣ животномъ“ (Ев. Іоан. 6 гл.), гдѣ съ такою поразительною ясностію говорится, что для вѣчной жизни и спасенія, а слѣд. и во оставленіе грѣховъ, необходимо ѣсть Плоть и пить Кровь Христа, а также нѣсколько разъ ссылаться на повѣствованія евангелистовъ объ учрежденіи таинства евхаристіи, гдѣ Іисусъ Христосъ ясно говоритъ: „сіе есть Тѣло Мое, сія есть Кровь Моя“.

Бесѣда о таинствѣ евхаристіи продолжалась довольно долго, и я прекратилъ ее только тогда, когда слушатели заявили, что для нихъ все понятно и въ заключеніе сказали: Спасителю нашему нужно вѣрить и Его словамъ, а не словамъ какихъ-то новыхъ учителей. Я былъ доволенъ, что какъ-то самъ собою предметомъ бесѣды съ штундистскимъ діакonomъ сдѣлался такой важный вопросъ — о св. евхаристіи, и потому не только не сѣтовалъ, что вопросъ этотъ не входилъ въ избранную мною для бесѣды тему, но даже воспользовался случаемъ раскрыть со всею возможною обстоятельностью православное ученіе о св. таинствѣ причащенія.

Что же касается самаго предмета предложенной мною бесѣды, то Захаръ по поводу его почти ничего не возражалъ (помнится только, кажется, сказалъ: „что-жъ мы святыхъ почитаемъ, но они безсильны“), но началъ говорить объ иконахъ. Возраженія его по этому вопросу были слишкомъ обычны, т. е. говорилъ, что иконы въ православной

Церкви ничто иное, какъ идолы, кумиры, которымъ запрещено поклоняться. Въ отвѣтъ на это приходилось (какъ и всегда въ такихъ случаяхъ) разъяснять православное ученіе объ иконахъ, въ отличіе отъ идоловъ и кумировъ, но какъ-то вообще этому разъясненію мало внимають упорные рационалистическіе сектанты, всякій разъ повторяющіе всѣмѣста книгъ ветхаго завіта, направленныя противъ кумировъ и идоловъ, относя ихъ къ иконамъ. То же было и въ настоящій разъ.

— Найди, говорилъ Захаръ, обращаясь ко мнѣ „Списокъ Іереминъ“, тамъ о вашихъ иконахъ говорится.

Сказавъ Захару, что книги съ такимъ названіемъ въ Библии нѣтъ, я, подавая ему Библію, сказалъ: найди самъ, что тебѣ нужно.—Но Захаръ сказалъ, что онъ по „нашей“ Библии не знаетъ, а „своя“ у него дома (съ собою же Захаръ захватилъ только Евангеліе на русскомъ языкѣ). Я замѣтилъ, что Библія—одна и та же; впрочемъ, если ему хочется читать по „своей“, то пусть пошлетъ кого-нибудь за нею домой. Но Захаръ продолжалъ настаивать, чтобы я прочиталъ нужное ему мѣсто. Хотя я догадался, что подъ „спискомъ“ Іереминымъ Захаръ разумѣетъ „Посланіе Іереміи“, но все-таки счелъ излишнимъ замѣтить, что какъ же я могу знать, что ему нужно. Наконецъ, я исполнилъ желаніе Захара и прочелъ ему нѣсколько строкъ изъ 1-й главы Посланія Іереміи. Здѣсь, между прочимъ, говорится: „вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ и золотыхъ и деревянныхъ, носимыхъ на плечахъ, внушающихъ страхъ язычникамъ“ (ст 4.). Прочитавъ это, я замѣтилъ: „Захаръ, да вѣдь здѣсь объ иконахъ христіанскихъ ни слова не говорится, а говорится о *богахъ языческихъ*, а мы развѣ говоримъ, что иконы—боги, совершенно напротивъ: мы утверждаемъ, что иконы—не боги. Почему же ты просилъ меня прочитать это мѣсто?“

Еще нѣсколько времени велась бесѣда въ томъ же родѣ. Въ концѣ ея Барановъ какъ-то вскользь замѣтилъ, что онъ вѣритъ Писанію и „духу“, который живетъ въ вѣрующихъ.

— Когда же и гдѣ ты получилъ этого духа? Мы, православные, вѣруемъ, что дары Св. Духа сообщаются намъ въ таинствахъ, которыя совершаются уполномоченными на то лицами, получившими на это власть отъ св. Апостоловъ,

исполненныхъ Духа Святаго чрезъ сошествіе Его въ видѣ огненныхъ языковъ. Все это ясно и обо всемъ этомъ говорится въ Писаніи.

— И мы по Писанію и по духу.

— Но вѣдь это одни слова. Я тебѣ скажу, что всѣ еретики, всѣ заблуждающіеся, сколько ихъ ни было въ христіанской Церкви, тоже ссылались на Писаніе—и однако сильно-сильно заблуждались. А причиною этого было то, что они самовольно и по своимъ прихотямъ понимали Писаніе. Писаніе нужно понимать подъ руководствомъ Церкви или, какъ говорится въ 19 прав. VI всел. собора, „якоже святіи отцы достигоша“. А то ты, Захарь, будешь понимать такъ, а другой какой-нибудь Кузьма или Иванъ иначе... и т. д. Что же тогда выйдетъ?! Слишкомъ смѣло и дерзостно надѣяться на свой разумъ въ такомъ великомъ дѣлѣ. Это самохвальство, восхищеніе на себя недарованнаго права быть учителемъ. Если мы въ житейскихъ дѣлахъ и разсужденіяхъ о мірскихъ предметахъ не надѣемся только на самихъ себя, а слушаемъ людей болѣе разумныхъ и разсудительныхъ, и болѣе того, руководимся голосомъ народа и общества, то тѣмъ болѣе въ вопросахъ вѣры и спасенія должны слушаться голоса Церкви, въ которой выну пребываешь Духъ Святыи,—и богосвѣщенныхъ ея пастырей, которые цѣлую жизнь проводили въ служеніи Богу и разъясненіи Божія Слова.

Такими приблизительно словами я закончилъ бесѣду, присовокупивши къ нимъ еще нѣсколько словъ назиданія (обращенныхъ ко всѣмъ слушателямъ) о необходимости пребывать всегда вѣрными православной Церкви и вѣрѣ,—той вѣрѣ, которой держались наши предки, той вѣрѣ, которою спаслись многіе русскіе св. князья, цари, святители, подвижники, преподобные, мощи коихъ нетлѣнно почиваютъ въ разныхъ мѣстахъ русской земли и тѣмъ наглядно свидѣтельствуютъ о истинѣ и непоколебимости православной вѣры,—той, наконецъ, вѣры, которою русская земля была сильна въ самые тяжелые для нея дни испытаній, напр., во дни смутъ, самозванщины, во дни 12-го года и т. п.

По окончаніи бесѣды было пропѣто нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній и въ заключеніе „Достойно есть“. Когда я выходилъ изъ св. храма, то нѣкоторые изъ слушателей

благодарили меня за бесѣду искреннимъ русскимъ „спасибо“, что было для меня лучшею наградою за мои труды. На это „спасибо“ я отвѣчалъ имъ своимъ „спасибо“ за то, что они пришли послушать меня и пожеланіемъ, чтобы бесѣда моя принесла имъ пользу и предохранила отъ увлеченія въ сѣти новоявленныхъ афанасьевскихъ лжеучителей-штундистовъ. Но съ другой стороны одно обстоятельство слегка и огорчило меня. Одинъ крестьянинъ, подошедши ко мнѣ уже на улицѣ, около храма, спросилъ меня: „когда же ихъ (т. е. штундистовъ) выселять-то отъ насъ, нельзя ли поскорѣе“. Очевидно, крестьянинъ этотъ (а таковыхъ, думается, немало) взглянулъ на меня, какъ на человѣка, власть имущаго „высылать“ а, можетъ быть, даже какъ на чиновника, посланнаго въ Афанасьево съ этою цѣлію. Я отвѣтилъ, что не о томъ нужно прежде заботиться, чтобы выселить или просто выгнать заблудшихъ изъ своего общества, а о томъ, чтобы вселить въ нихъ утраченную ими истину нашей православной вѣры; но когда окажется это недостижимымъ, и заблуждающіеся своимъ ученіемъ будутъ вредными для православнаго общества, тогда и о выселеніи ихъ позаботятся тѣ, коимъ на то дана власть. А наше дѣло—только „Божіе дѣло“.

Въ домѣ радушнаго священника о. Митрофана я провелъ послѣ бесѣды еще нѣсколько времени преимущественно въ разговорѣ съ нимъ о возможныхъ мѣрахъ воздѣйствія на заблуждающихъ и охраненія отъ нихъ православнаго населенія. Между прочимъ, о. Митрофанъ выразилъ сожалѣніе о недостаткѣ при церкви пособій для веденія бесѣды о штундизмѣ и со штундистами. Я пообѣщалъ ему походатайствовать предъ Совѣтомъ Тульскаго Братства св. Іоанна Предтечи о безмездной высылкѣ для церковной бібліотеки с. Афанасьева наиболѣе важныхъ пособій для обличенія штундизма.

Затѣмъ распростившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ и отъ души пожелавъ ему успѣха въ трудной борьбѣ съ сектантствомъ, я выѣхалъ изъ с. Афанасьева, погруженный въ глубокія думы о томъ, какими разнообразными и мало замѣтными струями можетъ просачиваться сектантство въ самые отдаленные и глухіе уголки Руси. Съ грустью вспомнилъ я дорогою о несчастномъ штундистскомъ „діаконѣ“ Захарѣ Барановѣ. Что онъ такое, какъ не несчастная жертва,

попавшая въ сѣти, невѣдомою для него рукою разставленная?!

Все время переѣзда отъ с. Аѳанасьева до ближайшей желѣзнодорожной станціи „Даниловка“ (въ разст. 20 верстъ) шелъ снѣгъ и свирѣпствовала сильная мятель (такъ что была даже опасность сбиться съ пути), что, конечно, только могло усиливать грустное настроеніе, а на станціи въ ожиданіи поѣзда пришлось мнѣ натолкнуться на дикую сцену, какъ одинъ пьяный молодой крестьянинъ въ присутствіи небольшой толпы порицалъ нашихъ священниковъ, пересыпая свои слова самою площадною руганью, причемъ стоялъ въ шапкѣ вблизи св. иконы. Навѣрное, это -- будущая новая жертва сектантства, съ грустью подумалъ я.

Такъ закончилась моя первая миссіонерская поѣздка по Тульской епархіи.

Препод. Тульск. Семинаріи *Д. Скворцовъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Автобіографія и краткая исповѣдь бѣглопоповца.

Родился я въ посадѣ Лужкахъ, Черниговск. губ., Стародуб. уѣзда, въ 1864 г. Отецъ мой служилъ въ регулярныхъ полкахъ, былъ въ Польской кампаніи. 4-хъ лѣтъ меня родители вывезли изъ родной страны въ благословенную тогда Донщину. Лужки—это вродѣ Іерусалима старообрядческаго: туда стекались богомольцы со всѣхъ сторонъ—съ Дону, Кавказа, Тавріи и другихъ мѣстъ. Шли пѣшіе и ѣхали на подводахъ цѣлыми валками (обозами). Особенный наплывъ бывалъ во время великаго поста. Квартіры древлеправославными паломниками разбирались нарасхватъ. Такіе-то квартиранты поразсказали о привольномъ житіѣ въ Донской области; разсказали также и то, что христіанъ (т. е. старообрядцевъ) тамъ очень много, а письменныхъ людей почти нѣтъ. Немудрено, что мать, увлеченная этими разсказами и желая мнѣ доставить на будущее время обезпеченный кусокъ хлѣба, меня, 4-хъ лѣтняго мальчика, посадила зимой 1869 г. учить азбуку, а весною того же года мы уже отправились въ благословенный край. Ёхало насъ 6 семей. Родители мои поселились въ х. Маломъ Титовѣ, Богоявленской станицы. Здѣсь въ кельяхъ жила моя родная тетка, дѣвица (бѣличка) Анна Васильевна съ подругой Анной Григорьевной Земляновой. Онѣ пользовались большимъ почетомъ всего округа. Меня, конечно, поскорѣ посадили твердить азбуку, которую я почти забылъ въ пути. Здѣсь на первыхъ порахъ моимъ родителямъ не понравилось. Надо было привыкать къ обычаямъ казаковъ. Мнѣ же было не весело отъ насмѣшекъ сверстниковъ—дѣтей казаковъ. Дѣло въ томъ, что по правиламъ лужковцевъ я носилъ длинные, подстриженные въ кружокъ волосы и имѣлъ маковку выстриженной. Таковъ обычай считался великимъ признакомъ христіанства. Но казачата смѣялись надъ моей головой и допускали многія непріятныя мнѣ шутки. Шутки эти были для меня хуже, чѣмъ наказаніе кнутомъ, и я попросилъ одного дяденьку остричь

меня. Увидя меня наголо остриженного, моя мать разгнѣвалась до того, что цѣлую недѣлю я не могъ къ ней показаться на глаза: какъ увидить, такъ чѣмъ попало бить, считая меня уже за еретика безъ маковки. Въ то время почему-то думали, что христіанина только и можно узнать, если выстрижена маковка, безъ которой не пустять и въ Царство Небесное. Поэтому и трудно было уговорить мою мать не безобразить меня, а покориться обычаю страны. Чрезъ годъ мы переселились на х. Кагальницкій; тамъ я еще выучилъ два канона за единоумершаго и за умершихъ какъ необходимо нужны для панихидъ; учила меня начетчица Устинья Григорьевна. Скоро я и самъ набралъ школьниковъ: 7 лѣтъ отъ роду я училъ самъ псалтирь и обучалъ мальчиковъ азбукѣ; учащихся бывало отъ 12 до 20 съ лишнимъ, съ нихъ родители мои брали по 1 руб. въ мѣсяцъ. 8—9 лѣтъ я уже могъ служить молебны, панихиды, умѣлъ пѣть. Часто я отлучался за 8 верстъ на х. Дурновскій, Константиновской станицы; тамъ служилъ уставщикомъ І. Я. Шмаковъ, мой двоюродный братъ и крестный отецъ. І. Я. славился по всему округу знаніемъ церковнаго устава и весьма красивой службой, которую онъ совершалъ неспѣшно, съ выдержкой. Отъ него я многому научился какъ по гласицѣ, такъ и по уставу. Часто ходилъ и на х. Пирожокъ, Богоявл. ст., въ которомъ въ то время служилъ уставщикомъ Евтихій Ивановичъ Холостовъ (нынѣ окружный миссіонеръ), отъ котораго я старался понять крюковое пѣніе и толковать прочитанное, какъ Евт. Иван. Подражая ему, и я читалъ старикамъ и старухамъ Златоуста, прологъ и др. выписки изъ книгъ, объяснялъ по-своему, какъ могъ; за это я былъ въ большомъ уваженіи у наставника Никиты Яковлевича, съ хут. Титова, человѣка малосвѣдущаго и крайне смиреннаго, у котораго я былъ все...: что Федюшка скажетъ, то Никита Яковлевичъ исполнить. Конечно, мои родители были очень довольны мной и находили меня вполнѣ выученнымъ. Но сильно возбраняли мнѣ читать гражданскія, какъ еретическія, книжки, до которыхъ я былъ большой охотникъ. Въ хуторѣ въ то время и можно было прочитать только такія книжки, какъ: Бова Королевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Андрей Побѣдоносцевъ и другія подобныя. Но и эти книжонки, если попадались въ руки моей родительницѣ, то

она, не говоря ни слова, бросала ихъ въ печку и жгла безъ милости. Въ виду этого мнѣ приходилось уходить въ степь и тамъ читать. Однажды пронеслась вѣсть, что о. Павелъ Прусскій прїѣдетъ на хут. Пирожокъ и будетъ бесѣдовать о вѣрѣ. Пошли толки, говорили всѣ, что кто могъ и какъ умѣлъ. Большею частію говорили, что это посланникъ Антихриста, ѣдетъ вѣру Христову истреблять. Другіе говорили, что это самъ Антихристъ изъ нѣмецкой страны. Я, какъ мальчикъ, слушалъ и тоже по своему рассуждалъ, представлялъ себѣ о. Павла Пруссака въ большой высокой шапкѣ, подъ которой имѣются рога. Хотя со страхомъ, а все же рѣшился непремѣнно сходить на бесѣды и воочію убѣдиться: есть рога у него или нѣтъ?.. Когда я прибылъ вмѣстѣ съ моими родителями на х. Пирожокъ, народу было множество. Бесѣда велась въ моленной, въ домѣ Ильи Михайловича Гаврилова. Я поставилъ табуретъ и чрезъ головы многочисленнаго народа смотрѣлъ и слушалъ бесѣду. Увидѣлъ я о. Павла и о. Іоанна іеродіакона, сидѣвшихъ за столомъ съ непокрытыми головами. Личность о. Павла сразу меня расположила къ себѣ, и я болѣлъ сердцемъ, что повѣрилъ слухамъ и самъ чаялъ видѣть рога діавола у человѣка, такъ тихо и кротко бесѣдующаго съ народомъ. Во всѣхъ движеніяхъ о. Павла проглядывала любовь къ ближнему и желаніе смиренно выяснить евангельскую истину. Бесѣду о вѣчности Церкви Христовой я не понималъ, да много и не дослышалъ, какъ самый задній. На другой день я приспособился опять такъ же, какъ и вчера, но, къ сожалѣнію, всего не помню, о чемъ шла рѣчь, только остался навсегда въ моей памяти слѣдующій случай: о. Павелъ говорилъ о крестномъ знаменіи, объясняя народу, что крестъ на себѣ можно изобразить однимъ пальцемъ, пятью пальцами, кулакомъ и изображеніе креста будетъ одинаково. Не понявъ хорошенько сказаннаго о. Павломъ, я вообразилъ, что о. Павелъ учитъ молиться кулакомъ. По моему разумѣнію, это было вовсе не по-христіански. Поэтому, ревнуя о правдѣ, я предсталъ предъ лицо о. Павла. Народъ почти весь уже разошелся. Я взялъ за полу рясы о. Павла и потерябилъ его, чѣмъ и обратилъ его на себя вниманіе. Обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ: что тебѣ нужно? Я немного замѣшался, съ дрожью, въ голосъ, но съ сердцемъ сказалъ: батюшка, какъ же ты говоришь,

что молиться можно кулакомъ, развѣ Господь и святые угодники молились когда кулакомъ?! Онъ посмотрѣлъ пристально на меня и обратился къ о. Іоанну сказалъ: отецъ Иванъ, погляди-ка, какой собесѣдникъ-то явился, а, пожалуй, онъ и докажетъ намъ, какъ нужно правильно молиться. И, обратясь ко мнѣ, добавилъ: что же ты тогда не выходилъ, когда я вызывалъ доказать о крестномъ знаменіи? а теперь видишь, народъ-то ужъ разошелся, слушать некому, ну да все одно, объясни намъ вотъ съ о. Иваномъ, мы послушаемъ, въ чемъ наша ошибка. Нутко скажи, какъ Господь-то молился? Я сложилъ двоеперстіе и сказалъ: вотъ такъ Господь молился, и всѣ вѣрующіе въ Него должны молиться такъ же.— А чѣмъ ты это докажешь? Я обратился къ образу Спасителя и сказалъ: вотъ написана икона Господа Вседержителя. У него рука сложена такъ же, какъ показалъ и я. Постой, постой! вѣдь ты молоденькій, у тебя глазенки быстрыя, а я безъ очковъ мало вижу. О. Иванъ! нутко зажги свѣчу; посмотримъ, правильно ли говоритъ нашъ собесѣдникъ-то. Подошли къ образу со свѣчею, смотреть. „А вѣдь и вправду, о. Иванъ, у Спасителя-то персты сложены двуперстно; ну, вотъ ты одно доказалъ, что Спаситель молился такъ же, какъ и ты. Ну, а которые же угодники такъ молятся? Я повелъ ихъ въ уголъ правой стороны моленной; тамъ стоялъ образъ угодника Божія Николая Миръ-Ликійскаго Чудотворца, къ которому я питалъ великую любовь, часто читая чудеса изъ его житія; указывая на образъ, я сказалъ: вотъ видишь, Николай угодникъ Божій такъ же держитъ крестъ (я тогда такъ понималъ), какъ и Господь Вседержитель! А ты говоришь, что можно молиться однимъ пальцемъ или кулакомъ!.. О. Павелъ взглянулъ на меня свѣтлымъ радостнымъ взоромъ съ улыбкой и, обратясь къ діакону, сказалъ: вотъ видишь, о. Иванъ, мальчикъ-то намъ и доказалъ, какъ нужно молиться, а вѣдь сколько было стариковъ, полна моленная, и никто не доказалъ намъ. Обратясь ко мнѣ, онъ погладилъ меня по головкѣ и, потрепавъ по плечу, со словами: молодецъ, молодецъ! ты будешь православный! приходи завтра, вотъ мы тогда и побесѣдуемъ съ тобой, я тебѣ книжечекъ подарю. Отправился я на квартиру, но спать мнѣ не хотѣлось; я сталъ обдумывать подробно разговоръ нашъ съ о. Павломъ. Въ ласковой улыбкѣ и въ словахъ: „никто не

могъ доказать изъ стариковъ, а вотъ ты доказалъ, какъ нужно молиться“ я увидѣлъ насмѣшку; я думалъ: въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ объяснить о. Павлу изъ такого многочисленнаго собранія, а я-то и сумѣлъ доказать? Когда я сообразилъ, что смѣялся о. Павелъ, мнѣ сдѣлалось стыдно и досадно, что я сконфузилъ самъ себя предъ о. Павломъ. Ну, думаю, слава Богу, что никто не слыхалъ, засмѣяли бы! Тогда пропала моя слава, какъ очень письменнаго человѣка, а я тогда весьма этимъ дорожилъ. Поэтому, какъ ни заманчиво было для меня получить въ подарокъ книжки отъ о. Павла, которыхъ жаждала душа моя, однако я подумалъ не показываться на глаза о. Павлу. Если же онъ не будетъ меня вызывать на бесѣду, тогда я постараюсь, когда всѣ уйдутъ, напомнить о книжкахъ. Почти всю ночь я не спалъ.

Съ тяжелой головой послѣ обѣда пошелъ на бесѣду. Народу было опять полно. Я приспособилъ себѣ по обычаю табуретъ и, уже не показывая себя, около дверей слушалъ бесѣду. О. Павелъ объяснялъ что-то народу, а затѣмъ сталъ приглашать возражателей. У меня сильно забилося сердце: вотъ, думаю, дойдетъ очередь до меня. Оглядываясь на всѣ стороны, я примѣчалъ свободный проходъ, по которому въ случаѣ могъ бы уйти. Моя предусмотрительность была не напрасна; скоро отецъ Павелъ началъ говорить, что сожалѣетъ онъ о неразвитости народной, что вчера и сегодня никто не является возражателемъ. „Неужели у васъ, братіе, нѣтъ письменныхъ людей, съ которыми можно бы разумно побесѣдовать?..“ Кругомъ тишина и молчаніе. Тогда о. Павелъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „А гдѣ же мой вчерашній большой собесѣдникъ, ну-ка, выходи сюда!—вотъ, теперь мы съ тобой потолкуемъ, а старики послушаютъ“. Я скорѣй долой съ табурета и около двери въ послѣдній разъ услышалъ голосъ о. Павла. „Иди, мальчикъ, не бойся“. Оглядываясь сѣмъ и овамо, какъ бы меня не задержали, я бѣжалъ; что духу было, домой, на Кагальницкій хуторъ, 10 верстъ отъ Пирожка.

Послѣ сего событія я постоянно думалъ объ отцѣ Павлѣ; мнѣ почему-то стало его жалко, и если кто говорилъ о немъ нехорошо, я вступался за него, оправдывалъ его, за что, конечно, переносилъ и самъ оскорбленія. Особенно начетчица Устинья Григорьевна съ невыразимой злобой останавливала

меня: молчи, щенокъ! Еще губы не умѣешь утереть, а туда же лѣзешь разсуждать. Кто хвалить еретиковъ, тотъ съ ними и отправится въ адскую пропасть. Я покорялся на время. Но только уходила эта старушка, какъ я опять предъ собраніемъ оправдывался и возстановлялъ свой авторитетъ, якобы вполнѣ правильно разсуждающаго человѣка. Если же нѣкоторые роптали на меня, я начиналъ читать имъ выписанное мною изъ какой-то рукописи „Хожденіе по мукамъ Пресвятой Богородицы“; тогда непріятное сглаживалось само по себѣ и забывалось.

Время шло, я жаждалъ новаго чего-нибудь. Мнѣ хотѣлось видѣть свѣтъ, посмотрѣть, какъ живутъ люди въ другихъ мѣстахъ, но что я могъ сдѣлать самъ по себѣ? а родители ни за какія деньги меня не отпустили бы отъ себя. Въ это самое время въ Аксайской станицѣ умеръ богатъ Д. Мухинъ. Къ нему-то въ домъ и пригласили уставщика Шмакова. Послѣдній, чтобъ показать себя предъ богатыми, пригласилъ и меня, какъ способнаго помощника. Онъ, жена его, Пелагея Евстафьевна, и я составили хоръ. Стали на неугасимую, за упокой Дмитрія Мухина; купцы были весьма довольны службой, оставляли Іуду Яковлевича служить у нихъ навсегда; но онъ, отстоявъ двѣ неугасимыхъ, уѣхалъ, а я остался на третью. Здѣсь я выучился пѣть по крюкамъ, приобрѣлъ кое-какія гражданскія книжки и читалъ ихъ тайно. Тутъ же познакомился я съ иконописцемъ—уставщикомъ, котораго Петръ Д. Мухинъ выписалъ изъ Москвы. Это былъ турецко-подданный Максимъ Ивановъ Исаковъ, изъ некрасовцевъ. Этотъ-то человѣкъ сдѣлался моимъ другомъ, многое мнѣ объяснилъ, чего я совершенно и не зналъ; онъ выписывалъ журналъ „Нива“ и имѣлъ порядочно книгъ, которыми я въ свободное время пользовался. Сему-то человѣку я многимъ обязанъ; онъ научилъ меня относиться къ св. храму съ почтеніемъ: будучи въ Ростовѣ-на-Дону, я ходилъ съ нимъ въ соборъ и знакомился съ обрядностію и различіемъ уставовъ церковныхъ. Только одно я не могъ тогда понять: почему Максимъ Ивановичъ, одобряя православіе и молясь въ православномъ соборѣ, служилъ у старообрядцевъ и мнѣ запрещалъ говорить о томъ, что мы съ нимъ вмѣстѣ ходили въ церковь. Вскорѣ пріѣхалъ еще одинъ уставщикъ, мой землякъ изъ посада Лужковъ, Яковъ Козь-

мичъ Фешовъ (нынѣ сынъ православной Церкви), чтецъ и пѣвецъ примѣрный, извѣстный бѣглопоповщинскому міру подъ именемъ Кривого уставщика, — кличку эту дали ему за его физическій недостатокъ (онъ кривой). Фешовъ былъ также другомъ Максиму Ивановичу; поэтому мы и заключили союзъ, поклявшись предъ образомъ, чтобы постараться сойтись гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ служить. — Вскорѣ Я. К. Фешовъ приглашенъ былъ служить съ бѣглымъ попомъ въ Оренбургскую губ.; я къ этому времени уже умѣлъ переплетать книги, зналъ крюковое пѣніе, могъ писать; поэтому на предложеніе Фешова я охотно согласился сопутствовать ему. По пути мы заѣхали въ Саратовъ, побывали здѣсь въ соборномъ храмѣ заѣбѣдней, прослушали прочитанное евангеліе протодіакономъ. Народу было очень много. Эта торжественность и благолѣпіе храма навѣяли на меня грусть; я сравнивалъ старообрядческія моленныя и сей храмъ и подумалъ про себя, что старообрядцы навѣрно погрѣшили предъ Богомъ и за то лишены сей торжественности. Въ Самарѣ мы также посѣщали храмы и старообрядческія часовни. Въ Оренбургѣ, проживъ около двухъ недѣль, побывали вездѣ. Тогда еще соборнаго храма тамъ не было, а стоялъ временный деревянный. У бѣглопоповцевъ моленной не было, собирались у торговца въ домѣ Калашникова и молились. Службой правила у нихъ дѣвица изъ Хвалынскаго уѣзда, Ирина Гавриловна, она же обучала чтенію и пѣнію дѣвушекъ Калашникова. Здѣсь и мы отправляли службу соборнѣ, по-своему, съ хоромъ дѣвицъ, которыя и за обѣдомъ въ наше утѣшеніе и радость домохозяина прокричали нѣсколько стихиръ 1-го гласа по солямъ. Отсюда мы отправились въ деревню Родникъ, на рѣчкѣ Чибенька, въ 70 в. отъ Оренбурга. Тамъ насъ приняли радушно. Познакомились съ бѣглымъ іеромонахомъ Иларіемъ, бывшимъ казначеемъ оренбургскаго архіерейскаго дома. При немъ мой товарищъ и остался служить въ качествѣ дьячка. Было время рабочее. Въ деревнѣ народу, кромѣ старыхъ да малыхъ, не было видно. Мой товарищъ началъ скучать, захворалъ лихорадкой и чрезъ мѣсяцъ уѣхалъ въ Москву. Оставшись одинъ, я началъ почаще посѣщать о. Иларія, вошелъ къ нему въ довѣріе, и онъ мнѣ поразказалъ многое такое, что навѣрно мнѣ и во снѣ бы не приснилось. Я тоже описалъ ему при-

воле, богатство и усердіе бѣглопоповцевъ Донской области; предложилъ ему перебраться на житье туда; онъ, увлеченный привольемъ на Дону, которое я сулилъ ему, изъявилъ свое желаніе уѣхать туда. Тогда я написалъ письмо въ Аксай купцу Мухину, а Иларій оное подписалъ. Въ отвѣтъ на письмо прибылъ посланный отъ Мухина старикъ Василій Яковлевичъ для личныхъ переговоровъ. Ему переговорить съ Иларіемъ пришлось только чрезъ три дня по прїѣздѣ, такъ какъ священно-инокъ Иларій цѣлый мѣсяцъ пьянствовалъ.

Съ Иларіемъ онъ условился относительно времени, въ которое я лично могъ бы съ удобствомъ его украсть и увезти на Донъ. Послѣ этого я перебрался въ Оренбургъ. Получивъ деньги, потребныя на расходы (250 р.), я отправился съ заранѣ нанятымъ извозчикомъ воровать попа. Прїѣхали въ Родникъ въ полночь; время было зимнее, морозъ. Въ квартирѣ попа я не нашелъ, только попался мнѣ парикъ его,—вѣрно, впопыхахъ забылъ,—тутъ же были два сторожа, кои объяснили, что о. Иларій раскаялся предъ обществомъ и рѣшилъ не оставлять ихъ. Тутъ я понялъ, что Иларій обманулъ насъ. Ему жалко было разстаться съ Аннушкой, которая ему прислуживала вмѣсто экономки. Я поспѣшилъ скорѣе выѣхать изъ деревни, потому что моя жизнь находилась въ опасности. Я по молодости не сознавалъ, что, рѣшившись украсть попа, я рисковалъ жизнью. Извозчикъ мой, будучи на дворѣ, впрочемъ, слышалъ кое-что... и перепугался до того, что его начала трясти лихорадка. Онъ, какъ только поѣхали изъ деревни, сказалъ мнѣ: готовятъ лошадей верховыхъ, насъ хотятъ догнать въ дорогѣ и убить. Такія новости и на меня нагнали морозу, по спинѣ забѣгали мурашки. Въ пути скоро позади себя слышали мы шумъ и крики,—навѣрно, охотники спѣшили. Проѣхавъ мимо послѣдней хаты, я, не сознавая самъ, что дѣлаю, выхватилъ револьверъ и началъ стрѣлять въ воздухъ. Лошади, испугавшись, понесли, а охотники, услыхавъ выстрѣлы, въ свою очередь оробѣли и дальше 100 сажень не поѣхали; такимъ образомъ мы избѣгли вѣрной смерти. Положеніе мое было довольно непріятное. Обо всемъ этомъ я написалъ моему довѣрителю и получилъ отъ него приказаніе ѣхать опять въ деревню и предложить обществу отъ 1000 до 1500 р. за попа.

Я съ большой тугой въ душѣ отправился опять въ Родникъ, но ужъ не какъ воръ, а какъ посоль отъ именитаго донскаго купца и уже не на частномъ извозчикѣ, а съ почтовымъ, чтобы придать больше важности себѣ.

Какъ только прогремѣли колокольчики, разомъ вся деревня поднялась на ноги. Попа запрятали въ баню, думая, что пріѣхалъ становой... Въ одну минуту площадь около моленной переполнилась народомъ, звѣрски глядѣвшимъ на меня. Пришелъ попечитель (державецъ) Иванъ Кондратьевичъ Кадысевъ, которому я передалъ письмо отъ Мухина и коротко сказалъ, что о. Иларій самъ просилъ меня, чтобы я за него похлопоталъ предъ нашими донцами, дабы они его взяли къ себѣ, такъ какъ онъ каждую минуту опасается здѣсь за свою свободу, при чемъ поставилъ на видъ, что, какъ посланный для переговоровъ, я не долженъ слышать оскорблений со стороны собравшихся, кои въ это время шумѣли наразные лады. Кадысевъ приказалъ имъ замолчать, объяснивъ, что я присланъ съ письмомъ. Пользуясь тишиной, я въ свою очередь коротко, но ясно высказалъ имъ, что наше общество просить уступить намъ о. Иларія, за что даетъ имъ 1000 р. на пріобрѣтеніе себѣ новаго попа, бѣлаго, да кромѣ того обильное угощеніе міру. Услыхавъ сіе, эта толпа сразу перемѣнила тонъ съ угрожающаго на заискивающій... Моя миссія не удалась. Хотя общество и отпускало о. Иларія, но самъ онъ не пожелалъ ѣхать и меня поговорить съ нимъ не допустилъ. Такъ я и уѣхалъ обратно. О. Иларій послѣ сего событія началъ пить мертвую; если же хотѣли его остановить, то онъ грозилъ бросить ихъ и уйти на Донъ, чѣмъ и смирялъ своихъ пасомыхъ...

С. Шмаковъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа съ штундо-баптистами о фарисеяхъ и книжникахъ (по 23 гл. Ев. Матеея).

Штундистскій пресвитеръ, Алексѣй Пареевичъ, находился въ возбужденномъ состояніи. Онъ былъ недоволенъ, что въ бесѣдѣ со мной о Христовомъ священствѣ ему не удалось доказать, что у штундистовъ есть пресвитеры, поставляемые по Евангелію. Мы нашли, что эти пресвитеры не имѣютъ на себѣ *преемственнаго* апостольскаго руковозложенія: ихъ поставили на служеніе люди, сами не имѣющіе благодати священства. Потому все штундовое пресвитерство лишено Христовой благодати и *самозванно*...

Напрасно штундисты, во главѣ съ Алексѣемъ Пареевичемъ, поздно вечеромъ устраивали *чрезвычайное* собраніе. На этомъ собраніи они ничего не могли придумать въ свою пользу. Это обстоятельство раздражало сектантовъ и заставляло ихъ изыскивать какой-нибудь выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Такой выходъ нашелъ Алексѣй Пареевичъ. Онъ, по совѣту съ своей братіей, рѣшилъ „представить“ мнѣ „загвоздку“, отъ которой — какъ хвалились штундисты — православнымъ священникамъ „не поздоровится“...

Слухи о коварныхъ намѣреніяхъ сектантовъ быстро разнеслись по селу. Дошли они и до насъ. Я недоумѣвалъ, какую бы „загвоздку“ могли преподнести намъ штундисты?..

Понятно, съ какимъ волненіемъ встрѣтили мы сектантовъ, пришедшихъ къ намъ на бесѣду. Всѣ напряженно слѣдили за Алексѣемъ Пареевичемъ. Едва успѣли мы пропѣть молитву, — онъ твердымъ голосомъ заговорилъ:

— Вчера вы утѣсняли насъ насчетъ нашего пресвитерства. Вы требовали отъ насъ доказательства: отъ *какого* апостола и чрезъ *какихъ* преемниковъ достали мы себѣ пресвитеровъ? Мы сказали вамъ, что этого не *знаемъ*. За это нашихъ

пресвитеровъ вы называли *самозванцами*. Приравнили ихъ да же къ Корею, Дааану и Авирону... Къ кому хотите прирав нивайте насъ всѣхъ,—это ваше дѣло. Но мы вамъ должны сказать, что и вы не можете хвалиться той ниткой, какую ваши священники будто бы тянуть отъ апостоловъ... Что это за нитка?—Правда, *вы ее не перервали*; она у васъ цѣла. Но эта *священническая нитка* въ вашей Церкви *вся* покрылась грязью... Нѣтъ никому пользы отъ этой нитки. Господь увѣ щеваетъ насъ *не поступать* по стопамъ вашихъ священни ковъ... Значить, если, по вашимъ словамъ, *плохо* дѣло у насъ, то не лучше оно и у васъ. И вы не торжествуйте...

Алексѣй Пареенычъ остановился, чтобы перевести духъ. Онъ былъ возбужденъ; даже Евангеліе тряслось въ его рукахъ, и листы священной книги плохо переворачивались подъ его пальцами. Воспользовавшись молчаніемъ, я рѣшилъ „отвѣ тить“ собесѣднику. Я сказалъ:

— Успокойся, другъ мой, Алексѣй Пареенычъ. Не я при равниваю вашихъ пресвитеровъ къ Корею, Дааану и Авирону, а само слово Божіе наводитъ насъ на это сравненіе.—Въ самомъ дѣлѣ: какъ назвать намъ тѣхъ людей, которые вос хищаютъ *недарованное* имъ священническое служеніе и по ставляются на свое дѣло *не по-евангельски*? — Самое лучшее сравненіе для этихъ людей съ Кореємъ, Даааномъ и Авиро номъ. Они тоже *пытались* восхитить не принадлежавшее имъ священство (Числ. 16 гл.); но за свою *дерзость* были тяжело наказаны Богомъ.—И я радуюсь, что это сравненіе доходитъ до твоего сердца...

Во 2), спасибо тебѣ за признаніе, что—какъ ты сказалъ — благодатная „нитка священническая“ *не перервалась* въ на шей Церкви. Это насъ утѣшаетъ и ободряетъ. Если нитка цѣла, а только загрязнилась, то грязь, при помощи Божіей, можно съ нея *смыть*, нитку же употребить въ дѣло.—Такъ мы и поступаемъ: гдѣ видимъ дурныхъ пресвитеровъ, не радящихъ о стадѣ,—тамъ мы привлекаемъ ихъ къ *суду* епи скоповъ (1 Тим. 5, 19). Епископы изслѣдуютъ вину пресви теровъ; невинныхъ *оправдываютъ*, на виновныхъ же возла гаютъ *наказаніе*. А священство Христово отъ того *не преры вается*,—какъ не прервалось апостольство черезъ то, что въ числѣ *ближайшихъ* учениковъ Господа оказался Иуда-пре датель. Вотъ плохо тѣмъ людямъ, у которыхъ Христово

священство *совсѣмъ* прекратилось, какъ въ вашемъ обществѣ!..

Но потребуемъ отъ тебя отвѣта, Алексѣй Парѣенычъ, за другія твои рѣчи. Ты сказалъ, что Христосъ не велѣлъ намъ поступать по слѣдамъ нашихъ священниковъ. Гдѣ это нашелъ ты такую заповѣдь Господню?

Алексѣй Парѣенычъ, улыбаясь, заявилъ:

— Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ я прочту 23 гл. Евангелія Матѣея. Пожалуйста, не перебивайте меня,—дайте мнѣ прочитать *всю* главу.

И Алексѣй Парѣенычъ, оправившись и осмотрѣвъ все наше собраніе, ровнымъ голосомъ началъ читать: „на Моисеевомъ съдалицѣ стѣли книжники и фарисеи“... Дойдя до ст. 5, онъ съ особою силою произнесъ: „расширяютъ хранилища свои и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ“... А когда дошелъ до ст. 8, то сталъ уже прямо выкрикивать: „а вы не называетесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель—Христосъ, всѣ же вы братья; и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ“ (ст. 8—10).

Послѣ этихъ словъ въ избѣ поднялся шумъ. Штундисты кричали:

— Вотъ вамъ и нитка священническая! Ваши священники грязью ее обмазали!..

Очевидно, это выраженіе было придумано сектантами на чрезвычайномъ собраніи. Они теперь съ любовью повторяли его.

— Да,—слышалось изъ толпы,—Христосъ говоритъ про фарисеевъ, что они „расширяютъ“ одежды свои,—и ваши священники носятъ длинныя рясы съ широкими рукавами... Христосъ запретилъ христіанамъ именоваться учителями, отцами, наставниками,—а вы своихъ священниковъ зовете „батьюшками“, „отцами духовными“, „наставниками“...

— Пропащее дѣло!—шумѣлъ кузнецъ-штундистъ.

Алексѣй Парѣенычъ съ трудомъ „утихомирилъ“ свою братію и заставилъ ее молчать. Потомъ продолжалъ чтеніе. На стихѣ 14 онъ опять „налегъ“ голосомъ: „горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что понождаете дома вдовъ и лицемерно долго молитесь: за то примете тѣмъ большее осужденіе“...

Штундисты поняли выразительный „намекъ“ своего пресвитера и снова зашумѣли:

— И ваши священники *„покупаютъ дома вдовъ“*... За всякую потребу берутъ, все собираютъ съ народа. Какъ же они—не фарисеи?

Алексѣй Парфенычъ дѣлалъ видъ, что „сдерживаетъ“ свою братію, а явно было, что ему *нравились* крики штундистовъ. Несомнѣнно, все это было условлено у нихъ заранѣе. Онъ молчалъ, смотря въ Библію. Тогда я попросилъ народъ *не шумѣть* и умолялъ выслушать *всю* главу. Алексѣй Парфенычъ *покорно* зачиталъ дальше. На словахъ: *„горе вамъ“*..., рѣчь его крѣпла; а когда зачиталъ онъ ст. 19 и дальше,—голосъ его сталъ словно *обрываться*: очевидно, про храмъ іерусалимскій штундистамъ непріятно было читать, особенно такія слова Спасителя: *„клянущійся храмомъ клянется Имъ и Живущимъ въ немъ“*...

При этихъ словахъ одинъ православный начетчикъ не выдержалъ и ядовито спросилъ:

— Чтой-то, Алексѣй Парфенычъ, тутъ написано?.. Будто дѣло идетъ про *рукотворенный* храмъ,—и вдругъ Самъ Христосъ заявляетъ, что Господь *живетъ* въ немъ. Это какъ будто противъ васъ...

Штундисты яростно закричали:

— Молчите, не перебивайте нашего брата!..

— А, не перебивайте! отвѣтилъ начетчикъ. А какъ *всеіѣ толпой* вы перебиваете нашего брата—миссіонера,—это ничего? Видно, не любите, что противъ васъ!..

Я прекратилъ народную распрю и Алексѣй Парфенычъ зачиталъ: *„горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина“*... (ст. 23).

На ст. 34 я попросилъ слушателей замѣтить, что *не всякихъ* книжниковъ, или образованныхъ людей, осуждаетъ Христосъ,—а только *фарисейскихъ*. Вонъ написано отъ имени Господня: *„Я посылаю къ вамъ пророковъ и мудрыхъ книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ“*.

— Видишь ты! протянулъ православный начетчикъ. Книжникъ книжнику—рознь. Тоже какой книжникъ: есть и у Христа *свои* книжники!..

Алексѣй Парфенычъ дочитывалъ главу: *„се оставляетъ“*

домъ вашъ пустъ. Ибо сказываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколь не воскликнете: *благословенъ грядый во имя Господне*“.

Всѣ умиленно склонили свои головы. Потомъ вопросительно устремили глаза на Алексѣя Пареевича. Я тоже ждалъ отъ него „толкованія“ прочитанной главы. Но онъ безпечно возился съ своимъ платкомъ.

Тогда я *вынужденъ* былъ спросить:

— Такъ гдѣ же, Алексѣй Пареевичъ, въ 23 гл. Маттея говорится про *православныхъ* священниковъ?

-- Развѣ вы не слышали? полунасмѣшливо отвѣтилъ онъ.

-- Не слыхалъ *ни слова*. Все только Господь обличалъ книжниковъ и фарисеевъ.

— А, книжниковъ и фарисеевъ! А къ намъ эти слова не доходятъ? Какъ будто и у насъ нѣтъ *своихъ* фарисеевъ?..

И Алексѣй Пареевичъ, злорадствуя, повернулся къ своимъ братьямъ. Тѣ въ отвѣтъ закричали ему:

— И нынѣ есть фарисеи и книжники, да еще сколько ихъ!..

— Гдѣ же они? спросилъ я.

Тогда Алексѣй Пареевичъ снялъ верхнюю одежду и неторопливо заговорилъ:

— Гдѣ нынѣ фарисеи? Да тамъ, гдѣ носятъ длинныя и широкія одежды,—гдѣ за все берутъ съ народа,—что ни шагъ, то плати...

— Это не ясно, отвѣтилъ я. Посмотри на народъ: сколько здѣсь людей въ длинныхъ и широкихъ зипунахъ,—развѣ они фарисеи?..

— Нѣтъ, Господь не про всякія длинныя одежды говорить, а только про *священническія ряссы*.

Гдѣ же это написано, что Господь обличалъ именно *православныхъ* священниковъ?

— Да все въ той же 23 гл. Ев. Маттея,—насмѣшливо отвѣтилъ Алексѣй Пареевичъ.

— Въ какихъ именно стихахъ?

Алексѣй Пареевичъ внимательно сталъ пробѣгать глазами 23-ю гл. Маттея. Другіе штундисты помогали ему. Общими силами они указали стихи 5, 6, 7, 8, 9, 10, 14, какъ „прямо“ будто бы относящіеся къ нашимъ священникамъ.

Я переспросилъ:

— А *на строкѣ* не написано въ 23 гл. Маттея, что тамъ обличаются *православные* священники?

— *На строкъ не написано*, отвѣтилъ Алексѣй Парѣнычъ, а „*читушій да разумѣетъ*“ (Мѡ. 24, 15).

Я поставилъ на видъ слушателямъ признаніе штундистовъ. А „разумѣютъ ли они, что читаютъ“? (Дѣян. 8, 30) добавилъ я,—это мы сейчасъ основательно разсмотримъ.

II.

Я объявилъ перерывъ бесѣды. Отворили дверь, чтобы освѣжить избу. Запѣли „Спаси, Господи, люди твоя“... Потомъ я сталъ говорить, при напряженномъ вниманіи слушателей.

Я сказалъ:

— Запомните, друзья мои, что отвѣтили мнѣ сектанты. Они признались, что въ 23 гл. Ев. Матвея *на строкъ не написано*, что въ ней обличаются православные священники. Это только враги Церкви Христовой *такъ* думаютъ. А правильно ли они думаютъ?—Судите сами, на основаніи того, что я скажу вамъ.

Господь Иисусъ Христосъ говорилъ: „*на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи*“... Обратите вниманіе на слово „сѣли“. Оно показываетъ, что уже *при Христѣ* книжники и фарисеи *сидѣли* на Моисеевомъ сѣдалищѣ. Значитъ, они тогда *были* на свѣтѣ. — Что же это за люди — книжники и фарисеи?

Намъ сейчасъ говорили, что это—православные священники. Если это—правда, выходитъ, что при Христѣ *уже были* православные священники. А мы знаемъ изъ Евангелій, что *никакихъ* священниковъ или пресвитеровъ у Христа, во время Его земной жизни, не было. Были лишь апостолы—12 и 70 (Мѡ. 10, 1—4; Лк. 6, 13; 10, 1 и др.). Значитъ, изъ одного этого видимъ, что въ 23 гл. Матвея обличаются не *православные священники*: ихъ тогда еще въ мірѣ не было,—а именно книжники и фарисеи.

Видимъ это и изъ выраженія: „*на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли*“... Ясно, что здѣсь обличаются люди, которые учили *только по Моисееву закону*,—ветхозавѣтные книжники. Наши же священники, если и сѣли, то *не на Моисеево*, а на *Христово* сѣдалище. Такимъ образомъ не про священниковъ *христіанскихъ* Спаситель говорилъ.

Но я скажу еще больше: въ 23 гл. Матѣея Христосъ не только не имѣлъ въ виду *православныхъ* священниковъ, но говорилъ вообще не про священниковъ, хотя бы ветхозавѣтныхъ. Это вытекаетъ изъ 23 ст. той же главы. Здѣсь мы читаемъ: „горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина“...

Изъ этого стиха слѣдуетъ, что книжники и фарисеи, которыхъ обличалъ Господь, давали десятину по закону Моисееву. А по этому закону кто кому давалъ десятину: священники—народу, или народъ—священникамъ? Ап. Павелъ пишетъ: „получающіе священство изъ сыновъ Левитыхъ имѣютъ заповѣдь—братъ по закону десятину съ народа, хотя и сии произошли отъ чреслъ Авраамовыхъ“ (Евр. 7, 5; Чис. 18, 21).

Итакъ, само слово Божіе свидѣлствуетъ, что священники никому никакихъ десятинъ не платили; по 23-же стиху 23 гл. Матѣея книжники и фарисеи даютъ десятину съ аниса, тмина и мяты: стало быть, они не были священниками. А слѣдовательно, и вся 23 гл. Матѣея къ священникамъ не относится. Это вы, друзья, только по злобѣ на насъ такъ толкуете ее.—обратился я къ штундистамъ.

— Нѣтъ, не по злобѣ,—отвѣтилъ Алексѣй Пареевичъ. Слово Божіе доводитъ насъ до того.

— Сейчасъ мы и перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ стиховъ изъ 23 гл. Матѣея, которые вы особенно толкуете въ приложеніи къ нашимъ священникамъ. Вотъ мы и увидимъ: „разумѣете ли вы, что читаете?“

Начнемъ свое разсмотрѣніе со ст. 3-го: „все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ“.

Такъ училъ Иисусъ Христосъ о фарисеяхъ. Мы уже видѣли, что это—не были священники, Богомъ призванные учителя. Это были самозванцы, гордецы, хищники. Они лѣзли на Моисеево сѣдалище, хотя ихъ никто туда не звалъ. Они учили народъ заповѣдямъ Божиимъ, выдумывали произвольныя толкованія на эти заповѣди, а сами перстомъ не двигали для того, чтобы жить по Закону Божию.—Что же Христосъ? Не велитъ вовсе слушать такихъ учителей? Нѣтъ,—слушать ихъ голоса Онъ приказываетъ: „все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте“. Господь запрещаетъ своимъ ученикамъ лишь подражать гордости, лицемерію и само-

званству фарисеевъ. Бѣжать же изъ Церкви ради фарисеевъ онъ никому не приказывалъ.

Такъ и вы должны поступать, братья! Если видите пастырей, учителей, поставленныхъ въ Церкви Самимъ Богомъ,—если видите, что эти пастыри и учителя лѣнивы, небрежны,—не соблазняйтесь ихъ примѣромъ. Принимайте *въ кротости* ученіе, ими проповѣдуемое. Оно *должно быть* согласно съ Евангеліемъ; по дѣламъ же ихъ не поступайте. За дурныя свои дѣла лѣнивые пастыри сторицею отвѣтятъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Церкви же Божіей такіе пастыри осквернить не могутъ, какъ не осквернилъ ея Иуда—Христопродавецъ: Церковь Свою блюдетъ въ чистотѣ Самъ Господь нашъ (Мѣ. 16, 18; 28, 20).

Изъ примѣра того же Иуды поучаемся, что и чрезъ недостойныхъ пастырей, пока они не извергнуты изъ своего сана, Господь посылаетъ людямъ благодать. Вотъ у Ев. Марка гл. 6, ст. 13 про *всѣхъ* (ср. ст. 7) апостоловъ написано, что они *„изгоняли многихъ бесовъ, и многихъ больныхъ мазали масломъ, и исцѣляли“*. Въ числѣ этихъ чудотворцевъ — апостоловъ былъ Иуда; а онъ, по свидѣтельству Ев. Іоанна, былъ „воръ“ (Іоан. 12, 6). Какъ же онъ могъ творить чудеса?—Не своею силою, а *силою Божіей*. Сила же Божія, для пользы Церкви, дѣйствуетъ вообще и черезъ немощныхъ служителей,—чрезъ *„линяные сосуды“* (2 Кор. 4, 7).—Такъ, изъ Евангелія мы видимъ, что первосвященникъ Каіафа даже пророчествовалъ силою Божіей, потому что, не смотря на свое нечестіе, былъ въ народѣ израильскомъ *законнымъ* первосвященникомъ (Іоан. 11, 49—51).—Если же Господь столь милосердъ былъ къ людямъ прежде, то почему Онъ будетъ къ намъ относиться съ меньшею любовью?.. По этому вѣруемъ, что и чрезъ недостойныхъ пастырей Господь посылаетъ намъ всѣ благодатныя дары Свой до тѣхъ поръ, *пока эти пастыри не лишены* своего священнаго званія.

Но имѣйте въ виду, братія, это все я говорю о *недостойныхъ* пастыряхъ, только приспособляясь къ пониманію сектантовъ. А развѣ въ самомъ дѣлѣ православныхъ пастырей можно уподоблять лѣнивымъ фарисеямъ, которые перстомъ не хотѣли двинуть для исполненія заповѣдей Божіихъ? Сколько въ числѣ нашихъ пастырей было великихъ угодниковъ Божіихъ, прославившихся святою и чудодѣйственною жизнью?

Да и теперь—кто не слыхалъ про священника Божія, о. Іоанна Кронштадтскаго, епископа Теофана и старца Амвросія? Все это—вѣдь пастыри прав. Церкви, прославленные Богомъ на всю Русь; а сколько между ними Христовыхъ угодниковъ, не прославленныхъ въ народѣ?—Одинъ Господь знаетъ число ихъ...

Но продолжимъ истолкованіе 23 гл. Маттея:... *„расширяютъ хранилища свои и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ“* (—ст. 5).

Такъ дѣлали самозванцы—фарисеи. Они не довольствовались общепринятою одеждою, а, *безъ позволенія Церкви*, шили себѣ особую одежду—для самозванства, чтобы отличиться въ народѣ (ср. Чис. 15, 38—39). Развѣ на основаніи этого всѣхъ людей, которые носятъ длинныя и широкія одежды, мы должны называть фарисеями? Сохрани насъ Господь!—Изъ слова Божія мы знаемъ, что *длинную* одежду, которая въ Библии именуется „милотью“, носили святые пророки—Илія, Елисей (4 Цар. 2, 13) и другіе; длинныя же одежды носили апостолы, напр., св. Павелъ. Своему ученику Тимоѳею онъ пишетъ: *„когда пойдеши, принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа“* (2 Тим. 4, 13). Фелонью въ древности называлась длинная одежда. Въ такой длинной одеждѣ ходилъ Христосъ (Іоан. 19, 23). Вотъ, въ подраженіе Христу, апостоламъ и пророкамъ православная Церковь и *заставляетъ* своихъ пастырей носить длинныя и широкія священныя одежды. Эти одежды для нашихъ пастырей служатъ формою. Какъ солдатамъ не велятъ ходить въ зипунахъ и гулупахъ, а надѣваютъ на нихъ мундиры и шинели, такъ и священникамъ нельзя быть безъ рясы. Это для нихъ—своего рода мундиръ. Они носятъ рясы *не изъ гордости*, а по *обязательному* приказу Церкви. — Какое же тутъ фарисейство? Если такъ разсуждать, тогда всѣхъ сектантовъ назовемъ фарисеями. Почему? Потому что фарисеи ходили на *двухъ* погахъ,—и наши сектанты ходятъ на *двухъ* же. Но это сходство чисто вѣишнее, ничего не доказывающее; также *ничего* не доказываетъ противъ православныхъ пастырей то, что они носятъ длинныя одежды, подобныя которымъ носили фарисеи.—И пророки и апостолы носили длинныя одежды, а ихъ Господь за это нигдѣ не обличалъ...

Однако довольно о длинныхъ одеждахъ. Прочтемъ другія

слова Господа въ обличеніе фарисеевъ: „любятъ предвозлежанія на пиришествахъ и предсѣданія въ синагогахъ, и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ (ст. 6, 7).

Изъ словъ Господа видно, что фарисеи „предсѣдали въ синагогахъ“. Синагогой называется молитвенный домъ у евреевъ. Значить, вѣрно, что я сказалъ выше: Господь не христіанскихъ пастырей обличалъ въ 23 гл. Маттея, а ветхозавѣтныхъ книжниковъ и учителей. Эти книжники, не призванные Богомъ, требовали отъ народа почета: хотѣли въ собраніяхъ занимать первыя мѣста и вездѣ предсѣдательствовать.

Нельзя ли, однако, вмѣстѣ съ сектантами, и нашихъ священниковъ обличать за то, что на богослуженіяхъ они стоятъ *впереди* вѣрующихъ и въ собраніяхъ христіанъ предсѣдательствуютъ?

Нѣтъ. нашихъ священниковъ нельзя обличать за то, что они въ духовныхъ дѣлахъ предсѣдательствуютъ среди вѣрующихъ. Уже изъ 1 Кор. 14, 16 ст. видимъ, что при апостолахъ за богослуженіями христіане размѣщались въ извѣстномъ порядкѣ. Были мѣста, занимаемыя „простолюдинами“; а другія мѣста занимали пастыри (1 Сол. 5, 12). Что же? Прилично ли „простолюдинамъ“ стоять впереди, а пастырямъ—у дверей? Кто тогда будетъ поучать и направлять богослуженіе?—Явно, что въ Царствѣ Божіемъ все должно быть благообразно и по чину (1 Кор. 14, 40). А по этому чину нельзя допустить, чтобы пастыри въ Церкви были незамѣтными привратниками. Они должны быть *впереди* вѣрующихъ, какъ пастыри ходятъ впереди стада овецъ. Они должны постоянно занимать *первыя* мѣста, при совѣщаніяхъ о духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ. Это ясно слѣдуетъ изъ заповѣди апостола христіанамъ. Онъ пишетъ: „просимъ васъ, братія, уважать трудящихся у васъ, и предстоятелей вашихъ въ Господѣ, и вразумляющихъ васъ, и почитать ихъ преимущественно съ любовью за дѣло ихъ... (1 Сол. 5, 12. 13). Ясно отсюда, что у христіанъ всегда были и будутъ „предстоятели“ за богослуженіями, т. е. люди, стоящіе *впереди*, пастыри. Этихъ пастырей „за дѣло ихъ“ апостолъ велитъ держать въ *почетѣ*. Потому своихъ священниковъ мы и сажаемъ вездѣ на *первыя* мѣста. И намъ такой порядокъ пріятенъ, какъ прі-

ятно дѣтямъ съ любовью почитать своихъ плотскихъ родителей...

Можетъ быть, вы утомились,—спросилъ я слушателей—и хотите отдохнуть?

Одни закричали, что „пора отдохнуть“, другіе требовали продолженія бесѣды. Алексѣй Пареевичъ выступилъ въ качествѣ примирителя сторонъ. Онъ сказалъ:

— Хоть у ев. Матѳея въ 23 гл. про *волоса* ничего не написано, а вы все-таки поговорили бы намъ о нихъ. Что это Павелъ апостолъ пишетъ: „не сама ли природа учитъ васъ, что если мужъ раститъ волосы, то это безчестіе для него“ (1 Кор. 11, 14); а у васъ священники всѣ *растятъ* себѣ волосы? Написано также (ужъ коли говорить—такъ говорить!): „мужъ не долженъ покрывать голову“ (—ст. 7); а у васъ пастыри надѣваютъ скуфы, камилавки, митры за богослуженіями? Это что-то сомнительно: Вы намъ все это растолкуйте, а тогда хоть и перерывъ...

— Растолкую съ удовольствіемъ, сказалъ я. Слушайте, братья!—и всѣ притихли.

— У грековъ и римлянъ не было обычая растить волосы. По этому обычаю надо было всѣмъ мужчинамъ стричься; но находились люди, которые хотѣли носить длинные волосы. Имъ апостолъ запрещаетъ это новшество. Однако на основаніи чего запрещаетъ? *Не отъ слова Божіа и не на основаніи заповѣди Господней*, а чрезъ указаніе на *природу* или греко-римскій обычай. Само собой ясно, что если бы кто, вопреки голосу апостола, сталъ растить волосы,—онъ поступилъ бы не хорошо, какъ непослушный ученикъ; но *такихъ* людей Павелъ не называетъ грѣшниками предъ Богомъ,—не грозитъ имъ анаемой, какъ лжеучителямъ. Онъ пишетъ имъ только: „если бы кто захотѣлъ спорить (о волосахъ), то мы не имѣемъ такого обычая, ни Церкви Божіа“ (—ст. 16).

Какая снисходительность у апостола къ ращенію волосъ! Онъ не хочетъ только „спорить“ съ нарушителями принятаго обычая. А такъ ли онъ поступаетъ съ еретиками и лжеучителями, искажающими христіанскія истины? Нѣтъ,—о такихъ людяхъ онъ говоритъ: „кто *благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаема*“ (Гал. 1, 9). Отсюда, друзья мои, заключайте, что ращеніемъ или не ращеніемъ волосъ евангельская проповѣдь сама по себѣ никакъ не исказитъ-

ся.—Однако почему же своимъ священникамъ Церковь православная велитъ растить волосы?

Потому прежде всего, что запрещеніе апостола растить волосы она относитъ только къ непосвященнымъ Богу мірянамъ. Для людей же, посвященныхъ Богу, ращеніе волосъ никогда не составляло безчестья. Вспомните, что говорилъ Господь Моисею: „*во всѣ дни обита назорейства бритва не должна касаться головы*“ назорея, „*святъ онъ: долженъ растить волосы на голову своей*“ (Чис. 6, 5). Развѣ ап. Павелъ не зналъ этого священнаго закона Божія? Зналъ, безъ сомнѣнія; а слѣдовательно, онъ не могъ думать, будто назореи безчестятъ себя, растя волосы во славу Божію.

И въ откровеніи Іоанна Богослова читаемъ про явившагося Христа: „*глава Его и волосы бѣлы, какъ бѣлая волна*“... (Откр. 1, 14). „Волна“ означаетъ прядь длинныхъ волосъ. Стало быть, въ откровеніи Христосъ описывается съ длинными волосами. Вотъ, посвящая своихъ пастырей на служеніе Богу, какъ назореевъ, и подражая Христу,—св. Церковь заставляетъ ихъ носить длинные волосы, какъ и длинныя одежды. Значитъ, по нашимъ законамъ, и длинные волосы составляютъ для священниковъ форму, которая не ими выдумана, и которую они отмѣнить не могутъ. Что же въ этой формѣ фарисейскаго, противнаго Евангелію Христову?..

То же надобно сказать про *головныя покрывала*. Для священниковъ Самъ Богъ установилъ ихъ въ ветхомъ завѣтѣ (Исх. 28, 40)...

— То въ ветхомъ завѣтѣ!—возразили штундисты.

— Да, въ ветхомъ,—а вотъ и въ новомъ завѣтѣ написано:.... „*на престолахъ видѣлъ я—говоритъ тайнозритель Іоаннъ—сидѣвшихъ двадцать четыре старца, которые облечены были въ бѣлыя одежды и имѣли на головахъ своихъ золотыя вѣнцы*“ (Откр. 4, 4). Это вѣнцы старцы то скидаютъ (—ст. 19), то имѣютъ на головахъ своихъ и поютъ пѣснь Агнцу (Откр. 5, 8—10).—Ап. Павелъ велитъ намъ „*о горномъ помышлять*“ (Колос. 3, 2). Вотъ размышляя о небесномъ служеніи Богу праведниковъ, наше священноначаліе и на землѣ своихъ „предстоятелей“ заставляетъ надѣвать священныя покрывала „*для славы и благодѣянія*“ (Исх. 28, 40).

Итакъ, и ращеніемъ волосъ, и покрывалами головы наши пастыри не уподобляются фарисеямъ, ибо не для самохваль-

ства они это дѣлають, а „для славы и благолѣпія“, по слову Писанія и по приказанію Церкви.

Затѣмъ мы устроили обѣщанный перерывъ бесѣды. Православные восторженно пѣли священныя пѣснопѣнія, а штундисты повѣряли тѣ мѣста изъ Слова Божія, которыя я приводилъ въ защиту православныхъ пастырей.

III.

Отдохнувъ и освѣживъ воздухъ въ избѣ, я продолжалъ толкованіе 23 гл. Маттея. Я прочиталъ: фарисеи любятъ, *„чтобы люди звали ихъ: учитель! учитель! А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель—Христосъ, всѣ же вы—братья; и отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ—Христосъ“* (—ст. 7—10).

— Эхъ, святыя слова!—воскликнулъ старикъ кузнецъ—штундистъ.

— Да, слова святыя,—сказалъ я,—какъ и все, что вышло изъ устъ нашего Господа. Надобно только „свято“ толковать слова Господни. Объ этомъ мы и постараемся, основываясь во всемъ на писаніяхъ апостольскихъ.

Итакъ, что же?—Господь запрещаетъ *всѣмъ* людямъ именоваться учителями, когда говоритъ: *„а вы не называйтесь учителями“*?—Смыслъ этихъ словъ мы поймемъ чрезъ сненіе ихъ съ другими словами Самого Господа и Его святыхъ апостоловъ. Въ Ев. Маттея Господь говоритъ Своимъ ученикамъ: *„идите, научите всѣ народы... уча ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ“* (Матѣ. 28, 19. 20). Въ согласіи со Христомъ ап. Павелъ пишетъ: Господь *„поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ“*... (Еф. 4, 11). Отсюда ясно можно видѣть, что Самъ Христосъ послалъ въ міръ Своихъ апостоловъ затѣмъ, чтобы *учить* людей. Поэтому и апостолъ про Христа пишетъ, что Онъ *„поставилъ... учителей“*. Значить, въ истинной Церкви Христовой есть ученики, несвѣдущіе въ словѣ правды (Евр. 5, 12. 13), и есть *учители*, которыхъ Самъ Богъ поставилъ на дѣло.

Теперь—этимъ *учителямъ* какъ же именоваться, когда бы они захотѣли обозначить свое положеніе между братіями?

Если бы христіане *всѣ* назывались просто „братіями“, тогда бы нельзя было опредѣлить ихъ взаимнаго различія *по правамъ* въ Церкви. Вышла бы *путаница*. А если бы, избѣгая названія „учитель“, люди, учащіе въ Церкви, стали бы присвоивать себѣ другія имена,—вышелъ бы *обманъ*. Поэтому съ *несомнѣнностью* можно сказать, что *Господь только въ обличеніе фарисеевъ людямъ, Богомъ не призваннымъ учить, запретилъ называться учителями*; а кто поставленъ быть учителемъ въ Церкви,—тотъ и долженъ такъ называться, какъ говорить Слово Божіе (Еф. 5, 12. 13; 1 Кор. 12, 28. 29).—Этотъ порядокъ и поддерживаетъ Церковь православная.

„И отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ“.

Такъ училъ Господь нашъ; такъ проповѣдали апостолы. Св. Павелъ, напр., пишетъ: „я преклоняю колѣна предъ Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ“ (Еф. 3, 14. 15).—Послѣднія слова апостола изъясняютъ рѣчь Господа, приведенную въ 23 гл. Маттея.—Да, у людей отецъ въ *собственномъ смыслѣ*—одинъ Богъ, отъ Котораго мы получили и Которымъ поддерживаемъ свою жизнь. Но этотъ Богъ Отецъ чрезъ Сына Своего даровалъ людямъ *пастырей и учителей*. Они заботятся о душахъ вѣрующихъ; насыщаютъ ихъ отъ Бога получаемой благодатной пищей. Потому такіе пастыри въ словѣ Божіемъ называются *отцами*. Въ посланіи ап. Павла мы читаемъ: „*хотѣ у васъ тысячи наставниковъ во Христѣ, но немного отцовъ; я родилъ васъ во Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ*“ (1 Кор. 4, 15).

О какихъ „немногихъ“ отцахъ говорить св. апостолъ?—Конечно, *не о плотскихъ* отцахъ: такихъ отцовъ у тысячи людей много. Рѣчь здѣсь о *духовныхъ* отцахъ, каковыхъ *немного*, и изъ которыхъ первымъ отцомъ, кромѣ Бога, ап. Павелъ именуетъ себя.

И въ посл. къ Галатамъ онъ пишетъ: „*Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ*“ (—4, 19).

Если апостолъ именуетъ христіанъ *дѣтими*, то за кого самъ себя онъ почитаетъ? Какъ *обратно* ученики должны называть его? Дядей, дѣдушкой! Нѣтъ: если мы *дѣти* апостоламъ,—явно, что они для насъ *отцы*.

Это свидѣтельство находимъ особенно у евангелиста Іоанна (см. 1 Іоан. 2, 1. 12. 18).

Итакъ, у христіанъ *источникъ* для всякаго отечества находится въ Богѣ Отцѣ; но отъ Бога даруются намъ попечители о нашемъ спасеніи. Этихъ попечителей Апостолы именуютъ „отцами“. Потому и мы, православные, своихъ пастырей зовемъ „батьюшками“, „отцами духовными“,—и это согласно съ свящ. Писаніемъ.

Но обратимся къ дальнѣйшимъ словамъ Господнимъ: „и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ наставникъ Христосъ“.

Эту истину мы принимаемъ отъ всего сердца. Мы вѣруемъ, что *начало* наставничества у христіанъ—въ Спасителѣ нашемъ; но отъ Него *поставляются* братья наши въ Церкви *наставниками*. Ап. Павелъ пишетъ: „*повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны, ибо они неуспянно пекутся о душахъ вашихъ*“... (Евр. 13, 17). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „*поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе*“... (—ст. 7).

Ясно отсюда, что въ истинной Церкви Христовой среди общаго братства воздвигаются люди, которые въ словѣ Божіемъ именуются *наставниками*. Нечего удивляться, если *таковыхъ наставниковъ* мы находимъ и въ православной Церкви.

Алексѣй Пареевичъ, какъ выразился православный начетчикъ, былъ разбитъ „на всѣхъ пунктахъ“. Онъ не могъ ничего возразить мнѣ отъ Писанія. Онъ мрачно лишь замѣтилъ:

— Значитъ, Христосъ—по вашему—ошибся? Онъ не велитъ людей звать отцами, учителями, наставниками, а вы ихъ называете такъ?

— Нѣтъ, мой милый, сказалъ я: не ошибся Христосъ, а ты не „разумѣешь, что читаешь“. Спаситель свою рѣчь въ 23 гл. Маттея держалъ вѣдь въ обличеніе самозванцевъ фарисеевъ. Тѣмъ, кого *Господь не призвалъ*, нельзя именоваться въ Церкви отцами, учителями, наставниками на *фарисейскій* образецъ. А кто Богомъ поставленъ *питать, учить* и во всемъ добромъ *наставлять* вѣрующихъ,—почему такимъ благодѣтелямъ не называться въ Церкви отцами, учителями, наставниками? Вѣдь, называя такъ нашу старшую братію, мы не забываемъ, что во главѣ спасенія нашего стоятъ все-

таки не люди, не пастыри немощные, а Христосъ Господь.— Познай же это, Алексѣй Пареевичъ, и, какъ Савлъ, не иди противъ рожна (Дѣян. 9, 5)...

Объяснимъ и 14-й ст. 23 гл. Ев. Маттея.

„Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что подаете дома вдовъ и лицемерно домо молитеся: за то примете тѣмъ большее осужденіе“.

Опять Господь грозно обличаетъ фарисеевъ за показную святость. Эти люди на площадяхъ и возлѣ храма долго молились лишь затѣмъ, чтобы *похвалиться* предъ народомъ своею праведностью. Въ душѣ же, въ сердцѣ фарисеи не имѣли истинныхъ Божіихъ добродѣтелей: суда, милости, и вѣры (—ст. 23). Потому они праздно жили, не стыдились послѣднее брать даже у вдовъ—женщинъ безпомощныхъ. Вотъ за это *лицемеріе и жадность* Господь строго и обличаетъ фарисеевъ...

Какъ же не страшатся люди этотъ стихъ относить къ православнымъ священникамъ?—Правда, и они часто „долго молятся“. Но Христосъ вѣдь заповѣдалъ намъ *усиленно* молиться и бодрствовать (Мр. 13, 33; 14, 38; Лк. 21, 37; ср. Еф. 6, 18; 1 Сол. 5, 17).

И кто при этомъ возымѣетъ дерзость сказать, что пастыри наши *лицемерно* молятся? Нѣтъ: они стараются исполнить волю Божію,—*искренно* молятся, сокрушаются о своихъ грѣхахъ, призываютъ и насъ къ покаянію, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. А если иные изъ нихъ ослабѣваютъ, малодушествуютъ,—такъ вѣдь этимъ слабостямъ подвержены были апостолы, во время земной жизни Христа Спасителя (Мр. 14, 37. 38). Важно, что наши пастыри исполнены *смирения, самоукоренія и жажды во всемъ* быть полезными Церкви Христовой. Отъ насъ, отъ нашихъ молитвъ зависитъ, чтобы пастыри наши были по сердцу нашему.—Будемъ же, братія, прилежнѣе молиться, чтобы Господь утвердилъ въ добрѣ нашихъ „отцовъ духовныхъ“ и помогъ имъ „право править слово истины“ Божіей!..

А тѣмъ смущаться не слѣдуетъ, что пастыри наши за свой трудъ пользуются отъ насъ подаяніями. Это—законъ Христовъ. Ап. Павелъ пишетъ христіанамъ: *„развѣ не знаете, что священнодѣйствующие питаются отъ святилища? Что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Го-*

сподѣ повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благоустройство-
ванія“ (1 Кор. 9, 13, 14).

Итакъ, Самъ Христосъ „повелѣлъ“ намъ *кормить и поить* своихъ пастырей. Потому ап. Павелъ въ другомъ посланіи говоритъ: „*наставляемый словомъ дѣлать всякимъ добромъ съ наста-вляющимъ*“ (Гал. 6, 6).—Въ древней Церкви такъ и было: па-стыри христіанскіе никогда ни въ чемъ не нуждались. Вѣрующіе сыновне заботились объ ихъ обезпеченіи. Но съ *осла-бленіемъ* у христіанъ усердія къ Церкви, съ развитіемъ среди людей *жадности, скупости, корыстолюбія*,—должны были за-вестись въ Церкви такіе порядки, что вѣрующіе своимъ па-стырямъ стали давать *опредѣленную* плату за различныя услуги. Этотъ порядокъ *повсемѣстно* принятъ въ нашей Церкви. При такомъ порядкѣ никому не обидно, потому что всѣ пла-тятъ священникамъ за труды *поровну*, отъ своего усердія...

— Кабы отъ усердія! замѣтилъ Алексѣй Парѣенъ. А какъ я бѣдный и у меня нѣтъ денегъ?

— Тогда тебѣ священникъ окажетъ *снисхожденіе*. Ему должна быть извѣстна твоя бѣдность...

— Да, снизойдетъ. Нѣтъ, онъ до *послѣдней* копѣйки по-требуется!..

— А если потребуешь,—отвѣтилъ я,— значить, онъ знаетъ, что ты *можешь* заплатить, сколько принято; только по ску-пости не платишь...

Потомъ я добавилъ:

— Друзья! Вопросъ о платѣ священникамъ за требы—самый больной у насъ вопросъ. Конечно, мы всѣ были бы рады, если бы священники могли нести свою службу, *ни съ кою и ничею* не получая за трудъ, какъ чиновники. Но вѣдь опредѣленнаго жалованья священникамъ отъ государства не положено. Дѣлъ по приходу у нихъ столько, что имъ некогда заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Что же остается дѣлать? Остается жить такъ, какъ *указываетъ слово Божіе*, то есть,—пользоваться за служеніе приходу „всякимъ добромъ“ отъ вѣрующихъ.—А такъ какъ теперь въ изобиліи заводят-ся такіе „мудрецы“, которые ничего не хотятъ платить свя-щенникамъ за трудъ, то *по неволѣ* вездѣ принято за этотъ трудъ получать *опредѣленное* вознагражденіе. Это—единствен-ный способъ существованія священниковъ въ Церкви Божіей. Развѣ онъ несправедливъ?

— Какъ несправедливъ! зашумѣли въ толпѣ. Такъ, безъ денегъ, никто ничего не сдѣлаетъ священнику. Поломайся у него шкворень въ телѣгѣ,—и то безъ денегъ кузнецъ не починить шкворня. А гдѣ священнику достать денегъ? Знамо, отъ народа!..

— Это со злости штунды кричатъ, что священники за все много берутъ,—замѣтилъ православный начетчикъ. Нашъ батюшка, дай ему Богъ здоровья!—бѣдно живетъ, а лишняго съ христіанъ никогда не положить...

Голосъ начетчика. поддержали другіе православные. Вопросъ о платѣ священникамъ за требы разрѣшался самъ собой. Свящ. Писаніе велитъ христіанамъ *во всемъ* довольствоваться своихъ пастырей; значить, и наши священники не согрѣшаютъ, когда со *смирениемъ и благодарностью* пользуются всякимъ довольствомъ отъ вѣрующихъ...

Наша рѣчь о книжникахъ и фарисеяхъ по 23 гл. Маттея могла быть закончена. Всѣмъ стало очевидно, что подъ фарисеями, которыхъ изобличалъ Христосъ, нельзя разумѣть священниковъ. Это только сектанты называютъ священниковъ фарисеями за то, что наши пастыри носятъ длинныя одежды, именуются батюшками, учителями, наставниками и получаютъ вознагражденіе съ христіанъ за требы.—Изъ Слова Божія видно, что и пророки, и апостолы носили длинныя одежды; а развѣ они были фарисеями? Изъ того же Слова Божія усматриваемъ, что въ апостольской Церкви были отцы, учителя, наставники. А можно ли этихъ почтенныхъ людей звать фарисеями и лицемѣрами?—Нѣтъ; это было бы дерзкой клеветой на нихъ. Подобнымъ образомъ видимъ, что апостолы за свой трудъ получали отъ вѣрующихъ вспомоствованіе (напр., Филип. 4, 14—16), и этотъ порядокъ узаконили для всей Церкви Христовой: неужели за это своихъ пастырей мы будемъ называть фарисеями, поѣдающими „домы вдовъ“?—Сохрани Богъ!..

Кого же послѣ того справедливо было бы счесть современными фарисеями и книжниками?

— Тѣхъ людей, которые безъ Божьяго призванія дерзаютъ *учить, наставничать* среди братьевъ,—которые похва

ляются своими *наружными* добродѣтелями и порцають отъ Бога поставленныя власти. Этихъ *самозваныхъ наставниковъ* мы видимъ среди нашихъ сектантовъ подъ разными именами: „старшихъ братьевъ“, „діаконовъ“, „пресвитеровъ“, „евангелистовъ“... Горе этимъ лживымъ учителямъ, если они не раскаются и не познають своихъ заблужденій!..

Я кончилъ бесѣду и въ изнеможеніи опустился на лавку. Голова у меня болѣла; въ вискахъ стучало.

Народъ посматривалъ на сектантовъ, громко дивясь ихъ жестокосердію и упрямству.

Штунды, грустные и мрачные, стояли молча. Алексѣй Парёнычъ, наконецъ, отъ имени своихъ „братьевъ“ поблагодарилъ меня „за тихую бесѣду“ и первымъ пошелъ изъ избы. За нимъ двинулись сектанты.

— Темная ночь! произнесъ православный начетчикъ и, махнувъ рукой, тоже потянулся къ выходу...

Д. Боголюбовъ.

27 марта 1901 г.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Церковно-приходскія миссіонерскія братства.—Миссіонерскіе фонды.—Миссіонерскій отдѣлъ на педагогическихъ курсахъ для учителей церковно-приходскихъ школъ.—Новыя секты въ молоканствѣ.—Сектантство въ Прибалтійскомъ краѣ.—Характеръ современной раскольнической литературы.

Въ настоящее время, когда религіозно-нравственное состояніе русскаго народа представляетъ самую безотрадную картину, когда въ простомъ народѣ наряду съ набожностью господствуютъ—полная духовная темнота, пороки и грубость нравовъ, а въ образованномъ обществѣ—полное отчужденіе отъ вѣры и Церкви, со стороны пастырей требуется особенное напряженіе силъ для духовнаго воздѣйствія на пасомыхъ и для подъема церковно-религіозной жизни приходовъ. Сблизить народъ съ Церковью, провести въ жизнь его нравственныя начала христіанства, оградить его отъ лжеучителей, вразумить заблудшихъ, возстановить нравственно падшихъ—вотъ тѣ многосложныя обязанности, вся тяжесть которыхъ лежитъ на приходскихъ пастыряхъ и только на нихъ однихъ, такъ какъ не только міряне, но даже и низшіе члены клира въ большинствѣ случаевъ не раздѣляютъ этихъ заботъ ихъ. А между тѣмъ, по ученію слова Божія, Церковь Христова есть нераздѣльное тѣло, всѣ члены котораго должны одинаково заботиться другъ о другѣ (1 Кор. 12, 12—13, 25.). Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены (26). Слѣдовательно, ни міряне, ни низшіе члены клира, какъ члены Церкви Христовой, не могутъ въ настоящее время оставаться равнодушными и бездѣтельными, видя братьевъ своихъ по вѣрѣ, блуждающихъ въ тѣмъ религіознаго невѣжества и подвергающихся многоразличнымъ опасностямъ и искушеніямъ со стороны многочисленныхъ въ настоящее время лжеучителей, обильно сѣющихъ плевелы ересей и расколовъ. Поэтому Св. Синодъ и призываетъ къ внутренней миссіонерской дѣятельности не только всѣхъ членовъ клира, но и всѣхъ благочестивыхъ мірянъ, настоятельно рекомендуя епарх. преосвященнымъ для противодѣйствія сектантской пропагандѣ содѣйствовать

учрежденію въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, братствъ, или обществъ ревнителей православія. И тамъ, гдѣ приходскіе пастыри съ должнымъ усердіемъ обращаются съ этимъ призывомъ къ своимъ прихожанамъ, призывъ ихъ не остается безъ отвѣта,—вокругъ нихъ группируются лучшія силы прихода, образуютъ братства, дѣятельность которыхъ сопровождается самыми благими результатами не только въ борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ, но и вообще въ дѣлѣ оживленія церковно-религіозной жизни приходоѡ. Таково, напримѣръ, братство любителей духовнаго просвѣщенія, учрежденное при соборной Чудо-Михайловской Церкви гор. Ольгополя, Подольской епархіи. Оно имѣетъ цѣлью распространеніе въ народѣ образованія въ духѣ православной Церкви и русской народности, для чего открываетъ и содержитъ вечерніе классы для взрослыхъ, воскресныя школы, народныя библіотеки и читальни, устраиваетъ чтенія для народа и пр. Таково же открытое въ концѣ прошлаго года Колунецкое общество ревнителей православія, въ Казанской губерніи. Главными членами его являются лица, способныя бесѣдовать съ раскольниками. Вступаютъ въ общество и другія лица, которыя, при меньшемъ знакомствѣ съ полемикою, всеже могутъ принести Церкви пользу. Количество всѣхъ членовъ уже возросло до 50. По уставу общества, члены его каждый мѣсяцъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, сходятся на собранія, гдѣ каждый сообщаетъ о своихъ бесѣдахъ съ старообрядцами, передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о расколѣ и высказываетъ предположенія относительно мѣръ воздѣйствія на раскольниковъ. Сообщающій объ этомъ мѣстный миссіонеръ—священникъ полагаетъ, что не только противораскольническая дѣятельность членовъ общества, но и засѣданія его благотворно будутъ дѣйствовать на населеніе. Съ миссіонерскою же цѣлью общество намѣрено выдавать небольшія пособія бѣднымъ людямъ, обратившимся изъ раскола, такъ какъ они, порвавъ связь съ расколомъ, большею частью оказываются въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи ¹⁾. Въ Астраханской епархіи, въ большомъ пригородномъ селѣ Пришибѣ, Царевского уѣзда, недавно возникло церковно-школьное братство, также имѣющее своею цѣлью развитіе и поддержаніе въ приходѣ народнаго образованія въ духѣ православной Церкви. При открытіи братства изъ однихъ только членскихъ взносовъ образовалась сумма въ 300 руб. Кромѣ этого крестьянское общество приговоромъ постановило отпускать на нужды братства по 180 руб. въ теченіе 6 лѣтъ и 500 руб. ассигновало на церковно-школьный хоръ. Примѣръ и успѣхъ братства въ Пришибѣ воодушевилъ и

¹⁾ См. отчетъ о первоначальной дѣятельности этого общества.

другихъ дѣятелей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царевского уѣзда. Такія же братства открылись въ селѣ Заплавномъ и поселкѣ Таловкѣ, благодаря усердію мѣстныхъ священниковъ. Вліяніе этихъ братствъ на населеніе оказалось въ высшей степени благотѣльнымъ. Такъ въ с. Пришибѣ, гдѣ еще недавно молокане весьма враждебно относились къ православнымъ, особенно къ духовенству, теперь существуютъ церковно-приходскія школы, т. наз. молоканскія—мужскія и женскія, въ которыхъ учатся до 150 дѣтей молоканъ. Пришибинскіе молокане выразили даже желаніе жертвовать на школы хлѣбомъ и на молитвенномъ собраніи своемъ рѣшили послать одного изъ своихъ братьевъ собирать хлѣбъ (Астрах. Еп. Вѣд.).—Въ Полтавской епархіи въ вѣдѣніи епархіальнаго Св. Макарьевского братства имѣется до 40 церковно-приходскихъ братствъ, которыя, кромѣ заботъ о приходскихъ церквахъ, о церковныхъ хорахъ, о школахъ, о братскихъ читальняхъ и книжныхъ лавкахъ, принимаютъ на себя наблюденіе и за поведеніемъ прихожанъ. Съ этою цѣлью изъ братчиковъ избираются почетныя и пользующіяся въ приходѣ общимъ довѣріемъ лица, которыя удерживаютъ старыхъ людей отъ разгула, а молодежь—отъ собраній наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и слѣдятъ за ихъ поведеніемъ въ дни праздниковъ. Братчики оказываютъ на соприхожанъ доброе вліяніе и собственнымъ добрымъ примѣромъ. Далѣе, братства помогаютъ нуждающимся деньгами, хлѣбомъ, личнымъ трудомъ, выдачею ссудъ безъ процентовъ или съ небольшими процентами (Полт. Епарх. Вѣд.). Въ недавно появившемся отчетѣ одного изъ сельскихъ братствъ, Симбирской епархіи, указано на заведенную этимъ братствомъ небольшую аптечку съ необходимыми медикаментами и на большую пользу, приносимую этою аптечкою (Церк. Вѣстн.). Такимъ образомъ церковно-приходскія братства, охватывая въ своей дѣятельности всѣ стороны приходской жизни, являются надежными помощниками священниковъ въ ихъ пастырскихъ трудахъ. Приходскій пастырь, на обязанности котораго лежитъ быть строгимъ блюстителемъ нравовъ своего прихода, одинъ не въ силахъ предусмотрѣть всѣхъ тѣхъ ненормальностей и уклоненій отъ добраго пути, какія могутъ проявиться въ жизни его пасомыхъ. Лучшими въ этомъ случаѣ помощниками для него являются братчики изъ прихожанъ, которые могутъ сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія объ общихъ недостаткахъ мѣстнаго населенія, указать на кого прежде всего нужно обратить вниманіе и какъ легче воздѣйствовать на тѣхъ или другихъ лицъ примѣнительно къ ихъ нравамъ и характеру. Окружающему населенію они могутъ болѣе удобнопонятно объяснить правила жизни и нравственности, а священнику своевременно сообщать о томъ,—что читаетъ его

паства, и какія лжеученія распространяются среди нея пропагандистами. Особенно полезна дѣятельность братчиковъ въ послѣднемъ отношеніи въ настоящее время, когда соблазны обильно сѣются на святой Руси и притомъ такими людьми, въ лицѣ которыхъ, повидимому, трудно и предполагать сѣятелей плевель на нивѣ Христовой, когда въ роли пропагандистовъ сектантства являются и книгоноши, и благодѣтели—интеллигенты и даже сельскіе учителя.—Преосвященный Самарскій Гурій находитъ въ высшей степени полезнымъ привлекать грамотныхъ братчиковъ даже къ участию въ религиозно-нравственныхъ чтеніяхъ для народа. „Желательно, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ резолюцій, чтобы сельскіе священники отыскивали въ своихъ приходахъ грамотеевъ—любителей чтенія, которымъ бы и поручали, для блага Церкви Божіей, устраивать у себя въ домахъ или у сосѣдей собранія для душеполезныхъ чтеній, доставляя имъ нужныя для этого книги и по временамъ наблюдая за ходомъ этихъ чтеній и пѣнія...“

Можно наблюдать эти поручить кому-либо изъ членовъ причта или заслуживающимъ довѣрія благочестивымъ грамотнымъ прихожанамъ, особенно изъ членовъ братствъ, гдѣ таковыя учреждены. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ чтеній среди народа въ разѣздахъ по епархіи, когда группами останавливались для прочтенія мною раздаваемыхъ книжекъ и брошюръ: безъ умиленія не могъ я видѣть, съ какимъ интересомъ читались оныя, причемъ одни всдыхали, а другіе утирали слезы отъ умиленія, слушая медленное речитативное чтеніе, какимъ обыкновенно читаютъ наши крестьяне.... такое чтеніе дѣйствуетъ обаятельно на слушателей даже и не изъ простыхъ. Я совершенно увѣренъ, что если бы въ нашихъ селахъ и деревняхъ, равно и въ городахъ, гдѣ жизнь сложилась болѣе или менѣе просто, побольше устраивалось частныхъ чтеній въ духѣ народномъ, съ прямою цѣлю духовно-нравственнаго просвѣщенія и частію доставленія общепользныхъ свѣдѣній, подъ руководствомъ духовенства, народъ нашъ легко отвлекся бы отъ пьянства и другихъ безобразій, какимъ онъ предается въ праздничные дни отъ бездѣлья,... особенно если бы чтенія эти сопровождались общимъ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній, къ каковымъ замѣчается въ русскомъ народѣ особенная любовь“ (Самар. Епарх. Вѣд.).—Миссіонерскій комитетъ при братствѣ св. Дмитрія Ростовскаго въ г. Ярославлѣ, признавая приходскія братства наилучшимъ средствомъ къ оживленію внутренней миссіонерской дѣятельности въ приходахъ, выработалъ слѣдующія правила для этихъ братствъ. Приходскія миссіонерскія братства, говорится между прочимъ въ этихъ правилахъ, составляются изъ православныхъ лицъ обоюго пола и всѣхъ званій, изъявившихъ желаніе содѣй-

ствовать приходскому духовенству въ борьбѣ съ расколомъ, и могутъ быть открываемы въ каждомъ приходѣ, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. Принимая на себя святую обязанность вразумленія заблудшихъ, члены братства должны обладать добрыми душевными качествами, ревностью о спасеніи ближнихъ и быть сердечно преданными служенію св. Церкви. Всѣ члены миссіонерскихъ приходскихъ братствъ состоятъ въ ближайшемъ общеніи со своимъ приходскимъ священникомъ, который есть непремѣнный руководитель приходскаго братства, отвѣтственное лицо за всю его дѣятельность. Всѣ занятія собраній должны быть чужды всякихъ формальностей и носить характеръ братскихъ бесѣдъ. Приходскія братства ни въ какомъ случаѣ не могутъ возбуждать судебного преслѣдованія раскольниковъ и вообще искать вмѣшательства гражданской власти въ дѣла внутренней приходской миссіи, но во всѣхъ сношеніяхъ съ раскольниками должны руководиться духомъ христіанской любви и уваженія ко всякому, хотя бы и заблудшему человѣку. Такъ какъ благотворительность можетъ оказать весьма важное содѣйствіе миссіонерской дѣятельности приходскихъ братствъ, то послѣднія должны изыскивать способы оказанія матеріальной помощи бѣднымъ лицамъ, обращающимся изъ раскола въ православіе, или удерживаемымъ въ расколѣ по причинѣ бѣдности (Яросл. Епарх. Вѣд.).—Самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой послѣдней цѣли братствъ, какъ показываетъ опытъ нѣкоторыхъ епархій, можетъ служить образованіе специальныхъ „миссіонерскихъ фондовъ“, мысль объ учрежденіи которыхъ была высказана еще третьимъ всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ. Съ учрежденіемъ, напр., миссіонерскаго фонда при церковномъ братствѣ святого праведнаго Симеона, Верхотурскаго Чудотворца, Екатеринбургской епархіи, мѣстная миссія, по наблюденію дѣятелей ея, приобрѣла новое сильное средство къ ослабленію раскола въ епархіи. Прежде дѣятельность миссіи носила нѣсколько односторонній характеръ. Путемъ публичныхъ и частныхъ миссіонерскихъ собесѣдованій съ раскольниками и распространенія среди нихъ брошюръ и книгъ, направленныхъ къ раскрытію неправоты раскола, миссія стремилась и стремится разсѣивать мракъ раскольническихъ заблужденій и возвращать заблудшихъ въ лоно православной Церкви. Но одного умственного и нравственного воздѣйствія на заблудшихъ иногда бываетъ недостаточно. Не каждый раскольникъ и сектантъ, даже убѣдившійся въ правотѣ православія, рѣшится окончательно порвать съ своимъ старымъ вѣрованіемъ и присоединиться къ православію. За время довольно еще непродолжительной миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности братства св. Симеона, Верхотурскаго Чудотворца, было два случая, когда присоединившіеся изъ рас-

кола къ Церкви оказывались въ самомъ бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе того, что съ переходомъ въ православіе, они лишались не только матеріальной поддержки со стороны своихъ прежнихъ обновѣрцевъ, но даже возможности получить у нихъ какуж бы то ни было работу. При такихъ условіяхъ переходъ изъ раскола или сектантства безопасенъ только для людей матеріально обеспеченныхъ; для бѣдняковъ же, находящихся въ полной матеріальной зависимости отъ обновѣрцевъ—богачей, онъ можетъ сопровождаться лишеніемъ даже дневного пропитанія. Своевременно придти на помощь такимъ людямъ православная миссія только и можетъ при существованіи специально предназначенныхъ для этого фондовъ, повсемѣстное учрежденіе которыхъ въ настоящее время является вполне назрѣвшею потребностью.

Церковно-приходская школа, имѣющая своею цѣлью религиозно-нравственное просвѣщеніе народа и утвержденіе въ немъ православной вѣры, является естественною союзницею миссіи, слѣдовательно и учителя церковно-приходскихъ школъ должны быть ближайшими помощниками приходскихъ пастырей въ ихъ миссіонерской дѣятельности. Но чтобы быть полезными въ этомъ отношеніи, они должны знать сущность вѣроученія сектантовъ и обладать хотя элементарными познаніями и навыкомъ въ дѣлѣ веденія собесѣдованій съ ними. Добрый починъ въ дѣлѣ ознакомленія учителей церковныхъ школъ съ сектантскимъ вѣроученіемъ и способами обличенія его положенъ въ Полтавской епархіи. Здѣсь, по мысли и указанію преосвященнаго Иларіона, на педагогическихъ курсахъ учителей церковно-приходскихъ школъ въ м. Карловкѣ, Константиноградскаго уѣзда, съ 15 августа по 15 сентября 1900 г. было устроено и миссіонерское отдѣленіе, веденіе котораго поручено было епархіальному наблюдателю о. Іустину Ольшевскому; онъ въ цѣломъ рядѣ бесѣдъ достаточно ознакомилъ курсистовъ съ исторіей возникновенія и распространенія штунды, съ сущностью вѣроученія ея и главными направленіями въ пониманіи его, съ обличеніемъ заблужденій штундистовъ и съ необходимыми приемами веденія полемическихъ бесѣдъ съ ними, а также съ должною постановкою миссіонерскаго преподаванія закона Божія въ школахъ среди сектантскаго населенія. Но, къ сожалѣнію, примѣръ Полтавской епархіи въ этомъ отношеніи является только счастливымъ исключеніемъ. При повсемѣстномъ распространеніи въ настоящее время педагогическихъ временныхъ курсовъ для учителей церковно-приходскихъ школъ, при разнообразіи предметовъ (не исключая и ремеслъ), съ которыми на нихъ знакомятъ курсистовъ, совершенно забыли о самомъ главномъ, забыли о должной постановкѣ на этихъ курсахъ миссіонерскаго дѣла, о необходимости ознакомить учителей (по крайней мѣрѣ, въ мѣстностяхъ, заражен-

ныхъ расколомъ и сектантствомъ) съ характеромъ мѣстныхъ сектъ, съ сущностью ихъ вѣроученія и съ главнѣйшими способами и методами борьбы съ ними. А между тѣмъ главнѣйшія цѣли, преслѣдуемая церковно-приходскою школою,—цѣли чисто миссіонерскія...

Борьба православныхъ миссіонеровъ съ сектантствомъ и расколомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осложняется, требуетъ отъ нихъ все большаго и большаго напряженія силъ и постояннаго неусыпнаго бодрствованія на своемъ посту. Особенно это нужно сказать относительно борьбы съ раціоналистическимъ сектантствомъ, стремящимся все къ большимъ захватамъ изъ православія. Правда, въ жизни современнаго раціоналистическаго сектантства приходится отмѣчать очень много фактовъ, свидѣтельствующихъ о распаденіи старыхъ сектъ... Но на мѣстѣ разлагающихся сектъ вырастаютъ новыя, еще болѣе злокачественныя и фанатичныя, еще болѣе беззащитныя въ выборѣ средствъ къ нападенію на православную Церковь и къ защитѣ своихъ лжеученій. Даже въ одряхлѣвшемъ молоканствѣ за послѣднее время замѣчается нѣкоторое оживленіе. Такъ въ недавнее время молоканство было взволновано рѣшеніемъ вопроса о крещеніи, къ чему вызвано было, съ одной стороны, проповѣдью православныхъ миссіонеровъ, а съ другой—пропагандой баптизма. Въ послѣднее время кавказскіе молокане селеній Воронцовки и Ново-Михайловки, Тифлисской губерніи, раздѣлились на двѣ враждующія партіи, одна изъ которыхъ (преимущественно старики) отстаиваетъ „святое лобзаніе“, а другая, ревнуя своихъ женъ, порицаетъ обрядъ цѣлованія во время молитвенныхъ собраній по воскреснымъ днямъ. „Цѣловальники“, какъ особая секта, явленіе, строго говоря, совершенно новое въ нашемъ русскомъ сектантствѣ и свойственное исключительно пока Кавказу. Основателемъ кавказскаго „цѣловальничества“ является нѣкто Лукьянъ Петровъ, человѣкъ развратнаго поведенія, который проповѣдывалъ духовную любовь, ходилъ съ дѣвушками въ баню... и ему вѣрили, нисколько не колеблясь, и вѣра послѣдователей пошатнулась тогда только, когда изъ дѣвушекъ двѣ родили.

Впослѣдствіи Лукьянъ Петровичъ перешелъ въ прыгуны, и многіе изъ прыгуновъ по настоящее время ожидаютъ его второго пришествія судить живыхъ и мертвыхъ.

Сектанты-цѣловальники основываютъ свое ученіе на словахъ священнаго Писанія: „цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ“ (Рим. XVI, 16) и потому свои обрядовые поцѣлуй называютъ не „серафимовскими поцѣлуями“, а „святымъ лобзаніемъ“ и въ подтвержденіе того, что именно необходимо цѣловаться во время общественнаго моленія, приводятъ слѣдующіе примѣры изъ священнаго Писанія.

1) Встрѣча Исава и Иакова, по возвращеніи Иакова изъ Месопотаміи, когда братья обнялись, поцѣловались послѣ долгой разлуки и плакали (Быт. XXXIII, 4).

2) Встрѣча Моисея съ Аарономъ, по возвращеніи изъ Мадіамской земли, когда Ааронъ поцѣловалъ Моисея (Исходъ IV, 27).

3) Изъ новаго завѣта приводятъ то обстоятельство, что когда женщина—грѣшница въ домѣ фарисея Симона облила ноги Господа драгоценнымъ алавастровымъ мѣромъ и начала омывать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, то Іисусъ сказалъ Симону: „ты цѣлованія Мнѣ не далъ, а она съ тѣхъ поръ, какъ Я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у меня ноги“ (Лук. VII, 45).

4) Когда апостолъ Павелъ послѣ трехлѣтней проповѣди въ Асіи, въ городѣ Милетѣ, обратился къ Ефесскимъ пресвитерамъ съ прощальнымъ словомъ и объявилъ, что онъ по влеченію духа идетъ въ Іерусалимъ, гдѣ узы и скорбь ждутъ его, то растроганные словомъ ап. Павла, прощаясь, всѣ подняли плачъ и, падая на выю Павла, цѣловали его, скорбя особенно отъ сказаннаго имъ (Павломъ) слова, что они уже не увидятъ лица его (Дѣян. Ап. гл. XX, 37—38) (Дух. Вѣстн. Груз. Экзарх. 1901 № 6—7). Обозрѣвая состояніе сектантства въ Тамбовской епархіи, мѣстный епархіальный миссіонеръ между прочимъ пишетъ, что молоканство тамъ распадается на двѣ до крайности противоположныя группы. Первая—это молокане, еще вѣрные завѣтамъ Уклеина. Въ своихъ отношеніяхъ къ православной Церкви они не проявляютъ той фанатичной ненависти, какая присуща штундистамъ. Духъ прозелитизма если и присущъ имъ, то исключительно на религіозной почвѣ, чуждый социальныхъ тенденцій. Вѣра въ божество Іисуса Христа и богодухновенность св. Писанія непоколебима. Въ нравственной жизни они подходятъ подъ общій уровень съ православными. Вторая группа—это молокане только по имени. Отвергая Божество Іисуса Христа, признавая его простымъ человѣкомъ—сыномъ Іосифа и Маріи, они и ученіе его ставятъ не выше ученія Будды и Л. Толстого. Писанія апостольскія признаютъ искаженными и полными взаимныхъ противорѣчій, поэтому Библіей пользуются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она якобы оправдываетъ ихъ ученіе; все же, что не согласуется въ ней съ ихъ взглядами, не только отрицается ими, но даже кощунственно осмѣивается. Свое ученіе они почерпаютъ изъ разныхъ подпольныхъ брошюръ, въ родѣ „Хитрой Механики“ изъ сочиненія Хельницкаго („Сѣтъ вѣры“), Э. Ренана („Жизнь Іисуса“) и особенно изъ подпольныхъ сочиненій Л. Толстого, которыя съ быстротою телеграфа доставляются имъ. Такъ, не успѣлъ послѣдній романъ Толстого „Воскресеніе“ появиться въ печати, какъ уже нѣко-

торыя главы его, не пропущенныя цензурою, особенно касающіяся ученія православной Церкви, читались этими сектантами въ рукописяхъ. Приходя путемъ чтенія этихъ книгъ къ полному атеизму, заражаясь идеями социалистическими и анархическими, они фанатично стремятся проводить ихъ въ жизнь. Прозелитизмъ этой партіи молоканъ не уступаетъ прозелитизму штундистовъ. Въ нравственномъ отношеніи они отличаются крайнею распущенностью: пьянство, воровство, развратъ, поджоги, убійства—явленія, далеко не рѣдкія въ ихъ быту. Старомолоканы, глядя на бывшихъ своихъ собратьевъ, съ грустью покачиваютъ головами и сторонятся отъ этихъ новаторовъ, справедливо называя ихъ „безбожниками“ и „толстовцами“ (Тамб. Епарх. Вѣд.).

Особенно сильнымъ сектантскимъ броженіемъ охваченъ за послѣднее время Прибалтійскій край. Нигдѣ не возникаетъ такъ много новыхъ самыхъ дикихъ и изуверныхъ сектъ, какъ тамъ. Въ 1900 г. въ г. Вейсенштейнѣ явилась секта, „пророки“ которой проповѣдуютъ уже не „перекрещиваніе, какъ бывшіе здѣсь прежде баптисты, а „перепразднованіе“ воскресенія. Ссылаясь на ветхій заветъ, они утверждаютъ, что Богъ создалъ для отдыха седьмой день, а потому празднуютъ не воскресенье, а субботу. Послѣдователи этой секты не признаютъ ни Церкви, ни іерархіи и учатъ, что всякій можетъ проповѣдывать, лишь только почувствуетъ въ себѣ присутствіе „духа“. Толкуя св. Писаніе подъ вліяніемъ этого духа, сектанты впадаютъ въ большія странности. Такъ одинъ изъ „пророковъ“ секты, переходя изъ г. Вейсенштейна въ Гапсаль, бросилъ сапоги и кошельки и пошелъ далѣе въ однихъ чулкахъ, такъ какъ „духъ“ будто бы открылъ ему, что нельзя носить съ собою „мамоны“. Бездѣятельная жизнь считается у сектантовъ за великую добродѣтель.—Въ Лифляндской губерніи явились проповѣдники, убѣждающіе крестьянъ не строить больше домовъ, такъ какъ скоро будетъ свѣтопреставленіе; если у кого есть деньги, то проповѣдники принимаютъ ихъ „на храненіе“. Нѣкоторые же изъ проповѣдниковъ этихъ, возвѣщая о скорой кончинѣ міра, совѣтуютъ остающееся время проводить въ оргіяхъ.—Въ Ригѣ появилась изуверная секта самосожигателей. Одна изъ послѣдовательницъ ея, явившаяся потомъ за медицинской помощію, сожгла себѣ на свѣчѣ пальцы лѣвой руки, причемъ самосожиганіе она производила изъ дня въ день, сжигая по одному пальцу ежедневно. Секта, къ которой принадлежитъ несчастная, носитъ странное названіе—„Спасителя желудка“.—На страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ нами было уже отмѣчено появленіе въ Прибалтійскомъ краѣ цѣлыхъ обществъ такъ называемыхъ „вольновѣрцевъ“, или „чтецовъ“, которые, не имѣя ни своего опредѣленнаго вѣроученія, ни обрядовъ, ни правиль-

ной организаціи, представляютъ самую благопріятную почву для развитія всевозможныхъ сектантскихъ бредней. Въ Эстляндіи общества „чтецовъ“ охвачены въ настоящее время сильнымъ мистическимъ движеніемъ. Собранія сектантовъ, происходящія по ночамъ въ душныхъ избахъ, сопровождаются радѣніями, доводящими участниковъ ихъ до экстаза и галлюцинацій. Особенно сильному религіозному экстазу подвергаются женщины. Зрители, заражаясь нервнымъ возбужденіемъ, становятся невольными участниками сектантскихъ радѣній. На этой почвѣ являются разные нервныя болѣзни: истерика, меланхолія и даже умопомѣшательство, поэтому и число душевно-больныхъ въ Эстляндіи за послѣднее время увеличивается. Это сектантское движеніе разстроило много семействъ и разорило много хозяйствъ. Жены бросаютъ дома для радѣній и доводятъ себя до разстройства физическаго и душевнаго; мужья бросаютъ занятія, продаютъ имущество и тратятъ деньги на содержаніе учителей-проповѣдниковъ. Лютеранскіе пасторы на своемъ собраніи объявили это движеніе дѣломъ Духа Святаго и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приняли его подъ свое руководство, чѣмъ сообщили ему болѣе правильное и спокойное теченіе. Но въ большинствѣ случаевъ это не удавалось, и сектантство продолжало вносить въ народъ всѣ свои вредныя послѣдствія. Когда это сектантское движеніе стало проявляться въ нарушеніяхъ общественнаго порядка, и гражданская власть въслѣдствіе этого стала ограничивать ночныя сборища сектантовъ и бродяжничество ихъ пророковъ, тогда часть сектантовъ вступила въ дозволенное закономъ общество баптистовъ, а другая, большая часть, вошла въ составъ лютеранскихъ приходовъ, продолжая свои дѣйствія подъ защитою лютеранскихъ пасторовъ. Въ теченіе недѣли имъ проповѣдуютъ ирвингіане, меннониты, адвентисты и др., а въ воскресенье они съ увлеченіемъ слушаютъ своего пастора, котораго вчера жестоко порицали. Такимъ способомъ сектанты избѣгаютъ вмѣшательства полиціи, не имѣющей права касаться домашнихъ дѣлъ лютеранскихъ обществъ. По сообщенію Эстонской лютеранской печати, многіе, утомленные безплодными поисками истины въ различныхъ сектахъ, ищутъ въ православіи удовлетворенія своихъ религіозныхъ запросовъ и нравственнаго успокоенія.

Въ жизни современнаго старообрядческаго раскола обращаютъ на себя вниманіе новые способы и приемы, употребляемые вожаками его въ защитѣ своихъ лжеученій и въ нападеніи на православную Церковь. Въ этомъ отношеніи они существенно отличаются отъ своихъ предшественниковъ. Тогда какъ прежніе раскольническіе писатели и начетчики почерпали свои доказательства въ защиту раскола и возраженія противъ православной Церкви исключительно изъ

старопечатныхъ книгъ, предпочитая ихъ даже свящ. Писанію, нынѣшніе вожакі раскола не считаютъ этихъ книгъ непреложно-нужными и ищутъ себѣ помощи не только въ сочиненіяхъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей „ніконіанской“ Церкви, но даже въ книгахъ иностранныхъ,—католическихъ и протестантскихъ и даже въ подпольныхъ изданіяхъ. Напр., о раскольникахъ Кишиневской епархіи мѣстный миссіонеръ сообщаетъ, что они даже на публичныхъ бесѣдахъ не стѣсняются защищаться подпольными изданіями, напечатанными за границею апологетами раскола. Въ селѣ Куничномъ, Сорокского уѣзда, на бесѣдахъ въ маѣ и октябрѣ, раскольниковскій начетчикъ Николай Кавуновъ почерпалъ свои доказательства изъ „Краткой исторіи древнеправославной Россійской Церкви священства“, изданной раскольниками въ Яссахъ, а Грубенскіе начетчики Сергѣй Яблочниковъ и Левъ Дубовяковъ защищались 2-мъ томомъ „Историческихъ изслѣдованій“ жида Карловича и книгою заграничнаго же изданія, содержащую критическій разборъ окружнаго посланія. Между бессарабскими раскольниками обращается немало и другихъ книгъ заграничнаго изданія, написанныхъ въ защиту раскола и противъ православной Церкви. Однѣ изъ этихъ книгъ напечатаны, а большинство литографированы. Больше всего распространены въ сѣверной Бессарабіи слѣдующія раскольническія изданія: 1) „Бесѣды Мельниковыхъ въ посадѣ Городнѣ съ Гомельскимъ миссіонеромъ о. Алексѣемъ“ (сочиненіе Теодора Мельникова); 2) „Бесѣда въ Москвѣ, 2-го декабря 1839 г. старообрядцевъ, пріемлющихъ окружное посланіе, съ нѣконіанскими миссіонерами“ (его же); 3) „Апологія С.-Петербургской бесѣды“; 4) „Отвѣтъ обвиняющимъ въ богословской ереси уставъ Бѣлокриницкій и мою защиту оному“ (сочин. Швецова, эта книжка имѣетъ дату: октября 22 1892-го года); 5) „Показаніе всеоудержности двуперстнаго сложенія въ древней православной Церкви и погрѣшностей противу святаго Евангелія въ новообрядствующей Греко-Россійской Церкви“ (Яссы, 1888 г.); 6) „Ложный обвинитель старообрядствующей іерархіи безповецъ К. Голубевъ“; 7) „Другопремство рукоположенія, нисходящаго отъ святыхъ апостоловъ въ старообрядствующей іерархіи“; 8) „Книга объ антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ“ (Яссы, 1888 г.); 9) „Жизнь Амвросія, митрополита Бѣлокриницкаго“ (сочин. Василія Мельникова); 10) „Жизнь архіепископа Антонія Московскаго“ (сочин. Швецова); 11) „Очеркъ на разборъ М. Шустова апологіи старообрядствующей іерархіи А. Швецова“; 12) „Разборъ письма Трофима Виссаріоновича Альгина“ (сочин. Василія Мельникова); 13) „О сущности и свойствахъ Церкви Христовой, исповѣдуемой въ православномъ символѣ вѣры“ (сочиненіе Арсенія Швецова и Василія Мельникова; издано

ноября 18-го 1894 г.); 14) „О паденіи Восточной Церкви“; 15) „Отвѣты старообрядцевъ миссіонеру господствующей Церкви В. Агапову, Ярославской епархіи“; 16) „Отвѣты на вопросы безпоповцевъ—отрицанцевъ першинскаго толка“ (сочин. Швецова); 17) „Три письма Иллариона Георгіевича, автора Окружнаго посланія“; 18) „Инока Нила краткое сказаніе о изысканіи ко вдовствующей многолѣтної святой Церкви безъ епископовъ, о убѣжденіи во истинномъ благочестіи митрополита Амвросія, о водвореніи и священнодѣйствіи его въ Бѣлой Криницѣ, и о изгнаніи его въ заточеніе и блаженной кончинѣ его жизни“ и мн. другія (Кишиневскія Епарх. Вѣд.). Немало подпольныхъ изданій распространено и среди раскольниковъ другихъ мѣстностей. Напримѣръ, среди донскихъ старообрядцевъ извѣстно до 60 названій подпольныхъ сочиненій, большая часть которыхъ принадлежитъ перу Василія Механикова, бывшаго лжепопомъ въ Ростовѣ на Дону и—безпоповщинскаго начетчика Батова.

Самую примѣчательную особенность новѣйшихъ раскольниковыхъ писателей, по замѣчанію извѣстнаго расколовѣда Н. И. Субботина ¹⁾, составляетъ господствующая въ ихъ сочиненіяхъ озлобленная и крайне дерзкая брань на православную Церковь, ея священноначаліе и защитниковъ, подвизающихся въ борьбѣ съ расколомъ. Въ этомъ сходство современныхъ апологетовъ раскола съ прежними, нѣкоторые же изъ нихъ превзошли своею дерзостью въ этомъ отношеніи даже знаменитаго протопопа Аввакума...

А. О.

Московскій расколъ.

Хлопоты заправилъ раскола о возвращеніи изгнаннаго Картушина и управленіе дѣлами безъ него.—Соборъ по поводу подписки Картушина.—„Исповѣданіе вѣры“ Арсенія Уральскаго и попа Механикова.—Возвращеніе Картушина.—Прерванный соборъ.—Дворникъ—кандидатъ въ гопы за разсудительность и длинную бороду.—Жизнь раскольниковъ архіерея.—Судьба Апухтинки.—Соборы.

Чтобы пополнить перерывъ въ нашихъ сообщеніяхъ о жизни московскихъ раскольниковъ, намъ придется вернуться нѣсколько назадъ и начать повѣствованіе съ того момента, какъ самочинный раскольникій архіерей, Іоаннъ Картушинъ, волей или неволей покинулъ Москву Бѣлокаменную.

Такъ какъ ходили слухи, что владыка раскольникій Іустинъ удаленъ изъ Москвы властями предержащими, то

¹⁾ См. статью его—„Мысли и замѣтки по вопросамъ о расколѣ“ „Душеполезное Чтеніе“ Январь 1901 г.

столпы и адаманты московскаго раскола въ лицѣ толстосумовъ-купцовъ начали всюду хлопотать, чтобы „оборудовать“ возвращеніе въ Москву изгнаннаго донскаго казака Іустина Картушина, а пока что, со всѣми текущими дѣлами по раскольничьей „епархіи“ было приказано обращаться къ попамъ Алексѣю Новикову изъ Каринкинской моленной и Вареолюмею изъ Шибаевской. Частью дѣла, вершились на общихъ собраніяхъ, созывавшихся названными попами, частью же отсылались для резолюцій покинувшему Москву лжеархіерею.

Въ началѣ октября дѣло „о возвращеніи“ въ Москву заправиламъ раскола въ Москвѣ показалось настолько подвижшимся, что они гашли своевременнымъ отправить къ Іустину Картушину депутацію съ г. Мусоринымъ во главѣ. По возвращеніи депутаціи (въ половинѣ октября прошлаго года) было объявлено, что „владыка“ скоро возвратится и будетъ якобы восстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ.

Такое извѣстіе, однако, смутило нѣкоторыхъ изъ проживавшихъ въ Москвѣ раскольничьихъ архіереевъ, и по ихъ почину въ квартирѣ Ѳ. С. Рахманова былъ созванъ соборъ, который долженъ былъ рѣшить, можно ли принять въ прежнихъ правахъ Картушина, послѣ того, какъ всѣмъ извѣстно, что и онъ, подобно своему предшественнику, покойному Саватию, далъ полицейскимъ властямъ подписку не именоваться архіепископомъ московскимъ. Хотя аргументъ этотъ и былъ весьма вѣсокъ, тѣмъ не менѣе, собравшіеся на соборъ попы и лжеархіереи раскольничьи были убѣждены Ѳ. С. Рахмановымъ, что слѣдуетъ принять владыку, ибо безъ такой подписки едва ли кому и другому изъ архіереевъ старообрядческихъ можно будетъ впредь проживать въ Москвѣ; „да и что же такое подписка,—говорилъ ораторъ,—подписка эта вынужденная, ее, пожалуй, вѣдь можно и не исполнять“. На томъ и порѣшили, тѣмъ болѣе, что возвращеніе въ Москву перваго по важности занимаемаго мѣста архіерея раскольничьяго было весьма желательно, чтобы созвать соборъ для суда надъ пресловутымъ Арсеніемъ, старообрядческимъ епископомъ уральскимъ и временно нижегородскимъ, котораго извѣстный въ расколѣ попъ-писатель Василій Механиковъ обозвалъ въ своемъ сочиненіи еретикомъ, за то, что Арсеній, онъ же Онисимъ Васильевичъ Швецовъ, держится ученія Павла Бѣлокриницкаго о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія, въ своемъ „Исповѣданіи Православной вѣры“.

Для рѣшенія вопроса о томъ, кто правъ—Онисимъ Васильевичъ или его оппонентъ, Василій Механиковъ, въ концѣ октября и въ началѣ ноября прошлаго года состоялся цѣлый рядъ соборныхъ засѣданій въ разныхъ мѣстахъ, то у Мусорина, то на Рогожскомъ кладбищѣ, въ квартирѣ попа Елисея...

Засѣданія эти закончились обоюднымъ соглашеніемъ Арсенія и Механикова, выраженнымъ ими въ нижеслѣдующемъ исповѣданіи вѣры, подписанномъ тѣмъ и другимъ.

„Вслѣдствіе происшедшихъ между нами нежелательныхъ пререканій по вопросу о единоначаліи Божества и Троичности лицъ, мы, при личной бесѣдѣ, по довольномъ обмѣнѣ мыслей, пришли къ одному убѣжденію, что по вѣрѣ во святую Троицу мы оба православны. Посему, въ прекращеніе между нами пререканій, симъ объявляемъ, что сочиненія наши: мое—священника Василия „Критическій разборъ защиты Бѣлокриницкаго устава“ въ двухъ редакціяхъ (1892) и мое—епископа Арсенія „Исповѣданіе вѣры“ (отъ 20 октября 1899 г.) отселѣ считаемъ недѣйствительными. При томъ, если кому кажутся мои—епископа Арсенія, въ разсужденіи о богословіи Бѣлокриницкаго устава выраженія неточными, изъ коихъ и я самъ нѣкія признаю таковыми, пусть тотъ, не придавая имъ никакого значенія и считая ихъ какъ бы не существующими, слѣдуетъ св. Писанію и ученію святыхъ отецъ. Въ удостовѣреніе же того, что мы содержимъ Православную вѣру, помѣщаемъ здѣсь ежедневно читаемый нами символъ православной вѣры, еже есть“.

(Слѣдуетъ полностью Символъ вѣры въ старообрядческой, конечно, редакціи).

„Въ согласность же сего истиннаго и спасительнаго исповѣданія православной вѣры, купно со св. Григоріемъ Оесалоникійскимъ глаголемъ: „Единъ Богъ, Иже прежде всѣхъ, и надъ всѣми и во всѣхъ, и паче всего въ Отцѣ, и Сынъ и Святѣмъ Дусѣ, отъ насъ вѣруемый и поклоняемый, Единица въ Троицѣ, неслиянно соединяема и нераздѣльно раздѣляема. Единица тожде и Троица всесильная, Отецъ безначаленъ, не точію яко безлѣтенъ, но по всякому образу неповиненъ; едина вина, корень и источникъ, еже въ Сынѣ и Св. Дусѣ, зримаго Божества, едина вина предначинательная бывшихъ. Не Единъ Содѣтель, но Единъ Единому Сыну Отецъ и Единому Духу Святый Предложитель. Больши Сына и Духа, точію симъ яко виновенъ, ина же вся тожде и тѣмъ единочастенъ. Его же Сынъ—Единъ, безначаленъ, убо яко безлѣтенъ; не безначаленъ же Сынъ, яко начало и корень и источникъ имый Отца; отъ Него же Единаго прежде всѣхъ вѣкъ, безплотенъ, неизмѣненъ, безстрастенъ, рожденъ, происхожденъ. Не раздѣлися Богъ-Сынъ отъ Бога; не инъ, убо по Ему же Богъ, ниже по Ему же Сынъ, но присно Сынъ сый и точію яко присно въ Бозѣ неслиянъ Сынъ сый, а не вина и начало еже въ Троицѣ разумѣаемаго Божества; но яко отъ вины и начала сый отъ Отца, вина же и начало всѣмъ Сынъ, яко тѣмъ вся быша. Духа Святаго собезначальна суща Отцу и Сыну, яко безлѣтна; не безначаленъ же, яко и той корень и источникъ и вину имый отъ Отца, не яко рожденъ,

но исходнѣ; отъ Отца, бо и той прежде вѣкъ, неизмѣннѣ, безстрастнѣ, не рожденнѣ, но исходнѣ пройде, нераздѣльна суща Отца и Сына, яко отъ Отца происходяща и на Сынѣ почивающая, неслияннѣ соединеніе имѣя и нераздѣльнѣ раздѣленіе“. (Кн. Кирилла Іерусалимскаго гл. 37, первое посланіе Мелетія, ст. 413, 414).

Вмѣстѣ съ симъ приедемъ все священное Писаніе и ученіе свв. отецъ, которымъ мы всегда слѣдовали и слѣдуемъ, во славу Святыя Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы. Аминь, 10 ноября 1900 года.

Подлинное подписали: смиренный Арсеній старообрядческій епископъ уральскій и временно нижегородскій, старообрядческій священникъ Василій Механиковъ.

Исповѣданіе сіе къ прекращенію пререканій между епископомъ Арсеніемъ и священникомъ Василіемъ Механиковымъ принялъ смиренный Іоаннъ архіепископъ старообрядческій“.

Такимъ образомъ прекратилась давнишняя распря между двумя раскольническими писателями, не мало смуты надѣлавшая въ средѣ ихъ собратій.

Какъ мы видѣли Картушинъ принималъ уже дѣятельное участіе на вышеуказанныхъ соборахъ, но тѣмъ не менѣе по возвращеніи своемъ въ Москву, онъ пріѣхалъ къ себѣ на подворье, а проживалъ сперва то за Москвой-рѣкой у Екaterины Егоровны, то за Семеновской заставой у Пелагеи Ивановны Миловановой; къ этимъ ревнительницамъ древляго благочестія ѣздили и попы съ дѣлами, и такъ, повидать владыку, который окончательно водворился въ свой рогожскій на Николо-ямской улицѣ тупикъ лишь послѣ Николина дня.

29-го декабря прошлаго года состоялся раскольничій соборъ на Нѣмецкомъ рынкѣ, въ квартирѣ попа при Шибаевской моленной. Собраніе было весьма шумное и многолюдное, толковали и редили по поводу затѣянныхъ Картушинымъ противоправославныхъ братствъ. Но въ самый разгаръ собранія оно было прервано неожиданнымъ визитомъ полиціи.

Замѣтивъ большой съѣздъ экипажей и освѣщеніе чуть ли не „а гіогно“, мѣстный полицейскій позвонилъ дворника и потребовалъ объясненія отъ него, что бы все сіе значило.

Дворникъ сообщилъ, что къ хозяину пріѣхали въ гости зятя, да владыка съ секретаремъ ненадолго завернули, а освѣщеніе, молъ, почти постоянно такое бываетъ.

Такъ отпрапортовалъ дворникъ о своемъ разговорѣ съ околоточнымъ надзирателемъ собору.

Не зная, удовлетворился ли полицейскій стражъ такимъ объясненіемъ дворника, или, быть можетъ, сталъ лично дожидаться разѣзда—многіе изъ присутствовавшихъ на соборѣ заблагоразсудили остаться ночевать, а лжевладыка Картушинъ, преподавъ благословеніе дворнику, сумѣвшему ловко

отвѣтить полицейскому, далъ ему пятирублевый золотой, похвалилъ его вѣрность и произрекъ: „вѣрные люди намъ нужны“.

Послѣдствіемъ этой фразы было то, что уже на другой день находившійся въ Москвѣ раскольниковскій лжеархіерей Іона Смѣленскій испытывалъ шибаевского дворника: не годится ли онъ въ попы, предложивъ ему читать вечерню.

Симень Гордѣвъ, такъ звали шибаевского дворника, оказался, правда, не очень искуснымъ въ чтеніи, но, принимая во вниманіе, что у него „большая борода“, слѣдовательно, осанка поповская, да къ тому же въ молодыхъ годахъ и самъ Іона не знатнаго былъ рода и съ Гордѣвымъ дѣлили компанію,—принимая, говоримъ, все это во вниманіе,—лжеархіерей Іона рѣшилъ попробовать отправить въ Калугу на испытаніе къ тамошнему попечителю Кожевникову.

Сказано—сдѣлано, снарядили Гордѣва и въ Калугу отправили, но тамъ и борода не вывезла, не понравилось его чтеніе, и его прислали, не солоно хлѣбавши, назадъ въ Москву. Такъ и провалилась кандидатура дворника въ попы.

Пока Картушинъ проживалъ у ревнительницъ „древляго благочестія“, его поклонники и почитатели, подготавливая раскольниковъ населеніе Москвы къ публичному появленію лжеархіерея въ моленныхъ собраніяхъ на богослуженіяхъ и проч., распускали дѣятельно слухи, что Картушинъ признанъ властями предержащими въ своемъ санѣ и теперь ему, якобы, безвозбранно разрѣшено проживать въ Москвѣ подъ именемъ архіепископа старообрядческаго. И самъ Іустинъ-казакъ подкрѣплялъ подобные слухи, рассказывая при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ много пришлось перенести и пострадать ему за свое архіепископство и какъ теперь все это уладилось.

Послѣ Николина дня Картушинъ, водворившись къ себѣ въ Рогожскій тупикъ, зажилъ какъ и до отъѣзда своего изъ Москвы, занимаясь текущими дѣлами, объѣзжая моленная, совершая торжественныя службы по приглашенію и по собственному желанію на старомъ пепелищѣ старообрядческихъ московскихъ архіереевъ—на пресловутой Апухтинкѣ.

Вообще за послѣднее время Картушинъ что-то очень любилъ Апухтинку, да и самое это архіерейское подворье стало теперь неузнаваемо все благодаря тому же Іустину казаку.

Произошло обновленіе Апухтинки слѣдующимъ образомъ. Однажды, совершая здѣсь богослуженіе, Картушинъ обратился къ собравшемуся народу съ трогательной рѣчью о значеніи этого гнѣзда московскаго раскола для старообрядцевъ.

„Православные христіане,—говорилъ раскольниковскій ора-

торъ,—всякій русскій отъ Москвы и до Сибири знаетъ, что въ московскомъ кремлѣ находится храмъ Успенія Богоматери съ его святынями... Малъ и невзраченъ нашъ храмъ тоже во имя Успенія Богоматери, въ которомъ нынѣ мы молимся Господу Богу (на Апухтинкѣ), но великъ онъ и извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границею по своему внушительному значенію для древле-православной церкви!“

„Сколько святителей, архіереевъ и іереевъ вышло изъ этого храма, потрудившихся и поработавшихъ на пользу нашей церкви древле-православной. По истинѣ можно сказать, что храмъ сей является какъ бы хранителемъ апостольскаго и святыхъ отцевъ Церкви ученія, какъ свѣтоносный столбъ во мракѣ никоніанскихъ заблужденій!“

„Къ сожалѣнію, внѣшій видъ столь дорогого намъ храма не соотвѣтствуетъ столь великому его значенію. И, вотъ, я рѣшилъ обратить вниманіе на его благолѣпіе, а посему предлагаю вамъ избрать изъ своей среды попечителей сего храма и возложить на нихъ обязанность расширить и украсить сей нашъ храмъ и привести его въ видъ, какой и подобаешь дому Божію!“

Такъ говорилъ нарядившійся въ архіерейское облаченіе казацкій урядникъ Іустинъ Картушинъ и тронулъ онъ сердца молящихся. Потекли изъ очей у нихъ слезы умиленія, а изъ туги набитыхъ бумажниковъ пожертвованія на обновленіе Апухтинской моленной, которая, къ слову сказать, до сихъ поръ ужъ дѣйствительно плачевный видъ имѣла, до того плачевный, что Ѳ. С. Рахмановъ отзывался о ней, что это-де не храмъ, а „коптелка“ какая-то.

Теперь для Апухтинки настала новая эра. Избранные для ея обновленія попечитель П. Д. Шелапутинъ и попъ Антонъ, приходящійся, кажется, какимъ-то родственникомъ лжевладыкѣ Іоанну, дѣятельно принялись за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Прежде всего были выбраны внутреннія стѣны въ моленной, прорубили потолокъ и устроили въ немъ подобіе купола, высотой до шести аршинъ, вмѣсто походнаго иконостаса поставили новый капитальный, весь золоченый.

Видя такой грандіозный ремонтъ въ раскольникѣйшей моленной, сосѣди православные только руками разводили, какъ можетъ зайти нахальство раскольниковъ, что они даже въ столицахъ игнорируютъ предписаніе, запрещающее имъ поновлять старыя моленныя и возводить новыя. Но вотъ, къ великой радости православныхъ, прошли слухи, что на страстной недѣлѣ являлась на Апухтинку полиція и составила протоколъ по поводу ея обновленія. Но радость была не продолжительна: или слухи эти оказались неточными, или другія какія-либо произошли обстоятельства, но только Апухтинскую моленную старообрядцы додѣлали, освятили и

теперь по прежнему безвозбранно совершаютъ въ ней свои службы.

Послѣ пасхи раскольничій архіепископъ выѣхалъ на дачу, гдѣ собиравъ, какъ и въ прежнее время, собранія, засѣданія совѣта и проч., ѣздивъ Картушинъ по „епархіи“; словомъ, казалось, жизнь лжеархіерея вошла въ прежнюю колею, и лишь время отъ времени правильное ея теченіе нарушалось вызовами Картушина въ сыскное отдѣленіе московской полиціи. Повидимому, не очень-то страшился Картушинъ этихъ поѣздокъ, такъ какъ всѣ текущія дѣла продолжалъ безостановочно и не стѣснялся созывать засѣданія совѣтовъ не только на дачѣ, но и въ самой Москвѣ.

Послѣдними изъ этихъ засѣданій были: одно 21-го іюня въ домѣ Шibaева на Пустой улицѣ и другое подѣ его предсѣдательствомъ послѣ Казанской, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Засѣданія эти были очень интересны, но что на нихъ происходило—это мы сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Алексѣй В—овъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Лѣтописъ духовной печати по вопросамъ миссіи и расколовъ сектантства.

Идеалы православнаго инородческаго миссіонерства Прав. Соб., июль—сент.). Значеніе Церкви въ жизни христіанина (Странникъ, апрѣль—августъ).

Въ *Правосл. Собес.* продолжается печатаніемъ изслѣдованіе іером. Діонисія— „*Идеалы православно-русскаго инородческаго миссіонерства*“. Авторъ въ главѣ третьей своего труда характеризуетъ душевную настроенность миссіонера, его отношенія къ инородцамъ и взаимныя отношенія миссіонеровъ между собою.—Миссіонеръ, какъ и всякій пастырь Церкви, по утвержденію автора, долженъ быть прежде всего *человѣкомъ идеи* (курсивъ всюду автора), чтобы ни на минуту не покидать того знаменія христіанской истины и добродѣтели, которыя проповѣдывать и защищать онъ призванъ. Твердость и величіе духа, т. е. *исповѣдническое* настроеніе миссіонера поддерживаютъ и ободряютъ новообращенныхъ, и благопріятно воздѣйствуютъ на непросвѣщенныхъ еще. Напротивъ, неубѣжденность проповѣдника, его колебанія смущаютъ слушателей, соблазняютъ ихъ. И для самихъ же проповѣдниковъ ихъ всецѣлая преданность волѣ Божіей, трудное упованіе на Бога и вѣра въ Его о насъ промышленіе необходимы и потому еще, что все это, дѣлая ихъ великими исповѣдниками за имя Христово, укрѣпляло ихъ и давало имъ силы къ перенесенію и нравственныхъ страданій, и чисто физическихъ трудовъ и опасностей.—Отношенія къ инородцамъ должны быть основаны на любви и состраданіи къ нимъ. Всѣ благовѣстники наши были людьми отзывчивыми къ ближнимъ, мягкими, снисходительными. Эта любовь ихъ была тѣмъ сильнѣе къ людямъ, чѣмъ люди эти, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, были грѣшнѣе и испорченнѣе и, сѣд., болѣе нуждались въ нравственномъ врачеваніи. Само собою понятно, что невозможны были, конечно, со стороны ихъ никакія насилія, притѣсненія, вымогательства, а тѣмъ болѣе—истязанія инородцевъ. Не внѣшнею силою, не логическими доказательствами, не краснорѣчіемъ своимъ при-

водили они темныя языческія массы ко Христу, а своимъ *непосредственнымъ* добрымъ вліяніемъ на нихъ, своею любовію къ нимъ, заставлявшей трепетать и биться ихъ грубыя сердца. Лучшимъ нравственно-воздѣйствующимъ проявленіемъ этой любви служила молитва миссіонеровъ о заблудшихся.—Во взаимныхъ отношеніяхъ миссіонеровъ должны быть сердечное расположеніе одного къ другому, взаимная братская любовь, исключаящая всякую среди нихъ зависть и соперничество, недружелюбіе и раздоры.

Въ главѣ четвертой авторъ разсуждаетъ о способахъ воздѣйствія на язычниковъ: о началѣ сношеній съ инородцами, о проповѣди, о храмахъ и богослуженіи, о школахъ и просвѣщеніи.—Всѣ православные благовѣстники, прибывъ на мѣсто своего служенія, не сразу же приступали къ прямой проповѣди, а сначала завязывали съ инородцами чисто-бытовыя, житейскія сношенія, начинали знакомиться съ ними, пріучали ихъ къ себѣ и настолько входили къ нимъ въ довѣріе. что дѣлались для нихъ необходимыми въ ихъ же собственномъ сознаніи! Въ это же время они изучали ихъ языкъ, вѣрованія, нравы, весь общественный и семейный ихъ бытъ. Послѣ этого они приступали ужъ къ прямой проповѣди среди язычниковъ. По характеру своему проповѣдь миссіонера представляетъ *общепонятную* для народа бесѣду; тонъ ея—мягкій, кроткій, дышащій любовію; содержаніемъ ея были существенныя истины христіанской вѣры и нравственности. На вопросъ о томъ, нуженъ ли въ миссіонерской проповѣди *полемиическій* элементъ?—авторъ отвѣчаетъ двояко: въ проповѣди среди *язычниковъ* этотъ элементъ онъ признаетъ необходимымъ; а въ проповѣди среди *мусаммеданъ* полемику признаетъ излишней и бесполезной. Эти, по словамъ автора, какъ и наши старообрядцы, очень неискренни, а вслѣдствіе своего фанатизма и нравственнаго разслабленія сводятъ, обыкновенно, разговоры и разсужденія къ софистикѣ и діалектическимъ спорамъ.—Предъ крещеніемъ инородцевъ авторъ сильно настаиваетъ на самомъ тщательномъ испытѣ твердости и искренности ихъ вѣры и присоединять къ Церкви безъ всякихъ наградъ и подарковъ, разслабляющихъ и развращающихъ невѣжественный народъ.—Богослуженіе для крещенныхъ инородцевъ и школы для нихъ и для некрещенныхъ авторъ признаетъ настолько необходимыми, что отказывается представить и самую миссію безъ нихъ. Но богослуженіе, какъ и обученіе въ школахъ, необходимо должно вестись на инородческихъ языкахъ. Эту свою мысль авторъ весьма подробно и толково обосновываетъ и выясняетъ—данными психологіи, свидѣтельствами исторіи и ссылками на авторитетныхъ представителей миссіи и науки.

Въ „Странникъ“ заканчивается печатаніемъ статья г. Кремлевскаго „*значеніе Церкви въ жизни христіанина*“. Выяс-

нивъ понятіе о Церкви и показавъ необходимость благодати Божіей человѣку отъ самаго начала его христіанской жизни до самой смерти, авторъ старается доказать, что человѣку, существу психофизическому, для его спасенія нужна еще особая руководящая ко Христу церковная внѣшность.—Человѣку-христіанину прежде всего необходимо нужно принадлежать къ обществу подобныхъ ему христіанъ. Эта принадлежность облегчаетъ ему непосильную для него одного борьбу съ его личными страстями и соблазнами міра, помогаетъ ему достигать цѣли его—не только личнаго нравственнаго совершенства, но и быть „солью земли“, „свѣтомъ міра“.. Внутреннимъ объединяющимъ началомъ для всѣхъ членовъ въ обществѣ, въ Церкви, съ объективной стороны является Самъ Христосъ Спаситель и Духъ Божій,—а съ субъективной—единый духъ вѣры и любви, связующій всѣхъ въ одно духовное тѣло. Но такъ какъ всякое общество, при одномъ чисто внутреннемъ духовномъ единеніи, безъ внѣшняго объединенія, неизбежно должно распадаться на единицы, то и Церковь не можетъ обойтись безъ внѣшности, безъ видимаго устройства и формъ. Внѣшность же эта опредѣляется психофизической природой человѣка. Религіозно-нравственное чувство человѣка, если оно питается только внутри человѣка, не получая впечатлѣній совнѣ и само не обнаруживаясь чрезъ тѣло, никогда не будетъ имѣть достаточной энергіи и силы; для его воспитанія и сохраненія необходима особая религіозная внѣшность, церковныя формы,—эта атмосфера, которой дышетъ христіанское чувство. Отсюда авторъ выводитъ необходимость для христіанъ—храма съ его устройствомъ и богослуженіемъ и неизбежную естественность молитвы его къ Богу, какъ главнаго выразителя религіознаго чувства и самаго высшаго проявленія духовной жизни христіанина.

Выяснивъ и обосновавъ необходимость и естественность церковной внѣшности въ жизни христіанина, авторъ рѣшаетъ возраженія противъ нея. Возражаютъ прежде всего противъ обилія и общеобязательности церковной внѣшности, требуя свободной молитвы и ссылаясь на слова Спасителя о тайной молитвѣ „въ комнатѣ“, безъ „говоренія лишняго“ (Мѣ. VI, 6—7). Г. Кремлевскій доказываетъ, что Господь не противъ общественной молитвы, а противъ злоупотребленій ею. Остроумными сопоставленіями авторъ выясняетъ, что подъ „комнатой“ нужно разумѣть сердце человѣка, а подъ „говореніемъ лишняго“—говореніе или обращеніе къ Богу съ молитвою, которая не достойна Его,—прошеніе у Бога того, что не на пользу человѣку. И Самъ Господь, и Его апостолы, и Его великіе подвижники никогда не обходились безъ молитвы церковной и готовыхъ формъ ея. Церковная внѣшность, что школа, даетъ систематическое церковно-христіанское воспи-

таніе; поэтому христіанинъ самъ, внутри себя, чувствуетъ и находитъ потребность въ общей церковной молитвѣ, особенно во время переживаемыхъ имъ горя или радости. Свобода же духовной церковная внѣшность не нарушаетъ. Свобода въ Церкви не есть личный произволъ, а добровольное освобожденіе себя отъ узъ себялюбивой гордости, когда христіанинъ самоотверженно приноситъ себя въ жертву и охотно подчиняется Церкви. Притомъ Церковь не навязываетъ, а лишь предлагаетъ готовыя формы, формы для молитвы, наилучшія формы, созданныя свободнымъ произволеніемъ христіанскаго духа. Эти формы суть показатели и выразители бесѣды, общенія христіанина съ Богомъ. Безъ нихъ Церковь скоро утратила бы свое единство, распавшись на отдѣльныя единицы. Безъ внѣшняго единства не можетъ существовать и внутреннее единство въ духѣ. Поэтому за утратой церковнаго общенія обыкновенно всегда слѣдуетъ потеря религіознаго чувства, а вслѣдъ за тѣмъ происходитъ и упадокъ христіанской нравственности.—Но такъ какъ церковная внѣшность есть и во всѣхъ сектантскихъ обществахъ, то авторъ задается вопросомъ: можно ли приписывать нашей церковно-богослужебной внѣшности безусловно важное значеніе? Разсмотрѣвъ немного богослуженіе сектантовъ, главнымъ образомъ мистиковъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что въ ихъ богослуженіи нѣтъ и духа, и тѣмъ болѣе истины. Истинная же религіозная внѣшность должна быть, во-первыхъ, одна для всѣхъ христіанъ и не только настоящаго времени, но и всѣхъ временъ; во вторыхъ она должна соответствовать человѣческой природѣ и отвѣчать здоровому религіозно-нравственному чувству. Такова только наша церковная внѣшность.

Второе возраженіе противъ церковной внѣшности то, что она ведетъ къ пустому безжизненному формализму, который вредитъ христіанской жизни. Авторъ соглашается съ тѣмъ, что многіе къ вѣрѣ относятся формально, что вѣру полагаютъ въ обрядахъ и т. п., но винить въ этомъ не Церковь, а самихъ людей, которые не хотятъ исправить своей жизни, не хотятъ быть христіанами на дѣлѣ. Отрицать же изъ-за этого церковную внѣшность такъ же не резонно, какъ нельзя отрицать необходимости въ таинствѣ крещенія изъ-за того, что и послѣ крещенія всѣ грѣшаютъ? Эти свои мысли авторъ разъясняетъ и доказываетъ весьма подробно.

Возражаютъ еще, что церковная внѣшность нужна только для слабыхъ и необразованныхъ, а не для сильныхъ духомъ людей. Авторъ выясняетъ, что никто изъ людей не можетъ похвастаться за сильнаго духомъ, потому что падали даже и апостолы, и потому что идеалъ совершенства слишкомъ высокъ, а соблазновъ въ плоти и мірѣ очень много; да и у сильныхъ духомъ ихъ духовная жизнь всегда требуетъ оживленія,

которое можетъ быть почерпаемо по преимуществу изъ церковной внѣшности, и безъ котораго они могутъ стать мертвыми духомъ.

Заканчиваетъ авторъ свое изслѣдованіе вопросомъ о томъ, нужны ли для христіанской жизни спеціальныя, такъ сказать, средства благодати—таинства церковныя. Въ рѣшеніи этого новаго авторъ ничего не говоритъ. Онъ не признаетъ только за обстоятельство важное, что въ св. Писаніи не для всѣхъ таинствъ находятся ясныя указанія въ установленіи ихъ Иисусомъ Христомъ. По сему „преданіе установило семь таинствъ церковныхъ“, но это установленіе не есть дѣло человѣческое. Духъ Св., который постоянно пребываетъ и дѣйствуетъ въ Церкви Божіей, наставляетъ ее на всякую истину. Поэтому, что дѣлаетъ Церковь, дѣлаетъ подъ руководствомъ Божественнаго духа и согласно съ волею Спасителя; и поэтому, далѣе, все, что приняла и установила христіанская исторія, т. е. вся Церковь, мы признаемъ за истину, вполнѣ согласную съ божественной волей.

Э. О.

Свящ. Іуст. Ольшевскій, епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ и миссіонеръ Полтавской епархіи. Борьба со штундой.... Полтава. 1901 г., стр. 51.

Настоящая брошюра священника Ольшевскаго представляетъ изъ себя краткій конспективный обзоръ бесѣдъ о штундизмѣ, веденныхъ авторомъ при педагогическихъ курсахъ въ м. Карловкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской епархіи, въ сентябрѣ 1900 г. Въ настоящее время, когда идутъ заботы о привлеченіи къ внутренней миссіи не только низшихъ членовъ клира (діаконовъ и псаломщиковъ), учителей церковно-приходскихъ школъ, но и простецовъ—мирянъ, брошюра о. Ольшевскаго, написанная весьма живымъ и вразумительнымъ языкомъ и сообщающая существенныя элементарныя свѣдѣнія о штундѣ и о средствахъ успѣшной борьбы съ этимъ зломъ, явится важнымъ подспорьемъ для лицъ, непосредственно руководящихъ нашей приходской противосектантской миссіей.

Всѣхъ бесѣдъ въ брошюрѣ о. Ольшевскаго семь. Въ первой бесѣдѣ авторъ трактуетъ о происхожденіи и распространеніи штундизма. Штундизмъ есть наносное явленіе въ жизни русскаго народа; первоначально онъ появился въ Херсонской губерніи среди русскихъ рабочихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, а отсюда былъ занесенъ въ Кіевскую губернію; въ обѣихъ губерніяхъ штундизмъ сразу привился, встрѣтивъ

весьма снисходительное отношеніе къ себѣ со стороны мѣстныхъ властей и суда. Среди ста тридцати милліоновъ населенія русскаго государства штундистовъ въ настоящее время насчитывается около тридцати пяти тысячъ.—Во второй бесѣдѣ о. Ольшевскій излагаетъ сущность заблужденій штундистовъ. Штундизмъ не имѣетъ своего опредѣленнаго и точно выраженнаго положительнаго вѣроученія; произведенныя разными вожаками его и графомъ Львомъ Толстымъ попытки къ катихизическому выраженію и объединенію ереси оказались безуспѣшными. Разнообразіе въ разумѣніи св. Писанія и основныхъ догматическихъ истинъ вызвало среди штундистовъ разнообразіе въ разрѣшеніи практическихъ вопросовъ, а все это по необходимости вызвало и разныя теченія въ развитіи штундистской мысли. Однако при всемъ разнообразіи, которое замѣчается въ вѣропониманіи штундистовъ, можно усматривать въ этой ереси слѣдующія главнѣйшія основныя направленія: а) штунда плотская, штундо-баптисты, штундо-пашковцы—перекрещенцы и штундо-молокане,— б) штунда духовная и штундо-пашковцы—не перекрещенцы,— в) штундо-субботники и штундо-жидовствующие,—г) штундо-малеванцы и д) штундо-толстовцы съ штундо-духоборами. Русскіе сектанты, именующіе себя *баптистами*, суть тѣ же штундисты, ибо русскихъ баптистовъ не знаетъ ни наша исторія, ни наше законодательство.—Третья бесѣда посвящена обзору пастырско-миссіонерскихъ средствъ въ борьбѣ со штундизмомъ. Миссіонерство, какъ охраненіе православныхъ отъ ереси и какъ вразумленіе заблудшихъ, есть простой долгъ мѣстнаго приходскаго пастыря. Ближайшіе помощники миссіонерствующаго пастыря суть: діаконъ, псаломщикъ, учитель церковно-приходской школы и избранные прихожане; весьма полезна пастырю помощь женщинъ, онѣ въ своемъ усердіи могутъ сильно воздѣйствовать на мужей и на дѣтей. При этомъ Церковь въ своихъ пастырскихъ мѣрахъ по отношенію къ заблуждающимся располагаетъ одними нравственными средствами; что касается внѣшнихъ гражданскихъ мѣръ, то онѣ суть дѣло государства. Въ четвертой бесѣдѣ довольно подробно говорится о миссіонерской проповѣди въ приходѣ. Чтобы приготовить себя къ вѣропроповѣдническому дѣлу, пастырь и его сотрудники должны обстоятельно изучить Слово Божіе и ознакомиться съ литературой штундизма; противостундистскій миссіонеръ непременно долженъ быть библеистомъ по духу и по буквѣ. Самое удобное средство къ изученію св. Писанія—это неизмѣнно ежедневное чтеніе его, при утренней и вечерней молитвѣ или въ другое время, сколько возможно въ порядкѣ св. книгъ; всѣмъ пастырямъ необходимо имѣть обязательную привычку ежедневно читать по порядку новый завитъ.—Въ концѣ бесѣды указаны наиболѣе существенныя

и полезныя пособія для истолкованія св. Писанія новаго завіта и ознакомленія съ ученіемъ и обличеніемъ штундизма.—Пятая и шестая бесѣды обозрѣваютъ миссіонерское дѣло въ церковныхъ школахъ приходоѡ, зараженныхъ штундизмомъ. Церковно-приходская школа есть могущественнѣйшее средство для проведенія церковнаго вліянія въ народную среду,—поэтому она есть и могущественнѣйшее миссіонерское средство. Для миссіонерскихъ цѣлей нужно, чтобы при обычномъ прохожденіи положеннаго курса священной исторіи и катихизиса законоучитель обратилъ особое вниманіе и утвердилъ въ сознаніи дѣтей тѣ положительныя православныя истины, которыя оспариваются сектантами; приведеніе и разборъ сектантскихъ заблужденій не должны имѣть мѣста на урокахъ; только по прямому вызову со стороны дѣтей законоучитель можетъ и долженъ разобрать и опровергнуть указанное ему сектантское лжеученіе. Миссіонерская программа преподаванія Закона Божія, составленная о. Ольшевскимъ (бес. 6-я), была принята 3 Всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ (Дѣян.... изд. 2. Кіевъ. 1898 г., стр. 281—289) и 1 чрезвычайнымъ собраніемъ училищнаго совѣта при Св. Синодѣ; въ нѣкоторыхъ епархіяхъ она уже введена въ школы (напр., въ Харьковской и Воронежской епархіяхъ). Бесѣда 7-я озаглавливается „*Миссіонерская Библия*“. Въ ней о. Ольшевскій приводитъ въ двухъ параллельныхъ столбцахъ библейскіе тексты, на которые ссылаются штундисты при отрицаніи ими истинъ православія, и тексты, утверждающіе эти истины и тѣмъ обличающіе заблужденія штундистовъ; въ столбцѣ текстовъ, приводимыхъ штундистами, поставлены въ скобкахъ тексты, способствующіе правильному истолкованію приводимыхъ сектантами мѣстъ. Этотъ отдѣлъ труда о. Ольшевскаго нуждается въ пополненіи нѣкоторыми весьма важными мѣстами св. Писанія; такъ, въ рубрику о „*Достоинствѣ ветхаго завіта*“ нужно внести 2 Петр. III, 2,—Римл. XV, 4,—1 Корин. X, 11; въ числѣ текстовъ, указывающихъ на необходимость св. Преданія, о. Ольшевскій почему—то не упоминаетъ Дѣян. XX, 35 и Ефесян. V, 14; противъ ссылки штундистовъ на Матѣ. XVIII, 20 (о Церкви Христовой) съ большимъ успѣхомъ можно приводить Матѣ. XXV, 11—12, Іоан. II, 23—24, Дѣян. XIX, 13—16 и Притч. XXVIII, 9; чествованіе св. иконъ поклоненіемъ и возженіемъ предъ ними лампадъ основывается на Исход. XXVII, 20—21, Лев. XXIV, 1—4 и Навин. VII, 6—9, которые также опущены нашимъ авторомъ и т. д. Мы не указываемъ всѣхъ „*пропусковъ*“ въ миссіонерской Библии, такъ какъ думаетъ, что они сами собой легко будутъ замѣчены со стороны всякаго руководителя нашей приходской миссіей при пользованіи книгою почтеннаго миссіонера.

Заканчивая свою замѣтку о брошюрѣ о. Ольшевскаго, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что авторъ, кажется, не намѣренъ пускать ее въ продажу; для миссіонеровъ-простецовъ такія книги безусловно полезны.

Н. Булаковъ.

Еп. Виссаріонъ. О расколѣ и по поводу раскола. Семнадцать проповѣдей. Изд. 2. СПБ. 1901 г. стр. 178. ц. 80 коп.

Семнадцать проповѣдей, содержащихся въ названной книгѣ преосвященнаго автора, произнесены имъ въ теченіе 1872—1888 годовъ на годовичныхъ торжественныхъ празднествахъ братства св. м. Петра, въ Москвѣ. Время и поводъ произнесенія ихъ предуказываютъ уже намъ содержаніе и главное направленіе ихъ. Какъ произнесенныя на торжествахъ братства, имѣющаго своею цѣлію борьбу съ расколомъ, проповѣди еп. Виссаріона съ одной стороны имѣютъ своимъ предметомъ раскрытіе православнаго ученія о Церкви и ея свойствахъ, а съ другой—изобличеніе раскола. Поэтому о чемъ бы въ проповѣди авторъ ни говорилъ, онъ непременно старается сначала разъяснить ученіе Церкви Христовой, а потомъ показать, что такое представляетъ изъ себя расколъ. Хотя взгляды на расколъ и не новы, но въ виду высоты положенія преосвященнаго автора и его авторитетности въ духовномъ мірѣ, мы нѣсколько остановимся на нихъ.

Расколъ старообрядчества, по автору, столь распространенное зло, что частныя усилія для борьбы съ нимъ оказываются недостаточными“ (стр. 11). „Расколъ есть не только заблужденіе, но и превратное сердечное настроеніе“ (стр. 13). Онъ „есть рожденіе грубаго невѣжества и суевѣрія и поддѣрживааетъ невѣжество и суевѣріе съ такимъ упрямствомъ, которое потому только не кажется намъ умственной болѣзнію, что мы присмотрѣлись къ нему“ (стр. 22). Въ доказательство послѣдняго взгляда на расколъ написана цѣлая даже проповѣдь подъ заглавіемъ: „суевѣріе и расколъ“. Раскольники, какъ отказавшіеся отъ Церкви, „походятъ на камни, выпавшіе изъ стѣнъ зданія“ (стр. 73). Они, какъ преслушавшіе Церковь, суть язычники и мытари въ полномъ смыслѣ этихъ словъ (см. проповѣдь „наши язычники и мытари). Все, что ни проповѣдуютъ раскольничьи учителя и вожаки, всѣ „благовидныя рѣчи лжеучителей“—„есть сплетеніе лживыхъ мудрованій“ (стр. 79), такъ что и самый расколъ „есть не что иное, какъ собраніе гнилыхъ словъ“ (проповѣдь „Гнилыя слова“ стр. 102).—Отъ Церкви раскольники отступили и продолжаютъ отступать „изъ-за одного каприза: развѣ не ка-

призѣ, наприм., упрямая вражда противъ имени Іисуса“? (стр. 90); а причина упорнаго противленія Церкви заключается „главнымъ образомъ въ высокоуміи, обладаемые которымъ однихъ себя почитаютъ обладателями истины, однихъ себя умниками,—прочіе всѣ недобросовѣстны и глупы“ (стр. 110 въ проповѣди „Высокоуміе отторгшихся отъ Церкви). Поэтому наши раскольники—это „сыны противленія“, это „наши самаряне“ (см. проповѣди подъ этими заглавіями), а по ихъ темной пропагандѣ ихъ лжеученія, по ихъ темнымъ дѣламъ и проступкамъ—это „татіе и разбойницы“ (см. проповѣдь).—Въ силу такого своего взгляда на раскольниковъ преосвященный авторъ призываетъ къ противодѣйствию расколу не духовныхъ только лицъ, но и гражданское начальство. Поэтому въ первыхъ же двухъ проповѣдяхъ „О необходимости и способахъ противодѣйствія расколу“ и „Толки ревнителей полнѣйшей свободы раскола“ онъ указываетъ, въ чемъ должно выражаться противодѣйствіе расколу со стороны духовныхъ лицъ и свѣтскихъ властей, и разбираетъ основательность возраженій отъ ревнителей полнѣйшей свободы совѣсти и, слѣд., полнѣйшей свободы пропаганды раскольниковъ ихъ ученія.

Средствами ко вразумленію раскольниковъ авторъ признаетъ бесѣды съ ними, распространеніе среди нихъ брошюръ и книгъ, добрую жизнь православныхъ и молитвы о нихъ предъ Богомъ, дабы благодать Божія коснулась слуха ихъ и смягчила ихъ ожесточенныя сердца.

Таковы главныя мысли, раскрываемыя преосвященнымъ авторомъ въ его семнадцати проповѣдяхъ. При этомъ необходимо замѣтить, что каждая проповѣдь имѣетъ свое особенное законченное содержаніе и повтореній одного и того же у автора нѣтъ. Планъ проповѣдей у автора таковъ: поставивъ во главѣ проповѣди какой-либо текстъ св. Писанія, авторъ сначала раскрываетъ его содержаніе, изъясняетъ его смыслъ; а потомъ уже дѣлаетъ примѣненіе выводовъ изъ него къ той или другой сторонѣ изъ ученія, жизни или воззрѣній раскольниковъ; натяжекъ или искусственности при этомъ авторомъ не допускается нигдѣ.

Изложеніе въ проповѣдяхъ отличается простотой и ясностію. Лишнихъ словъ нѣтъ. Ясная, свѣтлая мысль автора передается прозрачно-яснымъ словомъ, а поэтому усваивается читателемъ легко и быстро. Языкъ точный, выработанный.

Книжка автора всякимъ, интересующимся нашимъ расколомъ, прочтется съ удовольствіемъ. Многія изъ его проповѣдей могутъ быть произнесены съ церковной кафедрой даже и теперь.

М. Чельцовъ.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Памяти въ Бозѣ почившаго Высокопроевѣщеннаго Архіепископа Харьковскаго Амвросія.

Быстро заполняются новыя страницы миссіонерскаго синодика!.. Еще нѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ належить печальный долгъ вписать *третье* безцѣнное имя новопреставившагося дѣятеля внутренней миссіи Церкви и на этотъ разъ—доблестнаго миссіонера-архипастыря. Угасъ яркій свѣтильникъ Церкви, замолкли уста русскаго Златоуста, не стало архіепископа Харьковскаго Амвросія! Какая тяжкая, невознагради-мая утрата не только твердаго, зоркаго стража Церкви, но и одинаково мужественнаго апологета—ратоборца съ лжеуче-ніями какъ религіозными, такъ и социальными.

Сложна и многостороння церковно-общественная дѣятель-ность приснопамятнаго іерарха. Но изъ всѣхъ видовъ этой его дѣятельности для насъ должно быть вѣчно-памятнымъ его живое попеченіе объ успѣхахъ внутренней миссіи, полу-чившей въ Харьковской епархіи образцовое устройство и про-явившей себя чрезвычайно жизнедѣтельно и благоплодно. Изъ юбилейной нашей статьи читатели знаютъ о заслугахъ почившаго іерарха предъ миссіей, какъ „архистратига воин-ствующихъ мечемъ слова Божія“. Но почившій архипастырь является несравненнымъ миссіонеромъ среди нашей интел-лигенціи, какъ проповѣдникъ—публицистъ и апологетъ и какъ талантливый, отзывчивый служитель интересамъ и по-требностямъ нашего просвѣщенія, въ частности просвѣщенія христіанско-философскаго.

Профессоръ А. Введенскій (въ „Моск. Вѣд.“) говоритъ, что, всматриваясь пристальнымъ взоромъ и вслушиваясь чут-кимъ ухомъ во все то, что совершается въ нашей умственной жизни, высокопроевѣщенный Амвросій, — этотъ несравнен-ный наблюдатель—апологетъ, приходилъ въ великое смущеніе. Онъ видѣлъ, какъ волны мысли, живущей по „стихіямъ міра“ и по „преданіямъ человѣческимъ“, поднимаясь изъ сѣдой древности и съ Далекаго Востока, переходя затѣмъ чрезъ міръ классическій и отражаясь въ западномъ языче-

ствующемъ сознаніи, достигаютъ и до нашего образованнаго или, точнѣе, полуобразованнаго общества, производя здѣсь великую смуту.

Онъ видѣлъ, что поклонники безбожнаго прогресса, исключаящаго будто бы всякую мысль о Богѣ-Творцѣ и Промыслителѣ, матеріалисты, открыто провозглашающіе культъ плоти и т. д. и т. д., — что всѣ эти враги христіанской мысли и христіанскаго просвѣщенія легко находятъ у насъ адептовъ и послѣдователей, которые тѣмъ болѣе опасны, чѣмъ болѣе, вслѣдствіе своей духовной близорукости и слѣпоты, они фанатичны.

Онъ слышалъ, какъ они, разумные адепты заемной мудрости, начинаютъ, по слову Писанія, „злословить то, чего не понимаютъ“, — начинаютъ порицать, отрицать, отвергать все то, на чемъ держится жизнь и мысль христіанская, и все это, въ большинствѣ случаевъ, съ чужого голоса, вовсе и не подозрѣвая того, подъ чѣмъ вліяніемъ стоять и на кого работаютъ.

Онъ слѣдилъ съ тоскою и страхомъ за тѣмъ, какъ вслѣдствіе этого все ставится у насъ, въ нашемъ полуобразованномъ обществѣ, подъ вопросъ, какъ „воскресаютъ“ и множатся у насъ эти новые „совопросники“, гораздо болѣе опасные, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ въ свое время предостерегалъ великій „апостоль языкъ“, ибо наши совопросники не встрѣчаютъ уже отпора въ сознаніи современныхъ христіанъ, — увы, сознаніи слабымъ и вялымъ, — какъ встрѣчали его совопросники временъ апостольскихъ, Церкви первенствующей, и потому гордо носятъ свою голову и громко о себѣ заявляютъ...

Онъ, отзывчивый и чуткій, видѣлъ и слышалъ все это и скорбѣлъ скорбью неизреченною, переполнявшею его сердце: „мы можемъ смотрѣть на это“, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, — „не иначе, какъ съ величайшею скорбію, потому что не къ торжеству надъ ними, этими совопросниками, мы стремимся, а готовы сами подчиниться имъ“. Ибо, — поясняетъ онъ свою мысль, — велика сила обольщенія ложною философіей: какъ змѣй хитростію прельстилъ Еву, такъ и ложная мысль повреждаетъ умы, уклоняя ихъ отъ простоты Христовой и возбуждая въ невинной и неопытной душѣ неосмотрительные порывы къ совершенству знанія ложнымъ обѣщаніемъ: *будете яко бози, едѣяще доброе и лукавое...*

И вотъ такимъ именно миссіонеромъ и стражемъ зоркимъ и неусыпнымъ былъ почившій святитель. Онъ не только изобличалъ современныя заблужденія въ своихъ, полныхъ глубины мысли и философскаго значенія, проповѣдяхъ, но основалъ съ тою же цѣлью и специальный богословско-философскій журналъ (*Впра и Разумъ*), въ которомъ вторая

половина каждой книжки предназначена специально для трактатовъ философскихъ.

Это—великое дѣло почившаго, великая его заслуга предъ Церковью и исторіей нашего просвѣщенія!

Высокопреосвященный Амвросій.

Въ прекрасной надгробной рѣчи, профессоръ Университета прот. Т. В. Буткевичъ, характеризуя дѣятельность въ Бозѣ почившаго архипастыря на харьковской кафедрѣ, сви-

10*

дѣлательствуетъ, что она была необычайно плодотворна и разностороння. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, онъ училъ здѣсь, какъ власть имѣющій, какъ смѣлый и не умолкающій обличитель современныхъ заблужденій и пороковъ.—Онъ училъ у насъ своимъ живымъ и дѣйственнымъ словомъ неопустительно при каждомъ своемъ священнослуженіи говорилъ проповѣдникъ.—Но не мы одни были его слушателями. Его голосу внимала вся Россія. Его проповѣди и рѣчи были читаемы въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества и—не только православными, но и иновѣрцами. И повсюду одинаково онъ воспламеняли религіозное чувство, будили живую мысль, вызывали общественное движеніе, споры и раздѣленія, открывали друзей и враговъ нашей св. Церкви и нашего народа. Постѣдніе противились его ученію; но онъ нисколько не смущался ихъ крикомъ и раздраженіемъ. Въ этихъ случаяхъ онъ обыкновенно говорилъ: „Славу Богу! борьба возгорается: будетъ когда-либо и побѣда! Не доживемъ до нея мы,—доживутъ другіе“. Онъ не боялся борьбы; ибо торжествующая Церковь, говорилъ онъ, на небѣ, на землѣ Церковь—воинствующая! Онъ не боялся борьбы,—ибо предъ его духовными очами всегда предносились слова Спасителя: „Огонь пришелъ Я низвести на землю,—и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся!“ „Не миръ пришелъ Я принести, но мечъ!“ (Мѣ. 10, 34). Даже при нареченіи своемъ во епископа онъ говорилъ предъ лицемъ Св. Синода: „Церковь во внутренней своей жизни никогда не имѣетъ совершеннаго мира; борьба со врагами спасенія рода человѣческаго—ея призваніе, въ борьбѣ обнаруживается ея сила, въ побѣдѣ—ея торжество и пресуспѣяніе. И не страшно, когда много у нея враговъ, даже когда враги ея особенно сильны,—за нее борется и побѣждаетъ Господь всемогущій“.

Какъ и свойственно лжи, враги Церкви Христовой и русскаго народа, не имѣя возможности бороться съ приснопамятнымъ архипастыремъ оружіемъ правды, постоянно обращались къ средствамъ гнуснымъ и недостойнымъ честныхъ людей: они всячески клеветали на него, бросали въ него грязью, осыпали его анонимными ругательными письмами не только изъ различныхъ русскихъ городовъ и городковъ, но и изъ швейцарскихъ трущобъ эмигрантовъ. И святитель Божій все это терпѣлъ и переносилъ съ удивительнымъ мужествомъ и поразительнымъ хладнокровіемъ. Мало этого,—онъ даже душевно радовался, претерпѣвая эти несправедливыя оскорбленія, ибо онъ былъ увѣренъ, что не будетъ оставленъ милостію Божіею, ибо онъ зналъ, что страдаетъ за честное служеніе правдѣ, истинѣ, дѣлу Божію, за свою безграничную любовь къ Церкви Христовой и русскому народу. „Плохо было бы, говорилъ онъ, если бы всѣ

люди стали говорить о насъ хорошо; прискорбно было бы, если бы враги наши молчали и оставили насъ въ покоѣ; когда же они кричатъ и въ безсиліи своемъ отвѣчаютъ лишь бранью—значить,—они сознаютъ свою неправоту, значить,—ихъ больно бьютъ наши удары. Надо работать; не слѣдуетъ упускать этого важнаго момента!“ Онъ умеръ, какъ истинный ратоборецъ Христовъ; онъ умеръ, стоя въ переднемъ ряду честныхъ борцовъ и выдерживая своею грудью всѣ натиски и самые сильные удары враговъ; онъ палъ, сраженный смертію на самомъ полѣ битвы, въ моментъ разгорѣвшейся борьбы. Перо изъ его рукъ вырвала и могла вырвать только одна смерть да воля Божія!

Онъ умеръ, но намъ остались его завѣты и назиданія, вытекающія изъ его жизни и дѣятельности. Его завѣты просты и немногосложны; но они въ высшей степени спасительны и плодотворны. Вотъ они: не жалѣя себя трудиться во славу Божію и во благо ближнихъ, прежде же всего—на благо своего великаго народа; хранить нерушимо ученіе православной Церкви и свято чтить ея уставы; съ благоговѣніемъ и безграничною преданностію преклоняться не только предъ волею, но и самимъ именемъ русскихъ царей, какъ истинныхъ помазанниковъ и избранниковъ Божіихъ; всегда стремиться къ умственному и нравственному совершенству, не увлекаясь ложными философскими ученіями Запада; дорожить благочестивыми обычаями и нравами, унаслѣдованными отъ предковъ, и не мѣнять ихъ безъ нужды и легкомысленно на несвойственные русскому народу и гибельные для его благосостоянія обычаи иноземные; быть русскими и больше всего любить Россію; предпочитать благородную простоту разорительной роскоши; воспитывать дѣтей въ страхъ Божіемъ и охранять чистоту семейной жизни; бороться съ общественными заблужденіями и пороками не только словомъ, но и дѣломъ; не бояться злобы враговъ и мужественно идти своимъ путемъ, вѣруя, что отъ Господа стопы человѣка исправляются.

Онъ горячо любилъ нашу православную Церковь и нашу Россію; а любовь, какъ говоритъ апостолъ (I Кор. 13, 8), не прекращается даже и тогда, когда умолкаютъ уста и упраздняются знанія.

Въ послѣднее время своей жизни усопшій святитель особенно часто любилъ повторять предсмертныя слова великаго святителя православной Церкви—Іоанна Златоуста: „Слава Богу за все!“ Послѣдуемъ же и мы его примѣру. Скорбя о потерѣ и молясь о блаженномъ упокоеніи усопшаго въ селеніяхъ праведныхъ, возблагодаримъ вмѣстѣ съ нимъ Пастыреначальника православной Церкви—Господа нашего Иисуса Христа, ниспославшаго намъ въ потребное время доблестнаго архипастыря и сдѣлавшаго его ору-

діемъ Своего промышленія о насъ. Онъ далъ, Онъ и взялъ его. Слава Богу за все!

Такъ закончилъ свое горячее слово любви почтенный Харьковскій проповѣдникъ и любимый соработникъ въ Возѣ почившаго. Къ этому намъ остается добавить, что о почившемъ архипастырѣ, какъ о великомъ служителѣ слова проповѣди и убѣжденія, миссія сохранить вѣчную и признательную, молитвенную память.

В. С.

Неслышанное изуверство сектантовъ, какъ плодъ толстовскаго проевѣщенія.

Въ Харьковской губерніи есть слобода Павловка. Въ этой слободѣ еще съ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія сильно развилось толстовство. Насадилъ его здѣсь князь Хилковъ, богатый помѣщикъ. Послѣдователи князя образовали изъ себя совершенно дикое общество. Они мало толковали о Богѣ въ христіанскомъ смыслѣ и о загробной жизни. Всѣ помыслы свои сосредоточивали на устройствѣ счастливой жизни здѣсь, на землѣ. А такъ какъ на этой землѣ существующіе порядки не благопріятствовали ихъ мечтаніямъ, то сектанты страшно ненавидѣли всѣхъ и все. Особенно они возставали противъ святой Церкви. На нее толстовцы смотрѣли, какъ на опору всего злого порядка въ мірѣ. Они заявляли: „якъ бы не було попивъ, то не було бъ и царивъ, не було бъ ни вѣйска, ни судивъ, ни справныкивъ, ни губернаторивъ. Не брали бы зъ насъ и грошій на подати“.

Отсюда видимъ, что по своимъ основнымъ понятіямъ павловскіе толстовцы—совершенные нигилисты, отчаянные и необузданные. Свою дикость они неоднократно уже проявляли въ жизни. То они, къ соблазну вѣрующихъ, жгли иконы на площади; то съ крикомъ врывались въ св. храмъ, то дѣлали грубыя дерзости властямъ. До крайней степени своего нигилизма павловскіе сектанты однако не доводили, за выселеніемъ князя Хилкова за границу. Они, повидимому, даже притихли и съ каждымъ годомъ численно сокращались. Но въ душѣ отъ своей вѣры не отступали. Собранные въ толпу, они въ присутствіи командированнаго изъ Петербурга чиновника прямо говорили: „намъ бы какой бы царь ни былъ—черный или бѣлый, себѣ былъ милостивый!“ Этими словами павловскіе сектанты наглядно подтвердили, что никакого патріотизма они не имѣютъ; готовы переселиться куда угодно, даже въ Америку, лишь бы тамъ „не драли зъ нихъ грошій на подати“.

Выселеніе въ чужія земли павловцамъ не удалось, они остались подъ властью Бѣлаго царя. Но съ тѣхъ поръ за-таили злобу противъ всего, что препятствуетъ имъ осуществити въ жизни ихъ нигилистическія чаянія. Такъ дѣло продолжалось до сентября мѣсяца 1901 г. Въ сентябрѣ въ Павловку пріѣхалъ какой-то проходимецъ—сектантъ, назвавшійся Моисеемъ Наумовымъ Ѳедосіенкомъ. Этотъ сектантъ выдавалъ себя за важнаго человѣка. Онъ говорилъ мужикамъ, что вмѣстѣ съ царемъ копалъ бураки. При работѣ о многомъ разговаривали. Царь давно думаетъ отнять землю у пановъ, да Сенатъ мѣшаетъ... Но скоро всѣ порядки измѣнятся. Скоро этотъ міръ кончится,—и все пойдетъ по новому: земли будутъ отняты у господъ; ни войны, ни судовъ, ни начальниковъ не будетъ. Наступитъ истинный рай для сектантовъ—праведниковъ!...

Предъ послѣднимъ концомъ міра придутъ пророки. Онъ, Ѳедосіенко, есть Моисей пророкъ. Его дѣло—дать возмездіе нечестивымъ людямъ за ихъ злодѣянія. Послѣ придетъ Ілія пророкъ, а тамъ и Христосъ—судитъ міръ. Всему близится конецъ! Бросайте, люди, работу, одѣвайтесь въ праздничныя одежды, идемъ разрушать неправду на землѣ: Христосъ Воскресъ! Такъ безумствовалъ Ѳедосіенко. Слова его огнемъ жгли сердца павловцамъ. Они внушали имъ дерзкія надежды на будущее. Ѳедосіенко увѣрялъ, что на подмогу павловцамъ изъ Кіева пріѣдутъ два вагона братьевъ. Тогда, говорилъ онъ, „мы разнесемъ все“. „Доберемся до Петербурга. И домъ Романовыхъ раскассируемъ“.

Сектанты окончательно заволновались. Начались торжественныя хожденія по слободѣ. Мѣстный урядникъ, человѣкъ зоркій и дѣятельный, отозванъ былъ въ Бѣлополье на ярмарку. Слѣдить должнымъ образомъ за Ѳедосіенкомъ и его работой было некому. Правда, власти его арестовали. Отправили его къ становаму, а тотъ къ исправнику. Но потомъ Ѳедосіенко вернулся въ Павловку, въ сопровожденіи душъ сорока толстовцевъ. Устроилъ здѣсь 15 сентября тайную вечерю; выбралъ себѣ преемника—пророка Павленка, а самъ исчезъ...

Тогда, въ воскресенье, 16 сентября, Павловскіе толстовцы рѣшили разгромить свою слободу. Они постановили „начать дѣло съ церкви—школы“. Они задумали войти во время обѣдни, убить тамъ служившаго священника, все разрушить и двинуться на каменную церковь. Послѣ съ разныхъ концовъ зажечь село и начать всеобщее избіеніе грѣшниковъ...

16 сентября сего года, по колокольному благовѣсту къ утрунѣ въ каменной церкви, сектанты собрались огромной толпой. Идя по дорогѣ они кричали: „Христосъ Воскресъ! Правда наша!“ Дойдя до церкви—школы, они встрѣтили здѣсь двухъ (только) сотскихъ и запертыя двери. Сторожей

сотскихъ они откинули въ сторону; разбили замки на наружныхъ дверяхъ, ворвались въ церковь и принялись съ изувѣрствомъ все ломать и разбивать...

Иконостасъ въ школѣ былъ закрытъ ширмовою перегородкой. Эту перегородку сектанты отодвинули, разбивъ на ней замокъ; вбѣжали въ алтарь, распахнули царскія двери, сдвинули престолъ съ мѣста... При этомъ, рассказываютъ, Павленко-пророкъ и двѣ дѣвки залѣзли на престолъ и съ него кричали: „кто здѣсь стоитъ?—Правда.—На чемъ она стоитъ?—На неправдѣ, шумѣлъ народъ.“

— Такъ ломайте же неправду! — скомандовалъ Павленко, — и сектанты яростно бросились сокрушать все. Жертвенникъ они повалили на бокъ; за престольный крестъ поломали и выбросили изъ окна. Потомъ, какъ звѣри, выбѣжали изъ алтаря и стали бить (палками) по иконамъ... Двѣ иконки въ царскихъ дверяхъ совсѣмъ выдавили, попортили и двери. Изломали и погнули подсвѣчники, паникадило разбили; стекла въ окнахъ всѣ побили палками, партами и желѣзными кружками... Словно въ средніе вѣка дикіе варвары, ворвались въ св. храмъ и произвели въ немъ неистовыя опустошенія!...

Къ счастью, Богъ спасъ отъ поруганія антиминь: онъ упалъ съ престола на полъ и не былъ замѣченъ озвѣрѣлыми сектантами. Въ дарохранительницѣ, по милости Божіей, не было на этотъ разъ запасныхъ даровъ.

Отъ церкви—школы, въ сопровожденіи женъ и дѣтей, также собравшихся зрителей, сектанты двинулись къ каменной церкви. Ихъ встрѣтили становой, урядникъ и немного полицейскихъ. Станового сектанты смяли; порвали на немъ погони и начали тискать его ногами. Урядникъ былъ на лошади и счастливо ускользнулъ изъ толпы. Дальше сектантамъ уже разстился гладкій путь. Препятствій не было. Съ крикомъ „ура!“ они кинулись на каменную церковь. Священникъ, начавшій было совершать проскомидію, успѣлъ прекратить службу, запереть храмъ и уйти домой. Около запертыхъ дверей храма остались въ большемъ количествѣ православные хуторяне. Они-то и постояли за святыню Божію...

Подойдя къ двери каменнаго храма, сектанты стали бить ее палками, камнями, которые они отламывали отъ карнизовъ. Но тутъ православные забили въ набатъ, вооружились кольями и началась драка, продолжавшаяся минутъ сорокъ. Сектанты были смяты и избиты сильно. Они пустились бѣжать изъ ограды, оглашая воздухъ криками: „За правду! ура!“ Православные преслѣдовали бѣглецовъ и били ихъ. Картина ужасная: крики, стонъ, маханье палками, кровы!... Все это трудно описать. Да, былъ денекъ! Очевидцы его и сейчасъ находятся въ болѣзненномъ нервномъ возбужденіи...

По окончаніи свалки, буяновъ почти всѣхъ арестовали и отправили въ тюрьму. На мѣсто происшествій выѣзжалъ губернаторъ. Были командированы для разслѣдованія дѣла судебные чины, членъ консисторіи и миссіонеръ.

Бунтъ кончился, но навсегда ли? Страшно даже думать объ этомъ. Толстовство, по самой своей природѣ, секта анархическая, безбожная. Ея послѣдователи лишь подъ давленіемъ нужды молчатъ и *прикидываются* страдальцами. Въ душѣ же они настоящіе человѣконенавистники. Они представляютъ изъ себя подобіе *порохового склада*, готоваго взорваться при первомъ поджогѣ. Нѣтъ основанія поэтому думать, что павловскій бунтъ—*случайное дѣло*,—дѣло, *исключительно* созданное какимъ-то злополучнымъ Ѳедосіенкомъ. Этотъ Ѳедосіенко—не больше, какъ *стичка* для порохового погреба. Онъ ничего бы не подѣлалъ съ своей проповѣдью въ православномъ селѣ, а среди толстовцевъ его сочли за Моисея пророка и по его указанію произвели страшный бунтъ...

Поэтому—*saveant consules!* Пусть гражданскія власти не усыпляють себя при наблюденіи за сектантами. Толстовскій бунтъ въ Павловкахъ—сѣренное предостереженіе всему православному русскому обществу.—Говорятъ, Ѳедосіенко зараженъ малеванскими бреднями и взялся откуда-то изъ Кіевской губерніи. Въ Кіевской губерніи—масса штунды. Это—тоже благоприятная почва для всякой экзальтированной и психопатологической пропаганды...

Будемъ же *всѣ* стоять на стражѣ съ препоясанными чреслами, съ мечемъ Слова Божія въ рукахъ (Еф. 6, 11. 18. 17 ст.),—при *непрерывномъ* однако содѣйствіи гражданской власти, которая въ корнѣ отрицается раздраженными сектантами.

Д. Боголюбовъ.

21 сент. 1901. Харьковъ.

Комиссія при Учебномъ Комитетѣ. Во второй половинѣ августа, какъ извѣстно, при Учебномъ Комитетѣ работали комиссіи надъ разсмотрѣніемъ программъ семинарскаго курса. Комиссія по пересмотру программы ученія о русскомъ расколѣ состояла изъ предсѣдателя члена учебнаго комитета прот. І. Я. Образцова и членовъ: священника Казанскаго въ г. С.-Петербургѣ собора о. В. Ан. Прозорова, изъ преподавателей Московской дух. семинаріи Д. А. Некрасова, Тульской—Д. И. Сковрцова, Черниговской—М. М. Леоновича. Затѣмъ къ участію въ занятіяхъ ея были приглашены Чиновникъ, особыхъ порученій при г. Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода В. М. Сковрцовъ, С.-Петербургскій противораскольническій миссіонеръ М. П. Чельцовъ.

Новая газета. Небезызвѣстный публицистъ по церковнымъ вопросамъ въ свѣтскихъ газетахъ, сподвижникъ раскольниковъ по прошлогодней ихъ экспедиціи въ Константинополь для старыхъ розысковъ о м. Амвросіи—Н. Н. Дурново, съ августа предпринялъ въ Румыніи изданіе на русскомъ и французскомъ языкахъ газеты „Православный Востокъ“, поставившей свою цѣлю заботиться о сближеніи Россіи съ православнымъ Востокомъ.

Миссіонерскія новости. На должность Ярославскаго епархіальнаго миссіонера назначенъ кандидатъ Казанскій академіи г. Бѣляевъ. Екатеринославскій миссіонеръ А. Я. Дороницынъ согласно прошенію, назначенъ преподавателемъ по кафедрѣ раскола въ Черниговскую духовную семинарію.

Миссіонерскіе епархіальные сѣзды въ Орлѣ и Новгородѣ.

Миссіонерскіе сѣзды въ епархіяхъ быстро пробиваютъ себѣ путь впередъ, дѣлаясь явленіемъ „обдержнымъ“ въ современной церковной епархіальной жизни, чему много содѣйствуетъ прошлогодній указъ св. Синода, рекомендовавшій епархіальнымъ преосвященнымъ устроить такіе сѣзды, какъ учрежденія „многополезныя“. При этомъ въ послѣднее время замѣчается возрастаніе живаго интереса къ дѣятельности и совѣщаніямъ миссіонерскихъ сѣздовъ какъ со стороны наиболѣе чуткой части приходскаго духовенства, такъ и людей изъ свѣтскаго общества. Наглядный примѣръ этого отраднаго явленія можно было наблюдать на Орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ, состоявшемся 16—24 истекшаго сентября. Сѣздъ этотъ во многихъ отношеніяхъ является *знаменательнымъ* и долженъ занять въ исторіи нашей миссіи выдающееся мѣсто.

Начать былъ миссіонерскій сѣздъ при той величавой, торжественной обстановкѣ, которая способна бодрить унылый духъ забытыхъ, обездоленныхъ, тружениковъ миссіи, а въ то же время внушать интересъ къ дѣлу миссіи „внѣшнимъ“, чуждымъ и чуждающимся ея.

16 сентября въ кафедральномъ соборѣ совершена была литургія епископомъ Никаноромъ, въ сослуженіи многочисленнаго сонма миссіонерствующихъ пастырей. Теплое и наставительное слово „о миссіонерскомъ долгѣ христіанъ“ произнесено было противораскольничьимъ миссіонеромъ о. Львомъ Адамовымъ. Послѣ литургіи на средину обширнаго храма въ парчевомъ облаченіи разныхъ цвѣтовъ вышло болѣе ста священно-служащихъ. Епископъ Никаноръ обра-

тился къ собору отцовъ и братій миссіонеровъ съ одушевленнымъ архипастырскимъ наставленіемъ о достодолжномъ прохожденіи апостольскаго подвига миссіонерскаго служенія. Затѣмъ былъ совершенъ молебенъ Св. Троицѣ.

Въ часть дня, подъ сводами дѣловой Церкви архіерейскаго дома (алтарная часть отдѣлена была завѣсою), состоялось первое торжественное засѣданіе съѣзда. Секретарь братства прочиталъ указъ Св. Синода объ учрежденіи съѣзда; преосвященный Никаноръ, объявивъ съѣздъ открытымъ, произнесъ рѣчь „о школьномъ религіозно-нравственнымъ воспитаніи“, какъ главной основѣ успѣховъ внутренней миссіи. Въ многосодержательной рѣчи просвѣщеннаго архипастыря слышались и чуткая, проникновенная отзывчивость къ современнымъ религіозно-нравственнымъ вѣяніямъ и недугамъ и попечительная забота о жгучихъ духовныхъ нуждахъ нашей современности. Командированный на съѣздъ чиновникъ особыхъ порученій при Оберѣ Прокурорѣ Св. Синода, редакторъ нашего журнала, В. М. Скворцовъ, произнесъ рѣчь на интересную тему „о господствующихъ въ свѣтскомъ обществѣ и печати предубѣжденіяхъ противъ миссіи и миссіонеровъ“. Преподаватель мѣстной семинаріи, — живая душа мѣстной миссіи и главный, сколько способный, столько же преданный ея дѣятель, А. И. Георгіевскій сказалъ рѣчь, въ краткихъ, но яркихъ чертахъ охарактеризовавшую современное состояніе раскола и сектантства въ Орловской епархіи. Далѣе произнесены были весьма тепло и сердечно членами съѣзда изъ приходскихъ священниковъ (о. о. В. Поповъ, Азбукинъ, Петровъ) привѣтствія своему архипастырю и мѣстнымъ дѣятелямъ миссіи. Во время акта хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ исполнилъ концертъ. Миссіонерское собраніе почтили своимъ присутствіемъ и. д. губернатора В. В. Бельгардъ, губернскій предводитель дворянства М. А. Стаховичъ, бригадный генералъ А. А. Коссовичъ, начальники свѣтскихъ учебныхъ заведеній и др., многочисленный сонмъ духовенства, собравшагося на епархіальный и миссіонерскій съѣзды.

Послѣ акта владыкой предложена была трапеза почетнымъ гостямъ, старѣйшимъ представителямъ городского и сельскаго духовенства и иноепархіальнымъ и мѣстнымъ миссіонерамъ ¹⁾.

¹⁾ На съѣздъ прибыли нѣкоторые по вызову, другіе по собственному желанію или усмотрѣнію своихъ епископовъ, — слѣдующіе миссіонеры: Воронежскій Т. С. Рождественскій, Тамбовскій Г. И. Айвазовъ и свящ. Ромеровъ, Екатеринославскій А. Я. Дородниченко, Кіевскій свящ. о. С. М. Потѣхинъ, Черниговскій свящ. о. І. Яворскій, Витебскіе свящ. о. И. Сченсновичъ и о. П. Лѣпинъ, Тульскій — Д. И. Скворцовъ, Курскій свящ. о. Дмитревскій и діаконъ С. Поповичъ, изъ Москвы о. І. Фудель.

Къ участию въ совѣщаніяхъ сѣзда вызвано было изъ Орловской епархіи до 80 лицъ,—священники, клирики, учителя церковныхъ школъ и начетники, среди коихъ два миссіонера — книгоноши. Кромѣ того прибыли на сѣздъ многіе священники по собственному желанію, а равно охотно посѣщали миссіонерскія засѣданія и члены общаго епархіальнаго сѣзда.

Въ высшей степени знаменательною, свѣжею и новою чертою, характеризующею не столько Орловскій сѣздъ, сколько духовное настроеніе нашего времени, представляется то обстоятельство, что въ составъ миссіонерскаго сѣзда включили себя свѣтскіе образованные люди, изъ коихъ одни явили отрадную ревность поборниковъ вѣры и Церкви, другіе довѣрчиво внесли на авторитетное разрѣшеніе представителей миссіи свои церковныя думы и религіозныя сомнѣнія.

Въ числѣ таковыхъ свѣтскихъ участниковъ въ сѣздѣ отмѣтимъ *прибывшихъ*: (изъ Петербурга) В. А. Тернавцева, (изъ Твери) М. А. Новоселова, (изъ Курска) Ар. В. Алехина (помощника городского головы),—*мѣстныхъ*: губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, уѣзднаго предводителя—Выховецкаго, помѣщика С. А. Цурикова; усерднымъ посѣтителемъ засѣданій сѣзда былъ также почтенный бригадный генералъ А. А. Коссовичъ и нѣкоторые изъ свѣтскихъ членовъ братства.

Обширная программа сѣзда обнимала собою въ основныхъ чертахъ весь курсъ исторіи и обличенія общаго и мѣстнаго расколо-сектантства со всѣми главнѣйшими недомѣнностями, существующими въ миссіонерской теоріи и практикѣ. Предполагалось, что сѣздъ будетъ носить характеръ краткихъ курсовъ, а занятія его ограничатся формою сжатыхъ лекцій, содержащихъ послѣднее слово миссіонерской науки. Для сей цѣли руководителями занятій приглашены были извѣстные спеціалисты расколовѣдѣнія проф. Н. И. Ивановскій и сектовѣдѣнія В. М. Скворцовъ.

Но неожиданный притокъ новыхъ людей и выдающихся силъ изъ дѣятелей иноепархіальной миссіи, новые жгучіе запросы и духовныя нужды, повелительно предъявляемые къ современной миссіи, въ силу особаго настроенія нашего тревожнаго времени, — невольныя заставили раздвинуть и самыя рамки занятій, такъ что изъ элементарныхъ курсовъ совѣщанія сѣзда по характеру и содержанію обратились въ оживленные академическіе диспуты, сколько глубоко-учительные для дѣятелей мѣстной миссіи, столько же и важные для принципиальнаго выясненія многихъ назрѣвшихъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ вопросовъ, такъ что по составу членовъ сѣзда, характеру занятій, а равно и по плодамъ стоимъ, Орловскій сѣздъ долженъ быть признанъ не мѣст-

нымъ только, но вторымъ *областнымъ* миссіонерскимъ съѣздомъ (первый былъ въ Одессѣ въ 1898 г.).

Вотъ какъ отзывался печатно объ Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ сторонній, зоркій наблюдатель за его занятіями, — М. А. Стаховичъ (въ искренности *этихъ именно* словъ его мы не имѣемъ основанія сомнѣваться).

„Какъ общественный дѣятель, я знаю, какъ много было жаждущихъ просвѣтиться, услышать отъ достовѣрныхъ авторитетовъ сущность и оцѣнку всякихъ лжеученій, расколовъ, ересей, сектантствъ, нарушающихъ величавый миръ нашей церкви, смущающихъ и пугающихъ богословскую темноту ея смиренныхъ сыновъ.

Они бы, какъ я, воочію увидали, что вы научно и практично, колеблемо и гуманно, такъ умѣло и просто раскрывали намъ далекіе корни этихъ острыхъ болѣзней, этихъ ужасныхъ страданій множества русскихъ людей и, поставивъ убѣдительный діагнозъ, всѣмъ сообща, старательно, внимательно перебирали методы лѣченія и лѣкарства.

Причины историческія, этнографическія, социальныя и сословныя поочередно проходили передъ нами всегда старательно обдуманныя и блестяще изложенныя.

Громко свидѣтельствую—какъ ни ничтожно мое свидѣтельство—что, слушая васъ, я былъ пораженъ тѣмъ, какъ вы много знаете, какъ много добросовѣстнаго труда, старательныхъ исканій и обдумываній было вами положено на это, очевидно, дорогое вамъ дѣло, какъ трудолюбиво и тщательно строите вы свое огромное зданіе, гдѣ все обдуманно и предусмотрено“.

Это сказано было Орловскимъ предводителемъ дворянства въ послѣднемъ дополнительномъ засѣданіи 24 сентября, въ предисловіи къ столь прерѣжаемому нынѣ его докладу „о свободѣ совѣсти и отмѣнѣ законовъ по преступленіямъ противъ вѣры“. Комертаріи излишни...

Глубокопризнательное, сыновне почтительное чувство вынесли всѣ—и духовные, и свѣтскіе, и свои мѣстные, и чуже-епархіальные участники Орловскаго съѣзда къ преосвященному инициатору и попечителю этого съѣзда, епископу Никанору, который живымъ попеченіемъ о миссіи и личнымъ участіемъ дѣятельно руководилъ занятіями съѣзда, а отеческою простотою и отзывчивымъ просвѣщеннымъ словомъ своимъ одушевлялъ и сплотялъ всѣхъ собравшихся изъ разныхъ мѣстъ въ одну миссіонерскую семью.

Почти всѣ инопархіальные миссіонеры и свѣтскіе ревнители православія нашли пріютъ подъ кровомъ архіерейскаго дома, гдѣ въ духовномъ общеніи съ милостивымъ архипастыремъ хозяиномъ проведено много незабвенныхъ часовъ.

Всѣ лица и учрежденія Орловскаго епархіальнаго вѣдомства, особенно же Семинарія, во главѣ съ почтеннымъ о.

ректоромъ, прот. Сахаровымъ, отнеслись къ первому миссіонерскому сѣзду съ достоюлжнымъ вниманіемъ, какъ выдающемуся событію въ епархіальной жизни. Каждое засѣданіе посѣщали воспитанники старшихъ классовъ семинаріи по наряду и вели дневники слышаннаго; участвовали также ученики на собесѣдованіяхъ. По окончаніи сѣзда, В. М. Скворцовъ посѣтилъ уроки по кафедрѣ раскола, а затѣмъ пмѣлъ въ теченіе часа бесѣду съ учениками V и VI кл. по вопросамъ миссіи.

Занятія сѣзда происходили утромъ (отъ 9^{1/2}—2 ч.) и вечеромъ (отъ 6—9 ч.). По отдѣлу исторіи и обличенія раскола сообщилъ рядъ сжатыхъ, но картинно-ясныхъ и занимательныхъ очерковъ почтенный проф. Н. И. Ивановскій. По секторвѣдѣнію, подъ общимъ руководствомъ и при дѣятельномъ участіи В. М. Скворцова, сдѣланы рядъ обстоятельныхъ сообщеній—ислѣдователемъ мѣстнаго сектантства и миссіонеромъ А. И. Георгіевскимъ (о мѣстномъ сектантствѣ и о хлыстовствѣ и др.), А. Я. Дородницынымъ (о штундѣ), Д. И. Скворцовымъ (о пашковщинѣ), о. Сав. М. Потѣхинымъ, Т. С. Рождественскимъ, Г. И. Айвазовымъ—(по обличенію сектантства), М. А. Новоселовъ (бывшій послѣдователь гр. Толстого) внесъ докладъ о забытомъ пути богопознанія (внутренній опытъ и истиннохристіанскій мистицизмъ). Докладъ вызвалъ оживленныя пренія главнымъ образомъ по вопросу о догматизмѣ и отличіи болѣзненнаго и ложнаго мистицизма отъ истиннаго.

Прибывшій изъ Москвы свящ. о. Іосифъ Фудель представилъ на обсужденіе сѣзда докладъ по чрезвычайно важному предмету—„о миссіи среди современной интеллигенціи“.

В. М. Скворцовъ посвятилъ одинъ изъ своихъ докладовъ памяти недавно почившихъ дѣятелей миссіи и внесъ предложеніе объ увѣковѣченіи послѣднихъ. На сѣздѣ была высказана мысль объ учрежденіи братства или союза миссіонеровъ, который бы сплотялъ разрозненную нынѣ миссіонерскую дружину и служилъ опорой дѣятелямъ миссіи въ минуту жизни трудныя. Проектъ переданъ для разработки и осуществленія самому же докладчику. При этомъ внесены и пожертвованія на дѣло увѣковѣченія памяти почившихъ миссіонеровъ Еп. Никаноромъ, М. А. Стаховичемъ и нѣкоторыми изъ миссіонеровъ.

22 числа вечеромъ совершена были панихида по почившимъ миссіонерамъ.

23 числа торжественнымъ засѣданіемъ братства св. Петра и Павла (которое съ выдающеюся энергіей ведетъ дѣла миссіи, подъ предсѣдательствомъ почтеннаго о. прот. Рождественскаго и при дѣятельномъ сотрудничествѣ А. И. Георгіевскаго), согласно утвержденной программѣ, официально заканчивался миссіонерскій сѣздъ,—фактически

же, съ благословенія епископа, назначено было два дополнительныхъ засѣданія, изъ коихъ одно—самое послѣднее—посвящено было заслушанію и обсужденію выше упомянутого доклада М. А. Стаховича, ранѣе предложившаго свои услуги сдѣлать сообщеніе по отдѣлу программы о примѣненіи мѣръ административныхъ и законодательныхъ къ преступленіямъ раскольниковъ и сектантовъ. Несмотря на совершенную неожиданность для членовъ и руководителей съѣзда какъ новой темы доклада (объ отмѣнѣ уголовныхъ законовъ), такъ и экцентричнаго предложенія г. Стаховича, докладъ его вызвалъ серьезныя возраженія и оживленныя пренія, которыя началъ Еп. Никаноръ. За предложеніе никто изъ присутствующихъ не высказался, и оно естественно оказалось отклоненнымъ, какъ невозможное по существу и какъ совершенно несоотвѣтствовавшее задачамъ мѣстнаго миссіонерскаго съѣзда. Отвѣчая на возраженія, г. Стаховичъ согласился, что онъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ, внося на миссіонерскій съѣздъ свой докладъ. Собраніе считалось закрытымъ, а потому, казалось, что и самый докладъ, и пренія не будутъ достояніемъ гласности, между тѣмъ на другой же день и, опять-таки совершенно вопреки ожиданіямъ съѣзда, докладъ появился въ печати въ подцензурномъ изданіи—„Орлов. Вѣстникъ“, со всѣми нецензурными подробностями, возраженія же г. Стаховичу остались не оглашенными. Въ слѣдующей книжкѣ мы дадимъ отчетъ и объ этомъ докладѣ г. Стаховича и о преніяхъ, а равно и о важнѣйшихъ постановленіяхъ Орловскаго съѣзда.

25-го, по приглашенію мѣстнаго военнаго начальства, въ офицерскомъ собраніи, въ присутствіи собравшейся въ огромномъ числѣ избранной публики Орловскаго бомонда, В. М. Скворцовымъ сдѣлано сообщеніе о лжеученіи гр. Л. Толстого.

Во время съѣзда профессоръ Ивановскій провелъ въ храмѣ Св. Михаила бесѣду съ старообрядцами, въ другой разъ сдѣлалъ тамъ же сообщеніе „о пути спасенія“; миссіонеръ г. Рождественскій провелъ бесѣду съ сектантами.

Съ 2—6 октября состоялся миссіонерскій съѣздъ въ Новгородѣ, подъ предсѣдательствомъ викарскаго епископа Арсенія, при участіи извѣстнаго бывшаго синодальнаго миссіонера, іером. Арсенія. Приглашенный къ участію на этомъ съѣздѣ В. М. Скворцовъ не могъ прибыть, будучи задержанъ дѣлами службы въ центральныхъ губерніяхъ.

Э. Я.

Возможно-ли?

Изъ *Петрозаводска* намъ сообщаютъ, что исправленіе вакантой нынѣ должности епархіальнаго миссіонера (послѣ о. К. Плотникова), принялъ на себя о. *каедральный протоіерей Надежінъ*, который въ тоже время состоитъ членомъ консисторіи, предсѣдателемъ и членомъ разныхъ епархіальныхъ учреждений.

Важное для миссіи распоряженіе.

Въ „Церк. Вѣд.“ опубликовано важное для успѣха миссіи опредѣленіе Св. Синода, коимъ слагается съ преподавателей семинаріи по каедрѣ раскола и сектъ обязанность по завѣдыванію семинарскими бібліотеками. Это распоряженіе имѣетъ въ виду дать возможность преподавателямъ посвятить свободное отъ занятій время миссіонерской практикѣ и веденію полемическихъ бесѣдъ.

Ужасныя послѣдствія сектантскаго побоища.

Намъ сообщаютъ изъ Харькова, что на другой день послѣ вышеописаннаго побоища, учиненнаго толстовцами с. Павловки, умерли: церковный староста 80 лѣтній старецъ, защищавшій дверь Церкви; его хватилъ коломъ по головѣ сектантъ,—родной племянникъ. Кровь раздробленнаго черепа брызнула на стѣну храма и тогда православные ринулись на изуверовъ—сектантовъ, и начали ихъ бить ихъ же оружіемъ. На другой же день отъ побоевъ скончался сектантъ К., а позже еще двое.

Въ то время, какъ одна часть бунтовщиковъ ринулась на Церковь, другая направилась разносить дома священниковъ. Жена одного священника, наканунѣ только разрѣшилась отъ бремени и буйство сектантовъ на другой день свело несчастную молодую женщину въ могилу!

Дѣтей и жену другаго священника православные успѣли вывести изъ дома, при чемъ матушку спрятали въ овинѣ, гдѣ она пробыла 8 часовъ, въ страхѣ за мужа, котораго, какъ священнослужащаго заперли крестьяне въ храмѣ, и за дѣтей, уведенныхъ за рѣку. Перенесенное матушкой потрясеніе отразилось страшнымъ разстройствомъ нервной системы и въ настоящее время она помѣщена въ больницу для душевно больныхъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 12 октября 1901 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ Антонинъ.

Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.

О продолженіи изданія журнала
„Миссіонерское Обзорѣніе“
въ 1902 г.

Въ новомъ 1902 году „Миссіонерское Обзорѣніе“ вступаетъ въ седьмой годъ своего изданія и по своему направленію и характеру остается неизмѣнно-зоркимъ и убѣжденнымъ стражемъ интересовъ *внутренней миссіи*, въ широкомъ значеніи и пониманіи этого святого дѣла.

Являясь *единственнымъ* въ нашей журналистикѣ сколько специальнымъ, столько же и популярнымъ, печатнымъ *органомъ внутренней миссіи* православной Церкви, „Миссіонерское Обзорѣніе“ будетъ по прежнему посвящено *всестороннему изслѣдованію и обличенію* какъ русскаго сектантства, во всѣхъ его толкахъ (молоканства, духоборчества, штунды, пашковщины, толстовства, шалопутства, скопчества и др.), такъ равно и расколо-старообрядчества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Редакція въ новомъ году изданія отвѣдетъ на страницахъ „Миссіонер. Обзорѣнія“ видное мѣсто для апологетическихъ и полемическихъ статей по выясненію и опроверженію господствующихъ въ извѣстной антицерковной части такъ называемаго интеллигентнаго общества религиозно-нравственныхъ лжеученій и заблужденій.

Посвятивъ въ истекающемъ году цѣлый рядъ статей по обличенію моднаго толстовскаго лжеученія, въ новомъ году редакція будетъ продолжать всестороннее раскрытіе неправды толстовской доктрины.

Между прочимъ, по толстовскому вопросу и другимъ жгучимъ современнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ, будутъ напечатаны монографіи г. Григорьева на тему: „Государство и христіанство по воззрѣніямъ гр. Л. Толстого“, г. Кохомскаго — „Царствіе Божіе по Евангелію“, іером. Михаила — „Любовь или ненависть, христіанство или буддизмъ проповѣдуетъ гр. Л. Толстой“, Англійскаго писателя Лонга „Гр. Л. Толстой какъ мыслитель и дѣятель“ С. Бронницкаго — „вопросы религіи въ обсужденіи свѣтскихъ людей. О нравственныхъ устояхъ современнаго интеллигентнаго общества“ и др., а также — рядъ писемъ и трактатовъ образованныхъ свѣтскихъ людей, тяжкимъ опытомъ жизни безъ Бога и внѣ Церкви познавшихъ тщету невѣрія и животворящую истину и силу христіанства.

Въ новомъ 1902 г. книжки журнала выйдутъ въ значительно увеличенномъ объемѣ.

Съ разрѣшенія Св. Синода съ новаго 1902 года подписная плата на „Миссіонерское Обзорѣніе“ *остается ОДНА — ВЪ ШЕСТЬ руб., Заграницу 9 руб.*; подписка на неполное изданіе (въ 5 р.) не будетъ приниматься.

Въ новомъ 1902 г. „Миссіонерское Обзорѣніе“ выходитъ къ 10 числу каждаго мѣсяца въ слѣдующемъ составѣ и порядкѣ:

1) 12 ежемѣсячныхъ выпусковъ журнала, въ объемѣ отъ 10 до 15 печатныхъ листовъ. (Одна книжка журнала въ вакаціонное время выйдетъ сводною: июль—августъ).

2) 2 книжки *Приложенія.*

3) 6 выпусковъ проповѣдническихъ Приложеній (двухмѣсячники), подъ заглавіемъ *Проповѣди „Миссіонерскаго Обзорнія“*, съ миссіонерскими при нихъ листками, въ формѣ отвѣтовъ изъ „Слова Божія“.

Всѣ отдѣлы приложеній къ журналу „Миссіонерскаго Обзорнія“ главнымъ образомъ *предназначены для православныхъ чадъ Церкви*, а потому „Миссіонерское Обзорніе“ является органомъ интереснымъ и полезнымъ не только для приходовъ съ расколо-сектантскимъ населеніемъ, (какъ многіе ошибочно предполагаютъ), но и для всѣхъ читающихъ православныхъ людей, не зараженныхъ религіозными лжеученіями вѣка сего, да и въ самомъ журналѣ многое, прямо необходимое по нашимъ духовно-смутнымъ временамъ, особенно же для миссіи среди интеллигенціи, найдутъ для себя и пастыри, и пасомые.

Всѣ статьи въ „Мисс. Обзор.“ отличаются жизненнымъ содержаніемъ, научно-популярнымъ изложеніемъ и небольшимъ объемомъ.

Программа книг. журнала „Миссіонерскаго Обзорнія“ остается прежняя. Между прочимъ, въ отдѣлѣ *сектовѣднія* будутъ помѣщены интересные *„черты русскаго сектантства и его социально-политическія воззрѣнія“* профессора Лейпцигскаго университета доктора богословія Іоанна Геринга, въ переводѣ проф. Харьк. универ. прот. Буткевича. Въ отдѣлѣ *миссіонерской полемики* будетъ вестись (К. Н. Плотноковымъ) критическое обзоріе печатаемыхъ въ епархіальныхъ органахъ *бесѣдъ* съ раскольниками и сектантами. Особенное вниманіе обращено также и на *лѣтопись* духовной и свѣтской печати.

Въ проповѣдническихъ выпускахъ „Миссіонерскаго Обзорнія“ будетъ напечатано 80 поученій прот. о. Николая Русанова, представляющихъ собою *исторію новаго завіта*, изложенную въ пастырскихъ поученіяхъ расположенныхъ въ кругу церковнаго года.

Священная исторія служитъ у автора основой каждаго поученія, далѣе берутся изъ богослужебныхъ пѣснопѣній доказательства при раскрытіи истинъ вѣры, нравственныя наставленія вездѣ жизненны, просты; всѣ поученія содержательны, не многоглаголивы и кратки. Поученія о. Русанова будутъ печататься особымъ счетомъ страницъ, такъ что изъ нихъ составитя въ концѣ года отдѣльная книжка подъ заглавіемъ „Свящ. Исторія въ пастырскихъ поученіяхъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ проповѣдническіе выпуски „Миссіонерскаго Обзорнія“ войдутъ: I. Слова и бесѣды на воскресные и праздничные дни (выбранныя и примѣненныя къ современнымъ запросамъ жизни и среды) изъ святоотеческихъ твореній и изъ проповѣдей знаменитѣйшихъ витій отечественной Церкви. II. Катихизическія поученія о богослуженіи православной Церкви. III. Церковныя миссіонерскія проповѣди въ огражденіе чадъ Церкви отъ раскольничьяго и сектантскаго суетумдрія.

V. *Ответы изъ слова Божія* вопрошающимъ (какъ темы и пособіе при составленіи проповѣдей).

Въ проповѣдническомъ приложеніи 1902 г., особымъ счетомъ страницъ, будетъ продолжено печатаніе *церковныхъ словъ* заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи, В. Ѳ. Плотникова,

издавна пользующагося почтенною извѣстностью знаменитаго церковнаго вѣти.

Въ теченіе 1902 г. предложено издать 2-й томъ проповѣдей маститаго профессора на пассив.

Книжки приложенія представляютъ собою сборники статей *экзегетическихъ* (будетъ въ 1902 г. дано миссіонерское изъясненіе соборныхъ посланій), *святоотеческихъ* и *апологетическихъ*, (главнымъ образомъ изъ отдѣльно не изданныхъ трудовъ проф. Пѣвницкаго). **Отдѣлъ для народнаго чтенія въ семьѣ и школѣ**—*духовныя стихотворенія, свящебноисторическіе очерки и беллетристическіе рассказы изъ жизни и быта раскола и сектантства.*

Редакціей издается православный МИССИОНЕРСКИЙ календарь, который, въ качествѣ бесплатнаго приложенія къ журн. „Мис. Обзор“, въ началѣ новаго года будетъ разосланъ нашимъ подписчикамъ (вмѣсто объявленнаго въ прошломъ году стѣннаго вѣчнаго календаря, изданіе котораго встрѣтило непреодолимые препятствія) **Миссіонерскій календарь** представляетъ собой первый опытъ подобнаго изданія, въ него войдутъ: I. **святцы**,—съ краткими описаніями тѣхъ чертъ жизнедѣятельности святыхъ угольниковъ Божіихъ, которыя поучительны и въ миссіонерскомъ дѣлѣ.

II. **Мысли о миссіи и миссіонерахъ**, заимствованныя изъ твореній Св. Отцовъ, изъ наставленій святителей и апологетовъ русской Церкви и изъ сочиненій русскихъ мыслителей.

III. **Устройство и правила миссіи**. Миссіонерскіе совѣты (опытъ инструкцій) пастырямъ Церкви и мірянамъ. Миссія устная и литературная. Библиографическій указатель главнѣйшихъ и нужнѣйшихъ сочиненій по расколо-секто-вѣдѣнію и обличенію.

IV. **Характеристика** раскольничьихъ толковъ и сектъ раціоналистическихъ и мистическихъ.

V. **Православному мірянину**, живущему среди отпадшихъ отъ Церкви, наставленія о догматахъ вѣры и обрядахъ церкви, пререкаемыхъ расколосектантами.

VI. **Отвѣты изъ слова Божія** вопрошающимъ о догматахъ вѣры, съ миссіонерскимъ сводомъ текстовъ, нужныхъ въ полемикѣ съ сектантами.

VII. **Церковныя, юридическія и статистическія свѣдѣнія** о расколѣ и сектахъ о воссоединеніяхъ и личный составъ епархіальныхъ миссій.

Цѣна календарю въ продажѣ будетъ не менѣе 1 руб.

При „Миссіонерскомъ Обзорѣ“ будетъ продолжаться также и изданіе „Народно-Миссіонерской Библиотечки“ и подписчикамъ будетъ дано

свыше 50 экз. (вновь изданныхъ и пересмотрѣнныхъ исключительно для Библиотечки) отдѣльныхъ выпусковъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) Ответы изъ слова Божія; б) Святоотеческія наставленія объ основныхъ истинахъ вѣры; в) Духовно-беллетристическіе и религіозно-бытовые рассказы и очерки изъ жизни сектантовъ и раскольниковъ. Цѣна 2 р. Присылающіе требованіе при подпискѣ на журналъ прилагаютъ только 1 р. 50 к.

Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ призналъ „Миссіонерское Обзоріе“ изданіемъ необходимымъ для церковныхъ библиотекъ приходовъ Имперіи, зараженныхъ заблужденіями сектъ и раскола, а также для *благочиническихъ* и *епархіальныхъ* библиотекъ. Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ рекомендовалъ миссіонерскій журналъ для пріобрѣтенія въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ въ особенности же тѣхъ мѣстностей, которыя заражены расколомъ и сектантствомъ, а Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ рекомендовалъ „Миссіонерское Обзоріе“ для пріобрѣтенія въ библіотеки духовныхъ семинарій.

Оставшіяся въ незначительномъ количествѣ изданія журн. Мис. Обзор. за прежніе годы можно выписать изъ Конторы Редакціи—за 1896, 1898 и 1899 по 4 р., 1901 г. по 5 р., за 1900 г. (неполное изданіе)—3 р. Пересылка по вѣсу.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Литейный, № 34.

Подписка принимается въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицы и всѣхъ городовъ.

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

Миссія среди интеллигенціи.

(Докладъ, читанный въ Орловскомъ миссіонерскомъ създѣ).

«Быхъ немощнымъ яко немощенъ,
да немощныя приобряшу»...

1 Кор. IX, 22.

 ЕЛИГИОЗНОЕ настроеніе русскаго такъ называемаго интеллигентнаго общества, крайне печальное съ точки зрѣнія православнаго христіанина, въ переживаемое нами время, кажется, ничѣмъ *по существу* не отличается отъ того, какимъ оно было 20—40 лѣтъ тому назадъ. Ибо при всей разнохарактерности увлеченій общества модными теоріями и вѣяніями, при видимомъ разнообразіи тѣхъ идоловъ, коимъ оно поклонялось въ послѣднее полустолѣтіе, одна общая черта присуща всѣмъ этимъ увлеченіямъ и объединяетъ ихъ въ одно цѣлое,—это уклоненіе отъ Истины и блужданіе по распутіямъ міра внѣ Церкви. Въ этомъ послѣднемъ заключается существенный характерный признакъ настроеній наибольшей части русскаго общества во всѣ періоды его жизни.

Въ послѣдній періодъ эта черта общаго настроенія стала болѣе рѣзко выдѣляться среди другихъ побочныхъ, несущественныхъ признаковъ, и это кладетъ свой отпечатокъ на наше время. Мы переживаемъ періодъ особенной напряженности противоцерковныхъ и противорелигіозныхъ стремленій крайнихъ элементовъ нашего общества, стремленій, граничащихъ съ открытой борьбой. По крайней мѣрѣ никогда еще у насъ не выражалась такъ открыто, такъ *цинично* страшная хула на все то, что дорого и свято каждому христіанину безъ различія вѣроисповѣданій. И никогда еще въ обществѣ не наблюдалось такого холоднаго, циничнаго равнодушія, какъ теперь, къ тому, что, казалось бы, должно вызвать

крикъ общаго единомудрнаго негодованія. Эти два явленія находятся между собой въ нѣкоторой связи. Цинизмъ отрицанія дѣйствуетъ на массу среднихъ людей растлѣвающимъ образомъ. Голый соблазнъ привлекателенъ для полуобразованныхъ, полуневѣрующихъ, полумыслящихъ людей. Но, къ счастью, есть и обратная сторона тѣхъ же явленій.

Цинизмъ отрицательной пропаганды, какъ и всякій голый цинизмъ, дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ на лучшихъ, болѣе чуткихъ, болѣе искреннихъ людей общества; передъ фактомъ циничнаго надругательства надъ тѣмъ, что свято, если не для нихъ, то для ихъ отцовъ, матерей, братьевъ и миллионовъ иныхъ людей, они останавливаются... и задумываются. Вотъ почему именно теперь такъ часто встрѣчаешь людей, хотя бы и невѣрующихъ, но въ то же время не уклоняющихся отъ умственнаго общенія и откровенной бесѣды съ искренно-вѣрующими. Тогда какъ недавно еще это было невозможно вслѣдствіе крайней исключительности и нетерпимости къ чужому мнѣнію со стороны послѣдователей господствующаго міровоззрѣнія. Теперь же многіе изъ увлеченныхъ общимъ потокомъ невѣрія и отрицанія начинаютъ *прислушиваться* къ голосу вѣры. Многое для нихъ въ этомъ голосѣ еще непонятно, но отраденъ уже самый фактъ, важно то, что это новое настроеніе *создаетъ* благопріятную *почву* для личнаго сближенія съ людьми невѣрующими и личнаго воздѣйствія на нихъ. Было бы непростительно съ нашей стороны и во всякомъ случаѣ грѣшно не воспользоваться этимъ благопріятнымъ для насъ моментомъ.

Но какимъ путемъ, какими пріемами возможно достигнуть въ этой области благопріятныхъ результатовъ? Здѣсь предъ нами вырастаетъ во всю величину громадной важности вопросъ *о миссіи среди интеллигенціи*. Вопросъ не нынѣшняго дня, вопросъ старый, но настойчиво требующій своего практическаго осуществленія именно въ наши дни.

Во всемъ своемъ объемѣ вопросъ этотъ охватываетъ великое разнообразіе отношеній личныхъ, церковно-общественныхъ и даже государственныхъ и вмѣщаетъ въ себѣ множество частныхъ вопросовъ, освѣщающихъ тѣ или другія стороны жизни, какъ напримѣръ: объ устраненіи или хотя бы смягченіи розни между обществомъ и духовенствомъ, о пользованіи печатью, какъ орудіемъ миссіи, объ устройствѣ

публичныхъ собесѣдованій и лекцій, о лучшей постановкѣ церковнаго проповѣдничества и законоучительства въ школахъ, объ устройствѣ кружковъ ревнителей вѣры, союзовъ христіанской молодежи и т. д.

Не берусь и не пытаюсь въ настоящее время своими слабыми силами освѣтить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ. Но, имѣя въ виду тѣ признаки благопріятнаго для насъ настроенія среди интеллигенціи, о коихъ я только что упомянулъ, считаю своимъ долгомъ указать лишь на то, что составляетъ первѣйшее и необходимѣйшее *условіе* всякой серьезной попытки личнаго воздѣйствія какъ со стороны пастырей и миссіонеровъ, такъ равно cadaго вѣрующаго христіанина на невѣрующаго или полувѣрующаго брата своего.

Условіе это заключается въ чувствѣ той *скорбнцей сердечной любви* къ погибающему брату, которая одна обладаетъ способностью *пониманія* чужой души и воздѣйствія на нее. Только съ *этимъ* чувствомъ возможно подойти къ ней ближе, возможно и заглянуть въ тайники ея, другому чувству недоступные, и дожидаться добрыхъ плодовъ отъ общенія съ ней. И наоборотъ. Отсутствіе въ насъ чувства братской снисходительности къ немощи другихъ ставитъ такое неодолимое препятствіе на пути взаимнаго общенія, что устраняетъ всякую мысль о какой-либо *миссіи*, о какомъ-либо воздѣйствіи на другихъ.

Мнѣ приходилось не разъ наблюдать очень грустное явленіе. Многіе пастыри (не знаю—какъ присяжные миссіонеры) при встрѣчѣ съ интеллигентомъ, о которомъ они имѣютъ какое-либо основаніе судить, что онъ невѣрующій, сразу становятся къ нему въ предвзято-враждебное отношеніе. Въ лучшемъ случаѣ они къ нему просто холодно-равнодушны. Онъ для нихъ человѣкъ чуждаго міра. И если его душа томится и мучится въ неразрѣшимыхъ вопросахъ, это томленіе и мука имъ странны, непонятны, а въ глазахъ иныхъ даже преступны. „Какое тамъ невѣріе, говорятъ они, какіе запросы, просто блажь одна!“.. Если же ты мучишься какими-либо сомнѣніями,—читай Слово Божіе; такъ всѣ сомнѣнія разрѣшаются. А если не вѣришь и Слову Божію, тогда съ тобой и разговаривать нечего!“..

Если *такое* отношеніе въ интеллигенціи есть общее явленіе

*

ніе, тогда нечего удивляться замкнутому, холодному отношенію ея къ намъ—пастырямъ Церкви, тогда станетъ понятнымъ и тотъ фактъ, что за разрѣшеніемъ своихъ религіозныхъ томленій эта же интеллигенція идетъ или къ *своимъ* учителямъ, какъ Ѳ. Достоевскій и Влад. Соловьевъ, или въ единичныхъ случаяхъ къ такимъ высокимъ свѣтильникамъ вѣры, какъ почившій Оптинскій старецъ о. Амвросій, въ сердцѣ коего было не тѣсно всѣмъ безъ исключенія.

Счастливы тотъ, кто условіями своего рожденія, домашняго воспитанія, обученія, быта спасенъ отъ жала невѣрія, чья душа никогда не смущалась никакими сомнѣніями. Милость Божія охранила такого человѣка отъ великихъ искушеній. Но, если онъ пастырь, то онъ долженъ знать, что эти искушенія существуютъ, и что тѣ несчастные, кои страдаютъ отъ нихъ, заслуживаютъ меньшей въ себѣ жалости, чѣмъ голодные и нищіе. И тотъ, кто проходитъ мимо этихъ несчастныхъ съ самодовольнымъ спокойствіемъ, не подобенъ ли тому, кто вкладываетъ въ протянутую ему руку камень вмѣсто хлѣба?

Вѣдь надо же согласиться, что невѣріе бываетъ разное, по различію производящихъ его причинъ. Есть невѣріе отъ жестокосердія, отъ гордости и кичливости ума, отъ извращенности и грубости нравственнаго чувства, и есть невѣріе отъ соблазна, отъ увлеченія чужимъ примѣромъ, духомъ времени, общимъ теченіемъ. Есть невѣріе книжниковъ и фарисеевъ, и есть невѣріе апостола Ѳомы. Развѣ мы можемъ къ тому и другому невѣрію относиться одинаково безразлично или одинаково сурово.

„Во времена преобладающаго невѣрія, писалъ недавно Вл. Соловьевъ, важно различать, съ *какимъ* невѣріемъ имѣешь дѣло. Есть ли это невѣріе грубо-матеріальное, скотоподобное, не способное возвыситься до самаго понятія объ истинѣ,—о такомъ бесполезно разсуждать; или это есть невѣріе лукавое, сознательно злоупотребляющее разными полупривѣрами изъ враждебнаго страха передъ полною истиною,—за этою змѣею необходимо слѣдить, безъ гнѣва и боязни раскрывая всѣ ея ухищренные извороты; или, наконецъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто-человѣческимъ, добросовѣстнымъ невѣріемъ, жаждущимъ только полного и окончательнаго удостовѣренія въ совершенной истинѣ. Это невѣріе типа апостола Ѳомы

имѣть всѣ права на нравственное наше признаніе, и если мы не можемъ, подобно Христу, дать этимъ людямъ требуемое ими удостовѣреніе истины, то ни въ какомъ случаѣ не должны мы осуждать и отвергать ихъ“... ¹⁾ Мало того, скажу я. Не только не должны отвергать или осуждать ихъ, но *теперь* именно, когда рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ обострилось до высшей степени и стало для очень многихъ искреннихъ натуръ дѣломъ жизни и смерти, намъ надо идти *на-встрѣчу* малѣйшему наклону въ нашу сторону людей колеблющихся. И это есть долгъ не только призванныхъ миссіонеровъ, не только пастырей Церкви, но и каждого христіанина, какъ выраженіе его живой вѣры и не менѣе живой любви. Теперь именно болѣе, чѣмъ когда-либо, неумѣстна гордая исключительность и фарисейское равнодушіе къ положенію немощныхъ по вѣрѣ собратій.

Побольше сердечной *жалости* и снисходительности къ нимъ, побольше серьезной *вдумчивости* въ ихъ положеніе и запросы души,—это и есть одно изъ первыхъ условій, безъ соблюденія коихъ нельзя созидать великое дѣло миссіи среди интеллигенціи.

Свящ. І. Фудель.

¹⁾ „Три разговора“ стр. 251.

Единовѣріе и унія.

Единовѣріе и унія—эти два слова не мыслятся въ сознаніи большинства изъ насъ съ опредѣленнымъ, каждому изъ нихъ лишь свойственнымъ, содержаніемъ; а поэтому русское единовѣріе и западно-католическая унія, какъ церковно-историческія явленія, плохо намъ извѣстны со стороны пунктовъ ихъ сходства и различія. Мы склонны иногда ихъ смѣшивать, а иногда, пожалуй, и отождествлять. А между тѣмъ такое смѣшеніе въ результатѣ своемъ вредно для единовѣрія и, слѣдовательно, для Церкви православной и полезно только лишь раскольникамъ. Неудивительно поэтому, что этими послѣдними оно давно уже выставлено и съ усердіемъ распространяется въ ихъ письменныхъ произведеніяхъ и на бесѣдахъ ¹⁾. Отсюда естественно желаніе, хотя во второмъ столѣтіи существованія единовѣрія, освободить его отъ напрасныхъ и для него обидныхъ смѣшеній и сопоставленій его съ уніей.

I.

Единовѣріе, какъ показываетъ самое названіе, есть единеніе въ вѣрѣ, т. е. единеніе въ дѣлахъ и отношеніяхъ не внѣшнихъ—экономическихъ, соціальныхъ или политическихъ, а въ дѣлахъ, относящихся къ главной внутренней, духовной потребности и сторонѣ существа человѣческаго—къ вѣрѣ, къ религіи, ко спасенію. Поэтому и источникомъ происхожденія своего единовѣріе можетъ имѣть не столько запросы пытливаго ума, сколько потребности религіозно-настроенной души, вѣрующаго сердца. Унія, по переводѣ съ латинскаго языка, будетъ означать просто единство, единеніе, безъ обозначенія предмета, на который оно простирается. Ничто иное, какъ унія, суть единенія въ цѣляхъ чисто

¹⁾ Подробности см. въ моей книгѣ „Единовѣріе за время столѣтняго существованія его въ русской Церкви“, гл. IV.

экономическихъ, когда, допустимъ, два конкурирующихъ общества, при взаимныхъ другъ другу уступкахъ, сходятся къ соглашенію для общей матеріальной пользы. Унію заключаютъ между собой различныя соціальныя и политическія партіи для достиженія тѣхъ или другихъ своихъ выгодъ у правительства. Ничѣмъ инымъ, какъ уніей, былъ и такъ называемый концертъ державъ въ Китаѣ во время послѣднихъ смутъ тамъ. Уніей называется и религіозное объединеніе разныхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Такимъ образомъ, унія мыслится нами съ характеромъ чисто внѣшняго объединенія и источникомъ своимъ имѣетъ соображенія главнымъ образомъ практическаго направленія и свойства. Выводнымъ же отсюда различіемъ между единовѣріемъ и уніей будетъ то, что единовѣріе есть искреннѣйшее „желаніе, да обрящемся точно другъ другу единовѣрцы по вѣрѣ истинной, православной, чистой, непорочной, отъ Господа Спасителя черезъ святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отцевъ преданной, и непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ и до насъ достигшей“ ¹⁾; а унія—это компромиссъ между интересами, хотя бы и религіозными, входящихъ въ унію сторонъ. Что вѣрно представлено нами различіе въ содержаніи, мыслимомъ въ словахъ единовѣріе и унія, это подтвердить дальнѣйшее разсмотрѣніе того, что такое русское единовѣріе и западно-католическая унія, какъ церковно-историческія явленія.

Единовѣріе—это единеніе нашихъ старообрядцевъ съ православною Церковію въ вѣрѣ, таинствахъ и священноначаліи, подъ условіемъ сохраненія у нихъ старыхъ церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. Унія же—это единеніе восточныхъ христіанъ-грековъ XIV в. или юго-западныхъ русскихъ XVI в. съ латинами-католиками въ вѣрѣ, въ догматахъ, но съ различіемъ не только въ церковной обрядности, но и въ таинствахъ и священноначаліи. Чтобы нагляднѣе опредѣлить единовѣріе и унію, приведемъ здѣсь условія единенія въ единовѣрїи и условія единенія въ уніи.

Въ основаніе единовѣрїя положены, какъ извѣстно, слѣ-

¹⁾ М. Филаретъ. Собраніе мнѣній и отзывовъ, томъ дополнительный, стр. 496.

дующія условія московскихъ старообрядцевъ съ замѣчаніями на нихъ м. Платона отъ 1800 г.

1. Дабы Св. Синодъ разрѣшилъ преждеположенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобныя сему обряды.

Замѣчаніе м. Платона на 1. Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ, разрѣшить: ибо, хотя церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ, и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются, или паче соединяются съ церковію, и истину ея, и таинство, и священство ея признаютъ дѣйствительными, то и потребно сіе разрѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся отъ церкви имѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобы сіе разрѣшеніе было открытѣе и ихъ болѣе успокоивающее, то надъ каждымъ принимаемымъ къ дозволяемой имъ церкви прочесть епископу или презвитеру съ возложеніемъ руки слѣдующую разрѣшительную молитву: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Своею и человеколюбіемъ, да разрѣшитъ ты, къ церкви святой обращающася, отъ всѣхъ клятвъ, имже отъ церкви отторженіемъ отъ нея подвергся еси. И азъ недостойный архіерей или іерей (имя рекъ), властію отъ него мнѣ данною, разрѣшаю ты раба Божія (имя рекъ) отъ оныхъ клятвъ и всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“.

2. Да благоволитъ ваше преосвященство избрать священниковъ и діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ старообрядчествѣ, и по желанію прихожанъ. Если же таковыхъ не окажется, то хиротонисать по преждепечатнымъ книгамъ избранныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ священниковъ и по согласію прихожанъ. Также священниковъ, уклонившихся въ старообрядчество донинѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ вашему высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божию и требы христіанскія; отлучившіеся же таковыя священники безъ воли своего епископа впредь къ старообрядческимъ церквамъ принимаемы не будутъ.

2) Вторую статью во всей ея силѣ, по снисхожденію, дозволить: но съ тѣмъ, чтобы опредѣлить вновь священниковъ по избранію прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію епископа, а прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей церкви, совѣсти и сана своего, къ таковой церкви не опредѣлять.

8. Дабы Св. Синодъ и ваше высокопреосвященство благословили старообрядческимъ священникамъ службу Божию,

таинства и требы христіанскія совершать по прежде печатаннымъ книгамъ при всероссійскихъ патріархахъ Іовѣ, Ергогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, чему слѣдовать должны діаконы и церковнослужители.

3) Третію статью также дозволить: ибо хотя въ книгахъ, ими употребляемыхъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе сего.

4. Церкви для старообрядцевъ освятить вашему высокопреосвященству по старопечатнымъ книгамъ, или по благословенію вашего высокопреосвященства старообрядческимъ священникамъ, и да будутъ антиминсы, освященные при вышеименованныхъ патріархахъ, или вновь освящены быть имѣютъ вашимъ высокопреосвященствомъ по старопечатнымъ книгамъ и изображены такъ, какъ показано въ старопечатномъ Потребникѣ.

4) На четвертую статью можно преподать согласіе.

5. Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Грекороссійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ по благословенію вашего высокопреосвященства въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія: также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады брѣющихъ и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обычаями, выключая высочайшихъ особъ. Старообрядцамъ, хотя и не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійскія церкви, таковымъ не возбранять присоединиться къ церкви старообрядческой.

5) Также. Но что надлежитъ до недопущенія имъ въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно: а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ съ наставленіемъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ церкви, ими просимой, и другимъ не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованію отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ и то, нашедши его таковымъ, при принятіи къ церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ, никакъ до такового присоединенія не допускать.

6. Старообрядческимъ священникамъ и пріемлющимъ сіе священство старообрядцамъ по духовнымъ дѣламъ быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у вашего высокопреосвященства: по дѣламъ же, принадлежащимъ до старообряд-

цевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, исключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія: но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ Св. Синоду и вашему высокопреосвященству, на то имѣть особаго писмо-водителя, съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго.

6) Сію статью можно принять.

7. Старообрядческіе священники да будутъ снабжены святымъ мѣромъ отъ вашего высокопреосвященства.

7) Пріемлется.

8. Старообрядческихъ священниковъ не принуждать исповѣдь имѣть, кромѣ старообрядческихъ же священниковъ.

8) Оставить сіе каждому священнику на совѣсть.

9. Благоволите ваше высокопреосвященство благословлять священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста по обыкновенію древле бывшему въ Россіи.

9) Сіе предоставитъ благоразумію и совѣсти каждаго епископа, однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10. Священнодѣйствія, донынѣ старообрядческими священниками учиненныя, какъ-то: крещеніе, бракосочетаніе, монашество (если къ сему не окажется со стороны свѣтскаго правительства препятствія) и другія требы христіанскія, да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторятъ оныя, развѣ токмо окажется каковой-либо изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ, бывшихъ донынѣ, самозванецъ, или правильно изверженный, священнодѣйствія оныя совершать. Также и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не должны исправлять пріемлемыя старообрядцами отъ Греко-россійской церкви священныя тайны, какъ-то: хиротонію, крещеніе, мѣропомазаніе, бракъ и проч.: не принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

10) Пріемлется.

11. Если кто изъ сыновъ Грекороссійской церкви пожелаетъ пріобщаться святыхъ тайнъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять.—Равно же если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщаться святыхъ тайнъ въ Грекороссійской церкви—не возбранять оному.

11) По сей статьѣ, сынъ православной Грекороссійской церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найти православнаго священника и церкви, а старообрядцу позволять то безъ всякаго затрудненія.

12. Если учинить старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковой представляется суду вашего высокопреосвященства. А если жъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести

наказаніе, таковой епитиміюется при церквахъ старообрядческихъ по разсужденію вашего высокопреосвященства.

12) Пріемлется.

13. При старообрядческихъ церквахъ имѣтъ троечастныя книги.—Но во время святыхъ постовъ, если кто изъ старообрядцевъ, по каковымъ-либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на исповѣди и у причастія святыхъ таинъ не будетъ, таковыхъ ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ никуда не представлять: но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ. Если жъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ уклоняться будетъ отъ оныхъ святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги и наказывать епитиміею и другимъ духовнымъ исправленіемъ.

13) Хотя на сію статью и можно согласиться; но какъ деньги штрафныя собираются въ казну, то сіе зависить отъ благоусмотрѣнія Св. Синода. А ежели бъ и всѣ православные отъ онаго штрафа были освобождены, а наказываемы бъ они были за духовное преступленіе духовными епитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ.

14. Если случится быть браку состоящему одной половины Грекороссійской церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской, или старообрядческой церкви.

14) Сію статью принять можно.

15. Священники старообрядческіе во всѣхъ служеніяхъ имѣютъ приносить моленіе о высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей фамиліи, и прочихъ кого слѣдуетъ, по данной отъ Св. Синода формѣ.

15) Сіе необходимо потребно.

16. Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо таковая обосторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове Грекороссійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя святыхъ соборныхъ и апостольскія церкви.

16) Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

На какихъ условіяхъ заключена была уніа юго-западныхъ русскихъ ¹⁾ съ Римомъ, это лучше всего видно изъ

¹⁾ Эту послѣднюю унію беремъ во вниманіе, а не унію грековъ съ латинами потому, что на эту именно унію главнымъ образомъ ссылаются враги единовѣрія и потому, что въ этой уніи подробнѣе формулированы условія единенія.

одного наказа юго-западныхъ епископовъ, заключавшихъ унию, гдѣ эти условія точно ими формулированы въ слѣдующихъ „артикулахъ“.

1) Чтобы церкви главныя, епископіи наши остались навѣки нерушимо въ своихъ набожествахъ и церемоніяхъ.

2) Владычество и церкви русскія, монастыри, имущества, пожалованья и все духовенство должны оставаться навѣки въ цѣлости, по стародавнему обычаю, подѣ властію, благословеніемъ и жалованіемъ епископскимъ, во всякомъ послушаніи обычномъ.

3) Всѣ дѣла церковныя, служба Божія, церемоніи и обряды остаются нерушимыми и отправляются по старому календарю.

4) Чтобы былъ намъ на сеймѣ почетъ и мѣсто въ радѣ, дабы, находясь подѣ благословеніемъ святѣйшаго пастыря римскаго, мы тѣшились и веселились.

5) Чтобы проклятіе патріарховъ (восточныхъ) намъ не вредило.

6) Чтобы монахи изъ Греціи, которые пріѣзжаютъ сюда грабить насъ и которыхъ мы признаемъ шпіонами, никакой власти больше надъ нами не имѣли.

7) Чтобы уничтожены были всѣ привиллегіи, данныя патріархами братствамъ и другія, ибо чрезъ ихъ размножились разныя секты и ереси.

8) Каждый новый епископъ посвящается митрополитомъ кіевскимъ, а митрополита посвящаютъ всѣ епископы, съ благословенія папы Римскаго и безъ всякой платы.

9) Чтобы всѣ эти артикулы королевская милость подтвердила намъ своими грамотами“¹⁾...

Сопоставимъ теперь пункты единовѣрія съ условіями западно-русской униі; что же мы найдемъ? Да то, что между ними нѣтъ почти никакого сходства, никакихъ пунктовъ соприкосновенія. Единовѣріе заключается русскими людьми одной вѣры, разнящимися лишь въ обрядахъ и текстѣ богослужебныхъ книгъ; унию заключаютъ православные русскіе съ католиками, т. е. люди, сильно расходящіеся въ вѣрѣ. Дѣло о единовѣрїи ведется самимъ народомъ и по желанію народа; униа заключается епископами и вопреки желанію народа. Мотивомъ къ единовѣрїю было сознаніе невозможности спастись безъ епископовъ и священниковъ; вопросъ объ униі возникъ вслѣдствіе желанія епископовъ улучшить свое матеріальное благосостояніе и независимое положеніе въ го-

¹⁾ Соловьевъ С. М. Исторія Россіи, кн. 2, изд. Товарищества „Обществ. Польза“, т. X, стр. 1429—1430.

сударствѣ и среди народа ¹⁾. Вступающіе въ единовѣріе говорятъ въ своихъ пунктахъ лишь о вопросахъ вѣры и церковной внѣшности; заключающіе унію только въ 1, 3 и 8 условіяхъ касаются вопросовъ вѣры, а въ остальныхъ шести пунктахъ обуславливаютъ свое экономическое и государственное благополучіе. Первые заботятся, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы клятвы и порицанія на старые обряды болѣе не слышались и чтобы брадобрійцы и крестящіеся троеперстно не допускались совмѣстно съ ними къ богослуженію; вторые обезпечиваютъ себѣ почетъ и богатство въ государствѣ и безопасность отъ греческихъ патріарховъ и монаховъ и отъ всѣхъ русскихъ религіозныхъ братствъ. Такова, такъ сказать, внѣшняя сторона единовѣрія и уніи. Сходства между ними, какъ видимъ, здѣсь нѣтъ никакого. Повидимому, сходство единовѣрія съ уніей нужно ожидать въ тѣхъ пунктахъ ихъ, которые касаются вѣры и церковной внѣшности; но и это лишь только повидимому. Единовѣрцы, признавая русскую Церковь за православную и входя въ покорность ей, новаго въ свое религіозное міровоззрѣніе не привносятъ: они измѣняютъ лишь имъ чуждое, наносное мнѣніе раскола конца XVII и всего XVIII вѣковъ на древнерусское, общее всѣмъ русскимъ убѣжденіе, что Русь—православная страна. Они, такимъ образомъ, возвращаются, подобно блудному сыну, на отчее лоно, къ матери Церкви. Уніаты признаютъ римское католичество за православное и отдаютъ себя въ покорность папѣ, какъ главѣ вселенской Церкви. Ни того, ни другого не знала никогда ни русская, ни древне-греческая Церковь; значить, уніаты вводятъ въ свое религіозное міровоззрѣніе новые, чуждые русскимъ людямъ, пункты ученія. Они, также подобно блудному сыну, съ полученнымъ ими отъ матери ихъ русской Церкви богатствомъ отходятъ въ страну далече, для приумноженія славы міра сего, чтобы снова черезъ нѣсколько вѣковъ возвратиться въ домъ отчій ²⁾. Далѣе—уніаты признаютъ главенство папы, но желаютъ ли входить съ нимъ въ общеніе

¹⁾ Знаменскій В. П. Руководство къ р. ц. исторіи, изд. 5, стр. 162, 166.

²⁾ Какъ извѣстно, русскіе уніаты въ теченіе прошлаго XIX столѣтія возвратились снова къ православной Церкви.

духовное и принимать отъ него рукоположеніе? Однако осьмое изъ условій уніи говорить, что „каждый новый, т. е. уніатскій, епископъ посвящается митрополитомъ Кіевскимъ, а митрополита посвящаютъ всѣ епископы, съ благословенія папы Римскаго“. Такимъ образомъ уніаты не хотятъ имѣть общеніе съ католическимъ духовенствомъ въ дѣлѣ рукоположенія имъ епископовъ; они хотятъ имѣть свое собственное духовенство, рукополагаемое своими же епископами. За папой оставляютъ лишь чисто внѣшнюю прерогативу—благословеніе на рукоположеніе. А между тѣмъ единство іерархіи, единство источника благодати хиротоніи, а чрезъ нее и благодати таинствъ церковныхъ вообще, есть наиважнѣйшій признакъ всякаго религіознаго единенія вѣрующихъ, есть необходимое требованіе для всякаго совокупнаго пребыванія во единой Церкви, естественное условіе принадлежности къ единому тѣлу церковному. Гдѣ нѣтъ этого единства во іерархіи т. е. въ источникѣ благодатныхъ удовъ церковныхъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть внутренняго, жизненнаго церковнаго единенія. Поэтому и югозападные уніаты въ первое время заключенія уніи далеко не едино были съ католиками: унія была и жила сама по себѣ, католицизмъ—самъ по себѣ,—какъ два самостоятельныхъ вѣроисповѣдныхъ общества, какъ двѣ Церкви. Поэтому-то католики, сознавая ненормальность такого порядка вещей, съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія уніи стремились, какъ увидимъ ниже, къ уничтоженію его и къ сліянію уніи съ католичествомъ.—Не то видимъ въ единовѣрїи: здѣсь единеніе съ Русскою Церковію не только въ епископствѣ, но и въ другихъ степеняхъ іерархіи: здѣсь полное единство въ священствѣ и дарахъ благодати Божіей, чрезъ священство на вѣрующихъ изливаемой.

Единеніе единовѣрцевъ съ православною Церковію, помимо единства ихъ іерархіи, выражается еще между прочимъ въ единствѣ ихъ таинствъ. Еще первые возбудители дѣла о единовѣрїи въ п. 11-мъ просили, чтобы какъ единовѣрцы въ православныхъ Церквахъ, такъ равно и православные въ единовѣрческихъ одинаково допускались къ принятію Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Это и практикуется въ настоящее время вполне свободно.—Обращаясь къ уніи, мы встрѣчаемся съ просьбой первыхъ уніатовъ, чтобы „служба Божія, церемоніи и обряды отправлялись у

нихъ по старому календарю“ т. е. по грековосточнымъ обычаямъ и правиламъ, и, дѣйствительно, какъ знаемъ, таинства у уніатовъ отправляются по грековосточнымъ установленіямъ. Иначе и быть не могло, разъ у уніатовъ сохранилась ихъ собственная, отъ католиковъ отдѣльная іерархія. Эта русская іерархія и могла совершать и таинства только по русскимъ потребникамъ. А отсюда получалось то, что удалившіеся отъ католичества чрезъ сохраненіе своей собственной іерархіи, уніаты удалялись отъ него еще далѣе, сохраняя за собой русскія правила и установленія въ совершеніи таинствъ. Насколько же важно удаленіе это, можно судить по тому, какое ученіе существуетъ у католиковъ и у православныхъ относительно таинствъ вообще. У католиковъ относительно таинства существуетъ теорія о такъ называемомъ „*opus operatum*“, т. е. дѣло сдѣланное. Они согласно ей учатъ, что разъ таинство совершено законнымъ образомъ, законно для того поставленнымъ лицомъ, то оно непременно спасительно безотносительно къ вѣрѣ, къ душевному расположенію и даже желанію приступающаго къ этому таинству. Вся сила этого послѣдняго, вся его спасительность полагается не во внутренней его сущности, а во-внѣ—въ совершителѣ таинства, въ священникѣ. Разъ этотъ—законный, и по установленному чину совершилъ онъ таинство, то хотя бы приступающій къ нему и не желалъ его, оно его спасаетъ. Русская же православная Церковь для спасительности таинства требуетъ непременно соотвѣтствующаго душевнаго расположенія отъ пріемлющаго его, и разъ этого послѣдняго не будетъ, то и законно совершенное таинство не только не спасительно, но оно служитъ въ судъ и осужденіе. Какъ видимъ, во взглядѣ на таинства между католичествомъ и русскою Церковью громадная и существенная разниа. Уніаты, пожелавшіе остаться съ ихъ епископами и таинствами, чрезъ это самое, слѣдовательно, не признали ученія католиковъ о таинствахъ. Значитъ, удаляясь отъ католиковъ въ общеніи въ таинствахъ, уніаты удалялись и отъ ихъ ученія о нихъ; значитъ, разошлись не только въ службѣ, обрядахъ и церемоніи, но и въ самой вѣрѣ съ католиками.

Итакъ, сходство единовѣрія съ уніей лишь видимое сходство по внѣшнимъ признакамъ, а не по внутренней ихъ

сущности. По этой послѣдней единовѣріе и православіе—одно и то же: различіе ихъ лишь въ обрядности и притомъ не большее, чѣмъ различіе въ томъ же между, допустимъ, греческой и русской православными Церквями. Унія же отличается отъ католичества по самой своей сущности,—отличается во всемъ, кромѣ одного пункта: признанія главенства папы. Сходясь съ католиками въ этомъ, уніаты не хотѣли имѣть общій съ ними источникъ благодатныхъ даровъ,—не хотѣли имѣть единую іерархію и таинства. Эту сторону въ уніи не могли не замѣтить даже и раскольники. Болѣе безпристрастные изъ нихъ прямо засвидѣтельствовали разницу между единовѣріемъ и уніей съ этой стороны. Лже-епископы раскольническіе Антоній Московскій, Пофнутій Шутовъ въ одной тетрадкѣ противъ единовѣрія писали: „Уніаты, соединившись съ западнымъ костеломъ, дали Римскому папѣ обязательство быть съ нимъ согласными въ исповѣданіи вѣры, а потому и всѣ латинскіе догматы признали отцепреданными и дѣйствительными, однако съ тѣмъ, чтобы причащеніе Тѣла и Крови Христовой, чинъ Крещенія и прочіе обряды и церемоніи совершать по преданію Восточной Церкви и, наконецъ, самимъ поставлять и епископовъ, по своему избранію, не относясь о томъ къ папѣ Римскому. И, кажется, только въ семъ послѣднемъ случаѣ русскіе соединенцы отъ тѣхъ рознятся, что и священствомъ имъ отъ той же Церкви, съ которой они соединились, безъ всякаго различія непосредственно заимствуются“... Хотя и не въ этомъ одномъ пунктѣ рознятся единовѣрцы отъ уніатовъ, но если бы только и въ немъ, и то, какъ мы видимъ, разница была бы между ними настолько велика и существенна, что сблизать ихъ нѣтъ основанія. Такъ говорить могутъ лишь люди, которые, какъ авторъ вышеприведенныхъ словъ, не знаютъ всего значенія для единства вѣрующихъ единенія ихъ во единой іерархіи и таинствахъ. Такимъ образомъ и раскольники, хотя и не сознавая того, сами опредѣлили и выставили всю разницу между единовѣріемъ и уніей; только они не сумѣли оцѣнить этой разницы и придать ей надлежащее значеніе. Это можетъ сдѣлать лишь знаніе католичества и безпристрастіе къ единовѣрію, чего и не достаетъ раскольническимъ писателямъ.

М. Челызовъ.

I.

Вопросъ о свободѣ совѣсти на Орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ.

(По поводу доклада г. Стаховича).

Между 16-мъ и 24-мъ сентября нынѣшняго года въ г. Орлѣ, по почину епископа Никанора, состоялся епархіальный сѣздъ миссіонеровъ. Что потребность въ подобномъ сѣздѣ была дѣйствительно велика, видно изъ того, что на него собрались дѣятели миссіи со многихъ концовъ Россіи, такъ что сѣздъ получилъ уже характеръ скорѣе областного. Всѣхъ принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ было человѣкъ около 90: на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ предсѣдательствовалъ Орловскій епископъ Преосвященный Никаноръ, священниковъ было около 60, главнымъ образомъ сельскихъ, нѣсколько низшихъ членовъ клира, профессоръ Казанской Духовной Академіи Ивановскій, редакторъ „Миссіонер. Обзорѣнія“ (по обязанностямъ службы при Св. Синодѣ) В. М. Скворцовъ, преподаватели мѣстной семинаріи, 7 миссіонеровъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, миссіонеры—преступники, нѣсколько лицъ изъ бывшихъ сектантскихъ и раскольничьихъ учителей и, наконецъ, нѣсколько частныхъ лицъ. Засѣданія происходили въ зданіи церковно-приходскаго училища.

Я былъ допущенъ на настоящій сѣздъ въ качествѣ частнаго человѣка.

По долгу совѣсти моей свидѣтельствую, что характеръ, общее настроеніе и ходъ совѣщаній сѣзда заслуживали глубокаго уваженія. Желаніе добраго было движущимъ началомъ его.

Секты, ихъ ученія, жизнь, взаимныя отношенія, связь съ условіями историческими,—все это здѣсь было представляемо не какъ станъ враговъ, въ тайнѣ сердца ненавистныхъ и проклинаемыхъ, а съ любовію, которая „не

ищетъ своего, и всего надѣется“ (1 Кор. 13, 4—7). Очень понимаю, что подобное отношеніе къ сектантамъ—дѣло не легкое, оно—обязанность, но и подвигъ, ибо трудно говорить безъ раздраженія о тѣхъ, съ кѣмъ изо дня въ день приходится бороться, надрывая душу.

О сектантскихъ движеніяхъ было сказано много замѣчательно вѣрнаго, и притомъ съ внутренней, труднѣе всего постигаемой, стороны, которая открывается не иначе, какъ во Христѣ.

Важно и достойно замѣчанія для будущихъ сѣздовъ, что ученія различныхъ сектъ не разсматривались отдѣльно отъ нравственной стороны ихъ. Объ этихъ ученіяхъ разсуждали не какъ талмудисты, змѣями проползающіе сквозь тѣснины буквы Писанія, а съ живымъ участіемъ къ нравственному недугу ихъ какъ ближнихъ, и съ вниманіемъ къ ихъ бытовымъ особенностямъ. Если и было высказываемо что либо въ иномъ духѣ,—(такое все таки было, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, совершаемомъ среди многолюднаго собранія)—всегда одерживало верхъ только свѣтлое. Трубчевская исторія, напримѣръ, была выслушана со стыдомъ и мукой.

И именно въ силу смиренія и простоты, а также въ силу исторически сложившихся въ Россіи отношеній Церкви къ свѣтской власти, миссіонеры не входили въ область вопросовъ общегосударственнаго значенія. Храня по отношенію къ власти апостольскіе завѣты послушанія, они видимо, вѣрятъ, что остальное совершитъ Самъ Богъ...

Потому рѣчь М. А. Стаховича, которую онъ сказалъ на послѣднемъ засѣданіи, оказалась въ глубокомъ разладѣ съ духомъ сѣзда.

Стаховичъ предложилъ Орловскому епархіальному миссіонерскому сѣзду провозгласить, во имя совершеннаго отдѣленія Церкви отъ государства, полную свободу совѣсти, ходатайствовать объ отмѣнѣ во всемъ русскомъ государствѣ какихъ бы то ни было уголовныхъ каръ за отпаденіе отъ православной вѣры и за возвращеніе другихъ.

Это предложеніе Стаховича, повидимому, не было принято.

Призывъ Стаховича, можетъ быть, и возбудилъ бы довѣріе, еслибы то положительное, что онъ говоритъ о Церкви, показывало въ немъ сына ея. Его призывъ вытекаетъ изъ

ложнаго пониманія природы Церкви и ея священныхъ задачъ.

Всѣ люди сознательной вѣры въ наши дни чувствуютъ, что положеніе теперешнее трудно, что одна охранительная политика по отношенію къ Церкви недостаточна, что необходимо исканіе новыхъ путей, что въ самое воспитаніе и въ нашу общественность необходимо положить начала вѣры. А для этого нужны люди, соединяющіе съ высшимъ образованіемъ ревность къ вѣрѣ, какъ къ дѣлу общественному.

Но развѣ это то, къ чему призываетъ г. Стаховичъ? Развѣ та мысль о Церкви, которая ему предносится, какъ цѣль и задача преобразованія, — есть истина? Задача понимается имъ ложно, потому и предлагаемая средства возбуждаютъ одно лишь горькое недоумѣніе.

Вопросъ, такъ рѣшительно поднятый М. А. Стаховичемъ, значителенъ: ему было тѣсно въ скромныхъ стѣнахъ церковно-приходского училища. Вопросъ этотъ неразрывно связанъ съ общимъ положеніемъ о нашемъ государственномъ устройствѣ; отдѣльно взятый, онъ, если и могъ быть обсуждаемъ на подобномъ съѣздѣ, то совсѣмъ въ иной постановкѣ.

Рѣчь Стаховича имѣетъ собственно политическое значеніе, ей бы мѣсто въ какомъ-либо собраніи государственныхъ чиновъ Россіи. Сказанная смѣло, сильно и съ горячимъ одушевленіемъ, она представляетъ собою вѣрное выраженіе мыслей извѣстной, дѣятельной и вліятельной части нашего общества, — такъ къ ней и надо отнести. Но рѣчь эта волей-неволей должна была остаться на съѣздѣ почти безъ обсужденія, и прежде всего потому, что сказана была въ послѣдній день, когда время подымать вопросы столь принципиальные уже прошло, а насталъ часъ подводить лишь скромные итоги всему сдѣланному. Этотъ вопросъ потребовалъ бы еще по крайней мѣрѣ пять—шесть новыхъ засѣданій, а священники были утомлены, и срокъ ихъ отпусковъ истекъ, дѣла отзывали ихъ на мѣста прерваннаго служенія ¹⁾.

¹⁾ Можемъ съ увѣренностью сказать, что еслибы М. А. Стаховичъ отнесся къ съѣзду дѣятелей миссіи безъ затаенной, какъ теперь оказалось, предубѣжденности, а съ такимъ же довѣріемъ и искренностью, какъ руководители съѣзда и миссіонеры отнеслись

Среди толковъ по поводу рѣчи Стаховича неоднократно приходилось слышать, что заниматься подобными вопросами не дѣло миссіонеровъ, что это дѣло одного только законодателя. Съ этимъ нельзя согласиться. Вѣдь миссіонеру съ возраженіями противъ ученія Церкви о власти, съ упреками въ мучительствѣ приходится постоянно встрѣчаться,—и это не только со стороны сектантовъ, не только со стороны людей равнодушныхъ къ вѣрѣ, но ревнивыхъ въ отстаиваніи извѣстнаго общественнаго идеала, но, и что важнѣе, со стороны людей богословски-образованныхъ, говорящихъ отъ имени Церкви, и даже внутренне не чуждыхъ ей.

Что долженъ отвѣчать миссіонеръ, если онъ дѣйствительно „воинъ Божій“, поставленный „защищать благовѣствованіе“, если онъ вѣстникъ свободы Христовой, призванный служить бродиломъ всегда новой святой жизни? А быть таковымъ ему настало время!

Миссіонеру, а не кому-либо другому, всегда будетъ суждено брать на себя всю горечь и тягость противленія какъ личнаго, такъ и общественнаго. Ни епископу-монаху, ни священнику, ни профессору академіи, ни преподавателю семинаріи, никому изъ нихъ не приходится тутъ же на мѣстѣ отвѣчать за то, чему они учатъ. Отдавая на жертву общественному равнодушію самое святое изъ своихъ вѣрованій и убѣжденій, миссіонеръ не можетъ не быть мученикомъ. И если онъ не мученикъ,—миссіонеръ ли онъ?

Конечно, миссіонеры не компетентны въ вопросѣ, поднятомъ г. Стаховичемъ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ законодатель; но есть и иная компетенція... Сообразить общими силами, что можно выставить противъ этихъ упрековъ, указать границы, до которыхъ они дѣйствительно имѣютъ основаніе, переставить вопросъ на почву, болѣе свойственную

къ нему, допустивъ его къ участію въ совѣщаніяхъ; заяви онъ напередъ и открыто объ общемъ направленіи своей заранѣе приготовленной рѣчи, то его докладу о свободѣ совѣсти отведено было бы болѣе благоприятное время, и миссіонеры отнеслись бы къ нему съ такимъ же серьезнымъ, безстрастнымъ и всестороннимъ разсмотрѣніемъ, какъ это поступлено было на сѣздѣ съ докладами о. Фуделя и М. А. Новоселова, выступившихъ съ неменѣе боевыми вопросами.

Редакторъ.

вопросамъ вѣры, обсудить, какъ каждый долженъ проповѣдывать въ своей епархіи, чтобы въ ученіи и дѣйствіяхъ всѣхъ было единство не заговора, а истины,—это, думается, святое дѣло и прямая обязанность миссіонерскихъ съѣздовъ вообще, и только можно пожалѣть, что Орловскій съѣздъ не могъ этимъ заняться, какъ слѣдовало бы.

На одномъ изъ засѣданій съѣзда говорилось о неизбѣжности миссіи среди образованныхъ классовъ нашего общества. Эта мысль была встрѣчена горячимъ сочувствіемъ. Скажу прямо. Никакая миссія среди интеллигенціи невозможна, если въ учительномъ содержаніи проповѣди вопросъ о свободѣ совѣсти не будетъ рѣшенъ въ духѣ Церкви Христовой. Иначе упреками въ гонительства, какъ камнями, будутъ побивать проповѣдника.

Не могу не привести одинъ типическій рассказъ г. Новоселова, сообщенный имъ на съѣздѣ. Когда Новоселовъ сказалъ кому-то изъ своихъ сектантствующихъ знакомыхъ, что онъ, можетъ быть, станетъ миссіонеромъ, тотъ его со скорбнымъ вздохомъ прервалъ: «еще однимъ гонителемъ больше!» Что отвѣчать?

Прежде всякаго объясненія по существу не могу не высказать нѣкотораго недоумѣнія. Вся рѣчь г. Стаховича отъ начала до конца проникнута двойственностью, и это не случайно. Двойственность эта на каждомъ шагѣ умерщвляетъ убѣждающую силу той правды, которую хотѣлось бы видѣть въ его словахъ.

Сначала г. Стаховичъ почтилъ съѣздъ отмѣнными похвалами и тутъ же сейчасъ унижаетъ его участниковъ до степени и забывшихъ „единое на потребу“.

То онъ самъ сознается, что главная мысль его представляется ему лишь, какъ „непосвященному мірянину“, — и вдругъ „непосвященный мірянинъ“ выдѣлилъ себя изъ братскаго „мы“, рѣзко сталъ противъ собравшихся, какъ обличитель, самъ неповинный въ общей бѣдѣ.

То Церковь онъ понимаетъ столь святою, столь недосыгаемо-духовною! И на ряду съ этимъ провозглашаетъ союзъ ея съ мірскою и въ сущности революціонною свободой.

То Церковь онъ совершенно отдѣляетъ отъ государства, то она призывается ходатайствовать у государства же объ освобожденіи отъ своихъ «скорби и тѣсноты».

То ему до цивилизаціи и прогресса нѣтъ дѣла, то, если разобрать по настоящему, только во имя этихъ цивилизацій и прогресса онъ требуетъ безнаказанности соображенія не то, чтобы „единого отъ малыхъ сихъ“, а хоть бы и всѣхъ ихъ.

То государство въ правѣ вѣрить, чему хочетъ, то Церковь призывается обратить всѣхъ и все, значить, и государство.

Такъ вотъ въ чемъ находить свою развязку всемірная трагедія христіанства послѣ 19 вѣковъ воздѣйствія на родъ человѣческій!

Будемъ предполагать лучшее, будемъ вѣрить, что для самого г. Стаховича все это такъ и стоитъ во взаимныхъ противорѣчіяхъ, и сила нападенія его проистекаетъ только отъ непониманія ихъ.

Да не подумаютъ, что призывъ г. Стаховича остался непонятнымъ въ силу своей высоты, широты и смѣлости; онъ не имѣлъ сочувственнаго отклика въ силу своей ложной правды.

Въ основѣ главныхъ положеній доклада лежитъ невѣрное пониманіе свободы Христовой; не только слова свободы, а самого дѣла ея. На языкѣ св. Писанія и въ опытѣ Церкви подъ свободою разумѣется нѣчто совсѣмъ другое.

Истинную свободу даетъ Христосъ. „Истина свободитъ вы“, „Я истина“, открываетъ Онъ о Себѣ. Грѣхъ Адама всечеловѣченъ, смерть противоестественна и побѣдима; побѣда надъ грѣхомъ и смертью—во Христѣ,—это и составляетъ освобожденіе, свободу Христову. Содержаніе ея—вѣчное—блаженство, котораго теперь мы и представить себѣ не можемъ.

Другую, ложную свободу восхищаетъ человѣкъ себѣ самъ. Гордая самодостаточность человѣка по отношенію къ Богу возводится въ истину. Смерть естественна и неизбежна. Вѣчность только въ наслѣдіяхъ среди потомства. Конечный выводъ—сверхчеловѣчество.

Первая свобода мистична, или лучше, она есть „тайна благочестія“, какъ говорятъ св. отцы. Она неугасима никакими внѣшними бѣдствіями. Въ ней, какъ въ высшемъ благѣ новаго порядка и новаго измѣренія, упраздняются всѣ различія гражданскаго и политическаго состоянія (Кол.

3, 11), „гдѣ нѣтъ раба и свободнаго, но все и во всемъ Христосъ“.

Вторая—внѣшняя, мірская, посторонняя,—внутреннюю, нравственную сторону человѣка оставляетъ неизмѣнною. Она падаетъ при всякомъ политическомъ переворотѣ. Человѣкъ, освобожденный въ какомъ-либо одномъ отношеніи, порабощается здѣсь еще горше въ другомъ.

Первая есть откровеніе въ человѣкѣ новаго внутренняго человѣка. Она устремляетъ его къ новому небу и новой землѣ, какъ къ подлиннымъ пристанищамъ. Всеобщее воскресеніе—вотъ пророчественная пѣснь истинной свободы.

Вторая все это отвергаетъ, а ветхаго человѣка распаляетъ ложной надеждой, открывая для его гордости просвѣты на новыя торжества. Эта земля—единственное поприще всякой жизни.

Эти двѣ свободы, изъ иныхъ источниковъ истекающія, съ разнымъ содержаніемъ, разно истолковывающія смыслъ жизни, каждая по своему переустраиваетъ человѣка, каждая къ инымъ цѣлямъ устремляетъ.

Эти двѣ свободы прямо противоположны. Нѣсколько разъ въ исторіи онѣ сталкивались явно, тайная же борьба ихъ въ сердцѣ cadaго никогда не прекращается.

Г. Стаховичъ спрашиваетъ: „Идѣже Духъ Господень—ту свобода. Значить ли это, что гдѣ по *нашему* ¹⁾. Духъ не Господень—тамъ не должно быть свободы?“

Нѣтъ, не значить.—отвѣчаемъ отъ лица съѣзда миссіонеровъ. Ибо вопросъ о пребываніи Духа Господня среди данныхъ сектантовъ рѣшается не „по нашему“, не по случайнымъ усмотрѣніямъ, а по указанію Церкви, святыхъ Христовыхъ. Гдѣ святость Церкви отвергается по причинѣ личныхъ немощей ея служителей, гдѣ каеолическій догматъ, таинства, священное Преданіе и Писаніе отрицаются и хулятся, гдѣ это отрицаніе ставится, какъ знамя общественнаго движенія, гдѣ обманчивому призраку новой жизни, вытекающей изъ этого движенія, усваивается значеніе истинной святости,—да, тамъ нѣтъ Духа Божія.

Что же касается связи миссіи съ полицейскими мѣрами принужденія, то объ этомъ говорилось на съѣздѣ искренно,

¹⁾ Курсивъ нашъ.

просто и вѣрно и совсѣмъ не въ томъ духѣ, который г. Стаховичъ приписываетъ съѣзду и на который возражаетъ.

Новоселовъ прямо говорилъ, что миссіи необходимо оставить всякую связь съ насиліемъ, что только мечъ духовный ея настоящее оружіе, что принужденіе парализуетъ дѣйствіе проповѣди. Новоселова поддерживали громко и рѣшительно.

Какъ могъ Стаховичъ не слышать этого?

При этомъ указывалось на нѣчто важное и положительное. Указывалось, что послѣ обращенія своего въ православіе, прежніе сектанты испытываютъ особую тоску, что тоска эта—правда предъ Богомъ.

Пока они были въ сектахъ и ложной вѣрѣ, у нихъ было твердое общественное мнѣніе, религіозное отношеніе другъ къ другу, постоянное обращеніе съ св. Писаніемъ, проповѣдь и, главное, взаимопомощь.

Измученные жестокими „бѣдами лжебратсва“ въ сектантствѣ, они обращаются снова къ истинной вѣрѣ, но истиннаго братства среди насъ не находятъ. Это драма.

Внѣ храма, гдѣ мы слушаемъ трогательнѣйшія священныя пѣсни, мы чужды другъ другу. Общественныя сходбища православныхъ—на нихъ пустота, скука, сплетни и пьянство. Существующая связь между священникомъ и народомъ, самое содержаніе этой связи уже недостаточно для людей, переросшихъ свою среду.

Взаимопомощь въ православной средѣ почти отсутствуетъ. При этомъ говорилось, что среди самихъ православныхъ необходимо проповѣдывать новую общественность, устроить ее, что миссіонеръ долженъ служить бродиломъ въ этомъ новомъ нарождающемся движеніи. Все это принимаемо было участниками съѣзда съ горячимъ сочувствіемъ и воодушевленіемъ. Вѣрю, что слова эти остались не тщетными. Я сужу такъ по тѣмъ сердечнѣйшимъ раздуміямъ, на которыя они наводили и которыхъ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ.

Все, что возможно было сдѣлать на съѣздѣ, оставаясь вѣрнымъ его первоначальнымъ задачамъ и не вовлекая его на путь политики,—сдѣлано.

Упрекъ, что забыто „единое на потребу“ вѣковое, мнѣ представляется глубоко несправедливымъ.

Когда г. Стаховичъ налагалъ на дѣятелей съѣзда бремя такого упрека, помнилъ ли тогда самъ онъ „единое на потребу“—Христа? О тягостныхъ недосмотрахъ и устарѣlostяхъ нашихъ законовъ противъ сектантства говорилось и безъ г. Стаховича. О томъ, что уставъ духовныхъ консисторій пересматривается,—объ этомъ упоминалось съ надеждою.

И если бы г. Стаховичъ не нарушилъ общаго духа съѣзда, то навѣрное было бы сказано и по вопросу о законахъ противъ сектантовъ много цѣннаго въ смыслѣ милосердія и смягченія. Священники, это люди, въ которыхъ вѣра въ Бога порождаетъ любовь къ отечеству, связь съ высшимъ откровеніемъ—истинную трезвость. Я убѣжденъ, что какъ священники Бога Живаго, они при всей робости своего публичнаго слова, сказали бы много вѣрнаго.

Вмѣсто старой лжи—мертвящей опеки государства, г. Стаховичъ предлагаетъ другую ложь: разрывъ съ государствомъ, полную свободу отпаденія и совращенія. Что горше, кто знаетъ?

Далѣе г. Стаховичъ говоритъ: „гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и Духа Господня, безъ Котораго православіе не можетъ творить ничеcоже“.

Вѣрно. И если бы въ православіи не было этой свободы Христовой, оно давно уже стало бы „долиною смерти“, ибо условія, среди которыхъ ему приходится существовать, судя по-человѣчески, прямо гибельны.

Но свобода Христова въ православіи есть, и изъ всѣхъ вѣроисповѣданій, быть можетъ, въ немъ одномъ въ такой дивной мѣрѣ. Носители ея суть святыя Церкви, и образами ихъ населена совѣсть и историческая память народа. Свобода эта вспыхиваетъ то тамъ, то здѣсь и теперь среди вѣрующихъ. Новоселовъ въ докладѣ своемъ на одномъ изъ засѣданій съѣзда предложилъ длинный рядъ свидѣтельствъ объ этомъ внутреннемъ состояніи величайшихъ подвижниковъ Востока: Исаака Сирина, Симеона—Новаго богослова, Іоанна Лѣстовичника; а также безцѣнные показанія современныхъ намъ людей о томъ же: затворника Теофана, графа Сперанскаго и другихъ. Единство переживаній, при разности въ степеняхъ,—чудо, ибо на разстояніи вѣковъ та же радость, то же освобожденіе, то же вѣдѣніе, тѣ же предощущенія. Тою

же свободою былъ отчасти свободенъ и Хомяковъ, о ней же всю жизнь томился и писалъ Достоевскій.

Когда апостолы проповѣдывали, то это освобожденіе отъ узъ прежней жизни, какъ молнія съ небесъ, ударило въ обнищавшія души слушателей. Новая жизнь охватывала ихъ существо ощутительнѣе судороги. Когда апостолъ „еще продолжалъ эту рѣчь, Духъ Святый сошелъ на всѣхъ слушавшихъ слово“... (Дѣянія 10, 44).

Не эту свободу *вѣрить, во что хочешь*, хоть въ дьявола, принесъ на землю Спаситель, не она благословляется Церковью. Не могу не сдѣлать здѣсь одного замѣчанія. Вѣра—это совсѣмъ не „изволеніе духа“, какъ говоритъ г. Стаховичъ со словъ словянофиловъ. Какъ-то по дворянски и ложно звучитъ: „изволеніе духа“, „изволили увѣровать во Христа“, „соблаговолили причаститься Св. Тайнъ“... Ложь. Вѣрить—это даръ Бога Живаго Своему погибающему творенію. Всѣ „отъ фараона до скота“, предъ Богомъ нищѣ и въ позорѣ паденія.

Въ голомъ правѣ вѣрить, во что хочешь, не заключается самого главнаго,—исканія Лица Божія, и вѣры въ Него. И замѣчательно, если человѣкъ ищетъ Бога, найдетъ и свободу, ибо только въ Богѣ свобода.

Если же человѣкъ ищетъ права вѣрить—не вѣрить,—права, какъ Бога, или скорѣе, какъ кумира,—не найдетъ ни Бога, ни свободы. И это вездѣ и во всей своей исторіи.

Свободу отъ узъ грѣха и невѣдѣнія обращаемые первыхъ вѣковъ ощущали каждый на самомъ себѣ. Это же освобожденіе они видѣли и другъ на другѣ. Даже враги могли видѣть эту свободу ихъ. Апостолъ Павелъ пишетъ, что „лжебратія приходили *подсмотреть* за нашей свободой, которую мы имѣемъ во Христѣ“—выраженіе замѣчательной показательной силы. Эта свобода—несомнѣннѣйшій фактъ. *На эту*, а не на какую-нибудь другую свободу натолкнулись власти языческаго Рима со всего размаха своего дотолѣ непререкаемаго міровладычества. Произошла трагедія, вну-
тренняя сущность которой до сихъ поръ нами мало понята.
По независимости отъ всякаго мистицизма, по трезвому памятованію границъ возможнаго, власти римской имперіи стоятъ внѣ сравненія: онѣ менѣе всего способны были вступать въ борьбу съ призраками. И вотъ, „свобода, которую

мы имѣемъ во Христѣ“, и была для нихъ камнемъ, о который сокрушились все ихъ могущество и реализмъ.

— Поклонись богамъ! обращались къ христіанамъ на судилищѣ.

— Христу поклоняемся! Видимъ небеса отверстыми!.. О, еслибъ ты зналъ!... восклицали христіане, какъ повѣствуютъ ихъ мартирологи.

Судьи пытаются выманить ихъ изъ христіанства обѣщаніемъ всякихъ благъ, *своей* свободы... Христіане отвергаютъ все. Судей раздражало не то, что христіане не поклоняются богамъ, которымъ сами судьи не вѣрятъ, а именно эта неуязвимость христіанъ, ихъ „свобода“ среди самыхъ мученій. И эта свобода христіанъ то пугала ихъ, то приводила въ отчаяніе, именно тѣмъ, что она не самообманъ, а фактъ. Власти разрывались отъ муки и безсилія, вся незнблемая трезвость ихъ должностного самочувствія падала, и испугъ свой заглушали онѣ лишь въ новыхъ припадкахъ ярости; и нападеніе свое завершали уже, какъ одержимыя. А христіане на ихъ глазахъ, полные *свободы*, сіяли вѣдѣніемъ и блаженствомъ.

Объ этой ли свободѣ говоритъ г. Стаховичъ, когда продолжаетъ, что „гдѣ нѣтъ свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія, — тамъ нѣтъ мѣста и для дѣла вѣры, тамъ не повѣсть и Духъ Господень, тамъ пребудутъ безсильными всѣ старанія, всякое рвеніе“?

Думаемъ, что здѣсь г. Стаховичъ говоритъ объ иной свободѣ: у него „свобода Христова“ ставится, лишь какъ одинъ изъ видовъ свободы мірской и внѣшней.

Во время гоненій свобода Христова была, Духъ Божій очевидно для всѣхъ вѣялъ среди христіанъ, а свободы мірской не было, напротивъ, — притѣсненія и мучительство.

Послѣ Константина Великаго исповѣданію вѣры дана полная мірская свобода, а Духа того уже не видно среди христіанъ, о временахъ гоненій они говорятъ уже, какъ о славномъ утраченномъ прошломъ. „Какая-то печальная темнота объяла и покрыла все, — гораздо тягостнѣе девятой египетской казни“, говоритъ Григорій Назіанзинъ, въ своемъ словѣ на Второмъ вселенскомъ соборѣ.

На Западѣ въ наши дни свобода мірская, „свобода вѣ-

рять, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить“, „это отнынѣ господствующее явленіе, къ которому должно прилагаться“, а Духъ Божій угасаетъ все больше и больше, отступленіе разгорается все смѣлѣе, проникаетъ всѣ сферы жизни, всѣ слои общества и облегло все наслѣдіе Христово.

Нѣтъ, отношенія между вѣяніемъ Духа Божія и внѣшней свободой не такія, какъ полагаетъ Стаховичъ.

Мѣсто, приводимое Стаховичемъ изъ Гизо, замѣчательно. Въ него слѣдуетъ вдуматься.

Гизо говоритъ, что Церковь послѣ гоненія подпала подъ охрану гражданскаго закона, а теперь она „живетъ предъ лицомъ и въ присутствіи свободы“... „Свобода религіозная, т. е. свобода вѣрить, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить, еще не вполне принята. Она стоитъ въ связи съ великою умственной и соціальною революціей, которая послѣ многовѣковаго броженія разразилась и завершается въ наши дни. Духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политической свободы—вотъ существенныя черты и неотвратимыя влеченія этой революціи. Эти новыя могучія власти уже окончательно утвердились въ современномъ обществѣ. Это тѣ отнынѣ господствующія явленія, къ которымъ должны будутъ прилагиваться всѣ политическія учрежденія, и съ которыми всѣмъ нравственнымъ властямъ надо жить въ мирѣ“. Такъ.

Но Церковь развѣ политическое учрежденіе? Христіанство—развѣ простая нравственная доктрина? Развѣ оно можетъ прилагиваться къ требованіямъ духа явно противорелигіознаго? Для Церкви была гибельна своекорыстная опека государства, и это потому, что государства не ставили себѣ задачей соціальное исполненіе завѣтовъ Христовыхъ. Рабствуя вѣку сему, можетъ ли государство опекать святыню? Церковь—закваска положенная, чтобы вскисло *все*, значить, и государство.

И союзъ Церкви съ атеистической и революціонной свободой не будетъ ли для Церкви постыднымъ любодѣяніемъ? И провозглашать его отъ имени Церкви будетъ ложью. Сама Церковь этого никогда не сдѣлаетъ. Могутъ говорить люди, *отъ имени Церкви*, но это будетъ обманъ, который самъ отомститъ за себя.

Если въ ученіи о свободѣ Церковь должна прилажи-

ваться къ движеніямъ и духу времени, то тѣмъ болѣе въ ученіи: о Богѣ, какъ Троицѣ Животворящей, въ ученіи о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ, въ ученіи о воскресеніи мертвыхъ, страшномъ судѣ, таинствахъ? Ибо все вѣдь это для господствующихъ мысли и просвѣщенія—суть химеры, отсталыя и непростительныя.

Гизо говоритъ, что господствующее направленіе вѣка утвердилось прочно. „Остается только примириться съ нимъ“. Не вѣримъ. Ибо видимъ, что все тамъ шатается и стоитъ точно на вулканѣ. Призракъ мірской свободы цѣлое столѣтіе манилъ своею кажущеюся человѣчностью и истиной. Нѣсколько разъ среди возстаній, гражданскихъ переворотовъ, съ этой свободы спадала маска и открывались явно для всѣхъ звѣрчеловѣческія черты ея безбожнаго и богохульнаго облика. Эта свобода, провозглашенная, какъ настоящій исходъ противъ дворянской католической монархіи Бурбоновъ и ея безчинствъ, сама оказалась безчинствомъ, всюду всѣхъ обманула и изъ „свободы совѣсти“ обратилась въ „свободу отъ совѣсти“. Она не имѣетъ теперь ни своихъ энтузіастовъ, ни вождей. Ея добиваются лишь какъ средства и подъ ея знаменіемъ проводятъ дѣло партій и національныхъ ненавистей. Что, кромѣ горькой усмѣшки, можетъ вызвать такая проповѣдь въ лучшемъ случаѣ?

Положеніе Церкви трудно во всемъ мірѣ. Кто изъ вѣрующихъ не видитъ, что Христіанство, судя по человѣчески, изнемогаетъ. Наука со своею космологіей, теоретическая и практическая политика, всѣ общественныя движенія, семейное право, культура со всѣми своими побѣдами надъ природой,—все это оказывается въ глубочайшемъ противорѣчій съ Христіанскимъ Откровеніемъ. И дѣло вѣры во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ терпитъ потерю за потерей.

Философія Ницше, подводитъ неотвратимые итоги нравственному сознанію отпадающаго человѣчества, его доходящая до мистическихъ окрыленій вражда къ христіанству и самому Христу и, наконецъ, то нравственное свѣтопреставленіе, котораго онъ явился всемірнымъ провозвѣстникомъ и вождемъ,—страшно все это. Какая-то бездна разверзается подъ ногами. „Однако, гдѣ та молнія, что лизнетъ васъ своимъ языкомъ? Гдѣ то безуміе, что нужно привить вамъ?

Смотрите, я учу васъ о сверхчеловѣкѣ: онъ—эта молнія, онъ—это безуміе“, восклицаетъ Ницше.

Кровавый потопъ всѣхъ предчувствуютъ, вопросъ только въ днѣ и поводѣ.

Владиміръ Соловьевъ прямо говорилъ, что наступаютъ времена сверхъисторическія. Плохо вѣря въ силу православія, въ его величайшіе залого, онъ впадалъ то въ отчаяніе, то въ пустыя надежды на Римъ и кончилъ, во всякомъ случаѣ, знаменательнымъ словомъ объ антихристѣ. Какимъ то буревѣстникомъ прокричалъ онъ надъ землею.

То же чувствуютъ и въ католичествѣ. Левъ XIII въ своей аллокуціи отъ 15-го апрѣля настоящаго года говоритъ, что «событія нашихъ дней суть печальныя показанія для будущаго, они заставляютъ предсказать со всяческой вѣроятностью, что за временами бѣдственными наступятъ времена еще болѣе бѣдственныя».

О всеобщемъ, „ошеломляющемъ недоумѣніи“ говоритъ самъ Стаховичъ.

Повидимому, въ наши дни что-то завершается въ судьбахъ человѣчества, какой-то великій кругъ времени смыкаетъ свою линію. Думаемъ, что „оканчиваются времена язычниковъ“...

Въ пророческомъ словѣ ученикамъ Своимъ Спаситель говоритъ, что вѣрующимъ придется быть зрителями ужаснѣйшихъ историческихъ потрясеній. Онъ заповѣдуетъ вѣрить въ Него и Его побѣду надъ міромъ, „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте... въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ“.

Эту свободу, нехристіанскую со всѣмъ безсердечіемъ ея опьяняющаго воодушевленія, Стаховичъ оставилъ текстами изъ слова Божья: „гдѣ Духъ Господень...“ За этимъ обманчивымъ призракомъ онъ призываетъ пойти православныхъ священниковъ, обѣщая сдвинуть тягу зла. Но въ зависимости отъ такого пониманія свободы извращается и самое представленіе о Церкви и ея священной загадкѣ. Является общій взглядъ на государство и Церковь, какъ на двѣ отдѣльныя, несоизмѣримыя области, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою судьбу, свои мѣрила должнаго и добраго, свою совѣсть.

Печальный фактъ, всѣхъ удручающій, всѣхъ изморившій, возводится въ принципъ.

Принять это—значитъ возстать на все прошлое, на весь

подвигъ русскаго благочестія, поднявшій на свои рамена труднѣйшее бремя христіанской государственности; девять вѣковъ терпѣнія и надежды растоптать, какъ обманъ, ни къ чему не приведшій. Одинъ вѣдь нераздѣльный человѣкъ дѣйствуетъ, какъ въ Церкви, такъ и государствѣ. За тѣ и другія дѣла онъ явится къ отвѣту въ день суда. Пока живъ будетъ человѣкъ, въ немъ не угаснетъ стремленіе къ нравственной цѣльности, и до тѣхъ поръ подобное раздѣленіе будетъ служить источникомъ жесточайшихъ страданій. Противорѣчіе между вѣрою частнаго человѣка и безбожіемъ общественнаго дѣятеля раздираетъ жизнь какъ государства, такъ и Церкви, ибо вѣра здѣсь обращается въ „огонь пожигающій“, и тогда намъ лучше было бы не знать христіанства совѣмъ и не принимать крещенія.

Г. Стаховичъ говоритъ: „законодательство вправѣ говорить любому подданному: ты можешь вѣрить, во что хочешь, — мнѣ все равно, только не смѣй въ этомъ мнѣ признаваться“. Горе такому законодательству! Не самъ ли г. Стаховичъ называетъ такое отношеніе государства къ дѣлу вѣры „коварнымъ“? И поскольку государство такъ дѣйствуетъ, оно растлѣваетъ народную совѣсть, и подтачиваетъ себя въ корнѣ.

На предложеніи Стаховича необходимо остановиться съ большимъ вниманіемъ потому, что, почти вся образованная Россія думаетъ такъ же, какъ онъ.

На членовъ миссіонерскаго съѣзда онъ наложилъ въ глазахъ общества тяжкое бремя упрека въ полной ихъ непригодности для миссіи, разъ они не примутъ предлагаемаго имъ пути.

Онъ притягиваетъ ихъ на судъ предъ лицо высшаго идеала Церкви—апостольства.

Иногда предъ человѣкомъ, каковъ онъ есть въ его неприглядной данности, открыть всю содержательность, глубину и святую его христіанскаго долга,—раздвинуть этотъ долгъ до его небесныхъ ангельскихъ исходовъ,—сдѣлать это—иногда значитъ убить человѣка.

Апостолъ Павелъ говоритъ,—„Моисей полагалъ покрывало на лицо свое, чтобы сыны Израиля не взирали на конецъ преходящаго“. Такъ великъ этотъ конецъ и такъ ослѣпительнъ обличительный свѣтъ его. Потому трудно всегда вѣ-

рится въ доброжелательство того, кто, открывая долгъ, не въ силахъ указать тутъ же пути къ его исполненію. Мы говоримъ не о внѣшнихъ указаніяхъ громкими словами, а дѣломъ, жизнью и истиною.

Потому нельзя отнести къ рѣчи г. Стаховича иначе, какъ съ горечью.

Если это не слова, не кимваль, бряцающій безъ любви, то Стаховичъ долженъ былъ бы самъ бросить все, порвать съ ветхимъ человѣкомъ, и самъ, ставъ въ ряды проповѣдниковъ, явить себя борющимся за дѣло Христово.

Г. Стаховичъ призываетъ священниковъ къ великому дѣлу. Воодушевленный идеаломъ Церкви, отторгшейся отъ государства, онъ призываетъ ихъ взяться за духовный мечъ свой — слово и обѣщаетъ полную побѣду.

Такъ ли это? Этотъ призывъ не заключаетъ ли въ себѣ слишкомъ многого? Не значить ли это сдвинуть съ мѣста всю Россію съ ея противорѣчіями, тяготами, надеждами и отчаяніемъ, — Россію, въ которой единственной теперь, быть можетъ, сошлись всѣ загадки, отяготившія христіанство за 19 вѣковъ, — задача превышаетъ человѣческія средства. Но объ этомъ, если Богъ поможетъ, скажемъ въ другой разъ.

В. А. Тернавцевъ.

II.

Докладъ М. А. Стаховича, читанный на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ.

Ваше Преосвященство,
Дорогіе Отцы и Братіе!

Съ почтительнымъ и глубокоблагодарнымъ вниманіемъ сосредоточивался я на занятіяхъ миссіонерскаго съѣзда, заранѣе предвкусивъ всестороннее удовлетвореніе моего одинокаго пытливаго, какъ и безсильнаго знанія этихъ самыхъ больныхъ вопросовъ съ тоской и тревогой переживаемаго нами тяжелого времени. Обширность программы первая уже подсказала мнѣ утѣшительную надежду. Она обнимала почти всѣ оглашенные смущенія послѣднихъ годовъ, обѣщала облегчить или уничтожить недоумѣнное состраданіе

непроизвольно вызванное, неуверенно высказываемое при слухахъ о гонимыхъ, высылаемыхъ, приговариваемыхъ людяхъ за дикія изувѣрства, за отвратительныя, а иногда умилительныя, хотя и чуждыя намъ, ихъ вѣрованія.

Отбывъ весь вашъ съѣздъ, я горячо сожалѣю, отцы и братія, что ваше служительское смиреніе отозвалось сугубой скромностью въ этой профессиональной области, къ которой приобщены и мы, менѣе просвѣщенные чада православной Церкви. Что ваши въ высшей степени наставительныя собранія не получили достойной ихъ огласки, что испытанное мною удовлетвореніе выпало на долю еще немногихъ, что званными были только избранные.

Какъ общественный дѣятель, я знаю, какъ много былъ жаждающихъ просвѣтитесь, услышать отъ достовѣрныхъ авторитетовъ сущность и оцѣнку всякихъ лжеученій, расколовъ, ересей, сектантствъ, нарушающихъ величавый миръ нашей Церкви, смущающихъ и пугающихъ богословскую темноту ея смиренныхъ сыновъ.

Они бы, какъ я, воочию увидали, что вы научно и практично, неколебимо и гуманно, такъ умѣло и просто раскрывали намъ далекіе корни этихъ острыхъ болѣзней, этихъ ужасныхъ страданій множества русскихъ людей и, поставивъ убѣдительный діагнозъ, всѣмъ сообщая, старательно, внимательно перебирали методы лѣченія и лѣкарства.

Причины историческія, этнографическія, социальныя и сословныя поочередно проходили передъ нами, всегда старательно обдуманная и блестяще изложенная.

Громко свидѣтельствую—какъ ни ничтожно мое свидѣтельство—что, слушая васъ, я былъ пораженъ тѣмъ, какъ вы много знаете, какъ много добросовѣстнаго труда, старательныхъ исканій и обдумываній было вами положено на это, очевидно; дорогое вамъ дѣло, какъ трудолюбиво и тщательно строите вы свое огромное зданіе, гдѣ все обдуманно и предусмотрено.

Теперь, при концѣ нашихъ занятій, я, допущенный оглядѣть эти удивительные планы, не хочу оставить безъ обсужденія одинъ мучившій меня все время „недоумѣнный вопросъ“, скорѣе сомнѣніе, которое я выскажу прямо, думая, что, только полной откровенностью могу оплатить ваше искреннее радушіе. Это сомнѣніе мое слѣдующее:—

среди столь многого не забыто ли то, что мнѣ, непосвященному мірянину, представляется единымъ на потребу? Не пренебрегли ли вы, умѣлые строители, случайно или невольно краевымъ угольнымъ камнемъ?

Само вставало предо мною пропущенное въ огромной программѣ, ни разу не произнесенное здѣсь, среди пылкихъ, ученыхъ, многостороннихъ и искреннихъ преній,—вѣковое слово: *свобода совѣсти*.

„Идѣ же Духъ Господень—ту свобода“. Значить ли это что гдѣ, по нашему, духъ не Господень, тамъ не должно быть и свободы? Или, м. б., это значить, что гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и Духа Господня, безъ котораго православіе не можетъ творить ничесоже... Гдѣ нѣтъ свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія,—тамъ нѣтъ и мѣста для дѣла вѣры, тамъ не повѣетъ Духъ Господень, тамъ пребудутъ безсильными всѣ старанія, всякое рвеніе!

Передъ приведенной цитатой казалась бы излишней всякая другая, меньшая. Но идея тоже нуждается въ брennomъ воплощеніи и, какъ тѣло въ одеждѣ, нуждается въ мотивовкѣ.

Вотъ какъ лѣтъ 40 тому назадъ писалъ объ этомъ Гизо, котораго такъ же трудно не признать христіаниномъ, какъ не признавать великимъ государственнымъ мудрецомъ.

„Въ теченіи 18-ти вѣковъ,—говоритъ Гизо,—христіане были поочередно то гонимыми, то гонителями; гонимыми, какъ христіане,—и гонителями нехристіанъ, или даже другъ друга, между собою, внутри предѣловъ христіанскаго общества. Преслѣдованіе было, смотря по мѣсту и времени, болѣе или менѣе непреклонное, болѣе или менѣе дѣйствительное,—но, несмотря на все различіе церквей, государственныхъ формъ и наказаній, на преобладаніе строгости или мягкости въ приложеніи,—принципъ однако же оставался одинъ и тотъ же. Претерпѣвъ мученичество и гоненіе подъ скипетромъ языческихъ императоровъ, христіанская религія жила, въ свою очередь, подъ стражею гражданскаго закона, защищаемая оружіемъ свѣтской власти.

Она живетъ теперь передъ лицомъ и въ присутствіи свободы.

Она имѣетъ дѣло съ свободною мыслію, съ свободнымъ

сужденіемъ. Ей приходится теперь защищаться уже самой, самой охранять себя, свидѣтельствовать непрестанно, и противъ всякаго встрѣчнаго, свою истину нравственную и историческую, свое право на разумъ и душу человѣческую. Католики, протестанты, жидаы, христіане и философы,—всѣ теперь, по крайней мѣрѣ, между нами (во Франціи), ограждены отъ всякаго преслѣдованія; наружное выраженіе вѣрованія равно свободно для каждаго. Свобода религіозная, то есть свобода вѣрить, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить, еще не вполне принята и обезпечена въ разныхъ государствахъ, но очевидно, что она болѣе и болѣе становится всеобщимъ фактомъ и станетъ отнынѣ обычнымъ правомъ просвѣщеннаго міра. Одна изъ причинъ, дающихъ такое могущественное значеніе этому факту,—та именно, что онъ не одинокъ; онъ состоитъ въ связи съ великою умственною и соціальною революціею, которая, послѣ многовѣкового броженія, разразилась и совершается въ наши дни. Духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политическая свобода—вотъ существенныя черты и неотвратимыя влеченія этой революціи. Эти новыя могучія власти могутъ впасть въ громадныя вины, совершивъ громадныя ошибки, за которыя имъ всякій разъ придется жестоко расплачиваться, но онѣ уже окончательно утвердились въ современномъ обществѣ. Это тѣ отнынѣ господствующія явленія, къ которымъ должны будутъ прилаживаться всѣ политическія учрежденія, и съ которыми всѣмъ нравственнымъ властямъ нужно будетъ жить въ мирѣ. Христіанская религія не избавлена отъ этого испытанія, она преодолѣетъ его, какъ преодолѣла множество другихъ“.

Дѣло крайней важности и необходимости, чтобъ христіане не обольщались на счетъ предстоящей имъ борьбы, на счетъ ея опасностей и тѣхъ орудій, которыя имъ возможно будетъ употребить въ дѣло... Нападеніе, направленное теперь на христіанскую религію,—нападеніе пламенное и совершаемое то съ грубымъ фанатизмомъ, то съ хитрымъ искусствомъ,—то во имя самыхъ низкихъ страстей, то во имя самыхъ искреннихъ убѣжденій; иные (на Западѣ) оспариваютъ ее, какъ лживую, другіе отвергаютъ ее, какъ слишкомъ требовательную и стѣснительную,—большая часть страшится ея, какъ тиранніи. Не скоро забываются несправедный судъ

и страданія, не легко излѣчиваются отъ боязни, воспоминанія о религіозныхъ гоненіяхъ, еще живы и еще продолжаютъ питать во множествѣ умовъ злыя предубѣжденія и жгучія опасенія. Христіане, съ своей стороны, съ трудомъ допускаютъ новое соціальное положеніе и съ трудомъ прилаживаются къ нему; они на каждомъ шагу чувствуютъ себя оскорбленными, раздраженными, испуганными—отъ мыслей и рѣчей, раздающихся въ обществѣ. Не легко перейти отъ привилегіи къ общности права, и отъ господства—къ свободѣ. Нельзя, видно, безъ особенныхъ надъ собою усилій покориться свободѣ дерзкаго противорѣчія и необходимости постоянно защищаться, постоянно одолевать. Дѣйствія свободы еще-страстнѣе и чувствительнѣе въ области религіозной, чѣмъ въ политической; вѣрующимъ еще труднѣе сносить невѣрующихъ, чѣмъ правительствамъ оппозицію. И однако же они къ тому вынуждены обстоятельствами,—они уже нигдѣ, какъ только въ свободѣ сужденія, и воспользовавшись всею полнотою своей собственной свободы, могутъ обрѣсти нужную имъ силу, чтобъ возвыситься надъ опасностями и сдѣлать тщетными нападенія своихъ яростныхъ противниковъ“.

И. С. Аксаковъ такъ отзывался объ этомъ мнѣніи Гизо.— „Если вмѣсто выраженія: христіанская религія мы поставимъ Церковь, въ смыслѣ іерархическаго правительственнаго института и въ смыслѣ внѣшняго авторитета,—или же, наконецъ, и самую религію будемъ здѣсь разумѣть въ томъ видѣ и на той степени развитія, какъ она проявляется въ обиходномъ сознаніи большинства (какъ духовенства, такъ и мірянъ), то нельзя не признать, что Гизо съ поразительной вѣрностью опредѣлилъ настоящее положеніе дѣла, настоящія опасности, грозящія торжеству христіанской истины, и, такъ сказать, ткнулъ пальцемъ въ самыя болѣзненныя мѣста современнаго христіанскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, побѣда можетъ остаться за христіанской истиной только тогда, когда защитники этой истины будутъ исполнѣе вѣрны и будутъ защищать ее единымъ соответственнымъ ея достоинству орудіемъ, когда они убѣдятся, что только въ свободѣ сужденія, въ свободѣ совѣсти, и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могутъ обрѣсти необходимую имъ силу для побѣды надъ могуще-

ствомъ лжи и мрака, для одолѣнія своихъ многочисленныхъ и искусныхъ враговъ.

Что выражается требованіемъ свободы совѣсти? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживыхъ и суетвѣрныхъ ученій? Выражается ли этимъ требованіемъ состраданіе къ расколу или простое увлеченіе современными либеральными требованіями цивилизациі, прогресса и проч.? Ничуть не бывало. До цивилизациі и прогресса намъ и дѣла нѣтъ, ибо превыше всякой цивилизациі и прогресса—идеаль, препоставленный человѣчеству Христомъ, и требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самомъ Словѣ Божіемъ. Требованіе свободы совѣсти—есть требованіе свободы для самой Церкви,—эта свобода необходима для ея собственной жизни духа, для ея торжества, для ея побѣды.

Итакъ мы видимъ, что рядомъ съ исторіей внѣшнихъ событій есть исторія внутренняго развитія. Иначе и быть не можетъ. Это предвѣчный законъ. Человѣчество не топчется на одномъ мѣстѣ, а растетъ, по слову апостола, „въ мѣру возраста и исполненія Христова“. Забывать объ этомъ—ошибка; игнорировать—ложь, которую никакими строгостями не сдѣлать правдой. И отътого-то я считаю, что именно вамъ, миссіонерамъ, разносителямъ вѣчной правды и заботникамъ о больныхъ и объ отпавшихъ по немощи ума и воли, Вамъ надлежитъ прежде всего указать на эту старую ересь, на этотъ государственный грѣхъ, на отсутствіе свободы совѣсти въ странѣ—носителницѣ православія.

Вы лучше всѣхъ знаете, что проповѣдь православной истины не возбранена и не гонима въ другихъ иновѣрческихъ странахъ. Что 50 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ началъ издаваться журналъ «Union Chrétienne», который редактировалъ отецъ Владиміръ Геттэ, перешедшій въ православіе изъ католическихъ священниковъ, и въ немъ изобличавшій неправду и ложь папизма, изобличавшій открыто, рѣзко и не стѣсненно. Въ Англіи сталъ съ 1867 г. выходить журналъ «The Orthodox Review» — органъ англичанъ, принявшихъ и проповѣдующихъ православіе. Въ Германіи пасторъ Овербекъ издалъ брошюру «Ex Oriente Lux», въ которой провозглашалъ православную—единую католическую Церковь, сохранившей отъ апостоловъ истинную вѣру. Въ наши дни ту же проповѣдь и ту же задачу преслѣдуютъ такъ

называемые старокатолики невозбранно, во всѣхъ странахъ, при участіи нашихъ богослововъ. Итакъ схизматики и еретики Франціи, Англіи, Германіи, Австріи смѣлѣе и справедливѣе относятся къ иновѣрнымъ христіанамъ, нежели православіе.

У насъ увѣряютъ, что есть свобода вѣрованія, только нѣтъ свободы исповѣданія... Вотъ эту-то ошибку, выдаваемую врагами за прямой обманъ, слѣдуетъ раскрыть ближайшимъ ревнителямъ о Церкви и дать ей властно высказать, что безъ послѣдней не можетъ быть первой.

Вѣра есть союзъ совѣсти человѣческой съ Богомъ. Она въ сердцѣ зарождается и въ немъ обитаетъ, зажигая и вдохновляя его. И сердце человѣческое расширяется ея бытіемъ. Сердце человѣческое восторженно подчиняется наитію вѣры. „Отъ избытка сердца уста глаголютъ“. Можно ли запечатать ихъ на живомъ образѣ человѣческомъ, не превративъ вѣры въ изуверство или не вытравивъ ея совсѣмъ изъ сердца.

Думаю, что нельзя.

Законодательство вправѣ говорить любому подданному: „Ты можешь вѣрить, во что хочешь, или совсѣмъ не вѣрить,—мнѣ все равно. Только не смѣй въ этомъ признаваться ни мнѣ, ни другимъ“. Но Церковь не можетъ повторять за нимъ тѣхъ же словъ. Больше—она не можетъ не сказать государству: Нѣтъ! Предоставь мнѣ,—мнѣ, единой на то уполномоченной, вѣдать дѣла совѣсти, и я исцѣлю или убѣжду всякаго очевидностью истины, которая во мнѣ и на которой я созиждена, и которой не одолѣютъ не только разныя уклоненія слабаго ума человѣческаго, но и сами врата адовы. Меня научилъ апостолъ „въ союзѣ мира блюсти единеніе духа“, а не въ союзѣ запрета, со строгой карой. Если опременно нарушено, Церковь возстановитъ его, но убѣжденіемъ, а не суровостью угрозъ. Уже въ самомъ понятіи „убѣжденіе“ очевидно заключено понятіе и права „заблужденія“.

Церковь такъ же не можетъ запретить заблуждаться, запретить терять вѣру, какъ никто не можетъ сознательно отказаться отъ истинной вѣры, которая приноситъ человѣку спасеніе въ ужасѣ смерти и свѣтъ въ потемкахъ жизни, особенно въ наши дни мучительнаго, ошалѣлаго недоумѣнія. Среди насъ есть нѣсколько (м. б. и много) завѣдомо быв-

шихъ еретиками и сектантами. Скажите, не радостно ли обрѣли вы истину православія, не свободно ли къ ней вернулись? Помогать ли вамъ принять и примкнуть XV томъ?

Меня спросятъ:—Чего же вы хотите? Разрѣшенія не только безнаказаннаго отпаденія отъ православія, но и права безнаказаннаго исповѣданія своей вѣры, т. е. совращенія другихъ? Это подразумѣвается подъ свободой совѣсти? Особенно увѣренно среди васъ, миссіонеровъ, я отвѣчу: да, только это называется свободой совѣсти. Только при этомъ можетъ жить и дѣйствовать, спасать и спасаться, вѣра истинная и неистинная, обращаемая и обращающая. Запретнымъ пусть будетъ не вѣра, а дѣла; не чувство, а поступки, ущербы, изувѣрство, все то, что уголовный законъ караетъ во всѣхъ, не спросясь Церкви, независимо отъ вѣроисповѣданія, за что уходить въ тюрьму и ссылку всякій православный.

Меня сейчасъ же переспросятъ, ссылаясь на темноту простого народа: какъ?—не карать за проповѣдь, за ~~совра~~щеніе?

И я опять отвѣчу: за проповѣдь передъ взрослыми, за совращеніе сознательныхъ людей—нельзя и безцѣльно карать. Нельзя потому, что если допустить, что темные люди бросаютъ православіе невольно и не сознательно, то я раньше долженъ признать, что они невольно и не сознательно пребываютъ въ православіи. Тогда—это только принадлежность къ культу безъ принадлежности къ Церкви, и выражается она не вѣрой, а суевѣріями, близкими къ язычеству, и равнодушіемъ, далекимъ отъ всякой философіи и науки. Этимъ нечего дорожить, ни беречь.

Безцѣльно карать потому, что наказаніе за вѣру, которую считаешь истинной, пугаетъ только самыхъ робкихъ проповѣдниковъ, а они не опасны, какъ плохіе апологеты.

„Орудія Церкви,—говоритъ Аксаковъ,—могутъ быть только духовныя, способныя соблюсти свободу совѣсти человѣка въ самомъ послушаніи вѣры, въ самомъ плѣну истины. Если же Церковь въ дѣлѣ вѣры прибѣгаетъ къ орудіямъ не духовнымъ, къ грубому вещественному насилію, то это значитъ, что она отрекается отъ своей собственной духовной стихіи, сама себя отрицаетъ, перестаетъ быть „Церковью“,—становится государственнымъ учрежденіемъ, т. е. государ-

ствомъ, „царствомъ отъ міра сего“,—сама обрекаетъ себя на судьбу мірскихъ царствъ“...

Такимъ образомъ законъ гражданскій невольно, вмѣсто охраненія Церкви, только растлѣваетъ ея духовную цѣлость. Если Церковь вѣруетъ въ свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она въ содѣйствіи земной силы. А если нуждается, то не свидѣтельствуется ли симъ недостатокъ дерзновенія вѣры?... А если проявляется недовольное дерзновение вѣры со стороны официальныхъ охранителей вѣры, то какъ же остановить и въ обществѣ тотъ духъ невѣрія, которымъ обуреваются совѣсти, оскорбленныя въ своемъ святомъ правѣ свободы?...

Теперь остается еще опредѣлить: кто же запретилъ свободу совѣсти въ Россіи и кто караетъ? Разобравшись въ законахъ, выходитъ, что караетъ гражданская власть вмѣстѣ съ духовною. При этомъ онѣ не только соединились, но и перепутали свои несовмѣстимыя области. Тотъ же Аксаковъ насчитываетъ болѣе 1000 отдѣльныхъ статей въ т.т. II, особенно XIV, XV, XVI св. зак., которыми на полицейскія власти возложено ограждать душеспасеніе и руководить самую совѣсть православныхъ. Чего-чего тамъ только нѣтъ? Указано, какъ начальству наблюдать за бытіемъ подчиненныхъ на исповѣди и св. причастіи, наблюдать, какъ стоятъ въ Церкви съ благоговѣніемъ и безъ усилія, какіе имѣтъ въ домахъ образа—искусной рѣзбы, какъ позволять, по рвенію вѣрующихъ, приносить святые иконы въ дома, но не иначе, какъ на рукахъ, или въ каретахъ.

Какихъ только не слышишь оскорбительныхъ курьезовъ! Да возьмите сейчасъ въ миссіонерской бібліотекѣ Братства справочную книжку о законахъ, и вы прочтете, что одна и та же 783 ст. II т. I ч., среди заботъ становаго объ искорененіи дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совищенія мужского пола и женскаго въ торговыхъ баняхъ, поручаетъ ему наблюденіе за спорами противъ догматовъ вѣры православной и совращеніемъ православныхъ въ иную вѣру или расколъ.

Гражданская власть, забравъ опеку надъ областью духа, установивъ строгія кары по дѣламъ вѣры, въ то же время коварно возложила нравственную отвѣтственность за нихъ на власть духовную. Ст. 1006 т. XVI говоритъ: „предвари-

тельное слѣдствіе по дѣламъ о совращеніи изъ православія или отступленія отъ вѣры христіанской начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства“.

И вотъ намъ невольно вспоминается, какъ за послѣдніе годы часто поступали эти требованія духовнаго начальства. Мы боимся надѣяться, что съ установленіемъ и развитіемъ миссіонерства прекратится обращеніе къ матеріальной власти въ этой области убѣжденія и воздѣйствія на душу, хотя ни на комъ въ Россіи не лежитъ болѣе, чѣмъ на миссіонерскомъ съѣздѣ, долгъ провозгласить необходимость свободы совѣсти, необходимость отмѣны всякой уголовной кары за отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры. И я предлагаю орловскому миссіонерскому съѣзду такъ прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригоднымъ порядкомъ.

Только тогда миссіонерство будетъ вправѣ говорить, что оно ведетъ борьбу за православную вѣру совѣмъ иными средствами, чѣмъ та трубчевская деревня, о которой здѣсь было рассказано однимъ изъ батюшекъ. Вы помните? Съ согласія и вѣдома и священника, и начальства заперли за подозрѣнныхъ штундистовъ въ церкви, принесли столъ, накрыли чистой скатертью, поставили икону и стали выводить по одному: „Приложись!“—Не хочу прикладываться къ идоламъ... „А!“—пороть тутъ же. Послабже которые, послѣ перваго же раза, возвращались въ православіе. Ну, а которые до 4 разъ выдерживали.

Только тогда у миссіонера, у священника не сойдетъ съ языка тотъ отвѣтъ, который мы тоже здѣсь слышали:—Вы говорите, батюшка, ихъ было вначалѣ 40 семей, а теперь 4. Что жъ остальные?—А милостью Божьей сосланы въ Закавказье и въ Сибирь. Я приглашаю съѣздъ такъ высказаться, несмотря на то, что въ изданной на-дняхъ миссіонерской „Памяткѣ“ послѣ упрековъ приходскому духовенству за равнодушіе, доходящее до предубѣжденія, къ миссіонерской дѣятельности, послѣ уговора дѣйствовать на заблудшихъ милосердствующей отеческой любовью, но никакъ не угрозою наказанія, мѣрами суда и полицейской расправы—тюрьмой, ссылкой и пр., послѣ упоминанія, что такъ какъ полицейскія мѣры—не мѣры Церкви ¹⁾, то священникъ, по мис-

¹⁾ Курсивъ подлинника.

сионерскому принципу, не долженъ бы совсѣмъ входить въ непосредственное сношеніе съ гражданскою властью; послѣ этихъ несомнѣнныхъ и прекрасныхъ разсужденій въ слѣдующемъ же § (18), предписывается: возбуждать судебныя дѣла противъ раскольниковъ, не только если они позвонятъ въ колоколь во время собраній или допустить публичное пѣніе при погребеніи умершаго, или если раскольникъ публично надѣнетъ клобукъ, рясу или монашескую одежду, а предписывается возбуждать уголовныя дѣла, когда священникъ замѣтитъ и убѣдится въ дѣйствіяхъ, могущихъ производить соблазнъ среди православныхъ, *каковы всякія дѣйствія*, противныя православной вѣрѣ, и въ особенности публичныя хулы и насмѣшки надъ правилами и обычаями православной Церкви и *надъ тѣми, кто ихъ соблюдаетъ*.

Да извинять меня составители этой „Миссіонерской Памятки“, но я болѣе сочувствую тѣмъ попущеніямъ, за которыя они попрекнули нашихъ простыхъ сельскихъ батюшекъ, чѣмъ преподаваемому ими ревнительству. Скажу еще. Я считаю первое болѣе согласнымъ съ долготерпѣніемъ и достоинствомъ православной Церкви... Я не одинокъ. Я нахожу все у того же замѣчательнаго русскаго человѣка подтвержденіе моей мысли.

„Совращеніе членовъ,—говоритъ Аксаковъ,—господствующей Церкви въ иновѣрное ученіе,—не путемъ насилія, а свободнаго убѣжденія, есть ли само по себѣ, въ существѣ своемъ, дѣяніе преступное? Совершила ли преступленіе русская Церковь, когда посягнула на совращеніе католическаго аббата и французскаго подданнаго Геттэ въ православіе? Скажутъ ли: *нѣтъ* потому только, что французскіе законы не считаютъ этого дѣянія преступнымъ? Однако же такое совращеніе признано преступленіемъ въ Россіи и по государственнымъ законамъ подлежитъ тяжкому наказанію. По этимъ законамъ отецъ Васильевъ, русскій священникъ при посольствѣ въ Парижѣ, совратившій аббата Геттэ, долженъ бы быть подвергнутъ французскимъ судомъ заключенію въ тюрьмѣ или ссылкѣ (Улож. о нак. ст. 187 и 188). Если же это дѣяніе само по себѣ не преступно, ибо было дѣломъ не насилія, а мирнаго проповѣдыванія со стороны совратителя и искренняго согласія совѣсти со стороны совращеннаго,—то почему же при тѣхъ же условіяхъ, такое дѣяніе преступ-

но въ Россіи, почему допущены разныя ему оцѣнки и мѣрки? Потому ли, что наша вѣра истинная, а всякая другая вѣра ложная? Но потому именно, что наша вѣра истинная,—она и должна быть истинной вѣрой, т. е. свободнымъ изволеніемъ духа, какъ и учить православная Церковь: она не можетъ требовать съ своихъ чадъ иного убѣжденія, какъ искренняго, т. е. вполне свободного, а не лицемернаго?..

Откроемъ Хомякова, этого столпа православія, Кирѣевскаго, Юрія Самарина и такъ недавно еще и такъ безвременно ушедшаго къ Богу Влад. Соловьева, котораго „Миссіонерское Обзорѣніе“ совершенно справедливо оплакивало и назвало великимъ сподвижникомъ Церкви православной. Развѣ они не скажутъ того же самаго? Да наконецъ, развѣ не чувствуютъ это, хотя не смогутъ выразить многіе и многіе простые русскіе люди?

Я же вамъ это высказалъ не только потому, что могу опереться на такіе авторитеты, но и потому, что для думающаго такъ высказать долгъ совѣсти, котораго не вправѣ замолчать ни изъ скромности передъ вашей ученостью специалистовъ, ниже по робости передъ несочувствіемъ гражданской или духовной власти. Вѣдь самый послѣдній и ничтожный изъ насъ не только принадлежитъ къ Церкви, но тоже составляетъ Церковь, ту совокупную Церковь, которая есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою.

Не именемъ духовнаго начальства, не отъ имени духовенства, а во имя Церкви надо высказать, что насиліе надъ совѣстью безсовѣстно, что гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ искренности, что гдѣ нѣтъ искренности,—нѣтъ вѣры правой и неправой. Церковь можетъ сказать, что область совѣсти и вѣры—ея область. Она одна въ ней властна. Она можетъ сказать Кесарю: Оставь, это не твое, это—Божье въ вѣчности, это мое на землѣ! Мнѣ, мнѣ единой дана власть вязать и разрѣшать, дана безъ права передовѣрія прокурорамъ и судьямъ. Я одна могу судить живымъ и живительнымъ началомъ любви.

Уже 866 лѣтъ духовная и гражданская власти съ земными законами и матеріальными средствами въ рукахъ борются съ расколомъ, и не далъ имъ Богъ поборенія. Я не знаю, сколькими милліонами сосчитаны отпавшія дѣти пра-

вославія, но я знаю, что не считаны большіе миллионы оставшихся за это время суевѣрными до язычества, равнодушными до отчаянія! 366 лѣтъ плачетъ православная Церковь отъ этого раздиранія! 366 лѣтъ отъ мучительства и отчаянія страдаетъ многое множество русскихъ людей. Не столько при ссылкѣ и въ темницѣ, сколько страдаетъ отъ сомнѣній, колебаній, исканія и жажды истинной вѣры... За 366 лѣтъ изъ одного раскола стало 118 расколовъ, ересей, сектъ. Развѣ это не грѣхъ всѣхъ? Развѣ это не общее горе? Развѣ это не наказаніе намъ? „Все за то, что Церковь Божью святотатственной рукой приковали мы къ подножью власти суетной, земной!“ И только когда она, матушка, приметъ лѣчить духомъ и истиною всѣ нужды и грѣхи нашей совѣсти, своей любовью будетъ сама и одна вязать и разрѣшать ихъ, только тогда можетъ исполниться ежедневная молитва, и духъ истины, это сокровище добрыхъ, придетъ и вселится въ насъ и очиститъ отъ этой скверны, и спасетъ души наши...

Мих. Стаховичъ.

(Орлов. Вѣстн. № 254, 1901 г.).

IV.

Свобода совѣсти, какъ христіанская основа.

Свобода совѣсти имѣетъ въ христіанствѣ значеніе весьма ограниченное и даже ничтожное, такъ какъ здѣсь сочетаются понятія не соотвѣтственные между собой и для христіанства мало пригодныя.

Ибо что такое совѣсть?

Совѣсть есть внутреннее душевное чувство, которое, какъ показываетъ и самое слово (на греческомъ, славянскомъ и др. языкахъ), слагается изъ двухъ явленій или элементовъ.

Съ одной стороны, совѣсть есть законъ (внутренній), опредѣляющій дѣлать одно, какъ доброе, и не дѣлать другое, какъ злое, а съ другой стороны—совѣсть есть судія, который внутренне судитъ человѣка, не давая ему покоя за совер-

шеніе злого и тѣмъ наказуя его, или радуя за совершеніе добра ¹⁾).

Ни въ первомъ, ни во второмъ проявленіи совѣсти свобода не имѣетъ никакого значенія, ибо понятіе свободы совѣсѣмъ изъ другой области явленій душевной жизни, а именно изъ области воли, которая дѣйствуетъ свободно или несвободно ²⁾).

Въ этомъ заключается существенный характеръ и особенность воли, тогда какъ существенный характеръ совѣсти заключается въ ея чистотѣ и порочности, или въ святости и грѣховности, изъ коихъ отъ вторыхъ нужно освободиться, а первыхъ достигать, такъ какъ въ порочности и грѣховности заключается не достоинство совѣсти, а въ ея чистотѣ и святости, открывается ея совершенство.

Свобода, какъ стремленіе дѣйствовать независимо ни отъ чего и не отъ кого, неприменима къ совѣсти, какъ закону и судіи, потому что этотъ законъ есть, такъ сказать ограниченіе ея, противоположеніе ей, стѣсненіе ея.

Гдѣ законъ, тамъ свободѣ положены предѣлы. И предѣлы эти тѣмъ сильнѣе, и непреодолимѣе, чѣмъ основательнѣе, тверже и несокрушимѣе законъ. А законъ совѣсти одинъ изъ самыхъ несокрушимыхъ законовъ. Его нельзя ни заглушить, ни вытравить ничѣмъ ³⁾).

¹⁾ Св. апостолъ Павелъ говоритъ: язычники показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣлствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія (Римл. 2, 15). Здѣсь говорится о совѣсти, какъ законъ, почему раньше (въ 14 стихѣ) апостолъ сказалъ, что язычники сами себѣ законъ. Объ оправдающемъ и карающемъ дѣйствіи совѣсти, какъ судіи, тотъ же апостолъ говоритъ: похвала наша сія есть—свидѣтельство совѣсти нашей (2 Кор. 1, 12). По слову св. Григорія Богослова, совѣсть есть *домашнее* и *неложное* судилище, котораго невозможно избѣжать. Имѣя въ виду это личное (домашнее) значеніе совѣсти, св. апостолъ Павелъ говоритъ: для чего моей свободѣ быть судимой чужою совѣстью? (1 Кор. 10, 29).

²⁾ Поставленная между разсудкомъ и волею, совѣсть слѣдуетъ за первымъ и предшествуетъ второй. Она получаетъ отъ разсудка общія начала и совмѣстно примѣняетъ ихъ къ дѣлу въ области воли (См. *Нр. Богословіе*, изд. мною въ 1894 г., 50 стр.).

³⁾ Совѣсть, говоритъ Ж. Ж. Руссо, „это безсмертный и небесный голосъ, вѣрный путеводитель (?) и непогрѣшимой (?) судія добра и зла, который уподобляетъ человека Богу“. Здѣсь вмѣстѣ съ правдой

Можно на время отрѣшиться отъ закона совѣсти, сдѣлаться свободнымъ отъ совѣсти, но она, будучи на время подавлена, скорѣе явится вновь и заговоритъ тѣмъ съ болшею силой, чѣмъ съ болшею силой она была подавляема. Вотъ почему безсмертный А. С. Пушкинъ совершенно вѣрно сказалъ о совѣсти братьевъ-разбойниковъ:

Въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

Здѣсь выступаетъ совѣсть, какъ судія, который тоже не можетъ потворствовать свободѣ, а напротивъ, тоже долженъ стѣснять свободу совѣсти, чтобы не дать развиваться явленіямъ, противнымъ ей.

Разсуждая логично, можно говорить не о свободѣ совѣсти, а объ освобожденіи отъ совѣсти, что и дѣлаютъ разнаго рода преступники, стараясь тщетно заглушить совѣсть и всячески освободиться отъ нея.

Но не одни разбойники желаютъ освободиться изъ узъ закона совѣсти и ея судилица.

Совѣсть нежеланна многимъ философамъ, а также и религіознымъ реформаторамъ и сектантамъ, изъ которыхъ первые, вмѣсто присущаго каждому закону совѣсти и ея судилица, хотятъ поставить свои умствованія, другіе свою свободную, не ограниченную ничѣмъ волю, а третьи свои видѣнія и чувствованія, не столько дѣйствительныя, сколько

о врожденной и неискренней силѣ совѣсти, какъ закона и судіи, введены преувеличенныя понятія о ея вѣрности и непогрѣшимости, а равно и о уподобленіи чрезъ нее Богу. Эти преувеличенія вышли изъ неправильнаго общаго представленія о природѣ человѣка вообще, которая, по замѣчанію Руссо, тѣмъ лучше, чѣмъ она ближе къ первобытной, непросвѣщенной натуральности. Его Эмиль — вотъ химера натурального человѣка Руссо. И однако можно думать, что этотъ натурализмъ породилъ современное либеральное представленіе о свободѣ совѣсти, и что изъ него же произошло и стремленіе быть сверхчеловѣками и человѣкобогами, которыми по Ж. Ж. Руссо дѣлаются люди именно чрезъ совѣсть. Но здѣсь должно поставить вопросъ: у кого же именно изъ послѣдователей Руссо была и есть вѣрная до непогрѣшимости совѣсть? Отвѣтъ: такой совѣсти не было ни у кого изъ либеральныхъ мыслителей и быть не можетъ, ибо природа всѣхъ со времени грѣхопаденія извратилась и въ томъ числѣ совѣсть. По слову Писанія, всѣ прилежно помышляли на злое во всѣ дни (Быт. 6, 5), сдѣлались какъ бы рабами своей склонности ко злу (Римл. 7, 6—8) и даже нравственно-мертвыми (Еф. 2, 1), имѣя совѣсть какъ бы сожженною (1 Тим. 4, 2).

мнимыя. Всѣхъ ихъ стѣсняетъ законъ совѣсти и ея судилище, и потому они охотно могутъ говорить о свободѣ отъ совѣсти. И вотъ у философовъ получается различное отрицаніе закона, беззаконіе (антиномизмъ) ¹⁾, у практическихъ дѣятелей отрицаніе высшихъ властей (анархизмъ), а у сектантовъ своезаконіе (автономизмъ), самый опасный, самый ужасный разрушитель существующаго порядка, во всѣхъ его началахъ, какъ общихъ, основныхъ, такъ и частныхъ, даже мелочныхъ ²⁾. Разительный примѣръ этого бурнаго

¹⁾ Антиномизмъ бываетъ весьма различный. Попраніе закона во имя своей личности, которой будто бы не касаются тѣ или другіе законы и правила, составляютъ антиномизмъ индивидуальный. Это антиномизмъ выдающихся людей, которые не признаютъ для себя общественныхъ законовъ, какъ высшихъ умовъ, съ которыми, однако, сходятся и люди недостаточныхъ умовъ, про которыхъ поговорка говоритъ, что для дураковъ законъ не писанъ, ибо крайности сходятся нерѣдко до того, что, по заключенію современныхъ психіатровъ, гдѣ граница между геніальностію и слабоуміемъ вырождающихся мнимыхъ геніевъ,—это неопредѣлимо. Однако насиліе выдающихся умовъ надъ совѣстію слабыхъ совершается, какъ дѣло обычное, съ безпощаднымъ попраніемъ. Есть антиномизмъ политическій „дипломатическій“ (Маккиавелли), при которомъ утверждаютъ, что языкъ данъ для того, чтобы скрывать мысли. Есть антиномизмъ социалистическій, который большею частію находитъ свое полное выраженіе въ анархизмъ, съ ниспроверженіемъ всѣхъ троновъ и престоловъ, а также и съ убійствомъ правителей и вообще представителей власти.

²⁾ Автономизмъ, въ противоположность антиномизму, ставитъ свой законъ. И такъ какъ всего прочнѣе ставить новые законы во имя высшихъ началъ, то посему автономизмъ и является преимущественно религіозный, хотя были и есть попытки поставить иные автономизмы, напримѣръ, научный, которому, говорятъ, очередь еще не настала, ибо наука еще не выросла, тогда какъ на почвѣ религіозной можно сразу же стать на мнимовысочайшую точку, въ особенности когда, какъ говорятъ хлысты, Духъ накатитъ. Еще древніе еретики гностики (интеллигенты) считали только себя однихъ людьми, знающими все, людьми чистаго духа и разума (раціоналистами). Посему одни изъ нихъ считали для себя необходимыми никакія внѣшнія предписанія, а другіе позволяли себѣ все. Съ такими же требованіями широкихъ преимуществъ выступаютъ и многіе современные сектанты, которые считаютъ позволненнымъ себѣ все, и въ томъ числѣ пренебреженіе всѣми условіями человѣческаго общежитія (духоборы) и даже ниспроверженіе всѣхъ существующихъ порядковъ и законовъ, на которыхъ основываются эти порядки, особенно же тѣхъ, которые не благопріятствуютъ развитію ихъ еретическихъ изувѣрствъ, нерѣдко направленныхъ ко вреду семейной жизни и чистоты нравовъ (у хлыстовъ) и даже внѣшняго здоровья и силы (у скопцовъ), что въ совокупности должно повести ко всеобщему разложенію и вырожденію.

примѣненія сектантскаго автономизма представляетъ ужасный разгромъ толстовцами церкви-школы въ селѣ Павловкѣ, Харьковской губерніи, гдѣ горсть изувѣровъ разгромила церковь-школу, причемъ нѣсколько человѣкъ вскочили на престолъ, попирая его прискакиваніями, съ произношеніемъ разныхъ ругательныхъ словъ относительно всѣхъ святынь церкви, а другіе въ то же время разбивали иконы, рвали священныя ризы. Вотъ полнота разнузданной свободы совѣсти, во всемъ ея ужасѣ!

Нѣтъ, нѣтъ, не свободы отъ совѣсти должно искать людямъ благомыслящимъ и не о свободѣ совѣсти должно говорить людямъ, стремящимся ко благу Россіи и твердому стоянію православной Церкви и живому дѣйствію ея въ средѣ своихъ членовъ и среди заблуждающихся, а объ исправленіи людской совѣсти, объ ея упорядоченіи, просвѣтленіи и исправленіи, ибо рѣдко, очень рѣдко можно встрѣтить совѣсть добрую, а совѣсти потемненныя, порочныя и даже сожженныя встрѣчаются постоянно. Не свободу дать этимъ испорченнымъ совѣстямъ должно, но подчинить ихъ высшимъ основамъ и правиламъ, болѣе опредѣленнымъ и болѣе твердымъ. Изъ таковыхъ высшихъ основъ есть прежде всего откровенный законъ Божій, данный во Христѣ Иисусѣ и содержимый въ полнотѣ въ Церкви Божіей, вѣдущей ихъ полноту и разумѣющей ихъ примѣненіе, какъ къ отдѣльнымъ явленіемъ жизни человѣческой, такъ и къ ихъ жизненныхъ соотношеніямъ — семейнымъ, взаимнымъ, общественнымъ и государственнымъ.

Язычники изжили свою многовѣковую жизнь по руководству совѣсти и не получили ея свободы, свободы отъ грѣха, не достигли совершенства жизни по совѣсти, ибо она изрекала законы и судила, а силъ къ исполненію сихъ законовъ не давала. И осуждая, повергала въ безысходный мракъ отчаянія, доводившій многихъ до самоубійства. А иные по совѣсти своей говорили, что если бы міръ людской имѣлъ одну голову, то они срубили бы ее, чтобъ одиноко царить надъ всѣмъ...

Но вотъ явился Спаситель человѣчества и указалъ новыя основы жизни, и ожило, возродилось человѣчество. Онъ откликнулся и на стремленіе людей къ дорогой для нихъ независимости, къ свободѣ. Только свободу онъ соединилъ не съ совѣстію, а съ другими основами жизни, болѣе вѣрными.

болѣе опредѣленными, болѣе надежными. Онъ сказалъ: *истина свободитъ вы*. Аще Сынъ вы свободитъ, во-истину свободни будете (Іоан. 8, 32, 36), ибо Онъ есть путь, истина и жизнь (Іоан. 14, 6).

А высшее состояніе свободы есть пребываніе въ духѣ жизни по Христѣ, ибо *идеъ Духъ Господенъ, тамъ и свобода*, говорить святой апостоль Павелъ (2 Кор. 10, 29). Въ свободѣ же совѣсти нѣтъ ни истины, ни жизни правой, а возвращеніе къ всему тому, что пережилъ древній міръ, особенно греко-римскій языческій міръ, міръ плотской, суетный и погибельный, смѣненный христіанствомъ, какъ духомъ жизни наивысшей, спасительной.

Совѣсть, очищенная Духомъ Святымъ, можетъ быть доброю (Дѣян. 23, 1) и непорочною (1 Тим. 3, 9).

Но правую свидѣтельницей объ истинѣ она можетъ быть только въ Духѣ Святомъ (Римл. 9, 1), безъ котораго она всегда будетъ порочною (Евр. 10, 22), оскверненною и даже сожженною (1 Тим. 1, 15, 4, 2), а слѣдовательно, ненадежною и даже опасною, разрушительною, если дать ей полный просторъ, или то, что либеральные мыслители называютъ свободой совѣсти, которая можетъ быть хуже всякой неволи, въ особенности же христіанской, заключающейся въ преданности Христу и всему тому, что Онъ установилъ для руководства людей съ немощною совѣстію, какъ, напримѣръ, Церковь, пастырей, начальниковъ, судей, учителей, которые пребудутъ во вѣки, пока не придетъ небесная свобода славы чадъ Божіихъ (Римл. 8, 21). Тогда, въ жизни будущаго вѣка, будетъ всяческая свобода. А въ чемъ *законъ свободы* (Іак. 1, 25) или, иначе говоря, истинная христіанская свобода можетъ выражаться теперь, о семъ мы надѣемся побесѣдовать въ другое благоприятное время.

Епископъ Никаноръ.

Р. С. Въ заключеніе своего возраженія на докладъ М. А. Стаховича еп. Никаноръ сказалъ: не наше дѣло касаться политики, самимъ входить въ обсужденіе и обращаться къ другимъ съ ходатайствомъ объ отмигнѣ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ по дѣламъ вѣры, — тѣмъ болѣе, что въ Россіи свобода вѣры не стѣсняется, ужасы инквизиціи у насъ невозможны, и опасеніе ихъ для насъ даже непонятно.

Ред.

VI.

Въ чемъ находятъ себѣ оправданіе мѣры государственнаго принужденія и воздѣйствія на раскольниковъ и сектантовъ.

Я не могу не сказать, сколько правды, самой горькой для насъ, миссіонеровъ, правды, заключается въ положеніи, что насиліе въ дѣлѣ религіознаго исповѣданія и проповѣданія вредитъ дѣлу миссіи. Административныя и судебныя по отношенію къ сектантамъ мѣры, если онѣ идутъ впереди мѣръ пастырскихъ и миссіонерскихъ, или даже если онѣ идутъ рядомъ съ ними, и если онѣ при этомъ дурно направлены, какъ это часто случается, то онѣ не только не помогаютъ дѣлу миссіи въ отношеніи воздѣйствія ея на сектантовъ, но и прямо вредятъ ей. Сознавшая свое назначеніе и свои силы миссія не будетъ искать въ помощь своему спасительному назиданію Словомъ Божиимъ еще и содѣйствія внѣшней физической силы. Но миссія не властна и отворотить эту помощь, когда она приходитъ, въ силу ли закона, или своихъ историческихъ и государственныхъ правъ, или усмотрѣнія власти, и вотъ, благодаря совмѣстному дѣйствованію въ борьбѣ съ заблужденіями мѣръ духовныхъ и физическихъ,—независимому другъ отъ друга, пастырей Церкви и миссіонеровъ считаютъ виновниками насилія надъ совѣстію мѣрами физическаго принужденія и репрессій, клеймятъ именемъ гонителей вѣры, душителями свободы совѣсти, новѣйшими инквизиторами. Самая миссія по этому самому возбуждаетъ къ себѣ среди сектантовъ и не знающей истиннаго положенія дѣла интеллигенціи ненависть, злобу, и нѣтъ силы, и нѣтъ словъ выразить всю тяжесть ига миссіонерскаго съ этой стороны.

Но мысль о судьбахъ Церкви Христовой стоитъ выше личныхъ чувствованій и расположеній, и я, не обинуясь, утвердительно отвѣчу на вопросъ: нужно ли для Церкви нашей, въ частности для духовенства, для іерархіи содѣйствіе государственной власти въ дѣлѣ борьбы съ раскольниками и сектантами? Да, оно нужно, да, оно полезно, да, оно законно, ибо оправдывается и Словомъ Божиимъ, и всею

исторію Церкви. Оно нужно, ибо Церковь Христова, состоящая изъ людей, нуждается для своей жизни и въ людскихъ силахъ; оно полезно, ибо служило и служить для высшаго блага своей Церкви. Наконецъ, у св. ап. Павла, въ его второмъ посланіи къ Солунянамъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о будущихъ судьбахъ Церкви Христовой, содержится слѣдующая мысль. Антихристъ, какъ величайшее, такъ сказать, идеальнѣйшее воплощеніе зла и противленія Богу, готовъ придти: „Тайна беззаконія уже въ дѣйствіи“. Но что „не допускаетъ открыться ему въ свое время?“ Апостолъ говоритъ: „тайна беззаконія не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь,—и тогда откроется беззаконникъ“ (2, 1—7). Многіе изъ глубокомысленнѣйшихъ толковниковъ Слова Божія видятъ въ этомъ „удерживающемъ“ появленіе въ мірѣ и въ Церкви Божіей совершеннѣйшаго беззаконника—именно законъ, власть государственную, поставляющую препоны свободѣ совѣсти, когда свобода эта переходитъ въ пагубное своеволіе, въ свободу дѣйствованія, препятствующую свободѣ исповѣданія, когда она переходитъ въ свободу же проповѣдыванія. И я глубоко вѣрю въ то, что власть государственная въ этомъ смыслѣ и значеніи является оружіемъ въ рукахъ божественнаго пормышленія о Церкви Христовой.

Даже въ тѣ времена, когда власть государственная была прямо враждебной христіанству и Церкви Христовой, когда она, въ лицѣ своихъ правителей и своими законами стремилась уничтожить христіанство, разрушить Церковь Христову, даже въ тѣ времена эта самая власть, въ силу собственного своего принципа — *закономѣрности* обуздывала народное движеніе противъ христіанства и не давала врагамъ его *съ свободной совѣстью*, или, выражаясь словами св. апостола, „съ послушествующей имъ совѣстью“ (Рим. 2, 15), до конца губить Церковь Христову. Язычники, іудеи, магометане совѣтъ и безчисленные еретики внутри Церкви,—всѣ они, по человѣческимъ соображеніямъ, могли много разъ разрушить Церковь Христову, и всѣ они были сдерживаемы рано или поздно „закономъ“, мѣрами власти государственной, которая сознательно или безсознательно—это другой вопросъ,—въ своихъ собственныхъ интересахъ или въ интересахъ

Церкви, сдерживала совершеніе величайшаго, послѣ грѣхопаденія прародителей и распятія Христа на Крестѣ, беззаконія—разрушенія Церкви Христовой. Власть государственная не можетъ не имѣть провиденціальнаго значенія и, какъ таковая, съ своимъ участіемъ въ судьбахъ Церкви не можетъ быть противна христіанскому міровоззрѣнію.

Обращаясь въ частности къ нашей русской государственной власти и ея отношенію къ Церкви Христовой, приходится чистосердечно признаться, что безъ помощи государственной власти русское духовенство въ своемъ тяжеломъ, забытомъ и забитомъ нынѣшнемъ положеніи не можетъ справиться съ тѣми задачами, которыя ему ставитъ настоящее время. Оно не достаточно еще сильно своимъ просвѣщеніемъ, миссіонерскимъ знаніемъ и умѣніемъ, чтобы одною своею духовною силою удержать пасомыхъ отъ заблужденій, недостаточно авторитетно и властно, ибо находится въ матеріальномъ гнетѣ и рабской зависимости отъ пасомыхъ,—чтобы охранить ихъ отъ лжеученій, а потому и не достаточно любимо, чтобы не быть оставлено. И могло бы безъ сдерживающей силы государства, по естественному порядку вещей, случиться, какъ отчасти и случается, что многое множество сыновъ Церкви Христовой уклонилось бы отъ истины и предалось бы гибельнымъ заблужденіямъ, пошло бы вслѣдъ за лжеучителями и отпало бы отъ Церкви Христовой. Это могла бы сдѣлать проводимая въ докладѣ Мих. Ал. свобода совѣсти, свобода „безнаказаннаго отпаденія отъ православія, свобода безнаказаннаго исповѣданія своей вѣры, т. е. совращенія другихъ“. Кто вѣритъ въ истину православія, тотъ не можетъ не придти въ ужасъ отъ мысли объ этой свободѣ, отъ этой опасности для многаго множества православныхъ сыновъ Церкви Христовой, виновныхъ только въ томъ, что они мало знаютъ истину Церкви Христовой и мало просвѣщены и способны противостоять разрушительной проповѣди сектантства. И мы благословляемъ государственную власть въ Россіи, которая, начиная отъ Помазанника Божія, благочестиваго Царя нашего и кончая слугами его, всѣми этими губернаторами, судьями, исправниками, станowymi и урядниками, такъ ненавистными „свободной совѣсти“ пропагандистовъ, идетъ на помощь Церкви, препятствуетъ свободѣ отпаденія и совращенія и даетъ время пастырямъ

и пасомымъ ихъ оправиться и просвѣтиться и укрѣпиться, чтобы они, наконецъ, вошли въ свою силу и просвѣщали бы, и охраняли бы, и спасали бы сохраненное имъ стадо Божіе.

Не примите за софизмъ, но пастыри - миссіонеры не ищутъ кары сектантамъ, какъ мести. не радуются тѣмъ страданіямъ, тѣмъ гоненіямъ, которымъ предастъ ихъ законъ, но они не могутъ не желать, чтобы тамъ, гдѣ спасеніе не совершается благодатью, тамъ, по апостолу, страхомъ спасались бы (Иуд. 23), чтобы поставлена была препона наглому совращенію и кощунству, чтобы „мечъ“ государственной власти оставался бы предметомъ „боязни“ и для злыхъ враговъ Церкви. И этого миссіонеры желаютъ, и отъ этого они не могутъ отказаться, хотя и трудно имъ выносить тяжесть непониманія, подозрительности, клеветы, злобы и злохуленія.

Кіевскій миссіонеръ свящ. *Савва Потькинъ*.

V.

Свобода совѣсти и русское законодательство о расколосектантахъ.

М. А. Стаховичъ миссіонерскому Орловскому съѣзду предлагаетъ ходатайствовать, во имя *свободы совѣсти*, объ уничтоженіи всего законодательства о расколосектантахъ и о предоставленіи имъ права открытой пропаганды и совращенія православныхъ.

Мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній по поводу этого весьма интереснаго доклада.

Замѣтимъ, прежде всего, что все уголовное законодательство по вопросамъ вѣры, всѣ вообще мѣры пресѣченія и предупрежденія преступленій имѣютъ отношеніе *не къ совѣсти собственно*, не къ внутреннему міру человѣка, который, по самой природѣ своей, свободенъ и контролю закона не подлежитъ, но къ внѣшнимъ проявленіямъ этого внутреннего міра, и притомъ къ такимъ внѣшнимъ проявле-

ніямъ, которыя, будучи направлены ко вреду окружающей расколосектантовъ среды, сами по себѣ стѣсняють свободу жизни и нормальнаго нравственнаго развитія людей, не принадлежащихъ къ сектамъ.

Поэтому провозглашеніе свободы совѣсти въ томъ смыслѣ, какое усваиваетъ этому понятію г. Стаховичъ, было бы допустимо въ томъ только случаѣ, еслибы пропаганда и дѣйствія расколосектантовъ не вносили вреда и нестроений въ жизнь общественную и государственную (не говоримъ уже о церковной) и сами не имѣли бы характера насилія. Но стоитъ призвать на помощь для рѣшенія вопроса самую жизнь, стоитъ обратить вниманіе на тѣ прискорбныя явленія, какія въ ней порождаютъ заблужденія расколосектантовъ,—и тотчасъ станетъ очевиднымъ, къ какому печальному положенію вещей привело бы осуществленіе проекта г. Стаховича.

Возьмемъ факты только послѣднихъ дней.

16 сентября сего года въ селѣ Павловкахъ, Харьковской губерніи, сектанты-толстовцы, послѣдователи князя Хилкова, не возбуждаемые никѣмъ изъ православныхъ, разгромили церковно-школу, осквернили алтарь, надругались надъ священнѣйшими предметами православной вѣры и, не ограничиваясь этимъ, хотѣли разгромить и другую каменную церковь, поджечь съ разныхъ концовъ село и начать „всеобщее избіеніе грѣшниковъ“ (то-есть православныхъ); они и привели бы свою программу въ исполненіе, еслибы не были остановлены возмущенною толпой православныхъ крестьянъ.

Въ № 264 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* читаемъ про сектантовъ-іеговистовъ (Екатеринбургской епархіи), которые, желая „разрушить христіанство и сатанинское іудейство“, средствомъ для этого избрали динамитъ. Они стали разсылать разнымъ лицамъ и разбрасывать по улицамъ такъ называемыя адскія машинки, начиненныя динамитомъ, и взрывомъ одной изъ нихъ былъ убитъ поднявшій такую машинку полицейскій.

Какъ относиться къ подобнаго рода явленіямъ? Какъ поступилъ бы г. Стаховичъ съ человѣкомъ, совѣсть котораго побуждаетъ надругаться надъ христіанскою святыней (какъ въ Харьковской губерніи), взрывать динамитомъ послѣдо-

вателей православія (какъ въ Екатеринбургской епархіи), уродовать себя и другихъ (какъ повсемѣстно въ скопчествахъ), закапываться живыми въ землю и зарывать съ собою ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей (какъ въ Тирасполѣ) и пр.? Неужели нужно допустить *свободу* обнаруженія такой совѣсти, свободу,—если не дѣйствій, то хотя бы *пропаганды ученія*, которое въ практическихъ выводахъ ведетъ къ такимъ возмутительнымъ явленіямъ?

„Запретнымъ пусть будетъ не вѣра, а дѣла, не чувства, а поступки, ущербы, изувѣрство“ и пр., говоритъ г. Стаховичъ.

Но вѣра и чувства, по природѣ своей, не могутъ подлежать карѣ закона, поступки же, подобные вышеуказаннымъ, являются лишь неизбежнымъ *слѣдствіемъ* пропаганды сектантскаго ученія и, какъ совершившіеся факты, сами по себѣ непоправимы. Разумно ли карать за нихъ, то есть признать ихъ нетерпимыми, и въ то же время разрѣшать, то есть признавать терпимою, пропаганду ученія, которое служить ихъ причиной? И что считать „запретнымъ дѣломъ“ въ такомъ, напримѣръ, часто повторяющемся, случаѣ, если вождь скопческой секты, не оскотенный самъ (какъ это весьма часто бываетъ) и не скопцующій никого лично, только склоняетъ къ оскотенію другихъ и, разжигая своимъ ученіемъ ихъ фанатизмъ, направляетъ для совершенія операціи къ специалистамъ этого дѣла? Кого считать тутъ причинившимъ „ущербъ“, „изувѣрство“, и потому подлежащимъ карѣ закона: несчастную ли жертву дикаго ученія, уже и безъ того жестоко пострадавшую, оператора ли, совершившаго, по желанію совращеннаго, оскотеніе болѣе искусно, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать самъ, и тѣмъ, быть можетъ, сохранившаго ему жизнь, или же—причину всего, совратителя, *пропаганда* котораго породила это зло?

Отстаивая свободу сектантской пропаганды, г. Стаховичъ не знаетъ, вѣроятно, что обычные приемы этой пропаганды сами по себѣ являются *насиліемъ* надъ совѣстью, надъ святейшими чувствами православнаго люда. Достаточно раскрыть любое слѣдственное дѣло о расколосектантахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что постояннымъ, характернымъ признакомъ этой пропаганды служить крайняя нетерпимость къ убѣжденію противника, злоба ко всему православному,

кошунство и издѣвательство надъ всѣмъ, что дорого православному христіанину. Не удивительно поэтому, если сектантская пропаганда доводитъ нерѣдко православное населеніе деревни до полного отчаянія, которое разрѣшается или слезною мольбой о защитѣ къ начальству, или, въ случаѣ неуспѣха ея,—крестьянскимъ самосудомъ.

Вотъ, для образца, характеристика сектантства и сектантской пропаганды, какую даетъ крестьянское общество одного изъ селъ Воронежской губерніи въ прошеніи, поданномъ на имя г. губернатора:

„Люди эти (сектанты - хлысты) крайне вредны для нашего общества... и для Бога, Великаго Государя и всей нашей христіанской жизни... Живя среди насъ, приносятъ нашей православной Церкви и нашему тысячному населенію крайнее развращеніе; исповѣдуя свою еретическую секту открыто, оскорбляютъ все то, что свято для насъ, и во что мы, наши дѣды и прадѣды нѣсколько сотъ лѣтъ истинно вѣруемъ, то-есть въ нашу мать—православную Церковь. Кошунствуя надъ св. храмомъ... таинствами... духовенствомъ... нашу православную Церковь съ ея таинствами и духовенствомъ хулятъ (мы пропускаемъ образцы возмутительно-кошунственныхъ изреченій). Совращая нашихъ однообщественниковъ православныхъ христіанъ въ свою ересь, они устраиваютъ наши цѣлыя семейства, отлучаютъ женъ отъ мужей и родителей отъ дѣтей, устраиваютъ ночныя сходки, производятъ воровство, занимаются поджогами нашего имущества, черезъ что мы вынуждены въ рабочую пору, когда дорого для насъ дневное время, а ночью намъ нуженъ покой, отнимаютъ у насъ до шестидесяти человѣкъ для ночного караула... Эти враги открытые матери нашей православной Церкви, общества и семейной жизни не признаютъ ни Бога, ни властей, Имъ поставленныхъ, даже позволили себѣ оскорблять священную Его Императорскаго Величества Особу—Батюшку нашего Великаго Государя такими еще неслыханными словами, которыхъ мы здѣсь и не рѣшаемся передать. Мы единогласно постановили настоящимъ приговоромъ ходатайствовать предъ его превосходительствомъ Воронежскимъ губернаторомъ и просить со слезами законной защиты отъ вредныхъ людей-хлыстовъ, защитить мать нашу православную Церковь отъ *нестерпимаго* поруганія

ими, наше село отъ открытаго разврата, наше имущество отъ разоренія, вслѣдствіе истребленія ими огнемъ... Мы согласны платить за удаляемыхъ всѣ подати, повинности и недоимки, мы принимаемъ на себя всѣ расходы по пересылкѣ удаляемыхъ и ихъ семействъ“.

Неужели можно равнодушно отнестись къ этому слезному воплю православной крестьянской толпы, возмущаемой въ своихъ лучшихъ чувствахъ кощунственными рѣчами сектантовъ, измученной постоянною тревогой за свои семьи, разстраиваемая сектантскою пропагандой, и—лишить ее просимой „законной защиты“?!

Мы, полагаемъ, что пока существуютъ, пока возможны прискорбныя явленія, подобныя вышеописаннымъ, пока пропагандируется ученіе ихъ порождающее,—современное законодательство и всевозможныя „мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій“ *необходимы* съ государственной точки зрѣнія для охраны существующаго общественнаго и государственнаго строя, необходимы они, во имя любви христіанской и гуманности, какъ для самихъ сектантовъ—для возможнаго огражденія ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій ихъ заблужденій, такъ и для защиты православнаго люда.

И достоинство Церкви, вопреки увѣренію г. Стаховича, нисколько не умаляется отъ того, что государственная власть охраняетъ ея интересы. Хотя внутренняя мощь Церкви не зависитъ отъ отношенія къ ней государственной власти, и Церковь осталась бы непоколебимою въ лицѣ своихъ лучшихъ членовъ даже при враждебномъ отношеніи государства, за что ручается и Самъ Основатель Церкви, обѣщавшій ей непоколебимость, и вся ея исторія, особенно періодъ гоненій,—но отсюда отнюдь не слѣдуетъ ни того, что христіанское государство должно отказаться отъ защиты интересовъ Церкви, ни того, что Церковь должна оттолкнуть протягиваемую ей руку помощи и пренебречь тѣми мѣрами охраны, которыя могутъ спасти отъ соблазна и религіознаго шатанія не одну тысячу ея членовъ.

Пользуясь защитой законовъ, Церковь не „прикована позорно къ подножію власти суетной, земной“, какъ выражается г. Стаховичъ, но эта власть земная, „не безъ ума мечъ носящая“, преклоняясь предъ величіемъ и святостью Церкви, кладетъ свой мечъ къ ея подножію, охраняя *свободу*

христіанскаго развитія ея членовъ отъ вредныхъ посягательствъ на нее совнѣ. И иного отношенія къ Церкви не можетъ и не должно быть со стороны *православныхъ* представителей власти, которые всегда признавали православную вѣру душою народной жизни и твердымъ оплотомъ государственнаго порядка, чѣмъ и въ дѣйствительности она была всегда для русскаго народа.

Воронежскій епархіальный миссіонеръ *Т. Рождественскій*.

Кромѣ вышеприведенныхъ возраженій на докладъ г. Стаховича, говорили по поводу его въ томъ же духѣ и смыслѣ Тамбовскій священникъ о. Ремеровъ и военный—о. Серебровской.

Тамбовскій миссіонеръ г. Айвазовъ развилъ такую мысль: „Вопросъ, затронутый Михаиломъ Александровичемъ, слишкомъ серьезенъ и животрепещущъ. Надъ разработкой этого вопроса трудились цѣлые вѣка. Мнѣ думается, что наше помѣщеніе тѣсно для рѣшенія такого вопроса, и что самый докладъ г. Стаховича можетъ быть принятъ лишь какъ воззваніе „къ чувству“ миссіонеровъ. Принципъ отдѣленія Церкви отъ государства, проведенный въ докладѣ М. А., равносильненъ отдѣленію дѣятельности мысли отъ дѣятельности тѣла. Такой принципъ не можетъ возбудить сочувствія съ нашей стороны. Этотъ принципъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ привелъ къ печальнымъ результатамъ. Нужно провозгласить не принципъ отдѣленія, а принципъ возможно большаго вліянія Церкви на государство.

Затѣмъ говорили кандидаты университета М. А. Новоселовъ и В. А. Тернавцевъ (авторъ вышенапечатанной передовой статьи).

Г. Новоселовъ развилъ ту мысль, что сами миссіонеры не должны обращаться къ гражданской власти за помощью, и что репрессивныя мѣры вредны для миссіи: 1) потому, что возбуждаютъ нареканія на миссіонеровъ, какъ на гонителей и преслѣдователей, и заставляютъ сектантовъ уклоняться отъ бесѣдъ съ ними; 2) потому, что преслѣдованія поднимаютъ духъ сектантовъ, поддерживаютъ въ нихъ ненависть къ Церкви. Это подтверждается, напримѣръ, исторіею толстовскаго движенія. Напротивъ, отсутствіе преслѣдованій дало возможность нѣкоторымъ толстовцамъ одуматься, сознать свои заблужденія и вернуться въ лоно Церкви.

Для борьбы духовными мѣрами, по его словамъ, „можно привлечь много иныхъ силъ. Вѣдь у насъ, напримѣръ, студентъ-миссіонеръ это то же, что на языкѣ логики *contradictio in adjecto*; между тѣмъ какъ въ Англіи студенты прини-

мають участіе въ миссіи и оказываютъ ей большія услуги“.

Г. Тернавцевъ сказалъ, что миссіонеры „не должны брезгливо чуждаться свѣтской власти“ и доказывалъ, что сектанты преувеличиваютъ степень преслѣдованія, которому они подвергаются. Праведникъ всегда въ тягость грѣшнику, напр., можно сказать, что не Сауль гналъ Давида, а Давидъ преслѣдовалъ Саула своею праведностію. Для сектанта самый фактъ существованія Церкви является тяжкою мукою; ему непріятно даже встрѣтиться съ священникомъ. Переходя затѣмъ къ вопросу объ отношеніи Церкви къ государству, г. Тернавцевъ высказалъ пожеланія, чтобы гражданская и духовная власти дѣйствовали въ полной гармоніи и въ духѣ истинно христіанскихъ идеаловъ.

Далѣе подробному разбору, занявшему болѣе часа времени, подвергъ главныя положенія доклада г. Стаховича и его предложеніе редакторъ „Мисс. Обзор.“ В. М. Скворцовъ. Замѣчанія послѣдняго касались юридической стороны вопроса и существа нашего дѣйствующаго законодательства по вопросамъ раскола и сектъ, исторіи отношеній нашей Церкви и государства и значенія православія, какъ основы послѣдняго,—мистически живущей въ сознаніи народа идеи Царя, какъ Помазанника Божія, свыше посвященнаго на царственное Его служеніе въ Церкви мѣрами государственнаго свойства и, наконецъ,—со стороны характера (темнаго, изувѣрнаго и агрессивнаго) нашего расколо-сектантства.

За недостаткомъ мѣста подробное изложеніе возраженій В. М. Скворцова отлагаемъ до слѣдующей книжки.

Послѣ замѣчаній со стороны г. Стаховича на возраженія его оппонентовъ, епископомъ Никаноромъ было предоставлено заключительное слово профессору Н. И. Ивановскому, который кратко замѣтилъ:

„Вопросъ о свободѣ совѣсти яснѣе можно формулировать такъ: „какъ государство должно относиться къ диссидентамъ?“ Это—вопросъ государственной важности, вопросъ не новый и трудный, а потому разрѣшеніе его въ одинъ вечеръ на епархіальномъ съѣздѣ можетъ вызвать лишь улыбку. Можно только обмѣняться мыслями. Вообще же нужно сказать, что критиковать законы легче, чѣмъ издавать.

Въ виду того, что докладъ Стаховича былъ заслушанъ, какъ частное мнѣніе, не входилъ въ программу съѣзда и превышалъ его компетенцію, онъ не ставился на съѣздѣ къ обычному опредѣлительному сужденію, и потому никакого постановленія по нему не состоялось.

До каких пагубныхъ и нелѣпыхъ вѣрованій
доходятъ сектанты, оставивъ вѣру Церкви? ¹⁾

II.

Ранѣе было сказано, что другая вѣтвь уклонившихся отъ Церкви стремится создать свою особую церковь, якобы настояще-апостольскую, въ которой будто бы только и можно спастись. Это — въ собственномъ смыслѣ сектантство рационалистическое, стремящееся толковать тайны Царствія Божія по началамъ разума, между тѣмъ какъ онѣ удобопріемлемы прежде всего для вѣры: *если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ Царствіе Божіе* (Мѣ. 18, 3), сказалъ Спаситель. Но если человѣкъ станетъ усвоить ученіе Христово только по началамъ разума и вѣрить тому только въ Евангеліи, что понятно ему, то естественно, что все, непонятное для его ума, онѣ или извратить, или совсѣмъ отвергнетъ. Гдѣ ограниченіе такому произвольному толкованію ученія Христова, ведущему къ этимъ двумъ опасностямъ? Нужно опять сказать то же, что сказано о „духовномъ“ толкованіи Евангелія, именно, что и у сектантовъ-рационалистовъ нѣтъ ограниченія и руководства, которое предохранило бы ихъ отъ заблужденій. И вотъ мы видимъ, что они, отпавъ отъ Церкви, не ограничиваются отрицаніемъ нѣкоторыхъ только христіанскихъ истинъ, непостижимыхъ для ума; а идутъ дальше и въ концѣ концовъ доходятъ до отрицанія всего Евангелія, всего ученія Христова. — Посмотримъ сначала, что это за Церковь ихъ, якобы настояще-апостольская?

Предъ нами лежитъ катихизисъ штундистовъ. Страница 103, членъ X, о Церкви Господней. Сказано: „Мы принимаемся въ Церковь Христову на землѣ посредствомъ кре-

¹⁾ См. „Мисс. Обзоръ“, сентябрь, 185—199

щенія, которое Господь учредилъ для насъ въ средство благодати, согласно повелѣнію Иисуса Христа и Его апостоловъ, также согласно примѣру временъ апостольскихъ, и чтобы привести въ исполненіе всѣ постановленія новаго завѣта“. Стр. 107 о голосованіи: „въ собраніяхъ общины всѣ дѣла, насколько то возможно, рѣшаются *голосованіемъ*. При *голосованіи* всѣ члены имѣютъ равные голоса и рѣшеніе производится большинствомъ голосовъ“... Та же страница — о принятіи въ общину: „принятіе новаго члена можетъ состояться только по предварительномъ знакомствѣ съ его *душевымъ состояніемъ* и по личномъ *исповѣданіи имъ вѣры* предъ общиною. Принятіе производится посредствомъ *голосованія*. При такомъ *голосованіи* весьма желательно, чтобы состоялось единогласіе“. Стр. 108 — исключеніе членовъ: „Церковь, послѣдуюя правилу ея Основателя, уполномочена и обязана такихъ ея членовъ, поведеніе которыхъ противорѣчитъ ихъ исповѣданію.... исключать и лишать правъ членовъ посредствомъ обыкновенія *голосованія*“. „Второе принятіе исключеннаго бываетъ, какъ всякое другое принятіе, *по испытаніи и исповѣданіи вѣры предъ общиною, посредствомъ голосованія*“. Вотъ она — Церковь, которую устроили отдѣлившіеся отъ насъ, — Церковь съ голосованіемъ! И этому голосованію подлежить здѣсь не только вступленіе и исключеніе членовъ, но и душевное состояніе ихъ, совѣсть, вѣра, покаяніе! Скажите, походить ли эта новая церковь на ту Церковь апостольскую, о которой говорится въ Евангеліи, — которую Христосъ основалъ не на голосованіи, а на вѣрѣ: *Ты Петръ, сказалъ Спаситель о вѣрѣ Петра, и на семъ камнѣ созиждѣ Церковь мою?* Развѣ по голосованію принималъ Христосъ въ Церковь Свою? Развѣ ап. Петръ крестилъ и принималъ въ Церковь одинъ разъ 5 тыс. увѣровавшихъ, въ другой — 3 тыс. по голосованію? Евнухъ царицы Кондакій, котораго крестилъ діаконъ Филиппъ, Корнилій съ семействомъ, котораго принималъ въ Церковь ап. Петръ, и многіе другіе — развѣ всѣ они ставили на голосованіе свою вѣру, свое душевное состояніе, исповѣданіе и крещеніе?... Въ Церкви Христовой пребываетъ и дѣйствуетъ Духъ Святый; чрезъ кого же Онъ дѣйствуетъ въ штундистской церкви, — чрезъ большинство или чрезъ меньшинство, когда голоса раздѣлились? Вѣдь тѣ и другіе — одинаково члены общины, а мнѣнія ихъ про-

тивоположны?... Ничего, подобнаго голосованію, въ Евангеліи не показано. Изъ Евангелія, напротивъ, видно, какъ Духъ Святый непосредственно открывалъ дверь вѣры людямъ, и какъ они безъ голосованія общины становились членами Церкви. Какъ мало походитъ штундистская община на Церковь Христову! На этой общинѣ лежитъ печать мірской общины, а не печать Церкви Христовой (2 Тим. 2, 19); отъ нея отдаетъ мірскимъ духомъ.

Чѣмъ люди думаютъ спастись въ этой новой церкви? Остановимся на самомъ важнѣйшемъ. Спаситель заповѣдалъ Своей Церкви: Я—хлѣбъ живой, спешдшій съ небесъ. Ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я далъ, есть плоть Моя, которую Я дамъ за жизнь міра. Истинно, истинно говорю вамъ, если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни. Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день (Іоан. 6, 51. 53—54. 56). Это Спаситель сказалъ о силѣ, дѣйствіи и значеніи въ Церкви св. т. Причащенія. Какъ вѣруютъ этому штундисты? Членъ IX стр. 77—о св. вечерѣ: „Сіе, дарованное Господомъ Его Церкви, благодатное установленіе, состоитъ въ томъ, что опредѣленнымъ на то въ Церкви лицомъ, при изреченіи словъ установленія онаго и послѣ торжественной благодарственной молитвы, преломляется хлѣбъ, который такъ же, какъ и вино, вкушаются членами Церкви. Симъ возвѣщеніемъ каждый разъ оживляется въ ихъ сердцахъ воспоминаніе о Сынѣ Божіемъ, и Онъ снова является ихъ душѣ въ Своей кровавой красотѣ. Искупленные Господомъ должны, по данному Имъ святому и благотворному повелѣнію, до втораго Его пришествія возвѣщать сею вечерію Его смерть, какъ единственную причину нашего спасенія. Мы вѣруемъ, что въ семъ святомъ знакѣ Христосъ даетъ вѣрующимъ вкушать *духовнымъ образомъ* Свое Тѣло и Свою Кровь“.

Развѣ Христосъ апостоламъ на тайной вечерѣ преподалъ Тѣло и Кровь духовнымъ образомъ, а не реально? Или духовнымъ образомъ отдалъ плоть Свою за жизнь міра?... Это таинство Онъ заповѣдалъ совершать не для воспоминанія только Его смерти, какъ вѣруютъ сектанты, но и для того, чтобы Христосъ реально пребывалъ въ насъ и мы въ Немъ,

для того, чтобы намъ наслѣдовать жизнь вѣчную. Въ Церкви Христовой, по Его обѣтованію, пребываетъ Духъ Святой. Его-то невидимымъ дѣйствіемъ и пресуществляется хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Христову, и такимъ образомъ чрезъ дѣйствіе Духа Святаго исполняются и будутъ исполняться до скончанія вѣка въ Церкви слова Спасителя: *примите, ядите, сіе есть Тѣло Мое; пійте изъ нея вси: сія есть Кровь Моя; сіе творите въ Мое воспоминаніе*. Если же у штундистовъ хлѣбъ и вино не пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христову, то этимъ доказывается, что ихъ община—безблагодатная; тамъ, значитъ, нѣтъ благодати Духа Святаго, пресуществляющаго, во исполненіе обѣтованія Спасителя, хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Его.

Нужно ли говорить, что штундисты отрицаютъ благодатную силу т. крещенія, очищающаго насъ отъ первороднаго грѣха, и силу прочихъ таинствъ; отрицаютъ, вопреки ясному свидѣтельству апостоловъ, союзъ Церкви земной съ Церковію небесною, не почитаютъ св. угодниковъ и т. д.? Такъ-то, толкуя Евангеліе по началамъ одного разума, они хотятъ вѣрить тому только въ Евангеліи, что могутъ понять умомъ своимъ; а что не вмѣщается въ ихъ умѣ, что должно усвоить вѣрою, то все отвергаютъ; такимъ образомъ, оторвавшись отъ Церкви и думая устроить свое спасеніе по Евангелію, на самомъ дѣлѣ искажаютъ его, заблуждаются.— Съ нашими сектантами случилось то же, что съ тѣми іудеями, которые, слушая слова Спасителя о Плоти и Крови, умомъ не поняли, вѣрою не повѣрили и сказали: *Какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть Плоть Свою?* (Іоан. 6. 52), — *отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ* (66 ст.).

Весьма естественно поэтому то явленіе, что люди, идущіе рационалистическимъ путемъ послѣдовательно, не останавливаются на отрицаніи нѣкоторыхъ только евангельскихъ истинъ, но доходятъ въ концѣ концовъ до отрицанія всего Евангелія, отрицаютъ Христа и приходятъ къ такимъ понятіямъ, такимъ ученіямъ, которыя ничего уже евангельскаго, кромѣ наименованій, не содержатъ въ себѣ.

Такъ петроостровскіе штундисты проповѣдуютъ о Христѣ, что Онъ—простой человѣкъ, хотя Онъ добрый, прямодушный и премудрый, но не чуждый однако еврейскихъ предразсудковъ, отъ каковыхъ не могли освободиться и апо-

стоны. Чистую религію свободы проповѣдуютъ только они—штундисты („Мисс. Об.“ 1899 г., окт., 308). Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, одно время существовала партія штундистовъ, которая признавала Евангеліе такимъ же измышленіемъ человѣческимъ, каковы всѣ другія человѣческія писанія, законы и установленія; правиломъ вѣры и жизни должны-де служить законы природы. Въ самомъ Кіевѣ на одномъ изъ публичныхъ собесѣдованій всѣ слышали, какъ молодой собесѣдникъ, ремесленникъ изъ сектантовъ—заявилъ, что онъ—человѣкъ *свободной религіи*, ни Бога, ни души, ни безсмертія не признаетъ, Евангеліе признаетъ за человѣческое произведеніе и всему этому научился изъ чтенія умныхъ книгъ.

Штундисты Донской области говорятъ объ Иисусѣ Христѣ слѣдующее: Онъ былъ умный человѣкъ и только по уму стоялъ выше Своихъ современниковъ. „Онъ былъ умный учитель, говорилъ передовой изъ сектантовъ,—но и я не хуже Его и Его учениковъ“¹⁾. О сектантахъ Екатеринославской губерніи пишутъ вотъ что ²⁾: было время (60—70 гг.), когда сектанты вѣрили во Христа, почитали Его Искупителемъ, любили читать Евангеліе и плакали надъ нимъ о грѣхахъ своихъ. Но теперешніе сектанты говорятъ о Христѣ не какъ о Богѣ—Искупителѣ, а какъ реформаторѣ соціально-политическомъ; они любятъ не евангельскаго Христа, а „своего“, котораго создало ихъ воображеніе подъ вліяніемъ впечатлѣній матеріальной жизни, придавъ ему черты соціальнаго реформатора („Мисс. Об.“ 1900 г., май, 759),—это говорятъ тѣ, которые еще недавно искренно вѣровали въ Евангеліе.—Вотъ во что вырождается вѣра нашего раціоналистическаго сектантства! Думаете ли, что это—бредни? Или—это мечты отдѣльныхъ личностей? Нѣтъ, отмѣченныя явленія представляютъ собою логическій конецъ раціоналистическаго сектантства. Это именно и есть настоящіе взгляды болѣе послѣдовательныхъ изъ сектантовъ, которые не считаютъ нужнымъ прикрываться далѣе Евангеліемъ, но говорятъ открыто то, что думаютъ. Эти взгляды уже систематизированы въ особое исповѣданіе, которое усердно навязывается народу.

¹⁾ „Мисс. Об.“ 1900 г., іюль, 141.

²⁾ „Мисс. Об.“ 1900 г., май, 759.

Предъ нами лежитъ катихизисъ ¹⁾; на лицевомъ листѣ его гектографировано: катихизисъ Иисусова братства по Евангелію (штунды).

Догматъ братства: Богъ духъ = разумъ.

Богъ отецъ = жизнь.

Богъ сынъ = разумъ въ жизни.

Три сія едино суть.

Что же представляетъ собою эта новая секта—„Иисусово братство по Евангелію“? Отвѣтъ находимъ на стр. 12: Вопросъ: въ чемъ—проповѣдь Иисусова братства по Евангелію? Отвѣтъ: Иисусово братство по Евангелію возсоздаетъ чистое ученіе Иисусовой вѣры на основаніи тѣхъ стиховъ Евангелія, которые заключаютъ въ себѣ поученія, указанія или примѣры жизни во исполненіе воли отца.—Но какъ же это, спросите вы, развѣ чистое ученіе Христово до сихъ поръ въ теченіе 19 вѣковъ не было извѣстно міру! Да—говорятъ—не было извѣстно. Стр. 7. Вопросъ: въ чистомъ ли видѣ дошло до насъ ученіе Иисуса? Отвѣтъ: Далеко нѣтъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ самое названіе „христіанство“, которое означаетъ въ переводѣ „наслоеніе“, „штукатурка“. Вы еще больше недоумѣваете и спрашиваете: откуда же въ Евангеліи взялась штукатурка? Не написано ли оно ближайшими непосредственными учениками по внушенію отъ Духа Святаго (Луки 1, 1—4. Иоан. 1, 14. Дѣян. 1, 2—3. I Иоан. 1, 1—5. Иоан. 15, 15—16. 26 и многіе другіе)? На это вамъ отвѣчаютъ: ее нужно отнести на счетъ неумѣлости евангелистовъ выразить всю божественно-идеальную характеристику Иисуса (стр. 7). „Наслоенія эти доказываютъ только, до чего ничтожны и мелки были лучшіе изъ провозвѣстниковъ ученія Христова“ (стр. 17). Это — евангелисты-то, которыхъ Самъ Господь избралъ, наставилъ, просвѣтилъ Духомъ Святымъ, которымъ однимъ только довѣрилъ проповѣдь Своего ученія во всемъ мірѣ (Мрк. 16, 15)?! Въ частности объ ап. Павлѣ новое братство имѣетъ такое представленіе, что онъ

¹⁾ Этотъ катихизисъ написанъ, если не самимъ гр. Л. Толстымъ, то кѣмъ-либо изъ его интеллигентныхъ послѣдователей. Онъ представляетъ собою изложеніе идей Толстого, приспособленное къ пониманію народа и рассчитанное на то, чтобы нашимъ сектантамъ привить анархическія идея графа.

самовольно присвоилъ себѣ званіе апостола. Иисуса онъ въ глаза не видалъ никогда, проповѣдь свою началъ 5 л. спустя послѣ смерти Иисуса. Стр. 11 вопросъ: знали ли онъ духовную сущность ученія Христова? Отвѣтъ: нѣтъ, не знали. „Ученіе Павла ничего общаго не имѣетъ съ ученіемъ Иисуса“ (стр. 12).—Вы видите, что тутъ нѣтъ уже вѣры въ Евангеліе, въ Его богодуховенность; авторитетъ апостоловъ, непосредственныхъ очевидцевъ и учениковъ Господа, ниспровергается; основатели лжеисусова братства ставятъ себя выше апостоловъ, говорятъ, что они лучше знаютъ чистое ученіе Христово и требуютъ отъ своихъ послѣдователей вѣрить имъ больше, чѣмъ апостоламъ, чѣмъ всей Церкви, идущей отъ временъ апостоловъ. Лжеапостолы! Лукавые дѣятели, принимающіе видъ апостоловъ Христовыхъ! (2 Кор. 11, 13).

Итакъ, новое братство находитъ, что настоящее чистое ученіе Христово до сихъ поръ никому не было извѣстно, и только теперь, спустя 19 вѣковъ, братство возстановляетъ его. Каково же это ученіе въ очисткѣ заправилъ братства? На лицевомъ листѣ катихизиса написанъ догматъ братства:

Богъ Духъ = Разумъ.

Богъ Отецъ = Жизнь.

Богъ Сынъ = Разумъ въ жизни.

Что это означаетъ, это объясняется въ мѣстахъ катихизиса. „Пойми, сказано на 36 стр., что жизнь твоя, что разумъ твой это—Богъ“, на стр. 41:—„Жизнь есть Богъ“.—Стр. 5 вопросъ: что означаютъ встрѣчаемыя въ Евангеліи выраженія: „Сынъ Божій“, „Сынъ Человѣческій“? Отвѣтъ: „Иисусъ учить насъ тому, что въ Немъ Самомъ и въ каждомъ человѣкѣ есть два начала: начало жизни и начало духа или разума. Эти два естества онъ различаетъ этими наименованіями. Богъ -- начало жизни въ человѣкѣ, это и есть сынъ человѣческій. Богъ—начало разума въ человѣкѣ, это и есть Сынъ Божій“. Оказывается, что новые сектанты не вѣрятъ даже и тому, что есть Богъ внѣ человѣка и есть Сынъ Божій внѣ его. Когда ихъ спрашиваютъ: что есть Богъ?—они отвѣчаютъ: „Богъ есть разумъ, Богъ есть духъ, Богъ есть человѣкъ“. „Когда мнѣ говорятъ про Бога, поясняетъ родоначальникъ этой секты, гр. Л. Толстой, про его существо, его свойства, лица,—я уже не понимаю Бога, не

вѣрю въ Бога. То же самое, когда мнѣ говорятъ про душу мою, ея свойства, я уже ничего не понимаю и не вѣрю въ эту душу... Когда мнѣ скажутъ: Богъ имѣетъ 14 свойствъ, умъ, и волю, лица, или—что Богъ добръ и справедливъ; или—Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, то я уже не вѣрю въ Бога“ (Еп. Антоній. Полное собраніе сочиненій, т. III стр. 271). „Разумѣніе жизни стало вмѣсто Бога. Разумѣніе жизни есть Богъ“ (тамъ же стр. 98). Бога поэтому нѣтъ внѣ людей, онъ въ людяхъ; люди—эти тотъ же Сынъ Человѣческій, Богъ; а каждый человѣкъ лишь моментъ Его жизни (тамъ же стр. 118). „Христось—это то разумѣніе, которое есть въ насъ“ (тамъ же стр. 98). Такъ поясняетъ вѣру новаго братства гр. Толстой.

Не признавая Бога Отца, Сына Божія и Духа Святаго, эти сектанты отрицаютъ и все то, что говорится въ Словѣ Божіемъ о Пресвятой Троицѣ, отрицаютъ твореніе міра, грѣхопаденіе, искупленіе, ниспосланіе Духа Святаго на вѣрующихъ, самую Церковь. Все это они считаютъ штукатуркою на чистомъ ученіи Христовомъ. А каково же чистое ученіе? Оно—въ пяти заповѣдяхъ. Стр. 13 катихизиса, вопросъ: Сколько заповѣдей завѣщалъ намъ Спаситель? Отвѣтъ: пять. Какія? не гнѣвайся, не прелюбодѣйствуй, не воюй, не противься злу, не клянись.—Вотъ и все, что осталось у этихъ сектантовъ отъ Евангелія; все остальное отвергли. Да и этимъ пяти заповѣдямъ они придаютъ совсѣмъ не евангельскій смыслъ и орудуютъ ими не ради цѣлей религіозныхъ, не для спасенія себя, а ради цѣлей политическихъ,—для ниспроверженія существующаго порядка общественной и государственной жизни: въ разсматриваемомъ Катихизисѣ онѣ объясняются въ томъ смыслѣ, что не нужно судовъ, войска, начальствъ, присяги. Стр. 4 вопросъ: Какія цѣли преслѣдуетъ Богъ—начало жизни? Отвѣтъ: Благо всѣхъ людей, благо, достигаемое братствомъ, равенствомъ, свободою. Вотъ настоящія цѣли „братства Иисусова“! Вотъ до чего договорилось наше сектантство!

Вы видите, что тѣ сектанты, которые, оставивъ вѣру Церкви, руководствуются въ религіозной жизни только разумомъ, которые идутъ раціоналистическимъ путемъ, въ концѣ концовъ приходятъ къ отрицанію Бога, къ атеизму. Отдѣлившись отъ Церкви и принявшись толковать Еванге-

ліе по началамъ разума, они сначала отрицають только нѣкоторыя евангельскія истины (въ штундѣ, въ баптизмѣ); но потомъ, идя своимъ путемъ послѣдовательно, отрицають, наконецъ, все Евангеліе и изъ сектантовъ религіозныхъ, церковныхъ превращаются въ сектантовъ политическихъ, государственныхъ (въ видѣ секты „Иисусова Братства по Евангелію“ и толстовцевъ).

Таковы-то пути, которыми идутъ уклонившіеся отъ Церкви. Вы видѣли, съ чего они начинаютъ и чѣмъ оканчивають. Не доказываютъ ли они своимъ примѣромъ тѣхъ евангельскихъ истинъ, которыя мы изложили въ началѣ, — именно, что внѣ Церкви не можетъ быть ни истинной вѣры Христовой, ни истинной жизни Христовой, что даже понять ученіе Христово невозможно, если не жить жизнію Христовою въ Церкви по руководству ея; равнымъ образомъ ни быть въ общеніи съ Господомъ, ни получить Духа Святаго не возможно внѣ Церкви. Тотъ самый текстъ, на который ссылаются сектанты, именно, что слова Спасителя суть *духа и жизнь*, — ясно показываютъ, что ученіе Его можно понять только жизнію, устроенною по Его слову, а таковая жизнь всецѣло осуществляется только въ Церкви. Обыкновенную человѣческую мудрость познають чрезъ одно только изученіе разсудкомъ, а познать ученіе Христово — ученіе „Духа и жизни“ возможно не иначе, какъ вѣрою и жизнію по этому ученію. *Кто творитъ волю Отца Моего, говоритъ Спаситель, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно* (Іоан. 7, 17). Недостаточно только принадлежать къ Церкви Христовой и числиться въ ней. Нѣтъ, вся жизнь христіанина должна слиться съ жизнію во Христѣ въ Церкви. Только при этомъ условіи можно быть и въ общеніи съ Господомъ, и получить Духа Святаго. *Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ; кто пребудетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего* (Іоан. 15, 4—5). А это пребываніе во Христѣ, т. е. жизнь во Христѣ, возможно только въ Церкви.

Миссіонеръ свящ. Д. Слюсаревъ.

Секта хлыстовъ ¹⁾.

(По отзывамъ, главнымъ образомъ, иностранныхъ ученыхъ).

Свѣдѣнія о сектѣ хлыстовъ, ихъ ученія и религіозномъ культѣ можно приобрѣсти I) путемъ изученія специальной русской литературы, въ которой лучшими сочиненіями по хлыстовству должны быть названы: 1) *И. Добротворскаго* „Люди Божіи“. Казань, 1869 г.; 2) *К. Кутенова* „Секты хлыстовъ и скопцовъ“. Казань, 1882 г.; 3) *Маргаритова* „Руководство по исторіи и обличенію русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ“. Кишиневъ, 1894 г.; 4) многія статьи Кальнева и Иванова въ „Миссіонерскомъ Обзорѣ“, и II) путемъ изученія иностранной литературы по русскому сектантству вообще и хлыстовству въ частности; лучшими сочиненіями здѣсь должны быть признаны: 1) *проф. Геринга* *Die Sekten der russischen Kirche* (1003—1897), Leipzig, 1898 г.; 2) *А. Порцимайера* „*Die Gottesmenschen und die Skopzen in Russland*“, Wien, 1883 г.; 3) *его же* „*Die neuere Lehre der russischen Gottesmenschen*“, Wien, 1885 г.; 4) *его же* „*Die Gefühlsdichtungen der Chlysten*“, Wien, 1885“. Затѣмъ сочиненія по русскому сектантству такихъ писателей, какъ *Э. Пеликана, Диксона, Лероа-Болье, Кни, Каттенбуша, Гербель-Эмбаха, Арндта, Гакстаузена, Штраля, Доморукова* („*La vérité sur la Russie*“), *Франка* и др.; труды этихъ писателей, которыхъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи къ православной Церкви, ни во враждебности къ русскому сектантству, заслуживаютъ особеннаго вниманія. На основаніи указанныхъ источниковъ можно составить себѣ слѣдующее представленіе о хлыстовствѣ. Хлысты никогда сами не называютъ себя *хлыстами* и даже не любятъ, когда ихъ называютъ этимъ именемъ другіе, потому что это названіе (отъ слова—хлысть, бить, кнутъ) они считаютъ для себя позорнымъ и обиднымъ.

¹⁾ Изъ экспертизы по дѣлу хлыстовъ Орловской епархіи.

Ред.

Народъ же называетъ ихъ не только „хлыстами“, но и „шалопутами“, „плясунами“, „скакунами“, „молоканами“ (потому что въ постѣ ѣдятъ молоко), „богомолами“ (въ Симбирскѣ), „монтами“ (въ Самарѣ), „превозносящимися“ или „молеельщиками“ (въ Казани), „хлыстами“ или „купидонами“ (въ Саратовѣ), „пустосвятами“ (въ Костромѣ), въ другихъ мѣстахъ—„вертунами“, „баклушниками“ и т. п. Сами хлысты обыкновенно называютъ себя такими наименованіями: „Люди Божіи“, „Израильскій родъ“, „Зеленый Виноградникъ“, „Стадо Христово“, „Птицы Христовы“, „Бѣлые Голуби“, „Сизые Голуби“, „Бѣлые Лебеди“, „Соловьи“, „Свѣтлые или Ясные Соколы“, „Бѣлыя райскія птицы“, вожака своего хлысты зовутъ „Златокрылымъ Орломъ“, „Бѣлымъ Орломъ“, „Райскимъ Соловьемъ“; женщину пророчествующую—„Богородицею“, „Пророчицею“, „Ковчегомъ Духа Святаго“. Появленіе этой секты нѣкоторые ученые относятъ даже къ началу христіанства въ Россіи, другіе (Герингъ) ставятъ ее въ связь съ гностическими и манихейскими сектами древней вселенской Церкви, но большинство связываетъ появленіе ея съ 1645 годомъ и виновникомъ ея называютъ костромского уроженца (изъ деревни Старой, Юрьевецкаго уѣзда) Даніила Филиповича,—перваго хлыстовскаго „Саваоа“. Впрочемъ, теперешніе русскіе хлысты, по своему невѣжеству, не только не знаютъ исторіи своей секты, но даже и имени ея основателя. Но 12 пунктовъ его ученія имъ извѣстны и пользуются значеніемъ „заповѣдей“ или „закона Божія“. Вотъ эти пункты: 1) Я (Даніиль)—Богъ, предреченный пророками; я второй разъ сошелъ на землю для спасенія душъ рода человѣческаго. 2) Кромѣ меня, нѣтъ Бога. 3) Нѣтъ другого ученія, кромѣ моего, и никакого другого не слѣдуетъ искать. 4) На чемъ вы поставлены, на томъ и стойте (по другому варианту: „Оставайтесь, гдѣ вы есте, и что вы есте“). 5) Ничего опьяняющаго не пейте и не желайте плотскаго грѣха. 6) Не женитесь, но кто женатъ, живи съ своею женою, какъ съ сестрою, на что указывается и въ ветхомъ священномъ Писаніи: „не женатые не женитесь; а женатые отдѣлитесь отъ своихъ женъ“. 7) Не произносите гадкихъ словъ и черныхъ рѣчей (по другому варианту: „Не проклиняйте и не называйте чорта“). 8) На свадьбы и крестины не ходите и не участвуйте въ обществѣ пьяницъ. 9) Не крадьте! А

если кто украдетъ хотя одну копейку, то на страшномъ судѣ ее положить ему на макушку головы, и когда эта монета растаетъ въ огнѣ на его головѣ, тогда только онъ получить прощеніе. 10) Держите эти правила втайнѣ и не объявляйте ихъ даже отцу и матери. Даже когда васъ будутъ бить кнутомъ и жечь огнемъ, терпите; ибо тѣмъ вѣрнѣе, по примѣру древнихъ мучениковъ, вы достигнете царства небеснаго и на землѣ—духовнаго блаженства. 11) Ходите одинъ къ другому, будьте гостепріимны, оказывайте любовь и слѣдуйте моимъ заповѣдямъ. 12) Вѣруйте въ Святого Духа.—Что эти заповѣди въ точности исполняются хлыстами въ наше время, это видно уже изъ того, что они записаны Эмбахомъ (на нѣмецкомъ языкѣ) со словъ какого-то русскаго хлыста въ 1888 году. Но послѣдняя заповѣдь у хлыстовъ есть самая главная. По ихъ ученію, внушеніямъ св. Духа, который вселяется въ душу человѣка, должно слѣдовать безусловно. Но для того, чтобы въ человѣка вселился Духъ Святой, необходимо умерщвлять плоть—не чрезъ самоизувѣченіе, которое есть малодушіе, а чрезъ строгій постъ, воздержаніе отъ мяса, алкоголя и табаку, изнеможеніе плоти, половое воздержаніе, продолжительную молитву и особыя „благочестивыя“ тѣлесныя упражненія или радѣнья. Чтобы сердце было обращено въ храмъ Божій,—учать хлысты,—требуется далѣе—умертвить въ себѣ все земное, отречься отъ собственнаго лица, отъ всѣхъ естественныхъ и божественныхъ даровъ, подавить въ себѣ всякую волю и земное желаніе и мечтать только о вселеніи божественной воли. Тотъ „человѣкъ Божій“, который все это выполняетъ, теряетъ свою волю, мѣсто которой у него занимаетъ воля Божія. „Люди Божіи“, принявшіе въ себя св. Духа, получаютъ при этомъ даръ пророчества и называются поэтому „пророками“. Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла; душа, по ученію хлыстовъ, создана Богомъ, тѣло—дѣяволомъ. Какъ духъ, загнанный въ нечистое тѣло, душа ведетъ борьбу съ нимъ въ теченіи всей земной жизни. Когда она побѣждается, она становится добычей зла; но когда она побѣждаетъ, то она достигаетъ уже здѣсь, на землѣ, того блаженнаго состоянія, которое выражается въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ. Но высшая степень совершенства состоитъ не въ пророчествѣ, а для мужчинъ—въ достоинствѣ Христа, для

женщинъ—въ достоинствѣ Богородицы. Ибо какъ Христосъ былъ простымъ человѣкомъ и однако же сталъ едино съ Богомъ, такъ можетъ достигать этого единства и каждый человѣкъ. Въ такихъ христахъ Богъ уничтожаетъ человѣческую душу и Свой духъ полагаетъ на ея мѣсто, такъ что они становятся „живыми богами“, которымъ приличествуетъ наивысшее почитаніе. Трехъ Лицъ въ Богѣ, какъ Ипостасей, хлысты не признаютъ; но нельзя утверждать, чтобы они признавали и существо Божіе въ смыслѣ христіанскаго ученія, когда смертныхъ людей они почитаютъ, какъ намѣстниковъ Бога или Его воплощенія. *Исуса Христа* они признаютъ богочеловѣкомъ,—но только такимъ, какъ ихъ христы; Онъ Сынъ Божій въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ они называютъ себя „дѣтьми Божіими“. Многократно Онъ будто бы воплощался еще до Своего рожденія отъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Евангельскіе рассказы объ Его чудесахъ, Его крестной смерти и Его воскресеніи суть для хлыстовъ не что иное, какъ *аллегоріи* ¹⁾. О таинствахъ хлысты учатъ такимъ образомъ. *Первое крещеніе* совершается водою (разумѣется крещеніе въ православной Церкви), *второе крещеніе* у насъ совершается *теперь* Св. Духомъ, и кто не крещается этимъ вторымъ крещеніемъ, тотъ не можетъ войти въ царство небесное“. Это духовное крещеніе получается чрезъ участіе въ радѣніяхъ. При этомъ хлысты увѣряютъ, что всѣ отцы Церкви поступали такъ же, какъ они, и чрезъ это спасли свои души. Таинства *покаянія и причащенія* православной Церкви они вообще отвергаютъ; тѣмъ не менѣе въ *нѣкоторыхъ „корабляхъ“* ²⁾ были извѣстны подобные обычаи. Исповѣдуются хлысты въ молельнѣ предъ „богородицею“; причащаетъ ихъ „богородица“ крохами артоса и крещенскою водою, иногда (въ Великороссіи)—обыкновеннымъ хлѣбомъ и квасомъ, въ прежнее время—водою изъ колодца, находящагося на мѣстѣ родины Данила Филипповича. Прежде причащенія хлысты становятся на колѣни предъ кадкою, наполненною водою, и „духовно“ каются въ своихъ грѣхахъ. *Таинство брака* они от-

¹⁾ Такъ, напр., воскресеніе Лазаря хлысты понимаютъ въ смыслѣ нравственнаго исправленія тяжкаго грѣшника. Такой же смыслъ они приписываютъ евангельскимъ рассказамъ о преображеніи и воскресеніи изъ мертвыхъ Самого Исуса Христа.

²⁾ „Кораблями“ хлысты называютъ свои общины.

вергають, какъ грѣхъ; женатыхъ они называютъ „птенцами“ (но не птицами), а ихъ дѣтей—„щенками“, „цуцынятами“. Хотя для обмана полиціи, они и вѣнчаются у православныхъ священниковъ, но въ дѣйствительности допускають *общеніе женъ*. О томъ, что происходитъ на ихъ *раднїяхъ*, не всегда легко узнать; но не подлежитъ сомнѣнію, что раднѣя составляютъ особенно важную часть мистическаго культа этой секты, которая всячески старается доставить возможность своимъ приверженцамъ принимать участіе въ нихъ, такъ какъ чрезъ нихъ только возможно (будто бы) достигнуть единенія съ Богомъ. Пѣсни поются не однѣ и тѣ же, но по возможности новыя, такъ какъ пѣть одно и то же, говорить хлысты, дѣло мертвое, и Богу нужно „пѣть новую пѣснь“ (Пс. 95, 1). По большей части раднѣя происходятъ такимъ образомъ. Вечеромъ въ субботу или въ другіе дни, напр., ночью со вторника на среду или съ четверга на пятницу, по особому указанію „пророка“, хлысты собираются въ назначенную для того молельню. При вступленіи каждый въ отдѣльности клянется никому ничего не выдавать изъ того, что будетъ происходить въ молельнѣ, и перетерпѣть всѣ мученія „за вѣру“. Когда всѣ соберутся, пророки и пророчицы садятся на свои мѣста въ первомъ ряду, позади нихъ на скамьяхъ располагаются по правую сторону—мужчины, по лѣвую—женщины. Празднованіе начинается пѣніемъ, по большей части, церковной пѣсни—„Царю небесный“ или же слѣдующей: Святъ, святъ, святъ, Творецъ нашъ, святъ, святъ, святъ, Искупитель нашъ, святъ Духъ, отецъ нашъ, вся Святая Троица, Тебѣ честь во вѣки. Аминь“. Хлысты желаютъ, чтобы эти пѣсни, по возможности, пѣлись каждый разъ на новый мотивъ. Затѣмъ читается отрывокъ изъ священнаго Писанія и снова поются пѣсни и псалмы. Бываетъ, что послѣ этого совершается нѣчто похожее на причащеніе. Потомъ всѣ поднимаются и танцуютъ вокругъ стоящей посреди комнаты наполненной водою кадки; въ извѣстные промежутки времени они примачивають голову водою или прихлебывають ее изъ руки; во время танцевъ и бѣганья хлысты обыкновенно машутъ бѣлыми платками,—которые называютъ крыльями ангеловъ и архангеловъ. Усталость отъ танцевъ признается умерщвленіемъ плоти. Пѣніемъ пѣсней и заканчивается эта часть хлыстовскаго богослуженія. Около

полуночи начинается „радѣнье“ въ собственномъ смыслѣ. Мужчины и женщины одѣваются въ бѣлыя „радѣнческія“ рубахи особеннаго покроя и надѣваютъ на ноги бѣлые нитяные чулки и легкіе башмаки. Эти бѣлыя рубахи, какъ думаютъ, употребляются въ память объ Иванѣ Сусловѣ, о которомъ легенда „людей Божіихъ“ рассказываетъ слѣдующее: „Когда съ него, живого, содрали кожу, нѣкоторыя дѣвушки обвили его полотномъ. Это полотно вросло въ его тѣло и стало его кожею“. Впрочемъ, теперешніе хлыстовскіе вожакі, ничего не зная объ Иванѣ Сусловѣ, большею частію учатъ, что бѣлый цвѣтъ долженъ означать чистоту души „радѣнцевъ“. Одѣвшись въ бѣлыя рубахи, хлысты прежде всего кланяются „пророкамъ“ и „пророчицамъ“, цѣлуютъ имъ руки и получаютъ отъ нихъ благословеніе. Затѣмъ, сидя, они начинаютъ пѣть на мотивъ народныхъ пѣсень протяжнымъ, жалобнымъ голосомъ какую-либо пѣснь, въ родѣ слѣдующей: Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ. Дай намъ, Господи, Иисуса Христа, дай намъ, Господи, сына Божія, и помилуй насъ, Господи“ и т. д. Послѣ этой или подобной пѣсни, нѣкоторые мужчины вскакиваютъ, начинаютъ прыгать и пѣть уже скорымъ темпомъ различныя пѣсни въ „честь“ „Искупителя своего съ ангелами, архангелами, херувимами, серафимами и со всею небесною силою“. Въ то время какъ нѣкоторые поютъ „протяжныя пѣсни“, часть присутствующихъ „для возбужденія Св. Духа“ исполняетъ уже и такъ называемыя радѣнія. Радѣнья эти раздѣляются на три вида: „кружныя“, „кораблемъ“ и „крестомъ“. Въ кружномъ радѣньи мужчины составляютъ кругъ, въ которомъ становятся одинъ возлѣ другого. За кругомъ мужчинъ образуется второй кругъ изъ женщинъ. Съ пѣніемъ пѣсень и ударяя въ тактъ ногами, хлысты начинаютъ кружиться съ возможною быстротою—мужчины по солнцу, женщины—противъ солнца. Это радѣнье у хлыстовъ называется Іезекіиловымъ „коло въ колеси“. Когда отъ такого радѣнья хлысты почувствуютъ утомленіе, они для отдыха дѣлаютъ перерывъ и выходятъ изъ круга, а отдохнувъ, чтобы не спутывать круга, каждый начинаетъ вертѣться самъ по себѣ, отдѣльно отъ круга, мужчины,—въ правую сторону, женщины—въ лѣвую. Вертѣніе это обыкновенно уже исполняется съ такою бѣшеною скоростію, что

слышенъ только шумъ, а лицъ различить уже нельзя, длинныя же, широкія бѣлыя рубахи, развѣваемыя по воздуху, образуютъ какъ бы вращающіеся столбы. Въ срединѣ круга вращаются, т. е. вертятся, пророкъ и пророчица, которые при этомъ безпрестанно кричатъ: „не жалѣйте тѣлъ, не жалѣйте Марѣ!“ Это кружное радѣнье продолжается до тѣхъ поръ, пока у радѣющихъ рубахи становятся отъ пота совершенно мокрыми, что и называется „банею возрожденія“. Отдохнувъ, хлысты опять продолжаютъ то же самое радѣнье или начинаютъ новое—„кораблемъ“, или—что то же—„давидовское“. Это радѣнье состоитъ въ томъ, что хлысты составляютъ продолговатый кругъ и начинаютъ бѣгать другъ за другомъ (какъ бы гоняться) противъ солнца или по солнцу съ пѣніемъ пѣсенъ и удареніемъ въ такъ ногами, при чемъ обыкновенно бьютъ себя кулаками въ грудь, постоянно говоря: „О Духъ, Святой Духъ!“ и хлопаютъ въ ладоши. Радѣнье „крестомъ“ состоитъ въ томъ, что мужчины и женщины становятся по четыремъ угламъ комнаты по двое или по трое, вообще смотря по числу „радѣнщиковъ“ и по размѣрамъ комнаты, и начинаютъ, насколько возможно, быстро бѣгать отъ одного угла къ другому, одинъ навстрѣчу другому, пока опять таки вся рубаха не смочится потомъ. Вслѣдствіе такихъ насильственныхъ и неестественныхъ движеній хлысты впадаютъ въ состояніе сильнѣйшаго нервнаго возбужденія или изступленія и становятся способными къ галлюцинаціямъ. Что говорится въ такомъ крайне ненормальномъ состояніи, то признается *пророчествомъ*. Вдругъ кто-либо изъ присутствующихъ вскрикиваетъ: „Вотъ, онъ идетъ! Вотъ, онъ идетъ! св. Духъ идетъ! случилось, случилось!“ Это значить, что св. Духъ нисшелъ на весь „корабль“ и въ особенности на пророка и пророчицу. И послѣдніе начинаютъ „пророчествовать“. Послѣ этого всѣ опять вскакиваютъ и начинаютъ прыгать и вертѣться, и чѣмъ дальше, тѣмъ оживленнѣе, пока не доходятъ положительно до бѣшеннаго неистовства и затѣмъ въ безсиліи всѣ падаютъ въ кучу другъ на друга и черезъ друга. Въ это время тушатся свѣчи и происходитъ то, примѣра чему, по словамъ нѣмецкаго ученаго (Геринга), мы напрасно стали бы искать въ язычествѣ у древняго міра. Мужчины и женщины предаются тому ужасному проявленію безнравственности, которое народъ обозвалъ

„свальнею“, или „свальнымъ грѣхомъ“. При этомъ не приписывается во вниманіе ни родство, ни возрастъ. Рожденныя отъ этого грѣха дѣти считаются „зачатыми чрезъ изліяніе св. Духа“. Они обыкновенно воспитываются подъ непосредственнымъ руководствомъ пророковъ и пророчицъ и въ послѣдствіи должны занять ихъ мѣсто. Хлысты называютъ ихъ „христосиками“. Интересенъ отзывъ о нашихъ хлыстахъ, сдѣланный нѣмецкимъ профессоромъ Герингомъ («Die Sekten der Kirche», 1898, стр. 155): „Хлысты, говоритъ онъ, ни въ какомъ случаѣ не составляютъ той безвредной секты, какою иногда ее признавали, напротивъ, это—самый губительный ядъ, который въ концѣ разрушаетъ жизнь и силы народа. Но какъ ловко они умѣютъ скрывать свои мерзости, доказываетъ слѣдственная коммиссія, учрежденная Александромъ I въ 1818 году, которая засвидѣтельствовала, что „православная Церковь должна признать хлыстовъ и скопцовъ своими вѣрнѣйшими и благочестивѣйшими овцами, въ вѣрованіи которыхъ нѣтъ ничего, заслуживающаго порицанія“. И иначе быть не могло! Вѣдь къ этой самой сектѣ и принадлежали бывшій съ 1803 года оберъ-прокуроръ Св. Синода Алексѣй Голицынъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей“.—И дѣйствительно, трудно въ высшей степени узнать, что происходитъ у хлыстовъ на ихъ „радѣніяхъ“: двери молельни они обыкновенно запираютъ, окна занавѣшиваютъ, за воротами двора держатъ караульныхъ, во дворѣ—злыхъ собакъ. Зачѣмъ всѣ эти предосторожности, если бы у хлыстовъ, какъ они обыкновенно утверждаютъ, не происходило на радѣньяхъ ничего дурного? Возмущеніе православныхъ противъ хлыстовъ послѣдніе объясняютъ не развратомъ своимъ, а своимъ *отрицательнымъ* благочестіемъ (не пьютъ водки, не курятъ табаку, не ругаются и т. д.); но русскій народъ привыкъ всегда и особенно благоговѣть предъ религіознымъ подвигомъ, благочестіемъ и нравственными добродѣтелями; онъ требуетъ этого отъ своихъ священниковъ и монаховъ. Въ высшей степени трудно узнать, что происходитъ у хлыстовъ на радѣньяхъ еще и потому, что хлысты свято исполняютъ заповѣдь Даніила Филипповича (10-ю): „не открывать даже отцу и матери и терпѣть, еслибы ихъ били кнутомъ или жгли огнемъ“. Кромѣ того, пророки паучають хлыстовъ лицомъ брѣть, и лицомъ брѣе они не признаютъ грѣхомъ. Вслѣд-

ствіе этого они крестятъ въ церкви своихъ дѣтей, вѣнчаются, отпѣвають умершихъ; хлысты (особенно не обнаруженные судебнымъ слѣдствіемъ) почти всегда первыми являются на церковныя богослуженія и вечернія собесѣдованія въ церквахъ; когда на этихъ собесѣдованіяхъ приходскій священникъ заводитъ рѣчь о мерзостяхъ хлыстовства, хлысты первые начинаютъ вздыхать и возмущаться этими мерзостями; въ обществѣ хлысты въ особенности любятъ осуждать блудъ и распутную жизнь. Будучи по внѣшности благочестивыми, хлысты чаще другихъ становятся друзьями дома своихъ приходскихъ священниковъ, и послѣдніе нерѣдко только на судебномъ слѣдствіи узнаютъ кто были ихъ друзья, кого они уважали за благочестіе и считали лучшими христіанами въ приходѣ! Даже лица, оставившія хлыстовство и возвратившіяся къ Церкви, крайне неохотно говорили о томъ, что происходитъ на хлыстовскихъ радѣньяхъ. Стыдъ ли за содѣянные мерзости или страшныя клятвы, данныя хлыстамъ, стѣсняють ихъ, — это трудно сказать. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что характеръ хлыстовъ постоянно измѣняется. Есть хлысты, которые сами возмущаются „свальнымъ грѣхомъ“; вмѣсто него эти хлысты, поклонившись пророку и пророчицѣ, парами—мужчина и женщина—выходятъ изъ молельни и совершаютъ свой „грѣхъ“ въ чуланахъ, на чердакахъ, подъ сараями и т. п. Не всякое радѣніе непременно оканчивается свальнымъ грѣхомъ. Кажется, и сами хлысты не всегда могутъ напередъ знать, чѣмъ окончится ихъ моленье; свальный грѣхъ у нихъ бываетъ лишь естественнымъ фізіологическимъ послѣдствіемъ ихъ неистовствъ. Во всякомъ случаѣ на законный бракъ они смотрятъ, какъ на самый тяжкій грѣхъ, ибо въ немъ проявляется не любовь, а эгоизмъ; блудъ же они считаютъ только случайнымъ грѣхомъ, въ которомъ можно всегда покаяться. Такъ какъ у хлыстовъ господствуетъ стремленіе всегда „пѣть Господу новую пѣснь“, то у нихъ твердо установленнаго устава относительно ихъ радѣній нѣтъ; неизмѣнными признаками ихъ остаются только пѣснопѣніе, молитвы, чтеніе св. Писанія, прыганье и бѣганье; порядокъ же радѣній и содержаніе пѣснопѣній почти всегда измѣняются.

Профессоръ прот. Бутkevичъ.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Какъ должно объяснять 22-й стихъ LXVII псалма: „Богъ сокрушитъ голову враговъ своихъ, волосатое темя закоснѣлаго въ своихъ беззаконіяхъ?“ Штундисты нашего прихода подъ „волосатымъ теменемъ закоснѣлаго въ своихъ беззаконіяхъ“ разумѣютъ духовныхъ лицъ, носящихъ длинные волосы.

Толкованіе на Псалтирь какого автора необходимо намъ приобрести?

Подписчикъ.

Псаломъ LXVII—самый трудный для истолкованія. „Въ немъ сколько стиховъ и словъ,—столько же и цѣлей, столько и лабиринтовъ: это крестъ для умовъ, укоръ толковникамъ“. (August. Calmet. vol. IV, p. 383). Въ одинъ изъ такихъ лабиринтовъ попадаютъ штундисты, эти непризванные толкователи св. Писанія, относя къ православнымъ духовнымъ лицамъ 22 стихъ этого псалма. И прежде всего въ 22 стихѣ о длинныхъ волосахъ ничего не сказано, а упоминается о „волосатомъ темені закоснѣлаго въ своихъ беззаконіяхъ“. Затѣмъ, если бы даже ст. 22 прямо говорилъ о длинныхъ волосахъ, то и въ такомъ случаѣ его нельзя исключительно относить къ нашему православному духовенству: не всѣ православныя духовныя лица обязательно носятъ длинные волосы; священнослужители, состоящіе при нашихъ заграничныхъ церквахъ, напр., въ этомъ отношеніи не выделяются отъ обыкновенныхъ мірянъ. Между тѣмъ есть много свѣтскихъ лицъ изъ числа занимающихся, такъ называемыми, свободными профессіями (художники, поэты, музыканты и т. п.), которые отрачиваютъ себѣ длинные волосы; длинные волосы носятъ также женщины (I Петр. III, 3); можно идти въ Румынію и пройти всѣ Карпатскія горы сплошь до Моравіи и Венгріи, и вездѣ крестьяне носятъ длинные волосы, которыхъ никогда не стригутъ (Церковн. Вѣдом. 1889 г.,

№ 47); о китайцахъ извѣстно, что они со времени воцаренія манчжурской династїи носятъ длинныя косы, начинающіяся на темени, брѣя въ то же время остальную часть своей головы. Штундисты поступили бы, пожалуй, остроумнѣе, если бы начали толковать, въ виду современныхъ политическихъ событій, 22 стихъ въ отношеніи къ китайцамъ.

Нельзя 22 стихъ LXVII псалма относить къ православному духовенству и по самому существу дѣла. Въ разбираемомъ стихѣ говорится, что „*Богъ сокрушитъ юлову враговъ своихъ*“, причемъ выраженіе „*волосатое темя закоснѣлаго въ своихъ беззаконіяхъ*“ составляетъ приложение къ первой половинѣ стиха. Но священнослужители православной Церкви—не враги Божїи: они—вѣстники Господа (Малах. II, 7) и поставлены Духомъ Святымъ въ Церкви (Дѣян. XX, 28) для того, чтобы освящать благодатными таинствами вѣрующихъ (Ефес. IV, 12) и пасти стадо Христово (I Петр. V, 2). Епископы православной Церкви непрерывно идутъ отъ самихъ апостоловъ, и эту непрерывную преемственность нашихъ ерарховъ не въ состояніи опровергнуть даже злѣйшіе враги Церкви Христовой. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ привѣтствуетъ вмѣстѣ съ другими вѣрующими епископовъ и діаконовъ: *благодать вамъ, пишетъ онъ,—и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (гл. I, ст. 2). Неужели св. апостолъ сталъ бы посылать такое привѣтствіе епископамъ и діаконамъ, если бы они были врагами Господа? Видимое дѣло, что штундисты, усматривающіе во „*врагахъ Господа съ волосатымъ теменемъ*“ пс. LXVII православное духовенство, сознательно лгутъ; этою ложью они исполняютъ волю древняго клеветника, который, по ученію Слова Божія, клеветаетъ день и ночь предъ Богомъ на братьевъ нашихъ и ихъ пастырей (Захар. III, 1-3; Откров. XII, 10).

Какъ же понимать 22 стихъ LXVII псалма и въ частности кого разумѣть подъ врагами Господа?

Этотъ стихъ нужно разсматривать не отрывочно, а въ связи съ общимъ смысломъ пс. LXVII. Ключъ же къ уразумѣнію этого псалма даетъ намъ апостолъ Павелъ, который въ посланіи къ Ефесянамъ приводитъ изъ этого псалма ст. 19, какъ пророчество о вознесеніи Господа Иисуса Христа на небо послѣ сошествія Его во адъ для избавленія

плѣнниковъ ада и о раздаяніи съ небесъ благодати Св. Духа каждому изъ вѣрующихъ въ различной степени, причѣмъ одни въ Церкви Христовой наставляются апостолами, другіе—пророками, иные пастырями и учителями (Ефес. IV, 7-11). Руководясь этимъ ученіемъ ап. Павла, отцы и учителя Церкви толковали весь LXVII псаломъ въ пророчески-прообразовательномъ смыслѣ о Христѣ Спасителѣ и Его Церкви. Дѣлають различныя предположенія о томъ, по какому случаю написанъ LXVII псаломъ; но одно несомнѣнно, что въ немъ изображается торжественное, послѣ какой-то побѣды, шествіе ковчега завѣта на гору Сіонъ, гдѣ при Давидѣ была поставлена скинія; другія горы земли обѣтованной враждебно и завистливо по пс. LXVII смотрятъ на ту честь, которой удостоилась гора Сіонъ (ст. 17). Какъ Всемогущій Царь, воцарившись вѣчно на Сіонѣ, Господь поспѣшаетъ на спасеніе своихъ вѣрныхъ слугъ и поражаетъ враговъ Сіона, закоренѣлыхъ въ беззаконіяхъ. Подъ горою Сіономъ св. отцы разумѣють истинную (православную) Церковь Христову, которую Спаситель основалъ послѣ побѣды надъ діаволомъ кровью Креста Своего; вѣчное обитаніе Господа на Сіонѣ означаетъ пребываніе Спасителя въ Своей Церкви во всѣ дни *до скончанія вѣка* (Матѣ. XXVIII, 20); подъ горами, завидующими Сіону, нужно разумѣть враговъ Церкви Христовой, т. е. еретиковъ-сектантовъ, появляющихся въ различныя времена и называющихъ себя истинными христіанами. 22 стихъ, говорящій о пораженіи Господомъ своихъ враговъ, пророчески указываетъ, что сектанты-еретики не поколеблѣють православной Церкви согласно неложнымъ словамъ Самого Господа: *создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея* (Матѣ. XVI, 18); „волосатое темя“—поэтическое выраженіе, означающее звѣроправный характеръ враговъ истинной Церкви Христовой (ср. Даніил. IV, 30).

Для толкованія на псалмы нужно приобрѣсти книгу преосвящ. Палладія, еписк. Сарapulьскаго, подъ заглавіемъ „Толкованіе на псалмы, составленное по текстамъ: еврейскому, греческому (LXX) и латинскому (Вульгатѣ), по ученію отцовъ и учителей сз. Церкви и дополненное различными замѣчаніями. Москва. 1872 г.“

Н. Булаковъ.

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

Имѣетъ ли наше внутреннее противорасколь-
ническое и противосектантское миссіонерство
будущность?

(По поводу одного изъ засѣданій Орловскаго миссіонерскаго съѣзда,
22 Сентября 1900 года).

Милостивый Государь, г. Редакторъ.

 О поводу напечатаннаго въ вашемъ журналѣ сообщенія (сентябрь) о кончинѣ московскаго протоіерея Іоанна Григорьевича Виноградова, болѣе 30 лѣтъ трудившагося въ дѣлѣ примиренія раскольниковъ съ старообрядцевъ съ православною Церковью, и энергичнаго, молодого сравнительно миссіонера изъ простецовъ, Георгія Антонова, вы справедливо изволили высказать съ сожалѣніемъ, что рѣдѣетъ наша миссіонерская дружина: многіе миссіонеры, обремененные тяготами миссіонерскаго труда, ушли съ этой дороги, другіе призваны Господомъ въ Его селенія. Да, по сущей справедливости, во многихъ мѣстахъ миссіонерскіе ряды порѣдѣли старыми дѣятелями, а Москва—центръ борьбы, въ коемъ сіяли нѣкогда славныя въ исторіи миссіи имена, и совсѣмъ, можно сказать, опустѣла. Надежда теперь на трудниковъ новаго поколѣнія. Эти трудники, конечно, во многихъ мѣстахъ есть и ихъ не мало, но они не имѣютъ, одного, существенно важнаго для будущности миссіи,—*сплоченной организаціи*, дѣйствуютъ особнякомъ, единолично вынося на своихъ плечахъ тяжелые труды. Труды ихъ, положимъ, оплачиваются,—но оплачиваются не равномѣрно, а главное—*положеніе ихъ неопредѣленное*. Что они необходимы для епархій, объ этомъ, пожалуй, уже теперь не спорять,

по крайней мѣрѣ, открыто, но что опи такое въ епархіальномъ управленіи, чѣмъ гарантированы они въ своей дѣятельности, какова ихъ будущность послѣ десятковъ лѣтъ тяжелой службы, объ этомъ нельзя сказать ничего яснаго и опредѣленнаго; все зависить отъ личныхъ взглядовъ и отношеній представителей епархіальной власти и другихъ случайныхъ обстоятельствъ. И самая дѣятельность ихъ недостаточно опредѣлена даже мѣстными инструкціями, а общихъ инструкцій и совсѣмъ нѣтъ. Это какая-то частная, наемная служба, зависящая всецѣло то отъ совѣтовъ разныхъ братствъ, то непосредственно отъ консисторскихъ распоряженій. Не говоря о простецахъ, даже люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ не имѣютъ въ своемъ положеніи ничего прочнаго, праваго. Діаконы и псаломщики имѣютъ предоставленныя имъ законныя права, права голоса и защиты, выслуги и поощренія; миссіонеры не имѣютъ ничего, ихъ заставляютъ писать отчеты о своей дѣятельности, иногда очень подробные, мѣстами возлагаютъ даже иного рода порученія, мѣстами даже производства слѣдствій; но всѣ ихъ постановленія имѣютъ какой-то получастный, не болѣе какъ только оффиціозный характеръ, которымъ можно поэтому не придавать и никакого значенія, а производство какихъ бы то ни было слѣдствій едва ли возможно даже и поручать лицу, не занимающему никакого оффиціального положенія. Чтобы легализировать положеніе миссіонера, иногда лица съ высшимъ образованіемъ, опредѣляютъ простымъ псаломщикомъ къ городскимъ церквамъ. Вслѣдствіе такого неопредѣленнаго, безправнаго положенія миссіонеръ переходитъ съ мѣста на мѣсто, поступая иногда послѣ многихъ лѣтъ тяжелой миссіонерской службы на соотвѣтствующія его образованію должности, безъ увѣренности въ томъ, зачтется ли миссіонерская оставленная имъ служба, на которую онъ потратилъ молодые силы въ лучшіе годы своей жизни.

Если миссіонеръ—священникъ, то онъ причисленъ или сверхъ штата къ кафедральному собору, или къ другой какой церкви и можетъ надѣяться на ничтожную пенсію послѣ 35 лѣтъ службы, совершить которую на трудномъ миссіонерскомъ поприщѣ, требующемъ крѣпкихъ силъ, при постоянномъ нервномъ возбужденіи, онъ едва ли въ си-

лахъ. Если же силы его надломятся и его постигнуть болѣзни и немощи, то и самъ онъ, и семья его могутъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни. Смерть же его свергнетъ семью прямо въ нищету.

Это одна сторона миссіонерскаго служенія, какъ оно до сихъ поръ стоитъ. Но есть и другая. При сознаніи своего неопредѣленнаго, безправнаго положенія миссіонеру остается укрѣпить его на личныхъ лишь отношеніяхъ къ лицамъ, власть имѣющимъ, дать почувствовать, что онъ по своей дѣятельности и пользенъ, и необходимъ. Этого, конечно, можно достигнуть неустаннымъ трудомъ, терпѣніемъ и выносливостью. Здѣсь представляется и не мало соблазновъ поддерживать свое вліяніе и укрѣплять свое положеніе и иными окольными путями и приемами, выходящими за предѣлы миссіонерской дѣятельности. И это тѣмъ болѣе возможно, что самая дѣятельность миссіонера близко соприкасается со многими сторонами церковной жизни и пастырской дѣятельности. При личныхъ отношеніяхъ и при личной лишь начальственной опорѣ миссіонеръ, вступившій разъ на означенный путь, по необходимости долженъ поддѣлываться подъ личные вкусы другихъ вліятельныхъ лицъ и не въ состояніи уже будетъ удержаться отъ того, чтобы не размѣняться на мелкую, дешевую и неприглядную монету, поставивъ свою прямую почтенную дѣятельность на второй планъ. Все это въ конецъ можетъ испортить надлежащее отношеніе къ нему приходскаго духовенства, подорвать довѣріе и движеніе ближайшихъ его соработниковъ и сдѣлать его миссію бесполезной. Запутавшійся миссіонеръ, если и пойметъ свое положеніе, то ему трудно уже будетъ выпутаться изъ лабиринта пересудовъ и дурной, часто преувеличенной, молвы. Отъ всего этого унижена будетъ и самая идея миссіи, которую и теперь многіе не высоко ставятъ.

Описанное существующее положеніе миссіонера является, такимъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности и безправія, безпримѣрнымъ и весьма щекотливымъ и требуетъ скорѣйшаго выхода отъ понимающихъ дѣло радѣтелей миссіи. Выходъ этотъ ясенъ; необходимо дать прочную организацію нашей внутренней миссіи, опредѣлить, по возможности точно, права и обязанности миссіонеровъ, создать ясное положеніе въ епархіальной администраціи и въ отношеніяхъ къ раз-

нымъ сторонамъ церковной жизни и въ частности къ приходскому духовенству, наконецъ, обезпечить его и на то время, когда силы его ослабѣютъ, и онъ долженъ будетъ оставить свое служеніе. Вопросы эти, конечно, очень сложные, представляющіе много разнообразныхъ затрудненій для ихъ разрѣшенія, но если намъ дороги цѣлость и спокойствіе Церкви, обуреваемой ученіями лжеименнаго разума, съ одной стороны, а съ другой—требованіями необузданнаго чувства и подавленной буквою мысли и чрезмѣрно господствующей внѣшности,—то радѣтелямъ ли Церкви бѣжать отъ нихъ? А что это обуреваніе видится и слышится отъ столичныхъ городовъ до захолустьевъ деревни, и что эти обуреваемые подкапываются подъ самыя основы вѣры, или разумнаго ея пониманія, а иногда и затрогиваютъ основы жизни гражданской, объ этомъ едва-ли нужно и говорить. Необходимы, значить, и спеціальныя борцы для утишенія этого обуреванія, посвятившіе себя дѣлу миссіонерскаго подвига.

Слышится одно возраженіе противъ особаго миссіонерскаго института, состоящее въ томъ, что миссіонерствованіе входитъ въ прямыя обязанности пастырства. По существу это, конечно, вѣрно. Но одинъ важный генераль, заинтересовавшійся дѣломъ миссіи, напомнилъ намъ слѣдующее изреченіе великаго завоевателя-стратега начала XIX вѣка: „обстановка повелѣваетъ“. И если мы поемотримъ на обстановку, то увидимъ, что намъ еще рано возлагать тяжелое бремя миссіи на плечи однихъ пастырей.

Проф. П. Ивановскій.

Къ вопросу о положеніи преподавателей духовныхъ семинарій по каедрѣ расколо- сектантства.

Введеніе въ духовныя семинаріи преподаванія исторіи и обличенія русскаго раскола и сектантства—дѣло сравнительно совсѣмъ недавнее. Казалось, новый предметъ долженъ былъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ семинарскихъ наукъ, по возбуждаемому имъ интересу въ питомцахъ духовной школы. Въ самомъ дѣлѣ, изучать исторію русскаго раскола, знакомиться съ правилами и приемами для успѣшнаго обличенія старообрядцевъ и сектантовъ,—это, повидимому, изучать самую жизнь своего родного народа, стараться заглянуть въ глубину его великой души, разгадать тайны его сердца, понять его заблужденія и ихъ причины и найти средства къ уврачеванію. Интереснѣе, жизненнѣе никакой другой науки, казалось бы, и быть не можетъ. Сухая догматика, отвлеченная метафизика и прочія науки не могутъ быть и сравниваемы съ наукой о русскомъ расколѣ... Да, такъ казалось многимъ прежде, такъ думаютъ многіе и теперь.

Но присмотримся къ дѣйствительности. Вспоминаются мнѣ сейчасъ наши хорошія товарищескія бесѣды на IV курсѣ академіи. Каждый изъ насъ мечтаетъ о преподавательской службѣ и намѣчаетъ предметъ, который бы онъ болѣе всего хотѣлъ преподавать. И странно,—изъ 60 почти человѣкъ не находится ни одного охотника преподавать науку о расколѣ. Напротивъ, эта интереснѣйшая наука нами совсѣмъ игнорируется; ея какъ будто даже не существуетъ ни въ семинарскомъ курсѣ, ни въ академическомъ. Только кто-либо изъ „историковъ“¹⁾, отчаянно махнувъ рукой,

¹⁾ Ранѣе лекціи по расколу слушали только студенты историческаго отдѣленія, теперь же предметъ этотъ сдѣланъ общеобязательнымъ.

съ ужасомъ произнесетъ: „а что, какъ на расколъ назначать меня?!“ Слышится дружный хохотъ товарищей, а затѣмъ чуть не вопль: „Ни за что, братцы, не пойду; откажусь, сейчасъ же сбѣгу... Такое мнѣніе о каедрѣ раскола существуетъ среди академическаго студенчества. Это же мнѣніе выносится изъ стѣнъ академіи, и „расколъ“ для всѣхъ кандидатовъ богословія представляется самымъ неудобнымъ и даже ужаснымъ предметомъ ¹⁾. Они боятся назначенія на расколъ; получившіе же назначеніе или спѣшатъ отказаться отъ него сейчасъ же, если имѣютъ на что-либо надежду, или же чуть не со слезами принимаютъ его, считая себя обиженными судьбой, и приѣзжаютъ на мѣсто служенія, имѣя въ душѣ твердое намѣреніе при первомъ же удобномъ случаѣ бросить этотъ ненавистный предметъ и перейти на другой. Однимъ это удастся скоро, и они, записавъ себя въ разрядъ уже болѣе счастливыхъ, искренно жалѣютъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые получаютъ назначеніе на расколъ. Другіе оказываются не такъ счастливы: прослуживъ съ большимъ трудомъ 2—3 года и не получивъ новаго предмета, они съ отчаяніемъ бросаютъ свою педагогическую дѣятельность и уходятъ на „иную“ совсѣмъ дорогу. И гдѣ вы не встрѣтите бывшихъ преподавателей семинаріи по расколу: и въ акцизѣ, и среди инспекторовъ народнаго просвѣщенія, и среди непремѣнныхъ членовъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и пр. и пр. А каедрѣ раскола пустоуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуть не каждый годъ встрѣчаетъ новаго преподавателя ²⁾.

¹⁾ Встрѣчаюсь съ товарищемъ и спрашиваю его, получилъ ли онъ назначеніе и куда. Онъ съ какою-то особенною улыбкою отвѣчаетъ: „назначенъ на самый скверный предметъ“. „Ужели на расколъ?“ спрашиваю я.— „Угадалъ... да... хочу уходить“... А другой знакомый кандидатъ, смущенный моимъ счастливымъ видомъ, на мой вопросъ о его службѣ, мнѣ хорошо известной, почему-то не захотѣлъ сказать, что онъ назначенъ на расколъ, а прибѣгъ ко лжи, сказавъ, что онъ преподаетъ словесность. Одинъ преподаватель по расколу предлагаетъ учителю латинскаго языка въ одномъ захолустномъ уѣздномъ городкѣ помѣняться мѣстами. И получаетъ отвѣтъ: „если бы вы были въ столицѣ и получали вдвое больше, я и то не пошелъ бы на этотъ ужасный предметъ... Отъ души жалѣю васъ“ и пр.

²⁾ Въ одной изъ семинарій западнаго края въ послѣдніе годы преподаватели по расколу, дѣйствительно, мѣняются почти каждый

Нѣтъ сомнѣній, что указанное сейчасъ отношеніе къ каедрѣ раскола какъ кандидатовъ богословія, такъ и преподавателей нуждается въ объясненіи.

Гдѣ же скрывается причина этой странной, повидимому, антипатіи къ столь интересному предмету?

Отвѣтитъ на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, будетъ очень легко, если немного присмотрѣться къ самому положенію преподавателей по расколу.

Можно смѣло сказать, что „обличеніе раскола“ составляетъ самый трудный изъ всего семинарскаго курса предметъ. Трудность предмета чувствуютъ одинаково и ученики и сами преподаватели. Исторія раскола въ V классѣ, конечно, проходитъ легко, и пожалуй, съ интересомъ. Но въ VI классѣ ученики на первыхъ же порахъ чувствуютъ, что „Обличеніе раскола“ совсѣмъ не то, что исторія,—что „Обличеніе“ гораздо „ехиднѣе“ даже догматики, изученіе которой требуетъ крайняго напряженія памяти. Интересъ вообще къ предмету безслѣдно исчезаетъ. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, послѣ недолгой возни съ громадными старопечатными книгами, ученики окончательно разочаровываются въ предметъ, который съ каждымъ днемъ для нихъ становится все труднѣе и ненавистнѣе. Скоро начинаютъ ими пускаться въ ходъ всевозможныя средства къ облегченію отвѣта въ классѣ, представляющія изъ себя, конечно, одинъ обманъ, и иногда крайне возмутительный. Такое отношеніе учениковъ къ „расколу“ служить для преподавателя источникомъ постоянныхъ огорченій и непріятностей и дѣлаетъ его службу крайне тяжелой.

А сколько требуется отъ cadaго новаго преподавателя энергіи, силъ и трудовъ, чтобы болѣе или менѣе достаточно

годъ. Фактъ этотъ во всякомъ случаѣ крайне любопытный, но къ несчастью—не единственный.

Кстати... Нынѣ лѣтомъ послѣ экзаменовъ студенты С.-Петербургской духовной академіи, бывшіе питомцы нашей семинаріи, привезли къ намъ извѣстіе, что будто бы открылось до 15 свободныхъ преподавательскихъ мѣстъ по каедрѣ раскола. Проверить этотъ слухъ мнѣ не пришлось, но я уже послѣ каникулъ то же самое слышалъ даже въ Петербургѣ. Пусть этотъ слухъ окажется пустымъ, но во всякомъ случаѣ онъ и тогда всетаки говоритъ объ очень многомъ и наводитъ на самыя мрачныя мысли.

Отъ редакціи. Извѣстіе преувеличено.

изучить предметъ. Мнѣ не забыть того ужаснаго чувства, которое долго волновало меня въ первое время службы, и источникомъ котораго было сознаніе своего безсилія овладѣть всѣмъ богатымъ матеріаломъ предмета. Громадныя фоліанты старопечатныхъ книгъ съ содержащеюся въ нихъ старинною мудростью, сочиненія раскольниковскихъ писателей, произведенія противораскольниковской литературы, какъ древней, такъ новѣйшей, масса весьма важныхъ брошюръ и журнальныхъ статей и т. п. — все это наводило на меня прямо ужасъ, отъ котораго я не освобожусь еще долго. Чтобы овладѣть всѣмъ этимъ матеріаломъ, по моему мнѣнію, нужны многіе годы. А безъ этого вести преподаваніе раскола невозможно. Отсюда естественно появленіе въ душѣ преподавателя чувства неудовлетворенности и мучительнаго безпокойства, отъ котораго свободны бывають другіе преподаватели семинаріи, находящіеся въ болѣе счастливымъ положеніи.

Но этого мало. Гораздо болѣе трудную и особенно не-симпатичную сторону нашего предмета составляютъ соединяемыя съ нимъ публичныя бесѣды со старообрядцами, веденіе которыхъ возлагается на преподавателя. Что такое эти бесѣды и во что онѣ обходятся преподавателю, это, вѣроятно, хорошо извѣстно читателю нашего журнала. Мнѣ кажется, что никакое дѣло не требуетъ отъ человѣка такого страшнаго напряженія силъ физическихъ и душевныхъ, какъ веденіе публичныхъ бесѣдъ съ нашими раскольниками. Если миссіонерское служеніе представляетъ самый тѣсный и тернистый путь въ жизни, то, безъ сомнѣнія, самымъ страшнымъ терніемъ здѣсь являются публичныя бесѣды въ силу ихъ сценическаго характера.

Крайнее напряженіе всей нервной системы, усиленная работа мысли, длинныя рѣчи и пренія съ упорными раскольниками, масса огорченій и издѣвательствъ со стороны невѣжественной толпы, искупаемое дорогою цѣною искусственное спокойствіе, которое долженъ хранить миссіонеръ во все время, самая строгая вѣжливость и внимательность къ чуть не плюющимъ въ лицо миссіонеру крикунамъ, самое грубое упорство раскольниковъ, сломить которое невозможно, наконецъ, строгій и часто несправедливый судъ зрителей, большая часть которыхъ, особенно въ городахъ, смо-

трить на бесѣды, только какъ на „очень интересныя и занимательныя“ зрѣлища,—вотъ что ожидаетъ каждаго миссіонера на публичной бесѣдѣ. Если же миссіонеромъ является преподаватель семинаріи, то къ указанному слѣдуетъ еще присоединить особый судъ его учениковъ, у которыхъ существуетъ всегда своя оригинальная логика и критика, никогда почти не оправдывающая преподавателя. Въ дѣлѣ же преподаванія это обстоятельство имѣетъ, конечно, весьма важное значеніе, такъ какъ оно близко касается вопроса объ авторитетѣ преподавателя и его вліяніи на учениковъ.

Поэтому, чтобы вести публичныя бесѣды съ раскольниками, преподаватель долженъ непременно обладать, кромѣ обширныхъ знаній, самымъ крѣпкимъ физическимъ здоровьемъ, сильными нервами и счастливымъ темпераментомъ и, наконецъ, особымъ тактомъ, который большею частью представляетъ собою природный даръ и, если и приобрѣтается трудами, то во всякомъ случаѣ въ теченіе очень многихъ лѣтъ. Но много ли найдется среди педагоговъ вообще и преподавателей по расколу въ частности такихъ счастливыхъ натуръ, которыя бы обладали указанными свойствами?! Если одна педагогическая дѣятельность въ самое короткое время здороваго человѣка дѣлаетъ совершенно больнымъ, разбитымъ и никуда негоднымъ, то въ соединеніи съ миссіонерскою она прямо уже уродуетъ и губитъ его. Поэтому, если преподаватель не хочетъ преждевременно загубить свои силы и здоровье, то ему остается только одно—оставить свою службу... Большинство, какъ извѣстно, уже такъ именно и дѣлаютъ,—не потому, что у нихъ нѣтъ желанія и усердія, а потому что они не въ состояніи такъ работать, потому что на нихъ возложенъ прямо невозможный и превышающій ихъ человѣческія силы трудъ... Если же среди кандидатовъ богословія и преподавателей по расколу и оказываются такія рѣдкія личности, которыя при нѣкоторомъ влеченіи къ миссіонерской дѣятельности владѣютъ хорошимъ здоровьемъ и характеромъ, то таковыя избранники не находятъ никакого смысла поступать или оставаться въ семинаріи на расколѣ, а совершенно разумно идутъ на должность епархіальныхъ миссіонеровъ, тяжелый трудъ которыхъ всетаки хорошо оплачивается.

Преподаватель по расколу призывается и къ нѣкотораго

рода административно-общественной дѣятельности. Разумѣю дѣятельность преподавателей въ совѣтѣ братства, въ миссіонерскихъ или противораскольническихъ комитетахъ, гдѣ они являются по самой своей службѣ главными дѣйствующими лицами, совмѣщая нерѣдко въ своемъ лицѣ и званіе председателя и дѣлопроизводителя и т. п. Участіе преподавателей въ этого рода дѣятельности, представляющей, конечно, лучшее средство къ ознакомленію себя и учениковъ съ мѣстнымъ расколомъ и состояніемъ епархіальной миссіи, конечно, безусловно должно быть считаемо обязательнымъ. Конечно, и здѣсь для преподавателя встрѣчается много непріятностей, и здѣсь требуется отъ него много труда и силъ.

Наконецъ, нужно замѣтить, что въ настоящее время преподавателю по расколу положительно отказывается даже въ отдыхѣ.

По распоряженію высшаго начальства преподаватели по расколу въ свободное отъ занятій время должны ѣздить съ миссіонерскими цѣлями по епархіи, знакомиться съ расколомъ на мѣстѣ и вести въ нѣкоторыхъ пунктахъ бесѣды съ раскольниками, приглашая съ собой и учениковъ. Итакъ проститесь, мои бѣдные коллеги, съ каникулами, которыя до сихъ поръ составляли едва ли не единственную свѣтлую сторону въ нашей педагогической службѣ. — Кромѣ того, лѣтомъ всюду по епархіямъ устраиваются чуть не ежегодно курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ, на которыя долженъ бываетъ оставаться и преподаватель по расколу, чтобы читать лекціи по своему предмету. — А затѣмъ, чтенія по расколу теперь вводятся въ воскресныхъ школахъ, во второклассныхъ, въ женскихъ духовныхъ училищахъ и т. п. И вездѣ долженъ быть и поспѣвать бѣдный преподаватель по расколу, занимающій по странной игрѣ судьбы среди прочаго преподавательскаго персонала совершенно исключительное и, по истинѣ, ужасное положеніе.

Но о чемъ же мечтаетъ теперь преподаватель по каедрѣ раскола? Не ждетъ ли онъ чего-либо отъ предстоящей реформы духовныхъ семинарій и училищъ?

Конечно, мечтаетъ онъ очень много, желаетъ онъ очень многого для облегченія своего положенія и уравниенія его по количеству труда съ прочими семинарскими препода-

вателями... Но отъ реформы едва ли онъ можетъ ждать исполненія своихъ мечтаній... По вѣрнымъ извѣстіямъ, теперь предполагается—*обязательное* веденіе преподавателемъ публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами...

Если эти бесѣды, какъ уже замѣтили мы выше, составляютъ для преподавателя самое ужасное бремя и положительно отравляютъ его жизнь, то ясно, что объ облегченіи службы намъ нечего и думать. Мало того. Если доселѣ бесѣды эти практиковались только въ нѣкоторыхъ и очень немногихъ семинаріяхъ опытными въ дѣлѣ преподавателями, то теперь онѣ, кажется, должны получить безусловно-обязательный характеръ и вестись со всѣми преподавателями безъ всякихъ отговорокъ...

Но меня въ данномъ случаѣ интересуетъ совершенно другой вопросъ, а именно: можно ли, законно ли и цѣлесообразно ли требовать отъ преподавателей по кааедрѣ раскола безусловно-обязательнаго веденія публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами?..

Нѣтъ сомнѣнія, что призваніе или внутреннее влеченіе къ такого или иного рода дѣятельности имѣетъ весьма важное значеніе въ жизни человѣка. Призваніе—это, такъ сказать, одинъ изъ дивныхъ путей Промысла Божія, указывающій человѣку то, чѣмъ и какъ онъ можетъ служить для славы Божіей; это вмѣстѣ съ тѣмъ залогъ дѣйствительнаго земного счастья. И чѣмъ труднѣе и сложнѣе служеніе, тѣмъ важнѣе для человѣка вопросъ о призваніи. Отсюда понятно, почему о призваніи такъ много говоритъ „Пастырское руководство“, почему вопросомъ о призваніи занимается педагогика: пастырское и педагогическое служеніе безъ призванія для человѣка положительно невозможны... Но, кажется, еще большую важность имѣетъ вопросъ о призваніи для кандидатовъ на миссіонерское служеніе, которое по справедливости слѣдуетъ считать труднѣйшимъ...

Конечно, кандидаты богословія выходятъ изъ стѣнъ своей alma mater большею частью съ желаніемъ посвятить себя педагогической дѣятельности. Поэтому о призваніи ихъ не спрашиваютъ: кандидатъ получаетъ назначеніе и ѣдетъ на мѣсто службы... Но мнѣ кажется, что и здѣсь вопросъ о призваніи долженъ имѣть мѣсто, хотя, конечно, въ нѣсколько особой формѣ. Дѣло въ томъ, что въ духовно-учеб-

ныхъ заведеніяхъ существуетъ, какъ извѣстно, специализація предметовъ. Это обстоятельство имѣетъ вліяніе и на характеръ подготовки студентовъ академіи къ педагогическому служенію ихъ въ этихъ заведеніяхъ. Чуть не съ перваго курса большинство студентовъ свободно по влеченію избираетъ какой-нибудь одинъ или два предмета изъ академическаго курса и начинаютъ удѣлять на изученіе его гораздо больше времени и труда, чѣмъ на прочіе предметы. А затѣмъ, и кандидатское сочиненіе стараются писать по болѣе интересному и любимому для нихъ предмету. Вотъ почему еще на послѣднемъ курсѣ въ академіи почти каждый кандидатъ уже ясно намѣчаетъ себѣ тѣ предметы изъ семинарскаго курса, которые болѣе ему нравятся, по которымъ онъ имѣетъ болѣе совершенныя познанія, и на одинъ изъ которыхъ онъ желалъ бы болѣе всего поступить въ семинарію или училище. Какъ извѣстно, жизнь самымъ безжалостнымъ образомъ разбиваетъ всѣ эти студенческія мечты. При назначеніи кандидатовъ на мѣста ихъ не спрашиваютъ о томъ, какой изъ предметовъ они изучили лучше и какой предметъ желали бы преподавать... И кандидаты отправляются на мѣста и кое-какъ принимаются преподавать предметъ, къ которому иногда имѣли прямо отвращеніе въ академіи... И случается, что магистръ богословія, посвятившій всѣ свои молодыя силы на изученіе догматики или исторіи, назначается на греческій языкъ и скоро по нуждѣ мирится съ своимъ, по истинѣ, горькимъ положеніемъ... Но если это примиреніе и возможно бываетъ при преподаваніи всѣхъ почти предметовъ, то, мнѣ кажется, преподаватель по кафедрѣ раскола, получившій мѣсто случайно и не имѣющій рѣшительно никакого влеченія къ своему предмету и соединенной съ нимъ миссіонерской дѣятельности, безусловно никогда не можетъ примириться съ своимъ положеніемъ. Миссіонерская дѣятельность безъ призванія къ ней положительно невозможна; здѣсь призваніе и вытекающая изъ него любовь къ святому дѣлу составляютъ все.

Поэтому мнѣ кажется, что при назначеніи кандидатовъ на кафедру раскола необходимо обращать самое сердечное вниманіе на то, имѣетъ ли человѣкъ желаніе послужить на миссіонерскомъ поприщѣ, безъ чего возлагать на преподавателя безусловно-обязательное веденіе миссіонерскихъ бесѣдъ положительно несправедливо.

В. Бяльскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

День въ раскольническомъ екиту ¹⁾).

(Изъ моихъ путевыхъ воспоминаній).

III.

БЫЛО времячко, по истинѣ сказать, благодатное! Вѣра въ народѣ передъ Богомъ, какъ свѣча горѣла. Не было соблазновъ и не было тѣхъ искушеній, которыя мы видимъ въ настоящее время. Правду сказано про антихриста, что онъ—супостать сотворить „знаменія и чудеса ложныя“. Возьми въ примѣръ св. отцовъ, которые ѣздили на бѣсахъ духовно, денегъ не платили, а нынѣ завелось бѣсовское ухищреніе—машины. Такая же діавольская быстрота, заплати денежки да и поѣзжай изъ конца въ концы вселенныя... Только намъ грѣшно и страшно ѣздить на этомъ змѣѣ, котораго по истинѣ во всемъ можно уподобить огненному змѣю, извивающемуся по земли, въ нощи имущему два ока огненныя, адское шипѣніе и презѣльный свистъ.—Слава тебѣ, Господи, хоть я избавился отъ этого искушенія и самъ себя не осквернилъ!... воскликнулъ слѣпой рассказчикъ. Такія мудрости выдумали, продолжалъ онъ, что ужасно и помыслить! Опутали всю землю желѣзной проволокой и давай разговаривать на сотни верстъ, вѣдь и прозвали то басурмане не по нашенски.... мудрено какъ-то, никакъ не припомню. А кто тамъ дѣйствуетъ? Извѣстно—нечистый! Случись, къ примѣру, гроза, у нихъ дьяволъ служить-то и отказывается, пардону, значить, просить, боится, вишь, пророка Ілліи, а этотъ угодникъ, всѣмъ извѣстно, имъ потачки не даетъ, онъ часто ихъ столбы въ щепочки превращаетъ и осколки по сторонамъ разбрасываетъ, то-то, я думаю, въ то время дрожить со страху нечистая тварь. Я хоша глазами

¹⁾ „Миссіонер. Обзор.“, Сентябрь 274—290.

и не вижу, а слышу очинно даже хорошо: проходишь иногда мимо этихъ столбовъ, то, такъ точно плачетъ кто-то или какъ будто волкъ воетъ—право! Я думаю, что бѣсамъ скучно заниматься эфтимъ рукоесломъ, вотъ они и воютъ съ тоски то благимъ матомъ.... Мнѣ одинъ знакомый человѣкъ ска- зывалъ, что будто-бы въ Римѣ даже богатые люди читаютъ исповѣдь по проволоку, а попъ ихъ, что и говорить, извѣст- но папешскій, скажетъ: „Богъ проститъ!“ Да что объ латы- няхъ толковать! А вотъ я долго собирался самолично ис- пытать силу бѣсовскую и какъ-то разъ нарочито поѣхалъ въ городъ съ меньшимъ братишкой Митронькой,—одному мнѣ слѣпому, сами знаете, не только въ городъ ходить, но и въ деревнѣ неудобно, какъ разъ гдѣ-нибудь объ этотъ же вра- жескій столбъ голову разобьешь, или еще, того хуже, за- блудишься. Оставили мы лошадку на постояломъ дворѣ, а сами отправились на эту станцію.... запомнать, какъ на- зывается... знаю только, что какъ будто похоже на „ерети- чество“ (т. е. электричество); да и впрямь еретичество; пра- вославный человѣкъ нешто согласится дружбу съ бѣсомъ имѣть. Пришли это мы съ братомъ къ этому дому, гдѣ схо- дятся всѣ проволоки въ одно мѣсто, которыя держитъ діа- волъ, сжавъ въ кучу, въ своихъ лапахъ, поднялись по лѣ- стницѣ во второй этажъ. Тамъ встрѣтилъ насъ дежурный, изъ отставныхъ солдатъ, бранобривецъ, изъ устъ его исхо- дить дымъ смердящъ; онъ постоянно тутъ находится, од- ному черту, вишь, нельзя довѣрить, какъ разъ переверетъ— пакостникъ. Поклонился я ему и говорю: такъ и такъ, молъ, ваше почтеніе, Воскресну бы молитву прочитатъ! Какъ-то онъ окаанный передастъ ее?

— Каку-таку молитву? (извѣстно басурманинъ, этотъ дежурный! Гдѣ же ему знать Воскресну молитву?) Какой такой окаанный? Куда передастъ? Допрашивалъ меня этотъ слуга бѣсовскій, чтобъ ему пусто было. Я какъ могъ объ- яснилъ ему, затѣмъ я пріѣхалъ въ городъ и что мнѣ ис- пытать бѣсовскую силу надобно.

— Александра Васильевна! Александра Васильевна! кри- чалъ онъ изъ всей силы, потомъ какъ захохочетъ, да какъ заржетъ, словно помѣшанный. На этотъ шумъ изъ другой комнаты вышла и Александра Васильевна, странно какъ-то одѣтая! Митронька мнѣ потомъ рассказывалъ: волосы у ней,

говорить, были собраны на макушкѣ, въ одну такую „кулбышку“, при этомъ онъ приложилъ кулакъ къ затылку, показывая, какъ велика была „кулбышка“ у Александры Васильевны и съ такимъ большущимъ „курдюкомъ“ (турнюръ), — развелъ руками слѣпой неопредѣленное пространство величину „курдюка“. Онъ хохоталъ и рассказывалъ ей мою просьбу, а она.... бѣсъ ее знаетъ! Выслушала его, да давай-ка пуще его хохотать! Такой то они сатанинскій хохоть подняли, что хоть святыхъ вонъ понеси: онъ кричитъ изъ всей мочи, да царапаетъ брюхо „хо-хо-хо“! А она визжитъ „хи-хи-хи“! Мнѣ даже жутко стало, вотъ я и думаю, какъ дьяволь-то ихъ настроилъ! Я—грѣшный человѣкъ подумалъ, чтобы и съ нами по силѣ вражеской того не случилось, перекрестились мы такъ съ братомъ, да давай Богъ ноги. Мы были уже на лѣстницѣ; тотъ же стрикулистъ, отворивъ дверь, кричалъ: „Да идите же, черти, ужъ такъ и быть передадимъ и „Воскресную молитву“. Услышали мы это, что онъ зоветъ чертей, ужаснулись пуще прежняго, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не увидѣть ихъ лицомъ къ лицу и чуть не бѣгомъ, не обращая очи вспять, пустились бѣжать отъ этого чародѣйнаго дома.

Пришли мы на постоялый дворъ, ничего ужъ тамъ не сказали, что съ нами случилось и какихъ мы тамъ страховъ натерпѣлись. Хозяинъ постоялаго двора предложилъ намъ напиться чаю, слѣпой при этомъ улыбнулся. Вотъ тоже соблазнъ, началъ онъ, нешто это было прежде, ну, гдѣ такую посудину найдешь, чтобы по краямъ вода была, а въ серединѣ огонь? Одно слово: антихристова утроба, эфтогъ самый самоваръ! Тоже одно помраченіе православнымъ христіанамъ. Возьми въ примѣръ чай: трава какъ трава, а растеть у идолопоклонниковъ, а ужъ если здѣсь не растеть, значитъ, Богу не угодно, чтобы мы ее употребляли, а китайцы—что? Поганный народъ! Тамъ покроятъ ее ихніе то идольскіе жрецы змѣинымъ жиромъ, да и отправляютъ по всему свѣту: кушайте, дескать, очинно освѣжительный напитокъ! Отъ того то онъ и черный такой, что всѣ пакости надъ нимъ продѣлаютъ нехристи. Хитрый вѣдь антихристъ-то! Не тѣмъ, такъ другимъ, а надо проклятому осквернить человѣка, и выходитъ такъ: нажрался если идоложертвеннаго—пропащій человѣкъ! Правду въ нашихъ цвѣтникахъ

написано: „аще кто пьетъ чай, тотъ отчаялся Христа Бога, трижды проклятъ!! А аще кто пьетъ кофей, въ томъ чело-вѣцѣ ковь и лукавство,—десять разъ проклятъ“!!

Я замѣтилъ, что вокругъ насъ собралось довольно много слушателей: всѣ они стояли въ глубокомъ молчаніи, и лишь изрѣдка покачивали головами въ знакъ согласія слѣпому рассказчику и по временамъ изъ ихъ старческихъ грудей слышались тяжелые вздохи, должно быть о неминуемой гибели рода человѣческаго, которую готовить антихристъ въ видѣ паровозовъ, телефоновъ, самоваровъ, чаю, сахару и другихъ не менѣе вредныхъ для души „средствій“.

Разъ я пошелъ на базаръ, продолжалъ слѣпой, дай, думаю, куплю мѣдный чайникъ, все же когда въ праздникъ побалуемся малинкой, али смородинкой, али тамъ травкой какой. Пришелъ въ лавку да за два цѣлковыхъ и купилъ чайникъ, и только на „фатерѣ“ наши бабы разглядѣли, что я купилъ не чайникъ, а тайную ловушку! Рожокъ то у него оказался сдѣланнымъ на подобіе змѣинаго рыльца. Вотъ оно что: не пьешь изъ антихристовой утробы, не употребляешь травы идоложертвенной, окропленной змѣинымъ жиромъ, такъ на-же вотъ пей свою хоть собственную со своего покоса траву изъ чайника, у котораго рожокъ со змѣиной головой, а поймать человѣка надо въ свои сѣти. Охъ, Господи, прости насъ грѣшныхъ! Нечего дѣлать,—пошелъ я обратно въ лавку.—Перемѣни, говорю, чайникъ, господинъ честной!

— А чѣмъ этотъ не чайникъ?—спросилъ онъ меня.

— А вотъ, говорю, рыльце-то у него незаконно сдѣлано.

— Какъ такъ незаконно?—усмѣхнулся онъ.

— Ладно, поищу, говоритъ, для тебя чудака съ законнымъ рыльцемъ. Чудакомъ даже назвалъ за правду-то. Ужъ онъ искалъ, искалъ, перебралъ всю посуду, а съ „обнаковеннымъ“ рожкомъ не нашелъ, всѣ, должно быть, чайники не безъ антихристовой хитрости дѣлаются.

— Такъ не возьмешь? говоритъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ, не возьму.

— Да ты пойми, говоритъ онъ мнѣ, вѣдь изъ этого рожка удобнѣе наливать.

Я не сталъ его и слушать, а отъ чайника наотрѣзъ от-

казался; не надо, говорю, и баста! Онъ швырнулъ мнѣ деньги обратно, да и говоритъ:

— Я еще давеча тебя замѣтилъ, что ты изъ раскольниковъ, вишь шапка-то на тебѣ четырехугольная кучерская, видать тебя по покрою, что ты принадлежишь къ тѣмъ, которые во всемъ видятъ обманъ да печать антихристову.—Знаю я васъ.

— У насъ и шапка не проста носится, сказалъ я ему. У вашихъ кучеровъ она кучерская шапка и только, а у нашей шапки четыре угла являютъ четырехъ евангелистовъ, а околышъ—землю, по которой они проповѣдывали Евангеліе. У насъ и шапка святая, вотъ что, голубчикъ мой!

— Ну, мели, Емеля, твоя недѣля! засмѣялся купецъ и закурилъ папиросу. Я, чтобы не нанюхаться этого проклятаго смраду, вышелъ изъ лавки.

Пока слѣпой послушникъ рассказывалъ намъ, въ это время о. Досиеей отсутствовалъ, да оно и понятно: они были соперниками въ скиту по части всевозможныхъ разсужденій, и слѣпой ему во многомъ не уступалъ, а по этому они, имѣя одинаковый успѣхъ по своей профессіи, одинъ другого, какъ рыбакъ рыбака на плесѣ, ненавидѣли.

— Оскудѣла вѣра въ народѣ, что и говоритъ! Во времена Іоанна Богослова Симонъ волхвъ поднимался на воздухъ и удивлялъ весь народъ своимъ чародѣйствомъ, но молитвами апостола сверзился таки съ высоты, окаянный, и нонѣ, говорятъ, всѣ летаютъ на шарахъ, а вѣрують будто бы во Христа. Страшно и подумать, какая сила тутъ дѣйствуетъ... Для нонѣшняго народа ничто не страшно. Вотъ тоже придумали ружья-то какія! Тикъ-такъ! И пошла душенька въ муку вѣчную, а какъ „ослобониться“...

— Отецъ Паисій! сказалъ неожиданно вошедшій о. Досиеей, цотрапезовать надо, на столѣ уже все готово, да и гостей отпустить во-свояси съ миромъ. Ларіона не переслушаешь! Мало ли чего на бѣломъ свѣтѣ не бываетъ! Это и безъ него каждый знаетъ! Тоже нашелся проповѣдникъ безграмотный, поучиться еще самому надо, не безъ злобы проговорилъ послѣднія слова о. Досиеей. Слѣпой повелъ въ ту сторону своими бѣльмами, откуда онъ слышалъ голосъ о. Досиеея. Ноздри его широко раздулись и видно было, что въ немъ бушевало оскорбленное самолюбіе; но онъ удержалъ

жался и ничего не сказалъ; только руки его нервно дрожали и перебирали ступеньки лѣстовки съ такимъ ожесточеніемъ и быстротой, что она бѣдная такъ и трещала въ его сильныхъ рукахъ. Всѣ отошли отъ слѣпного рассказчика и встали въ ожиданіи, пока поправится о. игумень.

Передъ обѣдомъ всей братіей была прочитана молитва Господняя „Отче нашъ“, послѣ которой всѣ усѣлись за столъ согласно возрасту и чину. Во время трапезы тотъ же молодой монахъ, который за ужиномъ показывалъ мнѣ иконы, читалъ изъ пролога житія св. отцевъ. По окончаніи обѣда, всѣ монахи пропѣли на гласъ шестой „Достойно есть“ и опять усердно помолились за своихъ „христіанцевъ“ жертвователей.

Терентій мой, сытно пообѣдавши, прочиталъ на дорогу „прощеніе“ и опять началъ раскланиваться „со игуменомъ и всей яже о Христѣ братією“, при этомъ каждого цѣловалъ въ плечо, говоря: „Христось посреди насъ, отче!“

— Смотри, Терентій, не блазнись въ вѣрѣ, напутствовалъ его о. Паисій, не смотри на тлѣнный міръ и живущихъ въ немъ, не ѣшь, не пей и дружбы не води съ никоніанами, и къ австрійскимъ попамъ ходи слушать службу не даю тебѣ благословенія. Австрійскіе попы, что они такое? Самозванцы и больше ничего! Правду про австрійскихъ поповъ пишетъ преподобный отецъ нашъ Максимъ Грекъ:¹⁾ „Пропѣтеть Австрія, аки бѣлая берлина, и проѣдетъ по всей Россіи на седьмиглавомъ змѣѣ“.—Такъ-то! Мало ли они соблазнили нашего темнаго народа! Ну, Богъ благословитъ, ступай со Христомъ! Авось когда-нибудь еще къ намъ пожалуешь, а теперь тебѣ не „слободно“, проговорилъ о. Паисій.

Когда мы вышли изъ келіи уже совсѣмъ готовые къ отъѣзду, вся братія, точно рой пчелъ (ихъ было до 30 человекъ), вышли провожать насъ. О. Паисій былъ такъ любезенъ, что даже далъ намъ проводника, одного молодого послушника Алексѣя, который хорошо зналъ мѣстность и обѣщалъ провести насъ въ нашу кочевку гораздо прямѣе и миновать грязи въ осиновои рощѣ. Простившись съ радушными и гостепріимными скитниками, мы сѣли на своихъ лошадей и, напутствуемые всякими доброжеланіями, тронулись въ путь.

¹⁾ У препод. Максима и въ мысли не было писать въ своихъ твореніяхъ про бѣлую берлину и седьмиглаваго змѣя.

Проводникъ нашъ былъ красивый паренъ лѣтъ двадцати, съ едва пробивающейся растительностію на верхней губѣ.

— Хорошо ли тебѣ, Алексѣй, живется у старцевъ? спросилъ я его.

— Хорошо, очинно хорошо! Всего въ волю, кормятъ сытно, только мяса—ужъ не прогнѣвайся—нѣтъ. Когда я пришелъ сюда въ келію, у меня, какъ есть, ничего не было, а теперь, слава Богу, все есть; на-дняхъ я даже часы карманные купилъ. Иногда поѣзживаю въ деревню къ знакомымъ христіанамъ, тамъ есть мясо, самоваръ и баня.

— А къ матушкамъ часто бываешь? спросилъ я его.

— Кажинный день! отвѣчалъ онъ. У нихъ, знаете ли, тамъ коровы содержатся,—такъ за молокомъ все меня „отцы“ и посылаютъ.

— А молодая старицы тоже есть? полюбопытствовалъ я.

— Какъ же! Къ старымъ-то [я бы и ѣздить не сталъ. Недавно одна изъ Златоуста пріѣхала, еще не „накрытая“ (накрытыми они называютъ тѣхъ, кто принять монашество). Ухъ, какая важная! Этой мѣсто бы и не здѣсь.

— Чѣмъ же она важная? спросилъ я его.

— Да что и говорить! Одно слово—всѣмъ: лицомъ, рѣчью и поступью—одно искушенье! Читать, пѣть, вышивать—да все мастерица!

— Старая она или нѣтъ?

— Какое старая! Всего восемнадцати лѣтъ! вскричалъ возбужденный Алексѣй.

Терентій все время ѣхалъ молча, понутивъ голову, а Алексѣй, какъ нарочно, не унимался: онъ рассказывалъ о жизни своей, о жизни своихъ монаховъ и монахинъ и путемъ простодушной болтовни открывалъ мнѣ неказистую скитскую жизнь.

Вдругъ Алексѣй ни съ того, ни съ сего расхохотался: ха-ха-ха!

— Да вотъ какая штука, началъ онъ, нынѣ лѣтомъ, мы ходили за женскую обитель по грибы; насъ было пять чело-вѣкъ. Былъ съ нами и о. Гавріилъ—этотъ святоша, видѣли, который читалъ во время ужина и обѣда.

Походили мы этакъ нѣсколько времени, я уже наломалъ плѣвую корзину и собрался идти домой. Зову съ собой о. Гавріила.

— „Нѣтъ, говорить, я еще пойду бѣлыхъ поищу“... и, укатилъ отъ меня. Я пошелъ домой. Подхожу это я къ ложбинѣ и гляжу, а на другомъ-то бережкѣ, на колодинкѣ, сидятъ о. Гавріилъ съ матушкой Серафимой...

— Будетъ молоть-то, Алексѣй, грубо перебилъ его Терентій, только понапрасну языкъ чешешь, да Михайла Максимыча въ соблазнъ вводишь!—Право! На Алексѣя эти слова подѣйствовали отрезвляюще, и онъ сразу умолкъ, вполне сознавая, что слишкомъ далеко зашелъ, разговаривая съ мірскимъ человѣкомъ, да къ тому же и съ „никоньяниномъ“. Остальное время мы ѣхали молча. Не доѣзжая съ версту до нашей кочевки, мы увидѣли трехъ всадниковъ, ѣхавшихъ намъ на встрѣчу.

— Это... никакъ опять урядникъ ѣдетъ съ кѣмъ-то! съ съ тревогой въ голосѣ сказалъ Алексѣй.

— Онъ, должно быть, частенько посѣщаетъ вашу обитель?

— Нѣтъ, онъ ѣздитъ-то хоть рѣдко, да мѣтко, загадочно промолвилъ Алексѣй. — Безъ оказіи не уѣдетъ; отъ него каждому достанется, а что ты съ нимъ подѣлаешь? Потому власть...

Не даромъ же скитники его не любили, думалъ я. Такой почтенный старецъ, какъ о. Паисій, вѣроятно, вслѣдствіе сильнѣйшей къ нему ненависти, обозвалъ его вертлявымъ, непутнымъ и слугою антихристовымъ.

Поровнявшись съ нами, урядникъ остановилъ свою лошадь.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, приподнимая фуражку.

Здравствуйте! отвѣчалъ я.

Въ это время Алексѣй, снявъ шапку, подобострастно поклонился уряднику.

— Въ богоспасаемую обитель изволили съѣздить? Очень хорошо! говорилъ онъ. Насмотрѣлись на новые типы душевно-больныхъ? Да! это очень поучительно! А познакомились ли вы съ о. Досіеемъ, этимъ оригинальнымъ профессоромъ своеобразныхъ старообрядческихъ наукъ? Этотъ человѣкъ, знаете ли, и между старовѣрами рѣдкій экземпляръ! Онъ и по русски-то говоритъ очень рѣдко, а все больше по церковно-славянски въ „смятку съ русскимъ“.

Онъ не скажетъ: „сидите на стулѣ“, а „сяди на сѣда-

лице“. Чудакъ! Правда, ихъ тамъ много такихъ чудаковъ... всѣхъ не перечтешь. Въ особенности интересно и очень поучительно для такого молодого человѣка, какъ вы, побывать у „преподобныхъ матушекъ“, въ этомъ вертоградѣ чистоты и невинности, смѣялся онъ, и при этомъ не безъ лукавства подмигнулъ Алексѣю.

— Мнѣ не пришлось, отвѣтилъ я.

— Очень, очень жаль. Да, ты что это, Алексѣй, Божій чело-вѣкъ, какой невеселый, да неразговорчивый сегодня? на-смѣшливо спросилъ его урядникъ. Мнѣ кажется, это не въ твоёмъ характерѣ. Ужъ не случилось ли чего недобраго? А эта... какъ бишь ее... изъ Оренбурга-то, здравствуетъ? на-зойливо допрашивалъ его неугомонный урядникъ.

— Какая изъ Оренбурга? какъ бы нехотя, спросилъ Алексѣй.

— Да помнишь, когда мы съ тобой вмѣстѣ были у ста-рицы, она еще тогда „стихи“ пѣла вмѣстѣ съ прочими дѣ-вицами, краше всѣхъ она была, сколько ихъ тамъ есть.

— Она изъ Златоуста, сказалъ Алексѣй, догадавшись, о комъ спрашивалъ урядникъ и потупилъ глаза въ землю.

— Виновать! Я самъ перепуталъ.—Такъ, значитъ, все обстоитъ благополучно?

— Да что имъ сдѣлается! Живутъ, молятся и больше ничего, сухо сказалъ Алексѣй, видимо не желая продолжать щекотливаго для него разговора.

— Ну, слава Богу, промолвилъ урядникъ, едва сдерживая смѣхъ, знавшій, вѣроятно, отъ того же Алексѣя всю подноготную скитской внутренней жизни.

— А вы куда же это поѣхали да еще и съ сотскими? перебилъ я непріятный для всѣхъ насъ, кромѣ урядника и его свиты, разговоръ.

— Да просто что-то соскучился и поѣхалъ посѣтить „матушекъ“, такъ какъ лѣтній путь скоро испортится, а по-этому я заблаговременно и собрался къ нимъ съѣздить, схитрилъ урядникъ, не желая посвящать насъ въ свои тай-ны. Бывали и такіе случаи, вновь началъ онъ: прошлаго года становой приставъ командировалъ меня съ цѣлью произвести въ здѣшнемъ женскомъ скиту обыскъ. Въ одной деревнѣ недалеко отсюда, знаете ли, жена отъ мужа „стре-кача задала“. Мужъ ея, когда они жили вмѣстѣ, хотя и

поколачивалъ ее по праву сильнаго, но послѣ ея исчезновенія пришелъ въ отчаяніе: домъ, хозяйство и все прочее безъ жены пошло въ раззореніе, а поэтому онъ во что бы то ни стало непременно желалъ отыскать бѣглянку. О. же Паисій и матушка Манефа, въ большинствѣ случаевъ, очень охотно принимаютъ такихъ женщинъ, которымъ нѣтъ счастья въ узахъ „Гименея“. Женщины, убѣжавшія отъ мужей, проживаютъ подѣ строжайшей тайной въ обители матушки Манефы и, какъ всегда бываетъ, переходятъ въ расколъ, а въ послѣдствіи нерѣдко принимаютъ и монашество. Мнѣ удалось-таки отыскать ее въ одной изъ келій; она сидѣла въ углу за занавѣской и вязала чулокъ. Увидѣвъ меня, она струсила такъ, что у ней и работа выпала изъ рукъ.

— Гдѣ у тебя паспортъ?—строго спросилъ я ее.

Почерпнувшая уже раскольнической цивилизаціи и наученная старицами заранѣе, она смиренно отвѣчала:

— Не имамы пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ, а „пачпортъ“ мой хранится въ вышнемъ „Ерусалимѣ“, въ небесной „канцерали“, въ Сіонскомъ „фарталѣ“.

Я невольно расхохотался надъ бабой, какъ ее въ какіе-нибудь два-три мѣсяца „матушки“ успѣли выдрессировать, что она узнала кварталъ и канцелярію въ вышнемъ, Іерусалимѣ, гдѣ хранится ея паспортъ. За ея излишнюю болтовню я погрозилъ ей кутузкой, и она послѣ такого аргумента безпрекословно послѣдовала за мной.

Когда я привезъ ее къ приставу, мужъ ея уже дожидался насъ, и когда онъ увидѣлъ свою жену въ странномъ монашескомъ нарядѣ, то отъ удивленія не могъ вымолвить ни слова, а только хлопалъ глазами, смотря на жену. Наконецъ онъ промолвилъ:

— Акулина! Неужто-жъ это ты?—и подвинулся къ ней, но она строго взглянувъ на него, сказала:

— Не прикасайся ко мнѣ своими погаными лапищами! Я теперь чистая!

— Я-те вычищу, когда пріѣдемъ домой!—дико сверкнувъ глазами, вскричалъ мужъ.—Я-те выбью всю „кержатскую“ пыль!“ Вишь, „братецъ“ ты мой, наплась какая пустыница—безстыдница! Погоди, родная!—скрежеталъ зубами расходившійся мужикъ.

— Мало ли чего раньше не бывало...—перебивая урядника, сказалъ Алексѣй.

— погоди, не мѣшай!—строго остановилъ его урядникъ и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— Повѣрьте мнѣ, никакъ нельзя довѣрять этимъ „отчинькамъ“ и „матушкамъ“, у нихъ ужъ такая манія покровительствовать униженнымъ и оскорбленнымъ, жаль только, что эта благотворительность и всеобщая любовь, проявляемая ими въ большинствѣ случаевъ не безъ задней мысли, т. е. корыстолюбія, хотя бы и въ очень дальней перспективѣ. Честное слово!—серьезно промолвилъ урядникъ.—А ты вотъ что, человѣкъ Божій въ волчьей кожѣ,—обратился онъ къ Алексѣю,—какъ проводишь до стада Михаила Максимовича и сію же минуту являйся сюда. Мы тебя здѣсь подождемъ. Тебѣ нельзя довѣрять, ты стороной успѣешь насъ обогнать и заранѣе своимъ „матушкамъ“ отрапортуешь о нашествіи иноплеменниковъ, т. е. меня съ сотскими, а потому ты долженъ ѣхать вмѣстѣ съ нами, чтобы пріѣхать къ нимъ внезапно, или какъ говорить вашъ о. Досиѣей: „аки тать въ нощи“; понялъ?

— Какъ не понять, понялъ,—отвѣчалъ Алексѣй, почесывая въ затылкѣ.

Распростившись съ словоохотливымъ и шустрымъ урядникомъ, мы поѣхали къ стаду, а урядникъ съ сотскими начали слѣзать съ лошадей, чтобы дожидаться тутъ же, на мѣстѣ нашей встрѣчи, Алексѣя.

Макарій Огибинъ.

Автобіографія и краткая исповѣдь бѣгло- поповца ¹⁾.

Проживая въ Оренбургѣ, я познакомился въ первый разъ въ жизни съ австрійщиной, бывалъ въ моленной у нихъ, читалъ и пѣлъ съ ними, но не молился; старики приглашали меня присоединиться. Нашли уже и невѣсту, обѣщали мѣсто діакона при своей моленной. Это было зимой 1881 года. Мнѣ льстило родство по невѣстѣ съ богатыми купцами Бѣляевыми, а также и діаконство. Не усвоивъ же разницы между своей и ихъ вѣрой, я не рѣшался, боясь попасть въ ересь. Поэтому я просилъ ихъ объяснить, каковую мы имѣемъ разницу между собою. Мнѣ отвѣчали, что безъ епископа церкви быть не можетъ. А у васъ епископъ есть?—говорю имъ. Есть,—отвѣчаютъ. Если хочешь, мы тебя сегодня же представимъ нашему владыкѣ!.. Какъ сейчасъ помню высокаго уральца съ большой благообразной бородой, съ тихимъ, едва слышнымъ разговоромъ,—лжевладыку Виктора, который пожелалъ моего скорого соединенія съ ними и будущаго семейнаго счастья..., сказавъ въ заключеніе, что у нихъ въ епархіи письменныхъ мало, а наипаче крюковщиковъ скудно, поэтому онъ охотно дастъ мнѣ хорошее мѣсто. Въ полемику вступить онъ отказался, жалуясь на нездоровье. По дорогѣ отъ владыки, провожавшіе меня старики обзывали меня дуракомъ за то, что я и благословенія не попросилъ отъ святаго владыки, такъ милостиво принявшаго меня: «право, дуракъ! да ты свое счастье отъ себя отбиваешь, а еще донецъ?!» Такъ и иначе упрекали меня во всю дорогу вплоть до базарной площади. Отставъ отъ провожавшихъ, я началъ бродить по базару: мое вниманіе привлекъ чело­вѣкъ, сидящій на базарѣ, предъ нимъ 3—4 книжонки старыя, которыя онъ продавалъ. Слово за слово и

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“, октябрь 1901 г., стр. 426.

мой новый знакомый пригласилъ меня къ себѣ на квартиру пить чай. Я этому былъ радъ; познакомившись, я узналъ, что его зовутъ Иларіономъ Іудичемъ (фамиліи не помню). Онъ былъ старообрядецъ, но недавно присоединился къ св. Церкви. Показывалъ мнѣ свои бесѣды и прошеніе на имя преосвященнаго (кажется, Ваніамина), прося мѣста діакона въ церкви въ мѣстности Форштатъ. Онъ познакомилъ меня съ регентомъ любительскаго соборнаго хора. И я былъ приглашенъ въ число любителей пѣнія держать 2-го тенора. Это было постомъ на 6-й недѣлѣ. Къ австрійщинѣ, послѣ знакомства съ Ларіономъ Іудичемъ, я сталъ питать явное нерасположеніе...

Скоро случай представился мнѣ поступить въ фотографію ученикомъ, и это я сдѣлалъ не безъ цѣли. Родители мои, а съ ними и всѣ старообрядцы нашего хутора говорили, что сниматься страшный грѣхъ, ибо тамъ дѣйствуетъ сатана. Когда я самъ снимался, то примѣчалъ, какъ фотографъ накрывалъ себя платкомъ и въ темнотѣ что-то дѣлалъ. Все это порождало во мнѣ любопытство и подозрѣніе, и я, конечно, допускалъ, что снимаютъ карточки съ помощію нечистой силы. Поэтому я охотно поступилъ въ ученики. Хозяинъ мой литвинъ-шляхтичъ, Гавр. Клим. Ціолкевичъ, почему-то увидѣлъ во мнѣ изгнаннаго студента, относился ко мнѣ не какъ къ ученику, а какъ къ товарищу; за мою аккуратность и исполнительность онъ меня полюбилъ. Благодаря такой дружбѣ хозяина, я скоро узналъ всѣ предполагаемыя мною сатанинскія мудрости: ознакомился съ химіей, растворомъ солей для фотографіи, съ дѣйствіемъ свѣта и оптикой; моя группировка особенно хорошо выходила на портретахъ. Ціолкевичъ, увидѣвъ мою способность, предложилъ мнѣ по осени ѣхать въ Литву; тамъ онъ фотографію поручить мнѣ, а самъ будетъ жить въ своемъ имѣніи; я, конечно, обрадовался, что чрезъ полгода буду фотографомъ. Былъ май мѣсяцъ. Желая подѣлиться моею радостію, я написалъ обо всемъ подробно моему другу иконописцу Максиму Ивановичу Исакову, въ г. Боровскѣ Калуж. губ. (онъ уже не жилъ у Мухина). Но Исаковъ присылаетъ мнѣ письмо съ 25 р. и напоминаетъ мнѣ о данной клятвѣ жить вмѣстѣ, причемъ описываетъ въ яркихъ краскахъ еретичество поляковъ, упрекаетъ, что я забылъ Бога, ополчился, просить бросить все и ѣхать къ нему. Горько, до-

сочно было, но я былъ не въ состояніи измѣнить клятвѣ, о которой было уже и забытъ...

Я оставилъ фотографію и уѣхалъ въ Боровскъ. Въ Боровскѣ, послѣ привольной и легкой фотографской жизни, мнѣ было очень трудно съ утра до вечера писать иконы, но дѣлать, нечего: вернуть то, что потерялъ, уже было невозможно. По открытіи всероссійской выставки въ 1882 г. мы съ Исаковымъ отправились въ Москву лицезрѣть русскія искусства. 29-го августа близъ Спасскихъ воротъ, у купца Я. Ѳ. Ѳедорова, мы молились; я читалъ поученіе о злыхъ женахъ: „унѣ есть желѣзо варити, неже злую жену учити“ и о скверной плясавицѣ Иродіадѣ. Послѣ часовъ мы были приглашены за хозяйскій столъ, за которымъ Яковъ Ѳедоровичъ спрашивалъ меня, кто я и откуда, и тутъ же предложилъ мнѣ послужить у нихъ съ бѣглымъ попомъ Петромъ 2-мъ Ремизовымъ, пока они приищутъ подходящаго дьячка; я согласился. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мы съ попомъ поѣхали въ с. Погорѣлое соборовать купца Ведерникова, чѣмъ я заработалъ, болѣе 100 р. въ какіе-нибудь 3 — 4 дня. Съ этого-то момента, когда мною овладѣлъ бѣсъ тщеславія и честолюбія, я началъ свою жалкую, полную тревоженій и превратностей жизнь въ качествѣ агента, дьячка и представителя отъ московскихъ попечителей. За время съ 1882 по 1892 г. мнѣ пришлось послужить въ Москвѣ съ попами: Петромъ 1-мъ Щепетовымъ, Петромъ 2-мъ Ремизовымъ, Петромъ 3-мъ Смирновымъ, о. Ѳеодоромъ, провожалъ границу, въ г. Тульчу, о. Александра вдоваго, въ Иркутскъ о. Алексія вдоваго—старичка, въ Донскую область, на Медвѣдицу, о. Дмитрія старика и пр., о нихъ буду писать впослѣдствіи...

Служба моя была тяжела и рискованна, но зато доходна и почетна. Мнѣ, какъ молодому человѣку, нравилось изобращать изъ себя довѣреннаго московскихъ попечителей и рѣшать дѣла духовныя по своему усмотрѣнію. Въ теченіе двухъ лѣтъ моей службы я побывалъ въ Терской области у гребенскихъ казаковъ на Терекѣ, гдѣ накоплялось духовныхъ потребъ очень много: крестинъ до 600, браковъ до 200, погребеній до 200 и болѣе. Почти столько же требъ бывало и въ Донской области, которую мы посѣщали раза 2 въ годъ. Потомъ бывали въ Курской губ..

въ первый разъ покрестили болѣе 1000 чел., браковъ болѣе 600, тоже и погребеній; въ городѣ Рыльскѣ Курской губ. гдѣ бывали ежегодно. Бывали также въ Тулѣ и Калужской губ., въ городѣ Ржевѣ Тверской губ., городѣ Гжатскѣ Смоленской губ., въ городахъ Ростовѣ и Романово-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губ.; въ губерніяхъ: Рязанской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Тамбовской, Воронежской, въ Хворостани, и въ другихъ, гдѣ преимущественно совершалось крещеніе и бракосочетаніе, какъ необходимыя нужды, погребеніе же часто брали съ собой и отпѣвали въ Москвѣ человекъ по 100 и 150 въ одинъ разъ. Плата за требы почти вездѣ одинакова: за крещеніе 1 р., погребеніе 1 р., малое 50 к., бракъ отъ 3 р. до 10 р., сорокоусть (40 обѣдѣнь) 400 р. и 600 р., одна обѣдня 10 и 15 р. Отсюда можно судить, каковы были наши доходы? Здѣсь-то я уже далъ волю моей любознательности. Завелъ знакомство съ бѣдными студентами, часто проводилъ съ ними вечера. Помогалъ на книги и другія необходимыя студенческія нужды. Бывалъ на лекціяхъ, и часто просиживали у меня на квартирѣ чуть ли не по цѣлой ноци; разговоры шли болѣе о томъ, что изучали студенты, и кому что болѣе нравилось. О религіи же очень рѣдко заговаривали и то не съ охотой. Одинъ только студентъ медицинскаго факультета, уроженецъ Терской области, былъ видимо религіозенъ, онъ чаще другихъ бывалъ у меня; и я болѣе другихъ къ нему расположенъ былъ. Когда товарищи совѣтовали познакомиться мнѣ съ сочиненіями Дарвина и другихъ заграничныхъ писакъ, онъ наединѣ не совѣтовалъ мнѣ увлекаться естествоиспытателями, совѣтовалъ пріобрѣсти книгу „Простая рѣчь о мудренныхъ вещахъ“ (Погодина), въ которой весьма ясно изобличаются индифферентизмъ и атеизмъ, совѣтовалъ и другихъ чисто-русскихъ писателей прочитывать. За это я и по сіе время искренно ему благодаренъ. Въ 1888 г. я состоялъ въ добровольной охранѣ Государя Императора Александра III при коронованіи. Вскорѣ за симъ состоялся Всероссійскій миссіонерскій съѣздъ; я не упустилъ случая. бывать тамъ почти ежедневно: мнѣ нужно было знать цѣль миссіонеровъ, а такъ же необходимымъ считалъ знать лично миссіонеровъ тѣхъ областей, которыя мы часто посѣщаемъ, чтобы при случаѣ удобнѣе ускользнуть отъ преслѣдованія; здѣсь вторично я увидѣлъ, но уже председа-

тельствующимъ въ сѣздѣ, незабвеннаго о. Павла. Хотя и стремилась душа моя поговорить съ нимъ, но я почелъ за лучшее соблюсти до конца инкогнито и тѣмъ сохранить въ цѣлости свои интересы, что мнѣ и удалось исполнѣ. Послѣ сѣзда, къ осени, я побывалъ въ келліи о. Павла. Когда напомнилъ ему, что я съ нимъ уже знакомъ и велъ рѣчь о крестномъ знаменіи на хуторѣ Пирожкѣ, Донской области, онъ какъ бы помолодѣлъ; пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, онъ сказалъ: „теперь все помню... Я, кажется, тогда общалъ тебѣ дать книжечку, а ты на другой день не явился. Ну, вотъ тебѣ обѣщанное“. Вручая мнѣ выписки Озерскаго, съ многочисленными закладочками, добавилъ: „это моя книга, съ которой я никогда не разлучался, но теперь скоро печатается 2-е изданіе этой книги, я себѣ возьму новую, а это тебѣ на память. Дай Господи, чтобы ты поскорѣе обратился съ раскаяніемъ къ своей родной матери, св. православной Церкви, а матеку оставилъ бы“. Съ тѣхъ поръ я часто бывалъ въ единовѣрческомъ монастырѣ и всегда съ печалію уходилъ нераскаяннымъ грѣшникомъ. Мнѣ жалко было разстаться съ моей ролью, какую я игралъ въ мірѣ бѣглопоповцевъ.

Въ Рогожской, въ домѣ Шумова, открылись тогда собесѣдованія со старообрядцами, которыхъ я любилъ посѣщать, но это мнѣ рѣдко удавалось: дѣла было очень много. А тутъ еще была забота объединить свои общества, враждующія между собой: такъ называемыя пунные, отдѣлившіеся отъ московскихъ за то, что москвичи дали подписку на Рогожскомъ кладбищѣ въ царствованіе императора Николая I-го „впредь не принимать бѣжавшихъ отъ Церкви поповъ“. Въ этой подпискѣ пуныки находили отступленіе отъ вѣры. Поэтому, когда въ Лужки привезли попа, исправленнаго въ Тулѣ отъ указаго попа Павла, то нѣкоторые ревнители потребовали исправить какъ попа, такъ и привезшихъ его. Большая часть не согласилась принять третій чинъ, начали молиться съ новымъ попомъ (кажется Георгіемъ) въ зеленой моленной; тогда возгордившіеся отдѣлились и стали собираться на молитву въ пуню (сарай); поэтому ихъ и прозвали пунными. Эта-то часть непокорныхъ образовалась въ Москвѣ, въ лицѣ С. А. Третьякова у Красныхъ воротъ. Ему мирволили: Боровскіе, Гуслицкіе, Егорьевскіе, и др. бѣгло-

поповцы. Вотъ я и хотѣлъ устроить миръ и союзъ партій враждующихъ между собой изъ за одного каприза. Въ это самое время попечитель И. В. Карасевъ не хотѣлъ принимать 2-го Петра, съ которымъ я служилъ, за то, что Петръ Ремизовъ бралъ билетъ изъ Консисторіи, удостовѣряющій его личность. А пунные въ свою очередь не хотѣли принимать о. Петра 1-го Щепетова за то, что Щепетовъ исправленъ о. Филиппомъ въ городѣ Саратовѣ, а Филиппъ рукоположенъ отъ епископа Ириней, уроженца Кіевской епархіи. Они находили, что Петръ Щепетовъ принять отъ обливанческой кіевской хиротоніи, а поэтому его и принимать не слѣдуетъ. Много мнѣ было хлопотъ и трудовъ, и денежной граты, чтобы сблизить эти партіи... Я хорошо понималъ: если въ Москвѣ примирятся, то о провинціи нечего и говорить. Въ 1885 г. осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, состоялся соборъ на Большой Српуховской улицѣ, за Москвой рѣкой, въ домѣ Ивана Петровича Прѣснякова, который продолжался два вечера. На соборѣ И. В. Карасевъ со слезами увѣрялъ, что очень большой грѣхъ брать билетъ изъ Консисторіи... но ему не повѣрили, а поставили на видъ, что желаютъ примириться только ради того, чтобы впредь священники были исправлены, а поэтому рѣшили: о. Петру 2-му Ремизову, какъ исправленному на Вѣткѣ отъ Лужковскаго о. Николая, прочесть 3-й чинъ о. Петру 1-му Щепетову. А затѣмъ онъ же прочесть и всему собранію. По чинопріятіи избрали попечителей: И. П. Прѣснякова и С. А. Третьякова къ о. Петру Ремизову, И. В. Карасева и Я. Ѳ. Ѳедорова къ Петру Щепетову. На семъ соборѣ уложили: австрійскую лжеіерархію признавать безблагодатною, самозванною. Таинства не принимать ни одного, кромѣ троекратнаго погруженія. Хотя многіе не довольны были подобной строгостью, за то пунные остались очень довольны. Кажется, все устроилось хорошо: дурное проклинали, хорошее благословили, только оставалось благодарить Бога да молиться. Нѣтъ, не тутъ-то было, это не въ обычаѣ у старообрядцевъ, у которыхъ религія сопряжена съ денежными выгодами и коммерческими расчетами.

Скоро полиція за безписьменность забрала о. Петра 1-го Щепетова, а чрезъ недолгое время взяли и о. Петра 2-го Ремезова въ г. Царицынѣ на Волгѣ. По обыкновенію пошли

сборы на выручку поповъ. По наведеннымъ мною справкамъ, собрано Карасевымъ болѣе 7000 руб., израсходовано же при личномъ моемъ участіи 300 р. и попечителемъ единолично 400 руб. Но вдругъ было объявлено, что оба священника отступили отъ вѣры, негодны. Я сталъ на сторону поповъ, оправдывалъ ихъ. Мнѣ жалко было, что такъ самопроизвольно поступаютъ съ пастырями; требовалъ христіанскаго суда надъ ними, на основаніи каноническихъ правилъ, подъ предсѣдательствомъ священниковъ двухъ или трехъ. А до сего суда я совѣтовалъ безъ сомнѣнія исправлять у нихъ нужды. За сіе усердіе я нажилъ себѣ сильныхъ враговъ въ лицѣ попечителей, кои разсылали письма и всячески ругали меня, что я вожу негожаго попа, отступника. Въ виду этихъ непріятностей я рѣшилъ уклониться отъ зла, предполагая, что попечители примирятся съ попами. На свободѣ мнѣ хотѣлось провѣрить себя, истиннымъ ли путемъ я иду? правду ли я защищаю? Самопроизвольность попечителей возмутила душу мою; припомнились мнѣ слова Писанія: „Гдѣ раздоры и несогласія, тамо нѣсть истины“. Знакомства у меня было на Рогожскомъ кладбищѣ много: попы, дьяконы и пѣвчіе. Такъ какъ и нашихъ покойниковъ хоронили тамъ же, то приходилось часто слышать укоризны отъ нихъ, что мы неправы, что у насъ нѣтъ епископа, что Церковь у насъ безглавая. Вотъ я и рѣшилъ теперь повидаться и поговорить съ австрійскими мудрецами. Бывшій нашъ прихожанинъ и товарищъ Егоръ Николаевичъ Оленевъ, съ великою радостію повелъ меня на алухтинку посмотрѣть архіерейское служеніе. Познакомилъ меня съ Савватіемъ, который мнѣ посовѣтывалъ присоединиться къ нимъ, какъ истиннымъ древлеправославнымъ архипастырямъ. Я просилъ указать мнѣ правило, по которому принятый митрополитъ Амвросій могъ однолично рукополагать епископовъ (я тогда допускалъ, что принять можно 2 чиномъ по 8 прав. 1-го всел. соб., хотя бы и патріарха), Савватій засуетился: „Ништо, ништо, я дамъ тебѣ книжечку, а ты хорошенько просмотри и, если что не догонишь, обратись къ секретарю нашему Клименту Аеиногеновичу Перетрухину, онъ съ тобой побесѣдуетъ, а я усталъ, надо отдохнуть.—Позволите еще когда придти, Владыко?!—“ „Ништо, ништо, тогда скажутъ, Богъ проститъ!..“ Книжечка, которую мнѣ далъ Савватій, озаглавлена такъ: „Краткая Исторія древлеправославной Россіи—

ской Церкви благочестиваго священства. Ясы 1878 г..“ Прочиталь я эту „книжечку“ и задумался. Приводимыя въ ней свидѣтельства были для меня неудовлетворительны. Ссылки на событія и святоподобія древней Христовой Церкви не оправдывали поступокъ Амвросія. При свиданіи моемъ, Перетрухинъ постарался меня увѣрить, что правила въ гонимое время примѣнимы быть не могутъ (нужды ради и закона премѣненіе бываетъ), поставилъ на видъ случай изъ событій древней Церкви, во времена гоненія аріанскаго: Евсевій епископъ Севастійскій, отъ изгнанія возвратився, въ Сиріи и Месопотаміи Церкви исправлялъ и епископовъ православныхъ поставлялъ. Этимъ онъ какъ бы оправдалъ поступокъ Амвросія. А такъ какъ врожденная приверженность къ обрядности и преданность къ бывшимъ страдальцамъ за вѣру всегда возбуждала во мнѣ состраданіе и уваженіе къ нимъ, то я скоро согласился съ доводами Перетрухина и, взявъ отъ него письмо, поѣхаль въ Богородскъ на фабрику къ Арсенію Ивановичу Морозову. Здѣсь я надѣялся увидать торжественность и стройность церковной службы, такъ какъ А. И. славился пѣвчими изъ фабричныхъ, которыми руководилъ регентъ. Пріѣхаль я подъ Вознесеніе, какъ разъ ко всенощному бдѣнію. Служилъ стриженный въ кружало попъ. Видимо, онъ недавно рукоположенъ, ибо уставщикъ обучалъ его за службой поворачиваться по солнцу для благословенія. Училъ и другіе приемы, потребныя попу, съ которыми онъ почти незнакомъ... Эта неуклюжесть и угловатость новоиспеченнаго пастыря до того мнѣ не понравилась, что я не чаялъ, когда окончатъ всеобщію... Желаніе мое въ знаменитой Морозовской моленной увидѣть при торжественной службѣ священника и діакона высшей дрессировки, служащихъ при сознаніи своего достоинства, не осуществилось, и это къ моему благополучію, иначе я остался бы тамъ. И Богъ вѣсть можетъ быть изъ, меня сдѣлался бы ярый защитникъ лжесловесности. Съ этого момента въ сердцѣ моемъ созрѣла мысль во чтобы то ни стало узнать и попытаться истины.

С. Шмаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

**Размышленія съѣтекаго человѣка при чтеніи
отвѣта гр. Толстого Св. Синоду.**

(Письмо въ редакцію).

„... Почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе“. „Я вѣрю въ Бога, котораго понимаю, какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего“. „Человѣкъ Христосъ“. „Вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его“.

Хотя приведенныя фразы и весь цитируемый документъ, принадлежащій перу гр. Толстого, направлены по адресу св. Синода, тѣмъ не менѣе эти фразы произвели на меня впечатлѣніе какъ бы непосредственно относящіяся и ко мнѣ. Впечатлѣніе это было на меня такъ значительно, что оно вызвало въ душѣ моей цѣлый рядъ сколько серьезныхъ, столько же и скорбныхъ думъ. И я чувствую инстинктивный нагонъ, потребность подѣлиться этими впечатлѣніями и размышленіями съ другими людьми.

Чтобы мнѣ не влѣзать въ чужую душу, я поведу рѣчь о самомъ себѣ.

Къ первому, закравшемуся въ меня еще на школьной скамѣ, религіозному сомнѣнію я отнесся очень трусливо и долго боялся съ кѣмъ бы то ни было подѣлиться, но любопытство превозмогло.

Мнѣ непремѣнно надо было знать, какъ и что думаютъ мои товарищи по поводу этого страннаго разногласія между домомъ и школою. Я робко, издалека, началъ заговаривать съ нѣкоторыми товарищами, причемъ одни какъ бы пугались моихъ словъ и вопросовъ, другіе раздѣляли мое мнѣніе, а третьи шли еще дальше, чѣмъ я. Ко времени же приблизительно 16-лѣтняго возраста преобладало большинство сомнѣвающихся. Велись довольно громко цѣлые диспуты по поводу религіи, а особенно усердно осуждалось духо-

венство. Всегда находился какой-нибудь злой языкъ, который рассказывалъ „фактъ“ о неблаговидной жизни кого-либо изъ духовныхъ лицъ. Рассказывались самыя непристойныя анекдоты по поводу того же духовенства. Все это, вмѣстѣ взятое, развивало въ насъ отвращеніе къ духовенству и усиливало наше невѣріе въ Бога и религію. Я началъ отрицать рѣшительно все: и Бога, и Евангеліе, и Церковь, и обряды, и все то, что называется ученіемъ о Богѣ и Церкви. Отвергнуть было очень легко и просто. Моему тогдашнему уму нужна была ощутительная реальность, и я надѣялся, что наука въ концѣ концовъ мнѣ откроетъ глаза на природу помимо всякой религіи и „поповъ“. Не смотря на такое рѣшеніе, я чувствовалъ далеко, далеко, въ тайникахъ моей души, существованіе какого-то темнаго пятнышка. Это пятнышко какъ-бы требовало, принуждало меня искать скорѣйшаго объясненія всѣхъ явленій природы и томленія моей души, принуждало ближе и скорѣе понимать все происходящее и окружающее меня. Но я былъ безсиленъ.

Около двухъ лѣтъ во мнѣ царилъ безпокойный духъ. Я все искалъ исходнаго пункта, искалъ объясненій многимъ загадкамъ. Скрытое пятнышко настойчиво требовало скорѣйшаго рѣшенія. Тогда я сталъ искать Бога; началъ его *создавать*, чтобы примирить душу съ природой. Многое было передумано и переговорено съ товарищами, пока мой Богъ не *создался* въ нѣчто, какъ мнѣ тогда казалось, цѣлое и опредѣленное.

Въ 18 лѣтъ имя моему богу было „Все“, т. е. все живущее, все видимое и все невидимое,—все это, вмѣстѣ взятое, было мой богъ.

Онъ не нуждается ни въ моленіи, ни въ прославленіи, ни въ какомъ бы то ни было особливомъ вниманіи людей. Это „Все“ существуетъ независимо само по себѣ, а каждый организмъ самъ по себѣ, т. е. ему дана воля, данъ инстинктъ, которымъ онъ и долженъ управляться въ продолженіе своей жизни. Я помирился съ жизнью, исходя изъ такого разсужденія: вѣдь меня не спрашивали при моемъ появленіи на свѣтъ, меня же не спросятъ, когда я сойду со сцены бытія, поэтому буду слѣпо жить и повиноваться внушеннымъ мнѣ инстинктомъ правиламъ, какъ это и дѣлаютъ всѣ остальные

животныя. *Создавъ* себѣ такимъ образомъ бога, я на этомъ успокоился на сравнительно долгій періодъ моей жизни, а на Церковь и духовенство продолжалъ смотрѣть, какъ на предметъ критики и насмѣшки.

Дальнѣйшее мое ученіе заключалось въ изученіи разнообразныхъ законовъ природы и въ примѣненіи этихъ законовъ къ практической жизни, а остальное время было поглощено на удовлетвореніе разныхъ жизненныхъ потребностей юности, а вопросъ о Богѣ и религіи былъ окончательно забытъ. Я весь окунулся въ жизнь и въ борьбу за существованіе. Когда же первые пылкіе порывы и стремленія юности были по силѣ возможности удовлетворены, когда съ каждымъ днемъ жизнь стала все менѣе и менѣе удовлетворять меня, тогда темное пятнышко снова и все чаще и чаще начало напоминать о себѣ. Чаще стали появляться часы досуга, когда я могъ отдаваться самому себѣ.

Эти часы начали дѣлаться для меня тяжелой, гнетущей пыткой. Я чувствовалъ, что созданный юношескимъ недоумсліемъ мой богъ „Все“ меня не удовлетворялъ. Грандіозные законы природы и малѣйшая былинка земли одинаково мнѣ твердили о существованіи непонятной Разумной Силы.

Если мнѣ случалось остановиться передъ цвѣткомъ, то долго въ тупомъ недоумѣніи я стоялъ, разсматривая и удивляясь его дивному устройству и его чудному аромату. Когда во мнѣ возникало желаніе сорвать этотъ цвѣтокъ, и рука направлялась къ нему, тогда и этотъ мой жестъ казался мнѣ чудомъ: какъ и какимъ образомъ мое желаніе, моя воля могли быть переданы моей рукѣ?

Я началъ всматриваться ближе въ самого себя и чѣмъ внимательнѣе и подробнѣе я вникалъ въ душу и въ дѣятельность органовъ моего тѣла, тѣмъ болѣе я становился загадкой для самого себя. Все, что прежде считалъ обыденнымъ, обыкновеннымъ, теперь стало для меня казаться чудомъ. И вотъ я, образованный человѣкъ, прошелъ школу и житейскій опытъ, а въ результатъ ничего не знаю и ничего не понимаю. Сколько я ни напрягаю свой умъ, сколько ни призываю на помощь мои познанія, но дѣло разъясненія окружающихъ меня загадокъ не подвигается ни на единую іоту... Вотъ передо мною грядка, на которой растутъ огурцы... Боже! Сколько тайнаго, непонятнаго, чуднаго въ этомъ простомъ,

избитомъ и обыденномъ явленіи. Я взялъ завалявшееся сѣмьачко огурца, воткнулъ его въ горсточку самой обыкновенной, глупой земли, и вотъ эта земля вмѣстѣ съ лучами солнышка творитъ передо мною удивительное чудо. Изъ зернышка вырастаетъ кустъ, на кустѣ цвѣты, а изъ цвѣтовъ появляются новые огурцы, въ которыхъ находятся сотни такихъ же зернышекъ, способныхъ дать новую жизнь. Кто создалъ грандіозные законы природы? Кто далъ имъ эту чудную гармонию? Кто повелѣлъ всему двигаться, кто повелѣлъ брошенному въ землю зернышку брать отъ нея только то, что необходимо для его жизни. Нѣтъ, все это не можетъ происходить глупо, машинально! Тутъ должна быть *Разумная Сила*, Которая управляетъ и распоряжается всѣмъ этимъ. Мой прежній, старый богъ „*Все*“ мнѣ ничего не говоритъ, ничего не объясняетъ. А тайный внутренній голосъ моей души мнѣ шепчетъ: *Боженька создалъ! Боженька устроилъ! Боженька послалъ!* Тотъ Боженька, о которомъ мнѣ возвѣщали въ златые дни проблеска первой пытливой мысли въ одинъ голосъ всѣ незабвенныя, дорогія сердцу, милыя, добрыя существа—мама, папа, бабушка, няня, — возвѣщали „тогда“, когда громъ гремѣлъ, дождикъ падалъ и при всѣхъ другихъ выходящихъ изъ ряда явленій природы видимой. И началъ я видѣть всемогущую десницу этого добраго Боженьки на каждомъ листочкѣ, на каждой травкѣ, на каждой мельчайшей былинкѣ земли. Этотъ забытый Боженька растетъ у меня въ грандіозномъ ореолѣ разума и свѣта, Онъ разсыпанъ всюду, вездѣ и во всемъ. Онъ великъ, Онъ недоступенъ!

Кто меня научить, кто мнѣ расскажетъ на нашемъ бѣдномъ человѣческомъ языкѣ про этого недосягаемаго Вседержителя Вселенной?

Новая борьба души, новое испытаніе!

Неужели обратиться къ Евангелію? Неужели я тамъ найду что-либо новое, чего я не зналъ до сихъ поръ. Вѣдь я Евангеліе училъ, вѣдь я его знаю. Тамъ ничего нѣтъ такого, что бы непосредственно отвѣчало на мои вопросы; но внутренній голосъ непрерывно шепчетъ, непрерывно подталкиваетъ: а ты вотъ теперь возьми да прочти повнимательнѣе, быть можетъ найдешь, что ищешь. Я, скрѣпя сердце, со страннымъ еще неиспытаннымъ чувствомъ беру Еванге-

ліе и читаю его. Чѣмъ больше и внимательнѣе я его читаю, тѣмъ лучше и яснѣе я его *понимаю*. Я его прочиталъ и *понялъ*. Въ первый разъ въ жизни я созналъ, что Евангеліе не нужно *изучать*, а надо его *понимать* и не умомъ только, но и сердцемъ.

Описывать всѣ пертурбаціи и эволюціи моей души и разума считаю лишнимъ, да и невозможнымъ, поэтому ограничусь только словами: Богъ мнѣ помогъ, я Его *позналъ*!

II.

„... Почти всѣ образованные люди раздѣляютъ такое невѣріе“.

Было бы желательно знать: имѣю ли я основаніе и право причислить себя къ тому, что мы обыкновенно называемъ образованными людьми, или существуетъ какая-нибудь специальная категорія „образованныхъ людей“, раздѣляющихъ одинаковое мнѣніе съ гр. Толстымъ? Если же и я принадлежу къ категоріи „образованныхъ людей“, то интересно было бы знать, въ какой именно періодъ жизни и развитія я наиболѣе отвѣчалъ названію „образованный человѣкъ“.

Судя по смыслу словъ гр. Толстого, самымъ образованнымъ человѣкомъ я былъ въ возрастѣ 18 лѣтъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ я не сознавалъ, что я твореніе Бога, а самъ себя создавалъ Бога. Обобщать понятія и ихъ распространять на всѣхъ образованныхъ людей, дѣло весьма рискованное, дѣло, доступное гордымъ и ослѣпленнымъ умамъ. Я же со своей стороны позволю себѣ утверждать, что очень и очень мало среди *дѣйствительно* образованныхъ людей найдется такихъ, которые по существу дѣла обращаютъ вниманіе и придаютъ значеніе писанію и баснямъ гр. Толстого по вопросамъ вѣры и жизни.

Преимущественно же ему поклоняются и передъ нимъ преклоняются не образованные люди, а только *полуобразованные*, которые не имѣютъ ни умственной силы, ни достаточной подготовки, чтобы самимъ познать истиннаго великаго Бога. Если мы и находимъ среди его поклонниковъ дѣйствительно извѣстныхъ и популярныхъ людей, а подчасъ людей, занимающихъ видные государственные посты, то это надо приписать или слѣпой случайности, или тому, что эти

люди такъ поглощены серьезными вопросами повседневной государственной и общественной жизни, что они не имѣютъ достаточнаго времени, чтобы уйти въ самихъ себя и глубоко и правдиво проанализировать свою душу и ея запросы. Поэтому общественная культурная толпа, какъ и народная, прислушивается къ чужому голосу модныхъ идоловъ общественной мысли, работающихъ головой за насъ, и заранѣе, принимаетъ безъ критики и провѣрки за чистую монету все, что этими идолами изрекается. Вотъ, собственно что нужно сказать по поводу положенія графа Толстого: „всѣ образованные люди“, а теперь вникнемъ въ слѣдующее.

III.

„Я вѣрю въ Бога, котораго понимаю, какъ Духъ, какъ Любовь, какъ начало всего“.

А гдѣ же разумъ? Позвольте вамъ сообщить, господинъ «учитель», что никто изъ вѣрующихъ людей, ни изъ мыслящихъ не послѣдуетъ за вашимъ богомъ, пока вы не опредѣлите его въ болѣе ясной и удобопонятной формѣ. Вѣдь вы говорите, что вашъ богъ есть духъ. Само по себѣ это ваше опредѣленіе для насъ, христіанъ, ничего новаго не вноситъ, ибо и христіанская Церковь учитъ, что Богъ есть Духъ. Но вы умалчиваете, какое отношеніе вашего Бога Духа къ общехристіанскому понятію о Богѣ-Духѣ, что новаго, *вашего* вы мыслите въ этомъ опредѣленіи... Затѣмъ вы говорите: Богъ есть Любовь. Опять не новое, не ваше понятіе, а заимствованное изъ общаго богословія. И тутъ вы умалчиваете, какая же такая Любовь? Вѣдь мы, смертные, выражаемъ этимъ словомъ отношенія наши рѣшительно ко всему, что насъ окружаетъ, что мы дѣлаемъ въ нашей жизни. Мы говоримъ—люблю Бога, люблю отца, мать, дѣтей, сестру, брата, сосѣда; люблю лошадь, собаку, люблю чай пить и проч. Какое же изъ этихъ безчисленныхъ проявленій любви вы понимаете въ примѣненіи къ вашему богу? И какъ и въ чемъ проявляется эта Любовь, вашъ Богъ, въ людяхъ? Ваше опредѣленіе Бога-Любовь, *взятое* отдѣльно отъ понятія о Богѣ, какъ Существо живомъ и премірномъ, рѣшительно ничего ни уму, ни сердцу моему

не говорить. Затѣмъ вы горите, что вашъ богъ есть *начало всего*. Какъ это выраженіе понимать? Въ 18 лѣтъ я тоже гордо пользовался этимъ выраженіемъ, но откровенно признаюсь, что я его не понималъ, да и понимать въ отдѣльности отъ ученія общевселенскаго, христіанскаго невозможно. Такимъ образомъ невольно удивляюсь, что вы насъ учите не вѣрить, во что мы вѣримъ, а взаимнѣ намъ не даете рѣшительно ничего яснаго, опредѣленнаго. Звучныя, неопредѣленныя слова никогда не могутъ удовлетворить человѣка.

„Человѣкъ Христосъ“. „Вѣрю въ то, что воля Бога ясна, понятна, выраженна въ ученіи человѣка Христа“.

Мнѣ желательно спросить гр. Толстого: были ли до Христа люди, равные Ему, или отъ Христа до нашихъ дней? Я увѣренъ, что и графъ скажетъ: нѣтъ, не было! Была ли чья-либо жизнь и дѣянія подобны „Человѣку Христу“?—тоже нѣтъ. Кто же Онъ такой? Вѣдь даже по понятію гр. Толстого его Богъ есть высшая Любовь и Справедливость.

„Человѣкъ Христосъ былъ воплощеніемъ и Любви, и Справедливости, и этого графъ не отрицаетъ. Отсюда отвѣтъ одинъ на вопросъ: былъ ли Онъ просто человѣкъ или Богочеловѣкъ? Да, былъ Богочеловѣкъ! Но этого вывода гр. Толстой, вопреки здравой логикѣ, не хочетъ сдѣлать, хотя всѣ свойства и качества Христа и признаетъ премірными, божественными. Онъ не можетъ допустить, чтобы „Богъ во-человѣчился“, хотя и не можетъ утверждать, что для него постижимы и понятны дѣйствія Промысла Божія, и все-таки дерзаетъ отрицать въ Иисусѣ Христѣ Богочеловѣка. Толстому непонятно, какъ Богъ могъ принять „зракъ раба“, сдѣлаться человѣкомъ для того, чтобы научить людей, какъ жить и исполнять волю Божію. Такъ пусть же онъ вмѣстѣ со всѣми своими „образованными людьми“ придумаетъ другой способъ или форму, въ какой наилучше, по нашимъ человѣческимъ понятіямъ, надлежало бы Богу передать людямъ Свою Волю. Мой бѣдный умъ сколько ни работалъ, сколько ни напрягался, но рѣшительно ничего не могъ придумать. Пытался я представить его парящимъ въ облакахъ, окруженнымъ ореоломъ свѣта и гласомъ великимъ диктующимъ Свою Волю и Свои заповѣди.

Я чувствую, что такое проявленіе Бога меня бы повергло

въ страхъ и трепетъ и окончательно лишило всякой свободной воли, а она въ насъ несомнѣнно есть, но если бы, тѣмъ не менѣе, Богъ проявилъ себя такимъ образомъ 19 столѣтій тому назадъ, то нынѣ для насъ это бы отошло въ область гадательныхъ и сомнительныхъ явленій, какъ у многихъ уже подорвано довѣріе къ тому, что Богъ самолично вручилъ десять заповѣдей Моисею. Слѣдовательно, чтобы намъ вѣрить въ Бога и Его волю, мы должны имѣть повтореніе и напоминаніе о Немъ. Но, если эти повторенія и проявленія Воли Божіей стали бы проявляться часто, то кончилось бы тѣмъ, что мы бы и къ нимъ привыкли, какъ къ обыденному явленію грома и молніи или къ чуду произрастанія огурца, и оно бы для насъ утратило всякое значеніе. Слѣдовательно, не познавать Бога, не быть въ силѣ проникать въ его тайный Промыслъ и проявленія и въ то же время дерзать и отрицать великое таинство Боговоплощенія—есть высшая степень кощунства.

Да, отвергнувъ существованіе Св. Троицы, трудно постигнуть и понять Бога. Если вѣрить Евангелію, то надо вѣрить всему. Отвергнувъ же хотя малую его часть, все остальное теряетъ смыслъ и значеніе. Нашъ языкъ бѣденъ, нашъ умъ слабъ, и что бы мы по существу въ Евангеліи ни измѣняли, дополняли или сокращали, какъ дѣлаетъ и учить гр. Толстой, всегда получится абсурдъ, до котораго и договорился яснополянскій учитель.

IV.

„Вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ благо моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его“.

Не вѣрю въ загробную жизнь, а вѣрю въ вѣчную жизнь. Не вѣрю въ возмездіе въ вѣчной жизни, а вѣрю, что всякій добрый поступокъ увеличиваетъ *благо* моей вѣчной жизни, а всякій злой поступокъ уменьшаетъ его. Это ужъ какая-то особая толстовская логика, которой мы, обыкновенные смертные, никакъ не можемъ ни понять, ни принять.

Здѣсь невольно вспоминается историческій анекдотъ о великомъ художникѣ и сапожникѣ.

Напомню: сапожникъ, проходя мимо выставленной кар-

тины, замѣтилъ, что сапогъ невѣрно нарисованъ, тогда онъ вошелъ къ художнику и указалъ ему на замѣченныя неточности; художникъ поблагодарилъ и исправилъ. Но дѣло не ограничилось этимъ, сапожникъ на другой день входитъ къ художнику и объявляетъ ему о недостаткахъ лица и выраженія. Тогда художникъ вывелъ его изъ мастерской и сказалъ: „Что было твое дѣло, я тебя послушалъ, поблагодарилъ и исправилъ, а лицо ужъ мое дѣло“.

Гр. Толстой рожденъ, выросъ и воспитанъ въ высшемъ обществѣ, и пока онъ намъ сообщалъ и дивными красками рисовать свою сферу и близко знакомыхъ ему людей, мы съ восторгомъ и упоеніемъ читали и отдавались его произведеніямъ. Съ каждымъ взмахомъ его могучей кисти, онъ самъ выросталъ въ недоступнаго гиганта, онъ давилъ насъ мощностію своего генія и таланта. Дѣйствительно, какъ у насъ, такъ и за границей, весь мыслящій и читающій міръ былъ его и за него. Онъ былъ кумирь: его любили, его почитали, его уважали, передъ нимъ преклонялись.

Казалось бы, что же больше. Нѣтъ, слава его не удовлетворяла, онъ принялся искать внѣ Бога и Церкви смысла и цѣли жизни. Большинство людей рѣшаетъ эту задачу и ведутъ борьбу съ своимъ невѣріемъ или маловѣріемъ внутри самихъ же себя, изъ боязни придти къ невѣрнымъ и смѣшнымъ выводамъ и смутить покой души другихъ же; графъ же Толстой, не дойдя до окончательныхъ выводовъ и не думая о послѣдствіяхъ соблазна, перенесъ изъ тайниковъ сердца борьбу эту на бумагу къ всеобщему свѣдѣнію, рисуясь этимъ, подобно евангельскому фарисею. Съ трепетомъ и заатаеннымъ дыханіемъ всѣ читали, недоумѣвали и ждали, въ какую же наконецъ форму выльется результатъ душевной борьбы знаменитаго писателя земли Русской. И что же, теперь всякому безпристрастному наблюдателю должно быть ясно, что бѣдный графъ пришелъ только къ юношескому выводу отрицанія и не создалъ ничего убѣдительнаго и обоснованнаго для утѣшенія какъ себя, такъ и тѣхъ, которые жадно внимали его пророческому гласу.

Художественно рисовать героевъ въ своихъ романахъ, ихъ жизнь и поступки для него было дѣломъ легкимъ и простымъ, что дало ему поводъ возмнить о себѣ и взяться за непосильную задачу громко рѣшать вѣками стоящія на очереди

неразрѣшимые для разума смертныхъ вопросы внѣ христіанства. Вѣдь написать нѣсколько тетрадокъ пышныхъ и звучныхъ фразъ, вольнодумничать, какъ многіе, еще не значить рѣшить вопросъ по существу. Не уподобилъ ли себя Толстой историческому сапожнику, который хорошо зналъ складъ и овалъ ноги, а потому рѣшилъ, что можетъ быть судьей живописи лица. Толстой взялъ свою кисть и началъ, такъ сказать, безъ стѣсненія водить ею по лицу Того, Кого мы называемъ Богъ. Уродливость полученнаго такимъ образомъ изображенія наглядно видна изъ его трактата „въ чемъ моя вѣра“.

Было сообщено въ газетѣ, что графъ послѣ выздоровленія отъ постигшаго его недуга, сообщилъ окружающимъ, что умирать не только не страшно, но пріятно и легко, и что если его жизнь продлится на болѣе продолжительный періодъ времени, тогда онъ напишетъ большой томъ, въ которомъ сообщитъ людямъ, что умирать не страшно и легко. На это позволю себѣ замѣтить гр. Толстому, что если онъ напишетъ не только одинъ томъ, но сто томовъ, то юношество все равно ему не повѣритъ. Что же касается насъ, стариковъ, то мы и безъ гр. Толстого смѣло и спокойно смотримъ смерти въ глаза.

Гр. Толстой общается также рѣшать „рабочій вопросъ“.

Да, родиться графомъ и прожить всю жизнь графомъ—и рѣшать такіе вопросы, дѣйствительно, ему подстать! Легко предвидѣть, какъ будетъ близко и правильно поставлена и рѣшена эта задача.

Графъ! пощадите вашу старость.

Да, этотъ великій старецъ достигъ того, что намъ остается одно, съ искренней душой помолиться за Него Всевышнему, чтобы Онъ излѣчилъ его отъ безпокойнаго духа, который омрачаетъ такъ свѣтло, благородно и геніально начатую литературную и общественную жизнь.

Инженеръ И. Л.

Семипалатинск. обл.

Третье печатное заявленіе изъ семьи Толетыхъ.

Читатели помнятъ, конечно, заявленіе графини С. А. Толстой, супруги Льва Николаевича, въ письмѣ отъ 26 февраля на имя высокопреосвященнаго Митрополита Антонія, гдѣ она говоритъ, что для отпѣванія своего мужа въ Церкви и молитвъ найдетъ „или порядочнаго священника, который не побоится людей предъ настоящимъ (?) Богомъ любви, или непорядочнаго, котораго она подкупить (!) большими деньгами“.

Самъ же графъ въ своемъ „Отвѣтъ“ Св. Синоду, отъ 4 апрѣля, заявляетъ совсѣмъ другое: „я написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ“.

Тутъ супруги Толстые явно противорѣчатъ въ своихъ заявленіяхъ. Графиня ли не знала воли своего супруга о погребеніи безъ церковно-служителей, когда писала свое письмо владыкѣ митрополиту, или графъ написалъ это завѣщаніе уже послѣ ея письма? Или же одинъ изъ супруговъ просто сказалъ неправду?

Но вотъ въ печати появилось третье заявленіе изъ семьи Толстыхъ,—которое, вызываетъ еще большее недоумѣніе и прямо недовѣріе къ сообщаемымъ въ ней обстоятельствамъ дѣла.

Въ 231 № „Новостей“ сынъ Льва Николаевича, гр. Сергѣй Толстой, пытается доказать, что графъ В. Бобринскій, въ извѣстномъ нашимъ читателямъ письмѣ на имя высокопреосвященнаго Антонія, Митрополита Петербургскаго „категорически, но голословно утверждаетъ то, чего не было“—т. е., что будто бы Левъ Николаевичъ не говорилъ тѣхъ словъ по поводу бесѣды съ нимъ тюремнаго священника, какія лично слышалъ отъ него гр. Бобринскій: „удовольствіе (отъ бесѣды графа съ священникомъ тюремнымъ) отра-

вляется сознаниемъ, что онъ присылается нашимъ архіере-
емъ для моего увѣщанія“.

„Дѣло въ томъ (пишетъ графъ Сергѣй Толстой въ „Новостяхъ“),— что гр. Бобринскій не одинъ слышалъ годъ тому назадъ слова, сказанныя Львомъ Николаевичемъ о тюремномъ священникѣ. При этомъ присутствовалъ мой пріятель и въ то же время пріятель гр. Бобринскаго,—г. Шарль Саломонъ, французъ, хорошо говорящій по русски.

Вотъ письмо, которое я недавно получилъ отъ него:

„Дорогой другъ.

Вотъ то мѣсто изъ письма моего къ Владиміру Бобринскому, которое васъ интересуетъ. Я ему сказалъ, что я собираюсь сообщить его вамъ. И вы съ нимъ можете дѣлать, что хотите:

„Дорогой Владиміръ, я нахожусь въ Ясной Полянѣ и естественно я здѣсь слышалъ о письмѣ, которое ты написалъ митрополиту; мнѣ дали его прочесть. Я его прочелъ и не могу не выразить тебѣ моего сожалѣнія о томъ, что ты напечаталъ его, а особенно о томъ, что ты его написалъ.

Я присутствовалъ въ прошломъ году при томъ разговорѣ твоимъ съ Л. Н., которымъ въ настоящее время хотѣть (?) воспользоваться, какъ оружіемъ (!) противъ него.

И, если я не могу воспроизвести тѣ самыя слова, которые онъ сказалъ, я, однако, въ случаѣ надобности, могу утверждать, по меньшей мѣрѣ, то, что память тебѣ измѣнила, и что графъ при насъ не говорилъ, что онъ *знаетъ*, что священникъ былъ посылаемъ для увѣщанія. Онъ высказывался неопредѣленно, и теперь, по прошествіи года, стараюсь возстановить ту фразу, о которой идетъ рѣчь, я могъ бы ее выразить въ слѣдующихъ словахъ: „Тюремный священникъ иногда прѣзжаетъ видѣться со мной. Зачѣмъ онъ прѣзжаетъ? Не присылаютъ ли его ко мнѣ?“. Прежде, чѣмъ написать твое письмо, тебѣ бы слѣдовало черезъ посредничество Сергѣя Т. добиться объясненія кажущагося тебѣ противорѣчія.

И тогда ты бы этого письма не писалъ. Я слишкомъ тебѣ другъ, чтобы не высказать то, что думаю, и за это ты на меня не поѣтуешь.

Я сообщаю Сергѣю Т. это письмо и пр., и пр.

Шарль Саломонъ.

Вышеизложенное письмо достаточно освѣщаетъ сообщеніе графа Бобринскаго.

Однако, я не могу умолчать еще объ одномъ обстоятельстве, графу Бобринскому едва ли извѣстномъ. 28 іюня сего года тюремный священникъ вновь посѣтилъ Льва Николаевича, до котораго въ это время уже дошелъ слухъ объ увѣщательной миссіи этого священника. Чувствуя себя въ то время больнымъ, Л. Н., тѣмъ не менѣе, принялъ его и прямо спросилъ, правда ли, что онъ присылается для его увѣщанія. На это тюремный священникъ категорически (?)

отвѣтилъ, что онъ никѣмъ присылаемъ не былъ, а прѣзжаетъ просто потому, что ему интересно бываетъ бесѣдовать. Этотъ разговоръ слышали всѣ присутствовавшіе.

Итакъ, какъ оказывается, утвержденіе гр. Бобринскаго, что Л. Н. Толстой былъ увѣщаемъ тюремнымъ священникомъ, отрицается какъ увѣщаемымъ такъ, и увѣщателемъ. Единственное доказательство—показаніе гр. Бобринскаго о сознаніи самого увѣщаемаго—опровергается показаніемъ г. Шарля Саломона.

Предоставляю всякому судить, какое „большое значеніе“ имѣетъ сообщеніе гр. Бобринскаго.

Надѣюсь, что другія газеты, напечатавшія письмо гр. Бобринскаго, не откажутся напечатать и настоящее мое письмо.

Сергій Л. Толстой.

20 августа 1901 г.

Таково печатное заявленіе по счету третье, исходящее изъ семьи Толстыхъ. Думаемъ, что читатель самъ безъ комментариевъ оцѣнитъ значеніе свидѣтельства француза, „хорошо говорящаго по русски, но не могущаго воспроизвести словъ“, слышанныхъ имъ при разговорѣ гр. Бобринскаго съ Львомъ Николаевичемъ и пускающагося въ рискованныя догадки.

Заинтересовавшись этимъ новымъ инцидентомъ въ толстовской исторіи, пишуцій эти строки нарочно спутешествовалъ въ Тулу для изслѣдованія на мѣстѣ „пререкаемыхъ обстоятельствъ дѣла“,—бесѣдовалъ съ епископомъ Тульскимъ Питиримомъ и священникомъ, о. Димитріемъ Егоровичемъ Троицкимъ, обозрѣвалъ документы, къ сему дѣлу относящіеся. И вотъ результаты нашего изслѣдованія.

На первомъ документѣ (копія увѣщательнаго письма свящ. о. Троицкаго на имя гр. Л. Н. Толстого, съ котораго и начинается знакомство и живой обмѣнъ мнѣній по вопросамъ вѣры гр. Толстого съ о. увѣщателемъ), написана рукою Еп. Питирима такая резолюція: „Богъ Единный. въ Св. Троицѣ славимый, да дастъ силу и крѣпость доброму отцу, несущему погибающему сыну спасеніе. Благословляю на бесѣду съ гр. Л. Н. Толстымъ. Еп. Питиримъ“.

На послѣднемъ документѣ (рапортѣ) о поѣздкѣ въ Ясную Поляну, состоявшейся 28 іюля, отъ 19 іюля 1901 г., рукою епископа написано: „Благослови Богъ“.

О. Димитрій намъ рѣшительно заявилъ, что при пер-

вомъ же посѣщеніи дома Толстыхъ графъ Л. Н. Толстой спросилъ его, не отъ архіерея ли онъ посланъ, на что священникъ отвѣтилъ, что безъ благословенія епископа онъ не вправѣ ничего дѣлать, что владыка его благословивъ посѣтитъ графа, но подвигнула его, о. Дмитрія, взять на себя эту миссію искренняя любовь къ Льву Николаевичу и желаніе спасенія ему.

И о. Дмитрій,—чудный іерей молитвенникъ,—искренно расположенъ къ Льву Николаевичу, пламенно желаетъ ему спасенія и, что трогательно,—добрый пастырь-молитвенникъ не оскудѣваетъ въ надеждѣ!

Въ семьѣ графа, сколько могу судить изъ бесѣды о. Дмитрія, къ нему относятся съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Послѣдній разъ о. Дмитрій былъ въ Ясной Полянѣ 3 сентября предъ выѣздомъ Льва Николаевича въ Крымъ. Таковы факты.

Отсюда сами, читатель, извольте судить, нужно ли было гр. Льву Николаевичу 28 іюня спрашивать о. Дмитрія, посылаетъ ли его архіерей къ нему, и могъ ли 28 іюня этотъ іерей Божій категорически отрицать участіе архіерея въ этомъ его дѣлѣ, какъ объ этомъ заявляетъ графъ Сергѣй Львовичъ?

Затѣмъ ни французъ Шарль, ни гр. Сергѣй ничего не доказали и ничего не опровергли. Вопросъ вѣдь идетъ „о попыткахъ“ увѣщанія Льва Николаевича, одна изъ такихъ извѣстна гр. Бобринскому и онъ ее удостовѣрилъ. И попытка эта—фактъ неопровержимый, она была и продолжается со стороны о. Троицкаго, чего не отрицаютъ и возражатели. А что и какъ сказалъ когда-то Левъ Ник. гр. Бобринскому это совсѣмъ не важно. А вотъ важно то, что въ семьѣ яснополянскаго учителя *не одно* говорятъ, да еще въ печати...

Э. Я.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ штундо-баптистами о святомъ
покаяніи и помазаніи елеемъ.

I.

Я шелъ изъ церкви послѣ бесѣды съ штундистами. На душѣ у меня было тяжело, тоскливо. Сектанты сильно упорствовали въ своихъ заблужденіяхъ. Они, очевидно, старались лишь „постоять за себя“,—покричать и поспорить.

Меня догналъ Иванъ Петровичъ,—богатый и уважаемый штундистъ. Онъ раскланялся и привѣтливо заговорилъ со мной. Убѣдительно онъ приглашалъ меня „пожаловать“ къ нему вечеромъ „въ гости“. У него на дому будутъ „друзья“ да „кое-кто“ изъ православныхъ. Споровъ „рѣзкихъ“ не будетъ; все обойдется „чинно“...

Я охотно согласился; мнѣ стало веселѣе на душѣ.

Едва стѣмнѣло, Иванъ Петровичъ на хорошей лошади пріѣхалъ за мной. Я быстро собралъ книги, и мы крупной рысью пустились по селу: въ темнотѣ насъ едва ли кто разсмотрѣлъ...

Въ домѣ Ивана Петровича собралось человѣкъ десять гостей. На столѣ стоялъ большой блестящій самоваръ. Гости сидѣли за чаемъ. Посадили и меня „чаевничать“. Стали „знакомиться“. Припоминали бывшую бесѣду въ храмѣ. Хозяинъ и его гости осуждали „братьевъ“ за грубость и крикливость. Они хотѣли теперь „отъ души“ побесѣдовать о „новой вѣрѣ“, которую люди зовутъ *штундой*...

Я порадовался высказанному намѣренію. Мы начали прямо говорить о *лицемѣрїи* и *наружной* святости сектантовъ. Мои собесѣдники не спорили, что среди нихъ много „пустосвятовъ“,—гордецовъ, фарисеевъ. Но и въ православїи,—говорили они,—много грѣшниковъ. Что съ ними дѣлать?..

Я сказалъ:

— Къ грѣшникамъ *прежде всего* надо обращаться съ словами Спасителя: „покайтесь и вѣруйте въ Евангеліе“ (Мр. 1, 15) Съ этого призыва людей къ *покаянію* Самъ Господь началъ Свою проповѣдь; такимъ же образомъ поступали апостолы. Они увѣщевали грѣшныхъ іудеевъ: „покайтесь, чтобы загладились грѣхи ваши“ (Дѣян. 3, 19).

— Съ проповѣди о покаяніи предъ Богомъ и мы начинаемъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Значить, отвѣтилъ я, о покаяніи евангельскомъ мы и должны съ вами начать бесѣду. Скажите, какъ вы каетесь во грѣхахъ предъ Богомъ?

Наступило минутное молчаніе. Всѣ углубились въ данный мною вопросъ. Потомъ Иванъ Петровичъ поднялъ голову и сказалъ:

— Мы *разсматриваемъ* грѣхи наши; сокрушаемся о нихъ; даемъ обѣтъ впередъ не грѣшить и обращаемся къ Господу съ словами Іисусовой молитвы: „прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ“ (Мѣ. 6, 12). Въ этомъ состоитъ *все* наше покаяніе...

Я отвѣтилъ:

— „Богъ, *дѣйствительнъ*, повелеваетъ людямъ *встѣ* повсюду *покаяться*“ (Дѣян. 17, 30). И мы должны *непрестанно* сокрушаться о грѣхахъ своихъ, потому что „мною *всѣ* согрѣшаемъ“ (Іак. 3, 2). Но довольно ли для насъ одного *такого* покаянія?

— Понятно, довольно—сказалъ Иванъ Петровичъ. Разъ Господь повелѣлъ намъ просить *только* у Бога оставленія грѣховъ нашихъ,—значить, *никакого другого* покаянія быть не можетъ...

Я возразилъ:

— Разумѣется, *одинъ* Богъ можетъ прощать грѣхи. Это исповѣдали даже іудеи. Они говорили: „кто *можетъ* прощать грѣхи, кромѣ Бога?“ (Мр. 2, 7). И апостолы въ кн. Дѣяній засвидѣтельствовали:... „Богъ десницею Своею возвысилъ Христа въ Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяніе и прощеніе грѣховъ“ (— 5, 31). Несомнѣнно, такимъ образомъ, что грѣхи прощаетъ людямъ *одинъ* Богъ.—Но можетъ ли эти грѣхи *отпускать* намъ Христосъ?

Иванъ Петровичъ, не задумываясь, сказалъ:

— Конечно, и Христосъ силенъ прощать намъ грѣхи наши, потому что Онъ такой же Богъ, какъ Отецъ Его.

Вонъ у ев. Марка написано: *„чтобы вы знали, что Сынъ Человѣческій имѣетъ власть на землѣ прощать грѣхи, говоритъ развѣлабленному... встань, возьми постель твою, и иди въ домъ твой“* (— 2, 10, 11).

— Такимъ образомъ, заключилъ я рѣчь Ивана Петровича, мы согласны съ вами, что власть прощать грѣхи принадлежитъ Богу во Святой Троицѣ (Ср. Іоан. 20, 22, 23). Но отъ *Имени Божія* могутъ ли прощать грѣхи намъ люди?

Иванъ Петровичъ и остальные собесѣдники штундисты въ одинъ голосъ заявили, что они „не признають“ за людьми права „прощать“ грѣхи „братьямъ“...

Я возразилъ:

— Въ словѣ Божіемъ Спаситель заповѣдуетъ намъ: *„когда стоите на молитвѣ, прощайте, если что имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши. Если же не прощаете, то и Отецъ вашъ небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“* (Мр. 11, 26, 25).—Разсудите теперь сами, друзья мои, справедливо ли вы говорите. По вашему, „люди не имѣють права“ прощать грѣшниковъ, а Христосъ насъ *обязываетъ* къ тому. Значить, вы идете противъ Христа...

Иванъ Петровичъ виновато замѣтилъ, что его „браты“ *ошиблись*, когда сказали, что люди „не имѣють права прощать грѣшниковъ“. Мы всѣ *обязаны* не помнить зла, какое дѣлають намъ ближніе наши...

Я сказалъ:

— Такимъ образомъ *надо признать*, что грѣхи прощаетъ намъ не только тріединный Богъ, но и люди другъ другу. А могутъ ли люди *удерживать* грѣхи на братьяхъ своихъ предъ Богомъ!

Собесѣдники мои, наученные печальнымъ опытомъ, безмолвно размышляли. На выручку ихъ пришелъ Иванъ Петровичъ. Онъ сказалъ:

— Если за людьми признать власть *удерживать* на насъ грѣхи,—это будетъ слишкомъ много. Вѣдь Христосъ училъ: *„если не прощаете, и Отецъ вашъ небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“* (Мр. 11, 26). По этимъ словамъ Господа мы такъ вѣруемъ, что *нѣтъ* на землѣ власти, которая могла бы *связывать* насъ предъ Господомъ...

Я отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, ты *вѣрно* сказалъ, Иванъ Петровичъ.

Всѣ мы—„простолюдины“, рядовые христіане *обязаны* прощать грѣшниковъ и молиться за нихъ. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ Христа не слушается... Но кто будетъ *только такъ* рассуждать о покаяніи и остановится на *однихъ* твоихъ словахъ,—тотъ тоже *погрѣшитъ* предъ Богомъ.—Въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ ли кто въ Церкви Христовой, помимо Бога, власть *удерживать* грѣхи на людяхъ? Въ Ев. отъ Іоанна мы читаемъ: „*Иисусъ дунулъ и говоритъ* апостоламъ: *примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ останите, на томъ останутся*“. (Іоан. 20, 22. 23).

Изъ этихъ словъ Господа вытекаетъ, что не только Богъ во Святой Троицѣ, но и апостолы *имѣли право* „удерживать“ на людяхъ грѣхи ихъ. Этого права, какъ мы читали (Мр. 11, 25. 26), Христосъ *всѣмъ* намъ не передалъ, но пастырямъ Церкви, въ лицѣ апостоловъ, Господь оставилъ великую *судную* власть на землѣ...

Штундисты сосредоточенно обдумывали мои слова. Потомъ Иванъ Петровичъ замѣтилъ:

— Вѣрно, надо сознаться, что, кромѣ Христа, въ Церкви Его *имѣли* власть *удерживать* грѣхи людскіе апостолы. Но мы не можемъ допустить, чтобы *простые* люди, ваши пастыри, могли также *удерживать* на насъ грѣхи предъ Богомъ. Это ужъ черезчуръ...

Я отвѣтилъ:

— Изъ Евангелія Іоанна мы видѣли, что Христосъ право удерживать грѣхи на людяхъ передалъ апостоламъ. Также свидѣлствуетъ ев. Матѳей (гл. 18, ст. 18). Но Матѳей евангелистъ добавляетъ, что власть судить грѣшниковъ Христосъ отдалъ Церкви Своей (Мѳ. 18, 17). А мы уже сказали, что въ Церкви „простолюдины“ не имѣютъ власти вязать намъ грѣхи наши. Значитъ, право суда надъ грѣшниками въ Церкви Христовой принадлежало прежде *однимъ* апостоламъ.

Послѣ апостоловъ перешло ли это право къ ихъ преемникамъ?

Безъ сомнѣнія, перешло. Въ Ев. Матѳея Господь сказалъ ученикамъ: „*се Я съ вами во все дни до скончанія вѣка*“ (—28, 20). Апостолы, поживъ на землѣ опредѣленное время, умерли; а Господь сказалъ, что Онъ пребудетъ съ ними *вѣчно*. Ясно, что *вѣчно* Господь пребываетъ съ преемниками апо-

столовъ,—пастырями Церкви. Къ нимъ, слѣдовательно, перешли *всѣ права* апостольскія по управленію Церковью Христовой. Въ частности,—преемники апостоловъ усвоили себѣ право *прощать и удерживать* грѣхи на людяхъ.—Это видно изъ Дѣяній гл. 19 ст. 18. Тамъ говорится, что Павелъ апостоль, *не бывшій въ числѣ двѣнадцати*, прощаетъ отъ Имени Божія грѣхи людямъ. Тоже слѣдуетъ изъ Тимое. гл. 5, ст. 19. Апостоль пишетъ ученику своему: „*обвиненіе на пресвитера не иначе принимай, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ*“.—Изъ этой заповѣди апостола ясно, что Тимоеей—преемникъ апостола Павла—могъ „принимать“ обвиненія даже на пресвитеровъ. Могъ, слѣдовательно, онъ *оправдывать* ихъ и *осуждать*. А Тимоеей и его сотрудники были тоже не изъ двѣнадцати апостоловъ (2 Кор. 8, 23).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что въ *вѣчной* Церкви Христовой должны быть *вѣчные, полноправные* преемники апостольской власти (Мѡ. 28, 20). Значить, не подлежить сомнѣнію то, что въ *наше время* власть удерживать грѣхи на людяхъ принадлежитъ *правильно* поставленнымъ пастырямъ Христовой Церкви...

Иванъ Петровичъ и его „друзья“ молчали; ждалъ и я опредѣленнаго отвѣта на мой главный вопросъ: *имѣетъ ли кто власть въ Церкви, помимо апостоловъ, удерживать грѣхи на людяхъ?*

Наше молчаніе прервалъ Иванъ Петровичъ. Тихо, безъ озлобленія, онъ произнесъ:

— Да, надо, друзья, признаться, что пастыри Церкви должны наслѣдовать *всѣ церковныя права* отъ апостоловъ; а потому *эти пастыри могутъ удерживать грѣхи на людяхъ*. Но только скажите намъ ясно: *своею* властью, или *Христовой* развязываютъ грѣхи теперешніе пастыри?

Я отвѣтилъ:

— Конечно, *ни одинъ человекъ*, будь онъ самъ патріархъ, *своею* властью *никою* не можетъ простить. Все отъ Духа Святаго, какъ говорится въ Ев. Іоанна (гл. 20, ст. 22).

— Въ *такомъ* случаѣ мы можемъ принять ваши рѣчи, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

Слова его подтвердили другіе собесѣдники.

На время мы стихли и всѣ принялись за чай, которымъ угощала насъ гостепріимная хозяйка.

Одинъ православный собратъ нашъ уже напился чаю и теперь охотно говорилъ. Онъ сказалъ:

— Да, пастыри великую силу имѣютъ въ Церкви. Они могутъ прощать и могутъ удерживать грѣхи на людяхъ. Это доказано. Спасибо вамъ,—обратился онъ ко мнѣ... Какъ надо послѣ того *почитать* своего батюшку. А то мы наслушались штундовыхъ рѣчей—и голову передъ нимъ не сгибаемъ. Грѣшно это!..

II.

Чаепитіе кончилось. Гости опять готовы были слушать *бесѣду*.—Я сказалъ.

— Ты, Иванъ Петровичъ, заявилъ, что ваше покаяніе предъ Богомъ состоитъ въ томъ, что вы ему *одному* каетесь во грѣхахъ своихъ и предъ Нимъ *однимъ* общаетесь впередъ не грѣшить. Я спросилъ тебя: *довольно ли одного такого* покаянія передъ Богомъ? Ты на мой вопросъ не далъ *никакого* отвѣта...

— Да тутъ и отвѣчать нечего, замѣтилъ Иванъ Петровичъ. Вы ужъ насъ извините. Мы даже допустить не можемъ, чтобы было *другое* какое покаяніе во грѣхахъ...

— Обсуди дѣло хорошенько. Авось самъ усмотришь *другое* покаяніе,—отвѣтилъ я. Ты уже предъ всѣми сознался, что, помимо Бога—Отца и Христа Его со Святымъ Духомъ, грѣхи людскіе, властью Господней, *могутъ* прощать апостолы, и ихъ *правильные* преемники. Теперь сообрази: если этимъ преемникамъ апостольскимъ люди не станутъ сказывать грѣховъ своихъ, — какъ узнаютъ тогда пастыри, въ *чемъ* именно люди грѣшны и *какіе* грѣхи имъ прощать?..

Сектанты молчали.

Я сказалъ:

— Ваше безмолвіе обличаетъ васъ. Значить, вы чувствуете, что для васъ нѣтъ отступленія отъ правды божественной. Не такъ ли?..

Сектанты продолжали молчать. Я еще прочелъ имъ изъ 19 гл. Ев. Іоанна: „*кому простите грѣхи, тому простятся*“. Потомъ спросилъ: скажите мнѣ, *какъ* можно прощать грѣхи кому-либо?

Иванъ Петровичъ ободрился. Онъ сказалъ:

— Простить грѣхи человѣку — дѣло простое. Возьми да и не помни, что сдѣлалъ тебѣ брать дурного...

Я замѣтилъ:

— А чтобы не помнить зла, простить обиду,—надо намъ знать объ этой обидѣ?

— Знамо, такъ!—хоромъ сказали сектанты.

— Значить, продолжалъ я, пастыри должны знать, кто и въ какихъ грѣхахъ кается предъ Богомъ. Иначе они не будутъ въ состояніи удерживать на насъ грѣховъ нашихъ... А отсюда вытекаетъ заключеніе, что въ Церкви Христовой, помимо *сердечной, тайной* исповѣди предъ Богомъ, должно быть *другое* покаяніе, котораго ты, Иванъ Петровичъ, *по отибку*, не хочешь допустить...

— Какое же это другое покаяніе? Расскажите намъ!—съ любопытствомъ спросили сектанты.

Я отвѣтилъ:

— Прочтите друзья, изъ Ев. Матѳея, гл. 3, ст. 6. Тамъ сказано, что іудеи приходили къ Іоанну Крестителю, „*исповѣдуя грѣхи свои*“. Видимъ отсюда, что во дни Іоанна Предтечи была *ясная, открытая* исповѣдь грѣшниковъ предъ Богомъ. Эта исповѣдь состояла въ томъ, что люди, сокрушаясь сердцемъ предъ Богомъ, „открывали“ дѣла свои Его посланникамъ...

— То было еще въ ветхомъ завѣтѣ, сказалъ мой сосѣдь сектантъ. Кабы изъ новаго что указали,—это было бы къ дѣлу.

— Я уже читалъ вамъ изъ новаго завѣта, какъ Христосъ далъ власть апостоламъ „вязать“ намъ грѣхи наши (Іоан. гл. 19). Эта власть предполагаетъ, что люди будутъ „открывать“ апостоламъ грѣхи свои. И мы видимъ, что во дни апостольскіе такая *открытая* исповѣдь грѣшниковъ, дѣйствительно, производилась. Посмотрите, что написано въ кн. Дѣяній: „*многіе изъ уверовавшихъ приходили къ Павлу, исповѣдуя и открывая дѣла свои*“ (—19, 18). Ясно отсюда, что „исповѣдывать“ и „открывать“ предъ пастыремъ „дѣла свои“, по словамъ кн. Дѣяній,—одно и тоже. Стало быть, св. Церковь православная поступаетъ богомудро, когда требуетъ, чтобы грѣшники—ея дѣти,—сокрушаясь передъ Богомъ, въ то же время священникамъ рассказывали о грѣхахъ своихъ. Это и есть та *другая* исповѣдь, которой требуетъ Слово Божіе, и которой нѣтъ у васъ сектантовъ...

Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Что же, по вашему, выходитъ: то Богъ прощаетъ людей, то священники. Это—путаница...

— Никакой путаницы нѣтъ,—отвѣтилъ я. Грѣхи людямъ прощаетъ *одинъ* Богъ; но это прощеніе Онъ даруетъ намъ, по ученію Евангелія, *черезъ* Своихъ служителей — преемниковъ апостольскихъ. Пастыри Церкви, или священники, на исповѣди христіанъ являются лишь *свидѣтелями* нашихъ обѣщаній впередъ не грѣшить и показателями того, что эти грѣхи *прощаются* намъ Богомъ... Вы напрасно, друзья, идете противъ Слова Божія, повергая исповѣдь передъ священниками. Тѣмъ самымъ вы вводите въ жизнь свои *новоизмышленные* порядки. Ваши порядки, по слову Писанія, ничѣмъ другимъ нельзя назвать, какъ *безчиніемъ*. (1 Кор. 14, 40)...

Въ избѣ наступило долгое молчаніе. Я думалъ уже „кончать“ вопросъ, но Иванъ Петровичъ неожиданно спросилъ меня:

— А вы признаете, что надо *прямо* исповѣдываться Богу грѣхи свои?

— Признаю. Каждый ежеминутно кайся и плачь передъ Господомъ. Но только помни, что *одного такого* покаянія *мало*. Господь велѣлъ апостоламъ *прощать* грѣхи людямъ. Стало быть, велѣлъ намъ *открывать* тайны своего сердца, кому слѣдуетъ (Ср. Дѣян. 19, 18)...

Наступило опять молчаніе. Его прервалъ одинъ почтенный старецъ-сектантъ. Онъ сказалъ:

— Каяться передъ пастырями не трудно, да будетъ ли толкъ въ томъ? Сами то пастыри—люди грѣшныя. Какъ они станутъ прощать чужіе грѣхи?

Я отвѣтилъ:

— Этотъ вопросъ стороной мы уже разсмотрѣли. Мы сказали, что власть прощать грѣхи принадлежитъ въ *собственномъ смыслѣ* одному Богу. Пастыри на исповѣди—это *свидѣтели* нашего раскаянія и *показатели*, что Богъ дѣйствительно прощаетъ намъ грѣхи наши. Конечно, они *не безъ грѣховъ* (Іак. 3, 2). Но для насъ это неважно: священники *не своей святостью* прощаютъ намъ грѣхи, а *властью Божіей* (2 Кор. 10, 8). Эту власть они получили отъ апостоловъ и хранятъ въ своихъ глиняныхъ сосудахъ (2 Кор. 4, 7). Кто *правильно* поставленъ на дѣло Божіе,—кто *дверью* вошелъ во дворъ овчій

(Іоан. 10, 1—2),—тотъ имѣеть *отъ Бога* власть прощать намъ грѣхи (1 Тим. 5, 11).

— Да! Разсѣянно протянулъ сектантъ, сидѣвшій противъ меня. А вотъ деньги можно ли принимать за исповѣдь?

— За *благодать* Божію, прощающую намъ грѣхи, денегъ не берутъ, отвѣтилъ я (Дѣян. 8, 20). Но за *труды* надобно пастырей награждать деньгами. Такъ учили насъ Христосъ и апостолы (Ілк. 9, 8. 4; 1 Кор. 9, 13, 14). Неужели вамъ, братцы, жалъ нѣсколькихъ копѣекъ, чтобы отдать ихъ чело-
вѣку, который низводитъ на васъ благодать Божію.

— Нѣтъ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — это братъ нашъ напрасно приплелъ къ разговору деньги... Знамо, *«служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника»* (1 Кор. 9, 13).

Мы опять замолчали. Чувствовалось, что вопросъ о покаяніи былъ исчерпанъ до конца. По крайней мѣрѣ, *главнѣйшія* разногласія наши съ штундистами были разсмотрѣны...

III.

Гости Ивана Петровича подумывали о покоѣ. Время было и мнѣ отправляться на ночлегъ. Но на прощанье я хотѣлъ задать сектантамъ еще одну „задачу“. Я спросилъ:

— Какъ вы, вообще-то, *все* евангельскія заповѣди принимаете?

Сектанты оживились. Они стали въ нѣсколько голосовъ завѣрять меня, что Евангеліе они берегутъ „пуще“ глаза.

Я опять спросилъ:

— А исполняете вы, что написано у ап. Іакова: *„боленъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помажутся надъ нимъ, помазавши его елеемъ во имя Господне, и молитва вѣры исцѣлитъ болящаго“* (—5, 14, 15)?

Сектанты молчали, уставивъ глаза на столъ. Я еще раздѣльнѣе повторилъ свой вопросъ:

— Ап. Іаковъ велитъ болящихъ христіанъ мазать елеемъ и это помазаніе сопровождать „молитвой вѣры“. Молитесь ли вы надъ болящими и мажете ли ихъ елеемъ „во имя Господне“?

Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Когда наши братья заболѣваютъ, мы творимъ надъ ними усердныя молитвы...

— Апостолъ приказываетъ совершать *не однь* молитвы надъ больными,—замѣтилъ я. Онъ велитъ больныхъ мазать еще *масломъ*, или *елеемъ*. Исполняете ли вы эту заповѣдь апостола?

Сектанты притихли. Иванъ Петровичъ барабанилъ пальцами по столу. Молчалъ и я.

Наконецъ, Иванъ Петровичъ нарушилъ общую тишину. Онъ сказалъ:

— Нѣтъ, больныхъ елеемъ мы не мажемъ. По крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности я не слыхалъ, чтобы какого болящаго брата мазали елеемъ...

— Если больныхъ своихъ вы не можете елеемъ,—замѣтилъ я,—тѣмъ самымъ вы не храните заповѣди апостола. А кто учить иначе, чѣмъ апостолы, тотъ—анаема (Гал. 1, 9). Какіе же вы христіане? А еще называете себя „евангеликами“, почивающими на апостольскихъ писаніяхъ!..

Сектанты оказались въ неловкомъ положеніи. Православные съ состраданіемъ смотрѣли на Ивана Петровича. Тотъ сказалъ:

— Если судить по *буквѣ* Писанія, мы неправы. Но мы утѣшаемся тѣмъ, что ап. Іаковъ про *духовный* елей писалъ,—про *наши молитвы* къ Богу...

Я отвѣтилъ:

— О молитвахъ ап. Іаковъ говоритъ *отдѣльно*. Онъ заповѣдуетъ *молиться* и при этомъ *мазать* больныхъ елеемъ. А вы все подъ одинъ отдѣлъ подводите,—это ошибка.

Кромѣ того: если елей понимать *духовно*,—отчего и самихъ пресвитеровъ не брать въ *духовномъ* смыслѣ? Тогда ужъ всю заповѣдь ап. Іакова надо изъяснять въ *духовномъ* смыслѣ, а это—явное *зablужденіе*...

Итакъ, апостолъ велитъ *настоящимъ*, а не *духовнымъ* елеемъ мазать больныхъ. Вы этой заповѣди не храните; за это на васъ лежитъ *анаема* апостольская (Гал. 1, 9)...

— Да вѣдь Іаковъ апостолъ не говоритъ, что больной выздоравливаетъ отъ масла. Чудесную силу онъ приписываетъ „*молитвѣ вѣры*“, — возбужденно заговорилъ Иванъ Петровичъ.

— Точно,—отвѣтилъ я,—апостолъ пишетъ, что „*молитва вѣры исцѣлитъ болящаго*“. Но если бы при этомъ не нуженъ былъ елей, онъ бы про него не говорилъ въ стихѣ 14. А то

молиться апостолъ заповѣдуетъ *само собой*, а мазать больныхъ елеемъ—*само собой*...

— Не усматриваемъ изъ Писанія, чтобы для христіанъ *видимый* елей имѣлъ какую-либо силу,—въ раздумьи произнесъ Иванъ Петровичъ.

Я возразилъ:

— Вы не усматриваете изъ Писанія значенія *видимаго, вещественнаго* елея потому, что *не хотите* этого видѣть. А если въ самомъ дѣлѣ обратитесь къ Евангелію,—тамъ вы прочитаете: апостолы *„пошли и проповѣдывали покаяніе; изгоняли многихъ бесовъ, и многихъ больныхъ мазали масломъ, и исцѣляли“* (Мр. 6, 13).

Раздумайтесь надъ прочитанными словами изъ Евангелія. Апостолы, конечно, безъ елея могли исцѣлять больныхъ. Но сказано, что, врачуя недугующихъ, они *мазали ихъ елеемъ*. Почему? Потому, что люди не изъ *одной души* состоятъ, а вмѣстѣ съ душой облечены еще *тѣлами*. Такъ вотъ—для души лѣкарствомъ служитъ *молитва духовная*, а для тѣла—также молитва, *сопровождаемая помазаніемъ елея*...

Нѣчто сходное съ этимъ заимствуемъ изъ жизни Самого Спасителя. Христосъ—Богъ Всемогушій (Іоан. 17, 3; 1 Іо. 5, 20). Однимъ словомъ могъ Онъ сотворить все (Іоан. 1, 3). Однако послушайте, что пишетъ ев. Іоаннъ: Господь *„пмоуль на землю, съдѣлалъ брєніе изъ плюновєнія и помазалъ брєніемъ глаза слѣпому и сказалъ ему: пойдѣ, умойся въ купальнѣ Силоамъ... Онъ пошелъ и умылся и пришелъ зрячимъ“* (Іоан. 9, 6, 7).—Спрошу я тебя, Иванъ Петровичъ: для чего Христу понадобилось „брєніе изъ плюновєнія“? Зачѣмъ исцѣленнаго Онъ послалъ въ купальню Силоамскую?..

— На то была воля Его! замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ я. Но Христосъ *лишняго, ненужнаго* ничего не дѣлалъ. Значитъ, потребны были и брєніе, и купальня Силоамская для исцѣленія слѣпорожденнаго. А для чего?—Да для того, чтобы этотъ слѣпонецъ *сильнѣе* запомнилъ совершенное надъ нимъ чудо,—чтобы разсказъ объ этомъ чудѣ *лубже* врѣзался въ сознаніе людей...

Вообще же замѣтьте: „Господь и апостолы, при своихъ чудотвореніяхъ, употребляли *внѣшнія* средства и дѣйствія,—напр., возложеніе рукъ, опоясанія, брєніе (Дѣян. 19, 12; 8, 17; Іоан. 9, 6),—потому, что все это полезно для нашей тѣлес-

ной природы. Эту природу ни Христосъ, ни апостолы не забывали. Потому и заповѣдали христіанамъ мазать больныхъ *видимымъ* елеемъ...

— Ну, пусть мы согрѣшаемъ, что не мажемъ елеемъ больныхъ, сказалъ Иванъ Петровичъ. Можетъ быть, со временемъ, еще станемъ мазать ихъ... Но и вы, православные, не по слову поступаете. Сказано: пусть больной „призоветъ пресвитеровъ“,—а у васъ *одинъ* священникъ мажетъ масломъ. Это неправильно...

Я отвѣтилъ:

— Если бы православная Церковь *учила*, что помазаніе елеемъ или елеосвященіе *долженъ* совершать *одинъ* священникъ,—она бы погрѣшила противъ апостола. А то она учитъ, что елеосвященіе *обязаны* совершать собственно *семь* священниковъ. Но гдѣ, напр., бѣднымъ крестьянамъ, живущимъ въ глухихъ углахъ нашей родины, достать семь священниковъ? Дай Богъ ему *одного* привезти къ больному...

Значить, только *по нуждѣ*, вмѣсто семи, при елеосвященіи мы обходимся *однимъ* священникомъ. Причемъ, чтобы не было даже *наружнаго* отступленія отъ апостольской заповѣди,—православная Церковь велитъ священнику болящаго христіанина мазать *семь разъ*,—какъ бы отъ лица семи пресвитеровъ.—Такимъ образомъ мы *не разрушаемъ* апостольскаго ученія.—По правамъ священники вѣдь *все равны* предъ Господомъ: что можетъ совершать одинъ.—это дано и другому. Потому, когда *одинъ* священникъ *семь разъ* мажетъ больного,—сила такая снова остается *такою же*, какъ если бы елеосвященіе совершали семь священниковъ...

— Еще бы одинъ вопросецъ предложилъ я вамъ. Можно? Спросилъ меня сидѣвшій рядомъ со мной сектантъ.

— Конечно, можно—отвѣтилъ я. Говорите ради Бога!..

— Почему у васъ не надъ всѣми больными совершаютъ помазаніе елеемъ? Значить, надъ кѣмъ не совершать, тотъ погибъ?

— Совсѣмъ *не значитъ*, отвѣтилъ я. О елеосвященіи, или помазаніи масломъ, Христосъ не далъ такой же заповѣди, какъ о крещеніи. Про крещеніе сказано, что безъ него *нельзя* войти въ царствіе Божіе (Іоан. 3, 3); а про помазаніе елеемъ такой *рѣшительной* заповѣди мы не находимъ.—Это таинство въ нѣкоторомъ отношеніи надо приравнивать къ браку.

Кто не захочетъ жениться,—надъ тѣмъ священнодѣйствіе брака *никогда* не совершится; однако такой холостякъ *спасется*, если соблюдетъ евангельскія заповѣди.—Подобное этому надо сказать и про помазаніе елеемъ. Оно *необходимо* должно совершаться въ *цѣлой* Церкви Христовой; *частные* же или *отдѣльные* христіане,—къ своему, разумѣется, глубокому сожалѣнію,—могутъ не принимать его. Это ихъ лишеніе и скорбь духовная; но черезъ то они не теряютъ Царства Божія. въ случаѣ *праведной* кончины...

Я поставилъ на видъ своимъ собесѣдникамъ, что они, хвалясь своей вѣрностью Слову Божію, въ *дѣйствительности* его разрушили и ложно перетолковали и мы мирно разстались.

Д. Боголюбовъ.

Имѣлъ ли право м. Амвросій принять раскольническую паству безъ порученія ея ему?

Въ прошломъ году въ д. Сукинѣ, Нижегородской епарх. епархіальный миссіонеръ велъ бесѣду съ раскольничьимъ начетникомъ Усовымъ. Бесѣда велась о незаконномъ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи.

Миссіонеромъ было прочитано въ началѣ бесѣды изъ Евангелія отъ Іоанна зачало 67 и истолкованія на это зачало бл. Теофилакта: „Понеже убо конецъ имяше съ ними обѣду, *Петрови паству вселенныя овцамъ поручаетъ*, не иному же, но Петрови сію даетъ. прежде убо яко всѣхъ лучшу же и мудрѣйшу, и яко всему лицу апостольску начальнику, потомъ же являя ему, яко достоинъ на се дерзати, зане по отверженіи помилованъ“ (Благов. листъ 307.). Прочитавъ эти слова, миссіонеръ сказалъ: Господь отвергшагося апостола возстановилъ въ ликѣ апостольскомъ и поручилъ ему пасти Своихъ овецъ. По мнѣнію старообрядцевъ, Амвросій былъ въ ереси, въ отпаденіи отъ правой вѣры, поэтому спрашивается: *въ обществѣ старообрядцевъ-раскольниковъ, приходящему отъ ереси Амвросію, кто поручилъ паству, по какимъ правиламъ и кто возвратилъ ему благодать?*

Въ отвѣтъ на вопросъ *Усовъ* сказать: „Почтеннѣйшіе слушатели! я желаю сказать предъ вами, правильно ли мы приняли митрополита Амвросія отъ еретической Церкви? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я уясню, кто такой былъ Амвросій. Исторія говоритъ, что Амвросій былъ добрымъ пастыремъ (читаетъ „Исторію австрійскаго священства“. Субботина, стр. 363 — 367). Одна боснійская лѣтопись отзывается объ Амвросіѣ такъ: „этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было спокойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды.“ Защищая народные интересы, Амвросій вошелъ въ столкновение съ турецкими правителями Босніи; по ихъ настоянію, въ 1840 году онъ былъ отозванъ изъ Сараева въ Константинополь („Истор. Бѣлокр. іер“. Субб. томъ 1, стр. 367). Видите, заключилъ чтеніе *Усовъ*, самый злѣйшій врагъ старообрядчества, г. Субботинъ, и тотъ свидѣтельствуешь объ Амвросіи, что онъ возведенъ въ санъ митрополита законно, соборомъ архіереевъ греческой Церкви, что онъ былъ святой человѣкъ, и что совершенно невинно, за одно покровительство бѣдному народу, лишень былъ, по происку турецкихъ пашей, Босно-сараевской каведры, но епископскаго сана однако не былъ лишень. Въ Константинополь къ нему прибыли иноки Павелъ и Алимпій и стали убѣждать его перейти къ старообрядцамъ. Онъ опасался измѣнить вѣрѣ, спрашивалъ бывшаго при константинопольской Церкви дидаскала о нашей вѣрѣ; тотъ ему сказалъ, что эта вѣра отличается отъ нашей только тѣмъ, что въ сложеніи перстовъ во образованіе Св. Троицы меньшимъ перстомъ старообрядцы уменьшаютъ ревность Св. Духа. Амвросій послѣ того совѣмъ было отказался отъ перехода въ нашу вѣру, но наши иноки, при содѣйствіи сына его Георгія, убѣдили его въ правотѣ нашей вѣры, и онъ согласился оставить греческую вѣру и перейти въ старообрядческую. Итакъ, Амвросій былъ искренно вѣрующій человѣкъ; онъ по своему убѣжденію пожелалъ быть въ нашей вѣрѣ и былъ принятъ по 8 правилу 1-го вселенскаго собора и по 69 правилу собора кареагенскаго. По силѣ этихъ правилъ совершенно не нужно никакого порученія пасти паству. Теперь я васъ спрошу: на основаніи какихъ свято-соборныхъ правилъ ваша Церковь

признаетъ нашихъ епископовъ самозванцами? Докажите, гдѣ написано, что епископъ, приходя отъ ереси въ Церковь, лишается сана?

Миссіонеръ. Ив. Григорьевичъ считаетъ совершенно не нужнымъ порученіе епископу со стороны высшей церковной власти паствы, а потому говорить не о врученіи Амвросію паствы, а о томъ, что Амвросій былъ человѣкъ хорошій и получилъ санъ архіерейства въ греческой Церкви, что онъ добровольно, по убѣжденію иноковъ Павла и Алимпія, перешелъ въ расколъ и тамъ приять по 8 правилу 1-го всел. собора и 69 кареагенскаго, въ сущемъ санѣ. Отсюда собесѣдникъ дѣлаетъ выводъ, что Амвросій не самозванецъ, принять былъ старообрядцами законно и священства не лишился. Собесѣдникъ даже считаетъ невозможной мысль, чтобы Амвросій лишился священства, а потому и требуетъ отъ меня доказательства того, что Амвросій лишился священства. На вопросъ собесѣдника отвѣчаю: изъ 68 правила св. апостолъ ясно, что еретическое поставленіе не пріемлется. Это первое; далѣе, Амвросій, перейдя отъ греческой Церкви къ обществу людей, которые греческими и русскими патріархами и епископами объявлены раскольниками за неповиновеніе Церкви (Москов. соб. 1667 г.), лишился права священнодѣйствія. Со времени его перехода всѣ его раскольническія дѣйствія стали незаконны и безблагодатны. Восьмое правило 1-го всел. собора не оправдываетъ, а обвиняетъ Амвросія. Оно читается: „*Еретицы малолеми чисти, приходяще къ соборной Церкви, первое да исповѣдѣтъ, яко повинуются церковнымъ законамъ*“. Амвросій пришелъ къ обществу раскольниковъ, а не къ соборной Церкви. Далѣе, Амвросій далъ подписку вопреки правилъ поставить себя намѣстника (Прав. св. ап. 76 и анкирск. собора 23 пр.) и этой подпиской выразилъ обязательство не виновнаться Церкви. Наконецъ, правило говорить, что православный епископъ „*да вдастъ ему* (бывшему еретическому епископу) *тыѣнь епископію*“, т. е. поручить овецъ, какъ Господь поручилъ Петру, а Амвросію никто не поручалъ; впрочемъ нашъ собесѣдникъ говоритъ, что этого дѣлать совершенно и ненужно, а правило говорить: „*да вдастъ ему тыѣнь епископію*“, значитъ—нужно, а этого и не сдѣлано при чинопріемѣ Амвросія. Правило нарушено.

Усовѣ. Миссіонеръ прочиталъ 68 пр. св. апост., но отвѣчаетъ ли онъ на мой вопросъ? Нѣтъ, не отвѣчаетъ. Это правило говорить объ еретикахъ перваго чина, отъ которыхъ ничего не принимается, а они наше крещеніе принимаютъ. Правило надо различать, а миссіонеры, какъ и безпоповцы, мѣсятъ все въ одно. Посмотримъ, что содержится въ 68 правилѣ. Въ немъ запрещается принимать крещеніе и хиротонію еретиковъ, а господствующая Церковь принимаетъ отъ насъ крещеніе. И что же вышло? а вышло то, что этимъ правиломъ миссіонеръ осудилъ себя и всю свою Церковь. Если нашу Церковь миссіонеры признаютъ самозванной, то зачѣмъ принимаютъ отъ насъ крещеніе? Это — не по правиламъ. Далѣе, митр. Амвросій пришелъ къ намъ по убѣжденію въ правотѣ нашей вѣры. Это свидѣтельствуется подписаннымъ имъ условіемъ, гдѣ говорится, что *я, митр. Амвросій... не по нужди и ни по какой страсти, но по чистой совѣсти согласился съ вышереченными депутатами (Павломъ и Алимпіемъ)... Заблаговозволилъ поступить въ староверческую религію въ сущемъ званіи митрополита* (Условіе на стр 137).

Къ тому же, почтенные слушатели, миссіонеръ по собственному разумѣнію толкуетъ 8 пр. 1-го всел. соб. Вѣдь вы сами видите, что въ этомъ правилѣ ни о какомъ поручительствѣ не говорится. Соборъ опредѣлилъ, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ православныхъ епископовъ, присоединенные оставались въ томъ же достоинствѣ, по возложеніи на нихъ рукъ, а подъ возложеніемъ рукъ разумѣтся мѣропомазаніе. Вотъ и Симеонъ Солунскій говоритъ объ этомъ ¹⁾ (читаетъ 11 гл. въ рус. переводѣ). Въ древности мѣропомазаніе совершалось чрезъ возложеніе рукъ, а потомъ замѣнилось мѣропомазаніемъ.. Да и толкователь этого правила—Аристинъ—разумѣетъ подъ возложеніемъ рукъ мѣропомазаніе. Что же касается того, кто можетъ принимать отъ ереси, это — и миссіонеру извѣстно, что можетъ принимать священникъ. Такъ говорится объ этомъ и въ Больш. потребникѣ.

Миссіон. И. Гр. сказалъ отъ себя, будто 68 прав. св. Апост. говоритъ только объ еретикахъ перваго чина; ни въ правилѣ, ни въ толкованіи на него этого не сказано. Я снова

¹⁾ Гл. 43; л. 73 (по славянски).

утверждаю, что это правило говорится о всѣхъ еретикахъ, ибо „ересь отдѣляетъ отъ Церкви всякаго человѣка“, какъ сказали отцы 7-го всел. собора (Дѣян. 7 всел. соб. Том. 7 стр. 93). А что касается рѣчи 68-го пр. о непріятіи крещенія у еретиковъ, то на это приведемъ слова Іоанна Златоуста; по его ученію, въ сонмищахъ еретическихъ „тайны ни единыя нѣсть, развѣ крещенія святаго отъ нихъ, еже тако есть достойно, яко крещаемого отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію Церкви, паки крестити нетребѣ, аще ли не приидеть къ Церкви ничесоже, ему нѣсть полезно. (Апост. толк. зач. 150; л. 548 на об.). Если даже крещеніе еретическое „нетребѣ“ повторять, то понятно. почему мы не повторяемъ вашего крещенія, какъ священнаго въ обществѣ раскольниковъ, ибо крещеніе „отъ раскольника пріятно“, по словамъ Василия В. (Корм. л. 225, гл. 21); крещеніе ваше довершаемъ только миропомазаніемъ, ибо считаемъ несовершенно крещенными вами крещенныхъ. Изъ прочитаннаго же собесѣдникомъ условія м. Амвросія только видно, что Амвросій „согласился съ депутатами поступить въ старовѣрческую религію“, но нашъ собесѣдникъ умолчалъ о другомъ условіи, гдѣ означено даже, за какую цѣну онъ подрядился вступить въ расколъ „въ сущемъ званіи митрополита“. Поэтому напрасно онъ такъ рѣшительно утверждаетъ, что Амвросій пришелъ къ нимъ по убѣжденію въ правотѣ ихъ вѣры. Нѣтъ. Павелъ и Алимпій утверждаютъ, что Амвросій перешелъ „по просьбѣ ихъ“ и при условіи: „неотлагательно, по присоединеніи къ расколу, поставитъ въ намѣстники и другаго епископа и получатъ жалованье по 500 червонцевъ въ годъ. Не будъ этого условія, то есть, платы 500 червонцевъ, Амвросій и не подумалъ бы идти въ расколъ, сколько бы его не уговаривали иноки; онъ такъ и объясняетъ это австрійскому правительству. Онъ говоритъ: константинопольскіе патріархи „чрезъ цѣлыхъ пять годовъ не показали ко мнѣ никакого человѣколюбія, но оставили меня только на малой пенсіи при патріархіи, еще далѣе въ ожиданіи ваканціи,“ и во 2-мъ пунктѣ говоритъ: патріархи не обращали никакого вниманія на меня или подобныхъ мнѣ страдальцевъ, которыхъ въ Царь-градѣ есть довольно, и какъ (я?), не имѣя никакой „силы, или средства, терпятъ и

страдаютъ до сихъ поръ“ („Матер. для ист. Бѣлокр. іерархіи“. 1899 г. стр. 236 и 237).

Нашъ собесѣдникъ утверждаетъ, что въ 8 правилѣ ничего не говорится о какомъ-либо поручительствѣ. Неправда. 8-е правило говорить о двухъ предметахъ: въ началѣ сказано о чинопріятіи, а въ концѣ о порученіи паствы. Ясно сказано: *„аще убо будетъ въ коемъ градѣ истинный епископъ града того, будетъ же и отъ сихъ, малаомыхъ чистіи, другой епископъ поставленъ, или презвитеръ, въ своемъ сану да пребываетъ, но обаче поставленный отъ чистыхъ епископъ, или яко презвитеръ, да имать честь; или аще хоцетъ града того епископъ, да дастъ ему нѣгдѣ въ селѣ епископію, нѣсть бо мощно двѣма епископомъ быти во единомъ градѣ“* (Корм. л. 38). Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о порученіи епископу паствы и рѣшается такой случай: что дѣлать, если случится въ одной епархіи два епископа, и разрѣшается такъ: православный епископъ позаботится устроить къ мѣсту епископа изъ новатіанъ, какъ хочетъ: или оставить его съ именемъ епископа, но не велитъ ему дѣлать ничего епископскаго, или, если хочетъ, устроить его „нѣгдѣ“ въ селѣ епископомъ. Значитъ, епископъ изъ новатіанъ, по правилу, не иначе можетъ получить паству, какъ по порученію отъ православнаго епископа. Но какъ должны были получить паству обратившіеся отъ новатіанъ епископу въ тѣхъ епископіяхъ, гдѣ не было православнаго епископа? Не должны ли были они оставаться прямо епископами? Конечно, они оставались епископами, но опять таки по порученію православнаго епископа, въ подчиненіи котораго находилась епископія. На такое подчиненіе указываютъ прав. 6 и 7 того же собора; 30 и 31 прав. св. апостолъ. Даже на тотъ случай, еслибы свободный епископъ занялъ свободную епископію, есть указаніе, какъ это должно сдѣлать. Это указывается въ 16 прав. Ант. собора. Въ православной Церкви постановленіе о врученіи паствы соблюдалось всегда. Примѣръ такого врученія паствы мы видимъ и въ Русской Церкви. Даніилъ епископъ владимірскій, поставленный митроп. Исидоромъ, по отступленіи его отъ православія, у св. Іоны просилъ прощенія и принятія въ общеніе, и митроп. Іоною дана была грамота, въ которой было написано:.. „по челобитію, и по исповѣданію, и по покоренію и благопокоренію, еже къ Богу и къ

Церкви Божіей и къ нашему смиренію, Даніила епископа владимірскаго и берестійскаго, мы простихомъ его и благословихомъ, со всѣми нашими дѣтьми и съ служебники, съ архіепископомъ и епископы рускими нашія митрополія, елици въ сіе время прилучишася при насъ, и поволихомъ ему и слитургисати съ нами, онъ же и слитургисаше съ нами въ святѣй службѣ. Таче жъ и отпустихомъ его, съ духовною любовію, въ прежереченную святѣйшую епископью владимерскую и на весь предѣлъ той епископии. И того ради долженъ есть боголюбивый епископъ Даніиль, о Святѣмъ Дусѣ сынъ и сослужебникъ нашего смиренія, творити въ той своей епископии вся святительская церковная оправданія, якоже то издавна пошло. Еще же благословихомъ его и повелѣхомъ ему, потруженія его ради еже къ намъ пришествія его, и въ нашу митрополію, съ протропами (протопопами) намѣстниковъ нашихъ кіевскаго и наугородскаго, въ дьяконы поставляти и въ попы свершати, и то учинихомъ по его челобитію. И сего ради дана бысть ему грамота сія нашего смиренія, во утверженіе его, на Москвѣ, мѣсяца“... (Руск. Истор. Библіотека часть I. СПб. 1880 г. стат. 72; стран. 589—590). Изъ грамоты видно, что св. Іона вручилъ Даніилу *„епископью владимерскую и весь предѣлъ той епископии“* „творити въ той своей епископии вся святительная церковная оправданія“ „и въ дьяконы поставляти и въ попы свершати“... „И сего ради дана бысть ему грамота сія нашего смиренія, во утверженіе его.“ Въ утвержденіи Амвросія ничего такого не было сдѣлано, да нашъ собесѣдникъ говоритъ: этого и не нужно, а церковныя правила этого требуютъ.

Потомъ нашъ собесѣдникъ словами Симеона Солунскаго и Аристіна доказывалъ, что подъ руковозложеніемъ, о которомъ говорится въ 8 пр. 1 вс. соб; нужно разумѣть мѣропомазаніе. Посмотримъ. Что мѣропомазаніе прежде совершалось чрезъ руковозложеніе, это— правда, но въ 8 правилѣ не объ этомъ говорится. Тотъ же Симеонъ Солунскій, на котораго ссылается собесѣдникъ, утверждаетъ: „новосѣкутъ же иже мѣромъ въ хиротоніихъ законно мажеми латини“ (Гл. 75, л. 107.), значитъ, по мысли бл. Симеона, мѣропомазаніе для утвержденія хиротоніи есть нововведеніе латинянъ; кромѣ того въ прочитанномъ нашимъ собесѣдникомъ мѣстѣ доказывается та мысль: „несовершенно кто крещенъ,

ниже и мѣра не пріемый, а потому будетъ нужда симъ (мѣромъ) печататися всякому вѣрному въ крещеніи, да и божественнѣйшее крещеніе всякъ крестивыйся совершенно имать въ себѣ“ (Гл. 43, 73 листъ на об.). Значить, мѣропомазаніемъ только дополняется крещеніе,—вотъ что доказываетъ Сим. Солунскій, а не то, что мѣропомазаніе употребляется вмѣсто возложенія рукъ. Говоря о благодатныхъ дарованіяхъ каждаго таинства, онъ такъ разсуждаетъ: „убо благодать есть Троицы въ насъ и подается намъ сія отъ Отца чрезъ Сына, воплотившагося въ Святѣмъ Дусѣ, того ради и различно въ насъ тая дѣйствуетъ и оваго убо совершаетъ и возрождаетъ чрезъ крещеніе, оваго же мажетъ и печатствуетъ мѣромъ, оваго же іерея хиротонисуетъ, и сего же разно... Тѣмъже не Упостась есть Духа въ насъ, но въ Дусѣ (Духомъ) общая благодать Троицы, и разная дѣйства того ради ниже иже крещеніе пріемый. Абіе бываетъ іерей, ниже иже діаконъ бывъ, и пресвитера пріемлетъ силу. Ниже иже пресвитеръ хиротонисовая, и епископа пріемлетъ благодать. Но кѣмъже еже прія, прія“ (На латыни гл. 32; л. 60-й). Итакъ каждое таинство подаетъ особливую благодать: мѣропомазаніе печатствуетъ, но не хиротонисуетъ. Нашъ собесѣдникъ приводитъ толкованіе Аристіна на 8-ое правило и этимъ хочетъ доказать, что вмѣсто возложенія рукъ нужно употреблять помазаніе. У Аристіна въ толкованіи дѣйствительно говорится о мѣропомазаніи, но его толкованіе не соответствуетъ мысли, содержащейся въ 8 правилѣ 1 всел. собора. Въ 8 правилѣ соборъ сдѣлалъ постановленіе о новатіанахъ—принимать ихъ въ сущемъ санѣ, и указалъ, какъ принимать и какъ ихъ распредѣлять. Аристинъ разсуждаетъ о трехъ чинопріятіяхъ, о чемъ на I-мъ вселенскомъ соборѣ и рѣчи не было. Опредѣленное правило о 3-хъ чинопріемахъ было высказано Вас. Великимъ (1 пр.), 2 всел. соб. (7-е) и 6 всел. соб. (95), а до того времени существовали правила неопредѣленные. Св. Вас. Великій въ 47 прав. говоритъ: енкратиты, саккофоры и апотактиты подлежатъ тому же суду, какъ и новатіане. *О послѣднихъ издано правило, хотя и различное...* И въ концѣ правила говоритъ: „Почему, если угодно сіе, то надобно собраться большому числу епископовъ и такимъ образомъ изложить правило, чтобы и дѣйствующій былъ въ безопасности, и отвѣчающій имѣлъ

достоѣрность, когда даетъ отвѣтъ о чемъ либо-подобномъ“. (Твор. Вас. Вел. часть 7. Второе канонич. посл. къ Амфилохію; прав. 47 стр., 61). Аристинъ, жившій гораздо позже перваго вселенскаго собора, къ правилу, высказанному неопредѣленно, сдѣлалъ толкованіе, имѣя въ виду опредѣленные правила, которыхъ еще не существовало во время 1-го всел. собора, а были установлены позже, а потому и вышло толкованіе не соотвѣтственное правилу, а раскольники и стараются выполнять то, что не согласно съ 8-мъ правиломъ.

Въ данномъ же случаѣ—въ 8 правилѣ—подъ возложеніемъ рукъ нужно понимать не мѣропомазаніе, а благословеніе, это свидѣтельствуется практикой Церкви того времени. Изъ правилъ лаодик. собора—19 и кареагенскаго — 52,—видно, что на кающихся была возлагаема рука епископа, объ этомъ возложеніи, примиряющемъ съ Церковію, и говорятъ отцы 1-го вселенскаго собора. Такъ понимать это правило даетъ поводъ и предсѣдатель 1-го всел. соб., патріархъ Тарасій, который на вопросъ о рукоположеніи, сказалъ: „слово *рукоположеніе* можетъ быть здѣсь сказано просто о благословеніи, а не о хиротоніи“ (Дѣян. 7 всел. соб. т. 7, стр. 93). Есть, далѣе, каноническій отвѣтъ на вопросъ: „отчего признается твердымъ рукоположеніе еретиковъ“? Въ отвѣтъ сказано, что „погрѣшительное въ рукоположеніи еретика исправляется возложеніемъ рукъ“,—и здѣсь слова „возложеніе рукъ“ употреблены въ значеніи „благословенія“. Отвѣтъ сей приписываютъ патр. Геннадію, жившему въ V вѣкѣ (О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ принятія неправославныхъ христіанъ въ православную Церковь. Сергія еписк. вятскаго. Изд. 3-е, стр. 144 ¹⁾).

Такимъ образомъ изъ обычая употреблять возложеніе рукъ для примиренія съ Церковію можно удостовѣриться, что подъ „возложеніемъ рукъ“ въ 8 прав. дѣйствительно разумѣется возложеніе рукъ для сообщенія благословенія, а не мѣропомазаніе.

Усозг. Миссіонеръ обвиняетъ насъ за то, что мы Амвросія приняли въ сущемъ санѣ чрезъ мѣропомазаніе, а сами они католиковъ принимаютъ также чрезъ мѣропомазаніе и

¹⁾ Въ греческ. текстѣ напечат. у Pitra. Iuris eccles. hist. et monum. t. II, p. 187—188.

въ этомъ противорѣчать даже греческой Церкви, которая католиковъ считаетъ еретиками перваго чина и на соборѣ 1756 года рѣшила принимать ихъ чрезъ крещеніе (Шидаліонъ), а никоніанская Церковь крещеніе католиковъ признаетъ. Что же касается до того, что миссіонеръ читалъ изъ книги Сим. Солунскаго, на это я скажу только то, что Сим. Солун. нигдѣ не говоритъ, что муро враждебно хиротоніи. Онъ же говоритъ и о католикахъ, что у нихъ при каждомъ посвященіи помазуютъ муромъ. Неужели же у нихъ, какъ думаютъ миссіонеры, смазывается хиротонія? да и соборъ 1667 г. опредѣлилъ католиковъ принимать чрезъ муропомазаніе, и патр. антиохійскій Макарій шесть уніатскихъ священниковъ принялъ чрезъ муропомазаніе (Истор. митр. Макарія т. XII; 175 стр.).

Миссіонеръ говоритъ одно: кто поручилъ Амвросію паству? Опять отвѣчаю: никакого порученія не требуется, а требуется только присоединеніе, и епископы должны исправлять всѣ епископскія дѣла безъ всякаго порученія; вѣдь, когда человѣкъ приметъ христіанскую вѣру, не требуется ему поручать дѣлать христіанскія дѣла — поститься, молиться, — и безъ того онъ долженъ дѣлать, такъ и епископъ, а что безъ всякаго порученія епископы могутъ исправлять епископскія дѣла, я скажу вамъ, что въ древности въ городѣ пакаціанской Фригіи, Синаидѣ, былъ епископъ Θεодосій; онъ неослабно преслѣдовалъ находящихся еретиковъ и изгонялъ ихъ; въ особенности много пострадалъ отъ него ихъ епископъ Агапить, бывший предстоятелемъ македоніанскаго вѣроисповѣданія. Для исполненія наказаній еретиковъ Θεодосію казалось мало власти областныхъ начальниковъ: онъ отправился въ Константинополь и просилъ окружныхъ указовъ. Покуда онъ тамъ былъ, Агапить, посовѣтовавшись со всѣмъ своимъ клиромъ и созвавъ подчиненный себѣ народъ, убѣдилъ его принять вѣру въ единосущіе и, когда достигъ этого, тотчасъ занялъ престолъ, на которомъ возсѣдалъ Θεодосій. Спустя немного времени возвращается Θεодосій, но онъ не былъ принятъ народомъ и опять отправился въ Константинополь оплакивать предъ Аттікомъ свое несчастіе. Аттікъ, разсудивъ, что дѣло произошло съ пользою для Церкви, утѣшилъ Θεодосія словами, а Агапиту написалъ, чтобы онъ управлялъ епископіею, не опасаясь ни-

чего непріятнаго отъ огорченія Θεодосіева (Сократ. кн. 7, гл. 3). Агапитъ безъ всякаго порученія принять былъ клиромъ и народомъ и сталъ управлять Церковію. Кромѣ Агапита, скажу еще примѣръ: Петръ Монгъ въ 480 г. похитилъ самовольно престолъ Александрійскій и предавалъ анаѳемѣ Халкедонскій соборъ; онъ такъ и оставался Александрійскимъ епископомъ.

Миссіонеръ ссылается на другое условіе, заключенное м. Амвросіемъ; но оно подложно. Извѣстно, что подлинное условіе Пафнутій въ 1858 г. изорвалъ въ клочки. Откуда же оно взялось?—Это—подлогъ. А что Амвросію выдавалось 500 червонцевъ, въ этомъ бѣды нѣтъ никакой; ваши архіереи получаютъ отъ 12 до 50-ти тысячъ; 500 червонцевъ на наши деньги 1500 р.; у васъ миссіонеры получаютъ по 1200 р., по опредѣленію Казанскаго собора 1885 г.

Миссіонеръ сослался на слова Тарасія, что онъ сказалъ о рукоположеніи; это сказалъ Тарасій условно,—можетъ быть, о благословеніи, а можетъ быть и иначе.

Миссіон. Собесѣдникъ упрекаетъ нашу Церковь за то, что она принимаетъ католиковъ чрезъ мѣропомазаніе и винитъ за то, что она не послѣдуетъ греческой Церкви, которая съ 1756 г. постановила католиковъ принимать чрезъ крещеніе. Наши порядки и непорядки для старообрядцевъ не оправданіе, не о нихъ рѣчь, а потому и не слѣдовало бы говорить о нихъ. Однако, чтобы не остаться безотвѣтнымъ скажу: разнообразіе въ чинопріемѣ еретиковъ не нарушаетъ православія нашей и греческой Церкви. Это было и прежде: армянь принимали въ великихъ и соборныхъ церквахъ чрезъ мѣропомазаніе, а въ другихъ церквахъ чрезъ крещеніе, и однакоже въ Кормчей по сему предмету сказано: „мы же сія вся разсмотрѣвши, должны есмы обычаю послѣдовать нынѣ держащему въ митрополіяхъ и патріархіяхъ“. (Кормч. гл. 70; л. 637).

Напрасно винитъ меня собесѣдникъ въ глумленіи надъ мѣропомазаніемъ, что я, будто бы, утверждаю, что мѣро смазываетъ хиротонію. Этого я не говорю, а только упомянулъ, что это *католическій обычай—при хиротоніи мазать мѣромъ*. Это сказано въ той же главѣ, которая начинается словами: „Да преемство присно пребываетъ благодати отъ Христа въ насъ, ниже мѣро безъ мѣра совершается, ниже хиротонія,

кромѣ мѹра: тѣмъ же и священство мѹромъ бываетъ“ (Сим. Сол. гл. 75; листъ 103 на об. и 104), и однако въ этой же главѣ сказано: „новосѣкутъ же иже мѹромъ въ хиротоніяхъ законно мажемъ латини“. Значитъ, Амвросій мѹромъ помазанъ по обычаю—латинъ, вотъ на что я указывалъ, а не говорю, что мѹро смазываетъ хиротонію; я утверждаю, что въ правилѣ не показано мазать мѹромъ, и въ православной Церкви такого обычая для возстановленія дѣйствія хиротоніи не существуетъ.

Собесѣдникъ обвиняетъ нашихъ епископовъ, что получаютъ болѣе Амвросія, винить и миссіонеровъ, что они по 1200 рублей получаютъ, но самъ же сказалъ, что не знаетъ того, сколько получаетъ нашъ преосвященный, да и о миссіонерахъ тоже не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній, и все это невѣрное говорить въ оправданіе Амвросія. То, что получаютъ наши епископы и миссіонеры,—много ли, мало ли,—не оправдываетъ Амвросія, а что онъ получаетъ, это его обвиняетъ, потому что онъ сначала подрядился, что работать и за какую цѣну, а потомъ по указанію нанимателей и сталъ работать, какъ ему приказывали, не понимая ни рѣчей, которыя онъ произносилъ, написанныхъ греческими буквами,—ни языка, на которомъ его заставляли служить. Чувствовалъ онъ, что скверное дѣло дѣлаетъ, и за то требовалъ аккурратно денежки, а если не успѣвали платить, грозилъ анаѣмой. Наши архіереи такихъ интересовъ не имѣютъ, а потому и указаніемъ на ихъ жалованье Амвросій—наемникъ не оправдывается.

Патріархъ же Тарасій дѣйствительно сказалъ: „слово *рукоположеніе*, можетъ быть, здѣсь сказано просто о благословеніи, а не о хиротоніи“, но не сказалъ „о чемъ другомъ“, какъ говорить нашъ собесѣдникъ. Св. Тарасій сказалъ эти слова на соборѣ, можетъ быть, потому, что нѣкоторые понимали подъ „возложеніемъ рукъ“ повтореніе хиротоніи; патріархъ Тарасій и говоритъ: „здѣсь сказано просто о благословеніи“. Однако, сколько мы ни говорили, а вопросъ о томъ, кто Амвросію вручилъ паству, остается нерѣшеннымъ.

Прот. И. Фіалковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Русское сектантство и противосектантская миссія въ Закавказскомъ краѣ.

Желая познакомить читателей „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ съ положеніемъ русскаго сектантства и противосектантской миссіи въ Закавказскомъ краѣ, мы должны сознаться, что въ здѣшнемъ сектантскомъ мірѣ, совершенно еще не изслѣдованномъ, существуетъ много тайниковъ для юной здѣсь миссіи, а поэтому и наше первое обзорѣніе не будетъ отличаться всестороннею полнотою.

I.

Трудно съ точностію опредѣлить, въ какомъ году появились первые русскіе сектанты въ Закавказскомъ краѣ; но съ несомнѣнностію можно утверждать, что время появленія ихъ здѣсь восходитъ почти къ началу истекшаго 19-го столѣтія, т. е. къ первымъ годамъ присоединенія къ Россіи Грузіи. Еще въ 1817 году 24 ноября, по поводу отказа духоборцевъ средней Россіи давать присягу и поступать въ военную службу, комитетомъ Министровъ было уже постановлено: „духоборцевъ принимать въ военную службу безъ принужденія къ присягѣ, отсылая ихъ въ отдѣльный корпусъ войскъ, въ Грузіи находящійся“ ¹⁾. Одновременно съ изданіемъ этого постановленія, или даже ранѣе его, духоборцевъ стали высылать изъ Россіи въ Закавказскій край за разныя преступленія цѣлыми семьями и обществами, такъ что въ 1821 году въ Ахалцыхскомъ округѣ, Тифлисской губерніи, ихъ насчитывалось уже до 2,300 душъ. Начальникъ этого округа доносилъ о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующее: „духоборцы въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ поселены цѣлыми массами вмѣстѣ съ старшинами ихъ, которые, имѣя даръ слова, сильный характеръ и большое вліяніе на умы единомышленниковъ, стараются внушить имъ, что преслѣдо-

¹⁾ Арх. дѣло М. В. Д. 1817 г. № 17, см. Новицкаго „Духоборцы“ 118 стр.

ваніе за вѣру должно еще больше укрѣплять ихъ въ ней“¹⁾. Такъ или иначе, высылаемые изъ Россіи духоворцы и были, надо полагать, первыми русскими сектантами въ Закавказьѣ.

Съ 30-хъ годовъ, кромѣ духоворцевъ, появляются здѣсь и другіе сектанты, какъ-то: молокане, іудействующие и раскольники старообрядцы. Высочайшимъ указомъ, отъ 20-го октября 1830 года, Закавказскія провинціи назначались мѣстомъ ссылки для особенно вредныхъ русскихъ сектантовъ: скопцовъ, молоканъ, духоворцевъ и іудействующихъ, „изобличенныхъ въ распространеніи своей ереси и привлеченіи къ оной другихъ, а также въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзостяхъ противъ Церкви и духовенства православной вѣры“²⁾. Вслѣдствіе изданія этого закона, въ Закавказье потянулись цѣлыми сотнями—религіозные отщепенцы со всѣхъ сторонъ: изъ Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской и др. губерній, съ тихаго Дона и съ береговъ Волги... Первые селенія, образованныя русскими сектантами, появляются въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи: въ 1824 году раскольниками—старообрядцами образовано было здѣсь селеніе Вель, въ 1834 году іудействующими—селеніе Привольное, въ 1839—40-хъ годахъ молоканами—селеніе Пришибъ и Николаевка и т. п. Въ тѣхъ же 30 годахъ впервые являются русско-сектантскія селенія въ Шемахинскомъ, Геокчайскомъ, Елисаветпольскомъ и др. уѣздахъ. Съ этого времени количество сектантовъ въ Закавказскомъ краѣ съ каждымъ годомъ увеличивается все болѣе и болѣе; особенно же нужно сказать это о 40-хъ годахъ, когда цѣлыми партіями были переселяемы въ Закавказье таврическіе духоворцы, образовавшіе въ Тифлисской и Елисаветпольской губерніяхъ, а потомъ и въ Карсской области свои обширныя селенія³⁾.

Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ среди Закавказскихъ молоканъ возникаютъ новыя толки, каковыми являются сектанты „общіе“ или „акинфіевцы“ и „прыгуны“ или „сіонцы“. Секта „общихъ“ распространялась первоначально въ Бакинской губерніи и была занесена сюда ссыльными саратовскими выходцами изъ молоканъ, среди которыхъ находился и самъ основатель секты Михаилъ Акинфіевъ Поповъ, переведенный впослѣдствіи отсюда въ Сибирь. Прыгунство же, выродившееся изъ секты „общихъ“, представляетъ изъ себя явленіе чисто мѣстное. Основателемъ его былъ делижанскій крестьянинъ Лукьянъ Петровъ, а главнымъ организаторомъ

¹⁾ Арх. дѣло М. В. Д. 1824 г. № 19 см. Новицкаго „Духоворцы“ 120 стр.

²⁾ Указъ 1830 г. октября 20-го, Втор. собр. зак. V т. 4,010.

³⁾ Подробнѣе о переселеніи духоворцевъ см. Новицкаго „Духоворцы“ 153—154 стр.

и самымъ знаменитымъ наставникомъ—житель селенія Никитина, Александропольскаго уѣзда, Максимъ Рудометкинъ, по прозванію „Комаръ“. Отличаясь мистическимъ характеромъ, секта прыгуновъ получила большую распространенность среди здѣшнихъ молоканъ, чѣмъ секта „общихъ“, коммунистическія начала которой оказались мало примѣнимыми на дѣлѣ ¹⁾).

Съ конца 60-хъ годовъ среди русскаго населенія Закавказскаго края появляются представители секты, именующей себя „баптизмомъ“. Первымъ баптистомъ изъ русскихъ былъ здѣсь тифлисскій житель Никита Исаевъ Воронинъ, природный молоканинъ, совращенный и крещенный въ баптизмъ въ 1867 году тифлискимъ колонистомъ изъ нѣмцевъ Мартыномъ Кальвейтомъ, при содѣйствіи евангелика Делякова. Воронинимъ были совращены въ баптизмъ другіе тифлискіе жители, среди которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ его приказчикъ В. Г. Павловъ, получившій затѣмъ специальное образованіе въ гамбургской миссіонерской семинаріи и бывшій, по окончаніи въ ней курса, наиболѣе выдающимся баптистскимъ миссіонеромъ въ Россіи. Тифлискими послѣдователями Кальвейта изъ русскихъ баптизмъ и былъ распространенъ по всему Закавказью, гдѣ онъ насчитываетъ въ настоящее время не одну уже тысячу своихъ послѣдователей ²⁾.

Девяностые годы обогатили и безъ того уже обильный сектантствомъ Закавказскій край новыми лжеученіями. Въ 1891 году изъ города Ставрополя высланы были сюда, административнымъ порядкомъ, подъ надзоръ полиціи пять семействъ адвентистовъ, которые и были водворены въ селеніи Герюсахъ, Елисаветпольской губерніи. Въ томъ же году состоялось распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о высылкѣ изъ Харьковской губерніи въ Закавказье подъ надзоръ полиціи на пять лѣтъ, по обвиненію въ противорелигіозной пропагандѣ, отставного подполковника, князя Д. А. Хилкова,—а въ слѣдующемъ 1892 году изъ той же губерніи, за то же самое преступленіе и тѣмъ же порядкомъ высланъ былъ дворянинъ А. М. Бодянский. Какъ кн. Хилковъ, такъ и двор. Бодянский принадлежали къ послѣдователямъ толстовской секты. Если пропаганда Ставропольскихъ адвентистовъ, за все время пребыванія ихъ въ ссылкѣ, не имѣла большого успѣха среди русскаго населенія Елисаветпольской губерніи, а ограничилась только тѣмъ, что, подъ

¹⁾ О прыгунахъ и общихъ см. Дингельштедта „Закавказскіе сектанты“.

²⁾ Названіе „баптизма“ мы удержали за послѣдователями означеннаго толка не потому, чтобы выдѣляли и отличали ихъ чѣмъ-либо отъ секты штундистовъ, а исключительно въ видахъ присвоенія ими самими себѣ этого имени и неправильнаго удержанія его въ мѣстныхъ официальныхъ о нихъ документахъ.

вліяніемъ ея, нѣсколько семействъ Бозарчайскихъ прыгуновъ, оставивъ обрядъ прыганія, стали праздновать, вмѣсто воскреснаго дня, субботу,—то наоборотъ, толстовская пропаганда, которую вели князь Хилковъ, дворянинъ Бодянский и добровольно прибывшіе изъ внутреннихъ губерній Имперіи ихъ единомышленники, встрѣтила себѣ большое сочувствіе среди Закавказскихъ духовоборовъ и закончилась, какъ извѣстно, печальной духовоборческой эпопеей и переселеніемъ до 8,000 душъ духовоборовъ въ Америку.

Такъ постепенно заселялся и до сего времени продолжаетъ заселяться русскими сектантами Закавказскій край. Если ко всему доселѣ сказанному мы прибавимъ еще то, что, кромѣ перечисленныхъ выше сектантовъ, въ числѣ ссыльныхъ встрѣчаются здѣсь также пашковцы, хлысты, скопцы и іеговисты, то безъ преувеличенія можно назвать Закавказье самымъ крупнымъ во всей Россіи очагомъ рачіоналистическаго и мистическаго сектантства.

Общее число всѣхъ сектантовъ, проживающихъ въ настоящее время въ Грузинскомъ Экзархатѣ, можно представить въ слѣдующемъ видѣ: въ Тифлисской губерніи сектантовъ проживаетъ до 12,027 душъ обоого пола,—изъ нихъ 5,919 душъ молоканъ, 5,482 души духовоборцевъ, 400—баптистовъ, 169—іудействующихъ и 57 душъ прыгуновъ; въ Карсской области насчитывается сектантовъ около 11,336 душъ,—въ томъ числѣ молоканъ—7,420 душъ, прыгуновъ—2,756 душъ, духовоборцевъ—710, іудействующихъ—258 и іеговистовъ—192 души; въ Эриванской губерніи—5,666 душъ сектантовъ,—изъ которыхъ 2,928 душъ молоканъ, 1358—прыгуновъ, 1,342—іудействующихъ, 25—баптистовъ и 13 душъ іеговистовъ; въ Елисаветпольской губерніи—7,179 душъ сектантовъ,—въ числѣ ихъ 3,210 душъ молоканъ, 1,492 души духовоборцевъ, 1,317—прыгуновъ, 719—баптистовъ, 387—субботниковъ, 43—старообрядца и 11 душъ хлыстовъ, и, наконецъ, въ Бакинской губерніи—19,300 душъ,—изъ нихъ молоканъ—13,807 душъ, іудействующихъ и субботниковъ—3,845 душъ, баптистовъ—1,150, прыгуновъ—295, раскольниковъ старообрядцевъ—199 и скопцовъ 4 души. Въ остальныхъ губерніяхъ, входящихъ въ составъ грузинскаго экзархата, русскихъ сектантовъ не имѣется, за исключеніемъ немногихъ душъ скопцовъ, проживающихъ въ городѣ Кутаисѣ. Такимъ образомъ, всѣхъ русскихъ сектантовъ насчитывается въ Закавказскомъ краѣ до 55,508 душъ обоого пола, которые подраздѣляются по толкамъ слѣдующимъ образомъ: молоканъ и вмѣстѣ съ ними общихъ—33,283, духовоборовъ—7,684, прыгуновъ—5,783, баптистовъ—2,294, іудействующихъ и субботниковъ—6,002, іеговистовъ,—205, старообрядцевъ—242, хлыстовъ—11 и скопцовъ—4 души. При этомъ нужно замѣтить, что указанное число сектантовъ не

вполнѣ еще соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что на самомъ дѣлѣ количество ихъ въ означенныхъ губерніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ показано. Свѣдѣнія о нихъ заимствовались нами въ канцеляріяхъ уѣздныхъ начальниковъ, участковыхъ приставовъ, въ сельскихъ волостныхъ правленіяхъ, а иногда и прямо отъ самихъ жителей того или другого селенія. Но тѣ и другія показанія, при мѣстномъ „подымномъ“ способѣ исчисленія населенія, не могутъ быть названы безусловно вѣрными; тѣмъ болѣе, что сами сектанты часто нарочно скрывали отъ насъ свое дѣйствительное количество душъ, а иногда и прямо выдавали себя, какъ, напр., хлысты и скопцы, за православныхъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Закавказскаго края не мало проживаетъ сектантовъ временно по паспортамъ, арендующихъ землю у помещиковъ или же занимающихся различными промыслами и ремеслами,—опредѣлить численность этихъ сектантовъ не представляется никакой возможности, а потому они совершенно и опущены нами, какъ временно проживающіе.

Мы видѣли, что въ Закавказскомъ краѣ, служащемъ до сихъ поръ еще мѣстомъ ссылки для русскихъ сектантовъ, какъ нигдѣ, можно встрѣтить послѣдователей всевозможныхъ сектъ и толковъ: молоканъ, баптистовъ, духоборцевъ, прыгуновъ, общихъ, іеговистовъ, хлыстовъ, адвентистовъ, раскольниковъ—старообрядцевъ и изможденныхъ скопцовъ; здѣсь же, наконецъ, цѣлыя селенія русскихъ крестьянъ изъ Тамбовской, Саратовской и Ставропольской губерній подъ именемъ сектантовъ субботниковъ и іудействующихъ, совершенно не къ лицу изображающихъ изъ себя жидовъ съ прицѣпленными пейсами, на подобіе колтуновъ. Насколько ложны, мрачны, безнравственны и зловердны религіозно-нравственныя воззрѣнія всѣхъ перечисленныхъ сектантскихъ толковъ—это хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, а потому, не касаясь сущности вѣроученія ихъ, отмѣтимъ нѣкоторыя общія особенности ихъ религіозно-нравственнаго состоянія, наблюдаемыя нами въ ихъ жизни и рѣзко бросающіяся въ глаза всякому, даже постороннему зрителю.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ религіозной жизни русскихъ сектантовъ здѣшняго края—это внутреннее затаенное сознаніе ими ложности своего положенія, что томить и мучаетъ ихъ, заставляя перебѣгать изъ одной секты въ другую. Не смотря на всѣ старанія ихъ заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ истины, скрыть его отъ другихъ и замаскироваться своею мнимою праведностью, онъ часто до того овладѣваетъ измученной и истерзанной душой сектанта, что послѣдній начинаетъ блуждать по всѣмъ

сектантскимъ дебрямъ, отыскивая для себя душевнаго успокоенія. Болѣе другихъ многочисленныя молокане служатъ лучшимъ и нагляднымъ подтвержденіемъ этого. Неустойчивое молоканство породило множество новыхъ толковъ, каковы, напримѣръ, секты: общихъ, прыгуновъ, субботниковъ и др., изъ молоканъ также вышли первые баптисты въ Закавказскомъ краѣ, и на счетъ молоканства же баптизмъ возросъ здѣсь въ цѣлую секту, насчитывающую не одну тысячу своихъ послѣдователей. Въ каждомъ почти молоканскомъ селеніи можно встрѣтить представителей другихъ сектъ, особенно баптизма, и всѣ они были ранѣе въ молоканствѣ, не удовлетворившись которымъ и пошли по иному пути заблужденій.

Горделивые на словахъ, своею религіозною твердостью баптисты не всегда также оказываются послѣдовательными и вѣрными своему лжеученію на дѣлѣ. Въ городѣ Шушѣ среди ссыльныхъ баптистовъ адвентистская пропаганда распространялась во всей своей силѣ, и если бы случайныя обстоятельства не прекратили ее здѣсь, то съ увѣренностію можно сказать, что всѣ баптисты города Шуши перешли бы въ адвентизмъ.

О религіозной шаткости прыгуновъ и субботниковъ наглядно можетъ свидѣтельствовать хотя бы слѣдующій случай. Въ 1895 году шестнадцать семействъ прыгуновъ селенія Бозарчая, Зангезурскаго уѣзда, отдѣлившись отъ общаго числа своихъ односельчанъ, перешли въ субботники. Пробывъ въ субботникахъ нѣсколько лѣтъ, шесть семействъ изъ нихъ, не удовлетворившись новымъ ученіемъ, снова возвратились въ свою старую вѣру.

Большее, повидимому, сравнительно съ другими сектантами, религіозною устойчивостью отличаются духоборы, случаи перехода которыхъ въ другія секты весьма рѣдки. Но начавшіеся въ 1886-мъ году среди нихъ безпорядки ясно показали, что единеніе духоборовъ основывалось не на религіозныхъ устояхъ ихъ секты, а на искусной политикѣ ихъ заправиль, хорошо умѣвшихъ держать въ подчиненіи себѣ темную духоборческую массу. И въ самомъ дѣлѣ, едва только прекратилась у духоборовъ, со смертію Лукерьи Васильевны, священная династія Калмыковыхъ, какъ большая половина ихъ не замедлила подпасть подъ вліяніе толстовской пропаганды, оторвавшей и погубившей ихъ навсегда для Русскаго Государства.

Не отличаются, наконецъ, религіознымъ постоянствомъ и раскольники старообрядцы—эти мнимые ревнители древняго благочестія. Временно проживавшіе въ Ленкоранскомъ уѣздѣ старообрядцы Вятской губерніи высказывали желаніе за надѣлъ земли принять единовѣріе или же перейти въ какую либо другую вѣру. Ссылный въ 1891-мъ году въ селеніе

Герюсы, Зангезурскаго уѣзда, старообрядецъ Андрей Горячевъ въ слѣдующемъ же году, будучи переведенъ въ городъ Шушу, совратился въ баптизмъ, пробывъ въ которомъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ адвентизма, а въ настоящее время онъ не принадлежитъ, по его собственному признанію, ни къ какой вѣрѣ и сектѣ.

Переходя изъ одного толка въ другой, сектанты часто руководятся при этомъ не религіозными побужденіями, а случайными и ничтожными обстоятельствами. Одинъ, напр., потому ушелъ изъ молоканъ въ субботники, что тамъ нельзя играть на гармоникѣ и бриться. Другой, наоборотъ, потому перешелъ изъ субботниковъ въ молокане, что не захотѣлъ больше оставаться жидомъ. „Все же я какой ни на есть, да русскій, значитъ,—говорилъ онъ,—а они что? переверотни! обезьяны! и царь у нихъ не нашенскій, какой-то тамъ жидъ, говорятъ, въ Англіи; ему, сказываютъ, старики и подати шлютъ“. Третій потому перешелъ изъ духоборовъ въ старообрядцы, что уже даже больно приглянулась ему дебелая дѣвка старообрядка, и онъ посваталъ ее за себя, бросивъ при этомъ свою духоборку съ двумя дѣтьми, прижитыми имъ ранѣе въ прыгунахъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что, перебѣгая изъ одной вѣры въ другую, сектанты очень рѣдко останавливаются на православной Церкви.

Нельзя не отмѣтить также въ религіозной жизни закавказскихъ сектантовъ и той свободы, какую противозаконно пользуются они при отправленіи своихъ богослужебныхъ обрядовъ и церемоній и при распространеніи своего лжеученія среди другихъ. Въ каждомъ сектантскомъ селеніи у послѣдователей того или другого толка, будутъ ли то молокане, баптисты, духоборцы, прыгуны и др., имѣются свои особые наставники и отдѣльные молитвенные дома, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у однихъ изъ нихъ существуютъ таковыя дома съ разрѣшенія начальства, а у другихъ безъ всякаго ея то разрѣшенія. Въ селеніи Ново-Саратовкѣ, Елисаветпольскаго уѣзда, находится, напримѣръ, цѣлыхъ пять сектантскихъ молитвенныхъ домовъ, изъ нихъ два—молоканскіе, одинъ—баптистскій, одинъ—прыгунскій и одинъ субботническій. Въ селеніи Ново-Андреевкѣ, Ленкоранскаго уѣзда, имѣется четыре молитвенныхъ дома,—молоканскій, баптистскій, прыгунскій и сектантовъ общихъ и т. п. Разобраться въ томъ, какіе изъ сектантскихъ молитвенныхъ домовъ построены съ разрѣшенія начальства и какіе самовольно, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ отъ самихъ сектантовъ трудно бываетъ въ данномъ случаѣ добиться правды, а спрашивать и запрашивать о каждомъ молитвенномъ домѣ подлежащее гражданское вѣдомство представляется весьма неудобнымъ.

Безпрепятственно открывая молитвенные дома и самс-

вольно устраивая въ нихъ свои собранія, сектанты также свободно совершаютъ здѣсь до сего времени свои религіозныя церемоніи съ пѣніемъ на улицахъ. Намъ не разъ приходилось наблюдать, какъ они торжественно проносили своихъ покойниковъ по всему селенію на кладбище, или же возвращались изъ своего молитвеннаго дома, распѣвая на улицахъ свои религіозныя псалмы и пѣсни. Ново-Ивановскіе прыгуны, Елисаветпольской губерніи, въ самый день нашего пріѣзда къ нимъ, во время праздника ихъ пасхи, цѣлой толпой ходили по селенію, распѣвая свои духовныя пѣсни и предаваясь своему безумному обряду прыганія. И это все продѣлывается сектантами даже въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ проживаютъ, хотя въ небольшомъ количествѣ православные, для которыхъ подобное обнаруженіе сектантской вѣры является весьма соблазнительнымъ.

Но еще болѣе вредною и соблазнительною для православныхъ является сектантская пропаганда. Правда, такой открытой сектантской пропаганды, каковая велась ранѣе, напр., тифлисскою, бакинскою и ивановскою баптистскими общинами, въ настоящее время уже не существуетъ; но болѣе видные главари сектантства и до сего времени продолжаютъ еще свободно разъѣзжать по Закавказью, укрѣпляя своихъ въ лжеученіи и совращая другихъ. Прыгунскій пророкъ Эриванской губерніи посѣтилъ, напр., въ прошломъ году почти всѣхъ прыгуновъ Елисаветпольской и Бакинской губерній, которые всюду оказывали ему радушный пріемъ и устраивали для его пріѣзда усиленные молитвенныя собранія. Ново-Ивановскій баптистскій наставникъ, Елисаветпольской губерніи, ѣздилъ съ миссіонерскою цѣлью въ городъ Баку, гдѣ и держалъ рѣчи на собраніяхъ баптистовъ. Ссылный изъ города Ставрополя адвентистъ Михайловъ, вмѣстѣ съ женою своею Антонидой, не разъ пріѣзжали изъ селенія Герюсовъ къ Бозарчайскимъ прыгунамъ, среди которыхъ и проповѣдывали свое лжеученіе; подъ вліяніемъ проповѣди ихъ шестнадцать семействъ прыгуновъ въ селеніи Бозарчая перешли въ субботники и т. п. Словомъ, сектанты Закавказскаго края пользуются слишкомъ большою религіозною свободой. Не могутъ сектанты Закавказскаго края похвалиться высотой и чистотою своей нравственности. Наружное благочестіе ихъ и видимая праведность, о которыхъ они такъ много любятъ говорить, далеко не проводятся ими въ жизни. Любовь къ ближнимъ всѣми сектантами понимается слишкомъ превратно и односторонне, именно,—трактруется въ смыслѣ любви къ своимъ братьямъ по вѣрѣ. Къ православнымъ-же они относятся съ крайнею ненавистью и враждою, считая ихъ своими первыми врагами, стараясь всячески запятнать и опозорить ихъ, а при случаѣ и совершенно избавиться отъ проживанія въ однихъ съ ними селеніяхъ. Духоборцы селе-

нія Славянки, когда поднять былъ вопросъ о водвореніи къ нимъ, вмѣсто выбывшихъ въ Америку, новыхъ переселенцевъ изъ православныхъ, приложили всѣ старанія и мѣры къ тому, чтобы освободиться отъ поселенія къ нимъ кого бы то ни было и, не успѣвъ въ этомъ, охотнѣе согласились принять къ себѣ баптистовъ изъ селенія Ново-Троицкаго, чѣмъ вновь прибывшихъ изъ Россіи православныхъ. Голицынскіе православные переселенцы, не смотря на ихъ кроткій, миролюбивый и простой нравъ, сдѣлались тотчасъ же, со дня прибытія въ Елисаветпольскую губернію, ненавистными для всѣхъ окружающихъ ихъ сектантовъ, которые не замедлили оклеветать ихъ въ пьянствѣ, развратной жизни, неспособности къ труду и т. п. Всюду и вездѣ, гдѣ только приходилось встрѣчать намъ въ сектантскихъ селеніяхъ православныхъ, они жаловались на притѣсненія, ругательство и издѣвательство надъ ними со стороны сектантовъ.

Та-же нелюбовь и та-же ненависть лежатъ въ основѣ взаимныхъ отношеній сектантовъ и между собою. Дмитриевскіе молокане, Шемахинскаго уѣзда, въ видахъ общественнаго умиротворенія, ходатайствовали о переводѣ въ другое селеніе проживавшихъ вмѣстѣ съ ними субботниковъ, служившихъ причиною общественныхъ раздоровъ. И нужно замѣтить, что не только сектанты одного согласія не уживаются съ послѣдователями другихъ толковъ, но часто представители одной и той-же секты враждуютъ другъ съ другомъ. Дробленіе молоканства на мелкіе толки произошло, напр., большею частію вслѣдствіе ссоры ихъ наставниковъ: не поладить молоканскій пресвитеръ съ своими помощниками, и они отдѣляются отъ него съ частію своихъ сторонниковъ, образуя особое собраніе, а иногда и цѣлый толкъ. Въ селеніи Саратовкѣ, Елисаветпольской губерніи, всѣ жители котораго были ранѣе молоканами, въ настоящее время насчитывается цѣлыхъ пять различныхъ сектантскихъ молитвенныхъ домовъ. Взаимная вражда сектантовъ одного и того-же согласія доходитъ иногда до крайнихъ предѣловъ и принимаетъ весьма опасный оборотъ, какъ это наглядно можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Трое духоборцевъ селенія Славянки, именно—братья Стрѣляевы, поссорившись съ духоборцемъ Василиемъ Бѣловьяновымъ, схватили колья и избили его до смерти; послѣ Бѣловьянова остались жена и пятеро дѣтей.

Трактуя о любви только на словахъ, на дѣлѣ же гордые и самолюбивые. Закавказскіе сектанты не чужды и другихъ пороковъ. Пьянство, за которое сектанты порицаютъ всѣхъ православныхъ, поставляя его какъ бы въ связь съ самою ихъ вѣрою, сдѣлалось у нихъ явленіемъ весьма частымъ и обычнымъ. Субботники селенія Привольнаго, Ленкоранскаго уѣзда, почти всѣ поголовно являлись на наши бесѣды въ

нетрезвомъ видѣ. У духоборовъ селенія Славянки и Горѣлаго, Елисаветпольскаго уѣзда, имѣются свои открытыя „духаны“, такъ какъ на сторонѣ доставать имъ водку очень надоѣло. Молокане же, прыгуны и другіе, хотя еще и считаютъ употребленіе спиртныхъ напитковъ запрещеннымъ для себя, но дома украдкою уничтожаютъ этого зелья не менѣе другихъ.

Что же касается сектантской честности, то нужно замѣтить, что хитрость и обманъ, въ особенности по отношенію къ православнымъ, у нихъ за грѣхъ не почитаются, какъ дѣло прибыльное и притомъ на счетъ „дьявольскаго сѣмени“, какъ они называютъ православныхъ.

Свобода половыхъ отношеній—явленіе обычное не только среди сектантовъ возводящихъ развратъ въ догматъ, но даже и среди болѣе другихъ строгихъ молоканъ.

Не перечисляя другихъ пороковъ Закавказскихъ сектантовъ, замѣтимъ кратко, что и въ нравственной ихъ жизни какъ и въ религіозной, прежней строгости не стало, въ ихъ среду со всѣхъ сторонъ стали проникать растлѣвающий духъ времени.

Грузинскій епарх. миссіонеръ Вл. Обтемперанскій.

Московскій расколъ.

Картушинъ предсѣдательствуетъ послѣдній разъ.—Его громы и молніи на лжепоповъ.—Новая моленная.—Паденіе Картушина и отъѣздъ въ Тулу.—Соборы раскольничьихъ архіереевъ въ Нижнемъ.—Неудавшаяся попытка учредить патріаршество.—Соборъ въ Москвѣ.—Провозглашеніе Онисіма Швецова архіепископомъ и протестъ Картушина.

Послѣдніе дни въ жизни московскихъ раскольниковъ отмѣчены весьма выдающимися событіями: лжеархіепископа Іоанна Картушина нѣтъ уже болѣе въ Москвѣ, чуть чуть не учредилось патріаршество, словомъ, реформы великія,—но будемъ послѣдовательны въ своемъ повѣствованіи и передадимъ все по порядку.

8-го Іюля, въ день празднованія иконъ Божіей Матери Казанскія, состоялось засѣданіе раскольничьихъ поповъ подъ предсѣдательствомъ самого раскольничьяго владыки Картушина. Именующійся архіепископомъ казакъ Іустинъ обратился къ собравшимся попомъ съ горячею рѣчью объ ихъ корыстолюбіи. Тема избитая и уже не разъ обсуждавшаяся на подобныхъ собраніяхъ. Дѣло все въ томъ, что раскольничьи попы исправно совершаютъ требы только тогда, когда знаютъ, что имъ хорошо заплатятъ, а человѣку бѣдному можно

какъ нибудь. Вотъ о томъ, что не подобаетъ такъ поступать и толковать Іустинъ Картушинъ, но конечно заранѣе можно сказать, что хорошія слова его останутся гласомъ вопіющаго въ пустынь, ибо горбатаго могила исправить.

Далѣе Картушинъ разгромилъ специально вызванныхъ имъ на это собраніе раскольниковъ поповъ Исаака, изъ Преображенской моленной и попа изъ Латрыгинской моленной, перваго за то, что, какъ узналъ лжевладыка, Исаакій въ пятницу скоромнаго покушалъ, а второго за то, что допустилъ вѣнчаніе своей дочери послѣ четырехъ часовъ по полудни, а не утромъ, какъ то принято у старообрядцевъ. Слезно умоляли разгнѣваннаго лжевладыку провинившіеся попы и только подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не повторять своихъ промаховъ получили отпущеніе содѣянныхъ ими преступленій.

Когда Картушинъ поуспокоился и пришелъ въ себя, къ нему приступила депутація отъ прихожанъ Каринкинской моленной изъ Большаго Вокзальнаго переулка съ мѣстнымъ попомъ Алексѣемъ Новиковымъ во главѣ, который въ своей рѣчи къ лжевладыкѣ высказалъ слѣдующее: старообрядческое общество прихожанъ Каринкинской моленной или—какъ выражался попъ Алексѣй—Храма Покрова Пресвятыя Богородицы, въ виду тѣсноты этой моленной проситъ разрѣшенія у архіепископа старообрядческаго Іоанна выстроить новую двусѣтную каменную моленную на приобрѣтенной для этой цѣли землѣ въ Вокзальномъ переулкѣ. Земля для постройки моленной приобрѣтена за 17000 рублей на имя купчихи Тимашевой, купцовъ Баулина, Антонова, крестьянина Борисова и брата попа Новикова. Помѣщаться моленная будетъ во дворѣ, а на переднемъ фасадѣ по улицѣ будетъ выстроенъ домъ для причта. Лжеархіерей Картушинъ выслушалъ депутацію и благословилъ начать постройку. Къ слову сказать, просители предупредили Картушина и зданіе для новой моленной еще до его разрѣшенія вывели подъ крышу, но удастся ли имъ освятить эту моленную неизвѣстно, хочется думать, что труды ихъ будутъ напрасными, ибо циркулярное запрещеніе раскольникамъ возводить зданія для моленныхъ на подобіе храмовъ—въ Москвѣ еще не забыто.

День 12 августа останется на-долго памятнымъ въ исторіи Московскаго раскола—въ этотъ день произошло паденіе каедръ раскольниковъ архіепископа въ Москвѣ. Случилось это такъ. Утромъ въ этотъ день Картушинъ совершилъ богослуженіе въ Апухтинской моленной, а когда онъ возвратился къ себѣ домой въ Тупикъ его уже дожидался посланный изъ участка, куда донского казака Іустина Картушина требовали немедленно для объясненій. Струхнулъ лжевладыка, почуявъ что-то недоброе, но дѣлать нечего, въ участокъ от-

правляться надо. Въ участкѣ Картушину объявили, что по предписанію подлежащихъ властей онъ обязанъ немедленно, въ этотъ же самый день оставить Москву и отправляться на жительство въ городъ Тулу, гдѣ и пребывать безвыѣздно. Понявъ Картушинъ, что такое грозное предписаніе было результатомъ того, что онъ не исполнилъ взятой съ него подписки не именоваться „архіепископомъ Московскимъ“—и что покинуть матушку Москву бѣлокаменную долженъ онъ неминуемо.

По отѣздѣ Картушина купцы-раскольники немедленно собрались для обсужденія, какъ быть и что предпринять и уже на утро послали вслѣдъ за Іустиномъ казакомъ въ Тулу курьеровъ за распоряженіями.

Лишь только разнеслась по раскольникъ міру вѣсть объ удаленіи изъ Москвы Картушина, со всѣхъ концовъ Россіи посыпались въ Москву посланія раскольникъ архіереевъ и между прочимъ отъ Анастасія Измайльскаго, который писалъ на Рогожское кладбище, что въ виду паденія архіепископіи старообрядческой въ Москвѣ необходимо созвать соборъ древлеправославныхъ архипастырей, дабы обсудить положеніе вещей и просить указать мѣсто, гдѣ бы лжеархіереи могли съѣхаться.

Посудили и порядили вліятельные раскольники и порѣшили, что самозваннымъ архіереямъ въ настоящее время съѣзжаться на соборъ въ Москвѣ неудобно, а сочли за лучшее указать, какъ на мѣсто для собора, на домъ купца Сироткина на Нижнемъ Базарѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, куда обыкновенно въ нужныя минуты спускаются старообрядческіе архіереи, чтобъ подъ шумокъ рѣшать свои противозаконныя дѣла и дѣлишки. Днемъ съѣзда было назначено 26 августа, а затѣмъ соборныя засѣданія происходили здѣсь еще 27 и 29 августа. Въ числѣ прибывшихъ на соборъ расколаничъ лжеархіереевъ находились извѣстный Онисимъ Васильевичъ Швецовъ, именующій себя епископомъ Уральскимъ и временнымъ Нижегородскимъ, Анастасій Измайльскій, Иринархъ Ярославскій, выѣхавшій изъ Ярославля на жительство въ Нижній Новгородъ и многіе другіе. Предсѣдательствовалъ на соборѣ Онисимъ Васильевичъ. Отъ изгнаннаго Картушина, въ качествѣ депутата и представителя *ex*-архіепископа, былъ присланъ его братъ, попъ Михайло Картушинъ, давно уже состоявшій при своемъ вліятельномъ въ раскольникъ мірѣ братѣ въ качествѣ духовнаго слѣдователя.

Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что старообрядцы на своемъ съѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ постановили ходатайствовать объ открытіи школъ и преподаванія Закона Божія,—но это была уловка старообрядцевъ, съѣздъ былъ созванъ совсѣмъ не съ

этими цѣлями, да и не *смысль* то быть, а прямо таки противозаконный *соборъ*, а чтобы прикрыть его дѣянія они и сообщили указанные свѣдѣнія.

Не смотря на всю важность обсужденія положенія дѣла московскаго старообрядческаго архіепископа, тѣмъ не менѣе опять таки, для отвода глазъ, съѣздъ сперва занялся дѣломъ учрежденія противо-православныхъ братствъ съ цѣлью пропаганды раскола; между прочимъ, на обязанность братьевъ возложено печатаніе раскольниковыхъ подпольныхъ изданій, для цензуры которыхъ былъ избранъ особый комитетъ въ составѣ кушца Сироткина, монаха Теодорита изъ Безводнаго и нѣкоего Липина.

Самымъ бурнымъ вышло соборное засѣданіе 29 Августа, бурнымъ до того, что нѣкоторые изъ старообрядцевъ сами хотѣли прибѣгнуть къ помощи полиціи. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: предсѣдательствовавшій на соборѣ Онисимъ Васильевичъ сказалъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, упомянулъ о недостаточности нравственнаго ценза въ старообрядческомъ духовенствѣ, объясненіе чему видѣлъ въ томъ обстоятельствѣ, что еще бывшимъ московскимъ лжеархіереемъ Савватіемъ ставились люди, имѣвшіе протекцію, а нужно ставить людей болѣе достойныхъ. Въ связи съ этимъ Анастасій Измаильскій предлагалъ выбрать наиболѣе достойнаго изъ всей раскольниковей іерархіи, которому предоставить права патріарха. Мысль эта понравилась собору и выборъ палъ на Арсенія Уральскаго, которому и предложили занять мѣсто „патріарха Всероссійскаго“... Донельзя польщенный Онисимъ Васильевичъ ради приличія сталъ было отказываться отъ столь высокой чести, говоря, что онъ недостоеенъ, но поддаваясь усиленнымъ просьбамъ всего собора началъ было уже соглашаться, какъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста попъ Михайло Каргушинъ и въ самую торжественную минуту объявилъ, что если назначеніе Онисима Васильевича патріархомъ состоится, то онъ, Каргушинъ, стуломъ разобьетъ окно, закричитъ караулъ и откроетъ глаза полиціи, что за засѣданія здѣсь происходятъ. „Забыли вы что ли циркуляръ министра-то!“—кричалъ въ азартъ попъ Михайло, негодуя, что его братъ не будетъ болѣе первымъ лицомъ въ раскольниковей духовенствѣ и, не окончивъ своей рѣчи, схватилъ шапку и убѣжалъ прямо на вокзалъ, сѣлъ на поѣздъ и укатилъ въ Москву, а затѣмъ въ Тулу.

Тѣмъ не менѣе его горячая рѣчь имѣла свое дѣйствіе,—столь поспѣшно провозглашать патріарха соборъ раскольниковыхъ архіереевъ поостерегся и рѣшилъ дѣло это еще разъ обсудить въ Москвѣ, куда въ тотъ же день съ этою цѣлью и выѣхали изъ Нижняго Новгорода раскольниковы архіерей. По прибытіи въ Москву двое изъ нихъ, Антоній и Іосафъ,

остановились въ домѣ Рахмановой у Яузскаго моста, Анастасій Измаильскій у Ныrkовыхъ въ Шелапутинскомъ переулкѣ, гдѣ 2 сентября служилъ обѣдню и произносилъ рѣчь, а трое изъ лжеархіереевъ остановились въ домѣ П. И. Миловановой за Семеновской заставой. Здѣсь 30-же августа состоялось снова засѣданіе собора всѣхъ прибывшихъ въ Москву лжеархіереевъ и было постановлено командировать въ Тулу къ изгнанному раскольникъ лжеархіепископу Картушину лже-попа Димитрія Смирнова изъ Гжатскаго уѣзда и секретаря раскольникъ брата св. Креста М. И. Бриллиантова, которые повезли Картушину отъ собора письменное предложеніе признать Онисима Васильевича Швецова патріархомъ Всероссійскимъ. Картушинъ такую бумагу подписать наотрѣзъ отказался и тогда, по возвращеніи М. И. Бриллиантова и попа Смирнова, снова состоялось засѣданіе собора. Думали, гадали какъ быть и порѣшили предложить Іустину Картушину именоваться архіепископомъ Владимірскимъ, что для него будетъ даже въ нѣкоторомъ смыслѣ повышеніемъ, такъ какъ катедра Владимірская считается болѣе древнею, а Онисима Васильевича—провозгласить архіепископомъ Московскимъ.

Однако, Картушинъ и на такую комбинацію не согласился и объявилъ, что онъ хотя и терпитъ гоненіе отъ никоніанъ и въ Москвѣ теперь жить не можетъ, но все же останется архіепископомъ Московскимъ до самой смерти своей.

Такое его непреклонное рѣшеніе и доложили возвратившіеся въ Москву Бриллиантовъ и Смирновъ. Тогда 2 сентября на Рогожскомъ кладбищѣ снова былъ созванъ соборъ, который и постановилъ признать Арсенія (Онисима Васильевича) архіепископомъ Нижегородскимъ и ему фактически предоставить всѣ дѣла, которыя до сихъ поръ вершились лжеархіепископомъ Московскимъ.

Весь соборъ приносилъ нововозведенному архіепископу поздравленія, а онъ съ своей стороны произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ за оказанную ему честь и довѣріе и обѣщалъ всѣ силы свои употребить на пользу дѣла, которое возложилъ на него соборъ.

Такъ свершилась перемѣна въ высшихъ сферахъ раскольникъ лжеархіерархіи, которая должна наводить на многія размышленія.

Алексій В—овъ.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Вселенскій методистскій соборъ, Салютистскія учрежденія. Переходъ двухъ тысячъ католиковъ въ протестантство. Пропаганда навыворотъ. Новая секта въ Англіи.

Четвертаго минувшаго сентября въ Лондонѣ было первое засѣданіе третьяго собора методистской церкви. Первый соборъ происходилъ въ 1881 г. также въ Лондонѣ, второй въ Вашингтонѣ десять лѣтъ тому назадъ. Собрание заключало въ себѣ представителей отъ всѣхъ методистскихъ церквей на земномъ шарѣ, представляющихъ въ совокупности свыше 80.000.000 душъ. Представители церквей распредѣлились на два отдѣленія—западное и восточное. Западное отдѣленіе заключало въ себѣ 300 представителей, восточное 200. Западное составилось изъ различныхъ вѣтвей методизма въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ; восточное—изъ представителей церквей Великобританіи и странъ, находящихся въ прямомъ отношеніи съ ней, включая сюда Европу, Африку, Австралію, Новую Зеландію и Полинезію. Въ соборѣ, т. обр., представлены сотни методистскихъ конференцій, принадлежащихъ почти къ 20 отдѣльнымъ методистскимъ толкамъ.

Всѣ 500 соборныхъ методистскихъ джентльменовъ распредѣляются такъ: методистовъ вселянъ 86, ирландскихъ методистовъ 10, новой отрасли методизма 10, первобытныхъ методистовъ 34, библейско-христіанскихъ 10, членовъ соединенныхъ методистскихъ свободныхъ церквей 20, вселянской реформатской уніи 3, независимыхъ методистовъ 3, французскихъ методистовъ 2, западно-индійскихъ 6, членовъ австралійской методистской церкви 12, южно-африканской методистской церкви 10. Всѣ эти лица образовали восточное отдѣленіе. Западное же составилось изъ 129 представителей методистской епископальной церкви, 70 м. епископальнаго, 38 представителей канадской м. церкви, 18 африканской (т. е. негрской) м. епископальной церкви, 15—африканской м. епископальной сіонской церкви, 9—цвѣтной м. епископ. церкви, 9—м. протестантской церкви, 1—африк. соедин. м. протест. церкви, 3—сюзной америк. м. епископ. церкви, 1—соединенной евангелической церкви, 1—первобытной м. церкви, 1—свободной м. церкви.

Не смотря на всевозможныя прибавленія и видоизмѣненія, первоначальное названіе осталось всюду. Почти трогательно видѣть, съ какимъ упорствомъ всѣ эти отдѣленія церкви стремятся сохранить имя, данное сначала въ насмѣшку. Происходить это благодаря тому замѣчательному

факту, что въ доктринѣ этихъ различныхъ церквей нѣтъ рѣшительно никакого различія. Въ доктринальномъ отношеніи методизмъ не знаетъ раскола. Объясняется это, само собой, весьма различнымъ образомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что ученіе методизма настолько совершенно, что не допускаетъ улучшеній. Но есть другое объясненіе, которое выяснилось на послѣднемъ вселенскомъ соборѣ этихъ церквей. Одинъ изъ ораторовъ выразилъ мнѣніе, которое одному изъ консервативныхъ епископовъ показалось ошибочнымъ. Этотъ епископъ всталъ и при первой же возможности объяснилъ, что Джонъ Весли (основатель методизма) оставилъ „выходъ“. Въ методистской церкви для священника, переставшаго вѣрить въ ея ученіе, дверь для выхода всегда готова. „Эта дверь“, многозначительно прибавилъ епископъ, — „открыта и теперь“.

То, что сказалъ епископъ, совершенно вѣрно. Для методистскаго священника невозможно исповѣдывать доктрину, противную однажды признанной церкви, не нарушая своихъ священническихъ обѣтовъ. Священникъ рукополагается не раньше, какъ по обѣщаніи, что въ случаѣ измѣненія своихъ учительныхъ взглядовъ онъ немедленно оставитъ церковь. Методистская церковь снабжаетъ другіе толки значительнымъ числомъ священниковъ, но за то раскола въ учительномъ содержаніи онъ никогда не зналъ.

Въ такомъ случаѣ, почему же явились эти различія (свыше 20) методистскія церкви? Всѣ эти церкви, если отвѣтить кратко, произошли благодаря разногласіямъ по вопросамъ церковной администраціи. Сущность духовной пищи всегда оставалась одна и та же. Различны только были мнѣнія, какъ ее изготовлять и подавать. Нѣкоторые священники и міряне время отъ времени домогались большей свободы, нежели давала церковь, къ которой они принадлежали, и они отдѣлялись, чтобы получить эту свободу. Мало-по-малу материнская церковь признавала тѣ измѣненія въ методахъ, которыхъ домогались реформаторы. Но отдѣлившаяся церковь становилась тѣмъ временемъ сильной и првѣтвующей и уже не желала возвращаться въ свой отчій домъ. Въ результатъ получались почти совершенно тождественныя церкви, съ различными наименованіями и отдѣльнымъ управленіемъ.

Становится яснѣе съ каждымъ годомъ, что многія изъ этихъ перегородокъ должны пасть. Существуетъ сильное теченіе къ объединенію. Въ Канадѣ, напримѣръ, почти одна церковь. Австралія слѣдуетъ примѣру Канады. Въ трехъ изъ ея 6 штатовъ унія почти уже осуществилась, а полная унія послѣдуетъ въ наступающемъ году. По мнѣнію оптимистовъ, методистскія церкви Великобританіи объединятся въ ближайшемъ будущемъ.

Однако вопросъ о методистской уніи на соборѣ не только

не обсуждался, но и не былъ поставленъ. Съ другой стороны всѣ эти обособленныя церкви находятся между собой въ такихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, что для нихъ оказалось возможнымъ образоватъ общее совѣщаніе. Единство этихъ церквей, т. о., въ извѣстной мѣрѣ существуетъ.

Соборъ этотъ не имѣлъ ни законодательныхъ, ни административныхъ функцій. Онъ не могъ уволить того или другого проповѣдника или сказать: дѣлай то и то, или не дѣлай того и того. Его опредѣленія имѣли характеръ пожеланій: „такъ кажется хорошо намъ и Св. Духу“—и только.

Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію собора, на первый взглядъ кажется широкой и полной. Обсуждалось положеніе методизма, его вліяніе въ дѣлѣ установленія международнаго мира, его отношенія къ новѣйшимъ евангелическимъ движеніямъ и къ вопросу о христіанскомъ единствѣ, его литературы, его общества юношей, вопросы о его духовной жизненности, его миссіяхъ, денежныхъ средствахъ, образованіи; о секуляризмѣ, невѣріи, индифферентности, апатіи, протестантскихъ принципахъ, сацердотализмѣ и проч.

Но въ этой программѣ нѣтъ такихъ важнѣйшихъ въ практическомъ и учительномъ отношеніи вопросовъ,—какъ, напримѣръ, объ отношеніи методизма въ войнѣ и къ рабочему вопросу. Соборъ не рѣшился поставить этихъ вопросовъ *прямо*, затрагивая ихъ лишь косвенно. Такъ, вмѣсто прямого вопроса объ отношеніи методизма къ войнѣ поставленъ вопросъ о вліяніи его на установленіе международнаго мира.

Это говоритъ далеко не въ пользу нравственнаго мужества 500 духовныхъ и свѣтскихъ джентльменовъ, образующихъ вселенскій соборъ, и даже нѣкоторые члены самой методистской церкви скорбятъ при видѣ такой уклончивости своихъ вождей.

„Методистскій священникъ“, изъ статьи котораго, напечатанной въ Review of Reviews, мы заимствуемъ приводимыя здѣсь свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, заключаетъ свое сообщеніе такъ:

„Невольнo вспоминаешь послѣдній памятный всѣмъ Вселенскій Римско-католическій соборъ, подтвердившій ученіе о папской непогрѣшимости. На немъ участвовало 800 церковныхъ чиновъ, въ томъ числѣ 6 князей-архіепископовъ, 49 кардиналовъ и 680 архіепископовъ и епископовъ, при чемъ доктрина о папской непогрѣшимости получила 440 placet (согласій), 88 non-placet (несогласій) и 60 placet juxta modum (условныхъ согласій). Совѣщаніе въ Лондонѣ не отличалось такимъ блескомъ и помпой и не имѣло соотвѣтственной власти. Оно не покушалось давать опредѣленій какой-либо доктринѣ, новой или старой. Оно не было властно кого-нибудь приневолить къ какому-нибудь новшеству. Тѣмъ не

менѣе, методизмъ принадлежитъ къ числу сплотненныхъ, а потому могучихъ религіозныхъ силъ, работающихъ надъ изысканіемъ способовъ сдѣлать свою силу еще болѣе дѣятельной, въ смыслѣ вліянія и пропаганды не однихъ только нравственныхъ христіанскихъ началъ, но и своихъ сектантскихъ воззрѣній, а потому соборъ этотъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія представителей другихъ церквей.

*
*
*

Нѣкто Жоржъ Даніэль, бывшій короткое время солдатомъ арміи спасенія, даетъ въ *le Progrès* краткое описаніе благотворительно-гуманитарныхъ учреждений Арміи.

Армія располагаетъ 7.259 центрами проповѣди, 14.700 офицерами, т. е. миссіонерами, проповѣдующими евангеліе на 30 различныхъ языкахъ въ 47 странахъ; 50.000 унтеръ-офицеровъ; собираетъ въ теченіе года 2.000.000 собраний, на которыхъ присутствуетъ 200.000.000 слушателей.

Надо замѣтить, что эти поразительныя цифры точны и вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Армія учредила и содержитъ:

11 убѣжищъ для освобожденныхъ арестантовъ, 91 домъ для поддержанія женщинъ, бросившихъ порочную жизнь. 158 ночлежныхъ домовъ и народныхъ кухонь, 37 даровыхъ конторъ для найма, 60 рабочихъ мастерскихъ, 11 земледѣльческихъ поселеній, 17 сиротскихъ домовъ, 39 больницъ, лѣчебницъ и т. п., 121 постъ для временной помощи.

Всего же 545 учреждений, на фронтонѣ которыхъ красуется надпись: „Нѣтъ болѣе необходимости ни для кого голодать, нищенствовать, воровать или убивать себя; кто хочетъ работать, пусть обратится сюда“.

„Общественный планъ“ Арміи соотвѣтствуетъ усиліямъ, дѣлаемымъ для евангелизаціи народныхъ массъ. Салютисты считаютъ, что человѣку, не имѣющему работы и надежды на нее, не достаточно однихъ лишь утѣшеній, предлагаемыхъ религіей,—нужно еще дать ему возможность зарабатывать себѣ свой хлѣбъ.

Каждый вечеръ учрежденія Арміи даютъ временный пріютъ свыше, чѣмъ 10.000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ; они находятъ кровъ и постель за 10 сантимовъ (около 4 к.) и отдѣльную комнатку за 60 сантимовъ (23 к.). Если кто не располагаетъ и этою скромною суммой, тотъ можетъ заработать ее на утро послѣ ночлега въ мастерскихъ Арміи.

Дешевыя кухни, учрежденныя въ бѣдныхъ кварталахъ, даютъ обѣды, цѣна которыхъ измѣняется отъ 5 до 40 сантимовъ (2—15 коп.). При этомъ кушанья готовятся изъ свѣжихъ припасовъ и вкусно.

Въ истекшемъ году было изготовлено 2.542.897 обѣдовъ, и хотя эти дешевыя кухни имѣютъ цѣлью доставить хотѣ

временное облегченіе, однако во время зимнихъ холодовъ и рабочихъ кризисовъ они становятся жизненной необходимостью для многихъ семей.

Въ мастерскихъ Арміи, доставляющихъ помощь работой, еженедѣльно бываетъ занято 25.000 человекъ самыми разнообразными ремеслами и мастерствами: слесарнымъ, столярнымъ, мѣшечнымъ, мебельнымъ, матрацнымъ, малярнымъ, кузнечнымъ, механическимъ, жестянымъ, телѣжнымъ, пекарнымъ, — разсылкой циркуляровъ, печатаніемъ рекламъ и т. д.

Въ Лондонѣ 400 человекъ въ теченіе одного года собрали свыше 300.000 пудовъ бумаги и тряпья и разобрали всю эту массу на 62 различныхъ категоріи.

Около 1.000 кубич. сажень деревъ было обработано и передѣлано въ доски, ставни, двери и т. д.

Спичечная фабрика, устроенная такъ, что работа на ней совершенно безвредна для работающихъ на ней, произвела 6.000.000 коробокъ спичекъ.

Пекарни выпекли 4.000.000 фунтовыхъ хлѣбовъ, другія отдѣленія выпустили 6.600 пудовъ мяса, 15.000 пудовъ картофеля, 1.000.000 литровъ (литръ—1½ бут.) супа, 3.500 пудовъ варенья, 400 пуд. чаю.

Достойны всякаго вниманія и прочія учрежденія Арміи, вродѣ, напиримѣрь, посѣщенія и дарового ухода за больными, даровыхъ конторъ труда, домовъ для отдыха выздоравливающихъ, больницъ и родильныхъ пріютовъ. Все это вмѣстѣ составляетъ огромный итогъ добрыхъ дѣлъ.

Въ заключеніе стоитъ привести два отзыва о гуманитарной дѣятельности Арміи.

Въ одной изъ своихъ рѣчей „великій старецъ“ Гладстонъ сказалъ: „Громко утверждаю, что въ этой странѣ (дѣло идетъ объ Англіи) нѣтъ другого общества, которое, въ вопросахъ благотворенія и оказанія поддержки падшимъ, сдѣлало бы столько полезнаго, сколько Армія Спасенія“.

На всемірной парижской выставкѣ 1900 года Армія Спасенія получила золотую медаль „за учрежденія для умственного и нравственнаго развитія рабочихъ классовъ“.

Дѣятельность Арміи Спасенія, если, конечно, отбросить ея сектантское грубое богословствованіе, заслуживаетъ всякаго вниманія всѣхъ, отдающихъ свой трудъ дѣлу помощи страждущему человечеству.

* * *

Въ Турнѣ, въ Богеміи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, перешло въ протестантизмъ въ одинъ день 47 человекъ. Въ теченіе 18 мѣсяцевъ въ этомъ городкѣ, состоящемъ изъ 3.000 душъ, 1.114 присоединилось къ евангелической церкви.

Въ Ауссигѣ, недалеко отъ Турна, во вторую треть текущаго года перешло въ протестанство 140 человекъ. Къ

21 іюля этого года число лицъ, перешедшихъ въ этомъ городѣ изъ римской церкви въ евангелическую, доходило до 1.000. Въ числѣ обращенныхъ находится, между прочимъ, племянникъ епископа Маршала.

Эти факты вновь подтверждаетъ ранѣе высказанное нами наблюденіе, что римская церковь, усиленно приобрьтая себѣ приверженцевъ *in partibus infidelium*, теряетъ ихъ въ странахъ исконнаго католическаго просвѣщенія.

* * *

Послѣ включенія Бирманіи въ составъ англо-индійской имперіи, миссіонеры всѣхъ сектъ Европы и Америки устремились въ эту страну, жители которой исповѣдуютъ буддизмъ въ столь же чистомъ видѣ, какъ въ Сіамѣ и Цейлонѣ. Туда же явились три буддиста изъ Америки съ цѣлью удержать своихъ азіатскихъ единовѣрцевъ отъ принятія христіанства. Никогда еще, кажется, не бывало ничего подобнаго. Standart (въ Чикаго) приводитъ выдержки изъ брошюръ, распространяемыхъ миссіонерами этого небывалаго сорта. „Неужели вы обратитесь въ христіанство,—говорится въ одной изъ нихъ,—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его не хотятъ болѣе въ самой Европѣ? И кромѣ того, какое же христіанство вы выберете? Къ вамъ явились представители трехъ дюжинъ сектъ, пожирающихъ одна другую“.

* * *

Въ концѣ сентября мѣсяца въ Лондонѣ разбиралось замѣчательное дѣло.

Пара американскихъ проповѣдниковъ, супруги Горасъ, нѣсколько времени тому назадъ поселились въ одномъ изъ домовъ въ Чарингъ-Кроссѣ. „Супругъ—говоритъ New York Herald—выдаетъ себя за основателя новаго религіознаго ордена «Теократическое Единство» и вдохновителя тайнаго общества «Лига чистоты». Жена помогаетъ своему супругу въ пропагандѣ новаго ученія о единствѣ и чистотѣ. Супруги вербовали въ послѣдователи новаго толка преимущественно молодыхъ дѣвушекъ, прибѣгая для этого къ брачнымъ объявленіямъ въ газетахъ, при чемъ бѣдныя овечки проникались убѣжденіемъ, что супруги Горасы одарены божественною благодатью. Чтобы быть допущеннымъ въ орденъ Единства и «Лигу чистоты» неофитки должны были отдавать проповѣдникамъ не только всѣ свои деньги и драгоценности, но еще и то, что для дѣвушекъ составляетъ капиталъ. Двѣ изъ дѣвицъ показали передъ судомъ о подробностяхъ, взятыхъ какъ бы прямо изъ какого нибудь хлыстовскаго процесса. Во время «иниціаціи» жена «теократа» усмиряла въ супружеской комнатѣ упрямыхъ адептовъ. Одна изъ нихъ показала, что г. Горасъ въ самый моментъ совращенія приказывалъ ей читать молитвы...

Е. Е—ва.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Прот. І. Ил. Соловьевъ. Посланіе Св. Синода о графѣ Львѣ Толстомъ (опытъ разьясненія его смысла и значенія по поводу толковъ о немъ въ образованномъ обществѣ). 2-е дополн. изд. Москва. 1891 г.

Небольшая по объему, безпристрастно правдивая и разносторонняя по содержанію брошюрка почтеннаго автора раскрываетъ передъ читателемъ возможно полно истинный смыслъ и руководящую идею Синодальнаго посланія, какъ акта справедливости и любви къ отпавшему отъ церковнаго единенія графу Л. Толстому.

Посланіе Св. Синода, явившееся результатомъ печальной необходимости, вызванной самимъ графомъ, какъ извѣстно, возбуждало отчасти недоумѣніе а отчасти негодованіе въ свѣтскомъ обществѣ, такъ что среди именующихъ себя православными христіанами оказалось не мало такихъ, для которыхъ идея и права Церкви Христовой оказались совершенно незнакомыми.

Мысль христіанина должна останавливаться едва-ли не съ большимъ сожалѣніемъ передъ этимъ явленіемъ, чѣмъ передъ самымъ фактомъ отлученія графа.

Поэтому книжка о. І. Ил. Соловьева, какъ отвѣдъ апологета идеи православной церковности на обвиненія, предъявленныя представителямъ Церкви судьями непризванными и жалкими въ своей духовной слѣпотѣ, заслуживаетъ широкаго распространенія среди блазнящихся отпаденіемъ отъ общества спасаемыхъ „великаго писателя земли русской“.

Пункты, по которымъ авторъ располагаетъ свой „опытъ разьясненія“, намѣчены имъ въ такомъ видѣ и послѣдовательности: „Сочувственное отношеніе къ графу и недовольство Синодальнымъ актомъ нѣкоторыхъ изъ вѣрныхъ чадъ православной Церкви.

Раскрытіе неосновательности и несправедливости разсужденій ихъ о нецѣлесообразности акта по отношенію къ положенію Церкви и незаслуженности и жестокости по отношенію къ графу. Краткій анализъ Ев. Іоанна 6-й главы въ опроверженіе перваго разсужденія. Выясненіе неправильнаго пониманія ученія о христіанской свободѣ и несовмѣстимости разновѣрія съ единствомъ Церкви. Основной догматъ вѣры православной Церкви.

Несогласныя съ нимъ лжеученія графа по посланію Св.

Синода и краткому очерку литературно-публицистической дѣятельности графа. Указаніе критическихъ разборовъ ея и отношенія къ нимъ графа для опредѣленія законности его отлученія. Отсутствие жестокости въ лишеніи христіанскаго погребенія отлученнаго отъ Церкви. Цековное анаематствование и страшное значеніе его для противляющихся ему. Выясненіе пагубнаго дѣйствія способствующихъ этому противленію отлученнаго отношеній къ нему.

Выясненіе значенія отлученія не какъ суда карательнаго, а какъ мѣры исправительной, по посланіямъ ап. Павла (1 и 2 Коринѣ. и 3 гл. 2 Сол.), по историческимъ фактамъ и „Послѣдованію въ недѣлю православія“. Сопоставленіе этого послѣдованія съ римско-католической формулой отлученія. Значеніе посланія Св. Синода о графѣ Толстомъ, какъ церковнаго свидѣтельства объ отлученіи его. Заключительные выводы по отношенію къ вѣрнымъ чадамъ православной Церкви. *Pia desideria*“.

Приводя согласно программѣ и основательно исчерпывая всѣ доводы, по которымъ Толстой не долженъ болѣе считаться истиннымъ членомъ Церкви (Св. Писаніе, Каноны церковные и упорное отрицаніе ихъ отлученнымъ), авторъ останавливается, между прочимъ, и на томъ простомъ и ясномъ соображеніи, что Церковь, какъ и всякое общество съ опредѣленными уставами, имѣетъ несомнѣнное право требовать исполненія этихъ уставовъ отъ желающихъ считаться ея дѣйствительными членами. Здѣсь обычно ставится вопросъ о свободѣ. Но далеко не всякое возстаніе противъ какого-то бы ни было устава есть проявленіе любезной сердцу человѣческому свободы: въ данномъ случаѣ это своеволіе и произволь тѣмъ болѣе преступны, что отрицаютъ самое основаніе устава. Если же истинная свобода согласуется съ законами въ обществахъ человѣческихъ, то „посему иначе должно быть въ Церкви Божіей, какъ богоучрежденномъ обществѣ христіанъ?“... (стр. 10).

Переходя къ отказу Церкви въ совершеніи обряда христіанскаго погребенія надъ гр. Толстымъ, въ случаѣ его нераскаянности до смерти, авторъ доказываетъ, что обрядъ церковный, какъ и таинства, освящаютъ и приносятъ свой духовный плодъ только по доброму желанію и вѣрѣ въ молитвы Церкви. Для графа обрядъ, кромѣ профанаціи его, будетъ не нуженъ уже просто потому, что по его мнѣнію онъ не дѣйствененъ.

Однако, отказывая отлученному въ освященныхъ обрядахъ и таинствахъ, Церковь не только не отказывается молиться за его спасеніе, но и нарочито усиленно, не смотря на упорное нежеланіе графа быть членомъ ея, молится о его возвращеніи подъ свой кровъ, такъ какъ съ этимъ возвращеніемъ вернется и несомнѣнная дѣйственность всѣхъ

дальнѣйшихъ молитвъ объ отпавшемъ. Это должны имѣть въ виду и осуждающіе церковную власть въ одномъ изъ необходимыхъ актовъ ея жизнедѣятельности. Ихъ молитва для графа, какъ возможнаго члена Церкви, въ настоящее время гораздо нужнѣе, чѣмъ пустое сожалѣніе и необдуманное негодованіе, которое только способствуетъ его озлобленію. Общій любовномолитвенный духъ Церкви можетъ оказаться сильнѣе злой воли отпавшаго, способствуя не только смягченію его ожесточенія, но и полному раскаянію. Такого заключительное *pium desiderium* автора; таковымъ оно должно быть и для каждаго любящаго и вѣрнаго члена Церкви, скорбящаго о заблудшемъ братѣ.

Эпически безпристрастный, а въ извѣстныхъ частяхъ полный глубокаго сожалѣнія и искренней любви тонъ „Разъясненія“ дѣлаетъ всѣ доводы его еще болѣе убѣдительными.

Брошюра о. Соловьева по принесенной и приносимой ему пользѣ въ острый періодъ борьбы съ общественными кривотолками, по поводу знаменательнаго акта Св. Синода отъ 22 февраля, должна занять, и по содержанію и по значенію передовое мѣсто въ современной противотолстовской апологетической литературѣ.

В. К—въ.

Проф. А. А. Бронзовъ. «О христіанской семьѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ». СПб. 1901 г. 56 стр. Ц. 20 к.

«О любви къ отечеству, по поводу взглядовъ гр. Льва Толстого. СПб. 1901 г. Ц. 20.

Авторъ задался цѣлью освѣтить съ христіанской точки зрѣнія смыслъ и значеніе семьи, какъ основной единицы общества, въ которой воспитывается и зрѣетъ идеаль всѣхъ грядущихъ отношеній и союзовъ людскихъ.

Библейское повѣствованіе даетъ намъ отправную точку для опредѣленія этой единицы въ союзѣ одного мужа и одной жены, скрѣпляемомъ взаимной любовью супруговъ въ нераздѣльное цѣлое, въ которомъ сглаживаются и исчезаютъ границы власти и обязанностей каждой половины. Распаденіе освященнаго Творцемъ союза, выразившееся въ видѣ деспотическаго эгоизма мужской половины и очень замѣтное даже и въ избранномъ народѣ еврейскомъ, снова скрѣплено завѣтомъ любви Христа. Этотъ повторенный завѣтъ долженъ остаться на вѣчное время единственною мѣркою союза мужа и жены: браки, основанные на другихъ побужденіяхъ, или уничтожающія весь смыслъ союза сожитія полигамическія и полиандрическія — каковыя *de facto* существуютъ даже и въ христіанскихъ обществахъ — но

должны имѣть мѣста, какъ преступленія не только этическія, но и социальныя. Многоженство и многомужество, какъ результаты похоти, не только развращаютъ брачующихся, но уничтожаютъ плоды и цѣль брака, отнимая у нарождающагося поколѣнія родителей, какъ естественныхъ воспитателей, и руководителей, которые должны посвящать свои силы по способности прежде всего связанному съ ними плотскимъ родствомъ потомству. Отрицаніе брака, какъ таинственнаго обязательства предъ Церковью и обществомъ въ видахъ эгоистическихъ, приводитъ къ тому же. Поэтому для каждаго, имѣющаго возможность и права вступить въ бракъ— послѣдній обязателенъ, за очень немногими исключеніями подвижничества или неспособности самой природы. Послѣдняя какъ будто подчеркиваетъ выводы разума и благословеніе Божіе соединяться именно *парами* почти равночисленными дѣленіемъ людей на мужчинъ и женщинъ.

Эстетическое чувство, играющее при заключеніи брака очень важную роль, должно отправляться отъ внутренняго къ внѣшнему, а никакъ не наоборотъ. Необходимымъ условіемъ брака, какъ „нравственно-добраго явленія“, приходится признать, кромѣ сродства душъ, и приблизительное равенство общественнаго положенія и возраста брачующихся. Результаты нарушенія этихъ условій слишкомъ плачевны и ясны, чтобы ихъ перечислять.

Гражданскій бракъ, не благословляемый Церковью, нося характеръ случайности, не только не гарантируетъ прочности союза, но исключаетъ и всякое представленіе о супругахъ, какъ единомъ и нераздѣльномъ цѣломъ, не говоря уже о положеніи дѣтей, рождающихся отъ такого брака.

Вопросъ вдовства и повторныхъ супружествъ весьма ясно освѣщается церковнымъ пониманіемъ—первый, какъ испытаніе, второй—какъ снисхожденіе немощамъ плоти, къ чему примыкаетъ и необходимость воспитанія осиротѣвшихъ дѣтей.

Переходя къ моднымъ въ наше время „женской эмаппаціи“ и „свободной любви“, нужно замѣтить, что эти стремленія покоятся на ложно обоснованныхъ предположеніяхъ и забвеніи священныхъ завѣтовъ и великихъ задачъ материнства: свободное сожитіе дѣлаетъ женщину еще больше рабой случая и прихотей мужчины, а стремленіе во всемъ сравняться съ сильной половиной рода человѣческаго разрушаетъ въ большинствѣ ея личное счастье, мало улучшая и общественную жизнь. Противъ всесторонняго практическаго образованія женщины спорить нельзя, но оно должно находить приложеніе и сообразоваться съ ея дѣятельностью въ семьѣ. Крайность направленія только уродуетъ женщину, отвлекая отъ ея естественнаго и великаго назначенія.

Рожденіе дѣтей (подъ необходимымъ условіемъ котораго бракъ и можетъ считаться союзомъ въ собственномъ

смыслъ семейнымъ) сопровождается ихъ воспитаніемъ, какое должно вестись въ мудромъ сочетаніи началъ строгости и не менѣе ея дѣйствительной любви, такъ какъ лишь изъ этого сочетанія рождается и истинный родительскій авторитетъ. При этомъ необходимо помнить, что педагогика обнимаетъ не только „ученіе“ въ смыслѣ приобрѣтенія теоретическихъ познаній, но и воспитаніе (disciplina) воли, отъ того или иного развитія которой зависитъ все дальнѣйшее направленіе жизнедѣятельности человѣка. Сообразно своей дисциплинѣ семья награждаетъ общество дурными или полезными членами. Переходомъ къ общественному служенію въ широкомъ и истинномъ значеніи этого слова является правильно поставленное отношеніе къ родственникамъ и такъ называемымъ, дружескимъ союзамъ и союзамъ гостепріимства. Въ этомъ случаѣ особенно необходимо избѣгать низменно утилитарныхъ цѣлей, такъ какъ только при нравственно добромъ характерѣ этихъ отношеній осуществляется идеаль единой общечеловѣческой семьи..

Положенія автора, покоющіяся на незыблемомъ основаніи Откровенія и твердыхъ принципахъ научной мысли, развиты съ надлежащей подробностью, а живое и ясное изложеніе всей статьи вполне отвѣчаетъ ея первоначальной задачѣ „публичнаго чтенія“. Полезное, наводящее значеніе книжка можетъ имѣть и для миссіи въ полемикѣ съ сектантами-бракоборцами и либеральными проповѣдниками противосемейныхъ началъ жизни.

Предлагаемая вниманію публики вторая книжка, имѣя въ виду разборъ одного изъ заблужденій яснополянскаго лжеучителя, служить какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ только что изложеннаго чтенія того же автора о христіанской семьѣ.

Если семья, какъ основная единица государства, служить вмѣстѣ съ тѣмъ и его идеальнымъ прототипомъ, то едва ли какой здравомыслящей головѣ придетъ на умъ опровергать, что единственнымъ отношеніемъ каждаго человѣка къ своему государству можетъ быть только отношеніе любви.

За непреложную истинность и законность патріотизма ручается не только наше нравственное сознаніе, но едва ли еще не болѣе сама природа, вложившая въ человѣка непреодолимое инстинктивное чувство привязанности къ той мѣстности и странѣ, гдѣ онъ родился и воспитывался.

Но къ сожалѣнію въ наши дни, отмѣченные разрушеніемъ и переоцѣнкой вѣчныхъ идеаловъ, приходится провѣрять и доказывать и подобныя, слишкомъ очевидныя истины. Въ настоящемъ случаѣ характеръ „переоцѣнки“ графа опредѣляется придуманною имъ заповѣдью „о не противленіи злу насиліемъ“, къ которой онъ желаетъ подогнать всѣ житейскія отношенія.

Авторъ предлагаемой статьи на основаніи заграничныхъ изданій Толстого формулируетъ отрицательное отношеніе послѣдняго къ вопросу о патріотизмѣ въ такомъ видѣ: 1) патріотизмъ—нѣчто *случайное* въ человѣкѣ и отсюда—хуже эгоизма, какъ момента въ человѣкѣ якобы прирожденнаго; 2) патріотизмъ—для нашего времени будто-бы анахронизмъ; 3) онъ—зло, такъ какъ сопряженъ съ насиліемъ, несовмѣстимъ съ миромъ и производитъ войны; отсюда 4) намъ безусловно надлежитъ отказаться отъ него; 5) онъ не гармонируетъ даже съ ученіями Будды и Конфуція, а тѣмъ болѣе 6) Христа, за Которымъ естественно должно намъ—христіанамъ—слѣдовать.

Опроверженіе этихъ положеній ведется авторомъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательности.

Страннымъ является уже самое сравненіе Толстымъ патріотизма и эгоизма, такъ какъ хуже послѣдняго, какъ первоисточника всѣхъ бѣдъ и несчастій человѣка, едва-ли что можетъ быть. Ложность предположенія графа, что эгоизмъ имѣетъ характеръ прирожденности, доказывается не только библейскимъ повѣствованіемъ о грѣхопадѣніи первыхъ людей, но и неудачными попытками модныхъ теорій обосновать его „первичность“ по сравненію съ чувствами альтруистическаго характера, такъ что сопоставленіе эгоизма съ истинной любовью къ отечеству можетъ быть смѣло вычеркнуто, какъ совершенно не идущее къ дѣлу.

Чувство патріотизма, какъ всеобщее и всегдашнее, не можетъ быть уже по этому самому случайнымъ, а за его естественность говорить, между прочимъ, и то, что всѣ усилія поколебать въ человѣкѣ это чувство (беремъ и Толстого) не достигаютъ цѣли.

Отрицать патріотизмъ какъ „пережитокъ“ на томъ основаніи, что онъ замѣчается у народовъ во времена ихъ культурной дикости, а теперь является будто бы анахронизмомъ—значитъ опровергать только что высказанную самимъ графомъ догадку объ искусственности любви къ родинѣ. Эта любовь—не анахронизмъ потому, что она никогда не старѣетъ и не уменьшается въ своей интенсивности. Космополитизмъ циниковъ, выросшій на почвѣ упадка политической жизни греческихъ городовъ и характерный въ этомъ отношеніи, какъ крайность отчаянія, является гораздо большимъ анахронизмомъ въ наше время, когда всякая попытка образовать былое „всемирное“ римское господство вызываетъ взрывъ патріотическаго негодованія въ другихъ государствахъ. Здѣсь, конечно, не имѣется въ виду истинный христіанскій космополитизмъ, основанный не на неизбѣжности подчиненія, а на свободномъ признаніи равенства людей по ихъ человѣческому достоинству.

Болѣе основательной представляется на первый взглядъ

мысль, что патріотизмъ служить ближайшей причиной войнъ. Но въ этомъ не трудно разобраться. Все дѣло въ правильномъ пониманіи патріотизма. Вѣдь и любовь вообще—можетъ быть величайшимъ грѣхомъ, какъ направленная исключительно на себя—какъ эгоизмъ, но едва ли нужно говорить, что христіанство проповѣдуетъ патріотизмъ основанный совершенно на иномъ пониманіи и слагается изъ нѣсколькихъ мотивовъ и проявленій ихъ во внѣ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить патріотизмъ „оборонительный“, который возникаетъ изъ стремленія, сохранить святая-святыхъ народной жизни, когда врагъ покушается на цѣлость религіозно-бытовой свободы родины. Если въ этомъ случаѣ не дать отпора—дерзость врага можетъ обратиться въ деспотизмъ и духовное порабощеніе.

Защищать попустительство такому злу едва ли возможно. Наружный миръ, который въ лучшемъ случаѣ можетъ быть при такомъ отношеніи къ дерзкому хищнику, только повторить пресловутый „рах Романа“, державшійся на остріѣ меча римскаго легіонера. Развитие этого вида патріотическаго чувства въ наши дни усиленнаго вооруженія выразилось страхомъ Европейскихъ государствъ вступить въ международную войну и, слѣдовательно, служить косвеннымъ образомъ гарантіей ихъ мирныхъ отношеній. Эгоистическому стремленію одной націи къ захвату насчетъ другой поставлена преграда. А если къ этому прибавить, что патріотизмъ, постепенно одухотворяясь и захватывая большую и большую область, можетъ привести и ко всеобщей солидарности народовъ, то выраженіе—„вооруженный миръ“ уже не будетъ звучать насмѣшкой.

Направляя громъ и молніи по адресу патріотизма „завоевательнаго“, основаннаго на эгоистическомъ захватѣ чужой собственности, чему примѣромъ служитъ современная намъ война Англій съ Трансваалемъ, Толстой, что называется, ломится въ незапертую дверь и повторяетъ азбучныя истины, потому что какой же христіанинъ можетъ защищать патріотизмъ въ такомъ его проявленіи? Сами англичане, затѣявшіе этотъ разбой, стараются прикрыть его благовидными предлогами, но не смотря на это всѣ христіанскіе народы одинаково возмущены ихъ поступками. Съ этимъ случаемъ нельзя лишь смѣшивать возстаніе одного народа на защиту другого притѣсняемаго, христіанскій примѣръ чего подала Россія въ послѣднюю Турецкую войну. Выгода, которую получаетъ такой народъ отъ войны, равняется простой платой за труды. Насколько такое самовознагражденіе согласно съ закономъ безкорыстной любви—это къ данному вопросу не имѣетъ прямого отношенія.

Спорить противъ патріотизма „удержательнаго“, въ смыслѣ сохраненія добытаго упорнымъ трудомъ или полученнаго

добровольно,—тоже не приходится, такъ какъ время даровой работы на другихъ отъ насъ еще очень далеко и даже частная жизнь пока даетъ тому слишкомъ мало примѣровъ. Только менѣе можно возражать противъ защиты и удержанія подъ своей властью народовъ, отдавшихъ въ опеку добровольно (Россія—Грузія и Азіатскіе инородцы).

Патріотизмъ „возстановительный“ имѣетъ въ виду возвратить права, отнятыя насильно, особенно если насильническое отношеніе къ свободѣ и трудамъ покореннаго народа сдѣлалось обычнымъ правомъ побѣдителя. Героизмъ христіанъ первыхъ вѣковъ едва ли можетъ быть поставленъ въ примѣръ, когда приходится разсуждать съ точки зрѣнія нравственной силы рядовыхъ бойцовъ добродѣтели.

Если мы обратимся отъ Будды и Конфуція къ болѣе истиннымъ и непогрѣшимымъ указаніямъ Библіи, то увидимъ, что народъ еврейскій и его боговдохновенные пророки и бытописатели выступаютъ передъ нами съ характеромъ самаго горячаго патріотизма: достаточно вспомнить хотя бы плачь Іереміи и 136 псаломъ царя Давида. Вся земная жизнь и ученіе Богочеловѣка, не смотря на Его вѣчное и общечеловѣческое значеніе имѣли ближайшей цѣлью спасти и направить на путь истины родной Ему по плоти народъ еврейскій: Онъ проповѣдывалъ почти не выходя изъ предѣловъ своей родины. Патріотизмъ Христа слишкомъ ярко засвидѣтельствованъ, чтобы его нужно было искать и указывать въ вѣчной повѣсти Его земной жизни. И если графъ Толстой желаетъ отрицать патріотизмъ, какъ грѣховное чувство,—онъ долженъ уличить въ противорѣчій Самого Искупителя, или заподозрить подлинность евангельскаго повѣствованія, что впрочемъ Яснополянскій мудрецъ не стыдится дѣлать въ видахъ утвержденія придуманныхъ имъ заповѣдей... Заканчиваетъ авторъ извѣстной характеристикой патріотизма, сдѣланной однимъ изъ видныхъ противниковъ Толстого на почвѣ религіозной мысли.

Брошюрка почтеннаго профессора отличается тѣми же достоинствами, что и его чтеніе о семьѣ; ясностью, доступностью и вмѣстѣ разностороннею полнотою освѣщенія. Всѣ положенія его отличаются доказательностью и разнообразіемъ ихъ аргументаціи.

Если же принять во вниманіе, что краткій пересмотръ заблужденій Толстого въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимъ и умѣстенъ въ видахъ разъясненія церковнаго къ нему отношенія, то предлагаемый очеркъ получаетъ особенный интересъ и цѣну въ миссіонерской полемикѣ противъ лжеученія Толстовства,

В. К.

Протоіерей Г. С. Дебольскій. Дни Богослуженія Православной Ка-
толической Восточной Церкви, въ 2-хъ т.; цѣна 3 руб. Изданіе
10-е. 1901 г.

Хотя въ послѣднее время мы не можемъ пожаловаться на недостатокъ литургическихъ руководствъ, объясняющихъ установленія различныхъ богослужебныхъ дней въ православной Церкви всего годичнаго круга; но настоящій почтенный трудъ автора, по обстоятельности, детальности и серьезности своего изслѣдованія, далеко оставляетъ всѣ прочія позади и подобно „Пособію къ изученію устава богослуженія православной Церкви“ протоіерея Никольскаго еще долгое время будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей литургической наукѣ. Предметъ этого труда,—составляющій изъясненіе всѣхъ праздниковъ и дней богослужебныхъ—церковныхъ и гражданскихъ, табельныхъ и не табельныхъ, преходящихъ и не преходящихъ, Господнихъ, Богородичныхъ и святыхъ,—и содержаніе его достаточно извѣстно многимъ, ищущимъ духовнаго назиданія и просвѣщенія.

Чтобы дать представленіе о характерѣ и степени серьезности этого труда, лицамъ съ нимъ не знакомымъ, укажемъ для примѣра на изъясненіе праздника Рождества Христова. Сначала авторъ излагаетъ событіе Рождества Спасителя, на основаніи Евангелія, съ приведеніемъ относящихся къ этому событію пророчествъ, поясняя непонятныя мѣста и слова мнѣніями св. отцевъ и учителей Церкви или выдержками изъ богослужебныхъ пѣснопѣній; затѣмъ показываетъ древность и важность праздника, находя основанія для его установленія еще въ постановленіяхъ апостольскихъ и приводя свидѣтельства о семъ св. отцевъ, учителей Церкви и другихъ богомудрыхъ мужей, начиная съ II вѣка и до X непрерывно; далѣе весьма подробно излагаетъ самое богослуженіе праздника и развиваетъ ту мысль, что на все богослуженіе православной Церкви, совершаемое ею съ сентября до дня праздника, можно взирать, какъ на время ветх. зав., въ которомъ многіе вѣрно видѣли и ожидали Мессію, и доказываетъ эту мысль содержаніемъ указаннаго богослуженія; послѣ сего раскрываетъ догматическій и историческій смыслъ праздника; наконецъ, говоритъ о достойномъ поведеніи въ этомъ праздникѣ христіанъ въ древнее и въ наше время; и въ заключеніе объясняетъ, что такое святки и какъ ихъ надо проводить.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народ. Просв. трудъ автора одобренъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ внесенъ въ списокъ книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Н. III.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Распоряженіе. Совѣтъ Братства Св. Дмитрія Ростовскаго вмѣнилъ въ обязанность сотрудникамъ и благочинническимъ миссіонерамъ неопустительно вести миссіонерскіе дневники—маршруты, въ которыхъ они должны вписывать свои миссіонерскія поѣздки, съ указаніемъ посѣщенныхъ селеній, количества верстъ и произведенныхъ бесѣдъ (кратко). Дневники эти должны быть засвидѣтельствованы подписью священниковъ, а за отсутствіемъ ихъ, кого-либо изъ членовъ причта или какого-либо должностнаго лица,—а чрезъ каждые три мѣсяца надлежащимъ порядкомъ (чрезъ Отдѣленія или Епархіальнаго миссіонера) представляться въ Совѣтъ Братства.

Отрадные вѣсти. Изъ Тамбова сообщаютъ намъ отрадныя вѣсти объ успѣхѣ миссіонерскаго дѣла, которое за послѣдніе три года тамъ положительно увидало свѣтъ. Мѣстный преосвященный Георгій удѣляетъ миссіи рѣдкое вниманіе. Не говоря уже о томъ, что во время разѣздовъ по епархіи онъ самымъ тщательнымъ образомъ знакомится съ дѣломъ миссіи на мѣстѣ, присутствуетъ и участвуетъ въ публичныхъ бесѣдахъ съ сектантами, какъ то было 17-го іюня, онъ и самую миссію возвелъ на подобающее ей въ епархіи мѣсто. Съ ноября 1899 года епархіальная миссія, существовавшая въ Тамбовѣ уже 9 лѣтъ, впервые призвана къ участію въ мѣстномъ Совѣтѣ Братства, на правахъ полноправныхъ членовъ послѣдняго, а въ текущемъ мѣсяцѣ октябрѣ епархіальный миссіонеръ назначенъ и въ члены епархіальнаго училищнаго совѣта. Э. М.

Майноскіе единовѣрцы. — Недавно въ Москву прибыли единовѣрцы изъ селенія Майнось, на берегу Мраморнаго моря, просить себѣ священника. Майноскіе единовѣрцы—это бывшіе старообрядцы, которые съ казакомъ Некрасовымъ переселились въ селеніе Майнось еще до временъ царствованія императрицы Екатерины II. Въ 1879 году старообрядцы послали своихъ уполномоченныхъ въ Москву для исходатайствованія у митрополита московскаго принятія ихъ въ общеніе съ православной грекороссійской Церковью по правиламъ единовѣрія, съ подчиненіемъ ихъ московскому митрополиту и власти всероссійскаго Св. Синода.

Св. Синодъ, на разсмотрѣніе котораго было внесено означенное ходатайство московскимъ митрополитомъ Макаріемъ, по соглашенію съ патриархомъ константинопольскимъ, изъ явилъ согласіе. Майносы имѣютъ деревянный храмъ, освященный архимандритомъ Павломъ Прускимъ во время возвращенія послѣдняго изъ путешествія въ Іерусалимъ. Въ праздники всѣ единовѣрцы отъ мала до большого собираются въ церковь на богослуженіе и поютъ общимъ хоромъ, раздѣлившись на два клира. Служба совершается строго по уставу, причемъ всенощная продолжается около пяти часовъ.

Церковь теперь пришла въ ветхость, и у нихъ уже заготовленъ матеріалъ для возведенія каменной церкви; для начатія работъ стѣсняются въ средствахъ.

Майносы не смѣшиваются ни съ турками, ни съ греками; занимаются рыболовствомъ, причемъ пятую часть улова отдаютъ султану, какъ подать.

Всего прибыло въ Москву три лица, изъ которыхъ двое уполномоченныхъ, а третій кандидатъ во священника. Иванъ Игнатовъ (87 лѣтъ), избранный изъ своей среды на мѣсто умершаго священника.

Съ разрѣшенія Св. Синода и по благословенію высокопреосвященнаго Владимира, митрополита московскаго, преосвященнымъ Парееніемъ, епископомъ можайскимъ, Иванъ Игнатовъ возведенъ въ санъ священника.

Прибывшіе майносскіе единовѣрцы хорошо говорятъ по русски, пишутъ уставными (древними) буквами, такъ какъ, по ихъ словамъ, скорописи некому ихъ научить.

Православіе въ Персіи. Православная миссія въ Урміи устроила до 40 церквей, 60 школъ и совершила присоединенія въ многихъ селахъ и деревняхъ. Въ православіе перешли до 1700 Айсоровъ несторіанъ въ Тифлисъ еще въ 1898 году. Такимъ образомъ миссія начинаетъ свою дѣятельность на почвѣ распространенія школьнаго образованія среди Айсоровъ. Изъ послѣднихъ многіе обучаются въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, хотя не особенно охотно; по окончаніи курса, возвращаются на родину, разыскивая службу въ русскихъ приходахъ. Въ виду этого, предполагается къ существующимъ въ Урміи начальнымъ школамъ присоединить особое духовное училище съ богословскимъ курсомъ, въ которомъ бы обучались будущіе пастыри и учителя для новой православной миссіи. Это тѣмъ легче осуществить, что Святѣйшій Синодъ увеличилъ субсидію на нужды Урмійской миссіи, являющейся вліятельнымъ факторомъ русскихъ тенденцій.

Изувѣрство раскольниковъ.

Много писалось объ изувѣрствѣ и нетерпимости раскольниковъ, но оно не прекращается и поднесъ. Особенно достается православнымъ молодухамъ раскольниковыхъ семействъ. Вотъ что пришлось переиспытать одной изъ такихъ, по ея разсказу приходскому священнику. Въ 1899 году она была новѣнчана съ новообращеннымъ изъ раскольниковъ бѣглопоповщинскаго толка Захаромъ Артѣмьевымъ. Мужъ первые мѣсяцы посѣщалъ аккуратно православный храмъ и жилъ съ женою хорошо. Но онъ скоро захворалъ. Его болѣзнію воспользовались отецъ и мать его, раскольники, и стали говорить ему, что Богъ наказалъ его болѣзнію за поруганіе „старой вѣры“, и что онъ, чтобы загладить свое преступленіе, долженъ опять возвратиться въ расколъ. При этомъ не обошлось безъ угрозъ,—что они выгоняютъ его больного изъ дома, ничего не давши. Больной скоро сдался на ихъ увѣщанія и возвратился „къ старой вѣрѣ“. Теперь свекровь, а за нею и свекоръ обратили вниманіе на православную сноху. Сначала убѣждали сносными мѣрами, но когда она не сдалась на ихъ увѣщанія и угрозы, они прибѣгли къ пыткамъ. По приказу отца и матери, мужъ началъ бить жену безъ всякаго повода съ ея стороны. Побой мужа она переносила терпѣливо, никому не жаловалась и оставалась православной. Видя бесплодность этого насилія, а можетъ быть, не довѣряя усердію мужа, свекоръ и свекровь принялись сами за обращеніе. Начали ее бить сами—и по одному, и по трое. Одинъ разъ свекоръ поднесъ къ снохѣ плотничій настругъ и грозилъ зарѣзать, она испугалась и три дня была больна (истерично); запирали ее въ холодную конюшню, гдѣ она и ночевала. 5 января сего года Прасковья Иванова собралась идти въ церковь къ вечернѣ, на нее бросились свекоръ, мужъ и свекровь, накинули подпѣлку на нее отъ телка и, сдавивъ горло, всячески били. Съ этихъ поръ они начали ежедневно бить ее, чтобы она обратилась въ расколъ. На ея отказъ они больше озлоблялись и еще болѣе жестоко стали ее мучить: такъ, одинъ разъ, поваливъ ее въ избѣ, стали бить; въ это время вошелъ въ избу ихъ холостой сынъ и, сжалившись, сказалъ: что вы дѣлаете? Они, оставивши ее, бросились на него и избili за то, что онъ заступился. Съ этихъ поръ несчастную страдалицу никуда не выпускали изъ дому и насильно хотѣли на первой недѣлѣ поста увезти въ Вольскъ и обратить въ расколъ. Вырвавшись изъ дома, она убѣжала и обратилась къ защитѣ заступу къ приходскому священнику.

Теперь спрашивается, что же можетъ и долженъ предпринять приходскій пастырь въ данномъ случаѣ и вообще въ подобныхъ дѣлахъ, чтобы защитить и оградить

отъ насилія православную страдальцу? Конечно, обличать, увѣщевать озвѣрѣлыхъ изувѣровъ, умолять и наставлять. Но послушаютъ ли? И пока слово увѣщанія дастъ свой плодъ въ черствомъ сердцѣ дикаго человѣка, не изведутъ ли несчастную и за то еще, что дерзнула соръ изъ избы вынести,—попу-никоніанину нажаловаться? Заявить начальству? Но гдѣ свидѣтели истязаній? Во всякомъ случаѣ, дѣйствуя убѣжденіемъ, священникъ обязанъ обратиться къ свѣтской власти (земскому начальнику) и просить у нихъ законной защиты истязуемой.

Священникъ *Симеонъ Магнусовъ*.

Критика толстовства въ Университетѣ.

„Кіевская Газета“ сообщаетъ, что въ текущ. учебн. году въ университетѣ св. Владиміра въ программу практич. занятій по богословію проф. Ѳ. Свѣтловымъ вводится научен. иностран. и русской критич. богословской литерат. о гр. Л. Н. Толстомъ. Занятія эти имѣютъ своей единственной цѣлью ознакомить студентовъ съ существующей литературой по этому предмету и ея итогами. „Право на участіе въ занятіяхъ обуславливается представленіемъ реферата на одну изъ нижепоименованныхъ темъ“: 1) „Генезисъ идей Л. Толстого или источники его религіозно-философскаго міросозерцанія“; 2) „Религія Льва Толстого“; 3) „Ученіе Л. Толстого о жизни“; 4) „Взглядъ Л. Толстого по вопросу о безсмертіи и загробной жизни“; 5) „Что сдѣлано богословской критикой для оцѣнки ученія Л. Толстого о непротивленіи злу“; 6) „О войнѣ“; 7) „О клятвѣ и присягѣ“; 8) „О судѣ“; 9) „Любовь къ людямъ въ ученіи Толстого“; 10) „Толстой, какъ моралистъ“; 11) „О евангеліи Толстого“; 12) „Религіозный культъ въ ученіи Толстого“; 13) „Христіанское вѣроученіе въ сочиненіяхъ Толстого и вопросъ о христіанствѣ его“; 14) „Ученіе Толстого въ его вліяніи на жизнь и о плодахъ ученія Толстого по суду критики“ и 15) „Толстой какъ моралистъ въ воззрѣніи духовной и свѣтской печати“.

Къ вопросу о несовмѣстительствѣ должности епархіальнаго миссіонера.

(Письмо въ редакцію).

Милостивый Государь,
Василій Михайловичъ!

Ваша пятистрочная замѣтка подъ заглавіемъ: „возможно ли?“ помѣщенная въ октябрьской книжкѣ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, невольнo побуждаетъ меня, какъ бывшаго Олонецкаго епархіальнаго миссіонера, сказать нѣсколько словъ по затронутому вопросу, измѣнивъ его такъ: „можно ли поручить исполненіе обязанностей Оло-

нецкаго епархіальнаго миссіонера лицу, занимающему другую должность, напр., кафедральному протоіерею, преподавателю семинаріи и т. д.?"

Количество раскольниковъ въ Олонецкой епархіи сравнительно не велико: по собраннымъ мною и другими оо. миссіонерами свѣдѣніямъ, ихъ всего 5753 человѣка, обоаго пола, и всѣ они—безпоповцы, а всѣхъ миссіонеровъ въ епархіи (вмѣстѣ съ епархіальнымъ) 8 человѣкъ. Поэтому можно бы думать, что исполненіе обязанностей Олонецкаго епархіальнаго миссіонера не представляетъ никакихъ затрудненій и можетъ быть поручено не только свободному отъ другихъ занятій лицу, но даже и занимающему какую-либо другую отвѣтственную должность. «Можно, скажу словами покойнаго проф. И. Ѳ. Нильскаго, но осторожно», и вотъ почему.

1) Кромѣ указаннаго количества раскольниковъ, въ Олонецкой епархіи много колеблющихся православныхъ, которые при первомъ же удобномъ случаѣ могутъ перейти въ расколъ, почему и требуютъ по отношенію къ себѣ большаго вниманія и немалыхъ усилій къ удержанію въ лонѣ православія, тѣмъ болѣе, что число ихъ, даже по приближительному подсчету, достигаетъ свыше 11.000 человѣкъ.

2) „Обязанность Олонецкаго епархіальнаго миссіонера состоитъ въ объединеніи, провѣркѣ и руководствованіи миссіонерскою дѣятельностію окружныхъ миссіонеровъ съ ихъ помощниками и приходскихъ священниковъ, а равно и въ непосредственномъ веденіи бесѣдъ съ раскольниками“ (§ 3 инструкціи Олон. епарх. мисс.). Но провѣрять и руководить миссіонерскою дѣятельностію указанныхъ лицъ, сидя въ своемъ кабинетѣ и лишь разсылая бумаги за МѢ, едва ли согласится хоть кто-либо изъ епархіальныхъ миссіонеровъ, честно относящихся къ своему дѣлу, а Олонецкій миссіонеръ не имѣетъ даже и права поступать такъ, потому что въ § 5 той же инструкціи прямо сказано, что для лучшаго ознакомленія съ расколомъ Олонецкой епархіи и съ миссіонерскою дѣятельностію всѣхъ трудящихся въ борьбѣ съ расколомъ онъ долженъ посѣщать приходы, зараженные расколомъ. Между тѣмъ окружные миссіонеры Олонецкой епархіи и ихъ помощники живутъ на дальнемъ разстояніи отъ мѣста жительства епархіальнаго миссіонера (одинъ только Петрозаводскій окружный живетъ верстахъ въ 50—55 да и то за Онежскимъ озеромъ); священники, требующіе руководства и провѣрки миссіонерскою дѣятельности ихъ, живутъ въ 133 приходахъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ Олоніи, занимающей площадь въ 130719 кв. верстъ. Пути сообщенія въ Олонецкой губ., не смотря на усилія земствъ, неудовлетворительны, такъ что во многіе приходы можно попастьъ только зимой, да и то съ большимъ трудомъ. Но можетъ ли епархіальный миссіонеръ, занимающій какую-либо другую отвѣтственную должность, проводить по миссіи большую часть зимы безъ ущерба другимъ своимъ занятіямъ?

3) Какъ непремѣнный членъ главнаго совѣта Александрo-Свирскаго братства, которое въ числѣ своихъ задачъ имѣетъ и миссіонер-

ское дѣло, и членъ епархіальнаго училищнаго совѣта Олонецкой епархіи, миссіонеръ долженъ не только участвовать въ засѣданіяхъ этихъ совѣтовъ, но и исполнять разныя порученія ихъ, на что нужно время.

4) Какъ главный руководитель миссіи, онъ долженъ давать совѣты (нерѣдко письменно, потому что иначе придется только ѣздить отъ одного миссіонера и священника къ другому) своимъ помощникамъ-миссіонерамъ и приходскимъ священникамъ, рѣшать ихъ недоумѣнія и вообще „поддерживать съ ними сношенія неустанною перепискою безъ официальнойности“, на что уходитъ, какъ знаю по личному опыту, очень много времени. А если еще къ этому прибавить, что иное недоумѣніе требуетъ многочисленныхъ справокъ, что раскольники придумываютъ все новыя и новыя возраженія, что наука о расколѣ идетъ впередъ и епархіальному миссіонеру, чтобы стоять на уровнѣ ея, необходимо слѣдить за литературой, то труды его значительно увеличатся и свободнаго времени у него останется немного.

5) Какъ лицо, специально занимающееся изученіемъ раскола и борьбою съ нимъ, стоящее во главѣ цѣлой отрасли церковной жизни, онъ обязанъ давать консисторіи свои заключенія по дѣламъ, касающимся раскола, входить къ мѣстному преосвященному рапортами объ открытіи новыхъ приходовъ, о построеніи церквей въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ и т. п., писать отчеты о своихъ поѣздкахъ по миссіи, читать отчеты окружающихъ миссіонеровъ и ихъ помощниковъ, составлять годовой отчетъ о состояніи раскола и дѣствіяхъ миссіи въ Олонецкой епархіи и мн. др.

6) Для выясненія миссіонерскихъ нуждъ епархіи, епархіальный миссіонеръ обязанъ созывать съѣзды (§ 14 инструк. Олон. епарх. мисс.), а для увеличенія силъ миссіи—устроить миссіонерскіе курсы для мірянъ—ревнителей православія и т. п.

7) На обязанности Олонецкаго епархіальнаго миссіонера лежитъ устройство и заведываніе епархіальной миссіонерской бібліотекой (§ 10 той же инструк.).

8) Наконецъ, не можетъ же епархіальный миссіонеръ не дѣлиться печатно своею опытностію, своими наблюденіями надъ жизнью раскола съ другими дѣятелями.

Если таковы обязанности Олонецкаго епархіальнаго миссіонера, то судите сами, можно ли поручить исполненіе ихъ не только такому лицу, какъ кафедральный протоіерей А. Н., который состоитъ штатнымъ членомъ консисторіи, благочиннымъ градскихъ церквей, предсѣдателемъ совѣта Олонецкаго епарх. жен. училища, преподавателемъ русскаго языка и словесности въ томъ же училищѣ, цензоромъ Олонецк. Епарх. Вѣдом., цензоромъ проповѣдей и т. д., но и вообще лицу, занимающему какую-либо другую отвѣтственную должность, каковъ, напр., преподаватель исторіи и обличенія раскола въ духовной семинаріи? По моему мнѣнію, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный; говорю по опыту, ибо и самъ я въ теченіе одного года и 8 мѣсяцевъ соединялъ въ своемъ лицѣ должность

преподавателя мѣстной семинаріи по кафедрѣ раскола и епархіальнаго миссіонера и по совѣсти долженъ сказать, что даже при всемъ желаніи сдѣлать все, что требуется той или другой должностію, которое-нибудь дѣло должно страдать, почему и упросить бывшаго преосвященнаго епископа Назарія войти въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ объ отдѣленіи должности епархіальнаго миссіонера отъ должности преподавателя семинаріи по кафедрѣ раскола, каковое ходатайство и было уважено.

К. Плотниковъ.

Возраженіе на статью «Современные пропагандисты раскола» ¹⁾.

Маркову ставятъ въ вину, что онъ самовольно сталъ во главѣ строительной комиссіи. Изъ вышеизложеннаго ясно, что все дѣло построенія церкви велось на основаніи постановленій Мелекесской посадской думы, изъ которыхъ ни одно не было отмѣнено порядкомъ, указаннымъ въ ст. 68 и 151 городского положенія изд. 1870 г. Слѣдовательно, постановленіе посадской думы, отъ 9 февраля 1890 г., коимъ учреждена строительная комиссія, примѣнительно къ ст. 73—75 городского положенія, имѣло и имѣетъ впредь до его отмѣны силу законнаго постановленія. Такое учрежденіе особой строительной комиссіи является совершенно согласнымъ со ст. 73 город. полож. и послѣдовавшими къ сей статьѣ разъясненіями правительствующаго Сената.

Правильности и законности такой комиссіи не отрицала и Самарская Дух. Консисторія, которая въ протоколѣ своемъ, отъ 25 мая 1890 г., разрѣшая постройку церкви, распорядилась назначить священника Иванова въ составъ комиссіи по постройкѣ церкви, каковая была учреждена думою. Хотя въ ст. 75 городского положенія указано, что учреждаемая городскими думами исполнительныя комиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ городской управы, тѣмъ не менѣе нельзя признать противнымъ закону то, что Марковъ, будучи предсѣдателемъ управы, принявъ на себя предсѣдательствованіе въ комиссіи согласно постановленію о томъ думы отъ 9 февраля 1890 г.— Но, во всякомъ случаѣ, обвинять его въ томъ, что онъ самовольно сталъ во главѣ комиссіи, не представляется основаній, разъ эта обязанность была имъ принята на себя по постановленію думы, законною властію не отмѣненному.

Если признать установленнымъ, что Марковъ въ качествѣ посадскаго головы по постановленію думы участвовалъ

¹⁾ Окончаніе. См. „Мисс. Обзор.“ Сент., стр. 233—248.

въ учрежденной ею строительной комиссіи, то слѣдуетъ также признать, что, согласно ст. 60 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, изд. 1890 г., устранить его отъ этого проявленія общественной дѣятельности не представлялось бы законныхъ основаній не только какъ лица, приписаннаго къ единоувѣрческой церкви, но и въ томъ случаѣ, если бы онъ дѣйствительно былъ раскольникъ¹⁾.

По обвиненію Маркова въ продажѣ послѣ пожара 1889 г. кирпича, заготовленнаго для постройки церкви, было уже сказано, что во избѣжаніе порчи этого кирпича Самарскій губернаторъ самъ совѣтовалъ обратить его въ продажу, и убыточнаго для постройки церкви въ этомъ не было. Но обвинители не столько напиралъ на хозяйственную сторону этого распоряженія, сколько сѣтуютъ на то, что въ продажѣ церковнаго кирпича на частныя надобности было будто бы нѣчто оскорбительное для достоинства церкви. Такая постановка обвиненія является столь явною натяжкой, которая даже едва ли нуждается въ подтвержденіи. Поставлено въ вину Маркову и благочинному Листрицкому то обстоятельство, что посадская управа, получивъ страховую премію въ размѣрѣ 6000 руб., обратила эту сумму, своимъ распоряженіемъ, въ церковно-строительный капиталъ, а не представила этой суммы въ распоряженіе епарх. начальства. Насколько намъ извѣстно, страхование церковныхъ зданій производится рѣдко, и въ данномъ случаѣ посадское общественное управленіе явило похвальный примѣръ заботливости и предусмотрительности, застраховавши на свой счетъ Старо-Никольскую церковь. — Такъ какъ страхователемъ была управа, то по страховому полису премія могла быть выдана только ей, и управа распорядилась этою преміею правильно, обративъ ее сполна на построеніе храма, воздвигаемаго на мѣстѣ сгорѣвшей церкви. Иного назначенія эта сумма не могла получить и по распоряженію епархіальнаго начальства.

Враги Маркова обвиняли его въ томъ, что будто бы онъ при закладкѣ церкви самовольно отступилъ отъ распоряженія консисторіи, заложивши церковь не во имя св. Чудотворца Николая, а во имя св. бл. князя Александра Невскаго (см. журналъ Сам. Дух. Консисторіи отъ 14 августа 1892 года). Но и это обвиненіе по меньшей мѣрѣ неосновательно.

Прежде чѣмъ состоялось журнальное опредѣленіе кон-

¹⁾ Строить храмъ раскольникъ..... Такъ ужели храмъ отъ этого теряетъ свое значеніе? Въ Камчатской епархіи не только строили храмы китайцы — язычники, но и вырѣзывали иконостасы съ орнаментами изъ библейской символики; вырѣзывали даже серафимовъ и весьма удачно. Благодать Св. Духа не можетъ стѣсняться или ограничиваться этимъ при освященіи храма по чину православной церкви.

Асторъ.

систеріи отъ 25 мая 1890 г., коимъ разрѣшалась постройка Мелекесской церкви, посадскій голова представленіемъ отъ 17 марта 1890 г. за № 270,—въ отмѣну первоначальнаго ходатайства о построеніи двухпрестольной церкви по проекту академика Шервуда, просилъ преосвященнаго Серафима разрѣшить на мѣстѣ сгорѣвшей Старо-Никольской церкви построить каменный храмъ съ однимъ престоломъ во имя св. бл. князя Александра Невского. Это вторичное ходатайство, представленное въ отмѣну первоначальнаго, и было заслушано въ журналѣ отъ 25 мая 1890 г., коимъ консисторія опредѣлила: 1) „Испрашиваемое Мелекескою посадскою думою построеніе каменной церкви въ пос. Мелекесѣ взаимнѣ сгорѣвшей деревянной и на томъ же мѣстѣ по утвержденному проекту, на средства думы, разрѣшить; 2) на сооруженіе церкви выдать храмозданную грамоту; 3) въ составъ комиссіи по постройкѣ церкви, каковая имѣетъ быть учреждена думою, отъ духовнаго вѣдомства назначить священника Старо-Никольской церкви (сгорѣвшей) Андрея Иванова; 4) освященіе мѣста и закладку храма поручить благочинному; 5) ему же предписать о ходѣ работъ по постройкѣ церкви доносить Его Преосвященству. По первому и третьему пунктамъ сообщить Мелекесскому посадскому голове, съ возвращеніемъ утвержденного проекта церкви; по пунктамъ 4 и 5 послать указъ благочинному 2 округа“. Изъ приведеннаго дословнаго текста опредѣленія легко усмотрѣть, что въ немъ нѣтъ ни одного слова объ обязательномъ сооруженіи храма во имя Святителя и Чудотворца Николая. Отсюда слѣдуетъ заключить, что посадскій голова, получивъ выписки 1 и 3 пунктовъ консисторскаго опредѣленія, а также утвержденный проектъ на сооруженіе храма, долженъ былъ по полученіи этихъ документовъ пребывать въ убѣжденіи, что разрѣшеніе Консисторіи послѣдовало именно въ томъ видѣ, какъ о томъ ходатайствовало посадское общественное управленіе предъ его преосвященствомъ представленіемъ отъ 17 марта 1890 г. за № 270.

Такимъ образомъ и это обвиненіе на Маркова неосновательно.

Правда, указомъ отъ 1891 г. за № 5450 Самарск. Дух. Консисторія упразднила бывшую комиссію, отрѣшивъ и благочиннаго Люстрицкаго отъ должности. Во главѣ новой строительной комиссіи сталъ іерей Старо-Никольской церкви, о. Андрей Ивановъ.

„Православное населеніе Мелекеса было очень признательно преосвященному Владимиру за его высокое покровительство и отнынѣ считало себя безопаснымъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны раскольниковъ Марковского толка“. Такъ пишетъ г. Вельскій. Но не такъ сообщалъ членъ строительной комиссіи священникъ Андрей Ивановъ. Рапортомъ

своимъ отъ 7 апрѣля 1893 г. за № 32 на имя его преосвященства о. Ивановъ сообщили: „Православное населеніе п. Мелекеса ожидаетъ окончанія постройки новаго храма съ напряженнымъ нетерпѣніемъ; раскольники же, въ виду многихъ родственныхъ отношеній съ православными, и самое главное, въ виду предназначенія храма служить памятникомъ Царю Освободителю, относятся къ постройкѣ такового съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Что касается строителя храма Маркова, то, по моей священнической совѣсти и по долгу священства, смѣю объяснить Вашему Преосвященству, что всѣ, за исключеніемъ лицъ Таратина, Сироткина и др., относятся къ нему, Маркову, съ искренней признательностью и благодарностью, неоднократно выраженной ему населеніемъ публично... И по совѣсти говоря, ежели бы не Марковъ, то новаго храма, если не совсѣмъ, то весьма долго не было бы въ Мелекесѣ, ибо онъ первый подаль мысль о сооруженіи такового, онъ изыскалъ источники и собралъ нужный капиталъ и исходатайствовалъ разрѣшеніе на постройку; онъ же началъ и ведетъ и, можно полагать, съ Божіею помощію окончить все сооруженіе храма. Къ сему умѣстнымъ полагаю доложить Вашему Преосвященству, что, кромѣ сооруженія храма, Марковъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ оказалъ свое усердіе къ дѣламъ церкви и желаніе приносить въ этомъ отношеніи пользу своему обществу. Такъ, между прочимъ, вслѣдствіе ходатайства прихожанъ закрытаго и впослѣдствіи сгорѣвшаго деревяннаго храма, Марковъ исходатайствовалъ объ учрежденіи при этомъ храмѣ другого штата; по его же ходатайству, доходившему до Св. Синода, возвращены въ сказанный храмъ изъ новаго иконы и церковная утварь, взятая туда по случаю упраздненія деревянной церкви; по его же предложенію эта деревянная церковь была въ 1881 г. отремонтирована на средства городской кассы, и на эти же средства приняты были посадской думой страхованіе церковей, содержаніе приходскаго кладбища; по его же предложенію была сооружена, въ память мученической кончины въ Бозѣ почившаго Государя Александра II, каменная часовня; по предложенію же Маркова сооружено думою нѣсколько цѣнныхъ иконъ, имъ пожертвованы облаченія“ и др.

Далѣе. Въ своей статьѣ г. Вельскій представилъ преосвященнаго Гурія такимъ легковѣрнымъ и неосмотрительнымъ, что можно со стороны подивиться его дѣйствіямъ и распоряженіямъ, касательно сооруженія Мелекесскаго храма, чуть не въ ущербъ православію въ Мелекесѣ, даже какъ будто на соблазнъ инородческаго мусульманскаго населенія, „съ живымъ (?) интересомъ слѣдящаго за всѣми фазисами борьбы православія съ Фетосѣвской раскольнической сектой Марковскаго толка и съ полнымъ сочувствіемъ и жа-

лостію относящагося къ угнетенному могущественной (?) сектой беззащитному православію“.

Нигдѣ во вѣрренной преосвященнѣйшему Гурію епархіи, тѣмъ болѣе въ Мелекесѣ, не усматривается, чтобы православіе находилось въ „угнетенномъ“ положеніи.—Благодареніе Богу, при его содѣйствіи, православіе всюду въ епархіи является великою силою во спасеніе всякому вѣрующему, какъ и въ Мелекесѣ, и въ семействахъ бр. Марковыхъ.

Въ Мелекесѣ живутъ три брата Марковыхъ въ отдѣльныхъ домахъ, преосвященный нѣсколько разъ бывалъ у нихъ и никогда не замѣчалъ ничего такого, что говорило бы не въ пользу ихъ отношеній къ православію.....

Правда, отецъ Марковыхъ вмѣстѣ съ сестрой своей, дѣйствительно, уклонились, и давно уже, отъ православія въ расколъ безбрачнаго толка, въ каковомъ онъ и пребылъ до своей смерти. Но сыновья его не были воспитаны имъ на строгихъ началахъ этой секты; напротивъ, съ его благословенія, вступили въ браки съ православными, присоединившись къ православію на правахъ единовѣрія, и они нимало не сочувствуютъ какой бы то ни было раскольнической пропагандѣ въ средѣ православнаго населенія, тѣмъ болѣе Ѳедосѣевского толка, который у насъ, въ Самарской епархіи, совсѣмъ почти не прививается къ старообрядцамъ вообще—какъ въ Мелекесѣ, такъ и въ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ, какъ и во всемъ Ставропольскомъ уѣздѣ, главнымъ образомъ распространенъ расколъ толка „Спасова согласія“¹⁾.

Напротивъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ (частію приведеннымъ выше, можно съ увѣренностью думать, что бр. Марковы болѣе сочувствуютъ православію, не говоря уже о женахъ (исключая одной) и дѣтяхъ. Надобно видѣть ихъ духовную радость, когда преосвященный посѣщалъ Мелекесъ: для нихъ это большой церковный праздникъ. Всѣ, даже малыя дѣти, не смотря на продолжительность архіерейскаго богослуженія, выстаиваютъ ихъ съ терпѣніемъ до самаго окончанія, причемъ молятся такъ, какъ и всѣ.—Бр. Марковы весьма сочувственно относятся къ нашимъ церковнымъ нуждамъ..... Такъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ въ селѣ Никольскомъ, на рѣкѣ Черемшанѣ (имѣніе бр. Марковыхъ), потребовалось строитъ для священника новый домъ, а

¹⁾ Не только расколъ не беретъ перевѣса надъ православіемъ, какъ изображаетъ воображеніе г. Вельскаго, а, наоборотъ, православіе беретъ и взяло перевѣсъ и въ самомъ Мелекесѣ, и въ окружающихъ селахъ надъ расколомъ.

Съ утѣшеніемъ преосвященный взираетъ на присоединеніе многихъ и видныхъ членовъ раскола (толка безбрачнаго) къ православію какъ въ самомъ Мелекесѣ, такъ и въ другихъ селахъ, окружающихъ посады Мелекесъ.

Священникъ Д. Александровъ.

мѣста въ селѣ нѣтъ, кромѣ площади противъ церкви (площадь принадлежитъ Маркову). Въ просьбѣ уступить мѣсто подъ домъ священника на этой площади Марковъ обществу отказалъ; но просьбу объ этомъ преосвященнаго съ удовольствіемъ исполнилъ. — Онъ же въ этомъ же селѣ помогъ мѣстному причту въ построении церковной школы. — Понадобилась въ ихъ имѣніи, въ с. Мулловкѣ, Ставропольскаго уѣзда, церковная школа; Марковы, по собственной инициативѣ, строятъ оную, не жалѣя ни строительнаго матеріала изъ своихъ лѣсовъ, ни денегъ.

Старшій братъ, Константинъ, состоя городскимъ головою, не малое вниманіе и сильное содѣйствіе оказываетъ къ существованію въ Мелекесѣ церковныхъ школъ. Нужно ли еще прибавлять фактовъ для доказательства того, что Марковы не враги православія и не пропагандисты раскола, когда и указанныхъ, по моему мнѣнію, довольно для этого.

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода вскорѣ, по вступленіи преосвященнаго Гурія на самарскую кафедру, прислалъ ему изъ своей канцеляріи дѣло о постройкѣ храма въ пос. Мелекесѣ, съ жалобами на Маркова и просилъ его убѣдительно со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ нему, изъ опасенія, чтобы при освященіи сооруженнаго храма не возникло въ народѣ волненія, именно по поводу посвященія его въ честь Александра Невскаго, а не св. Николая.

Но прежде, чѣмъ получено было преосвященнымъ это дѣло, его уже здѣсь — въ Самарѣ — начали знакомить съ постройкою храма въ Мелекесѣ и именно въ духѣ противниковъ ея... Кромѣ тѣхъ обвиненій на Маркова, какія изложены въ отношеніи епископа самарскаго отъ 5-го іюля 1891 г. за № 5871, приведенныхъ въ статьѣ Вельскаго, преосвященному говорили еще, что Марковъ, разобравъ сгорѣвшую церковь, кирпичъ отъ оной употребилъ на постройку конюшенъ. — Преосвященный, пока еще ничего не зная (то было по его пріѣздѣ въ Самару), повѣрилъ было этому, но когда выяснилось, что старая церковь была деревянная, и сгорѣла она до тла, то преосвященный понялъ, что инсинуація противъ Маркова по постройкѣ церкви зашла уже слишкомъ далеко, что для достиженія преднамѣченныхъ недобросовѣстныхъ цѣлей, въ отношеніи къ нему, не стѣсняются прибѣгать даже къ невозможнымъ выдумкамъ.

Внимательное ознакомленіе съ дѣломъ по сооруженію храма въ Мелекесѣ показало владыкѣ путь къ рѣшенію онаго скорый и правый, а именно: изъ дѣла преосвященный усмотрѣлъ, что съ самаго начала проектировано было Мелекесской думой соорудить, въ память мученической кончины Императора Александра II, храмъ въ честь св. бл. князя Александра Невскаго, имя котораго носилъ почившій,

о чемъ въ свое время доведено было до свѣдѣнія Государя Императора Александра III, отъ котораго послѣдовало на это Высочайшее соизволеніе и благодарность. А потому консисторія послѣ этого не вправѣ была настаивать на томъ, чтобы храмъ былъ посвященъ св. Николаю. Когда владыка высказалъ это секретарю консисторіи, послѣдній началъ просить его окончить дѣло мирнымъ порядкомъ, сознавая допущенную имъ ошибку въ веденіи дѣла,—послѣ чего преосвященный сдалъ предложеніе въ Консисторію о возстановленіи прежней строительной коммиссіи подъ предѣлительствомъ Мелекесскаго головы К. Маркова,—и о передачѣ въ ея распоряженіе строительнаго капитала. Это было въ мартѣ или апрѣлѣ 1893 г., и работа быстро пошла въ ходъ.—Начали потомъ доходить до преосвященнаго тревожные слухи, будто бы строящійся въ Мелекесѣ храмъ далъ весьма серьезныя трещины, что заставило его ѣхать туда, чтобы лично осмотрѣть общую постройку храма и трещины. Въ августѣ преосвященный и былъ тамъ. Какъ ни просили преосвященнаго на этотъ разъ остановиться у Таратина или у Бурковыхъ, но онъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, для пользы дѣла, предпочелъ остановиться у одного изъ мѣстныхъ священниковъ, именно у о. Иванова, къ которому, никуда не заѣзжая, прямо отъ всенощной и проѣхалъ. На другой день, совершивъ божественную литургію въ старомъ Никольскомъ храмѣ, владыка внимательно осмотрѣлъ строящійся храмъ и снаружи, и внутри, причемъ его сопровождала масса народа. Осматривалъ преосвященный и трещины, не представлявшія никакой опасности зданію, ибо онѣ свидѣтельствовали лишь о правильной осадкѣ зданія, напримѣръ, трещины на стѣнахъ паперти. Осматривая зданіе и трещины, преосвященный высказывалъ свои сужденія о нихъ вслухъ всего народа, сопутствовавшаго ему, объясняя, въ какомъ мѣстѣ и въ какомъ направленіи трещины могли бы дѣйствительно представлять опасность для зданія, но таковыхъ трещинъ въ строящемся храмѣ не оказалось,—а оказались лишь такія и въ такихъ мѣстахъ, какія неизбежны вообще въ каменныхъ зданіяхъ. Все это весьма успокоительно подѣйствовало на народъ.—По осмотрѣ храма преосвященный счелъ долгомъ посѣтить мѣстнаго протоіерея Люстрицкаго, котораго снова возстановилъ въ должности благочиннаго, посѣтилъ и городского голову Маркова, присутствовавшаго и при осмотрѣ строящейся церкви.

При осмотрѣ строящагося храма, послѣдній оказался внутри отштукатуреннымъ, и преосвященный засталъ кладку печей центральнаго отопленія, изъ чего заключилъ, что храмъ къ концу года можетъ быть приготовленъ къ освященію, такъ какъ иконостасъ уже на половину былъ изготовленъ, почему владыка и выразилъ желаніе пріѣхать въ декабрѣ для

его освященія, если не встрѣтятся еще какихъ-либо препятствій къ окончанію внутренней отдѣлки храма.— Въ декабрѣ преосвященный собрался объѣхать Ставропольскій уѣздъ для обозрѣнія церквей и приходоѡ, при чемъ назначилъ и день освященія Мелекесскаго храма 19 числа, получивъ донесеніе мѣстнаго благочиннаго, что онъ къ освященію приготовленъ совершенно, но изъ „Мелекесскихъ раскольниковъ“ никто не являлся къ преосвященному „со-всѣтскимъ смиреніемъ и низкими поклонами просить его освятить новую церковь и никто изъ нихъ не общался ему перейти изъ раскола кто въ единовѣріе, а кто и въ православіе“..... Все это происходило только въ воображеніи Вельскаго, какъ и послѣдующее его повѣствованіе о томъ, какъ „полицейскіе ихъ клеветы какъ-то задворками провозили преосвященнаго прямо въ хоромы раскольниковъ Марковыхъ, гдѣ будто бы ожидали, его роскошный пріемъ и царское угощеніе“.—Ни для полиціи, ни для преосвященнаго не было никакой надобности „пробираться задворками“ въ домъ Марковыхъ, гдѣ приготовлено было для него помѣщеніе. Преосвященный ѣхалъ по главнымъ улицамъ Мелекеса открыто въ своей „кошевѣ“ съ кибиткой безъ всякой помпы, причемъ свиту его составляли, какъ и всегда, одинъ иподіаконъ и келейникъ, къ „отмѣннымъ кормленіямъ и даваніямъ благимъ“ не привыкшіе, за чѣмъ преосвященный весьма строго наблюдаетъ. По поводу этого, въ началѣ его служенія въ Самарѣ, имъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы отнюдь не давали «благодарностей» сопутствующимъ ему иподіакону и келейнику, и чтобы „отмѣнныхъ кормленій“ отнюдь не допускалось. Сущую неправду говоритъ Вельскій, будто бы на этотъ разъ купцы Бурковы сдѣлали обширныя приготовленія къ пріему преосвященнаго къ себѣ.... Этого не могло быть уже и потому, что имъ предстояла забота принять преосвященнаго 19 декабря, въ день освященія Мелекесскаго храма, вечеромъ въ с. Высокомъ-Колкѣ, куда владыка изъ Мелекеса долженъ былъ, по маршруту, отправиться также для освященія храма, въ сооруженіи котораго Степанъ Логгиновичъ Бурковъ принималъ дѣятельное участіе.

На торжествѣ освященія Мелекесскаго храма никому не-возбранялось быть—какъ православнымъ, такъ и раскольникамъ.—Правда, полиція въ предотвращеніе беспорядковъ, осторожно впускала въ церковь народъ, но преосвященный распорядился, чтобы предоставлена была полная возможность присутствовать въ храмѣ всѣмъ желающимъ, и храмъ былъ полонъ. Были ли при этомъ Мелекесскіе раскольники,—не знаемъ; но православныхъ не было никакой надобности на торжествѣ освященія храма „оттирать на послѣдній планъ“, какъ пишетъ Вельскій.

Съ какой стати Вельскій называетъ Таратина и Сироткина вождями православныхъ, рѣшительно не понимаемъ.... Для православныхъ это оскорбительно, ибо они хорошо понимаютъ, что вождями ихъ могутъ быть только богопоставленные пастыри, а не свѣтскія и привилегированныя особы, хотя бы и отличающіяся добрыми нравами..... Но жаль, что гг. Сироткинъ и Таратинъ уѣхали изъ посада и не были на освященіи храма.

Что касается Марковыхъ, то они никогда не были и не состоятъ раскольничьими главарями,—и въ этомъ какъ преосвященный, такъ и его ближайшіе помощники въ борьбѣ съ расколомъ болѣе и болѣе удостовѣряются,—и нимало они не дѣйствуютъ во вредъ православію; а посему преосвященный не имѣлъ ни малѣйшаго основанія „выражать духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ свое разочарованіе по поводу якобы неисполненія раскольничьими главарями обѣщанія перейти въ православіе, прямо говоря, якобы, что раскольники Марковского толка съ своими клеветами его обманули (?) и подвели (?)“ Это дерзкая ложь въ устахъ п. Вельскаго, измышленная имъ, Богъ знаетъ, съ какою цѣлью, конечно, не съ доброю только.

Послѣднее сообщеніе г. Вельскаго, какъ и вся статья, тоже не справедливо.

Г. Вельскій пишетъ, что тѣло умершей Бурковой (раскольницы издавна) „уложили раскольники въ дубовое корыто“, что они „нарочно понесли тѣло умершей кругомъ православнаго собора,—котораго, въ Мелекесѣ нѣтъ,—причемъ раскольники будто-бы „такъ неустово и громко гнушили, распѣвая свои пѣсни, что совсѣмъ заглушили церковное пѣніе“.

Въ „дубовое корыто“ раскольники не кладутъ тѣла умершихъ, а хоронятъ такъ же, какъ и мы; при погребеніяхъ „пѣсенъ своихъ“ не поютъ, а поютъ погребальныя стихиры, ирмосы, что дѣлается и у насъ.

Посада Мелекеса іерей о. Высоковъ, по своей священнической совѣсти, увѣряетъ, что г. Вельскій неправду пишетъ, якобы раскольники своимъ пѣніемъ заглушили церковное пѣніе въ храмѣ.

Однако довольно надѣмся, что читатели „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ убѣдились, какъ безбожно извращены всѣ обстоятельства дѣла въ лживой статьѣ г. Вельскаго.

Самарскій епархіальный миссіонеръ, іерей

Димитрій Александровъ.

Со скрижалей сердца.

Написано не чернилами, но на скри-
жаляхъ сердца плотныхъ (2 Кор. 3, 3).

Два слова къ читателю.—Нижегородскія впечатлѣнія и наблюденія.—Расколь-
ничьи соотязанія и миссіонерскій съѣздъ.—Достойное вниманія письмо интелли-
гента.—Проектъ христіанскаго союза духовной взаимопомощи.—О духоворахъ.

Нашъ отдѣлъ „Со скрижалей сердца“, какъ видите, чи-
татель, мы на этотъ разъ помѣщаемъ не въ обычномъ егѣ
мѣстѣ (среди Дневниковъ), а въ концѣ книжки, въ качествѣ
какъ бы „редакціоннаго послѣсловія“. Здѣсь будемъ и
впредь печатать наши бесѣды „по сердцу“. И это вотъ по-
чему. Трудно редактору найти свободный и спокойный
часъ на составленіе затиснутаго въ средину книжки журнала
отдѣла, посвященнаго животрепещущимъ темамъ, когда
разгаръ работы редакціонной машины поглощаетъ все вни-
маніе «кормчаго», когда каждое утро властно повелѣваетъ
вамъ дѣлать то срочное и неотложное, что никакъ не пре-
дусматривалось вечеромъ, а вечеръ диктуетъ свои неотлож-
ныя заботы завтрашнему дню; когда зоркимъ окомъ нужно
смотрѣть не только за каждою печатающеюся статьею, но и
за каждою строкою, за каждымъ словомъ, памятуя неложное
обѣщаніе Божественнаго Учителя, — „за каждое праздное слово
потребовать отвѣта въ день онъ“ на страшномъ и нелице-
пріятномъ Его судѣ... И вотъ одно нужно пустить въ пе-
чать, другое пріостановить, третье замѣнить, иное сократить,
а въ этомъ добавитъ, тутъ пояснитъ, тамъ освѣтитъ и проч.

А тутъ трудность согласованія интересовъ редактора и
издателя: какъ редактору, хочется и ту, и другую статью
пропустить поскорѣе, и того, и другого автора не обидѣть,
утѣшить, поощрить, отвѣтить на злобу дня; а какъ изда-
телю, приходится то и дѣло считаться съ объемомъ книжки,
ибо каждый лишній новый листъ влечетъ сотенные сверхъ
смѣты расходы, которые въ годъ превращаются въ тысячные.

И вотъ среди такой-то суеты время мчится... и незамѣт-
но подкрадывается срокъ выпуска книжки. Тогда прихо-
дится или своею статьею задерживать номеръ, огорчая чрезъ
это дорогихъ читателей несвоевременностью выхода „Мис-
сіонерскаго Обзорѣнія“, или же отлагать свою статью... А въ
этомъ случаѣ остается безъ отклика сердца много такого живо-

трепещущаго, о которомъ, если молчать, то вѣдь и камни возопіють...

Другое будетъ дѣло, когда наши бесѣды пойдутъ, какъ сейчасъ, „послѣсловіемъ“,—въ концѣ каждой книжки: тутъ уже жаръ нервнаго, напряженнаго труда сваливается съ плечъ редакціоннаго кормчаго, уже повѣтъ прохладой душевнаго спокойствія, почувствуется отрада исполненнаго предъ читателями мѣсячнаго долга... Здѣсь можно найти время и поразмыслить, и вспомнать „дни древніе“, и поучиться „во всѣхъ дѣлахъ“ и прошлаго, и настоящаго.

Удобнѣе будетъ въ концѣ книжки высказать свой взглядъ и обратить вниманіе читателя на ту или другую изъ помѣщенныхъ статей, кое о чемъ оговориться, кое-что восполнить изъ недосказаннаго, исправить недочеты въ редакціонномъ отношеніи и т. д.

Вотъ мотивы перенесенія нашего отдѣла „Со скрижалей сердца“ въ самый конецъ журнала.

Мы такъ давно не бесѣдовали съ вами, читатель, и такъ много за это время молчанія напечатлѣлось на „скрижаляхъ“ нашего сердца, что не знаешь—съ чего начать, какую тему предпочесть... Съ особою любовью воспоминанія наши останавливаются на наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ Нижегородскаго миссіонерскаго съѣзда; на немъ мы и остановимъ ваше вниманіе; къ тому же съѣздъ этотъ остался какъ-то неотмѣченнымъ у насъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорія“.

Нижегородскій съѣздъ отличался скромною, безшумною, почти что келейною обстановкою, замыкаясь болѣе въ кругъ своихъ мѣстныхъ интересовъ, ограничиваясь исключительно церковными народно-миссіонерскими вопросами и дѣло нашей миссіи казалось какъ бы чуждымъ и для администраціи, и для печати, и общества. Не было ни огласки объ открытіи съѣзда, ни оказательства его бытія и дѣятельности. Объясняется это отчасти святительскимъ смиреніемъ новаго кормчаго нижегородскаго церковнаго корабля, досточтимаго епископа Назарія, который любитъ творить всѣ дѣла своего мудраго, любвеобильнаго управленія въ величавой простотѣ и тишинѣ. Съ другой стороны, объясняется эта обстановка, при которой происходилъ нижегородскій миссіонерскій съѣздъ и протекаетъ вся дѣятельность мѣстной миссіи, плодомъ отношеній къ ней со стороны тамошней администраціи и особымъ настроеніемъ мѣстнаго общества.

Нижній вѣдь родина не только стараго славнаго героя—Минина-Сухорукаго, но и новомоднаго Максима Горькаго съ духовнопроказанными босяцкими типами его литературы, съ смердящею страшными грѣховными язвами фило-софіей его произведеній...

Миссіонеръ, если онъ хочетъ стоять на высотѣ своего положенія и призванія, долженъ пріобрѣсть наблюдательность и способность проникновенія въ душу какъ отдѣльныхъ людей, такъ и въ окружающую духовную атмосферу...

Мы не претендуемъ на этотъ не только даръ, но и искусство. Однако въ духовномъ настроеніи общественной жизни Нижняго не могли не чувствовать новыхъ вѣяній болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ провинціальномъ центрѣ... Извѣстная истина, что если лекторы и ораторы воздѣйствуютъ на слушателей, то и настроеніе послѣднихъ въ свою очередь сообщается и первымъ.

Это ощущеніе мы пережили во время нашей лекціи, посвященной критикѣ лжеученія гр. Л. Толстого.. Публикаціи о лекціи почти не было (разъ напечатано была въ газетѣ), однако огромная аудиторія была переполнена слушателями, и многимъ пришлось отказать. При зловѣщей тишинѣ началась, продолжалась и закончилась бесѣда...

Составъ публики былъ чрезвычайно разнообразный: начиная съ архіерея со всѣмъ его воинствомъ духовнымъ (городскимъ духовенствомъ) и кончая мѣстными заядлыми толстовистами. Одинъ изъ нихъ, убѣленный сѣдинами старецъ, бывшій откупщикъ, какъ-то непокойно все время переминался на стулѣ и, не дождавшись окончанія первой части лекціи, демонстративно вышелъ изъ аудиторіи, стуча по полу своимъ увѣсистымъ костылемъ. Черезъ день владыка Назарій получилъ отъ сего старца ругательное письмо, съ эпиграфомъ: „невѣдите бо, что творите“...

Другой пылкій толстовистъ стремительно подбѣжалъ къ намъ, едва окончили мы первую часть лекціи, съ нервнымъ (но не грознымъ) предостереженіемъ, что де онъ слѣдитъ за нами и сейчасъ пошлетъ отчетъ *самому* графу въ Ясную Поляну. Мы поблагодарили за лестное вниманіе и, благословясь, съ спокойной совѣстью... продолжали свою бесѣду, въ концѣ которой удостоились отъ сего же агента Ясной Поляны аттестаціи въ безпристрастіи, и христіанскомъ отношеніи къ „великому писателю“... Sapienti sat.

Однако, главный интересъ нашихъ наблюденій въ Нижнемъ сосредоточивался не въ новыхъ вѣяніяхъ и людяхъ, а все на томъ же *старомъ* расколѣ... Огромная численная его сила до (80 т.) здѣсь и въ городѣ, и епархіи; послѣдняя является родиною трехъ столповъ раскола:—закоснѣлаго и неистоваго протопопа Аввакума,—сладенькаго хитроумнаго честолюбца—Арсенія Швецова и ловкаго дипломата Н. А. Бугрова (глава бѣглопоповщины). Во время ярмарки Нижний искони служилъ всероссійскимъ центромъ расколо-учительства: сюда съѣзжаются всѣ прославленные въ расколѣ апологеты и начетчики; здѣсь, подъ покровительствомъ купцовъ—богатѣевъ, устраивается своего рода словесный

бой,—миссіонерскій турниръ между представителями разныхъ сектъ. Мы объ этомъ давно знали, но надлежало не представляли, какъ это творится...

Однажды во время сѣзда мѣстный миссіонеръ, почтенный о. протоіерей Фіалковскій говоритъ намъ: „Какъ быть? Раскольники меня сегодня просили быть у нихъ въ 3 часа на бесѣдѣ *посредникомъ*, а нужно бы и на своей бесѣдѣ побывать?...“

— Какимъ *посредникомъ*?—спрашиваю я.

— Видите ли, вотъ уже цѣлую недѣлю поморцы „рѣжутся“ съ спасовцами и никакъ не могутъ „прикончить“ преній, ну, вотъ и просятъ меня разсудить ихъ, кто *правъ*, да за порядкомъ наблюсти,—такъ какъ страсти-то у нихъ сильно, говорятъ, расходились, того и гляди въ бороды вцѣпимся...

— Конечно, надо идти къ раскольникамъ, благо зовутъ, да кстати проведите туда и меня.

— А если *обидятся*, скажутъ, зачѣмъ привелъ „чужестраннаго“...

— Ничего, вѣдь вы же „посредникъ“, судія праведный...

— Нѣтъ, лучше я напередъ спрошу, а то разсердятся, довѣрять перестанутъ; пойдемъ мы вмѣстѣ, но я войду впередъ, да и спрошу, можно ли, а вы посидите „у воротъ“.

— Съ удовольствіемъ,—готовъ хоть и подъ подворотнею сидѣть, лишь бы только проникнуть и заглянуть глазомъ изслѣдователя на это сонмище.. А самъ себѣ я думаю, вѣдь это—рѣдкость, диво: православный миссіонеръ, протоіерей, убѣленный сѣдинами,—приглашается враждующими расколо-учителями *посредникомъ*, авторитетнымъ судьей..., сказать свое слово правды... совсѣмъ новые горизонты... Какой моментъ для сѣянія сѣмянъ истины и мира... И понять я, почему этотъ скромный миссіонеръ, совсѣмъ у насъ не изъ словесныхъ забіякъ,—такъ любимъ и цѣнится въ епархіи?.. А потому, что сердце у него доброе и нравъ хорошій, открытый, благодушный, незлобивый, смиреніемъ и простотой богатъ онъ...

Сначала мы съ о. протоіереемъ ѣхали, а потомъ шли пѣшкомъ по разнымъ переулкамъ, наконецъ, подошли къ дому, куда въ ворота и „нырнулъ“ мой спутникъ. Я жду, смотрю,—на дощечкѣ дома написана фамилія хозяина—еврея... Зачѣмъ, думаю, въ Нижнемъ оказался домохозяинъ еврей, и какъ къ жидовину попали старовѣры съ своими бесѣдами?... Недолго пришлось ждать „у воротъ“, какая-то чуйка скоро ввела меня въ своеобразную аудиторію...

Едва проникли мы въ подворотню, какъ будто изъ земли выросъ предъ нами четырехугольный квадратъ — дворъ, кругомъ обнесенный высокими постройками. Вся площадь этого четырехугольника была до тѣсноты наполнена мужчи-

нами разнаго возраста,—сѣдыми съ большущими бородами и юнцами безусыми,—всѣ въ черныхъ длиннопольхъ кафтаныхъ и чуйкахъ, въ своеобразныхъ высокихъ шляпахъ и картузахъ. На правой сторонѣ вверху, надъ сараемъ, на помостѣ (подобіе полатей въ мужицкой избѣ) сидѣли отмѣнные типы,—бородатые, почтенныхъ лѣтъ люди, съ сѣдыми большущими бородами, всклоченными волосами, съ глазами устремленными внизъ, на средину, съ тетрадками и карандашами въ рукахъ... Люди эти то надѣвали свои высокія шляпы, то снимали, отирая со лба потъ большими полотенцами. Все это „аввакумы“, подумали мы... Съ трехъ другихъ сторонъ изъ оконъ трехэтажнаго зданія смотрѣли любопытные, но уже ягоды другого поля,—„стрикулисты и модницы никониане“...

Одна группа пріютилась у стѣны на дровяномъ складѣ; здѣсь обращали на себя вниманіе два молодыхъ человека, рѣзко выдѣлявшіеся среди другихъ: они были одѣты въ модные, зеленоватого цвѣта пиджаки, въ шляпахъ на головѣ венгерскаго фасона. Одинъ плотный, высокій, рыжебородый, въ золотыхъ очкахъ, съ самодовольнымъ видомъ, другой — небольшой, жиденькій, черненькій, какъ вьюнь,—юркій и нервный.

— Что это за *венгры*, тамъ вонъ, на дровахъ-то?—спросилъ меня сосѣдъ, подобно мнѣ издали разсматривавшій своеобразную публику.

— Самъ первый разъ здѣсь,—отвѣтилъ я.

Послѣ узнали мы, что „венгры“ эти—прославленные апологеты австрійской секты: Теодоръ Еф. Мельниковъ (рыжебородый), редакторъ „Слова Правды“ и Иванъ Григорьевичъ Усовъ...

День клонился къ вечеру, погода стояла тихая, но свѣжая, однако отъ давки и скопленія народа чувствовалась духота и въ этой, съ небесною крышей, аудиторіи, къ тому же изъ-подъ сарая, гдѣ возсѣдали раскольничьи патрици—„аввакумы“,—несло нестерпимой вонью...

Взоры толпы сосредоточивались на срединѣ двора, откуда доносилась энергичная рѣчь старческаго, но рѣзкаго дребезжащаго голоса:—„вашъ Кузьма бродяга“... Тамъ же возсѣдалъ и нашъ о. „посредникъ“—миссіонеръ... Стараемся протиснуться къ центру. Тутъ картина, достойная кисти художника.

Какъ разъ по срединѣ двора—четыреугольника сомкнуто нѣсколько столовъ, установленныхъ великими и малыми „кожаными“ книгами.

Другъ противъ друга сидятъ два совопросника съ своими ассистентами. Одинъ—представитель, апологетъ и наставникъ „отче“ поморской секты, другой—только апологетъ и начетчикъ Спасова согласія—нѣтовщины. Первый—коренастый старикъ лѣтъ 60, лысый, съ густой длинной

бородой, какъ у еврейскаго падика, съ увѣсистыми очками на носу; угрюмый, суровый, спокойный видъ и торжественный тонъ рѣчи старца этого вѣщаютъ, что онъ находится при отправленіи священнодѣйствія... Это былъ нѣкто Надежинъ, измлада совращенный въ расколъ изъ причетническихъ дѣтей, а теперь считается самымъ искуснымъ начетчикомъ и защитникомъ поморской секты. Около него, справа сидѣлъ рыжий, пухлый мужикъ, предъ которымъ на столѣ лежала записная тетрадь, нѣсколько карандашей и серебряные часы,—а слѣва отъ Надежина—провинціальный торговецъ въ пиджакѣ, съ бѣгающими и сверкающими фанатическимъ блескомъ глазами, съ жестами человѣка, готоваго сейчасъ же кинуться на васъ съ словесными, а то и съ настоящими пинками.

Это молодой, выбивающійся начетчикъ изъ какихъ-то провинціальныхъ труппъ, онъ прибылъ, чтобы попробовать свои силы и показать свои зубы на ярмарочномъ турнирѣ собесѣдниковъ.

Собесѣдниковъ—поморцевъ окружаетъ, сидя на скамьяхъ, цѣлая группа корифеевъ секты, многіе съ записными тетрадками въ рукахъ, всѣ, какъ и начетчики, съ непокрытыми головами.

Напротивъ помѣстился апологетъ спасовцевъ—небезызвѣстный слѣпецъ Коноваловъ; мужчина лѣтъ 40, рябватый патэнъ, это новый въ расколѣ типъ адвоката—краснобая. Говоритъ Коноваловъ ровно, плавно, толково, безъ запальчивости, но кусательно и ехидно. Онъ считается „непреоборимымъ“ защитникомъ Спасова согласія, его вызываютъ даже въ Сибирь на бесѣды. Коноваловъ, какъ слѣпецъ, поражаетъ феноменальной памятью и знаніемъ цитатъ, которыя или самъ наизусть декламируетъ, или, по его указанію, вычитываетъ состоящій при его особѣ „отрокъ“—раскольникъ и тоже типичный экземпляръ,—будущій фанатикъ и начетчикъ-забѣлка. Слѣпца окружаютъ спасовцы.

Бесѣды ведутся на установленныхъ впередъ условіяхъ,—каждый начетчикъ говорить опредѣленное время (кажется, полчаса, если не цѣлый часъ), другой въ это время слушаетъ, записываетъ для памяти положенія противника и уже не смѣетъ перебивать, пока не „окончатся минуты“, если же перебить, то пропавшія минуты засчитываются.

Когда мы вошли и усаживались,—очередь говорить наступала слѣпца Коновалова, отрокъ его заявляетъ—„наши минуты пропадаютъ“.

— Ишь важность какая, испужался; что такое минута предъ вѣчностью,—раздается голосъ со стороны поморцевъ.

— Нѣтъ, *ставь минуты* вновь,—требовательно заявляетъ Коноваловъ.

— Не спорь,—„ставь имъ минуты“, пусть наши пропа-

даютъ, эка важность,—нѣсть спасенія во многоглаголаніи, наставительно разрѣшаетъ споръ *самъ* Надежинъ.

Прерванная бесѣда началась. Вопросъ касался исторіи обѣихъ сектъ и того положенія, какая секта—Спасова или Поморская—ведетъ непосредственное преемство отъ первоучителей—Аввакума, Неронова и др. Поморецъ Надежинъ доказывалъ, что Спасово согласіе явилось позже Поморскаго на 150 лѣтъ и происходитъ отъ какого-то Кузьмы, безвѣстнаго, безграмотнаго пастуха и бродяги, а что-де ихъ, поморцевъ, знаетъ и исторія, и Царь, ибо на ихъ имя были царскіе указы Петра, Екатерины объ особомъ сборѣ за раскольничьи бороды и кафтаны, а на имя Спасовцевъ не было никогда ни одного царскаго указа... Съ гордостью опирался на эти документы Надежинъ. Казалось, Коноваловъ безотвѣтенъ долженъ бы быть.

Однако слѣпецъ искусно и любопытно отпарировалъ всѣ нападки Надежина ссылками на новѣйшихъ историковъ. И вотъ посыпались цитаты, и слышны знакомыя все имена: Стрѣльбицкаго, Плотникова, Смирнова, Кожанчикова, Александра Бравковича (архіеп. Никанора), митрополита Макарія... Въ концѣ концовъ слѣпецъ сдѣлалъ выводы, что Кузьма чуть ли у Аввакума или Неронова не былъ дьячкомъ и служилъ съ ними вмѣстѣ въ Москвѣ „на сушиль“.

Мы были два дня подрядъ на этихъ бесѣдахъ, просиживая часовъ по 5. И вотъ слышали, какъ на первой бесѣдѣ Коноваловъ соглашался, что основатель ихъ секты, Кузьма, былъ неграмотный мужикъ, но въ защиту своего родоначальника привелъ убѣдительную справку, что и въ церковной исторіи извѣстенъ патріархъ неграмотный, 40 лѣтъ отлично управлявшій епархіей.

А на другой день слышимъ, Коноваловъ уже доказывалъ, что Кузьма былъ отлично грамотный и ссылался на историка (кажется о. Стрѣльбицкаго).

— Смотри-ка, баринъ, за ночь слѣпой-то сдѣлалъ Кузьму грамотнымъ, — вотъ искусникъ-то, — шепчетъ мнѣ сосѣдъ поморецъ, не даромъ онъ по сотнѣ лупить за бесѣду-то...

Такія же состязанія Коноваловъ—слѣпецъ велъ съ Мельниковымъ и Усовымъ, — ловкими адвокатами австрійской секты. Появлялся онъ и на бесѣдахъ православныхъ миссіонеровъ.

Непосредственныя наблюденія надъ нижегородскими раскольничьими бесѣдами многое намъ и *прояснили, и подтвердили*. Подтвердили прежде всего неосновательность мнѣній тѣхъ близорукихъ противниковъ миссіи, которые, какъ аргументъ, пускаютъ то соображеніе, что якобы миссіонерскія бесѣды только разжигаютъ пытливість въ спокойно дремлющей раскольничьей массѣ, создаютъ въ средѣ ея защитниковъ и апологетовъ, что будто бы видныя въ расколѣ со-

временные ратоборцы созданы бесѣдами православныхъ миссіонеровъ; а потому лучше-де не трогать расколъ, пусть себѣ спокойно дремлетъ до страшнаго суда Христова. Все равно де никого вы не обратите... Какое и жестокосердіе, и круглое невѣжество въ дѣлѣ расколовѣдѣнія и миссіи!.. Расколъ всегда переживалъ мучительное броженіе и внутреннюю смуту, породившую такое множество сектъ, а мы,—православные пастыри, миссіонеры,—всегда безмятежно предоставляли его себѣ самому и просмотрѣли много благоприятныхъ моментовъ. Не дремлетъ и теперь расколъ. Поглощающую другіе толки пропаганду и упорную борьбу ведетъ австрійская секта, не отстаютъ отъ нея и другіе, а если у кого не лѣнны и половчѣе начетчики, тѣ имѣютъ явный успѣхъ въ совращеніи. Науку свою начетчики и апологеты получаютъ совсѣмъ не въ школѣ нашей православной миссіи, скорѣе, наоборотъ, мы учимся у нихъ вотъ на такихъ, какъ вышеописанныя раскольничьи бесѣды. Не обинуясь скажемъ, что намъ самимъ полезно поучиться приѣмамъ и методамъ... раскольничьихъ начетчиковъ, и я бы посоветовалъ каждому начинающему миссіонеру августъ мѣсяцъ провести въ Нижнемъ, послушать хотя бы вотъ на этихъ задворкахъ раскольничьи состязанія. Право, не пожалѣете: будетъ и полезно, и поучительно окунуться въ этотъ для многихъ изъ насъ невѣдомый лабиринтъ.

Прояснилось же намъ на этихъ бесѣдахъ отношеніе раскольниковъ къ исторіи своей; мы впервые воочию убѣдились, какую важность имѣютъ детали историческія, которыми не дорожатъ, а иногда калѣчатъ и сами историки наши и наставники семинарій... Имъ вся эта исторія раскольничьей борьбы кажется мусоромъ и хламомъ, а вотъ посмотрите-ка какъ каждой строкой о Спасовой сектѣ, каждой ошибкой нашихъ историковъ пользовался Коноваловъ и, какъ мозаику, возводилъ зданіе своеобразной *своей* исторіи секты... Вретъ, вѣдь, а выходитъ убѣдительно, его слушаютъ, ему вѣрятъ тысячи, за этимъ слѣпцомъ даровитымъ идутъ другіе слѣпцы...

Надежинъ—поморецъ оказался слабымъ въ состязаніи, т. к. онъ не зналъ новѣйшихъ изслѣдованій по расколу и пользовался какою-то ветхою книженкою Попова, которую Коноваловъ разбилъ на основаніи позднѣйшихъ солидныхъ изслѣдованій. Мы увѣрены, что Коноваловъ также посадилъ бы на мель и нашихъ миссіонеровъ, особенно изъ начетчиковъ—простецовъ, которые дальше старопечатныхъ книгъ не идутъ.—Нѣтъ, расколъ не дремлетъ... и не стоитъ въ состояніи окаменѣлости прежней, нѣтъ, онъ копошится и роется въ подземельѣ, какъ кроль,—какъ паукъ, прядетъ онъ свои сѣти, едва замѣтныя, особенно для близорукихъ...

Прояснилось намъ также и то высокое, чисто всероссій-

ское, миссіонерское значеніе православныхъ ярмарочныхъ бесѣдъ, которыя заведены въ Нижнемъ около 20 лѣтъ, именно, какъ противовѣсь подобнымъ раскольничьимъ преніямъ.

Многимъ, даже власть имущимъ, издали кажется, что ярмарочныя наши бесѣды дѣло скорѣе *обычая*, чѣмъ дѣйствительной нужды. Люди пріѣзжаютъ на ярмарку— „куплю дѣяти“, а ихъ думаютъ завлечь на пренія о вѣрѣ, да еще въ будніе дни, какой можетъ быть толкъ отъ этихъ бесѣдъ?—возражаютъ скептики.

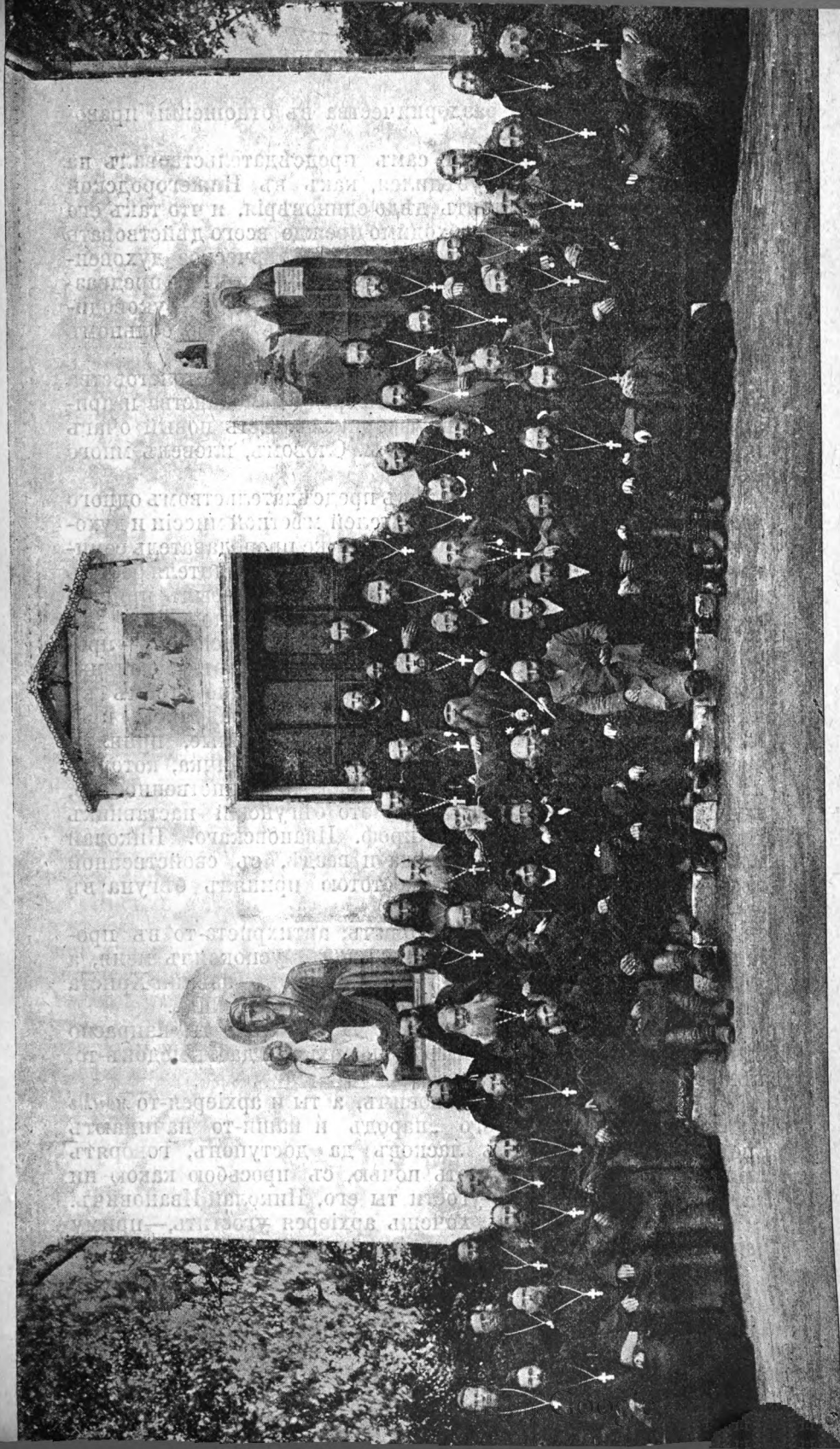
А вотъ находятъ же толкъ спасовцы съ поморцами цѣлую недѣлю „рѣзаться“, часовъ по 15 въ сутки, и слушаетъ же ихъ жаждающая толпа челоуѣкъ отъ 100—200; изъ нихъ десятка два молодыхъ начетчиковъ стоятъ и сидятъ съ тетрадками въ рукахъ, жадно внимая каждому слову своихъ учителей...

Повторяемъ, Нижній во время ярмарки искони служить и *торжищемъ раскольничьей игры*.

Вы здѣсь можете приобрести невозбранно въ особыхъ магазинахъ любое изъ раскольничьихъ подпольныхъ трактатовъ. Въ этомъ году раскольничьи затѣйщики, какъ какія-н. прокламаціи, разбрасывали въ ярмарочномъ домѣ гектографированную брошюру „Раскольничья депутація въ Ялтѣ, для подачи всеподданнѣйшаго прошенія“, а также копію секретнаго циркуляра министра, направленного въ пользу раскольниковъ, который, по наведеннымъ нами справкамъ, оказался *подложнымъ*. Вотъ какая въ Нижнемъ идетъ пропаганда раскола!

Нѣтъ, нужно пожелать, чтобы православныя собесѣдованія ярмарочныя были какъ можно лучше поставлены, такъ чтобы могли, дѣйствительно, привлечь къ себѣ раскольниковъ и вытащить ихъ изъ жидовскихъ трущобъ на открытую борьбу. Къ сожалѣнію, теперь нельзя похвалиться нашими-то бесѣдами. Новый епископъ Назарій озабоченъ ихъ реформой и наилучшей постановкой. Прежде всего—нужно тамъ другое мѣсто для бесѣдъ—соборъ совершенно неподходящая аудиторія. Нужно на это время привлечь *изъ* лучшія боевыя силы, а мѣстныя сплотить, объединить въ дѣйствіяхъ и воззрѣніяхъ на предметъ той или другой бесѣды. Словомъ, нужны *спѣвки и дирижеры*. Но объ этомъ въ другой разъ побесѣдуемъ, а теперь скажемъ, что, слава Богу, и такія бесѣды существуютъ и приносятъ свой плодъ.

Теперь два слова съѣздъ миссіонерскомъ. Это уже не первый въ Нижнемъ съѣздъ; нынѣшній съѣздъ былъ многолюднѣе прежняго,—въ немъ участвовали до 35 священниковъ приходовъ, зараженныхъ расколосектантскими заблужденіями, и до 15 миссіонерскихъ сотрудниковъ изъ мірянъ—начетчиковъ. Боевыя совѣщанія касались положенія единовѣрія, которое охарактеризовано удивительно мрачными чертами—

центр групи — Еп. Назарій, направо отъ него проф. Н. И. Ивановскій, протоіерей Годневъ (ректоръ сем.), о. Фіалковскій (місіонеръ); на

чисто раскольничьяго раздорничества въ отношеніи православной Церкви.

Преосвященный Назарій самъ предсѣдательствовалъ на этихъ совѣщаніяхъ и убѣдился, какъ въ Нижегородской епархіи ненормально стоитъ дѣло единовѣрія, и что такъ его нельзя далѣе оставить. Необходимо прежде всего дѣйствовать миссіонерски (перевоспитывать) на единовѣрческое духовенство, которое само не очистилось отъ раскольничьихъ предразсудковъ,—виноваты здѣсь и наши миссіонеры—руководители единовѣрческаго духовенства... Но объ этомъ больномъ вопросѣ тоже въ другой разъ.

На съѣздѣ выяснилось также, что лжеученіе толстовства успѣшно пролагаетъ себѣ путь въ среду молоканства и прививается среди рабочихъ на фабрикахъ. Есть новый очагъ штундизма въ пашковской оправѣ. Словомъ, плевелъ много въ землѣ Низовской.

Съѣздъ велъ свои занятія подъ предсѣдательствомъ одного изъ энергичнѣйшихъ представителей мѣстной миссіи и духовенства, прот. А. А. Порфирьева, онъ же преподаватель семинаріи по кафедрѣ раскола. Въ качествѣ руководителя съѣзда и совѣщаній съѣзда по вопросамъ раскола—былъ приглашенъ епископомъ почтенный проф. Н. И. Ивановскій.

Чтобы показать, какъ умѣетъ маститый миссіонеръ—профессоръ располагать сердца своихъ оппонентовъ—раскольниковъ, отмѣтимъ такой эпизодъ. Однажды рано утромъ въ нижній этажъ архіерейскаго дома, какъ-то крадучись, проникъ старичекъ съ какой-то кадочкой. Келейные, принявъ его за бродягу, хотѣли уже выпроводить старичка, который казался подозрительнымъ своею какою-то таинственностью, недомолвками... Оказалось,—что это бѣгунскій наставникъ Ермолаичъ,—разыскивающій проф. Ивановскаго. Николай Ивановичъ охотно, какъ всегда и вездѣ, съ свойственной ему чисто миссіонерскою простотою принялъ бѣгуна въ своихъ комнатахъ.

— Ты мнѣ, Николай Ивановичъ, антихриста-то въ прошлогодней бесѣдѣ, помнишь — напелъ, успокоилъ меня, а я вотъ тебѣ за это липоваго медку принесъ,—извини Христа ради,—прими, не обезсудь,—съ чайкомъ выпьешь...

— Спасибо, старинушка, за дружбу, только ты напрасно этимъ себя потревожилъ, мнѣ тутъ архіерей даетъ медокъ-то, вѣдь у него своя пасѣка.

— Ничего, Николай Ивановичъ, а ты и архіерея-то *моимъ* медкомъ „попотчуй“,—его „народъ и наши-то начинаютъ „повожать“,—ужь очень ласковъ да доступенъ, говорятъ люди, когда ни приди, хоть ночью, съ просьбою какою ни на есть, не прогонитъ,—угости ты его, Николай Ивановичъ.

— Ну, разъ ужъ ты хочешь архіерея угостить,—приму медокъ, да ты подожди-ка, архіерей-то самъ скоро сюда при-

детъ чай пить; вотъ, ты ему и объяснишь, что молъ медъ-то, пополамъ намъ нужно съ нимъ съѣсть, да и благословеніе получишь,—шутить Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, что ты, Николай Ивановичъ! благословеніе-то развѣ могу я получить? Что ты, спаси тебя Христосъ, испуганно лепеталъ Ермолаичъ.

— А намъ-то съ архіереемъ медъ-то твой можно ѣсть?

— А Евстолюешка-то пріѣдетъ въ Нижній? Чай, совсѣмъ ужъ взрослая стала,—поспѣшилъ Ермолаичъ замаять разговоръ о благословеніи и архіереѣ.

Евстолюешка—это своего рода „дочь бѣгунскаго полка“,—воспитанница секты, которую Николай Ивановичъ присоединилъ къ Церкви и далъ образованіе въ епархіальномъ училищѣ.

Разказы этой дѣвушки, бывшей бѣгунки, печатались у насъ; теперь Елисавета Бѣлякова поступила учительницей въ раскольничье село и будетъ въ то же время миссіонерствовать.

Долгомъ считаемъ обратить ваше, дорогіе читатели, вниманіе на вопросъ огромной важности, который поставленъ на видъ къ всестороннему обсужденію и должному разрѣшенію въ первой статьѣ настоящей книжки.

Для иллюстраціи того, насколько дѣйствительно назрѣла потребность въ миссіи среди интеллигенціи, помѣщаемъ въ дополненіе къ докладу почтеннаго нашего сотрудника о. Фуделя нижеслѣдующее правдивое письмо неизвѣстнаго намъ интеллигента. Очевидно, авторъ изъ числа тѣхъ людей нашего духовно-смѣтеннаго времени, которые жаждутъ и ищутъ „воды живой“, но не знаютъ, *какъ* и *откуда* подойти къ тому завѣтному, но забытому нашей интеллигенціей вѣчно текущему кладезю, который обрѣтается „въ Церкви Бога жива, яже есть столпъ и утвержденіе истинны“.

Письмо это интересно также и въ томъ отношеніи, что является убѣдительною апологіею высокаго значенія миссіонерства вообще и въ частности ничѣмъ не замѣнимой важности живого обмѣна мнѣній по вопросамъ вѣры, въ формѣ миссіонерскихъ собесѣдованій. Отрадно знать, что преимущество *миссіонерскаго метода* церковнаго учительства начинается находить себѣ оцѣнку и признаніе, враждебной намъ среды свѣтскаго общества. Это одно въ дѣлѣ миссіи составляетъ огромный шагъ впередъ.

Вотъ это письмо.

Милостивый Государь,
Г. Редакторъ!

Прошу прощенія, что обращаюсь къ вамъ съ письмомъ, не имѣя чести знать васъ лично; но я знаю вашу дѣятельность и вашу

журналъ и хочу вѣрить, что вы не вѣните въ вину свѣтскому человѣку его смѣлость. Позвольте мнѣ сказать нѣсколько искреннихъ словъ относительно „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ и его задачъ, какими онѣ мнѣ представляются.

Вы глубоко понимаете и принимаете къ сердцу дѣло миссіонерства; въ журналѣ вашемъ даются полные отчеты, какъ дѣло это ведется среди сектантовъ изъ народа. Миссіонеръ, прѣзжая въ какое-либо мѣсто, вызываетъ представителя мѣстной секты, и—не говоритъ ему проповѣди, но *собесѣдуетъ* съ нимъ, при стеченіи слушающихъ, и даетъ ему свободу отвѣта, возраженія, борется съ нимъ разумнымъ оружіемъ слова. Если бы сектанту не предоставлено было права возражать, слова миссіонера не были бы дѣйствительны для слушающихъ, которые вольны были бы предположить, что у сектанта имѣются и вѣскія возраженія,—лишь не высказанныя; сами сектанты этимъ молчаніемъ своимъ, конечно, пользовались бы. Такимъ образомъ для слушателей многое осталось бы не разъясненнымъ и не побѣжденнымъ. Задачи „Миссіонер. Обзор.“ мнѣ кажутся, потенциально, очень широкими. Миссіонерство не можетъ ограничивать свою дѣятельность рамками жизни народной: въ немъ нуждается также и теперешнее культурное общество. Чѣмъ оно, въ громадномъ большинствѣ, отличается отъ сектантовъ? Лишь тѣмъ, что у сектантовъ, хоть извращенная, хоть грубая, но есть какая-то своя вѣра; а у насъ, интеллигентныхъ людей, своей *вѣры нѣтъ*. За то есть *вражда вѣры*, все усиливающаяся въ послѣднее время, охватывающая самые разнообразные кружки—и не имѣющая утolenія. Люди ищутъ „воды живой“—и не знаютъ, гдѣ искать. Какъ и сектанту, каждому изъ насъ нужна бесѣда, съ правомъ отвѣта, съ правомъ заявленія своихъ сомнѣній, съ возможностью возражать, чтобы получить разъясненіе. Если бы „Мисс. Об.“ открывало свои страницы не только людямъ одного единомысленнаго направленія, людямъ, такъ сказать, готовымъ, нашедшимъ,—но равно и людямъ ищущимъ,—правда его была бы дѣйствительнѣе и побѣда правды явнѣе. Вы скажете, что для возраженій, если точно есть въ обществѣ интересъ къ религіи, существуютъ другіе журналы, свѣтскіе; но возвольте мнѣ быть съ вами прямымъ. Вы знаете, что свобода возражать можетъ быть дана лишь самимъ миссіонеромъ. Повторяю, религіозные запросы нынѣшней культурной среды растутъ; и надо идти на помощь,—какъ миссіонеры ходятъ къ людямъ простымъ,—всегда примѣняясь къ данной средѣ и ея умственному уровню. Вы, можетъ быть, скажете мнѣ: зачѣмъ писать? Кто сомнѣвается, кто ищетъ,—пусть идетъ къ наставнику-духовнику и говоритъ съ нимъ наединѣ. Но изъ насъ одинъ, два пойдутъ, а третій, возможно, и не пойдетъ; и даже допустимъ, эти одинъ, два и получаютъ разъясненія,—все-таки другіе-то останутся, какъ были, въ тоскливомъ метаніи, въ невысказанныхъ сомнѣніяхъ, безъ помощи. Миссіонерство—не гласное ли, не общественное ли дѣло? Миссіонеръ ѣдетъ къ сектантамъ, ищетъ ихъ, говоритъ съ ними при народѣ, слушаетъ съ кротостью ихъ возраженія, даже грубыя иногда, благодаря неразвитости,—что, конечно, невозможно, если возражаетъ человѣкъ культурный.

Печать, слово, журналъ—вотъ форма миссіонерскаго собесѣдованія, нужная теперь, пригодная въ обществѣ людей образованныхъ. И, думается мнѣ, что „Миссіонерское Обзорѣніе“ могло бы сыграть роль той горницы, въ которой православный учитель среди народа говорить съ заблуждающимися,—если бы, конечно, оно захотѣло распространить свое вліяніе и на жизнь современной культурной среды.

Примите и проч.

Окончившій СПб. университетъ А. М. Д.

Спб. 18 окт.

Съ своей стороны отвѣтимъ нашему корреспонденту, что редакція „Мисс. Обзор.“ совершенно согласна съ нимъ въ пониманіи задачъ миссіи, какъ дѣла *мласнаго и общественнаго*. Миссія и сама очень желаетъ и всемѣрно стремится послужить не только народу, но и культурнымъ слоямъ нашего общества. Не наша вина въ томъ, если свѣтское общество не хочетъ насъ знать. Для письменнаго обмѣна мнѣніями у насъ уже два года отведенъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Изъ миссіонерскихъ запросовъ“. Сдѣлайте милость, вопрошайте; повѣрьте, что мы, по завѣту апостола, всегда готовы дать посильный отвѣтъ вопрошающимъ объ упованіи.

Скажемъ болѣе того: мы, поддерживаемые людьми, подобно вамъ, духовною жаждою томимыми, одушевлены заботою пріобрѣсти въ столицѣ прямо-таки настоящую „горницу“, о которой вы говорите символически, т. е. пріобрѣсть право собраній для обуреваемыхъ сомнѣніями въ вѣрѣ интеллигентныхъ людей, совмѣстно съ апологетами и пастырями Церкви для живого, непринужденнаго христіанскаго и братскаго обмѣна мнѣній по вопросамъ вѣры и знанія, словомъ, создать *sui generis* христіанскій союзъ духовной взаимопомощи.

Грядите и вы къ намъ, если, Господу споспѣшествующу, благая идея эта найдетъ осуществленіе.

Два слова о канадскихъ духоборахъ.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ доселѣ продолжаютъ сообщать свѣдѣнія, усыпляющія чуткость русскаго сердца къ судьбѣ несчастныхъ духоборовъ въ Америкѣ, благоденствіе которыхъ будто бы растетъ, и всѣ недоразумѣнія у нихъ съ правительствомъ мѣстнымъ покончены.

Между тѣмъ мы имѣемъ изъ Америки самыя послѣднія свѣдѣнія изъ источника, идущаго отъ самихъ же духоборовъ, что, наоборотъ, страшное недовольство и разладъ растутъ между сектантами, что всю осень лилъ непрерывно опустошительный для хозяйства дождь, даже въ Манитобѣ ²/₃ пшеницы осталось не вымолоченной, такъ какъ вся она про-

росла еще въ снопахъ, а около Йорктона не пришлось собрать и зерна. Осенней работы не было никакой, и что было заработано лѣтомъ, то уже проѣдено. На требованія правительства о принятіи правилъ о введеніи метрикъ и закрѣпленіи душеваго надѣла земли за каждымъ собственникомъ согласилось не болѣе 1500 душъ зажиточныхъ духовоборовъ, остальные—вся голь—около 5 т. безусловно отказались исполнять эти мѣстные законы, и Канадское правительство рѣшилось примѣнить самыя крутыя мѣры противъ упорствующихъ русскихъ поселенцевъ—сектантовъ и безъ всякихъ на этотъ разъ послабленій..

Словомъ, положеніе несчастныхъ духовоборовъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, совершенно безвыходное.

Спѣшимъ довести до свѣдѣнія читателей, что „Харьков. Губерн. Вѣд.“ официально опровергаютъ сообщенныя у насъ свѣдѣнія о смерти 4 лицъ послѣ Павловскаго сектантскаго побоища. Умеръ только одинъ сектантъ Коваленко; церковный староста, слава Богу, живъ, жена священника также жива.

Ну и слава Богу!.. Невѣрность свѣдѣній, доставленныхъ намъ харьковскимъ корреспондентомъ (только не *Д. Боголюбскимъ*, свѣдѣнія котораго, сообщенныя въ статьѣ за его подписью, всѣ подтверждаются и официальной реляціей о сектантскомъ погромѣ), объясняется массою циркулировавшихъ слуховъ и сплетенъ, вполне естественныхъ въ провинціи, послѣ такого страшнаго событія.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что выше помѣщенные у насъ по поводу доклада М. А. Стаховича статьи Еп. Никанора и миссіонеровъ о. Потѣхина и г. Рождественскаго представляютъ собою подробно развитыя и обработанныя авторами для печати тѣ ихъ возраженія, которыя кратко высказаны были ими въ засѣданіи 24 сентября.

В. Скворцовъ.

Опечатна. На стр. 577, въ стр. 6 вм. 1900 нужно читать 1901.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 10 Ноября 1901 года.

Цензоръ Архимандритъ Антонинъ.

Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.

Библейское учение о Словѣ въ современномъ его истолкованіи.

ЕСНОЮ прошлаго года до нашей провинціи дошла изъ Москвы вѣсть о блестящемъ докторскомъ диспутѣ профессора университета князя Трубецкого, написавшаго огромную диссертацию подъ заглавіемъ „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Философское изслѣдованіе“.—Слышно было, что докторантъ сравнивалъ на диспутѣ свою диссертацию съ учеными твореніями академическихъ профессоровъ и со скромностію, свойственною истинному таланту, заявлялъ, будто его богословіе относится къ академическому такъ же, какъ химія относится къ алхиміи, или какъ астрономія относится къ астрологіи.

Не будучи поклонникомъ современной академической науки вообще и библейской въ частности, мы съ нетерпѣніемъ ждали самой книжки автора, но сперва получили только тезисы. Увы! эти тезисы сразу разочаровали насъ въ надеждѣ найти у князя Трубецкого что-нибудь новенькое въ методѣ изслѣдованія. Надѣялись мы, что подъ академической алхиміей и астрологіей авторъ разумѣетъ теперешнее компилятивное, бездарно подражательное направленіе академической науки и ея двусмысленное перемигиваніе съ пресловутой и давно опротивѣвшей всѣмъ мыслящимъ людямъ Тюбингенской школой, которую такъ мѣтко отдѣлалъ и отхлесталъ ученый руководитель князя Трубецкого, Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ ¹⁾. Мы надѣялись, найти у ученика Соловьева по крайней мѣрѣ знакомство съ первоисточниками его изслѣдованія, *ну хоть съ самой-то библіей*, а затѣмъ и сколько-нибудь самостоятельное построеніе собственной теоріи; однако эти надежды, потрясенныя прочтеніемъ

¹⁾ О древности пророковъ. Въ сборникѣ еврейскаго журнала „Восходъ“.

тезисовъ автора, окончательно разрушились при чтеніи его книги. Именно по тезисамъ его мы увидѣли, что никакой самостоятельной мысли въ построеніи князя Трубецкого ждать нечего. Его изслѣдованіе о Логосѣ повторяетъ собою застарѣлое, истасканное, изгаженное положеніе Тюбингенской нигилистической школы, по которому выходитъ, будто ученіе о Логосѣ выдумалъ греческій философъ Платонъ, потомъ его переняли евреи въ эпоху эллинизма; далѣе, Филонъ Александрійскій изъ этой позднѣйшей литературы евреевъ, а равно и изъ Платона и изъ позднѣйшей греческой философіи, соорудилъ свое ученіе о Логосѣ, которое затѣмъ перешло въ Евангеліе отъ Іоанна, быть можетъ, составленное гностиками, а, быть можетъ, сохранившее въ себѣ остатки ученія Христова и Іоанна Богослова, причемъ допускается мысль, что и Учитель новаго завѣта и Его ученикъ были знакомы съ Филономъ, а, быть можетъ, и съ платониками. Такова эта теорія во всей ея наготѣ, но эта оскорбительная для христіанскаго сознанія нагота прикрывается какъ Тюбингенцами (изъ менѣе циничныхъ), такъ и ихъ новымъ русскимъ популяризаторомъ, княземъ Трубецкимъ, различными, весьма темными и двусмысленными, или, лучше сказать, бессмысленными, съ ихъ точки зрѣнія, терминами въ родѣ: богосознаніе Христа, пророческое вдохновеніе, новозавѣтное откровеніе. Читатель и въ особенности читательница, не привыкшіе къ подобнымъ приемамъ протестантскаго іезуитизма, пожалуй, и не поймутъ, что христіанство здѣсь представляется не болѣе, какъ *человѣческимъ вымысломъ*, выродившимся на почвѣ еврейско-греческаго синкретизма, а съ другой стороны и строгій критикъ-атеистъ не упрекнетъ автора за допущеніе сверхъестественнаго начала; такимъ образомъ всѣмъ угодишь и никого не разсердишь.

Но вотъ въ рукахъ нашихъ и самая книга. Къ сожалѣнію, она оказалась гораздо ниже и той неприглядной характеристики, которую мы сейчасъ предложили тезисамъ нашего автора: онъ не сумѣлъ даже ихъ-то выдержать въ своей пестрой компиляціи и послѣдняя—увы—далеко уступаетъ академической алхиміи и астрологіи. Развѣ самыя плохія академическія диссертациі, пропускавшіяся по снисхожденію, настолько уже пассивно воспроизводятъ разнообразныя вторичники, что постоянно удаляются отъ своей темы и

натаскиваютъ въ нее разнокалиберный ученый хламъ, какъ въ воронье гнѣздо, гдѣ можно найти и притащенную неизвѣстно для чего мѣдную ложку, и стеариновый огарокъ, и арбузную корку. Въ академіяхъ это случается съ кандидатскими диссертациями, когда студентикъ, стѣсненный срокомъ ея подачи, не успѣлъ объединить множества прочитанныхъ имъ на тему и не на тему нѣмецкихъ книгъ, и вотъ угощаетъ профессора рукописью въ 1000 страницъ, гдѣ найдете рѣчь обо всемъ и иногда ни слова на тему; но подавать подобный винегретъ на доктора и шумѣть съ нимъ на всю Москву,—это возможно, гдѣ угодно, но не въ академіи. Поэтому мы вполне согласны съ авторомъ, что между его богословіемъ и академическимъ существуетъ огромная разница.

Судите сами. Авторъ взялся писать исторію ученія о Логосѣ у грековъ, евреевъ и христіанъ, и что же? Языческое ученіе о Логосѣ онъ кое-какъ еще изложилъ на первыхъ двухстахъ страницахъ своей диссертации, хотя и размазалъ это ученіе многими не относящимися къ дѣлу статьями. Но посмотрите на вторую часть его сочиненія, въ которой заключается весь интересъ его книги; здѣсь на 260 страницахъ въ пяти обширныхъ главахъ вы читаете о многомъ, но едва ли найдете хоть одну цѣлую страницу о Логосѣ. 1-я глава этой части излагаетъ мессіанскій идеалъ евреевъ (34 стр.), 2-я еврейскую идею о Богѣ (30 стр.), 3-я и 4-я, самыя обширныя и въ высшей степени скучныя, главы лишены уже всякой связи съ темой автора и производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы авторъ нашелъ двѣ нѣмецкихъ брошюры: во 1-хъ—„Еврейская апокалиптика“ и во 2-хъ—„Начатки гностицизма“ и совершенно неизвѣстно для чего втиснулъ ихъ въ свою книгу, занявъ ими цѣлую четверть послѣдней и цѣлую половину ея богословской части. Наконецъ, послѣдняя глава диссертации, въ которой замѣтны слѣды нѣкоторой самодѣятельности автора, надписывается у него *Христосъ*, но и эта глава, содержащая въ себѣ попытку (довольно неудачную) изложить всю сущность Христового ученія, къ темѣ диссертации тоже не относится. Съ тяжелымъ чувствомъ закончили мы чтеніе этой литературной компиляціи и не знали, о чемъ болѣе жалѣть: объ авторѣ ли, столь недобросовѣстно относящемся къ своему труду, о русскомъ ли читающемъ обществѣ вообщѣ, или

въ частности объ университетскомъ ареопагѣ, который можно такъ смѣло и безнаказанно обманывать всякою компилятивною дребеденью, лишь бы только подкрасить ее соусомъ богословскаго раціонализма и нѣсколькими трескучими фразами о наукѣ, о развитіи идей и еще о чемъ-нибудь особенно малопонятномъ, чему русскій простодушный читатель поклоняется съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ баба-богомолка малопонятной схоластической проповѣди, или сибирскій инородецъ выкрикиваніямъ мудраго шамана.

Мы-то, грѣшные, надѣялись, что авторъ по крайней мѣрѣ оправдастъ свои тезисы, что онъ покажетъ, въ какомъ именно отношеніи стоитъ евангельское ученіе о Логосѣ къ филоновскому и библейскому ветхозавѣтному, что онъ возьметъ на себя трудъ разубѣдить насъ, простаковъ, въ томъ, что будто ветхозавѣтное ученіе о Логосѣ на пять сотъ лѣтъ древнѣе, чѣмъ платоновское, будто Исаія былъ одинъ, а не два, будто притчи и екклесіастъ написаны Соломономъ, будто второзаконіе написано Моисеемъ, но онъ порѣшилъ всѣ эти вопросы по-суворовски. Безъ всякихъ разсужденій и доказательствъ онъ отнесъ всѣ эти священные книги ко временамъ послѣ плѣннымъ, совершенно упустивъ изъ виду, что на русскомъ языкѣ еще не появлялось книгъ Вельгаузена, и справедливо увѣренный въ томъ, что робкій русскій читатель даже и спросить не посмѣетъ: „а всѣ ли гг. Карль-Ивановичи изволили согласиться между собою въ томъ, что въ нашей библии книги Моисея, Соломона, Исаи и Даніила надписываются такъ только по невѣжеству, а на самомъ дѣлѣ составлены на пять сотъ лѣтъ позже еврейскими раввинами?“ Особенно безцеремонно авторъ угощаетъ насъ Второзаконіемъ, безъ всякихъ вводныхъ сообщений о томъ, что по теоріи современныхъ библейскихъ нигилистовъ изъ нѣмцевъ, а особенно жидовъ, послѣднія 27 главъ и нѣкоторыя другія въ книгѣ Исаи написаны послѣ Вавилонскаго плѣна. Вѣдь объ этомъ обстоятельствѣ слѣдовало хоть вскользь упомянуть, списывая нѣмецкія книжки въ свою диссертацию, а то вѣдь не только обыкновенный читатель, а, пожалуй, и оппоненты, съ недоумѣніемъ растирали глаза при этомъ мудреномъ имени, которое вводится въ диссертацию безъ всякаго предупрежденія, какъ нѣчто не только безспорно рѣшенное въ наукѣ, но и общеизвѣстное. Ну, а упо-

минать о томъ, что эта теорія о Второисаи не есть безпристрастный научный выводъ, а чисто апіорная нигилистическая тенденція, опирающаяся на простое отрицаніе всякой возможности предсказывать будущее,—этого авторъ, конечно, не счелъ нужнымъ дѣлать, какъ не счелъ нужнымъ привести хоть кажущееся основаніе въ пользу усвоенной имъ хронологіи библейскихъ книгъ. Что же касается до того, что эта тенденціозная нигилистическая хронологія и въ протестантской-то литературѣ вовсе не есть господствующая, этого, пожалуй, и самъ авторъ не зналъ. Но мы, при всей антипатіи къ перечисленію ученыхъ авторитетовъ, все-таки назовемъ здѣсь рядъ защитниковъ подлинности и единства—ну, хотя бы книги пророка Исаи: Янъ, Витрингъ, Клейнертъ, Геферникъ, Кай, Генгстенбергъ, Дрекслеръ, Ганъ, Кейль, Руппхтъ, Негельсбахъ, Кнабенбауеръ ¹⁾. Право, это предпочтенные нѣмцы; многіе изъ нихъ еще здравствуютъ; советуемъ автору подарить имъ по своей книжкѣ, да и ихъ сочиненія почитать при составленіи слѣдующей компиляціи; зачѣмъ же ужъ одними-то Тюбингенцами пользоваться? Или ужъ если авторъ желаетъ списывать непременно съ отрицателей, то по крайней мѣрѣ хоть съ жидовъ-то не списывалъ бы, какъ, на примѣръ, съ Греца, вѣдь ужъ это прямо неблагопристойно. Такъ, на примѣръ, усвоенная авторомъ мысль, будто бы предсказаніе Исаи и другихъ пророковъ о страданіяхъ Мессіи имѣло въ виду не Мессію, а страдающій народъ еврейскій,—это вѣдь толкованіе чисто жидовское, не имѣющее за себя никакихъ твердыхъ данныхъ въ библейскомъ текстѣ.

Но авторъ, пожалуй, скажетъ въ свое оправданіе, что его вопросъ не разработанъ въ русской литературѣ, и что ему неизбѣжно приходилось руководиться нѣмцами? Руководитесь, чѣмъ угодно, но, во-первыхъ, приводите резоны въ пользу вашихъ выводовъ, а во вторыхъ, не скрывайте своей зависимости, не представляйте себя авторомъ новыхъ откровеній, пользуясь невѣжествомъ читателей въ данной области. Въ этомъ-то вотъ и не слѣдовало подражать ва-

¹⁾ См. Иером. Ѳаддѣй. Единство и подлинность книги пророка Исаи 1901 г. См. также Ютеровъ о подлинности книгъ пр. Исаи. Прав. Собесѣдникъ. 1835—7.

шему руководителю Владиміру Сергѣевичу Соловьеву, который въ семидесятыхъ годахъ гремѣлъ на весь Петербургъ своими публичными „чтеніями о Богочеловѣчествѣ“, а въ девяностомъ году въ статьѣ П. П. Соколова въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ было указано, что эти чтенія недобросовѣстно списаны съ Шеллинга ¹⁾. Да, только отсутствіе самой первоначальной эрудиціи помѣшало рецензентамъ князя Трубецкого замѣтить, что въ русской библіи и въ русской литературѣ нѣтъ ни Аристобула (91 стр.), ни Бетуила (120), ни Хизакіи (242), ни Хеброна, Бетела и Берсееба, ни Баруха, ни Зерубабеля (в. часто) и т. д., и т. д., а есть Аристовуль, Ваеуиль, Езекія (это знаютъ въ первомъ классѣ гимназіи), Хевронъ, Веелль, Вирсавія, Варухъ пророкъ, и Зоровавель. Теперь, конечно, авторъ будетъ кричать, что онъ намѣренно, а вовсе не по незнанію библіи и исторіи, измѣнилъ эти еврейскія имена на нѣмецкій ладъ съ греческаго, но въ такомъ случаѣ приведите ваши резоны, да наконецъ оговоритесь, что вы разумѣете вотъ кого и вотъ кого подъ этими страшными именами. Ну, а въ греческомъ Аристобулъ вы тоже не хотите признаваться, какъ господинъ Мережковскій въ томъ, что списалъ съ нѣмцевъ свою повѣсть объ Юліанѣ Отступникѣ съ Ефраимомъ, Гиларіемъ, Нюбеей и т. п. искаженіями извѣстныхъ и дорогихъ русскому сердцу именъ?

Если не признается, то отнынѣ я буду васъ называть не Сергіемъ, и Серіусомъ, и даже не Трубецкимъ, а Флейтовымъ.—Далѣе не будемъ уже толковать о нелѣпомъ и ненужномъ измѣненіи имени Іегова на Ягве, что ввелъ въ нашу литературу Соловьевъ, ни о томъ, что оставлять безъ перевода свое еврейское именованіе Господа такъ же неосновательно и тенденціозно, какъ, излагая исторію новаго за вѣта, замѣнять слова Богъ, Божій, на Θεοςъ и Θεическій; но вы, князь, списывали съ нѣмцевъ (разумѣя здѣсь и французъ, какъ у Пушкина) ужъ настолько безцеремонно, что совершенно не щадили и русскаго языка. Слышалъ ли ты, читатель, у русскихъ авторовъ о „раннемъ (а не древнѣй-

¹⁾ Впрочемъ это не помѣшало панегиристу Соловьева, г. Величко, писать въ „Недѣлѣ“, что „Чтенія есть перлъ самостоятельнаго творчества и таланта Влад. Сергѣевича“.

шемъ или первоначальномъ) христіанствѣ“? (161), объ „нѣтимномъ (а не сокровенномъ или пріискреннемъ) Откровеніи“ Отца чрезъ Сына (201 стр.), и, наконецъ, не знаютъ ли твои дѣти, если имъ округлилось 16 лѣтъ, что истолковательная наука называется экзегезисъ, экзегетика, а не экзегеза, какъ искажается это греческое слово въ нѣмецкой рѣчи—и въ книгѣ князя Трубецкого (209 стр). Здѣсь уже не Эразмъ, ни Гезеніусъ васъ не выручатъ. Въ другой разъ не будьте такимъ буквалистомъ и не переведите какъ-нибудь съ нѣмецкаго: „*ich habe abgeschrieben*“—*я имѣю списанное*, или на французскій съ русскаго: *я охотникъ до переводовъ* „*je suis un chasseur jusqu' aux traductions*“. Впрочемъ бывають у васъ и обратнаго характера промахи: не надо бѣ переводить нѣмецкаго или французскаго слова, а вы переводили и получается несообразность; вы пишете на стр. 315: „ученіе о вѣчности Сына стало правиломъ вѣры христіанской“. Это что-то напоминаетъ тропарь Николаю Чудотворцу, но, вѣроятно, не этотъ тропарь повліялъ на васъ, а вы безъ нужды перевели слово принципъ: слѣдовало перевести: принципомъ христіанской вѣры. А сверхъ того цитатки-то не надо зря переносить изъ второстепенныхъ, если хотите, чтобы вамъ вѣрили, будто вы ихъ получили изъ первоисточниковъ, а надо быть повнимательнѣе къ этому дѣлу. По принятому въ наукѣ обыкновенію, вы цитируете библейскія книги на отечественномъ языкѣ, а апокрифы—обыкновенно на латинскомъ. Прекрасно. Но еслибъ вы не списывали съ нѣмцевъ даже библейскихъ цитатъ (которые въ нѣмецкихъ книгахъ указываются обыкновенно по-латыни), то вы бы не перепутали библейскую книгу Премудрости Соломоновой съ апокрифомъ Псалмы Соломона и не процитовали бы изреченія первой о томъ, что смерть вошла въ міръ завистью діавола,—*Sap. Ps. Sol.*—Въ книжкѣ, съ которой вы списывали, значится *Sap. Sol.* (*Sapientia Solomonis*), но вы думали, что это лишь иное обозначеніе только что цитованныхъ Псалмовъ Соломона (*Ps. Sol.*), и для вѣрности хватили заразъ оба заглавія, какъ Гоголевскій портной, колебавшійся между авторитетами европейскихъ столицъ и рѣшившій не упускать ни той, ни другой: „Ивановъ изъ Лондона и Парижа“.

Нашъ авторъ такъ слѣпо вѣрить нѣмцамъ, что жер-

твуетъ ради нихъ даже своими гимназическими познаніями въ греческомъ языкѣ. Только этимъ можемъ мы объяснить, что онъ подчеркиваетъ въ словахъ апостола Іоанна: „Слово было Богъ“ отсутствіе грамматическаго члена при реченіи Богъ и постулируетъ отсюда (394) къ аріанскимъ выводамъ (что дѣлали только оригенисты, не стѣснявшіеся грамматикой). А грамматика-то вѣдь ясно вѣщаетъ, что при сказуемомъ членъ не ставится, и что, напримѣръ, при всей безусловной приложимости къ диссертациі автора понятія безтолковой компиляціи, это понятіе пришлось бы оставить безъ грамматическаго члена при переводѣ на греческій языкъ предложенія: книга Трубецкого есть безтолковая компиляція.

Не посовѣтовать ли автору больше полагаться на свой разумъ, чѣмъ на нѣмцевъ? Конечно, посовѣтуемъ, но подъ условіемъ внимательнаго, а не верхогляднаго отношенія къ дѣлу, а пока онъ не отрѣшится отъ послѣдняго способа писательства, то немногія попытки къ самостоятельному изложенію ввергаютъ его въ такія дебри, какъ, напримѣръ, нижеслѣдующія изреченія: „Отецъ былъ Его (Христовой) пищей (389)“. Пощадите, князь! не Отецъ, а исполненіе Его воли (Іоан. 4, 34). „Блаженны кроткіе, потому что они Бога узрять (408)“. Не кроткіе, князь, а чистые сердцемъ, которые никого не обманываютъ. „І. Христосъ не постничалъ (399)“. Нѣтъ, князь, постничалъ на ваше и всѣхъ протестантовъ горе: сорокъ дней ничего не вкушалъ и говорилъ, что постъ, чуждый лицемѣрія, есть подвигъ богоугодный (Мѣ. 6, 18), и что бѣсы (да князь *бѣсы*, а не падучая болѣзнь и не еврейскій мессіанизмъ—стр. 388) изгоняются только молитвой и постомъ, и что ученики Его будутъ поститься, когда отнимется отъ нихъ женихъ. Далѣе, наименованіе того вѣроисповѣданія, къ которому вы имѣете неудовольствіе принадлежать, встрѣчается только дважды, сколько помню, въ вашей книгѣ, и притомъ съ чѣмъ-то въ родѣ *постояннаго эпитета*—высокомѣрный. „Фарисеи съ ихъ высокомѣрнымъ православіемъ (385)“. Фарисеи были высокомѣрны, но не правовѣріемъ своимъ, потому что тогда вѣдь не было еще Тюбингенскаго университета, ни Л. Толстого, ни Владиміра Соловьева съ ихъ критиками, коихъ желаетъ здѣсь уколоть нашъ авторъ,—а своею наружною

добродѣтелью. Въ другомъ мѣстѣ вы пишете: „фарисейское православіе и старообрядчество“ (107); а вотъ Л. Н. Толстой называетъ старообрядцами противниковъ фарисейскихъ-саддукеевъ. Гдѣ же правда? Не правда ли, князь, вы, напротивъ, думаете, что саддукеи—это рационалисты, въ родѣ Штрауса? Но представьте, въ этомъ пунктѣ Л. Толстой дошелъ до нѣмецкой науки лучше васъ. По ея заключеніямъ (см., напр., сочин. проф. Хвольсона), саддукеи были буквалисты древняго закона, старовѣры, противники новѣйшихъ идеалистическихъ преданій; они хвалились именно своею вѣрностью ветхозавѣтному закону; названіе ихъ происходитъ отъ еврейскаго слова цадикъ, т. е. вѣрный, праведный. Впрочемъ еврейскій языкъ вамъ не дался, хотя вы и любите пускать пыль въ глаза еврейскими словами, выписанными изъ нѣмецкихъ книгъ, а читателю представляете дѣло такъ, будто они находятся въ новомъ завѣтѣ. Отчего же такъ не дѣлать у насъ? Вѣдь едвали одинъ изъ ста вашихъ читателей знаетъ, что весь новый завѣтъ написанъ былъ по-гречески. Но всетаки, ужъ если переводить его снова на еврейскій, то переводить толкомъ. Такъ еврейск. *anawim* значить просто бѣдняки, а не „нищіе духомъ“, какъ вамъ хочется (396); *am haarez* значить не „простой народъ“ (397), а народъ земли, земщина, въ отличіе отъ воиновъ и придворныхъ, а иногда и вообще народъ, на примѣръ, „*Авраамъ поклонился народу земли той*“ (Быт. 23, 7); особенно часто выраженія встрѣчаются въ книгахъ Царствъ. Слова Господни: „*Духъ идѣже хочетъ дышетъ*“ (Іоан. 3, 8) авторъ по странному недоразумѣнію относитъ къ ветхому завѣту (254). При всей своей неосвоенности съ содержаніемъ даже новаго завѣта, вы однако нисколько не стѣсняетесь третировать его съ легкостью любого Ренана. Вамъ дѣла нѣтъ до того, что Спаситель принимаетъ повѣствованіе пророка Іоны за истинное происшествіе (Мѣ. 12, 40), и вы безъ всякаго стѣсненія называете его притчей (224), не затрудняясь тѣмъ, что и страданія Христовы въ такомъ случаѣ можно назвать тоже притчей; вамъ нѣтъ дѣла до того, что апостолы неоднократно изъясняютъ слова Давида: „*не оставши души моея во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти истиннѣя*“ въ личномъ смыслѣ, и относите эти слова, вмѣстѣ съ толкователями—современными жидами, къ потомству

Давида (222), какъ будто у потомства одна душа, которая посылается во адъ и снова возводится оттуда. Вѣдь вотъ до какихъ глупостей можно договориться, полагаясь на невѣжество читателей!

Наконецъ, вы навязываете писателю „Послания къ евреямъ“, коимъ вы не желаете считать апостола Павла (тогда объясняйте—почему; нѣмцы всетаки честнѣе васъ поступаютъ), заимствованія изъ апокрифовъ о безродности и сверхъестественномъ происхожденіи Мелхиседека. Но вѣдь апостолъ вовсе не утверждаетъ этого: онъ говоритъ на основаніи книги Бытія о неизвѣстности его родословія, на что и псалмы указываютъ. Къ чему тутъ толковать о заимствованіяхъ изъ апокрифовъ объ Енохѣ, которые произошли, можетъ быть, и послѣ апостола Павла? А къ тому, чтобы замарать апостольскія посланія, чтобы омрачить вѣру въ ихъ чисто христіанское происхожденіе.—Вотъ вы бы лучше почитали русское изслѣдованіе о книгѣ Еноха прот. профессора Смирнова, давнымъ давно изданную (ок. 1890 г.).

Итакъ авторъ, предоставленный самъ себѣ, путается хуже, чѣмъ при списываніи съ нѣмцевъ и жидовъ, которыхъ онъ всетаки переводить толкомъ не сумѣлъ, а ужъ согласовать то и вовсе не умѣетъ и не заботится о томъ, чтобы не противорѣчить себѣ самому на каждомъ шагѣ, переписывая съ различныхъ ученыхъ отрицательнаго направленія ихъ хронологическія даты. Объ этомъ скажемъ еще нѣсколько словъ. Протестантскій библейскій псевдорационализмъ, или вѣрнѣе нигилизмъ, группируется въ настоящее время около теоріи Вельгаузена и Штаде, которые, примѣняя къ составу Библии пресловутую эволюцію религіозныхъ идей, совершенно произвольно опредѣляютъ въ зависимости отъ послѣдней и самую хронологію библейскихъ книгъ. Чтобы разрушить ученіе о боговдохновенности Библии и представить ее плодомъ постепеннаго религіознаго развитія еврейскаго народа, библейскіе нигилисты выдумываютъ, будто бы евреи долгое время были многобожниками и чтили боговъ своихъ и чужихъ; потомъ ихъ народная исключительность, обусловленная историческими случайностями, заставила ихъ вождей прикрѣплять религіозную жизнь народа къ своему провинціальному Божеству Іегова, а затѣмъ, ко временамъ пророка Іоны, выработалась постепенно мысль о томъ, что Іегова

есть единый Богъ всей вселенной. Священныя книги іудеевъ, составленныя въ разныя эпохи ихъ духовнаго развитія, вмѣщали въ себѣ всѣ степени послѣдняго, но при Ездры онѣ подвергались тщательной переработкѣ и дополненію. Все, что есть возвышеннаго и всемірнаго въ ветхомъ завѣтѣ, составлено уже послѣ Вавилонскаго плѣна, изъ котораго вышли только лучшіе передовые слои народности, а прочіе ея элементы слились съ восточными варварами. Теорія эта ничего за себя не имѣетъ кромѣ привидѣній дарвинизма. У нея нѣтъ возможности сослаться на общепризнанность какой-либо книги, на отсутствіе ея въ канонѣ (какъ это дѣлають критики новаго завѣта), потому что у насъ нѣтъ ни одного библейскаго манускрипта до-христіанской эпохи. а древнѣйшія рукописи ветхаго завѣта суть греческія четвертаго вѣка. Однако это библейскихъ нигилистовъ не стѣсняетъ. Они преспокойно кромсають Библию на куски, кусочки и даже отдѣльные стихи и всѣ части ея, не подходящія подѣ ихъ эволюціонную точку зрѣнія, относятъ къ эпохѣ Ездры или даже послѣ Маккавеевъ. Такъ, они единодушно относятъ сюда книгу Второзаконія, половину книги пророка Исаи, множество псалмовъ и вообще почти всѣ учительныя книги. Имъ дѣла нѣтъ и до того, что Самаряне, прекратившіе сношенія съ іудеями еще задолго до плѣна, имѣютъ у себя Пятокнижіе со Второзаконіемъ, а прочихъ книгъ ветхаго завѣта не имѣютъ. Да имъ и вообще нѣтъ дѣла до правды, до научной правды, прибавилъ бы я, еслибъ за этимъ словомъ въ послѣднее время не приходилось бы каждый разъ подозрѣвать желанія прикрыть наглухо ложь.

И вотъ изъ этого мутнаго источника почерпаетъ свое ученіе князь Трубецкой, проводящій въ своей книгѣ всѣ эти нелѣпыя взгляды на Библию. Но онъ, какъ мы сказали, не сообразилъ того, что вѣдь его ученые руководители единодушны только въ отрицаніи, только въ яростъ противленіи божественной Библии, а замѣняя ее своими произвольными измышленіями, они строятъ эти послѣднія каждый по своему, такъ что едва ли не любую главу любого пророка одинъ нѣмецъ относитъ ко временамъ Ездры, другой на сто лѣтъ позже, а третій ко времени Маккавеевъ. Нашъ авторъ не постѣснялся списывать и то, и другое, и третье и такимъ образомъ рекламируетъ себя не только Лондономъ.

и Парижемъ, но и Берлиномъ, и Франкфуртомъ, и Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахомъ и пр. и проч.

Послѣ совершенно произвольныхъ заявленій о подлинности перевода ветхаго завѣта съ еврейскаго языка на греческій (стр. 79; причѣмъ авторъ считаетъ и книгу Иисуса сына Сирахова частью еврейскаго канона Библии), авторъ говорить, что книга Даніила не могла быть переведена ранѣе Маккавейскаго періода, ибо она въ это время только написана (205); а на 275 стр. авторъ списываетъ уже у другого нѣмца, что книга Даніила составлена въ концѣ Вавилонскаго плѣна. Эту главу онъ списываетъ у Шюрера.—Не знаю далѣе, у кого авторъ списалъ мысль о томъ, что псалмы собраны при освященіи второго храма (270), но въ другомъ мѣстѣ онъ относитъ древнѣйшій Давидовъ псаломъ второй уже къ Маккавейской эпохѣ (205, 206), а на 246 стр. у него за псаломъ сходить 27 глава пророка Исаи, котораго онъ въ листкѣ опечатокъ даже забылъ назвать Второисаеи, что дѣлаютъ по отношенію къ этой главѣ всѣ его отрицательные руководители. Еще менѣе похвалятъ они въ своемъ большинствѣ нашего автора за то, что онъ написалъ (конечно списалъ) слѣдующее: „еще до паденія Іерусалима, въ 621 г., при благочестивомъ царѣ Іосіи священникъ Хелкія „нашелъ“ (зачѣмъ эти кавычки, князь? вы хотите дать понять, что онъ составилъ, а не нашелъ) книгу закона (Второзаконіе)“. Нѣтъ, князь, ужъ вратъ, такъ вратъ. Если Второзаконіе, содержащее наиболѣе возвышенное ученіе ветхаго завѣта, написано до плѣна, то вся теорія библейской эволюціи падаетъ. А почему вы думаете, что Хелкія нашелъ Второзаконіе, а не Числь, не Руѣъ и другія?

Впрочемъ мы теряемъ терпѣніе продолжать. Трудно было читать эту странную книгу, но писать о ней еще противнѣе. Будемъ теперь выражаться конспективно [о дальнѣйшихъ вопіющихъ самопротиворѣчіяхъ автора, зависящихъ отъ списыванія съ разныхъ книгъ безъ согласованія.

У автора послѣплѣнное состояніе еврейской теократіи представляется то формалистическимъ и бездушнымъ, въ противовѣсъ временамъ прежняго пророческаго вдохновенія (107), хотя, по мнѣнію автора, именно въ это время жили авторы книги Исаи, Даніила, Псалтири, всѣхъ книгъ Соломоновыхъ и т. д.,—то, напротивъ, исполненнымъ нравствен-

наго подъема духа и религіознаго энтузіазма (232). То въ изреченіи ветхаго завѣта о Словѣ Господа (авторъ этихъ изреченій совершенно не знаетъ, а потому въ одномъ мѣстѣ съ изумительною безцеремонностію говоритъ, что ему и знать не надо—стран. 236-я ¹⁾), онъ находитъ „указанія на живую личность, на конкретное личное откровеніе Ягве“ (259—262 стр.),—то говоритъ, что въ ветхомъ завѣтѣ нѣтъ ученія о Словѣ, какъ личности (235), особенно какъ личности универсальной, хотя „въ религіи Израіля не было основанія для всемірнаго мессіанизма“ (234). Подобное, ничѣмъ не примиренное колебаніе между двумя противоположными взглядами на еврейство, проходитъ чрезъ всю книгу автора; оно не оставляетъ его и при сужденіяхъ о современникахъ Іисуса Христа. То они настолько подготовлены къ принятію евангельской проповѣди, что „послѣ реформъ Ездры“ (270)... народъ нерѣдко зоветъ Его (Бога) тѣмъ именемъ, которое мы постоянно слышимъ въ устахъ Христа: Отецъ нашъ Небесный (ссылка на Дальмана) ²⁾),—то мы не найдемъ среди нихъ ни одного (представленія о Мессіи), которое бы соотвѣтствовало христіанскому идеалу. Самъ Креститель *въ смущеніи* (откуда вы взяли это слово? кто вамъ далъ право его вставлять?) спрашивалъ Іисуса, тотъ ли Онъ, Которому надлежитъ придти и т. д. Эхъ, князь, не знаете вы ни ветхаго завѣта, ни даже Симеона Богопріимца, ни Захаріи священника и его пророчества о Предтечѣ, ни пѣсни Елизаветы и Приснодѣвы, ни даже надеждъ Самарянки.

Не будемъ уже приводить всю путаницу противорѣчивыхъ тезисовъ автора о *новыхъ идеяхъ* еврейской апокрифической апокалиптики о судѣ надъ народами, которые встрѣчаются на самомъ дѣлѣ въ *Пятюннжии* и въ *псалмахъ* (349), его произвольныхъ и легкомысленныхъ упоминаній о еврейскомъ якобы многобожіи, которое онъ находитъ въ поэтической рѣчи Іова о волнующемся морѣ (стр. 245, съ

¹⁾ Не нашелъ, гдѣ списать.

²⁾ Смѣю завѣрить, что не только г. Дальманъ (жившій, кажется, немного позже „современныхъ Ездры іудеевъ“, именно на 2300 лѣтъ) но еще Моисей въ Исходѣ, и Давидъ въ псалмахъ, и Осія въ пророчествахъ, и многіе другіе люди ветхаго завѣта многократно называли себя и народъ сыномъ Бога, а Бога своимъ Отцемъ.

такимъ же правомъ, какъ въ словахъ Христовыхъ къ вѣтру и къ смоковницѣ), и въ названіи звѣздъ воинствъ небесныхъ у пророковъ (стр. 248; почему же не въ словахъ Христовыхъ: „и силы небесныя подвигнутся?“), и даже въ видѣніи Іезекиилемъ ангеловъ (257); здѣсь даже авторъ не постѣснился подбавить цитату изъ апостола Павла. Неужели же и апостолъ былъ многобожникъ? До этого ни Ренанъ, ни Ницше, ни Л. Толстой еще не договаривались. Никто также не называлъ Климента Александрійскаго первымъ христіанскимъ литераторомъ, ибо до него были и мужи апостольскіе, апологеты (стр. 54); никто не называлъ Оригена и Василя Великаго, прояснившихъ въ нравственномъ смыслѣ обрядовый законъ, представителями среднихъ вѣковъ (стр. 93—94; ср. 114, гдѣ авторъ совершенно напрасно упрекаетъ Филона въ непониманіи ветхаго завѣта, сваливая съ больной головы на здоровую); никто, конечно, не признавалъ Талмудъ Вавилонскій непосредственно слѣдовавшимъ за Ездрую по времени (стр. 78), ибо Талмудъ начался чрезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ Ездры, и сомнѣваюсь, чтобы кто, даже изъ крайнихъ отрицателей, утверждалъ, что ученіе о твореніи міра Единымъ Богомъ появилось въ Библии послѣ плѣна у Второисаи (стр. 240), ибо это ученіе, кромѣ Моисея и Давида, проповѣдуетъ и Іовъ, несомнѣнно, древнѣйшій священный авторъ, жившій до появленія какой-либо государственности.

Зато многимъ библейскимъ нигилистамъ свойственно и сужденіе автора о двухъ разсказахъ Библии о сотвореніи человѣка, основанное на глупой канцелярской придиркѣ къ повтореніямъ въ книгѣ Бытія словъ: „мужа и жену сотворили ихъ“ (стр. 143); почти всѣмъ имъ свойственно пантеистическо-эволюціонное міровоззрѣніе автора, къ коему онъ хотеть приклеить христіанство, не какъ ученіе о воскресеніи и вѣчной жизни на небѣ, но какъ ученіе о земномъ благоустройствѣ совершенно чуждое Спасителю, Который училъ, что Его послѣдователи будутъ страдать всегда и особенно во времена послѣднія, когда настанетъ власть нечестія и порока (стр. 3 — 8 и 416 — 422). Также многимъ библейскимъ нигилистамъ свойственно толковать вмѣстѣ съ авторомъ о томъ, что Іисусъ Христосъ считалъ необходимымъ для Себя страдать за спасеніе міра, приводитъ Его изреченія о будущихъ страданіяхъ Своихъ и умалчивать о соеди-

ненныхъ съ ними словахъ Его о воскресеніи, не идеальномъ, а дѣйствительномъ, трехдневномъ (стр. 448, 454, 455 у автора, гдѣ страданія Христовы толкуются въ чисто лютеранскомъ смыслѣ). Особенно странно встрѣтить такое двоедушное отношеніе къ словамъ Христовымъ у автора, который признаетъ (точнѣе—списываетъ), что ученіе о воскресеніи имѣли и ветхозавѣтные іудеи (299).

Авторъ при этомъ напускаетъ туманныхъ фразъ о томъ, будто *чудо* въ исторіи Іисуса Христа есть предметъ вѣры, а наука не можетъ ни утверждать, ни отрицать его (стр. 382—383). Подобныя слова можно часто встрѣтить въ печати, но тогда отрицается, и вполне послѣдовательно, и самая возможность научнаго изслѣдованія Евангелія и вообще Библіи. Почему же нашъ авторъ находитъ возможнымъ разсматривать съ научной точки зрѣнія одни слова и дѣла Христовы, даже допускать Его внутреннюю увѣренность въ своемъ Божествѣ и въ то же время обходить существеннѣйшій вопросъ, для него совершенно *неизбѣжный*: былъ ли Христосъ Чудотворецъ, воскресшій изъ мертвыхъ, или обманщикъ? *tertium non datur*, какъ справедливо призналъ Ренанъ въ рассказѣ о воскрешеніи Лазаря. И, конечно, авторъ это прекрасно понимаетъ, но боится раздражить либеральныхъ гусей, и вотъ эта-то неискренность помѣшала ему дать какой бы то ни было опредѣленный отвѣтъ на *главный вопросъ* своего изслѣдованія, что значить *богосознаніе Іисуса Христа*?

На этомъ предметѣ слѣдовало бы остановиться подольше, но я и безъ того почти боленъ отъ тяжелыхъ чувствъ, внушаемыхъ книгой князя Трубецкого, и потому постараюсь быть краткимъ. Откуда взялось это мудреное словцо „богосознаніе“. Я бы объявилъ премію тому, кто сумѣетъ его вывести изъ употребленія въ богословской литературѣ.

Терминъ этотъ богосознаніе можетъ обозначать и что угодно, и ничего въ частности. Такъ и у автора богосознаніе есть и у народа еврейскаго вообще (стр. 2, 196), и у Іисуса Христа, и у христіанъ. Иногда оно обозначаетъ какъ будто бы просто чье-либо ученіе о Богѣ, иногда сознаніе себя Богомъ у Іисуса Христа (315); но тогда авторъ пугается либеральныхъ гусей и изображаетъ самосознаніе Іисуса Христа пантеистическимъ (382), каковое возможно и въ простомъ человѣкѣ, а затѣмъ, надѣясь, что заслужилъ отъ

нихъ пять по поведенію, снова рѣшается говорить, что Іисусъ Христосъ сознавалъ Себя лично Богомъ (433, 436—447), но здѣсь авторъ опять боится, что какой-нибудь Міусовъ изъ Достоевскаго сопричислитъ его къ клерикаламъ, и спѣшитъ вопреки всякой логикѣ заявить, что ученіе Іисуса Христа о Своей божественности было чуждо какихъ-либо догматическихъ положеній (431), и затѣмъ даже примыкаетъ къ чисто несторіанскому ученію о богочеловѣчествѣ (432).

Рѣшительно не знаемъ, что думать о писателѣ, который такъ отвѣчаетъ на самый интересный для читателя вопросъ своей диссертации. Не дивимся отсутствію здѣсь честности; дивимся увѣренности въ томъ, что его книгу не изорвутъ и не бросятъ ему подъ ноги вмѣсто увѣнчанія докторской степени. И однако авторъ не ошибся въ своей увѣренности. Бѣдная Русь! бѣдная наука! Какъ надъ вами издѣваются!

Намъ скажутъ, что мы останавливались на отдѣльныхъ ложныхъ тезисахъ автора, а не разобрали его теоріи, но теоріи у него и нѣтъ, какъ мы сказали. Его сочиненіе, взятое въ цѣломъ есть: „Взглядъ и нѣчто“. Можно разбирать его тезисы, но не книгу. Можно развѣ противопоставить всей его темѣ о „происхожденіи идеи Логоса въ греческой философіи и ея усвоеніи христіанскою мыслью, обогатившею ее новымъ христіанскимъ содержаніемъ“ (стр. 10),—темѣ, авторомъ не разработанной и не выясненной даже, вотъ какую истинно библейскую мысль. Мысль эта будетъ совершенно новая въ нашей богословской литературѣ, но мы твердо ее будемъ отстаивать противъ не Трубецкого только, но противъ вѣкового заблужденія европейскаго и русскаго богословія ¹⁾, находящаго средство новозавѣтнаго ученія о словѣ съ Платоновскимъ. Мы хотимъ сказать, что 1) евангельское и апокалипсисово Слово вовсе не обозначаетъ *разума*, какъ и Платоновскій Логосъ не обозначаетъ *Слова*; 2) ученіе апостола Іоанна о словѣ цѣликомъ взято изъ ветхаго завѣта (гдѣ оно было задолго до Платона) и затѣмъ *приурочено* къ воплощенію Сына Божія; 3) въ ветхомъ завѣтѣ слово обозначается реченіемъ *мемра*, и разумъ реченіемъ *яда*, такъ что тамъ и

¹⁾ См. огромную диссертацию профессора Муретова: ученіе Филона о Логосѣ, которой авторъ нашъ и не видалъ; очень жаль: она бы удержала его отъ многихъ парадоксовъ.

рѣчи не можетъ быть о синонимичности этихъ понятій; 4) современные ученые не знаютъ этого сродства Іоанновскаго Логоса (слова) съ ветхозавѣтнымъ мемра, потому что изучаютъ Библію не цѣликомъ, а кусочками, а еслибъ изучали всю Библію, то увидѣли бы, что 5) понятіе Слова (глагола, а не разума) есть главная проблема ветхаго завѣта и притомъ не метафизическая и этическая, и что именно такой-же смыслъ сохраняетъ это понятіе въ завѣтѣ новомъ; 6) что поэтому Платонъ и Филонъ не имѣютъ никакого сходства съ новозавѣтнымъ, а съ ветхозавѣтнымъ—лишь то, что Филонъ писалъ подъ его вліяніемъ; 7) что христіанскіе апологеты, писавшіе о Логосѣ въ Платоновскомъ смыслѣ, поступали только *ad hominem*, какъ и въ другихъ случаяхъ когда они сближали Библію съ греческими мѣрами, гномами и философемами; 8) что древнѣйшіе переводы новаго завѣта всегда брали Логосъ въ смыслъ слова, а не разума.

Первыя пять положеній мы раскроемъ въ особой статьѣ, если получимъ досугъ ее написать. Свои замѣтки на книгу князя Трубецкаго мы написали въ пароходной каютѣ послѣ долгихъ и тщетныхъ ожиданій, что на эту неосновательную и дерзкую книгу отзовутся преподаватели библейскихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ. Удивляемся и печалимся объ ихъ молчаніи, а пишущій эти строки человѣкъ должностной, не обладающій ни досугомъ, ни возможностью подкрѣпить свою память новыми справками.

Мы удивлялись молчанію академическихъ ученыхъ послѣ дерзкой, вызывающей статьи князя Трубецкаго въ „Вопросахъ философіи“ за 1898 г., гдѣ онъ писалъ (т. е. списывалъ) о мессіанскихъ чаяніяхъ іудеевъ, а ихъ теперешняго безмолвія мы и въ толкъ взять не можемъ.

М. Старобильскій.

Нѣсколько критическихъ замѣчаній на докладъ
г. Стаховича о „свободѣ совѣсти“.

Въ вечернемъ засѣданіи Орловскаго миссіонерскаго съѣзда, 24 сентября, какъ извѣстно, былъ заслушанъ докладъ г. М. А. Стаховича о „свободѣ совѣсти“. Присутствуя на съѣздѣ въ качествѣ члена онаго, я имѣлъ возможность тогда же высказать нѣсколько словъ по существу содержаемаго въ докладѣ. Но такъ какъ вопросъ о „свободѣ совѣсти“ никакимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, кои рѣшаются ех abrupto, то я искренно скорблю, что, при полномъ желаніи „отплатить“ съ своей стороны г. Стаховичу за его просвѣщенное и „братское“ участіе въ занятіяхъ съѣзда, не могъ хотя бы съ мало-мальски достаточной полнотою и ясностью *въ одинъ моментъ* ¹⁾ разрѣшить „мучившій его все время недоумѣнный вопросъ“, притомъ еще — „единный на потребу... краевый угольный камень“!.. Съ другой стороны, полная невозможность уловить теченіе мыслей искуснаго оратора, пестрота и обиліе въ докладѣ цитатъ, которыя громко и неоспоримо свидѣтельствуютъ о неисчерпаемой эрудиціи лектора, поразительное умѣнье послѣдняго проникать въ самый корень вещей и отъ своихъ щедротъ дарить слушателей богатствомъ посылокъ, удивительнымъ сочетаньемъ мыслей и фактовъ и еще болѣе неожиданными выводами изъ нихъ: все это ошеломяло меня, и невольно приходило мнѣ на мысль, что для почтеннаго лектора поставленный имъ вопросъ *давно рѣшенъ*!.. Но всеже, сказавъ нѣсколько словъ въ засѣданіи

¹⁾ Право же, вопросъ о *свободѣ совѣсти* не можетъ быть поставленъ на ряду съ вопросомъ о *монополіи* на мѣста сборщиковъ денегъ по казеннымъ виннымъ лавкамъ, хотя бы и при тождествѣ лица, ратующаго то за „свободу“ въ теоріи, то за „монополію“ въ жизни!.. и даже, что всего удивительнѣй, претендующаго на монополію... „честности“...—См. «Недѣля» 1900 г. №№ 42, 43.

сѣзда, я считаю долгомъ, хотя отчасти, дополнить наскоро данный отвѣтъ.

Докладъ г. Стаховича, за исключеніемъ обычнаго салоннаго пустоцвѣта—вступленія, представляетъ собой: во 1-хъ, дословную—почти $\frac{2}{3}$ текста—выдержку изъ IV т. сочиненій И. С. Аксакова, откуда почерпнуты ссылки и на другихъ писателей, какъ-то: Гизо, Геттэ, Овербека etc...; во 2-хъ, крайне неудачную и поразительно скудную перифразировку не болѣе двухъ-трехъ выводныхъ сужденій И. Аксакова; въ 3-хъ, вольный пересказъ съ коментаріями текста „Миссіонер. Памятки“ и словъ о. Переверзева и, въ 4-хъ, далеко не оригинальный заключительный паеосъ ¹⁾.

„Идѣ же Духъ Господень—ту свобода“, такъ начинается ораторъ рядъ доказательствъ въ пользу „свободы совѣсти“ и далѣе спрашиваетъ: „Значить ли это, что гдѣ духъ не Господень, тамъ не должно быть и свободы? Или, можетъ быть, это значить, что гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и Духа Господня?“

Отвѣчаемъ: цѣлью доклада поставлено рѣшеніе вопроса не о „свободѣ“ вообще, а о „свободѣ совѣсти“, посему оратору необходимо было привести библейскія доказательства въ пользу именно „свободы совѣсти“, чего онъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ... Приведенный же имъ изъ посланія ап. Павла текстъ говорить не о „свободѣ совѣсти“, и даже не о „свободѣ“ вообще, а, какъ видно изъ контекста рѣчи, о свободѣ отъ рабства Моисееву закону!..

Быть можетъ, г. докладчикъ возразить: „безъ рѣшенія проблемы свободы нельзя говорить о свободѣ совѣсти, потому что прежде необходимо опредѣлить и согласиться въ томъ, что разумѣть подъ свободой?“ Вполнѣ соглашаемся съ такимъ существеннымъ возраженіемъ. Но тогда спросимъ, почему же ораторъ не выяснилъ понятія *свободы*, я не говорю съ чисто философской ²⁾, но съ богословско-православной

¹⁾ Очевидно, немного требуется, чтобы попасть въ число *«замѣчательныхъ»* на страницахъ «Петербург. Вѣдомостей» (№ 267)!..

²⁾ Проблема «свободы» не можетъ считаться аксіомой философіи. Нерѣдко даже одинъ и тотъ же философъ, помимо своей воли, впадалъ въ противорѣчивыя сужденія о «свободѣ»,—см. нашу статью «Проблема свободы воли въ философіи Канта»,—„Вѣра и Разумъ“ 1898 г. № 20.

точки зрѣнія?!. Онъ взялъ слово „свобода“, какъ нѣчто весьма опредѣленное, неоспоримое и общеизвѣстное, и въ поискахъ за библейскимъ авторитетомъ пристегнулъ къ нему отрывочно взятый изъ апостола текстъ, нисколько не заботясь о томъ, что могло выйти и дѣйствительно вышло не лучше того, какъ „Петербургскія Вѣдомости“ (№ 267) требовали признанія свободы слова на основаніи евангельскаго текста: „въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“!.. Между тѣмъ, по выраженію Ю. Ө. Самарина, „слово *свобода*—самое неопредѣленное“... И дѣйствительно, понятіе свободы, какъ чисто формальное, само по себѣ пусто и безсодержательно; отсюда въ требованіи свободы могутъ сойтись и дѣйствительно сходятся люди самыхъ различныхъ вѣрованій, направленій и убѣжденій, не исключая и отставного ген.-лейтен. И. Филипенко („Петерб. Вѣдом.“ № 284). Посему нельзя употреблять слово *свобода* въ поставленныхъ докладчикомъ вопросахъ, прежде чѣмъ не выяснено, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на свободу и что подъ ней разумѣть? Если, напримѣръ, отвѣчать на приведенные нами вопросы оратора съ христіанской точки зрѣнія, то необходимо признать, что „гдѣ Духъ не Господень, тамъ нѣтъ истины, нѣтъ и свободы, а царитъ рабство лжи и грѣха; или, гдѣ нѣтъ свободы отъ рабства лжи и грѣху, тамъ нѣтъ и Духа Господня“ (сравн. Іоан. 8, 32—34; 1 Іоан. 2, 21). Совмѣстность свободы съ Духомъ Господнимъ обязательна лишь при христіанскомъ пониманіи свободы, ибо „какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ?“ Или какая совмѣстность Духа Господня съ свободой атеистовъ, революціонеровъ и пр.?—Ясно, что о положительномъ значеніи требованія свободы можно говорить лишь тогда, когда установлена точка зрѣнія на самую свободу, опредѣлена ея цѣль и содержаніе и, смотря по тому, какова эта цѣль или содержаніе, самая свобода получаетъ съ извѣстной точки зрѣнія далеко не одинаковое достоинство. Но, къ сожалѣнію, ораторъ предпочелъ болѣе легкій и скорый, хотя и болѣе скользкій путь. Въ попыткахъ оправдать себя библейскимъ текстомъ онъ къ словамъ апостола „ту свобода“ произвольно подставилъ всего лишь нѣсколько своихъ словъ и, повидимому, достигъ искомой цѣли,—получилось, что „гдѣ нѣтъ свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы

для исповѣданія,—тамъ нѣтъ и мѣста для вѣры, тамъ не повѣтъ Духъ Господень“! Очевидно, пылкій ораторъ забылъ, что „Слово Божіе острѣе всякаго меча обоюдоостраго“, и что, слѣдуя его примѣру, или, точнѣе, произволу, мормонъ въправѣ сказать: „ту свобода“ не слова, не мнѣнія, не сомнѣнія, а полигаміи, хлысть—свальнаго грѣха, скопецъ—оскопленія, г. И. Филипенко — „религіозной эволюціи“ („Петерб. Вѣд.“ № 284), а пылкій французъ давно уже воскликнулъ: „ту свобода“ революціи и начерталъ ее на знамени послѣдней и возвелъ ее въ девизъ террора, анархіи, тиранніи... А, какъ то водится, не такъ ужъ изстари, вслѣдъ за французомъ и „наши антиподы западнаго либерализма“ провѣщали: „ту свобода“ всего, свобода ради свободы и изъ-за послѣдней, чуждой и тѣни религіозныхъ принциповъ, приняли подъ свое особенное покровительство разные расколы и секты, забывъ, что въ концѣ концовъ и сами придутъ къ той же западной тиранніи, которой, по словамъ И. С. Аксакова, кончается „всякій либерализмъ“. Впрочемъ, „либерализмъ“—либераленъ на чужое и строгій консерваторъ на свое!..

Не только не выяснивъ, но даже исказивъ идею свободы у ап. Павла, г. Стаховичъ спѣшитъ заявить, что эта идея „нуждается въ брennomъ воплощеніи и, какъ тѣло въ одеждѣ, нуждается въ мотивировкѣ“. Думаю, что почтенный ораторъ крайне неудачно сравниваетъ потребность идеи въ мотивировкѣ съ потребностью тѣла въ одеждѣ, такъ какъ между отношеніемъ тѣла къ одеждѣ и идеи къ мотивировкѣ самая пылкая фантазія можетъ открыть сходство лишь въ томъ, что оба они, т. е. тѣло и идея, *нуждаются*... Но всеже согласенъ, что для брнныхъ цѣлей несравненно лучше искать воплощенія въ брненіи, чѣмъ въ текстѣ св. Писанія!.. Такое „воплощеніе“ идеи свободы г. Стаховичъ находитъ, прежде всего, въ двухъ выдержкахъ изъ сочиненія Гизо: „Méditations sur l'essence de la religion chrétienne“, процитированныхъ имъ по И. С. Аксакову (т. IV, стр. 28—32). Сущность первой выдержки такова: „христіанская религія, претерпѣвъ мученичество и гоненіе подъ скипетромъ языческихъ императоровъ, въ свою очередь жила подъ стражею гражданскаго закона, защищаемая оружіемъ свѣтской власти. Но нынѣ, вслѣдствіе великой умственной и соціальной револю-

ціи, существенныя черты которой: духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политическая свобода, ей приходится имѣть дѣло съ свободной мыслью, свободнымъ сужденіемъ и защищаться уже самой, самой охранять себя и свидѣтельствовать неустанно и противъ всякаго встрѣчнаго свою истину, нравственную и историческую, свое право на разумъ и душу человѣческую. Католики, протестанты, жида, христіане и философы,—всѣ теперь, по крайней мѣрѣ, во Франціи, ограждены отъ всякаго преслѣдованія; наружное выраженіе вѣрованія равно свободно для каждаго. Правда, свобода религіозная, т. е. свобода вѣрить, вѣрить различно, или вовсе не вѣрить, еще не вполне принята и обезпечена въ разныхъ государствахъ, но, очевидно, что она болѣе и болѣе становится всеобщимъ фактомъ и станетъ отнынѣ обычнымъ правомъ просвѣщеннаго міра. Всѣ политическія учрежденія должны будутъ прилаживаться къ этимъ фактамъ и всѣ нравственныя власти жить съ послѣдними въ мирѣ. Христіанская религія также не избавлена отъ этого испытанія, но она преодолѣетъ его, какъ преодолѣла множество другихъ“.

Казалось, ораторъ долженъ былъ показать и доказать, что пророчество Гизо исполнилось, что дѣйствительно во Франціи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ *de facto* существуетъ такая „религіозная свобода“ ¹⁾... Между тѣмъ онъ беретъ мнѣніе и даже проектъ доктринера Гизо на полную вѣру и приводитъ ихъ въ докладѣ за жизненную аксіому!.. Далѣе, процитировавъ Гизо по Аксакову, г. Стаховичъ долженъ былъ оговориться, что Аксаковъ не вполне согласенъ съ мнѣніемъ Гизо. Но почему-то и этого г. Стаховичъ не сдѣлалъ и, опустивъ возраженія Аксакова, тотчасъ цитируетъ вторую выдержку изъ Гизо и затѣмъ мнѣніе Аксакова о послѣдней приводитъ, какъ якобы относящееся къ первой и второй!.. Между тѣмъ, въ виду поразительно-сильнаго авторитета, какимъ пользуется не только мнѣніе, но и бу-

¹⁾ Особеннаго труда для этого не требовалось. Въ томъ же IV г. Аксаковъ говоритъ: „теперь въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, особенно во Франціи, вовсе не *безразлично* относятся къ вѣрѣ и Церкви; ихъ безвѣріе—воинственное; они—въ состояніи непрерывнаго бунта, ведутъ постоянную брань и постоянную проповѣдь—проповѣдь вѣры въ безвѣріе!“

квалный текстъ Аксакова въ докладѣ г. Стаховича, тамъ же необходимо было выяснить, что, вопреки Гизо, Аксаковъ не только не противопоставляетъ христіанской религіи приведенные факты умственной и соціальной революціи, какъ что-то отъ нея совершенно отдѣльное, независимое, что-то ей чудое, съ чѣмъ ей, какъ-бы *волей-неволей*, приходится считаться, но производить ихъ отъ напора христіанской идеи, которая нерѣдко прорывалась въ людяхъ къ жизни путемъ извращеннымъ, не христіанскимъ, путемъ отрицанія, насилія и революціи. Не разъ Аксаковъ вспоминаетъ о выставленномъ на знамени первой французской революціи девизѣ: „свобода, равенство, братство“, который данъ міру Евангеліемъ, и сожалѣетъ, что смыслъ этого девиза исказили революціонеры, вложивъ въ него свое сужденіе и безумно неистовствуя противъ Евангелія!.. Если бы ораторъ привелъ это мнѣніе Аксакова, то стало бы яснымъ, что, вопреки Гизо, по Аксакову, христіанской религіи не только не нужно „преодолѣвать“ различныя проявленія свободы, или же дѣлать имъ такія уступки, чтобы „жить съ ними въ мирѣ“, но что „свобода есть самая стихія жизни Церкви Христовой“, которой посему необходимо отстаивать лишь *христіанское* пониманіе свободы, чтобы подъ видомъ послѣдней не было предложено христіанамъ что-либо *открыто* враждебное Христу, или же искусно скрытое подъ христіанскимъ *обличьемъ*, но также противное свободѣ, возвѣщенной Христомъ. Еще рельефнѣе станетъ различіе между взглядомъ на „свободу“ у Гизо и Аксакова, если обратимся къ другимъ сочиненіямъ Гизо. Такъ, въ „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ читаемъ: „страсть къ личной независимости есть само по себѣ благородное чувство, почерпающее свою силу изъ нравственной природы человѣка: это — удовольствіе сознать себя человѣкомъ, это — чувство личности, самостоятельности человѣческой въ свободномъ ея развитіи... Но это чувство личности, чувство *свободы* (индивидуума) было внесено въ европейскую цивилизацію *варварами*; оно не было извѣстно ни римскому міру, ни христіанской Церкви, ни большей части древнихъ цивилизацій. Если вы и находите въ древнихъ цивилизаціяхъ свободу, то свободу политическую, свободу гражданина. Тамъ человѣкъ заботится не о личной, но о гражданской своей свободѣ, онъ принадлежитъ къ извѣстному обществу,

посвятилъ себя ему, готовъ пожертвовать ему собой. То же самое было и въ *христіанской* Церкви: и тамъ господствовало чрезвычайно сильно развитое чувство привязанности къ христіанской общинѣ, преданности ея законамъ, живая потребность расширить ея владычество; или же религіозное чувство вызывало сильную реакцію человѣка противъ самого себя, своей души, внутреннее стремленіе *ограничить свою свободу* и подчиниться требованіямъ вѣры; но повторяю, — чувство личной независимости, стремленіе къ свободѣ не было знакомо ни римскому, ни христіанскому обществу. Оно было внесено и положено въ колыбель европейской цивилизаціи варварами“. Между тѣмъ, по ученію славянофиловъ и въ частности И. С. Аксакова (въ данномъ случаѣ согласнаго съ западниками, напр., съ Кавелинымъ), принципъ свободы личности впервые возвѣщенъ былъ и установленъ христіанствомъ, и въ этомъ заключается главное значеніе послѣдняго. При такомъ взглядѣ И. С. Аксакова на „свободу личности“ у ней не остается ничего общаго, кромѣ названія, съ „свободой личности“ у Гизо. Въ то время какъ первый считаетъ „свободу личности“ и по названію, и по содержанію главнымъ элементомъ христіанства, второй признаетъ ее вкладомъ въ европейскую цивилизацію отъ варваровъ и по-сему чуждой христіанской санкціи. Но „человѣческая личность, говоритъ Аксаковъ, какъ скоро познала и вкусила однажды даннаго ей христіанствомъ значенія и свободы и затѣмъ совлекла съ себя христіанское освященіе (какова свобода варваровъ), претворяется всегда не во что иное, какъ въ самый дикій, разнузданный эгоизмъ!“. Такимъ образомъ подкрѣпляютъ въ докладѣ требованіе „свободы“ двумя диаметрально-противоположными взглядами на „свободу“ равносильно уничтоженію самаго требованія, а санкціонировать мнѣніе Гизо о свободѣ согласіемъ Аксакова отнюдь нельзя.

Если теперь обратимся ко второй выдержкѣ изъ Гизо, то опять увидимъ, что, подтверждая смыслъ ея мнѣніемъ Аксакова, г. Стаховичъ долженъ былъ сдѣлать весьма существенныя оговорки, чтобы не ввести слушателей въ заблужденіе относительно полной солидарности Аксакова съ мнѣніемъ Гизо. Сущность 2-ой цитаты изъ Гизо такова: сказавъ, что христіанская религія преодолѣетъ уже извѣстныя

намъ испытанія, Гизо продолжаетъ: „дѣло крайней важности и необходимости, чтобы христіане не обольщались на счетъ предстоящей имъ борьбы, на счетъ ея опасностей и тѣхъ орудій, которыя имъ возможно будетъ употребить въ дѣло. Нападеніе, направленное теперь на христіанскую религію — нападеніе пламенное и совершаемое то съ грубымъ фанатизмомъ, то съ хитрымъ искусствомъ,—то во имя самыхъ низкихъ страстей, то во имя самыхъ искреннихъ убѣжденій; иные (на Западѣ) оспариваютъ ее, какъ лживую, другіе отвергаютъ ее, какъ слишкомъ требовательную и стѣснительную,—большая часть страшится ея, какъ тиранніи. Христіане, съ своей стороны, съ трудомъ допускаютъ новое социальное положеніе и съ трудомъ прилаживаются къ нему. Не легко перейти отъ привилегіи къ общности права и отъ господства къ свободѣ. И однако же они къ тому вынуждены обстоятельствами,—они уже нигдѣ, какъ только въ свободѣ сужденія и воспользовавшись всею полнотою своей собственной свободы, могутъ обрѣсти нужную имъ силу, чтобы возвыситься надъ опасностями и сдѣлать тщетными нападенія своихъ яростныхъ противниковъ“... И. С. Аксаковъ согласенъ, что Гизо „съ поразительной вѣрностью опредѣлили настоящее положеніе дѣла, настоящія опасности, грозящія торжеству христіанской истины... и что побѣда можетъ остаться за христіанской истиной только тогда, когда защитники этой истины будутъ вполне ей вѣрны и будутъ защищать ее единымъ соответственнымъ ея достоинству орудіемъ, когда они убѣдятся, что только въ свободѣ сужденія, въ свободѣ совѣсти и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могутъ обрѣсти необходимую имъ силу для побѣды надъ могуществомъ лжи и мрака, для одолѣнія своихъ многочисленныхъ и искусныхъ враговъ“. Но и сейчасъ Аксаковъ, вопреки Гизо, вѣрить, что „свобода сужденія“, „свобода совѣсти“ и вообще „полнота свободы“—единое *соответственное* достоинству христіанской религіи орудіе въ борьбѣ съ врагами, а не *противное* ей, къ которому она лишь волей-неволей должна прибѣгнуть, вслѣдствіе измѣнившагося социального строя. Ей необходимо заботиться лишь о томъ, чтобы это орудіе было *христіанскимъ* не по названію только, а, главное, по цѣли его употребленія и содержанію. Всѣ приведенныя нами

оговорки считаемъ существенно необходимыми, чтобы не отождествить (какъ сдѣлалъ то г. докладчикъ) два противоположныхъ взгляда на „свободу“ Гизо и Аксакова и не пользоваться ими, какъ солидарными, для подтвержденія своихъ требованій свободы. Нельзя не замѣтить, что Гизо принадлежалъ къ протестантскому семейству, сильно пострадавшему отъ религіозныхъ гоненій прежняго режима и отъ ужасовъ революціи. Все это вмѣстѣ съ современной ему религіозно-политической жизнью Запада и отразилось на его ученіи о свободѣ. Онъ видѣлъ, что „католики слишкомъ трусятъ свободы, протестанты слишкомъ трусятъ авторитета“, что въ политической жизни также идетъ сильная борьба между началами свободы и началами строгаго порядка, и вотъ вмѣстѣ съ Ройе Колларомъ создаетъ во Франціи школу доктринеровъ, которая доказывала возможность совмѣщенія полной свободы съ строгимъ общественнымъ порядкомъ. Но что легко было начертить въ кабинетномъ докладѣ, то оказалось невозможнымъ провести въ жизнь, и школа Гизо падаетъ, просуществовавъ не болѣе 30 лѣтъ. Думаемъ, что совершенно иного взгляда держался бы Гизо и на христіанство, и на свободу, еслибы знакомъ былъ съ религіозной жизнью Востока. По крайней мѣрѣ, другой протестантъ, современникъ Гизо, профессоръ и докторъ богословія и философіи Овербекъ, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1865 г.: „Ex oriente lux!“ говорить: „если бы Лютеръ принадлежалъ къ Церкви Восточной, то онъ не имѣлъ бы причины оставлять ее, потому что первоначальныя обвиненія, справедливо возведенныя имъ на Римскую Церковь, не напали бы себѣ мѣста по отношенію къ Восточной Церкви. Духъ православнаго каеоличества—есть вѣра, любовь, убѣжденіе, *свобода*, благочестіе, движеніе впередъ!“.. Если теперь обратимся къ свидѣтельству современной исторической науки, то и съ точки зрѣнія послѣдней, Гизо не достааетъ строгой объективности, всюду проглядываютъ его предвзятая идеи и принципы, навѣянные духомъ того бурнаго времени, которое переживала Франція въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Невольно приходитъ на мысль, что если апостольская идея свободы и „нуждается въ брэнномъ воплощеніи и мотивировкѣ“, взятыхъ у Гизо, то лишь для того, чтобы „апо-

стольское“ исказить или предать забвенію, а подѣ видомъ „апостольскаго“ „бренное“ провести въ жизнь!..

Но пойдѣмъ далѣе. Почтенный ораторъ буквальными словами И. С. Аксакова задаетъ отъ себя цѣлый рядъ вопросовъ. „Что выражается требованіемъ свободы совѣсти?“—спрашиваетъ онъ. Отвѣчаемъ: у кого? Если у васъ, то, кѣ сожалѣнію, еще не знаемъ, такъ какъ доселѣ вы привели и слили во-едино лишь два діаметрально-противоположныхъ чужихъ взгляда на „свободу!“—„Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживыхъ и суевѣрныхъ ученій? Выражается ли этимъ требованіемъ состраданіе къ расколу или простое увлеченіе современными либеральными требованіями цивилизаціи, прогресса и проч.? Ничуть не бывало“—отвѣчаетъ ораторъ. Но позвольте: все это одни слова, одни изліянія чувства. а гдѣ же доказательства? Вы говорите: „ничуть не бывало“, а я скажу: нѣтъ, бывало и теперь бываетъ. Вспомните слова хотя бы И. С. Аксакова: „весь христіанскій міръ на Западѣ охваченъ теперь борьбою съ врагомъ, которому ходячее имя: современный прогрессъ; это бой на жизнь и смерть съ Церковью, бой во имя культуры, цивилизаціи, всяческой свободы и общественныхъ благъ. Этотъ бой начинается и у насъ, каждый день умножая противниковъ Церкви, каждый день увлекая подѣ знамя „прогресса“ множество молодыхъ... Ибо это знамя „равенства и братства“, „свободы, знанія, мысли и совѣсти“, и т. д. и т. д. ¹⁾.. Всѣ эти либеральные принципы, сдвинутые съ основы христіанскаго міросозерцанія, логически приводятъ къ абсурду: *прогрессъ*, въ концѣ концовъ становится *регрессомъ*; цивилизація завершается *одичаніемъ*; свобода — депотизмомъ и рабствомъ“... По этимъ-то „либеральнымъ“ принципамъ, чуждымъ христіанской основы, и наши поборники либерализма, въ лицѣ извѣстной части прессы и вообще всѣхъ поклонниковъ европейскаго прогресса, приняли подѣ свое особенное покровительство и ратуютъ за всяческіе расколы и секты... Мы говорили, что конецъ этого „либерализма“—тираннія, и видимъ это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ государство, подѣ предлогомъ „свободы совѣсти“, при-

¹⁾ Конечно, двоякимъ путемъ: или открыто, что честнѣе, или же подѣ обличьемъ христіанства...

нудительною властью создаетъ въ христіанской странѣ для массъ христіанскаго народа, новую *обязательную* школу безъ всякой идеи о Богѣ, замѣняя въ учебникахъ самое слово *Богъ* словомъ *натура*, т. е. *навязываетъ* насильно, согласно съ „послѣднимъ словомъ прогресса“, своего рода *сектантство*. Не похожее ли на это стремились провести въ жизнь и наши „либералы“ въ министерство Головнина и позже бар. Николаи, когда и министерство, и „либеральная“ пресса предприняли крестовый походъ противъ духовенства и „церковщины“, и когда, съ помощью казенныхъ, т. е. народныхъ денегъ, цѣлый легіонъ передовыхъ педагоговъ сочинялъ народныя азбуки, въ которыхъ вмѣсто стариннаго: Азъ—А—Ангель, ставили: А—Арбузъ; вмѣсто: Буки—Б—Богъ, ставили: Б—Баранъ!.. И всѣ ликовали, что нанесли ударъ „клерикализму“ ¹⁾, а „Страна“ гудѣла хвалебнымъ басомъ, ожидая себѣ благодарности отъ отечества!.. ²⁾.

„До цивилизаціи и прогресса намъ и дѣла нѣтъ, говорите вы, ибо превыше всякой цивилизаціи и прогресса—идеаль, препоставленный человѣчеству Христомъ, и требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самомъ Словѣ Божіемъ“... Но позвольте, опять: слова, слова и слова... Почему же вы *свое* требованіе „свободы совѣсти“ не обосновали на фундаментѣ изъ словъ Христовыхъ и апостольскихъ? Почему не раскрыли *истинно-христіанскій* смыслъ понятія: „свобода совѣсти“? Вы привели всего лишь одинъ, да и то отрывочно взятый и къ данному вопросу не относящійся, библейскій текстъ!.. Вы говорите, что идеаль Христа „*превыше* всякой цивилизаціи и прогресса“, но превосходная степень: „превыше“—здѣсь неумѣстна, ибо идеаль Христа и „современная цивилизація и прогрессъ“—двѣ величины не сравнимыя, а діаметрально-противоположныя: первая влечетъ человѣка въ міръ горній, отъ земли, а вторая приковываетъ его къ землѣ!..

¹⁾ Интересно, какъ та же „либеральная пресса“ нынѣ нѣтъ—нѣтъ, да и выскажется, что обвинять православное духовенство въ „клерикализмъ“ смѣшно!..

²⁾ Лишь г. Дорошевичу почему-то захотѣлось превратить этотъ походъ „*либеральной*“ же прессы противъ духовенства и „церковщины“ въ балаганный фарсъ („Россія“ за 18-е окт.)! Видно, нечѣмъ стало потѣшать публику—ну, а бумага, особенно газетная, все стерпитъ!..

Не стану останавливаться на вашемъ утвержденіи, что схизматики и еретики Франціи, Англіи, Германіи, Австріи смѣлѣе и справедливѣе относятся къ иновѣрнымъ христіанамъ, нежели православіе, потому что утвержденіе это скорѣе наивно, чѣмъ серьезно, ибо обосновано лишь на томъ, что заграницей издаются два православныхъ журнала, да выпущена лѣтъ 35 тому назадъ брошюрка: „Ex oriente lux!“.. Нѣтъ, для подобныхъ утвержденій мало процитировать только IV т. Аксакова, да и въ послѣднемъ найдется много данныхъ противъ себя!

„У насъ увѣряютъ, говорите вы, что есть свобода вѣрованія, только нѣтъ свободы исповѣданія“. Между тѣмъ „безъ послѣдней не можетъ быть первой. Вѣра въ сердцѣ зарождается и въ немъ обитаетъ. И „отъ избытка сердца уста глаголютъ“. Можно ли запечатать ихъ на живомъ образѣ человѣческомъ, не превративъ вѣры въ изувѣрство или не вытравивъ ея совсѣмъ изъ сердца? Думаю,—отвѣчаете вы,—что нельзя“.

Между тѣмъ въ слѣдующихъ за симъ строкахъ вы сами признаете за государствомъ право требовать отъ своихъ подданныхъ, чтобы послѣдніе отнюдь „не смѣли признаваться въ своей вѣрѣ ни ему, ни другимъ“?! Но вѣдь „признаніе“ въ вѣрѣ есть то же, что внѣшнее проявленіе ея, или исповѣданіе: словомъ—устами, дѣломъ и пр?! Значить, и вы допускаете возможность „вѣры“ и „вѣры свободной“, безъ открытаго или свободнаго исповѣданія ея!? Значить и по вашему „запечатаніе“ исповѣданія вѣры не есть еще „превращеніе вѣры въ изувѣрство или вытравленіе ея“?! Тогда съ кѣмъ же вы спорите и кого поучаете, если волей-неволей и сами впадаете въ ту же „ошибку“, которую якобы враги Церкви „выдаютъ за прямой обманъ“?!

Но остановимся на вашемъ заявленіи: „законодательство вправѣ говорить любому подданному: „ты можешь вѣрить во что хочешь и какъ хочешь, или совсѣмъ не вѣрить,—мнѣ все равно. Только не смѣй въ этомъ признаваться ни мнѣ, ни другимъ“. Но Церковь не можетъ повторять за нимъ тѣхъ же словъ. Больше: она не можетъ не сказать государству: Нѣтъ! Предоставь мнѣ, мнѣ единой на то уполномоченной, вѣдать дѣла совѣсти“...

Итакъ, значить, по новымъ законамъ, проектируе-

мымъ вами, государство и Церковь двѣ совершенно отдѣльныя области, не имѣющія между собой ничего общаго, и даже первое преслѣдуетъ вторую. Церковь вѣдаетъ только совѣсть человѣка и притомъ совѣсть внутреннюю, а государство—внѣшнія проявленія мысли, сердца и воли человѣка. Въ своей жизни первая руководится чисто-божескими законами, а второе—чисто человѣческими, или, такъ сказать, чисто-юридическими, не только чуждыми какого-либо вліянія религіи, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла, но и преслѣдующими ее, какъ скоро она изъ сердца человѣка переходитъ въ область государственную, или чисто-внѣшнюю.

Ничего подобнаго не только не говорили, но и думать не могли излюбленные нами авторитеты и, въ частности, И. С. Аксаковъ. Напротивъ, въ біографическомъ очеркѣ Ѳ. И. Тютчева Аксаковъ вполне соглашается съ мнѣніемъ Тютчева, что „образъ государства, совершенно отвергающаго всякое высшее освященіе, всякое отношеніе къ какому-либо *сверхчеловѣческому* нравственному началу, государства, объявляющаго себя бездушнымъ, а если и съ душою, такъ не знающею никакой вѣры, впервые предложенъ революціей¹⁾. Но это притязаніе на *нейтральность* не есть дѣло серьезное и искреннее со стороны революціи. Она слишкомъ хорошо знаетъ, что въ отношеніи къ ея противнику такая нейтральность невозможна: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня“. Уже для того, чтобы обратиться къ христіанству съ предложеніемъ нейтральности, надобно было перестать быть христіаниномъ. Для того, чтобы такое *безразличное* отношеніе было не ложью или западней, нужно бы, чтобы государство согласилось отнять у себя всякое значеніе *нравственнаго авторитета*, низвело себя на степень простого полицейскаго учрежденія, простого матеріальнаго факта, неспособнаго по самой своей природѣ выражать какую бы то ни было нравственную идею. Но, впрочемъ, революція и не думаетъ вовсе довольствоваться для государства, ею созданнаго по своему образу и подобию, такимъ смиреннымъ положеніемъ, ни осуждать его на бездушіе. Она изгоняетъ изъ государствъ признанныя господствующія религіи только потому,

¹⁾ Въ данномъ случаѣ революція пыталась снова воцарить въ христіанскомъ мірѣ языческое представленіе о государствѣ.

что замѣняетъ ихъ своею революціею, т. е. религіею безвѣрія“ (*La question Romaine et la papauté*—Ф. Тютчева). Къ этимъ словамъ Тютчева Аксаковъ, между прочимъ, добавляетъ: „христіанское общество, для котораго государство служить внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общенія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношенія къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ своего общественнаго существованія, которое не хотѣло съ ними считаться, не можетъ въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченномъ въ государственную форму, признать другой души, другого *нравственнаго* идеала, кромѣ той души и того идеала, которые оно само влагааетъ, не можетъ дозволить, чтобы эта форма, это государство творило бы само себя кумиромъ¹⁾. Начало государственное должно въ общественномъ сознаніи состоять въ отношеніи нравственнаго подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу“... Въ приведенныхъ словахъ И. С. Аксакова нельзя видѣть смѣшенія „Божескаго“, или церковнаго, съ „мірскимъ“, или государственнымъ. Необходимо помнить, что Аксаковъ признаетъ какъ бы двѣ Церкви, или, точнѣе, двѣ стороны одной и той же Церкви: во-1-хъ, Церковь внѣшнюю, или историческую, взятую и понимаемую со стороны обращенной къ исторіи человѣческой и, во-2-хъ, Церковь внутреннюю, *не отознаваемую внѣшними признаками*, но пребывающую въ церкви исторической и саму о себѣ, какъ истина, свидѣтельствующую, вѣчную Церковь Христову, сохраняющую для міра, для всѣхъ вѣковъ и народовъ, и возносящую *надъ нимъ* идеаль христіанскій во всей его чистотѣ и неумолимой строгости. Последняя-то Церковь и стоитъ внѣ дѣйствительной жизни; но Церковь историческая никогда не стояла внѣ дѣйствительной жизни. Съ воцареніемъ христіанъ на тронѣ кесарей ей потребовалось установить *modus vivendi* съ государствомъ, а „это такая задача, которую даже теоретически разрѣшить *не могло* человѣчество и до сихъ поръ“. И. С. Аксаковъ согласенъ съ мнѣніемъ о. Иванцова-Платонова, что „Церковь въ государствѣ есть *самостоятельный духовный* организмъ“, но также согласенъ съ о. Ив.-Платоновымъ и въ томъ, что, „изъ этого не слѣдуетъ, чтобы между государствомъ

¹⁾ Какъ то было въ языческомъ мірѣ.

и Церковью не было никакой связи, никакого взаимообщенія, какъ то пытаются установить на Западѣ "... „*Фактически никакъ нельзя* провести рѣшительнаго разобщенія между Церковью и государствомъ, когда Церковь и государство имѣютъ своими членами *однихъ и тѣхъ же живыхъ людей*. Напротивъ, *желательно*, чтобы между Церковью и государствомъ существовало возможно близкое взаимообщеніе, чтобы Церковь и государство помогали другъ другу въ осуществленіи задачъ и въ достиженіи цѣлей того и другого". „Русское государство, говоритъ тотъ же Аксаковъ, лучшими сторонами своего бытія, своимъ *внутреннимъ* единствомъ, цѣлостью и крѣпостью *духовной* обязано именно Церкви и іерархи православные были въ то же время и главными зиждителями нашего *государственного* строя и величія, но имъ противно было *политическое* властолюбіе". И такой порядокъ И. С. Аксаковъ не только не осуждаетъ, но, напротивъ, считаетъ его согласнымъ съ духомъ Церкви Христовой и залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. „Наши цивилизованные „націоналы“,—говоритъ онъ,—стыдятся эпитета „Русь *святая*“ и всячески „стараются доказать, что этого эпитета не существуетъ!!!“ Но вотъ что пишетъ германскій профессоръ Овербекъ: „упрекъ, дѣлаемый Россіи въ томъ, что у русскихъ *народность* и *Церковь* сливаются вмѣстѣ—утвержденіе довольно правильное; но это вовсе не можетъ быть поставлено ей въ упрекъ, а въ *преимущество*. Что именно безотрадно для насъ, бѣдныхъ германцевъ, это то, что наше народное чувство пристегнуто къ какому-то отвлеченному, безжизненному понятію: „Германія“. И этотъ конгломератъ раздѣльныхъ частей еще *раздвоенъ сердцемъ—въ религіи*! Первое условіе для единства Германіи — есть *единство вѣры*... Мы охотно готовы допустить, что въ Россіи много недостатковъ, что она нуждается еще во многихъ преобразованіяхъ, — но она—съ *религіей тѣсно связанное государство*, и это ея *превосходство*. Государство чтитъ религію, религія чтитъ государство, и *ихъ интересы взаимно сливаются*. Франція обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но она зиждется не на религіи, а на *gloire* (славѣ)! Англія обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но и она зиждется *не на религіи*, а на *идеѣ свободы*! Россія же зиждется на вѣрѣ, — оттого и великою будетъ ея будущность"... „И это говоритъ,—доба-

вляеть И. С. Аксаковъ,—нѣмецъ, профессоръ, протестантъ и напечатано это по-нѣмецки, въ Галле! Не то же ли это самое, что высказывается во всѣхъ сочиненіяхъ Хомякова, К. Аксакова, Кирѣевского, какъ голосъ народнаго самосознанія, и что подавало и еще подаетъ такой обильный поводъ къ глумленію въ нашей цивилизованной публикѣ? Эта связь Церкви съ государствомъ въ Россіи настолько велика, что „православная вѣра въ ней есть общественное и бытовое начало и проникаетъ собою историческое бытіе русскаго народа; безъ разумѣнія духовноисторическаго элемента Россіи невозможно ясное разумѣніе самой Россіи и ея, повидимому, чисто внѣшнихъ, даже политическихъ обстоятельствъ“. Такимъ образомъ И. С. Аксаковъ, вмѣстѣ съ другими славянофилами, *ратуетъ* за тѣсную связь Церкви съ государствомъ, безъ нарушенія самостоятельной той и другого, и видитъ въ этомъ залогъ будущаго процвѣтанія Россіи и русской Церкви. При такомъ взаимоотношеніи Церкви и государства между послѣднимъ и его подданными существуетъ единеніе не только внѣшнее, чисто-юридическое, такъ сказать, „за страхъ“, каково единеніе государства съ иновѣрными подданными, но и внутреннее, духовное—„за совѣсть“! И, думается, нѣтъ необходимости доказывать важность и преимущества именно послѣдняго единенія и его полное согласіе съ ученіемъ Христа. Не то же ли самое говорилъ и почившій В. С. Соловьевъ: „чтобы возродить все человечество, христіанство должно проникнуть не только его личныя, но и общественныя стихіи. Богочеловѣческая связь должна быть восстановлена не только индивидуально, но и *собирательно*. Какъ божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ Церкви, такъ чисто-человѣческая стихія имѣетъ подобное же выраженіе въ государствѣ и, слѣдовательно, богочеловѣческая связь выражается собирательно *въ свободномъ сочетаніи* Церкви и государства, причемъ это послѣднее является уже какъ *христіанское государство*“¹⁾.

Ну, а какъ же г. Стаховичъ назоветъ то государство, которое его же словами скажетъ своимъ подданнымъ: „ты можешь вѣрить, во что хочешь и какъ хочешь, или совѣмъ не вѣрить,—мнѣ все равно. Только не смѣй въ этомъ при-

1) См. „Духовныя основы жизни“, изд. 3-е. 158—159.

знаваться ни мнѣ, ни другимъ?!“ Я думаю, что отнюдь не „христіанскимъ“ и даже вообще не „вѣрующимъ“, а „безвѣрнымъ“,—и трудно понять, какимъ образомъ г. Стаховичъ въ своихъ сужденіяхъ опирался на авторитеты славянофиловъ и В. С. Соловьева!.. Невольно приходитъ на память г. Григорій Градовскій въ связи съ славянофильской статьей, напечатанной въ № 57 «Русь» за 1881 г.!

Но если государство г. Стаховича не *«христіанское»*, то какое же? Отвѣтъ найдемъ въ словахъ того же И. С. Аксакова: «извѣстно, пишетъ онъ, что по новѣйшимъ западнымъ теоріямъ ¹⁾, затверженнымъ и повторяемымъ слово въ слово и нашими антиподами западнаго либерализма, — «религія есть только личное, субъективное чувство», до котораго не только государству, но и обществу никакого нѣтъ дѣла, такъ какъ государство по существу своему безвѣрно, а общество-де, какъ общество, не должно имѣть никакого вѣроисповѣданія: религіозные интересы касаются лишь отдѣльных лицъ, которыя, пожалуй, могутъ, ради ихъ слагаться въ нѣкоторыя группы,—но все же эти интересы принадлежать къ категоріи частныхъ, а не государственныхъ и не общественныхъ интересовъ»... Не то же ли самое говорить г. Стаховичъ? Да, отвѣчаемъ, то же и даже еще строже: западныя теоріи допускаютъ («пожалуй могутъ»...), а онъ говоритъ: *«не смѣй признаваться»!*.. Къ чему же играть въ прятки и расточать фальшивую словесность: на словахъ кричать: «до цивилизаціи и прогресса (разумѣю *западныхъ*) намъ дѣла нѣтъ, а въ сущности доводить требованія этого «прогресса» до логическаго конца! Или это также въ духѣ западной «свободы совѣсти»? Не лучше ли говорить прямо, чего хотите? Вотъ г. Н. Дурново откровенно сознается, что ненавидитъ онъ духовенство за то, что государство якобы стремится смѣнить упавшее дворянство духовенствомъ и,

¹⁾ Замѣчательно, что и всѣ защитники г. Стаховича въ прессѣ указывали именно на *Западъ*, на его цивилизацію, прогрессъ и пр., какъ на достойный подражанія примѣръ. Такъ высказались «Русскія Вѣдомости» (№ 289), «Петерб. Вѣд.» и другія; за исключеніемъ, впрочемъ, статьи Н. Дурново: «О свободѣ совѣсти» («Пет. Вѣд.» № 287), въ которой послѣдній сдѣлалъ оч. важное и для нелюбимыхъ имъ миссіонеровъ ограниченіе „свободы совѣсти“—именно „свободы пропаганды“... Такія указанія прессы, пожалуй, и неумѣстны, потому что г. Стаховичъ въ докладѣ отказался отъ цивилизаціи и пр.?!!

отнявъ у дворянства власть надъ крестьянами, отдало послѣднихъ якобы въ матеріальную кабалу духовенству?!.. При такой откровенности ясны и вылазки г. Новикова противъ церковныхъ школъ ¹⁾, да и вообще противъ русской Церкви!..

Но продолжимъ логическій выводъ изъ теоріи «государства», предлагаемой г. Стаховичемъ. На столь любимомъ имъ Западѣ «государство, по словамъ Аксакова же, далеко не безвѣрно. Какъ ни бьется оно,—все же оно не въ силахъ вполне освободить себя отъ стихій религіозной, хотя бы въ отрицательномъ смыслѣ. Оно — вѣроисповѣдное государство, но исповѣдуетъ вѣру въ атеизмъ, творитъ себѣ кумиромъ себя самого и себѣ поклоняется. Въ языческомъ мірѣ не существовало, *внѣ государства*, высшаго идеала общежитія; государство было для него выраженіемъ высшей истины. Само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, само олицетворенное божество, такое государство (каковымъ былъ Римъ) стало уже немислимо въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, открывъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе *внѣ* государства и высшій идеалъ вселенскаго единства въ Церкви, отвело государству настоящее, подобающее ему мѣсто, ограничило его значеніе значеніемъ «царства отъ міра», указало предѣлы воздаянія «цесарю», однимъ словомъ, поставило надъ цесаремъ Бога и провозгласило то высшее, божественное начало, которому подчинена личная совѣсть и правящихъ и управляемыхъ, а слѣдовательно, *подчинено нравственно и государство* и всякій иной видъ человѣческаго общежитія. Въ наши дни, именно на Западѣ, мы видимъ попытку «цесаря» (этотъ образъ лишь олицетвореніе идеи государства) раздвинуть предѣлы того, что ему отведено, и захватить то, что принадлежитъ «Богowi». Онъ не мирится съ мыслью, что надъ нимъ есть Богъ—Царь царствующихъ; онъ не терпитъ надъ собою никакого высшаго начала и стремится поѣтому вытѣснить Бога, Церковь, а съ ними и душу и совѣсть, замѣнить ихъ исключительно «правовымъ порядкомъ» ²⁾... внести правовое, юридическое, государственное начало повсюду».

¹⁾ Въ послѣднихъ №№ „Россіи“.

²⁾ Такой чисто-юридической точки зрѣнія при рѣшеніи вопроса о „свободѣ совѣсти“ и взаимномъ отношеніи между Церковью и госу-

Такое же государство въ его отношеніи къ Церкви рекомендуетъ намъ и г. Стаховичъ, волей или неволей подражая и другимъ «нашимъ легкомысленнымъ либераламъ». Последніе очень часто и не отдають себѣ полного отчета въ значеніи этого явленія на Западѣ. Имъ кажется даже, что почва у насъ для такой проповѣди вполне благоприятная!.. И вспоминаются здѣсь слова въ Бозѣ почившаго В. С. Соловьева: «народъ самъ по себѣ всегда относился правильно и къ Церкви, и къ государству, и къ другимъ классамъ; онъ всегда исполнялъ свое назначеніе, воздѣлывалъ землю для общей пользы, сохраняя вполне свою солидарность съ высшими религіозными и гражданскими интересами, а лучшіе люди—общественные дѣятели и вожди народа, показатели пути — вмѣсто того, чтобы быть свободными служителями государства и Церкви, слишкомъ часто хотѣли быть господами во всемъ и надъ всѣмъ»!..

Но пойдѣмъ далѣе. «Меня спросятъ, говоритъ ораторъ: чего же вы хотите? Разрѣшенія не только безнаказаннаго отпаденія отъ православія, но и право безнаказаннаго исполненія своей вѣры, т. е. совращенія другихъ?»¹⁾ И я (т. е. ораторъ) отвѣчу: *«да. Только это называется свободой совѣсти»*.

дарствомъ держался, между прочимъ, и „Вѣстникъ Европы“, когда по поводу возникшихъ о семъ въ 1876 г. въ „Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія“ въ СПБ. преній, высказался: „развѣ можно рѣшать подобные вопросы, ссылаясь на апостольскія посланія?“ Очевидно, болѣе тонкіе господа считаютъ еще пока невозможнымъ игнорировать эти „посланія“, но зато безцеремонно извращаютъ ихъ!

¹⁾ Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ ораторомъ и, по его примѣру, отождествить „исповѣданіе“ вѣры съ „совращеніемъ“ въ нее другихъ! Въ этомъ отношеніи кроется глубокая ошибка, дающая самый сильный поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ на правосл. Церковь. И что всего удивительнѣе, когда гг. обвинители стараются усилить впечатлѣніе отъ своихъ филиппикъ, то они, какъ бы нарочито, сливаютъ оба понятія, и доказательства приводятъ въ пользу именно „исповѣданія“, а не „совращенія“ такъ какъ первое несравненно легче доказать имъ, а второе какъ-то не вмѣщается *струющимъ* сердцемъ!.. На самомъ же дѣлѣ „исповѣданіе“ вѣры не только не есть „совращеніе“ въ нее другихъ, но и существуетъ вполне самостоятельно и есть не актъ направленный на другихъ, а личное общеніе человѣка съ Богомъ. Напр., у насъ магометане и евреи пользуются свободой „исповѣданія“, но не „совращенія“, что недопустимо при тождествѣ этихъ понятій.

Какъ, однако, г. Стаховичъ почти на каждомъ шагу противорѣчить себѣ?. Только что онъ говорилъ, что государству нѣтъ никакого дѣла до внутренней вѣры своихъ подданныхъ, и что послѣдніе даже «не смѣютъ признаваться въ своей вѣрѣ ни государству, ни другимъ», а теперь требуетъ отъ того же государства: во 1-хъ, *разршенія* всѣмъ подданнымъ безнаказанно *исповѣдывать* свою вѣру; во 2-хъ, безнаказанно *«сворачивать»* другихъ, не исключая и тѣхъ, кои объединены съ своимъ государствомъ внутренне, духовно—т. е. одной вѣрой и, въ 3-хъ, безнаказанно *переходить* изъ одной вѣры въ другую, не исключая и перехода изъ православія въ иныя вѣры!.. Но опустимъ эти частности, хотя и немаловажныя. Въ общемъ, государство г. Стаховича сохраняетъ свой прежній типъ: это—государство *нейтральное*, т. е. *одинаково*, или *безразлично* относящееся къ вѣрѣ своихъ подданныхъ. Мы уже говорили, что такой типъ стараются принять, хотя и безуспѣшно, западно-европейскія государства и указывали послѣдствія такихъ стремленій. Теперь же добавимъ, что тамъ—на Западѣ—такія стремленія вытекаютъ изъ *чисто-юридическаго* взгляда на государство, какъ на институтъ исключительно внѣшне-правовой, который въ своемъ законодательствѣ преслѣдуетъ правду только формальную—чисто человѣческую, чуждую какихъ-либо религіозныхъ элементовъ. Но такъ какъ ни одинъ юридическій вопросъ, или отношеніе нельзя себѣ представить безъ лежащихъ въ его основѣ *нравственныхъ* элементовъ, то и государство, будучи юридическимъ институтомъ, въ то же время есть и *нравственный* институтъ. А если даже такое государство чуждо религіи, то и нравственность его опирается не на религію, а на основанія чисто натуралистическихъ, каковой и является нравственность, предлагаемая «либералами» и г. Стаховичемъ! ¹⁾ Но можно ли рекомендовать *христіанскому* государству обосновывать свои отношенія къ подданнымъ на требованіяхъ натуралистической нравственности? Да и

¹⁾ Практический выводъ отсюда, столь желаемый „нашими либералами“,—изгнаніе, по принципу ихъ „свободы совѣсти“, закона Божія изъ народной казенной школы, а, слѣдовательно, и отнятіе такой школы изъ рукъ духовенства... Завѣты Писарева хранятся крѣпко!.. Посему мы и видимъ, какъ разныя партіи идутъ *разными* путями къ общей цѣли, пока *общій врагъ* не сбить; ну, а послѣ будетъ борьба уже между ними.

можно ли требовать отъ подданныхъ—христіанъ подчиненія такой нравственности? Отвѣтъ на это можно найти въ уже приведенныхъ нами словахъ И. С. Аксакова, по которымъ не государство, а «христіанское общество, для котораго государство служить внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія», вправе требовать отъ своего государства признанія именно *его души, его нравственного идеала, а не другого*... «Христіанство,—говоритъ В. С. Соловьевъ,—прійди въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра — государство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія—это добровольное служеніе высшей цѣли—т. е. Царству Божію. Оно призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра *подъ знаменемъ Церкви* и требуетъ, чтобы оно проводило въ *политическую и международную жизнь* нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздавало его по образу и подобию Церкви Христовой. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель *всѣхъ правъ*, какъ языческій кесарь,—онъ, главнымъ образомъ, есть носитель *всѣхъ* обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ. А Церковь должна освящать и *черезъ посредство христіанскаго государства* преобразовывать всю *естественную, земную жизнь народа и общества*. Если же христіанское государство немислимо безъ христіански-нравственного элемента, проникающаго его законы, то само собою понятно, что оно не можетъ быть «*безразличнымъ*» и къ источнику христіанской нравственности — христіанской вѣрѣ и къ хранительницѣ вѣры — св. православной Церкви. Напротивъ, эта Церковь должна пользоваться *полною свободой* въ своей дѣятельности и самымъ широкимъ покровительствомъ православнаго государства и вправе требовать отъ послѣдняго, чтобы ея интересы отнюдь не были чуждыми и посторонними для него. Отсюда уже ясно, какъ христіанское государство должно относиться къ тѣмъ, которые всячески стараются «*свертывать*» въ иныя вѣры его подданныхъ, объединенныхъ съ нимъ одною вѣрою, и тѣмъ причинить ущербъ ему ¹⁾, Церкви

¹⁾ Нужно разумѣть здѣсь вредъ двойной: во-1-хъ, вредъ чисто-духовный, или общій съ Церковью, и во-2-хъ, вредъ собственно государственннй, когда, запрещеніемъ духовной связи съ государствомъ, ослабляется связь подданныхъ съ нимъ.

и даже совращаемому; ясно и то, какъ то же государство должно относиться и къ тѣмъ, кои *лицемѣрно*, и къ тѣмъ, кои *искренно* пребываютъ въ *духовномъ* общеніи съ нимъ — отрицаться *такого* общенія съ первыми и укрѣплять его съ послѣдними; ясно, наконецъ, и то, какъ *христіанское* государство должно относиться и къ тѣмъ своимъ подданнымъ, которые *исповѣдываютъ* инныя вѣры — предоставить имъ *свободу исповѣданія*, но безъ всякаго ущерба своимъ христіанскимъ и государственнымъ интересамъ и безъ всякаго содѣйствія ихъ собственно религіознымъ нуждамъ, какъ, напр., содержаніе на государственный счетъ католическаго высшего и низшаго и протестантскаго высшего духовенства, служителей Магомета, еврейскихъ раввиновъ и пр....

Но пойдемъ далѣе. „Только при разрѣшеніи безнаказаннаго отпаденія и безнаказаннаго совращенія другихъ“, не исключая и православныхъ, можетъ „жить и дѣйствовать, спасать и спасаться, вѣра истинная и неистинная, обращаема и обращающая“—говорить г. докладчикъ.

Какимъ образомъ можетъ спасать и спасаться вѣра „*неистинная*“, въ чемъ тогда отличіе вѣры истинной отъ неистинной, въ чемъ—самое спасеніе и, наконецъ, нужна ли Тогда и самая вѣра?!!—вотъ вопросы, невольно и строгологически вытекающіе изъ приведенныхъ словъ оратора!.. Мы знаемъ, что „нѣсть бо иного имене подѣ небесемъ, даннаго въ челоувѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ“, кромѣ имени Іисуса Христа и что „спасенъ будетъ“ лишь тотъ, кто „вѣру имѣетъ въ Него и крестится“,—такъ учить насъ Слово Божіе!.. Знаемъ и то, что не такъ учить „современный прогрессъ“ или „либерализмъ“. Послѣдній не допускаетъ въ государствѣ какой-либо *господствующей* религіи и вытекающей изъ нея нравственности, потому что считаетъ совершенно излишнимъ для государства сохраненіе тѣхъ воззрѣній, чувствъ и нравовъ, которыя образовались и поддерживаются въ его подданныхъ этою религіею. Онъ не признаетъ эти воззрѣнія *истинными* и эти нравы *добрыми*. А такъ какъ онъ далѣе требуетъ отъ того же государства *одинаковаго* отношенія ко *всѣмъ* религіямъ, то, слѣдовательно, и всѣ религіи онъ не признаетъ истинными. Всякая религіозная вѣра, съ точки зрѣнія „либерализма“, есть суевѣріе, обманъ, заблужденіе, и потому нужно стремиться къ тому,

чтобы всякая религія утратила, наконецъ, свою власть и господство надъ умами. Лично же для „либерализма“ нѣтъ никакой вѣры, а, слѣдовательно, нѣтъ и спасенія въ религіозномъ смыслѣ! Такимъ образомъ, мы видимъ, что г. ораторъ остался вѣренъ все тому же „либерализму“ и во взглядѣ на отношеніе Церкви къ государству, и во взглядѣ на религію. Казалось бы, что если „вѣра *неистинная* можетъ жить и дѣйствовать“ лишь при „разрѣшеніи ей *совершенія* другихъ“, то ревнителю „вѣры истинной“ остается логически признать необходимость *запрещенія* такого „совершенія“. Но не такъ разсуждаютъ „либеральные“ ревнители „вѣры истинной“ и ссылаются въ свое оправданіе на „либеральный“ принципъ „свободы совѣсти“ и съ той же цѣлью отождествляютъ „исповѣдываніе“ вѣры съ „совершеніемъ“ въ нее другихъ!.. Sapiienti sat!..

Далѣе, г. Стаховичъ предлагаетъ уголовному закону „каратъ проступки“, совершенные по мотивамъ „вѣроисповѣднымъ“ или религіознымъ, не обращая вниманія на религіозную психику преступника!.. Но вѣдь это было бы равносильно возврату ко временамъ варварства, когда внутренніе мотивы преступленія не были извѣстны языческому міру, и законъ каралъ лишь голый фактъ преступленія!.. Не въ томъ ли достоинство христіанской юриспруденціи, что послѣдняя, при оцѣнкѣ преступленія, открыла новый источникъ его, цѣлый міръ — міръ внутренняго человѣка?! Не объ этомъ ли мірѣ чувствъ, мірѣ сердца, мірѣ вѣрованій говорятъ лучшіе юристы на судахъ, когда предъ лицомъ судей стоитъ загадочный преступникъ?! Развѣ справедливо будетъ, когда уголовный законъ станетъ равно наказывать и того, кто оскорбилъ другого по чувству мести, и того, кто сдѣлалъ то же, но по чувству религіознаго фанатизма?! Прочтите, г. Стаховичъ, внимательнѣй В. С. Соловьева — и вы увидите, что его замогильный голосъ вопить о томъ же!..

Вамъ не нравится ст. 1006-я XVI-го т.: вы видите въ ней „коварство“ гражданской власти по отношенію къ духовной и съ цѣлью оправдать себя привели лишь *отрывокъ* изъ этой статьи! А на самомъ дѣлѣ здѣсь не „коварство“ и не „власти суетной, земной“, а искреннее братство и власти Божьей, и Руси святой!.. Изъ *полнаго* текста означенной статьи усматривается, что „преслѣдовать за сектаторство“.

равно и *производить предварительное уголовное слѣдствіе* по этимъ дѣламъ можетъ и должно одно только *судебное вѣдомство*. Если же „начатіе“ слѣдствія судебнымъ вѣдомствомъ зависить отъ требованія духовнаго начальства, то это потому, что „не можетъ быть рѣчи о *начатіи* уголовного слѣдствія, когда даже приблизительно не рѣшенъ вопросъ, преступно ли самое событіе, о которомъ идетъ рѣчь“, т. е., есть ли въ извѣстномъ случаѣ сектанство“. Отсюда, духовное начальство является здѣсь лишь *экспертомъ*, къ содѣйствію котораго прибѣгаетъ гражданская власть, и отнюдь не считаетъ себя въ положеніи „коварно“ обманутой послѣдней, тѣмъ болѣе, что и „кары по дѣламъ вѣры“ налагаетъ не она, а Судебное вѣдомство и по своему усмотрѣнію! Такой *экспертный* характеръ права, представленнаго духовному начальству 1006 ст., подтверждается и слѣдующей 1007 ст., по которой и „начатіе“ предварительнаго уголовного слѣдствія по указаннымъ въ 1006 ст. дѣламъ, но носящимъ въ себѣ *явные слѣды преступленія*, какъ, напр., скопчество, зависить отъ судебного вѣдомства.

Я не буду останавливаться на разборѣ непростительно извращенныхъ въ докладѣ г. Стаховича словъ о. Переверзева и выдержекъ изъ „Миссіонерской Памятки“. То, что было въ 80-мъ году, г. Стаховичъ приписалъ современному миссіонерству и притомъ тамъ, гдѣ о миссіонерахъ не было еще и слуху, да и фактъ самый исказилъ!.. Далѣе § 18 изъ „Миссіонерской Памятки“ имѣлъ цѣлью *устранить* священниковъ отъ сношеній съ полицейскими властями по судебнымъ дѣламъ противъ раскольниковъ и поставить ихъ въ непосредственное сношеніе по симъ дѣламъ съ епархіальнымъ начальствомъ, почему въ томъ же § и поставлено курсивомъ: „*только чрезъ епархіальное начальство*“, — г. Стаховичъ намѣренно перенесъ центръ тяжести на другія слова, и получилось у него, что „Миссіонерская Памятка“ „предписываетъ *возбуждать* судебныя дѣла противъ раскольниковъ“?! Но sapienti sat!..

Епархіальный миссіонеръ *Иванъ Айвазовъ*.

Единовѣріе и унія ¹⁾).

II.

Чтобы полнѣе представить и всестороннѣ раскрыть истинный смыслъ и содержаніе единовѣрія и уніи, какъ церковно-историческихъ явленій, чтобы вѣрнѣе указать пункты ихъ сходства и различія, необходимо еще обратиться къ ихъ исторіи. Эта откроетъ намъ, съ одной стороны, какъ относилось къ единовѣрію русское церковное правительство, какъ оно смотрѣло на него, и съ другой—какъ смотрѣло и относилось къ уніи католичество. Изъ этихъ отношеній и взглядовъ для насъ ясно будетъ, что такое единовѣріе для русской Церкви, и что такое унія для католичества? Самостоятельныя ли они церковно-историческія явленія, сами въ себѣ, при одномъ лишь благодатно іерархическомъ единеніи съ русской Церковью или съ католичествомъ, носящія условія своего благодатнаго существованія, или они только переходныя ступени отъ несовершеннаго къ совершенному?

Шестнадцать пунктовъ единовѣрія, обусловливавшихъ единеніе единовѣрцевъ съ русскою Церковію, какъ извѣстно, въ нѣкоторой степени ограничивали самостоятельность и независимость единовѣрія, а въ глазахъ нѣкоторыхъ даже и набрасывали нежелательную и непріятную рѣчь на единовѣріе. Такое ограниченіе было дѣломъ на первыхъ порахъ существованія единовѣрія естественнымъ и неизбѣжнымъ, когда многіе изъ искавшихъ единенія съ Церковію искали его неискренно, когда они стремились добиться лишь іерархіи себѣ, чтобы потомъ не признавать за русскою Церковію ни истины православія, ни авторитета для себя, когда они сами на единовѣріе смотрѣли лишь какъ на ступень, на средство къ тому, чтобы, заручившись законной іерархіей, зажечь хотя и спокойной, но незаконной канонической жизнью. Но вотъ, когда сами единовѣрцы начали измѣнять свое

¹⁾ Окончаніе, см. „Мисс. Об.“ ноябрь, стр. 502—512.

прежнее лицемѣрное отношеніе къ русской Церкви, когда они стали мало-по-малу становиться истинными единовѣрцами, начали увеличиваться и расширяться права ихъ и полномочія церковно-религіозныя. Русскимъ церковнымъ правительствомъ за столѣтній періодъ существованія единовѣрія издано съ этою цѣлю не мало распоряженій и изъясненій. Всѣ ихъ можно подраздѣлить на два разряда: одними утверждались права и привиллегіи, уже дарованныя въ пунктахъ 1800 г., но со стороны кого-либо нарушавшіяся, другими — расширялось прежде данное и приобрѣталось новое.

Когда въ 1807 г. тверской епископъ Мееодій вознамѣрился было потребовать отъ старостъ единовѣрческихъ церквей той же отчетности, какую обязаны сдавать старосты православныхъ храмовъ, потребовалъ, конечно, въ интересахъ самихъ же единовѣрцевъ, — Св. Синодъ, по донесенію единовѣрцевъ, указомъ отъ 26 іюня 1808 г. отклонилъ это требованіе преосвященнаго и изъяснилъ, что онъ „полагаетъ оставить единовѣрцевъ на томъ же основаніи, на коемъ они нынѣ находятся“. Въ 1836 г. опять отъ Св. Синода дано было знать епархіальнымъ архіереямъ, „чтобы благочинные ни подъ какимъ предлогомъ не стѣсняли внутренняго богослуженія единовѣрческихъ церквей... и чтобы въ отношеніи завѣдыванія сихъ церквей преосвященные сообразовались съ Высочайше утвержденными въ 1800 г. правилами митрополита Платона о единовѣрцахъ“. Въ 1845 же году права и привиллегіи единовѣрцевъ были подтверждены весьма обширнымъ указомъ. Въ немъ читаемъ: „Подтвердить всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, чтобы касательно способа управленія единовѣрческихъ церквей наблюдали они непремѣнно и со всею точностію за исполненіемъ Высочайше утвержденныхъ въ 1800 г. правилъ митрополита Платона, чтобы по сему ни въ богослуженіи единовѣрцевъ, ни въ церковно-хозяйственномъ порядкѣ, ни вообще въ обычаяхъ, Церковію дозволяемыхъ, не допускалось никакого имъ стѣсненія и не дѣлаемо было никакихъ нововведеній, чтобы въ дѣлахъ единовѣрческихъ церквей не было допускаемо никакого участія духовныхъ консисторій, ни другихъ духовныхъ начальствъ, кромѣ одного преосвященнаго, и чтобы преосвященный всѣ таковыя дѣла непремѣнно разрѣшалъ самъ; для исполненія же своихъ распоряженій и для ближайшаго надзора за еди-

новѣрческимъ духовенствомъ и паствою назначать благочиннаго изъ среды того же духовенства“.

Распоряженія русской церковной власти, расширявшія права и полномочія единовѣрія, также были двоякаго рода: одни касались внѣшней стороны, другія—внутренней жизни въ единовѣріи. Изъ первыхъ должно отмѣтить слѣдующія: въ 1847 и 1853 гг. единовѣрческое духовенство въ его правахъ и положеніи въ государствѣ уравнено было съ православнымъ. На постройку единовѣрческихъ церквей съ 30-хъ годовъ XIX столѣтія выдавались немалыя субсидіи изъ государственной казны. Въ 1818 г. разрѣшено было единовѣрцамъ устроить въ Москвѣ свою собственную типографію для печатанія только въ ней одной и подъ высшимъ только наблюденіемъ московскаго митрополита богослужебныхъ и другихъ книгъ изданія первыхъ пяти патріарховъ. Наконецъ, единовѣрцамъ позволено было имѣть свои собственныя единовѣрческія школы для обученія въ нихъ ихъ дѣтей по старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей и разнотченій въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, какія встрѣчаются въ тѣхъ книгахъ.

Мѣропріятія духовной власти, касающіяся внутренней стороны жизни единовѣрія, направлялись къ расширенію того, въ чемъ выражалось со стороны русской Церкви ограниченіе или даже недовѣріе къ единовѣрцамъ. Такими пунктами были пятый, позволявшій присоединеніе къ единовѣрію только для раскольниковъ отъ рожденія, и одиннадцатый, ограничивавшій возможность пріобщенія св. Таинъ для православныхъ въ единовѣрческихъ церквахъ случаями крайней необходимости. Объ ослабленіи этихъ пунктовъ единовѣрцы начали ходатайствовать едва ли не съ первыхъ же лѣтъ существованія единовѣрія. И церковная власть съ 30-хъ годовъ, мало-по-малу, по степени удаленія единовѣрцевъ отъ раскольниковъ, расширяетъ эти пункты и упраздняетъ ихъ ограниченіе. И вотъ, въ 1881 году Св. Синодъ особливимъ опредѣленіемъ сдѣлалъ уже слѣдующія дополненія къ пунктамъ 1800 г.: 1) онъ предоставилъ дѣтей, рожденных отъ браковъ православныхъ съ единовѣрцами, крестить по желанію родителей въ православной или единовѣрческой церкви; равнымъ образомъ и другія таинства принимать въ той и въ другой церкви; 2) 5 пунктъ правилъ 1800 г.

дополнилъ разъясненіемъ, что разрѣшилъ присоединеніе къ единовѣрію тѣмъ изъ записанныхъ православными, кои не менѣе пяти лѣтъ не были у исповѣди и не приобщались св. Таинъ въ православной Церкви; 3) не встрѣтилъ онъ препятствій и къ тому, чтобы православные обращались къ единовѣрческимъ священникамъ для исполненія христіанскаго долга исповѣди и св. причащенія, хотя, впрочемъ, и ограничилъ это обращеніе особо уважительными случаями и съ тѣмъ притомъ, чтобы подобное обращеніе не служило поводомъ къ перечисленію въ единовѣріе.

Оставленные въ этомъ опредѣленіи Св. Синода нѣкоторыя незначительныя ограниченія для единовѣрцевъ, на практикѣ, въ жизни, почти нигдѣ не соблюдаются. Теперь православные и единовѣрцы такъ близко стоятъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ, что посѣщеніе ими тѣхъ или другихъ храмовъ, участіе въ таинствахъ ихъ есть вопросъ лишь только благоустройства жизни приходской, и гдѣ эта послѣдняя не страдаетъ, тамъ оно практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ¹⁾.

Итакъ, чѣмъ болѣе жило единовѣріе, тѣмъ все болѣе и болѣе расширялись его права и преимущества, тѣмъ все болѣе и болѣе возстановлялось духовное общеніе и родственная связь у старообрядства съ русскою Церковью, что было потеряно имъ чрезъ расколъ XVII столѣтія. Русская же церковная власть, допускавшая и разрѣшавшая эти расширенія и дополненія, тѣмъ самымъ ясно свидѣтельствовала, что она далека отъ желанія уничиженія единовѣрія, какъ старообрядчества временъ патріарха Іосифа, и сліянія его съ собою черезъ единство въ обрядахъ, книгахъ и т. п. Значить, по ея взгляду, засвидѣтельствованному вѣковой жизнію единовѣрія, это—не есть лишь ловушка или переходная ступень отъ неистиннаго и ложнаго къ истинному и спасительному; по ея взгляду, единовѣріе само по себѣ поскольку оно пребываетъ въ благодатно-таинственномъ и іерархическомъ общеніи съ русскою Церковію, заключаетъ въ себѣ возможность полученія спасенія для чадъ его, — одинаково спасительно пребываніе въ единовѣрії православномъ, какъ и въ Церкви

¹⁾ Подробности см. въ моей книгѣ „Единовѣріе за время столѣтняго существованія его“, гл. II и V.

православной, потому что первое не есть отдѣльное что-либо отъ второго, а та же православная Церковь, только съ иными обрядами и богослужебными книгами.

Что же теперь мы находимъ въ исторіи уніи! Въ какихъ отношеніяхъ къ ней находилось католичество? Какими взглядами на нее руководствовалось оно?

Условія, на какихъ была заключена унія, представляли, какъ мы видѣли, слишкомъ много свободы и отдѣльности отъ католичества для уніи; единымъ у нихъ было почти одно признаніе главенства папы. Но вся исторія уніи есть показатель постояннаго, хотя и постепеннаго, ограниченія этой свободы, все большаго и большаго приближенія уніи къ католичеству до желанія сліянія съ послѣднимъ.

Заправлявшіе уніей іезуиты, католическіе епископы и польскіе короли поставили уніатамъ прежде всего епископами и митрополитами чистыхъ католиковъ по вѣрѣ и убѣжденію. Въ помощь такимъ епископамъ былъ учрежденъ базилианскій монашескій орденъ, построено нѣсколько базилианскихъ монастырей, въ которые поступали тѣ же іезуиты. Они строили школы, въ коихъ воспитывали будущихъ священниковъ уніатскихъ такъ, что тѣ забывали языкъ свой родной и славянскій, говорили по-польски, служили по книгамъ, часто писаннымъ латинскими или польскими буквами вмѣсто славянскихъ. Проповѣдь уже начинали произносить по-польски, церковные акты вести на польскомъ языкѣ. Для такихъ священниковъ не трудно было и богослужебныя книги измѣнять: въ нихъ дѣлались латинскія вставки. Въ символѣ вѣры вставили ложное ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, измѣнили Херувимскую пѣснь. Церкви передѣлывали на костелы; по бокамъ въ нихъ, у стѣнъ ставили исповѣдальни, престолы, — совершали въ нихъ тихую (читанную) мшу (обѣдню), какъ въ костелѣ; иконостасы уничтожили; заводили органы, колокольчики, скамейки и, такимъ образомъ, старались, чтобы не было никакой разницы между костеломъ и Церковію, и между вѣрой уніатской и католической!

Уніатскихъ епископовъ и митрополита король польскій и паны не пускали въ сенатъ, какъ было обѣщано ранѣе. А латинскій синодъ въ Красноставѣ 1643 г. постановилъ, чтобы уніатскіе епископы не назывались преосвященными.

Посты уніатскіе считались жидовскими, календарь—неистиннымъ. Церкви уніатскія назывались синагогами, таинства, какъ совершаемыя женатыми священниками, скверными. Въ 1720 г., съ разрѣшенія папы, состоялся въ Замостьѣ духовный соборъ, подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція Гримальди и въ присутствіи уніатскихъ митрополита и епископовъ. Соборъ этотъ призналъ законными всѣ латинскія вставки въ богослужебныхъ уніатскихъ книгахъ и всѣ католическія измѣненія въ уніатскихъ церквахъ. Во исполненіе его постановленій уніатскіе епископы стали одѣваться подобно католическимъ и брить бороду. Дѣтей всюду стали крестить въ католическую вѣру. Прежнія имена и фамиліи уніатовъ при записи на исповѣди и при вѣнчаніи браковъ передѣлывали въ католическія и польскія. Результатомъ всей этой насильственной латинизаціи мало стало уніатовъ греческаго закона: по нуждѣ они дѣлались латинниками-уніатами или прямо чистыми католиками ¹⁾.

Такимъ постепеннымъ, но настойчивымъ ограниченіемъ прежнихъ широкихъ правъ и привилегій уніи, такимъ послѣдовательнымъ приведеніемъ уніи къ единенію съ католичествомъ до уничтоженія самой уніи, католичество ясно проявило свой взглядъ на унію. Унія для него была чѣмъ-то низшимъ и даже прямо не спасительнымъ; унія — только ступень къ истинному христіанству—къ католичеству.

Итакъ, историческая жизнь единовѣрія и уніи приводятъ насъ къ тому же выводу, къ какому привело насъ разсмотрѣніе пунктовъ сходства и различія между ними по ихъ сущности, по условіямъ ихъ единенія перваго съ русской Церковію, а второго—съ католичествомъ: между ними нѣтъ ни одного пункта, въ которомъ бы они существенно сходились; все сходство ихъ — чисто внѣшнее; а поэтому и сопоставлять ихъ можетъ или только невѣжество, или пристрастное отношеніе къ одному изъ нихъ лицъ недобросовѣстныхъ.

М. Чельцовъ.

¹⁾ Подробности см. въ статьѣ Гр. Ольховскаго „О бывшихъ временахъ православія и уніи въ Забужной Руси“, въ Холмскомъ народномъ календарѣ за 1901 г., стр. 128—130.

Антиканоническій характеръ австрійской іерархіи ¹⁾).

III.

Антиканоническія дѣйствія Амвросія въ Бѣлой Криницѣ.

Избраніе и поставленіе Кирилла во „епископа“. Поставленіе Амвросіемъ преемника себѣ при своей жизни. Опреждленіе Кирилла „епископомъ“ селенія Майносскаго.

Какъ только Амвросій, принятый въ старообрядческой расколъ, какъ еретикъ второго чина, принялъ званіе „митрополита всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“, старообрядцы Бѣлой Криницы стали дѣятельно готовиться къ выбору будущаго преемника Амвросія и намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи. Для избранія достойнаго кандидата на епископскую степень составленъ былъ соборъ изъ старообрядцевъ Бѣлой Криницы и другихъ близъ расположенныхъ австрійскихъ поселеній; кандидатами были намѣчены три лица: Геронтіи, настоятель Бѣлокриницкаго монастыря, инокъ Алимпій и діакъ Кипріанъ Тимоѣевъ; избраннымъ по жребію оказался природный липованинъ діакъ Кипріанъ Тимоѣевъ, въ иночествѣ Кириллъ, котораго 6-го января 1847 г. Амвросій единолично рукоположилъ во епископа селенія Майносскаго. Если мы теперь рассмотримъ эти послѣднія дѣйствія Амвросія въ Бѣлой Криницѣ, т. е. единоличное поставленіе имъ Кирилла во епископа селенія Майносскаго, на основаніи канонѣвъ церковныхъ, то найдемъ, что какъ избраніе, такъ и поставленіе Кирилла во епископа было совершено противоканонично.

Церковь Христова съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія строго требовала, чтобы епископы какъ избирались, такъ и поставлялись не однимъ епископомъ, а цѣ-

¹⁾ Окончаніе, см. „Мисс. Обзоръ.“ іюль—августъ, стр. 29—44.

лымъ соборомъ епископовъ. Такое требованіе Церкви находить для себя твердое основаніе въ священномъ Писаніи. Ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею пишетъ: „не *неради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества* (презвтеріоу) (І Тим. 4, 14)“. Златоустъ, толкуя послѣднія слова апостола, говоритъ: „не о пресвитерахъ говоритъ здѣсь, но о епископахъ, ибо не пресвитеры епископа поставляютъ“. Блаж. Теодоритъ въ толкованіи означенныхъ словъ апостола замѣчаетъ, что подъ „священничествомъ“ нужно разумѣть удостоенныхъ апостольской благодати, т. е. епископовъ. Изъ сихъ словъ апостола Павла и толкованій на нихъ Златоуста и Теодорита видно, что уже въ апостольской Церкви существовало точное и опредѣленное правило, требовавшее, чтобы епископы поставлялись не однимъ епископомъ или апостоломъ, а соборомъ (презвтеріоу) епископовъ или апостоловъ. Въ подтвержденіе сего можно привести изъ исторіи апостольской Церкви нѣсколько примѣровъ. Такъ, апостолы Павелъ и Варнава на дѣло служенія Церкви были опредѣлены и поставлены не однимъ какимъ-либо апостоломъ, а нѣсколькими апостолами: „*когда они (вѣрующіе вмѣстѣ съ апостолами) служили Господу и постились, говоритъ священный дѣписатель, Духъ Святой сказалъ: отдѣлите Мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому я призвалъ ихъ. Тогда они, совершивши постъ и молитву и возложивши на нихъ руки, отпустили ихъ*“ (Дѣян. 13, 2—3). Чтеніе о томъ, что епископа долженъ поставлять соборъ епископовъ, находить для себя защиту въ древней святоотеческой литературѣ. Укажемъ, напр., на Кипріана Карфагенскаго, который въ письмѣ къ клиру и народу испанскому писалъ: „тщательно надобно хранить и соблюдать то, что по божественному Преданію и апостольскому примѣру и соблюдается у насъ и почти во всѣхъ странахъ: для правильнаго поставленія (епископа) всѣ ближайшіе епископы должны собраться въ ту паству, для которой поставляется предстоятель, и избрать епископа въ присутствіи народа, вполне знающаго жизнь и ознакомившагося съ дѣлами избираемаго чрезъ свое обращеніе съ нимъ“ ¹⁾. На ряду съ такими яс-

¹⁾ Творенія св. Кипріана. Письмо къ клиру и народу испанскому, стр. 317.

ными указаніями священнаго Писанія, священнаго Преданія и святоотеческой письменности относительно способовъ избранія и поставленія епископа, и правила церковныя точно опредѣляютъ, что епископъ избирается и поставляется соборомъ, состоящимъ не менѣе, чѣмъ изъ двухъ или трехъ епископовъ. Апостольское правило 1: „Епископа да поставляютъ два или три епископа“. Кареагенскаго собора правило 60: „да соблюдается древній чинъ: менѣе трехъ епископовъ, какъ определено въ правилахъ, да не признаются довольными для поставленія епископа“. І вселенскаго собора правило 4: „Епископа поставляти наиболее прилично всѣмъ той области епископомъ. Аще же сіе не удобно, или полежащей нуждѣ, или по дальности пути, по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто соберутся, а отсутствующіе да изъявятъ согласіе посредствомъ грамоты и тогда совершати рукоположеніе. Утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаетъ ея митрополиту“. Антиохійскаго собора правило 19: „Епископъ да не поставляется безъ собора и присутствія митрополита области. И когда сей присутствуетъ, то лучше есть купно съ нимъ и всѣмъ той области сослужителямъ; и прилично митрополиту созвати ихъ чрезъ посланіе и аще соберутся всѣ: лучше есть. Аще же сіе не удобно, то большая ихъ часть не отменно да присутствуютъ, или грамотами да изъявятъ свое согласіе, и тако, или въ присутствіи, или съ согласіемъ большаго числа епископовъ, да совершится поставленіе. Аще же иначе, вопреки сему, поступлено будетъ: да не имѣтъ никакой силы поставленіе“ ¹⁾. Подобнаго рода постановленія неоднократно опредѣлялись на западныхъ помѣстныхъ соборахъ. З кареагенскаго собора правило 89: „Должно соблюдать постановленіе божественнаго закона, чтобы одинъ епископъ не восхищалъ себѣ права посвященія, дабы не каза-

¹⁾ Книга правилъ, стр. 9, 224, 35 и 175. Зонара въ толкованіи на послѣднее правило между прочимъ говоритъ: „когда имѣть быть хиротонія, то есть избраніе епископа, то непременно должны присутствовать митрополитъ области, потомъ и большая часть епископовъ, посланіемъ митрополита созванныхъ въ митрополию, а не отсутствующіе по какой-нибудь необходимой причинѣ должны изъявить согласіе чрезъ грамоты, и такимъ образомъ должно совершаться назначеніе, то есть избраніе, которымъ такой-то назначается епископомъ въ такой-то городъ; если же не такъ будетъ произведено, то хиротонія не дѣйствительна“. Правила св. пом. соб. съ толк., вып. I, 191—192.

лось, что благодѣяніе получено воровски“ ¹⁾. Арелатскаго собора правило 21: „О тѣхъ, которые восхищаютъ себѣ право однимъ (solī) только посвящать епископа, угодно было (поставить), чтобы никто не бралъ это (дѣло) на себя, прежде чѣмъ не возьметъ съ собою другихъ семь епископовъ. Если же не могутъ (взять) семь, то безъ трехъ товарищей не смѣютъ дѣлать посвященіе“ ²⁾. 4 кареагенскаго собора правило 2: „Когда посвящается епископъ, два епископа кладутъ и держатъ кодексъ евангелистовъ на головѣ и шеѣ его, и послѣ того какъ одинъ совершитъ надъ нимъ благословеніе, остальные всѣ присутствующіе епископы прикасаются руками своими къ его головѣ“ ³⁾. Наконецъ, „постановленія апостольскія“ согласно съ правилами восточныхъ и западныхъ соборовъ говорятъ о томъ, что рукополагать епископа должны два или три епископа. „А рукополагаться повелѣваемъ епископу отъ трехъ или по крайней мѣрѣ отъ двухъ епископовъ, поставляться же вамъ однимъ епископомъ не позволяемъ: ибо свидѣтельство двоихъ или троихъ тверже и несомнѣнно“ ⁴⁾. „А я, Симонъ Кананитъ, постановляю, сколькими долженъ рукополагаться епископъ. Епископы да рукополагаются тремя или двумя епископами. Если же кто рукоположится однимъ епископомъ, то да будетъ изверженъ и онъ, и рукоположившій его. А если рукоположиться ему однимъ епископомъ заставить необходимость по невозможности присутствовать большому числу епископовъ во время зненія, или по другой подобной причинѣ, то да представитъ онъ согласіе на то большаго числа епископовъ“ ⁵⁾. Такъ единогласно восточные и западные соборы свидѣтельствуютъ о томъ, что избраніе и поставленіе епископа въ древней христіанской Церкви совершалось не единоличною властью епископа, а цѣлымъ соборомъ епископовъ. Многочисленность свидѣтельствъ подобнаго рода съ необходимостью заставляютъ насъ предположить, что указываемый нами соборами способъ избранія и поставленія епископовъ

¹⁾ Concil. Carthagin. 111, c. 39. Ἀρχιερατικὸν liber Pontificalis ecclesiae Graecae. T. Haberti Parisiis. p. 82.

²⁾ Binius concilia... Tom. 1, pars 1, p. 221.

³⁾ Ibid. p. 588.

⁴⁾ Постановленія апостольскія, 3 кн., 20 гл.

⁵⁾ Постановленія апостольскія, 8 кн., 27 гл.

былъ обычнымъ въ Церкви. Вотъ почему мы видимъ, что всякое сколько-нибудь несогласное съ симъ порядкомъ поставленіе во епископа считалось незаконнымъ, антиканоническимъ. Въ доказательство справедливости послѣдняго положенія приведемъ нѣсколько историческихъ фактовъ единоличнаго поставленія во епископа, при чемъ обратимъ вниманіе на то, какъ смотрѣла на подобные случаи въ лицѣ своихъ представителей Церковь вселенская, строгая блюстительница и хранительница соборныхъ каноновъ. Церковный историкъ Θεодоритъ, говоря о занятіи Евагріемъ епископской кathedры въ Антиохіи, замѣчаетъ: „послѣдній (т. е. Евагрій) получилъ это мѣсто вопреки церковному законоположенію, такъ какъ его поставилъ одинъ Павлинъ, нарушившій тѣмъ многія правила, которыя не позволяютъ умирающему рукополагать кого-либо вмѣсто себя, а повелѣваютъ собираться всѣмъ епископамъ той епархіи, и возбраняютъ совершать хиротонію епископскую менѣ, чѣмъ двумя епископами“¹⁾. Отмѣченъ, далѣе, исторіей фактъ единоличнаго поставленія Сидерія Филономъ Кирскимъ. Но Синезій ясно называетъ такой поступокъ Филона антиканоническимъ: „еще когда былъ живъ Оріонъ, предшественникъ, такъ повѣствуетъ Синезій о Филонѣ, то онъ одинъ и только одинъ поставилъ епископа, но это незаконно, даже болѣе—это противно всѣмъ законамъ. Ибо ни въ Александріи, ни здѣсь не былъ посвященъ тремъ, хотя возможность посвященія съ той стороны и была предложена. И только одинъ блаженной памяти Филонъ товарища своего провозгласилъ епископомъ. Ибо онъ былъ во всемъ, что касается управленія и повиновенія, гораздо болѣе смѣлымъ, чѣмъ консервативнымъ. Онъ одинъ пришелъ и блаженнаго Сидерія избралъ и на тронъ помѣстилъ“²⁾. При константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Окситѣ, около 1170 года, даже низложены были епископы Климентъ и Леонтій, такъ какъ рукоположеніе, совершенное надъ ними единолично ихъ митрополитомъ, признано было антиканоничнымъ“³⁾.

Не смотря на то, что Церковь всегда, какъ видимъ, ясно

1) Церковная исторія Θεодорита, кн. 5, гл. 23.

2) Ἀρχιερατικὸν Nabert. p. 83.

3) Beveregii. 11. Ann. p. 10.—„διὰ τὸ τῆς χειροτονίας αὐτῶν ἀκανονιστόν“.

выражала свое неодобреніе по поводу нѣкоторыхъ случаевъ единоличнаго поставленія во епископа, признавая такія поставленія незаконными, старообрядцы австрійскаго согласія, дабы оправдать фактъ единоличнаго поставленія Кирилла Амвросіемъ, утверждаютъ, что Церковь иногда признавала такія поставленія законными. Какъ на примѣръ, защитники австрійской іерархіи ссылаются на Четьи-Минеи, гдѣ подъ 22 іюня Евсевій Самосатскій говоритъ о себѣ, что, „онъ въ лютое время обхождаше Сирію, Финикію и Палестину, утверждая христіанъ въ святой вѣрѣ: идѣже аще обрѣташе церковь безъ служителей, поставляше іереи, и діаконы, и прочіе клирики, а индѣ и епископовъ постави отъ тѣхъ, ихже обрѣте отмищующихъ аріевы догматы, мудрствующихъ православно“. Въ семъ сказаніи хотятъ видѣть случаи единоличнаго поставленія Евсевіемъ епископовъ. Въ такомъ именно смыслѣ объясняетъ это мѣсто изъ Четьи-Миней Иродіонъ Вѣтринскій, который говоритъ объ Евсевіи Самосатскомъ, что „въ Сиріи, Киликии и другихъ мѣстахъ, которыя исчисляетъ Θεодоритъ, рукополагалъ онъ (Евсевій) епископовъ“¹⁾. Для того, чтобы рѣшить, дѣйствительно ли въ данномъ мѣстѣ изъ Четьи-Миней говорится о единоличномъ рукоположеніи Евсевіемъ епископовъ, приведемъ изъ исторіи Θεодорита то мѣсто, которое служитъ основаніемъ для сказанія Четьи-Миней. „Этотъ Евсевій,—говоритъ Θεодоритъ,—узнавъ, что многія церкви лишены пастырей, облекся въ одежду воина, возложилъ на голову тиару и въ такомъ видѣ прошелъ Сирію, Финикію и Палестину, рукополагая пресвитеровъ и діаконъ и пополняя духовенство другими чинами, а когда встрѣчалъ единомысленныхъ съ собою епископовъ, то дѣлалъ ихъ предстоятелями тѣхъ церквей, которыя имѣли нужду въ предстоятеляхъ“. Изъ этого послѣдняго разсказа мы видимъ, что Евсевій рукополагалъ только пресвитеровъ и діаконъ, но не епископовъ; онъ, по выраженію Θεодорига, „дѣлалъ единомысленныхъ епископовъ“ только „предстоятелями церкви, а не рукополагалъ ихъ впервые. Можно думать, что, путешествуя по различнымъ странамъ М. Азіи въ смутное время для Церкви, Евсевій находилъ многія церкви безъ своихъ предстоятелей; чтобы устранить такое

¹⁾ Памятники древней христ. Церкви. Спб., 1829, т. I, стр. 55—56.

ненормальное явленіе, Евсевій утверждалъ въ званіи предстоятелей церкви тѣхъ епископовъ, которые были съ нимъ единомысленны, т. е. православные ¹⁾).

Послѣ всесторонняго изслѣдованія данныхъ по вопросу о томъ, какъ рѣшался Церковью теоретически и практически вопросъ о способѣ избранія и поставленія во епископа, можно видѣть, какъ незаконно, неправильно происходило въ Бѣлой Криницѣ избраніе и поставленіе Кипріяна Тимоѣева во „епископа Майносскаго“. О какомъ-либо соборѣ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ тамъ не могло быть и рѣчи. Единственное лицо, носившее, по мнѣнію старообрядцевъ, епископскій санъ,—Амвросій, не принималъ никакого участія въ дѣлѣ избранія будущаго „архіерея“, къ тому же Амвросія объ этомъ никто и не просилъ, а посему избраніе достойнаго намѣстника Бѣлокриницкаго митрополита совершилось сборищемъ простыхъ мірянъ, управляемыхъ бѣглыми попами ²⁾. Избранный вопреки церковнымъ правиламъ, Кирилль и рукоположенъ былъ однимъ Амвросіемъ, т. е. въ

¹⁾ Указываютъ, кромѣ того, на—помѣщенный въ Четьи-Минеяхъ подъ 23 ноября рассказъ о томъ, какъ Амфилохій рукоположенъ былъ не соборомъ епископовъ, а небожителями, и однородный по чудесности рассказъ, записанный подъ 14 ноября, повѣствующій о томъ, какъ Федима, епископъ Амасійскій, рукоположилъ единолично и даже заочно св. Григорія во епископа Кесарійскаго. Но, очевидно, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ чудесными событіями, которыя, какъ сверхъестественныя, нельзя приводить въ оправданіе различнаго рода антиканоническихъ поступковъ. При всемъ томъ въ первомъ повѣствованіи есть подробность, невольно останавливающая на себѣ вниманіе, именно: тамъ говорится, что Амфилохій былъ рукоположенъ не однимъ небожителемъ, а „множествомъ людей въ бѣлыхъ одеждахъ“, каковая подробность какъ-бы подтверждаетъ апостольскія правила, повелѣвающія поставлять епископа не одному епископу, а собору епископовъ.

²⁾ Повторимъ, что избраніе мірянами епископа противно церковнымъ правиламъ, апост. пр. 30, 1 всел. соб. 4, 7 всел. соб. 3. лаодик. соб. 13. Аристинъ въ толкованіи 13 правила лаодик. соб. говоритъ: «епископы поставляются по избранію митрополитовъ и епископовъ. А если кто не такимъ образомъ будетъ произведенъ въ епископство, не будетъ избранъ сборищемъ черни, таковой не принимается и не есть избранъ» (правило св. пом. соб. съ толк. вып. 1, стр. 223). Кромѣ того, по церковнымъ правиламъ, «соборомъ» именуется собраніе епископовъ, а не простолюдиновъ (апост. пр. 37, Трулльск. соб. 8, кареагенск. соб. 14), какъ это было на Бѣлокриницкомъ соборѣ, причемъ на законодѣ-

противность очень многимъ правиламъ Церкви, такъ что въ концѣ концовъ всякій знакомый съ канонами церковными вынужденъ вмѣстѣ съ приснопамятнымъ Филаретомъ м. Московскимъ снова повторить, что старообрядческаго „архіерея“ „Кирилла, который, въ противность первому апостольскому правилу, рукоположенъ однимъ епископомъ, и притомъ не имѣвшимъ права рукополагать, православная Церковь не можетъ признать истиннымъ епископомъ, а вслѣдствіе сего и всѣхъ рукоположенныхъ имъ епископовъ и священниковъ“¹⁾.

Не согласуется съ священнымъ Писаніемъ и строго запрещается церковными канонами и то дѣйствіе Амвросія въ Бѣлой Криницѣ, по которому онъ поставилъ Кирилла въ преемники себѣ еще при своей жизни. Слово Божіе свидѣтельствуешь, что Самъ Духъ поставляетъ во епископа (Дѣян. 20, 28), и Самъ Господь раздѣляетъ различныя должности въ Церкви (1 Кор. 12, 9); посему въ высшей степени несправедливо было бы собственность Божію дѣлать предметомъ человѣческаго пристрастія, что, конечно, имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы епископъ самъ лично ставилъ себѣ преемника при своей жизни. Избраніе достойнаго кандидата на епископскую кафедру представляетъ въ высшей степени важный моментъ въ церковной жизни общества, такъ какъ само собою понятно, что на высшую степень церковной іерархіи должно быть возводимо лицо, вполне достойное сего высокаго поста, а вполне удачный выборъ такого именно человѣка возможенъ только въ томъ случаѣ, когда дѣломъ избранія достойнаго кандидата на епископскій санъ будетъ заниматься цѣлый соборъ епископовъ, который, будучи чуждъ лицепріятія и руководствуясь однимъ только желаніемъ блага Церкви, конечно, избересть на епископскую кафедру достойнѣйшаго человѣка, между тѣмъ какъ одинъ епископъ,

тельныхъ соборахъ произносить „слово“ дозволено было только лицу, имѣющему священный чинъ и „принявшему чрезъ рукоположеніе отъ Бога благодать учительства“ (64 пр. Трулльскаго собора); какъ все это не согласуется съ тѣмъ, что происходило на Бѣлокриницкомъ соборѣ, гдѣ простолудины заправляли всѣми дѣлами «собора», произносили „слово“ и даже опредѣлили, кого избрать во епископа селенія Майноса!..

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета т. V, 496—497 стр.

хотя бы находящійся при смерти, всегда можетъ избрать преемника себѣ по человѣческому пристрастію къ нему, а не въ силу его личныхъ заслугъ. Всѣмъ этимъ объясняется строгое отношеніе правилъ церковныхъ къ тѣмъ епископамъ, которые сами себѣ поставляютъ преемниковъ. Апостольское правило 76: „Яко не подобаетъ епископу изъ угожденія сродниковъ поставляти въ достоинство епископа кого хочетъ. Ибо несправедливо творити наслѣдниковъ епископства и собственность Божію даяти въ даръ человѣческому пристрастію. Аще же кто сіе сотворитъ: поставленіе да будетъ не дѣйствительно, самъ же отреченіемъ наказанъ да будетъ ¹⁾“. Вальсамонъ въ толкованіи сего правила замѣчаетъ: „Хотя бы епископъ передалъ епископство и не родственнику своему, а чужому, должно быть то же самое (т. е. хиротонія дѣлается недѣйствительною), ибо установлено, чтобы епископы были поставляемы соборомъ. Посему-то и покойный славный митрополитъ Филиппольскій, когда отказывался отъ своей митрополіи подъ тѣмъ условіемъ, если св. соборъ митрополитомъ Филиппольскимъ вмѣсто его поставить эконома его, не былъ удовлетворенъ, но получилъ такой отвѣтъ: если имущество, приобрѣтенное епископомъ послѣ хиротоніи изъ церковныхъ доходовъ, онъ не можетъ дарить или передать, кому хочетъ, тѣмъ паче епископство“ ²⁾. Нашъ отечественный канонистъ преосвященный Іоаннъ Смоленскій раздѣляетъ это мнѣніе Вальсамона, когда замѣчаетъ, что „хотя апостольское правило говоритъ собственно о наслѣдованіи въ родствѣ, смыслъ его, очевидно, простирается и вообще на всякое произвольное передаваніе кathedры отъ одного епископа другому... Епископъ умирающій, или по немощи оставляющій свою кathedру, конечно, можетъ указать достойнаго себѣ преемника, но только указать, предоставивъ дѣйствительное избраніе и утвержденіе его въ санѣ власти законной, и тогда это не будетъ противорѣчить церковному правилу“ ³⁾. Съ 76 апостольскимъ правиломъ согласно 23 правило антиохійскаго собора, въ которомъ читаемъ: „Епископу не позволено въмѣсто

¹⁾ Книга правилъ 26 стр.

²⁾ Правила св. апост. св. соб. всел. и пом. и. св. о съ толк. вып. 1, 142 стр.

³⁾ Арх. Іоанна—Курсъ церк. законовѣдѣнія, ч. 1, 224 стр.

себя поставляти другого въ преемники себя, хотя бы онъ былъ и при кончинѣ жизни; аще же что таковое содѣлается, будетъ недѣйствительно, но да соблюдается постановленіе церковное, опредѣляющее, что епископа должно поставять не инако, развѣ съ соборомъ и по суду епископовъ, имѣющихъ власть произвести достойнаго по кончинѣ преставляшагося“ ¹⁾. Понятно отсюда, почему бл. Августинъ, котораго епископъ Иппонскій Валерій еще при жизни своей поставилъ епископомъ съ назначеніемъ въ преемники себя, сознавался, что Валерій такъ сдѣлалъ только „по незнанію правилъ Церкви“ ²⁾.

Кириллъ, какъ мы сказали, поставленъ былъ епископомъ селенія Майносскаго. Опредѣленіе епископа не въ городъ, а въ незначительное селеніе вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что въ предѣлахъ австрійской монархіи не было такого города, въ которомъ проживало бы достаточное количество старообрядцевъ австрійскаго согласія, такъ какъ эти послѣдніе ютились въ отдаленныхъ отъ большихъ городовъ селеніяхъ; принявъ же во вниманіе, что правила церковныя (4 всел. соб. пр. 6 и др.) запрещаютъ ставить клириковъ безъ обозначенія того прихода, къ которому они рукополагаются, старообрядцы вынуждены были, наконецъ, поставить Кирилла епископомъ селенія Майноса. Между тѣмъ правила церковныя запрещаютъ ставить епископа въ селеніе и вообще въ небольшое населенное мѣсто. Сардикійскаго собора правило 6: „Отнюдь не слѣдуетъ поставлять епископа въ какое-либо село, или малый городъ, для котораго и одного пресвитера достаточно, не слѣдуетъ туда поставлять епископовъ для того, чтобы не унижить имени и власти епископовъ; но епископы области должны поставлять епископовъ въ тѣ города, въ которыхъ и прежде были епископы“. Лаодикійскаго собора правило 57. „Въ селахъ или деревняхъ должно поставлять не епископовъ, но періодеотовъ“. Общество селенія Майносскаго никогда не имѣло своего епископа, между тѣмъ 98 (111) правило карагенскаго собора говоритъ о томъ, что „общинамъ, не имѣвшимъ своихъ епископовъ, отнюдь не давать его (епископа), развѣ съ разрѣшенія цѣлаго собора каждой области и первенствующаго ея епископа и съ согласія того епископа, подъ управленіемъ котораго состояла прежде эта

1) Книга правилъ 176 стр.

2) Августинъ. Письмо 10.

Церковь ¹⁾. Въ силу сихъ церковныхъ правилъ поставленіе Кирилла епископомъ селенія Майноса противоканонично 1) потому, что Майносъ не городъ, а селеніе, и 2) потому, что жители Майноса, какъ не имѣвшіе никогда своихъ епископовъ, могли получить епископа только съ разрѣшенія собора епископовъ ихъ области, чего у старообрядцевъ, какъ мы знаемъ, не было.

Наконецъ, можно замѣтить еще одно нарушеніе церковныхъ правилъ при поставленіи Кирилла Амвросіемъ, нарушеніе, состоящее въ томъ, что новонареченный епископъ Кириллъ быстро прошелъ всѣ низшія степени церковной іерархіи, что запрещено 10 правиломъ сардикійскаго собора, которое гласитъ: *„Подобаетъ со всюю точностію и тщаніемъ наблюдать, да отъ свѣтскаго служенія кто-либо удостоиваемый быти епископомъ, не прежде поставляется, развѣ когда совершитъ служеніе чтеца и діакона и пресвитера, дабы проходя чрезъ каждую степень, аще достойнымъ признанъ будетъ, могъ взыти изъ высоту епископства. Очевидно же, что для каждой степени чина должно быть предоставлено не слишкомъ малое время, въ продолженіе котораго могли бы быть усмотрѣны его вѣра, благонравіе, постоянство и крѣпость. Ибо неприлично, дерзновенно и легкомысленно есть съ поспѣшностію поставляти епископа, или пресвитера, или діакона: ни знаніе, ни повелѣніе не даетъ на сіе права. По-неже такового по справедливости почли бы весьма новымъ (I Тим. 4, 6) и не утвержденнымъ, наипаче когда и блаженный апостолъ, который учителемъ языковъ былъ, является возбраняющимъ скорыя поставленія въ церковныя степени: поелику дознаніе въ должайшее время достовернѣе показати можетъ и поведеніе, и нравъ каждого* ²⁾. Правило сіе, требующее, чтобы кандидатъ архіерейства не слишкомъ скоро проходилъ низшія степени церковной іерархіи, тѣмъ сильнѣе обличаетъ Амвросія съ его паствою, что общество старообрядцевъ Бѣлой Криницы не имѣло сколько-нибудь основательной причины спѣшить съ хиротоніей Кирилла, такъ какъ Амвросій послѣ извѣстнаго чинопріема перешелъ навсегда въ расколъ, находился въ полномъ подчиненіи у старообрядцевъ и, слѣдовательно, могъ хиротонію Кирилла совершить по точному смыслу церковныхъ правилъ.

¹⁾ Книга правилъ стр. 194—195, 189, 251.

²⁾ Книга правилъ 197—198 стр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Общій выводъ изъ разсмотрѣнія каноническаго достоинства австрійской (старообрядческой) іерархіи и замѣчаніе о существующемъ въ православной Церкви способѣ принятія „клириковъ“ австрійскаго толка.

Аркадій Славскій, лжеепископъ австрійской секты, 18 октября 1861 года писалъ Кириллу: „владыко святыи, если бы на сей хартіи открылъ вамъ Амвросіевы недостатки... но открыть не на пользу, развѣ когда потребуется надобность. Амвросіи принять по великой нуждѣ, а не по обдержнымъ правиламъ, если по обдержнымъ правиламъ повѣрять всѣхъ (нашихъ) святителей достоинства, то затворите церкви всѣ..., покойный Павелъ (Бѣлокриницкій) ~~на~~ вопросъ объ Амвросіи не далъ отвѣта: и теперь лучше молчать“ ¹⁾. „Церковь наша вся на случайныхъ обстоятельствахъ, писалъ тотъ же Аркадій попу Каменскому Василию, и вратъ не имать, то есть, обдержныя правила празднуютъ. Разсмотри самый корень Амвросія: не вратами вошелъ, но тѣсною, съ великою нуждою“ ²⁾. Такъ, по воззрѣнію самихъ старообрядцевъ, при томъ пріемлющихъ т. наз. австрійское священство, Амвросій, основатель Бѣлокриницкой іерархіи, вошелъ въ старообрядческое общество не по правиламъ церковнымъ, а „по великой нуждѣ“, „тѣсною“. Подробное и обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ антиканоническихъ дѣйствій, допущенныхъ Амвросіемъ до перехода, при переходѣ и послѣ перехода въ Бѣлую Криницу дѣйствительно приводитъ неизбежно насъ къ этому безотрадному для старообрядцевъ заключенію о каноническомъ достоинствѣ австрійской іерархіи. Исторія христіанской Церкви, повѣствующая о многообразныхъ нарушеніяхъ различными іерархическими лицами каноновъ, опредѣленій и постановленій соборныхъ не представляетъ столь безпримѣрно дерзкаго нарушенія церковныхъ каноновъ, каковое было допущено при основаніи австрійской іерархіи. Не говоримъ о дѣятельности старообрядческихъ депутатовъ, склонившихъ Амвросія къ переходу въ Бѣлую Криницу и добившихся того, что Амвросій былъ

¹⁾ Переписка раскольниковъ. дѣятелей. вып. 2, стр. 139.

²⁾ Тамъ же стр. 109.

утвержденъ австрійскимъ императоромъ въ качествѣ митрополита всѣхъ „древлеправославныхъ“ христіанъ, обманъ, подкупъ, политическія хитрости и уловки,—все было пущено съ тѣмъ, чтобы достигнуть хитро задуманной цѣли ¹⁾, крайнюю же степень дерзости проявили искатели „древлеправославнаго“ архіерея въ то время, когда для достиженія своей преступной цѣли не открыли Амвросію того, что общество старообрядцевъ Бѣлой Криницы, приглашавшее къ себѣ Амвросія, не составляло Церкви Христовой и не входило въ составъ, напр., Константинопольской патріархіи, а давно состояло подъ клятвою состоявшагося подъ предѣлательствомъ восточныхъ патріарховъ собора 1666—67 гг., такъ что Амвросій долженъ былъ посему переходить въ такое общество, которое было осуждено самою же греческою Церковію. Но, понятно, всѣ эти хитрости и явные обманы, допущенные старообрядческими депутатами, мало оправдываютъ антиканоническія дѣйствія Амвросія, такъ какъ свидѣтельствуя только о его слабости, способности продать себя и свой санъ первому попавшемуся проходимцу, отъ чего тяжесть совершеннаго имъ преступленія не уменьшается. Вина же Амвросія, какъ мы видѣли, заключается во-первыхъ въ томъ, что онъ безъ вѣдома и позволенія константинопольскаго патріарха, своего ближайшаго начальника, рѣшился занять никѣмъ не врученную ему епископскую кафедру, съ каковою цѣлью тайно бѣжалъ отъ к. патріарха въ Бѣлую Криницу; далѣе,—совершивши постыдное бѣгство отъ своего патріарха въ расколъ, Амвросій постыдно же унизилъ себя въ Бѣлой Криницѣ тѣмъ, что допустилъ бѣглому попу перемазать себя, или иными словами допустилъ подвергнуть себя такому чинопріему, при которомъ осудилъ своего патріарха и всю греко-восточную Церковь въ ерети-

¹⁾ „Кого только не обманывали Павелъ и Алимпій, учреждая эту (австрійскую) іерархію?—говоритъ проф. Н. И. Субботинъ,—къ какой только лжи, самой наглою, не стѣснялись они прибѣгать при этомъ исполнѣ сознательно, даже называя ложь и обманъ устроениемъ Промысла Божія? Обманывали они и австрійское правительство, которое впрочемъ само помогало имъ лгать, чтобы заодно съ ними вредить ненавистной ему Россіи, безсовѣстнымъ образомъ обманули и несчастнаго Амвросія“. „Братское Слово“ 1899 г. янв. 64 стр. примѣчаніе.

чествѣ, не смотря на то, что самъ былъ убѣжденъ въ православіи своего патріарха, не „зазрѣвъ“ его въ ереси; наконецъ, допустивъ перемазать себя бѣглому раскольниковскому попу, ставъ раскольниковскимъ „архіереємъ“, Амвросій по требованію старообрядцевъ единолично поставилъ Кирилла „епископомъ“ Майноса, опредѣливъ еще при своей жизни намѣстникомъ своимъ, каковымъ антиканоническимъ поступкомъ закончилъ циклъ допущенныхъ имъ при переходѣ въ расколъ правонарушеній. Если же корень новоизмышленной австрійской „іерархіи“ гниль, то могутъ ли быть здоровы вѣтви, или отпрыски его? И можно ли послѣ сего назвать законною, правильною, „каноническою“ ту „іерархію“, основателемъ которой допущено было столько и столь важныхъ правонарушеній? Глубокій знатокъ всей печальной исторіи происхожденія т. наз. австрійскаго священства, проф. Н. И. Субботинъ, дѣлаетъ такой отзывъ объ основателѣ австрійской лжеіерархіи. „Если бы онъ (Амвросій) самовольно, безъ вѣдома и дозволенія своего патріарха или собора епископовъ ушелъ даже къ православной паствѣ и, будучи принять ею, какъ православный епископъ, сталъ посвящать для нея священниковъ, и тогда по силѣ церковныхъ каноновъ (апост. пр. 14 и 36, особенно антiox. соб. пр. 13 и мног. др.) онъ подлежалъ бы изверженію изъ сана, а совершенныя имъ рукоположенія были бы недействительны. Амвросій же не только безъ вѣдома своего патріарха, но и тайкомъ, переряженный въ казацкое платье,—къ кому бѣжалъ и какъ былъ принять? Бѣжалъ къ обществу, канонически отлученному отъ Церкви, и принять былъ въ это общество, какъ еретикъ, подъ исправу второго чина, причемъ долженъ былъ не только отречься отъ православной Церкви, но и предать ее проклятію за небывалыя, яко бы содержимыя ею ереси,—и все это исполнилъ къ своей гибели и вѣчному позору“ ¹⁾.

Вполнѣ справедливо посему православная русская Церковь, имѣя въ виду, съ одной стороны, тѣ правонарушения, которыя были допущены самимъ основателемъ австрійской іерархіи, съ другой,—тѣ опасности, коими угрожаетъ мало-просвѣщенному народу австрійскій раскольниковскій толкъ.

¹⁾ „Братское Слово“ 1898 г., т. 2, стр. 586, „Лѣтопись происходящихъ въ расколъ событій“.

съ его яко-бы „древлеправославной“ іерархіей, постановило за правило принимать обращающихся изъ австрійской секты вторымъ чиномъ, то есть мірянъ чрезъ мѣропомазаніе, а „іерархическихъ“ лицъ чрезъ мѣропомазаніе съ лишеніемъ священныхъ степеней, полученныхъ въ расколѣ.

Считаемъ не лишнимъ въ заключеніе своего сочиненія посильно отвѣтитъ на тѣ возраженія, которыя дѣлаются теперь по поводу существующаго въ нашей Церкви способа принятія приходящихъ отъ австрійской секты „клириковъ“. Возраженія идутъ не только со стороны старообрядцевъ австрійскаго толка, что вполне понятно, но и со стороны нѣкоторыхъ православныхъ расколофильствующихъ лицъ.

Говорятъ, будто православная Церковь чрезъ допущеніе означеннаго чинопріема стала въ противорѣчіе сама себѣ, такъ какъ, съ одной стороны, она принимаетъ крещеніе, совершенное принадлежащими къ австрійской „іерархіи“ лицами, безъ повторенія, считаетъ это таинство истиннымъ, съ другой—считаетъ недѣйствительными совершаемыя тѣми же лицами другія таинства (напр., таинства покаянія и священства), такъ какъ снова рукополагаютъ тѣхъ лицъ австрійской „іерархіи“, которыя пожелаютъ остаться въ священномъ санѣ и по переходѣ въ православную Церковь. „Если кто можетъ крестить, говоритъ одинъ изъ апологетовъ австрійской лжеіерархіи, и крещеніе его пріемлется за крещеніе безъ повторенія, то можетъ онъ и отпускать грѣхи; отпускать же грѣхи могутъ только епископы и священники, имже дана отъ Господа благодать рукоположеніемъ апостольскимъ. Ибо такъ опредѣлили богопроповѣдники св. апостолы. Слѣд., принимая крещеніе, совершенное старообрядческими священниками, за дѣйствительное, господствующая Церковь необходимо должна посему,—заключаетъ раскольнич. апологетъ,—уже признать за дѣйствительное и ихъ рукоположеніе“ ¹⁾. Это возраженіе не имѣетъ убѣдительной силы. Правда, православная Церковь принимаетъ крещеніе, совершаемое австрійскими попами, считаетъ его истиннымъ, но та же православная Церковь въ исключительныхъ случаяхъ допускаетъ совершать таинство крещенія даже мірянину (подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы крещеніе, совершен-

¹⁾ «Братское Слово» 1895 г., т. 2, 693 стр.

ное міряниномъ, дополнено было священникомъ, если младенецъ останется живъ), однако отсюда еще не слѣдуетъ, что православная Церковь чрезъ то должна позволять тѣмъ же мірянамъ совершать другія таинства, напр., таинство покаянія. Дѣлая чрезъ признаніе за истинное крещенія, совершаемаго міряниномъ, снисхожденіе въ отношеніи совершенія таинства крещенія единственно съ тою цѣлью, чтобы не оставить внѣ спасительнаго корабля Христова тѣхъ больныхъ младенцевъ, которые почему-либо не могли быть окрещены лицомъ священнымъ, православная Церковь никогда не допускала подобнаго снисхожденія къ совершенію другихъ таинствъ, считая недѣйствительными, не имѣющими никакой силы всѣ тѣ таинства, которыя совершались когда-либо людьми, не имѣвшими потребныхъ для совершенія сихъ таинствъ іерархическихъ степеней. Посему сначала слѣдуетъ доказать, что лица, принадлежащія къ австрійской „іерархіи“ суть члены іерархіи канонической, іерархіи, ведущей свое начало отъ св. апостоловъ, а не суть—„простые міряне“, и тогда только можно будетъ съ полнымъ правомъ утверждать, что „Церковь необходимо должна признать за дѣйствительное ихъ (австрійскихъ „архіереевъ“) рукоположеніе“, Исторія христіанской Церкви свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, что, принимая крещеніе отъ еретическихъ и раскольническихъ обществъ, православная Церковь не всегда признавала въ такихъ обществахъ преподаваемое таинство хиротоніи. „Если мы знаемъ, говоритъ профессоръ В. Соколовъ что крещеніе, совершенное въ томъ или другомъ неправославномъ обществѣ, Церковь признаетъ и не повторяетъ,—это совсѣмъ еще не даетъ намъ права заключать, что она также принимаетъ и преподаваемыя въ этихъ обществахъ рукоположенія“¹⁾.

Другое возраженіе противъ употребляющагося нынѣ въ православной Церкви способа принятія клириковъ австрійской лжеіерархіи, возраженіе, предъявляемое и со стороны нѣкоторыхъ православныхъ лицъ, сводится къ слѣдующему: православная Церковь, говорятъ, признаетъ общество старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, раскольническимъ обществомъ, а раскольническихъ клириковъ древ-

¹⁾ Іерархія англик. еп. Ц. В. Соколовъ. Богослов. В. 1897 г., декабрь стр. 347.

няя Церковь иногда принимала въ сущемъ санѣ, т. е. съ оставленіемъ въ тѣхъ степеняхъ священства, которыя получены были ими въ раскольническихъ обществахъ; слѣдовательно, заключаютъ, и клириковъ австрійской раскольнической лжеіерархіи слѣдуетъ принимать въ сущемъ санѣ.

Замѣтимъ на это возраженіе прежде всего, что вопросъ о такомъ или иномъ способѣ принятія въ православную Церковь клириковъ неправославныхъ обществъ не принадлежитъ къ числу вопросовъ догматическаго характера, относительно которыхъ должно существовать одно, разъ установившееся, опредѣленное мнѣніе. И мы уже видѣли, сколь разнообразны были на протяженіи всей исторіи христіанской Церкви способы принятія въ Церковь неправославныхъ клириковъ, что однако нисколько не препятствовало и доселѣ не препятствуетъ единенію частныхъ Церквей между собою, такъ какъ Церковь Христова, въ силу данной ей Основателемъ Господомъ Иисусомъ Христомъ власти вязать и рѣшить грѣхи своихъ членовъ, можетъ, руководствуясь своими соображеніями, употреблять въ различное время то одинъ, то другой чинопріемъ, въ одномъ случаѣ смягчая строгость своихъ отношеній къ своимъ отступникамъ, въ другомъ—усиливая таковую, неизмѣнно преслѣдуя одну опредѣленную цѣль, —то, что св. Василій Великій называетъ „общимъ благосозиданіемъ“¹⁾. И намъ кажется, что въ настоящее время православная Церковь не иначе должна принимать членовъ австрійской лжеіерархіи, какъ только въ качествѣ простыхъ мірянъ, т. е. вторымъ чиномъ. Причину такого отношенія къ клирикамъ австрійской секты мы усматриваемъ въ слѣдующемъ. Образованіе сей лжеіерархіи совершилось еще такъ недавно, можно сказать, на нашихъ глазахъ, что память о всѣхъ каноническихъ отступленіяхъ, связанныхъ съ истріей происхожденія ея, еще не успѣла совершенно изгладиться изъ памяти очень и очень многихъ истинно благочестивыхъ русскихъ людей, до глубины души возмущенныхъ симъ явнымъ поправленіемъ святоотеческихъ, апостольскихъ и соборныхъ правилъ. Теперь снисхожденіе къ сей лжеіерархіи (которое выразилось бы въ принятіи клириковъ ея въ сущемъ санѣ) не было ли бы для многихъ соблазнительнымъ, не подало ли

¹⁾ Книга правилъ 342—343 стр.

бы повода „немоцнымъ“ изъ христіанъ смотрѣть на церковныя правила такъ, какъ смотрѣли на нихъ старообрядцы при принятіи Амвросія въ свое общество, не унизило бы тѣмъ въ глазахъ сихъ „немоцныхъ“ авторитетъ церковныхъ правилъ? Строго справедливое же отношеніе нашей церковной власти къ лжеіерархіи австрійской, выражающееся въ томъ, что всѣ таинства, совершаемыя членами сей лжеіерархіи, признаются (за исключеніемъ крещенія) недѣйствительными, съ одной стороны, поддерживаетъ высокій авторитетъ церковныхъ правилъ, „изложенныхъ“, какъ говорятъ отцы 7-го вселенскаго собора, „трубами Духа, святыми, всеславными апостолами и шестью святыми и вселенскими соборами, а равно соборами, помѣстно собиравшимися для изданія такихъ заповѣдей, и наконецъ святыми отцами ¹⁾“, съ другой—невольно побуждаетъ богобоязненныхъ старообрядцевъ австрійскаго толка послѣ тщательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія недостатковъ своей безблагодатной іерархіи искать спасенія въ единоспасающей греко-восточной Церкви православной, гдѣ уже и обрѣли себѣ тихое пристанище лучшіе старообрядцы австрійскаго толка, какъ міряне, такъ и бывшіе „клирики.“

Своимъ отношеніемъ къ обществу старообрядцевъ австрійскаго толка православная Церковь научаетъ вѣрныхъ своихъ чадъ смотрѣть вмѣстѣ съ святыми отцами на расколъ, какъ на явленіе въ высшей степени печальное, неблагочестивое и чаще приводитъ на память слова св. Іоанна Златуста, который вѣщаетъ: „Если хотимъ получить Духа отъ главы, будемъ въ союзѣ другъ съ другомъ. Ничто не можетъ столько производить раздѣленія въ Церкви, какъ любоначаліе: ничто такъ не оскорбляетъ Бога, какъ то, когда кто производитъ въ ней раздѣленіе. Хотя бы мы совершили тысячу добрыхъ дѣлъ, подвергнемся осужденію не меньше тѣхъ, которые терзали тѣло Его (Исуса Христа), если будемъ расторгать цѣлость Церкви“ ²⁾.

Св. Василій Великій, разсуждая о томъ, почему слѣдовало принимать казаровъ-раскольниковъ въ качествѣ простыхъ мірянъ, въ свое время писалъ: „казары были изъ числа рас-

¹⁾ Дѣянія всел. соб. изд. въ р. переводѣ, т. 7, 362—303 стр.

²⁾ Св. о. наш. І. Арх. Эл. Бес. на посл. св. ап. Павла къ Ефесянамъ ч. 1, Спб. 1859 г., 204—207 стр.

кольниковъ, однако угодно было древнимъ, какъ то — Кипріану и нашему Фирмилліану, единому опредѣленію подчинить всѣхъ сихъ казаровъ, энкратитовъ, идропарастовъ и апотоктистовъ. Ибо, хотя начало отступленія произошло чрезъ расколъ, но отступившіе отъ Церкви уже не имѣли на себѣ благодати Св. Духа; ибо оскудѣло преподаніе благодати, потому что пресѣклось законное священство. Ибо первые отступившіе получили освященіе отъ отцовъ и чрезъ возложеніе рукъ ихъ имѣли дарованіе духовное. Но отторженные, сдѣлавшись мірянами, не имѣли власти ни крестити, ни рукополагати и не могли преподавать другимъ благодати Св. Духа, отъ которой сами отпали“¹⁾. На основаніи сихъ разсужденій богомудраго отца, мы вѣруемъ, что митрополитъ Амвросій, какъ отступившій отъ православной Церкви, уже не имѣлъ на себѣ по переходѣ въ Бѣлую Криницу благодати Св. Духа, какъ „отторженный“ отъ Церкви, сдѣлавшись чрезъ то міряниномъ, не могъ, слѣдовательно, сдѣлаться родоначальникомъ „законной австрійской іерархіи.“ Къ этимъ авторитетнымъ словамъ св. Василия Великаго намъ остается прибавить немного, а именно 4 правило 2-го вселенскаго собора, которое читается такъ: *О Максимѣ Киникѣ и о произведенномъ имъ безчиніи въ Константинополѣ: ниже Максимъ былъ или есть епископъ, ниже поставленные имъ на какую бы то ни было степень клира: и содѣланное для него, и содѣланное имъ, все ничтожно*²⁾. Вотъ какой судъ изрекаетъ соборное правило на православнаго епископа, совершившаго противоканоническія дѣйствія.

Такимъ образомъ, на основаніи священнаго Писанія, священнаго Преданія, ученія св. отцовъ и учителей Церкви, исторіи христіанской Церкви, церковныхъ правилъ, постановленій и опредѣленій соборныхъ мы приходимъ къ тому выводу, что *Амвросій долженъ быть признаваемъ самоотлученнымъ (ἐπαρχὴ καδαίρετος), а совершенныя имъ хиротоніи недействительными (ἄχρηστές), а потому и вся происшедшая отъ него „іерархія“ есть іерархія самозванная, незаконная, антиканоническая.*

Николай Поповъ.

¹⁾ Твор. Василия Вел., ч. VII. Москва 1873, стр. 3.

²⁾ Книга правилъ 44—45 стр.

Болгарекая ересь богомиловъ ¹⁾).

Ересь стригольниковъ въ первый разъ становится извѣстною въ 1371 году. Вождями ея были нѣкто Карпъ стригольникъ ²⁾ и діаконовъ Никита ³⁾. Сначала они дѣйствовали въ Псковѣ, а потомъ перешли въ Новгородъ. По примѣру богомиловъ, стригольники начали съ того, что указывали и нападали на безпорядки духовенства и за безпорядки совсѣмъ отвергали церковную іерархію. Какъ и богомилы они говорили о всѣхъ духовныхъ лицахъ, какъ о „поставленныхъ на мздѣ“; поэтому христіанскіе священники суть недостойные, недѣйствительные пастыри и не имѣютъ благодати священства, такъ какъ благодать Св. Духа не можетъ быть пріобрѣтена за деньги. Но какъ плату берутъ рукополагающіе священниковъ епископы, а епископы платятъ митрополитамъ, митрополиты же патріарху, то всѣ они незаконные архіереи; незаконна и вся существующая іерархія, русская и греческая включительно до патріарха и собора. Затѣмъ, переходя къ разбору жизни духовенства, стригольники подобно богомиламъ находили, что „архіереи и монахи собираютъ себѣ много имѣнія, а священники—что это за священники и учителя?—ѣдятъ и пьютъ съ пьяницами, взимаютъ съ нихъ золото и серебро, берутъ порты (поборы) съ живыхъ и мертвыхъ“, такимъ образомъ незаконно поставленные пастыри являются недостойными и по своей жизни. Если такъ, то значитъ недѣйствительно и все совершаемое церковными пастырями; не должно поэтому слушать ихъ ученія и принимать отъ нихъ таинствъ; не должно пѣть надъ умершими, „ни поминати ихъ, ни службы по

¹⁾ См. „Мисс. Обзоръ“, октябрь, стр. 381—388.

²⁾ Т. е. цирюльникъ, занимавшійся обычною въ древней Руси выстрижкой гуменца (верха головы или темени) у новопостриженныхъ епископомъ чтецовъ или дьяковъ.

³⁾ Софійскій врем., ч. I, стр. 351, Никон. лѣт., ч. IV, стр. 46; Супрасльская лѣт., стр. 91.

нихъ творити, ни приноса за мертвыя приносить въ церкви, ни пировъ творити, ни милостыню давати за душу умершаго“.

Признавъ всѣхъ священнослужителей недѣйствительными, стригольники по примѣру богомиловъ естественно должны были право религіознаго учительства и священнодѣйствія предоставить мірянамъ при чемъ они ссылались на слова ап. Павла, заповѣдующаго учить и простымъ людямъ, какъ духовнымъ священникамъ. Какъ и богомильскіе учителя вожаки стригольнической ереси въ своемъ учительствѣ думали держаться только новозавѣтныхъ писаній. Впрочемъ, Карпъ, какъ главный вожакъ секты, въ дополненіе къ нимъ, составилъ еще какое-то свое „писаніе книжное на помощь своей ереси“, которое показывалъ и читалъ всѣмъ. Это писаніе, безъ сомнѣнія, было тѣмъ, чѣмъ были подобныя нелѣпыя апокрифическія писанія или сказанія и богомильскихъ ересеучителей.

Устроивъ у себя учительство, стригольники должны были устроить свои моленія. Видимые церковные храмы они, подобно богомиламъ, отвергали, неразумно ссылаясь на слова свящ. Писанія, что „Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ“. Было ли у нихъ св. крещеніе—неизвѣстно; вѣроятно, было. Но относительно таинства евхаристіи есть указаніе, что они его не совершали и вслѣдъ за богомилами понимали его въ смыслѣ духовнаго общенія вѣрующихъ со Христомъ. вмѣсто исповѣди у священниковъ, какъ духовниковъ, они учили каяться самому, припадая къ землѣ ¹⁾. Значить, церковная практика относительно таинства покаянія признавалась ими, какъ и богомилами, ненужною.

Нравственныя начала стригольнической секты тоже могли быть отголоскомъ практическаго ученія богомиловъ. Стригольники, подобно богомиламъ, проповѣдывали нестяжательность, воздержаніе, трезвость и проявляли эти черты въ своей жизни, съ цѣлью противопоставить ихъ духу стяжа-

¹⁾ По мнѣнію однихъ, этотъ не совсѣмъ понятный обрядъ могъ означать тайную исповѣдь Самому Богу, причемъ припаденіе къ землѣ совершалось для того, чтобы можно было лучше сосредоточиться. Другіе же полагаютъ, что въ обрядъ припаденія къ землѣ могло дѣйствовать по привычкѣ древнее языческое олицетвореніе земли-матери.

нія и невоздержности современнаго имъ духовенства. Этими качествами они привлекали даже на свою сторону нѣкоторые православныхъ, говорившихъ о стригольническихъ учителяхъ, что „они не грабятъ имѣнія и не собираютъ“. По примѣру богомиловъ, стригольники, кромѣ того, подолгу молились, строго постились, имѣли видъ печальный, угрюмый и вообще отличались аскетическимъ образомъ жизни ¹⁾. Говоря объ этомъ аскетизмѣ стригольниковъ, православные обличители объясняютъ его фарисейскимъ лицемѣріемъ, свойственнымъ и богомиламъ, которое рассчитано было на обольщеніе простодушныхъ ²⁾.

Такимъ образомъ ересь стригольниковъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ своего ученія довольно сходна съ ересью богомиловъ, а это сходство заставляетъ насъ допустить, что первая образовалась не безъ вліянія со стороны послѣдней.

Стригольническая секта просуществовала въ Россіи не болѣе 50 лѣтъ. Послѣ 1427 года о стригольникахъ уже не слышно, но поднятое ими антицерковное движеніе, поддерживаемое продолжающими жить въ народной памяти идеями богомиловъ, не исчезло, и, какъ сейчасъ увидимъ, вскорѣ снова возникло въ другой, еще болѣе опасной, ереси жидовствующихъ.

Спустя около 35 лѣтъ послѣ прекращенія ереси стригольниковъ началось и опять въ Новгородѣ новое религиозно-сектантское движеніе, извѣстное подъ именемъ *ереси жидовствующихъ* ³⁾. Эта ересь, начавшая и продолжавшая свое

¹⁾ Ученіе секты стригольниковъ обстоятельно раскрыто въ уважительныхъ грамотахъ константинопольскихъ патріарховъ Нила (около 1382 г.) и Антонія (около 1394 г.) (см. Акты и ст., т. I, № 4. 6) и въ посланіяхъ Московскаго митрополита Фотія (1416 и 1427 гг.) (Акты и ст., т. I, № 21. 33 и 34).

²⁾ Патріархъ Антоній писалъ: „таковы же были и фарисеи, постились два раза въ недѣлю, не ѣли по цѣлымъ днямъ, однако мытари и грѣшники съ исповѣданіемъ пришли ко Христу и спаслись, а фарисеямъ сказано: горе вамъ, книжницы и фарисеи!“

³⁾ Свѣдѣнія объ ереси жидовствующихъ можно находить въ посланіяхъ Новгородскаго архіепископа Геннадія къ Московскому митрополиту Зосимѣ (Акты Эксп., т. I, № 380), къ Суздальскому еп. Нифонту, къ Ростовскому арх. Іоасафу (Чтен. Общ. Ист. 1747 г.) и особенно въ „Просвѣтителѣ“ Іосифа Волоколамскаго.

дѣло тайно, имѣла большой успѣхъ среди русскихъ ¹⁾, хотя сравнительно и недолго. Хотя названіе свое ересь получила отъ своего основателя жида Схаріи или Ерихоны, прибывшаго изъ Литвы въ Новгородъ около 1471 года ²⁾, и элементъ жидовства дѣйствительно въ ученіи этой ереси довольно замѣтенъ, однако названіе „жидовствующие“ далеко не выражаетъ содержанія самаго ученія ихъ. Іудейство или жидовство участвуетъ въ ученіи этихъ сектантовъ только въ видѣ случайнаго, внѣшняго возбужденія, преслѣдуя здѣсь не столько цѣли чисто религіозной пропаганды, къ которой, съ появленіемъ христіанства, оно утратило и способность и желаніе, сколько цѣли матеріальныхъ или, точнѣе сказать, торгово-промышленныхъ. Въ возникновеніи антирелигіознаго движенія, называемаго ересью жидовствующихъ, гораздо болѣе замѣтно участіе сектантскихъ идей богомилловъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовалась и предшествовавшая ересь стригольниковъ. Самъ архіепископъ новгородскій Геннадій, одинъ изъ строгихъ обличителей жидовствующихъ, прямо говорилъ, что въ ученіи этихъ еретиковъ участвуетъ не одно жидовство, что они содержатъ ересь христіанскую, сходную съ древнею, давно извѣстною ересью мессалианъ ³⁾, элементы которой въ богомилствѣ, какъ мы имѣли случай говорить, весьма замѣтны.

Такимъ образомъ, послѣ ереси стригольниковъ древнее богомилство снова отразилось въ другой ереси—жидовствующихъ. Но если стригольники въ своемъ ученіи преимуще-

¹⁾ По свидѣтельству Іосифа Волоколамскаго, „въ домахъ на торгахъ и въ пути—монахи и міряне—о вѣрѣ пытали“ и „отступили отъ православія“.

²⁾ Онъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ братомъ Кіевскаго князя, Михаиломъ Оленьковичемъ, назначеннымъ въ Новгородъ намѣстникомъ Польскаго короля Казимира. Немного спустя сюда вновь прибыли изъ Литвы еще два жида—Іосифъ Шмайло Скорявей и Моисей Ханушъ.

³⁾ Въ посланіи ростовскому епископу Іоасафу Геннадій писалъ: „Хотя они мудрствуютъ по-жидовски, но покрыты укориною проклятія, изреченною противъ еретиковъ... мессалианъ. Спроси, и каждый говорить: я православный христіанинъ; и въ лихомъ дѣлѣ своемъ заперся. Нѣтъ, въ нихъ не одно іудейство; а оно смѣшано съ мессалианскою ересью... Что ни есть мессалианскихъ ересей, то все мудрствуютъ“ (Чтен. Общ. Ист. 1747 г.).

ственное вниманіе обращали не столько на догматическія или теоретическія основы богомилской секты, сколько на видимыя практическія слѣдствія, вытекающія изъ этихъ основъ, отрицательно относясь больше къ внѣшнему строю церковной жизни, чѣмъ къ внутреннему, то жидовствующие главнымъ образомъ старались воспроизводить внутреннія основы богомилства; отрицательное направленіе этихъ послѣднихъ преимущественно простиралось на догматико-теоретическое ученіе православной Церкви, сказываясь, впрочемъ, въ концѣ концовъ и отверженіемъ внѣшняго церковнаго благоустройства. Значить, ересь жидовствующихъ начала съ того, чѣмъ кончила стригольническая ересь, а именно—съ полнаго отрицанія православно-христіанскаго вѣроученія, поведшаго потомъ къ гораздо болѣе широкой и дерзкой критикѣ (чѣмъ это было у стригольниковъ) и всѣхъ существующихъ въ Церкви учреждений, уставовъ, порядковъ.

Въ одной лѣтописи, повидимому близкой ко времени жидовствующихъ ¹⁾, между прочимъ разсказывается, что эти еретики про Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божія говорили: „Како можетъ Богъ на землю явиться и отъ Дѣвы родитися, яко человекъ? но не есть тако, но яко Пророкъ бѣ подобенъ Моисею ²⁾. И не вѣроваху еже отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы рождеству Его, ни воскресенію Его, ни на иконахъ написанному образу по человѣчеству Господа нашего Иисуса Христа Сына Божія не поклоняхуся, ни Пречистыя образу, ни Святымъ Его угодникамъ; но хуляще и ругающесе глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣческихъ,—уста имуть и не глаголютъ, и пр. также и Божественную службу совершающе ядше и пивше, и тѣло Христово ни во чтоже вмѣняюще, яко просто хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино, и иныя ереси многи творяще, противно правиламъ св. апостолъ и св. отецъ; но большее ветхаго закона держакхуся, по іудейски (т. е. по іудейскому календарю) пасху праздноваху, въ среду и пятокъ масло

¹⁾ Разумѣемъ „Софійскій временникъ“, ч. II, подъ 1491 г. стр. 351. 352.

²⁾ По словамъ же Іосифа Волоколамскаго, еретики утверждали, что когда Мессія *явится*, то *будетъ* подобенъ прежнимъ пророкамъ, а *пришедшему* Христу отказывали и въ этой чести („Просвѣтитель“, слово 2-е).

ядяху и млеко, *иныя дѣла неподобныя еретическія творяху* ¹⁾, ихже не мощно списанію предати“.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведеннаго лѣтописнаго извѣстія, жидовствующие, по примѣру богомиловъ, отвергали Божество Иисуса Христа, не допускали возможности Его воплощенія, не вѣрили воскресенію Его изъ мертвыхъ, не чтили св. иконъ, ни св. угодниковъ Божіихъ, не признавали въ таинствѣ Евхаристіи тѣла и крови Христовыхъ и смотрѣли на нее, какъ на образъ самый простой, и пр.

Однакоже не у всѣхъ жидовствующихъ отрицаніе доходило до одинаковыхъ размѣровъ: одни, напр., допускали поклоненіе иконъ Спасителя, другіе были рѣшительными иконоборцами; одни только умѣренно либеральничали, другіе держались сродныхъ жидовству крайне матеріалистическихъ представленій о значеніи и цѣли религіи и Церкви, какъ средствахъ къ устраненію всѣми правдами и неправдами земного, чувственнаго благополучія, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ тому, что будетъ за гробомъ. Въ наиболѣе же рѣзкой формѣ доктрина жидовствующихъ выразилась у симоновскаго архимандрита Зосимы, котораго не напрасно сектанты возвели на Московскую митрополию. Зосима, называясь митрополитомъ, совершая богослуженіе, созывая соборы противъ жидовствующихъ, въ то же время самымъ кощунственнымъ образомъ говорилъ: „Какой же это Иисусъ Христосъ? Что то царство небесное? Что то второе пришествіе? Что то воскресеніе мертвыхъ? ничего того нѣтъ. Умеръ кто инъ, то умеръ,—по та мѣста и былъ“. Затѣмъ слѣдовали не менѣе кощунственныя сцены: издѣваясь у себя дома надъ церковною святынею, Зосима полагалъ св. кресты въ нечистыхъ мѣстахъ, сжигалъ св. иконы, обзывая ихъ, подобно богомильскимъ ересеучителямъ, болванами или идолами; дни и ночи проводилъ въ безпутствѣ и пьянствѣ, чѣмъ, наконецъ, выдалъ себя и за что былъ низложенъ.

При показанномъ сходствѣ ереси жидовствующихъ во многихъ пунктахъ ученія съ древнимъ богомильствомъ,

¹⁾ Въ 11 и 12 словахъ „Просвѣтителя“ Іосифа Волоколамскаго находимъ поясненіе этимъ неопредѣленнымъ словамъ,—здѣсь именно показано, что жидовствующие еще отвергали церковный институтъ монашества, какъ образа жизни, противнаго будто-бы человѣческой природѣ.

вполнѣ естественно допустить, что на образованіе этой ереси въ извѣстной степени вліяли незабываемыя народомъ сектантскія идеи богомиловъ.

Ересь жидовствующихъ продолжалась не болѣе 70 лѣтъ и была подавлена, но чрезъ 30 лѣтъ смѣнилась ересью или сектою *Теодосія Косаго* ¹⁾. Находясь въ непосредственной связи съ ересью жидовствующихъ, новая эта ересь пошла еще дальше и представляетъ поразительное сходство съ богомилствомъ. *Теодосіане* не ограничивались уже отрицаніемъ Божества Иисуса Христа, Его воплощенія, почитанія святыхъ, иконъ, креста, чудесъ, церковной іерархіи, таинствъ и т. п., а вслѣдъ за богомилами склонялись даже къ революціонному отрицанію государства и повиновенія всякимъ земнымъ властямъ. Далѣе некуда было идти, и русское религіозное сектантство, все время поддерживаемое богомилствомъ, закончило первый періодъ своего историческаго развитія.

IV.

Въ послѣдующее время древнее богомилство болѣе или менѣе откликнулось въ такъ называемыхъ мистико-раціоналистическихъ или тайныхъ сектахъ хлыстовъ, скопцовъ и молоканъ.

По общераспространенному у *хлыстовъ* ²⁾ преданію, не чуждому нѣкотораго вымысла, ихъ общество получило начало въ первой половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда одни „умные люди“, пораженные оскудѣніемъ въ мірѣ чистоты и благочестія, собрались на

¹⁾ См. полемическія сочиненія Зиновія Отенскаго. „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“ (объ ученіи Косаго) и „Посланіе многословное на зломудріе Косаго и иже съ нимъ“.

²⁾ Названіе „хлысты“ или произошло отъ религіознаго обряда этихъ сектантовъ, во время совершенія котораго они бичуются, хлыщутъ другъ друга подъ слова пѣсни: „хлыщу, хлыщу, Христа ищу“... или же есть искаженное произношеніе „христы“, — произношеніе, встрѣчающееся въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго, который въ первый разъ изъ церковныхъ писателей упоминаетъ о хлыстахъ. „Христовщиной“ названа была эта секта потому, что въ средѣ ея постоянно являлись люди, слывшіе за одаренныхъ высшими дарами благодати, которыхъ сектанты считали христами. Сами себя хлысты называютъ „людьми Божиими“, въ которыхъ будто-бы за ихъ богоугодную жизнь обитаетъ Богъ.

святое мѣсто и своими молитвами „созвали съ неба на землю“ Господа Саваоа, въ лицѣ одного бѣлаго солдата Данилы Филиппова, крестьянина Юрьевского уѣзда, Костромской губерніи, который, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ своей проповѣди, даровалъ имъ сына своего, христа, въ лицѣ Муромскаго крестьянина Ивана Суслова, вознесся на небо, т. е. умеръ. Лжехристосъ Сусловъ завелъ себѣ богородицу и 12 апостоловъ и въ сопровожденіи ихъ распространялъ свое ученіе преимущественно въ нижегородскихъ предѣлахъ. Похожденія Суслова кончились въ 1716 году, когда и онъ тоже возпесся на небо, какъ рассказываютъ хлысты, для соединенія съ своимъ отцемъ. Послѣ этого христомъ объявилъ себя стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ, жену свою Акулину Ивановну назвавшій богородицей. Свое ученіе онъ распространялъ въ губерніяхъ Нижегородской, Ярославской и въ самой Москвѣ. Лупкинъ пользовался среди хлыстовъ такимъ же почетомъ, какъ и Сусловъ; при встрѣчѣ ему кричали: „царь, царь“, крестились на него, кланялись ему въ ноги и цѣловали руки. Въ 1746 году въ Москвѣ объявился новый лжехристосъ, юродивый Андреянъ Петровъ, слывшій за блаженного и предсказателя не только въ простомъ народѣ, но и среди многихъ изъ московской знати. Благодаря вліянію этого юродиваго хлыстовщина получила такое распространеніе, что, по словамъ бѣлаго калужскаго священника Сергѣева ¹⁾, она не страшилась становиться не разъ даже на мѣстѣ святѣ, „въ лицѣ самыхъ служителей алтаря Господня“. При всѣхъ суровыхъ преслѣдованіяхъ, которымъ неоднократно подвергалась хлыстовщина, она продолжаетъ тайно существовать и доселѣ во многихъ губерніяхъ ²⁾.

Русскій человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ чувства, а въ преобладаніи чувства надъ мыслию и содержится источникъ такъ называемаго мистицизма, характеризующаго хлыстовщину. Вотъ почему мы думаемъ, что хлыстовщина въ извѣстной степени представляетъ собою явленіе самобытное, русское; образованіе ея стоитъ въ нѣкоторой связи съ

¹⁾ Его „Изъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина“, представленное въ 1809 году чрезъ преосвящ. Теофилакта въ св. Синодѣ.

²⁾ Христ. Чтен. 1869 г., ч. II, стр. 465.

складомъ духовныхъ силъ русскаго простолюдина, съ нашимъ народнымъ характеромъ, съ историческими и бытовыми условіями русской жизни. Но въ то же время нельзя не видѣть въ хлыстовщинѣ повторенія, такъ сказать, на русской почвѣ и явленія общеисторическаго, такъ какъ въ ученіи ея есть много аналогичнаго или даже тождественнаго съ ученіемъ многихъ сектъ западныхъ ¹⁾ и особенно восточныхъ, съ которыми въ свое время боролись великіе отцы Церкви во всеоружіи тогдашней эллинской и христіанской учености. Изъ восточныхъ сектъ ближе всѣхъ хлыстовщина стоитъ къ богомилству, занесенному къ намъ изъ Болгаріи еще при св. Владимірѣ. Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятнымъ представляется мнѣніе нѣкоторыхъ почтенныхъ изслѣдователей ²⁾ относительно вліянія на образованіе хлыстовщины секты богомиловъ. Весьма большое значеніе въ смыслѣ мнѣнія этихъ изслѣдователей имѣютъ слѣдующіе факты. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, о лжехристѣ Сусловѣ говорили, что онъ родомъ изъ Турціи ³⁾, очевидно на томъ основаніи, что Сусловъ былъ, какъ и его преемникъ Лупкинъ, бѣглый солдатъ, и оба они участвовали въ походахъ противъ турокъ, слѣдовательно, были въ Болгаріи или вблизи ея и могли тамъ познакомиться съ остатками богомилства. Въ этомъ случаѣ не мѣшаетъ еще сослаться на показаніе одной хлыстовской богородицы, записанное священникомъ Вазерскимъ, о томъ, что „секта хлыстовъ происходитъ отъ запорожскихъ казаковъ“, бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля секты, въ видѣ христа ⁴⁾. Всѣ эти и подобные факты не могутъ не говорить о

¹⁾ Съ этими средневѣковыми мистическими сектами Западной Европы поставляютъ хлыстовщину въ связь, преосвящ. Филаретъ (Ист. русс. Ц. 1848 г., Москва, т. V, стр. 85 и дл.), Ливановъ („Рационализмъ русскихъ сектантовъ“ въ Всем. Трудѣ 1868 г., Февр., стр. 49), Н. Реутскій („Люди Божіи и скопцы“, Москва 1872 г.; стр. 4—6; 75—88), И. Соколовъ (Странникъ 1880 г., т. I, стр. 96—112) и др.

²⁾ Напр., Максимовъ (Отеч. Зап. 1867 г. стр. 500—521), Мельниковъ, Русскій Вѣстн. 1868 г., т. 75, стр. 14—20) и др.

³⁾ „Сказуютъ того лжехриста родомъ быти турченина“, „Розыскъ“, ч. III, гл. 2.

⁴⁾ Добротворскій, „Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“, Казань, стр. 25—27.—Эта ссылка находитъ себѣ подтвержденіе въ разсказахъ Кельсіева („Русскіе двоевѣры“,

большемъ или меньшемъ заимствованіи хлыстами своего ученія отъ богомиловъ.

Мы сказали, что изъ всѣхъ сектъ христіанскаго востока хлыстовщина всего ближе стоитъ къ болгарской сектѣ богомиловъ. И дѣйствительно, сличая ученіе хлыстовъ съ богомильскимъ ученіемъ, находимъ между ними во многихъ частяхъ значительное сходство и даже тождество.

Хлысты учатъ, что существуетъ небо и земля, міръ духовный и матеріальный. Небесъ семь. На седьмомъ небѣ обитаетъ: Святая Троица, Богородица, архангелы, ангелы и святые угодники. Но что такое Троица, архангелы и ангелы, сектанты не разясняютъ. Можно думать, что подъ этими названіями они разумѣютъ не лица, но только различныя силы и образы проявленія въ природѣ и человѣкѣ одного и того же божественнаго существа. Такимъ образомъ хлыстовщина также отвергаетъ истинно-христіанское ученіе о троичности Лицъ въ Богѣ, какъ и богомилы.

По словамъ свящ. Сергѣева, хлысты „не признаютъ того, что Иисусъ Христосъ, совокупивъ въ особѣ своей оба естества—Божеское и человѣческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизволилъ родиться изъ Нея истинно, яко совершенный человѣкъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими человѣками соестественный“; они учатъ, что Сынъ Божій, сошедши на землю, „Духомъ Своимъ Святымъ вселился *въ чужую душу и плоть прежде зачатого и рожденнаго* по общимъ законамъ природы человѣка“ Иисуса Назорея,—вселился на 13-мъ году Его жизни, „ради безпорочности Его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ“. Съ этого времени Человѣкъ Иисусъ сталъ Христосъ, т. е. помазанникомъ, по причинѣ духовнаго помазанія, сообщеннаго Духомъ Святымъ, т. е. чрезвычайнаго дара ученія и пророчества. „И такъ, продолжаетъ Сергѣевъ, у нихъ Иисусъ Христосъ есть не больше, какъ первоначальный учитель, Сынъ Божій не по естеству, а по благодати, причастію и вселенію въ Него Духа Святаго“. Созершенныя Имъ чудеса, по мнѣ-

Отеч. Зап. 1867 г.), который въ данномъ отношеніи имѣетъ большой авторитетъ, какъ человѣкъ, собравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Турціи.

нію хлыстовъ, нужно понимать духовно. Ходить по водамъ, яко по суху—значить жить въ мірѣ и не касаться его соблазновъ; исцѣлять разслабленныхъ—подкрѣплять маловѣрныхъ; возставлять болящихъ отъ одра—ободрять унывающихъ; давать слѣпымъ прозрѣніе—научать истинной вѣрѣ и проч. Таковъ взглядъ нашихъ сектантовъ на Иисуса Христа, или „старого Христа“, какъ они выражаются. Нельзя не видѣть весьма близкаго сходства такого взгляда съ ученіемъ многихъ восточныхъ сектъ, въ томъ числѣ прежде всего секты богомиловъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ болѣе всѣхъ знакомой нашему народу съ первыхъ временъ русскаго христіанства.

Но то, чего удостоился Иисусъ Назорей, продолжаютъ хлысты, можетъ быть приобрѣтено и другими избранными людьми. Иисусъ сдѣлался Христомъ, въ немъ воплотился Сынъ Божій единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы и другой кто-либо изъ людей достигалъ той же степени нравственной чистоты, какой достигъ родившійся отъ Іосифа и Маріи; слѣдовательно, и другіе избранные люди могутъ удостоиваться воплощенія въ нихъ Сына Божія—дѣлаться христами. „Онъ, Христось, пречистой Своей плоти подвигомъ земной кончилъ, а въ другихъ плотяхъ избранныхъ Онъ еще начинается“, поютъ наши сектанты на своихъ радѣніяхъ. Отсюда у нихъ цѣлый рядъ „открывшихся или „изобрѣтенныхъ“ христовъ, начиная съ Суслова. Начало такихъ вѣрованій въ возможность воплощенія Бога въ чловѣка и отождествленія чловѣка съ Богомъ восходитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ восточныхъ народовъ—индійцевъ и персовъ. Въ древне-христіанской Церкви эти языческія вѣрованія отразились въ ересьхъ манихеевъ, павликіанъ и въ образовавшейся подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ сектъ богомиловъ. Несомнѣнно, что эти вѣрованія имѣютъ связь съ ученіемъ русскихъ хлыстовъ, хотя прослѣдить эту связь въ настоящее время и нѣтъ возможности ¹⁾.

Какимъ же образомъ достигается то нравственное совершенство, при которомъ чловѣкъ отождествляется съ Богомъ,

¹⁾ С. Маргаритовъ, „Исторія русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ“, Кишиневъ, 1894 г., стр. 50.

дѣлается Христомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить нравственное ученіе хлыстовъ, въ основѣ котораго лежитъ дуализмъ и тѣсно связанный съ нимъ аскетизмъ. Въ этомъ пунктѣ ученія хлыстовъ, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть самой близкой аналогіи съ ученіемъ богомиловъ. Тѣ и другіе смотрятъ на тѣло, какъ на злое, сатанинское начало въ природѣ человѣка, которое нужно стараться всячески умерщвлять. Отсюда одинаково суровая мораль у тѣхъ и другихъ. Какъ и богомилы, хлысты должны воздерживаться отъ супружескаго сожитія. Впрочемъ, эта заповѣдь исполняется ими формально: осуждая церковный бракъ, они въ то же время имѣютъ духовныхъ женъ, которыя даются имъ христами или пророками на радѣніяхъ, якобы для заботы о храненіи цѣломудрія этими женами. Кромѣ того, хлысты, подобно богомиламъ, стараются воздерживаться отъ употребленія хмѣльнаго, ибо въ винѣ, по апостолу, есть блудъ (Еф. 5, 18). Изъ понятія о необходимости умерщвлять плоть вытекаетъ также хлыстовское ученіе о постѣ, состоящее въ постоянномъ удаленіи отъ употребленія въ пищу мяса. То же аскетическое значеніе имѣютъ и хлыстовскія радѣнія, соединенныя съ самоистязаніями. Радѣнія нашихъ сектантовъ, служащія внѣшнюю формою богослуженія ихъ, составляютъ явленіе родственное богослуженію византійскихъ евхитовъ или мессалианъ, вліяніе которыхъ на образованіе богомильства, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, не подлежитъ сомнѣнію. Подобно тому, какъ въ сектѣ евхитовъ, бѣганья и верченья хлыстовъ на радѣніяхъ, часто доходящія до полнаго изступленія и изнуренія, дѣлаются съ цѣлью умерщвленія плоти. Помимо радѣній къ очищенію и совершенствованію духа, по мнѣнію хлыстовъ, можетъ служить частое повтореніе молитвы Иисусовой. Молитвѣ—этому „Богу всѣхъ добродѣтелей и дарованій благодатныхъ“—хлысты, вслѣдъ за богомилами, придаютъ особенно важное значеніе. Поэтому наши сектанты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются *богомолами* ¹⁾, подобно древнимъ *богомоламъ*—евхитамъ и родственнымъ имъ богомиламъ.

По примѣру богомиловъ хлысты раздѣляются на отдѣльныя общины, извѣстныя подъ названіемъ „кораблей“. Они

¹⁾ Мельниковъ, „Письма о расколѣ“, 1862 г., стр. 72.

управляются особыми лицами, которыя, являясь какъ-бы носителями благодати и совершителями богослуженія, образуютъ изъ себя такимъ образомъ нѣчто въ родѣ іерархіи. Первое и главное мѣсто въ этой іерархіи принадлежитъ „кормицику“ корабля, иначе называющемуся „учителемъ“, „апостоломъ“, „пророкомъ“ и др. Когда еще были у хлыстовъ „изобрѣтенные“ христы (въ настоящее время, повидимому, мѣсто христовъ заступаютъ пророки), при каждомъ изъ нихъ, какъ и при богомильскихъ учителяхъ или епископахъ, большею частію было 12 апостоловъ, которые помогали ему „уловлять вселенную“. Теперь, хотя у нашихъ сектантовъ и нѣтъ христовъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайныя благодатныя дарованія Церкви первобытной, апостольской существуютъ у нихъ (какъ они въ этомъ убѣждены) въ полной мѣрѣ: и теперь овому дается духомъ пророчество, иному даръ языковъ, иному сказаніе языковъ.

Во всемъ расходясь съ православною Церковію, хлысты, какъ и богомилы, естественно, не признаютъ этой послѣдней. По словамъ свящ. Сергѣева, православная Церковь въ ихъ глазахъ „есть учрежденіе, ничѣмъ не отличающееся отъ ветхозавѣтной синагоги и другихъ языческихъ собраній и только предзнаменующее ихъ духовную Церковь. Таинства они, по примѣру богомиловъ, отвергаютъ на томъ основаніи, что по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ кѣмъ они совершены, не происходитъ будто-бы никакой переменѣ, ничего подобнаго тому, что испытываютъ сектанты во время своихъ радѣній. Особенно они издѣваются надъ священствомъ. „Съ насмѣшкою говорятъ, будто вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Окомъ зависти взирая на святительскія свѣтлыя, блистательныя украшенія, говорятъ, что вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія каменья, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать... Священниковъ именуютъ сопатыми ослами“ (слова Сергѣева). Истинные христіане, духовные, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ, какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій по плоти, говорятъ они, плотская мудрствуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ и свобода. Подобно богомиламъ, православныхъ иконъ они не почитаютъ, говоря, что гораздо разумнѣе покло-

няться живому существу, въ которомъ, можетъ быть, невѣдомо для поклоняющагося обитаетъ Богъ, нежели неодушевленному дереву.

Впрочемъ на практикѣ хлысты, по примѣру богомиловъ, въ отношеніи къ православной Церкви допускаютъ крайнее лицемѣріе. Имъ не воспрещается, для избѣжанія подозрѣнія въ принадлежности къ сектѣ, наружно принадлежать къ господствующей Церкви и оказывать усердіе къ православнымъ храмамъ. Точно также, питая въ душѣ сильную ненависть къ православному народу и особенно духовенству, хлысты однако иногда заповѣдуютъ почитать священниковъ и весь причтъ церковный любить, потому что они—служители Бога Вышняго. Послѣднее говорится тѣмъ, которые еще не вполнѣ посвящены въ тайны хлыстовщины. Отвергая почитаніе иконъ, наши сектанты въ то же время охотно смотрятъ на нихъ во время молитвы и даже поклоняются имъ и т. п.

Наконецъ, хлысты, какъ и богомилы, не хотятъ признавать никакой правительственной власти; они, по своему лжеученію, должны быть совершенно свободны и независимы; если же исполняютъ предписанія начальства, то ради страха человѣческаго. „Духъ Святой, говоритъ одинъ лжехристосъ хлыстовскій, поставилъ меня выше всякаго начала и властей“. „Богъ на меня не гнѣвается, говоритъ другой лжехристосъ, я все равно—какъ вѣрный и любимый сынъ, исполнившій волю Отца и за то имѣющій во всемъ свою волю. На мнѣ отецъ уже взыскать ничего не хочетъ, да и не можетъ“.

Такимъ образомъ, въ ученіи хлыстовъ есть много аналогичнаго и даже тождественнаго съ ученіемъ древнихъ богомиловъ; а это, помимо вышесказаннаго, еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли о генетической связи и исторической преемственности этихъ сектантскихъ ученій.

Если сходно и близко ученіе хлыстовщины съ ученіемъ богомильской ереси, то еще ближе и сходнѣе стоитъ къ этой послѣдней вышедшее изъ первой *скопчество*. Обособившись во второй половинѣ XVIII вѣка отъ хлыстовщины въ отдѣльную секту, *скопчество* удержало однакоже все ея ученіе и обряды; единственное отличіе его составляетъ оскотленіе, котораго отнюдь не хотятъ допустить хлысты:

не трудно бороться съ умерщвленнымъ врагомъ, а ты поборись съ живымъ, возражаютъ они скопцамъ.

Основателемъ скопчества считается Селивановъ ¹⁾. Раньше принадлежалъ онъ къ хлыстовской сектѣ и въ одномъ изъ многочисленныхъ кораблей Орловской губерніи, гдѣ богородицей была, Акулина Ивановна, объявилъ себя „сыномъ Божиимъ“, искупителемъ (оскопителемъ). Желая возвратить хлыстовщинѣ забытый ею идеалъ нравственной чистоты ²⁾, здѣсь онъ, оскопившись самъ, началъ свою проповѣдь о необходимости оскотеленія или „убѣленія“, какъ наилучшемъ средствѣ уничтожить плотскія влеченія; здѣсь же нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ крестьянинѣ Тульской губерніи Александрѣ Ивановѣ Шиловѣ. Этотъ послѣдній признанъ скопцами за предтечу искупителя. „Удаляйтесь лѣности (сладострастія), проповѣдывалъ Селивановъ съ Шиловымъ. Змѣю бить, такъ бей ее поскорѣе до смерти, пока куда на шею не вспрыгнула и не укусила“. Слова эти означали то, что для сохраненія чистоты надо оскотелиться. Распространившееся еще при жизни Селиванова во многихъ губерніяхъ скопчество, по смерти его ³⁾, такъ широко распространилось въ предѣлахъ Россіи, что едва ли въ настоящее время можно найти губернію, гдѣ бы его не было. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ оно было признано самою вредною сектою, такъ что за простую принадлежность къ ней грозило преслѣдованіемъ. Такою признается она и донныѣ. Вслѣдствіе такого строгаго отношенія правительства скопцы уходили за границу и селились большею частію въ Румынію и Турцію. Въ 1872 году въ Румыніи, близъ Галаца, среди скопцовъ объявился „второй искупитель и царь“ въ лицѣ московскаго крестьянина Лисина, который приговоромъ суда былъ сосланъ въ каторжныя работы.

Внутренній духъ и характеръ ученія скопцовъ, какъ и хлыстовъ, совершенно согласенъ съ существомъ богомилскаго ученія.

¹⁾ По однимъ, крестьянинъ Орловской губерніи, а по другимъ — исключенный изъ службы подпоручикъ.

²⁾ Въ обществѣ хлыстовъ, вопреки одной изъ существенныхъ заповѣдей Даниила Филиппова: „плотскаго грѣха не творить“, началъ царить самый грубый развратъ.

³⁾ Онъ умеръ въ 1832 году въ Суздальскомъ Спасо-Евхиміевомъ монастырѣ, куда секретно сосланъ былъ.

Подобно богомиламъ, скопцы, вслѣдъ за хлыстами, учать о перевоплощеніяхъ Сына Божія. Въ духѣ богомильскаго ученія они утверждаютъ, что Іисусъ Христосъ ни страданій, ни смерти на землѣ, какъ повѣствуется объ этомъ въ Евангеліи, не испытывалъ; Онъ только терпѣлъ „гоненія отъ жидовъ“ и умеръ естественною смертію, послѣ чего душа Его вмѣстѣ съ Божествомъ вознеслась на небо, а тѣло предалось въ землѣ тлѣнію. Когда міръ снова погрязъ въ „лѣности“, Искупитель вторично явился на землѣ въ лицѣ Селиванова. Подобно первому Христу, Селивановъ страдалъ отъ гоненій. Въ новомъ икупителѣ Лисинѣ скопцы признають третье воплощеніе Сына Божія.

По примѣру богомиловъ, скопцы отвергаютъ всѣ церковныя таинства; крещенія водою у нихъ нѣтъ; покаяніе совершается чрезъ исповѣданіе грѣховъ другъ другу. Какъ и богомилы, они ненавидятъ и ругаются надъ пастырями Церкви, называя ихъ фарисеями, жидами. Въ отношеніи къ церковнымъ установленіямъ скопцы, по примѣру богомиловъ, крайне лицемѣрны. Молитвенные дома ихъ украшаются иконами Спасителя, Богоматери, Николая Чудотворца и другими. Эти иконы даже ставятся ими въ переднемъ углу. Но православное почитаніе св. иконъ наши сектанты, подобно богомиламъ, считаютъ идолопоклонствомъ. Какъ и богомилы, никакой власти они не признають; если же исполняютъ правительственныя распоряженія, то только ради страха наказанія.

Въ основѣ нравственнаго ученія скопцовъ лежитъ дуалистическое воззрѣніе богомиловъ, по которому духъ есть начало доброе, а тѣло—начало злое. Наши прародители, говорятъ сектанты, были сотворены безплотными, т. е. не имѣющими половыхъ органовъ. Послѣдніе явились только тогда, когда люди, по наущенію діавола, согрѣшили. Вмѣстѣ съ этимъ они предалися „лѣности“. Чтобы предохранить себя отъ нея, необходимо достигнуть такого состоянія, при которомъ уже фактически невозможно грѣшить. Эта невозможность и достигается чрезъ оскотленіе, состоящее въ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, поврежденіи половыхъ органовъ. Только при оскотленіи возможно достигнуть нравственной чистоты. Отсюда у скопцовъ, какъ и у богомиловъ, въ принципѣ отрицается брачная жизнь.

Вообще скопчество въ многихъ частяхъ своего ученія до такой степени близко и аналогично съ ученіемъ богомиловъ, что въ немъ какъ бы снова ожило и воскресло богомильство, и потому нельзя не признать, чтобы богомильскія идеи, живущія въ сознаниіи русскаго народа съ первыхъ временъ христіанства, не имѣли никакого вліянія на образованіе у насъ секты скопцовъ.

На томъ же самомъ основаніи мы не можемъ не видѣть слѣдовъ богомильства и въ весьма распространенной въ Россіи ¹⁾ сектѣ *молоканъ* ²⁾, которая была организована во второй половинѣ прошедшаго столѣтія крестьяниномъ Тамбовской губерніи, Борисоглѣбскаго уѣзда, Семеномъ Матвѣевымъ Уклеиннымъ. И дѣйствительно, если сравнимъ молоканское ученіе съ богомильскимъ, то найдемъ мажду ними поразительное сходство; это—какъ бы одна и та же никогда не прекращавшаяся ересь или секта.

Согласно вѣрованіямъ богомиловъ, молокане говорятъ, что отцы Церкви и вселенскіе соборы произвольнымъ толкованіемъ свящ. Писанія извратили христіанство и смѣшали его съ іудействомъ или язычествомъ. Въ настоящее время, по ихъ мнѣнію, истинную церковь составляютъ лишь они—„духовные христіане“, которые не пріемлютъ ни преданій, ни соборныхъ постановленій, а исповѣдуютъ только то, чему учить Библія.

Объ Иисусѣ Христѣ молокане въ духѣ богомильской ереси учатъ, что Онъ для спасенія людей принесъ съ неба плоть,—не дѣйствительную человѣческую, а лишь мнимую, т. е. такую, какую, напр., имѣлъ архангелъ Рафаиль, сопутствовавшій Товіи,—вселился съ нею въ утробу Дѣвы Маріи и безсѣменно родился отъ нея. Отсюда они не признаютъ дѣйствительными ни Его страданій, ни смерти.

Во имя мнимой духовности христіанства (Іоан. 4, 24) мо-

¹⁾ Извлеченіе изъ отч. оберъ-прокурора Св. Синода 1885 г., стр. 123.

²⁾ Это названіе установилось за данными сектантами съ 1765 года, когда Тамбовская дух. консисторія въ донесеніи св. Синоду назвала рационалистическое ученіе возникшихъ въ то время въ Тамбовской губерніи какихъ-то вольнодумцевъ, позволявшихъ себѣ ѣсть въ постъ молоко, —*молоканією*. Сами же молокане объясняютъ это названіе тѣмъ, что вкушаютъ „словесное млеко“; обыкновенно же они называютъ себя „духовными христіанами“.

локане, подобно богомиламъ, проповѣдуютъ поклоненіе Богу однимъ духомъ и отвергаютъ всякое внѣшнее богочитаніе съ почитаніемъ креста, иконъ, которыя называютъ они „идолами“, мощей, храма, ангеловъ, святыхъ и пр. Церковныя таинства они, вслѣдъ за богомилами, понимаютъ духовно, а именно: крещеніе, какъ наученіе отъ слова Божія, — покаяніе, какъ сокрушеніе сердца только предъ Богомъ и исповѣданіе грѣховъ другъ предъ другомъ, — причащеніе, какъ принятіе ученія Христова и исполненіе Его заповѣдей и т. д. Во имя неправильно понятой евангельской свободы (2 Кор. 3, 17) молокане, какъ и богомилы, проповѣдуютъ, что въ Церкви нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ, но всѣ равны, всѣ — братья и священники, и что никто не долженъ даже называться учителемъ, такъ какъ одинъ Учитель и Архіерей — Христосъ. Судя по этому, можно думать, что молоканству чужда всякая организація внутренняго религіознаго быта. На самомъ дѣлѣ не такъ: въ молоканскихъ общинахъ, по примѣру древнихъ богомилскихъ, существуютъ старцы или учителя, которые являются руководителями въ вѣрѣ. Самъ Уклеинъ, объявивъ себя пророкомъ, окружилъ себя 70 апостолами. Его примѣру слѣдовали и другіе руководители молоканской секты, восхищавшіе себѣ званіе пророковъ, чудотворцевъ и т. п.

Вмѣстѣ съ церковною іерархіей молокане, вслѣдъ за богомилами, отрицаютъ и гражданскую власть, признавая ее терпимою только для сыновъ міра, а не для духовныхъ христіанъ, въ которыхъ, какъ сынахъ не отъ міра сего, вселилось ученіе Христово. Христіане, по ихъ мнѣнію, должны избѣгать рабства помѣщиковъ, войны, присяги, какъ недозволенныхъ Словомъ Божиимъ. Вотъ почему молокане часто убѣгали отъ военной службы, а единовѣрцы ихъ укрывали бѣглецовъ. Соціально-революціонный элементъ въ молоканствѣ становится несомнѣннымъ въ виду прямыхъ со стороны нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей заявленій, что Государю служить не нужно, такъ какъ онъ-де не молоканинъ. А за Кавказомъ объявился даже молоканскій царь въ лицѣ Рудометкина. Иногда, впрочемъ, у молоканъ (напр., Кициневскихъ) встрѣчается молитва за русскаго Государя; но это объясняется ихъ лицемѣріемъ, свойственнымъ и древнимъ богомиламъ, — желаніемъ показать, что и они — вѣрные

сыны отечества. Повидимому наши сектанты не совсѣмъ отказываютъ и въ повиновеніи подлежащей власти, но это дѣлается, „покуда“, какъ они выражаются, „нельзя противиться“.

Все это показываетъ большую близость и сходство нашего молоканства съ болгарскимъ богомильствомъ; а это обстоятельство вынуждаетъ насъ видѣть въ богомильской ереси одно изъ важныхъ основаній въ образованіи молоканской секты.

V.

Въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, возникла на югѣ Россіи новая религиозная секта, весьма близкая къ ереси богомиловъ, извѣстная подъ именемъ *штундизма* или *штунды*¹⁾. Первыми послѣдователями, распространителями и вожаками этой секты были малороссы-крестьяне Михаилъ Ратушный, Иванъ Рябошапка (Херсонской губ.), Герасимъ Балабанъ (Кіевской губ.) и др.; приходившіе на югъ Россіи на заработки къ нѣмцамъ-колонистамъ. Эти работники, живя въ нѣмецкихъ колоніяхъ, иногда удаленныхъ на десятки верстъ отъ православныхъ храмовъ, не имѣя общенія съ православнымъ обществомъ въ молитвѣ и таинствахъ, не слыша поученій православныхъ пастырей, оторванные отъ своей семьи, не могли устоять противъ соблазновъ нѣмецкихъ пасторовъ и совращались въ штунду. И вотъ штундизмъ быстро распространился въ южной и отчасти западной Россіи, проникъ даже въ среднюю полосу ея, такъ что духовная власть

¹⁾ Это названіе происходитъ отъ нѣмецкаго *Stunde* — часъ; такъ назывались братства, члены которыхъ въ особые послѣобѣденные часы, преимущественно въ праздничные дни, собирались для чтенія свящ. Писанія, благочестивыхъ размышленій и пѣнія религиозныхъ гимновъ. Обычай устроить эти собранія былъ заведенъ въ Германіи лютеранскимъ пасторомъ Яковомъ Шпенеромъ (ум. въ 1705 году). Такія штундовые собранія появились и среди нѣмцевъ-колонистовъ на югѣ Россіи. Отъ нѣмцевъ обычай устроить эти собранія перешелъ и къ русскимъ. Главнымъ дѣятелемъ по устроению ихъ въ Херсонской губерніи, какъ говорятъ, былъ пасторъ Карлъ Вонекемпферъ изъ колоніи Рорбахъ, къ которому нерѣдко обращались за наставленіями русскіе работники въ нѣмецкихъ колоніяхъ.

должна была прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для борьбы съ нимъ ¹⁾).

Первоначально русскіе штундисты не составляли изъ себя въ собственномъ смыслѣ секты. Хотя ко многимъ догматамъ православія они высказывали недоувѣріе, однако не порвали еще связи съ православною Церковію, посѣщая православные храмы и принимая всѣ таинства отъ православныхъ священниковъ. Формальное отдѣленіе штундистовъ отъ Церкви произошло въ 70 годахъ. На это отдѣленіе повліяли *баптистскіе* миссіонеры, которые, появившись въ Россіи среди нѣмецкихъ колонистовъ, подорвали проповѣдью своего ученія довѣріе малороссовъ-штундистовъ къ православному духовенству и тѣмъ положили начало отдѣленію ихъ отъ Церкви въ видѣ особой секты ²⁾).

Такимъ образомъ, русскій штундизмъ стоитъ въ непосредственной причинной связи съ нѣмецкимъ, точнѣе прусскимъ *баптизмомъ*. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ несомнѣнныя данныя ³⁾. Но занесенный къ намъ изъ Пруссіи въ недавнее время баптизмъ, получившій въ Россіи названіе штунды, имѣетъ, какъ тамошнее явленіе, свой антецедентъ въ отдаленныхъ вѣкахъ христіанской Церкви на западѣ и даже на востокѣ ея. Можно прослѣдить генетическую связь его съ древнимъ богомилствомъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы имѣли случай замѣтить, что болгарскіе богомилы, подвергшіеся жестокому преслѣдованію въ Византійской имперіи, въ XII—XIII вѣкахъ расселились въ Италіи, Франціи и въ другихъ странахъ западной Европы, чему могли способствовать и передвиженія европейскихъ народовъ во время крестовыхъ походовъ. Отъ нихъ возникли въ XII вѣкѣ сродныя на западѣ Европы мистическія секты, извѣстныя во Франціи подъ именемъ *каваръ* (чистыхъ), *булгаръ*, *публиканъ* (павликданъ), *бичующихся*, *пляшущихъ*, *ткачей* и др.; въ XIII вѣкѣ изъ нихъ выродились «братья и сестры свободнаго духа» во Франціи, Германіи и Италіи,

¹⁾ Кіевскій соборъ іерарховъ 1884 г., всероссійскіе миссіонерскіе съезды, противощтундистскіе миссіонеры во многихъ епархіяхъ, и пр.

²⁾ Маргаритовъ, „Исторія русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ“, Кишиневъ, 1894 г., стр. 35.

³⁾ „Кіевскія Епарх. Вѣд.“ 1884 г., кн. 10 и 11; 1885 г., кн. 3.

среди которыхъ ученіе богомиловъ получило особенно большое развитіе. Начала ихъ же ученія лежали и въ основѣ проповѣди Арнольда Брестійскаго, Петра Бруи, Вальде-совъ и Альбигойцевъ, дѣйствовавшихъ преимущественно въ Франціи. Западные каѳары такъ же, какъ и богомилы, замѣняли у себя водное крещеніе возложеніемъ рукъ и Евангелія Іоанна, а причащеніе молитвою «Отче нашъ», воздерживались отъ вступленія въ бракъ и отъ употребленія вина и мяса. Нельзя сказать, чтобы принятое у *нѣмецкихъ баптистовъ* перекрещиваніе вступающихъ въ ихъ секту было позаимствовано ими лишь у *анабаптистовъ* или, какъ они иначе назывались, *меннонитовъ* ¹⁾ временъ реформаціи. Еще въ III вѣкѣ *новациане*, которые были чистыми пуританами своего времени, тоже принимали въ свою общину переходившихъ къ нимъ изъ православной Церкви чрезъ перекрещиваніе. Ихъ-то можно назвать также первыми анабаптистами. *Новациане* назывались каѳарами или чистыми, каковое названіе перешло уже отъ нихъ къ французскимъ каѳарамъ XII вѣка и къ каѳарамъ итальянскимъ, которые свое начало производили съ востока, именно отъ болгарской секты богомиловъ ²⁾.

Такимъ образомъ нѣмецкій баптизмъ, повліявшій у насъ въ Россіи на возникновеніе штундизма, имѣетъ свой историческій антецедентъ въ древнемъ богомильствѣ, съ которымъ онъ находится въ причинной, хотя и не непосредственной связи.

Но независимо отъ баптизма нѣмецкихъ колонистовъ, секта штундистовъ могла найти для себя подходящую почву въ самомъ русскомъ народѣ, въ религіозномъ сознаніи котораго еще съ первыхъ временъ христіанства жили богомильскія идеи, отразившіяся въ тѣхъ или другихъ сектантскихъ ученіяхъ. Ближайшимъ же образомъ, русскій штундизмъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе богомильско-молоканскихъ воззрѣній, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и по извѣстному сектантскому правилу — «отъ слова рождается новое слово» ³⁾.

¹⁾ Эти сектанты назывались такъ по имени одного изъ представителей секты анабаптистовъ Симона *Меннона*.

²⁾ „Кіевская Старина“ 1885 г., кн. 12, стр. 648 и д.

³⁾ „Херсонскія Епарх. Вѣд.“ 1876 г. „Штунда и штундисты“.

Какъ бы то ни было, болгарская секта богомиловъ имѣетъ немаловажное значеніе въ образованіи современной намъ секты штундистовъ. Еще болѣе мы убѣдимся въ этомъ, если сравнимъ ученіе той и другой секты.

Сличая ученіе штундистовъ съ ученіемъ богомиловъ, нельзя не усматривать весьма близкой аналогіи между ними. Штундисты такъ же, какъ и древніе богомилы, отрицая православную Церковь съ іерархіей, относятся къ ней въ высшей степени враждебно и дерзко. Церковь они называютъ блудницей, дочью Вавилона, равно какъ членовъ церковной іерархіи — архіереями и священниками, распявшими Іисуса Христа, или книжниками и фарисеями, которыхъ обличалъ Господь; рядовыхъ же членовъ православной Церкви называютъ бѣдными, несчастными, погибшими, идолопоклонниками, а себя — духовными христіанами, обществомъ друзей Божіихъ, братьями библейскими и свое ученіе — евангельскимъ исповѣданіемъ. Устраняя церковную іерархію, они, подобно богомиламъ, во главѣ своихъ общинъ однако поставляютъ епископовъ, пресвитеровъ или старшихъ братьевъ и діаконовъ, хотя ни тѣ, ни другіе, ни третьи не имѣютъ священнаго сана. Впрочемъ, такъ называемые чаплинскіе (Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ.) младоштундисты пришли къ отрицанію и «старшихъ братьевъ», предоставивъ управленіе дѣлами общины собранію всѣхъ членовъ ея.

Согласно богомиламъ, штундисты отвергаютъ также почитаніе ангеловъ, святыхъ, мощей, иконъ (называя ихъ «идолами»), креста (видя въ немъ только орудіе казни), не хотятъ имѣть у себя храмовъ, а одни молитвенные дома, и, выходя изъ того понятія, что христіанство есть духовная религія, допускаютъ (собств. младоштундисты) лишь внутреннее богослуженіе, состоящее въ чтеніи свящ. Писанія, пѣніи духовныхъ пѣсней и произнесеніи молитвъ. Молитвы употребляются у нихъ, какъ и у богомиловъ, большею частію импровизированныя. Изъ таинствъ Косяковскіе (Косяковка въ 5 верстахъ отъ вышеупомянутой Чаплинки) староштундисты оставляютъ только крещеніе и причащеніе (св. вечерю или преломленіе хлѣба); при этомъ на крещеніе они смотрятъ, какъ на плодъ и выраженіе вѣры въ Іисуса Христа и торжественное завѣреніе въ томъ, что вѣрующему омыты грѣхи, почему крещеніе большею частію совершается

у нихъ, по примѣру богомиловъ, только надъ взрослыми; причащеніе же, по ихъ мнѣнію, есть духовное, мысленное, а не дѣйствительное вкушеніе тѣла и крови Христовыхъ. Что касается младостундистовъ, то они въ этомъ отношеніи еще ближе подходятъ къ ученію богомиловъ, такъ какъ совсѣмъ не признаютъ крещенія водою и преломленія хлѣба. Крещеніе водою, говорятъ они, разъ совершенно было на вѣки Іоанномъ Крестителемъ надъ Іисусомъ Христомъ, и «мы не пойдемъ больше къ берегамъ іорданскимъ». Крещеніе водою, по нимъ, омываетъ только тѣло, а не душу; оно нисколько не измѣняетъ человѣка къ лучшему. Относительно же преломленія хлѣба младостундисты учатъ: «мы принимаемъ живыя слова Іисуса Христа и тѣмъ самымъ приобщаемся Его плоти и крови».

Среди русскихъ штундистовъ, какъ нѣкогда среди болгарскихъ богомиловъ, бродятъ социальнo-революціонныя идеи. Исходя изъ мысли о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ, они отвергаютъ законность существованія гражданскихъ властей; если же они всетаки подчиняются начальству, то единственно изъ страха наказанія, слышатся также среди штундистовъ голоса объ общемъ раздѣлѣ имѣній, ненужности судовъ, преступности клятвы и войны и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и тяготѣніе ихъ къ нѣмцамъ, которые, по ихъ словамъ, «умнѣе, богаче и сильнѣе насъ»; они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ нападенія нѣмцевъ на Россію, обѣщая встрѣтить ихъ съ хлѣбомъ и солью.

Показанное сходство штундизма съ богомильствомъ, въ существенныхъ пунктахъ ученія того и другого, само собою разумѣется, достаточно говорить за историческую преемственность этихъ явленій.

Мы разсмотрѣли съ извѣстной точки зрѣнія почти всѣ главнѣйшія русскія религіозныя секты, т. е. секты стригольниковъ, жидовствующихъ, Θεодосія Косаго, хлыстовъ, скопцовъ, молоканъ и штундистовъ. Путемъ такого разсмотрѣнія мы пришли къ убѣжденію, что всѣ онѣ не самородныя и самостоятельныя секты, возникшія изъ собственнаго религіознаго своемыслія русскаго народа, а занесенныя къ намъ со стороны, изъ чужихъ краевъ. Помимо всего сказаннаго нами выше, это подтверждается еще и тѣмъ, что

названныя секты никогда не находили и не находятъ себѣ дѣйствительнаго сочувствія у истинно-русскаго человѣка, послѣдователи этихъ сектъ живутъ среди насъ какъ-то особнякомъ, въ скрытности; они боятся объявить свое настоящее имя, и нашъ русскій православный народъ инстинктивно сторонится отъ нихъ, питаетъ къ нимъ какое-то органическое отвращеніе и даже суевѣрный страхъ, весьма близкій къ страху сатаны, считаетъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сектантовъ какими-то загадочными волшебниками, находящимися въ общеніи съ темными силами, плюетъ и крестится при одномъ упоминаніи объ нихъ. Съ своей стороны и послѣдователи всѣхъ этихъ сектъ чуждаются интересовъ современной общественной жизни русскаго народа и являются совершенно равнодушными къ успѣхамъ развитія этой жизни. Еще менѣе они интересуются преданіями, историческимъ прошлымъ своихъ соотечественниковъ; для нихъ весь интересъ въ ихъ баснословномъ будущемъ: напр., хлысты вмѣстѣ съ скопцами ожидаютъ торжественнаго возвращенія «изъ невѣдомой Иркутской стороны» своего искупителя; молокане ждутъ Араратскаго царства, паденія Ассура и тысячелѣтняго всемірнаго покоя; штундисты льстятъ себя надеждою, что нѣкогда придетъ штундовый царь, разоритъ царство русское, церкви обратитъ въ конюшни и амбары, духовенство и властей отдастъ въ рабство штундистамъ и земли раздѣлитъ между послѣдними. И всѣ эти сектанты думаютъ, что, когда исполнятся ихъ чаянія, наступитъ на землѣ золотой вѣкъ, который они называютъ идеальнымъ. Какъ видно, религіозныя секты, существовавшія и существующія въ Россіи, — не наши, не русскія; онѣ проникли къ намъ совнѣ и приразились къ русскому народу. Поразительная сходство и близость ихъ къ ереси богомиловъ, обстоятельно показанныя нами въ своемъ мѣстѣ, служатъ важнѣйшимъ доказательствомъ того, что сектантское вольномысліе, исконно чуждое русскому духу, занесено къ намъ изъ Византіи, или, точнѣе сказать, изъ Болгаріи, занесено очень давно, одновременно съ принятіемъ нашими предками христіанства при св. Владимірѣ; но и въ теченіе столькихъ вѣковъ религіозное сектантство не могло сродниться съ русскимъ народомъ, и доселѣ оно представляется ему несообразнымъ съ характеромъ его религіозной жизни явленіемъ.

Свящ. Н. Стеллецкій.

Изъ миссіонерскихъ дневниковъ, лѣтописей и записокъ.

Впечатлѣнія и наблюденія миссіонера ¹⁾.

ЦРѢЗЪ недѣлю послѣ поѣздки въ с. Аѳанасьево я вознамѣрился побывать въ с. Липицахъ (Каширскаго уѣзда), какъ наиболѣе видномъ пунктѣ старообрядческаго раскола въ Тульской епархіи. Какъ я узналъ изъ послѣдняго отчета помощника епархіальнаго миссіонера, свящ. М. Мерцалова, с. Липицы, по числу проживающихъ въ приходѣ его раскольниковъ, занимаетъ по Алексинскому и Каширскому уѣздамъ почти первое мѣсто (только въ с. Луковицахъ, Алекс. у., числится раскольниковъ немного болѣе, чѣмъ въ Липицахъ), а по принадлежности раскольниковъ этой мѣстности къ австрійскому толку, какъ наиболѣе въ настоящее время вліятельному и опасному, обращаетъ на себя преимущественное вниманіе. Отсюда понятно,—почему я для второй своей миссіонерской поѣздки избралъ именно это село.

22 января утромъ я выѣхалъ изъ Тулы и около 3 часовъ дня того же числа былъ въ Липицахъ. Село это производитъ на новаго посѣтителя весьма благопріятное впечатлѣніе: оно выглядываетъ богатымъ и благоустроеннымъ. Особенно пріятно было видѣть большую, хорошей архитектуры, церковь, которая красуется вблизи липовыхъ аллей, расположенныхъ около богатой барской усадьбы. Затѣмъ пріятно было узнать, что въ Липицахъ имѣются двѣ благоустроенныя и хорошо обезпеченныя школы—земская и церковно-приходская. Постройки липицкихъ крестьянъ также производятъ своимъ внѣшнимъ видомъ хорошее впечатлѣніе и свидѣтельствуютъ о достаткѣ ихъ хозяевъ. Но на ряду

¹⁾ Окончаніе, см. „Миссіонер. Обзор.“, Октябрь, 274—290

съ этимъ, какъ язвы, видѣются трактиры, которыхъ въ Липицахъ не одинъ. Въ виду внѣшняго, матеріальнаго довольства с. Липицъ, мнѣ невольно пришло на мысль, что расколъ какъ-то умѣетъ пустить болѣе или менѣе глубокіе корни тамъ, гдѣ есть матеріальное довольство. Расколъ въ приходѣ с. Липицъ существуетъ довольно давно и занесенъ сюда, вѣроятно, изъ Московской губ. (с. Липицы находятся всего въ 3 верст. отъ границы Моск. губ. и въ 5—6 верст. отъ г. Серпухова). Онъ раздѣляется на два толка—на окружниковъ и нѣтовцевъ—и сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ деревнѣ Селиной, отстоящей отъ села верстахъ въ 3-хъ.

Въ Липицахъ меня уже ожидалъ помощникъ епарх. миссіонера, о. Митрофанъ Мерцаловъ, съ которымъ мы заблаговременно условились прибыть къ извѣстному дню. Остановившись въ домѣ священника о. Іоанна Щеглова, мы всѣ втроемъ имѣли небольшой совѣтъ о томъ, какъ бы съ возможною пользою для дѣла провести время. Рѣшено было на другой день (т. е. 23 янв.) отслужить литургію, а послѣ оной устроить публичную бесѣду, о которой извѣстить прихожанъ чрезъ волостное правленіе, а въ этотъ день съѣздить въ дер. Селину для частной бесѣды съ уставщикомъ по австрійскому священству, крестьяниномъ дер. Селиной, Михаиломъ Аванасьевымъ Уликовымъ. Вечеромъ мы отправились въ означенную деревню и здѣсь, съ привѣтомъ мира и благословенія, вошли въ домъ Уликова. Хозяина не было дома: онъ, какъ намъ сказали его домашніе, находился въ „думѣ“ (мѣстное названіе трактира). Скоро за нимъ послали, и онъ пришелъ, хотя нѣсколько „надумавшись“, но всетаки еще приличенъ. Прекрасно, конечно, понимая, зачѣмъ и почему мы прибыли къ нему, онъ, однако, показаль видъ, что принималъ насъ за обыкновенныхъ гостей, а потому сталъ распоряжаться о самоварѣ и „жареной рыбѣ“. Поблагодаривши за предложеніе чаю и закуски, я приступилъ ближе къ дѣлу, сказавъ, что мы прибыли для того, чтобы пригласить его, Уликова, завтра на бесѣду о св. Христовой Церкви. Тогда Уликовъ сѣлъ и мало-по-малу завязалась бесѣда, которая, впрочемъ, не могла быть ведена правильно, потому что Уликовъ отчасти и намѣренно, отчасти и по непониманію дѣла, путалъ ее постоянно.

На мое предложеніе ему придти въ с. Липицы и послушать бесѣду о св. Церкви, Уликовъ отвѣтилъ какъ-то неопредѣленно и съ усмѣшкой (которая, кстати сказать, какъ-то все время разговора не оставляла его): „да чтожь, въ церкви у васъ служатъ все не по уставу, Никонъ все пере-мѣнилъ“.

„Такъ неужели ты только потому не ходишь въ православную церковь, что будто бы тамъ служатъ все *не по уставу*; какъ ты знаешь это, если самъ не бываешь? Вотъ придѣ завтра, и мы тебѣ покажемъ уставъ, по которому въ православной церкви служатъ.“

— Да неужто у васъ есть уставъ, какъ бы удивленно спросилъ Уликовъ.

— Да, есть, и почти совершенно такой же, какой былъ до патр. Никона, сказалъ я.

— Какъ же такой,—ни утрени, ни вечерни у васъ не совершается правильно, а все съ пропусками.

— Если и допускаются при богослуженіи православной Церкви нѣкоторыя сокращенія, то весьма небольшія и весьма рѣдко; что же касается старообрядцевъ, то у нихъ при службахъ *по необходимости* пропускается болѣе важное и существенное, потому что службы у нихъ совершаются болѣею частію простыми уставщиками, такими же, напримѣръ, какъ ты, и все, что долженъ произносить іерей, простой уставщикъ замалчиваетъ. При этомъ я замѣтилъ, что совершеніе службъ по тѣмъ или другимъ книгамъ (до-никоновскимъ или послѣ-никоновскимъ) не имѣетъ существеннаго значенія въ дѣлѣ спасенія. Послѣ этого я по возможности кратко изложилъ исторію исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, показывая, что и до патр. Никона при первыхъ пяти святѣйшихъ патріархахъ книги были различны. Выяснялъ это просто, наглядно, указывая примѣры разногласій въ „старыхъ“ книгахъ. Но на все это получилъ довольно неожиданный отвѣтъ: „не знаемъ, какъ тогда было; насъ тогда не было“. Затѣмъ Уликовъ далъ новый оборотъ бесѣдѣ, замѣтивъ: „мы по вашимъ же книгамъ служимъ, по тѣмъ, которые вашъ же св. Сенатъ (sic) напечаталъ, а у васъ по нимъ не служатъ“. Я понялъ, что рѣчь идетъ о богослужебныхъ книгахъ единовѣрческой печати, и вслѣдствіе этого вынужденъ былъ повести бесѣду о единовѣрціи, стара-

ясь выяснить его сущность и происхождение. Замѣтивъ, что Уликовъ слушаетъ мою рѣчь довольно равнодушно и съ явнымъ нежеланіемъ понять ее, я счелъ за лучшее перемѣнить тему и заговорилъ о существенныхъ признакахъ Церкви Христовой,—и прежде всего о священствѣ. Зная, что Уликовъ принадлежитъ къ австрійскому толку, я, примѣняя ученіе свящ. Писанія и свв. отцевъ и учителей Церкви къ австрійскому священству, показалъ незаконность послѣдняго и сказалъ, что это не Христово и не апостольское священство, а „амвросіанское“. „Какъ ты думаешь объ этомъ, и правду ли я говорю?“ Уликовъ прикинулся, что онъ ни о какомъ Амвросіи и не слыхивалъ, а знаетъ только, что у нихъ священство—правильное, апостольское“. А если не слыхивалъ, то послушай отъ меня, и я кратко рассказалъ, какъ возникло, такъ называемое, австрійское или бѣлокриницкое священство. Я замѣтилъ, что Уликовъ опять слушаетъ меня съ равнодушіемъ, что сейчасъ же по окончаніи моего повѣствованія и подтвердилось его словами.

— Мы не знаемъ этого, такъ ли было, насъ тогда не было.

— Если не знаешь, сказалъ я, то вотъ и узнай. А что я сказалъ правду, что ваше священство идетъ отъ греческаго митрополита Амвросія, то за подтвержденіемъ этого можешь обратиться и къ своему „архіепископу“ московскому, Іоанну Картушину, и онъ, несомнѣнно, не будетъ отрицать, что именно съ Амвросія началась у васъ теперешняя іерархія. Вѣдь ты признаешь Іоанна-то за „архіепископа“?

— Да, какъ же.

— Ну вотъ: а онъ вступилъ послѣ московскаго Савватія, о которомъ ты тоже, навѣрно, слыхалъ, Савватій послѣ Антонія (Шутова), а Антоній былъ посвященъ Кирилломъ, именуемымъ митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, а Кириллъ поставленъ Амвросіемъ, — родоначальникомъ вашей іерархіи.

Изъ продолжительной бесѣды съ Уликовымъ не безынтересно припомнить еще слѣдующій разговоръ съ нимъ относительно св. Евангелія. Говоря объ устройствѣ Церкви Христовой, я нерѣдко ссылаясь на св. Евангеліе. Уликовъ вдругъ говоритъ мнѣ: „какое Евангеліе?“ Я отвѣтилъ, что Евангеліе у всѣхъ одно и то же.

— Это то, которое у васъ въ Церкви читають,—спросилъ Уликовъ.

— Да, и въ Церкви читають то же Евангеліе,—отвѣтилъ я.

— Ну,—такъ это Евангеліе сокращенное, а вотъ ты бы почиталъ полное, большое Евангеліе, такъ тамъ много бы вычиталъ, многозначительно замѣтилъ Уликовъ. У насъ оно есть, да только теперь не подъ руками?

— Какое же такое Евангеліе ты разумѣешь? Можетъ быть, „Четвероевангеліе“, сирѣчь толкованіе на Евангеліе Теофилакта, архіепископа Болгарскаго.

Оказалось, что Уликовъ разумѣетъ подъ „большимъ“ Евангеліемъ именно эту книгу. Тогда пришлось выяснитъ ему, что толкованіе на Евангеліе и самое Евангеліе не одно и то же, что толкованій на Евангеліе очень много, и они могутъ быть различными, даже неправильными и погрѣшительными, а св. Евангеліе—одно, непогрѣшимо и свято и т. д. Но Уликовъ никакъ не могъ взять этого въ толкъ, а повторялъ одно:

— То (т. е. толкованіе Теофилакта)—тоже Евангеліе пространное, полное, а въ сокращенномъ многого нѣтъ.—Изъ этого разговора съ Уликовымъ видно, какъ еще мало подготовлены для пониманія и усвоенія даже элементарныхъ религіозныхъ знаній и передовые, а не только рядовые раскольники ¹⁾.

Къ концу бесѣды, которая затянулась часа на 2½, Уликовъ сталъ болѣе горячиться и открыто обнаруживать, что мы ему надоѣли. Въ избѣ все время бесѣды находились и стояли домашніе и нѣкоторые сосѣди (впрочемъ, очень немногіе, потому что Уликовъ не пускалъ въ избу постороннихъ, хотя ихъ около его дома собралось очень много). Домашніе его стали какъ-бы заступаться за него и, обращаясь къ намъ, говорили: „васъ трое, а онъ одинъ“. Вообще же видно было, что бесѣду нужно кончить. Поэтому въ заключеніе я еще разъ пригласилъ Уликова на публичную бесѣду въ с. Липицы и посовѣтовалъ посерьезнѣе подумать обо

¹⁾ Невольно хочется сопоставить этого раскольника старообрядца Уликова съ штундистскимъ діакономъ Барадовымъ. Въ отношеніи къ Слову Божію они какъ-то похожи другъ на друга. У Уликова „свое“ Евангеліе (престранное), а у Баранова „своя“ Библия, по которой онъ только и можетъ доказывать свое ученіе.

всемъ томъ, что въ продолженіи цѣлаго вечера мы говорили и разъясняли ему, прибавивъ къ этому, что все это дѣлалось для его пользы,—для спасенія его души: „внѣ Церкви православной нѣтъ спасенія“, закончилъ я. Но въ отвѣтъ на это отъ Уликова услышалъ слѣдующее:

— Я—*столпъ*, меня не своротишь, я при своемъ останусь, а вы при своемъ; идите-ка съ Богомъ отъ меня, ступайте, ступайте скорѣе.—Такъ усердно выпроваживалъ насъ тотъ хозяинъ, который въ началѣ хотѣлъ угостить насъ и чаемъ, и жареной рыбой. Миссіонеру съ подобными отношеніями со стороны раскольниковъ приходится нерѣдко встрѣчаться, и поэтому ему необходимо быть готовымъ къ терпѣливому перенесенію всякихъ обидъ. Мы вѣжливо простились со всѣми и вышли изъ дома этого „столпа“ селинскаго «древляго благочестія». Но, увы, „столпъ“ сей стоитъ на очень гниломъ основаніи. Отъ священника о. Іоанна Щеглова дорогою мы узнали, что Уликова держать въ расколѣ больше всего матеріальная выгода. Онъ состоитъ уставщикомъ моленной, находящейся въ д. Селиной, и за отправленіе службъ отъ общества липицкихъ раскольниковъ, получаетъ плату въ 200 рублей—сумму для крестьянина весьма значительную. Что корыстныя побужденія сильно удерживаютъ Уликова въ расколѣ,—видно изъ слѣдующаго сообщенія того же о. Іоанна Щеглова. Разъ былъ въ Селиной бывшій миссіонеръ, о. ороіерей Георгій Пановъ и бесѣдовать съ Уликовымъ, причемъ послѣдній, вѣроятно, нечаянно проговорился: „пожалуй бы, я и пошелъ въ вашу Церковь, если бы мнѣ и тамъ давали по 200 руб. въ годъ“. Вотъ образецъ „истиннаго древляго благочестія“! А въ разговорѣ со мною, можетъ быть, мечтая сдѣлаться когда-нибудь австрійскимъ попомъ, Уликовъ проговорился; „если бы намъ ризы-то позволили надѣвать, то въ вашу-то Церковь тогда никто-бы и не пошелъ“. Во всемъ проглядываетъ неискренность раскольническихъ убѣжденій Уликова: и въ его образѣ жизни, въ которой видное мѣсто занимаетъ „дума“, и въ его бесѣдѣ съ нами, въ которой онъ держалъ себя насмѣшливо-вызывающе, и въ его, наконецъ, корысти. Таковъ глава раскольниковъ Липецкаго прихода.

На слѣдующій день, т. е. на 23 число января, назначена была бесѣда въ храмѣ „о св. Христовой Церкви и ея вѣч-

номъ и неизмѣнномъ устройствѣ“. По этому случаю устроенъ былъ нѣкоторый праздникъ: по праздничному служили литургію. По ударамъ большого колокола довольно охотно стали стекаться въ церковь прихожане. Когда я пришелъ въ липицкій храмъ, то былъ пріятно пораженъ его просторомъ, благолѣпнымъ устройствомъ и чистотою. Истовое служеніе причта, особенно священника, и стройное пѣніе небольшого хора дополнило пріятное впечатлѣніе, и я подумалъ; „не мѣсто бы здѣсь чуждаться православной Церкви и ютиться расколу, и совершенно не имѣютъ основанія жалобы какого-нибудь Уликова, что въ Церкви совершаются службы съ пропусками“. Въмѣсто причастнаго на литургіи помощ. миссіонера, свящ. Митрофанъ Мерцаловъ, произнесъ приличное случаю поученіе. Такъ какъ тогда шла недѣля о мытарѣ и фарисеѣ, то о. Митрофанъ, изложивъ эту глубоко-поучительную притчу, очень умѣло примѣнилъ ея содержаніе къ внѣшне-фарисейскому благочестію старообрядцевъ сравнительно съ глубоко-покаянною вѣрою мытаря, которая одна только оправдываетъ. Сказанное экспромтомъ и произнесенное громкимъ голосомъ, поученіе это должно было произвести свое впечатлѣніе на слушателей. Послѣ окончанія литургіи пришла моя очередь выступить съ бесѣдою о Церкви. Предварительно разъяснивъ вопросъ о св. Церкви, я кратко напомнилъ слушателямъ, какъ произошелъ расколъ, и какъ онъ потомъ раздробился на многочисленные и враждебные другъ другу толки, изъ коихъ каждый выдаетъ себя за истинную Церковь, а такъ какъ истинная Церковь—едина, то отсюда самъ собою и возникаетъ вопросъ: гдѣ же истинная Церковь Христова, внѣ которой нѣтъ спасенія? Для того, чтобы знать,—гдѣ истинная Церковь, говорилъ я, нужно имѣть ясное понятіе о ея необходимыхъ свойствахъ и принадлежностяхъ. Подробному указанію и разъясненію такихъ свойствъ и принадлежностей Церкви и была посвящена дальнѣйшая часть бесѣды.

Въ заключеніе было сказано, что общество старообрядцевъ (ни безпоповщинское, ни поповщинское) не можетъ составлять истинной Христовой Церкви, потому что оно не имѣетъ существенныхъ ея свойствъ. Возраженій на этой бесѣдѣ со стороны старообрядцевъ не послѣдовало. Уликовъ, который такъ интересовался узнать, совершается ли у насъ

служба „по уставу“, и даже есть ли у насъ уставъ, на бесѣду, конечно, не явился, что еще наканунѣ предсказывалъ мнѣ о. Іоаннъ. Что же касается православныхъ слушателей, то, замѣтно, они были утѣшены бесѣдой, и нѣкоторые изъ нихъ неподдѣльно, искренно благодарили меня,—даже въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ, которыхъ я не заслужилъ и потому о нихъ здѣсь умалчиваю. Не могу здѣсь кстати не высказать всегдашняго своего взгляда на публичныя бесѣды о предметахъ разногласія съ раскольниками и сектантами. Бесѣды эти имѣютъ большее значеніе не столько въ смыслѣ воздѣйствія на заблуждающихся, сколько въ смыслѣ огражденія отъ увлеченія въ заблужденіе православныхъ: послѣдніе послѣ каждой подобной бесѣды, такъ сказать, оживаютъ и окрыляются,—и потому уже не поддаются хитрымъ уловкамъ расколо-сектантскихъ лжеучителей, которые, несомнѣнно, гораздо болѣе начитаны и въ религіозныхъ вопросахъ болѣе изворотливы, чѣмъ рядовые православные крестьяне. Что касается воздѣйствія на самихъ заблуждающихся, то въ этомъ отношеніи полезнѣе частныя, келейныя бесѣды.—По окончаніи бесѣды, были пропѣты нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, и роздано много книжекъ и брошюръ, которыя привезъ съ собою о. Митрофанъ Мерцаловъ. Народу на бесѣдѣ было болѣе 300 человѣкъ.

Послѣ нѣкотораго отдыха въ домѣ о. Іоанна, хозяинъ любезно предложилъ намъ побывать и осмотрѣть церковно-приходскую школу въ д. Селиной, имѣющую, между прочимъ, миссіонерскія цѣли. Школа эта основана на средства Братства св. Іоанна Предтечи и въ настоящее время пользуется ежегоднымъ отъ него пособіемъ. Мы прибыли въ школу, когда въ ней шли занятія, такъ что ученики и ученицы были въ полномъ сборѣ. При нашемъ входѣ они дружно пропѣли „Царю небесный“, а затѣмъ, по нашему желанію, пропѣли еще „Отче нашъ“, „Слава въ вышнихъ Богу“. Затѣмъ нѣкоторые ученики и ученицы спрошены были мною по Закону Божію и дали отвѣты толковыя. Но вниманіе мое, какъ миссіонера, особенно обратило на себя слѣдующее: о. Іоаннъ спросилъ нѣкоторыхъ ученицъ (помню двухъ), дочерей раскольниковъ, — одна изъ нихъ дочь уставщика Уликова, — прочитатъ Символъ вѣры и молитву „Достойно есть“, и онѣ прочитали эти молитвы безъ тѣхъ

особенностей, какія имѣются въ нихъ по старообрядческому чтенію. Такъ церковная школа сглаживаетъ въ дѣтяхъ пункты религіозныхъ разногласій между православіемъ и старообрядчествомъ, постепенно подготавливая, такимъ образомъ, изъ раскольниковъ дѣтей будущихъ вѣрныхъ чадъ Церкви. Селинская церковно-приходская школа имѣетъ немалое миссіонерское значеніе еще и въ другомъ отношеніи. Именно. при этой школѣ съ 23 января 1900 г. открыты воскресныя чтенія религіозно-нравственнаго и противораскольного содержанія, съ цѣлю, съ одной стороны, отвлечь народъ отъ пустыхъ занятій, непослужительныхъ развлеченій и грубыхъ удовольствій, а съ другой—предохранить православныхъ отъ увлеченія въ расколъ. Въ этомъ полезномъ и симпатичномъ дѣлѣ принимаютъ участіе приходскій священникъ, діаконъ, учитель школы, окончившій курсъ духовной семинаріи, и жена священника, окончившая курсъ въ епарх. женскомъ училищѣ. Остается только отъ души пожелать развитія и процвѣтанія этого дѣла! Такъ какъ ощущается недостатокъ въ книгахъ для этого чтенія, то свящ. о. Іоаннъ просилъ меня войти въ совѣтъ братства св. Іоанна Предтечи съ ходатайствомъ о восполненіи этого недостатка, что мною уже и исполнено, и совѣтъ братства постановилъ выслать туда нѣсколько книгъ по моему выбору. Не могу, наконецъ, не сказать еще о прекрасномъ обычаѣ служить въ школѣ, наканунѣ праздниковъ, всенощное бдѣніе. Дер. Селина находится на довольно значительномъ разстояніи отъ приходскаго храма, и потому не особенно усердные изъ крестьянъ не часто посѣщали св. храмъ, а это само собою ослабляло ихъ связь съ Церковію и могло дѣлать ихъ удобопреклонными и болѣе воспримчивыми къ раскольническимъ заблужденіямъ (не нужно забывать, что д. Селина—довольно значительный пунктъ раскола и въ ней есть раскольническая моленная). Все это вмѣстѣ взятое—школа, чтенія, богослуженіе—являются сильнымъ и весьма разумнымъ противодѣйствіемъ расколу.

Подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній отъ школы и съ надеждою на успѣхъ миссіи въ Липицкомъ приходѣ, я къ вечеру того же 23 января выѣхалъ изъ с. Липицъ на желѣзнодорожную станцію „Ока“. До станціи меня проводилъ о. Митрофанъ Мерцаловъ. Дорогою мы дѣлились своими ду-

мами и предположеніями относительно возможно успѣшной постановки миссіи въ Тульской епархіи. О. Митрофанъ поразказалъ мнѣ кое-что изъ своей, еще очень непродолжительной, миссіонерской дѣятельности—и отрадное, и грустное.

Когда я вернулся изъ с. Липицъ въ г. Тулу, то здѣсь уже ожидало меня письмо отъ священника с. Бунырева о. Михаила Воскресенскаго, съ просьбою пріѣхать въ означенное село для бесѣды съ старообрядцами. Просьба эта совпадала съ моими раннѣйшими намѣреніями и планами. С. Бунырево, Алексинскаго у., находящееся верстахъ въ 6 отъ Алексина, среди раскольническихъ пунктовъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Липицъ по числу проживающихъ тамъ раскольниковъ, причемъ раскольники эти принадлежатъ къ одной изъ наиболѣе вредныхъ безпоповщинскихъ сектъ—еѣдосѣвской. Поэтому оно было намѣчено у меня для скорѣйшаго посѣщенія.

Раннимъ утромъ (въ 4 часа) 3 числа февраля я отправился въ означенное село, рассчитывая поспѣть туда къ литургіи, но, къ сожалѣнію, прибылъ только къ концу ея. Во всякомъ случаѣ, я счелъ нужнымъ побывать у службы. Народу въ Церкви было много, что показывало, что для раскола здѣсь почва не особенно благопріятная. Бесѣда послѣ литургіи была устроена въ помѣщеніи земской школы, куда собралось такъ много народу, что школа не вмѣщала всѣхъ, и многіе стояли уже на улицѣ. Предметомъ бесѣды опять избранъ былъ мною вопросъ о Церкви, но въ виду того, что буныревскіе раскольники принадлежатъ къ еѣдосѣвскому толку, отрицающему бракъ, я нарочно подробно коснулся церковнаго ученія о бракѣ. На бесѣдѣ присутствовали и нѣкоторые раскольники, одинъ изъ коихъ (нѣкто Иванъ Андреевъ) выступилъ съ возраженіями. По обычаю раскольниковъ, возраженія его почти совсѣмъ не относились къ предмету бесѣды и отличались крайнею непослѣдовательностью. То онъ говорилъ о порчѣ патр. Никономъ книгъ, то о словѣ „истиннаго“ въ символѣ вѣры, то о имени *Иисусъ*, не позабывъ, конечно, коснуться и наболѣвшаго вопроса о перстосложеніи. Но всѣ эти возраженія высказывались имъ какъ-то отрывочно, съ постояннымъ переходомъ отъ одного предмета къ другому, — и ничего характернаго или заслуживающаго вниманія къ себѣ не заключали. При всемъ томъ

на всѣ возраженія давались соотвѣтствующія разъясненія. Мнѣ въ этой бесѣдѣ съ Иваномъ Андреевымъ, какъ безпопощемъ, особенно хотѣлось направить рѣчь на вопросъ о необходимости священства въ Церкви, но ему-то, очевидно, совсѣмъ не хотѣлось этого, что видно, между прочимъ, изъ такихъ его словъ: „что вы только и говорите—священство да священство... нужно жить по вѣрѣ“—и еще сказалъ что-то вродѣ этого. Закончилъ онъ свою роль возражателя на бесѣдѣ, можно сказать, совсѣмъ „по-раскольнически“. Желая оставить взятую на себя роль, такъ сказать, „съ достоинствомъ“, а не въ силу невозможности отстоять „свою вѣру“, онъ придумалъ такой исходъ для этого. Вставши и выходя изъ комнаты, онъ подозвалъ къ себѣ священника и сказалъ ему, что его ждутъ въ волости, по какимъ-то дѣламъ прибылъ урядникъ. Между прочимъ, на бесѣдѣ съ Иваномъ Андреевымъ вступалъ въ разговоръ одинъ изъ обратившихся изъ раскола, бывший солдатъ, имѣющій Георгія, и довольно разсудительно обличалъ заблужденія раскольниковъ. Къ концу бесѣды, когда я выяснялъ несообразность ученія едосѣвцевъ о безбрачїи и говорилъ о слѣдствіяхъ этого ученія, ведущихъ нерѣдко вмѣсто дѣйства къ разврату, слышны были голоса: „да, такъ и есть; у нихъ вокругъ березъ да елокъ вѣнчаютъ“. Наблюдая за общимъ настроеніемъ слушателей во время бесѣды, я вынесъ впечатлѣніе, что расколъ въ Буньревѣ совсѣмъ не пользуется симпатіями: многіе порывались даже зло посмѣяться надъ порядками въ жизни раскольниковъ, называя нѣкоторыхъ по имени. Я своевременно удерживалъ и останавливалъ подобные порывы.

По окончаніи краткаго отдыха, бесѣды, о. Михаилъ предложилъ мнѣ проѣхаться въ д. Погиблово, находящуюся верстахъ въ 3 отъ села, чтобы осмотрѣть тамъ моленную, принадлежащую одному изъ богатыхъ и видныхъ раскольниковъ (къ сожалѣнію, имени его я не запомнилъ). Проѣзжая этою деревнею, о. Михаилъ обращалъ мое вниманіе на нѣкоторые болѣе богатые дома, замѣчая, что они принадлежатъ раскольникамъ. Домъ, въ которомъ находится моленная, и около котораго мы остановились, совершенно выдѣляется изъ прочихъ: большой, двухъ-этажный, крашеный и крытый желѣзомъ. Старикъ—хозяинъ, лѣтъ 65, въ рубашкѣ

и жилетъ, встрѣтилъ насъ безъ всякаго смущенія и даже довольно благодушно; вмѣстѣ съ нимъ вышли и какія-то женщины въ сарафанахъ стариннаго покроя и бѣлыхъ платкахъ. Затѣмъ, онъ безъ всякаго видимаго стѣсненія провель насъ въ моленную, небольшую угловую комнату, на передней стѣнѣ коей уставленъ небольшой иконостасъ съ иконами (хотя, кажется, не старинными, но византійскаго стиля) и мѣднымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Предъ иконами горѣло нѣсколько лампадокъ. Воздавъ должествующее поклоненіе изображеніямъ святыхъ (хотя, можетъ быть, и не освященнымъ), мы похвалили эту моленную за иконы и порядокъ, а затѣмъ я завелъ рѣчь о томъ, что хорошо имѣть иконы и молиться предъ ними, но одного этого недостаточно для спасенія, а необходимо еще принадлежать къ св. Церкви, насъ освящающей и спасающей. Говорилъ я долго, но хозяинъ моленной, видимо, слушалъ меня равнодушно, врядъ ли даже вникая, какъ слѣдуетъ, въ смыслъ моихъ словъ, — въ концѣ концовъ сказалъ: „намъ уже поздно мѣнять вѣру, прожили вѣкъ, скоро и умирать“. По этому поводу я немало говорилъ, что заботиться о спасеніи души никогда не поздно, а къ концу-то жизни и особенно благовременно. Изъ бесѣды съ хозяиномъ моленной припоминается еще слѣдующее его обвиненіе, направленное противъ православной Церкви: „у васъ, говорилъ онъ, только пять таинствъ, а не семь“. „Совершенная неправда“, — сказалъ я, „вотъ именно въ нашей православной Церкви таинствъ семь, а у васъ, еедосѣвцевъ, нѣтъ даже ни одного“. Высказанное обвиненіе вытекало, оказывается, изъ того обстоятельства, что въ православной Церкви проскомидія совершается на пяти (а не на семи) просфорахъ и основывалось такимъ образомъ на недоразумѣніи, каковое и пришлось выяснить старику-хозяину.

Пожелавъ хозяину серьезно подумать о своемъ религіозномъ положеніи, мы распростились съ нимъ. Кстати сказать, въ моленной его стоитъ кровать, на которой, очевидно, поживаетъ самъ хозяинъ.

Великимъ постомъ я также намѣренъ былъ совершить миссіонерскую поѣздку; но неожиданно быстро попортившаяся (на третьей недѣлѣ поста) дорога помѣшала выполненію сего намѣренія. Я рѣшилъ отложить эту поѣздку до

весны, а великимъ постомъ занялся устройствомъ бесѣдъ со старообрядцами въ самомъ городѣ Тулѣ. Съ благословенія преосвященнаго Питирима, были устроены три таковыхъ бесѣды въ единовѣрческомъ храмѣ г. Тулы, находящемся подъ соборной колокольной,—въ три воскресенія великаго поста—4, 11 и 18 чиселъ марта. Сообразно съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ г. Тулѣ имѣютъ мѣсто два вида раскола, именно—безпоповщина (поморцы) и поповщина по австрійскому священству,—для бесѣды избраны были слѣдующія темы: для *первой бесѣды*—о св. Церкви Христовой, ея вѣчномъ и неизмѣнномъ устройствѣ и neodолѣнности, для *второй бесѣды*—объ антихристѣ, лицѣ его, времени явленія и продолжительности царствованія (противъ безпоповцевъ) и для *третьей*—незаконность такъ называемой австрійской лжеіерархіи, съ предпосланіемъ краткаго очерка ея основанія.—Бесѣды начинались ровно въ 6 час. и оканчивались около 8 часовъ веч. Открывались онѣ *общимъ*, довольно стройнымъ пѣніемъ молитвы „Царю Небесный“ и заканчивались такимъ же пѣніемъ „Достойно есть“, а въ промежутки между отдѣлами бесѣдъ пѣлись другія церковныя пѣснопѣнія, какъ-то: „Вѣрую во единого Бога“, „Милосердія двери“, „Взбранной Воеводѣ“, „Не имамы иныя помощи“ и т. п. Вообще для пѣнія избирались такіа церковныя пѣснопѣнія, въ пѣніи которыхъ могли принимать участіе по возможности всѣ присутствовавшіе слушатели,—это весьма важное обстоятельство, приподнимающее общее настроеніе слушателей и оживляющее бесѣды. Слушателей на бесѣды собиралось отъ 300 до 600 человѣкъ. Особенно ихъ много было на второй бесѣдѣ—„объ антихристѣ“,—такъ что единовѣрческій храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ пришедшихъ послушать. Последнее обстоятельство подало мнѣ мысль о надобности перемѣны мѣста для бесѣдъ на будущее время (можно было назначить для этого какой-либо изъ центральныхъ приходскихъ храмовъ, напр., Казанской Божіей Матери). Хотя почти несомнѣнно, что на бесѣдахъ присутствовали и нѣкоторые изъ старообрядцевъ, однако возражателей или собесѣдниковъ на нихъ почти совсѣмъ не выступало, если не считать одного неудачнаго и, правду сказать, беатолковаго возражателя на первой бесѣдѣ. Суть его возраженій противъ раскрытаго мною ученія о Церкви

сводилась къ тому, что „все это (что я говорилъ о Церкви) до Никона было, а съ Никона не то“. „Скажи, что послѣ Никона“, спрашивалъ онъ. Я, конечно, отвѣтилъ ему указаніемъ на вѣчность и неизмѣнность устройства Церкви, ссылаясь на извѣстные слова Спасителя: „созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей“,—и разъясненіемъ этихъ словъ у отцевъ и учителей Церкви, которые ясно и согласно свидѣлствуютъ, что Церковь въ своемъ неизмѣнномъ устройствѣ пребудетъ „до мірскаго конца“. Но возражатель мой продолжалъ настаивать на своемъ,—что Никонъ все измѣнилъ. Тогда я прибѣгъ къ такому выясненію неправомерности дѣлаемаго возраженія: „Господь Спаситель положилъ быть въ Церкви извѣстному неизмѣнному устройству до конца міра, а человѣкъ (хотя и патріархъ) Никонъ отмѣнилъ это Господнее опредѣленіе; выходитъ какъ будто, человѣкъ Никонъ сильнѣе Господа Спасителя. Но и этотъ мой доводъ мало убѣдилъ возражателя, и онъ съ непонятной для меня полуусмѣшкой сказалъ: „да, выходитъ, что сильнѣе“. Кое-что и еще говорилъ означенный своеобразный возражатель о соборѣ 1667 г., о перстосложеніи, но настолько безсвязно и малотолково, что сказанное имъ почти совсѣмъ не поддается изложенію и воспроизведенію. Непослѣдовательность, болѣе того,—безпорядочность его разсужденій вызвали даже открытое неудовольствіе среди прочихъ слушателей, которые стали останавливать его и просили говорить только о дѣлѣ, а не мѣшать всѣмъ выслушивать разъясняемое. Должно замѣтить, что возражатель сей еще задолго до окончанія мною изложенія бесѣды началъ прерывать ее разными замѣчаніями, чѣмъ вызывалъ прямотаки нѣкоторое волненіе среди слушателей,—и все-таки онъ достигъ отчасти своего: прерываемый неоднократно его словами, я хотя и старался мало обращать на нихъ вниманія и долготерпѣливо замѣчать ему, что, по окончаніи бесѣды, поговорю съ нимъ обо всемъ, о чемъ онъ пожелаетъ, но въ концѣ концовъ уступилъ его назойливости въ виду того, что вопросъ о Церкви былъ достаточно выясненъ.

Не мѣшаетъ еще отмѣтить, что онъ неоднократно заявлялъ о себѣ, что онъ —малограмотенъ и не можетъ многого знать, на что я замѣтилъ, что если онъ самъ сознаетъ свою мало-

грамотность, то долженъ послушать болѣе грамотныхъ. Наконецъ, къ немалому нашему удивленію, на вопросъ, поставленный нами почти въ началѣ бесѣды съ нимъ,—о его упованіи и вѣрѣ,—онъ отвѣтилъ, что онъ—не старообрядецъ. Вообще, означенный возражатель представляетъ собою, какъ намъ сдается, типъ нѣсколько начитаннаго и уже зазнавагося грамотѣя, съ стремленіемъ показать себя.

Вторую бесѣду («объ антихристѣ») почтилъ своимъ присутствіемъ о. каедральный протоіерей А. Н. Ивановъ. Онъ, послѣ окончанія бесѣды,—когда на мое предложеніе выступить съ вопросами и возраженіями,—никто не вышелъ,—авторитетно заключилъ бесѣду замѣчаніемъ, что потому старообрядцы не выходятъ для собесѣдованій, что не въ состояніи что-либо сказать противъ изложеннаго въ бесѣдѣ, которая вся основана или на Словѣ Божіемъ, или на святоотеческомъ ученіи, а также на уважаемыхъ самими ими старопечатныхъ книгахъ, къ чему присовокупилъ еще нѣсколько очень мѣткихъ замѣчаній о старообрядчествѣ вообще. Присутствіе на бесѣдѣ о. протоіерея и его теплое слово было для меня весьма отраднымъ фактомъ, даже ободрявшимъ въ дѣлѣ. Да и вообще весьма желательно, чтобы тульское духовенство посѣщало бесѣды съ старообрядцами, что, несомнѣнно, придадо бы бесѣдамъ болѣе авторитетный характеръ. Къ сожалѣнію, на устроенныхъ мною бесѣдахъ лица изъ духовнаго званія замѣчались только единицами (человѣкъ 5—7). Посѣщеніе же нѣкоторыми изъ лицъ духовныхъ бесѣдъ могло бы быть даже полезно для нихъ самихъ въ смыслѣ ознакомленія съ характеромъ и методомъ собесѣдованій.

Наконецъ, говоря о тульскихъ бесѣдахъ, потребнымъ нахожу отмѣтить слѣдующее обстоятельство. На первой бесѣдѣ роздано было слушателямъ очень много брошюръ и листовъ противораскольническаго содержанія, которыми благосклонно снабдилъ книжный епархіальный складъ. Нужно было видѣть, съ какою охотою и съ какимъ интересомъ разбирались эти листки и тутъ на мѣстѣ нѣкоторыми читались! Я съ полнымъ убѣжденіемъ говорю, что раздача брошюръ есть прекрасное дополненіе къ бесѣдамъ (если позволительно такъ выразиться, какъ бы послѣднее сладкое блюдо на обѣдѣ): подъ вліяніемъ возбужденнаго бесѣдою

интереса онѣ большею частію прочитываются охотно и съ вниманіемъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ другое время, когда мысль бываетъ занята другими интересами.

Поэтому, я усиленно просилъ складъ снабдить брошюрами для раздачи слушателямъ и на прочихъ двухъ бесѣдахъ, но въ этомъ было отказано. Нужно было видѣть; а мнѣ лично пришлось переживать нѣкоторое горестное чувство, когда, по окончаніи второй бесѣды, на которой, какъ сказано выше, были весьма многочисленные слушатели, они стояли и долго не расходились въ ожиданіи „книжекъ почитать“. Въ виду подобныхъ соображеній и обстоятельствъ я возбудилъ въ совѣтѣ братства вопросъ о необходимости ассигновать на означенный предметъ хотя небольшую сумму ежегодно, въ каковомъ ходатайствѣ мнѣ не было отказано. Напрасно опасеніе нѣкоторыхъ лицъ, что брошюры, полученныя послѣ бесѣдъ, часто получаютъ недолжное употребленіе (напр., идутъ на сигарки). Скажемъ на сіе: если изъ 100 человѣкъ со вниманіемъ прочитаютъ брошюры 30 человѣкъ, 20, даже 10 человѣкъ,—то и за это благодареніе Господу Богу. Не всякое сѣмя падаетъ въ добрую почву, и однако сѣятель сѣетъ сѣмя въ множествѣ: „ова падоша при пути... другая же падоша при каменныхъ... другая же падоша въ терніи“... и всѣ эти сѣмена погибли бесполезно для домовладыки, но... „другая падоша на земли доброй, и даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесать“ (Мѣ. гл. 13, ст. 5—8).

Д. Скворцовъ.

Къ вопросу о положеніи преподавателей по
каедрѣ расколовсектантства ¹⁾).

АЛѢ, я положительно убѣжденъ въ томъ, что требовать отъ каждаго преподавателя по расколу обязательнаго веденія публичныхъ бесѣдъ со старообрядцами не только невозможно, но и незаконно. И вотъ почему. Академія духовная, изъ которой выходятъ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, ближайшею своею задачею, конечно, считаетъ обогатить своихъ питомцевъ всѣми тѣми необходимыми знаніями, которыми имъ придется сообщать воспитанникамъ семинарій или училищъ. Запасъ свѣдѣній, который каждый кандидатъ получаетъ отъ своей alma mater въ наслѣдство, долженъ, безъ сомнѣнія, представлять изъ себя какъ бы основу или фундаментъ для дальнѣйшаго его самообразования и служить для него самымъ вѣрнымъ и лучшимъ руководствомъ при преподаваніи того или другого предмета въ семинаріи. Это значеніе и услугу академіи, конечно, сознаютъ всегда и особенно въ первые годы службы всѣ преподаватели семинарій, кромѣ... кромѣ одного... преподавателя по расколу... Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, съ какими знаніями по расколу выходимъ мы изъ академіи... По крайней мѣрѣ, я изъ академіи не вынесъ рѣшительно никакихъ знаній по обличенію раскола. Правда, лекціи у насъ читались по этому предмету цѣлый годъ; но такъ какъ новаго въ нихъ сравнительно съ семинарскими уроками не сообщалось, то аудиторія обыкновенно оставалась на половину пустою. При этомъ въ теченіе года намъ была прочитана исторія раскола и даже не сполна.

Важнѣйшая и труднѣйшая часть науки „Обличеніе раскола“ была совершенно оставлена безъ вниманія. На экзаменѣ мы отвѣчали по своимъ семинарскимъ учебникамъ, получая высшій балъ за такіе отвѣты, которые въ семина-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“, ноябрь 1901 г., стр. 581.

ри признавались почти неудовлетворительными ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что съ такой подготовкой начать и вести дѣло преподаванія раскола въ семинаріи не особенно легко. Конечно, въ данномъ случаѣ могло бы оказать незамѣнимую услугу и помощь самостоятельное изученіе предмета еще въ академіи, но, какъ уже извѣстно, предметъ этотъ не пользуется любовью студенчества, и желающихъ изучать его почти не обрѣтается... Но, не имѣя знаній, каждый преподаватель по расколу долженъ еще вести публичныя бесѣды со старообрядцами. Бесѣды эти должны служить практически руководствомъ при изученіи раскола, слѣдовательно, должны вестись по всѣмъ, такъ сказать, правиламъ искусства и имѣть значеніе „образцовыхъ“. Понятно, что образцовыя бесѣды съ раскольниками можетъ вести только тотъ, кто при обширныхъ познаніяхъ въ области раскола самъ и видѣлъ публичныя бесѣды знаменитыхъ миссіонеровъ, и велъ ихъ подъ руководствомъ послѣднихъ. Потому, если преподаватели, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ въ предметъ, самъ не видалъ хорошихъ бесѣдъ съ раскольниками или сектантами и никогда не велъ ихъ ранѣе, то онъ безусловно не можетъ давать образцовыя бесѣды для руководства другихъ. Что мои разсужденія нельзя считать пустою болтовнею неопытнаго и трусливаго человѣка, боящагося выступить на борьбу съ расколомъ, въ этомъ могутъ убѣдить ²⁾ cadaго слѣдующія слова одного изъ извѣстныхъ расколовѣдовъ нашего времени, проф. Ивановскаго. „Мы, пишетъ онъ, хотя книжнымъ образомъ и успѣли уже ознакомиться съ полеми-

¹⁾ Быть можетъ, въ другихъ академіяхъ дѣло поставлено лучше... Но знакомые мнѣ кандидаты изъ другихъ академій сообщали мнѣ мало утѣшительнаго. Одинъ изъ нихъ, мой почтенный сослуживецъ, на мой вопросъ: что у васъ въ академіи читалось по расколу? отвѣтилъ мнѣ: „у насъ профессоръ читалъ только о причинахъ возникновенія раскола и закончилъ свои лекціи словами: такъ явился русскій расколъ старообрядчества“... Хотя я и позавидовалъ отчасти своему коллегѣ, имѣвшему счастье слышать эти, безъ сомнѣнія, очень интересныя лекціи, но въ то же время не могъ не пожалѣть тѣхъ изъ его товарищей, которыхъ судьба-злодѣйка наградила каедрой раскола въ семинаріи...

²⁾ Съ вѣрностію сужденій автора согласится, вѣроятно, каждый кандидатъ богословія, вынужденный обстоятельствами къ веденію бесѣды...

Ред.

кою противъ раскола, читали лекціи въ академіи и даже занимались частными увѣщаніями нѣкоторыхъ лицъ, изъ-явившихъ желаніе присоединенія, но не рѣшались выступить открыто передъ толпой старообрядцевъ, *не имѣя предъ глазами ни одного живого примѣра, не слыша ни одной бесѣды, какъ онѣ ведутся*. Вполнѣ ли вѣрно и точно, думали мы, поставлены въ книгахъ вопросы, такъ ли безсильны въ рѣшеніи оныхъ старообрядцы, тѣ ли возраженія на самомъ дѣлѣ они предлагаютъ, какъ читать приходилось, наконецъ, какой держать на бесѣдѣ тонъ, какъ говорить понятнымъ для всѣхъ языкомъ и т. п.,—все это естественно приводило насъ въ раздумье и побуждало не спѣшить“ ¹⁾...

Между тѣмъ большинство кандидатовъ является на кафедрѣ раскола, никогда не прослушавъ ни одной бесѣды съ раскольниками, такъ какъ въ академіяхъ обыкновенно бесѣды не ведутся. А если эти бесѣды и ведутся гдѣ-либо, то студентами не посѣщаются, такъ какъ интересующихся расколомъ среди послѣднихъ совсѣмъ нѣтъ. Такимъ образомъ, кандидатами на кафедрѣ раскола большею частью являются люди, совершенно незнакомые съ предметомъ ни теоретически, ни практически. Законно ли, поэтому, требовать отъ каждаго преподавателя по расколу обязательнаго веденія бесѣдъ со старообрядцами? Конечно, нѣтъ... Пусть академія прежде всего обогатитъ своихъ питомцевъ, имѣющихъ занять кафедрѣ раскола, всѣми необходимыми свѣдѣніями по предмету, пусть она въ лицѣ знаменитыхъ миссіонеровъ покажетъ имъ образцовое приложеніе теоретическихъ знаній къ дѣлу, пусть, наконецъ, она дастъ имъ возможность еще на школьной скамьѣ самимъ начать великое и трудное миссіонерское дѣло,—и тогда, я увѣренъ, не будетъ даже нужды въ разнаго рода напоминаніяхъ и предписаніяхъ объ обязательномъ веденіи публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками, такъ какъ тогда молодой преподаватель по расколу будетъ являться на кафедрѣ не невѣждой, какъ теперь, а знатокомъ своего дѣла. При настоящей же постановкѣ преподаванія раскола въ академіяхъ, требованіе обязательнаго веденія каждымъ преподавателемъ публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками и сектантами положительно незаконно.

¹⁾ Сочиненія Ивановаго 1 т. стр. 27. Казань, 1898.

Наконецъ, нужно замѣтить, что возложеніе на преподавателя обязательнаго веденія публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками можетъ и должно очень вредно отразиться на самомъ преподаваніи науки о расколѣ въ семинаріи. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всей массы обязанностей, возложенныхъ на преподавателя по расколу, главнѣйшею, конечно, является классное преподаваніе предмета и соединенное съ нимъ теоретическое изученіе раскола. Воспитанники семинаріи, конечно, изучаютъ исторію и обличеніе раскола, какъ науку; поэтому и при преподаваніи предмета главное вниманіе должно обращать на теорію. Семинарія, обогащая въ теченіи двухъ лѣтъ учениковъ свѣдѣніями по расколу, выпускаетъ изъ стѣнъ своихъ не начетчиковъ, а хорошо образованныхъ и въ частности хорошо понимающихъ расколъ старообрядчества и усвоившихъ всѣ правила для его обличенія кандидатовъ на миссіонерское служеніе. Если же преподаватель станетъ вести бесѣды, послѣднія явятся, такъ сказать, центромъ его дѣятельности, а классные уроки отодвинутся уже на второстепенное мѣсто. Все время отъ одной бесѣды до другой преподаватель будетъ употреблять на подготовку уже не къ урокамъ, а къ бесѣдѣ; классные же уроки будутъ откладываться, какъ бы въ сторону, такъ какъ на обстоятельную подготовку къ нимъ у преподавателя уже не будетъ времени, да и мысль его, занятая предстоящей полемикой съ раскольниками, уже не можетъ сосредоточиться на томъ или другомъ теоретическомъ вопросѣ, рѣшеніе котораго предстоитъ ему въ классѣ. А такъ какъ на собесѣдованіяхъ обыкновенно все дѣло сводится къ опроверженію большею частью мелочныхъ и придирчивыхъ возраженій темной раскольнической толпы, то и научный интересъ преподавателя съ каждымъ разомъ какъ-то суживается и мельчаетъ. На бесѣдахъ съ этой толпой преподаватель скоро убѣждается, что тѣ широкіе планы, по которымъ онъ намѣренъ былъ изучать и преподавать предметъ, оказываются совершенно излишними и ненужными... Интересъ къ наукѣ окончательно пропадаетъ, и преподаваніе предмета получаетъ сухой и формальный характеръ ¹⁾.

¹⁾ Редакція совершенно не можетъ согласиться съ приведенными разсужденіями автора. Практика, наоборотъ, показываетъ, что бесѣды преподавателя оживляютъ дѣло класснаго преподаванія и заинтересовываютъ учениковъ. Свой взглядъ на это редакція высказала въ мартовской книжкѣ, стр. 298—309.

Но, быть можетъ, кто-либо изъ читателей спросить меня: „какъ же бесѣды? Ужели онѣ не имѣютъ значенія для учениковъ и должны быть совершенно оставлены?“

О значеніи миссіонерскихъ бесѣдъ со старообрядцами для воспитанниковъ семинаріи я не говорилъ въ своей замѣткѣ и говорить объ этомъ нахожу совершенно излишнимъ, такъ какъ отвергать значеніе того, что несомнѣнно и доказано, такъ сказать, математически, было бы болѣе чѣмъ странно. Я возстаю только противъ возложенія на преподавателя семинаріи обязательной миссіонерской дѣятельности, значенія же бесѣдъ съ раскольниками для учениковъ семинаріи не отвергаю.

Если позволить мнѣ читатель, то я охотно открою ему еще одну изъ своихъ „завѣтныхъ думъ“... Самою главною обязанностью каждаго преподавателя по расколу, по моему мнѣнію, должно быть теоретическое изученіе предмета и классное преподаваніе его. Преподаватель долженъ заботиться о томъ, чтобы какъ можно обстоятельнѣе познакомить учениковъ хотя съ главною частью обширнаго матеріала по расколу и обогатить учениковъ возможно большимъ количествомъ свѣдѣній по расколу. Чѣмъ больше знаній ученики вынесутъ изъ школъ, тѣмъ легче будетъ имъ трудиться на миссіонерскомъ поприщѣ. Лучшимъ же средствомъ для этого должно служить непосредственное знакомство учениковъ съ полемической литературой по расколу какъ древней, такъ и современной. Сюда же слѣдуетъ отнести и чтеніе учениками въ классѣ и внѣ класса образцовыхъ бесѣдъ съ раскольниками извѣстныхъ лучшихъ миссіонеровъ какъ прежнихъ лѣтъ, такъ и нашего времени. Чтеніе этихъ бесѣдъ, мнѣ кажется, имѣетъ при изученіи предмета нашего такое же значеніе, какое имѣетъ при изученіи гомиластики знакомство учениковъ съ твореніями знаменитыхъ проповѣдниковъ.

Наконецъ, несомнѣнную пользу должно имѣть при изученіи раскола составленіе учениками плановъ примѣрныхъ бесѣдъ и устройство такихъ бесѣдъ на классныхъ урокахъ. Подготовка къ этимъ бесѣдамъ представляетъ изъ себя одно изъ наиболѣе удобныхъ средствъ къ ознакомленію учениковъ съ литературой по тому или другому вопросу.

Затѣмъ, другую также важную обязанность преподава-

теля по расколу составляет его непремѣнное участіе въ епархіальныхъ учрежденіяхъ, преслѣдующихъ миссіонерскія цѣли—въ совѣтѣ братства, въ миссіонерскомъ комитетѣ и т. п. Дѣятельность преподавателя въ такого рода учрежденіяхъ должна быть главнымъ образомъ направлена къ изученію мѣстнаго раскола и къ знакомству съ дѣятельностью мѣстныхъ миссіонеровъ. При этомъ, преподаватель обязанъ и учениковъ своихъ также знакомить съ важнѣйшими событіями изъ жизни мѣстнаго раскола, такъ какъ это знакомство, кромѣ интереса, принесетъ имъ и громадную пользу въ отношеніи къ будущей ихъ миссіонерской дѣятельности въ епархіи.

Что же касается до миссіонерской дѣятельности самого преподавателя, то она ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть обязательно-принудительнаго характера. Это—всецѣло дѣло самого преподавателя. Если онъ найдетъ себя способнымъ къ миссіонерству, то онъ съ удовольствіемъ будетъ вести публичныя бесѣды съ раскольниками. Нѣтъ сомнѣнія, что и самому преподавателю весьма бываетъ интересно видѣть практическое приложеніе своихъ обширныхъ знаній по расколу. Были бы только необходимыя для этого силы и время. Принужденіе же и ведетъ, и должно вести всегда къ указанному выше, во всякомъ случаѣ ненормальному, явленію.

Правда, бесѣды съ раскольниками необходимы для учениковъ. Но почему же ихъ долженъ вести непремѣнно преподаватель, хотя бы онъ и считалъ себя къ этому неспособнымъ?! Мнѣ кажется, гораздо цѣлесообразнѣе будетъ, если ученики будутъ слушать бесѣды спеціалиста-практика, т. е. миссіонера. Въ каждомъ городѣ есть нѣсколько миссіонеровъ—епархіальный, окружный, городскіе, единовѣрческіе священники, являющіеся большею частью идеальнѣйшими начетчиками. Эти бесѣды принесутъ ученикамъ гораздо больше пользы, чѣмъ бесѣды ихъ преподавателя. И это понятно—почему. Во-первыхъ, эти бесѣды имѣютъ дѣйствительно миссіонерскій характеръ и всегда отличаются отъ официальныхъ бесѣдъ преподавателя, который главною своею цѣлью считаетъ дать образецъ приложенія къ дѣлу сообщенныхъ въ классъ свѣдѣній и естественно смотритъ на присутствующихъ на бесѣдѣ раскольниковъ глазами не столько миссіонера, сколько экспериментатора... А во-вто-

рыхъ, на этихъ бесѣдахъ ученики могутъ вступить съ миссіонеромъ въ самое тѣсное общеніе, которое невозможно для нихъ на бесѣдѣ въ семинаріи.

Слушая эти бесѣды, ученики непременно должны и сами принимать въ нихъ фактическое участіе, такъ какъ безъ этого польза бесѣдъ будетъ слишкомъ ничтожна. Отсюда необходимо, чтобы ученики предварительно были знакомы съ тѣмъ вопросомъ, который подлежитъ обсужденію на бесѣдѣ. Слѣдовательно, практическое изученіе предмета должно начинаться послѣ достаточнаго знакомства съ теоріей его, т. е. по крайней мѣрѣ со второй половины учебнаго года.

Если преподаватель самъ имѣетъ возможность вести бесѣды, то гораздо будетъ лучше и въ миссіонерскомъ, и въ чисто учебномъ отношеніи и ему принимать участіе въ этихъ же бесѣдахъ, устраиваемыхъ миссіонеромъ, а не стремиться открывать свои собственныя бесѣды. Если же почему-либо преподаватель не можетъ съ педагогическою дѣятельностью соединить миссіонерскую, то отъ него можно требовать лишь подготовки учениковъ къ участію въ бесѣдахъ миссіонера и присутствія его на самыхъ бесѣдахъ какъ для непосредственнаго руководства учениковъ, такъ и для наблюденія за ними.

Этимъ я и закончу свою замѣтку. Вѣрю и надѣюсь, что она не останется „гласомъ вопіющаго въ пустыню“, но побудить кого-либо изъ читателей уважаемаго журнала дать отвѣтъ на затронутый мною весьма важный вопросъ.

В. Бллевъ.

Автобіографія и краткая исповѣдь бѣгло- поповца ¹⁾).

Прибывъ обратно въ Москву, я началъ серьезно обдумывать: эта ли Церковь Христова, какъ сказано въ „книжечкѣ“, блистающая во вся концы вселенныя благодатію Пресвятаго Духа?!.. И тутъ-то я вспомнилъ о выпискахъ Озерскаго, данныхъ мнѣ о. Павломъ Прускимъ. До сего дня я ими не занимался, но теперь, помолясь Богу, я заставилъ себя прочитатъ всю книгу, не спѣша. Въ ней я нашелъ то, что охладило во мнѣ все рвеніе ко всякой, именующей себя древлеправославною Церковію, общинѣ старообрядцевъ. Насколько могу и умѣю, готовъ подѣлиться съ вами, бывшіе мои братія и сестры о Христѣ, тѣмъ, что запало въ мое сердце изъ прочитанныхъ мною свидѣтельствъ св. Писанія о непорочности и истинномъ православіи Грекороссійской, св. соборной и апостольской Церкви.

Всѣ мы, какъ православные, такъ и старообрядцы всѣхъ толковъ, читаемъ въ символѣ вѣры: „и во едину (вѣруемъ) святую соборную и апостольскую Церковь“. Каждый старообрядецъ, будь онъ поповецъ или безпоповецъ, одинаково убѣжденъ, что онъ вѣруетъ и пребываетъ въ Христовой Церкви. Единъ Христосъ, едина вѣра, а прочія—не вѣры, но ереси и раздоры. Церковь, какъ невѣста Христова, должна быть одна; она чиста и непорочна, вратами ада неодолима (Матѣ. зач., 67). Понятіе о Церкви весьма обширно и для многихъ неудобопонятно; посему апостоль Павелъ къ Коринѳянамъ въ первомъ посланіи, глава 12, ст. 12, зач. 152, примѣняетъ тѣло церковное къ тѣлу человѣка: „Якоже бо тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тѣла мнози суще, едино суть тѣло, тако и Христосъ“. Св. Іоаннъ Златоустъ объясняетъ: тако и Церковь: **человѣкъ** имѣетъ голову, руки и ноги, тако и Церковь Христова

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“, ноябрь 1901 г., стр. 426.

имѣть главу—епископовъ, руки—священниковъ и діаконѣвъ, ноги—простыхъ мірянъ... отдѣли отъ челоуѣка ноги,—челоуѣкъ будетъ уродомъ, руки отдѣли—тоже, а если отдѣлить голову отъ туловища, окажется бездушный трупъ. Правило свят. апостолъ 55-е говоритъ: епископи убо по образу суще Господа нашего Іисуса Христа и глава церковнаго тѣлесе именуеми, пресвитери же и діакони по образу суще рукъ. Старообрядцы-поповцы лишились главы (епископа) около 200 лѣтъ тому назадъ и мнятся продолжать жизнь съ однѣми руками и ногами; безпоповцы всѣхъ толковъ лишились и головы, и рукъ, остались однѣ ноги съ смраднымъ чревомъ, и тоже мнятся живы быти; причеиъ увѣряють, что они составляютъ цѣлое полное тѣло. Увы и горе челоуѣку, который имуще очи еже видѣти и не видитъ и уши еже слышати и не слышитъ.

О вѣчности Церкви Христовой и неодоленности ея святые отцы свидѣтельствуютъ. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „Церковь небесе паче укоренилася есть, и удобѣе есть солнцу угаснути, нежели Церкви безъ вѣсти быти“ (Маргаритъ листъ 193-й, о Озій царѣ). „Сія бо есть едина пребывати выну“ (Апост. толков. 790-й). Блаженный Теофилактъ болгарскій утверждаетъ, что небеса и стихіи и вся тварь измѣняются, вѣрныхъ же Церковь, и словеса ея, и Евангеліе никогдаже (Благовѣст. отъ Луки зач. 107-е, отъ Матѣея зач. 100-е). „Не удаляйся Церкви, ничтоже бо Церкви крѣпчайше, упованіе твое Церкви, и спасеніе твое Церкви. Небесъ высши есть, каменія твердѣйши есть, земли ширши есть, никогда же старѣеть, присно юнѣется“ (Маргар. л. 525). Св. Іоаннъ Златоустъ въ словѣ на пятидесятницу сиче вѣщаетъ: „Вельми бо Церковь Богу возлюбленна есть. Церкви бо ради пропято есть небо, проліяно море, простертъ есть воздухъ. Основана земля, рай насажденъ, чудеса велія быша, море раздѣляшеся и паки сступашеся, каменіе распадается, Церкви ради пророкове, Церкви ради апостолове, и что больше реку: Церкви ради Единородный Сынъ Божій челоуѣкъ бысть, яко же Павелъ рече, иже Сына Своего Богъ не пощадѣ, яко да Церковь исцѣлитъ, и кровь Сына Своего излія Церкви для. Кровь сія окропляетъ Церковь, сего ради розги ея и листвія ея не увядаютъ, дресеса ея листвія не отметають, не подлежатъ времени тлѣнія, зане благодать Духа

Святаго сія дѣйствуетъ“. Въ Церкви Христовой также вѣчно, непрерывно, должна существовать іерархія (священноначаліе), которую Иисусъ Христосъ, будучи Самъ „по силѣ живота неразрушаемаго, вѣчнымъ первосвященникомъ“ (Евр. зач. 316-е), установилъ. „Якоже Самъ Христосъ не умираетъ, тако и священство Его по чину Мелхиседекову не престанетъ“ (Кириллова, глава 8 листъ 77-й“). Вѣчное существованіе іерархіи Самъ Иисусъ Христосъ подтвердилъ притчею: „Куплю дѣйте, дондеже прииду“ (Благов. Луки зач. 95-е).

Іерархія должна состоять изъ трехъ чиновъ: епископа, пресвитера и діакона: въ семъ бо числѣ „совершеніе священническаго чина, и ни меньше, ни больше сихъ лѣпо быти“ (Благов. Луки зач. 95). Святой Игнатій Богоносецъ пишетъ, что „безъ нихъ (т. е. еписк., пресвит. и діак.) Церковь не именуется... нѣсть избранныя, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ“ (Послан. 3-е къ Тралліанамъ). О необходимости трехъ чиновъ въ Церкви Христовой и Симеонъ Θεσσαλονικійскій (солунскій) удостовѣряетъ, въ книгѣ 1-ой: глава 156, и въ книгѣ 2-й число 30-е. Святіи отцы отрицаютъ существованіе Церкви безъ епископа. Святой Кипріанъ говоритъ: „Ты долженъ знать, что епископъ въ Церкви и Церковь въ епископѣ, и не находящіеся въ единеніи съ епископомъ не находятся и въ Церкви“ (Посланіе 69-е). „Безъ епископа бо Церковь Христова быть не можетъ и никогда не была“ (Маргар. листъ 145 обор.). „Кромѣ епископа, ниже жертва, ниже іерей, ниже жертвенникъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже убо хрістіане: чрезъ того убо истинное хрістіанство, и Христовы чрезъ того вся тайны“ (Симеона Солунскаго книга 1-я, глава 77). Исповѣдь, творимая предъ священникомъ, не получившимъ отъ своего епископа власть разрѣшать грѣхи, не вмѣняется въ таинство и ничтоже пользуется (Номоканонъ листъ 6-й; Кареаг. соб. прав. 7. и 43. Никона Черногор. слово 50). „Безъ воли своего епископа пресвитери или діакони да не творятъ ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни“ (корм. прав. св. апостоль 89-е). „Аще кто кромѣ соборныя Церкви о себѣ собирается, и не радя о Церкви церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру по воли епископли, да будетъ проклятъ“ (Прав. 6-е гангр. соб). Въ толковомъ Апостолѣ на листѣ 548 сиче вѣщааетъ: „Глаголють же и сіе еретицы, яко уже не прино-

сѣять они въ жертву Христа, только пріемлють и ядятъ тѣло Его и пють кровь Его. Но соблажняются о семъ, ни въ жертву бо не приносятъ, ниже пріемлють тѣло Господне. Понеже іереовъ въ благочиннѣхъ посланныхъ не имѣють. Ащебы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ, одиначе тайны безъ единости Церкви христіанскія ничесоже суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго Богъ пророкамъ рече: послуша вы клятву, и проклену благословеніе ваше, и оклену е и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ, сирѣчь, положу клятву на благословеніе ваше, имже тайна совершаема бываетъ, ибо Церковь Божія есть, якоже глаголетъ писаніе, вертоградъ заключенъ, и источникъ запечатлѣнъ, и того ради невозможно нигдѣже тайнѣ совершатися, токмо во единости Церкви Божіа, еяже (т. е. Церкви) между сомнѣніями еретическими нѣсть, тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго, отъ нихъ еже тако есть достойно, яко крещаемаго отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію Церкви, паки крестити не требѣ. Аще не придетъ къ Церкви, ничесоже ему нѣсть полезно.

Въ Церкви Христовой необходимо должны быть всѣ семь таинствъ, о которыхъ свидѣтельствуется въ Большомъ Катихизисѣ, листъ 353-й. Вопросъ: потребно ли есть ученіе и опасное вѣдѣніе о седми святыхъ тайнахъ? Отвѣтъ: Зѣло потребно есть. Ими бо вси освящаемся, и спасеніе содржимъ, невѣдый же и небрегій о нихъ, сей погибаетъ. Ихъ же прилежно со тщаніемъ должны есмы поучатися о нихъ, да познавше достойнѣ ихъ употребляемъ и спасени будетъ. На листъ 360-мъ: Вопросъ. Кто можетъ сія тайны строити? Отвѣтъ: Никтоже развѣ святителей хиротонисанныхъ, имже дана есть власть (на сіе) отъ Господа Бога рукоположеніемъ наслѣдниковъ апостольскихъ... никтоже собою честь пріемлетъ, но званый отъ Бога, яко же Ааронъ. Аще же въ ветсѣмъ завѣтѣ никтоже дерзну неосвященъ строити тайны, множае паче у насъ недостойтъ дерзати. Сего ради Господь на тайнѣй вечери апостоли своя священниками сотворилъ есть и по воскресеніи своемъ повелѣ имъ вся языки крестити, и даде имъ власть отпуцати грѣхи“. Выше, на 116 листѣ обор. пишеть: Во сѣхъ втайнахъ церковныхъ дѣйствуетъ Духъ Святый.

Изъ отеческихъ свидѣтельствъ ясно видится, что Цер-

ковъ Христова должна вѣчно и непрерывно существовать, что она должна быть непремѣнно съ тремя іерархическими чинами, ведущими свое начало отъ апостоловъ, и съ седмью таинствами, безъ коихъ спасеніе немислимо. Между тѣмъ старообрядцы австрійцы сияютъ доказать, вопреки слову Божію: „и врата ада не одолѣютъ ей“ (благов. Мате. зач. 67),—что будто бы еретики и гонители противоборцы, т. е. по ихъ мнѣнію, власти разныя Греко-россійской Церкви, стѣснительными мѣрами одолѣли вселенскую православную Церковь, каковую яко бы они, австрійцы, составляютъ... и что неимѣніе ими въ теченіи 200 лѣтъ епископа могло восполняться чрезъ бѣглого попа. Они ошибочное мнѣніе свое подтверждаютъ евангельскими словами: „по вѣрѣ вашей да будетъ вама“ и словами Симеона Солунскаго, что во всѣхъ божественныхъ тайнахъ „архіерейство дѣйствующе есть“. Но если въ приведенныхъ словахъ старообрядцы - поповцы хотятъ видѣть оправданіе своего безглаваго общества, то они должны согласиться со всѣми еретиками и раскольниками, которые также вѣруютъ, что ихъ религіозное положеніе душеспасительно. Что же касается свидѣтельства блаженнаго Симеона, то, по силѣ онаго, архіерейство дѣйствуетъ чрезъ священниковъ только въ тѣхъ божественныхъ тайнахъ, кои дозволено ему совершать, и когда совершаются по волѣ своего ему епископа, да и священникъ таковой имѣетъ благодать „только совершительную въ таинствахъ, не убо преподательную: крещаетъ бо и священнодѣйствуетъ, не можетъ же хиротонисати, ниже иного дѣйствовати (книга 2 числа 30). Какое же архіерейство дѣйствовало чрезъ бѣглыхъ поповъ? Допустимъ, что чрезъ первыхъ отдѣлившихся поповъ дѣйствовало архіерейство, отъ котораго они были рукоположены, и которое, по мнѣнію старообрядцевъ, было еще православнымъ; но сдѣйство архіерейства со смертію оныхъ поповъ и прекратилось, такъ какъ іерей преподавать хиротонію другому не можетъ; какое же архіерейство дѣйствовало чрезъ бѣжавшихъ поповъ, которые, по мнѣнію старообрядцевъ, рукоположены отъ еретическаго епископа? Итакъ свидѣтельство блажен. Симеона: числомъ не оправдываетъ старообрядцевъ и бѣжавшихъ къ нимъ поповъ. Къ такимъ попамъ, замѣнявшимъ у старообрядцевъ епископовъ, имѣетъ весьма близкое отношеніе стѣ-

дующее свидѣтельство св. Ириней: „Должно повиноваться пресвитерамъ, находящимся въ Церкви и происходящимъ преемственно отъ апостоловъ, и по благоволенію отца, вмѣстѣ съ преемствомъ епископства получившимъ истинные дары: прочихъ же, кои получили пресвитерство не по такому преемству и собираются во всякомъ мѣстѣ, тѣхъ считать людьми подозрительными, еретиками и злонамѣренными отступниками, горделивыми, самолюбивыми, лицемерами, дѣлающими это ради прибытка для суетной славы“ (книга 4-я противу ересей, глава 26).

У поповцевъ преемственного епископства не было; слѣдовательно, попы, бѣжавшіе къ нимъ, принадлежатъ къ тѣмъ, коихъ святыи Ириней именуетъ людьми подозрительными, еретиками, злонамѣренными отступниками и пр. Итакъ ни одного доказательства для старообрядцевъ св. отцы не написали. Всѣ старообрядцы, какъ поповцы, такъ и безпоповцы за Грекороссійскою Церковію ересей найти не могутъ, ибо всѣмъ вѣдомо, что Церковь Россійская Вселенскою Церковію не осуждена, и всѣ сознаютъ, что въ догматахъ вѣры и въ богословіи она не погрѣшаетъ. На какомъ же основаніи глаголеміи старообрядцы отдѣлились не только отъ Русской, но и отъ вселенской Церкви?—Есть ли по крайней мѣрѣ хотя одинъ примѣръ (не говорю уже о правилѣ) въ церковной исторіи, на основаніи котораго они могли бы отдѣлиться отъ православной Церкви, не осужденной за ереси и не погрѣшающей въ догматахъ богословія. Отдѣлиться только за измѣненіе обрядовъ, кои и въ древней Церкви были не одинаковы и къ лучшему измѣняемы, весьма погрѣшительно! Кому же стали подобны старообрядцы чрезъ свое отдѣленіе отъ вселенской Церкви? Извѣстно, что новатіане и донатисты, подобно нынѣшнимъ старообрядцамъ, отдѣлились отъ Церкви не за какое-либо поврежденіе въ богословіи, но за обрядность, и Церковь ихъ осудила, какъ еретиковъ. Старообрядцы говорятъ, что они отдѣлились отъ Церкви за клятвы собора 1667 г., положенныя якобы на старыя обряды. Оправданіе несправедливое: отдѣленіе старообрядцевъ отъ православной Церкви послѣдовало ранѣе 1667 г., что доказывается рѣчью царя Алексѣя Михайловича къ помѣстному собору Россійскому въ 1666 году, въ которой онъ говорилъ, что въ то время недовольные исправленіемъ богослужебныхъ книгъ

уже рѣшительно отдѣлились отъ Церкви, громко и открыто кричали, что нынѣшняя Церковь нѣсть Церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіерей не архіерей, писанія лестна, ученіе несправедливое, и вся скверна и неблагочестна (смотри соб. дѣянія 1666 г.). Итакъ, соборомъ 1667 года еще не были произнесены клятвы, а мнимые старообрядцы уже отдѣлились отъ Церкви, понося оную гнусными порицаніями; тогда соборъ произнесъ осужденіе, но только не на обряды, а на отступниковъ и порицателей,—людей съ помраченною совѣстію, изрыгавшихъ нестерпимыя хулы и укоризны на святую Церковь. Итакъ, старообрядцы въ защиту своего отдѣленія не имѣютъ права указывать на клятвы собора 1667 года; а такъ какъ Греко-россійская Церковь, по признанію самихъ же старообрядцевъ, въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ и никакимъ соборомъ за ереси не осуждена, то и законной причины своего отдѣленія отъ Церкви старообрядцы указать не могутъ. Правда, нѣкоторые ссылаются на книгу инока Никодима, въ которой якобы доказано, что Греко-россійская Церковь „къ преданіямъ св. богопрославленной чрезъ многихъ угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ древле-греко-россійской Церкви надлежащей чистоты вѣры не сохраняетъ“. Но во всей книгѣ его рассматриваются только обычаи, и обряды, не имѣющіе ничего общаго съ догматами вѣры, а посему не могущіе служить старообрядцамъ опорой отдѣленія отъ св. Церкви; доказательство этому—примѣръ того же инока Никодима, сознавашаго неосновательность представленныхъ имъ въ своей книгѣ мнимыхъ погрѣшностей Греко-россійской Церкви и присоединившагося къ ней. Примѣръ достойный подражанія для всѣхъ глаголемыхъ старообрядцевъ!..

Когда я занимался провѣркой „книжечки“, данной мнѣ Савватіемъ, въ то время часто меня навѣщалъ другъ мой—Григорій Павл. Глухаревъ, уроженецъ г. Боровска, Калужской губ.; съ нимъ однимъ я только и могъ откровенно говорить. Въ это время его, какъ свободнаго послѣ ареста о. Петра 1-го Шепетова, при которомъ онъ служилъ, приглашали австрійцы въ діаконы, но онъ отклонилъ предложенную ему честь и вмѣстѣ со мной продолжалъ разсматривать истину. Убѣжденія въ непогрѣшимости православной Церкви у насъ были одинаковы, поэтому и до сихъ поръ между нами

духовная связь неразрывна. Я, ободряемый другомъ, рѣшилъ было присоединиться въ Никольскомъ единов. монастырѣ у о. Павла (царствіе ему небесное!), но меня удержало слѣдующее обстоятельство. Въ послѣднихъ числахъ сентября получаю я письмо отъ о. Петра 2 го Ремизова, въ которомъ онъ жалуется на безвыходное положеніе, и что если я оставлю его, тогда его семейству придется съ голоду умирать. Жалко мнѣ стало о. Петра: онъ для всѣхъ былъ добръ; попечители напали на него несправедливо. Зналъ я и то, что никто, кромѣ меня, не рѣшится поддержать его, ибо всѣ боятся попечителей, да нельзя было и не бояться, ибо ихъ слово въ провинціи было закономъ. Поэтому человѣку, незнакому съ закулисной жизнью попечителей, опасно идти наперекоръ ихъ волѣ. Я же многое зналъ изъ жизни попечителей, да къ тому же и не дорожилъ ихъ вниманіемъ, будучи увѣренъ, что не нынче—завтра я долженъ буду порвать связи со старообрядчествомъ. Поэтому нисколько не боялся обличать попечителей въ ихъ самоволіи и присвоеніи ими власти надъ пастырями, за что попечители стали обзывать меня студентомъ, извергомъ и т. п. Слово студентъ въ ихъ понятіи означало какъ бы безбожный или невѣрующій... Я рѣшилъ послужить о. Петру. Попечители, узнавъ о моей смѣлости, разослали повсюду письма, всячески ругая меня и воспрещаая обращаться съ требамъ къ о. Петру, какъ нарушившему вѣру, ибо онъ въ прошеніи Святѣйшему Синоду называлъ ихъ „св. отцы“, а старообрядцевъ называлъ „сектой“, а секта по словарю есть ересь. Вотъ все и отступленіе отъ вѣры о. Петра. Попечители въ злобѣ истощили весь запасъ обвиненій безполезныхъ и рѣшились на послѣднее средство удержать народъ у себя въ послушаніи: они пустили слухъ, что у насъ съ о. Петромъ нѣтъ мвра святого. Вотъ ужъ сей-то глупости я никакъ не ожидалъ отъ попечителей!! Господи Боже мой! У попечителя, какъ у нѣкоего патріарха, мвро святое есть, а если отлучишься попечителя, толишень будешь и мвра. Я и сейчасъ, пожалуй, дамъ въ долгъ имъ того мвра, которое они выдавали и выдаютъ попамъ. Я сдѣлалъ запасъ въ г. Рыльскѣ, Курской губ., отъ попечительницы Капит. Козм. Шелиховой—мвра, изъ иргизскихъ монастырей, настоящаго Іосифскаго; въ г. Ржевѣ, Твер. губ., у Сарафанниковыхъ, у которыхъ, по преданію, тоже съ Иргиза. Въ деревнѣ Федюнькино Верея-

скаго уѣзда муро Карасевское, оставленное о. Петромъ 1-мъ Щепетовымъ. Я, пожалуй, богаче „муромъ“ Московскихъ попечителей. Но что это за муро?! Одинъ Богъ вѣдаетъ. Мнѣ думается, что это масло прованское, отъ времени побѣлѣвшее.—Господи, не помяни прежнихъ прегрѣшеній моихъ! Подъ видомъ мюра постоянно употребляемо было масло изъ лампы, какъ чистое; а даваемое отъ попечителя прованское вонючее муро о. Петръ, а такъ же и о. Теодоръ съ отвращеніемъ при мнѣ выливали въ печь, а мнѣ велѣли наливать изъ лампы съ нѣсколькими каплями розоваго масла для пріятнаго запаха. Подумайте, братіе старообрядцы, и разсудите здраво: гдѣ мы столько наберемъ мюра, чтобы хватило за 11 лѣтъ моей службы перемазать болѣе 12,000 людей? да это для одного попа, а ихъ въ Россіи 14 поповъ, да за границей два. Положите на каждого попа меньшимъ числомъ по 600 млад., и тогда ежегодно нужно перемазать 9600 душъ. Возьмите 200 лѣтъ назадъ и составьте цифру, да и подумайте: были ли у патріарха Іосифа такія чаны (сосуды), чтобы запасти для васъ мюра на неопредѣленное число лѣтъ?.. Горько мнѣ было выслушивать отъ слѣпо вѣрующихъ людей замѣчанія, что мы не имѣемъ мюра, а у попечителей чудеснымъ образомъ сосуды неистощимы? Послѣ сего вамъ, старообрядцы, можно ли хвалиться правой вѣрой, а Церковь православную, соблюдающую чистоту вѣры, порицать? Образумьтесь, братіе! отымите лукавства отъ душъ вашихъ и научитесь познавать Божию Церковь въ евангельской истинѣ, а не въ сумасбродныхъ сплетняхъ... Итакъ, мы продолжали ѣздить съ о. Петромъ до 1896 года. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ отъ холеры о. Петръ 2-й Ремизовъ умеръ; Богъ привелъ ему покаяться православному іеромонаху. Также и Петръ 1-й Щепетовъ умеръ православнымъ же. Добрые были отцы, да простить ихъ Господи! Прошу у васъ, братіе старообрядцы, прощенія, ибо я лгалъ вамъ, говоря, что о. Петръ 2-й Ремизовъ умеръ старообрядцемъ, не принявъ православнаго священника, а что будто причастился воды великаго освященія. Эту неправду я научилъ говорить и семейство о. Петра, для того, чтобы вы не поколебались совѣстію, молились бы за упокой души о. Петра и помогали его семейству. Пришло время, и я предъ вами каюсь: солгалъ, простите Христа ради.

Вскорѣ засимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ я поступить

служить къ о. Андрею Сергіевскому, въ г. Козловѣ, Тамбовской губ.; попечитель Михаилъ Моисѣвичъ Мартыновъ заставилъ меня прочитатъ 3-й чинъ, за непокорность московскимъ попечителямъ, настаивалъ, чтобы выстригъ себѣ маковку (гуменце), которая для меня памятна еще въ дѣтствѣ. Съ симъ попомъ я послужилъ недолго, въ виду того, что служить было невозможно по причинѣ его буйнаго характера и безпробуднаго пьянства. Сей пастырь сейчасъ служить для соблазна малыхъ сихъ въ хуторѣ Свиридовѣ, Верхнечирской ст.; много изъ-за него уклонилось въ австрію. Въ 1894 г. я поселился на отдыхъ у стариковъ родителей моихъ въ хут. Кагальницкомъ, гдѣ проводилъ свое дѣтство. Скоро засимъ поступилъ уставщикомъ на х. Висловъ. Родители мои умерли, и я въ концѣ 1896 г. приглашенъ былъ на службу уставщикомъ въ Константинопольскую стан. Здѣсь я сталъ хлопотать о приобрѣтеніи попа. Жалко мнѣ было, что наши идутъ вѣнчаться къ австрійскимъ. Мнѣ думалось, что бѣжавшій отъ Церкви попъ, все-таки, получилъ хиротонію отъ православнаго епископа, и Господь, по вѣрѣ приходящихъ и по невѣдѣнію, быть можетъ, ниспошлетъ благодать свою на сочетающихся; австрійцы же вовсе ужъ самозванцы простецы. Въ 1897 г. послѣ Богоявленія мы вмѣстѣ съ торговымъ казакомъ В. В. Щедровымъ отправились на поиски за попомъ. Подробности опишу въ другое время, а теперь коротко объясню. За 12 день до масляной, мы привезли попа изъ г. Новозыбова, Чернигов. губ., изъ прихода Дьяконовцевъ, безъ подмирныхъ. О. Григорій Максимовичъ Карабиновичъ, изъ студентовъ Кіевской духов. семинаріи, 36 л., имѣетъ ставленную грамоту и свидѣтельство о снятіи съ него запрещенія, которому онъ былъ приговоренъ Кіевской духовной властію въ 1893 году на три года. Но, не отбывъ срока наказанія, онъ перешелъ въ Новозыбокъ къ старообрядцамъ, въ 1895 г. 15 августа его приняли по 3-му чину, а въ октябрѣ тайно помазали муромъ. Я, какъ и всегда, довѣрчивый, повѣрилъ на-слово предъ образомъ Спасителя и сему попу, что онъ перешелъ по убѣжденію, а не изъ корыстныхъ видовъ. Устроивъ церковь, я перевезъ его семейство, и поставилъ дѣло, какъ слѣдуетъ; тогда меня хоть бы и не надо, я уже для нихъ дорогъ, получаю третью часть дохода. Мнѣ предложили получать 5-ю долю, я назвалъ сіе недобросовѣст-

нымъ, пошли споры и пререканія, и на мое мѣсто нашелся человѣкъ служить изъ 5-й доли, его смѣнилъ взявшійся служить за 6-ю долю. Наконецъ, нашли человѣка, который служилъ изъ 10 копѣйки, пока умеръ. Такія не корыстныя дѣла Карабиновича породили во мнѣ сильное сомнѣніе въ его непорочности. Я сталъ наводить справки, по которымъ Карабиновичъ оказался запрещеннымъ, не отбывшимъ срока наказанія и уволеннымъ съ должности псаломщика. Наводили справки такъ же и Нижегородцы отъ Бугрова, и Ростовцы отъ Мухина и отъ Переселенкова. Посылали людей въ Кіевъ узнавать о немъ, узнали, провѣрили и убѣдились, что Карабиновичъ отъ запрещенія разрѣшенъ не былъ, и никакихъ указовъ о разрѣшеніи ему священнодѣйствія не выдавалось. Заболѣло мое сердце, дѣти мои были крещены имъ, а онъ, не имѣя власти, связанъ сый, окрестилъ ихъ. Наказываетъ Господь меня за мое малодушіе.

Въ это время я уже собирался ѣхать за новымъ, хорошимъ, не запрещеннымъ попомъ. Получилъ книжку за многими подписями и печатами удостовѣряющихъ, что я посланъ для пріобрѣтенія новаго батюшки, и чтобы старообрядцы, свои христіане, помогли мнѣ на расходы. Давно завѣтная мысль приближалась къ осуществленію. Я задумалъ испросить себѣ отъ правительства законнаго священника, по особому указу Его Величества, съ тѣми правами, которыми пользовались бѣглопоповцы въ царствованіе Александра 1-го Благословеннаго. Но Господь судилъ иначе: Онъ милосердный, не по беззаконіямъ моимъ сотворилъ о мнѣ, ниже по грѣхамъ моимъ воздалъ мнѣ. Господь не попустилъ мнѣ далѣе блуждать по распутьямъ раскола,—отвергъ мои мысленныя очи и я вошелъ въ лоно истинной православной Церкви.

Ө. Шмаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Возможенъ-ли миссіонерскій обмѣнъ мнѣній съ послѣдователями мохаммеданства?

На этотъ вопросъ, ранѣе затронутый на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ отвѣчаемъ, не обвиняя, на основаніи личнаго миссіонерскаго опыта: да, возможенъ и безусловно нуженъ.

Я состою противомусульманскимъ миссіонеромъ вотъ уже болѣе 25 лѣтъ, а среди мохаммеданъ жилъ 33 года ¹⁾. Хотя моя обязанность состояла преимущественно въ собесѣдованіяхъ съ крещеными татарами и съ отступниками въ мохаммеданство, для укрѣпленія первыхъ въ христіанствѣ и вразумленія послѣднихъ и, по возможности, возвращенія ихъ въ православіе; однако же намъ не мало приходилось бесѣдовать „о вѣрѣ“ и съ природными мохаммеданами. Бесѣды съ ними были большею частію какъ бы случайными: съ рабочими артелями, или же нарочито заѣзжая къ болѣе семейнымъ татарамъ „покормить лошадей“. А еще чаще приходилось бесѣдовать въ одиночку. Во всѣхъ этихъ случаяхъ приходилось начинать бесѣду съ разныхъ мелочныхъ житейскихъ вопросовъ, незамѣтно переходя на вопросы объ обрядахъ вѣры, выражая желаніе узнать ихъ значеніе и пользу. Мохаммеданинъ съ удовольствіемъ начинаетъ объяснять обрядъ и всегда неправильно, даже не согласно съ „Кораномъ“. Начинаемъ поправлять его толкованіе при помощи того же „Корана“ и онъ радуется, объясненіемъ доволенъ... и самъ начинаетъ предлагать вопросы относительно обрядовъ христіанина и... бесѣда развивается въ совершенно мирномъ духѣ; мы пользуемся этимъ случаемъ, передаемъ сущность всего христіанства, потихоньку сравнивая его съ мохаммеданствомъ и указывая недостатки послѣдняго даже съ человѣческой точки зрѣнія. Конечно, указанія эти должны быть осторожны, безъ оскорбленій его религіознаго чувства.

¹⁾ Да и теперь постоянно съ ними въ общеніи.

лишь понятны ему по простотѣ изложенія... и, въ концѣ—концовъ, мохаммеданинъ остается весьма доволенъ бесѣдою и новыми свѣдѣніями о христіанствѣ, о которомъ отъ своихъ муллъ онъ слышалъ лишь хулы и порицанія. Въ теченіе моей продолжительной миссіонерской службы и жизни среди мохаммеданъ, религіозныхъ бесѣдъ съ ними у насъ было безчисленное множество и намъ никогда не встрѣчалось видѣть въ нихъ фанатическаго упорства; послѣ бесѣдъ разставались мы съ ними всегда друзьями.

Конечно, во время бесѣды съ мохаммеданами, преданными своей „вѣрѣ“, нужно быть всегда осторожнымъ и не позволять себѣ говорить о „вѣрѣ“ ихъ ничего оскорбительнаго, давая понять не божественное происхожденіе ея и грѣховность лишь такъ, чтобы они сами это ясно поняли.

Еще вотъ что замѣчательное мнѣ приходилось наблюдать во время моего миссіонерскаго служенія и вообще службы среди инородцевъ—татаръ. Я служилъ 29 лѣтъ въ окруженномъ мохаммеданскими селеніями селѣ А., жители котораго почти всѣ поголовно портные, ежегодно болѣе половины года работающіе у мохаммеданъ. Въ постоянныхъ бесѣдахъ о вѣрѣ съ крещеными татарами и въ церкви, и въ домахъ, и при всякомъ случаѣ, я былъ безпощаденъ относительно обличенія мохаммеданства, указывая всѣ его недостатки и противорѣчія самому себѣ, чтобы показать не только не спасительность его для души, но и прямой вредъ и пагубность. Мои прихожане—портные все это передавали мохаммеданамъ, желая получить отъ нихъ объясненіе недостатковъ ихъ вѣры... И вотъ, не смотря на мою безпощадную критику мохаммеданства, всѣ мохаммедане душевно любили меня не только за ласковое обращеніе съ ними, но и особенно за то, что „ты, говорятъ, больно хорошо учишь своихъ крещень... спасибо тебѣ“... Были и такіе случаи. На большомъ тракту, на постояломъ дворѣ встрѣчаемся съ богатымъ изъ далека татаринкомъ, который, по свойственной имъ любознательности, начинаетъ спрашивать: „откуда, куда и зачѣмъ ѣдишь“. Отвѣчаю: я священникъ изъ села А..... „Неужели? вотъ счастье! Такъ это ты такъ хорошо учишь своихъ крещень-портныхъ, такъ это тебя всѣ хвалятъ?! Спасибо тебѣ, спасибо, что стараешься“,—говоритъ мохаммеданинъ. Для меня всегда было удивительно, что мнѣ говорили «спасибо» мо-

хаммедане, вѣру которыхъ я безпощадно обличалъ предъ крещенными татарами.

Чтоже это значить?—А это значить то, что, при непониманіи своего вѣроученія, при его бессмысленныхъ обрядахъ и сказочнаго характера разсказахъ, татары рады слышать понятную ихъ сердцу истину на ихъ родномъ языкѣ, высказанную хотя бы и христіаниномъ, котораго муллы ихъ научаютъ считать «невѣрнымъ».

Словомъ миссіонера-протоіерея свидѣтельствую, что все мною высказанное суть истинные факты, безъ малѣйшей прикрасы. Почему я смѣло повторяю, что обмѣнъ религіозныхъ мнѣній съ послѣдователями мохаммеданства возможенъ и въ миссіонерскихъ видахъ даже полезенъ.

Подобныя бесѣды во множествѣ велись мною и съ язычниками изъ вотяковъ, чувашъ и черемисъ, которые такъ же относились сочувственно къ бесѣдамъ „о вѣрѣ“.

Правда, результаты подобныхъ бесѣдъ какъ будто не велики,—обращеній въ православіе изъ мохаммеданства и язычества было не много,—но и не малы, ибо мохаммедане перестали смотрѣть на христіанъ «свысока», какъ смотрѣли прежде, и уже не называютъ ихъ многобожниками и идолопоклонниками. А этого пока уже достаточно. Впрочемъ, были и болѣе ощутительные результаты моихъ миссіонерскихъ бесѣдъ: изъ отступниковъ возвращено въ православіе до 300 человѣкъ, мохаммеданъ и язычниковъ окрещено до 50 и не одна тысяча крещеныхъ татаръ спасена отъ отпаденія въ мохаммеданство. Слава Богу!

Миссіонеръ протоірей *Александръ Миропольскій*.

Изъ миссіонерской полемики.

Беседа съ штундо-баптистами о святомъ причащеніи.

I.

Шла крестопоклонная недѣля Великаго Поста. Въ селѣ Прирѣчномъ народъ усиленно гсвѣлъ, готовясь къ св. причащенію. Настроеніе у всѣхъ было покаянное, молитвенное. Этимъ обстоятельствомъ пользовались мѣстные штундисты. Среди народа они распространяли кощунственные мысли о православномъ причащеніи. Говорили мужикамъ, что у православныхъ „Причастіе“ совершается „не по Евангелію“; а потому оно „безъ надобности“...

Народъ возмущался, но подѣлать съ сектантами ничего не умѣлъ.

Какъ разъ въ эту пору подѣхалъ я въ Прирѣчное. Вопросъ для нашей бесѣды опредѣлился самъ собой: мы рѣшили говорить о святомъ причащеніи *Тѣла и Крови Христоваго*. Дали знать о томъ штундистамъ. Они согласились съ нашимъ предложеніемъ. И вотъ мы сошлись на бесѣду въ храмъ.

Между штундистами не было выдающагося начетчика. Они просили „дозволить“ отвѣчать тѣмъ изъ ихъ братій, „кто почувствуетъ желаніе“. Я „уважилъ“ просьбу сектантовъ. Предупредилъ ихъ лишь о томъ, чтобы они вели себя въ храмъ *благоговѣнно и прилично* христіанамъ.

Пропѣли „Царю Небесный“. Съ трудомъ вылѣзъ я изъ алтаря на амвонъ: такъ было много народа. Я сталъ говорить:

— Братія, христіане! Ап. Павелъ заповѣдалъ своему ученику Тимоѳею: *„все Писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ пра-*

ведности"... (2 Тим. 3, 16). Изъ этихъ „словъ“ апостола убѣждаемся, что все св. Писаніе составлено праведными мужами по наученію отъ Духа Святаго; потому *все* Слово Божіе необходимо для жизни христіанъ... Мы должны принимать не только *всѣ* священныя книги Библии (Дѣян. 24, 14), но *обязаны* вѣрить, что „доколь не перейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не перейдетъ изъ закона, пока не исполнится все“ (Мѡ. 5, 18; ср. Откр. 21, 1—27). Содержите ли вы, друзья, отпадшіе отъ насъ, такую вѣру въ Слово Божіе?

— Содержимъ! Содержимъ! Зашумѣли сектанты.

Одинъ изъ нихъ, портной Александръ, болѣе другихъ грамотный и толковый, сказалъ:

— Насчетъ Слова Божія вы насъ не пытайте. Мы всѣ священныя книги принимаемъ и *точно* ихъ хранимъ.

— Благодарю за это Господа!—отвѣтилъ я. Мнѣ отраднѣе вами побесѣдовать. Будемъ говорить о дѣлѣ, *крайне* *нужномъ* для всякаго христіанина. Въ Ев. Матѣея читаемъ: *когда апостолы ѣли, Іисусъ взявъ хлѣбъ и, благословивъ, преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: примите, ядите: сіе есть Тѣло Мое. И взявъ чашу и, благодаривъ, подалъ имъ, и сказалъ: пейте изъ нея всѣ; ибо сіе есть Кровь Моя Новаго Завета, за многихъ изливаемая, въ оставленіе грѣховъ*“ (Мѡ. 26, 26, 27). А въ Евангеліи Луки къ этой заповѣди Господь добавилъ: „*сіе творите въ Мое воспоминаніе*“ (Лк. 22, 19).

И такъ, по евангельской заповѣди, ѣдите ли вы Тѣло Христово и пьете ли Кровь Его въ воспоминаніе спасительныхъ страданій нашего Господа?

Сектанты переглянулись между собой; по общему согласію, они выставили Александра отвѣчать. Тотъ сказалъ:

— Да, мы ѣдимъ *хлѣбъ* и пьемъ *вино*, въ воспоминаніе страданій Христовыхъ.

Я замѣтилъ:

— Хлѣбъ и вино ѣдятъ и пьютъ *всѣ* люди себѣ на здорově... Мы не объ этой *обыкновенной* ѣдѣ говоримъ, а о яденіи *Тѣла* Христова. Вѣдь въ Евангеліи сказано: „*Іисусъ взявъ хлѣбъ и, благословивъ, сказалъ: примите, ядите: сіе есть Тѣло Мое*“ (Мѡ. 26, 26). Смотрите: Христосъ въ руки взялъ *хлѣбъ*; а когда *благословилъ* его, то, подавая ученикамъ, сказалъ: „*сіе есть Тѣло Мое*“. Значить, ученики ѣли не *простой* хлѣбъ, а *Тѣло*, и не *вино* только пили, а *Кровь* Господа

(— ст. 27). Вы же, сектанты, похваляющіеся *точнымъ* исполненіемъ Слова Божія, ѣдите ли и пьете ли Тѣло и Кровь Христовы?

Александръ сказалъ:

— Иисусъ взялъ въ руки не Тѣло Свое, а хлѣбъ, и въ чашѣ была не Кровь, а вино. Потому и слова: „*сіе есть Тѣло Мое*“, „*сія есть Кровь Моя*“, надобно понимать такъ: это есть *какъ бы* Тѣло Мое; это есть *какъ бы* Кровь Моя... А вы, православные, неправильно думаете, будто Христосъ далъ апостоламъ ѣсть и пить Тѣло и Кровь Свою.

Отвѣчая Александру, я сказалъ:

— Въ посланіи къ Галатамъ мы читаемъ: „*кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анагема*“ (— 1, 5 ст.). Ты, Александръ, не Слова Христовы предлагаешь намъ для назиданія, а свое *неправильное* толкованіе ихъ. Господь вѣдь не сказалъ апостоламъ: „*примите, ядите: сіе есть какъ бы Тѣло Мое*“, „*сія есть какъ бы Кровь Моя*“. Онъ прямо сказалъ: „*сіе есть Тѣло Мое, сія есть Кровь Моя*“. Значить, прибавляя частицу „*какъ бы*“, ты говоришь „*отъ своей головы*“, — „*мудртвуетъ сверхъ написаннаго*“ (1 Кор. 4, 6); а за это тебѣ угрожаетъ апостольская *анагема*.

Потомъ ты *извращаешь* самое событіе, бывшее на вечерѣ. Господь, правда, взялъ нѣкогда *хлѣбъ* и *вино* въ руки; но ученикамъ, *послѣ благословенія*, подавалъ уже не *простой* хлѣбъ и не *обыкновенное* вино, а *Тѣло* Свое и *Кровь*. Такимъ образомъ надобно *вѣрить*, что Господь чудодѣйственнымъ Своимъ благословеніемъ простой хлѣбъ и простое вино *пре-существовалъ* или *преложилъ* въ Тѣло Свое и Кровь.

— Странныя вещи рассказываете вы намъ! воскликнулъ Александръ. Да на вечера-то Христосъ еще былъ живъ: какъ же Онъ могъ Тѣло Свое раздать ученикамъ? Самъ-то при чемъ Онъ остался?

— Твое восклицаніе, Александръ, напоминаетъ мнѣ *подобный* же поступокъ *неверующихъ* іудеевъ. Эти іудеи, прослушавъ пророчество Христово о яденіи учениками Плоти Его, — также восклицали: „*какія странныя слова! кто можетъ это слушать?*“ (Іоан. 6, 60). Вижу, что и ты, другъ, принадлежишь еще къ числу маловѣрныхъ учениковъ Христовыхъ; а посему *жалю* тебя, но *не удивляюсь* словамъ твоимъ. Перехожу къ разбору ихъ. Ты спрашиваешь: какъ могъ Хри-

«стось *дать* ученикамъ Тѣло Свое, когда Онъ еще былъ живъ? На это *прежде всего* скажу тебѣ: не забывай, что Христось есть истинный Богъ (Іоан. 5, 18—28; 7, 29; Фил. 2, 6). Онъ могъ изъ камней создать дѣтей Аврааму (Мѡ. 3, 9; Лк. 3, 8); могъ, безъ плотскаго отца, родиться отъ Дѣвы, вопреки законамъ природы (Мѡ. 1, 23. 29). Значить, Христось имѣлъ силу изъ простаго хлѣба *Божественнымъ* Своимъ благословіемъ сотворить Тѣло Свое и это Тѣло, еще при жизни, раздать ученикамъ Своимъ для причащенія. Вѣришь-ли ты въ Божественное могущество Спасителя нашего?

— Вѣрую, что Христось есть Сынъ Бога Живаго!—сказалъ Александръ.

— А если вѣруешь въ Божество Христа,—вѣруй и въ то, что Онъ могъ претворить хлѣбъ въ Тѣло Свое, а вино—въ Кровь,—какъ прежде, въ Канѣ Галилейской, и въ простой водѣ чудесно образовалъ вино (Іоан. 2, 1—11 ст.).

Ап. Павелъ не по православному понималъ причащеніе,—возразилъ Александръ. Въ послан. къ Коринѣянамъ онъ пишетъ: «*одинъ хлѣбъ и мы мноіе одно тѣло; ибо всѣ причащаемся отъ одного хлѣба*» (1 Кор. 10, 17). Куда яснѣе, что въ причащеніи мы не Тѣло Христово вкушаемъ, а хлѣбъ? То же пишетъ апостолъ въ другомъ мѣстѣ: «*всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возъизъясчаете, доколь Онъ придетъ*» (1 Кор. 11, 26 ср. ст. 27—28). На основаніи приведенныхъ словъ апостола въ своемъ обществѣ мы содержимъ такую вѣру, заключилъ Александръ, что въ причащеніи христіане вкушаютъ и пьютъ обыкновенный хлѣбъ и вино.

— Ваша вѣра, другъ, ошибочная,—возразилъ я. Вы берете слова апостола безъ связи съ другими его словами и не сравниваете ихъ съ ученіемъ Самого Спасителя,—оттого и заблуждаетесь. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ, почему изъ 10 гл. 1 Коринѣ. ты не прочиталъ стиха 16? А тамъ говорится: «*чаша благословія, которую благословляемъ, не есть ли приобщеніе Крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе Тѣла Христова?*» — Если бы въ причащеніи мы вкушали простой хлѣбъ,—то апостолъ такъ бы не училъ. О простомъ хлѣбѣ онъ пишетъ въ томъ же посланіи: «*пища не приближаетъ насъ къ Богу: ибо ѣдимъ ли мы, ничего не теряемъ*» (1 Кор. 8, 8). Вотъ какъ мало духовной пользы приносить человѣку тѣльная пища! Она насъ на одинъ волосъ не при-

ближаетъ къ Богу. А кто съ *второю* вкушаетъ отъ хлѣба Господня и пьетъ отъ чаши Его,—тотъ *приобщается* Тѣлу и Крови Христовымъ. Ясно, что на *вечери* хрістіане ѣдятъ не *простой* хлѣбъ.

Это съ *несомнѣнностью* вытекаетъ изъ приведенныхъ тобою словъ апостола Павла. *Одинъ хлѣбъ,—читалъ ты,—и мы многіе одно Тѣло; ибо всѣ причащаемся отъ одного хлѣба* (1 Кор. 10, 17). О какомъ хлѣбѣ говоритъ апостолъ? Если разумѣть въ его словахъ *обыкновенный* хлѣбъ, — тогда нельзя будетъ сказать, что мы «многіе» ѣдимъ «*одинаго*» хлѣбъ.—Вообрази, въ день воскресный разомъ причащаются *сто* церквей. Развѣ онѣ, эти церкви, *одинаго тѣлныи* хлѣбъ съѣдаютъ? Выходило бы, по твоему понятію,—мы «многіе» — *одно* духовное тѣло; но ѣдимъ мы, вопреки апостольскому ученію, не *одинаго* видимый хлѣбъ. А Павелъ апостолъ,—еще повторю, — писалъ объ *одномъ хлѣбѣ*, который вкушаютъ «многіе» *ввѣрующіе*.

Какой же это „хлѣбъ“?—Это тотъ „хлѣбъ животный“, который сходитъ съ небесъ и даетъ жизнь многимъ. Объ *этомъ* хлѣбѣ Христосъ говорилъ: „Я *есмь* хлѣбъ жизни... хлѣбъ, сходящій съ небесъ, таковъ, что ядущій его не умретъ“ (Іоан. 6, 48, 49). Отсюда ясно, что Самъ Господь называетъ себя *хлѣбомъ* животнымъ. Этотъ хлѣбъ, дѣйствительно, *одинаго*: „*ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человекомъ, которымъ надлежало бы намъ спастись*“... (Дѣян. 4, 12).

— И мы вѣруемъ, сказалъ Александръ, что хлѣбъ животный есть Христосъ, и что этотъ хлѣбъ принесенъ на землю за тѣмъ, чтобы его вкушать. Мы только думаемъ, что хлѣба *такого* нельзя ѣсть плотскими устами, а надо принимать его *духовно*, какъ написано: „Духъ животворитъ: *плоть не пользуется ни мало*. Слова, которыя Я говорю вамъ, сущіи *духъ и жизнь*“ (Іоан. 6, 63).

Рѣчь Александра подхватили прочіе сектанты. Имъ особенно „пало на сердце“ выраженіе: „*плоть не пользуется ни мало*“...

Въ храмѣ начался видимый безпорядокъ. Кое-какъ успокоилъ я людей. Потомъ сказалъ:

— Хорошо не читать только слова евангельскія, но *понимать* ихъ. Я боюсь, друзья, что вы не *точно* разумѣете ученіе нашего Господа.—Въ самомъ дѣлѣ, о какой *плоти* написано, что она „не пользуется ни мало“? Мы бесѣдуемъ съ

вами о *Плоти Христовой*, а она, по ученію Евангелія, имѣетъ великую силу. О ней Самъ Господь сказалъ: „*Хлѣбъ, который я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра*“ (Іоан. 6, 51). Іудеи были грубы сердцемъ; они не понимали, какъ можно ѣсть Плоть эту? И что же? Христосъ не сказалъ имъ, что рѣчи Его надо толковать въ духовномъ смыслѣ; нѣтъ: излагая ученіе о яденіи Плоти Своей, Господь ясно и раздѣльно подтвердилъ: „*истинно, истинно говорю вамъ: если не будете псть Плоти Сына человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни*“ (ст. 53). Отсюда увѣряемся, что для духовной нашей жизни яденіе Плоти Христовой необходимо такъ же, какъ для тѣлесной—воздухъ. „*Ядущій Мою Плоть и пьющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ*“ (ст. 56). Слѣдовательно, для духовной нашей жизни Плоть Христова имѣетъ *спасительное* значеніе; а эта Плоть и есть *та самая*, которая была распята на крестѣ во оставленіе нашихъ грѣховъ (Ік. 22, 19—20). Значить, у ев. Іоанна въ 6 гл. 63 ст. подъ словомъ „плоть“ нельзя разумѣть *Плоть Христову*, которую вѣрующіе должны ѣсть въ причащеніи.

Какъ же въ такомъ случаѣ понимать 63 ст. 6 гл. Ев. Іоанна?

„*Духъ животворитъ; плоть не пользуетъ ни мало*“... Если такую силу имѣетъ Духъ, то Его надобно старательно приобрѣтать. А Духъ этотъ и есть *Духъ Божій*. Онъ проявляется въ сердцахъ вѣрующихъ людей; обнаруживается *видимо* въ *плодахъ духа*. Эти „плоды духа“ описаны у ап. Павла. О нихъ онъ говоритъ: „*плоды духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе*“... (Гал. 5, 22). Слѣдовательно, выраженіе: „*духъ животворитъ*“, можно замѣнить *однозначущими* словами: „*плоды духа животворятъ*“. А это значитъ: кто имѣетъ *любовь* къ Господу, — тотъ переполненъ въ сердцѣ своемъ любовью и радостью о спасеніи всѣхъ людей. Въ *такомъ* ангельскомъ состояніи христіане *смирно-покорно* относятся ко всѣмъ испытаніямъ, посылаемымъ имъ Богомъ; ни на кого и ни на что грѣховно не ропшутъ; воздерживаются отъ соблазновъ и искушеній,—не колеблются слабымъ умомъ своимъ... Такіе *послушные* христіане съ чистой вѣрой принимаютъ Слова Христовы о яденіи Его Плоти. При этомъ они не стараются, на еврейскій

образецъ, *плотскими зубами* повѣрить истину евангельскую. Они воспринимаютъ все *сердцемъ*, памятуя, что „плоть не пользуется ни мало“...

Какая же это плоть? Мы видѣли, что не Христова, ибо она *даетъ жизнь міру* (Іоан. 6, 51). Слово „плоть“ нельзя замѣнить и выраженіемъ—„буквальный смыслъ“. Почему? Потому что въ свящ. Писаніи „плоть“ *никогда* не означаетъ „буквальный смыслъ“. Въ виду этого, приведенное въ 63 ст. евангельское выраженіе нельзя изложить такъ: „духовный смыслъ животворить, а плотской, *буквальный* не пользуется ни мало“...

Одинъ сектантъ—старикъ съ дѣтской улыбкой сказалъ:

— А по нашему упованію именно *такъ* надо сказать: „плотская буква насъ не спасаетъ; все отъ Духа“...

— Мы вѣруемъ, что все—отъ Духа, отвѣтилъ я. Но этотъ Духъ Божій научилъ евангелиста Іоанна записать слова Христовы: „*ялюбъ, который я дамъ, есть Плоть Моя, которую я отдамъ за жизнь міра*“ (— ст. 51). Такъ по твоему разуму, дѣдъ, *настоящая* Плоть Христова была распята на крестѣ, или *духовна*?

— Знамо, *настоящая*!—зашумѣли сектанты.

Другіе стали читать изъ посланія Іоанна: „*всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во Плоть, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста*“... (Іоан. 4, 3).

Итакъ, заключилъ я, Плоть, которую Господь распялъ на крестѣ за насъ, была *настоящая, видимая*. Но эту плоть (— ст. 51) Онъ обѣщаетъ дать для вкушенія вѣрнымъ (— ср. ст. 54). Значить, ее и надо ѣсть въ причащеніи...

Какъ же послѣ того понимать слова: „плоть не пользуется ни мало“?

— Мы не знаемъ, сказалъ старикъ-сектантъ. Протолкуйте вы намъ...

— Протолкую, слушайте, — обратился я къ народу. Изъ посланіи къ Галатамъ мы читаемъ: *дѣла плоти известны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, испотребство, идолослуженіе..., ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, (соблазны), ереси...* (— 5, 19—20 ст.). Кто имѣетъ въ сердцѣ своемъ *такія* грѣховныя помышленія, кто не соблюдаетъ въ чистотѣ своего тѣла, настроенъ враждебно къ братьямъ своимъ, кто зараженъ ересями или ложными ученіями, — тотъ проявляетъ

„плотскія помышленія“ и „дѣла плоти“. А „*помышленія плотскія суть смерть*“ (Рим. 8, 6). Они не позволяютъ человѣку вѣрить словамъ Христовымъ, которыя суть „духъ и жизнь“ (Іоан. 6, 63),—и такимъ образомъ губятъ душу его. Вотъ противъ *такихъ грѣховныхъ* помышленій,—противъ *ожесточеннаго* невѣрія и предупреждалъ Господь Своихъ слушателей въ Евангеліи Іоанна гл. 6, ст. 63. Невѣріемъ во Христа были заражены фарисеи и почти всѣ іудеи. Имѣя *плотской* умъ, они неспособны были *второ* принять Слова Господни: какъ Онъ можетъ дать людямъ ѣсть Плоть Свою?—и погибли за невѣріе свое (Іоан. 6, 64, 66)...

Сектанты *ничего* не могли возразить противъ изложеннаго толкованія 6-й гл. Іоанна. Александръ лишь сказалъ:

— Всетаки мы думаемъ, что ѣсть Плоть Христову надобно *духовно*, а не чувственно...

Я отвѣчалъ:

— Думать вы можете, какъ угодно, но смотрите, согласна ли будетъ ваша дума съ Словомъ Божиимъ? На языкѣ священныхъ писателей „ѣсть плоть“ въ духовномъ смыслѣ—значить *дѣлать вредъ какому-либо человѣку*. Прочитай, Александръ, что написано у псалмопѣвца Давида: „*если будутъ наступать на меня злодѣи, противники и враги мои, чтобы пожрать плоть мою, то они сами преткнутся и падутъ*“ (Пс. 26, 2). Въ этомъ псалмѣ выраженіемъ „пожрать плоть“ св. Давидъ хотѣлъ обозначить, что враги его дѣлали ему обиды, зло. А развѣ Господь призывалъ насъ „ѣсть плоть“—въ смыслѣ „дѣлать ему зло“? Это невозможно!

Посмотри, Александръ, что написано у Михея пророка: „*Слушайте главы Іакова и князья дома Израилева: вы идите плоть народа Моего и сдираете съ нихъ кожу ихъ*“ (Мих. 3, 1—3 ст.). Опять словами: „*идите плоть народа*“—пророкъ указываетъ, что князья израильскіе жестоко, *грѣховно* обходились съ простымъ народомъ,—за что Господь обличаетъ безсердечныхъ начальниковъ (Ср. Іов. 19, 22).

Слѣдовательно, заключаю свои разсужденія,—Господь не могъ давать заповѣди христіанамъ „ѣсть Плоть“ Его въ *духовномъ* смыслѣ. Такая заповѣдь была бы призывомъ для насъ причинять нашему Икупителю всякія непріятности. А развѣ это согласно съ волей Господа? Поэтому и ты, Але-

ксандръ, *ошибочно* толкуешь 6-ю гл. Іоанна въ какомъ-то *духовномъ* смыслѣ.

II.

Послѣ перерыва бесѣды и пѣнія церковныхъ пѣснопѣній, я напомнилъ слушателямъ ученіе Слова Божія о Святомъ причащеніи.—По заповѣди Господа и по толкованію апостоловъ, христіане для своего спасенія должны вкушать Тѣло Христово и пить Кровь Его. Кто не дѣлаеть этого,—тотъ отрывается отъ Святаго Корня (Рим. 11, 16) и духовно погибаетъ, какъ наши бѣдные сектанты...

— Ну, да и вы обставили свое причастіе такъ, что оно не похоже на Евангельское,—перебивъ меня, [сказалъ Александръ. Изъ Писанія мы видимъ, что *сначала* надо ѣсть хлѣбъ, а *потомъ* пить вино,—вы же вмѣстѣ то и другое принимаете...

— Да, изъ Евангелій мы усматриваемъ, что на вечери Своимъ апостоламъ Христосъ, дѣйствительно, далъ *прежде* Тѣло Свое, а *потомъ* Кровь: именно *Тѣло* и *Кровь*, а не хлѣбъ и вино, какъ ты, Александръ, говоришь,—замѣтилъ я. Но и у насъ, въ православной Церкви, *преемники* апостоловъ—епископы и пресвитеры—причащаются *по-апостольски*: они *сначала* ѣдятъ Тѣло Христово, а *потомъ* пьютъ Его Кровь.

Какъ же при апостолахъ причащались „простолудины“?—Въ кн. Дѣяній апостольскихъ мы читаемъ: „и *каждый день* они *единодушно* пребывали въ храмѣ, и *преломляя по домамъ* хлѣбъ, принимали пищу въ *веселіи и простотѣ сердца*“ (—2, 46).

Изъ этого свидѣтельства даже не видно, принимали ли христіане *Кровь* Господню? То же слѣдуетъ изъ другого мѣста Дѣяній апостольскихъ. „Въ *первый день недѣли*, когда ученики собрались для *преломленія хлѣба*, Павелъ, *намѣреваясь* отправиться въ слѣдующій день, *бесѣдовалъ съ ними*“... (—20, 7).

Итакъ, что же—христіане при апостолахъ *вовсе* не принимали Крови Господней?—Нѣтъ, принимали; объ этомъ мы заключаемъ изъ другихъ мѣстъ св. Писанія (напр., 1 Кор. 11, 26—27).

Точно же и *доподлинно* объ этомъ извѣстно изъ свящ. апостольскаго Преданія; отсюда же явствуетъ, что для освященія, конечно, не важно, *сколько* Тѣла и Крови Господней

должны принимать христіане: были бы только эти Тѣло и Кровь. Потому въ православной Церкви, въ виду многихъ причастниковъ, даютъ всѣмъ христіанамъ по *малой* частицѣ Тѣла и Крови Христовыхъ.

Съ другой стороны, обычай причащать вѣрующихъ *одно-временно* Тѣломъ и Кровью Господа и Спаса Нашего вызванъ *необходимостью*. Уже изъ писаній апостольскихъ мы знаемъ (1 Кор. II гл.), что во древнія времена были безпорядки при причащеніи. Эти безпорядки съ годами усилились. Объявились люди, которые стали *волховать* надъ причастнымъ хлѣбомъ животнымъ... Вотъ, чтобы положить конецъ всякимъ злоупотребленіямъ, св. Церковь и стала вѣрующимъ предлагать *разомъ* Тѣло и Кровь Господни. И это *не противно* волѣ Христовой. Если бы мы *вовсе* не давали мірянамъ Крови Спасителя,—мы грѣшили бы. А теперь мы стоимъ въ истинѣ. Ибо и послѣ *раздѣльнаго* причащенія Тѣло и Кровь Христовы въ человѣкѣ *соединяются*: значить, въ *соединенномъ* же видѣ эти Тайны Господни можно принимать...

— Въ Писаніи сказано, что Христосъ *преломилъ* хлѣбъ, а *потомъ* взялъ чашу и подаль ученикамъ, — возразилъ Александръ. У васъ же хлѣба не преломляютъ...

— Неправду ты говоришь, возразилъ я. И у насъ священники берутъ Агнецъ, *преломляютъ* его и потомъ уже опускаютъ въ Кровь. Значить, *преломленіе* при причащеніи и у насъ бываетъ...

— А откуда у васъ *ножъ* при причащеніи, *ложечка, копьѣ*? — горячо спросилъ Александръ.

Его шумно поддержали остальные штундисты.

Въ свою очередь я переспросилъ Александра: а вы *откуда*, при печеніи хлѣбовъ для причастія, берете дрожжи? Развѣ Христосъ далъ заповѣдь *непретѣнно* на дрожжахъ готовить хлѣбъ?

— Ну, вы ужъ до смѣшнаго догоняете свои вопросы! — обиженно замѣтилъ Александръ. У насъ рѣчь не про дрожжи. Безъ нихъ хлѣба не испечешь...

— Безъ дрожжей хлѣба не испечешь, говоришь ты, обратился я къ Александру. А безъ ножа—доложу я тебѣ—*не разломилъ* хлѣба такъ, что бы не посорить его на столъ или на полъ. Значить, если Богу не противны дрожжи,—хотя о нихъ въ Евангеліи ничего не написано, то не разрушаемъ

мы заповѣди Христовой о причастіи, когда при этомъ употребляемъ въ дѣло *ножи*... И замѣть: ножомъ мы лишь *разрѣзываемъ хлѣбъ*, чтобы послѣ лучше было его преломлять, *А преломленіе* Агнца у насъ всетаки бываетъ...

Кромѣ требованія необходимости, ножи при причастіи у насъ употребляются по другимъ основаніямъ. — Апостоль говоритъ: „мы имѣемъ *жертвенникъ*“... (Евр. 13, 10), слѣдовательно, и *жертву*. Эта жертва для христіанъ есть Агнецъ, приносимый во св. причастіи. Нашу христіанскую жертву въ древнія времена прообразовали еврейскія жертвы. А евреи свои жертвы *разрѣзывали ножами* (Читай кн. Левитъ). Вотъ, чтобы показать замѣну ветхаго завѣта новымъ,—и мы *разрѣзываемъ* своего Агнца крестообразно,—въ память страданій Господнихъ на крестѣ.—Чѣмъ же послѣ того противны Богу ножи, которые мы употребляемъ при приготовленіи Агнца для причащенія вѣрующихъ?...

— Ножи Богу не противны, да не написано про нихъ въ Евангеліи, сказалъ Александръ.

— Въ Евангеліи, замѣтилъ я, нѣтъ помина и про дрожжи, а вотъ бабы не безъ дрожжей пекутъ хлѣбы для преломленія...

Александръ недовольно махнулъ рукой.

Сектанты возмущались, что „про ножи“ дѣло прошло „не гладко“. Наконецъ, одинъ изъ сектантовъ торопливо спросилъ:

— Ну, а ложечки для чего вы придумали?

Я отвѣтилъ:

— Ты недавно былъ православнымъ. Ужели забылъ, для чего у насъ служатъ священныя лжицы?—Для того, чтобы ими изъ чаши доставать причастникамъ Тѣла и Крови Христовыхъ...

— Откуда вы ихъ взяли?—негерпѣливо продолжалъ допрашивать меня все тотъ же сектантъ.

Я сказалъ:

— Ложечки при причастіи мы употребляемъ по требованію необходимости: не копать же, въ самомъ дѣлѣ, священнику рукою въ чашѣ, чтобы достать христіанамъ причастіе? Это неприлично и многимъ не понравилось бы...

Съ другой стороны, я уже сказалъ, что на причастіе мы смотримъ, какъ на безкровную жертву, приносимую за наши грѣхи Богу. Принятіемъ части этой жертвы, мы вѣруемъ.

освящаемъ свои грѣшныя тѣла. И вотъ, чтобы достать такую священную часть, пресвитеръ опускаетъ въ чашу ложечку...

Этому дѣйствию мы находимъ первообразъ въ кн. пр. Исаи. Тамъ мы читаемъ: „*прилетѣлъ одинъ изъ серафимовъ, и въ руки у него горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника, и коснулся устъ моихъ, и сказалъ: вотъ... беззаконіе твое удалено отъ тебя*“ (Ис. 6, 6—7). Какъ нѣкогда серафимъ клещами досталъ съ жертвенника *очистительный уголь*,—такъ и наши священники ложечками, *замѣнившими* тѣ клещи, достаютъ изъ чаши Тѣла и Крови Христовыхъ и ими, какъ священнымъ углемъ, очищаютъ души и тѣла христіанъ. (См. 1 Кор. 11, 29. 30). Чего же худого нашелъ ты, другъ, въ нашихъ священнымъ ложечкахъ?..

— Ну, а копые зачѣмъ у васъ?—уже безъ увѣренности въ голосъ спросилъ Александръ.

Рядомъ стоявшій со мной батюшка не выдержалъ и сказалъ:

— Другъ! Еще въ школѣ я твердилъ вамъ, что копые при причастіи мы употребляемъ въ память того, какъ „*одинъ изъ воиновъ копьемъ пронзилъ ребра*“ Христу, висѣвшему на Крестѣ (Іоан. 19, 34).

Александръ обратился къ народу и голосомъ, полнымъ грусти, произнесъ:

— Боже мой! Развѣ разбойникъ хорошо сдѣлалъ, что пронзилъ ребра Христу, а вы вспомнили про разбойника? Нашли кому подражать... Ошиблись вы!

— Ошиблись! ошиблись! зашумѣли сектанты.

Православные. видимо, пріуныли и съ надеждою смотрѣли на меня.

Я спокойно сказалъ:

— Изъ Евангеліи мы видимъ, что разбойникъ не для надругательства пронзилъ ребра умершему Христу (Іоан. 19, 33. 34). Онъ желалъ убѣдиться,—умеръ ли Спаситель нашъ—и только. Мы же не въ Тѣло Христово вонзаемъ копые, а еще въ *простой хлѣбъ*. Вы, должно быть, не знаете, когда за обѣдней употребляется у насъ копые? Оно употребляется еще на проскомидіи, при чтеніи часовъ, пока просфора бываетъ *простымъ хлѣбомъ*. Священникъ, чтобы приготовить причастнаго Агнца, прободаетъ просфору. Этотъ хлѣбъ просфорный позже, при пѣніи „Тебе поемъ“, пресуществляется въ

Тѣло Христово. И какъ *хлѣбъ* заранѣе уже прободенъ, то и *Тѣло* Христово получается прободеннымъ,—такимъ, какимъ оно было по Евангелію...

Вотъ и разсудите, друзья, правильно ли вы на насъ ропщете!..

Слушатели просіяли. Батюшка принялся еще разъяснять, что мы копьемъ не Тѣло Христово прободаемъ, а простой хлѣбъ. Когда же хлѣбъ Божіимъ благословеніемъ *предлагается* въ Тѣло Господне,—Его копьемъ и ножомъ не трогаютъ: *только преломляютъ*, по заповѣди Христовой...

Сектанты молчали. Имъ нечего было возражать болѣе. Я воспроизвелъ предъ слушателями ходъ нашей бесѣды.—Господь велѣлъ христіанамъ для спасенія ѣсть Плоть и пить Кровь Его. Сектанты этой заповѣди не исполняютъ. Они ѣдятъ *простой* хлѣбъ и пьютъ *простое* вино. Но какая *духовная* польза человѣку отъ *простого* хлѣба?..

Поэтому помните, друзья: „если не будете ѣсть *Плоти Сына Человѣческаго* и пить *Крови Его*, то не будете имѣть въ себѣ жизни“ (Іоан. 6, 53). Побѣждайте въ себѣ небрежность и лѣнь. По крайней мѣрѣ *каждодню*, безъ пропусковъ, приступайте *со страхомъ Божіимъ* и *вѣрою* къ чашѣ Христовой. Господь укрѣпитъ васъ тогда *твердо* стоять въ Его святой Церкви!..

Д. Боголюбовъ.

**Имѣлъ ли право м. Амвросій принять расколъ-
ническую паству безъ порученія ей ему? ¹⁾.**

Усовъ. Почтенные слушатели! миссіонеръ спрашиваетъ: кто вручилъ Амвросію паству? Я уже отвѣтилъ, что никакого врученія не нужно, и вы спросите-ка миссіонера: у нихъ какой соборъ поручаетъ епископамъ паству? Никакой! У нихъ епископовъ опредѣляетъ и распоряжается ими какое-то мірское лицо, оберъ-прокуроръ Синода; это свидѣтельствуешь ихъ Иванцовъ-Платоновъ на 61 и 71 стр. въ статьѣ „О русскомъ церковномъ управленіи.“ Вотъ объ этомъ-то пусть и объяснить намъ миссіонеръ, да отвѣтить на вопросъ: почему они называютъ наше священство самозваннымъ?

Миссіон. Напрасно нашъ собесѣдникъ ссылается на Иванцова-Платонова въ томъ, что у насъ епископовъ опредѣляетъ оберъ-прокуроръ. Всякому извѣстно, что избираетъ и опредѣляетъ въ епископы Св. Синодъ, который у насъ составляетъ постоянный соборъ епископовъ, а утверждаетъ это опредѣленіе Государь Императоръ, къ Которому докладъ вноситъ оберъ-прокуроръ; а вѣдь всякій благоразумный человѣкъ знаетъ, что и въ гражданскихъ судахъ и учрежденіяхъ не тотъ рѣшаетъ, кто докладываетъ дѣла, рѣшаются дѣла судьями, а не докладчикомъ, такъ и въ Синодѣ—дѣла рѣшаютъ и опредѣленія дѣлаютъ члены Св. Синода а не оберъ-прокуроръ. На слѣдующій вопросъ вамъ я предоставляю отвѣтить Ѳ. Д. Круглову.

Кругловъ. Что ни говоритъ Ив. Григ., но такъ и не отвѣтилъ на вопросъ о. протоіерея: кто поручилъ Амвросію паству?

Между тѣмъ толкователь 8 прав. Вальсамонъ говоритъ: „А чтобы пребывали (новаціанскіе епископы) въ клирѣ,—мнѣ думается, это опредѣлено въ особенности объ нихъ. Ибо, вѣроятно, нѣкоторые говорили, что принять ихъ должно, но только быть имъ въ качествѣ мірянъ и не дѣйствовать правами, принадлежащими ихъ прежнимъ степенямъ. Это собо-

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ ноябрь 1901 г., стр. 634.

ромъ не принято, а положено *возстановлять ихъ въ ихъ степеняхъ*“ (Вальс. толк. на 8 прав.), а возстановлять и означаетъ—поручать паству. И другой толкователь говоритъ: „соборъ принялъ и рукоположеніе ихъ и опредѣлилъ, чтобы оставались въ ихъ степеняхъ, если не будетъ епископа въ католической церкви того города. А если они находятся въ такой церкви, гдѣ есть епископъ или пресвитеръ, то сей епископъ долженъ имѣть достоинство и имя епископства, а наименованный епископомъ у Чистыхъ долженъ имѣть честь или пресвитера, или даже хореепископа (то есть протопопа, по толков. Аристина на 13 пр. Анкирск. соб.), дабы онъ числился вмѣстѣ въ спискѣ клира и не былъ исключенъ изъ него... (Зонара толк. на 8 пр.). Замѣчательно, что это правило, предоставляетъ право православному епископу послѣ присоединенія новаціанскаго епископа, опредѣлять его или въ сельскіе епископы (въ протопопы) или въ священники. Конечно, такъ и дѣлалось до 4 всел. соб., который 29 правиломъ воспретилъ это дѣлать. Въ этомъ порученіи правъ епископа или священника и состояло возстановленіе.

Нашъ собесѣдникъ самъ сознается, что Амвросію никто не поручалъ паству, и онъ собственною властію воспринялъ на себя обязанности Бѣлокриницкаго митрополита. Теперь послушаемъ, что говорятъ св. отцы о самовольномъ присвоеніи себѣ духовной власти надъ паствою. Св. священномученикъ Кипріанъ пишетъ слѣдующее: „Сіи суть, кои у безразсуднаго скопища людей творятъ себя начальниками безъ божественнаго распоряженія, кои себя опредѣляютъ властелинами безъ всякаго закона постановленія, кои, никомуже дающу епископство, присвояютъ себѣ имя епископа... Противу таковыхъ вопіетъ Господь... глаголя... „Не посылахъ пророки, а они течаху... Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержать (Іер. 2, 13.). Когда другое крещеніе кромѣ единого не можетъ быти, то думаютъ, что можно имъ крестить... Не змываются у нихъ люди, но паче оскверняются, ниже очищаются грѣхи, но еще умножаются. Не Богу рожденіе оное, но діаволу дѣтей рождаетъ“... (Священномученикъ Кипріанъ еп. каре. „О единствѣ Церкви“, ст. 16). Вотъ какой строгій судъ произнесенъ св. Кипріаномъ надъ лицами, самовольно, безъ божественнаго распоряженія взимающими на себя обя-

занности епископа у безразсуднаго скопища людей. А митр. Амвросій такъ именно и поступилъ: не имѣя полномочія отъ своего патріарха, онъ сталъ епископствовать въ обществѣ старообрядцевъ, безразсудно отдѣлившихся отъ Церкви, рукоположивъ имъ архіерея и нѣсколькихъ поповъ.

Усовъ. Миссіонеръ наговорилъ много страшныхъ словъ, но они къ намъ не идутъ. Св. Кипріанъ заблуждался относительно перекрещенія еретиковъ; это его заблужденіе намъ и вычиталъ о крещеніи миссіонеръ; но заблужденіе Кипріана Церковію не принято. Викентій Лиринскій говоритъ, что кто принимаетъ это заблужденіе, такіе люди будутъ горѣть вмѣстѣ съ діаволомъ (Пам. зап. Вик. Лир. гл. 6, стр. 34.). Поздравляю г. миссіонера и всю господствующую Церковь, слѣдующую заблужденіямъ св. Кипріана, съ тѣмъ, что они будутъ горѣть вмѣстѣ съ діаволомъ.

Кругловъ. Прочитанныя г. Усовымъ слова Викентія Лиринскаго относятся, главнымъ образомъ, къ наставленію Кареагенскаго собора, опредѣлившаго перекрещивать всѣхъ вообще еретиковъ, на основаніи котораго донатисты и перекрещенцы всѣхъ, вступающихъ въ ихъ общество, перекрещиваютъ, что дѣлаютъ и нынѣ нѣкоторые изъ безпоповщинскихъ сектъ; но я постановленія этого собора здѣсь не приводилъ, а прочиталъ слова св. Кипріана „О единствѣ Церкви“ и прочиталъ его сужденіе не по вопросу о перекрещиваніи еретиковъ, а о „самовольно опредѣляющихъ себя духовными наставниками у безразсуднаго скопища людей“, какъ опредѣлили себя митр. Амвросій въ Бѣлой Криницѣ. Сочиненіемъ „О единствѣ Церкви,“ изъ котораго я вычиталъ слышанныя вами слова, руководствовался и св. Златоустъ, заимствуя изъ него даже буквально слѣдующія слова: „мужъ же нѣкій рече: ниже мученическая кровь можетъ загладити сего грѣха“, то есть, церковнаго раскола (Бесѣды апостол. Кіевъ; стр. 1692.). Слова св. Кипріана именно находятся въ той же книгѣ, изъ которой я прочиталъ; если эти слова осудили меня въ геенну огненную, то столь же тяжкой участи они подвергаютъ и св. Златоуста, пользовавшагося этимъ сочиненіемъ. Вотъ къ чему привело моего собесѣдника упорное желаніе защитить незаконный поступокъ Амвросія! Но это еще не все. Относительно самовольно совершающихъ священнодѣйствія, какъ совершалъ у старообрядцевъ Амвросій, совершенно согласно со-

мною и со св. Кипріаномъ, разсуждаетъ и старообрядческій лжеепископъ Арсеній Швецовъ. Въ „Оправданіи старообрядствующей Церкви“, на стр. 229, онъ говорилъ слѣдующее: „совершающій духовное священнодѣйствіе литургіи безъ предписанія и указа архіерейскаго, близко подходитъ по своему грѣху къ священнослужащему безъ рукоположенія“. О такихъ слушателяхъ Швецовъ тутъ же, на основаніи словъ Сим. Солунскаго говоритъ, что „всѣ дѣйствія ихъ хуже дѣйствій самыхъ нечестивыхъ демоновъ“ (то же въ Намок. при Бол. Потр. л. 57). Ясно, что о самовольно служащихъ Швецовъ разсудилъ совершенно согласно съ св. Кипріаномъ. Значить, по суду г. Усова, „владыка Арсеній“, у котораго онъ состоитъ теперь „секретаремъ“, „навсегда будетъ горѣть съ діаволомъ въ огнѣ“!

Усовъ. Миссіонеръ натягательно относитъ слова Сим. Солунскаго къ митр. Амвросію; слова эти говорятся о простецѣхъ-мірянахъ, а Амвросій не былъ простецъ.

Круловъ. Въ Потребникѣ опредѣленно сказано: „О духовномъ же служеніи (о служеніи духовника) подобенъ есть согрѣшенію нерукоположеннѣ дѣйствующаго и иже безъ повелѣнія и заповѣди святительскія дѣйствуетъ“ (Номок. Листъ 57), А вѣдь самъ Амвросій, въ объясненіи, данномъ австрійскому правительству, говоритъ: „Я никогда никому не хвалился и не говорилъ, и самому императору не объяснялъ, что я отъ патріарха въ Буковину посланъ, противъ чего и никто обвинить не можетъ“ (Матеріалы Австр. Іер. Субботина. Отв. Амв. 7 генв. 1848 г., стр. 235). Значить, Амвросій дѣйствовалъ безъ повелѣнія и заповѣди святительскія и подобенъ нерукоположеннѣ дѣйствующему, самозванцу.

Усовъ. Если вы считаете нашихъ епископовъ самозванцами, а принимаете ихъ крещеніе, отвергая хиротонію, вы подобны еретикамъ люциферіанамъ, которые отвергали хиротонію арианъ.

Круловъ. А древняя Церковь, принимавшая армянское крещеніе безъ повторенія, но не признававшая дѣйствительною хиротонію армянскихъ епископовъ,—ужели и она находилась въ „люцеферіарской ереси?“ Притомъ должно сказать, что сравнивать отношеніе православной Церкви къ австрійской лжеіерархіи, съ поступкомъ Люцифера, крайне безсовѣстно; на такое сравненіе способны только г. Усовъ съ своимъ

учителемъ Швецовымъ. Извѣстно, что Люциферъ за сіе возмутися, яко соборъ александрійскій возвращеннымъ отъ ереси честь епископскую возвращаше. Люциферъ гнушашеся сообщеніемъ тѣхъ епископовъ, иже тогда ересью окаляшася, и оныхъ епископовъ не приимаше, иже на ариминскомъ соборѣ отъ аріанъ уловлены и прельщены бяху (Барон. лѣто госп. 362; число 26). А какой соборъ честь епископ. возвратилъ Амвросію? Напротивъ, патріархъ констант. Анеимъ въ своей грамотѣ отъ 8 авг. 1847 г. прямо пишетъ, что Церковь, узнавъ сначала о твоёмъ (м. Амвросія) убѣжищѣ въ тѣхъ предѣлахъ, частію руководясь попечительнымъ къ твоему преосвященству расположеніемъ и другими важными основаніями, частію же имѣя и каноническія побужденія по причинѣ перехода твоего въ другіе приходы безъ ея разрѣшенія и полномочія, писала дважды съ того времени преосвященному митрополиту Карловицкому о Христѣ брату киръ Іосифу, сообщая объ исчезновеніи твоёмъ отсюда и бѣгствѣ и уполномочивая его преосвященство, отрѣшивъ тебя отъ всякихъ архіерейскихъ дѣйствій, какъ совершившаго каноническое преступленіе, потомъ побудить тебя возвратиться къ Церкви“ (Матер. Субботина стр. 230). Нечего и говорить: наша Церковь справедливо не признаетъ священства, получившее начало отъ Амвросія отрѣшеннаго отъ всякихъ архіерейскихъ дѣйствій, обвиняемаго въ каноническомъ преступленіи своимъ патріархомъ 15 пр. св. апостолъ, 35 пр. св. ап. и 13 пр. 4 всел. собора, на которые ссылается патріархъ, лишаютъ Амвросія архіерейскихъ правъ, низводятъ его въ разрядъ мірянъ, а поставленныхъ имъ подвергаютъ изверженію. Люциферъ же не признавалъ хиротонію епископовъ православныхъ, признанныхъ православными соборомъ Александрійскимъ подъ предсѣдательствомъ св. Аѳанасія Великаго. Тутъ есть ли какое сходство? Нѣтъ. Тамъ соборъ православныхъ епископовъ признаетъ хиротонію епископовъ раскаявшихся, а здѣсь Усовъ и Швецовъ требуютъ принять хиротонію нераскаяннаго самовольнаго бѣглеца. Вотъ если бы мы признали вашу хиротонію законной, какъ признаете вы и изъ-за того отдѣлились бы отъ православной Церкви, какъ это вы дѣлаете, тогда можно бы насъ винить въ ереси люциферіанской.

Госп. Усовъ не отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: кто

Амвросію поручилъ паству? потому, что стыдится прямо и откровенно сказать: „Іеронимъ объявилъ его въ достоинствѣ митрополита“. Іеронимъ, бѣглый іеромонахъ, попросту сказать, бродяга, объявилъ, но и онъ ему не поручилъ пасти паству, ибо не имѣлъ на то никакого права. Даже дѣйствительный православный священникъ и тотъ не можетъ поручить паству епископу. Священникъ можетъ съ дозволенія своего епископа присоединить еретическаго клирика къ православной Церкви, но причислить его къ клиру и дать ему грамоту не можетъ (ант. соб. 8; 4 всел. соб. 11; св. Апост. 33). Зная это, иноки Павелъ и Алимпій на право пасти паству выхлопотали позволеніе у Австрійскаго императора. И оно дано изъ Буковинскаго Крайзамта въ такихъ выраженіяхъ: „№ 11630. Бывшему митрополиту отъ Босніи, теперешнему епископу общества липованской вѣры, господину Амвросію въ Бѣлой Криницѣ. Его королевское императорское величество благоволили дозволить всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 3 марта сего года: бывше уже опредѣленіемъ высокой придворной канцеляріи отъ 15 ноября истекшаго года № 34987 позволено вамъ исполненіе дѣйствія, яко верховнаго епископа общества липованской вѣры въ Буковинѣ и проч. 23 іюля 1847 г. (Матеріалы для ист. Бѣл. іер. Субботина; 153 стр.). Сдѣлано это вопреки правилъ св. Ап. 30 и 7-го всел. соб. 3-го. Самъ Амвросій всю жизнь сознавалъ свое прегрѣшеніе и тяготился имъ“. „Много и много кратъ, отъ 29 ноября 1864 года, пишетъ Георгій, сынъ Амвросія, мой покойный родитель меня бранилъ за это дѣло, сиречь за эту липованску православію, и сказалъ меня покойникъ, да я буду отъ Бога наказанъ за это дѣло, понеже онъ не хотѣлъ пріити на липованску ересь, ежели я не былъ добрый за липована“ (Переп. раск. дѣателей вып. 1, стр. 233), да и самъ преемникъ Амвросія говорилъ своему архидіакону Филарету объ Амвросіи: „ты самъ знаешь, какъ онъ понималъ объ нашей религіи, — вышлешь 500 червонцевъ, ну и хороши мы, а не вышлешь станемъ всѣ прокляты“ (Брошюр. Іером. Филарета. Былъ ли преданъ старообрядчеству митр. Амвросій; стр. 17). Умеръ онъ и погребенъ не вами.

Усог. Что вы указываете на Филарета,—онъ былъ распутный пьяница и воръ; онъ укралъ монастырскій архивъ;

ему довѣрять никакъ нельзя. Ученый Смирнскій митрополитъ Василій о принятіи хиротонисанныхъ еретиками говорить, что „когда православные были не въ состояніи изгнать еретиковъ, за которыми слѣдовала толпа, тогда они продолжали пребывать въ своихъ епархіяхъ, управляя народомъ и совершая всѣ принадлежащія ихъ сану священнодѣйствія и соборъ призналъ нужнымъ ихъ считать изверженными изъ священнаго сана (3 всел. соб. пр. 5). Значить, и соборъ признавалъ хиротонію и вообще митрополитъ доказываетъ, что хиротонія еретиковъ признается, а вы отвергаете.

Бесѣду послѣ этого началъ продолжать *миссіонеръ*, начавшій бесѣду; онъ сказалъ: объ о. Филаретѣ,—плохъ онъ, или хорошъ,—говорить не будемъ, хотя, нужно сказать, грѣшно порицать христіанину ближняго, да и къ дѣлу не относится это порицаніе, несомнѣнно то, что Амвросій тяготился расколомъ и боялся отвѣтственности, а потому и не возвратился въ Константинополь.—Что касается до принятія въ сущихъ санахъ еретиковъ втораго чина, то отвѣтъ на это мы находимъ въ посланіи Константинопольскаго собора къ Мартирію, епископу Антіохійскому, жившему около 5 вѣка. Это посланіе помѣщено въ Кормчей патр. Іосифа гл. 37; на об. 293 листа. Въ посланіи, послѣ чинопріятія еретиковъ 2-го чина, сказано: „и потомъ потщаливіи мирстіи чловѣцы поставляются въ санъ, въ немже бѣша, или пресвитери, или діакони, или ино что“. Слова эти у Севаста Арменополя читаются такъ: „и по сихъ яко тцаливиѣи людиѣи, хиротонисуются оное еже быша у самихъ первое аще презвитери, аще же діакони и пр. (Севаста Арменоп. л. 290). (По-русски слова эти читаются такъ: „И потомъ присоединенные чрезъ миропомазаніе еретическіе клирики) яко потщаливіи мирстіи чловѣцы, поставляются въ то, чѣмъ у нихъ были прежде, или презвитери, или діакони, или иподіакони“ (Къ вопросу о раскольнич. Бѣлокриницкой іерархіи. А. Громогласова, стр. 34). Прав. 12 Теофила архіеп. александрійскаго говорить: „благоволи и ты рукополагати (Прав. Св. Отецъ съ толков. Общ. люб. духов. просвѣщ. Прав. 12; стр. 553 на об.). Изъ этихъ правилъ ясно видно, что послѣ чинопріятія въ древней Церкви епископы рукополагали еретическихъ квириновъ. Но Амвросія ни рукополагали, ни паству ему не

поручали и грамоту не давали. Значить: все сдѣлано не по правиламъ.

Самъ митрополитъ Амвросій, обвиняемый патріархомъ въ безразсудномъ бѣгствѣ, въ свое оправданіе австрійскому правительству писалъ: „Я никогда никому не хвалился и не говорилъ и самому императору не объяснялъ, что я отъ патріарха въ Буковину посланъ, противъ чего и никто меня обличить не можетъ“... И ниже: „Я отважился прибыть въ Буковину, не бродяжества ради, но, во-первыхъ, для моего спасенія и спокойствія, а во-вторыхъ, не пренебrecь такое доброе дѣло для упасенія лишенныхъ пастыря овецъ, которыхъ я не укралъ и ни отъ кого не отнять“... (Матеріалы для исторіи австр. іерархіи Субботина. Документы, стр. 235—237). Соборъ Соединенія противъ такого оправданія говоритъ: „Иже... не исполненія ради божественныхъ заповѣдей, но покоя ради и сребролюбивыя изъ воли, или отъ престола на престолъ преходяща сами о себѣ, кромѣ совершеннаго собора, или по мзѣ восходяще, или продающе, таковѣи въ жребіи окаянному Іудѣ предавшему Господа отлучени суть“ (Соб. Соедин. Кормч., гл. 53, листъ 570), а Василій Великій, по поводу подобнаго случая въ Никопольской церкви, писалъ къ пресвитерамъ оной церкви: „Не обольщайтесь ихъ ложными рѣчами, когда приписываютъ себѣ правоту вѣры. Это—христопродавцы, а не хрістіане, полезное для нихъ въ сей жизни всегда предпочитаютъ они жизни истинной. Когда задумали пріобрѣсти эту пустую власть, присоединились къ врагамъ Христовымъ, а когда увидѣли народъ раздраженнымъ, опять налагаютъ на себя личину православія. Не признаю епископовъ и не причислю къ іереямъ Христовымъ того, кто оскверненными руками къ разоренію вѣры возведенъ въ начальники. Такого мое рѣшеніе! А вы, ежели есть у васъ что общее со мною, очевидно, будете держаться того же мнѣнія. Если же сами отъ себя что придумаете, то всякій воленъ въ своемъ мнѣніи, а я чистъ отъ крови сей.

Написалъ же это я не потому, что вамъ не довѣряю, но чтобы объявленіемъ своего рѣшенія подкрѣпить иныхъ колеблющихся; пусть никто не обнадеживаетъ себя принятіемъ въ общеніе, и пусть пріявшіе отъ нихъ возложеніе рукъ не домогаются, по возстановленіи мира, чтобы и ихъ причислили къ

священному сонму“ (Твор. св. Вас. Велик. т. VII. Москва. Пис. къ Никоп. пресвит., стр. 184 и 185).

Итакъ, слѣдовательно, на этой бесѣдѣ мы разсмотрѣли, что австрійское священство въ своемъ происхожденіи не согласно съ волей Господа, поручившаго ап. Петру пасти овецъ. Нашъ собесѣдникъ въ теченіе собесѣдованія настойчиво утверждалъ и остался при той мысли, что поручительство послѣ присоединенія не нужно; его у нихъ и не было.

Потомъ учрежденіе іерархіи состоялось съ нарушеніемъ цѣлаго ряда каноническихъ церковныхъ правилъ.

Внутреннія побужденія къ учрежденію іерархіи со стороны иноковъ Павла и Алимпія были лукавыя, а со стороны Амвросія—корыстныя.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ дѣйствій является безблагодатное, самочинное священство, по суду Церкви не имѣющее и надежды на причисленіе къ клиру православной Церкви, а за лукавство учредителей, за корыстолюбіе родоначальника оной іерархіи и за нарушеніе церковныхъ правилъ подлежащее тяжкому осужденію православной Церкви. Самъ Амвросій неоднократно грозилъ подвергнуть анаемѣ послѣдователей Бѣлокриницкой іерархіи, если они не успѣвали ему внести условныя деньги. Но грозное проклятіе, какъ черная печать на печальномъ письмѣ, лежитъ на послѣдователяхъ австрійской іерархіи: окружники клянутъ противокружниковъ, противокружники—окружниковъ, а потомъ и тѣ, и другіе раздираются на партіи и клянутъ другъ друга.

Послѣ того какъ мы окончили бесѣду, мы получили августовскую книжку „Душеполезнаго Чтенія“; въ ней излагается печальное продолженіе тяготѣнія проклятія на послѣдователя австрійскаго священства. Свѣдѣнія эти сообщаются ревнителемъ и страдальцемъ за православіе, достопочтеннѣйшимъ Н. И. Субботинымъ, извѣстнымъ защитникомъ православія и обличителемъ раскола; изъ его статьи мы и позаимствуемъ эти свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти заимствованы Н. И. изъ статьи, составленной австрійскимъ попомъ Вас. Механиковымъ, подъ заглавіемъ: „Защита Бѣлокриницкаго устава предъ судомъ православія“. Защита эта написана, какъ значится въ предисловіи, „по благословенію его высокопреосвященства боголюбивѣйшаго архіепископа Іоанна“ (Картушина). Часть этого сочиненія напечатана въ августов-

ской книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія“ за 1900 годъ, изъ нея мы и выписываемъ эти строки.

Въ ст. 2-й Механиковъ говоритъ: „Въ Троицѣ нѣтъ ни входящаго, чего бы прежде не было и что вошло бы послѣ,—ни большаго, ни меньшаго. Пресвятая Троица есть совѣчное царство въ трехъ совершеннѣйшихъ Впостасяхъ, почему Она и пѣснословится „безначальною, собезначальною и соприсносущною“. А о. Арсеній (Швецовъ) говоритъ, что отыскони Богъ *во единомъ лицѣ* показуется, что Впостась Бога Отца больше Впостаси Бога Сына и Духа. Св. Церковь учить, что Отецъ не былъ никогда безъ Сына, что Сынъ Божій рожденъ отъ Отца не разстоятельнѣ, что Онъ такъ же вѣченъ, какъ Богъ Отецъ,—а о. Арсеній говоритъ, что отыскони Богъ *во единомъ лицѣ* указывается, что *составленіе пресв. Троицы послѣдовало по времени*, и даже присносущіе Божіе, по его понятію, должно разумѣть не безъ времени. Такимъ образомъ ученіе о. Арсенія Швецова не только не согласно, но и совершенно противно ученію православной Церкви и до буквальности сходно съ воззрѣніями древнихъ еретиковъ-монархистовъ: Праксея, Ноэта, Верона, Берилла и другихъ“.

Въ ст. 4, изложивъ еретическое ученіе Швецова, Механиковъ продолжаетъ: „Отсюда ясно, что по воззрѣнію о. Арсенія, Впостась Отца выше и больше Впостаси Сына и Впостаси Св. Духа, а такое понятіе равносильно прямому отрицанію равенства Лицъ Пр. Троицы. Что Впостась Сына Божія и Св. Духа меньше Впостаси Отца, учили древніе еретики, отвергавшіе ихъ равенство и единосущіе со Отцемъ; таковы были еще въ вѣкъ апостольскій — Керинѣзъ и Евіонъ,—во 2-мъ столѣтіи—Карпократъ, Θεодотъ,—въ 3-мъ,—Оригенъ и въ 4-мъ—Арій пресвитеръ Александрійскій“.

Въ ст. 5-й Механиковъ пишетъ: „Православ. вселенская Церковь учить единогласно, что Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Бога Отца предвѣчно; а о. Арсеній говоритъ вмѣстѣ съ Бѣлокриницкимъ уставомъ, что „въ предвѣчной безначальности Богъ Отецъ былъ въ одномъ лицѣ“. Св. Церковь учить, что Сынъ Божій собезначаленъ Отцу и Св. Духу, т. е. Онъ такъ же безначаленъ, какъ Богъ Отецъ, а о. Арсеній говоритъ, что Сынъ Божій рожденъ вмѣстѣ съ вѣками въ напередъ сотворенное Богомъ время. Такимъ образомъ діаметральная противоположность въ ученіи о. Арсенія

и ученіи православной Церкви очевидна“. „Притомъ ученіе о. Арсенія до буквальности сходно съ ученіемъ аріанскимъ. Аріій училъ: бѣ бо (въ вѣчности) единъ Богъ и не бѣ Слово съ нимъ; таже восхотѣвъ насъ содѣлати, тогда сотвори Его и отнелѣже (т. е. отъ сего времени) бысть“. Такъ учитъ и о. Арсеній: сущность Божества въ предвѣчной безначальности была въ лицѣ Единого Бога, а Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца съ настатіемъ вѣковъ, вмѣстѣ съ вѣками и даже послѣ вѣкъ“.

„Аріій училъ, что Сынъ Божій рожденъ во времени. Такъ говоритъ и о. Арсеній, что Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца послѣ вѣкъ, въ напередъ сотворенное Богомъ время“. „Аріій училъ, что Сынъ Божій есть первѣйшая и высшая тварь. Такъ полагаетъ и о. Арсеній, когда говоритъ: „Сынъ Божій проявился (родился) отъ виновнаго своего начала въ приведеніи (т. е. вмѣстѣ съ приведеніемъ) въ бытіе тварей“

„Слѣдовательно, въ сходности приведенныхъ ученій о. Арсенія и аріанскаго сомнѣнія нѣтъ“.

Итакъ, самъ московскій лжеархіепископъ, раскольникій Іоаннъ Картушинъ, устами своего іерея Механикова, со всею рѣшительностію заявилъ, что „владыка“ Арсеній содержитъ и проповѣдуетъ многія ереси. Но что же отвѣтилъ Швецовъ? Онъ написалъ свое новое „исповѣданіе“, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „старающихся истолковать мою защиту Бѣлокриницкаго устава какъ бы противорѣчащею православному символу—я предаю проклятію!“

Итакъ—*еретикъ! анагема!*—вотъ два послѣднія слова руководителей Бѣлокриницкой іерархіи, которыми они характеризуютъ друга друга. И справедливо. Печать проклятія, изреченнаго православной Церковію, за преступныя и самочинныя дѣйствія послѣдователей австрійскаго священства, какъ грозная кара Божія, тяготѣетъ надъ послѣдователями Бѣлокриницкой іерархіи.

Протоіерей Н. Фіалковскій.

Миссіонерство, секты и расколъ.

(ХРОНИКА).

Посѣщеніе преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ таврическимъ, сектантскаго селенія Астраханки, Бердянскаго уѣзда.

15-го октября с. г. преосвященный Николай, епископъ Таврическій, посѣтилъ сектантское с. Астраханку. Владыка прибылъ въ с. Астраханку изъ г. Мелитополя въ 8^{1/2} час. утра и былъ встрѣченъ въ храмѣ епархіальнымъ миссіонеромъ, мѣстнымъ благочиннымъ и приходскимъ священникомъ съ крестомъ и св. водой.

Выслушавъ краткую литію и многолѣтіе, причемъ многолѣтіе „предстоятелю св. храма сего, прихожанамъ и жителямъ веси сея“ провозгласилъ самъ владыка, послѣдній обратился къ православнымъ съ слѣдующимъ, приближительно, словомъ. „Очень хотѣлъ я, говорилъ владыка, быть у васъ въ Астраханкѣ и вмѣстѣ съ вами, которые небольшою горсточкой живете среди сектантскаго населенія, помолиться сердечною и теплою молитвою ко Господу нашему Иисусу Христу. Благодареніе Господу, желаніе мое исполнилось! Какъ вашъ архипастырь, какъ вашъ епископъ, я хочу преподавать вамъ и слово назиданія“. Затѣмъ владыка поучалъ православныхъ, какъ они должны жить, чтобы своею жизнью не отталкивать, а напротивъ, привлекать къ православной вѣрѣ сектантовъ. Эти слова Христа Спасителя: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго“ (Мѡ. 5, 16), православнымъ, окруженнымъ сектантами, надо всегда и твердо помнить; недостаточно только называться православными христіанами и внѣшнимъ только образомъ, безъ внутренняго сердечнаго расположенія, исполнять христіанскія обязанности. Надо показывать вѣру отъ дѣлъ нашихъ; потому что „какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. 5, 18. 26); надо жить по православному, по церковному, жить такъ, чтобы нашимъ поведеніемъ не хулилась вѣра наша, чтобы не подавать повода къ со-

блазну заблуждающимся братьямъ нашимъ. Затѣмъ, владыка научалъ православныхъ, какъ они должны быть усердны и внимательны къ тѣмъ обязанностямъ, какія возлагаетъ на нихъ св. Церковь и вѣра православная, каковы у нихъ должны быть отношенія между собою, въ обществѣ, въ семействѣ; какъ мужъ и жена должны относиться другъ къ другу, дѣти къ родителямъ и родители къ дѣтямъ, чтобы домъ cadaго православнаго христіанина былъ какъ бы домашнею церковью. Особенно владыка убѣждалъ православныхъ трезвиться, удерживаться пьянства, этого ужаснаго порока, который разѣдаетъ общественную и семейную жизнь нашихъ крестьянъ. Отношенія къ сектантамъ должны быть любовныя и жалостливыя: надо любить ихъ, какъ братьевъ нашихъ по плоти и крови, надо также и сожалѣть о нихъ, какъ о братьяхъ заблудшихъ, не имѣющихъ того сокровища благодати, которое, по милости Божіей, подается всѣмъ намъ въ св. православной Христовой Церкви, надо въ душѣ молиться о нихъ, чтобы Господь просвѣтилъ ихъ умы и сердца и привелъ бы ихъ къ единенію съ нами, чтобы мы одними устами и однимъ сердцемъ славили Бога Отца, Сына и Св. Духа. Въ заключеніе владыка призвалъ благословеніе Божіе на православныхъ, на ихъ семейства, дома и поля. Рѣчь владыки на православныхъ произвела глубокое впечатлѣніе: предъ ними былъ какъ бы любящій ихъ отецъ, который съ любовью и вмѣстѣ съ „властью“ училъ ихъ, давалъ имъ наставленія; поэтому слова владыки они слушали съ глубокимъ вниманіемъ. Въ храмѣ присутствовали многіе сектанты; дай Богъ, чтобы слова владыки пали на ихъ сердца, какъ сѣмя доброе. Часто сектанты указываютъ намъ на худую жизнь православныхъ, какъ на доказательство якобы „бездѣйственности“ православной Церкви; но здѣсь они слышали епископа православной Церкви, который такъ сердечно и съ такой любовью училъ православныхъ не только доброй христіанской жизни, но и благожелательному отношенію къ самимъ сектантамъ.

Осмотрѣвъ церковь, испытавъ въ знаніи Закона Божія дѣтей-школьниковъ, одаривъ нѣкоторыхъ дѣтей Евангеліями и молитвословами, благословивъ всѣхъ, владыка направился къ выходу изъ храма. Въ это время къ нему подошелъ представитель мѣстныхъ сектантовъ, „баптистскій пресвитеръ“ Ѳ. Балихинъ и просилъ владыку посѣтить ихъ „баптистское“ собраніе. „Какое баптистское собраніе? — спросилъ преосвященный. — Я такого не знаю. И почему вы, русскіе люди, называете себя баптистами, а не общимъ для всѣхъ вѣрующихъ во Христа наименованіемъ — христіанами? Баптизмъ, вѣдь, секта происхожденія нѣмецкаго“. — „Баптистъ, — перебилъ рѣчь владыки Балихинъ, — слово греческое, значить *взросло-крещенный*. Мы имѣемъ кассационныя рѣшенія Сената,

которыми намъ разрѣшено называться баптистами, и притомъ наше общество утверждено губернаторомъ“. — „Не знаю, — отвѣтилъ владыка, — утверждено ваше общество губернаторомъ или не утверждено, но я знаю законъ, по которому „русскихъ баптистовъ нѣтъ и быть не должно“. — „Да что законъ? Мы всетаки просимъ васъ, ваше преосвященство, посѣтить наше собраніе“. Тогда владыка, поставивъ на видъ Балихину его недостаточно почтительное отношеніе къ закону, рѣшительно отказался посѣтить „баптистское“ собраніе, а предложилъ ему придти къ нему въ домъ священника ¹⁾. Здѣсь же представитель „ново-молочанъ“ З. Захаровъ почтительнѣйше просилъ епископа посѣтить ихъ собраніе. Владыка изъявилъ на это свое согласіе. Въ церковной оградѣ представители всего сектантскаго населенія с. Астраханки во главѣ съ сельскимъ старостой М. Балихинымъ поднесли владыкѣ въ знакъ своего къ нему уваженія и любви христіанской хлѣбъ-соль. Принимая хлѣбъ-соль, его преосвященство сказалъ: „Благодарю васъ за привѣтъ и добрыя пожеланія! Какъ даръ Божій, посылаемый всѣмъ людямъ безъ различія вѣроисповѣданій, я принимаю отъ васъ эту хлѣбъ-соль; но молю Господа, чтобы общеніе наше въ этомъ хлѣбѣ привело, наконецъ, всѣхъ насъ къ общенію и въ другомъ хлѣбѣ, — небесномъ, — еже есть Іисусъ Христосъ. Аминь“. Представители старо-молочанъ просили преосвященнаго посѣтить ихъ собраніе. Владыка обѣщалъ исполнить и ихъ желаніе. Здѣсь же, въ оградѣ, были собраны учащіеся въ земскихъ молочанскихъ школахъ. Преосвященный обратилъ вниманіе молочанскихъ наставниковъ на необходимость обученія закону Божію и ихъ дѣтей; З. Захаровъ высказалъ, что молочане согласны, чтобы учителя обучали ихъ дѣтей священной исторіи ветхаго и новаго завета, они даже не противъ того, чтобы это обученіе велось подъ руководствомъ священниковъ; но чтобы священники обучали ихъ дѣтей закону Божію, — на это они не согласны. Преподавъ дѣтямъ наставленія, особенно о почитаніи родителей и старшихъ себя, о чемъ просилъ владыку Захаровъ въ виду того, что эта сторона воспитанія молодого поколѣнія молочанъ слаба, пожелавъ имъ всего хорошаго, владыка направился въ домъ приходскаго священника.

Послѣ краткаго отдыха, преосвященный, въ сопровожденіи епархіальнаго миссіонера, свящ. о. Станиславскаго, благочиннаго и мѣстнаго священника, посѣтилъ старо-молочанскій

¹⁾ И преосвященный несомнѣнно посѣтилъ бы и собраніе штундо-баптистовъ с. Астраханки, чтобы и имъ преподавать слово увѣщанія, но такое полуироническое и непочтительное замѣчаніе Балихина о законѣ для епископа русской православной Церкви было оскорбительно, а для присутствующихъ и соблазнительно.

молитвенный домъ. При входѣ онъ былъ встрѣченъ старо-молоканскими наставниками во главѣ съ старѣйшимъ изъ нихъ—С. Кудиновымъ. Войдя въ собраніе, владыка привѣтствовалъ всѣхъ миромъ и обратился къ молоканамъ съ рѣчью, которая всѣми была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ. Прежде всего владыка выразилъ свою скорбь, что онъ не можетъ вмѣстѣ съ молоканами единымъ сердцемъ и едиными устами славить Господа. „Всѣ мы дѣти одного Отца небеснаго, всѣ дѣти одной русской семьи, братья по плоти и крови, но, къ сожалѣнію, не по духу“. Затѣмъ, владыка указалъ и на причину этого раздѣленія духовнаго, которая заключается въ томъ, что молокане отступили отъ св. православной Церкви, которая одна только есть столпъ и утвержденіе истины, и хотятъ достигнуть спасенія собственными слабыми силами. Какъ примирить съ словами св. Писанія: „Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе“ (Еф. 4, 5)—тотъ фактъ, что у нихъ явились и являются раздѣленія въ вѣрѣ. Если у нихъ истина, то откуда же раздѣленія? Всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ призадуматься надъ этимъ. Все дѣло въ томъ, что вмѣсто авторитета Церкви у молоканъ авторитетомъ поставленъ собственный, часто погрѣшительный и удобопреклонный къ заблужденію разумъ. Не достаточно только принимать Писаніе, надо принимать и толкованіе Писанія. „Читайте Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго,—говорилъ владыка,—вѣдь это были люди просвѣщенные Духомъ Святымъ, близкіе къ временамъ самихъ апостоловъ (а многіе изъ васъ и не слышали даже о нихъ), читайте и вы увидите, что то, что вы теперь понимаете по своему, надо понимать совершенно иначе. Читайте исторію Церкви—и вы увидите, что св. Церковь отъ самихъ св. апостоловъ содержала св. вѣру и учила такъ, какъ и теперь учить православная Церковь“. Затѣмъ владыка высказалъ молоканамъ, что въ дѣлѣ вѣры ихъ никто не стѣснялъ и впредь стѣснять не будутъ. Къ нимъ посылаются миссіонеры, священники, которые проповѣдуютъ имъ здоровое ученіе св. Церкви православной; „если вы ихъ слушаете и принимаете ихъ проповѣдь, мы благодаримъ Господа; если не принимаете, мы опять благодаримъ Господа, Который еще терпитъ согрѣшеніямъ вашимъ и нашимъ“. „Но мы не желаемъ,—говорилъ владыка,—коварствомъ, хитростью, лестью или насиліемъ привлекать васъ къ православной Церкви. Мы хотимъ, чтобы вы сами сознательно пришли къ тому убѣжденію, что вселенская истина вѣры Христовой твердо и неизмѣнно хранится въ св. православной Церкви“. Далѣе владыка выразилъ свое желаніе, чтобы молокане относились къ православнымъ односельчанамъ и рабочимъ съ благожелательностью и полной вѣротерпимостью, не стѣсняли ихъ въ отпращиваніи религіозныхъ обязанностей.

Послѣ рѣчи преосвященнаго, наставникъ молоканъ В. Морозовъ поднесъ преосвященному Библию и просилъ его принять „сію св. книгу отъ старо-молоканской общины, какъ знакъ нашей любви и уваженія къ вашему преосвященству и добрыхъ отношеній и благорасположенія вашего къ намъ“. Владыка, принимая Библию и поблагодаривъ за добрыя чувства молоканъ къ нему, сказалъ, что онъ принимаетъ эту священную книгу, какъ залогъ „будущаго единенія нашего“ во Христѣ Иисусѣ и въ св. православной вѣрѣ. Послѣ этого С. Кудиновъ обратился къ владыкѣ: „Ваше преосвященство, оставьте насъ при нашихъ убѣжденіяхъ, — позвольте намъ провожать нашихъ покойниковъ съ пѣніемъ, какъ мы дѣлали это раньше“. На это преосвященный отвѣтилъ, что разрѣшить имъ этого своею властью онъ не можетъ, а рекомендовалъ имъ возбудить ходатайство въ другомъ порядкѣ, т. е. подать чрезъ него прошеніе въ Св. Синодъ. Провожаемый изъясвленіями благодарности за посѣщеніе собранія и за свое сердечное теплое слово, преосвященный отбылъ въ собраніе „ново-молоканское“. Здѣсь у кареты его встрѣтилъ З. Захаровъ, предъ входомъ въ собраніе—„помощникъ пресвитера“ Васильевъ съ краткимъ привѣтствіемъ и при входѣ въ собраніе—„пресвитеръ“ Ячменевъ, который поднесъ владыкѣ Библию, причемъ отъ лица всей общины выразилъ владыкѣ чувства любви и признательности за его добрыя, благожелательныя къ нимъ отношенія и за посѣщеніе ихъ собранія.

Поднесенная Библия — синодальнаго изданія, in 4°, съ параллельными мѣстами, въ прекрасномъ бархатномъ переплетѣ. На крышкѣ переплета вверху находится изображеніе креста (четырехконеч.), а ниже золотымъ тисненіемъ сдѣланъ рядъ выдержекъ изъ Свящ. Писанія и св. отцевъ.

Принимая Библию, владыка сказалъ: „Благодарю васъ за ваши добрыя чувства. Принимаю эту св. книгу (при этомъ онъ поцѣловалъ слово Божіе), какъ залогъ нашего будущаго духовнаго единенія, и передамъ ее въ бібліотеку духовной семинаріи, гдѣ воспитываются будущіе пастыри Церкви православной, чтобы она служила постояннымъ напоминаніемъ о вашихъ добрыхъ отношеніяхъ къ намъ и о желаніи сойтись, облизиться съ нами. О. миссіонеръ, — обратился владыка къ епархіальному миссіонеру, — возьмите эту Библию и передайте ее въ бібліотеку семинаріи“. При входѣ въ собраніе владыка былъ встрѣченъ пѣніемъ: „благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ“. Пѣли по старинному старомолоканскому распѣву. По окончаніи пѣнія владыка сказалъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

Вы встрѣчаете меня съ Библией и пѣніемъ: *благословенъ грядый во имя Господне!* — Благодарю васъ за это!

Да, вы не ошиблись: я прихожу къ вамъ не въ свое имя и не въ

другое чье, а *во имя Господне!* И прихожу къ вамъ не съ прещеніями и угрозами, а въ духѣ мира и любви.—въ искреннемъ желаніи приблизить васъ къ себѣ и себя къ вамъ... Я знаю, что никто не приходитъ ко Христу, если такового не привлечетъ Отецъ нашъ небесный (Іоан. 6, 44).—знаю и то, что возвращаетъ съемое всякимъ съателемъ только *Богъ* (1 Коринѣ. 3, 6—9); но зная это,—знаю еще и то, что мы *всѣмъ должны слѣдовать и повиноваться*.—должны *проповѣдывать, учить, звать*... (Матѣ. 28, 19—20; 1 Тимое. 4, 11; 2 Тимое. 4, 2—5 и мн. др.). Вотъ въ силу этой своей обязанности я и прихожу къ вамъ и *я со васъ къ единенію духа въ союзъ мира!* (Еф. 4, 2). Въ свою очередь и вы не должны оставаться неподвижными въ своемъ упованіи, помня, что только *муждницы достигаютъ Царствіе Божіе* (Матѣ. 11, 12)! Посему и вы должны первѣе всего молиться Отцу свѣтовъ, дабы Онъ просвѣтилъ ваши сердца къ уразумѣнію истины, а затѣмъ—и разыскивать эту истину собственными усиліями, собственнымъ трудомъ!

Едикъ Богъ, едина вера, едино крещеніе (Еф. 4, 6).—слѣдовательно *едина и истина*; какъ же теперь помирить то, что у васъ *много веръ*?! Вотъ въ одной Астраханкѣ у васъ три вѣры—старомолоканская, новомолоканская и баптистская,—и каждая изъ нихъ считаетъ себя *истиною верою, а всѣ прочія неистинными*; а сколько на св. Руси есть еще и другихъ толковъ и согласій, общинъ и сектъ, не признающихъ одна другую и претендующихъ на истину! Скажите, можно ли оставаться спокойнымъ въ своей совѣсти при видѣ такой пестроты и разнообразія въ вѣрѣ?—Но этого мало: нѣтъ единенія въ вѣрѣ, нѣтъ единенія и въ любви... Вѣдь то не секретъ, что всѣ вы другъ къ другу относитесь далеко не дружелюбно,—если даже не враждебно,—и каждый хочетъ привлечь въ свою вѣру другаго... Какъ это все помирить съ истиною?!

И какъ это могло произойти?! Вѣдь всѣ вы дѣти одного Отца небеснаго,—всѣ братья намъ по плоти, крови и языку: откуда же у васъ такое разнорѣчіе?! Очевидно, что кто—нибудь заблуждается,—очевидно, что врагъ посылалъ эти плевелы среди пшеницы... Здравый смыслъ требуетъ изслѣдовать причину этого и, затѣмъ, оставивъ заблужденіе, идти къ свѣту истины...

Какъ же это сдѣлать?—Читайте исторію Церкви Христовой на землѣ—и вы сами увидите, какъ это дѣло произошло; вы увидите, что *столько и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15) *остается непоколебимымъ* Церкви православной, а все прочее,—*ваше*,—явилось постепенно, когда умъ человѣческій, поставивъ себя выше святыхъ отцевъ Церкви, задумалъ все истолковать по своему усмотрѣнію, проще сказать,—когда, отрѣшившись св. Преданія, стали толковать св. Писаніе всякъ по своему... Займитесь же каждый проверкой себя и своихъ убѣжденій не по своему разуму, грѣшному и удобопреклонному ко грѣху, а по разуму св. Церкви, по толкованію св. отцовъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и др. свѣтилъ!

Если св. Церковь изъ множества писаній о жизни и ученіи Спасителя выдѣлила, какъ единственно богодухновенное, наше Четвероевангеліе, наши соборныя посланія и посланія Павловы съ апокалипсисомъ, оставивъ прочія, какъ *апокрифическія*,—и если вы признаете этотъ канонъ вѣрнымъ и святымъ, значитъ и святую Церковь непогрѣшительною въ семь дѣлъ,—то почему же вы отвергаете св. Преданіе, которое таже св. Церковь и съ такою же мудростію выдѣлила изъ ряда другихъ преданій—*человѣческихъ* и приняла въ руководство для себя?! Почему, признавая толкованія св. Писанія своихъ наставниковъ вѣрными и непогрѣшительными, вы отвергаете толкованіе св. Писанія такихъ авторитетовъ, какъ мужи апостольскіе, отцы и учителя Церкви?—Неужели простецы ваши выше въ семь случаевъ Богослововъ и Златоустовъ и вселенныя учителей?! Подумайте сами!—Изъ соблюденныхъ въ Церкви догматовъ и проповѣданій,—говоритъ Василій Великій,—нѣкоторые мы имѣемъ отъ письменнаго

наставленія, а нѣкоторые пріяли отъ апостольскаго преданія, по преместву въ тайнѣ. Тѣ и другіе имѣютъ одну и ту же силу для благочестія, и сему не станетъ противорѣчить никто, хотя мало свѣдущій въ установленіяхъ церковныхъ. Ибо ежели откажемся отвергать неписанные обычаи, какъ будто не великую важность имѣющие: то не примѣтно повредимъ Евангеліе въ самомъ главномъ, или паче, отъ проповѣди апостольской оставимъ пустое имя. Напримѣръ, упомянемъ всего прежде о первомъ и самомъ общемъ: чтобы уповающе на имя Господа нашего Іисуса Христа знаменались образомъ креста, кто училъ писаніемъ? Къ востоку обращать въ молитвѣ, какое писаніе насъ научило? Слова призыванія въ предложеніи хлѣба Евхаристіи и Чаши благословенія, кто изъ святыхъ оставилъ намъ письменно? Ибо мы не довольствуемся тѣми словами, которыя Апостолъ или Евангеліе упоминаетъ, но и прежде ихъ, и послѣ произносимъ и другія, какъ имѣющая великую силу для таинства, принявъ оныя отъ неписаннаго ученія. По какому также писанію благословляемъ и воду крещенія, и елей помазанія, еще же и самого крещаемого? Не по умолчанному ли и тайному преданію? Что еще? Самому помазанію елеемъ какое написанное слово научило насъ? Откуда и трехкратное погруженіе чловѣка? и прочее, относящееся къ крещенію,—отрицаться сатаны и ангеловъ его, изъ какого взято писанія? Не изъ сего ли необнарождаемаго и неизрекаемаго ученія, которое отцы наши сохранили въ недоступномъ любопытству и вывѣдыванію молчаніи, бывъ основательно научены молчаніемъ охранять святыню таинствъ? Ибо какое было бы приличіе писаніемъ оглашать ученіе о томъ, на что некрещенымъ и возарѣть не позволительно?" (Прав. 97, о Св. Духѣ, гл. 27). *Тѣмъ же убо, братіе,—учить насъ св. апостолъ, стойте и держите преданія, имже научистесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ (2 Сол. 2, 15). Слышите, что говоритъ апостолъ: имже научистесь словомъ или посланіемъ,—значить, осталось ничто и незаписанное апостоломъ, но обязательное для христіанъ...*

Мы васъ не отъсняемъ въ вѣрѣ и вашихъ убѣжденійхъ,—и впредъ не намѣрены этого дѣлать. Но, въ свою очередь, просимъ и васъ поступать такъ же и въ отношеніи православныхъ, какъ хотите, чтобы православные поступали съ вами,—въ противномъ случаѣ, всѣ эти рѣчи ваши и увѣренія въ братской любви будутъ лишемѣриемъ, а не искреннимъ исповѣданіемъ вашихъ чувствъ.

Не оскорбляя васъ,—особенно здѣсь и въ сію минуту, а ради только справедливости и истины, укажу вамъ на нѣкоторые факты, которые какъ-то рѣзко бьютъ въ глаза и не вяжутся съ тѣмъ, что вы говорите. Мнѣ извѣстно, напр.—что вы прислугу свою изъ православныхъ заставляете нарушать посты и ѣсть скоромное круглый годъ: есть ли это уваженіе къ религіознымъ убѣжденіямъ другихъ, чего требуете вы къ себѣ?!—Мнѣ извѣстно, что вы запрещаете той же прислугѣ имѣть у себя иконы и молиться предъ ними, и что при всякомъ удобномъ случаѣ—вы подвергаете ихъ вѣру насмѣшкамъ и оскорбленіямъ; можно ли назвать такое отношеніе вѣротерпимостью? Мнѣ извѣстно, что вы православнымъ сосѣдьямъ поселка (Борисовки) отказывали долго дать кусокъ земли для кладбища, а всѣхъ вообще православныхъ односельчанъ облагаете большею, сравнительно съ своими одновѣрцами, платою за выпасъ скота: скажите, хорошо ли это?—Не буду умножать примѣровъ: вы сами ихъ знаете!

Вы слышали, какъ я сейчасъ поучалъ православныхъ относиться къ вамъ; постарайтесь же и сами дѣйствовать такъ, какъ хотите, чтобы дѣйствовали въ отношеніи васъ ваши односельчане, сыны православной Церкви. Надобно не отдаляться другъ отъ друга, а напротивъ—сближаться, сперва въ дѣлахъ житейскихъ, а потомъ и въ вѣрѣ. Лучшимъ, по моему, средствомъ для такого сближенія, помимо всего прочаго, *должна быть школа*. Посылайте дѣтей вашихъ въ наши школы и не запрещайте имъ вмѣстѣ съ нашими дѣтьми учиться

Закону Божію, и по крайней мѣрѣ исторіи ветхаго и новаго завѣта, учите ихъ, чтобы они не чуждались своихъ сверстниковъ, дѣтей православныхъ,—и Господь дастъ вамъ придти къ единенію съ нами во всемъ другомъ!

Богъ мира, любви, щедротъ и всякія
утѣхи да будетъ со всѣми нами присно!—
Аминь.

„Позвольте намъ, ваше преосвященство, пропѣть молитву за Царя“, — обратился къ владыкѣ М. Ячменевъ. Получивъ разрѣшеніе владыки, сектанты пропѣли одинъ стихъ изъ 159 псалмы изъ *Сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ ев.-лютеранскаго исповѣданія*:

„Христось, Спаситель, Богъ вселенной,
Храни Россію и Царя;
Самъ миръ блюди земли обширной,
Да въ вѣкъ она не узритъ зла,
Ища познанія добра
Подъ властью мудраго Царя“ и т. д.

„Очень радъ, — сказалъ преосвященный, — что слышу васъ, молящихся о Государѣ. Молитесь о Немъ, молитесь усердно, чтобы Господь помогъ Ему въ Его многотрудномъ служеніи родной землѣ“. Послѣ этого владыка отбылъ изъ собранія. З. Захаровъ проводилъ владыку до кареты и, прощаясь съ владыкой, тронутый посѣщеніемъ и его сердечными словами, нѣсколько разъ поцѣловалъ его руку. Отдохнувъ немного въ домѣ священника, владыка въ 12 часовъ дня отбылъ въ г. Мелитополь.

Посѣщеніе с. Астраханки его преосвященствомъ несомнѣнно будетъ долго памятно для всѣхъ, кто имѣлъ счастье быть тамъ въ это время; оно, несомнѣнно, будетъ благотворно и для мѣстныхъ православныхъ и не пройдетъ безслѣдно и въ исторіи мѣстныхъ сектантскихъ общинъ.

Для православныхъ посѣщеніе владыки и его архипастырскія наставленія имѣютъ огромное нравственное значеніе. Затерянные среди подавляющей массы сектантскаго населенія, большею частью люди бѣдные, находясь въ экономической зависимости отъ сектантовъ, православные здѣсь естественно чувствуютъ себя приниженными и слабыми предъ зажиточными и сравнительно богатыми сектантами. Единственное ихъ утѣшеніе и отрада — св. вѣра православная. Но и вѣра ихъ часто подвергается искушенію и соблазнамъ со стороны сектантовъ, часто нетерпимыхъ и фанатичныхъ. И вотъ предъ православными — епископъ православной Церкви, который, какъ самъ говоритъ, нарочно пріѣхалъ къ нимъ, чтобы помолиться вмѣстѣ съ ними и благословить ихъ; значитъ, ихъ не забыли, и о нихъ владыка помнитъ и ихъ любить, какъ и другихъ своихъ чадъ духовныхъ. И епископъ такъ просто, съ такою любовью бесѣдуетъ не только съ ними, поучая ихъ доброй христіанскою жизнью, но и съ ихъ дѣтьми, такъ ласково, такъ сердечно наставляя ихъ быть добрыми,

послушными дѣтьми, молиться усердно Богу, почитать и уважать своихъ родителей. И дѣти ихъ, такія не смѣлыя, ожились, ободрились, согрѣтыя этой ласковой обходительностью преосвященнаго. А съ какимъ почетомъ, съ какой предупредительностью встрѣчаютъ его сектанты; а вѣдь это епископъ ихъ, и пріѣхалъ-то онъ собственно для нихъ, — православныхъ. И развѣ бываетъ и можетъ быть у сектантовъ что-нибудь подобное, — такое торжество духовное, такая молитва, такія наставленія? Да, все это не могло не произвести на православныхъ самага отраднago ободряющаго впечатлѣнія.

Что касается сектантовъ, то скажемъ слѣдующее. Представители сектантскихъ общинъ, бывая у владыки въ Симферополѣ, выражали свое искреннее желаніе видѣть его у себя въ Астраханкѣ. Теперь желаніе ихъ исполнилось. Пользуясь случаемъ при посѣщеніи своей православной паствы, владыка посѣтилъ и сектантовъ. Думается, что это событіе — безпримѣрное въ исторіи нашего русскаго сектантства. Самъ епископъ русской православной Церкви идетъ къ сектантамъ съ словами мира, любви и съ призывомъ къ братскому единенію во св. православной вѣрѣ. Не исполняются ли здѣсь слова Христовы, что пастырь добрый оставляетъ девяносто девять овецъ и ищетъ одну овцу заблудшую!? Не высказывая никакихъ надеждъ на тѣ плоды, которые принесетъ, быть можетъ, это посѣщеніе владыкой сектантовъ въ будущемъ, мы замѣтимъ только, что, судя по тѣмъ выраженіямъ радости и признательности, которыя мы слышали отъ представителей сектантскихъ общинъ, ихъ любовь и уваженіе къ нашему владыкѣ искренни и нелицемѣрны, а тамъ, гдѣ „чистота и истина“, гдѣ любовь и чистосердечіе, тамъ и Господь Своєю благодатью и милостью.

И мы твердо вѣримъ, что, если не настало еще время, то настанетъ непременно, когда сектанты „сознательно и свободно“ прійдутъ къ тому непреложному убѣжденію, что „столпъ и утвержденіе истины“ твердо и непоколебимо сохранился и сохраняется въ св. православной Церкви, которая простираетъ къ нимъ свои матернія объятія и всегда готова съ любовью принять ихъ, и возрадуются тогда о нихъ вмѣстѣ съ нами и ангелы небесные. Пусть только братья наши сектанты не ожесточаютъ сердецъ своихъ и, слѣдуя мудрому совѣту владыки — преосвященнаго Николая, провѣряютъ свои вѣрованія, свои убѣжденія по исторіи Церкви Христовой на землѣ, по твореніямъ св. мужей апостольскихъ, св. отцевъ и учителей Церкви.

Епархіальный миссіонеръ
священникъ Владиміръ *Станиславскій*.

Епархіальныя сѣзды міссіонероу Херсонекой епархіи въ 1900 и 1901 году.

Примѣрныя пренія и практическая выработка плановъ полемическихъ собесѣдованій. Совмѣстительство міссіонерской службы съ приходскою, какъ тормазъ успѣха окружной міссіи. Новый шагъ впередъ въ устройствѣ Херсонской міссіи.

Въ послѣдніе два года епархіальныя міссіонерскіе сѣзды въ Херсонской епархіи нѣсколько измѣнили прежній свой характеръ: въ то время, какъ на прежнихъ сѣздахъ все время посвящалось выработкѣ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ сектантствомъ, на двухъ послѣднихъ занимались, главнымъ образомъ, вопросами о томъ, *какъ міссіонерамъ наилучше вести бесѣды*, почему почти всѣ засѣданія сѣздовъ посвящались выработкѣ лучшихъ плановъ и методовъ веденія бесѣдъ съ сектантами.

Прошлогодній сѣздъ, происходившій при участіи епархіальнаго міссіонера Кишиневской епархіи іеромонаха Димитрія (Вербицкаго) и нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ, кромѣ одного засѣданія, посвященнаго разсмотрѣнію Синодальнаго циркуляра по поводу постановленій всероссійскаго Казанскаго сѣзда, все время употребилъ на выработку лучшихъ плановъ бесѣдъ: о священствѣ, о св. причащеніи, о крещеніи дѣтей, о крестѣ и крестномъ знаменіи. На этомъ же сѣздѣ члены его были ознакомлены мною со способомъ веденія судебной экспертизы по дѣламъ сектантовъ.

Нынѣшній сѣздъ, происходившій при участіи таврическаго епархіальнаго міссіонера о. Вл. Станиславскаго, кромѣ одного засѣданія, посвященнаго сектѣ пашковцевъ и толстовству, занялся выработкой плановъ и методовъ бесѣдъ: о необходимости обрядовъ христіанскихъ (противъ пашковцевъ и штундистовъ), о необходимости благодати Божіей для спасенія человѣка (противъ пашковцевъ), о признакахъ истинныхъ и ложныхъ пророковъ (противъ хлыстовъ), о неповторяемости воплощенія Господа нашего Іисуса Христа (противъ хлыстовъ) и объ отмѣнѣ ветхозавѣтной субботы (противъ штундистовъ—субботниковъ). Такимъ образомъ засѣданія и нынѣшняго міссіонерскаго сѣзда носили чисто практическій характеръ.

Во время перваго сѣзда въ его засѣданіяхъ велись примѣрныя состязательныя бесѣды. Обыкновенно бесѣду велъ одинъ изъ міссіонероу, а остальные выступали въ качествѣ оппонентовъ; по окончаніи бесѣды дѣлался, подъ руководствомъ епархіальнаго міссіонера, критическій разборъ какъ возраженій, дѣлаемыхъ отъ имени сектантовъ, такъ и міссіонерскихъ отвѣтовъ на нихъ, и затѣмъ уже для общаго

руководства устанавливался лучший планъ и методъ веденія бесѣды. Для молодыхъ, начинающихъ миссіонеровъ это была полезная школа, гдѣ они наглядно знакомились съ наиболѣе вѣрными и практичными приѣмами веденія противосектантскихъ бесѣдъ.

Во время прошлаго сѣзда въ присутствіи всего его состава проведена была въ предмѣстьи Одессы—слободкѣ Романовкѣ бесѣда съ мѣстными штундистами, явившимися во главѣ съ своимъ „пресвитеромъ“, Кузьмою Гр—комъ; бесѣда посвящена была вопросу о крещеніи дѣтей. По окончаніи же нынѣшняго сѣзда епархіальнымъ миссіонеромъ въ залѣ Одесской семинаріи проведена была бесѣда о необходимости христіанскихъ обрядовъ. На этихъ бесѣдахъ члены сѣзда могли наглядно убѣдиться какъ въ пригодности выработанныхъ ими плановъ веденія упомянутыхъ бесѣдъ, такъ и вообще въ пользѣ для миссіонеровъ веденія примѣрныхъ состязательныхъ бесѣдъ.

Одновременно съ годичнымъ епархіальнымъ миссіонерскимъ сѣздомъ состоялся въ прошломъ году въ Одессѣ и епархіальный благотворительскій сѣздъ, обратившій нѣкоторое вниманіе и на нужды нашей миссіи, благодаря чему можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ Херсонская миссія получитъ иную, болѣе совершенную организацію.

Организація противосектантской миссіи въ Херсонской епархіи, безъ сомнѣнія, въ данное время поставлена гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ зараженныхъ сектантствомъ епархіяхъ всей Россіи. И это потому, что путемъ тяжелой и упорной борьбы съ мѣстнымъ сектантствомъ въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ вырабатывался въ ней тотъ строй миссіи, какой теперь здѣсь существуетъ. Конечно, онъ часто видоизмѣнялся, сообразно условіямъ времени, средствъ и развитія сектантства, почему нельзя сказать, что и теперешняя организація мѣстной миссіи ¹⁾ совершенно закончена и не нуждается въ дальнѣйшемъ измѣненіи и улучшеніи.

Непосредственныя наблюденія надъ жизнію сектантства Херсонской епархіи убѣждаетъ всѣхъ интересующихся дѣломъ миссіи, что борьба съ нимъ въ данное время уже далеко не та, какой она раньше была; теперь она должна вестись гораздо энергичнѣе, интенсивнѣе, съ большею затратою и силъ, и средствъ, чѣмъ какія требовались раньше. Въ самомъ дѣлѣ, слыхавшій бесѣды миссіонеровъ съ сектантами лѣтъ 10 тому назадъ не можетъ не согласиться,

¹⁾ Въ Херсонской епархіи—одинъ епархіальный противосектантскій миссіонеръ, 9 окружныхъ и одинъ разъѣздной миссіонеръ и книгоноша Братства. Всѣ служатъ на опредѣленномъ жалованьи: первый получаетъ 1500 р. жалованія, 500 разъѣздныхъ и 500 квартирныхъ, вторые, какъ въ то же время и приходскіе священники,—по 300 руб. и послѣдній—700 руб.

что въ техническомъ отношеніи онѣ теперь совершенно не тѣ: сектанты успѣли выработать новыя, болѣе усовершенствованные методы, планы, приемы бесѣдъ, соотвѣтственно чему должны были усовершенствоваться и миссіонерскія бесѣды. Теперь миссіонеръ съ слабой подготовкой скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу Церкви въ дѣлѣ ея борьбы съ сектантскими лжеучителями. Пропаганда сектантства, ведется теперь болѣе настойчиво и совершенно иными, новыми путями, прослѣдить которые не такъ ужъ и легко. Само сектантство въ Херсонской епархіи, въ лицѣ, напр., штундизма, вырождается въ общество людей съ чисто атеистическимъ направленіемъ релігіозной мысли. Наконецъ, если прежде въ епархіи велась борьба съ однимъ штундизмомъ, то теперь миссіи нужно имѣть дѣло, кромѣ штундистовъ, еще съ хлыстами, штундо-хлыстами, штундо-пашковцами, скопцами и штундистами-субботниками.

Понятно, что для успѣшной борьбы съ всѣмъ разнообразіемъ сектантства, при многочисленности зараженныхъ ими мѣстъ, теперь миссіонерамъ нужно имѣть и больше знаній, и больше свободного времени какъ для ихъ пріобрѣтенія, такъ и для бесѣдъ, т. е. нужно то именно, чего не достаетъ окружнымъ миссіонерамъ во всѣхъ епархіяхъ и чего будетъ не доставать до тѣхъ поръ, *пока окружные миссіонеры будутъ приходскими священниками, а не будутъ освобождены отъ прихода и не будутъ на определенномъ миссіонерскомъ содержаніи.*

Миссіонеръ-священникъ въ одноштатномъ приходѣ долженъ двойтись между обязанностями приходскаго пастыря и окружнаго миссіонера: если онъ обращаетъ вниманіе на занимаемый имъ приходъ, въ большинствѣ случаевъ зараженный сектантствомъ, округъ остается безъ миссіонера; если онъ дѣятельно займется миссіей, остается забытымъ приходъ; является неудовлетвореніе релігіозныхъ нуждъ прихожанъ, ропотъ и жалобы съ ихъ стороны на миссіонера, и въ концѣ концовъ онъ вынужденъ вести миссію какъ-нибудь, лишь бы числиться миссіонеромъ. Въ двухштатныхъ приходахъ у окружнаго миссіонера всегда недоразумѣнія съ его сослуживцами, жалующимися на постоянные разъѣзды миссіонера, во время которыхъ за него нужно нести всѣ труды по приходу. Для избѣжанія столкновений и непріятностей миссіонеръ опять долженъ вести миссію урывками, совершая поѣздки не тогда, когда нужно, *а когда можно*, и дѣло миссіи снова страдаетъ и страдаетъ неизмѣримо много. Какъ часто, въ силу вышеуказанныхъ причинъ, окружные миссіонеры пропускаютъ самые благопріятные моменты благотворнаго воздѣйствія на заблудшихъ или сомнѣвающихся въ вѣрѣ, и какъ поэтому часто напрасно гибнутъ души православныхъ людей, это лучше всего извѣстно самимъ

миссіонерамъ. Это одна нежелательная сторона въ устройствѣ миссіи въ нашей, да и во всѣхъ епархіяхъ.

Съ другой стороны, сами окружные миссіонеры, занимая плохіе въ матеріальномъ отношеніи приходы, теряя доходы изъ нихъ вслѣдствіе частыхъ и болѣе или менѣе продолжительныхъ отлучекъ, будучи обременены семьями, естественно ищутъ для ея блага болѣе лучшихъ приходовъ, переходя съ этою пѣлю даже въ чужія епархіи, гдѣ ихъ, конечно, охотно принимаютъ, какъ людей опытныхъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ. За послѣднія, напр., 5 лѣтъ въ Херсонской епархіи оставили службу 7 окружныхъ миссіонеровъ, отъ нихъ 4 ушли въ чужія епархіи, приглашенные иноепархіальными архіереями. Все это, отражаясь вредно на успѣхахъ миссіи, не можетъ не свидѣтельствовать о ненормальномъ служебномъ и матеріальномъ положеніи окружныхъ миссіонеровъ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе и бывшій въ Казани всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, выразившій желаніе, чтобы окружные миссіонеры были освобождены отъ приходовъ и служили на опредѣленномъ жалованьи, но, насколько извѣстно, это справедливое желаніе съѣзда до сихъ поръ не осуществилось ни въ одной изъ зараженныхъ расколомъ или сектантствомъ епархій, и это не столько по недостатку средствъ, сколько потому, что вездѣ свыклись съ существующимъ положеніемъ окружныхъ миссіонеровъ и мало думаютъ объ его измѣненіи.

Восьмой годъ моей службы въ Херсонской епархіи въ должности епархіальнаго противосектантскаго миссіонера достаточно убѣдилъ меня въ томъ, что вышеуказанное ненормальное положеніе окружныхъ миссіонеровъ является главнымъ тормазомъ болѣе успѣшной борьбы съ сектантствомъ, почему еще лѣтомъ прошлаго года я рѣшилъ доложить объ этомъ преосв. Іустину и просить позволенія возбудить вопросъ о назначеніи окружнымъ миссіонерамъ опредѣленнаго жалованія съ тѣмъ, чтобы вмѣсто 9 приходскихъ было 5 безприходныхъ миссіонеровъ. Нашъ архипастырь, всегда внимательный къ нуждамъ нашей миссіи и такъ много дѣлавшій для наилучшей постановки ея въ Херсонской епархіи, одобрилъ мой проектъ и приказалъ внести этотъ вопросъ на обсужденіе минувшаго епархіальнаго благочинническаго съѣзда.

Совѣтъ Свято-Андреевскаго Братства, раздѣляя мнѣніе о необходимости имѣть безприходныхъ окружныхъ миссіонеровъ, постановилъ ассигновать содержаніе для двухъ миссіонеровъ, назначивъ каждому изъ нихъ, согласно моему проекту, 1200 р. жалованья, 200 р. квартирныхъ и 300 р. разъѣздныхъ, всего по 1700 р. въ годъ. Такъ же сочувственно отнесся къ миссіи и епархіальный благочинническій съѣздъ, высказавшійся въ пользу учрежденія должности безприход-

ныхъ миссіонеровъ. Къ большому сожалѣнію, вслѣдствіе огромныхъ расходовъ по ремонту духовныхъ училищъ и постройкѣ новаго епархіальнаго дѣвичьяго училища благочиннической сѣздъ могъ ассигновать на дѣло миссіи самую незначительную сумму—1400 руб., почему Совѣтъ Андреевскаго Братства въ особомъ засѣданіи рѣшилъ оставить пока прежнее устройство миссіи.

Въ состоявшемся 25—28 минувшаго сентября сѣздѣ миссіонеровъ совмѣстно съ Совѣтомъ Андреевскаго Братства снова обсуждался настоящій вопросъ, причемъ сдѣлано слѣдующее постановленіе.

Признавая дѣятельность окружныхъ миссіонеровъ весьма полезной и плодотворной, сѣздъ не можетъ въ то же время не выразить сожалѣнія, что окружные миссіонеры, какъ приходскіе священники, часто занимающіе одноштатные приходы, вслѣдствіе многосложныхъ пастырскихъ и приходскихъ обязанностей не имѣютъ возможности вести дѣло миссіи такъ, какъ они могли бы его вести, будучи свободны отъ приходовъ. Въ виду усиливающейся пропаганды сектантства въ епархіи и появленія новыхъ его видовъ (пашковщина, штундо-хлыстовство) сѣздъ находитъ необходимымъ и своевременнымъ снова возбудить поднятый въ прошломъ году вопросъ о необходимости учрежденія должности пяти безприходныхъ миссіонеровъ, которые получали бы по 1200 р. жалованья, 300 разъѣздныхъ и 200 квартирныхъ, всего—1700 руб. Вслѣдствіе же отсутствія необходимыхъ средствъ для ихъ содержанія сѣздъ находитъ возможнымъ открыть пока должности двухъ безприходныхъ миссіонеровъ съ оставленіемъ четырехъ миссіонеровъ изъ приходскихъ священниковъ, имѣя въ виду просить въ свое время епархіальный благочиннической сѣздъ прійти на помощь въ содержаніи остальныхъ безприходныхъ миссіонеровъ. О районѣ дѣятельности безприходныхъ окружныхъ миссіонеровъ и мѣстахъ ихъ жительства Совѣтъ Братства будетъ имѣть особое сужденіе^а.

Это постановленіе сѣзда утверждено преосв. Іустиномъ, и такимъ образомъ съ новаго 1902 года въ Херсонской епархіи положено будетъ начало новой организациі противосектантской миссіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякій, интересующійся дѣломъ миссіи, прочтеть наше сообщеніе о назначеніи самостоятельныхъ окружныхъ миссіонеровъ съ опредѣленнымъ обезпеченіемъ съ искреннимъ сочувствіемъ, потому что это, дѣйствительно,—большой шагъ впередъ въ организациі внутренней миссіи; я же съ своей стороны не могу не выразить самого пламеннаго желанія, чтобы добрый примѣръ Херсонской епархіи нашелъ себѣ подражаніе въ другихъ зараженныхъ сектантствомъ епархіяхъ.

Херсонскій епарх. миссіон. *М. Кальневъ.*

Кто такое Моисей Тодосіенко, вдохновитель павловскихъ сектантовъ на буйство и разгромъ церкви?

Какъ уже теперь извѣстно, вдохновителемъ и подстрекателемъ Павловскихъ штундистовъ къ тѣмъ неслыханнымъ на Руси кощунственнымъ дѣйствіямъ, которыя происходили 16 сентября, былъ Моисей Тодосіенко. Въ виду несомнѣннаго интереса, который возбуждаетъ это дѣло, мы считаемъ излишнимъ сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія о личности указанного выше сектанта. Моисей Тодосіенко — крестьянинъ с. Яхновъ, Васильковского уѣзда, Кіевской губ. Въ 80-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ с. Яхны изъ Херсонской губ. былъ занесенъ штундизмъ и на первыхъ же порахъ нашель многихъ послѣдователей. Цѣлыя толпы крестьянъ, увлеченные новизною ученія и легкостію общаемаго этою сектою спасенія, спѣшили на „текучія воды“ принять крещеніе. Въ числѣ первыхъ и ревностныхъ послѣдователей былъ Тодосіенко. Въ 90-хъ годахъ къ Яхнянскимъ штундистамъ пришелъ въ качествѣ проповѣдника изъ с. Антоновки Петрашевскій съ нѣкоторыми другими и началъ учить, что въ г. Тарашѣ появился якобы великій пророкъ, который творитъ многія знаменія и чудеса и проповѣдуетъ о приближающейся кончинѣ міра. Нѣкоторые изъ любознательныхъ, принявши новое ученіе, всетаки порѣшили отправиться въ Тарашу и лично увидѣться съ новоявленнымъ пророкомъ и послушать его проповѣди. Въ числѣ посланныхъ былъ и Тодосіенко. Личное свиданіе съ Кодратомъ Малеваннымъ и бесѣда съ нимъ произвели на этихъ посѣтителей глубокое впечатлѣніе. Возвратившись въ с. Яхны, они прямо заявили предъ штундистами, что Кодратъ Малеванный не только великій пророкъ, но и Спаситель міра, явившійся во плоти, и что на немъ видимо почиваетъ особая благодать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали распространять молву, что въ маѣ мѣсяцѣ наступитъ страшный судъ, послѣ котораго Кодратъ Малеванный объявитъ себя царемъ и владыкою міра и откроетъ свое царство. Подъ вліяніемъ этого ученія, штундисты начали продавать свои дома, землю и проч. имущество, а на вырученныя деньги устраивали братскія вечера. Наконецъ, наступилъ давно ожидаемый май мѣсяцъ. Моисей Тодосіенко приказалъ „выйти за станъ“, и сектанты, одѣвши чистыя рубахи, въ бѣлыхъ свиткахъ, а женщины въ бѣлыхъ платкахъ, съ пѣніемъ псалмовъ, отправились на небольшую горку, лежащую недалеко отъ с. Яхновъ и извѣстную и до настоящаго времени подъ именемъ „Ядвига“. Дорогу къ этой горѣ сектанты устлали бѣлымъ полотномъ,

кожухами и свитками, дабы приготовить путь своему лже-Спасителю (Кодрату Малеванному) и тѣмъ исполнить букву писанія. Тамъ у Моисея Тодосіенко внезапно открылся мнимый даръ языковъ, состоящій въ произнесеніи бессмысленнаго набора словъ, въ родѣ: „аль—терифъ, эль—терифъ, фера—ма—лемъ, гото—та—лемъ“ и т. п. До поздняго вечера сектанты уповательно смотрѣли на небо, съ нетерпѣніемъ ожидая открытія новаго царства, но тутъ явился волостной старшина съ сотскими и разогналъ безумную толпу по домамъ. Съ этого времени Тодосіенко оставилъ совершенно заниматься крестьянскими работами, бросилъ хозяйство, жену и дѣтей и все время странствовалъ по окрестнымъ селамъ, зараженнымъ сектантствомъ, всюду выдавая себя за Моисея пророка. Дабы сильнѣе поразить сектантовъ и убѣдить ихъ въ своемъ пророческомъ званіи, Тодосіенко ходилъ босымъ по снѣгу, разукрасилъ себя крестами и лентами и продолжалъ говорить „иными языками“. Когда въ 80-хъ годахъ Кодратъ Малеванный, какъ признанный психически-больнымъ, былъ помѣщенъ въ Кіевское Кирилловское богоугодное заведеніе, среди сектантовъ, его послѣдователей, возникло стремленіе къ его освобожденію. Тодосіенко, въ качествѣ его пророка, вызвался ѣхать въ Петербургъ, дабы убѣдить Государя въ божественномъ достоинствѣ Кодрата Малеваннаго и добиться его освобожденія. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать денежные пожертвованія среди сектантовъ и на собранныя деньги—около 1000 руб.—дѣйствительно ѣздилъ въ Петербургъ. Его миссія тамъ не удалась: принятый за душевно-больного, онъ былъ арестованъ и препровожденъ обратно въ с. Яхны. Разказы его сектантамъ о поѣздкѣ въ Петербургъ отличались крайнею нелѣпостію и фантастичностью: такъ, онъ говорилъ, что видѣлъ Государя, бесѣдовалъ съ нимъ, и что Государь одной вѣры съ ними—„братъ по вѣрѣ“. Онъ радъ бы освободить Кодрата, да министры не позволяютъ. На вопросъ любопытныхъ, каковъ Государь по виду, Тодосіенко говорилъ, что Государь находится подъ стекломъ, въ заплатанной свиткѣ, и что Тодосіенко далъ ему изъ своихъ собственныхъ денегъ на ѣдность 3 руб. Не смотря на полную нелѣпость, эти разказы нашли среди обезумѣвшихъ сектантовъ полное довѣріе. Тодосіенко былъ помѣщенъ для медицинскаго изслѣдованія его душевныхъ способностей въ Кирилловскую больницу, гдѣ онъ, какъ оказалось впоследствии, притворно принялъ православіе, былъ отпущенъ домой и держалъ себя первое время осторожно. Съ ослабленіемъ въ Кіевской губерніи надзора за агитаторскими дѣйствіями главарей штунды и безуміемъ малеванцевъ, Тодосіенко сталъ снова однимъ изъ дѣятельныхъ руководителей малеванцевъ. Въ это время появились среди сектантовъ много-

численныя письма отъ Малеваннаго изъ Казани и отъ главнаго сотрудника Чекмарева, въ которыхъ предсказывалось скорое окончаніе страданій ихъ мнимаго Спасителя и водворенія на жизнь новаго царства, въ которомъ не будетъ ни министровъ, ни губернаторовъ, ни исправниковъ, ни становыхъ, земли будутъ отобраны отъ помѣщиковъ и раздѣлены между послѣдователями Малеваннаго. Эта мысль

Моисей Тодосіенко.

Кодрата особенно пришлось по душѣ Тодосіенко, не имѣвшему въ то время ни кола, ни двора и привыкшему жить на чужой счетъ. Онъ сталъ выдавать себя уполномоченнымъ не только Кодратомъ Малеваннымъ, но и самымъ Государемъ къ тому, чтобы раздѣлить помѣщичьи земли между сектантами. Съ этою цѣлью Т-ко началъ ходить по окрестнымъ

помѣщицѣмъ экономіямъ и описывать количество земли, скота и прочаго имущества, какъ бы подготавливая все къ будущему раздѣлу. Вмѣстѣ съ этимъ онъ оставилъ свою обычную крестьянскую одежду и началъ носить нѣчто въ родѣ мундира, штаны съ красными лампасами и фуражку съ кокардой и краснымъ околышкомъ. Вскорѣ послѣ этого Тодосіенко привелъ къ сектантамъ какого-то проходимца; выдавая его за царя и постоянно называя его то „баринѣмъ“, то его благородіемъ“, онъ ходилъ съ нимъ по свекловичнымъ плантанціямъ и говорилъ народу, что царь пожелалъ увидѣть, какъ живутъ его „братья по вѣрѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ по ночамъ Тодосіенко устраивалъ собранія сектантовъ, на которыхъ возбуждалъ ихъ къ переселенію изъ „Земли Египетской (т. е. Россіи) въ землю Ханаанскую“, гдѣ они будутъ пользоваться свободой вѣроученія. Многие изъ сектантовъ повѣрили его словамъ и подъ его предводительствомъ отправились въ с. Снѣгуровку близъ ст. Фастовъ, гдѣ прожили около двухъ недѣль, ожидая имѣющихъ прибыть за ними „вагоновъ“, какъ обѣщали имъ Тодосіенко. Наскучивъ ожиданіемъ обѣщанныхъ вагоновъ, часть обманутыхъ Тодосіенкомъ сектантовъ отправилась по домамъ, а часть отправилась за границу въ Австрію, откуда и до сихъ поръ не возвратилась. Неудача съ переселеніемъ въ „Ханаанскую землю“ сектантовъ не ослабила энергіи Тодосіенко. Съ обычною находчивостію и беззапѣнчивостію, Тодосіенко эту неудачу приписалъ кознямъ духовенства и миссіонеровъ. Въ виду этого онъ началъ проповѣдывать, что прежде нужно уничтожить поповъ.—и отъ словъ скоро перешелъ къ дѣлу. 18 декабря прошлаго 1900 года, во главѣ сектантовъ, числомъ около 40 чел., Тодосіенко въ казацкомъ костюмѣ, въ фуражкѣ съ кокардой и краснымъ околышкомъ *ворвался въ приходскую церковь въ с. Яхнахъ*. Въ храмѣ совершалась въ это время проскомидія. Молящихся въ храмѣ было мало, такъ какъ крестьяне начали только собираться къ богослуженію. *Ворвавшись въ храмъ, возбужденные, съ горящими глазами, сектанты съ крикомъ и шумомъ, расталкивая присутствующихъ, двинулись къ алтарю*, но тутъ внезапно остановились предъ царскими вратами въ нерѣшительности. Священникъ, замѣтивъ ихъ присутствіе, обратился къ нимъ съ словомъ убѣжденія—не оскорблять святости храма и удалиться изъ него, такъ какъ они, отступивши отъ православія, не были воссоединены. *Но убѣжденіе священника не произвело никакого дѣйствія, и стоящій во главѣ безпорядочной и фанатичной толпы сектантовъ Тодосіенко дерзко заявилъ, что „земля царская и храмъ ихъ“*. Трудно сказать, чтобы могло послѣдовать за этимъ, но въ это время среди православныхъ крестьянъ уже разнеслась вѣсть о томъ, что штурмъ ворвался въ храмъ. Предчувствуя не-

доброе, они прибѣжали въ Церковь въ большомъ количествѣ и вытолкали безумцевъ изъ храма, чѣмъ лишили сектантовъ возможности учинить предположенное ими поруганіе, и нѣкоторыхъ крѣпко избили, такъ что иные проболѣли мѣсяца по два; самъ Тодосіенко отдѣлался лишь синяками подѣ глазами. Изъ показанія сектанта Григорія Ротача, цѣлью Тодосіенко въ данномъ случаѣ было: *обрѣзать священнику волосы и бороду, сорвать съ него священныя одежды, побить иконы, поломать кресты и произвести всевозможныя надругательства надъ православными святынями, находящимися въ алтарь.* Такъ закончилась первая, хотя и неудавшаяся попытка Тодосіенко подвергнуть оскорбленію православную святыню, которая съ успѣхомъ осуществлена была впоследствии въ с. Павловкахъ Сумскаго уѣзда Харьковской губ. Можно думать, что Тодосіенко, помня о своемъ прошлогоднемъ синякѣ, постарался наканунѣ погрома убраться изъ Павловокъ, обѣщая вмѣсто себя, прислать на помощь „4 вагона братьевъ изъ Кіева“.

Н. Бѣлогорскій.

Московский расколъ.

Пріѣздъ Швецова въ Москву.—Раскольничья консисторія на Рогожскомъ кладбищѣ и ея дѣянія.—Перемѣщенія поповъ.—Новые кандидаты въ раскольничьи архіереи.—Успѣхи подпольныхъ братствъ.—Депутатія въ Тулу.—Житіе бытіе въ Тулѣ Картушина.

20 сентября въ Москвѣ появился извѣстный читателямъ „Мисс. Обзоръ.“ Швецовъ, онъ же „глаголемый Арсеній, архіепископъ нижегородскій, временно и московскій“; прибылъ онъ тоже съ извѣстнымъ своимъ ученикомъ Ѳеодоромъ Мельниковымъ. Въ тотъ же день г. Швецовъ направился на Рогожское кладбище, гдѣ его „архіерейской санкціи“ ожидало немало дѣлъ.

Оставивъ Москву, „раскольничій владыка“ Іоаннъ Картушинъ, для управленія своей не признаваемой закономъ и канонами раскольничьей архіепископін, образовалъ особый пресвитеріанско-діаконскій комитетъ—*sui generis* раскольничью консисторію, подѣ предсѣдательствомъ попа съ Рогожскаго кладбища Елисейя Милѣхина, въ составѣ: поповъ Варѣоломея Щеголина, Алексѣя Новикова, Прокопія Сорокина, по прозванію Крокодила, своего бывшаго секретаря діакона Алексѣя Богатенкова и дьякона Ивана, по прозванію „Кошкѣ“. Со времени отъѣзда Картушина въ Тулу, всѣ текущія церковныя дѣла московскихъ раскольниковъ и вершатся на засѣданіяхъ этого комитета, собирающагося время отъ времени на Рогожскомъ

кладбищъ въ квартирѣ попа Елисея, куда, въ случаѣ особенно важныхъ дѣлъ, для ихъ скрѣпленія наѣзжаетъ иногда и лжеархіепископъ Арсеній Швецовъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и боевыхъ дѣлъ описываемаго засѣданія было перемѣщеніе поповъ. Утвердивъ постановленіе комитета о перемѣщеніяхъ поповъ, Арсеній Швецовъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой бросилъ камешекъ и въ огородъ Картушина за то, что послѣдній, занимая кафедру древлеблагочестиваго „архіепископа московскаго и всея Россіи“ за все время своего здѣсь пребыванія постоянно тормозилъ постановленія и представленія новыхъ лжеепископовъ. Упрекая въ подобныхъ дѣяніяхъ Картушина, Швецовъ указывалъ на необходимость постановленія новыхъ епископовъ раскольниковыхъ, тѣмъ болѣе, что и кандидаты были намѣчены еще два года тому назадъ, о чемъ своевременно сообщалось въ „Мисс. Обзоръ“.

Подобная рѣчь Швецова была вызвана еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по примѣру своего непосредственнаго начальника Картушина, назначенный имъ, подъ предѣтельствомъ попа Елисея Милехина, комитетъ тоже затормозилъ опредѣленіе на мѣсто лжеархіерея Паисія (который въ настоящее время сильно боленъ, да къ тому же водворенъ на мѣсто жительства изъ Черемшанскаго скита въ г. Сызрань) нѣкоего священноинока раскольниковчаго Елеазарія. Конечно, юридически комитетъ лжепоповъ не могъ тормозить дѣло Елеазарія, тѣмъ болѣе, что объ опредѣленіи его въ архіереи постановилъ послѣдній соборъ раскольниковъ въ Нижнемъ Новгородѣ, но фактически замедленіе произошло вслѣдствіе того, что московскій комитетъ въ разрѣзъ постановленію соборному, поставилъ своихъ кандидатовъ въ архіереи на мѣсто Паисія, а именно: діакона Алексѣя Богатенкова, попа Варεоломея Щеголина и пермскаго попа Василія Васюткова. Особенно желательно комитету было видѣть лжеархіереемъ послѣдняго, какъ открыто заявившаго себя противникомъ Швецова, котораго недолюбливаетъ раскольниковче духовенство. Въ недѣлю Православія Васютковъ съ амвона моленной не побоялся выступить съ обличеніемъ въ ереси апологета Арсенія, приравнивая его къ еретикамъ-гонителямъ св. иконъ... За такой подвигъ Милехинъ и К^о и порѣшили Васюткова въ архіереи провести.

Все это, конечно, не могло не дойти до Онисима Васильевича, и онъ на засѣданіи въ Рогожской, говоря о необходимости поставить новыхъ старообрядческихъ епископовъ, присовокупилъ, что, пока онъ живъ, Богатенкову и Васюткову архіереями не быть. „Найдемъ болѣе достойныхъ“, сказалъ онъ и предложилъ предѣдателю собранія перейти къ обсужденію другихъ дѣлъ.

Первымъ изъ этихъ дѣлъ былъ поднимаемый уже не въ

первый разъ вопросъ объ учрежденіи повсемѣстно въ Россіи противо-православныхъ братствъ. Всего только годъ прошелъ, какъ существуетъ у старообрядцевъ эта затѣя, а они успѣли уже образовать до 13 такихъ братствъ, дѣятельность которыхъ состояла главнымъ образомъ въ распространеніи подпольныхъ раскольничьихъ изданій, направленныхъ къ оправданію раскола и къ похуленію Церкви православной. Насколько вредна подобная дѣятельность этихъ противозаконныхъ братствъ, можно судить по тому, что если вѣрить тому, что докладывалось на описываемомъ нами собраніи на Рогожскомъ кладбищѣ, такъ число подпольныхъ изданій раскольничьихъ братствъ за одинъ годъ выразилось въ количествѣ 183,000 экземпляровъ разнаго рода зловредныхъ брошюръ и въ томъ числѣ „Третій миссіонерскій съѣздъ въ Казани“ и „Церковные вопросы въ Россіи“. Послѣднюю книжку раскольники продавали по 6 рублей за экземпляръ, а Картушинъ на свой счетъ ее издалъ для безплатнаго распространенія. Собраніе порѣшило отправить въ Тулу къ инициатору раскольничьихъ братствъ Картушину депутацію для доклада ему о „равноапостольскихъ“ (!) дѣянiяхъ этихъ братствъ. Въ составъ этой депутаціи вошли старшина Рогожскаго кладбища И. А. Пуговкинъ, И. И. Новиковъ, попечитель покровскаго молитвеннаго дома Петръ Осиповичъ Трегубовъ, секретарь братства св. креста М. И. Бриллиантовъ и казначей этого братства Василій Михайловъ.

Удивительное дѣло, какъ двуличны московскіе раскольники! Въ то время, какъ попечитель Рогожскаго кладбища Н. С. Расторгуевъ со своей компаніей проживаетъ уже около мѣсяца въ Петербургѣ, хлопочетъ о всевозможныхъ льготахъ для старообрядцевъ, изображая свое общество во всѣхъ отношеніяхъ якобы безвредными, — въ то же самое время старшина Рогожскаго кладбища съ своею компаніею орудуетъ въ Тулѣ, изобрѣтая вмѣстѣ съ Картушинымъ всякаго рода зловредныя средства къ пропагандѣ своей воинствующей секты противъ православія.

Вслѣдъ за депутаціею посѣтилъ въ Тулѣ Картушина и Арсеній Швецовъ. Вообще Іустинъ Картушинъ не можетъ не жаловаться, что его забыли не только москвичи, но и москвички — ревнительницы древляго благочестія. По возвращеніи посѣтители всѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что „владыка“ и въ Тулѣ хорошо устроился. Да отчего бы и не устроиться? На содержаніе ему паства его положила 4,000 руб. въ годъ. Доброжелатели и доброжелательницы Картушина всѣхъ увѣряютъ, что Картушинъ оставилъ Москву добровольно, ибо не сошелся съ московскимъ обществомъ, много-де больно здѣсь брадобрейцевъ, табачниковъ, многоженовъ, а это все претило-де раскольничьему владыкѣ Іустину и вынудило, наконецъ, и совсѣмъ покинуть матушку Москву Бѣлокаменную.

Алексѣй В—овъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Поученія Иринея, епископа екатеринбургскаго. Изданіе Братства св. Симеона Верхотурскаго. 1901 г. стр. 364.

Въ настоящее время пишется и издается множество проповѣдей и проповѣдническихъ сборниковъ, даже цѣлыхъ проповѣдническихъ журналовъ, но, къ сожалѣнію, приходится отмѣтить тотъ фактъ, что если вздумаемъ найти на то или другое воскресенье хорошую проповѣдь, изъ которой хотѣлось бы почерпнуть что-либо для руководства, а тѣмъ болѣе найти что-нибудь написанное на опредѣленную проповѣдническую тему, то несмотря на всю громадность го-милетической литературы современной, это сдѣлать очень трудно. Поэтому съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ можно отмѣтить настоящій сборникъ, составленный изъ поученій преосвященнаго Иринея, епископа Екатеринбургскаго. Имя преосвященнаго автора пользуется почтенною извѣстностью, не только какъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ, но и какъ извѣстнаго въ нашей богословской литературѣ писателя, какъ перваго составителя наилучшихъ и незамѣнимыхъ и до настоящаго времени экзегетическихъ руководствъ по св. Писанію, какъ чуткаго къ религіознымъ болѣзненнымъ вѣяніямъ апологета. Кто незнакомъ съ его популярными трудами „За вѣру и противъ невѣрія“, „Земная жизнь Господа Іисуса Христа“ и др.

Сборникъ поученій епископа Иринея тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ отвѣчаетъ на самые животрепещущіе вопросы послѣдняго времени, какъ-то: «о воспитаніи дѣтей и юношества», «въ защиту ученія православной Церкви отъ невѣрующихъ и колеблющихся». Послѣдній отдѣлъ, заключающій въ себѣ семнадцать поученій (стр. 79—214), имѣетъ большую важность и глубокой интересъ для всѣхъ занимающихся миссіонерскою дѣятельностью. Глубоко содержательны поученія (6) на дни страстной седмицы, посвященныя захватывающимъ темамъ, напр., «Іудино предательство», «Отреченіе Петрово», «Пилатовское умовеніе рукъ», или «Власть тьмы». Далѣе идутъ 12 поученій на разныя евангельскія чтенія воскресныя и праздничныя. Отмѣтимъ изъ нихъ написанныя на наиболѣе современные темы: «О

трудъ и воскресномъ отдыхѣ», «Въ предохраненіе отъ ложныхъ и опасныхъ современныхъ мудрствованій» и др.

Чтобы дать хотя бы нѣкоторое понятіе о характерѣ и содержаніи замѣчательныхъ проповѣдей епископа Ириней, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Вотъ какъ, напр., говоритъ преосвященный авторъ въ поученіи, близкомъ къ современнымъ движеніямъ юношества, на разсужденіе нѣкоторыхъ: «не слѣдуетъ выдѣляться отъ другихъ, а лучше поступать какъ всѣ». «Разсудите сами, говоритъ онъ, что такое въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, который боится выдѣлиться отъ другихъ, не смѣетъ выказать на дѣлѣ свои убѣжденія? Дѣйствительно ли онъ свободенъ? Нѣтъ! Онъ хотѣлъ бы слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, голосу своей совѣсти, но не смѣетъ. Одно уже присутствіе лицъ, несходныхъ съ нимъ во взглядахъ, парализуетъ его. Онъ очень смѣлъ, когда онъ одинъ, или среди тѣхъ, кто, какъ ему извѣстно, раздѣляетъ его чувства, тогда онъ ни на что не обращаетъ вниманія и поступаетъ такъ, какъ внушаетъ ему совѣсть. Но взгляните на него въ обществѣ, въ собраніи, въ толпѣ и вы не узнаете его. Это уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ: онъ живетъ, думаетъ и поступаетъ, какъ другіе, онъ отрекается отъ своей личности, его совѣсть въ оковахъ. Это рабъ и несчастнѣйшій изъ рабовъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли худшее рабство, какъ не смѣть выразить, что чувствуешь, ни поступить, какъ желаешь? И въ какія только сдѣлки съ совѣстью ему не приходится вступать? А до какихъ низостей можетъ онъ дойти! Дойдетъ, быть можетъ, до того, что изъ боязни выдѣлиться отъ другихъ онъ станетъ выражать сочувствіе рѣчамъ нечестивцевъ и улыбаться богохульнымъ и кощунственнымъ надъ религіей шуткамъ какого-нибудь безбожника, въ обществѣ котораго ему придется быть. Вотъ чѣмъ неизбѣжно оканчивается слѣдованіе правилу: «не слѣдуетъ выдѣляться отъ другихъ, а лучше поступать, какъ всѣ» (стр. 83).

Или вотъ что говоритъ преосвященный въ поученіи, опровергающемъ лживое ученіе, что «религія—частное, личное дѣло cadaго». «Страшную опасность заключаетъ въ себѣ мысль религія—личное, частное дѣло особенно потому, что она снимаетъ всякую узду съ порока, открываетъ настежь двери грѣху и пороку и роетъ могилу добродѣтели. Кто утверждаетъ, что всякій воленъ по своему относиться къ религіи, тотъ этимъ самымъ разрушетъ религію. Если признать безразличнымъ, исповѣдуетъ человѣкъ религію, или нѣтъ, то, значитъ, религія есть что-то неважное, излишнее и бесполезное. Болѣе того! Кто говоритъ, что каждый можетъ по желанію имѣть религію, или нѣтъ, тотъ прямо отрицаетъ бытіе Божіе. Если есть Богъ, то должна быть и религія. Кто отрицаетъ религію, тотъ отрицаетъ и Бога, а

вмѣстѣ съ этимъ отрицаетъ и нравственныя основы жизни человѣческой» (стр. 108). «Услышите вы,—говоритъ авторъ въ проповѣди на тему «зачѣмъ нужно поститься»,—какъ иногда не худые въ сущности христіане позволяютъ себѣ говорить: «что въ томъ, если я съѣмъ въ постный день кусокъ мяса... И при скромной пищѣ я несомнѣнно поощусь лучше иного, кто ѣстъ изысканныя постныя блюда». На это отвѣчайте: вѣрно, такой дѣйствительно не строго постится, но онъ — послушное дитя Матери-Церкви и ѣстъ то, что Мать позволяетъ ему. Другой же, съѣдая свой кусокъ мяса, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ постится гораздо строже, но онъ дерзкій ослушникъ, онъ принимаетъ одну каплю яда, но достаточную для того, чтобы умереть»... (стр. 218). Въ проповѣди о несеніи креста Господня Симономъ Киринейскимъ, вначалѣ сопротивлявшемуся этому несенію, авторъ говоритъ: «Благочестивые слушатели! Кто изъ васъ былъ подобенъ Симону Кириейскому въ оказанномъ имъ сначала безсердечіи, жестокости, неосострадательности къ Іисусу Христу, постарайтесь походить на него и въ быстрой переимѣнѣ на лучшее! Препобѣдите себя хоть разъ только, станьте ближе къ страдающему ближнему и въ васъ произойдетъ перемѣна, какъ у Симона» (стр. 242).

Отъ души желаемъ самаго широкаго распространенія настоящему сборнику поученій еп. Ириней, представляющему прямо вкладъ въ сокровищницу проповѣдническую, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ продажи книги назначается на доброе миссіонерское дѣло—поддержаніе церковно-приходскихъ школъ екатеринбургской епархіи въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ.

Свящ. М. Лисицынъ.

Р. S. Но въ то же время мы пожелаемъ, чтобы поскорѣе, пока этотъ маститый просвѣщенный архипастырь здравствуетъ,—вышли въ свѣтъ и всѣ другія его проповѣди. Работая чуть не около полувѣка въ богословской литературѣ и въ частности въ духовной журналистикѣ, бывъ долгое время образцовымъ редакторомъ «Воскреснаго Чтенія» и «Руководства для сел. пастырей»,—Еп. Ириней часто украшалъ страницы этихъ изданій всегда глубокосодержательными учительными и своими проповѣдями, которыхъ наберется не одинъ томъ, если ихъ соединить въ одно изданіе. Отличительною чертою проповѣдничества еп. Ириней не столько вдохновенное ораторство, сколько глубокая учительность, плѣняющая не сердце только, но и умъ въ послушаніе вѣры и истины христовой.

Ред.

Свящ. Илларионъ Джаши. «Общество Славянское, Елисаветпольской губ. и уѣзда. Изъ сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа». In 8° 41 стр.

Означенная статья представляет собою краткій историко-этнографически-религіозный очеркъ духоборческаго села Славянки и сосѣднихъ съ нимъ духоборческихъ же селеній—Ново-Горѣлаго, Ново-Троицкаго и Ново-Спасскаго Елисаветпольской губ. и уѣзда. Переселены были сюда духоборы съ Молочныхъ водъ Мелит. уѣз. Таврической губ. въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія „по религіознымъ причинамъ“. Тѣсно соединившись въ одно общество, они сохранили всѣ свои типичныя особенности какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни, благодаря чему, по словамъ автора, и „заставили все окрестное населеніе уважать себя и высоко поднимали знамя русской культуры“ (стр. 31).

Въ 1883 г. Общество ихъ раздѣлилось на „писаныхъ“ или „веригинцевъ“ и „неписанныхъ“. Первые кромѣ того къ началу 1895 г. распались еще на двѣ неравныя части: одна (меньшая часть) осталась при прежнихъ вѣрованіяхъ, другая (большая) провозгласила себя партіей „постниковъ“. Каждая партія имѣетъ свое нѣсколько отличное отъ другихъ партій ученіе (гл. XIV), но живутъ между собою духоборы разныхъ партій довольно мирно.

Дѣлится очеркъ на 15 гл., въ которыхъ описываются почти всѣ стороны жизни духоборцевъ. Въ краткой, сжатой формѣ сообщается мною полезнаго и интереснаго относительно внутренняго быта и матеріальнаго положенія духоборческой секты, живо и наглядно описываются ихъ несложные обряды, что свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ съ ними автора. Съ особою подробностью авторъ останавливается на описаніи природы флоры и фауны той мѣстности, въ которой обитаютъ сектанты, такъ что перечислилъ даже всевозможныхъ козьяковъ, мушекъ, таракашекъ, не забывъ цѣнъ на яйца, муку, хрѣнъ и т. д. (стр. 12—14).

Наоборотъ, раскрытіе внутренней стороны религіознаго духа и жизни духоборцевъ, отношенія къ Церкви православной и окружающему населенію оставляютъ желать большей полноты. Такъ, говоря о народномъ образованіи, авторъ только бѣгло замѣчаетъ, что „образованіе прививается весьма туго, не смотря на всѣ старанія дирекціи“ (стр. 9, гл. IX).

Что за причина этого печальнаго явленія,—авторъ не объясняетъ, а между тѣмъ важно,—почему существуетъ у духоборовъ непреодолимое предубѣжденіе противъ грамоты и „книжности“. Еще первые вожди секты, потопивъ Библию въ рѣкѣ, какъ „хлопотницу“, запретили обученіе книжное.

Въ главѣ „Краткая исторія духоборовъ“ приводится довольно интересная подробность о Василии Колмыковѣ, что онъ былъ сыномъ организатора секты Савелія Капустина. Но авторъ умалчиваетъ, откуда раздобыта имъ эта подробность (стр. 28).

Въ общемъ какъ первый опытъ этнографическаго описанія нашихъ сектъ, столь мало извѣстныхъ читающему свѣтскому обществу, трудъ о. Джаши нельзя не привѣтствовать. Желательно, чтобы побольше появлялось въ нашей литературѣ трудовъ на такую тему: иначе расколъ и секты все будутъ представляться нашему обществу въ дымкѣ обманчиваго, а не дѣйствительнаго цвѣта. Читается брошюра о. Джаши легко и съ интересомъ, слогъ чистый, сжатый, изданіе тщательное.

Свящ. Е. Зубаревъ. О «символическомъ значеніи креста и крестнаго знаменія (къ полемикѣ со старообрядцами, раскольниками») in 8^о 20 стр.

Имя свящ. Е. Зубарева, неоднократно появлявшееся на страницахъ нашего журнала, извѣстно читателямъ какъ миссіонера практика, опытнаго не только въ устной, но и литературной полемикѣ съ расколомъ.

Такимъ же характеромъ „миссіонерской практичности“ отличается и разбираемая нами брошюра.

Почти ни одной бесѣды не проходитъ, чтобы раскольники не заговорили о перстосложеніи. Это ихъ—конекъ. Пользуясь неясностію, неопредѣленностію и запутанностію этого вопроса, нерѣдко ловкіе — начетчики своими софистическими уловками ставятъ въ затруднительное положеніе даже и опытныхъ миссіонеровъ. Существующая по этому вопросу литература не всегда рѣшаетъ, а иногда запутываетъ его.

Трудно разобраться въ различныхъ мнѣніяхъ, особенно молодому, начинающему миссіонеру. Да не каждый имѣетъ возможность познакомиться съ ними.

Обширная начитанность и долготѣлная практика о. Е. Зубарева, обнаруженная въ означенной статьѣ, оказываютъ миссіи несомнѣнную услугу въ данномъ вопросѣ.

Въ брошюрѣ свои мысли авторъ подтверждаетъ массою весьма мѣткихъ доказательствъ изъ свящ. Пис., изъ твореній св. отцевъ и церковныхъ пѣснопѣній. Кромѣ того онъ касается всѣхъ существующихъ въ полемической литературѣ взглядовъ на перстосложеніе, устанавливаетъ на нихъ правильную точку зрѣнія и даетъ, такимъ образомъ, орудіе съ успѣхомъ изобличать хитро-сплетенныя сѣти начетчиковъ.

Я. Ж.

Поступили въ Редацію для отзывовъ новыя изданія:

1. Общедоступное объясненіе первыхъ семи посланій святаго апостола Павла. Составилъ Еп. Никаноръ. Спб. 1901 г.
2. Нѣсколько матеріаловъ для исторіи алтайской миссіи и участія въ ея дѣлахъ Н. И. Ильмининаго. П. В. Знаменскій. Казань. 1901 г.
3. Въ области Церковнаго устава. Мысли о необходимости и способахъ возвышенія благочинія при богослуженіи. Ч. I и II-я. А. Кычигинъ. Спб. 1901 г.
4. Жизнь и царствованіе Императора Александра III (1881—1894 гг.). Свящ. К. Корольковъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 р. 25 коп. Кіевъ. 1901 г.
5. Старо-католическое и христіано-католическое богослуженіе и его отношеніе къ римско-католическому богослуженію и вѣроученію. А. Булгакова. Цѣна 2 р. 20 к. Кіевъ. 1901 г.
6. Педагогическіе курсы для учителей церковныхъ школъ Харьковской и Сухумской епархіи въ г. Харьковъ въ 1901 г. В. Ѳ. Давыденко. Харьковъ. 1901 г.
7. Чудотворный образъ Козельщанской Божіей Матери. Свящ. Сарационъ Брояковский. Цѣна 15 коп. Кіевъ. 1901 г.
8. Нищѣ духомъ (объясненіе первой заповѣди блаженства) Мірянинъ. Цѣна 10 коп. Спб. 1901 г.
9. О св. Троицѣ. Три бесѣды съ жидовствующими или субботниками. Свящ. Ілія Бутовичъ. Цѣна 25. к. Александровское, Ставропольской губ.
10. Страшитесь отступленій отъ вѣры, какъ начала всѣхъ золъ. (Противъ ученія гр. Л. Н. Толстого). Влад. Макушевъ. Цѣна 10 к. Изд. 2-е. Спб. 1901 г.

Къ празднику Рождества Христова.

Одобренное разн. министерствами, вѣдомствами, учрежденіями и въ многочислен. отзывахъ печати изданіе И. В. Преображенскаго. „Праздникъ Рождества Христова“. (Изд. 5-е съ рисунками).

Р. Пал. „Лучшаго рождественскаго подарка для дѣтей мы не знаемъ“ (№ 46-й 1898 г.).

Т. Е. В. „Лучшаго подарка къ празднику Рождества Христова дѣтямъ въ русск. семьѣ и начальн. школѣ нельзя найти, какъ эта книга“.

„Н. Образ.“ и „М. Обзор.“. Статьи и сборники „подобраны весьма хорошо и цѣлесообразно. Онѣ исполнены глубокаго, трогательнаго за сердце содержанія. Книга снабжена прекрасной обложкой, издана изящно, на хорошей бумагѣ, четко напечатана и снабжена хорошими рисунками“ (м. ноябрь 1898 г.).

Цѣна книги въ издѣл. и прочн. переплетѣ 50 к. (на веленовой бумагѣ—65 к.). Для низш. школъ при выпискѣ отъ издателя: СПБ. Звенигородская 12—цѣна 35 к. безъ перес.

Миссіонерскій Вѣстникъ.

Письмо въ редакцію ¹⁾.

О миссіонерскихъ Казанскихъ курсахъ.

Г. Редакторъ!

Въ іюньскомъ № „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ напечатана замѣтка о Казанскихъ миссіонерскихъ курсахъ; какъ близко стоящій къ этимъ курсамъ и имѣющій возможность близко ихъ наблюдать и вникнуть въ ихъ жизнь, я привѣтствую названную статью вашего журнала, какъ попытку неоконченное въ уставѣ курсовъ исправить. Собственно говоря, подлежащаго исправленію въ этомъ уставѣ очень много,—и лишь счастливыя случайности могутъ значительно сгладить эти недосмотры въ немъ,—я же позволю себѣ остановиться только на одномъ изъ вопросовъ затронутыхъ вашимъ журналомъ,—именно о возможности открытія при Казанскихъ курсахъ расколо-сектантскаго отдѣленія. „Миссіонерское Обзорѣніе“ предлагаетъ или 1) организовать группу расколо-сектовѣдѣнія, или 2) обличеніе того и другого сдѣлать общеобязательнымъ предметомъ для нынѣшняго состава слушателей курсовъ; разборомъ этихъ двухъ проектовъ, дѣйствительно вызываемыхъ жизненною необходимостью,—заняться стоитъ, и это занятіе—весьма современное.

Приходится прежде всего не согласиться съ рецензентомъ вашего журнала о возможности и полезности введенія курса раскола и сектовѣдѣнія въ число общеобязательныхъ предметовъ на курсахъ. Сдѣлать обязательнымъ эти предметы для монгольскаго отдѣленія, съ котораго слушатели

¹⁾ Редакція съ удовольствіемъ даетъ мѣсто настоящему письму. Вопросъ о миссіонерскихъ противораскольническихъ и противосектантскихъ курсахъ такъ теперь назрѣлъ, нужда въ нихъ такъ сильно ощущается, что подробная рѣчь о нихъ весьма желательна. Поэтому хочется надѣяться, что интересующіяся дѣлами внутренней мисіи лица не откажутся освѣтить этотъ вопросъ всестороннѣе. Редакція же съ своей стороны съ охотой дастъ мѣсто на страницахъ своего журнала всякому серьезному разсужденію по этому предмету.

Редакція.

12*

идутъ къ сибирскимъ инородцамъ до Камчатки включительно,—значить только обременить ихъ головы, и безъ того при двухгодичномъ курсѣ обученія обреченныя на усиленную работу. Можно, пожалуй, согласиться, что татарская группа курсистовъ, занимающая мѣста среди населенія смѣшаннаго, не безъ пользы можетъ слушать курсъ расколо-сектоуѣдѣнія, но противъ возможности осуществленія этого проекта рѣшительно говорить дѣйствующій уставъ курсовъ съ двухгодичнымъ обученіемъ и съ такимъ росписаніемъ уроковъ, которое не даетъ ни одного часа для этого курса (такъ какъ преподаватели общіе и на курсахъ, и въ академіи находятся въ постоянной зависимости отъ академическаго росписанія уроковъ). Такимъ образомъ можно признать введеніе общеобязательнаго курса раскола и сектоуѣдѣнія и трудно осуществимымъ, и сомнительнымъ по своей цѣлесообразности.

Второе предложеніе „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ заключается въ томъ, чтобы при курсахъ образовать особую—третью группу расколо-сектоуѣдѣнія. Противъ этого можно услышать, кажется, единственное возраженіе, что въ такомъ случаѣ курсы утратятъ первоначальное назначеніе готовить проповѣдниковъ имени Христова среди иновѣрныхъ. Но съ одной стороны курсы своего прежняго значенія и не потеряютъ отъ появленія новой группы слушателей, а съ другой стороны традиціи курсовъ пока такъ бѣдны нравственнымъ содержаніемъ и пока такъ маловременны, что ими пожертвовать не будетъ ни для кого трудно. За отклоненіемъ этого возраженія противъ открытія третьяго отдѣленія, изучающаго расколъ и противосектантскую полемику, принципиальныхъ возраженій быть не можетъ, какъ нельзя возражать противъ появленія вообще какого бы то ни было учебнаго заведенія, разъ найдутся желающіе въ немъ учиться.—Къ этому, впрочемъ, необходимо сдѣлать еще существенное дополненіе; открытіе курса сектоуѣдѣнія должно повлечь за собою усиленіе преподаванія свящ. Писанія съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ и по преимуществу въ нравственно-гомилетическомъ направленіи, такъ мало извѣстномъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ то же время такъ полезномъ для священника. Кромѣ того, при изученіи противосектантской полемики и обличенія рационалистическихъ сектъ слушатели курсовъ будутъ въ состояніи получать довольно обширныя свѣдѣнія по нравственной психологіи, научатся освѣщать жизнь съ христіанской точки зрѣнія, необходимо должны будутъ усвоить нравственный смыслъ и значеніе всякаго христіанскаго догмата и обряда и превосходить ихъ предъ иновѣрными. Эти познанія будутъ въ самой обильной степени восполнять преподаваемую нынѣ на курсахъ при двухнедѣльныхъ урокахъ богословскую «энци-

жлопедію», т. е. катихизисъ митрополита Филарета и учебникъ нравственнаго богословія Покровскаго,—и это будетъ весьма важно и для слушателей двухъ другихъ отдѣленій курсовъ, давая имъ возможность восполнить чрезъ соприкосновеніе съ товарищами ихъ богословскія познанія. —Еще одна сторона разсматриваемаго проекта можетъ оказать самое благотворное вліяніе на Казанскіе миссіонерскіе курсы; на противосектантскомъ отдѣленіи преподавателями необходимо пригласить хотя бы двухъ человѣкъ, практически знакомыхъ съ сектантствомъ и, значитъ, одушевленныхъ проповѣдниковъ съ церковной кафедры, людей, имѣющихъ каноническое право носить стихарь и умѣющихъ его носить. Это восполнить огромный пробѣлъ въ настоящей жизни курсовъ и сдѣлаетъ миссіонерскіе курсы не лишенными проповѣди, которую сейчасъ приходится поддерживать съ большимъ трудомъ (и не всегда удовлетворительно),—такъ сказать, административнымъ порядкомъ. —Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ признать, что открытіе противосектантскаго отдѣленія при Казанскихъ курсахъ можетъ быть и для нихъ самихъ только полезно. Что касается курса расколовѣднія, то и этотъ курсъ можетъ оказать услугу двумъ другимъ группамъ курсистовъ, давъ имъ возможность познакомиться съ расколомъ, хотя бы библиографически.

Итакъ, на предложенный „Миссіонерскимъ Обзорѣніемъ“ запросъ, могутъ ли быть какія-либо серьезныя препятствія къ тому, чтобы Казанскіе курсы пріютили противосектантское отдѣленіе въ своихъ стѣнахъ, мы категорически отвѣчаемъ: принципиально препятствій къ открытію этого отдѣленія курсовъ нѣтъ и быть не можетъ...

Однако для практическаго разрѣшенія поставленнаго вопроса препятствія имѣются—въ видѣ полнаго отсутствія помѣщенія для него и неимѣнія средствъ ни у курсовъ, ни у Спасо-Преображенскаго монастыря, въ г. Казани, гдѣ они помѣщаются.

Въ виду этого позволимъ себѣ задать, съ своей стороны, вопросъ, неужели нельзя отыскать для курсовъ двухъ-трехъ проповѣдниковъ-преподавателей для будущаго (можно надѣяться) третьяго противо-расколосектантскаго отдѣленія и достаточно средствъ для помѣщенія этого отдѣленія?

Наблюдатель
Архимандритъ Андрей.

Намъ пишутъ:

Изъ Кіева (о *мѣстной штундѣ*). Въ Кіевѣ, на Бульонской ул., у насъ каждое воскресеніе происходятъ собранія, и полиція въ виду оправданія Сенатомъ штундистовъ давно махнула рукою на недозволенные закономъ сборища. Кіевская штунда обогатилась новымъ членомъ,—въ ихъ ряды вступила „полковница“ К-кая—личность, извѣстная въ Кіевѣ, какъ устроительница и организаторша дѣтскихъ садовъ. Въ этой роли она продолжаетъ оставаться и понынѣ. Можно представить себѣ, въ какомъ духѣ получаютъ воспитаніе ея питомцы! Въ настоящее время кіевскіе штундисты поставили своею цѣлью—объединить подъ своимъ главенствомъ всѣхъ штундистовъ Кіевской губерніи. Лучшимъ средствомъ для этого служить бесплатное или же за малую плату веденіе дѣлъ штундистовъ, преслѣдуемыхъ за устройство молитвенныхъ собраній. Въ этихъ случаяхъ изъ Кіева командировается во всѣмѣста штундистъ Ив. К-ревъ, бывший сельскій писарь, который и выступаетъ въ качествѣ повѣреннаго и адвоката „баптыстическаго“. Если дѣло онъ проиграетъ, что въ камерахъ мировыхъ судей и сѣздахъ съ нимъ случается всегда, если судъ происходитъ при участіи эксперта, то немедленно при участіи извѣстныхъ здѣсь защитниковъ сектантовъ и адвокатовъ дѣло переносится въ Сенатъ, который ихъ всегда оправдываетъ. Т. о. въ умахъ всѣхъ штундистовъ вселяется мысль о необходимости и благотворности союза съ Кіевскими штундистами, которые-де могутъ спасти отъ всякой бѣды. Лѣтомъ съ „аблакатомъ“ К-мъ приключилась было бѣда: его отлучили сектанты отъ своей церкви. Причиною такой крайней мѣры по отношенію къ нему послужило, какъ говорятъ среди сектантовъ, то, что К-ревъ не могъ отсчитаться въ значительной суммѣ братскихъ денегъ, а также занялся „штундо-брачными союзами“, приведшими къ довольно печальнымъ результатамъ. Желая сдѣлать штундизмъ еще болѣе привлекательнымъ въ глазахъ простонародья и тѣмъ увеличить число послѣдователей его, онъ поступавшимъ въ секту братьямъ или сестрамъ подыскивалъ пару и самъ вѣнчалъ ихъ по штундовому обряду, не стѣняясь даже тѣмъ, если кто изъ нихъ имѣлъ уже законныхъ женъ и мужей еще въ живыхъ. Благодаря этому, многіе плотники, штукатуры и т. п. пришлый народъ, сучая безъ женъ, оставшихся на родинѣ, поженились въ Кіевѣ при благосклонномъ участіи К-рева, но потомъ снова возвращались къ прежнимъ законнымъ женамъ, а благопріобрѣтенныхъ въ Кіевѣ въ штундѣ бросали и, конечно, съ прибылью въ видѣ 3—4-хъ душъ дѣтей. Оставшіеся „при пиковомъ интересѣ“ соломенные вдовы не только побили фізіономію „пре-

свитера“, но и принесли жалобу въ „церковь“, которая и отлучила своего доморощенного юриста, но не надолго, ибо адвокатъ всегда нуженъ штундѣ, сдѣлавшейся нынѣ клязною.

Изъ Ахтырки, Харьк. губ. (*Сообщеніе миссіонера въ военномъ собраніи*). Въ первой половинѣ ноября наше малороссійское захолустье посѣтилъ миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, пользующійся широкою извѣстностью замѣчательнаго оратора и знатока своего дѣла.

Узнавъ отъ своего военного священника о пребываніи почтеннаго дѣятеля миссіи въ Ахтыркѣ, мѣстная полковая семья чрезъ полкового командира пригласила г. Боголюбова сдѣлать сообщеніе въ военномъ собраніи о модномъ и у насъ *толстовствѣ*. Миссіонеръ радостно откликнулся на полковой призывъ и сдѣлать хотя и экспромптное, но полное живого интереса сообщеніе, ясно доказавъ, что Толстой, какъ религіозный мыслитель,—совсѣмъ не христіанинъ, и Церковь законно и резонно отлучила его отъ общенія, а какъ философъ—непослѣдователенъ, неясенъ и страдаетъ очевидными крайностями сужденій. Называя разбойниками христіолюбивыхъ воиновъ, которые геройски умирали на бастіонахъ Севастополя, защищая отчизну, которые гибли на высотахъ Шипки за страждущихъ славянъ,—Толстой не понимаетъ христіанскаго подвига любви, какъ самоотверженія, и проповѣдуетъ обидную неправду... Сообщеніе было выслушано съ большимъ вниманіемъ. Послѣ перерыва, по просьбѣ командира полка, миссіонеръ сдѣлалъ не менѣе интересное сообщеніе *о штундѣ*.

Отрадно, что интересъ къ вопросамъ и дѣятелямъ миссіи начинаетъ проникать въ новыя для насъ сферы. Явленіе это составляетъ новый шагъ въ дѣлѣ расширенія внутренней миссіей предѣловъ своего служенія Церкви Божіей. Популяризація дѣла миссіи среди просвѣщенныхъ, преданныхъ Церкви слоевъ культурнаго общества и союзъ съ нами слишкомъ важенъ для миссіонерскихъ успѣховъ.

Изъ Витебска. (*Еще о витебскомъ расколѣ*). Надняхъ пришлось мнѣ прочесть въ „Полоцкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за текущій годъ (№№ 12—14) статью о состоявшемся въ городѣ Витебскѣ миссіонерскомъ съѣздѣ, въ началѣ юня мѣсяца, и рѣчь преподавателя духовной семинаріи г-на В. Бѣляева, произнесенную при открытіи этого съѣзда.

Въ этой рѣчи, между прочимъ, говорится: „Къ числу такихъ мѣстъ (гдѣ расколъ „является почти не тронутымъ и въ самомъ дикомъ состояніи“), между прочимъ, отнесенъ однимъ слишкомъ откровеннымъ (?) витебскимъ корреспондентомъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, хотя, къ счастью, совершенно ошибочно (?) и по недоразумѣнію (?), и нашъ бо-

гохранимый (?) городъ съ его расколомъ“ (!) „Мы не можемъ допустить, говорится въ подстрочномъ примѣчаніи, чтобы корреспондентъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ ничего не слышалъ о дѣятельности приснопамятнаго Ив. Тар. Никифоровскаго, преподавателя мѣстной семинаріи (1893—1895 г.)“ (Полоц. Епарх. Вѣдом. № 12 стр. 630).

Это, какъ извѣстно, сказано г-мъ В. Бѣляевымъ по поводу корреспонденціи о витебскомъ расколѣ, напечатанной въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“, въ январьской книжкѣ сего года, стр. 131.

Какъ бывший старообрядецъ, нынѣ же сынъ св. Церкви Христовой, уроженецъ Полоцкой епархіи, и житель гор. Витебска, я позволю себѣ заступиться за корреспондента „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, то-есть собственно за вѣрность его сообщенія о витебскомъ расколѣ; въ прочихъ же обвиненіяхъ, если найдетъ нужнымъ, пусть онъ оправдывается самъ.

Расколъ въ городѣ Витебскѣ дѣйствительно находится въ первобытномъ состояніи закоснѣнія; никакого ослабленія его, насколько я могу запомнить по времени, не послѣдовало даже и отъ двухгодичной дѣятельности противъ него приснопамятнаго Ив. Тар. Никифоровскаго (то-есть отъ веденныхъ имъ бесѣдъ, въ теченіе двухъ великихъ постовъ въ духовной семинаріи).

Раскольники, къ несчастью, остаются здѣсь фанатичными врагами православія въ полномъ смыслѣ этого слова, за исключеніемъ поповцевъ, управляемыхъ уставщиками, болѣе индифферентно относящихся въ своей вѣрѣ (о существованіи послѣднихъ представители епархіальной миссіи узнали, кажется, изъ сообщеній откровеннаго корреспондента „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, отождествляя ихъ прежде съ безпоповцами-еодосѣвцами).

Причиной устойчивости раскола служить, между прочимъ, и исключительное здѣсь положеніе раскольниковъ какъ великоруссовъ среди коренныхъ бѣлоруссовъ, и особенно отъ вселенскаго православія, оставшіеся отъ уніатовъ обряды послѣднихъ, въ видѣ, напримѣръ, обливательнаго крещенія и т. п.

Когда, бывши раскольниковъ-еодосѣвцемъ, я сталъ сомнѣваться въ расколѣ и начать было эти свои сомнѣнія о расколѣ и разсмотрѣнія о св. Грекороссійской Церкви излагать предъ своими родными и знакомыми, раскольники почли меня „рехнувшимся ума“. При твердости моихъ убѣжденій мнѣ не разъ приходилось слышать: „если бы ты былъ мой сынъ, и я бы, услышавъ отъ тебя такіа рѣчи (что Церковь Грекороссійская есть святая), я бы не усумнился убить тебя“. Многіе предлагали моему родителю, особенно махихъ, извести меня со свѣта, нежели допустить присо-

единиться къ Церкви „ніконіанской“, что значить „анти-христовой“. И я не избѣжалъ бы этого, еслибы не существовало для всѣхъ насъ, ищущихъ истины, извѣстнаго Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря...

По присоединеніи, родители лишили меня всего своего состоянія и, что особенно достойно сожалѣнія, сожгли всю мою бібліотеку, собранную мною великими трудами, въ которой заключалось до пятисотъ томовъ духовной литературы... Но довольно о своей личности (однако, чтобы не подумалъ кто: „что же съ нимъ стало далѣе?“—считаю нужнымъ сообщить, что въ настоящее время я служу вѣрой и правдой Государю и Отечеству, будучи взятъ по жребію)...

А вотъ недавно же зашли мы въ Витебскъ съ однимъ священникомъ въ одну извѣстную едосѣвскую (не „Богомъ“, а къмъ-то другимъ „хранимую“) моленную. Священникъ началъ разговоръ о Церкви съ сыномъ и снохою наставника съ того, что старообрядцы и сами высказываютъ предъ Богомъ свою вѣру въ Церковь, только—дѣйствительно ли и сердечно?

Сынъ наставника молчалъ, звѣрски поглядывая на насъ, а говорила только его жена. Послышалось обычное для старообрядцевъ слово: „кто прибавить или убавить, тотъ проклятъ, а вы все измѣнили“... Священникъ взялъ наставническій рукописный потребникъ, а я—потребникъ патріаршій. Сличили чинъ крещенія, оказалось, что всѣ ектеніи и священническія молитвы въ наставническомъ потребникѣ—произвольныя прибавки въ видѣ такихъ: „не называлъ ли еретикъ (ніконіанина) христіаниномъ; не брилъ ли еси по еретическому обычаю браны“ и т. п. По указаніи на эти прибавленія и убавленія неизвѣстная рука съ кровати, задернутой пологомъ, поспѣшила взять съ полки остальные книги. То былъ спрятавшійся въ кровати самъ наставникъ. Сноха его подняла крикъ, а сынъ, оставилъ свою закуску (мы застали ихъ за завтракомъ)—лукъ и огурцы,—до того страшно началъ сверкать глазами и переминыться съ мѣста на мѣсто, что мы поспѣшили ретироваться...

Слѣдовательно, ошибся не „слишкомъ откровенный корреспондентъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, описавшій въ настоящемъ свѣтѣ положеніе витебскихъ раскольниковъ, а самъ г-нъ В. Бѣляевъ, очевидно практически не знающій раскола и, въ частности, раскола въ гор. Витебскѣ. А его укоризненные слова по адресу корреспондента отзываются молодостью вообще и, какъ кому-то писалъ Н. И. Ивановскій,—„игра въ руку раскольниковъ“.

Артемій Скородихинъ.

Изъ Казани. (*Полезная въ мисіонерскомъ отношеніи школа*).
Недавно было совершено высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, архіеп. Казанскимъ, освященіе ц. приходской школы въ с. Тенишевѣ, Казанской еп. Устройство этой школы важно въ мисіонерскомъ отношеніи. С. Тенишево возникло недавно. Прежде оно принадлежало къ знаменитому въ историческомъ отношеніи селу Болгарамъ, древней столицѣ когда-то бывшаго на Волгѣ Болгарскаго царства. Благодаря малонаселенности этой мѣстности, здѣсь вокругъ села Болгаръ издавна стали селиться бѣглые крѣпостные, а также раскольники и сектанты, которые образовали большія (70—100 дворовъ) деревни Шелкодыровку (Спасскій Затонъ) и др. поселенія. Православный храмъ с. Болгаръ находился далеко, въ 7 верстахъ, а при весеннихъ, иногда и осеннихъ разливахъ Волги для православныхъ этой мѣстности онъ совершенно былъ недоступенъ. Приходилось ходить въ раскольничьи моленныя, гдѣ и происходило совращеніе православныхъ въ расколъ, искусно разставившій свои сѣти. Такъ было до 1890 г., когда православные Тенишевцы начали думать объ устройствѣ своего храма. Но не было средствъ. Неожиданно для нихъ явилась помощь Божія рукою жертвователя члена Попечительнаго Совѣта Принца Ольденбургскаго Спб. купца А. Л. Вѣкшина, построившаго за 11 лѣтъ до 1901 г. въ Казанской епарх. свыше 50 деревянныхъ храмовъ ¹⁾. Въ теченіе лѣта храмъ уже былъ выстроенъ и освященъ. Но на этомъ А. Л. не остановился. Сознывая, что расколъ, главнымъ образомъ, плодъ тьмы, незнанія и невѣжества, А. Л. рѣшилъ устроить и школу. Въ построеніи какъ ея, такъ и храма близкое участіе принималъ проф. Н. И. Ивановскій, неоднократно производившій здѣсь собесѣдованія съ раскольниками. Къ 1901 г. это дѣло осуществилось. Выстроена великолѣпная школа, снабженная разнаго рода пособиями: прекрасною бібліотекою, волшебнымъ фонаремъ, фисгармоніей и др. Стоимость зданія школы простирается до 6000 р., храмъ обошелся въ 17000 р. со всѣми принадлежностями для него. Да, еслибы побольше такихъ дѣятелей на пользу православія и миссіи, то уменьшалась бы и тьма раскола и сектантства. Въ настоящее время въ школѣ уже заведены по праздникамъ чтенія и собесѣдованія въ присутствіи не только учениковъ, но и взрослого населенія, а съ организаціей мисіонерской бібліотечки будутъ вестись и мисіонерскія бесѣды.

Свящ. М. Лисинъ.

¹⁾ О дѣятельности А. Л. на пользу Церкви Божіей и православной вѣры кстати еще замѣтить, что имъ же выстроено до 20 храмовъ въ глухихъ мѣстахъ раскольничьихъ и др. сектантскихъ гнѣздахъ, въ епархіяхъ—Олонекской, Симбирской, Нижегородской и Енисейской (въ Сибири). Помогаютъ ему и добрые жертвователи, которыхъ онъ умѣетъ находить. За свою дѣятельность А. Л. Вѣкшинъ имѣетъ свыше 70 благодарственныхъ грамотъ и благословеній архипастырскихъ.

Изъ Балу и Новгорода. (По телеграфу на имя редактора В. М. Сквирицова). Собравшееся на первый благотворительскій миссіонерскій съѣздъ духовенство Бакинской губерніи долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать предъ вами, какъ первомъ выразителѣ идеи объ открытіи въ грузинскомъ экзархатѣ епархіальной миссіи, чувство своей глубокой признательности и уваженія.

Протоіерей Юницкій, миссіонеръ Обтеперанскій, священникъ Габараевъ и др.

Новгородскій миссіонерскій съѣздъ благодаритъ борца за православіе и друга миссіи, Василія Михайловича, за пріѣхавшее съ началомъ занятій и вмѣстѣ выражаетъ сожалѣніе, что пространство и время лишили съѣздъ испытаннаго руководителя.

За предсѣдателя съѣзда, помощникъ его, ректоръ семинаріи архимандритъ Димитрій.

Еще о нынѣшнемъ положеніи духоборовъ въ Канадѣ. Фанатики-эмигранты толстовства продолжаютъ свою пропаганду среди крестьянскаго населенія на югѣ Россіи, подговаривая несчастныхъ, ничего не смыслящихъ—къ переселенію въ безпріютныя чужбины. Американскій корреспондентъ „Моск. Вѣд.“ изъ Канады пишетъ въ концѣ октября:

„Вчера пріѣхали сюда, съ женами и дѣтьми, два крестьянскія семейства изъ Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи. Они пріѣхали изъ Россіи еще весной и прожили лѣто между духоборами въ Канадѣ, откуда и добрались сюда. Одинъ изъ мужиковъ, очень толковый и смѣтливый, очевидно, видавшій виды, говоритъ, что въ теченіе прошлаго лѣта свыше 30 русскихъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи добрались до Канады, вызванные туда, какъ и онъ съ его товарищемъ, агитаціей русскихъ покровителей духоборовъ и прямымъ обманомъ относительно привольности и удобствъ тамошнихъ жизненныхъ условій. Онъ говоритъ, что между духоборами и теперь прямой голодъ, что ничего не уродилось, что смертность и болѣзненность между ними большія, что работы не было все лѣто, и что, такъ какъ у него съ товарищами остались деньги на проѣздъ сюда, они пріѣхали, чтобы не проѣсть ихъ тамъ безнадежно и заблаговременно избѣжать голодной смерти, такъ какъ они убѣдились, что разсчитывать на земледѣліе или постоянную работу въ тамошнихъ мѣстахъ совершенно невозможно. Говорятъ, что за ними ѣдутъ еще 4 семьи, у которыхъ остались деньги на проѣздъ. Передъ отъѣздомъ сюда они бесѣдовали съ ходоками молоканъ, все еще живущихъ въ Виннипегѣ, и тѣ сказали имъ, что и они забраковали Канаду окончательно, и ѣдутъ въ Калифорнію, и ждутъ только писемъ и денегъ изъ Россіи.

Ген. Драгомировъ о толстовской проповѣди „непротивленія злу“.
Толстовская проповѣдь „непротивленія злу“ вызвала вопросъ о значеніи воинскаго сословія въ государствѣ, дающаго возможность противиться злему и защищать себя. Генераль М. И. Драгомировъ, уже ранѣе вступившій въ споръ съ Толстымъ по поводу „Войны и мира“, теперь въ „Рус. Обзор.“ даетъ краткій отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

„Не оригиналенъ я“,—говоритъ ген. Драгомировъ,—„и всю жизнь пробавлялся крохами отъ стола богатыхъ. Такъ и теперь: дерзаю напомнить отцамъ и братіямъ великую заповѣдь изъ маленькой Великой Книги: „Больши сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Въ этомъ смыслъ, въ этомъ и сила воинскаго организма для великаго организма государственнаго.

Народъ выдѣляетъ изъ себя войско для своего самосохраненія, требуя отъ выдѣляемыхъ безграничнаго самоотверженія не только до смерти, но до такихъ лишеній, которыми жидкіе люди иногда даже самую смерть предпочитаютъ... Могутъ проповѣдывать непротивленіе злу; но Тотъ, Кто погналъ вервиемъ торгашей изъ храма, противлялся ли Онъ въ то время злу, или не противлялся?.. И потому мысль—хороша, но недомыслие огорчительно; красиво, конечно, попасть въ ересіархи, но еще любезнѣе, хотъ и не привлекательнѣй тянуть въ невидномъ жребіи свою ноту въ стройномъ хорѣ духовно-народной жизни.

Грубая сила!

А кто вытянулъ Русь изъ самозванческаго провала?—Грубая сила. А кто отстоялъ ее отъ наскока такого наѣзника, какъ Наполеонъ?—Та же грубая сила. Вотъ вы послѣ этого и брезгайте грубой силой!

Жизнь не терпитъ никакихъ одностороннихъ нормъ: у нея нѣтъ „или то, или другое“; у нея всегда и то и другое.

Не даромъ сказано тамъ же: „Въ дому Отца Моего обители многи суть“.

Съ развитіемъ общественности, сила права не уничтожаетъ права силы, а только переводитъ его въ скрытое состояніе: за судьбою стоитъ полицейскій, за полицейскимъ солдаты...

И идетъ человѣкъ на тяжелую работу, Богъ знаетъ съ кѣмъ, Богъ знаетъ какую, Богъ знаетъ гдѣ, и выносить все это даромъ... за родину! Можетъ онъ ждать за это награды? Нѣтъ, ибо „защита отечества лежитъ на обязанности каждаго гражданина“, т. е. значить, казачье положеніе и все тебѣ тутъ.

Слѣдовательно, доведи самоотверженіе не только до смерти (это что!), но до неустанной нужды, лишеній, стѣсненій даже въ мирѣ, не говоря уже о войнѣ“.

Со скрижалей сердца.

Написано не чернилами, но
на скрижаляхъ сердца плотяныхъ
(1 Кор. 3. 3).

По поводу откровеннаго письма и условий, предъявляемыхъ свѣтскими людьми
къ мисіи Церкви.—Религіозно-философскія собранія.—Гдѣ проф. Ивановскій
нашелъ антихриста?—Отвѣтъ на газетныя навѣты.

Мы посвящаемъ послѣднія страницы послѣдней въ этомъ
истекающемъ году книжки нашего журнала вопросу о мис-
сіи среди интеллигенціи,—вопросу, которому хотѣлось бы въ
новомъ году отвести *передовое* мѣсто не только на *скрижаляхъ*
сердца, но и вообще на страницахъ „Мисс. Обзор.“ И чув-
ствуется намъ, что *это нововведеніе* будетъ по *сердцу* всѣмъ
нашимъ читателямъ, особенно же приходскимъ пастырямъ.
ибо вѣдь самая *огромная* (по численности и по антицерков-
ному настроенію и вліянію) *секта* на Руси святой—это та
часть російской интеллигенціи, которая только по *метрику*
православная, а во всемъ прочемъ интеллигенты этого ла-
герья мыслятъ, живутъ и дѣйствуютъ *вне Церкви*, не какъ
ея дѣти, а какъ непримиримые враги.

Вопросъ о миссіи среди интеллигенціи настолько назрѣ-
лый и животрепещущій, что откладывать его разрѣшеніе и
обсужденіе—это значитъ остаться въ положеніи глухонѣ-
мыхъ... Мы вѣримъ, что дѣло это должно создать въ исторіи
самой нашей миссіи новый поворотный путь въ ту сторону
враждебнаго для Церкви стана, на который миссія доселѣ
закрывала глаза, не предусматривая ни его силы, ни значе-
нія въ церковно-общественной жизни Россіи. И нужно
правду сказать, дѣйствующая миссія наша, будучи искони
только *народною*, часто гоняется за сектантской мухой съ
тяжеловѣснымъ обухомъ и не примѣчаетъ слона... А слонъ
сей ростъ и силился, пока не выявился, какъ „нѣкое чудище“,
въ послѣдней антицерковной, противохристіанской толстов-
ской эпопее...

Но ранѣе чѣмъ начать работу въ этомъ направленіи, необходимо прежде всего уяснить, на какихъ условіяхъ возможно *возсоединеніе* (дѣйствительное и искреннее) этой части интеллигенціи съ Церковью, какими путями можетъ войти эта противоустрашающаяся сила въ *дѣятельный, живой союзъ* истинно христіанскаго міраилюбви съ Церковью Божіей, „аже есть столпъ и утвержденіе истины“? На самомъ дѣлѣ, внимательно ли рассмотрѣли мы ту зіяющую пропасть, которою отдѣлена отъ людей вѣры отколовшаяся отъ Церкви интеллигенція, знаемъ ли мы тѣ трудности, которыя нужно преодолевать миссіи Церкви въ этой подлежащей ей дѣятельности среди культурныхъ сферъ? Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что „пока не будутъ поняты эти трудности, онѣ непреодолимы“. Да, здѣсь нужно многое *взаимно, честно и чистосердечно* понять, взвѣсить и опредѣлить: служителямъ Церкви и дѣятелямъ миссіи нужно понять, въ чемъ коренится главнѣйшая причина раздора съ Церковью и отщепенства отъ нея интеллигенціи, какая и въ какой мѣрѣ тутъ вина пастырей и учителей Церкви. Съ своей стороны, *интеллигенція*, ищущая Бога, должна вникнуть, какая причина отчужденности нашего духовенства отъ нея и отъ той общественной жизни, гдѣ дѣйствуетъ интеллигенція,—той робости мысли слова и дѣла, благодаря которой обвиняютъ, и справедливо, пастырство въ утратѣ овецъ Церкви изъ свѣтскаго культурнаго общества, того недовѣрія, предубѣжденности, подозрительности, — скажемъ больше, — нерѣдко и ожесточенія противъ интеллигентнаго, противоцерковнаго лагеря, какими въ большинствѣ заявляетъ себя *наше* пастырство.

Отцы и братія, вникнемъ безпристрастно, отнесемся похристіански къ выясненію краеугольнаго для миссіи вопроса: виновата ли *сама по себѣ* въ своихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ противъ вѣры и Церкви и всего, что на Руси живетъ въ неразрывномъ союзѣ съ Церковью, — наша суеумудрствующая интеллигенція, когда едва ли не вся вѣдь наша руссiйская наука и образованность давно *атеистичны и безбожны*, когда воспитаніе наше, — и школьное и общественное, — идетъ безъ внѣшней и внутренней дисциплины ума и сердца, среди лжи, лести и неправды, съ поправіемъ всякихъ авторитетовъ! Когда вся руссiйская культура строилась

и зиждется не на камнѣ вѣры христіанской, а на пѣнистомъ хребтѣ волнъ западнаго прогресса, давно потопившаго доброе христіанское имя тамошнихъ государствъ; когда среди нашей интеллигенціи старыя, *исконныя* завѣты забыты, заброшены, а новыхъ устойчивыхъ принциповъ, преданій и основъ не выработано, какъ и нѣтъ у насъ на Руси и тѣхъ дисциплинированныхъ, самобытныхъ направленій или партій, которыми сильна интеллигенція просвѣщеннаго запада, гдѣ воспитываются характеры и обосновываются господствующія въ странѣ направленія. У насъ есть развѣ только интеллигентные кружки, обыкновенно ютящіеся около того или другаго органа печати, или какого-либо либеральнаго учрежденія, члены которыхъ въ своихъ взглядахъ и принципахъ, обыкновенно—покорные слуги своего „барина“ или кумира времени, причемъ всѣ наши лидеры россійскихъ интеллигентныхъ кружковъ—въ одинаковой мѣрѣ деспоты въ отношеніи свободы мысли, убѣжденій слова людей противоположнаго или несогласнаго съ ними лагеря.—И право, либеральный россійскій деспотизмъ жестче давить, упрямѣе, неумолимѣе ведетъ свою линію насилія надъ свободой мысли людей противнаго лагеря. И что такое на самомъ дѣлѣ наша интеллигенція? Кажется, самыя типическія черты ея—это безрелигіозность, кружковщина, упрямая, смѣлая оппозиція, нетерпимость къ убѣжденіямъ людей противнаго лагеря. Вѣдь вотъ, напр., Гладстонъ, ужъ онъ ли не былъ интеллигентъ, въ самомъ лучшемъ, культурномъ смыслѣ, безсмертный поборникъ свободы и гуманности, а какой онъ великодушный, вѣрующій человекъ, авторъ глубокомысленнаго догматическаго трактата объ искупленіи Христомъ человечества. Почитайте также англійское „Эдинбургское Обзорѣніе“, сто лѣтъ существующее,—какая дисциплина и выдержанность въ принципахъ и въ то же время, какая терпимость къ мнѣніямъ противоположнымъ, свобода и честность въ отношеніи противника. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашей интеллигенціи и ея органахъ.

Да, чтобы понять при какихъ условіяхъ возродились и создались у насъ кадры интеллигенціи, нужно глубоко вдуматься и въ исторію государственнаго строительства русскаго просвѣщенія и культуры. Не надо забывать, что вѣдь Россія цѣлый міръ,—безграничная равнина,—по которой на протяженіи всей ея исторіи по неисповѣдимымъ судьбамъ рыскалъ

„лихой“ человекъ, на ловлю котораго у правительства такъ много тратилось и силы, и времени, и средствъ, которыхъ такъ мало оставалось для внутренняго христіански-просвѣтительнаго устройства „великой земли русской“.

Съ другой стороны, не менѣе важно выяснитъ и вопросъ о томъ, почему православное духовенство чуждо и чуждается интеллигенціи, съ недоувѣріемъ и опасеніемъ относится ко всѣмъ ея, хотя бы и благимъ и полезнымъ, стремленіямъ и дѣяніямъ? Не потому ли, что наше духовенство искони *народно*,—жило одною жизнью съ народомъ и не только внутреннею, духовною, но и внѣшнею и историческою. Съ мужикомъ „попъ“ терпѣливо и смиренно несъ гнетъ крѣпостнаго ига, причемъ на попъ въ то же время тяготѣла еще и желѣзная дисциплина правящей духовной власти той эпохи, нерѣдко вдохновлявшейся въ своей суровости обычаями того же крѣпостнаго права. Освободившись вмѣстѣ съ народомъ, духовенство съ нимъ естественно и обособилось. Несомнѣнный фактъ, что въ пореформенную эпоху къ русской интеллигенціи, народившейся собственно въ эпоху Александра II, и народъ, и духовенство съ первыхъ же шаговъ ея народно-просвѣтительной дѣятельности отнеслись съ предубѣжденіемъ, и это потому, что сама-то интеллигенція сразу же явила себя *чуждою* завѣтамъ православія и народности,—она стала жить и дѣйствовать въ глубокомъ разладѣ съ исконными религіозными и социальными міровоззрѣніями народа, стала въ открытую оппозицію къ церковно-просвѣтительнымъ традиціямъ, въ которыхъ выросъ нашъ народъ. Во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, *вызовъ* къ обособленію исходилъ не со стороны духовенства, по самому характеру свято хранящаго православіе, смиреннаго, неспособнаго ни къ агитаціи, ни къ интригамъ. Духовенство стало лишь въ *оборонительное* положеніе, выродившееся затѣмъ въ безучастное отношеніе ко всему, что составляетъ злобу дня для интеллигенціи.

Чувствуя огромную силу вліянія Церкви и духовенства на народъ, видя въ нихъ главный тормозъ своимъ прогрессивнымъ стремленіямъ, добрымъ по намѣреніямъ и заботамъ о благѣ меньшаго брата, но, повторяемъ, стоящимъ въ разладѣ съ исконными нашими творческими основами, а потому одинаково претящими и народу, и духовенству.

интеллигенція воспитала въ себѣ непримиримую ненависть и выказала явное презрѣніе къ Церкви и духовенству, что такъ ярко выражено въ извѣстномъ афоризмѣ о Церкви графа Л. Н. Толстого, этого во многомъ представителя нашей интеллигенціи. Въ одномъ изъ своихъ трактатовъ гр. Толстой говоритъ, что при словѣ „Церковь“ онъ ничего другаго не можетъ представить, какъ нѣсколько тысячъ невѣжественныхъ, жадныхъ, грязныхъ, косматыхъ людей, — находящихся въ рабской зависимости отъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ же длинноволосыхъ“. А его отвѣтъ Св. Синоду не выражаетъ ли обычнаго взгляда и общаго отношенія къ Церкви и духовенству, и всей нашей интеллигенціи?..

Оставшись въ деревнѣ одинокимъ, съ своими тяжелыми просвѣтительными трудами и сложными пастырскими обязанностями, борясь съ окружающей тьмой и нуждой, естественно, духовенство (и надо сознаться въ своемъ большинствѣ), значительно отстало въ удовлетвореніи духовныхъ запросовъ и требованій и пореформеннаго времени, какъ въ средѣ народной, такъ особенно интеллигентной, оно упустило много безповоротныхъ моментовъ для возвышенія своего пастырскаго авторитета и вліянія и впало въ апатію. Мы знаемъ, что это глубоко *ненормально* и даже трагично, и что такъ не должно быть, но вполнѣ понимаемъ, какъ это все *естественно*... А между тѣмъ дѣло такъ обстоитъ и *до сего дня*.

Но что же? Подаетъ нынѣ руку общенія и единенія наша интеллигенція Церкви, въ лицѣ духовенства и многомилліоннаго народа? Мало замѣтно. Она скорѣе не желаетъ ли перевести на свою сторону набожный, вѣрующій народъ чрезъ мостъ религіознаго сепаратизма, покровительствуя всячески расколу и сектамъ?

Посмотрите на нашу печать: какъ одни органы дѣлаютъ ежедневныя вылазки противъ духовенства, безъ милости и пощады направленные просто къ травлѣ попавшагося подъ перо какого-либо сельскаго полуинтеллигента небрежнаго или студнаго іерея, черня въ лицѣ послѣдняго все духовенство, — приглядитесь, какъ выживаютъ одни только черныя факты и непремѣнно скандализирующаго свойства ¹⁾,

¹⁾ Вотъ, напр., въ сегодняшнемъ № „С.-Пет. Вѣдом.“ (отъ 3 декабря) помѣщенъ своего рода образецъ газетнаго перемыванія на людяхъ

и систематически замалчивается одновременно все, что говорило бы въ пользу духовенства и Церкви; наоборотъ, дру-

гязнаго бѣлья, или вѣрнѣе, либеральнаго доноса на одного изъ іереевъ.

„Изъ с. Шингалъ, Петровскаго уѣзда, „Сар. Дн.“ пишутъ, что урожай нынѣшняго года нельзя признать благоприятнымъ для крестьянъ; нѣкоторые сборы для нихъ очень тяжелы.

Приходскій священникъ о. Викторъ Надеждинъ за требоисправленіе беретъ съ прихожанъ слишкомъ высокую плату. За бракосочетаніе, кромѣ водки, мяса и куръ, беретъ отъ 8 и до 18 р. и больше; за похороны не менѣе 5 р.: за крестины 40 к. и два пирога; за выдачу метрическихъ выписей 5 руб., кромѣ гербоваго сбора. Приведу примѣры. Кр-нъ Никифоръ Юшкинъ за крестины хотѣлъ дать 35 к. и одинъ пирогъ, но батюшка потребовалъ доплатить 5 коп. Юшкинъ 5 к. доплатилъ, а что касается второго пирога, то просилъ обождать, увѣряя, что больше дома пироговъ печеныхъ нѣтъ, а только пекутся въ печкѣ, да къ тому же и идти ему очень трудно,—нога сильно болѣла. Но батюшка оставался непреклоненъ и тогда только совершилъ крещеніе, когда получилъ требуемое. Лѣтомъ нынѣшняго года кр-ка вдова Акулина Помякшева обратилась съ просьбою къ о. Виктору похоронить умершаго свекра. Батюшка потребовалъ 5 р., а она дала 4 р. 80 коп., увѣряя, что больше нѣтъ, и просила пожалѣть, но о. Викторъ остался при своемъ и приступилъ къ погребенію тогда, когда Акулина чуть ли не со слезами выпросила у своихъ сосѣдей заимообразно 20 коп. и вручила ихъ батюшкѣ. Недѣли три тому назадъ кр-ка Авдотья Чеснокова обратилась къ о. Виктору съ просьбою выдать ей метрику о смерти своей сестры. Батюшка потребовалъ 5 р., но по бѣдности своей она не могла уплатить этой суммы, и батюшка метрики ей не выдалъ.

Въ октябрѣ текущаго года о. Викторъ съ кр-на Ѳедора Бочкарева за предстоящее бракосочетаніе его сына получилъ 13 рублей, двѣ бутылки вина, двѣ курицы и полтушки баранины (около 20 ф.), но потомъ ему вздумалось округлить сумму до 15 руб. Но Аксинья, жена Ѳедора, вступила въ споръ со священникомъ, и батюшка обратилъ разговоръ въ шутку и повѣнчалъ сына Бочкаревыхъ.

Все это, какъ будто похоже на сказку, а на самомъ-то дѣлѣ все это—дѣйствительно существующіе факты, которые могутъ быть доказаны массою свидѣтельскихъ показаній“.

Охотно вѣримъ автору и знаемъ, какъ все это печально, а ново развѣ только лишь для интеллигентовъ „Сар. Дн.“ и „Спб. Вѣдомостей“. Во всей Россіи стонутъ мужикъ и іерей подъ гнетомъ этого торга. Не одинъ о. Викторъ тутъ виноватъ, а вѣковая позорная форма обезпеченія служителей алтаря „поручнымъ даяніемъ“. Вотъ о чемъ надо говорить, а теперь о. Виктора и Богъ, и безпристрастные люди осудятъ, но не строго. Пастырямъ же нынѣ надо покрѣпче памятовать слова апостола—«какко опасно ходимъ, блюдитесь!»..

гіе органы на столбцы свои *тенденціозно* не пускають ни одного ни чернаго, ни свѣтлаго факта, выражая тѣмъ полное отчужденіе свѣтской печати отъ вопросовъ вѣры и интересовъ Церкви.

А вѣдь средній человѣкъ только и дышитъ газетною атмосферою, только и мыслить ея умомъ. Мы отнюдь не противъ гласности и свободы въ обсужденіи въ печати вопросовъ вѣры и Церкви и недостатковъ духовенства, но будьте же, господа журналисты, честны, относитесь съ христіанскимъ безпристрастіемъ и правдой къ добру и злу въ жизни Церкви и духовенства, не возводите сучецъ, подсматрѣнный въ глазу отцовъ духовныхъ въ бревна... Неужели нѣтъ добрыхъ и достойныхъ дѣятелей въ нѣдрахъ современной Церкви; да ихъ больше нынѣ, чѣмъ когда-либо,—есть прямо подвижники долга и добра.

Судя, осуждая и разсуждая о духовенствѣ, вникнемъ и въ положеніе пастырей Церкви и въ окружающія ихъ историческія и современныя условія жизнедѣятельности. Откуда наше духовенство? Изъ одной только духовной касты,—всѣ мы одного, отрѣшеннаго отъ интеллигентной среды, схоластическаго традиціоннаго воспитанія. И наши архипастыри и пастыри Церкви, профессора и воспитатели духовныхъ учебныхъ заведеній, и учась, и служа, часто не знаютъ ни бытовыхъ условій, ни запросовъ жизни высшихъ классовъ, культурныхъ сферъ. Вы, обличители, недовольны дѣятельностью существующаго традиціоннаго нашего духовенства, облегчите же бремя его служенія, принявъ священство, идите въ села и города, покажите среди народной тьмы и большого свѣта примѣръ идеальнаго пастырства, создайте собой новую закваску. Путь открытъ: вѣдь издавна даны были свѣтскимъ людямъ льготы при поступленіи въ наши духовныя академіи и семинаріи. Но много званыхъ, да мало избранныхъ... Едва ли на курсѣ бываетъ одинъ изъ высшаго сословія, изъ крестьянъ же много. Мы не знаемъ ни одного изъ окончившихъ академіи дворянъ въ рядахъ сельскихъ іереевъ или миссіонеровъ, а если кто изъ нихъ попробовалъ вкусить образованія академическаго, тотъ сейчасъ же предъявляетъ и здѣсь свои дворянскія права на привилегированныя мѣста.

Да, читатель, въ вопросѣ о единеніи интеллигенціи съ Церковью много накопилось историческихъ и психологиче-

скихъ наслоеній и недоразумѣній, много нагромодилось камней и образовалось подводныхъ рифовъ на этомъ пути. Миссія Церкви должна знать все это и не для того, чтобы *обойти*, а чтобы благополучно вѣрнымъ ходомъ пройти чрезъ тѣснины, и тогда только можно уповать на тотъ или другой плодъ ея дѣятельности въ этой сферѣ.

Среди такихъ думъ и чувствъ, тяжелымъ камнемъ налегшихъ на сердце, мы получили *второе* письмо все отъ того же корреспондента *инкогнито*, первое письмо котораго было помѣщено нами въ ноябр. кн. „Мисс. Обзорѣнія“. Благородный, искренній тонъ, правдивое, христіанское, вдумчивое отношеніе къ великому вопросу характеризуютъ въ авторѣ человека, сердца котораго Господь уже коснулся... Письмо въ высшей степени важно и поучительно въ томъ отношеніи, что въ немъ чистосердечно предъявлены къ миссіи Церкви условія со стороны жаждущей и ищущей вѣры интеллигенции. Мы охотно и не обинуясь даемъ мѣсто этому заявленію со всѣми его откровенными, иногда и тяжкими для человѣческихъ немощей подробностями. Обращаемъ вниманіе ваше, читатель, на это полное живаго интереса письмо и просимъ также искренно и свободно отозваться на заявленіе автора по затронутымъ имъ весьма важнымъ вопросамъ о миссіи среди интеллигенціи, какъ онъ это сдѣлалъ.

Вотъ это письмо.

Милостивый Государь

Г. Скворцовъ.

Приношу вамъ мою искреннюю благодарность за откликъ, который встрѣтило у васъ мое письмо. Я, равно и кружокъ людей, мнѣ близкихъ по мысли, всегда готовы привѣтствовать свободу разсужденія, слова,—которую вы принципиально даете мнѣ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями (о нихъ свидѣлствуютъ кое-какія мѣста моего письма, выпущенныя въ печати). Во всякомъ случаѣ, передъ вами, позвольте мнѣ воспользоваться моею свободой *вполнѣ*, чтобы сказать нѣсколько словъ о вопросѣ, затронутомъ и статьей свящ. Фуделя, и мною,—не чуждомъ и вамъ, руководителю журнала,—вопросѣ громадной важности, а именно „миссіи среди интеллигенціи“.

По моему разумѣнію, дѣло это, благодаря его сложнымъ особенностямъ и его крайне существеннымъ отличіямъ отъ дѣла „миссіи“ среди народа, врядъ ли можетъ быть и названо „миссіей“. Употребляя это слово, вы уже отчасти отдаляете успѣхъ дѣла, ибо даете обществу поводъ предполагать (ошибочно, хочу думать), что *возможное соединеніе людей культурныхъ съ Церковью*, съ людьми „духовными“,—представляется для этихъ послѣднихъ *совсѣнно* идентичнымъ въ путяхъ и цѣляхъ съ дѣломъ „народнаго миссіонерства“.

Свобода возраженій, возможность собесѣдованія, конечно, первое условіе, одинаково необходимое какъ въ томъ, такъ и другомъ дѣлѣ; но затѣмъ начинаются *различія*, которыя умножаютъ трудности дѣйствія въ средѣ культурной, и трудности эти лишь тогда преоборимы, когда онѣ поняты. Свящ. Фудель замѣчаетъ, что „моментъ благопріятенъ“. Я бы назвалъ моментъ теперешняго переживанія критическимъ, крайне важнымъ, почти единственнымъ—въ смыслѣ возможности соединенія общества и Церкви; что же касается „миссіи“, какъ, я боюсь, ее понимаетъ свящ. Фудель,—данный моментъ не благопріятенъ, и благопріятный врядъ ли наступитъ.

Я уже упомянулъ, что мы, люди современной культуры,—накакой вѣры не имѣемъ, ничего, кромѣ проснувшейся *жажды* вѣры; это наше первое отличіе отъ сектантовъ, которые всѣ имѣютъ,—пусть грубую, извращенную,—но *вѣру*. И, благодаря именно отсутствію *вѣры*, люди теперешняго образованнаго общества гораздо оторваннѣе, дальше отъ вѣрующаго служителя Церкви, нежели сектанты, и пропасть между ними шире. Казалось бы, въ пустой сосудъ, да еще открытый теперь, легко налить какого угодно вина; но на дѣлѣ оно не такъ. Служитель Церкви сразу становится съ сектантомъ на общую почву, бесѣдуя о вѣрѣ, о догматахъ, часто борясь лишь съ искаженіями или просто съ непониманіемъ; сектанту приходится отрекаться отъ частныхъ, принимать частности; намъ—не отъ чего отрекаться въ области вѣры,—но за то намъ надо и принять все, съ самаго начала, ибо ничего не имѣемъ, кромѣ жажды, и—м. б., это самое главное—принять не слѣпо, не на одинъ день, не случайно; и потому принять вѣру, вѣрованіе, религію *такую*, какою она не будетъ противорѣчить ни нашему разуму, ни нашимъ человѣческимъ, посильнымъ знаніямъ, ни естественному *понятію свободы*; короче сказать: ту, которая не отниметъ у насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ имепи культурнаго человѣка, а оправдаетъ и подыметъ его. Вотъ еще отличіе людей общества отъ сектантовъ: миссіонеръ, говорящій съ сектантомъ, всегда культурнѣе, образованнѣе послѣдняго,—и сразу на сторонѣ миссіонера нѣкоторая сила, нѣкоторый „плюсъ“, облегчающій задачу. Когда

же сойдутся дѣти общества и дѣти Церкви, силы ихъ *равны*, хотя и разнородны: у первыхъ—сила свободы и знанія, у вторыхъ—сила установившейся, традиціонной вѣры. Они и должны говорить, какъ равные. А свою истинную силу, свой „*плюсъ*“, живую, дѣйственную вѣру дѣти Церкви должны еще намъ показать, доступно для насъ проявить, а иначе сила эта будетъ для насъ потеряна и останется надъ нами безвластной, какъ была доселѣ.

Служитель религіи долженъ сказать намъ: „да, въ стремленіи къ свѣту, къ свободѣ, къ познанію—вы правы; все это есть и у насъ, вы видите; но у насъ, *къ этому*, есть еще и другое: смотрите! Можетъ быть это то, чего вы жаждете“. А если къ намъ придетъ „миссіонеръ“, со „снисходительнымъ“ сознаніемъ своего превосходства и желающій нашего отреченія отъ насъ самихъ, обѣщая лишь что-то *вазъмнѣ*,—такой посланникъ не утѣшитъ и не спасетъ ни единого изъ насъ, теперешнихъ, отъ смерти.

Въ статьѣ свящ. Фуделя есть слова и мысли, обличающія его, весьма естественное, незнаніе внутренняго положенія современнаго общества; пропасть между нами и духовенствомъ гораздо страшнѣе, чѣмъ думаетъ почтенный авторъ статьи „Миссія среди интеллигенціи“. Онъ только подчеркнул, что есть два различные стана; сказалъ, что надо „жалѣть“ и „снисходить“. Вѣренъ ли этотъ путь? Встрѣтимся ли мы? Не надо ли „любить“, чтобы подвинуться къ краю и дальше края пропасти, въ самомъ дѣлѣ „навстрѣчу“?

Мы—готовы идти навстрѣчу, мы—не вѣрующіе, не любящіе, лишь томимые смертельной жаждой Бога и любви,—но готовы ли *вы*? Вы пишете: „не наша вина, что свѣтское общество не хочетъ насъ знать“. Дѣти Церкви точно ли считаютъ себя такими безвинными, безгрѣшными? Въ чемъ, гдѣ у нихъ проявилась готовность идти навстрѣчу обществу? Въ обѣщаніи „сожалѣть“ насъ? Общество, чтобы сдѣлать первые полшага впередъ, должно побѣдить привычныя, многолѣтнія и—увы!—столь обоснованныя мысли о лицахъ духовныхъ, какъ носителяхъ религіи неподвижной, навсегда въ одномъ положеніи замершей,—и оно готово побѣдить эти мысли, готово довѣряться тому, что есть „кладезь“ не стоячей, а „вѣчно текущей“ воды,—оно *сдѣлало* эти первые полшага. Развѣ не готовность—хотя бы мое обращеніе къ вамъ,—черезъ пропасть, углубленную вѣками, исторіей? Вы не знаете моего имени,—но вѣдь я и не говорю, что уже довѣрился вамъ, а лишь готовъ довѣриться; мою искренность, мое добродетельство, мое намѣреніе дать вамъ вѣсть, расчистить путь между двумя (еще враждующими!) станами вы не осудите. И я говорю съ вами не отъ моего одного лица, а отъ лица многихъ. Я могъ бы напечатать мои сужденія, смягчивъ ихъ, въ свѣтскомъ журналѣ; но это имѣло бы видъ

враждебности, а ея у меня нѣтъ, и я предпочитаю ограничиться частнымъ письмомъ, которое посылаю (вамъ и людямъ, близко къ вамъ стоящимъ) подъ бѣлымъ флагомъ. Да, намъ нужна вѣра, нуженъ храмъ, нужны люди, посвятившіе себя служенію Церкви, любящіе Бога, какъ мы хотимъ любить Его. Но пусть же они скажутъ, что и мы имъ нужны, пусть не отходятъ они отъ насъ въ свое собственное спасеніе съ равнодушными словами: „не наша вина, что свѣтское общество не хочетъ насъ знать“. Пусть они взглянутъ въ нашу сторону и, чтобы идти навстрѣчу, изберутъ *тѣмныя* пути мудрости, любви, проникновенія, если могутъ; иначе мы никогда не встрѣтимся, дѣло „миссіи среди интеллигенціи“ будетъ празднымъ дѣломъ, и всѣ слова „миссіонеровъ“ останутся для насъ беззвучными, безъ силы, безъ власти.

Дѣти Церкви, отойдя отъ насъ, обособились, жизнь, какъ рѣка, разбилась на два русла,—посмотрите, создались даже два языка, съ одинаковыми, какъ будто, но разнозначущими словами, а чаще и совсѣмъ различными. Дѣти Церкви боятся общихъ словъ, не идутъ и здѣсь навстрѣчу, хотя бы изъ желанія быть понятыми. Даже „миссіонеръ“, отправляясь къ инородцамъ, не отвергаетъ ихъ языка. Я упомянулъ о значеніи, которое *можетъ бы* приобрести вашъ журналъ среди общества, открывъ свои страницы для самыхъ противоположныхъ мнѣній (я говорю не объ единичныхъ статьяхъ одного какого-нибудь „свѣтскаго человѣка“, „разсужденія“ котораго вполне сливаются по направленію съ статьями лишь духовныхъ и общественнаго интереса не имѣютъ). Еслибъ „Мисс. Об.“ поняло, какую силу оно могло бы приобрести подобной свободой и дало бы эту свободу,—произошло бы, естественно, и сліяніе языка, и люди, понимавшіе лишь своихъ, стали бы понимать и другихъ. Вотъ, возьмемъ для примѣра прекрасную статью г. Тернавцева, возраженіе на рѣчь г. Стаховича (которая понятна и обществу, и духовенству). Думаю, г. Тернавцевъ со своими, порою проникновенными, положеніями—*воплотъ* доступенъ лишь духовенству; для многихъ же изъ насъ рѣчь г. Стаховича стоитъ еще цѣлая, неоспоренная; возраженій не слышатъ за пугающими, непривычными словами; а между тѣмъ и передъ обществомъ эта рѣчь *должна и можетъ* быть оспорена.

Многое хотѣлъ бы я сказать вамъ, но боюсь утомить ваше вниманіе. Намекъ вашъ на настоящую „горницу“ для собесѣдованій по вопросамъ вѣры, предполагаю, касается какого-нибудь новаго „Миссіонерскаго Общества“,—можетъ быть, для назиданія въ вѣрѣ людей культурной среды? Если это Общество будетъ держаться взглядовъ свящ. Фуделя въ дѣлѣ „миссіи среди интеллигенціи“,—оно будетъ такъ же безвластно, какъ „Мисс. Об.“ въ его теперешней формѣ, какъ

всѣ попытки этого рода, и не дать намъ, „жаждущимъ“. „воды живой“. Истину моихъ словъ, конечно, докажетъ лишь время. Во всякомъ случаѣ я просилъ бы васъ сообщить мое письмо тѣмъ людямъ, „духовной жаждою томимымъ“, о которыхъ вы упоминаете (а также и г. Тернавцеву, ему я даже имѣлъ намѣреніе писать и особо). Если между ними есть лица, принадлежащія къ современному свѣтскому обществу (есть ли?),—можетъ быть, они кое въ чемъ со мною и согласятся.—Еще разъ благодарю васъ за сердечный откликъ, прошу, по-братски, извинить прямоту, быть можетъ, рѣзкихъ словъ и вѣрить моей безкорыстной преданности интересующему всѣхъ насъ дѣлу.

Съ душевнымъ почтеніемъ
Окончившій СПб. университетъ А. М. Д.

Р. S. Знаете ли вы, что я вынужденъ скрывать отъ моихъ домашнихъ, что я читаю вашъ журналъ? О, и вовсе не изъ „трусости“! Когда я читаю Библию, я знаю, что у меня въ рукахъ крѣпость, которую никто не сокрушитъ. Когда я изучаю исторію религій и Церкви, я ишу *знанія*, а жажда знанія не можетъ быть подвергнута гоненію. Но когда люди просвѣщенные и добрые, люди мнѣ близкіе, приходятъ въ гнѣвъ при одномъ лишь имени „Мисс. Обзорѣніе“, я умолкаю. Мнѣ *нечего* пока сказать въ защиту. Если я самъ, лично, преодолѣлъ то непріязненное чувство, которымъ преисполнены еще многіе и многіе „интеллигенты“ по отношенію къ вашему изданію, то у меня нѣтъ силъ заставить другихъ придти къ тому же. Нетерпимость, умственная робость, а главное—союзъ *во всемъ* съ физическими силами государства,—вотъ тѣ камни преткновенія, которые вамъ надо убрать съ пути, ведущаго къ намъ. Г. Тернавцевъ говоритъ, что „Трубчевская исторія была выслушана со стыдомъ и мукой“. Но увы! Эти слова не вселяютъ довѣрія. Мнѣ кажется, что это чувство любви и сознанія своей настоящей религіозной силы присуще лишь нѣкоторымъ отдѣльнымъ членамъ миссіонерскаго сѣзда, а не есть руководящій принципъ *православной миссіи*. А пока русское общество не убѣдится, что Трубчевская исторія не имѣетъ *внутренняго* отношенія къ дѣлу православной миссіи, до тѣхъ поръ за обществомъ будетъ нѣкоторое право отворачиваться отъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“, и до тѣхъ поръ я вынужденъ прятать его синенькія книжки.

Говорю это вамъ лишь потому, что измѣнить дѣло въ вашей собственной власти (и, смѣю думать, въ вашихъ интересахъ).

Надѣясь побесѣдовать съ почтеннымъ нашимъ „корреспондентомъ—инкогнито“ въ будущемъ году, если будемъ живы, — мы однако не можемъ оставить безъ оговорокъ нѣсколькихъ, могущихъ показаться *соблазнительными* положеній и выраженій автора письма.

Вы, м. г., говорите: „мы, просвѣщенные люди, должны принять вѣру, вѣрованія, религію *такою, какою* онѣ не будутъ противорѣчить ни нашему разуму, ни нашимъ чело- вѣческимъ знаніямъ, ни естественному понятію свободы“ при этомъ замѣчаете, что „у дѣтей Церкви — сила устано вившейся *традиціонной* (курсивъ нашъ) вѣры, что общество должно побѣдить привычныя, многолѣтнія и, — увы! — столь обоснованныя (?) мысли о лицахъ духовныхъ, какъ но- сителей *неподвижной* религіи, *замершей*“. Тутъ надо вамъ обстоятельнѣе объясниться, въ чемъ именно и гдѣ вы видите православную религію „неподвижной“, „замершей“? Говоря такъ, не забыли ли вы основныхъ догматовъ Церкви, что область вѣры — таинственно - мистична, сверхразумна, богооткровенна, что истины вѣры постигаются *не умомъ, а сердцемъ*: „*сердцемъ бо вѣруется*“, говоритъ св. апостолъ Павелъ, и подтверждаетъ эту истину вѣковѣчный опытъ хри- стианской психологіи и непререкаемыя свидѣтельства св. ве- ликихъ подвижниковъ вѣры и вселенскихъ учителей Церкви. Краеугольный камень, центральный пунктъ вѣры христіанина есть — *Христосъ-Богочеловѣкъ*, Спаситель міра, Искупитель чело- вѣчества, Основатель для спасенія грѣшнаго, бѣднаго чело- вѣка Своей Церкви съ ея догматами, таинствами, іерархиче- скимъ институтомъ, благодатными дарами. Освѣщая, очищая и обновляя грѣшную душу вѣрующего человѣка, храня пол- ноту истины и даровъ благодати, Церковь, по святоотеческому выраженію, — „никогда не старѣеть, а вѣчно юнѣетъ“. Самимъ Христомъ Церкви даны основные законы ея бытія и дѣятель- ности на землѣ, называемые *догматами*, или иначе, *неизмѣ- няемыми* богооткровенными истинами. Если въ этомъ вамъ кажется Церковь „неподвижною, замершею“ — о, тогда про- пасть раздѣляющая интеллигенцію съ дѣтьми Церкви, дѣйстви- тельно, велика и непроходима... И повѣрьте, что истинная Церковь, въ лицѣ своихъ твердо и свято вѣрующихъ слу- жителей и народа многомилліоннаго, никогда не склонитъ знамени своей вѣры „традиціонной“ къ подножію какого бы то

ни было союза, разъ если просвѣщенные люди пожелали бы измѣны этому св. знамению, этой опасной сдѣлки.

Не только интеллигенты, но если бы и вся Россія возстала на православную Церковь, или отступила отъ нея, то все же останутся избранные и вѣрные „традиціонной вѣрѣ“ и среди пастырей, и среди пасомыхъ; припомните, кому сказано: „дерзай, малое стадо“... Церковь, т. е. истинно вѣрующіе, не испугаются ничьихъ „отступленій“; къ тому идетъ, дорогой братъ во Христѣ, дѣло, ибо сказано, — *едвали обрящете вѣру*, когда придетъ Спаситель паки на землю. Почитайте посланіе къ Солунянамъ и 24 гл. Матѣея, а также три разговора В. С. Соловьева.

Вотъ вашъ призывъ пастырей и миссіонеровъ — къ *любви* — это вѣрное, святое слово. Сознаемся, что *этого* подвига, можетъ быть, у насъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ *врагамъ* (признайтесь же и вы, что ваша братія интеллигенты — упорные враги Церкви и въ частности миссіи, конечно, не всѣ!) и не достаешь, отсюда и *мало иногда терпимости* въ отношеніи къ отщепенцамъ, забвеніе въ иныхъ случаяхъ того, что Христосъ заповѣдалъ *любить* враговъ, *благословлять* клянущихъ... Но не забывайте, что это вѣдь подвигъ высочайшаго христіанскаго совершенства, а мы, — не только миссіонеры, но и люди... Этотъ призывъ къ любви и широкой терпимости къ заблудшимъ, къ любви, которая, по апостолу, — *долготерпитъ, милосердствуетъ, не гордится, не ищетъ своего, не мыслитъ зла*, все покрываетъ (1 Кор. 13, 4 — 7), — мы всегда стараемся памятовать, да будетъ онъ и въ новомъ году девизомъ „Мис. Обзор.“ въ его миссіонерскомъ *словѣ и дѣлѣ* на спасеніе враждующихъ съ Церковью заблудшихъ братій нашихъ! Аминь, Аминь!

Простите, что позволю нѣчто замѣтить по поводу вашего отзыва на мое сообщеніе „о горницѣ“. Въ вашихъ словахъ звучитъ извѣстное: „что добраго можетъ быть отъ Назарета“... А вотъ горницу-то ищущіе и обрѣли, да такъ легко, просто и съ такимъ просторомъ... Вотъ и опять, по-братски, напомню вамъ слова апостола: „прежде времени не судите“... Въ этой „горницѣ“ я ваше письмо, согласно вашему желанію, прочиталъ собранію (въ немъ было четыре духовныхъ лица, три профессора и до 40 лицъ, принадлежащихъ къ свѣтскому обществу). Письмо ваше выслушано было съ большимъ

вниманіемъ, съ полнымъ сочувствіемъ и благодарностью къ вамъ за искреннее слово и стремленіе къ истинѣ. Теперь могу къ свѣдѣнію вашему и вашихъ единомышленниковъ сообщить подробности объ этой, совершенно новой и во всякомъ случаѣ знаменательной попыткѣ въ области духовной жизни и религіознаго самосознанія нашего общества.

У нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, главнымъ образомъ изъ свѣтскихъ писателей, возникла мысль организовать собранія для живаго обмѣна по религіознымъ вопросамъ, въ освѣщеніи историческомъ, философскомъ, культурномъ и общественномъ.

Необходимость такихъ собраній между прочимъ мотивировалась слѣдующими соображеніями.

Среди многихъ русскихъ людей вниманіе къ религіозно-философскимъ вопросамъ пробуждается и усиливается въ степени все восходящей и восходящей. Но препятствіемъ на пути къ удовлетворенію этой потребности является, между прочимъ, давнее исторически-укоренившееся разъединеніе между людьми свѣтскаго и духовнаго образованія, отчужденіе духовной печати отъ вопросовъ общественныхъ, а свѣтской отъ вопросовъ вѣры. Устные же собесѣдованія, несомнѣнно обладаютъ такими преимуществами искренности, свободы и простоты, которыя въ печати неосуществимы.

Имѣя цѣли положительныя, направленные къ выясненію многоаго для людей свѣтскихъ недоумѣннаго въ ученіи и положеніи Церкви, люди разныхъ профессій и направленій, составивши тѣсный кружокъ, объединенный довѣріемъ другъ къ другу и исканіемъ истины, обратились къ духовной власти, въ лицѣ высокопреосвященнаго м. Антонія и г. оберъ-прокурора Св. Синода. съ заявленіемъ о предполагаемой пользѣ подобныхъ собраній и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи сихъ собраній. Власть отнеслась къ этому добровольному стремленію свѣтскихъ образованныхъ людей стать въ ближайшее общеніе съ представителями богословской науки и пастырства нашей Церкви, при разрѣшеніи волнующихъ современное общества вопросовъ вѣры и жизни, съ полною отзывчивостью и отъ имени Церкви разрѣшила эти собранія.

Собранія носятъ названіе „религіозно-философскихъ“. Участвуютъ въ нихъ лица духовныя и свѣтскія.

Такъ какъ „религіозно-философскія собранія“ имѣютъ задачей обсужденіе вопросовъ вѣры на почвѣ совершенной терпимости и въ широкомъ философскомъ освѣщеніи, то всякій искренно интересующійся собраніями допускается къ участию въ собесѣдованіяхъ, какова бы ни была его степень приближенія къ Церкви, а также лица инославныя и иновѣрныя.

Дѣлами завѣдуютъ 5 лицъ: ректоръ духовной академіи преосвященный Сергій, епископъ Ямбургскій, В. А. Тернавцевъ, В. В. Розановъ, Д. С. Мережковский и С. В. Миролюбовъ.

Собранія состояются изъ упомянутыхъ членовъ распорядителей, постоянныхъ участниковъ и посѣтителей. Эти послѣдніе могутъ быть вводимы постоянными участниками по предварительномъ заявленіи о томъ по крайней мѣрѣ тремъ членамъ распорядителямъ. Всѣ участники собраній одинаково пользуются правомъ свободнаго обсужденія даннаго предмета бесѣды. Однако не допускается, чтобы расширеніе состава собраній происходило въ ущербъ взаимному довѣрію. Засѣданія могутъ быть закрытыя и открытыя. Для послѣднихъ каждый разъ испрашивается особое разрѣшеніе духовнаго начальства. На закрытыхъ засѣданіяхъ никакихъ официальныхъ записей о ходѣ преній не ведется, и никакихъ обязательныхъ для кого-либо рѣшеній не постановляется. Предсѣдатель для веденія бесѣды избирается на каждомъ засѣданіи.

На засѣданіяхъ обсуждаются доклады участниковъ какъ устные, такъ и письменные. Для обсужденія намѣченъ цѣлый рядъ капитальныхъ вопросовъ, таковы, на примѣръ:

Отношеніе интеллигенціи къ Церкви.—Внутренній опытъ въ христіанствѣ и возрожденіе. Таинства и святоотеческій аскетизмъ.—Ветхій заветъ, его отношеніе къ новому и въ особенности къ ученію ап. Павла.—Вселенскіе соборы.—Богооткровенность ихъ опредѣленій.—Значеніе каноническихъ правилъ и отношеніе ихъ къ догмату.—Раздѣленіе Церквей.—Отношеніе христіанства къ плоти, землѣ, наукѣ и культурѣ. Отношеніе Церкви къ власти.—Государство въ христіанствѣ.—Религіозныя задачи Россіи.—Исламъ.—Его роль въ исторіи, отношеніе къ христіанству.—Буддизмъ.—Хилиазмъ.—Пророческое ученіе Церкви объ антихристѣ и кончинѣ міра.

29 ноября состоялось первое засѣданіе религіозно-фило-

софскихъ собраній въ залѣ географическаго общества. На этотъ разъ заслушанъ былъ докладъ В. А. Тернавцева на вышеуказанную тему объ отношеніи интеллигенціи къ Церкви.

Вотъ главныя положенія этого интереснаго доклада:

1. Возрожденіе Россіи возможно только на почвѣ истиннаго христіанства. 2. Учащихъ силъ русской Церкви для такой задачи не достаточно. 3. Въ настоящее время Церковь (священство ея) и интеллигенція—въ глубокомъ разладѣ между собою. Отношеніе между ними есть не только отношеніе вѣры къ невѣрію, истины ко лжи. Пункты расхожденія. 4. Нравственный кризисъ, переживаемый интеллигенціей. Ея жажда вѣры. Возможность обращенія при условіи дѣйствительнаго отвѣта на ея запросы. 5. Опасность ложныхъ сдѣлокъ съ вѣрою Церкви. 6. Единственное рѣшеніе—раскрытіе со стороны Церкви, какъ сокровенной въ ней „правды и о землѣ“, ученія о христіанскомъ государствѣ и религіозномъ призваніи свѣтской власти.

Докладъ вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній, затянувшійся до 12 час. ночи. Дебаты продолжатся въ слѣдующемъ засѣданіи.

Такъ сдѣлана первая знаменательная попытка къ духовному общенію представителей богословской науки и пастырскаго служенія съ людьми свѣтскаго культурнаго общества.

Починъ вышелъ, по общему признанію, добрымъ и многообѣщающимъ. А вѣдь *bonum initium est medium rei...* Богъ вѣдаетъ, можетъ быть, „этой горниці“ суждено имѣть значеніе евангельскаго „зерна горничнаго“. При истинно христіанскомъ дерзновеніи любви другъ къ другу все возможно. Прійди и виждь.

Р. С. Хотя и жестоко ваше слово признанія о томъ, что вамъ (вѣдь вы не школьникъ?) приходится прятать синенькія обложки моего „Мисс. Обзор.“, но я и эти слова вашей дорогой для меня откровенности печатаю, какъ доказательство вышеуказанной мною нетерпимости и деспотизма русской либеральной интеллигенціи къ чужому убѣжденію, хотя лично для меня это и не ново. Что жъ дѣлать? насильно милъ не будешь. Важно одно, чтобы совѣсть была покойна, чтобы сохранить вѣрность долгу христіанина и гражданина. Я хорошо помню слова св. Писанія: „горе, егда добрѣ вамъ *все* челоувѣцы рекутъ“. А вашимъ приснымъ полезно было бы напомнить богомудрыя слова св. апостола и

глашатая христіанской свободы и терпимости: „все испытывайте, хорошаго держитесь“.

А вамъ за письмо еще разъ большое спасибо.

Отъ кривотолковъ и навѣтовъ вообще трудно избавиться, а нашему брату—миссіонеру особенно... Вотъ кн. Волконскій упрекнулъ насъ въ Спб. Вѣдомостяхъ, почему де редакція „не подчистила“ разногласій въ статьяхъ моихъ сотрудниковъ въ сужденіяхъ ихъ по вопросу „о свободѣ совѣсти“.

Это уже совѣтъ не либеральный урокъ изъ либеральнаго органа, ратующаго за свободу совѣсти, редакціи якобы нетерпимаго духовнаго журнала. Девизъ нашъ—никогда не навязывать своего и не выдавать чужого за свое.

Въ „Нов. Времени“ (см. фельетонъ В. В. Розанова о миссіонерствѣ) меня обвинили въ томъ, что я будто бы приписалъ павловскимъ сектантамъ кличку „толстовцевъ“, „анархистовъ“ и проч. А между тѣмъ я лично ни единымъ словомъ не отозвался еще на это событіе, въ виду производящагося судебного разслѣдованія обстоятельствъ этого печальнаго дѣла, отложивъ свое сужденіе до времени.

До свиданія, читатель, до слѣдующей бесѣды въ новомъ году. Влагая въ дорогое и мнѣ, и вамъ дѣло журнала всю любовь моего сердца, позвольте надѣяться встрѣтиться не только съ каждымъ изъ нынѣшнихъ моихъ читателей-подписчиковъ, но и съ вашими друзьями и знакомыми, вниманію которыхъ вы не откажете рекомендовать „Мисс. Обзоръ“.

В. Скворцовъ.

Гдѣ я нашель антихриста?

Милостивый Государь

г. Редакторы!

Сейчасъ, получивъ ноябрьскую книжку „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, прочиталъ ваши замѣтки „Со скрижалей сердца“, и сейчасъ же, не откладывая въ длинный ящикъ, принимаюсь писать вамъ тоже „со скрижалей сердца“ о нижеслѣ-

дующемъ, въ надеждѣ, не попадетъ ли мое письмо въ декабрьскую книжку, на страницы того же отдѣла.

Вы догадываетесь уже, что я хочу говорить по поводу вашего сообщенія о бесѣдѣ моей съ бѣгуномъ Ермолаичемъ (стр. 200—201). Въ передачѣ вашей есть нѣкоторыя неточности, но не въ нихъ дѣло. Есть въ ней одна недомолвка, которая требуетъ поясненія и дополненія, такъ какъ благодарность бѣгуна за то, что я „нашелъ антихриста“ и даже „успокоилъ“ его, можетъ привести въ недоумѣнїе читателей и особенно миссіонеровъ.

Дѣло было такъ. Въ годъ нижегородской выставки (1896) на одной изъ нашихъ бесѣдъ (предмета бесѣды не помню) обратилъ особенное мое вниманіе неизвѣстный мнѣ старикъ,—прямо противъ кафедры сидѣвшій,—жадно вслушивавшійся въ каждое мое слово и спокойно, въ мирномъ настроеніи предложившій нѣсколько незначущихъ вопросовъ. Предъ самымъ окончаніемъ бесѣды онъ вдругъ спросилъ: „скажи, пожалуйста, Н—й Ив—чъ, скажи по правдѣ, положи руку на сердце, какъ по твоему убѣжденію, пришелъ антихристъ, или нѣтъ?—Вѣдь отъ этого все зависить!“ Подумавъ, мы отвѣтили... „А вѣдь, пожалуй, я даже видѣлъ антихриста, только не знаю, *самого* ли, или его предтечѣй“. Старикъ быстро вскочилъ съ мѣста, почти подбѣжалъ къ кафедрѣ и, взволнованнымъ голосомъ проговорилъ: „скажи, скажи, гдѣ ты его видѣлъ!“ „Есть писано, сказали мы, въ Толковомъ апостолѣ: *зриши ли, яко мерзость спустошенїя не есть жертва свята угодна и прїятна Богови, но спустошенїе ея, еже содѣлаетъ антихристъ предъ прїшествїемъ Господнимъ.. И сіе спустошенїе посланїи отъ него лжепророцы начинаютъ* (л. 549 об.)“.—„Это я читалъ“, замѣтилъ старикъ.—„Былъ я, продолжали мы, въ прошедшую зиму въ одной еедосѣвской моленной въ Казани, на дневномъ богослуженіи ¹⁾. Вся восточная стѣна моленной заставлена иконами, предъ которыми—лампады и свѣчи, горятъ посрединѣ столъ, покрытый пеленою, апалои для чтенія, съ правой стороны клиросъ для пѣвчихъ; слушаю: читаютъ часы, изобразительныя, начинаютъ молебенъ. Все хорошо. Всматриваюсь болѣе внимательно и не вижу,—чего бы ты думалъ?—не вижу алтаря Господня, не вижу престола Христова, не вижу приношенія Его Жертвы, Жертвы Святой, угодной и прїятной Богови, вижу во-очію ея спустошенїе. Сопоставляя видѣнное мною съ тѣмъ, что въ книгѣ писано, я и думаю, что, если не самъ антихристъ, то предтечи его и обрѣтаются у еедосѣвцевъ и всѣхъ другихъ безпоповцевъ, учителя которыхъ именно и начинаютъ спустошенїе

¹⁾ Разсказъ объ этомъ помѣщенъ въ „Собраніи“ моихъ сочиненій, т 1.

Христовой Жертвы, проповѣдую, что и безъ нея возможно содѣлать спасеніе, и соблазняя своею проповѣдію и нѣкоторыхъ изъ нашихъ. У насъ же она, милостію Божіею, приносится, а не спустошена. Не дай Богъ, чтобы это спустошеніе и насъ коснулось!—Вотъ, гдѣ я видѣлъ антихриста!! Старикъ не ожидалъ этого и въ какомъ-то испугѣ отшатнулся и быстро сѣлъ опять на свое мѣсто, понутивъ голову и не проронивъ болѣе ни слова.

Прошли года, и мы думали, что слова наши забыты. Однако оказалось, что они оставили глубокой слѣдъ, только истолкованы были не въ ту сторону. Когда послѣ пятилѣтняго отсутствія въ Нижнемъ Новгородѣ на бесѣдахъ мы появились, по приглашенію преосвященнаго Назарія, въ прошедшую ярмарку, то оказавшійся на бесѣдахъ старикъ, напомнивъ намъ о себѣ и о запавшихъ въ его душу нашихъ словахъ, просилъ позволенія придти къ намъ, поговорить. Мы пригласили, указавъ время. Въ назначенное время онъ и явился съ гостинцами. Принявъ его, какъ должно, мы спросили, за что онъ мнѣ такъ благодаренъ. Старикъ отвѣчалъ: „за то, что помнишь, ты мнѣ антихриста указалъ“. Мы спросили: „гдѣ указалъ?“ Старикъ пояснилъ такъ: „Проходилъ я послѣ твоей бесѣды мимо моленной часовенныхъ (поповцевъ, только неизвѣстно, австрійскаго священства, или бѣглопоповцевъ—Бугровскихъ), смотрю, нѣтъ на ней креста, да нѣтъ и алтаря. Иду и думаю: вотъ, значить, гдѣ Н - ай Ив—чѣ указалъ антихриста, — вѣдь алтаря-то нѣтъ“. Выслушавъ это, совсѣмъ неожиданное заключеніе, мы сказали: „нѣтъ, не тамъ мы находили антихриста, потому тамъ, внутри, можетъ быть, и алтарь есть, служатся и литургии, хотя и не часто, значить, и жертва Господня у часовенныхъ не спустошена, хотя и незаконными „попами“ совершается; нѣтъ а нашелъ я антихриста, при совершенномъ спустошеніи Христовой жертвы, у безпоповцевъ, положимъ, поморцевъ, нѣтовцевъ, еедосѣвцевъ и у васъ бѣгуновъ. Значить, за что же ты меня благодаришь?“ Старикъ отвѣтилъ: „а я думалъ, что тамъ, у часовенныхъ ты его нашелъ“. Тогда я сказалъ: „выходить, между нами недоразумѣніе: антихриста я нашелъ, между другими, и у тебя, а ты мнѣ подарокъ несешь; возьми его назадъ!“ Старикъ сказалъ: „нѣтъ, назадъ все-таки не возьму, очень я ужъ тебя любилъ. Да и вѣдь теперь я и отъ нихъ (бѣгуновъ) отшатнулся... Меня вѣдь, Н—ай Ив—чѣ, на всѣхъ 7 вселенскихъ соборахъ проклинали бы, если бы я жилъ въ то время; потому что я теперь одинъ остался и не знаю, куда пристать. Вотъ что бѣда то!“ „Ну, это—другое дѣло“, замѣтили мы и повели рѣчь объ имени Іисуса. Старикъ сказалъ, что это-инъ богъ. Книгъ у насъ подъ руками не было, а говорить безъ книгъ по данному вопросу было совершенно бесполезно. Тутъ мы, на

вопросъ старика объ „Евстолеюшкѣ“, сказали, что она придетъ, привезетъ самую старую книгу (Остромирово Евангеліе) и поговорить съ нимъ, объяснить, почему и сама она ушла отъ бѣгуновъ. Старикъ выразилъ полное удовольствіе и Евстолія-Елисавета, эта, по вашему, „дочь бѣгунскаго полка“ была вызвана. Къ сожалѣнію, ей мало пришлось видѣться съ „отшатнувшимся“ отъ бѣгунства старикомъ, потому что чрезъ день послѣ ея пріѣзда въ Нижній онъ уѣхалъ, куда-то вверхъ по Волгѣ слушать бесѣды бѣгунскихъ начетчиковъ съ извѣстнымъ Коноваловымъ. А ей чрезъ три дня нужно было, — вслѣдствіе опредѣленія на мѣсто учительницы въ земскую школу, — возвратиться обратно. Больше со старикомъ Ермолаевичемъ и мы не видѣлись и не знаемъ, въ какую сторону потянуло его. Но Богъ не безъ милости.

Принесенные подарки Ермолаевичъ оставилъ. „Дочь же бѣгунскаго полка“, — окончившая курсъ въ женскомъ окружномъ училищѣ Духовнаго Вѣдомства, — состоя учительницей, въ тоже время по воскреснымъ днямъ принимаетъ участіе въ вечернихъ чтеніяхъ по расколу, открытыхъ съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Арсенія мѣстнымъ священникомъ. Читаютъ пока мои книги и статьи, помѣщенные въ „Собраніи моихъ сочиненій, т. I“, — съ нѣкоторыми объясненіями. И то слава Богу.

Профессоръ *Н. Ивановскій*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Не будутъ напечатаны слѣдующія, разновременно присланныя въ редакцію «Миссіонерскаго Обзорѣнія», статьи:

- 1) Св. учителя Церкви-поборники православной вѣры. М. К—ая.
- 2) Любите враги ваши! А. П—ій.
- 3) Опытъ сличенія ученія южно-русскаго штундизма и баптизма. Н. С—въ.
- 4) Копія съ трехъ тетрадей хлыстовскихъ. Н.
- 5) Экспертиза по дѣлу о Тихонѣ Рѣшетнякѣ и Иванѣ Анощенко. И. З—въ.
- 6) Къ исторіи первыхъ поселенцевъ раскольниковъ „Стародубья“. И. Ч—въ.
- 7) Отвѣты на вопросы безпоповцевъ поморскаго толка. А. С—ъ.
- 8) Краткія извлеченія изъ постановленій В—го мисс. противораск. сѣзда. Д. Ш—въ.
- 9) Изъ исторіи отношеній приходскаго духовенства къ расколу въ XVIII в. В. Л—ій.
- 10) Разговоры о св. Крещеніи. Т. Х—въ.
- 11) Китайскій совѣтъ Г. Т—ій.
- 12) Между женами. А. Т—въ.
- 13) Изъ любви къ Нему и счастливый конецъ жизни. В. К—въ.
- 14) Опытъ краткой догматико-апологетической свящ. исторіи ветх. Завѣта. Н. М—ій.
- 15) Миссіонерская поѣздка въ раскольниковое село. Свящ. І. Н—ій.
- 16) Пѣснь пѣсней или пресвоядшій пѣснь. С. К—ій.
- 17) Служители истинной Церкви Христо-

вой. Свящ. П. Б—въ. 18) Очеркъ борьбы съ сектантствомъ въ Е—ой епархіи. И. Я—кій. 19) Слово, сказанное въ Вербное Воскресеніе. Свящ. В. Л—въ. 20) О расколѣ и единовѣріи. Свящ. З—въ. 21) Современное избіеніе младенцевъ. Т. Р—кій. 22) Житіе преподобнаго Теодора, князя Острожскаго. И. С—ко. 23) Краткій очеркъ движенія сектантства въ Таврич. губ. Свящ. П. Т—кій. 24) Лѣтопись села Сухой Вязовки. Свящ. И. О—въ. 25) Крайности въ умственно-религіозной жизни древне-русскаго общества, подготовившія почву для происхожденія раскола старообрядчества. А. П—кій. 26) По поводу статьи: „Собесѣдованіе со старообрядцами. С. П—кій. 27) Бесѣда съ раскольниками въ Невьянскомъ заводѣ. Свящ. М. С—въ. 28) Бесѣда съ раскольниками „о вѣрѣ во Евангеліе“. Свящ. І. И—въ. 29) Наши родные изъ „постниковъ“ и „Не годился“. Свящ. А. С—овъ. 30) Православіе и штунда. Клементій Г—кій. 31) Бесѣда о необходимости и пользѣ законнаго брака въ прав. Церк. Свящ. И. В—овъ. 32) Три бесѣды къ прихожанамъ, живущимъ среди раскольниковъ—о времени, объ Іліи и Енохѣ и объ Антихристѣ. Прот. В. Л—овъ. 33) Пріемышъ „постниковъ“—Клавдія. Свящ. А. С—овъ. 34) Правила объ избраніи единовѣрческаго духовенства. В. Т—инъ. 35) Село Самодуровка. Свящ. П. Ш—кій. 36) Изъ міра старообрядцевъ. Его-же. 37) Время установленія и порядокъ празднованія христіанской Пасхи. Свящ. К. И—овъ. 38) Къ чему мы придемъ. П. Р—кій. 39) Нѣсколько словъ по поводу книжки Усова: „Павелъ Ивановичъ Мельниковъ“. Свящ. С. Ш—кій. 40) О крестномъ знаменіи и перстосложеніи для крестнаго знаменія. Прот. Ф—кій. 41) Раскрытіе Церковнаго ученія о догматѣ искупленія и возрожденія въ связи съ воззрѣніями на него ново-штундистовъ и др. сектантовъ. С. К—овъ. 42) Замѣчательный случай въ единовѣрческой миссіи. В. Т—инъ. 43) Штундизмъ въ Богуславскомъ районѣ его вліяніе на православныхъ. В. Ш—акъ. 44) Вѣдомость о движеніи сектантовъ въ д. Яблоновкѣ. Свящ. П. Ж—кій. 45) Присоединеніе изъ раскола поморской секты Гордѣя Лазарева. Свящ. И. С—овъ. 46) Храмъ и его необходимость, въ дѣлѣ нашего спасенія. Свящ. С. М—усъ. 47) Промыслъ Божій. Свящ. П. Т—кій. 48) Письмо къ именуемымъ у старообрядцевъ окружниковъ священниковъ села Городища. Свящ. С. Ш—кій. 49) За что упрекаютъ раскольники православныхъ пастырей. Свящ. А. Х—въ. 50) Почему общество старообрядцевъ, принимающихъ у себя Австрійскую бѣлокриницкую лжеіерархію, не можетъ составлять изъ себя истинной Церкви. Свящ. П. Т—нъ.

Опечатка. Въ ноябр. кн. на стр. 702, строка 23, вмѣсто вражда слѣдуетъ читать жажда.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 11 Декабря 1901 года.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136

ОГЛАВЛЕНИЕ

статей, помѣщенныхъ въ ежемѣсячныхъ книжкахъ журнала „Мис-
сіонерское Обзорѣніе“ за 2 полугодіе (іюль — декабрь) 1901
года.

I. Руководственные статьи по вопросамъ миссіонерства.

	СТРАН.
Чѣмъ отличается православная вѣра отъ за- падныхъ исповѣданій? <i>Антоній</i> , епископъ уфим- скій іюль—августъ	3— 13
Антиканоническій характеръ австрійской (ста- рообрядческой) іерархіи. Свящ. <i>Н. Поповъ</i> . іюль— августъ	29— 44
декабрь	752—770
О соблазнахъ полемической литературы (по по- воду опубликованія „Отвѣта“ гр. Л. Толстаго I. В. <i>Скворцовъ</i> , П. М. <i>А. Новоселовъ</i> и III. Свящ. <i>І. Фу- дель</i> іюль—августъ	45— 61
До какихъ пагубныхъ и нелѣпыхъ вѣрованій доходятъ сектанты, оставивъ вѣру Церкви? Свящ. <i>Д. Слюсаревъ</i> сентябрь	185—199
ноябрь	556—564
Религіозно-нравственные воззрѣнія Л. Толстаго въ молодости и въ старости (по поводу книги Д. С. Мережковского: „Л. Н. Толстой и Достоевскій“). Свящ. <i>М. Лисицынъ</i> сентябрь	217—232
Насколько правды въ статьѣ г. Шарапова: „Гдѣ правда“? <i>И. П—ій</i> сентябрь	233—248
октябрь	361—371
Лжехристіанство Толстаго предъ судомъ свѣт- ской критики. Свящ. <i>М. Лисицынъ</i> октябрь	337—352
„Каковы дѣла, такова и вѣра“. (Къ миссіонер- ской методикѣ). <i>В. Терлецкій</i> октябрь	353—360
Миссія среди интеллигенціи. (Докладъ, читан- ный въ Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ). Свящ. <i>І. Фудель</i> ноябрь	498—501
Единовѣріе и унія. <i>М. Чельцовъ</i> ноябрь	502—512
декабрь	746—751

Вопросъ о свободѣ совѣсти на Орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ (по поводу доклада г. Стаховича). <i>В. Тернавцевъ</i>	ноябрь	513—528
Докладъ М. А. Стаховича, читанный въ Орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ	ноябрь	528—540
Свобода совѣсти, какъ христіанская основа. <i>Епископъ Никаноръ</i>	ноябрь	540—545
Въ чемъ находятъ себѣ оправданіе мѣры государственнаго принужденія и воздѣйствія на раскольниковъ? <i>Кіев. мисс. свящ. Савва Потпыхинъ</i>	ноябрь	546—549
Свобода совѣсти и русское законодательство о расколо-сектантахъ. <i>Ворон. мисс. Т. Рождественскій</i>	ноябрь	549—555
Библейское ученіе о Словѣ въ современномъ его истолкованіи. <i>М. Старобѣльскій</i>	декабрь	705—711
Нѣсколько критическихъ замѣчаній на рѣчь г. Стаховича о „свободѣ совѣсти“. <i>Епарх. мисс. Иванъ Айвазовъ</i>	декабрь	722—745

II. Статьи по расколу и сектовѣднію.

Уральскіе іеговисты. Проф. <i>Н. Ивановскій</i>	іюль—августъ	14—28
	сентябрь	200—216
Изъ жизни безпоповцевъ за послѣднія десятилѣтія. Свящ. <i>В. Прозоровъ</i>	октябрь	372—380
Болгарская ересь богомиловъ. Свящ. <i>Н. Стеллецкій</i>	октябрь	381—388
Секта хлыстовъ (по отзывамъ иностранныхъ ученыхъ). Проф. прот. <i>Т. Буткевичъ</i>	ноябрь—декабрь	565—573—771—794

III. Миссіонерскіе запросы и отвѣты.

Должно ли погребать по чину православной Церкви лицъ, крещенныхъ въ православіи, но затѣмъ уклонившихся въ расколъ? <i>В. Я—чз.</i>	іюль—августъ	62—65
Имѣетъ ли право судебный слѣдователь въ воскресенье вызывать священника къ допросу? <i>Спб. епарх. мисс. Н. Булаковъ</i>	іюль—августъ	— 65
Должно ли дѣтямъ раскольниковъ и сектантовъ безпрекословно и слѣпо слушаться своихъ родителей въ вопросахъ вѣры и совѣсти?	октябрь	389—392

Историческая справка по вопросу о бракѣ. Прот.	
<i>Іоаннъ Чижевскій</i>	октябрь 393—397
Какъ должно объяснять 22 стихъ LXVII псалма?	
<i>Н. Булаковъ</i>	ноябрь 574—576

III. Изъ миссіонерскихъ записокъ и дневниковъ.

По поводу „Отвѣта Св. Синоду“ гр. Л. Н. Толстого:

1. Мысли Высокопреосвященнаго Антонія, митрополита С.-Петербургскаго и письмо гр. Бобринскаго	іюль—августъ 66—69
2. Сужденія о еретичествѣ Толстого въ католическомъ мірѣ	70—76
Голоса изъ среды мірянъ:	
а) Письмо въ редакцію. <i>Н. И. Б—въ</i>	76—85
б) Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому. <i>П. В—й</i>	85—89
в) О главномъ сомнѣніи гр. Л. Толстого. <i>Мірянъ</i>	89—90
г) Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому. <i>Дѣятель</i>	91—95
д) Письмо въ редакцію по поводу письма графини С. А. Толстой. Московскій врачъ <i>Ө. Н.</i>	96—99
е) Историческая справка. <i>Николай Барсуковъ</i>	99—102
ж) Московское общество трезвости и графъ Л. Толстой	102—105
Со скрижалей сердца. <i>В. Скворцовъ</i> , іюль—августъ	105—109

Еще по поводу „Отвѣта гр. Л. Н. Толстого Св. Синоду“:

1. Открытое письмо къ бывшему единомышленнику графа Толстого М. А. Н—ву. Свящ. <i>Сергій Четвериковъ</i>	сентябрь 249—254
2. Письмо въ редакцію отъ бывшего единомышленника гр. Толстого. <i>М. А. Н—въ</i>	255—256
3. Еще правдивое слово одного изъ раскаявшихся послѣдователей гр. Л. Н. Толстого. <i>М. С—ко</i>	СТРАН. 256—259
4. Письмо гр. Л. Н. Толстому по поводу его отлученія отъ Церкви. Врачъ <i>Апраксинъ</i>	259—261
5. Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому отъ любящаго брата. <i>И. П. Т.</i>	262—263
6. Раскольникъ—старообрядецъ о Л. Н. Толстомъ. Пензен. епарх. мисс. свящ. <i>К. Поповъ</i>	263—266
Разговоры среди друзей по поводу романа Л. Н. Толстого „Воскресеніе“. <i>С. Бронницкій</i>	сентябрь 267—273
	октябрь 398—411

День въ раскольниковомъ скиту. <i>М. Огибенинъ.</i>	сентябрь	274—290
	ноябрь	589—599
Наблюденія и впечатлѣнія миссіонера. Преп. Тульск. сем. <i>Д. Скворцовъ</i>	октябрь	412—425
	декабрь	795 —
Автобіографія и краткая исповѣдь бѣглопловца. <i>Ө. С. Шмаковъ</i>	октябрь	426—434
	ноябрь	600—607
	декабрь	818—828
Имѣеть ли наше внутреннее противораскольническое и противусектантское миссіонерство будущность? <i>Н. Ивановскій</i>	ноябрь	577—580
Къ вопросу о положеніи преподавателей духовныхъ семинарій по каедрѣ расколосектанства. <i>В. Вьялевъ</i>	ноябрь	581—588
	декабрь	—817
Размышленія свѣтскаго человѣка при чтеніи отвѣта гр. Толстого Св. Синоду. Инженеръ <i>И. Л.</i>	ноябрь	608—617
Третье печатное заявленіе изъ семьи Толстыхъ <i>Э. Я.</i>	ноябрь	618—621
Возможенъ ли миссіонерскій обмѣнъ мнѣній съ послѣдователями мохаммеданства. Мисс. прот. <i>Александръ Миропольскій</i>	декабрь	829—831

V. Изъ миссіонерской полемики съ сектантами и раскольниками.

Бесѣда съ штундо-баптистами о судѣ Церкви надъ грѣшниками. <i>Д. Боголюбовъ</i>	іюль—августъ	110—125
Московскія собесѣдованія съ раскольниками:		
1) Догматическое заблужденіе попа Никиты о тайнѣ Тѣла Христова. Свящ. <i>Муретовъ</i>		126—129
2) Разборъ возраженій старообрядцевъ на измѣненія въ обрядовой сторонѣ церковнаго богослуженія. Свящ. <i>Разумовскій</i>		129—181
3) О тайнствѣ причащенія—противъ безпоповцевъ. Свящ. <i>В. Быстрицкій</i>		132—133
Бесѣда съ штундо-баптистами о Христовомъ священствѣ. <i>Д. Боголюбовъ</i>	сентябрь	291—301
Бесѣда съ штундо-баптистами о фарисеяхъ и книжникахъ (по 23 гл. Ев. Матѣя). <i>Д. Боголюбовъ.</i>	октябрь	435—453
Бесѣда съ штундо-баптистами о святомъ покаяніи и помазаніи елеемъ. <i>Д. Боголюбовъ.</i>	ноябрь	622—634

- Имѣлъ ли право м. Амвросій принять расколь-
 ническую паству безъ порученія ея ему? Прот.
Н. Фіалковскій ноябрь 634—645
 декабрь 845—855
- Бесѣда съ штундо-баптистами о св. причащеніи.
Д. Боголюбовъ декабрь 832—844

VI. Миссіонерство, секты и расколъ (хроника).

Благочинническіе миссіонерскіе съѣзды въ Харь-
 ковской епархіи. Харьк. епарх. мис. *Д. Боголюбовъ*.
 июль—августъ 134—148

Витебскій епархіальный миссіонерскій съѣздъ
 и главнѣйшія изъ его постановленій (съ фото-
 типіей участниковъ этого съѣзда). *В. Бяляевъ*.
 сентябрь 302—312

Борьба съ сектой странниковъ Олонецкой епар-
 хіи. *К. П—въ*. сентябрь 313—316

Церковно-приходскія миссіонерскія братства. —
 Миссіонерскіе фонды. — Миссіонерскій отдѣлъ на
 педагогическихъ курсахъ для учителей церковно-
 приходскихъ школъ. — Новыя секты въ молокан-
 ствѣ. — Сектанство въ Прибалтійскомъ краѣ. — Ха-
 рактеръ современной раскольнической литературы.
А. Орловъ. октябрь 454—465

Московский расколъ. Хлопоты заправилъ раскола
 о возвращеніи изгнаннаго Картушина и управле-
 ніе дѣлами безъ него. — Соборъ по поводу подписки
 Картушина. — „Исповѣданіе вѣры“ Арсенія Ураль-
 скаго и попа Механикова. — Возвращеніе Картуши-
 на. — Прерванный соборъ. — Дворникъ—кандидатъ
 въ попы за разсудительность и длинную бороду. —
 Жизнь раскольничьяго архіерея. — Судьба Алух-
 тинки. — Соборы. *Алексій В—въ*. октябрь 465—471

Русское сектантство и противосектантская мис-
 сія въ Закавказскомъ краѣ. Мисс. *В. Обтемперан-
 скій* ноябрь 646—655

Московский расколъ. Картушинъ предсѣдатель-
 ствуетъ послѣдній разъ. — Его промы и молніи на
 лже-поповъ. — Новая моленная. — Паденіе Карту-
 шина и отъѣздъ въ Тулу. — Соборы раскольничьихъ
 архіереевъ въ Нижнемъ. — Неудавшаяся попытка
 учредить патріаршество. — Соборъ въ Москвѣ. —
 Провозглашеніе Онисима Швецова архіепископомъ
 и протестъ Картушина. *Алексій В—въ*. ноябрь 655—659

Посѣщеніе преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ таврическимъ, сектантскаго селенія Астраханки, Бердянскаго уѣзда. Мисс. свящ. *Владиміръ Станиславскій* декабрь 856—864

Епархіальные съѣзды миссіонеровъ Херсонской епархіи въ 1900 и 1901 году.—Примѣрныя пренія и практическая выработка плановъ полемическихъ собесѣдованій.—Совмѣстительство миссіонерской службы съ приходскою, какъ тормазъ успѣха окружной миссіи.—Новый шагъ впередъ въ устройствѣ Херсонской миссіи. Херсон. епарх. мисс. *М. Калмеевъ*. декабрь 865—869

Кто такое Моисей Тодосіенко, вдохновитель павловскихъ сектантовъ на буйство и разгромъ церкви (Съ портретомъ). *Н. Бѣлогорскій*. декабрь 870—874

Московский расколъ. Пріѣздъ Швецова въ Москву.—Раскольниковъ консисторія на Рогожскомъ кладбищѣ и ея дѣянія.—Перемѣщенія поповъ.—Новые кандидаты въ раскольниковъ архіереи.—Успѣхи подпольныхъ братствъ.—Депутація въ Тулу.—Житіе-бытіе въ Тулѣ Картушина. *Алексій В-овъ*. декабрь 874—876

VII. Изъ міра заграничнаго сектантства.

Новая папская булла.—Порядокъ и формула отреченія еретиковъ въ англиканской церкви.—Исламъ и бабизмъ. іюль—августъ 149—156

Вселенскій методистскій соборъ.—Салютистскія учрежденія.—Переходъ 2 тысячъ католиковъ въ протестантство.—Пропаганда навыворотъ.—Новая секта въ Англіи. поябрь 660—665

VIII. Лѣтопись печати по вопросамъ миссіи.

Идеалы православнаго инородческаго миссіонерства.—Значеніе Церкви въ жизни христіанина. *Э. О.* октябрь 472—476

IX. Библиографическіе отзывы о сочиненіяхъ.

Іюль—августъ:

В. Давиденко. Записка о засѣданіяхъ харьковскаго миссіонерскаго совѣта 18—20 августа 1899 г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній. *А. Орловъ*. 157—159

К. Сильченковъ. Къ вопросу о психологическихъ основахъ христіанства, о возможности и значеніи научно-художественнаго изображенія Господа нашего Іисуса Христа. *А. Ф-нъ*. 160—164

Гермонахъ Георгій (Ярошевскій). Соборное посланіе св. апостола Іакова. Опытъ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія. *М. Леоновичъ*. 165

Сентябрь:

Голубинскій, Е. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, *М. Челъцовъ*. 817—318

Клитинъ, А. М., свящ. Отношеніе богословской науки къ всемірнымъ задачамъ Богочеловѣка. *М. Леонъ вичъ*. 818—320

Александръ Аннинскій. Исторія Армянской Церкви (до XIX вѣка). *Н. Ш.* 820—322

Октябрь:

Свящ. Іуст. Ольшевскій. Бсрьба со штундой. *Н. Булаковъ*. 476—479

Еп. Виссаріонъ. О расколѣ и по поводу раскола. Семнадцать проповѣдей. Изд. 2-е. *М. Челъцовъ*. . . 479—480

Ноябрь:

Прот. Соловьевъ. Посланіе Св. Синода о гр. Л. Толстомъ. *В. К.* 660—668

Проф. Бронзовъ. „О христіанской семьѣ“ и „О любви къ отечеству, по поводу взглядовъ гр. Л. Толстого“. *В. К.* 668—673

Прот. Дебольскій. Дни богослуженія православной Церкви. *Н. Ш.* 674

Декабрь:

Ириней, епископа екатеринбургскаго, поученія. Свящ. *М. Лисицынъ*. 877—879

Свящ. Иларіонъ Джаши. „Общество славянское, Елпсаветпольской губ.“. *Я. Ж.* 880—881

Свящ. Е. Зубиревъ. „О символическомъ значеніи креста и крестнаго знаменія“ (къ полемикѣ со старообрядцами-раскольниками). *Я. Ж.* 881—882

Х. Миссіонерскій Вѣстникъ.

Возрожденіе иконописи.—Возвращеніе святышаго Іоакима III на константинопольскій партіаршіи престолю и посланіе Антонія, еп. уфимскаго.—Торжество закладки миссіонерскаго храма и общепархіальнаго дома въ Москвѣ.—Обрядъ возведенія на кафедру католическаго митрополита.—Витебскій миссіонерскій съѣздъ.—Памяти почившаго миссіонера.—Нѣмецкая газета объ о. І. Кронштадтскомъ.—Вынужденное объясненіе. — Объявленіе о лампадномъ маслѣ іюль—августъ 166—176

Предостереженіе г. Министра Вн. Дѣлъ старо- обрядцамъ. — Некрологъ. — Миссіонерскій сино- дичъ. — Къ вопросу объ увѣковѣченіи памяти по- чившихъ миссіонеровъ (письмо въ редакцію). — Возраженіе на статью „Современные пропаганди- сты раскола“. — Миссіонерскія новости. — Именные иконы	сентябрь	324—336
Памяти въ Бозѣ почившаго высокопреосвящен- наго архіепископа Харьковскаго Амвросія (съ фо- тотипіей портрета почившаго). В: С.		481—486
Неслыханное изуверство сектаптовъ, какъ плодъ толстовскаго просвѣщенія, Д. Боголюбовъ	октябрь	486—489
Комиссія при учебномъ комитетѣ. — Новая га- зета. — Миссіонерскія новости.		489—490
Миссіонерскіе съѣзды въ Орлѣ и Новгородѣ. Э. Я.		490—495
Послѣднія извѣстія.		496
Распоряженіе. — Отрадныя вѣсти. — Майноскіе единовѣрцы. — Православіе въ Персіи. — Изуверство раскольниковъ. — Критика толстовства въ универ- ситетѣ. — Къ вопросу о несомѣстительствѣ долж- ности епархіальнаго миссіонера. — Возраженіе на статью: „Современные пропагандисты раскола“.	ноябрь	675—689
Со скрижалей сердца. — Два слова къ читателю. — Нижегородскія впечатлѣнія и наблюденія. — Достой- ное вниманія письмо интеллигента. — Духоборы. — Проектъ и др. В. Скворцовъ.	ноябрь	690—704
Письмо въ редакцію. О миссіонерскихъ казан- скихъ курсахъ. — Намъ пишутъ (о мѣстной шут- кѣ). — Сообщеніе миссіонера въ военномъ собра- ніи. — Еще о нынѣшнемъ положеніи духоборовъ въ Канадѣ. — Ген. Драгомировъ о толстовской пропо- вѣди „непротивленія злу“. — Духовное наслѣдство отъ XIX вѣка. — Распространеніе христіанства въ XIX вѣкѣ.		889—892
Со скрижалей сердца.		

Народно-Миссіонерская Библіотечка для подписчиковъ на 1902 годъ.

I. Отвѣты изъ Слова Божія:

1. О Церкви Христовой.
2. О пребываніи и дѣйствіи Св. Духа въ Церкви.
3. О таинствѣ Крещенія.
4. О таинствѣ Миропомазанія.
5. О таинствѣ Причащенія.
6. О Крещеніи младенцевъ.
7. О почитаніи святыхъ угодниковъ.
8. О молитвенномъ ходатайствѣ святыхъ угодниковъ.
9. О почитаніи Пресвятой Богородицы.
10. О внутреннемъ достоинствѣ священниковъ и соотвѣтственномъ тому отношеніи мірянъ.
11. О почитаніи Св. Иконъ. Ц. 5 ж.
12. О святылищѣ или храмѣ.
13. О пищѣ и питіи.
14. О вѣнчаніи и помазаніи царей на царство.
15. О вѣрѣ и дѣлахъ.
16. О клятвѣ.
17. О постѣ.
18. О молитвѣ за живыхъ и умершихъ.
19. О приношеніяхъ въ храмъ.
20. О прославленіи св. угодниковъ.
21. О таинствѣ Священства.
22. О таинствѣ Брана.
23. О ветхозавѣтныхъ жертвахъ.
24. О богослуженіи.
25. О нѣкоторыхъ обрядахъ священнодѣйствія и о принадлежностяхъ богослуженія.
26. О благословеніи вообще и священно-іерейскомъ въ частности.
27. О томъ, какъ и почему священники носятъ длинные волосы, покрываютъ голову во время богослуженія, и о священныхъ одеждахъ.

Святоотеческія наставленія.

28. Св. Кипріяна. Твердо держитесь св. Церкви.
29. Св. Иринаея. Не уклоняйтесь отъ св. Церкви.
30. Святоотеческія увѣщанія къ христіанамъ, немирствующихъ съ пастырями.

II. Апологетическіе и религіозно-назидательные очерки.

31. Молитва миссіонера о заблудшихъ.
32. Какъ совершается богослуженіе у старообрядцевъ. Ц. 10 к.
33. Судебный процессъ Блякивича. Ц. 25 к.
34. О старыхъ и новыхъ событіяхъ въ рационалистическомъ сектантствѣ. Ц. 5 к.
35. Юбилейное торжество единовѣрія. Ц. 10 к.
36. Миссіонерская памятка для приходскихъ пастырей. Ц. 10 к.
37. Разговоры среди друзей по поводу романа „Воскресеніе“. Ц. 20 к.
38. Курское иконоборческое злодѣяніе. Ц. 15 к.

III. Духовно-беллетристическіе и религіозно-бытовые рассказы и очерки изъ жизни и лжемудрованій рационалистическаго сектантства и раскола.

39. Противощтундовый катихизисъ. Ц. 7 к.
 40. Доблестный хранитель дѣвства Мартиніанъ. (Стихотвореніе въ обличеніе сектъ, отвергающихъ бракъ).
 41. Бесѣды двухъ друзей о продолжительности царствованія антихриста. Ц. 5 к.
 42. Бесѣда двухъ друзей православнаго и безпоповца о лѣтахъ 1666-ти и о лицѣ антихриста. Ц. 5 к.
 43. Бесѣда двухъ друзей православнаго и безпоповца о таинствахъ вообще и таинствѣ крещенія въ частности. Ц. 5 к.
 44. Разговоръ православнаго съ молоканиномъ.
 45. Бесѣда христіанина съ магометаниномъ. Ц. 7 к.
 46. Бесѣда пріятелей.
 47. На богомолье.
 48. Вожаки сектантства. Ц. 10 к.
 49. Кающаяся хлыстовка. Ц. 10 к.
 50. Какъ нашъ бирюкъ попалъ въ скопческую ересь. Ц. 10 к.
 51. Заблудшій сынъ у постели умирающей матери.
 52. Хозяинъ и работникъ.
 53. Защита бѣлокриницкаго устава. Ц. 10 к.
 54. День въ раскольничьемъ скиту. Ц. 10 к.
 55. Русскій штундистъ за границей. Ц. 5 к.
- Цѣна прочимъ листкамъ 2—3. к.

Цѣна Библіотеки 2 руб., для подписчиковъ „Мисс. Обзоръ“, присылающихъ свои требованія одновременно съ подпискою на журналъ Ц. I. р. 80.